This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

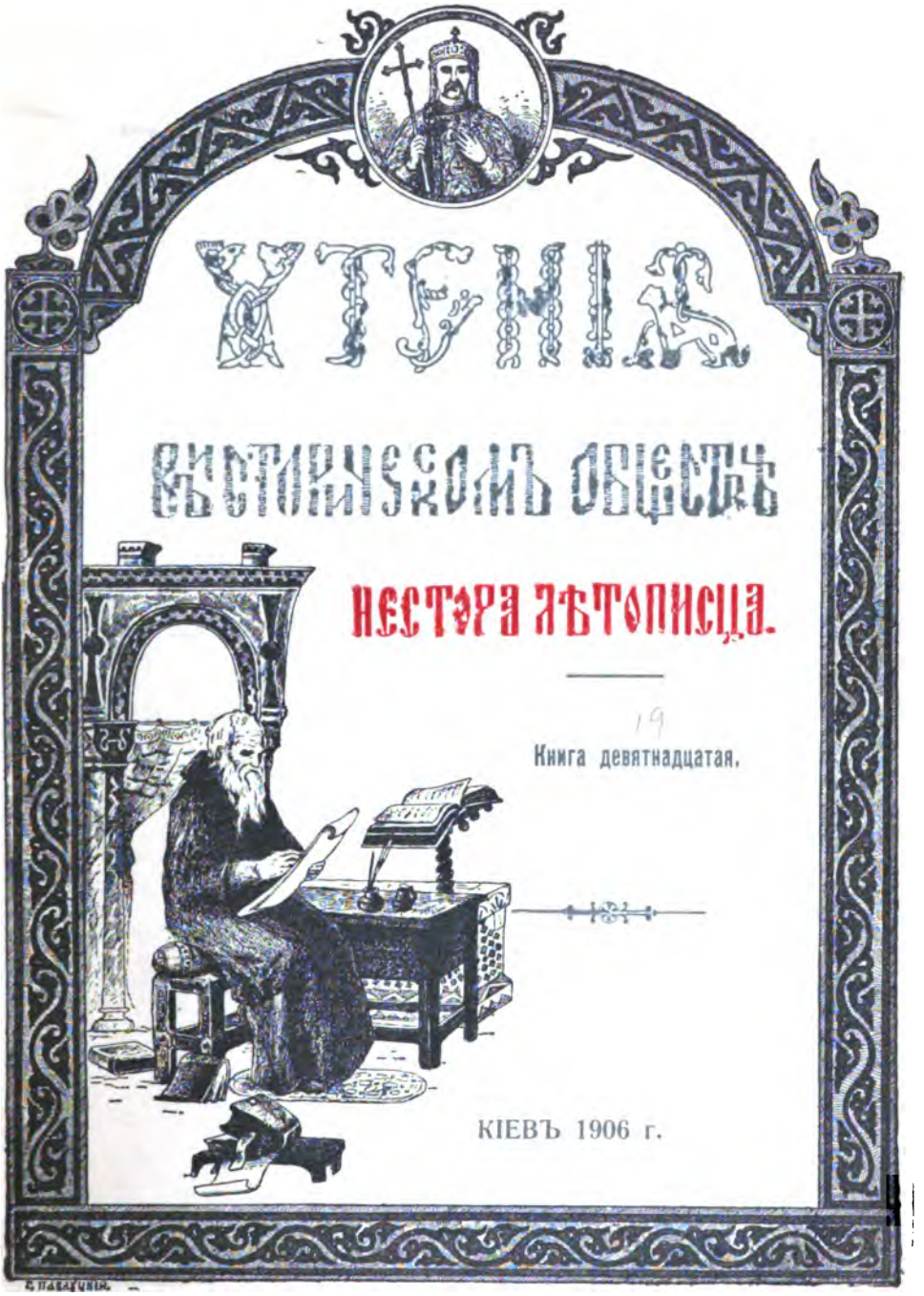
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 381.70

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

Slav 25.125



ЧТЕНІЯ

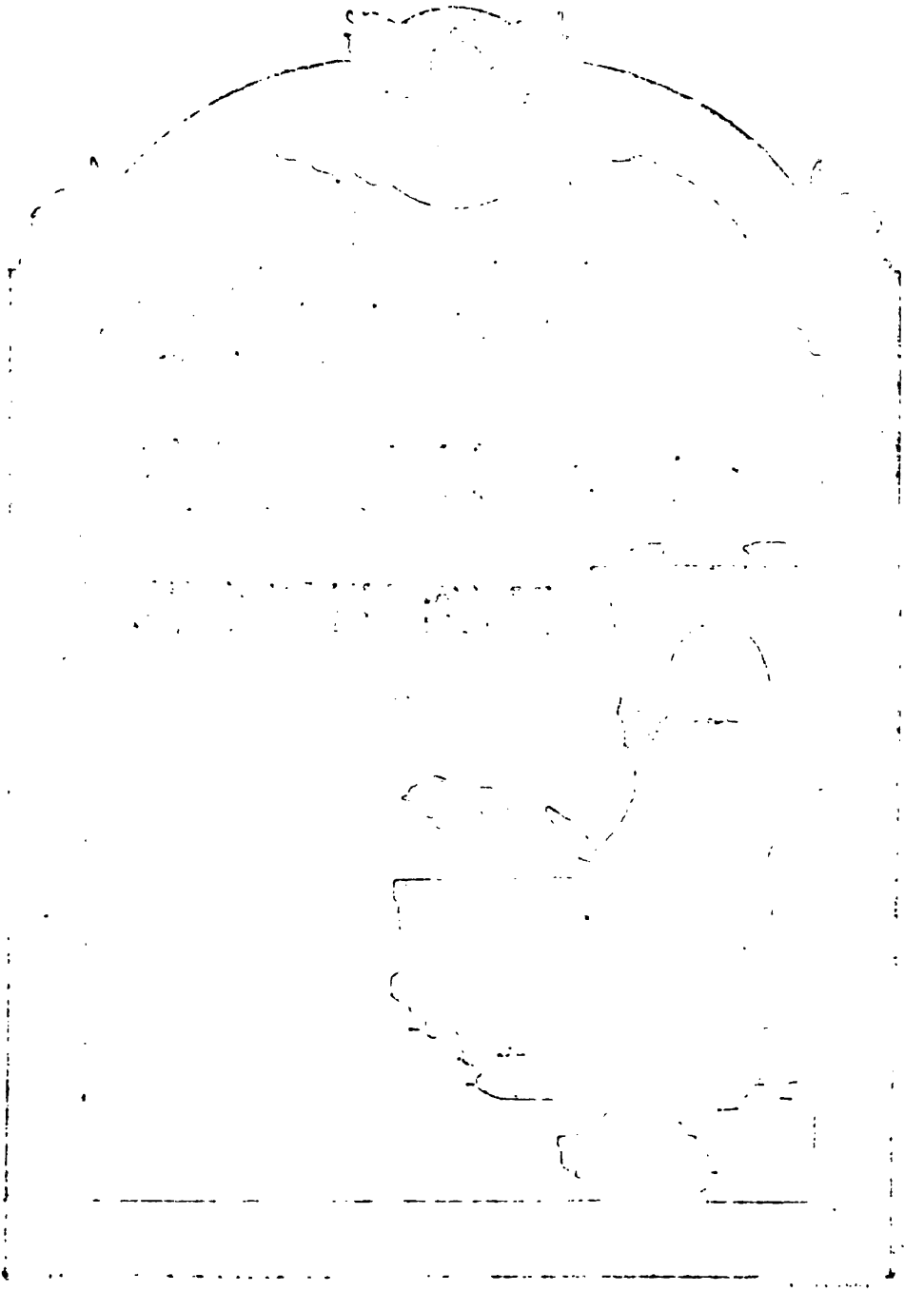
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

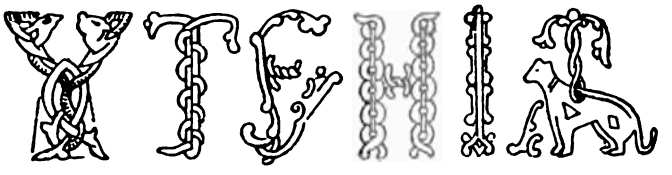
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

19

Книга девятнадцатая.

КІЕВЪ 1906 г.





ВСТОРИЧЕСКІЙ ОБЩЕСТВЪ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга девятнадцатая.

Выпускъ I.— IV

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1906.

P Slav 381.70

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
OCT 8 1951

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XIX-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й.

стр.

Посвященіе настоящей книги и списокъ трудовъ проф. В. С. Иконникова, съ приложеніемъ его портрета и факсимиле 1

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній.

Вып. 2-й.

Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія.—*А. С. Грушевскаго* 3

Изображеніе храма въ древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ.—*Г. Г. Павлуцкаго* 4

Придорожные кресты, иконы и статуи святыхъ въ селахъ Кіевскаго уѣзда.—*И. М. Каманина* . . . 5

Дубровницкій Статутъ.—*Т. Д. Флоринскаго* 7

II

стр.

Хиландарскій синаксарь преп. Саввы Сербскаго.—*А. А. Дмитріевскаго* 10
Ученая дѣятельность А. Н. Пыпина.—*А. М. Лободы* . 11
Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина.—*В. А. Чаговца* 11
Славяно-русскій Троянъ и императоръ Траянъ.—*Н. П. Дашкевича* 13
О существованіи въ Кіевѣ латинскихъ храмовъ.—*А. В. Стороженка* 16
Новооткрытый альбомъ видовъ и рисунковъ г. Кіева 1657 г.—*Н. И. Петрова* 19
О формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVI и XVII в.в.—*О. И. Левицкаго* 22
О времени существованія г. Переяславля.—*П. В. Голубовскаго* 24
Олексій Поповичъ думы „про бурю на Чорному морі".—*Н. П. Дашкевича* 28
Что представляетъ собою „село" и „вервь" Русской правды?—*М. Н. Ясинскаго* 31
Основныя положенія, выработанныя особой при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіей по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій.—*Ю. А. Кулаковскаго* 34
Старинныя деревянныя синагоги въ Юго-Западномъ краѣ.—*Г. Г. Павлуцкаго* 39
Докладъ коммиссіи, избранной Обществомъ по вопросу объ охранѣ древнихъ памятниковъ и зданій . 42

Вып. 3-й.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.—*А. М. Лободы* 46
Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Русскимъ.—*Н. П. Дашкевича* 56

стр.

Нѣсколько вводныхъ словъ о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ.—*Н. П. Дашкевича* 59

Достоевскій, какъ человѣкъ и писатель.—*И. А. Сикорскаго* 63

Новая теорія о происхожденіи Руси.—*Ю. А. Кулаковскаго.* 68

Памяти историка Малороссіи Н. И. Костомарова.—*А. С. Грушевскаго* 70

„Горькая судьбина" Писемскаго и ея литературный прототипъ.—*А. М. Лободы* 73

О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ.—*Г. М. Бараца* 74

Вып. 4-й.

Неизданная служба въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки.—*А. А. Дмитріевскаго* . . 79

Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Ямпол. уѣз. Подол. губ.).—*И. М. Каманина* 80

Результаты работъ по подготовкѣ къ XIV-му Археологическому съѣзду въ г. Черниговѣ.—*граф. П. С. Уваровой* 82

О мнимомъ судѣ Божіемъ и о судѣ 12 мужей по Русской Правдѣ и по Закону Судному.—*Г. М. Бараца.* 84

Доля и Горе въ народной сказкѣ.—*А. И. Сонни* . . 88

Памятники каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полтавской губ.—*Г. Г. Павлуцкаго* . 94

„Три старца" Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня.—*Ю. А. Яворскаго* . . . . . 97 и 99

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й.

Романтическій міръ Гоголя.—*Н. П. Дашкевича* . . . 3

Вып. 2-й.

Древности г. Люблина.—*А. В. Стороженка* 35

Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ" (эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.).—*А. С. Грушевскаго* . 51

стр.

Вып. 3-й.

Судьба грамоты кн. Романа Галицкаго.—*И. М. Каманина.* 71

Вып. 4-й.

О путешествіи изъ Вѣны въ Москву въ 1655 г. Франа Гундулича.—*М. П. Петровскаго* 81

Подбережная каменная стѣна въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, сооруженная въ 1199—1200 г.г.—*С. Т. Голубева* 88

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—*Сообщилъ П. В. Голубовскій* 1

Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни.—Сообщилъ *О. А. Фотинскій* 33

Вып. 2-й.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 51

Изъ переписки Запорожья XVI в. съ польскими вельможами.—Сообщилъ *А. В. Стороженко* 67

Вып. 3-й.

Новыя подробности изъ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Оришовскаго—Сообщилъ *А. В. Стороженко.* 73

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 81

Вып. 4-й.

Опись лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 году.—Сообщилъ *В. Л. Модзалевскій.* 105

стр.

Отдѣлъ IV.

Вып. 1-й.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви.—*Ѳ. И. Титова* . . . 3

Вып. 2-й.

Черниговскій историко-археологическій отрывочный календарь на 1906 г.— *П. В. Голубовскаго* . . . 21

А. К. Петровъ: О подложности грамоты князя Ѳедора Коріатовича 1360 г. („Статьи по славяновѣдѣнію", изд. Императ. Академіи Наукъ).—*А. И. Соболевскаго* 25

J. T. Lubomirski: Adam Kisiel, wojewoda Kijowski. Warszawa, 1905.—*И. М. Каманина* 27

Вып. 3-й.

Замѣтки о новыхъ книгахъ.—*А. В. Стороженка* . . . 31

Вып. 4-й.

Къ вопросу о народности Македонскихъ славянъ.—*Т. Д. Флоринскаго* 39

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

Библіографическій вопросъ.—*А. И. Соболевскаго* . . . 1

Вып. 2-й.

Грамматика І. Ужевича 1643 г.—*Его-же* 3

Вып. 3-й.

Конецъ Кіевскихъ календарей.—*Его-же* 6

Приходо-расходныя книги Азовскаго Предтечева монастыря, 1699—1701 г.г. (къ характеристикѣ монастырскаго быта).—*Н. Н. Оглоблина* . . . . . 11.

Въ 1905 году исполнилось 40-лѣтіе со времени выхода въ свѣтъ перваго крупнаго научнаго труда извѣстнаго нашего историка и почетнаго члена Историческаго Общества Нестора - лѣтописца, заслуженнаго профессора Университета св. Владимира, Владимира Степановича Иконникова.

Его неустанные и непрерывные труды по русской исторіографіи и по исторіи Россіи давно уже снискали автору глубокое уваженіе, благодаря отличающей автора ихъ строгой точности, добросовѣстности, объективности и обстоятельнѣйшей эрудиціи, какими могутъ похвалиться немногіе изъ нашихъ историковъ.

Равнымъ образомъ имя В. С. Иконникова пребудетъ дорого Историческому Обществу Нестора-лѣтописца въ силу того значительнаго вклада энергіи и почина, который внесъ въ организацію и дѣятельность Общества бывшій уважаемый предсѣдатель его.

Относясь за все это съ глубокою признательностью къ В. С. Иконникову, Историческое Общество рѣшило посвятить ему настоящую XIX книгу своихъ „Чтеній“, украсивъ ее портретомъ юбиляра и спискомъ его трудовъ.

Списокъ трудовъ профессора В. С. Иконникова.

1. *Максимъ Грекъ*, въ 2-хъ вып., 365 стр., in-8, Кіевъ 1865—1866, магистерская диссертація (Универс. Изв. и отд.);

2. *По поводу сочиненія Костомарова:* Кто былъ первый Лжедмитрій (Универс. Изв. 1865, №№ 2 и 3, стр. 22—56, 1—12);

3. *Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка*, Кіевъ 1866, 85 стр. in-8 (Унив. Изв. 1866, №№ 1 и 2, стр. 1—44, 1—40 и отд.);

4. *Очеркъ разработки русской исторіи въ XVIII столѣтіи*, лекція, Харьковъ, 1867, 27 стр., in-8 (Проток. Харьк. унив. 1867, т. I и отд.);

5. *Общій взглядъ на развитіе науки русской исторіи*, вступ. лекція, Кіевъ, 1868, 22 стр., in-8 (Унив. Изв. 1868; № 10 и отд.);

6. *Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи*, Кіевъ, 1869, 562 стр., in-8, докторская диссертація (Унив. Изв. 1869, № 1—12 и отд.);

7. *Моимъ критикамъ*, по поводу предшествующаго сочиненія, Кіевъ, 1870, 99+102 стр., in-8 (Унив. Изв. 1870, № 1—5 и отд.);

8. *Скептическая школа въ русской историографіи и ея противники*, Кіевъ, 1871, 106 стр., in-8 (Унив. Изв. 1871, №№ 9, 10, 11 и отд.);

9. *Мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова*, съ примѣч. (Рус. Стар. 1872);

10. *Графъ Н. С. Мордвиновъ*. Историческая монографія, составленная по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ (по фамильнымъ бумагамъ гр. Мордвинова и документамъ Рѣшетиловской библіотеки), съ портретомъ, Спб. 1873, 578 стр., in-8;

11. *Русская женщина наканунѣ реформы Петра В. и послѣ нея*. Сравнительно-историческій очеркъ (двѣ публичныя лекціи въ пользу голодающихъ Самарской губ. и недостаточныхъ студентовъ), Кіевъ, 1874, 102 стр., in-8 (Унив. Изв. 1874, №№ 5 и 6 и отд.);

12. *Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка*. Соч. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, ч. I, Ярославль, *Рецензія*, 24 стр. (Унив. Изв. 1874, № 11);

13. *Николай Ивановичъ Новиковъ*, издатель журналовъ 1769—1785 г.г., А. Незеленова, Спб. 1875. *Рецензія*, 27 стр. (Унив. Изв. 1875, № 7);

14. *Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій*. Критико-біографическій очеркъ (Древ. и Нов. Россія 1875, т. II, стр. 20—32, 129—140, 217—231, in—4, съ изображеніемъ; въ переработанномъ видѣ въ Чтеніяхъ Общества Нестора-лѣтописца, кн. I, стр. 102—173);

15. *Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія* (Вѣстникъ Европы 1876, №№ 9, 10 и 11, стр. 161—206, 492—550, 73—132, in-8);

16. *Свѣдѣнія о личномъ составѣ профессоровъ, преподавателей и учащихся въ университетѣ св. Владиміра за 1863—1875 гг.* (Унив. Извѣстія 1875 г. № 4, стр. 19—33).

17. *Перечень сочиненій, изданныхъ съ 1863 г. наличными преподавателями Университета св. Владиміра* (ibid. 1875, № 5, стр. 12—34, и № 6, стр. 33—48).

18. *Нѣсколько словъ по поводу новыхъ данныхъ о нашихъ университетахъ* (Унив. Изв. 1876, № 12, стр. 1—18);

19. *Обзоръ литературы русской исторіи за 1874, 1875 и 1876 г.г.* три статьи, 153 стр. (изъ Унив. Изв. 1875, № 8;

1876, № 5; 1877. № 7, стр. 207—248, 130—193, 235—278); нѣмецкій переводъ этихъ статей, съ согласія автора, былъ помѣщенъ въ Russische Revue 1878 г.;

20. *Обзоръ чеперіодиской литературы русской исторіи за 1874—1876* (Унив. Изв. 1878, № 6, стр. 157—278);

21. *Древности права Балтійскихъ славянъ*, соч. А. А. Котляревскаго. *Рецензія* (Сбор. Госуд. знаній, т. II, Спб. 1875, 155—162);

22. Архивъ Юго-западной Россіи, ч. II, т. II. *Рецензія* (ibid., т. IV, 1877, стр. 46—49);

23. Архивъ Правительствующаго Сената, Баранова; т. I—III, 1872, 1875, 1878; *Рецензія* (ibid., т. IV, 1878, стр. 56—68);

24. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива 1-го отд. собств. Е. И. В. канцеляріи. Вып. I. Спб. 1876, Сборникъ газеты Сибирь, Спб., 1876. *Рецензія* (Древ. и Нов. Рос. 1877, № 4, стр. 393—397);

25. *Арсеній Мацѣевичъ*, митр. Ростовскій, 1697—1772. Эпизодъ изъ исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Россіи (Рус. Стар. 1879, № 4, 5, 6, 9 и 10, стр. 731—752, 1—34, 577—608, 1—34, 177—198, съ портретомъ);

26. *О. М. Бодянскій*, очеркъ жизни и дѣятельности (Рус. Стар. 1879, № 5, стр. 205—214);

27. *Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 г.* (Рус. Стар. 1880, №№ 2 и 3, стр. 423—452, 619—634);

28. *Графъ Н. П. Румянцевъ.* Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи (Рус. Стар. 1881, №№ 9 и 10, стр. 47—74, 225—250);

29. В. Прохоровъ. Матеріалы по исторіи рус. одеждъ и обстановки жизни народной. *Рецензія* Спб. 1881 (Кіев. Стар. 1882).

30. *Время Екатерины II.* Спец. курсъ, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ Университетѣ св. Владиміра и на Высшихъ женскихъ курсахъ (съ подробнымъ указаніемъ литера-

туры), Кіевъ 1881—82 (литографія). 4 вып. (42 лекціи за періодъ 1761—1775 г.), стр. 509; изданіе не продолжалось.

31. К. Я. Гротъ. Моравія и Мадьяры съ полов. IX в. до нач. X в.; *рецензія* (К. Стар. 1882, 5 стр.);

32. И. Михалевичъ. Каменецъ-Подольская гимназія. Истор. записка о 50-лѣтіи ея существованія. К. Под. 1883; *рецензія* (тамъ же);

33. Акты, изд. Виленск. Археографич. Ком., т. XII. Акты Главнаго Литовскаго трибунала. В. 1883; *рецензія* (Кіев. Стар. 1883, 4 стр.);

34. А. Сапуновъ. Витебская Старина. Вит. 1883; рецензія (К. Стар. 1883, 4 стр.).

35. *Ближній бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ*, одинъ изъ предшественниковъ реформы Петра Вел. (Рус. Стар. 1883, №№ 9 и 10, стр. 17—66, 273—308);

36. *Университетская типографія*, историч. записка, съ 2 таблицами (Историко-статистичес. записки объ ученыхъ учрежденіяхъ Университета св. Владиміра), 1884, 67 стр.

37. *Редакція Универ. Извѣстій.* Историч. записка (тамъ же, 33 стр.);

38. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. *Рецензія* на соч. Д. Ѳ. Кобеко (Спб. 1885, въ Отчетѣ Имп. Ак. Наукъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ), 83 стр.

39. *Историческія замѣтки: Сынъ ближняго боярина Воинъ Ординъ-Нащокинъ. Н. С. Арцыбашевъ и Н. Г. Устряловъ* (Р. Архивъ 1886).

40. Рядъ біографическихъ и историческихъ статей на буквы B—G, помѣщ. въ Deutsche Encyclopädie, изд. въ Рудольфштадтѣ. 1886 и 1887 гг.

41. *Новыя изслѣдованія и матеріалы о времени Петра Вел.* (1887 Универ. Извѣстія 66 стр.)

42. *Письма С. А. Неплюева къ новобрачной дочери* (К. Стар. 1888 г., 5 стр.);

43. *Баронъ К. А. гр. Гейкингъ, 1751—1809* (Р. Стар. 1888, 4 стр.);

44. *Ссыльные и заточенные въ Соловецкомъ мон.* (Р. Стар. 1888, 8 стр.);

45. *Банкиръ Сутерландъ.* Замѣтка (Р. Стар. 1888);

46 *Еп. Моисей Гумилевскій,* историч. замѣтка о его насильственной смерти (Р. Стар. 1888);

47. *Новыя изслѣдованія и матеріалы о патр. Никонѣ* (Унив. Изв. 1888, 76 стр.);

48. *Сенатъ въ царствованіе Екатерины II* (Рус. Архивъ, 1888, 22 стр.);

49. *Н. С. Арцыбашевъ—историкъ* (Крит.-библіографич. словарь рус. писателей Венгерова, I, 1889, стр. 818—826);

50. *Бантышъ—Каменскій* (тамъ же, II, стр. 91—100);

51. *Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени:* С. Ѳ. Платонова: „Сказанія о смутномъ времени" и г. Левитскаго: „Лжедмитрій I, какъ пропагандистъ католичества" (Унив. Изв. 1889, 92 стр.);

52. *Библіографическій листокъ историческихъ книгъ,* веденный въ Рус. Старинѣ и Универ. Извѣстіяхъ съ 1875 по 1890 годъ и заключающій отзывы о 300 слишкомъ изданіяхъ;

53. *Новыя коллекціи рукописей въ Россіи.* Библіографич. замѣтки (Унив. Изв. 1890, 29 стр.);

54. *Губернскія архивныя коммиссіи* 1884—1890 (Унив. Изв. 1890, 36 стр.);

55. *Страница изъ исторіи Екатерининскаго наказа*—объ отмѣнѣ пытки въ Россіи (Чтен. въ Общ. Нестора-лѣтописца, кн. V, 1890);

56. *Ал. Андр. Беклемишевъ* (1743—1808), малорос. военный генер.-губер., Кіев. воен. губ., генералъ—прокуроръ (Кіев. Стар. 1890, 50 стр.);

57. *Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III* (Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтописца, кн. IV, 1890, 18 стр.);

58. *О разборѣ архива гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго,* зап. М. О. Судіенка, сообщеніе (въ Чтеніяхъ Общ. Нестора-лѣтописца, 1891, кн. VII, 5 стр.);

59. *Опытъ русской исторіографіи,* два тома свыше 2500 стр. Кіевъ 1891—92;

60. *Рецензія на соч. П. Н. Буцинскаго*: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ", Харьк. 1889 (Унив. Изв. 1892, 17 стр.);

61. *Павелъ Конюшкевичъ, митр. Тобольскій, 1758—1768* (Р. Стар. 1892, 9 стр.);

62. *Сношенія Россіи съ Франціей* (XVI—XVIII в.). Историч. очеркъ (Кіевлянинъ, 1893, и отд., 62 стр.);

63. *Кіевъ въ 1654—1855, гг.* Историч. очеркъ, приготовленный для сборника, изд. Университетомъ въ 1895 г. (напечатано было въ извлеченіи и съ измѣненіями);

64. *А. Г. Брикнеръ* († 1896). Историч. поминка (въ Чтен. Общ. Нестора-лѣтописца 1896, кн. XII, 13 стр.);

65. *Значеніе царствованія Екатерины II*, публичн. чтеніе въ Общ. Нестора-лѣтописца (Чтен. въ Общ. Нест.-лѣт. 1897 г., кн. XII, 106 стр.)

66. *Russland seit 1613 j.* Обзоръ рус. и иностр. историч. литературы за 1897 г. (*Jahresber. d. Geschichtswissenschaft*, 1898, 29 стр.);

67. *Прошеніе гражданъ г. Нѣжина* о запрещеніи евреямъ розничной торговли, 1797 г., съ примѣч. (Кіев. Стар. 1898, 4 стр.);

68. *Рецензія на соч.: „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ въ Стародубьи XVII—XVIII в. М. Лилеева.* (Унив. Изв. 1897, 21 стр.);

69. *Russland seit 1613.* Обзоръ рус. и иностран. историч. литературы за 1898—99 гг. (*Jahresber. d. Geschichtswissenschaft,* 1900, 46 стр.);

70. *К. Н. Бестужевъ—Рюминъ* († 1897), историч. поминка (Чтен. въ Общ. Нестора-лѣтописца 1898, т. XII, 13 стр.);

71. *По поводу записокъ декабриста С. Г. Волконскаго* (Р. Арх. 1899, 3 стр.);

72. *Историч. воззрѣнія Пушкина.* Монографія, приготовленная въ 1899 г. для юбилейнаго сборника, изд. университетомъ св. Владиміра (рукопись);

73. *Новый трудъ по исторіи смутнаго времени* — о соч. С. Ѳ. Платонова (Журн. Мин. Нар. Просв., 1900, 56 стр.);

74. *Борецкіе, Марѳа посадница и ея семья* (Рус. Истор. Словарь, 1903, 104 стр.);

75. *И. Н. Болтинъ.* Историческіе труды, 1908 (Слов. Рус. Истор. Общества, 40 стр.);

76. *Высшій судъ и надзоръ въ первую половину царствованія Екатерины II,* рецензія на соч. Грибовскаго (Отчетъ о присужденіи Уваров. наградъ Имп. Акад. Наукъ, 1903, 56 стр. 4°);

77. *Кіевъ въ 1654—1855 гг.* Историческій очеркъ, въ переработанномъ и пополненномъ видѣ (Кіев. Стар. 1904 г. и отд. 365 стр.);

78. *Крестьянское движеніе въ Кіевской Губ. въ 1826—27 гг., въ связи съ событіями того времени* (по архивнымъ матеріаламъ). Изъ сборника въ честь В. И. Ламанскаго. Спб. 1905, 92 стр.;

79. *Опытъ русской исторіографіи* т. II, кн. 3 и 4; отпечатано свыше 1000 стр.

Кромѣ того профессоромъ В. С. Иконниковымъ редактированы:

1) Университетскія Извѣстія съ 1873 г.—по настоящее время;

2) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. I я, К. 1879, 317 стр.;

3) а) Положеніе о Высшихъ женскихъ курсахъ, учрежд. въ Кіевѣ. К. 1881; в) Историческая записка и отчетъ о Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, Кіевъ, 1884 г.

4) Юбилейныя изданія Университета св. Владиміра: а) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Унив. св. Владиміра", 816 стр. в). Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ Имп. Унив. св. Владиміра 1834—1884 гг., съ рисунк., планами и таблицами, 484 стр.; с) Академическіе списки Имп. Унив. св. Владиміра, 200 стр.; д) Юбилейный актъ Имп. Унив. св. Владиміра, 304 стр.—всѣ въ 1884 г.; е) Указатель къ оффиці-

альной и неоффиціальной частямъ Университет. Извѣстій 484 стр.;

5) Указатель къ неоффиціальной части Университета св. Владиміра 1884—96, 62 стр.;

6) Кіевъ и Университетъ св. Владиміра при Императорѣ Николаѣ I, 100 стр. 4°, съ видами, К. 1896;

7) Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра (8 выпусковъ)

8) Памяти Пушкина, „Сборникъ, изд. по поводу юбилея поэта въ 1899 г., 404 стр.

Отдѣлъ I.

Лѣтопись дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.

I. Засѣданіе 14 ноября 1904 г.

Въ настоящемъ засѣданіи были прочтены доклады:

а, Г-мъ **А. С. Грушевскимъ:** „*Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія*".

Тяжелыя земляныя работы, главнымъ образомъ, работы по сооруженію крѣпостей и рытью Ладожскаго канала, въ которыхъ принимали участіе и малороссы, настолько врѣзались въ память народа, что оставили слѣдъ въ его пѣсняхъ. Работы по сооруженію крѣпостей Кіево-Печерской, Дербентской, Астраханской, Царицынской и т. д. были очень тяжелы для малорусскихъ козаковъ, но еще тяжелѣ были работы по постройкѣ Ладожскаго канала, гдѣ козаки, вслѣдствіе климатическихъ условій, гибли въ большомъ количествѣ. Въ 1721 году на работы по сооруженію Ладожскаго канала было наряжено 10000 козаковъ; столько-же было наряжено и въ 1722 году; въ 1723 году отправкѣ козаковъ на каналъ помѣшали обстоятельства. Такъ какъ работы эти были очень тяжелы, то козаки, не исключая и старшины, всячески отлынивали отъ нихъ. Въ сохранившемся донесеніи Кременчугскаго сотника Ильяшенка изображены тяжелыя условія этихъ

работъ. Уже на пути къ мѣсту работъ козаки испытывали большія лишенія. Самыя работы происходили при невозможныхъ условіяхъ. Достаточно сказать, что тачекъ не было, и козаки носили мокрую землю въ своей одеждѣ. Обиліе воды сильно затрудняло работы. Лѣсъ, необходимый при работахъ, приходилось носить на самихъ себѣ. Начальствующія лица нещадно били козаковъ палками. Смертность во время работъ была очень велика: 30 процентовъ козаковъ погибло въ далекомъ краю. Объ этомъ говорятъ свѣдѣнія, собранныя въ 1723 году Малороссійской Коллегіей. Тяжесть положенія рабочихъ еще болѣе усиливалась вслѣдствіе того, что народъ не понималъ цѣли и аначенія предпринятыхъ работъ. Народъ, не исключая и старшины, полагалъ, что Петръ Великій нарочно придумалъ сооруженіе всѣхъ этихъ „фортецій“ и каналовъ, чтобы губить малорусскихъ козаковъ. Но изъ указовъ того времени ясно видно, что Петръ Великій и его правительство относились доброжелательно къ Украинѣ. Если же послѣдней приходилось тяжело, то это обусловливалось тяжестью борьбы со Швеціей и вызываемымъ ею громаднымъ напряженіемъ всѣхъ силъ государства. Недаромъ Петръ Великій указывалъ, что велико-русскому краю приходится еще тяжелѣ. Но малороссіяне все это упускали изъ виду. Они помнили только разореніе Батурина и Сѣчи и въ сооруженіяхъ, къ которымъ привлекались козаки, видѣли месть за измѣну Мазепы. Такъ думалъ ранѣе Орликъ. Эту мысль народъ влагаетъ въ уста Полуботку. Послѣднимъ слѣдомъ этого мнѣнія явились воззрѣнія на этотъ вопросъ Т. Г. Шевченка. Но затѣмъ историческая наука освѣтила эту страницу исторіи Украины.

По поводу этого доклада нѣсколько замѣчаній сдѣлано было поч. чл. В. С. Иконниковымъ.

б, Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** разсмотрѣлъ *„Изображенія храма въ древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ“*.

Какъ извѣстно, „Изборникъ“ князя Святослава Черниговскаго, относящійся къ 1073 году, имѣетъ много рисунковъ. Нѣкоторые изъ нихъ изображаютъ трехглавые храмы. Совер-

шенно подобное же изображеніе находится въ Кіевской псалтири XI вѣка, недавно изданной графомъ А. А. Бобринскимъ. Ученые думаютъ, что это перспективное изображеніе пяти-главыхъ церквей. Но авторъ сообщенія съ этимъ не согласенъ: перспектива художникамъ въ то время не была извѣстна, изображали предметы такъ, какъ ихъ знали, а не какъ ихъ видѣли,—и 5-купольныя изображенія тѣхъ временъ имѣютъ всѣ 5 куполовъ. Поэтому, разъ на рисункѣ изображено 3 главы, то это значитъ, что и церковь была трехглавая. Но откуда же въ XI вѣкѣ взялись трехглавыя церкви? Докладчикъ полагаетъ, что это объясняется просто тѣмъ, что уже въ то время въ Южной Руси сооружались трех-главыя деревянныя церкви, какія во множествѣ сохранились и до сихъ поръ. Правда, сохранившіяся трехглавыя церкви относятся къ XVIII и не ранѣе XVII вѣка; но мы знаемъ, что еще въ дохристіанскую эпоху въ Кіевѣ была церковь Иліи, а лѣтопись говоритъ, что по принятіи христіанства Владиміръ святой „повелѣлъ рубити", т. е. приказалъ строить деревянные храмы.

Изъ всего этого референтъ заключаетъ, что трехглавые храмы, оставшіеся отъ XVII и XVIII вв. и представляющіе собой, по его мнѣнію, произведенія самостоятельнаго, національнаго южно-русскаго стиля, являются наслѣдіемъ древнихъ временъ. Типъ этихъ храмовъ, очевидно, выработался давно; эти храмы и изображены на миніатюрахъ XI вѣка.

Въ оживленномъ обсужденіи этого доклада приняли участіе д. чл. Ю. А. Кулаковскій, Н. Ѳ. Бѣляшевскій и В. И. Щербина.

в, Д. чл. **И. М. Каманинъ** сообщилъ о *„Придорожныхъ крестахъ, иконахъ и статуяхъ святыхъ въ селахъ Кіевскаго уѣзда"*.

По мнѣнію автора сообщенія, обычай ставить при дорогахъ и при въѣздѣ въ села кресты или иконы принадлежитъ къ отдаленнымъ временамъ. Онъ вызванъ былъ къ существованію многими причинами. Какъ при построеніи дома, во время закладки, устанавливается крестъ, такъ и

при началѣ поселенія на какомъ-нибудь пустынномъ до того мѣстѣ водружался крестъ. Впослѣдствіи значеніе придорожнаго креста увеличивалось. Если села стояли не при дорогѣ, то крестъ показывалъ, что они находятся неподалеку; если въ селѣ не было храма, то у придорожнаго креста могли совершаться какія-либо общественныя богослуженія, часто у крестовъ устраивались колодцы, служившіе мѣстомъ для освященія воды въ извѣстные праздники; наконецъ, при переходѣ крестьянъ изъ одного села въ другое, отъ одного владѣльца къ другому, они смотрѣли на кресты, потому что на нихъ владѣльцы имѣній разными способами означали число лѣтъ, въ теченіе которыхъ поселенцы освобождались отъ повинностей. Ставились кресты также въ память какого-либо событія, а также по обѣту. Въ эпоху козацкихъ войнъ кресты ставились и на мѣстѣ битвъ, на братскихъ могилахъ, гдѣ погребались павшіе. Во время возстанія 1863 года поляки стали пользоваться крестами для политическихъ цѣлей и манифестацій, что́ достигалось посредствомъ знаковъ и надписей на крестахъ. Противъ этого, разумѣется, принимались мѣры администраціей. При этомъ авторъ сообщенія изложилъ мѣры борьбы съ водруженіемъ крестовъ, а также съ постановкой у дорогъ католическихъ фигуръ и проч., мѣры, которыя принимались Кіевскими генералъ-губернаторами. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, истребованы были подробныя свѣдѣнія о всѣхъ придорожныхъ крестахъ, иконахъ и проч. Эти свѣдѣнія, касающіяся Кіевскаго уѣзда, находятся въ центральномъ архивѣ. На основаніи ихъ г. Каманинъ и сообщилъ о всѣхъ указанныхъ сооруженіяхъ въ то время на территоріи Кіевскаго уѣзда. Не смотря однако на мѣры борьбы, число крестовъ съ католическими изображеніями и надписями постоянно росло.

По окончаніи сообщенія, д. чл. В. П. Науменко отмѣтилъ то обстоятельство, что такое невинное дѣло, какъ установка придорожныхъ крестовъ, нѣкогда было предметомъ „острой“ полемики. Въ 1865 году покойнаго протоіерея П. Г. Лебединцева за защиту древняго обычая называли латы-

няниномъ, уніатомъ, іезуитомъ и т. д. Проф. Малышевскій, согласно съ П. Г. Лебединцевымъ, считалъ обычай устанавливать придорожные кресты очень древнимъ [1]).

Д. чл. Ю. А. Кулаковскій считаетъ несомнѣннымъ, что это не древній нашъ обычай, а вліяніе католическаго запада.

Д. чл. В. Н. Перетцъ указалъ, что обычай этотъ существуетъ и въ Новгородской губ., гдѣ даже устанавливаютъ настоящихъ идоловъ. Одинъ такой идолъ (въ Старой Руссѣ) чрезвычайно чтимъ въ народѣ, и борьба епархіальной власти съ этимъ явленіемъ оказалась безсильной.

II. *Засѣданіе 28 ноября 1904 г.*

Настоящее засѣданіе было открыто сообщеніемъ г. Предсѣдателя (Ю. А. Кулаковскаго) о смерти почетнаго члена Общества академика *А. Н. Пыпина* и указаніемъ на значеніе его научной дѣятельности; память покойнаго была почтена вставаніемъ присутствовавшихъ. Затѣмъ

а, Д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сдѣлалъ сообщеніе о *„Дубровницкомъ Статутѣ 1272 г.“*.

Исторія Дубровника (Рагузы), крошечнаго государства, игравшаго видную политическую и культурную роль, заслуживаетъ особаго вниманія. Она раскрывается, благодаря Юго-Славянской академіи (въ Загребѣ), издавшей большое количество историческаго матеріала. Недавно ею сдѣлано также 1-е изданіе Дубровницкаго Статута 1272 г. (Liber statutorum 1272) подъ редакціей В. Богишича и Иречка. Издатели устанавливаютъ пять редакцій Статута: 1-я, отъ 1272 года; 2-я, 1272—1358 гг.; 3-я, 1358—1448 гг.; 4-я, XV—XVI в. и 5-я, до 1589 г. Статутъ раздѣляется на восемь книгъ; въ 1-й идетъ рѣчь о должностныхъ лицахъ республики, о церкви и духовенствѣ; во 2-й—о „sacramentach“ (присягахъ); въ 3-й—о судоустройствѣ и государствѣ; въ 4-й—о семьѣ; въ 5-й—о недвижимой собственности и крестьянахъ; въ 6-й—объ уголовномъ правѣ;

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1904 г., № 12.

въ 7-й—о морскомъ правѣ; 8-я книга содержитъ въ себѣ дополнительные законы къ предшествующимъ семи книгамъ.

Вопросъ объ источникахъ Статута также разрѣшенъ издателями; важнѣйшимъ было старое право. Такъ какъ въ Дубровникѣ сталкивались два этнографическихихъ элемента: старый — романскій и болѣе новый — славянскій, то возникаетъ вопросъ, что въ этихъ обычаяхъ должно относить на долю романской и что на долю славянской народности. Славянское вліяніе началось со времени перваго появленія славянскихъ колонистовъ въ Дубровникѣ въ концѣ VII в.; въ послѣдующіе вѣка число колонистовъ увеличивалось, и въ XIV в. грекороманскій элементъ преобладалъ только въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ; остальная масса населенія была уже славянская. Быть можетъ, правильно было бы пріурочить именно къ концу XIV в. и началу XV в. окончательную славянизацію Дубровника. При всемъ томъ относительно старо-славянскаго вліянія на Дубровницкое законодательство можно сомнѣваться, потому что Дубровничане въ эпоху подчиненія Венеціи, повидимому, дорожили римскими традиціями; такъ, напр., они поддерживали романскій элементъ и не уравнивали съ нимъ въ правахъ славянскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдавали предпочтеніе латинскому и итальянскому языкамъ передъ славянскимъ; кромѣ того, Дубровничане оставляли славянамъ мѣстное самоуправленіе, съ подчиненіемъ ихъ центральной власти романскаго происхожденія, и издавали для отдѣльныхъ областей мѣстные законы. И Статутъ 1272 году не производитъ впечатлѣнія законодательнаго памятника съ рѣзко обозначенными чертами славянскаго права. Выясненіе славянской стихіи въ Статутѣ 1272 г.—задача довольно трудная и большая. Болѣе всего замѣтно присутствіе славянской стихіи въ законоположеніяхъ Статута по семейственному праву, на что указалъ В. Богишичъ еще до изданія Статута; именно, по его мнѣнію, въ Дубровницкой семьѣ стремленіе ея членовъ къ личной индивидуальности не достигло такой крайности, какъ на Западѣ; въ ней чувствуется духъ общей солидарности и взаимнаго содружества между членами. Въ

близкой связи съ семейственнымъ правомъ стоитъ наслѣдственное; здѣсь славянское вліяніе довольно замѣтно. Слабѣе было славянское вліяніе въ другихъ отдѣлахъ гражданскаго права,—въ вещномъ и обязательствахъ, а равно въ правѣ государственномъ, уголовномъ и въ процессѣ. Но и тутъ могутъ быть открыты слѣды славянскихъ правовыхъ нормъ, ясно проявляющихся въ двухъ институтахъ, сохранившихъ даже въ латинскихъ терминахъ статутовъ свои славянскія названія. Это—„станокъ“ (stanicum) и „вражда“ (vrasda). Станокъ есть собраніе по пограничнымъ дѣламъ племенъ, земель, общинъ, родъ международнаго суда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Станки были: большой или полный, малый или слабый и общинный; большой и общинный станки созывались правительствомъ, а малый—самими тяжущимися сторонами; станки до послѣдняго времени удерживались въ Черногоріи. Слово „вражда“ означало и убійство и плату родственникамъ за убитаго. „Вражда“,какъ пеня за убійство, опредѣлялась въ 500 перперовъ и названа древнимъ обычаемъ. Въ началѣ XIV в. Дубровницкое правительство возбуждало вопросъ о замѣнѣ „вражды“ смертной казнью, но, встрѣтивъ въ народѣ протестъ, передало вопросъ на разсмотрѣніе сербскаго короля Уроша Милутина и просило его установить законъ, „Deo et hominibus et toti mundo amabilis“. Король высказался за старый обычай, и законъ о „враждѣ“ былъ вновь подтвержденъ. Такимъ образомъ, Дубровницкое населеніе стояло за славянскую старину. Позже, съ прекращеніемъ зависимости отъ Венеціи (съ 1358 г.), создаются болѣе благопріятныя условія для проведенія славянскихъ началъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ древнюю редакцію Статута вносятся болѣе или менѣе существенныя измѣненія.

По поводу этого доклада д. чл. В. З. Завитневичъ отмѣтилъ глубокій интересъ Дубровницкаго Статута и для русской исторіи, какъ любопытную аналогію къ даннымъ русскаго права и быта. Замѣчанія В. З. Завитневича поддерживалъ и д. чл. М. В. Довнаръ-Запольскій.

б. Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** разсмотрѣлъ *„Хиландарскій Синаксарь преп. Саввы Сербскаго“*.

Референтъ въ своей книгѣ: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, ч.; I, Τυπικά“ (Кіевъ, 1895), издавая въ свѣтъ ктиторскій Евергетидскій Типиконъ и устанавливая на основаніи фактическихъ сопоставленій зависимость отъ него извѣстнаго въ наукѣ Хиландарскаго Типикона преп. Саввы Сербскаго, высказалъ предположеніе, что и Синаксарь, бывшій въ употребленіи въ богослужебной практикѣ Хиландарской обители и не вошедшій въ Типикъ преп. Саввы Сербскаго, *весьма вѣроятно*, представлялъ собой переводъ Синаксаря того же Евергетидскаго Типика. Академикъ В. И. Ягичъ въ спеціальной монографіи: „Типик Хиландарски и нгов грчки изворъ (1899, Биогр.), не согласился съ этимъ предположеніемъ и указалъ на извѣстный Типикъ патріарха Константинопольскаго *Алексѣя* (1025—1043), хранящійся въ пергаменной рукописи XII в. Москов. Синодальной библіотеки № 300 –380, какъ возможный прототипъ Хиландарскаго Синаксаря, переведенный на славянскій языкъ раньше преп. Саввы Сербскаго въ одномъ изъ Святогорскихъ монастырей. Референтъ, имѣя въ виду открытый имъ въ послѣднюю поѣздку на Аѳонъ (въ 1904 г.) въ Хиландарской рукописи XIV в. „Синаксарь съ Богомъ *по Типику Іерусалимскому*, имѣе тропаре же и хондаке святіимь отъ мѣсяца септемврія до мѣсяца августа“, который онъ теперь склоненъ считать за искомый древнѣйшій Синаксарь Хиландарской обители, отказался отъ прежняго своего предположенія на этотъ счетъ, высказаннаго въ названной выше книгѣ. Но, признавъ возраженіе академика Ягича въ первой части правильнымъ, референтъ, однако же, настойчиво отказывается соглашаться съ ученымъ славистомъ по вопросу о возможности видѣть въ рукописи Москов. Синодальной библіотеки № 300—380 древнѣйшій Хиландарскій Синаксарь и вообще древне славянскій Святогорскій Типикъ. Главнымъ основаніемъ для него служитъ полное отсутствіе указаній въ немъ *на Іерусалимскую практику* обители преп. Сав-

вы Освященнаго, слѣды сильнаго вліянія въ немъ обычаевъ Великой Константинопольской церкви и практики извѣстной Константинопольской Студійской обители и, наконецъ, полное соотвѣтствіе содержанія даннаго Типика съ тѣмъ, что извѣстно намъ изъ Лѣтописи о пріобрѣтеніи изъ Константинополя преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ (около 1065 г.) для основанной имъ обители „правилъ чернечьскихъ". Научнымъ описаніемъ открытаго въ Хиландарѣ „Синаксаря по Типику Іерусалимскому" проф. Дмитріевскій пытается установить первоначальный видъ Церковнаго Устава, принятаго въ практику Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря и даннаго этому монастырю преп. Саввою Сербскимъ.

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе д. чл. Т. Д. Флоринскій и М. В. Довнаръ-Запольскій.

III. Засѣданіе 12-го декабря 1904 г.

а, **А. М. Лобода** сдѣлалъ оцѣнку *„Ученой дѣятельности А. Н. Пыпина"*.

Сущность его оцѣнки заключается въ слѣдующемъ: Отличаясь до конца дней своихъ поразительной работоспособностью и широтой своихъ интересовъ, А. Н. Пыпинъ съ обширной эрудиціей ученаго соединялъ рѣдкій даръ популяризаціи и былъ по-истинѣ воспитателемъ русскаго общества, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; по своимъ воззрѣніямъ на литературу и по тому примѣненію, какое давалъ ей въ жизни, Пыпинъ можетъ быть названъ продолжателемъ Бѣлинскаго, память котораго такъ высоко онъ чтилъ.

б, Д. чл. **В. А. Чаговецъ** указалъ на то, какъ рѣшается *„Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина"*.

Опредѣливъ значеніе А. Н. Пыпина въ развитіи самосознанія русскаго общества, референтъ отмѣчаетъ присущую ему тенденціозность, подъ которой разумѣется культъ просвѣщенія, въ силу чего А. Н. Пыпина интересовали всѣ великіе моменты пробужденія русской мысли, всѣ свѣтлыя

эпохи народной жизни; его взгляды на Россію и ея судьбы выразились въ мнѣніяхъ о славянскомъ вопросѣ. Изъ этихъ мнѣній референтъ выдѣлилъ взгляды Пыпина на малорусскій вопросъ. Вопреки мнѣнію польско-украинской партіи о связи малорусской національности съ польской, Пыпинъ категорически заявилъ, что, благодаря изслѣдованіямъ ученыхъ, принадлежность малоруссовъ къ великорусскому племени и ихъ обоихъ къ славянскому не можетъ уже вызывать никакихъ сомнѣній; между малорусской и польской народностью нѣтъ тождества и въ исторіи ихъ нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба; поэтому развитіе малорусской литературы можетъ дать опору и поддержку родственной Галиціи, а опасенія относительно сепаратизма— призрачны. Галицко-русской народности слѣдуетъ, по его мнѣнію, не удаляться, а, напротивъ, вступить въ тѣсный союзъ съ самой крупной литературой славянскихъ племенъ: южно-русскому племени наиболѣе близка литература русскаго народа. Пыпинъ горячо отстаиваетъ право на существованіе каждой національности и не раздѣляетъ взглядовъ на необходимость насильственнаго обрусенія. Въ славянскомъ вопросѣ, высоко ставя русскую литературу и русскій языкъ, онъ требуетъ, чтобы и литература и языкъ получили для остальныхъ славянскихъ племенъ притягательную силу, стали необходимостью образованія; однако, чтобы русской литературѣ занять мѣсто, достойное великаго народа, и привлечь къ себѣ умы славянъ, для этого ей необходимо свободное и широкое развитіе, какое имѣютъ литературы Запада. Глубоко симпатизируя идеѣ славянскаго единенія, Пыпинъ разбираетъ и способы его осуществленія. Объединеніе политическое, при современной розни племенъ, онъ считаетъ невозможнымъ; объединеніе же религіозное требуетъ продолжительной борьбы и споровъ о преимуществѣ Рима или Византіи, потому основнымъ условіемъ объединенія онъ ставитъ признаніе права частныхъ народностей. Но есть еще одна почва, на которой возможно единеніе. „Мы соглашаемся, говоритъ Пыпинъ, съ необходимостью и возможностью литературнаго славянскаго единства“. И во главѣ этой

федераціи должна стать нація, которой литература и просвѣщеніе стоятъ выше всего; тогда можетъ безъ насилія, безъ такъ называемой „Маккіавелевской политики", совершиться великая федерація; помочь славянскому единенію можетъ только внутреннее развитіе русскаго общества и широкіе успѣхи просвѣщенія. Между тѣмъ, въ современной Россіи Пыпинъ видѣлъ много недочетовъ. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, пока наука не пріобрѣтетъ у насъ своего полнаго права, пока общественная иниціатива и здравое пониманіе національныхъ интересовъ не получитъ силы въ нашей собственной средѣ, толки о панславянскомъ единствѣ и всеславянскомъ (русскомъ) языкѣ останутся идеаломъ или фантазіей". Принимая во вниманіе вѣру Пыпина въ силу просвѣщенія, какъ основной мотивъ, проходящій черезъ всю симфонію славянскаго вопроса и черезъ всѣ сочиненія Пыпина, мы должны оцѣнить по заслугамъ тотъ великій подвигъ, который совершилъ онъ въ теченіе всей своей жизни [1]).

Въ настоящемъ засѣданіи были избраны отъ Общества Нестора-лѣтописца депутатами 1) на областной археологическій съѣздъ въ г. Владимірѣ-на-Клязьмѣ д. чл. М. Н. Сперанскій и 2) на русскій XIII-й археологическій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ: М. Н. Сперанскій, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, Вс. Г. Ляскоронскій, В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Т. Д. Флоринскій и С. Т. Голубевъ.

Въ настоящемъ—же засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены Общества *Платонъ Петровичъ Соколовъ* и *Александръ Сергѣевичъ Грушевскій* и въ члены-корреспонденты: *Владиміръ Алексѣевичъ Розовъ* и *Владиміръ Ивановичъ Пичета*.

IV. Засѣданіе 30 января 1905 г.

а. Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** сдѣлалъ сообщеніе о *„Славяно-русскомъ Троянѣ и императорѣ Траянѣ"*.

Въ ряду славянскихъ и древне-русскихъ преданій, сказанія о Троянѣ являются наименѣе разъясненными наукой.

[1]) Кіев. Газета, 1905, № 10.

Имя Троянъ упоминается въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и въ другихъ славянскихъ литературныхъ памятникахъ. Оно давно уже обратило на себя вниманіе; еще Карамзинъ высказалъ предположеніе, что подъ Траяномъ Слова слѣдуетъ разумѣть Римскаго императора Траяна. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Тихонравовъ, высказались противъ отождествленія этихъ именъ; по мнѣнію послѣдняго, вм. Троянъ должно читать Баянъ. Максимовичъ же замѣтилъ, что всѣ четыре упоминанія въ Игоревой пѣснѣ имени Трояна вполнѣ подходятъ къ имени Римскаго императора. Потебня также думалъ, что для автора „Слова“ Троянъ представлялъ собой глубокую древность. Отождествленіе Трояна „Слова“ съ импер. Траяномъ опиралось и на словахъ лѣтописи о волохахъ, тѣснившихъ славянъ. Шафарикъ подъ волохами разумѣлъ кельтовъ; но большинство ученыхъ считало ихъ римлянами. Пыпинъ указывалъ на невозможность соотношенія нашествія волоховъ съ разселеніемъ славянъ въ Восточной Европѣ, совершившимся въ болѣе раннее время, напр., во время Геродотовой Скиѳіи. Но этимъ не устраняется возможность столкновенія римлянъ со славянами въ Дакіи при Траянѣ и занесенія оттуда преданія о Троянѣ. Въ распространеніи преданія могли имѣть значеніе и сношенія Руси съ болгарами, завязавшіяся еще до Святослава; это предположеніе даетъ опору мнѣнію В. Миллера о вліяніи болгарскихъ источниковъ на автора „Слова“, изъ коихъ могъ быть заимствованъ и Троянъ. А. Л. Погодинъ, также думаетъ, что Траянъ принялъ фантастическій характеръ. Куникъ относился скептически къ самому извѣстію Нестора объ изгнаніи славянъ съ Дуная волохами; лѣтописецъ примѣнилъ извѣстія классическихъ писателей къ древнѣйшимъ славянамъ. Е. Е. Голубинскій признаетъ Трояна „Слова“ императоромъ Траяномъ и полагаетъ, что извѣстіе о немъ распространили Уличи и Тиверцы. Другіе ученые (напр., польскій ученый Кухарскій), вмѣсто императора Траяна указывали на полководца Трояна IV в. Это мнѣніе было повторено А. С. Петрушевичемъ. Князь П. П. Вяземскій возводилъ Трояна къ античнымъ сказаніямъ о Троѣ и

троянцахъ. Въ послѣднее время г. Погодинъ указалъ, что сказаніе о Троянѣ распространено не только у южныхъ, но и у западныхъ славянъ. Въ западномъ и юго-западномъ краѣ Россіи встрѣчается нѣсколько мѣстечекъ и селеній съ именемъ Трояна (Трояновъ, Трояново и т. п.). Былъ возбужденъ вопросъ и о славянскомъ происхожденіи имени Трояна, такъ какъ въ славянскихъ языкахъ встрѣчаются слова троянка и т. п. въ смыслѣ троякій. Трояномъ называлось и одно изъ божествъ славянской миѳологіи. Но если это и славянское слово, то Троянъ „Слова“ несомнѣнно имя какой-то исторической личности и ближе всего подходитъ къ императору Траяну, о которомъ сохранились воспоминанія надолго. Такъ, напр., Трояновымъ путемъ въ Болгаріи называется Римская дорога, соединяющая Италію съ Константинополемъ черезъ Софію; развалины у г. Филиппополя называются Трояновымъ градомъ; горный проходъ въ Средней Горѣ называется Трояновыми вратами; имя Трайко до сихъ поръ въ ходу у болгаръ; Трояномъ въ XI в. назывался сынъ царя Самуила; на мѣстѣ нын. г. Эски-Загра стоялъ г. Ulpia Augusta Trajana. Существуютъ у славянскихъ народовъ сказки о Троянѣ, въ которыхъ онъ является царемъ съ нѣкоторыми физическими недостатками; словомъ, къ Трояну примѣняли то, что говорили о Мидасѣ. Троянъ „Слова“ также отличается миѳичностью и сказочностью. Личность императора Траяна могла быть обожествляема римлянами, а славяне могли застать, по мнѣнію г. Сумцова, этотъ культъ на Балканскомъ полуостровѣ; отсюда и появленіе Трояна среди славянскихъ языческихъ боговъ — естественно, и возраженія противъ этого не выдерживаютъ критики. Заслуживаютъ также вниманія воспоминанія о Траянѣ у румынъ, считающихъ его своимъ предкомъ; его именемъ называется млечный путь, многія мѣстности, развалины, сооруженія и проч.; онъ упоминается въ балладахъ и колядкахъ. Но распространеніе румынъ на занимаемой ими территоріи — фактъ довольно поздній; поэтому отъ юго-славянъ, можетъ быть отъ болгаръ, но вѣроятнѣе, отъ Угличей и Тиверцевъ, а не отъ

румынъ имя Трояна и преданія о немъ были занесены и въ Кіевскую Русь до-татарскаго періода. „Зміевы валы" этой Руси могли именоваться Трояновыми по аналогія съ носившими такое же названіе валами въ придунайскихъ земляхъ.

По поводу этого доклада поч. чл. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что культъ Траяна у славянъ, несомнѣнно, ведетъ начало отъ извѣстнаго культа римскихъ императоровъ. Н. П. Дашкевичъ возразилъ на это, что этотъ культъ носилъ характеръ обожествленія не отдѣльныхъ императоровъ, а императоровъ вообще, и потому нужно еще доказать, что императоръ Траянъ въ этомъ отношеніи почему-либо занялъ особое положеніе.

б. Д. чл. **А. В. Стороженко** разсмотрѣлъ историческія данныя *„О существованіи въ Кіевѣ латинскихъ храмовъ"*.

Къ пересмотру этого вопроса референтъ былъ приведенъ только-что вышедшей въ свѣтъ во Львовѣ книгой г. Владислава Абрагама: „Z dziejów kościoła"; двѣ главы въ этомъ сочиненіи посвящены разбору извѣстій о католическихъ храмахъ на Руси, Новгородской и Кіевской. Утвержденіе свое о существованіи въ Кіевѣ такихъ храмовъ г. Абрагамъ основываетъ: 1) на охранной грамотѣ, выданной 4 января 1242 г. аббатомъ Бенедиктинскаго кляштора въ Вѣнѣ двумъ монахамъ, бѣжавшимъ передъ татарскимъ погромомъ изъ кляштора св. Дѣвы Маріи на Руси, и 2) на житіи Іакинфа Одровонжа, въ которомъ говорится, что послѣдній въ 1222 г. прибылъ съ двумя монахами въ Кіевъ и принялъ въ свое управленіе костелъ св. Дѣвы Маріи; отождествляя костелъ, упоминаемый въ обоихъ источникахъ, авторъ приходитъ къ выводу, что бѣжавшіе монахи были изъ Кіева; они направлялись въ Ирландію потому что, по своему происхожденію, были скоттами. Въ житіи одного изъ скоттовъ, написанномъ въ 1185 г. въ г. Регенсбургѣ, есть разсказъ о другомъ скоттѣ Маврикіи, который побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ снискалъ себѣ расположеніе князя (или одного изъ Изяславичей, или Святополка, умершаго въ 1122 г., или Мсти-

[1]) Сообщеніе это будетъ напечатано въ сборникѣ статей въ честь Ю. А. Кулаковскаго.

слава, умершаго въ 1129 г.) и старѣйшинъ города и былъ ими щедро одаренъ; поэтому скотты, по мнѣнію г. Абрагама, были тѣми именно духовными, которые удовлетворяли религіозныя потребности латинянъ въ Кіевѣ въ XII в. Извѣстіе-же Длугоша (1415—1480 г. г.) объ изгнаніи изъ Кіева въ 1233 году доминиканъ кн. Владиміромъ Рюриковичемъ и упоминаніе его о храмѣ св. Дѣвы Маріи заставляетъ г. Абрагама думать, что то былъ именно тотъ храмъ, который былъ принятъ Іакинфомъ Одровонжемъ. Референтъ, разбирая достовѣрное, по его мнѣнію, извѣстіе Длугоша, думаетъ, что такъ какъ въ этомъ извѣстіи рѣчь идетъ объ общежитіи, а не о храмѣ, то послѣдняго тогда въ Кіевѣ не было; объ общежитіи, а не о храмѣ, говоритъ также и житіе Іакинфа Одровонжа; для богослуженія была, вѣроятно, приспособлена каплица. Только Одровонжъ соорудилъ храмъ въ честь Пресв. Дѣвы Маріи, конечно деревянный, который и погибъ въ пламени при разгромѣ Кіева татарами въ 1240 г.; онъ находился близъ нынѣшней Софійской улицы. При кіевскихъ князьяхъ Ольгердовичахъ—Владимирѣ, Александрѣ и Симеонѣ, католическихъ храмовъ не было въ Кіевѣ, и грамота доминиканамъ отъ имени кн. Александра несомнѣнно подложна. Только съ назначеніемъ въ Кіевъ воеводы-католика Мартина Гаштольда въ 1471 г., появляется въ Кіевѣ и его братъ, бискупъ Станиславъ Гаштольдъ: братья принимали въ замкѣ на Флоровской горѣ Венеціанскаго посла Контарини, который говоритъ, что передъ отъѣздомъ онъ слушалъ обѣдню, но не упоминаетъ о храмѣ, что̀ даетъ право предполагать существованіе лишь каплицы въ замкѣ, которую засталъ Кіевскій бискупъ Іосифъ Верещинскій; при Гоштольдѣ могли явиться въ Кіевъ и доминикане, которые и соорудили храмъ св. Троицы у подножія Замковой горы; существованіе его подтверждается люстраціей Кіева 1552 г.; каѳедральнаго католическаго собора еще въ Кіевѣ не было, и бискупы въ городѣ не жили; только Верещинскій появляется здѣсь и заботится о сооруженіи костела; онъ хотѣлъ приспособить для этой цѣли храмъ св. Софіи, но не имѣлъ для этого средствъ и посе-

лился въ Фастовѣ, заложенномъ ему въ 1560 г. земянами Ивашенцовичами-Макаровичами. Назначенный кіевскимъ бискупомъ въ 1598 г. Криштофъ Казимірскій засталъ тотъ-же деревянный небольшой костелъ. Въ 1594 г. буллой папы Климента VIII, Іоакинфъ Одровонжъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Современники считали развалины Вышгородской церкви остатками костела св. Дѣвы Маріи временъ Одровонжа; изъ развалинъ этой церкви они соорудили каменный костелъ во имя св. Николая; Кіевскій земскій судья Стефанъ Аксакъ устроилъ для братіи каменное общежитіе. Въ 1600 г. бискупъ Криштофъ Казимірскій жаловался королю на захватъ усадьбы близъ Щекавицы (противъ нынѣшней Ярославской улицы), развалинъ костела Успенія Пресв. Богородицы и приходскаго костела св. Екатерины. Декретомъ 21 іюня 1602 г. король присудилъ бискупу эту усадьбу, на которой послѣдній выстроилъ потомъ домъ и острогъ бискупскій. Въ 1607 г., какъ показываютъ акты Кіевскаго Центральнаго Архива, каѳедральный костелъ, еще не строился, и кн. Янушъ Збаражскій только теперь пожертвовалъ на его заложеніе нѣсколько селъ. Криштофъ Казимірскій умеръ въ 1618 г., а костелъ былъ сооруженъ лишь послѣ 1630 г. тѣмъ же Стефаномъ Аксакомъ изъ матеріала Борисоглѣбской церкви въ м. Борисполѣ (Переяславскаго уѣзда); старый костелъ св. Троицы былъ разобранъ и перенесенъ въ м. Басань (Козелецкаго уѣзда), имѣніе Черниговскаго подстолія Ѳедора Васильевича Ходыки-Крыницкаго, что могло случиться не ранѣе 1635 года, когда Черниговское воеводство перешло къ Польшѣ по Поляновскому договору. Въ 1653 г. оба костела видѣлъ Павелъ Алеппскій, т. е. костелы св. Николая и каѳедральный; бывшій же въ Кіевѣ бернардинскій костелъ близъ церкви Николая Добраго сгорѣлъ въ 1651 г. Іезуитскаго костела, о которомъ упоминаетъ Бопланъ въ своемъ „Описаніи Украины“, еще не было въ городѣ; была лишь коллегія; монахи-іезуиты исповѣдывали прихожанъ и произносили свои проповѣди въ обоихъ костелахъ.

По присоединеніи Кіева къ Россіи, каѳедральный соборъ, не поддерживаемый никѣмъ, обрушился, и матеріалъ

его разобранъ жителями. Онъ былъ расположенъ въ юго-восточномъ углу зданія бывшей духовной семинаріи. Костелъ св. Николая обращенъ въ 1690—1695 гг. въ православную церковь во имя св. апп. Петра и Павла. Новый деревянный костелъ былъ выстроенъ на Печерскѣ, близъ Ольгинской церкви, по указу императора Павла I отъ 19 апрѣля 1799 года; онъ сгорѣлъ въ 1817 году; вмѣсто него тогда-же былъ заложенъ нынѣ существующій костелъ во имя св. Александра.

V. Засѣданіе 27-го марта 1905 г.

Поч. чл. **Н. И. Петровъ** представилъ фотографическіе снимки *„Новооткрытаго альбома видовъ и рисунковъ г. Кіева 1651 г.“*.

Лѣтомъ 1651 г., во время войнъ Богд. Хмельницкаго, литовскій гетманъ князь Янушъ Радзивилъ овладѣлъ Кіевомъ и прожилъ въ немъ почти мѣсяцъ. Отъ этого времени сохранилось нѣсколько видовъ и рисунковъ Кіева, исполненныхъ для князя его художникомъ, изъ коихъ до сихъ поръ были изданы только:

1) видъ Золотыхъ Воротъ, въ 1822 году, Ѳ. Булгаринымъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“;

2) видъ Кіева съ изображеніемъ сухопутнаго сраженія, въ „Памятникахъ“ Кіевской Археографической Коммиссіи, т. I;

3) видъ Кіева съ изображеніемъ сраженія на Днѣпрѣ, въ томъ же томѣ „Памятниковъ“;

4) видъ Кіевскаго замка на горѣ Киселевкѣ, И. Фундуклеемъ въ „Обозрѣніи Кіева въ отношеніи древностей“, и

5) въѣздъ кн. Януша Радзивила въ Кіевъ въ 1651 г., въ Атласѣ къ „Трудамъ III-го Археологическаго съѣзда“ въ Кіевѣ.

Въ настоящее время открыты новые виды и рисунки достопримѣчательностей Кіева 1651 г.; они найдены въ архивѣ Императорской Академіи Художествъ, въ собраніи рисунковъ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа; ихъ 20 таблицъ съ 23 рисунками, относящимися къ Кіеву; изъ этихъ рисунковъ только видъ Золотыхъ Воротъ изданъ Ѳ.

Булгаринымъ; подлинники ихъ, хранившіеся, вѣроятно, въ г. Несвижѣ, принадлежащемъ кн. Радзивиламъ, погибли въ войну 1812 г. Подписи подъ рисунками сдѣланы позже и не всегда вѣрно; копіи исчезнувшихъ подлинниковъ, конечно, сдѣланы тщательно и точно, такъ какъ предназначались для короля.

По частямъ города рисунки относятся: I. Къ Старому Кіеву:

1) Кіево-Софійскій соборъ, рисунокъ котораго изданъ уже въ Атласѣ къ „Трудамъ III-го Археологическаго Съѣзда", бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 году; къ общему рисунку собора относятся частные: изображеніе Ярославовой гробницы, фресковое изображеніе семьи Ярослава Мудраго (оно было при реставраціи фресокъ въ 1840 г. принято за изображеніе свв. Вѣры, Надежды, Любви и ихъ матери Софіи), изображеніе гробницы св. священномученика митрополита Макарія.

2) Видъ развалинъ Золотыхъ Воротъ, ошибочно названныхъ „Воротами св. Михаила"; рисунокъ снабженъ перспективнымъ видомъ на ближайшую часть Верхняго города.

3) Развалины Десятинной церкви съ уцѣлѣвшими фресками на стѣнахъ.

4) Кіево-Михайловскій монастырь въ нѣсколькихъ перспективныхъ видахъ, особенно же на рисункахъ, изображающихъ сухопутное и водное сраженіе 1651 г.; изъ достопримѣчательностей монастыря воспроизведена гробница св. великомученицы Варвары.

5) Ворота площади Михайловскаго монастыря — вѣроятно, крѣпостныя ворота стараго Владимірова города.

6) Величественныя развалины какого-то великокняжескаго терема, въ четыре свѣта, съ колоннами и съ изображеніями между колоннами видовъ Кіева; потомъ еще такія же развалины безъ подписи и три рисунка Кіевской академіи.

7) Развалины другого великокняжескаго терема, якобы въ верхней части. Пейзажъ въ трехъ рисункахъ; но это скорѣе остатки не терема, а храма, отъ котораго уцѣлѣли стѣ-

ны западная, сѣверная и южная. Положеніе этихъ развалинъ трудно опредѣлить; къ Печерску же ихъ нельзя относить. Развалины могли находиться лишь на Старомъ Кіевѣ вблизи Десятинной церкви, гдѣ стояли „Государственный дворъ“ и „Приказная Палата“; по всей вѣроятности, это развалины св.-Ѳеодоровскаго монастыря.

8) Литовскій замокъ на горѣ Киселевкѣ съ видами на Кудрявецъ и Кіево-Подолъ, по которымъ можно опредѣлить положеніе нѣкоторыхъ нынѣ уже не существующихъ церквей, развалины которыхъ изображены на рисункѣ.

II. Къ Печерску относятся три вида, съ изображеніями:

1) Пустынно-Никольскаго монастыря и окружающей мѣстности, на которой различаются развалины Спаса на Берестовѣ, Стефанича монастыря на Кловѣ и проч.

2) Кіево-Печерской Лавры съ восточной стороны, и

3) Лаврскихъ Пещеръ въ ихъ общемъ видѣ и состоящими надъ ними церквами.

Изъ достопримѣчательностей Лавры изображены: а) гробница св. Ѳеодосія, б) гробницы 12 каменщиковъ, строившихъ Великую Лаврскую церковь; в) мироточивыя главы; г) общій видъ пещеры съ гробницей въ ней; и д) столбъ, къ которому приковывались въ пещерахъ умалишенные ради исцѣленія.

III. Кіево-Подолъ представленъ на рисункѣ, изображающемъ сухопутное сраженіе войска кн. Радзивилла съ козаками въ 1651 г. Эта часть города представлена отъ бискупскаго замка подъ Щекавицей до Христо-Рождественской церкви включительно. Но не всѣ части рисунка могутъ быть пріурочены къ уцѣлѣвшимъ памятникамъ старины, что̀ объясняется какъ ошибками самого художника, такъ и ошибками позднѣйшихъ копіистовъ и издателей.

Кромѣ топографическихъ видовъ мѣстности и рисунковъ зданій и памятниковъ старины, въ новооткрытомъ альбомѣ разсѣяно много мелкихъ бытовыхъ и этнографическихъ деталей; чаще всего изображаются нищіе, жолнеры, козаки

конные, пѣшіе и въ лодкахъ, съ луками и ружьями, богомольцы съ котомками за плечами и т. п. [1]).

Въ настоящемъ засѣданіи была доложена телеграмма поч. чл. В. Г. Глазова съ выраженіемъ благодарности за доставленіе ему диплома на званіе почетнаго члена Общества.

На дополнительныхъ выборахъ избраны депутатами на археологическіе съѣзды: 1) въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ: В. Т. Георгіевскій и П. П. Соколовъ и 2) въ г. Екатеринославѣ: Е. Н. Антоновичъ, О. И. Левицкій и В. И. Щербина.

VI. Засѣданіе 3-го апрѣля 1905 г.

а. Д. чл. **О. И. Левицкій** прочелъ докладъ „*О формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVI и XVII вв.*“.

Въ своемъ сообщеніи референтъ, на основаніи цитированныхъ имъ въ засѣданіи актовъ и документовъ, пришелъ къ заключенію, что въ XVI и XVII вв., въ Юго-западной Россіи существовали многочисленные, во всѣхъ слояхъ общества, на ряду съ вѣнчальными, и невѣнчальные—„браки шлюбные и нешлюбные“, и гражданскія отношенія, вытекавшія какъ изъ той, такъ и другой формы брака признавались и получали санкцію представителей высшей духовной и свѣтской власти, такъ что церковное вѣнчаніе сущности брака не измѣняло и ничего не прибавляло къ гражданскому договору; церковное же вѣнчаніе, безъ исполненія обычной гражданской стороны брака, не имѣло юридической силы, а потому, напримѣръ, послѣ исполненія церковнаго вѣнчанія, часто происходившаго задолго до свадьбы, но безъ совершенія послѣдней, вслѣдствіе ли смерти жениха или по другимъ причинамъ, обвѣнчанная оффиціально оставалась дѣвицей. Въ заключеніе до-

---

[1]) См. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1905 г., іюль, стр. 431—473 и „Чтенія въ Церковно-историческомъ и археологическомъ Обществѣ при Академіи“, вып VII, стр. 1—72.

кладчикъ привелъ нѣкоторыя подробности о порядкѣ заключенія браковъ и исполненія свадебныхъ обрядностей.

По поводу этого доклада д. чл. П. П. Соколовъ охарактеризовалъ подобную же борьбу церковнаго взгляда на бракъ съ юридически-бытовыми переживаніями старыхъ формъ брака въ Византіи.

Предсѣдатель Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что было бы очень интересно выяснить, насколько въ данномъ случаѣ явленія юго западной жизни были оригинальными, выросшими самостоятельно на русской почвѣ и насколько они могли отражать Византійское или какое-либо иное вліяніе.

Докладчикъ и д. чл. А. М. Лобода наистаивали на томъ, что исходнымъ пунктомъ разлада между каноническими и обычными воззрѣніями на бракъ въ Юго-Западной Россіи была живучесть старыхъ народныхъ воззрѣній на бракъ.

б. Секретаремъ А. М. Лободой былъ прочтенъ рефератъ иногороднаго члена Общества **О. А. Фотинскаго** „*Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни*“ (напечатанъ въ 3-мъ и 4-мъ вып. XVIII-й книги „Чтеній“).

По поводу этого реферата д. чл. О. И. Левицкій и д. чл. В. З. Завитневичъ отмѣтили справедливость основной точки зрѣнія г. Фотинскаго; при этомъ г. Завитневичъ прибавилъ, что въ исторіи уніи въ Юго-западной Руси надо различать два періода: 1-й, когда ревностно преслѣдовалось все православное до мелочей включительно, и 2-й, когда, подъ вліяніемъ рѣзкаго отпора со стороны населенія, сторонники уніи пошли на компромиссы и во многомъ готовы были дѣлать уступку старымъ обрядамъ православной церкви; факты, изложенные г. Фотинскимъ, относятся какъ-бы къ переходной порѣ между этими двумя періодами.

VII. Засѣданіе 22-го мая 1905 г.

а. Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Къ исторіи административнаго строя Южной Украины XVI в.*“

По поводу этого доклада нѣсколько замѣчаній сдѣлано д. чл. О. И. Левицкимъ.

6. Секретаремъ А. М. Лободой были прочитаны два библіографическія сообщенія иногороднаго поч. члена **А. И. Соболевскаго:** 1) *„О славянской грамматикѣ Ужевича 1643 года“* и 2) *„По поводу нѣкоторыхъ изданій, отмѣченныхъ въ т. X, 1-й части „Архива Юго-Западной Россіи“*, подъ № 76 (Напечатаны въ 1-мъ и 2-мъ в. XIX-й книги „Чтеній“).

Въ обсужденіи этихъ сообщеній принимали участіе д. чл. А. М. Лобода, В. Н. Перетцъ, О. И. Левицкій и А. С. Крыловскій.

---

1) Въ настоящемъ засѣданіи было доложено письменное заявленіе д. чл. **П. В. Голубовскаго,** съ изложеніемъ его мнѣнія о времени тысячелѣтія существованія г. Переяславля, по запросу объ этомъ Полтавской ученой архивной коммиссіи.

Вопросъ о томъ, какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславль, уже дебатировался въ русской исторической наукѣ. Указывали двѣ исходныя даты для этого юбилея: 904 и 993 годъ. Въ 904 году, какъ предполагали, былъ совершенъ походъ Кіевскаго князя Олега на Царьградъ, а такъ какъ въ договорѣ 907 года этого князя съ Греками упоминается о Переяславлѣ, то слѣд. жители Переяславля должны были участвовать въ войнѣ 904 года, и такимъ образомъ Переяславль въ этомъ году впервые выступаетъ на историческую сцену. Въ 993 году, по разсказу лѣтописи, Владиміръ заложилъ городъ Переяславль; слѣдов. раньше этого года городъ не существовалъ; стало быть, онъ только съ этого момента началъ свою историческую жизнь.

Походъ Олега въ 904 г. на Царьградъ не можетъ считаться фактомъ несомнѣннымъ. Объ этомъ предпріятіи говоритъ лишь наша лѣтопись; но мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на него въ Византійскихъ источникахъ.

Какъ извѣстно, Ламбинъ хотѣлъ доказать дѣйствительность этого факта; но для этого ему пришлось выдвинуть,

хотя и остроумную, но мало доказательную гипотезу, будто въ этомъ мѣстѣ разсказъ лѣтописи представляетъ лишь разбитое по годамъ, переведенное съ греческаго языка донесеніе въ Константинополь христіанской миссіи, существовавшей въ Кіевѣ съ принятія христіанства Владиміромъ, донесеніе, найденное компиляторомъ лѣтописи въ княжескомъ архивѣ или въ устроенной Ярославомъ Софійской библіотекѣ. Между тѣмъ договоръ 907 года, признанный уже явно въ русской исторической наукѣ за несомнѣнный документъ, представляетъ изъ себя скорѣе, торговый трактатъ, чѣмъ мирный договоръ. Предполагая даже, что этотъ документъ явился результатомъ войны, мы не можемъ сказать, ограничились-ли военныя дѣйствія однимъ походомъ, или они состояли изъ цѣлаго ряда военныхъ предпріятій русскаго князя противъ Византіи, а потому и говорить о походѣ въ опредѣленномъ году у насъ нѣтъ прочнаго основанія. Важно одно, что въ договорѣ 907 года впервые выступаетъ городъ Переяславль, какъ одинъ изъ военныхъ, политическихъ и торговыхъ центровъ древней Руси.

Вотъ мѣста, относящіяся въ этомъ договорѣ къ городу Переяславлю:

„... и потомъ (обязаны Греки) дати уклады (опредѣленную сумму въ годъ) на Рускія грады: первые на Кіевъ, таже на Черниговъ *і на Переяславль*, і на Полтѣскъ, і на Ростовъ, і на Любичъ и на прочая грады, по тѣмъ бо городамъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще....." (Лавр. лѣтоп., стр. 30).

Русскіе князья, прибывъ въ Царьградъ, должны подвергнуться положенной переписи, „и тогда возьмутъ мѣсячное свое (содержаніе отъ Византійскаго правительства) пѣрвое отъ города Кіева, и такы ис Чернигова, и Переяславля..." (Ипатьев. лѣтоп., стр. 18).

Итакъ, Переяславль въ самомъ началѣ X в. является уже давно населеннымъ торговымъ городомъ, въ которомъ сидитъ плѣненный Сѣверянскій князекъ, признающій верховную власть великаго князя Кіевскаго Олега.

Договоръ 907 года уясняетъ намъ смыслъ разсказа лѣтописи подъ 993 годомъ о заложеніи Владиміромъ святымъ города Переяславля „на Трубежѣ на броду" (Ипатьев. лѣт. 84, 85). Городъ, существовавшій, какъ политическій населенный и торговый центръ, въ 907 году, не могъ быть основанъ въ 993 году. Мы имѣемъ здѣсь фактъ, аналогичныхъ которому можно было-бы указать нѣсколько, но я обращу вниманіе лишь на городъ Москву. По письменнымъ источникамъ этотъ городъ заложенъ Юріемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII в., а археологическія данныя показываютъ, что онъ существовалъ, какъ поселеніе, еще въ X столѣтіи. У города Переяславля также найдены греческія монеты VI—X вв. Слѣдовательно, какъ поселеніе, Переяславль могъ существовать уже въ VI, VII, VIII и IX вѣкахъ. Очевидно, Владиміръ Святой лишь возвелъ сильныя укрѣпленія около Переяславля, какъ вольнаго поселенія, при бродѣ на рѣкѣ Трубежѣ.

Итакъ, мы имѣемъ для Переяславля слѣдующія хронологическія данныя:

1) Переяславль, весьма возможно, существовалъ въ VI, VII, VIII, IX вв.

2) Переяславль, какъ торговый пунктъ и мѣстопребываніе одного изъ племенныхъ Сѣверянскихъ князьковъ, *несомнѣнно существовалъ* въ самомъ началѣ X в.

3) Переяславль, какъ городъ съ политическимъ и торговымъ значеніемъ, *впервые выступаетъ* на историческую сцену *въ несомнѣнномъ документѣ* 907 г.

4) Около Переяславля были возведены сильныя укрѣпленія великимъ княземъ Кіевскимъ, Владиміромъ Св. въ 993 г.

Какую же изъ этихъ датъ слѣдуетъ принять въ соображеніе по вопросу о 1000-лѣтнемъ юбилеѣ города Переяславля?

Монетная дата указываетъ лишь на вѣкъ или на извѣстный промежутокъ времени, а потому исходной точки для лѣтосчисленія давать не можетъ. Стало быть, нумизматическія показанія приходится оставить.

Взять исходной точкой исторической жизни Переяславля 993-й годъ также нельзя, потому что онъ началъ жить, какъ поселеніе, гораздо раньше. Остается дата—907-й годъ.

Если мы обратимся къ другому, также дошедшему до насъ, договору Олега съ Греками 912 года, то прочтемъ въ немъ слѣдующее: „Мы (послы) . . . ные посланы отъ Олега, великого князя Русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь"... (Лаврентьев. лѣтоп., 32). Мы видѣли уже раньше изъ договора 907 г., что упоминаемые здѣсь „свѣтлые князья"—это племенные князья, сидѣвшіе по городамъ, въ Черниговѣ, Переяславлѣ и т. д. Такимъ образомъ, ясно, что русскіе послы считались уполномоченными не отъ одного только Кіевскаго князя, но и отъ всѣхъ, признававшихъ его верховную власть, племенныхъ князей, въ томъ числѣ, какъ видимъ, и князя города Переяславля. Слѣдовательно, въ 907 году Переяславль впервые выступаетъ какъ дѣйствующее лицо на арену исторіи: его князь оказываетъ большее или меньшее вліяніе на условіе мира съ Греками, его купцы впервые получаютъ опредѣленныя торговыя привилегіи за границей, его торговля впервые закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ. Мнѣ кажется, на основаніи всего сказаннаго, что 1907-й годъ есть лучшій и самый законный моментъ для празднованія юбилея 1000-лѣтней дѣятельности города Переяславля на исторической сценѣ.

Опредѣлено: Вполнѣ соглашаясь съ вышеизложеннымъ заключеніемъ П. В. Голубовскаго, препроводить это заключеніе въ Полтавскую ученую архивную коммиссію.

2) Было доложено письмо гр. А. А. Бобринскаго, съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены Общества и съ приложеніемъ его трудовъ по археологіи для библіотеки Общества.

3) Слушали сообщеніе Предварительнаго Комитета по устройству III-го областного археологическаго съѣзда въ г. Владимірѣ о томъ, что Владимірская ученая архивная коммиссія постановила отложить съѣздъ до 20 іюня 1906 г.

4) Слушали предложеніе Совѣта Общества отъ 9 апрѣля т. г., о посвященіи проф. В. С. Иконникову, въ виду истекшаго въ 1905 году 40-лѣтія его служебной и ученой дѣятельности, XIX ой книги „Чтеній".

Опредѣлили: поручить исполненіе этого предложенія Редакціонному Комитету Общества.

5) Слушали утвержденное Совѣтомъ предложеніе поч. чл. Н. П. Дашкевича и дд. членовъ: Г. Г. Павлуцкаго, И. М. Каманина, С. Т. Голубева, А. М. Лободы и М. В. Довнара-Запольскаго объ открытіи подписки на премію проф. В. Б. Антоновича при Обществѣ Нестора-лѣтописца за лучшіе труды по южно-русской археологіи и исторіи.

Опредѣлили: принять предложеніе и для дальнѣйшей разработки и осуществленія его избрать коммиссію изъ членовъ, подписавшихъ предложеніе, и, сверхъ того, пригласить въ нее О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, Н. П. Василенка и М. С. Грушевскаго.

VIII. Засѣданіе 11-го сентября 1905 г.

Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** изложилъ результаты своего изслѣдованія объ *„Олексіи Поповичѣ думы „про бурю на Чорному морі“*.

Древне-русскій былевой эпосъ, извѣстный по записямъ XIX в. на сѣверѣ Россіи, сложился къ XVI в.; изъ богатырей въ него входилъ рядомъ съ Ильей-Муромцемъ, Добрыней и друг. и Алеша-Поповичъ; теперь имена богатырей тамъ, на сѣверѣ, забываются; на югѣ Россіи, создавшемъ этотъ эпосъ, древнія пѣсни были извѣстны еще въ XVII в., что было установлено послѣ полемики по этому вопросу, начатой Погодинымъ и Максимовичемъ, въ которой впослѣдствіи приняли участіе Костомаровъ, Котляревскій, О. Миллеръ, Драгомановъ, Житецкій, Петровъ и, наконецъ, референтъ, указавшій болѣе 20 лѣтъ тому назадъ на прямые слѣды существованія былевого эпоса на югѣ Россіи, гдѣ извѣстны его главные герои — Илья-Муромецъ и Алеша-Поповичъ; послѣдній изъ героя былевого эпоса становится героемъ одной изъ лучшихъ малорусскихъ думъ. Мнѣніе о тождествѣ былиннаго Алеши съ Олексіемъ думы высказано было въ 1862 г. Безсоно-

вымъ, а потомъ принято референтомъ и А. Н. Веселовскимъ; но В. Б. Антоновичъ и А. А. Потебня не нашли основанія для сближенія этихъ лицъ; послѣдній предполагалъ южнославянское происхожденіе думы. Н. Ѳ. Сумцовъ подыскалъ сходный легендарный матеріалъ въ „Запискахъ“ Петра Могилы, въ „Небѣ новомъ“ Галятовскаго и въ западно-европейскихъ сказаніяхъ и предположилъ существованіе до-христіанскаго скандинавскаго первообраза. Къ мнѣнію г. Сумцова присоединились гг. Франко и Драгомановъ; первый считалъ основой легенды сказаніе о пророкѣ Іонѣ, а второй призналъ явно церковно-христіанскій характеръ легенды. По мнѣнію референта, подробности эпоса всецѣло почти покрываются подробностями думы; христіанскій или библейскій характеръ легенды — позднѣйшій мотивъ; поучительность думы — это слѣдъ вліянія „старцівъ“, а первоначально дума имѣла въ виду жалостность событія съ возможнымъ печальнымъ исходомъ для участниковъ—гибелью и неволей. Съ расцвѣтомъ подвиговъ козачества, развивается и творчество думъ. Дума объ „Олексіи“ могла явиться въ концѣ XVI в., на что указываетъ упоминаніе въ ней имени Самуила Зборовскаго, дѣйствовавшаго въ 80-хъ годахъ XVI в.; замѣчательно также сходство въ описаніи плаванія козаковъ до острова Тендры съ плаваніемъ тамъ-же отряда Зборовскаго; быть можетъ, думу сложилъ кто-нибудь изъ сподвижниковъ Зборовскаго; но онъ не могъ говорить о благополучномъ исходѣ столкновенія Зборовскаго съ турками, когда погибло много козаковъ; въ „Запискахъ“ Петра Могилы говорится о происшедшей бурѣ, о „волнахъ противныхъ“, о „злосопротивной хвилечкѣ“ думы; такимъ образомъ, эпизодъ о бурѣ—вводный, позднѣйшаго происхожденія. Когда въ думу вошелъ эпизодъ о покаяніи—трудно рѣшить: въ однихъ варіантахъ думы говорится объ одномъ грѣшникѣ, въ другихъ—о двухъ братьяхъ; первый варіантъ древнѣе второго; соединеніе былины и думы могло произойти въ болѣе позднее время. Интересно, что думы объ Олексіи поются въ Черниговщинѣ, но чаще думы про него поютъ въ Полтавщинѣ и еще чаще въ Харьковщинѣ,

т. е. на украинскомъ юго-востокѣ, по сосѣдству съ областью, гдѣ пѣлись былины. Образъ и положеніе Олексія Поповича (а также и двухъ братьевъ-грѣшниковъ изъ другого извода) созданы многовѣковымъ процессомъ христіанскаго творчества изъ матеріаловъ, накопленныхъ вѣками; напримѣръ, море не рѣдко встрѣчается въ былинахъ, между прочимъ—о Добрынѣ; гибель на морѣ также встрѣчается часто въ былинахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; море считается кладбищемъ по древней символикѣ, человѣческія жертвы морю—фактъ, распространенный въ народныхъ сказаніяхъ и житіяхъ; понятіе о преступности, приписываемой Олексію, также сложилось издавна. Такъ Олексій думы является претвореніемъ былевого Алексѣя Поповича [1]).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе д.д. члены: Ю. А. Кулаковскій, А. М. Лобода, П. П. Соколовъ и О. И. Левицкій.

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Вадимъ Львовичъ Модзалевскій.* Принято было также предложеніе г. Предсѣдателя объ участіи Общества въ празднованіи юбилея В. Б. Антоновича.

IX. Засѣданіе 25-го сентября 1905 г.

По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель сообщилъ, что непосредственно предъ засѣданіемъ стало извѣстнымъ о пребываніи въ Кіевѣ одного изъ лучшихъ кобзарей, М. С. Кравченка, который въ настоящее время находится въ Университетѣ; поэтому г. Предсѣдатель поставилъ вопросъ: не найдетъ ли Общество желательнымъ ознакомиться съ нимъ теперь же или назначить для слушанія кобзаря особое засѣданіе съ допущеніемъ въ него публики.

---

[1]) См. сборникъ статей въ честь В. Б. Антоновича.

Постановлено: выслушать предварительно кобзаря, отложивъ на дальнѣйшее время вопросъ объ особомъ засѣданіи.

Въ засѣданіе былъ приглашенъ кобзарь и, по предложенію присутствовавшихъ членовъ, пропѣлъ подъ акомпаниментъ кобзы думу про побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова, про Мороза и шуточную пѣсню „Кисель".

При этомъ д. чл. А. М. Лобода сообщилъ краткія біографическія данныя о пѣвцѣ, а объясненіе къ исполненію думъ далъ д. чл. О. И. Левицкій. Этимъ же членамъ Общества поручено было обсудить вопросъ о томъ, могло-ли бы имѣть мѣсто особое засѣданіе, посвященное слушанію кобзаря, и при какихъ обстоятельствахъ.

б) Затѣмъ, д. чл. **М. Н. Ясинскій** въ своемъ рефератѣ предложилъ рѣшеніе вопроса о томъ, „*Что представляли собою „село" и „вервь" „Русской Правды?*"

Референтъ указалъ на то, что въ эпоху Русской Правды въ XI—XIII вв. существовали территоріальныя общины, составлявшія шагъ впередъ, сравнительно съ союзами на кровнахъ началахъ болѣе ранняго времени. Фактъ существованія простыхъ и болѣе сложныхъ территоріальныхъ общинъ подтверждается свидѣтельствами лѣтописей и юридическихъ памятниковъ, упоминаніемъ въ нихъ селъ, весей, вервей и погостовъ. Но доселѣ изслѣдователи не могли притти къ соглашенію, что̀ представляютъ собой упоминаемыя въ Рус. Правдѣ „село" и особенно „вервь". По мнѣнію референта, если бы, вмѣсто всѣхъ древнихъ памятниковъ, до насъ дошла бы только одна Рус. Правда Академ. списка, то мы не знали бы ни „села", ни „вервей", такъ какъ этихъ терминовъ въ Рус. Правдѣ этого изданія нѣтъ, а ихъ замѣняетъ „міръ". При этомъ референтъ прочелъ соотвѣтствующее мѣсто „Правды" (ст. 12). Но, къ счастью, до насъ дошла еще и „Правды Ярославичей" и „Пространная Правда". Въ нихъ упоминается не только „вервь", но и друг. термины. Референтъ приводитъ двѣ статьи „Русской Правды", трактующія объ отвѣтственности села и верви за кражу (ст. 80 и 88). Главная

суть первой статьи: вервь обязана найти вора или, въ противномъ случаѣ, платить штрафъ. Вторая статья указываетъ, какъ села и верви, лежащія по пути слѣда, оставленнаго воромъ, освобождаютъ себя отъ подозрѣнія въ укрывательствѣ его; при розыскѣ вора, каждое селеніе въ своихъ интересахъ должно помогать потерпѣвшему, такъ какъ предполагается, что тамъ, гдѣ теряется слѣдъ, тамъ находится и преступникъ; если же какая-либо община этого не дѣлала, то несла отвѣтственность за участіе въ кражѣ. Но бываетъ такъ, что слѣдъ теряется на большой дорогѣ или въ степи; тогда дѣла прекращаются, и отвѣтственности никто не подвергается. По дѣламъ объ убійствѣ уличенномъ отвѣчаетъ та вервь, гдѣ лежитъ трупъ убитаго, и участвуетъ въ уплатѣ виры, если убійство не предумышленное. Однимъ словомъ, „село“ и „вервь“ отвѣчаютъ за убійства и за кражи, совершенныя въ ихъ предѣлахъ. Что же, наконецъ, представляетъ собою „село“ и „вервь“? Одни изслѣдователи считаютъ „село“ и „вервь“ территоріальными общинами, различными только по объему, и думаютъ, что села—небольшія общины, входяшія въ составъ верви. Другіе ученые утверждаютъ, что „село“—только усадьба или хуторъ. Наконецъ, есть еще мнѣніе, по которому подъ „селомъ“ разумѣется воздѣланный участокъ земли. Въ періодъ Рус. Правды подъ „селомъ“ разумѣлось то же, что и въ наше время; но первоначальный смыслъ удержался въ словахъ „сельцо“ и „селище“. Въ XV и XVI вв. „сельцо“ и „селище“ означало участокъ пахатной земли, обставленный хозяйственными и жилыми постройками. Изъ западно-русскихъ актовъ видно, что „сельцомъ“ или „селищемъ“ въ Смоленской, Витебской и Кіевской земляхъ называлось въ XV и XVI вв. то же, что въ Волынской землѣ и Турово-Пинскомъ Полѣсьѣ—„дворищемъ“ и „службой“. Изъ всего вышесказаннаго видно, что „село“ Рус. Правды—то же самое, что „дворище“, „сельцо“ и „селище“ въ XV и XVI вв., т. е. участокъ усадебной и пахатной земли, находящійся во владѣніи группы лицъ, болѣе или менѣе значительной. Затѣмъ референтъ перешелъ ко второму термину „вервь“. Вервь во времена Рус. Правды, по мнѣнію

Соловьева, Лешкова, Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, представляла собой территоріальную общину. Но надо имѣть еще представленіе о верви, какъ территоріальной общинѣ; была ли вервь простой или сложной общиной, именовавшейся въ древности погостомъ, съ присвоеніемъ ему еще наименованія волости, подъ которой разумѣется совокупность простыхъ общинъ, союзъ селъ и деревень? Большая часть изслѣдователей неосновательно отождествляютъ вервь съ задругой; и лишь немногіе видятъ въ вервяхъ большія общины, состоящія изъ нѣсколькихъ селъ и занимающія большія территоріи; на этомъ основаніи „вервь" Рус. Правды они отождествляютъ съ погостомъ и волостью; и профессоръ Лешковъ находитъ возможнымъ утверждать, что вервь занимаетъ территорію отъ 400 до 1300 кв. вер. Это опредѣленіе территоріи „верви" референтъ считаетъ фантастичнымъ и приведенныя цифры ни на чемъ неоснованными, если принять во вниманіе естественную разрѣженность населенія и громадныя дистанціи между отдѣльно населенными пунктами, заполненныя лѣсами и болотами; кромѣ того, придется признать и рядъ положеній, вытекающихъ изъ отождествленія верви съ волостью: во-первыхъ, что Рус. Правда безъ всякой нужды возлагаетъ отвѣтственность за преступленіе на такой громадный территоріальный союзъ; во-вторыхъ, что „гоненіе слѣда", разъ всѣ „села" и „верви", лежащія на пути его, должны были „выводить слѣдъ", не могло распространяться не только на сотни, но даже и на десятки верстъ. Референтъ полагаетъ, что во всѣхъ этихъ недоумѣніяхъ не повинна Рус. Правда. Если же мы хотимъ уяснить себѣ, что такое „вервь", то должны обратиться къ свидѣтельству западно-русскихъ актовъ и законодательныхъ памятниковъ (Литов. Статута). Съ помощью этихъ памятниковъ и актовъ мы можемъ прослѣдить исторію института „гоненія слѣда" отъ эпохи Рус. Правда до XVI—XVII вв. Далѣе референтъ подробно изложилъ относящіеся къ этому институту факты актовъ и статьи Литов. Статута. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ обнаруживается полное сходство постановленій Правды,

Статута и актоваго матеріала, трактующихъ о „гоненіи слѣда". Разница въ томъ, что, вмѣсто „села" или „верви" Рус. Правды, въ Статутѣфигу рируютъ домъ и село. На основаніи этого референтъ полагаетъ, что древне русская „вервь" была не крупной территоріальной общиной, вродѣ волости или погоста, а простой территоріальной общиной, именовавшейся въ древности весью, а позже селомъ.

в) Г. Предсѣдатель **Ю. А. Кулаковскій** предложилъ на разсмотрѣніе Общества *„Основныя положенія, выработанныя особой при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіей по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій"*.

Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ возбужденъ весьма важный вопросъ объ организаціи охраны памятниковъ старины. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Государственному Совѣту, который, при разсмотрѣніи дѣла о поддержаніи древней церкви въ г. Муромѣ, обратилъ вниманіе на крайнюю недостаточность и отрывочный характеръ содержащихся въ дѣйствующемъ строительномъ уставѣ (1900 г.) постановленій, касающихся древнихъ памятниковъ и зданій. Въ виду этого Государственный Совѣтъ предоставилъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія относительно древнихъ памятниковъ и внести свои предположенія на законодательное разрѣшеніе. По утвержденіи Высочайшей властью этого мнѣнія Государственнаго Совѣта, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ образовало особую коммиссію, которая выработала основныя положенія о мѣрахъ къ охраненію памятниковъ древности, а также поставила рядъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены при участіи компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и учрежденій. Текстъ основныхъ положеній и этихъ вопросовъ былъ разосланъ лѣтомъ этого года въ ученыя общества, состоящія въ разныхъ городахъ Россіи, съ просьбой подвергнуть обсужденію, какъ отдѣльные пуикты положенія, такъ и вопросы, чтобы, такимъ образомъ, центральная коммиссія могла опереться въ своихъ рѣшеніяхъ на сужденія обществъ,

которыя будутъ призваны къ ближайшему участію въ дѣлѣ охраны памятниковъ древности.

Комиссія предполагаетъ раздѣлить Россію на археологическіе округа, изъ которыхъ каждый будетъ обнимать нѣсколько губерній. Кіевскій округъ предположено составить въ такихъ предѣлахъ: губерніи Кіевская, Подольская, Волынская, Минская, Могилевская, Черниговская и Полтавская. Охрану памятниковъ древности въ каждомъ округѣ предположено предоставить одному изъ ученыхъ обществъ въ центральномъ городѣ даннаго района—для нашего края, въ частности, „Историческому Обществу Нестора-лѣтописца, или одному изъ другихъ историко-археологическихъ обществъ г. Кіева".

Дѣйствію проектируемыхъ правилъ по охранѣ древностей должны подлежать: 1) памятники зодчества, живописи и ваянія, 2) монументы въ честь лицъ и историческихъ событій, 3) памятники письма и печати и 4) вообще всѣ памятники, замѣчательные по своей древности, художественному достоинству и археологическому или историческому значенію. Само собою разумѣется, что архивы съ ихъ матеріаломъ исключаются изъ вѣдѣнія будущей организаціи охраны памятниковъ древности, такъ какъ для нихъ уже давно вырабатывается особая общая для всей имперіи организація.

Общество или учрежденіе, которому будетъ поручена охрана памятниковъ древности, должно будетъ составить списокъ имѣющихся въ данномъ округѣ памятниковъ, подлежащихъ охранѣ, при чемъ по отношенію къ недвижимымъ памятникамъ предположено принять за общее правило, что, по истеченіи 150 лѣтъ существованія, каждый памятникъ подлежитъ охранѣ. Функціи охранительныхъ органовъ должны быть двоякаго рода: наблюдательнаго и исполнительнаго характера. Въ число функцій перваго рода входитъ: приведеніе въ извѣстность, фотографированіе, зарисовываніе, составленіе списковъ и изслѣдованіе памятниковъ древности, наблюденіе за ихъ сохранностью, а равно сообщеніе заключеній подлежащимъ вѣдомствамъ по вопросамъ ремонта и реставраціи

этихъ памятниковъ. Къ функціямъ второго рода относится обязанность непосредственно самимъ производить ремонтъ приходящихъ въ ветхость памятниковъ старины.

Само собою разумѣется, что такое сложное и трудное дѣло, какъ охрана памятниковъ старины на всемъ пространствѣ нашего отечества, вызываетъ необходимость для своей общей регламентаціи рѣшенія множества частныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ намѣчены въ коммиссіи и предложены на обсужденіе учрежденій, къ которымъ обратилось Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ, хотя коммиссія и предположила порученіе охраны памятниковъ старины ученымъ обществамъ по отдѣльнымъ районамъ, но въ тоже время, принимая въ соображеніе обширность намѣченныхъ округовъ, а также допуская возможность, что общества не согласятся принять на себя обязанности окружныхъ органовъ надзора, она ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли создать особые органы для этого дѣла по губерніямъ и какъ опредѣлить составъ этихъ органовъ? не слѣдуетъ-ли въ составъ ихъ включить архивныя коммиссіи? въ какой формѣ можно привлечь земскія и общественныя городскія учрежденія къ участію въ расходахъ, какихъ потребуетъ новое учрежденіе? Установленіе охраны памятниковъ старины повлечетъ за собою необходимость принять постановленія уголовнаго и гражданскаго характера, которыя должны быть внесены въ законъ, таковы: отвѣтственность за разрушеніе памятниковъ старины или ихъ поврежденіе, вывозъ древностей за границу, отчужденіе памятниковъ, находящихся въ частномъ владѣніи, и т. под.

Въ настоящее время существуетъ одно правительственное учрежденіе, въ функціи котораго входитъ общая забота объ охранѣ памятниковъ старины, это—Императорская Археологическая Коммиссія; но она не имѣетъ ни органовъ, ни способовъ надзора. Даже такіе вопросы, какъ реставрація древнихъ церквей, нерѣдко обходятся безъ участія Императорской Археологической Коммиссіи. Такъ, древнѣйшій храмъ на территоріи Россіи, церковь Іоанна Предтечи въ Керчи,

существующая съ VIII вѣка, была реставрирована и перестроена безъ участія Коммиссіи въ этомъ дѣлѣ. Въ 1890-хъ годахъ искаженъ и передѣланъ храмъ, сооруженный Потемкинымъ въ Херсонѣ, распоряженіемъ мѣстнаго архіерея и усердіемъ церковнаго старосты. Только въ г. Москвѣ дѣло обстоитъ лучше, гдѣ графъ Уваровъ выхлопоталъ предсѣдателю Археологическаго Общества спеціальное право властнаго голоса въ вопросахъ о ремонтѣ древнихъ сооруженій. Императорская Археологическая Коммиссія, а также Московское Археологическое Общество поднимали нѣсколько разъ вопросъ о необходимости общихъ узаконеній относительно охраны памятниковъ старины. Въ настоящее время дѣло поставлено на прочную почву, и весьма желательно, чтобы ученыя общества и заинтересованныя въ охранѣ памятниковъ старины частныя лица оказали дѣятельную помощь въ выработкѣ соотвѣтственныхъ мѣропріятій. Нашъ край богаче памятниками старины, чѣмъ многія другія мѣстности Россіи, и тѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не исчезали безслѣдно и не расхищались свидѣтели и остатки культурной жизни давняго прошлаго.

На поставленный г. Предсѣдателемъ вопросъ, желательна-ли для Общества роль, которую намѣчаютъ для него „Положенія", д. чл. *Г. Г. Павлуцкій* развилъ ту мысль, что Общество само уже, по мѣрѣ возможности, стремится осуществить аналогичныя задачи въ лицѣ своей коммиссіи по обозрѣнію и описанію памятниковъ южно-русской старины и, слѣдовательно, съ этой стороны, можетъ лишь итти на встрѣчу „Положеніямъ"; вполнѣ основательно также, чтобы именно Обществу Нестора-лѣтописца, а не какому-другому принадлежала роль мѣстнаго руководительнаго органа, ибо составъ его и характеръ обѣщаютъ больше свободы, разносторонности и широты дѣйствій.

А. А. Дмитріевскій и *Ю. А. Кулаковскій* замѣтили, что среди памятниковъ старины есть очень много религіозныхъ, которые какъ бы спеціально входятъ въ кругъ компетенціи Кіевскаго церковно-археологическаго общества; не считаться

съ нимъ тѣмъ неудобнѣе, что въ глазахъ ближайшихъ блюстителей церковной старины—священниковъ, оно имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ Общество Нестора-лѣтописца.

Д. чл. *В. Т. Георгіевскій* прибавилъ, что, на его взглядъ, поэтому, наиболѣе желательна смѣшанная коммиссія изъ членовъ того и другого Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Георгіевскій оговорился, что „Положенія" страдаютъ излишней централизаціей, которую желательно устранить, предоставивъ больше свободы мелкимъ (губернскимъ и т. п.) ученымъ единицамъ, къ чему д. чл. *М. В. Довнаръ-Запольскій* добавилъ, что на Екатеринославскомъ археологическомъ съѣздѣ члены архивныхъ коммиссій отнеслись къ „Положеніямъ" скептически и рѣшили пересмотрѣть этотъ вопросъ на съѣздѣ въ Петербургѣ.

Д. чл. *А. М. Лобода* высказался въ томъ смыслѣ, что разъ Общество желаетъ дѣла, а не канцелярской переписки, то оно должно возбудить вопросъ о средствахъ, съ помощію которыхъ могло бы устроить фактическій контроль и охрану памятниковъ старины, ибо само Общество на это вовсе не имѣетъ средствъ.

Постановили: избрать для обсужденія вопросовъ, возбужденныхъ „Положеніями", коммиссію изъ членовъ: В. Б. Антоновича, Ю. А. Кулаковскаго, Г. Г. Павлуцкаго, Н. И. Петрова, В. З. Завитневича, О. И. Левицкаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, В. Т. Георгіевскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго и В. И. Щербины.

Въ настоящемъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены—*Дмитрій Васильевичъ Туткевичъ* и въ члены-корреспонденты *Германъ Марковичъ Барацъ*.

Въ члены Ревизіонной Коммиссіи избраны *В. С. Иконниковъ*, *Н. В. Стороженко* и *А. В. Стороженко*.

X. Засѣданіе 19-го октября 1905 г.

а) Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** прочелъ сообщеніе о „*Старинныхъ деревянныхъ синагогахъ въ Юго-Западномъ краѣ*".

Настоящій рефератъ является продолженіемъ труда коммиссіи по изданію „Древностей Украины", первый выпускъ которыхъ, содержащій въ себѣ описаніе памятниковъ древняго деревяннаго зодчества въ Юго-Западномъ краѣ, недавно вышелъ въ свѣтъ. Коммиссія эта существовала при Обществѣ Нестора-лѣтописца и собирала матеріалъ для упомянутаго изданія, которое принято на свои средства Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ настоящее время готовится къ изданію второй выпускъ, въ который войдетъ описаніе другихъ типовъ деревянныхъ построекъ Южной Россіи, одинъ изъ которыхъ и описываетъ референтъ. Онъ началъ съ указанія на то, что всякому, бывавшему въ мѣстечкахъ Юго-Западнаго края приходилось видѣть мрачное, своеобразной архитектуры, деревянное зданіе, построенное большей частью на площади среди еврейскихъ домовъ и заѣзжихъ дворовъ; это—синагога. Деревянныя синагоги въ настоящее время рѣдкость, такъ какъ онѣ сносятся за ветхостью, а нѣкоторыя реставрируются и утрачиваютъ при этомъ все типичное. Евреи въ Польшѣ и Малороссіи могли не скрывать своихъ молитвенныхъ домовъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы. Поэтому синагоги были лучшими зданіями въ мѣстечкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ были и каменныя синагоги, тогда какъ христіане строили почти исключительно деревянные храмы. Деревянныя синагоги отличались очень оригинальной архитектурой. Четыреугольникъ образуютъ четыре мрачныхъ темныхъ стѣны, въ которыхъ высоко надъ землей вдѣланы широкія окна, и вѣнчаетъ постройку трехъ-этажная крыша. Вокругъ этого унылаго зданія тѣснятся школки, хедеры, камеры кагальныхъ заправителей; тутъ-же рядомъ еврейскіе жалкіе домишки. Внутренность синагоги—большая зала, выкрашенная краской; вмѣсто потолка—куполъ, въ основаніи

четыре-угольный, затѣмъ переходящій въ восьми-угольный. Куполъ расписанъ. Въ м. Михалполѣ (Подол. губ.) сохранился куполъ, расписанный живописью, которая представляетъ изображенія: Іерусалима, виноградника, коровы съ теленкомъ, а въ медальонахъ—рыбъ, зайцевъ, оленей, слоновъ, единорога въ борьбѣ со львомъ и т. п. Все помѣщеніе синагоги уставлено густо скамьями. Противъ входа у противоположной стѣны помѣщается „уренъ-койдешъ"—деревянный кіотъ или шкафикъ; это—алтарь, въ которомъ хранится тора; онъ помѣщается на нѣкоторомъ возвышеніи. Передъ алтаремъ находится эстрада, „бима", на которой стоятъ столъ, предназначенный для развертыванія торы въ богослужебные дни. Здѣсь-же помѣщаются и хоры для пѣвчихъ. Референту извѣстны синагоги въ Погребищахъ (Бердичев. у.), въ Ярмолинцахъ и Шаровкѣ (Проскуров. у.), въ Михалполѣ (Летичев. у. Подол. губ.), въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, въ Узланахъ (Минск. губ.), въ Заблудовѣ (Гродненъ. губ.). При постройкѣ синагогъ евреи сохранили стилевую связь съ христіанскимъ деревяннымъ зодчествомъ. Можно утверждать, что синагоги это деревянныя исчезнувшія шляхетскія хоромы. Матвѣй Берсонъ, извѣстный изслѣдователь деревянныхъ синагогъ въ Польшѣ, предполагаетъ, что онѣ—лучшія произведенія еврейскаго зодчества. Съ нимъ несогласны польскіе историки, по мнѣнію которыхъ евреи не могли принесть съ собой изъ Іудеи деревяннаго зодчества, такъ какъ тамъ не было лѣсовъ. Образцомъ для синагогъ бралась самая красивая свѣтская постройка; этой постройкой былъ шляхетскій домъ, или будынокъ, съ высокой готической крышей, что ясно видно изъ разсмотрѣнія рисунковъ, помѣщенныхъ въ „Tygodniku Illustrowanym". Отличительнымъ признакомъ польскаго будынка были пристройки по угламъ, которыя имѣли пирамидальныя крыши. Эту-же особенность представляютъ и синагоги въ Заблудовѣ, Насѣльскѣ, Вольцѣ и Погребищахъ, а также и въ тѣхъ синагогахъ, которыя референтъ лично осматривалъ въ Михалполѣ и Хмельникѣ (Подол. губ.). Вторая особен-

ность деревянныхъ синагогъ—крыши; если изучать разныя сельско-хозяйственныя постройки въ Польшѣ и Малороссіи, то можно установить нѣсколько типовъ крышъ: 1) пирамидальная крыша на небольшой квадратной постройкѣ (въ с. Печановкѣ придѣлы деревянной церкви имѣютъ такія же крыши); 2) крыша съ дымниками, для выхода дыма на узкихъ сторонахъ крыши; такіе-же дымники раньше устраивались въ хатахъ съ соломенными крышами такъ: на верхушкѣ четырехскатной крыши кладется для лучшаго держанія сноповъ покрышка изъ того-же матеріала, а на фронтахъ оставляются отверстія для дыма; хата сѣнями раздѣляется на двѣ половины; въ обѣихъ печи, въ которыхъ трубъ нѣтъ, и потому дымъ идетъ въ сѣни, а изъ сѣней—ия чердакъ и, наконецъ, въ дымники (хаты у гуцуловъ); 3) дымники постепенно увеличиваются и закрываются щитомъ, украшеннымъ орнаментомъ; такія крыши можно видѣть въ мѣстечкахъ на еврейскихъ домахъ (хаты Закопянскаго стиля, хаты въ Силезіи, у гуцуловъ, паперти въ деревянныхъ церквахъ въ Винницѣ, Малыхъ Хуторахъ и въ Привитовѣ); 4) крыша, совершенно обрѣзанная по фронту—двускатная крыша; 5) четырехскатная барочная крыша съ двойнымъ заломомъ, такъ называемая польская мансарда, которая ведетъ свое происхожденіе отъ французской мансарды. Крыши съ заломомъ мы встрѣчаемъ и въ Кіевѣ: трапезная церковь въ Михайловскомъ монастырѣ, митрополитанскій домъ и духовное училище въ оградѣ Софійскаго собора, корпуса келій въ Печерской лаврѣ; такую же форму крыши имѣетъ въ Заславлѣ замокъ. На синагогахъ встрѣчаются всѣ эти типы кровель, особенно же часто встрѣчается крыша со щитомъ и барочная крыша съ заломомъ. Резюмируя все вышесказанное, референтъ пришелъ къ заключенію, что памятники этого рода очень важны для исторіи малорусскаго искусства, такъ какъ они являются послѣдними уже исчезающими и въ то-же время консервативными памятниками нашего деревяннаго зодчества, и высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ, кто только можетъ, собирали и опубликовывали бы рисунки этихъ памятниковъ.

По поводу этого доклада д. чл. О. И. Левицкій обратилъ вниманіе референта на видѣнныя имъ синагоги въ Луцкѣ, Острогѣ и Любомлѣ, а д. чл. В. Т Георгіевскій—на синагогу въ Чернобылѣ; онъ же замѣтилъ, что двойная крыша съ заломомъ, быть можетъ, ведетъ свое начало не съ запада (французскія мансарды), а отъ способа покрытія соломенныхъ крышъ, что̀ поддерживалъ и г. Левицкій, указавъ, что, насколько онъ знаетъ изъ личныхъ воспоминаній, такія двойныя крыши часто первоначально были крыты соломой, а потомъ уже перекрывались деревомъ или желѣзомъ.

б) По окончаніи дебатовъ, вызванныхъ вышеизложеннымъ рефератомъ, былъ прочтенъ докладъ Коммиссіи, избранной въ предшествовавшемъ засѣданіи, по вопросу объ охранѣ древнихъ памятниковъ и зданій, возбужденному особой коммиссіей при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

1) По вопросу о центральномъ охранительномъ органѣ коммиссія Общества Нестора-лѣтописца высказала пожеланіе, чтобы этотъ органъ состоялъ изъ представителей ученыхъ учрежденій С.-Петербурга, имѣющихъ отношеніе къ археологіи.

2) Функціи окружныхъ охранительныхъ органовъ могутъ быть предоставляемы мѣстнымъ историко-археологическимъ обществамъ.

3) Дѣятельность охранительныхъ органовъ не должна быть ограничиваема степенью древности памятниковъ и зданій.

4) Въ Кіевскомъ археологическомъ округѣ функціи окружного органа Общество Нестора-лѣтописца принимаетъ на себя, входя для этой цѣли въ сношенія съ губернскими учеными архивными коммиссіями и церковно-археологическими обществами.

Губерніи Минская и Могилевская должны быть отнесены къ Виленскому округу, съ которымъ онѣ больше связаны и своимъ историческимъ прошлымъ, и этнографическимъ составомъ.

5) Обществу Нестора-лѣтописца должны быть предоставлены матеріальныя средства на расходы, связанные съ исполненіемъ имъ охранительныхъ функцій.

6) Право охраненія должно распространяться и на памятники, принадлежащіе частнымъ лицамъ.

7) Участіе земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій въ расходахъ по охраненію памятниковъ и зданій желательно.

По выслушаніи и обсужденіи заключеній своей коммиссіи (при чемъ произошелъ между членами обмѣнъ мнѣніями), Общество Нестора-лѣтописца постановило препроводить эти заключенія въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

По случаю исполнившагося 35-лѣтія служебной и научной дѣятельности почет. члена Общества *Н. И. Петрова* и 25-лѣтія поч. члена *Н. Ѳ. Сумцова* постановили уполномочить О. И. Левицкаго и А. М. Лободу принести поздравленіе Н. И. Петрову и послать привѣтствіе Н. Ѳ. Сумцову.

Назначенные на 16-е октября выборы должностныхъ лицъ Общества Нестора-лѣтописца на новое трехлѣтіе на мѣсто выбывающихъ, за истеченіемъ срока ихъ полномочій, не состоялись вслѣдствіе закрытія Университета.

По той же причинѣ не состоялось и годичное торжественное собраніе Общества 27-го октября 1905 года.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го ноября 1905 г. по 19-е марта 1906 г.

I. Засѣданіе 27-го ноября 1905 г.

Настоящее засѣданіе, вслѣдствіе того, что въ половинѣ октября, не состоялись выборы должностныхъ лицъ по случаю закрытія Университета было посвящено избранію членовъ бюро на новое трехлѣтіе на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока ихъ полномочій.

По произведенной баллотировкѣ избранными оказались, по октябрь 1908 г., въ должности:

Предсѣдателя—*Н. П. Дашкевичъ.*

Товарища предсѣдателя—*А. А. Дмитріевскій.*

Секретаря—*А. М. Лобода.*

Казначея—*Г. Г. Павлуцкій.*

Библіотекаря и помощника секретаря—*И. М. Каманинъ.*

II. Засѣданіе 15-го января 1906 г.

Настоящее годичное собраніе было открыто краткой рѣчью г. Предсѣдателя, указавшаго на важность возобновленія занятій Общества историческимъ изученіемъ прошлой жизни народа теперь, въ виду развитія общественнаго самосознанія и самопознанія. Затѣмъ г. Секретарь Общества **А. М. Лобода** прочелъ составленный имъ

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 33-й годъ его существованія, съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.

Годичный кругъ занятій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца заканчивается 27-го октября каждаго года, и обычно въ этотъ день бывали годичныя собранія Общества, въ которыхъ оно подводило итогъ своей дѣятельности за истекавшій отчетный годъ.

Нынѣ, по не зависящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, пришлось пропустить этотъ традиціонный день, и только въ настоящемъ засѣданіи Общество имѣетъ возможность представить отчетъ о своемъ состояніи и дѣятельности за 33-ій годъ своего существованія, съ 27-го октября 1904 г.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его совѣта и бюро.

Къ 27-му октября 1904 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 152 членовъ: 25 почетныхъ, 124 дѣйствительныхъ и 3 членовъ-корреспондентовъ; 1—почетный членъ былъ избранъ въ засѣданіи 27-го октября 1904 г.

Изъ нихъ Общество *лишилось* почетнаго члена, академика Александра Николаевича Пыпина, и дѣйствительнаго члена, графа Григорія Александровича Милорадовича.

Имя Пыпина всѣмъ извѣстно; труды его поражаютъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ; его разысканія въ области старинныхъ русскихъ повѣстей и сказокъ, исторія русской этнографіи, исторія славянскихъ литературъ, исторія русской литературы, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изслѣдованія о Бѣлинскомъ и Некрасовѣ—являются настольными книгами для всякаго интересующагося этими вопросами; обширныя познанія въ немъ соединялись съ рѣдкимъ популяризаторскимъ талантомъ, такъ что въ лицѣ покойнаго не только наука понесла тяжелую утрату,

но и русское общество лишилось незамѣнимаго воспитателя въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Графъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ былъ однимъ изъ видныхъ общественныхъ и ученыхъ дѣятелей нашего края. Принадлежа къ родовитому малорусскому дворянству, онъ особенно интересовался исторіей своего сословія и оставилъ въ этой области рядъ крупныхъ работъ; заслуживаетъ упоминанія также его изданіе стихотвореній Туманскаго съ цѣнными біограф. данными.

Новыхъ членовъ было *избрано* 7: 4 дѣйствительныхъ—проф. П. П. Соколовъ, магистрантъ по каѳедрѣ рус. исторіи А. С. Грушевскій, поручикъ В. Л. Модзалевскій и членъ суд. палаты Д. В. Туткевичъ; 3 члена-корреспондента—присяжный повѣренный Г. М. Барацъ, преподаватель исторіи В. И. Пичета и профессорскій стипендіатъ по каѳедрѣ рус. языка и словесности В. А. Розовъ.

Такимъ образомъ, *къ концу отчетнаго года*, въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца *числилось всего* 158 членовъ: 25 почетныхъ, 127 дѣйствительныхъ и 6 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ 80, а именно: 6 почетныхъ, 71 дѣйствительный и 3 члена-корреспондента находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Въ октябрѣ отчетнаго года истекъ срокъ полномочій членамъ *Бюро* Общества: предсѣдателю, его товарищу, секретарю, казначею и библіотекарю, исполняющему вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности помощника секретаря. Назначенное на 16-е октября собраніе для выбора означенныхъ должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе не состоялось, и выборы въ отчетномъ году не могли быть вовсе произведены, такъ что составъ Бюро Общества къ концу отчетнаго года оставался прежній: предсѣдатель д. чл. Ю. А. Кулаковскій, товарищъ предсѣдателя д. чл. О. И. Левицкій, секретарь д. чл. А. М. Лобода, казначей д. чл. Г. Г. Павлуцкій, библіотекарь и помощникъ секретаря д. чл. И. М. Каманинъ.

Равнымъ образомъ оставался въ прежнемъ составѣ и *Совѣтъ* Общества, членами коего были: 1) вышепоименован-

ные предсѣдатель Общества, его товарищъ, секретарь и казначей, 2) члены-учредители, поч. члены: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ и Н. И. Петровъ; 3) восемь членовъ по избранію: поч. члены М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Н. П. Дашкевичъ, дѣйств. члены: Г. Е. Аѳанасьевъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ, Т. Д. Флоринскій, С. Т. Голубевъ и И. М. Каманинъ.

Изъ нихъ членами Редакціоннаго Комитета при Совѣтѣ состоятъ названныя четыре должностныхъ лица Общества и, по избранію Совѣта, поч. члены В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Н. П. Дашкевичъ.

Засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 4, а засѣданій Редакціоннаго Комитета—3.

Свѣдѣнія о кассѣ Общества.

1) Къ 27-му октября 1905 года въ кассѣ оставалось	2726 р. 08 к.
(Изъ нихъ неприкосновеннаго капитала 2400 р. и наличными деньгами 326 р. 18 к.).	
2) Въ теченіе отчетнаго года поступило въ приходъ Общества	1409 р. 42 к.
(болѣе прошлогодняго на 138 р. 11 к.).	

и въ томъ числѣ:

а) правительственной субсидіи	800 р. — к.
б) членскихъ взносовъ (отъ 41 члена) .	203 р. 91 к.
(болѣе прошлогодняго на 103 р. 78 к.)	
в) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету	127 р. 18 к.
(болѣе прошлогодняго на 13 р. 70 к.)	
г) отъ продажи изданій Общества . . .	78 р. 33 к.
(болѣе прошлогодняго на 52 р. 8 к.)	
д) пособія отъ Правленія Университета .	200 р. — к.

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, находившихся въ кассѣ Общества въ отчетномъ году, составляетъ		4135 р. 60 к.
(болѣе прошлогодняго на 211 р. 50 к.)		
Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:		
1) на изданія Общества:		
а) на изданіе 2 вып. XVIII кн. „Чтеній“	468 р. 50 к.	1028 р. 5 к.
б) на изданіе 3 и 4 вып. той же книги	559 р. 55 к.	
2) на устройство засѣданій		44 р. 25 к.
3) на прислугу		69 р. — к.
4) на канцелярскіе и различные мелкіе расходы		71 р. 42 к.
Всего же израсходовано		1212 р. 72 к.
(болѣе прошлогодняго на 14 р. 80 к.)		
Слѣдовательно, къ 27 октября 1905 года въ кассѣ Общества осталось въ наличности .		2922 р. 88 к.
(Изъ нихъ неприкосновеннаго капитала— 2538 руб. и наличными деньгами 384 р. 88 к.)		
(болѣе прошлогодняго на 196 р. 70 к.)		

Свѣдѣнія о библіотекѣ Общества.

а) *Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ* библіотеки Общества къ 27-му октября 1904 г. было: 2670 названій въ 5982 томахъ и брошюрахъ. Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило 106 названій въ 235 томахъ и брошюрахъ, и такимъ образомъ къ 27-му октября 1905 г. числится всего 2776 названій въ 6217 томахъ и брошюрахъ.

Въ означенномъ числѣ вновь поступившихъ книгъ заслуживаютъ вниманія:

а) Изданный Император. Археографич. Коммиссіей (въ Спб.) 1-й томъ „*Литовской Метрики*“.

б) Пожертвованные гр. *А. А. Бобринскимъ,* поч. чл. нашего Общества, всѣ его труды по археологіи Южной Россіи.

в) *Лицевой иконописный подлинникъ:* иконографія Господа-Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, съ изслѣдованіемъ къ нему академика Н. Кондакова.

г) *Утвержденная грамота* объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова, изданная фототипіей Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ по поводу столѣтія существованія Общества, и

д) *Тріодіонъ,* си есть „Трипѣснецъ", изданный во Львовѣ Михаиломъ Слезкой въ 1642 году, пожертвованный студентомъ Университета св. Владиміра В. М. Щербаковскимъ.

2) *Въ отдѣлѣ рукописей* къ 27-му октября 1904 г. было:

а) древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 14

б) фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

в) отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ 2 связки.

г) рукописныхъ сочиненій XIX в. въ формѣ книгъ 7

д) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта и поч. членомъ нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года поступила одна рукопись, именно: „Книга дѣяній апостольскихъ" конца XVII в. [1]). Рукопись пожертвована студентомъ Университета св. Владиміра Николаемъ Терновскимъ. Въ палеографическомъ отношеніи рукопись представляетъ собой образецъ скорописнаго устава старательной, однако, работы.

---

[1]) Водный знакъ книги встрѣчается въ актовыхъ книгахъ Волыни не ранѣе 1683 г.; характеръ же письма, подобный характеру данной рукописи, встрѣчается и въ Подоліи; въ одной изъ этихъ мѣстностей и могла писаться „Книга дѣяній апостольскихъ".

Такимъ образомъ къ 27-му октября 1905 г. въ отдѣлѣ рукописей имѣется:

а) древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 15

б) рукописныхъ книгъ XIX в. 7

в) фотографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей 2

г) отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ 2 связки.

д) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованная сестрой поэта, поч. чл. нашего Общества О. В. Головней.

3) Въ небольшой *музей Общества,* до сихъ поръ не выходящій изъ зачаточнаго состоянія, новыхъ поступленій въ теченіе отчетнаго года не было.

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историческаго Общества Нестора-лѣтописца выражалась, по примѣру прежнихъ лѣтъ, прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году всѣхъ засѣданій Общества было 10 (противъ 14 за прошлый годъ). Въ нихъ доложены были сообщенія слѣдующихъ 15 членовъ Общества: Н. П. Дашкевича, Г. Г. Павлуцкаго, А. И. Соболевскаго (по 2 сообщенія), А. С. Грушевскаго, А. А. Дмитріевскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, И. М. Каманина, О. И. Левицкаго, А. М. Лободы, Н. И. Петрова, А. В. Стороженка, Т. Д. Флоринскаго, О. А. Фотинскаго, В. А. Чаговца и М. Н. Ясинскаго; кромѣ того, были доложены и подвергались обсужденію въ открытомъ засѣданіи „Основныя положенія, выработанныя особой коммиссіей при Мин. Вн. Д. по пересмотру постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій“, какъ равно и докладъ коммиссіи изъ членовъ Общества, избранный для выясненія возбужденнаго этими положеніями вопроса.

Всего сообщеній было предложено такимъ образомъ 20 (противъ 34, предложенныхъ въ прошломъ году 23 членами и сторонними посѣтителями).

Большинство изъ нихъ было посвящено вопросамъ южнорусской старины и народности, и прежде всего здѣсь должно быть отмѣчено разсмотрѣніе только что упомянутыхъ „Основныхъ положеній по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій". То, что въ другихъ государствахъ составляетъ предметъ національной гордости и особенной заботливости, у насъ, за рѣдкими исключеніями, оказывается въ полномъ пренебреженіи, разрушается, расхищается, приспособляется для совершенно неподходящихъ цѣлей или варварски „обновляется". Въ частности, сколько такимъ образомъ погибло памятниковъ старины въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ! При подобныхъ обстоятельствахъ вполнѣ естественно то сочувствіе, съ какимъ въ Обществѣ Нестора-лѣтописца была встрѣчена мысль Министерства Вн. Дѣлъ упорядочить это дѣло и, для болѣе дѣйствительной охраны памятниковъ старины, привлечь къ широкому участію мѣстныя ученыя Общества. Въ частности, для Общества Нестора-лѣтописца „Основныя положенія" намѣтили роль окружнаго наблюдательнаго органа губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Могилевской, Черниговской и Полтавской; выражая готовность на извѣстныхъ условіяхъ принять на себя эту роль, Общество Нестора-лѣтописца находитъ, однако, что губерніи Минская и Могилевская скорѣе могутъ быть отнесены къ Виленскому округу, къ которому онѣ болѣе тяготѣютъ по своему историческому прошлому и этнографическому составу населенія.

Обществу Нестора-лѣтописца тѣмъ ближе новая предназначаемая для него дѣятельность, что оно само уже, по мѣрѣ возможности, стремится осуществить аналогическія задачи въ лицѣ своей Коммиссіи по обозрѣнію и описанію памятниковъ южно-русской старины. Предсѣдатель этой Коммиссіи, д. чл. Общества Г. Г. Павлуцкій, продолжая свои

разысканія въ области старинной деревянной южно-русской архитектуры, демонстрировалъ „Изображеніе храма на древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ", въ дополненіе къ своему предыдущему реферату о деревянной церковной архитектурѣ Юго-Западнаго края и въ подтвержденіе его основныхъ положеній, а затѣмъ познакомилъ съ архитектурой „Старинныхъ деревянныхъ синагогъ въ Юго-Западномъ краѣ".

Къ той же серіи докладовъ, посвященныхъ памятникамъ нашей старины, относятся: сообщеніе поч. члена Н. И. Петрова о „Новооткрытомъ альбомѣ видовъ и рисунковъ достопримѣчательностей Кіева 1651 г,", д. члена А. В. Стороженка: „О существовавшихъ въ Кіевѣ латинскихъ храмахъ" и д. члена И. М. Каманина: „Придорожные кресты, иконы и статуи святыхъ въ селахъ Кіевскаго у."

Административной и общественной жизни края касались доклады: д. члена А. С. Грушевскаго, обрисовавшаго „Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія", затѣмъ—д. чл. О. А. Фотинскаго, представившаго нѣсколько новыхъ данныхъ „Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни", д. чл. О. И. Левицкаго—„О порядкѣ и формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVII и XVIII вв.", отмѣченныхъ любопытной борьбой церковнаго взгляда на бракъ съ юридическо-бытовыми переживаніями старыхъ, народныхъ формъ брака; далѣе, д. чл. М. В. Довнаръ-Запольскаго—„Къ исторіи административнаго строя южной Украины XVI в.", и д. чл. М. Н. Ясинскаго, подвергшаго новому пересмотру вопросъ о „верви" Р. Правды въ связи съ соотвѣтствующими актовыми данными XV—XVI вв.

Южно-русской книжной старинѣ посвящены двѣ библіографическія замѣтки поч. чл. А. И. Соболевскаго.

Къ области южно-русской народной словесности относится разборъ поч. членомъ Н. П. Дашкевичемъ думы про Олексія Пирятинскаго, въ которой одни видѣли пережитокъ стараго южно-русскаго былевого эпоса на почвѣ позднѣйшихъ историческихъ и бытовыхъ явленій, а другіе—простой

варіантъ популярнаго бродячаго мотива; то или иное рѣшеніе этого вопроса подводитъ насъ къ выясненію основного вопроса о взаимоотношеніи стараго былевого эпоса и позднѣйшихъ южно-русскихъ думъ и о составѣ послѣднихъ.

„Славяно-русскій Троянъ и римскій императоръ Траянъ", того же автора, вводятъ насъ въ область римскаго воздѣйствія на славяно-русское народное творчество.

Славянскія правовыя воззрѣнія въ „Дубровицкомъ Статутѣ 1272 г." отмѣтилъ д. членъ Т. Д. Флоринскій; „Хиландарскому Синаксарю преп. Саввы Освященнаго" посвященъ былъ докладъ д. члена А. А. Дмитріевскаго.

Дань уваженія Общества умершему поч. члену А. Н. Пыпину—поминки д. чл. А. М. Лободы: „Ученая дѣятельность А. Н. Пыпина" и д. члена В. А. Чаговца: „Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина".

Въ заключеніе обзора дѣятельности Общества, остается отмѣтить, что въ одномъ изъ засѣданій члены Общества имѣли возможность ознакомиться со старинными мотивами малорусскихъ думъ въ исполненіи кобзаря Кравченка, по поводу котораго сдѣлано нѣсколько разъясненій д. членами О. И. Левицкимъ и А. М. Лободой.

Доклады, прочитанные въ засѣданіяхъ Общества, а равно и матеріалы, представляемые членами Общества, полностію или въ сокращеніи печатаются въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", по 4 выпуска ежегодно.

Въ отчетномъ году вышли 2, 3, 4 выпуски (послѣдніе два въ одной книгѣ) XVIII-ой книги „Чтеній" и печатался 1-ый выпускъ XIX-ой. Общество вынуждено нѣсколько задерживать изданіе „Чтеній" за недостаткомъ средствъ.

Помимо этой своей дѣятельности, Общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, принимало участіе въ занятіяхъ XIII-го Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ, также въ разрѣшеніи вопроса о времени чествованія тысячелѣтняго юбилея г. Переяславля (Полтавскаго) и, по предложенію тогдашняго своего предсѣдателя, д. чл. Ю. А. Кулаковскаго, предполагало организовать публичныя лекціи

объ основаніяхъ и исторіи представительнаго правленія на Западѣ и въ Россіи; къ сожалѣнію, эта мысль осуществленія не получила.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и тѣхъ скромныхъ торжествъ науки, которыми ознаменовалась жизнь Общества за истекшій отчетный годъ. Въ виду общеизвѣстныхъ заслугъ поч. члена проф. В. Б. Антоновича, 35 лѣтъ профессорской дѣятельности, котораго исполнилось въ минувшемъ сентябрѣ, (а въ нынѣшнемъ году исполняется 45-лѣтіе литературнаго служенія наукѣ и краю) и который за это время воспиталъ цѣлый рядъ изслѣдователей-учениковъ, явился однимъ изъ членовъ-учредителей Общества Нестора-лѣтописца и неоднократно былъ предсѣдателемъ его, послѣднее постановило открыть подписку на премію имени В. Б. Антоновича при Обществѣ Нестора-лѣтописца за труды по южно-русской археологіи и исторіи, а также принять участіе въ чествованіи юбиляра.

Другому члену-учредителю Общества, также его почетному члену, трижды исполнявшему обязанности его предсѣдателя, проф. В. С. Иконникову въ отчетномъ году исполнилось 40-лѣтіе служебной дѣятельности, ознаменованной трудами, доставившими юбиляру званіе члена-корреспондента Академіи Наукъ; и Общество сочло своимъ долгомъ посвятить ему очередную XIX-ую книгу своихъ „Чтеній“.

Общество также чрезъ особую депутацію принесло поздравленіе своему поч. члену, члену-учредителю Н. И. Петрову, по случаю истеченія 40 лѣтія его научной дѣятельности, и привѣтствовало телеграммой поч. члена Н. Ѳ. Сумцова.

Такова дѣятельность Общества за истекшій отчетный годъ. По сравненію съ прошлымъ, она нѣсколько сократилась, но Общество и при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ стремилось и стремится посильно осуществлять свои основныя задачи—служить родному краю, разработкою ли его прошлаго и настоящаго, или вообще поддержаніемъ въ немъ духа знанія и той мирной работы, которая

всегда была и будетъ однимъ изъ главныхъ рычаговъ прогресса.

Въ заключеніе, Предсѣдатель Общества **Н. П. Дашкевичъ** произнесъ рѣчь: *„Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Руси“*. Вмѣсто того, чтобы въ мирѣ и единеніи стремиться къ осуществленію идеаловъ ученія Христа, христіанскій міръ находился въ постоянной враждѣ и раздѣленіи. Въ этомъ отношеніи основная мысль сочиненія В. И. Ламанскаго: „Объ историческомъ изученіи грекославянскаго міра въ Европѣ“ не лишена значительной доли правды. На европейско-азіатскомъ материкѣ онъ различаетъ три великихъ міра: средину ихъ занимаетъ Россія и славянство; міръ собственно европейскій постоянно обособлялся; Русь представлялась послѣднему какъ своего рода „чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй“. Интересно, какъ сложились такія представленія съ отдаленнаго времени. Напримѣръ, во французскихъ былевыхъ пѣсняхъ XI и слѣд. вѣковъ русскіе являются враждебными язычниками; въ нѣмецкомъ эпосѣ славяне, особенно восточные, упоминаются, какъ люди чужіе, поганые, невѣрные; даже въ отдаленную Англію зашли подобныя-же мысли о Руси; лишь скандинавскія саги интересуются русской страной, какъ мѣстомъ подвиговъ сѣверныхъ витязей, знаютъ вѣру русскихъ и не отличаютъ ихъ по нравамъ. Остальному Западу славянство представлялось людьми, чуждыми цивилизованной Европѣ; на Ліонскомъ соборѣ 1245 г. папа выразился такъ, какъ будто греки не были христіане; одинаково смотрѣли на православное славянство и остальные католики; подобная нетерпимость встрѣчается даже у католическихъ славянъ, лучше знавшихъ Русь (письмо Краковскаго епископа Матвѣя къ Бернарду Клервоскому); Викентій Кадлубекъ изображаетъ русскихъ народомъ лѣнивымъ, любящимъ охоту и пьянство; русскіе, составлявшіе какъ-бы второй міръ, приравниваются и у чеховъ XIII вѣка къ идолопоклонникамъ, несмотря на соприкосновеніе съ Русью при Даніилѣ Галицкомъ; въ грамотѣ папы Іоанна XXII, рисующей упадокъ Польши, русскіе опять приравниваются къ „пога-

нымъ", схизматикамъ (рукопись XIV в.), не подчиняющимся Римской церкви, въ силу чего ихъ храмы называются синагогами. Конечно, и нѣкоторые русскіе платили католикамъ той же монетой, что̀ особенно проявилось въ полемической литературѣ противъ латинянъ; но со стороны Юго-Западной Руси не было фанатической ненависти даже къ католической святынѣ. Уже съ того времени папство стремилось подчинить себѣ русскихъ и не разъ накликало грозныхъ враговъ съ Запада вмѣсто поддержки Руси въ борьбѣ съ восточными врагами. Русь предоставлена была самой себѣ всецѣло и оставалась въ одиночествѣ. Мало того, католическій Западъ предпринималъ наступательныя дѣйствія противъ Руси: папы Григорій IX и Иннокентій IV надѣялись, что нѣмецкому ордену удастся завладѣть нѣкоторыми частями Руси; привлеченіе кн. Даніила Галицкаго подъ покровительство̀ св. Петра и папъ охранило на время его владѣнія отъ покушенія нѣмецкаго ордена и угровъ, но когда кн. Даніилъ отрекся отъ подчиненія папѣ Александру IV, то послѣдній поставилъ ему на видъ, что онъ вступаетъ на путь погибели. Юго-Западная Русь была форпостомъ православнаго русскаго міра, противъ котораго папы проповѣдывали крестовые походы; русскіе именовались врагами католическихъ народовъ и „infideles", и враждебныя дѣйствія противъ нихъ считались богоугоднымъ дѣломъ; прибавимъ, что на Западѣ выработалась доктрина о необходимости рабства, о рабствѣ по природѣ; русскіе рабы попадали въ Руссильонъ и Каталонію. Таковы были отношенія Запада къ Руси до XVI в,; они обусловливались въ огромной степени религіознымъ фанатизмомъ. Съ XVI в. обнаруживается на Западѣ живой интересъ къ міру русскаго Востока: московиты упоминаются у Раблэ и даже въ трагедіи Кальдерона. Начиная съ Герберштейна, о Россіи повторяютъ удивительныя небылицы на ряду со справедливымъ осужденіемъ такихъ печальныхъ явленій, какъ тиранія Грознаго; большинство иностранцевъ относилось къ московитамъ, какъ къ варварамъ; Олеарій считаетъ наше правленіе близкимъ къ тираническому; одинъ датскій посланникъ характе-

ризовалъ русскихъ, какъ народъ лукавый, изворотливый, упрямый, разнузданный, безстыдный, наклонный ко всякому злу, живущій насиліемъ, не признающій разума и утратившій признаки какихъ-либо добродѣтелей. Другой иностранецъ утверждалъ, что величайшее счастіе для русской жены быть избитой мужемъ: Флетчеръ особенно распространялся о холопствѣ и вѣроломствѣ русскихъ. Такимъ образомъ, въ XVI и XVII вв. религіозный фанатизмъ смѣняется высокомѣріемъ; иностранцы смотрятъ на насъ съ высоты своего культурнаго превосходства, не пытаясь вникнуть въ явленія русской жизни безъотносительно къ своимъ шаблонамъ. Съ Петра Вел., съ XVIII в., традиціонное презрительное отношеніе Запада къ Руси начинаетъ измѣняться; особенно заинтересовался Западъ личностію Петра. Въ то время какъ французскіе писатели продолжали относиться къ русскимъ высокомѣрно и сомнѣваться въ ихъ способности стать цивилизованнымъ народомъ (Руссо, Монтескье), нѣмецкіе, какъ, напр., Гердеръ усматриваютъ уже въ русскихъ добрые задатки, которые нуждаются только въ развитіи и усовершенствованіи; вообще въ XVIII в. мы встрѣчаемъ лишь немногіе свѣтлые оазисы въ сужденіяхъ о Россіи иностранцевъ, какъ напр. у вождей французскаго просвѣщенія второй половины XVIII в. о Екатеринѣ II, у Вольтера и Дидро. Къ традиціонному недружелюбію въ отношеніи къ русскимъ, какъ къ варварамъ, въ XVIII в. прибавилось еще недовѣріе къ возраставшему ихъ политическому могуществу и опасеніе, какъ бы это могущество не послужило ко вреду Запада, о чемъ свидѣтельствуетъ завѣщаніе Фридриха Вел. Дружба Россіи съ Англіей, начавшаяся-было со временъ Елисаветы, вѣковая дружба съ Пруссіей со временъ Петра III и съ Австріей со временъ Іосифа II смѣнились въ XIX в. открытымъ присоединеніемъ Англіи къ Наполеону III въ эпоху Крымской войны, угрожающимъ поведеніемъ Австріи и подозрительною корректностью Пруссіи; въ особенности больно рѣзало наше сердце нерасположеніе, сказавшееся въ недавніе тяжелые дни русско-японской войны; оно мало разнилось

отъ того, которое приносило много горя въ годы Крымской войны. Злорадство, омрачавшее наши дни, завершаетъ многовѣковой рядъ обидъ, нанесенныхъ русскому національному самолюбію, и побуждаетъ внимательнѣе прислушаться къ обвиненіямъ, предъявляемымъ нашему отечеству, такъ какъ сужденія иностранцевъ, несомнѣнно, могутъ имѣть цѣну подъ условіемъ, чтобы они основывались на внимательномъ и безпристрастномъ наблюденіи и изученіи русской жизни.

III. Засѣданіе 29-го января 1906 г.

Г. Предсѣдателемъ **Н. П. Дашкевичемъ** было сказано *нѣсколько вводныхъ словъ о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ:*

„Нынѣшнее и слѣдующее собранія Историческаго Общества Нестора-лѣтописца будутъ посвящены чествованію памяти двухъ достойныхъ постояннаго вниманія дѣятелей русскаго самопознанія и творческаго возсозданія русскаго самосознанія,—писателей, произведенія которыхъ доселѣ не утратили своей свѣжести.

Одинъ изъ нихъ—*Ѳ. М. Достоевскій*—съ замѣчательною проницательностью, хотя и не съ соотвѣтствовавшею ей художественностію, возсоздавалъ, съ одной стороны, неприглядность нашей жизни, людей бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ въ нашемъ обществѣ, его пасынковъ, а съ другой, выражалъ возвышенные и также размашистые порывы и чаянія русской души. Западноевропейская критика долго и понапрасну отъ Тургенева, обвинявшаго Достоевскаго въ „больничномъ ковыряніи", „ожидала разъясненія той загадки, которая называется Россіей", какъ выразился Ю. Шмидтъ, одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ критиковъ того времени. Западноевропейская критика впервые стала находить разрѣшеніе этой загадки у Достоевскаго. Знакомясь съ произведеніями послѣдняго, она оцѣнила въ немъ то, чего не нашла у Тургенева, откровенія русской души, черты славянской психологіи, напр.

какъ выразился Hennequin, „родъ мечтательной доброты, которая, повидимому, отличаетъ славянскую расу". Конечно, эта критика нерѣдко приводила къ ложнымъ представленіямъ о русскомъ характерѣ и русской жизни.

Второй изъ поминаемыхъ нынѣ—*Н. И. Костомаровъ*—также не былъ чуждъ художественнаго творчества, какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на малорусскомъ нарѣчіи, но снискалъ славу преимущественно на поприщѣ художественно-историческаго возсозданія прошлыхъ судебъ русской земли.

Оба эти мыслителя и писателя выступили вполнѣ сознательными дѣятелями въ одну и ту же пору русской жизни, въ царствованіе императора Николая I, оба тяготѣли къ народу и обездоленнымъ людямъ, оба пострадали почти одновременно за свои благородные молодые порывы, но, вышедши изъ школы тяжелыхъ испытаній, казалось, далеко разошлись въ разныя стороны мысли и творчества. Рисуя, подобно Гоголю, ужасно печальныя картины русской дѣйствительности, преимущественно образы глубокаго паденія русской души и неясныхъ ея блужданій и поисковъ, Достоевскій какъ-бы выполнилъ геніальный русскій завѣтъ современному писателю, преподанный въ такихъ выраженіяхъ: „Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни передъ Богомъ,—и проси у него гнѣва и любви! Гнѣва противъ того, что̀ губитъ человѣка, любви къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Достоевскій унаслѣдовалъ отъ Гоголя особую вѣру въ высокое призваніе русскаго народа, мессіанизмъ, аналогичный тому, который провозглашали величайшіе польскіе писатели, и до извѣстной степени родственный тому, который проглядываетъ въ одномъ изъ послѣднихъ трактатовъ Толстого: „Великій грѣхъ".

Достоевскій, одушевляясь этой вѣрой, стремился къ обновленію русской души не изувѣрствомъ о. Ѳерапонта (въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"), а между прочимъ евангеліемъ состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Ранѣе Л. Н. Толстого Достоевскій провозгласилъ: „спасеніе въ васъ са-

михъ!" и своимъ „Преступленіемъ и наказаніемъ" предварилъ „Воскресеніе" Толстого; но только у Достоевскаго исторія совѣсти кающагося раскрыта безпримѣрно тоньше, „борьба теоретической мысли съ исконными законами истинно-человѣческой природы" проведена съ необычайною обстотельностію, проблема добра и зла въ человѣческой душѣ, безсознательныя атавистическія и животныя силы послѣдней выслѣжены съ чрезвычайною глубиною анализа. Въ ряду русскихъ писателей XIX в. до Толстого не знаемъ другого писателя, который сослужилъ бы такую великую службу возрожденію идеализма въ нашей жизни, какъ Достоевскій.

Костомаровъ пошелъ иною дорогою въ изученіи и созерцаніи характера и судебъ русскаго народа и въ воздѣйствіи на современность. Онъ не интересовался въ своей поэзіи проблемами нравственнаго совершенствованія личности, искалъ откровеній не въ глубокомъ психологическомъ анализѣ людей всевозможныхъ классовъ народа; онъ открывалъ выраженіе народнаго міровоззрѣнія въ народной поэзіи и въ общественныхъ движеніяхъ русскаго народа на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ, начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ и оканчивая XIX в. Костомаровъ развѣнчалъ многое въ исторіи Моск. Руси, впервые выдвинувшей идеи и формы жизни, дорогія славянофильству. Но при этомъ, вдохновляясь мыслью о значеніи народа въ исторіи, незадолго до него намѣченною, онъ ярко освѣтилъ иныя стороны въ прошлой русской жизни, которыя не были выдѣляемы до него съ такою отчетливостью, напр., древне-русскія народоправства. Конечно, онъ былъ неправъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ основныхъ воззрѣній, не говоря уже о неточностяхъ въ подробностяхъ ихъ обоснованія. Теоріи о федеративномъ строѣ древней Руси, о двухъ русскихъ народностяхъ были въ свое время весьма заманчивы и плодотворны по возбужденному ими виженію мысли, но не выдерживаютъ критики строго-научной и объективной. Несомнѣнно впадалъ Костомаровъ и въ односторонность взгляда, когда писалъ И. С. Аксакову: „Не думаю, чтобъ русскій человѣкъ чуждался лжи и неправды, а напротивъ и въ исторіи и въ настоящей жизни

только и вижу, что ложь и неправду, и вполнѣ раздѣляю геніальное изреченіе Хворостинина: „Русская земля оретъ все рожью, а живетъ все ложью".

Такимъ образомъ, соединяя имена Достоевскаго и Костомарова въ совмѣстномъ чествованіи, Историческое Общество какъ бы ставитъ рядомъ и два олицетворяемыя ими столь несходныя повидимому воззрѣнія на русскую жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ.

Но такое сопоставленіе, помимо чистой случайности, имѣетъ и внутренній смыслъ: имъ не только лучше освѣщаются односторонности каждаго изъ двухъ основныхъ направленій нашей исторической мысли XIX в.; но, при тщательномъ разсмотрѣніи, открываются и точки соприкосновенія ихъ.

Достоевскій былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ писателей, соединявшихъ въ своей мысли національнзмъ съ всечеловѣчествомъ. Въ своей творческой дѣятельности онъ былъ далекъ отъ обычныхъ шаблоновъ и, воспринявъ до извѣстной степени пріемы Стэндаля, аналитика исключительныхъ и полупатологическихъ состояній, и другихъ западныхъ реалистовъ, сочеталъ ихъ съ русскимъ своеобразнымъ идеалистическимъ реализмомъ, съ неизмѣримо глубокимъ пониманіемъ человѣческой души вообще и ея страданій даже въ самой безднѣ нравственнаго паденія, что̀ видимъ, напр., въ Мармеладовѣ, и въ частности—„русской души, измученной трудомъ и горемъ, а, главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ". Равно и Костомаровъ, не будучи славянофиломъ и „почвенникомъ", поставилъ въ крупную заслугу Константину Аксакову то, что послѣдній „обратилъ вниманіе на древнее начало въ русской исторіи—общинное, вѣчевое... Онъ возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ русскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни, и вмѣсто чуждыхъ наносныхъ взглядовъ, поискать своихъ народныхъ".

„Неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности", сказалъ Пушкинъ. Однимъ изъ проявленій

такого неуваженія является одностороннее либо превратное истолкованіе ихъ личности и дѣятельности.

Такое истолкованіе въ особенности возможно въ отношеніи къ Достоевскому. Если и Гёте не избѣжалъ попытокъ современной научной моды открывать анормальности даже въ величайшихъ геніяхъ человѣчества, то что сказать о Достоевскомъ, у котораго иногда уже Бѣлинскій находилъ „нервическую чепуху" и въ которомъ и иные не разъ замѣчали много болѣзненнаго, узко-личнаго.

Въ виду этого, намъ въ особенности будетъ интересно выслушать о личности Достоевскаго сужденіе нашего сочлена, извѣстнаго психолога И. А. Сикорскаго.

Проф. И. А. Сикорскимъ былъ охарактеризованъ „Ѳ. М. Достоевскій, какъ человѣкъ и писатель".

Художественное и поэтическое творчество—не развлеченіе, не забава, не одно простое удовольствіе, но глубокая жизненная потребность людей. Поэты и художники своими произведеніями удовлетворяютъ этой потребности, и въ этомъ ихъ высокое назначеніе, ихъ великая цѣнность для общества. Будучи нравственно ясновидящими по своему таланту, они открываютъ намъ тѣ факты, которые недоступны нравственному взору обыкновеннаго человѣка. Какъ въ мірѣ физическаго воспріятія микроскопы, микрофоны, Пашеновскіе гальванометры расширяютъ физическіе горизонты; такъ художественное чутье поэта открываетъ намъ новый, незримый міръ нравственныхъ явленій. Художники и поэты являются живыми инструментами, расширяющими нашъ кругозоръ и углубляющими наше зрѣніе.

Сюжеты поэтовъ и художниковъ касаются то изображенія внѣшней природы и ея дѣйствія на человѣка; то рисуютъ *сильныя чувства и бури*, происходящія въ душѣ человѣка съ ихъ крайней точкой—гибелью человѣка; то изображаютъ медленное постепенное *перерожденіе человѣка* подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для личностей условій, которыя подобно яду, подобно отравѣ и заразѣ, медленно подтачиваютъ нравственную жизнь, какъ злая хроническая

болѣзнь; и, наконецъ, поэты и художники изображаютъ *гнетъ и давленіе*, подъ дѣйствіемъ котораго нравственная жизнь атрофируется, чахнетъ и замираетъ.

Въ изображеніи внѣшней природы писатель руководится настроеніемъ, которое онъ изображаетъ и которое отражается и на самомъ отношеніи человѣка къ природѣ. Этого рода художественные сюжеты свойственны многимъ писателямъ. Представителемъ второго типа художественныхъ произведеній является Шекспиръ. Шекспиру по преимуществу свойственно изображеніе сильныхъ чувствъ и потрясающихъ душевныхъ бурь. Этимъ въ особенности характеризуется третій періодъ его творческой дѣятельности.

Нравственное вырожденіе личности (опошленіе) и нравственная атрофія подъ вліяніемъ гнета и давленія нашли для себя выдающихся изобразителей въ Гоголѣ и Достоевскомъ. Въ превосходной сценѣ, изображенной въ разговорѣ Чичикова съ Муразовымъ въ тюрьмѣ, представлено нравственное разложеніе человѣка, бывшаго недюженнымъ отъ природы. Но Гоголь только великій діагностъ: онъ изображаетъ самый процессъ паденія человѣка отъ начала до конца; Достоевскій идетъ дальше: онъ не только *діагностъ*, но и *цѣлитель* нравственнаго зла. Главнымъ мотивомъ творческой дѣятельности Достоевскаго является стремленіе не только распознать опошленную, преступную или угнетенную личность, но и найти путь къ ея исцѣленію.

Какъ исцѣляться отъ нравственнаго зла? Съ чего начать? Гдѣ спасеніе? На эти вопросы Достоевскій даетъ отвѣтъ своей жизнью и своими произведеніями. Важнѣйшія изъ нихъ: 1, Бѣдные люди; 2, Записки изъ Мертваго дома; 3, Униженные и оскорбленные; 4, Преступленіе и наказаніе; 5, Братья Карамазовы.

Достоевскій такъ много говоритъ о страданіи, о возмездіи, о раскаяніи, что его даже упрекали за чрезмѣрный ригоризмъ. Но лучшимъ оправданіемъ Достоевскому служитъ философскій афоризмъ, что радость и страданіе представляютъ собою равноправныя стихіи жизни, и не напрасно

Пушкинъ сказалъ: „*я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать*“.

Достоевскій изображаетъ людей, которыхъ легко унизить и оскорбить, раздавить и погубить, которые легко могутъ сдѣлать преступленіе. Всѣмъ имъ недостаетъ нравственныхъ идеаловъ, и отсюда ихъ нравственная нестойкость.

Задавшись цѣлью открыть путь нравственной реабилитаціи человѣка, Достоевскій болѣе всего останавливается на изображеніи чувства раскаянія. Процессы совѣсти, ея очищенія, находятъ себѣ въ Достоевскомъ глубочайшаго аналитика. Въ великихъ драмахъ Шекспира изображены многія сильнѣйшія чувства и душевныя состоянія. Но чувство раскаянія и совѣсть оставались не разъясненными и не раскрытыми художественно, пока на исполненіе этой задачи не выступилъ „писатель-психологъ“, какъ справедливо называютъ Достоевскаго. Въ изображеніи раскаянія и нравственнаго возстановленія—одна изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Достоевскаго! Въ чувствѣ совѣсти и въ раскаяніи содержатся основы нравственнаго самосохраненія и нравственнаго прогресса: не безъ основанія извѣстный психологъ Гефтингъ называетъ терзанія совѣсти „*муками рожденія нравственнаго долга*“. Эти муки художественно раскрыты подъ перомъ Достоевскаго. Въ Преступленіи и Наказаніи изображены муки совѣсти. Въ Братьяхъ Карамазовыхъ показано, что *всѣ виноваты за всѣхъ, вина каждаго должна раздѣляться на всѣхъ*, но, въ свою очередь, *раскаяніе каждаго исправляетъ всѣхъ*. Въ этомъ соотношеніи кроется основа нравственнаго застрахованія каждаго усиліями всѣхъ и охраненіе всѣхъ нравственными подвигами отдѣльныхъ личностей.

Тонкія наблюденія Достоевскаго надъ процессами нравственнаго самосохраненія и нравственной реабилитаціи содержатся въ его Запискахъ изъ Мертваго Дома. Какъ спасти себя отъ нравственной гибели? На этотъ вопросъ писатель-психологъ отвѣчаетъ намъ, что у каждаго человѣка остается искра добра, какъ бы ни было глубоко его нравственное паденіе, и эту искру писатель-мученикъ отыскиваетъ въ от-

верженныхъ и каторжныхъ, съ которыми провелъ вмѣстѣ многіе годы въ стѣнахъ каторжной тюрьмы. Эти люди *„полны гнѣва, безстыдства, лѣни и смрада“*, но и они не лишены искры добра. Воспоминанія изъ періода ранняго дѣтства, когда душа чиста и когда радости чисты, переносятъ этихъ людей въ иной міръ, когда душа была еще чиста и умѣла видѣть добро („чистые сердцемъ видятъ Бога“). И вотъ, въ этихъ воспоминаніяхъ ранняго дѣтства содержится для падшаго человѣка первый толчекъ на путь нравственнаго исправленія. Значеніе періода дѣтской чистоты тонко подмѣчено Достоевскимъ, отсюда его любовь къ дѣтямъ, какъ къ возрасту, въ которомъ скрыто хрустально-чистое ядро человѣческой совѣсти.

Второй (послѣ воспоминаній дѣтства) отличительный психологическій фактъ, замѣченный Достоевскимъ въ обитателѣ Мертваго дома—„это инстинктивное стремленіе“ *къ соблюденію себя*, т. е. къ охраненію своего нравственнаго достоинства. Эти падшіе люди, болѣе чѣмъ обыкновенный человѣкъ, чувствовали опасность не сдержать себя, потерять нравственную опору, впасть въ гнѣвъ, въ лѣнь, въ страсть.

Изучая преступнаго человѣка, Достоевскій естественно логическимъ путемъ пришелъ къ особенной сознательной глубокой любви въ отношеніи русскаго народа. Это не славянофильство, въ которомъ иногда упрекали Достоевскаго, и не дешевый національнизмъ, но продуманная и глубокая любовь къ народу, который наивенъ, какъ дитя, и который обнаруживаетъ столь поразившее Ренана и Брандеса глубокое нравственное чутье, соединенное съ жаждой идеаловъ и съ потребностью мученичества и страданій. Эти естественныя природныя черты русскаго народнаго генія содержатъ въ себѣ готовый унаслѣдованный циклъ тѣхъ именно нравственныхъ свойствъ, которыми обезпечивается нравственная незыблемость расы, ея устойчивость и основы ея духовнаго самосохраненія и прогресса.

Такимъ образомъ у Достоевскаго, въ его художественномъ анализѣ строго логически и съ глубокой послѣдова-

тельностью объединились факты дѣтской души, факты народно-русскаго нравственнаго сознанія и факты нравственнаго паденія и нравственнаго возстанія человѣка. Всѣ они вошли въ единый цѣлый циклъ его художественнаго анализа и объединились со всей его личностью. Отсюда его аскетизмъ, его наивное и въ то же время строгое отношеніе къ такимъ невиннымъ развлеченіямъ, какъ игра въ карты, за которую онъ такъ сурово осуждалъ Бѣлинскаго. Въ этомъ сказалась глубокая натура его творчества.

Достоевскій является самымъ полнымъ олицетвореніемъ русскаго народнаго типа и коллективной народной совѣсти. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, лежитъ причина глубокой общественной симпатіи, которою былъ окруженъ великій писатель въ послѣдніе годы его жизни. А его похороны сопровождались проявленіями рѣдкихъ единодушныхъ чувствъ. Если сравнить эти похороны съ похоронами Тургенева (нѣсколько лѣтъ спустя), то разница получится существенная. Похороны Тургенева были величественны и торжественны; похороны Достоевскаго были полны сердечности и слезъ умиленія: тамъ хоронили великаго писателя—гордость страны, здѣсь погребали страдальца, мученика, задушевнаго человѣка, великаго носителя народной совѣсти и ея проникновеннаго чтеца.

Въ кругу близкихъ людей Достоевскій изрѣдка передавалъ свои чувства и ощущенія въ тяжкія минуты, когда онъ, осужденный на казнь, ждалъ ея исполненія на Семеновскомъ плацу въ 1849 году. Въ этомъ разсказѣ сказался весь Достоевскій и весь великій русскій народъ съ его особливыми чертами, столь поражающими иностранцевъ.

Два слова о болѣзни Достоевскаго: многіе склонны были думать, что онъ самъ душевно ненормальный человѣкъ; но это глубокая неправда. Референтъ имѣлъ счастье близко знать Достоевскаго и, какъ психіатръ, можетъ удостовѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что Достоевскій былъ психически здоровъ. Правда, онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни, подобно Магомету

и Наполеону I, но это не мѣшало ему быть въ умственномъ и нравственномъ отношеніи совершенно здоровымъ.

Изученіе Достоевскаго еще ждетъ своей очереди!

Второй рефератъ, д. чл. А. С. Грушевскаго, посвященный памяти покойнаго историка Малороссіи Н. И. Костомарова, былъ отложенъ, за позднимъ временемъ, до слѣдующаго засѣданія.

Въ настоящемъ засѣданіи, вслѣдствіе предложенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, командированы, въ Москву, въ качествѣ депутатовъ Общества Нестора-лѣтописца въ Предварительный Комитетъ по устройству XIV-го Археологическаго Съѣзда дѣйст. члены *Г. Г. Павлуцкій и В. Г. Ляскоронскій.*

IV. Засѣданіе 19-го февраля 1906 г.

а, Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** изложилъ *„Новую теорію о происхожденіи „Руси"*.

Наиболѣе распространенное въ настоящее время толкованіе происхожденія имени Русь таково: Финны называли шведовъ Ruotsi, Rotsi. Это слово перешло къ славянамъ, отъ нихъ усвоили его тюркскіе народы побережья Чернаго моря и черезъ посредство этихъ послѣднихъ узнали его византійцы и арабы, которые и стали называть такъ шведскихъ викинговъ, когда они стали появляться на югѣ. Марквардтъ думаетъ, что ему удалось встрѣтить слово Росъ въ значеніи этническаго термина въ сочиненіи одного сирійца,—сочиненіи, время составленія котораго относится къ 555 году нашей эры. Сочиненіе это приписывается Захарію, митрополиту Митилены, и содержитъ въ себѣ исторію церкви. Въ послѣдней его книгѣ (12 ой) данъ географическій обзоръ вселенной по Птоломею и затѣмъ сдѣлано перечисленіе разныхъ народовъ. Вслѣдъ за именами кочевыхъ тюркскихъ народовъ, которые являются здѣсь въ формѣ, сходной съ той, какая намъ извѣстна изъ Проко-

пія (VI вѣка), помянуты амазонки и сосѣдній съ ними народъ Hros. Амазонки издавна помѣщались древними географами въ прикавказскихъ странахъ; туда-же придется отнести и сосѣднихъ съ ними Hros. Марквардтъ дѣлаетъ попытку пріурочить имя Hros къ германской народности Эруламъ, обитавшей въ приазовскихъ мѣстностяхъ въ эпоху нашествія Гунновъ. Раздѣляя теорію германскаго ученаго Леве, онъ полагаетъ, что извѣстные намъ изъ Прокопія Готы-тетракситы на переднемъ Кавказѣ (Тамань-Анапа) были не Готы, а Эрулы. Къ Эруламъ Марквардтъ пріурочиваетъ также имя Rosomoni, сохраненное Іорданомъ въ сказаніи о смерти царя Остготовъ Эрманриха. Основаніемъ для такого пріуроченія служатъ отголоски германской саги, сохранившіеся въ разныхъ источникахъ, и эпическіе образы героевъ германскаго эпоса. Имя *Hros* или *Ros* жило, по мнѣнію Марквардта въ Приазовьи и приложено было къ шведскимъ викингамъ, когда они явились въ тѣ предѣлы изъ родной Эруламъ далекой земли. Остановившись въ своемъ докладѣ на болѣе важныхъ моментахъ въ аргументаціи Марквардта, докладчикъ находилъ его теорію весьма сомнительной и самую аргументацію довольно слабой. Въ помянутомъ у Захаріи народѣ Hros врядъ-ли можно видѣть подлинное этническое имя, уже по самой связи этого народа относящееся къ области сказаній объ амазонкахъ. Въ заключеніе референтъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, дальнѣйшіе поиски изслѣдователей германской саги, а также и оріенталистовъ откроютъ намъ новыя данныя, которыя приблизятъ насъ къ разгадкѣ той загадки, какой является наше родное имя.

По поводу этого сообщенія В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что отмѣченная въ докладѣ теорія исходитъ изъ стремленія отыскивать имя Руси среди германскихъ племенъ, что весьма проблематично; однако въ изложенной теоріи заслуживаетъ вниманія прикрѣпленіе племени Русь къ Меотидѣ, гдѣ, вѣроятно и дѣйствительно, можетъ быть, нужно искать родину тѣхъ, кому мы обязаны именемъ „Русь“.

6, Д. чл. **А. С. Грушевскій** посвятилъ свое чтеніе *„Памяти историка Малороссіи Н. И. Костомарова“ (1886—1905).* Въ первой, біографической, части своего чтенія референтъ изложилъ основные моменты жизни Костомарова, кончая его выходомъ изъ среды профессоровъ Петербургскаго университета въ 1862 г. Главное вниманіе референтъ сосредоточилъ на выясненіи вліяній извнѣ, опредѣлявшихъ и намѣчавшихъ развитіе симпатій и взглядовъ будущаго историка: такъ для дѣтства указанъ былъ контрастъ между религіозною, искренно-вѣрующею матерью и отцомъ, вольтерьянцемъ типа раціоналистовъ XVIII в. Для студенчества—на фонѣ общаго оскудѣнія историческихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ — намѣченъ свѣтлый образъ талантливаго профессора-историка Лунина, далѣе отмѣчено вліяніе Срезневскаго и, наконецъ—въ Кіевѣ уже—спеціальныя и политическія воззрѣнія Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Во второй части референтъ остановился на выясненіи основныхъ чертъ историческаго міросозерцанія Костомарова. Указавъ на характерныя особенности творчества, снискавшія и упрочившія навсегда за Костомаровымъ имя историка-художника, авторъ перешелъ къ выясненію демократическаго пониманія исторіи и критическихъ пріемовъ Костомарова, отмѣтивши предварительно, что если народникъ Костомаровъ былъ яркимъ и вліятельнымъ новаторомъ, то Костомаровъ-критикъ уже у младшихъ своихъ современниковъ вызывалъ упреки въ излишнемъ довѣріи къ мутнымъ и подозрительнымъ источникамъ. А между тѣмъ и всѣ эти критическіе пріемы Костомаровъ усвоилъ не сразу, а лишь постепенно освобождаясь отъ своей довѣрчивости: такъ въ Харьковѣ онъ все еще полагался на фальсификаты „Запорожской Старины“, какъ и на указанія „Исторіи Руссовъ“; постепенное развитіе критицизма можно прослѣдить по послѣдовательнымъ изданіямъ „Богдана Хмельницкаго“, котораго Костомаровъ при каждомъ новомъ изданіи заботливо пересматривалъ и очищалъ отъ „навоза“ (началъ работать надъ Богданомъ Хмельницкимъ Костомаровъ еще въ Харьковѣ; первый очеркъ го-

товъ уже былъ въ Кіевѣ передъ катастрофою, но свѣтъ увидѣлъ лишь второй очеркъ, написанный въ Саратовѣ; изданъ онъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1857 г.). За то демократическое пониманіе исторіи, усвоеніе народнымъ массамъ рѣшающей роли въ минувшихъ судьбахъ, развилось у Костомарова подъ вліяніемъ увлеченія народностью очень рано (сквозитъ это вполнѣ ясно уже въ первой диссертаціи о значеніи Уніи) и осталось на всю жизнь характернымъ признакомъ его научнаго міросозерцанія.

V. Засѣданіе 5-го марта 1906 г.

а, Д. чл. **А. В. Стороженко** прочелъ свой докладъ о *„Прогулкѣ по Люблину"* (напечатанъ во 2-мъ вып. XIX-й кн. „Чтеній" подъ заглавіемъ: „Древности г. Люблина").

По поводу этого доклада О. И. Левицкій замѣтилъ, что если бы не свидѣтельство Длугоша (XV в.), то можно было бы признать частицу древа св. Креста въ Люблинскомъ костелѣ за унесенную въ XVI в. изъ Луцка; что касается до разсказа о появленіи ея въ Люблинѣ, то онъ маловѣроятенъ, на что указали также В. Т. Георгіевскій и Н. П. Дашкевичъ. Затѣмъ О. И. Левицкій отмѣтилъ, что въ католическомъ костелѣ Люблина фрески—Византійскаго православнаго типа; высокій интересъ этихъ фресокъ подчеркнулъ и В. Т. Георгіевскій. Далѣе Н. П. Дашкевичъ указалъ на то, что разсказъ Длугоша о завоеваніи Люблина кн. Даніиломъ Галицкимъ заподозрѣнъ не безъ основанія.

б, Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ критическій разборъ *„Черниговскаго историко-археологическаго календаря 1906 г."* (напечатанъ во 2-мъ вып. XIX-й кн. „Чтеній").

в, Г. Секретарь (А. М. Лобода) прочелъ докладъ иногороднаго поч. чл. Общества **А. И. Соболевскаго:** *„Конецъ Кіевскихъ календарей"* (напечатанъ въ настоящемъ выпускѣ „Чтеній").

Слушали: Предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества принять участіе въ подготовительныхъ работахъ по устройству XIV-го Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ въ 1908 году.

Постановили: оповѣстить всѣхъ членовъ Общества и составить Предварительный Комитетъ, пригласивъ къ участію въ немъ мѣстное историко археологическое церковное общество при Академіи и частныхъ лицъ по усмотрѣнію Комитета.

Слушали: Сообщеніе Правленія Университета св. Владиміра, отъ 24 февраля за № 117, о разрѣшеніи открыть публичную подписку на премію имени В. Б. Антоновича при Обществѣ Нестора-лѣтописца.

Постановили: принять мѣры къ осуществленію этой подписки.

Слушали и *одобрили* составленный Н. П. Дашкевичемъ и принятый Совѣтомъ Общества проектъ адреса В. Б. Антоновичу отъ Общества Нестора-лѣтописца по поводу исполнившагося 35-лѣтія его профессорской дѣятельности.

Слушали сообщеніе г. Предсѣдателя о томъ, что въ настоящее время заканчивается печатаніемъ 1-й вып. XIX-й книги „Чтеній", посвященной поч. чл. *В. С. Иконникову* въ ознаменованіе 35-лѣтія его профессорской дѣятельности, поднесеніе котораго поручено членамъ бюро Общества; желающіе принять участіе въ поднесеніи члены благоволятъ присоединиться къ бюро въ назначенный для того особой повѣсткой день.

Въ настоящемъ засѣданіи была произведена баллотировка новыхъ членовъ Совѣта Общества на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока ихъ полномочій; избранными оказались *М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. В. Завитневичъ, А. В. Стороженко* и *М. Н. Ясинскій.*

Въ дѣйствительные члены Общества избраны: *Алексѣй Ивановичъ Покровскій, Александръ Митрофановичъ Лукьяненко* и *Юліанъ Андреевичъ Яворскій.*

VI. Засѣданіе 19-го марта 1906 г.

а, Д. чл. **А. М. Лобода** сдѣлалъ сообщеніе о *„Горькой судьбинѣ" Писемского и ея литературномъ прототипѣ"*. По словамъ Анненкова, „основа ея не была выдумана художникомъ: Писемскій встрѣтился съ подобнымъ происшествіемъ въ 1848 г., будучи еще чиновникомъ особыхъ порученій при Костромскомъ губернаторѣ. Онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такого же содержанія и въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ". Изложивъ содержаніе этого уголовнаго дѣла и указавъ на сходство его съ сюжетомъ драмы, референтъ отмѣтилъ, что авторомъ заимствованы даже имена дѣла: имя Елисаветы — героини драмы и фамилія зятя Чеглова, Золотилова; но между дѣломъ и драмой оказывается существенная разница: характеры героинь различны, въ драмѣ помѣщикъ увлекаетъ героиню, въ дѣлѣ онъ въ сторонѣ, и разладъ семейный обусловленъ личными несогласіями супруговъ. Миловидовъ предполагалъ вліяніе также другого дѣла 1857 г. той же мѣстности, но и это послѣднее рисуетъ намъ совсѣмъ не ту героиню, не ту связь ея съ помѣщикомъ, какія мы знаемъ въ драмѣ. По мнѣнію референта, „Горькая судьбина", кромѣ дѣла, отражаетъ еще вліяніе полѣсской повѣсти І. Крашевскаго „Ulana", напечатанной въ 1843 г. Сходство заключается въ характерахъ героевъ Тадеуша и Чеглова, въ подробностяхъ сближенія помѣщика съ крестьянкой, въ характерѣ и судьбѣ героинь, Елисаветы и Ульяны. Возможность вліянія Крашевскаго на Писемскаго тѣмъ вѣроятнѣе, что въ „Библіотекѣ для чтенія", гдѣ ближайшимъ сотрудникомъ, а съ 1858 г. даже редакторомъ, былъ Писемскій, въ 1858 г. въ № 10 данъ переводъ „Ульяны", а въ № 11 за 1859 годъ тамъ же появляется и „Горькая судьбина".

По поводу этого доклада Н. П. Дашкевичемъ было отмѣчено, что параллели, указанныя докладчикомъ, дѣлаютъ

вѣроятнымъ предположеніе о вліяніи Крашевскаго на Писемскаго.

б, Чл.-кор. **Г. М. Барацъ** прочелъ докладъ *„О судебныхъ доказательствахъ въ Русской Правдѣ“*. Имѣя предметомъ своихъ работъ реставрацію подлинныхъ чертъ и истолкованіе истиннаго смысла древнерусскихъ памятниковъ, особенно правовыхъ, референтъ въ своемъ докладѣ представилъ критико-сравнительный анализъ постановленій Русской Правды, относящихся къ ученію о судебныхъ доказательствахъ. Первой такой статьей въ Русской Правдѣ является ст. 15-я „о поклепной вирѣ“; она читается такъ: „аще будетъ на кого поклепная вира, то оже будетъ послуховъ (въ 17 спискахъ Правды; послухъ) 7, то ти вывѣдуть (во мног. спискахъ: выведеть) виру (то ти имуть вѣру); паки ли варягъ, или кто инъ, то два“. По мнѣнію проф. Фогеля, ложно обвиняемый въ убійствѣ, чтобы избавиться отъ виры (штрафа за убійство), долженъ представить 7 свидѣтелей, а иностранецъ—2, и эти свидѣтели получали виру. По мнѣнію г. Ланге, при представленіи 7 свидѣтелей вира не взыскивается; слова же: „то ти имуть виру“—не принадлежатъ подлиннику. По мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и проф. Мрочка-Дроздовскаго, слова „то ти имуть виру“ должны быть выпущены, и ст. 15 имѣетъ тотъ смыслъ, что свидѣтелей долженъ представить не обвиняемый, а обвинитель, и его обвиненіе считается доказаннымъ, причемъ свидѣтели здѣсь не очевидцы преступленія, а помощники отвѣтчика или истца, его „соприсяжники“. Референтъ находитъ, что текстъ 15-й статьи крайне искаженъ вставками и поправками, изъ коихъ главнѣйшая заключается въ замѣнѣ слова „вѣра“ (въ значеніи „присяга“) словомъ „вира“, происшедшей отъ того, что разбираемая (15-я) статья помѣщена въ недалекомъ разстояніи отъ ст. 7 и ст. 8 Карамз., трактующихъ „о вирахъ“. По исправленіи допущенныхъ переписчикомъ искаженій, 15-я статья явится въ такомъ видѣ: „Аще будетъ на кого поклепъ, то оже будетъ послухъ... паки ли варягъ или кто инъ, то ти (въ другихъ спискахъ: же, чит. оже) выведуть

два, то ти имуть [виру] (исправлено: вѣру)". Т. е. „О поклепѣ и присягѣ. Если кто предъявитъ на кого нибудь бездоказательный искъ или обвиненіе и поставитъ одного свидѣтеля, или, если это будетъ варягъ или вообще иностранецъ и они поставятъ двухъ свидѣтелей, то истецъ или обвинительтуземецъ или варягъ (иностранецъ) допускаются къ подтвержденію своего иска или обвиненія присягой". Обосновывая такое свое чтеніе ст. 15-й Русской Правды, референтъ замѣтилъ, что при разнообразіи заглавія въ разныхъ спискахъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ: „поклепъ" и „вѣра". Относительно исключенія числа 7 (послуховъ): 1) нигдѣ въ источникахъ древнерусскаго права не требуется семи свидѣтелей; 2) какъ по западно-европейскимъ, такъ и по польскому, литовскому и общерусскому законодательствамъ въ дѣлахъ туземцевъ съ иноземцами всегда требовалось больше, нерѣдко вдвое больше свидѣтелей противъ опредѣленнаго числа ихъ въ дѣлахъ туземцевъ между собой (напр. привилегія Богем. князя Собѣслава около 1095 г. поселенцамъ-нѣмцамъ въ Пражскомъ форштадтѣ; Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 6 іюля 1828 г. см. 2-е Полн. Собр. Зак. № 2134; договоръ Смолен. кн. Мстислава съ Ригой въ 1229 г.); присутствіе въ ст. 15-й цифры 7 референтъ объясняетъ тѣмъ, что составитель Карамз. списка Правды перепуталъ ст. 15-ую со статьями 7, 8, 108 и 118. Разсматриваемая статья Правды вполнѣ аналогична съ постановленіями Литов. Статута и Магдебург. Права (Porządek sądow y spraw mieyskich"), основанными на Пятикнижіи Моисея; при чемъ Porządek прямо ссылается на Ветхій Завѣтъ.

Выраженіе той же ст. 15-й: „А по костех и по мертвецих не платить верви, еже имени не вѣдають, ни знаютъ его", по мнѣнію референта, не имѣетъ ничего общаго съ начальной частью ст. 15, а составляетъ окончаніе ст. 3-й Карамз., трактующей о такъ называемой „дикой вирѣ", т. е. круговой порукѣ и отвѣтственности общины за совершенное на ея территоріи

убійство, и коренятся въ Моисеевомъ законѣ, какъ это установилъ Фр.-Авг. Бимеръ и издатель 1-й части „Рус. Достопамятностей", а, по мнѣнію референта, въ Моисеево-талмудическомъ правѣ.

Далѣе, г. Барацомъ была разсмотрѣна ст. 16 Рус. Правды „О сверженіи виры", которая по Карамз. списку читается такъ: „Аже свержетъ виру, то гривна куна сметная отроку, а кто поклепалъ, тому дати другая гривна. А отъ виры помочного 9 кунъ".

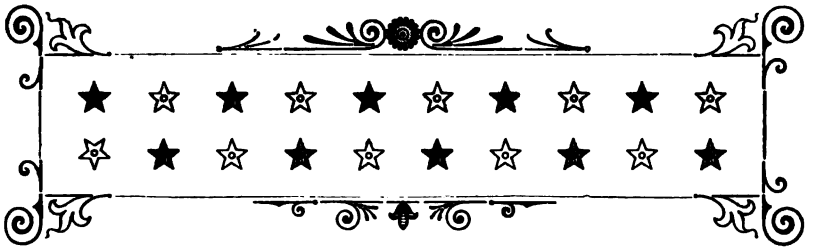
Фразу: „аже свержетъ виру" изслѣдователи толкуютъ въ смыслѣ: если обвиняемый очиститъ себя отъ виры, т. е. если будетъ оправданъ; но такое толкованіе искусственно, какъ и то, чтобы и оправданный обвиняемый и ложный обвинитель одинаково платили судебныя издержки. Ст. 16-я предстанетъ въ другомъ освѣщеніи, если вмѣсто „вира", читать „вѣра", а, вмѣсто „исклепалъ", читать „исклепанъ" и если принять во вниманіе, что „сверженіе вѣры"— рабскій переводъ талмудич. „гилгулъ шебуа" (devolutio juramenti, т. е. переносъ присяги съ одной стороны на другую). Смыслъ этой статьи тогда будетъ таковъ: если истецъ-поклепщикъ сброситъ присягу (отдастъ ее на душу своему противнику), то онъ платитъ гривну сметную (сметать-сбросить) отроку, а другую гривну тому, кто исклепанъ (т. е. отвѣтчику или обвиняемому). При такомъ пониманіи ст. 16-й, она вполнѣ гармонируетъ со ст. 99 и 100 Рус. Правды. Второе предложеніе ст. 16-й: „а отъ виры помочного 9 кунъ", объясняемое изслѣдователями въ томъ смыслѣ, что оправданный обвиняемый платитъ за оказанную ему помощь (помочное) при оправданіи (кому, не извѣстно) 9 кунъ; между тѣмъ, если вмѣсто „виры" читать „вѣры" (присяги), то все это выраженіе окажется лишь ошибочнымъ повтореніемъ ст. 118 („о судебныхъ уроцѣхъ"): „а се уроци судебные отъ виры (чит. „вѣры", присяги)—9 кунъ, подобно тому, какъ въ XIV—XVI вв. по уставнымъ грамотамъ полагалась особая

пошлина за „правду“ (напр., грамота Переяславскимъ рыболовамъ 1506 г.). *)

Въ разборѣ этого доклада принимали участіе Н. П. Дашкевичъ, А. М. Лобода и А. М. Лукьяненко.

---

*) Настоящій рефератъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣстникъ Права“ за 1906 г., кн. II-я.



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 16-го апрѣля по 9-е октября 1906 года.

VII. Засѣданіе 16-го апрѣля 1906 г.

Открывая засѣданіе, г. Товарищъ предсѣдателя А. А. Дмитріевскій привѣтствовалъ присутствіе гр. *П. С. Уваровой* и предложилъ просить графиню быть почетнымъ предсѣдателемъ настоящаго собранія, что́ было единодушно поддержано всѣми присутствующими.

а, Затѣмъ, имъ же, **А. А. Дмитріевскимъ** былъ, прочтенъ докладъ о *„Неизданной службѣ въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки"*. Служба эта появилась на страницахъ „Byzantinische Zeitschrift" (Band XIII, Heft 3 und 4, s. 398—420) подъ редакціей о. Л. Пти, до сихъ поръ неизданная, хотя давно уже извѣстная. Она открыта была еще Чигиринскимъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ, а потомъ стала знакома и другимъ византологамъ. Найденный о. Пти списокъ „Службы" находится въ пергаментномъ кодексѣ библіотеки лавры преп. Аѳанасія Аѳонскаго подъ № 124; кодексъ съ дефектами, онъ относится къ XI или XII в. Дефекты текста „Службы" о. Пти легко восполняются спискомъ „Службы" XI в., открытымъ еписк. Порфиріемъ и скопированнымъ референтомъ въ 1887 г. съ Аѳоно-Симоно-Петрской рукописи. Из-

давая „Службу", аббатъ Пти разрѣшаетъ и вопросъ объ авторѣ этого гимнографическаго творенія X—XI в. Мнѣнія библіотекаря лавры о. Хрисостома о принадлежности „Службы" перу Критскаго митрополита Никифора—о. Пти не раздѣляетъ, а также не соглашается съ мнѣніемъ референта и епископа Порфирія, что авторомъ „Службы" былъ Аѳонскій инокъ, не соглашается потому, что будто бы новелла 964 г. противъ монастырей и ихъ имуществъ создала враговъ императору Никифору среди монашества; вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, о. Пти ищетъ автора „Службы" среди жителей г. Константинополя и останавливается на Мителенскомъ митрополитѣ Іоаннѣ Киріатѣ и діаконѣ Ѳеодосіи, какъ талантливыхъ гимнографахъ и почитателяхъ императора. Но референтъ и теперь не находитъ возможнымъ отказаться отъ своего прежняго мнѣнія объ авторѣ „Службы" и утверждаетъ, что, во 1-хъ, новелла 964 г., не касаясь монашества на Аѳонѣ, не могла вызвать здѣсь недовольства императоромъ; во 2-хъ, императоръ Фока находился въ самыхъ дружественныхъ, интимныхъ отношеніяхъ съ Аѳонскими подвижниками и среди нихъ нашелъ себѣ не только горячихъ почитателей, но и настоящихъ панегиристовъ, и потому ночное разбойническое нападеніе Іоанна Цимисхія, находившагося въ заговорѣ съ вѣроломной и развратной супругой императрицей Ѳеофаной, на спящаго мирно подъ иноческою мантіею императора Никифора, въ глазахъ иноковъ и преп. Аѳанасія Аѳонскаго, было для императора поистинѣ мученическимъ концомъ. Поэтому референтъ попрежнему думаетъ, что составителемъ „Службы" могъ быть только инокъ лавры преп. Аѳанасія Аѳонскаго. Въ заключеніе референтъ указалъ на составъ „Службы", которая, подобно другимъ службамъ, состоитъ изъ каноновъ, главнымъ образомъ, и предваряется каѳизмами, значащими то же, что и тропари или стихиры, и заключается эксапостиларіемъ [1]).

б, Д. чл. **И. М. Каманинъ** далъ разъясненіе *„Таинственнаго креста въ с. Молчанахъ (Ямпол. у. Подол. губ.)"* Сту-

[1]) См. „Труды Кіев. Дух. Акад.", 1906 г., февраль, стр. 237—252.

дентъ Университета св. Владиміра г. Л. Бялковскій въ письмѣ къ референту сообщаетъ о существованіи въ с. Молчанахъ (Ямпол. у. Подол. губ.) 4-хъ каменныхъ крестовъ, изъ коихъ три находятся въ самомъ селѣ, а четвертый внѣ его, среди полей. Этотъ послѣдній замѣчателенъ тѣмъ, что имѣетъ на себѣ надпись (остальные кресты безъ надписей) слѣдующаго содержанія: *„Року Боже. 1626 м. ген. 23, на семъ мѣсти усѣченъ бысть рабъ божій"*; на задней сторонѣ отъ надписи имени, вѣроятно, усѣченнаго сохранились буквы *н* и *д*. Для рѣшенія вопроса о томъ, кто могъ быть въ указанное выше время казненъ въ этомъ мѣстѣ, референтъ обратился за справкой къ историческимъ матеріаламъ. Изъ нихъ видно, что въ 20-хъ годахъ XVII в. въ м. Шаргородѣ, отъ котораго въ 15 верстахъ находится с. Молчаны, былъ убитъ казаками Шаргородскій протопопъ-уніатъ. Упоминаніе объ убійствѣ встрѣчается въ „Supplementum Synopsis" 1632 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ находятся 1, въ грамотѣ Львовскаго и Каменецкаго епископа Іереміи Тисаровскаго Шаргородскимъ мѣщанамъ 1618 г. и 2, въ письмѣ уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго къ о. Георгію Майеру, регенту іезуитской Августанской коллегіи 1622 г.—Въ первомъ изъ этихъ документовъ епископъ Іеремія приказываетъ мѣщанамъ не подчиняться, мѣстнымъ священникамъ, какъ уніатамъ, и не признавать ихъ за духовныхъ своихъ пастырей, а во второмъ митрополитъ Іосифъ разсказываетъ, какъ Шаргородскіе мѣщане призвали козаковъ и вмѣстѣ съ ними отсѣкли голову одному священнику, готовясь сдѣлать тоже и съ другими; явившійся вскорѣ съ отрядомъ жолнеровъ староста разбилъ козаковъ, схватилъ ихъ сотника и, выведя его за городъ, вмѣстѣ съ другими схваченными казаками, казнилъ всѣхъ отсѣченіемъ головы въ 15 верстахъ отъ Шаргорода. На мѣстахъ казни сотника и козаковъ, вѣроятно, и поставлены были кресты; тамъ позже основалось село Молчаны; основателемъ его называютъ козака Молчана. Документы, указанные выше (грамота еписк. Іереміи и письмо митропол. Рутскаго) дошли до насъ въ копіяхъ, съ искаженными датами; надпись же на крестѣ

даетъ точную дату, которая и должна быть принята за дѣйствительное время совершившагося въ Шаргородѣ событія [1]).

По поводу этого доклада О. И. Левицкій замѣтилъ, что кресты подобнаго рода (г. докладчикомъ было демонстрировано изображеніе таинственнаго креста), хотя и не съ такой ранней датировкой, встрѣчаются въ нашемъ краѣ въ большомъ количествѣ.

Въ закрытой части засѣданія **граф. П. С. Уваровой** было сдѣлано сообщеніе о результатахъ работъ по подготовкѣ къ XIV Археологическому съѣзду въ Черниговѣ и о задачахъ, намѣченныхъ для съѣзда въ программахъ, составленныхъ Черниговской губернской ученой архивной коммиссіей и профессорами: Д. И. Багалѣемъ, Н. В. Покровскимъ, В. З. Завитневичемъ и Д. Я. Самоквасовымъ [2]). По этимъ программамъ Москов. Археологическимъ Обществомъ намѣчено къ исполненію на 1906 г. производство археологич. развѣдокъ въ южной части Черниговской губ., именно въ уѣздахъ: Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ и Конотопскомъ, а равно въ Полтавской губ., въ уѣздахъ: Роменскомъ, Гадячскомъ, Прилукскомъ, Пирятинскомъ, Лубенскомъ, Переяславскомъ и Золотоношскомъ.

Археологическія развѣдки по Днѣпру отъ устьевъ Десны до Любеча и по Деснѣ до Моровска поручены В. В. Хвойкѣ.

Археологич. развѣдки въ Роменскомъ уѣздѣ и восточнѣе до истоковъ Сулы поручены г. Городцову.

Такія же развѣдки по Сулѣ отъ Глинска до устья этой рѣки имѣется въ виду поручить г. Еременку.

В. Г. Ляскоронскій выразилъ согласіе продолжать разысканія городищъ, кургановъ и валовъ въ области лѣвой стороны Днѣпровской долины отъ устьевъ Трубежа до

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1906 г. №№ 3—4, стр. 73—77.

[2]) См. „Правила XIV-го Археолог. съѣзда въ Черниговѣ".

устьевъ Орели и Самары, по теченію Орели, въ области между Орелью и Самарой и въ области южнаго пограничья Черниговской земли (южные уѣзды Черниговской и сѣверные Полтавской губ.).

Далѣе, гр. Уварова доложила программу въ области религіознаго и гражданскаго искусства для XIV Археологич. съѣзда. Къ этой программѣ нѣсколько дополненій сдѣланы Н. И. Петровымъ, А. А. Дмитріевскимъ, О. И. Левицкимъ и А. Н. Балабухой.

Обслѣдованіе съ этой стороны Черниговской губ. взяли на себя проф. Айналовъ и Горностаевъ; къ нимъ присоединились Н. И. Петровъ и Г. Г. Павлуцкій для обслѣдованія Полтавской губ.

За симъ было организовано Кіевское отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XIV-го Археологич. съѣзда. Въ составъ его выразили готовность вступить: Н. И. Петровъ, Г. Г. Павлуцкій, Ю. А. Кулаковскій, А. А. Дмитріевскій, В. Б. Антоновичъ, Е. Н. Антоновичъ, И. М. Каманинъ, В. А. Кордтъ, О. И. Левицкій, В. Г. Ляскоронскій, Д. В. Туткевичъ, о. І. Н. Корольковъ, о. Ѳ. И. Титовъ, В. Т. Георгіевскій, А. В. Стороженко, М. П. Истоминъ, В. П. Каньшинъ, П. В. Голубовскій, А. М. Лобода, М. В. Довнаръ-Запольскій, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. В. Хвойка и К. В. Болсуновскій.

При этомъ была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ по запискамъ въ должности предсѣдателя и секретаря отдѣленія; избранными оказались въ должность предсѣдателя—Г. Г. Павлуцкій и въ должность секретаря—В. Г. Ляскоронскій.

Наконецъ, депутатами отъ Общества на Археологич. съѣздъ въ г. Владимірѣ (губернскомъ) изъявили желаніе отправиться: А. А. Дмитріевскій, Г. Г. Павлуцкій, В. Т. Георгіевскій и В. П. Каньшинъ.

VIII. Засѣданіе 30-го апрѣля 1906 г.

а) Чл.-кор. **Г. М. Барацъ** сдѣлалъ сообщеніе *„О мнимомъ судѣ Божіемъ и о судѣ 12 мужей по Русской Правдѣ и по Закону Судному"* [1]).

О судѣ Божіемъ, по мнѣнію изслѣдователей, трактуетъ ст. 17 Карамзин. списка Русской Правды:

„Искавъ же ли послуха и не налѣзеть, а истца начнеть головою клепати, томоу дати исправа желѣзо; тако же и въ всѣхъ тяжахъ и въ татбѣ, и въ поклепѣ, оже не бадеть ли исца (лица), тогда дати емоу исправоу желѣзо изъ неволи до полугривнѣ злота; оже ли и мене, то на водоу, али до двою гривну; аще ли мене, то ротѣ емоу ити по свои куны".

Смыслъ этой статьи, по мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, таковъ: „За неимѣніемъ свидѣтелей по обвиненію въ смертоубійствѣ, прямо назначается высшій судъ Божій—желѣзо, минуя низшіе: роту (присягу) и воду. Въ дѣлахъ же о преступленіяхъ противъ правъ собственности способы доказательствъ чередуются по степени ихъ важности, сообразно цѣнѣ иска: въ искахъ менѣе двухъ гривенъ допускается рота, въ искахъ же отъ двухъ гривенъ до полугривны золота—испытаніе водой; въ искахъ свыше полугривны золота—желѣзо".

Референтъ находитъ, что статья эта искажена переписчиками, которые многія слова прочли неправильно, а другія переставили съ одного мѣста на другое. Послѣ сдѣланныхъ имъ исправленій, ст. 17 „Рус. Правды" принимаетъ такую форму:

Ст. 17. „И въ (чит. *И о)поклепъ*. Искавъ же ли истца (по друг. спискамъ: *истецъ*) *двою* послуха и налѣзеть а и начнеть головою клепати. томоу (чит.: то ему) дати неправа съ желѣзомъ *на полъ*; также и въ всѣхъ тяжихъ и въ татбѣ (.....), оже не боудеть ли исца (по друг. спискамъ: *лица*-, тогда дати емоу исправа *изъ* (чит.: *съ*) желѣза(омъ) на поли до полугривнѣ -варіан.: до (....) гривны- злата; оже ли и мене то *на водоу* (ошибочно, вмѣсто: *на ротоу*) (варіан: аще ли (али) мене, то ротѣ ити ему по свои куны)".

[1]) См. „Вѣстникъ Права" 1906 г., кн. II-я.

Смыслъ этой статьи, по мнѣнію референта, слѣдующій:

О поклепѣ (бездоказательномъ обвиненіи). Если истецъ, искавшій *двухъ* свидѣтелей, найдетъ только *одного* и будетъ обвинять въ убійствѣ, то предоставить ему развѣдаться *на полѣ* поединкомъ на мечахъ; точно также и относительно кражи и во всѣхъ судныхъ дѣлахъ, если не будетъ несомнѣнныхъ доводовъ, то допускается расправа посредствомъ поединка на полѣ, но лишь по дѣламъ до полугривны (по другому варіанту – до гривны золота); по дѣламъ же на меньшую сумму истецъ долженъ доказывать свои исковыя требованія присягою".

Далѣе авторъ подробно мотивировалъ свои исправленія и толкованія темныхъ мѣстъ этой статьи, и приходитъ къ заключенію, что въ ней нѣтъ рѣчи объ ордаліяхъ посредствомъ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ или водою, а говорится только о желѣзѣ, въ значеніи судебнаго боя, поля.

О судѣ Божіемъ посредствомъ испытанія желѣзомъ, какъ предполагаютъ изслѣдователи, говорятъ ст. 99 и 100 Рус. Правды по Карамз. списку.

Ст. 100:—Съ первого же взгляда на эту статью видно, что она состоитъ изъ двухъ частей, которыя референтъ обозначаетъ буквами *а* и *б:*

а, „А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полъгривны дѣтьскому; то ти желѣзные оуроки, кто си въ чемь поемлеть.

б, А еже емлеть на желѣзо на свободныхъ людей рѣчи, либо ли зана напь будеть (ли запна не будеть), любо прохоженіе нощное, или кимь (кімъ) любо образомъ оже не ожьжется (отжджеться), то про то муки не платити ему, нъ (но) едино желѣзное, кто и будеть ялъ".

Правильное чтеніе обѣихъ статей по списку Карамзинскому, съ принятіемъ въ соображеніе варіантовъ по списку Пушкинскому и по напечатанному г. Дубенскимъ („Русскія Достопамятности" т. 2-я, стр. 62—63) списку будетъ таково:

Ст. 99: „А тѣ тяжи вси соудять съ послухы съ свободными: будетъ ли послухъ холопъ, то на правду холопоу не вылазити; но ожа хощетъ истецъ или иметъ нарекати тако: по сего рѣчи азъ емлю тя (.....) и емлять на желѣзо, оже обинить, и той емлеть на немъ свое;

не обинить ли его, а платити ему за моуку гривна, зане по холные рѣчи ялъ и".

Ст. 100: „А кто си въ чемъ емлеть а (чит.: до) полъ-гривны по свободныхъ людей рѣчи, любо ли запа (чит.: закупъ) пань будеть, а ие холопъ (послѣднія слова ваяты изъ предыдущей 99-й статьи), ли занна не будетъ (этой фразы въ Пушкин. сп. вовсе нѣтъ), или нощное прохожденіе образомъ а еже емлеть на желѣзо, любо кимъ (чит.. кіемъ), то, оже не ожжется, то про то мукы не платити ему (чит.: тому), кто и будеть ялъ, поединку желѣзное. А желѣзного платити 40 кунъ мечнику, а 5 кунъ (.. .) дѣтьскому: то ти желѣзные оурокы"..:

Представивъ далѣе объясненіе употребленныхъ въ этихъ статьяхъ словъ и оборотовъ, авторъ, даетъ полный переводъ этихъ статей на современный русскій языкъ.

Затѣмъ референтъ перешелъ къ анализу статей Русской Правды, упоминающихъ о судѣ 12-ти мужей, а именно:

Ст. 14 Академ.: „Аще кто взыщетъ на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да еще боудетъ обидя не вдалъ, боудетъ достоино емоу свои скотъ, а за обидоу 3 гривнѣ".

Ст. 44 Карам.: „Аще кто взыщетъ коунъ на друзѣ, а онъ ся оучне запирати, то оже на нь послуси выведетъ, то ти наидуть на роту, а онъ възметь коуны своя; занеже не далъ ему есть за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны".

По предположенію референта, всѣ мнѣнія объ этихъ статьяхъ основаны на „недоразумѣніи".

Референтъ произвелъ надъ ними хирургическія операціи пересадки и усѣченія, и послѣ этихъ измѣненій, обѣ статьи являются въ слѣдующемъ видѣ:

Ст. 14 Акад. „Аще гдѣ взыщеть на дроузѣ.... (коунъ), а онъ ся запирати почнеть, то ити ему.... предъ видоци. в (два) ї (вм. или) при (чит.: три) человѣка.... (и) будетъ достоино емоу свой скотъ (имати)". Т. е.: Всякій денежный искъ, хотя бы оспариваемый отвѣтчикомъ, подлежитъ удовлетворенію, если онъ будетъ подтвержденъ двумя или тремя сторонними людьми, удостовѣряющими спорныя обстоятельства—„видоками".

Ст. 44 Кар. „Аще кто взыщеть коунъ на друзѣ (оу варяга лыбо кольбяга), а онъ ся оучне запирати, то оже нань послуси выведеть, то

тии поидуть (чит.: тыи поидеть) нл ротоу, а (въ друг. спискахъ: ионъ възметь коуны свои". Т. е., по денежнымъ спорамъ, возникающимъ между туземцами и иностранцами, истецъ долженъ подтвердить свое требованіе свидѣтелями и, сверхъ того, личною присягою,—въ отличіе отъ дѣлъ по спорамъ туземцевъ между собою, въ каковыхъ дѣлахъ отъ истца требовалась присяга лишь въ томъ случаѣ, когда онъ, вмѣсто двухъ или больше свидѣтелей, выставлялъ только одного.

Итакъ, въ разсматриваемыхъ статьяхъ рѣчь идетъ вовсе не о коммиссіи въ составѣ 12 мужей, представителей общины, разбиравшихъ, въ качествѣ присяжныхъ, почему-то лишь споры по долговымъ обязательствамъ, а о простыхъ свидѣтеляхъ факта въ числѣ двухъ или трехъ, согласно съ правиломъ Моисеева Закона: „при оустѣхъ двою свидѣтелей да станетъ всякъ глаголъ".

Въ подтверженіе легендарныхъ „12-ти человѣка" краткой Рус. Правды ученые ссылаются на двѣ статьи обширной редакціи такъ наз. „Судебника царя Константина", или „Закона Суднаго людемъ": на ст. „о послушествѣ" (или „о поповскомъ послушествѣ"), и на ст.—„о судьи и о послусѣхъ" (или просто: о послусѣхъ).

Сличая послѣднюю статью съ постановленіями Моисеево-талмудическаго права, какъ оно воспроизведено въ Кодексѣ Маймонида и сводѣ Іосифа Коро: „Хошанъ—Мошпатъ", оказывается, что эта статья Закона Суднаго дѣйствительно заимствована изъ Моисеево-талмудическаго права, ибо иначе какъ объяснить присутствіе въ ней тѣхъ же самыхъ словъ и оборотовъ, какіе употребляются и въ Талмудѣ и въ извлеченіяхъ изъ него; эта статья, такимъ образомъ, каковъ-бы ни былъ ея источникъ и какъ бы ее не истолковывали, не имѣетъ даже и отдаленной связи со статьей Русской Правды, трактующей будто бы объ „изводѣ" „предъ 12 человѣка", такъ какъ въ первой числовыя обозначенія 11 или 18 относятся не къ послухамъ—свидѣтелямъ, а къ послухамъ—судьямъ.

б, Секретаремъ А. М. Лободой былъ прочтенъ докладъ иногороднаго д. чл. **Н. Н. Оглоблина:** „Приходо-расходная

книга Азовскаго Предтечева монастыря 1699—1801 гг." (напечатанъ въ 1-мъ вып. XIX книги „Чтеній").

Въ закрытой части засѣданія былъ заслушанъ и одобренъ текстъ извѣщенія объ открытіи публичной подписки на премію имени проф. В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологіи и исторіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдателемъ было доложено о выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска XIX-й книги „Чтеній", посвященной проф. В. С. Иконникову, и собраніемъ постановлено: поднести этотъ выпускъ В. С. Иконникову 7-го сего мая.

IX. Засѣданіе 14-го мая 1906 г.

Д. чл. **А. И. Соболевскій** прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ *„Доля и Горе въ народной сказкѣ"* [1]).

Древнерусскую повѣсть о Горѣ-Злосчастіи открылъ А. Н. Пыпинъ и передалъ ее для напечатанія Н. И. Костомарову, который объявилъ Горе древнимъ миѳологическимъ существомъ; еще Шевыревъ призналъ Горе богиней и помѣстилъ ее на славянскомъ Олимпѣ; Ѳ. И. Буслаевъ считалъ его лишь поэтическимъ образомъ, и вѣра въ судьбу не даетъ права смотрѣть на Горе, какъ на божество; А. А. Потебня отождествлялъ Горе съ Долей, Недолей, Бѣдой, Нуждой, Кручиной, Злыднями, считалъ ихъ очень древними и видѣлъ на нихъ слѣды зооморфизма; къ его мнѣнію примыкаетъ А. Н. Аѳанасьевъ, называя всѣ виды Горя „дѣвами судьбы"; если Потебня держится метеорологической теоріи Куна и Шварца, то А. Н. Веселовскій стоитъ на болѣе современной анимистической теоріи: образы Доли и Горя возникли еще въ пору первобытнаго анимизма. Онъ приписываетъ, вопреки историку Прокопію, славянамъ идею рока, вѣру въ судьбу личную и родовую; путемъ логическихъ и психологическихъ наведеній онъ устанавливаетъ генетическую связь культа родителей или предковъ съ позднѣй-

[1]) См. „Eranos" — Сборникъ въ честь проф. Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1906 г.

шими олицетвореніями идеи судьбы: Родомъ-Домовымъ, Рожаницей, Сулицей (Орисницей, Наречницей), Долей; эта идея у славянъ развилась въ судьбу случайную и судьбу прирожденную. Но референтъ считаетъ методъ логическихъ и психологическихъ наведеній недостаточнымъ и неточнымъ, рѣзко противополагающимъ другъ другу элементы народные и литературные и произвольно разграничивающимъ понятія о народномъ и постороннемъ, наносномъ, такъ какъ въ современной фольклористикѣ теорія заимствованій и бродячихъ мотивовъ завоевываетъ съ каждымъ днемъ все большія права. Попытка А. Н. Веселовскаго приписать славянамъ самобытную, независимую отъ представленій другихъ народовъ, идею судьбы и прослѣдить ея генетическое развитіе внѣ посторонніхъ вліяній лишена реальнаго фундамента; поэтому единственнымъ надежнымъ путемъ кажется референту методъ аналитическій.

Устанавливая связь между Долею и Горемъ, изслѣдователи ссылаются на великорусскую сказку. Содержаніе ея таково: противополагаются другъ другу счастливецъ и несчастный; первый во всемъ имѣетъ удачу и безъ всякаго труда богатѣетъ; второй, несмотря на всѣ усилія и труды, бѣднѣетъ и впадаетъ въ нищету; неудачникъ узнаетъ, что это различіе въ ихъ судьбѣ происходитъ отъ противоположнаго отношенія къ нимъ какихъ-то существъ, олицетворяющихъ счастье или долю того и другого. Доля богатаго неустанно на него работаетъ, Доля же бѣдняка враждебна ему и бездѣйствуетъ; бѣднякъ дѣлаетъ ей внушеніе и заставляетъ ее исправиться; Доля совѣтуетъ ему перемѣнить родъ занятій (хлѣбопашество), переѣхать въ городъ и заняться торговлей; переѣзжая въ городъ, бѣднякъ услышалъ плачущую свою Долю, просившую и ее взять съ собой; бѣднякъ заперъ ее въ сундукъ и зарылъ въ лѣсу въ землю; въ городѣ бѣднякъ разбогатѣлъ; богачъ, узнавъ причину счастія бѣдняка, изъ зависти освободилъ Горе и совѣтуетъ ему снова разорить бѣдняка; но Горе, благодарное за освобожденіе, остается при богачѣ и разоряетъ его до нищеты.

По мнѣнію референта, здѣсь соединены два разсказа: о двухъ Доляхъ и о Горѣ, разоряющемъ богача, не смотря на заботы о немъ его Доли. Оба разсказа дѣйствительно и встрѣчаются отдѣльно, напр., въ бѣлорусской сказкѣ. Обѣ Доли встрѣчаются въ разныхъ формахъ; Доля богача—молодая, красивая женщина, вся въ бѣломъ; Доля бѣдняка—голая старуха; иногда онѣ являются въ видѣ мужчинъ, животныхъ, птицъ, пресмыкающихся; въ нѣкоторыхъ варіантахъ бѣднякъ богатѣетъ отъ какого-либо подарка его Доли. Разсказъ о двухъ Доляхъ встрѣчается не только вездѣ въ Россіи, но и у многихъ другихъ народовъ; существуютъ разсказы Грузинскій, Сербскій, Неаполитанскій, Андалузскій; одинъ разсказъ, напоминающій преданіе о покупкѣ царемъ Тарквиніемъ Гордымъ Сивиллиныхъ книгъ, помѣщенъ Итальянскимъ гуманистомъ Лавр. Абстеніемъ въ сборникъ 1499 г.; есть народныя подобныя же сказки въ Калабріи, Сициліи, современной Греціи и въ Византійской поэмѣ, въ рукописи XVI в.; въ сѣверо-западной Европѣ сказка, повидимому, неизвѣстна. Всѣ варіанты ея, по своему содержанію, составляютъ два извода; къ первому относятся разсказы русскіе и грузинскій, второй — составляютъ остальные разсказы. Сравненіе обоихъ изводовъ не даетъ никакого указанія на исторію разсказа; онъ могъ появиться только у народа, вѣрующаго въ личную долю человѣка; въ Малороссіи встрѣчается вѣра въ долю, но она не связана съ народнымъ міросозерцаніемъ и есть слѣдствіе распространенія разсказа о двухъ Доляхъ; естественнымъ является вѣрованіе такое лишь въ римской религіи, въ которой спеціализируются функціи отдѣльныхъ божествъ; древняя богиня Фортуна, почитавшаяся сначала подательницей урожая и приплода у земледѣльцевъ, стала у горожанъ вообще богиней счастія; она распалась тамъ на необозримое множество отдѣльныхъ спеціальныхъ фортунъ; въ Италіи и могъ сложиться разсказъ; время составленія его — неизвѣстно, но несомнѣнно до изданія Абстенія и только на почвѣ Римской культуры. Второй разсказъ о пойманномъ и вновь выпущенномъ Горѣ, называемомъ иначе

Нуждой, Бѣдой, Кручиной, Злыднями, также распространенъ въ Россіи; схема разсказа бываетъ расширена посторонними мотивами; въ польскомъ разсказѣ фигурируетъ демонъ Искрицкій, имѣющій связь съ огнемъ, подобно русскому домовому и нѣмецкому кобальду; образъ его имѣетъ сходство съ Aufhoker'омъ—кошмаромъ; непремѣнное его качество — неотвязчивость и способность сокращать свой объемъ до минимальныхъ размѣровъ; утопленіе демона повторяется во многихъ варіантахъ; мотивъ освобожденія Горя также имѣетъ многочисленныя параллели: мотивъ о роковой благодарности его очень древній и встрѣчается уже у Сотіака, проповѣдника практической морали въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., ссылавшагося на Ливійскую басню (Ливія—страна чудесъ и чудовищъ); Горе (Λύπη) живетъ въ Ливіи и предпочитаетъ остаться у того, кто его кормитъ, питаетъ; образъ этотъ имѣетъ глубокій смыслъ, если подъ горемъ разумѣть печаль въ субъективномъ значеніи: первоначальная печаль, въ смыслѣ субъективнаго чувства, была замѣнена несчастьемъ въ смыслѣ объективной силы; въ этомъ отношеніи русская сказка стоитъ очень близко къ древнегреческой; переходъ субъективнаго Горя въ объективное Несчастіе сдѣлалъ возможнымъ мотивъ о благодарности Горя. Такимъ образомъ, сказка о Горѣ, какъ и сказка о двухъ Доляхъ, не содержитъ въ себѣ ничего, что восходило бы къ миѳологическимъ представленіямъ и религіознымъ вѣрованіямъ древнихъ славянъ. Ядро разсказа ведетъ свое начало изъ античной древности,

Кромѣ сказокъ, есть цѣлый рядъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ выступаетъ Горе не въ смыслѣ личнаго чувства, а въ значеніи объективнаго несчастія. Злой демонъ привязывается къ человѣку со дня его рожденія и не оставляетъ своей жертвы; чтобы избѣжать или настичь другъ друга, они оборачиваются звѣрями, птицами и рыбами; мотивъ заключенія и освобожденія Горя встрѣчается въ сѣверныхъ причитаніяхъ; Горе вездѣ въ пѣсняхъ является стихійной силой, въ малорусскихъ же пѣсняхъ мы находимъ смѣ-

шеніе личной доли и демона несчастія; къ личной долѣ относится мотивъ неотвязнаго преслѣдованія; эта черта переносится потомъ на Долю—счастье; малорусскія пѣсни не могутъ служить доказательствомъ исконнаго тождества образовъ Доли и Горя; образъ Горя несомнѣнно взятъ изъ великорусской народной пѣсни; вообще зависимость повѣсти отъ народной пѣсни вполнѣ очевидна; ничѣмъ не мотивированное появленіе Горя въ повѣсти объясняется вліяніемъ пѣсни, гдѣ зарожденіе Горя опредѣленно и поэтично; не мотивировано появленіе молодца на пиру, что въ пѣснѣ объяснено уходомъ отъ Горя; кромѣ того, составитель повѣсти, цѣли: преслѣдованіе Горя вызвано прегрѣшеніемъ молодца: его неповиновеніемъ волѣ родителей; такимъ образомъ, демонъ народной пѣсни принялъ обликъ христіанскаго врага-искусителя, отъ котораго спасеніе возможно только въ монастырѣ; произвольный актъ сліянія авторомъ повѣсти образа Горя съ христіанскимъ дьяволомъ привелъ къ тому, что явились и пѣсни подобнаго же содержанія; воздѣйствію повѣсти подпала и сказка, особенно малорусская, гдѣ Горе представлено демоническимъ бражникомъ, соблазняющимъ молодца,—черта свойственная средневѣковому дьяволу.

Въ заключеніе авторъ высказалъ положеніе, что прежде чѣмъ строить эволюціонно-генетическія системы и теоріи, необходимо произведенія народнаго творчества подвергнуть критическому анализу и сравнительному изученію, какъ со стороны всей ихъ структуры, такъ и со стороны отдѣльныхъ мотивовъ; модное нынѣ въ изученіи фольклора антропологическое направленіе, провозглашающее, что одни и тѣ же мотивы возникаютъ самостоятельно у разныхъ народовъ въ силу однородности человѣческаго духа и развиваются одинаково по общимъ законамъ эволюціи,—слишкомъ пренебрегаетъ сравнительнымъ изученіемъ.

X. Засѣданіе 14-го сентября 1906 г.

Въ началѣ засѣданія г. предсѣдатель напомнилъ о крупной утратѣ, понесенной наукой въ лицѣ проф. *М. И. Соколова*, состоявшаго дѣйств. членомъ Общества Нестора-лѣтописца. Память почившаго была почтена вставаніемъ.

а, Затѣмъ, г. предсѣдателемъ Н. П. Дашкевичемъ былъ прочитанъ докладъ отсутствующаго поч. чл. **А. И. Соболевскаго:** *„По поводу этюда А. Л. Петрова: „О подложности грамоты Ѳедора Коріатовича 1360 г.“* (Напечатано во 2-мъ вып. XIX книги „Чтеній“).

Съ своей стороны, Н. П. Дашкевичъ присоединился къ мнѣнію г. Соболевскаго, замѣтивъ, что даже, быть можетъ, и датировку не за чѣмъ исправлять, въ виду возможности пребыванія Коріатовича въ Мункачѣ въ 60-хъ годахъ XIV-го в.

б, Г. секретаремъ А. М. Лободой былъ прочитанъ докладъ отсутствовавшаго д. чл. **А. С. Грушевскаго:** *„Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ (эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.“)*“. (Напечатанъ во 2-мъ вып. XIX-й книги „Чтеній“).

По поводу этого доклада Н. И. Петровъ обратилъ вниманіе на необходимость провѣрить древнѣйшіе списки „Исторіи Руссовъ“, а В. З. Завитневичъ указалъ на то, что о. Ѳ. И. Титову удалось найти сундукъ съ рукописями Георгія Конисскаго, чтó, быть можетъ, прольетъ свѣтъ и на „Исторіи Руссовъ“. Кромѣ того, по мнѣнію г. Завитневича, интересно было бы прослѣдить традицію той тенденціи, которая выражена авторомъ „Исторіи Руссовъ“.

Въ закрытой части засѣданія г. Предсѣдатель доложилъ, что ходатайство объ увеличеніи субсидіи Обществу Нестора лѣтописца для изданія его трудовъ, представленное г. Министру Народнаго Просвѣщенія бывшимъ предсѣдателемъ Общества Ю. А. Кулаковскимъ, удовлетворено лишь въ томъ

смыслѣ, что Обществу выдана на нынѣшній годъ добавочная субсидія въ 500 руб.

Постановили: выразить благодарность Ю. А. Кулаковскому за его хлопоты.

XI, Засѣданіе 24-го сентября 1906 г.

а, Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** прочелъ сообщеніе объ изслѣдованныхъ имъ *„Памятникахъ каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полтавской губерніи"*.

Время Екатерины II и Александра I, какъ блестящая эпоха русской архитектуры, заслуживаетъ тщательнаго изученія; въ царствованіе Екатерины II господствовалъ въ Россіи классическій стиль, а при Александрѣ I—стиль, извѣстный подъ именемъ „stile de l'empire", являющійся продолженіемъ классическаго; принесенный съ Запада, онъ вскорѣ сталъ истинно-русскимъ стилемъ, и подъ выраженіемъ „старинный русскій барскій домъ" разумѣется не что иное, какъ стиль „empire": бѣлый домъ съ нѣсколькими колоннами на фасадѣ или съ двумя крыльями вправо и влѣво отъ подъѣзда. Западное вліяніе въ Россіи начинается съ Петра I и вытѣсняетъ древне-русское зодчество, составляющее смѣсь Византійскаго и русскаго стилей, и образуетъ новую архитектурную смѣсь западно-византійско-русскую; при императрицѣ Елисаветѣ появляется, благодаря Растрелли стиль „барокко"; стиль Екатерины II—это нашъ „Louis XVI", искусство временъ Александра I—нашъ „empire"; западное вліяніе усиливается съ учрежденіемъ Академіи художествъ. Классицизмъ выросъ на развалинахъ стиля Людовика XV—„рококо" и снесенъ былъ революціей, воскресившей мрачный и суровый дорическій стиль; архитекторы временъ Наполеона I создали „stile de l'empire". Такимъ образомъ искусство каждаго періода есть зеркало современности. Памятниками класическаго стиля особенно богаты Москва и Петербургъ; но они встрѣчаются и въ другихъ городахъ; напр., въ Кіевѣ къ

классическому стилю относятся: Контрактовый домъ, церковь на Аскольдовой могилѣ, церковь Рождества Христова на Александровской улицѣ, зданіе почты, старое зданіе Государственнаго банка и Университетъ. Занесенъ былъ классическій стиль и въ Полтавскую губернію; напр., Николаевская церковь въ г. Хоролѣ и около него въ с. Вишнякахъ—Троицкая. Николаевская церковь заложена въ 1779 г., а окончена въ 1790 году, Троицкая сооружена помѣщикомъ Пламенацомъ въ 1794 г. Обѣ церкви имѣютъ крестообразный планъ; подражаніе выразилось здѣсь въ упрощенной декораціи: фасады украшены лишь пилястрами, колонны отсутствуютъ; нѣкоторыя детали заимствованы отъ барокскаго стиля. Троицкая церковь въ с. Вишнякахъ напоминаетъ домъ на Воздвиженкѣ, бывшій графа Разумовскаго, а теперь графа Шереметева. Эпохѣ Александра I въ г. Хоролѣ принадлежатъ двѣ церкви: соборная Успенская и Воскресенская на базарной площади; онѣ сооружены были купцами Чеботаревымъ и Мѣсняевымъ: эти купцы думали сначала построить одну церковь на общія средства, но потомъ разошлись въ вопросѣ о мѣстѣ, и Чеботаревъ построилъ Успенскій храмъ близъ своего дома, а Мѣсняевъ Воскресенскую церковь на базарной площади; обѣ церкви очень сходны между собой и въ близкомъ сосѣдствѣ. Соборная церковь окончена въ 1808 г.; она имѣетъ лѣпныя украшенія по античному образцу: внутри этой церкви вверху стѣнъ и въ куполѣ, на капители пилястровъ и на барабанѣ купола; круглыя большія скульптурныя розетки на стѣнкахъ портиковъ, большія вазы въ нишахъ на наружныхъ стѣнахъ и т. п. Въ 60 годахъ прошлаго вѣка обѣ церкви подверглись передѣлкѣ и искаженію, портики съ колоннами были сломаны, и къ церквамъ пристроены колокольни Московскаго типа XVII в. съ шатровымъ верхомъ; въ этихъ храмахъ стиля „empire“ переднюю часть фасада образуетъ портикъ съ дорическими колоннами; такіе портики устраивались съ трехъ сторонъ: сѣверной, южной и западной; нижняя часть стѣнъ обработана рустами, верхняя—гладкая; колонны, грустики, куполъ—

яйцевидной формы на подобіе купола св. Петра въ Римѣ или Парижскаго Пантеона; дорическія колонны часто не имѣютъ базъ—это черта русскаго „empire".

Николаевскому времени принадлежитъ храмъ въ стилѣ „empire" въ г. Ромнахъ; это—Николаевская церковь, построенная въ 1830 годахъ помѣщикомъ Майенеромъ. Здѣсь дорическія колонны окружаютъ даже алтарный выступъ; колонны безъ базъ; декорація — дорическій фризъ вокругъ всего зданія; въ передней части пристроена колокольня въ видѣ четыреугольной башни со шпицемъ въ нѣмецко голландскомъ стилѣ временъ Петра I, сдѣлавшимся излюбленнымъ мотивомъ. Къ стилю „empire" принадлежатъ еще церкви въ с. Енькахъ и въ с. Вергунахъ (круглая), Хорольскаго уѣзда, и наконецъ церковь въ г. Лубнахъ.

Въ Полтавской губерніи всѣ эти храмы „empire" замѣнили собою старинныя деревянныя церкви малорусскаго стиля, образчикомъ котораго является церковь Кальнишевскаго въ г. Ромнахъ. Вліяніе стиля „empire" дѣйствительно такъ сильно, что даже старинныя деревянныя церкви приспособлялись къ „empire", напр., въ с. Погребищахъ (Кіевской губ.); здѣсь къ церкви пристроенъ въ началѣ XIX вѣка портикъ съ деревянными колоннами.

По поводу этого сообщенія Н. В. Стороженко замѣтилъ, что стиль „empire" былъ довольно распространенъ въ Малороссіи; памятниковъ его въ видѣ разныхъ построекъ еще довольно много сохранилось въ Малороссіи, хотя число ихъ все болѣе сокращается; важно было бы собрать ихъ къ предстоящему археологическому съѣзду. Въ распространеніи въ Малороссіи стилей временъ Елисаветы и Екатерины видную роль могли играть ученики Академіи Художествъ изъ малороссовъ, которые появлялись тамъ, благодаря, вѣроятно, покровительству и поддержкѣ сановниковъ-меценатовъ XVIII в.

В. Т. Георгіевскій привѣтствовалъ вниманіе докладчика къ памятникамъ стиля, доселѣ пренебрегавшагося незаслуженно; построеніе церквей по этому стилю, быть можетъ, объясняется также вліяніемъ альбомовъ Св. Синода.

На это послѣднее замѣчаніе Г. Г. Павлуцкій и А. А. Дмитріевскій возразили, что такіе альбомы появляются лишь въ 20-хъ годахъ XIX в.

б, Д. чл. **Ю. А. Яворскій** прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „*Три старца Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня*".

Какъ западно-европейская, такъ и русская критика не оцѣнила должнымъ образомъ „Народныхъ разсказовъ" Л. Н. Толстого; такое отношеніе къ нимъ несправедливо, потому что писатель проявилъ въ нихъ усвоеніе имъ не только народнаго міросозерцанія, но даже стиля и языка, и русская литература должна ими дорожить и гордиться; вмѣстѣ съ тѣмъ, они составляютъ подлинное и цѣнное народное произведеніе. Эти „Народные разсказы" не подвергались еще сравнительному историко-литературному разбору, исключая разсказъ: „Чѣмъ люди живы?", изслѣдованный проф. Сумцовымъ. Референтъ подвергаетъ такому же изслѣдованію разсказъ „Три старца". Изложивъ основную идею разсказа, онъ остановился на вопросѣ, откуда разсказъ заимствованъ Толстымъ. По сообщенію В. Розанова, со словъ самого Л. Н. Толстого, источникъ разсказа—дѣйствительный фактъ, совершившійся на глазахъ самóго писателя; этотъ фактъ и переданъ г. Розановымъ въ „Нов. Времени" (1903 г. № 9901); сомнѣваться въ точности факта нѣтъ основанія; по мнѣнію референта, этотъ фактъ могъ повліять лишь на выборъ Толстымъ сюжета, самый же сюжетъ и идею разсказа дала народная словесность. Непосредственный великорусскій народный оригиналъ разсказа Толстого до сихъ поръ не обнародованъ, но бѣлорусскіе и малорусскіе варіанты его—извѣстны. Референтъ указалъ на ту бѣлорусскую легенду, которая записана въ Новогрод. уѣздѣ Минской губ. и напечатана П. Шейномъ въ его „Матеріалахъ для изуче. нія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края" (Спб. 1873, II, стр. 373—374, № 218), отмѣчая ея отличія отъ разсказа Толстого: одинъ пустынникъ вмѣсто трехъ, прыганіе черезъ колоду, погруженіе въ воду пустынника на об-

ратномъ пути черезъ рѣку. Изъ подобныхъ же малорусскихъ легендъ извѣстны двѣ: одна издана въ нѣмецкомъ переводѣ А. Н. Веселовскимъ въ „Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Ruslands", 1874, V, 288 (Zwei kleinrusische Legenden zu Rabelais") и другая, совершенно подобная первой и, быть можетъ, ея оригиналъ, напечатана М. П. Драгомановымъ въ его „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ" (1876 г. 141—142, № 35) и записана имъ въ Черниговской губ.; такой же варіантъ записанъ въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губ. Б. Д. Гринченкомъ въ его „Этнографическихъ матеріалахъ" (1895 г., I, 73—74, № 95); но болѣе всего подходитъ къ бѣлорусской легендѣ та, которую записалъ М. П. Драгомановъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. („Малорус. народ. пред.", 142—143). Есть еще Кіевскій разсказъ о пустынникѣ, напечатанный въ „Кіевской Старинѣ" (1888 г., XII, 267—268). Харьков. варіантъ пріуроченъ къ земнымъ странствованіямъ апостола Петра, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь Петръ, а не пустынникъ погружается въ воду (П. Ивановъ: „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ" въ Этнограф. обозрѣніи, V, 155—156), Галицко-русскій разсказъ (Дрогобич. у.) приближается къ типу Бѣлорусскому и Черниговскимъ („Жите и Слово", 1894, II, 349—350, № 21, статья И. Я. Франка). Параллели этой легенды встрѣчаются также у славянъ и въ Запад. Европѣ. Въ Познан. области разсказъ отличается тѣмъ, что вмѣсто лѣса является море; человѣкъ дикъ и не имѣетъ понятія о Богѣ; получивъ сознаніе божества, онъ теряетъ прежнюю свою силу (Dr. M. Toeppen: Aberglauben aus Mazuren. 1867, 123). Сербо-хорватскіе варіанты также пріурочиваютъ разсказъ къ плаванію и связываютъ его съ именемъ св. Николая (Вук. С. Караджић: Српске народне приповијтке. Држ. изд. 1897, 330—331—и Majut Stajanowic: Puêka propoviaduè i piesnie 1867, 225) Въ болгарской легендѣ (К. А. Шапкаревъ: „Сборникъ отъ болгарски народни умотворения", 1892, VIII, 108—109, № 86) состязаются праведники, повѣсивъ платки съ водой и горячими углями; побѣда остается за мельникомъ, живущимъ въ

семьѣ, надъ пустынникомъ, живущимъ въ уединеніи; состязаются такимъ образомъ всѣми признаваемый праведникъ съ непризнаннымъ, и побѣда остается за послѣднимъ. Въ Западной Европѣ легенда о св. пустынникѣ уже не встрѣчается; но она входитъ въ составъ многихъ легендарныхъ сборниковъ, напр. въ сборникъ Іоганнеса Паули: „Schimpf und Ernst (изд. въ 1519 г.); легенда пріурочена къ св. Амвросію и сходна съ сюжетомъ Толстого; она находится и въ другихъ сборникахъ, перечисляемыхъ г. Эстерлеемъ въ примѣчаніяхъ къ сборнику Паули; всѣ легенды восходятъ къ одному древнему оригиналу, который, въ свою очередь, исходитъ изъ древне-восточной легенды.

б, Д. чл. **А. В. Стороженко** сообщилъ *„Новыя подробности къ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Оришовскаго"* (Напечатано въ 3-мъ вып. XIX книги „Чтеній").

Въ настоящемъ засѣданіи, по единогласному рѣшенію, былъ возведенъ въ почетные члены Общества Нестора-лѣтописца д. чл. *Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій.*

Для повѣрки кассы и библіотеки Общества за истекающій академическій годъ избраны въ члены Ревизіонной Коммиссіи: *Ю. А. Кулаковскій, А. В. Стороженко и Н. В. Стороженко.*

XII. Засѣданіе 8-го октября 1906 г.

а) Д. чл. **Ю. А. Яворскій** закончилъ свой рефератъ: *„Три старца" Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня".*

Эта легенда соединена съ другой родственной легендой, которая составляетъ отдѣльный вводный мотивъ ея. Напр. въ галицко-русскомъ варіантѣ Бучацкаго уѣзда, гдѣ пустынникъ, наученный молиться священникомъ, идетъ въ церковь и видитъ ангела и дьявола, записывающихъ праведниковъ и грѣшниковъ; научившій же священникъ уѣзжаетъ на кораблѣ;

съ этимъ варіантомъ сходенъ варіантъ Старосамборскаго уѣзда; здѣсь особенно подробна вторая часть легенды о посѣщеніи церкви; тоже можно сказать о Бѣлорусскомъ варіантѣ Минскаго уѣзда; въ польской Краков. легендѣ является мальчикъ и попъ, вмѣсто священника, приведшій мальчика въ церковь; въ сербскомъ варіантѣ легенда пріурочена къ Спасителю и ап. Петру, ходившимъ по землѣ; здѣсь мальчикъ, выйдя изъ церкви поплылъ на своемъ кафтанѣ, а ап. Петръ, научая его молиться, сердился за забывчивость, и Христосъ сказалъ ему: „не уста молятся, а сердце"; въ Поморской легендѣ встрѣчается пастухъ, который, согрѣшивъ въ церкви, больше уже никогда туда не ходилъ. Изъ разсмотрѣнія сводныхъ редакцій легендъ видно, что связующимъ между ними звеномъ былъ разсказъ о хожденіи по водѣ. Легенда о дьяволѣ, соблазнившемъ праведника въ церкви, въ соединеніи съ легендой о св. пустынникѣ случайна и рѣдка: чаще всего обѣ легенды существуютъ отдѣльно и самостоятельно. Такъ, напр., это встрѣчается въ Смоленской легендѣ; въ варіантѣ Сокольскаго уѣзда, Гродненской губ., пристегнутъ анекдотъ объ одураченномъ чортѣ. Значительно шире и обстоятельнѣе развиты малорусскіе варіанты, какъ, напр., Каневскій и Черниговскій; здѣсь прибавленъ эпизодъ о побѣдѣ святаго старика надъ чертями. Варіантъ изъ Скользкихъ горъ въ Галичинѣ примыкаетъ ближе къ западнымъ легендамъ. Въ этихъ варіантахъ замѣчательно усиленіе мотива о потерѣ святости (хожденіе по водѣ и ясновидѣніе). Въ Великороссіи эта легенда неизвѣстна. Изъ польскихъ варіантовъ извѣстны три: 1-й—Познанскій; 2-й варіантъ, въ которомъ соблазненный святой окончательно становится грѣшникомъ и попадаетъ въ адъ, что̀ сближаетъ его съ сербо-лужицкой и нѣмецкой группами варіантовъ; третій варіантъ изъ Мысленицкаго уѣзда въ Галичинѣ соединенъ со сказкой о мальчикѣ-силачѣ. Латышскій варіантъ выдвигаетъ идею *о* превосходствѣ въ святости нищаго и праведника надъ священникомъ; въ другомъ латышскомъ варіантѣ праведникъ молится на мельницу, принявъ ее за церковь; въ сербскомъ варіантѣ согрѣшившій

святой раскаивается и очищается отъ грѣха; въ Болгаро-Македонскомъ варіантѣ чортъ замѣняется видѣніемъ: праведникъ сидѣлъ на спинахъ людей; Сербо-Лужицкій варіантъ отражаетъ нѣмецкое вліяніе: святой вѣшалъ одежду на лучахъ солнца, топталъ крошки хлѣба, а потомъ сталъ носиться на возу по воздуху въ наказаніе; входящая въ эти варіанты легенда о чортѣ, записывающемъ на кожѣ грѣхи, распространена повсюду; подобный разсказъ встрѣчается у нѣмцевъ въ Лужицѣ и Сѣверной Чехіи; въ западно-европейскихъ литературахъ эта легенда не встрѣчается въ ея цѣльной славянской редакціи; встрѣчаются лишь отдѣльные эпизоды въ посторонніихъ литературныхъ рамкахъ; образъ діавола, записывающаго въ церкви человѣческіе грѣхи, широко распространенъ и восходитъ къ средневѣковой литературѣ. Самое древнее объ этомъ преданіе находится въ Sermones vulgares кардинала Якова де-Vitriaco первой половины XIII в.; разрозненность мотивовъ не противорѣчитъ предположенію о полной и цѣльной легендѣ, существовавшей на Западѣ; отъ нѣмецкихъ варіантовъ легенды произошли славянскіе. Проводникомъ легенды съ запада въ народную славянскую словесность, особенно польскую, служили: проповѣди (напр. проповѣди Мацѣя изъ Грахова), быть можетъ какой-нибудь полный средневѣковой текстъ, воспринятый народной словесностью, и устный путь перехода; основная идея легенды о преимуществѣ праведной жизни въ мірѣ надъ внѣшнимъ благочестіемъ проводится какъ въ Евангеліи, такъ и въ духовной литературѣ; оттуда же заимствованъ разсказъ о хожденіи пустынника по водѣ; первообразъ бѣлорусскаго варіанта встрѣчается въ Талмудѣ. За отсутствіемъ посредствующихъ звеньевъ референтъ не рѣшился изслѣдовать литературы древняго Востока; однако, сходство между евангельскимъ разсказомъ, нашей легендой и древне-индійской легендой Панчатантры существуетъ несомнѣнно, и, быть можетъ, индійскій прототипъ является основой нашей легенды, но разсказы Евангелія и Панчатантры могли возникнуть и независимо другъ отъ друга. Стараясь выяснить мотивъ легенды

о прыганіи черезъ колоду или ручей, какъ способъ молитвы, авторъ обратилъ вниманіе на молитвенные обряды сектъ: прыгуновъ, хлыстовъ и божьихъ людей, отвергающихъ церковную внѣшность и обрядность, опредѣлилъ ихъ полное сходство съ молитвеннымъ прыганіемъ отшельниковъ въ легендѣ, сходство, полное даже въ деталяхъ; онъ думаетъ, что легенда, зародясь на Западѣ, перешла въ русскую народную словесность и проникла въ сектантскую среду; передѣлавшись здѣсь, она распространилась на Руси и проникла даже въ Галицію. Народная легенда со всѣми подробностями передана въ разсказѣ Толстого, исключившаго только рѣзкія сектантско-тенденціозныя черты, какъ прыганіе черезъ колоду, вмѣсто молитвы, въ чемъ, какъ нельзя лучше, обнаруживается художественный и философскій тактъ, который изъ простой и скромной народной бродячей легенды создалъ глубокое и прекрасное художественное произведеніе.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Романтическій міръ Гоголя.

Въ изученіи, пониманіи и воспроизведеніи дѣйствительности Гоголь постоянно выказывалъ удивительную наблюдательность[1]), оригинальность[2]) и самобытность. Это одинъ изъ

[1]) Приведемъ слова Пушкина: „Я просто пораженъ наблюдательностью нашего молчальника-хохла, — хохолъ все видитъ, все слышитъ, схватываетъ неуловимые оттѣнки, особенно все смѣшное. Но онъ не только смѣется: онъ бываетъ и грустенъ; онъ разсмѣшитъ, но заставитъ и плакать. И помяните мое слово—раньше десяти лѣтъ будетъ русскимъ Сократомъ". Въ этихъ словахъ, если только они вѣрно воспроизведены, Пушкинъ со свойственною ему удивительною мѣткостію сужденія очертилъ особенности таланта Гоголя вплоть до Сократовской мудрости, за которую потомъ досталось Гоголю отъ софистовъ XIX-го вѣка.

[2]) Теперь уже въ достаточной степени установлены соотношенія произведеній Гоголя съ произведеніями какъ западно-европейскихъ литературъ, такъ и русской. Анализъ этихъ соотношеній показываетъ, что, при кажущейся внѣшней зависимости нѣкоторыхъ произведеній Гоголя отъ образовъ, картинъ и даже мелочей, закрѣпленныхъ творчествомъ до него, внутренно первые не утрачиваютъ отъ того своей оригинальности, вполнѣ согласуясь съ душевною жизнью нашего поэта и входя въ нее какъ бы путемъ подбора.

первыхъ по времени и достоинству русскихъ вполнѣ самобытныхъ поэтовъ, стоявшихъ на уровнѣ литературнаго развитія, достигнутомъ Западною Европою, но шедшихъ своею дорогою. Этою чертой, характеризующею геніальныя натуры, Гоголь, продолжавшій дѣло Пушкина, поднялся отчасти надъ послѣднимъ, какъ и надъ Лермонтовымъ и надъ Тургеневымъ. Ею-же опредѣляется мѣсто Гоголя въ міровой литературѣ. Это одинъ изъ самыхъ раннихъ и лучшихъ представителей новаго реализма въ европейскихъ литературахъ XIX вѣка и при томъ реализма русскаго, сочетавающагося со своеобразнымъ романтизмомъ.

Послѣдній былъ постоянно присущъ нашему поэту.

Въ молодости Гоголь на ряду съ рано развившеюся въ немъ наклонностію къ наблюденію и реализму примыкалъ нѣкоторое время въ сильной степени и къ модному тогда романтизму родному и чужому. Потомъ, удержавъ нѣкоторыя изъ основныхъ ученій этого романтизма, Гоголь поднялся до романтизма болѣе оригинальнаго.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ опредѣленій романтизма, представленныхъ различными критиками. Мы ограничимся краткимъ изъясненіемъ этого историко-литературнаго термина, кажущимся намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Подъ романтизмомъ мы понимаемъ постоянное, крайне индивидуалистическое и субъективное, смутное и безграничное недовольство, неудовлетворенность прозаическимъ пониманіемъ жизни и обычнымъ, шаблоннымъ воспроизведеніемъ ея, стремленіе къ невѣдомому, иногда таинственному,—въ ширь, даль и безпредѣльность, и потому витаніе преимущественно въ области чувства и воображенія[3]). Подъ такое изъясненіе романтизма подойдутъ столь не-

[3]) Воззрѣнія *М. А. Тростникова* въ статьѣ: „О романтизмѣ вообще и романтизмѣ Жуковскаго въ частности“ (Педагогическій сборникъ 1903, №№ 1 и 2) будутъ разсмотрѣны мною въ другомъ мѣстѣ,—въ ряду мнѣній о сущности романтизма.

сходные и въ иномъ даже прямо противоположные другъ другу представители его, какъ сентиментальный романтикъ Жуковскій и Ламартинъ съ одной стороны и Байронъ и Лермонтовъ съ другой.

Къ романтизму предрасполагала Гоголя уже его душевная организація, черты которой можно наблюдать на протяженіи всей его жизни: предрасполагали его „сердце, можетъ быть единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистая, пламенѣющая любовью ко всему высокому и прекрасному душа“, его „гордость“ и „гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ“[4]). Изначала это было существо особое, во многомъ отличное отъ обычныхъ людей, жившее особою внутреннею жизнью. На 19-мъ году жизни Гоголь просилъ у матери прощенія „въ словахъ и поступкахъ, которые никогда не выливались отъ сердца, но которые были невольныя выскочки словъ; когда въ умѣ бродили другія мысли, вы знали, что я былъ часто болтливый и въ одно время раздумчивый, если чего мой разговоръ не касался“[5]).

Недаромъ и позднѣе К. Аксаковъ отмѣтилъ въ Гоголѣ, что, „будучи погруженъ въ совсѣмъ другія мысли, разбуженный какъ будто отъ сна, онъ иногда самъ не зналъ, что отвѣчать и что говорить, лишь бы только отдѣлаться отъ докучливаго вопроса“... Эта особенность Гоголя была обусловлена тѣмъ, что онъ весьма рано выработалъ свой особенный внутренній міръ и постоянно съ точки зрѣнія послѣдняго обсуждалъ міръ, его окружавшій и пребывавшій внѣ его. Потому-то уже въ Нѣжинѣ Гоголь, по его собственнымъ словамъ,[6]) „почитался загадкой для всѣхъ“[7]). Свои „долговременныя думы“ онъ „затаилъ въ себѣ. Не довѣр-

[4]) П., I, 130, 137, 136; ср. 139.
[5]) П., I, 87.
[6]) П., I, 98.
[7]) Тамъ же.

чивый ни къ кому, скрытный", онъ „никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій"[8]). Много лѣтъ спустя онъ сознавался: „Мнѣ всегда приписывали скрытность. Отчасти она есть во мнѣ"[9]). Гоголь имѣлъ друзей во всѣ періоды своей жизни, но въ общемъ это была натура, склонная не столько къ экспансивности, сколько къ уединенію.

Вотъ объясненіе одного изъ казавшихся несимпатичными качествъ Гоголя, которыми не разъ попрекали его, забывая,—скажемъ его собственными словами,—что „тотъ, кто созданъ сколько-нибудь творить въ глубинѣ души... тотъ долженъ быть страненъ во многомъ"[10]). Гоголь же постоянно творилъ въ глубинѣ души и потому бывалъ страненъ, но, встрѣчаясь съ этими странностями его, не надо забывать, что корень ихъ—въ „вѣчно неумолкаемыхъ желаніяхъ души, которыя, говорилъ Гоголь, одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, не насытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта"[11]). „Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе", писалъ Гоголь полтора года спустя[12]).

„Вѣчно-неумолкаемыя желанія души" и „ненасытимая жажда", постоянно отличавшія Гоголя,—непремѣнная принадлежность романтика, какъ и невозможность „навострить лыжи въ скромность недальнихъ чувствъ и удовольниться ничтожностью, почти вѣчною"[13]), а равно и мечтательность, которую признавалъ въ себѣ и самъ Гоголь[14]) и которую усматривали въ немъ и другіе[15]).

---

[8]) Тамъ же, 89.

[9]) П., II, 419

[10]) П., II, 215.

[11]) П., I, 124.

[12]) П., I, 172.

[13]) П.. I, 79.

[14]) П., I, 78: „Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни".

[15]) Въ юношескихъ письмахъ Гоголя нерѣдко ведется рѣчь о томъ.

Оттуда отчасти постоянное недовольство Нѣжиномъ, порыванія въ Петербургъ, а по оставленіи Нѣжина помыслы о заграничной поѣздкѣ[16]) и постоянныя странствованія потомъ до 1848 г. включительно. Въ связь съ романтическими предрасположеніями надо поставить и „проклятое желаніе быть оригинальнымъ“[17]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ это была личность, способная къ подвигамъ крѣпкой воли[18]) и шедшая „къ достиженію своей цѣли съ неизмѣнною непоколебимостью“[19]). „Насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть (sic) въ предположенномъ начертаніи“[20]). Гоголь говоритъ намъ, что „всегда достигалъ своихъ намѣреній“[21]). Онъ возлагалъ надежды на свою „неусыпность, желѣзное терпѣніе, непоколебимое намѣреніе къ достиженію цѣли, съ которымъ можно все побѣждать“[22]), на „свою настойчивость и терпѣніе, которыми прежде мало обладалъ“[23]). Послѣ перваго крупнаго „перелома“ въ нравственномъ складѣ своемъ Гоголь писалъ: „какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей“[24])! Эту твердость, по его словамъ, онъ проявилъ и защищаясь отъ любви: „у меня есть

---

[16]) П., I, 105: „Я ѣду въ Петербургъ въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ“ и т. д.

[17]) П., I, 237.

[18]) На первыхъ порахъ Гоголь называлъ это упрямствомъ: „корень характера-злое упрямство“ (П., I, 85). Въ слѣдующемъ письмѣ опять читаемъ о „настойчивомъ упрямствѣ, которое рѣзко означило характеръ мой“ (П., I, 86). „Упрямство“ признавалъ въ себѣ Гоголь и въ письмѣ 13 августа 1829 (П., I, 130); 1834: „мое упрямство требуетъ этого“ (П., I, 302).

[19]) П., I, 86.

[20]) П., I, 90.

[21]) П., I, 94.

[22]) Тамъ же, 95.

[23]) П., I, 107.

[24]) П., I, 172.

твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть“[25]). „На что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? къ чорту лѣнь, да и концы въ воду“![26]). „Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не пробили человѣческая сила и желаніе“[27]).

Какъ натура романтическая, индивидуалистическая, Гоголь стремился постоянно къ славѣ на романтическій ладъ. „Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы“, писалъ онъ въ 1833 г.[28]).

Романтическія порыванія, обусловленныя сейчасъ указанными предрасположеніями, развились въ Гоголѣ уже въ годы дѣтства и юности. Сообщая касательно слышаннаго отъ матери разсказа о страшномъ судѣ, Гоголь такъ вспоминалъ о томъ: „это потрясло и разбудило во мнѣ всю *чувствительность*, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ *самыя высокія мысли*“[29]).

Въ Нѣжинѣ Гоголь рано развилъ въ себѣ эстетическое чувство[30]) и соотвѣтственный идеалъ, въ сравненіи съ которымъ окружавшая его дѣйствительность должна была казаться ему столь же неприглядною, какъ и Ганцу Кюхельгартену его обычная обстановка. „Я отказываю себѣ, читаемъ въ одномъ изъ Нѣжинскихъ писемъ, въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей *жаждѣ видѣть и чувствовать прекрасное*[31]). Для

[25]) П., I, 232.
[26]) П., I, 276.
[27]) П., I, 306.
[28]) П., I, 245.
[29]) П., I, 260.
[30]) Оттуда, между проч., любовь къ живописи, сказавшаяся въ занятіяхъ рисованіемъ, и къ архитектурѣ (см. П., I, 158, прим. 3, и 142, прим. 1).
[31]) Слово „прекрасное“ подчеркнуто самимъ Гоголемъ.

него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги, весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь *нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью*. Не забываю также и русскихъ, и выписываю, что только выходитъ отличнаго... Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго... Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой... Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости: я бы умеръ отъ тоски и скуки". Въ радужныхъ краскахъ 18-тилѣтнему Гоголю, страстному любителю природы, рисовалось при этомъ лишь деревенское житье: „опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю Ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша"![32]) „Можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ другого, влюбленнаго съ такимъ изступленіемъ въ природу какъ я"[33]), писалъ потомъ Гоголь. „Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю всѣ движенія ея и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываю въ ней неуловимыхъ прелестей". Зарождалось въ тѣ годы и романтическое стремленіе къ славѣ. Гоголь боялся, какъ бы „неумолимое веретено судьбы" не „зашвырнуло" его „съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности," и не „отвело черной квартиры неизвѣстности въ мірѣ"[34]). „Я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть государству малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ

[32]) П., I, 69—70.
[33]) П., I, 223.
[34]) П., I, 78; затѣмъ—89.

при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно"...

Эти предрасположенія къ романтическимъ настроеніямъ укрѣплялись знакомствомъ съ романтическими произведеніями, начинавшими уже наводнять нашу литературу. Нѣсколько лѣтъ спустя Гоголь писалъ Шевыреву: „Я васъ люблю почти десять лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать „Московскій Вѣстникъ", который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще донынѣ не развернулось". И такъ въ Гоголѣ началъ возникать романтическій индивидуализмъ, подъ которымъ надо разумѣть усвоеніе первенствующаго значенія душевному міру личности и сосредоточеніе въ послѣдней высшихъ интересовъ и задачъ. Въ литературѣ XIX-го вѣка начало индивидуализму положилъ именно романтизмъ, унаслѣдовавшій эти индивидуалистическія влеченія еще отъ XVIII-го вѣка, но значительно усилившій ихъ между прочимъ подъ вліяніемъ возрожденія христіанскаго настроенія. Вѣдь христіанство искони развивало своеобразный индивидуализмъ, вполнѣ мирящійся со служеніемъ ближнимъ и любовью къ нимъ. Индивидуализмъ Гоголя примыкалъ къ такому христіанскому самоуглубленію, сохраняя въ то же время всѣ существенныя черты романтическаго самососредоточенія личности[35]).

---

[35]) Уже 16-лѣтнимъ юношею Гоголь, потерявъ отца, „перенесъ сей ударъ съ твердостью истиннаго христіанина". „благословлялъ священную вѣру", въ которой находилъ „источникъ утѣшенія и утоленія своей горести" (П, I, 26), и въ то же время говорилъ, что совершитъ „свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколько возможно быть таковымъ" (П., I, 34), слѣдовательно задавался выработкою въ себѣ человѣчности.

Гоголь былъ христіански-романтическимъ индивидуалистомъ. Въ личной своей жизни онъ рано сталъ отдѣлять себя отъ „толпы самодовольной черни“[36]), отъ „существователей“, которые задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка“[37]); Гоголь называлъ себя „иноземцемъ, забредшимъ на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ“[38]), „уединялся совершенно отъ всѣхъ, оспротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ Нѣжинѣ“[39]), „затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямыя предначертанія“[40]). Съ 17-го года своей жизни[41]) Гоголь былъ занятъ прежде всего нетерпѣливымъ и неустаннымъ стремленіемъ впередъ,—къ тому, что онъ называлъ сначала неопредѣленно „счастіемъ“, уже и тогда разумѣя подъ послѣднимъ развитіе своихъ „силъ для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ“[42]). Потомъ, на 20-мъ году жизни, отрекшись отъ личнаго счастія, Гоголь сталъ цѣль своихъ стремленій именовать „воспитаніемъ“ себя для блага другихъ. Уже въ 1829 г. Гоголь писалъ: Богъ „указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ *воспиталъ* свои страсти въ тишинѣ, въ

---

[36]) П., I, 78.

[37]) II., I, 75.

[38]) П., I, 74. Ср. сходную идею Лермонтова.

[39]) Тамъ же.

[40]) П., I, 90.

[41]) П., I, 55 (17 января 1827): „Зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? Зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь—нетерпѣнье“. П., I, 90: „*около трехъ* лѣтъ неуклонно держится одной цѣли“.

[42]) П., I, 68; ср. I, 124: „работать на пользу міра“. См. еще I, 89: „Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства“; „буду истинно полезенъ для человѣчества“; 128: „для счастія и блага себѣ подобныхъ“...

уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенькамъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“[43]). Въ маѣ 1836 г. Гоголь повторялъ въ сущности то же воззрѣніе на задачу своей личной жизни: „...всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое *воспитаніе*“[44]).

Въ своемъ творчествѣ Гоголь, не чуждый высокопарности въ юности[45]), рано началъ слѣдовать принципу Мольера: „il faut peindre d'après nature“, но при этомъ его постоянно занималъ психологизмъ личности, и нерѣдко самъ поэтъ заявлялъ себя романтическимъ лиризмомъ согласно съ принятымъ имъ отъ романтиковъ ученіемъ, что „литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства,—такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись“[46]). Субъективный лиризмъ однако не помѣшалъ Гоголю рано выработать трезвый взглядъ на міръ и людей. „Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія, несбыточными, ожиданія неисполненными, и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца“... писалъ 17-лѣтній Гоголь[47]), и послѣ того всякій разъ все менѣе и менѣе

---

[43]) П., I, 124; 171—172: „Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ *воспитаніемъ*, какого я думаю рѣдкій царь могъ имѣть. Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза“.

[44]) П., I, 378.

[45]) Потомъ онъ осмѣивалъ ее въ Кукольникѣ (см. П., I, 211).

[46]) П., I, 343.

[47]) П., I, 43. См. далѣе I, 60: „лѣта кипучаго возраста охлаждались безпрерывно измѣнчивою невѣрностью счастія настоящаго. Я холодѣлъ постепенно и разучался принимать жарко къ себѣ все сбывающееся“; I, 72: „Всегда нужно проклятой судьбѣ на самомъ удовольствіи покоя зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостью горя“. См. еще I, 97—98 о вынесенномъ горѣ отъ людей.

предавался „задумчивости“[48]) и мечтамъ[49]). Въ 20 лѣтъ онъ писалъ: „я имѣю достаточный запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться“[50]). Уже въ лѣта юности свойственное послѣдней „кипучее желаніе веселости таилось“ въ Гоголѣ „подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, и другимъ казался“ онъ „печальнымъ, они хотѣли видѣть“ въ немъ „признаки сентиментальной мечтательности“[51]). Уже тогда, какъ и въ послѣдніе годы своей жизни, онъ былъ „съ виду холодный, но въ сердцѣ пламенный къ чувствамъ дружбы“[52]), предавался иногда „пасмурнымъ думамъ“[53]), между проч.—о „невѣрности счастія“[54]); „подъ внѣшнимъ видомъ упрямства могло биться сердце, отворотившееся всего, носящаго названіе злого“[55]). Гоголь довольно рано

...радость жизни пережилъ
и грусть зазвалъ на новоселье,

сталъ „угрюмъ“ и „тосковалъ въ тишинѣ одинъ“[56]).

Еще не достигши 20 лѣтъ, Гоголь впадалъ иногда въ хандру[57]), и такое настроеніе повторялось въ немъ не разъ

---

[48]) П., I, 58: „въ часы задумчивости ; I, 87: „раздумчивый“.

[49]) П., I, 58: „Къ числу мечтательностей своихъ“...; I, 63: „мечта“; I, 71: „только мечта“ и проч.; I, 78: „ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ“; I, 86: „утружденныя мечты“; I, 98 Гоголь возражаетъ противъ указанія на его мечтательность: „нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ“.

[50]) П., I, 121. Ср. *П. Анненкова* Воспоминанія о Гоголѣ: „Извѣстно, что житейской мудрости въ немъ было почти столько же, сколько и таланта“ (Библ. для чт. 1857, № 2, стр. 124).

[51]) П., I, 58.

[52]) П., I, 60.

[53]) П., I, 71.

[54]) П., I, 72.

[55]) П., I, 86.

[56]) См. стихотв.: „Непогода“—С., VI, 1 и 542—543.

[57]) П., I, 91 (октябрь 1827 въ Нѣжинѣ): „вообразите себя въ совершенномъ уединеніи, гдѣ рѣдко улыбка заглядываетъ въ лицо“. См. затѣмъ первое Петербургское письмо (П., I, 114): „На меня напала

потомъ, нисколько не свидѣтельствуя о болѣзненности его духовной организаціи, хотя онъ и жаловался иногда, что былъ боленъ душою[58]). Мрачное настроеніе было вызываемо большею частью житейскими неудачами[59]), или же вообще романтическимъ міровоззрѣніемъ Гоголя, приближавшимся къ представленному выше опредѣленію романтизма. Всякій разъ однако Гоголь торжествовалъ надъ мрачнымъ настроеніемъ, обращаясь къ оптимизму, вытекавшему изъ религіозно-философскаго міросозерцанія[60]). Идея водительства со стороны Промысла Божія во всѣхъ даже мельчайшихъ обстоятельствахъ жизни рано начинаетъ выступать со всею отчетливостью въ перепискѣ Гоголя[61]).

хандра, или другое подобное, и я уже около недѣли сижу, поджавши руки, и ничего не дѣлаю. Не отъ неудачъ ли это, которыя меня совершенно обравнодушили ко всему"?

[58]) Напр., уже въ августѣ 1829 г.: „тѣло мое совершенно здорово; одна только бѣдная душа моя страдаетъ... время, здѣсь проведенное, было бы для меня очень пріятно, если бы я только такъ же былъ здоровъ душою, какъ теперь тѣломъ" (П., I, 134, 135). 1-го сентября 1830 г.: „Я пишу такъ несвязно и мало, и неудовлетворительно, что вы безъ сомнѣнія не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выраженіе душевныхъ безпокойствъ" (П., I, 162).

[59]) См. указаніе на неудачи выше въ прим. 56. См. далѣе П., I, 134: „Объ одномъ только прошу Бога, чтобъ ниспослалъ вамъ драгоцѣнное *спокойствіе*, которое *не можетъ обитать въ груди моей*. По крайней мѣрѣ я теперь въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность и надѣюсь, что новыя занятія дадутъ силу душѣ моей быть *равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ*". Годъ спустя Гоголь опять упоминаетъ о крайности и нуждѣ, и голодѣ и всѣхъ непріятностяхъ въ свѣтѣ" (П., I, 161—162).

[60]) Напр., П., I, 162: „мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе"; 171: „Вѣрьте, что Богъ ничего намъ не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія"; 197: „Кто можетъ постигнуть вышнія намѣренія? не нужно поэтому и намъ сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будетъ хорошая погода".

[61]) См., напр., П., I, 124—125: „Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго.. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? не явно ли Онъ нака-

Дѣло въ томъ, что онъ сочетавалъ въ себѣ и въ своей философской мысли романтическій индивидуализмъ съ подчиненіемъ личности категорическому императиву Канта и Шиллера.

Какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ типичныхъ выраженій романтизма является личность Байронова Манфреда, мятежнаго героя, ведущаго борьбу съ цѣлымъ міромъ и съ силой, создавшей этотъ міръ и въ частности человѣка. Не зная предѣловъ въ своей мысли, Манфредъ долженъ мириться съ ограниченнымъ существованіемъ и потому не можетъ быть чтителемъ Божества, поставившаго его въ такія противорѣчія, и подобно Фаусту направляется въ сторону адской силы, кажущейся олицетвореніемъ протеста разума противъ слѣпой вѣры.

Гоголь уже въ годы процвѣтанія романтизма, предваряя конецъ XIX в., силою своего проницательнаго ума, понялъ тщету усилій науки постигнуть міровую загадку и суетность романтическаго протеста противъ кажущихся намъ непонятными вѣчныхъ законовъ міровой жизни. Оттуда отзывъ о Байронѣ, какъ о поэтѣ, „такъ чудно обхватившемъ гигантскою мрачною душою всю жизнь міра и такъ дерзостно насмѣявшемся надъ нею, можетъ быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе“, и—какъ о „гордо одинокой душѣ, исполински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну отвергнутаго, собственный, ею же созданный нестройный и чудный міръ“[62]). Оттуда же отсутствіе у нашего поэта рѣзко очерченныхъ мятежныхъ типовъ протеста въ родѣ Чацкаго,

---

зывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный“? Въ слѣдующемъ письмѣ проскальзываетъ интересное признаніе: „напрасно *старался* я увѣрить самого себя, что принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше“. Ср. еще 134: „какъ будто отъ самого Бога посѣщаетъ меня мысль“... См., далѣе, стр. 162, 172, 216.

[62]) С., VI, 2—3. („О поэзіи Козлова“, статья, написанная не ранѣе 1829 г., можетъ быть въ 1835 или въ 1836 г.: тамъ же, 544—545).

Онѣгина, Печорина и т. п. Тѣмъ менѣе у Гоголя могли быть возможны демоническіе типы. Личность Андрея въ „Тарасѣ Бульбѣ", какъ увидимъ,—иного пошиба и не есть выраженіе идеаловъ самого Гоголя.

Будучи воспитанъ съ дѣтства въ духѣ христіанства, Гоголь въ противоположность Ницше не видѣлъ иллюзіи въ нравственныхъ нормахъ; въ морали любви къ ближнимъ, имѣющей религіозное основаніе, Гоголь не усматривалъ преграды свободному развитію личности во всѣхъ направленіяхъ, какъ Ницше. Гоголь собственными усиліями подошелъ къ признанію Божественнаго начала жизни, а также къ исповѣданію нравственнаго долга и старался подчинить послѣднему какъ свою жизнь, такъ и свое творчество, въ особенности со времени окончательнаго установленія идеи „Мертвыхъ Душъ".

Но, пока Гоголь подошелъ къ окончательному подчиненію романтическаго индивидуализма нравственной идеѣ и къ одухотворенію ею реализма, онъ долженъ былъ пройти стадію преобладающаго увлеченія романтизмомъ.

Это мы замѣчаемъ въ послѣдній годъ пребыванія Гоголя въ Нѣжинѣ и въ годы, слѣдовавшіе за оставленіемъ Нѣжина, словомъ въ годы созданія „Ганца Кюхельгартена", „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" и нѣкоторыхъ повѣстей „Миргорода".

Въ эти годы печальная дѣйствительность удручала Гоголя въ такой же мѣрѣ, какъ и потомъ. „Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало сердце"[63]) поэта. Но и другія явленія жизни рисовались ему въ неприглядномъ освѣщеніи. Ему не нравились Нѣжинскіе „существователи", которые „задавили корою своей земности, ничтожнаго самодоволія великое назначеніе

[63]) II., I, 89.

человѣка",[64]) люди „недальнихъ чувствъ", которые „удовольнились ничтожностью, почти вѣчною"[65]). Гоголь испытывалъ „мертвое усыпленіе, ядовитое истомленіе, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки", находясь подъ „игомъ школьнаго педантизма"[66]) въ Нѣжинѣ, но и Петербургъ повергъ его весьма скоро въ подобное же разочарованіе. „Каждая столица, писалъ Гоголь, вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ"[67]). Петербургское чиновничество теряло время на глупыя занятія, „переписывая старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ и проч."[68]). Гоголь негодовалъ на то, что ему пришлось „пресмыкаться въ столицѣ между служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно".[69]) „Смѣшны мнѣ очень петербургскіе молодые люди: они безпрестанно кричатъ, что они служатъ совершенно не для чиновъ и не для того, чтобы выслужиться... Еще глупѣе тѣ, которые оставляютъ отдаленныя провинціи" и т. д.[70]).

Словомъ, проза жизни постоянно обращала на себя вниманіе и приводила поэта въ огорченіе. Былъ онъ недоволенъ также и самимъ собою. Уже въ Нѣжинѣ Гоголю приходилось задумываться о своемъ характерѣ, встрѣчая самые разнородные, иногда весьма не лестные, отзывы о немъ со стороны разныхъ лицъ. [71])

---

[64]) П. I, 75.
[65]) П. I, 79.
[66]) Тамъ же.
[67]) П. I, 117.
[68]) П. I, 122.
[69]) П. I, 124.
[70]) П. I, 125.
[71]) См. напр., письмо отъ 1 марта 1828 г.

Въ первый же годъ пребыванія въ Петербургѣ самонаблюденіе и самокритика усиливаются и вызываютъ иногда печальныя признанія,[72]) и Гоголь уже съ того времени начинаетъ приводить въ связь „работу на пользу міра“ съ заботой надъ претвореніемъ самого себя: Богъ „указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ *воспиталъ* свои *страсти* въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда былъ бы въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“.[73])

Въ этомъ признаніи для насъ интересно приведеніе въ связь нравственнаго подъема съ удаленіемъ „въ землю чуждую“ и „воспитаніемъ“ тамъ страстей „въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности“.

Это чисто романтическая греза,[74])—отчасти та самая, которою увлекся-было и поэтическій герой юношеской поры творчества Гоголя, Ганцъ Кюхельгартенъ.

Ганцъ подобно Гоголю задавался вопросами:

. . . . . ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславно въ жертву?
При жизни быть для міра мертву?
Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить? и т. д.[75])

---

[72]) П., I, 127 и 130; 134.

[73]) П., I, 124. Ср. I, 167: „обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ“.

[74]) Самъ Гоголь, вспоминая впослѣдствіи о своей первой заграничной поѣздкѣ, писалъ: „Можетъ быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края“... (С. IV, 260).

[75]) С., V, 22.

Подобно Ганцу и Гоголь

Въ страну чужую путь направилъ,[76])

потому что

Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ[77]).

Гоголя, какъ и Ганца, волновали

Доселѣ бывшія загадкой
Разнообразныя мечты[78]).

Но только Гоголя манила чарующимъ призракомъ не столько

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля[79]),

и не страна Пери, сколько Германія,

Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гетте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ,

пѣлъ Гоголь въ концѣ своей поэмы о Кюхельгартенѣ. Въ такихъ прочувствованныхъ стихахъ онъ „съ невольнымъ умиленьемъ пѣсню тихую“ свою слагалъ „съ неразгаданнымъ волненьемъ“ про „Германію свою“,[80]) т. е. Германію, какая въ то время рисовалась мечтамъ его и многихъ французовъ, Германію великаго Гёте и тѣхъ другихъ писателей ея, которыми увлекался и Кюхельгартенъ, какъ то видно изъ описанія комнаты послѣдняго:

[76]) Ib., 28.
[77]) Ib., 15.
[78]) Ib , 12.
[79]) C., V, 13.
[80]) C., V, 43.

Лежитъ, въ густой пыли, тамъ давній
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ,
Да позабытый Винкельманъ.[81])

Авторъ Кюхельгартена, создавшій послѣдняго
Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,[82])

надѣялся „въ тишинѣ, въ уединеніи“[83]) Германіи подняться на высшую ступень, „откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо“, какъ и Ганцъ, „земной поклонникъ красоты“,[84]) мечтавшій о „земли роскошныхъ краяхъ“ въ своемъ „тѣсномъ углу“:[85])

Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава.[86])

Потомъ, 9 лѣтъ спустя Гоголь разочаровался въ Германіи. „Я сомнѣваюсь“, писалъ Гоголь въ 1838 г., „та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою въ сказкахъ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; а та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный

---

[81]) С., V, 27.

[82]) С., V, 53. Не заключаютъ ли эти стихи намека на писаніе „идилліи“ въ Васильевкѣ вскорѣ послѣ „конца ученья“ и разлуки „съ семьей своихъ товарищей“, о которой говорится въ концѣ XVIII картины?

[83]) П., I, 124.

[84]) С., V, 42.

[85]) Тамъ же 22—23.

[86]) Тамъ же 37.

голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу".[87])

Одновременно съ Германіей Гоголя уже влекла и Италія:

Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю-ль тебя я, полный ожиданій?

вопрошалъ поэтъ въ стихотвореніи „Италія", вышедшемъ въ свѣтъ двумя мѣсяцами ранѣе „Ганца Кюхельгартена" и выражавшемъ также тоску души поэта, охваченной всецѣло эстетическими порываніями романтизма.[88])

Ганцъ—вполнѣ романтическій герой, созданный въ значительной степени подъ вліяніемъ душевныхъ томленій самого поэта[89]). Характеристика Ганца даетъ право считать его романтикомъ:

Мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь
Все ходитъ къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говоритъ съ собой, къ намъ скученъ;
Спросить—отвѣтитъ не впопадъ,
И весь ужасно какъ измученъ,

свѣтуетъ невѣста Ганца Луиза, впервые знакомя читателя съ лич-

---

[87]) П., I, 542—543.

[88]) С., V, 44—45.

[89]) Какъ давно уже выяснено, „Ганцъ Кюхельгартенъ" написанъ подъ вліяніемъ поэмы Фосса „Луизы", но, что касается личностей жениховъ, Вальтера у Фосса и Ганца у Гоголя, то онѣ не сходны, и Ганцъ своими стремленіями рѣзко отличается отъ нѣмецкаго оригинала, будучи созданъ Гоголемъ самостоятельно, не безъ воздѣйствія, впрочемъ, другихъ образцовъ.

ностію своего жениха[90]). Объясненіе данной обрисовки представляетъ далѣе самъ поэтъ:

Волнуемъ *думой не понятной*,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На міръ великій, необъятный,
На свой незнаемый удѣлъ.[91])

. . . . . тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ;
И часто смотритъ онъ *на даль*,
И *безпокоенъ* весь и страненъ.

Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи *темныхъ* думъ,
О чемъ-то, *скорбная*, *тоскуетъ*

Онъ какъ прикованный сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ...

Или въ долинѣ ходитъ *думный;*
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ....

Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій...

---

[90]) С., V, 8—9. Потомъ она говоритъ Ганцу (стр. 20):

Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь?...
Зачѣмъ дичишься всѣхъ?
Зачѣмъ грустишь?

[91]) С., V, 9

Глаголятъ въ нихъ вѣка сѣдые...[92])
Назадъ далеко онъ живетъ,
Чудесной мыслью очарованъ...[93])
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ *думою неясной*,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять.—
Того и *самъ не могъ понять.*
. . . . сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, *мечтѣ не ясной.*[94])

Изъ этихъ характеристикъ ясно, что Ганцъ „и день и ночь мечтами скованъ“, страдалъ отъ какихъ-то неясныхъ думъ, печальныхъ сомнѣній и „тоски“[95]) по славѣ въ мірѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ „отмѣтить существованіе“ свое, и по дальней сторонѣ, которая рисовалась ему въ чарующихъ очертаніяхъ античныхъ Аѳинъ и роскошной природы Востока;[96]) родная же страна, „уголъ тѣсный, и лѣсъ, и поле, лугъ“, въ сопоставленіи съ тѣми „райскими мѣстами“, казались ему „пустыней.“[97])

Во всѣхъ этихъ „мечтахъ“ юнаго Ганца нельзя не узнать вліянія тѣхъ книгъ, въ особенности Шиллера, Тика и Винкель-

---

[92]) С., V, 11. Ср. 21: На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ.

[93]) С., V, 12.
[94]) С., V, 15.
[95]) С., V, 20.
[96]) Картины III и IV.
[97]) С.. V, 22—23.

мана, съ которыми онъ проводилъ время, а также и не названныхъ Гоголемъ поэтовъ романтизма. Такъ, прощаніе Ганца съ родиной напоминаетъ отдѣльными чертами такую же разлуку Чайльдъ-Гарольда, стихи:

Шуми-жъ, мой океанъ широкій!
Неси корабль мой одинокій![98])

картина Аѳинъ составилась не безъ вліянія той же поэмы Байрона,[99]) а райскія мѣста Востока разрисованы красками поэмы Мура. Картина (VII-я) спокойнаго, тихаго вечера, быть можетъ, нарисована не безъ вліянія соотвѣтственнаго мѣста „Потеряннаго Рая“ и т. д. Но интереснѣе всего, что нашъ поэтъ, въ такой сильной степени испытывавшій вліяніе корифеевъ романтики, изобразивъ „мечтательнаго Ганца“,[100]) самъ же и почти тотчасъ же развѣнчалъ „мрачный, неспокойный видъ“ „души глубокой“,[101]) и то

Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты[102])

Гоголь, изобразило намъ, какъ при видѣ „печальныхъ древностей Аѳинъ“,

Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить...
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ;
Души онъ нѣжный ропотъ внемлетъ;

---

[98]) С., V, 23.

[99]) Не вполнѣ преклоняющійся взглядъ Гоголя на Байрона см. въ письмахъ къ Пушкину 21 августа 1831 и др. П., I, 186, 232 („Да зачѣмъ ты нападаешь на Пушкина, что онъ прикидывался? мнѣ кажется, что Байронъ скорѣе“), 274.

[100]) С., V, 35.

[101]) С., V, 24.

[102]) С., V, 27.

Ему и горестно, и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ.
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровъ безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?

Увы! „Воздушныя мечты“, волновавшія „сердце зерцаломъ чистой красоты“, „и убійственно, и хладно разворожились“:

Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой, [103])
Дверь въ тихій міръ мечтаній, жаркой!
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ[104]).

Онъ понялъ свое заблужденіе, тщету увлеченья „пустымъ блескомъ“, вѣры въ „свѣтъ ненавистный, слабоумный“ и въ „злыя предпріятья“ людей, влеченія къ „ложному чаду“ и „горькой блестящей отравѣ“ славы:

Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье и т. д. [105])

Ганцъ называетъ себя теперь „безумнымъ, безтолковымъ“.

И спалъ страданій тяжкій сонъ

---

[103]) Ср. П., I, 75: „ты знаешь всѣхъ нашихъ *существователей*“.
[104]) С., V, 32--33.
[105]) С., V, 37.

Съ его души; живой, спокойный,
Переродился снова онъ,
На время бурей возмущенъ...
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ.[106])

Подъ „коварными мечтами“ разумѣются тѣ, которыя

Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты...

Гоголь осудилъ очевидно въ лицѣ Ганца романтическихъ мечтателей эстетическаго пошиба, которому былъ не причастенъ и самъ даже позднѣе. Онъ понялъ, въ концѣ работы надъ исторіей Ганца, что грезы, основанныя на суетныхъ ожиданіяхъ отъ міра и людей, которымъ раньше онъ и самъ предавался, не создадутъ еще истиннаго счастія. Оно возможно лишь тогда,

Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ
Для нихъ онъ жизни не щадитъ[107]).

---

[106]) С., V, 41—42.

[107]) С., V, 38. Ср. П., I, 127—128: „Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, *переродиться*, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души

Въ этихъ стихахъ мы слышимъ прощанье юнаго поэта съ первою порою его романтизма, съ юношески незрѣлыми, неопредѣленными и неясными порываніями и чаяніями, съ грезою о личномъ счастіи[108]) и рѣшеніе принять за путеводное начало не грезы о славѣ, но *мысль крѣпкую* совмѣстно съ „желаніемъ блага и добра“, при которой подъемлются „великіе труды“ безкорыстные. Гоголь „переродился“, какъ его Ганцъ. Въ немъ совершился приблизительно такой же какъ и въ Ганцѣ „переломъ“, какъ выразился самъ поэтъ въ письмѣ къ матери отъ 24 іюля 1829 г.[109]) послѣ неудачи, постигшей его идиллію, подвергшуюся разгрому со стороны критики.

Такимъ образомъ, Гоголь началъ свою литературную дѣятельность въ печати съ чисто эстетическаго романтизма, усвоившаго, между прочимъ, нѣкоторыя черты одной изъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ формъ того движенія—Байронической. Оттуда неудовлетворенность заурядным существованіемъ, какая снѣдала душу Ганца и толкала его въ дальнія страны, въ мѣста высшей античной культуры и красотъ роскошной природы, къ чему такъ долго питалъ влеченіе самъ Гоголь[110]) начиная съ первой поѣздки въ Германію вплоть до возвращенія изъ Святой земли.

Ганцъ вернулся на родину, „печальный, извѣдавъ и узнавъ много истинъ“, вернулся въ прежнюю обстановку

въ *вѣчномъ трудѣ* и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ, по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ“.

[108]) П., I, 127: „нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя“.

[109]) Тамъ же: „Этотъ переломъ для меня необходимъ.“

[110]) Гоголь собирался за границу еще до выѣзда въ Петербургъ, съ осени 1828 г. См. П., I, 105 и 106: „Я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края... Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе“...

. . . . . въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать.[111])

Гоголь также возвратился въ Петербургъ послѣ кратковременной поѣздки за границу, причемъ „Богъ унизилъ гордость“ его, и его „измѣнили и передѣлали горя;“ онъ чувствовалъ себя „теперь въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность“[112]) и „надѣялся, что новыя занятія дадутъ силу душѣ быть равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ.“[113]) И дѣйствительно, теперь Гоголь, „посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ,“[114]) сталъ значительно выше тѣхъ горестей, начавъ уразумѣвать свое истинное призваніе преимущественно къ высшему труду въ свѣтломъ мірѣ мысли и творчества. „Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ, писалъ Гоголь 3 іюня 1830 г., я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ... Занятій моихъ литературныхъ хотя я и не прекратилъ, однакожъ, какъ они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, какъ по истеченіи довольно продолжительнаго времени... Послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ, въ академію художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить,—тѣмъ болѣе, что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ труда и старанія, ничего не требуютъ“[115]). „Въ тиши

[111]) С., V, 37—38.

[112]) П., I, 137. 112 Ср. П., I, 131: „Я въ Петербургѣ могу имѣть должность, которую и прежде хотѣлъ, но какія-то глупыя людскія предубѣжденія и предразсудки меня останавливали“.

[113]) П., I, 134.

[114]) П., I, 167.

[115]) П., I, 157, 160, 158.

уединенія я готовлю запасъ, котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ", извѣщалъ Гоголь мать и годомъ раньше, уже 24-го іюля 1829 г., тотчасъ же послѣ неудачи, постигшей „Ганца Кюхельгартена"[116]).

Очевидно, немедленно по созданіи послѣдняго, Гоголь началъ окончательно лелѣять мелькавшую у него и ранѣе мысль о романтическихъ разсказахъ изъ хорошо знакомой ему малороссійской жизни на основѣ „повѣрій въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныхъ повѣстей, разсказываемыхъ простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые"[117]), „страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч., и проч."[118]). Въ эти разсказы должны были войти и „обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ", между проч. сохранившіеся „у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ"[119]). Какъ нѣкогда Боккаччіо, и Гоголя занимали самые разнообразные „анекдоты и исторіи: смѣшные, забавные, печальные и ужасные"[120]).

Такимъ образомъ, послѣ эстетическаго романтизма, носившаго космополитическій характеръ[121]), вниманіе Гоголя привлекли, согласно съ постоянною наклонностію его къ реализму, романтическіе сюжеты родной страны и старины, и Гоголь перешелъ къ болѣе зрѣлой романтикѣ, находившей твердую опору въ народ-

---

[116]) П., I, 128.

[117]) П., I, 123 (22 мая 1829 г.).

[118]) П., I, 120 (30 апрѣля 1829 г.).

[119]) П., I, 119 (30 апрѣля 1829 г.), 145 (2 февраля 1830 г.).

[120]) П., I, 145.

[121]) Космополитизмъ ожилъ на время въ Гоголѣ, когда послѣдній сталъ заниматься всеобщей исторіею: „Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее—стороннее", писалъ Гоголь 10 января 1833 г. (П., I, 234); заниматься русскою исторіею у него тогда не было „желанія" (П., I, 303).

ности[122]) и, слѣдовательно, болѣе реальной. Стремленіе къ реализму выступаетъ ясно уже въ просьбахъ касательно сообщенія *точныхъ* свѣдѣній о малороссійскихъ нарядахъ[123]) и т. п.

Выраженіемъ этого новаго романтизма Гоголя явились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", первая часть которыхъ была сдана въ печать въ маѣ 1831 г. Гоголь работалъ надъ ними не спѣша, со свойственною ему добросовѣстностію: „занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнаткѣ: для нихъ теперь времени много", писалъ Гоголь[124]) черезъ годъ послѣ перваго извѣщенія о томъ, что онъ „собираетъ матеріалы только и въ тишинѣ обдумываетъ свой обширный трудъ"[125]), и спустя два года съ лишнимъ послѣ первоначальнаго замысла. Первымъ изъ этихъ разсказовъ въ печати явился „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", помѣщенный въ „Отечественныхъ За-

---

[122]) По поводу сказокъ Жуковскаго и Пушкина Гоголь, посылая первому экземпляръ I-го тома „Вечеровъ на хуторѣ", писалъ 10 сентября 1831 г.: „Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи... Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе"! (П., I, 189; ср. I, 196 (2 ноября 1831 г.): „У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами, и—чудное дѣло!—Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго".

[123]) П., I, 119: „названіе *точное* и *вѣрное* платья, носимаго до временъ гетманскихъ"...; 128: „мнѣ нужна точность"...; 145: „не пренебрегайте ничѣмъ: все имѣетъ для меня цѣну; 167: „Еслибы я писалъ что нибудь въ этомъ родѣ, то, вѣрно бы, я избралъ для этого Малороссію, которую я знаю, нежели страны и людей, которыхъ я не знаю ни нравовъ, ни обычаевъ, ни занятій". Гоголю были посылаемы матерью принадлежности малороссійскаго костюма въ натурѣ. См., напр., П., I, 246 (мартъ 1833 г.).

[124]) П., I, 174—175 (16 апрѣля 1831 г.).

[125]) См. цитованное выше (пр. 115) письмо отъ 3-го іюня 1830 г.; ср. 164.

пискахъ" Свиньина подъ заглавіемъ „Басаврюкъ", какое произвольно далъ этой повѣсти редакторъ журнала.

По внѣшности въ этой своей новой работѣ Гоголь съ перваго взгляда примыкалъ къ фантастикѣ романтизма во вкусѣ Жуковскаго. На это предрасположеніе какъ будто намекаетъ онъ самъ въ письмѣ къ послѣднему отъ 10 сентября 1831 г.: „...съ какимъ бы я... восторгомъ... ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу"[126]). Но разсказъ о Шпонькѣ представлялъ уже нѣчто совершенно отмѣнное, какъ равно отличались и „Повѣсти, служащія продолженіемъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", и получившія названіе „Миргорода". Правда, онѣ также были написаны не передъ самымъ появленіемъ въ свѣтъ, а исподоволь: посылая экземпляръ ихъ матери 12 апрѣля 1835 г., Гоголь писалъ, что это—„довольно давнія" произведенія его[127]). И онѣ въ своихъ первыхъ очертаніяхъ относились къ порѣ, когда авторъ находился еще подъ значительнымъ постороннимъ вліяніемъ. Въ литературахъ того времени были въ ходу романтическія сказочныя повѣствованія, въ которыхъ поэты отдавались игрѣ воображенія, напоминавшей фантастику сновидѣній и беззаботность, съ какою дѣти готовы перелетать отъ одного отождествленія къ другому. Въ „Вечерахъ на хуторѣ" есть еще, какъ и въ „Ганцѣ", припоминанія изъ произведеній иностранныхъ литературъ. Такъ, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы" напоминаетъ разсказъ Тика „Чары любви"[128]). „Страшная месть" представляетъ нѣкоторыя сходства съ повѣстью того же

---

[126]) П., I, 188.
[127]) П., I, 344.
[128]) С., I, 527.

Тика „Пьетро Апоне“[129]). Въ описаніи собранія вѣдьмъ встрѣчаются какъ будто черты Вальпургіевой ночи Гете. Замѣчаются слѣды вліянія и русской художественной литературы наряду съ весьма многочисленными параллелями въ народной словесности[130]). Напр., изображеніе Петруся: „часто дико подымается, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его...“[131]) сходно съ изображеніемъ Гирея въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ Пушкина. Повѣсть „Тарасъ Бульба“ вылилась не только изъ занятій автора южно-русской исторіею и поэзію[132]), но и изъ чтенія Вальтеръ Скотта, за вторичное перечитываніе котораго цѣликомъ принялся Гоголь осенью 1836 г.[133]) Описаніе боя во время вылазки поляковъ изъ Дубна запечатлѣно чертами Гомеровскаго эпоса, и т. д. Тѣмъ не менѣе литературныя воздѣйствія на повѣсти Гоголя изъ малороссійскаго быта и исторіи уже не особенно значительны и не простирались на внутреннюю сторону художественныхъ замысловъ, выказывающую огромную долю самостоятельнаго таланта нашего художника.

Гоголь явился однимъ изъ первыхъ дѣятелей по сооруженію „огромнаго зданія чисто русской поэзіи“[134]) и обновленію нашей литературы чисто народнымъ содержаніемъ,—обновленію,

---

[129]) Русская старина 1902 г., № 3, ст. „Страшная месть Гоголя“ и повѣсть Тика „Пьетро Апоне“.

[130]) Къ даннымъ, подобраннымъ въ статьѣ *Н. И. Петрова*: „Южно-Русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя“ (Чт. въ Ист. Общ. Нестора—лѣт.“, кн. XVI), можно бы прибавить множество другихъ, отпущенныхъ авторомъ.

[131]) С., I, 49.

[132]) См. ст. *И. М. Каманина*: „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи“—Чтенія въ Ист. Общ. Нест.—лѣт.“, Кн. XVI, К. 1902 и отдѣльный оттискъ.

[133]) П., I, 396: „Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта“.

[134]) П., I, 189: см. прим. 122.

къ которому направлялась русская литература уже съ конца XVIII-го вѣка, но которое дотолѣ не было въ такой степени осуществляемо ни Жуковскимъ, ни даже Пушкинымъ. Въ этомъ дѣлѣ Гоголемъ заправляла несомнѣнная любовь къ родинѣ, тоска по ней и малороссійскій патріотизмъ[135]). Все это, отрицаемое Кирпичниковымъ[136]), ясно сказывается въ перепискѣ Гоголя и въ его повѣстяхъ изъ украинской жизни.

Н. Дашкевичъ.

---

[135]) См., между проч., послѣднюю (XIX-ю) главу книжки *Шенрока*: „Ученическіе годы Гоголя, изданіе второе, исправленное и дополненное, М. 1898": „Національныя симпатіи Гоголя; ихъ зарожденіе и укрѣпленіе подъ вліяніемъ впечатлѣній молодости", и статью *О. А Мончаловскаго*: „Украинофильство Гоголя"—въ Научно-литературномъ сборникѣ „Галицко-русской Матицы", т. III, кн. 3, Львовъ 1904 года.

[136]) Извѣстія отд. р. яз. и слов., 1900, кн. 2, стр. 608.

Древности г. Люблина.

Остатки старины въ Люблинѣ столь разнообразны и многозначительны, что надолго могутъ приковать къ себѣ вниманіе даже мало пытливаго изслѣдователя археологическихъ вопросовъ. Въ старой части города, въ которую можно проникнуть только черезъ одни изъ трехъ воротъ—черезъ Краковскія, Гродскія или Тринитарскія, доступныя лишь для пѣшеходовъ, каждая мелочь напоминаетъ о давно угасшей жизни. Вотъ посреди упраздненнаго Рынка массивное зданіе, гдѣ съ 1578 г. отправлялъ правосудіе Люблинскій трибуналъ. Тѣсную площадь со всѣхъ сторонъ обступили ряды домовъ безъ въѣздныхъ воротъ, съ одними сводчатыми корридорами для входа во внутренніе дворики. На углу Рынка и Олейной улицы почти безъ перемѣнъ съ XVI вѣка сохранился трехъэтажный домъ, принадлежавшій стихотворцу Севастіану-Фабіану Клёновицу, къ сожалѣнію не отмѣченный никакою памятною таблицею. Говорятъ, что Люблинскіе любители старины хлопотали передъ мѣстною администраціею о разрѣшеніи украсить домъ соотвѣтствующею надписью, но почему-то не получили на это ея согласія. Вокругъ внутренняго дворика дома Клёновица уцѣлѣли

открытыя галлереи на сводахъ, какъ слѣдъ итальянскаго архитектурнаго вліянія. Есть еще два дома въ Люблинѣ съ остатками такихъ же галлерей. На противоположной сторонѣ Рынка выдѣляется домъ, окна котораго обрамлены лѣпными колонками причудливыхъ рисунковъ. Это первоначальное жилище рода Собѣсскихъ, обзаведшихся потомъ роскошнымъ палацомъ на Бернардинской улицѣ. Почти каждый домъ въ этой части города имѣетъ свою многовѣковую исторію; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли даже мелкіе слѣды глубокой старины, въ родѣ напр. висячихъ молоточковъ у дверей, которыми стучали, чтобы извѣстить о прибытіи, когда еще не пришли къ мысли о теперешнихъ звонкахъ.

Конечно, болѣе всего даютъ пищи любознательности археолога Люблинскіе костелы. Благочестивый духъ старины выразилъ себя здѣсь въ цѣломъ рядѣ величественныхъ костеловъ, размѣщенныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ [1]). Когда-то въ центрѣ стараго города высился ведшій начало отъ XIII вѣка костелъ св. Михаила, разобранный за ветхостью между 1853—1858 гг. Мѣсто его теперь выравнено и занято грязнымъ скверикомъ; нѣтъ даже памятника, напоминающаго о существовавшемъ на семъ мѣстѣ домѣ Божіемъ.

Въ той же старой части города, въ концѣ улицы Злотой, впоперекъ ея, расположился величественный костелъ св. Станислава, основанный въ 1342 г. королемъ Казимиромъ Великимъ и принадлежавшій нѣкогда монахамъ доминиканскаго ордена. Къ нему примыкаютъ громадныя зданія бывшаго доминиканскаго кляштора. Костелъ вмѣстѣ съ кляштором занимаетъ площадь около 1/4 десятины и является самымъ обширнымъ зданіемъ въ цѣломъ Люблинѣ. Главнѣйшую достопримѣчательность костела составляетъ хранящаяся въ немъ часть древа Животворящаго Креста Господня—свя-

[1]) Теперь въ Люблинѣ 10 костеловъ, кромѣ костела св. Тройцы въ Замкѣ; но ранѣе число ихъ доходило до 25.

тыня, судьба которой связана съ Кіевомъ. Церковные историки сообщаютъ о ней слѣдующія свѣдѣнія: [1])

Послѣ обрѣтенія Креста Господня царицею Еленою, она отправила часть св. Древа сыну своему Константину Великому, который раздѣлилъ ее на три части: одну отправилъ въ Римъ папѣ Сильвестру I, другую помѣстилъ въ колонну, поставленную на одной изъ Цареградскихъ площадей, а третью отдалъ на сохраненіе въ императорскую сокровищницу. Разновременно отъ этой послѣдней части отдѣлялись кусочки для приношеній государямъ и храмамъ Западной Европы, но все-таки значительный остатокъ ея продолжалъ сохраняться въ императорской сокровищницѣ. Когда сестра императоровъ Василія и Константина Анна вышла замужъ за Кіевскаго князя Владимира, то братья благословили ее этою оставшеюся частицею Животворящаго Креста, и такимъ образомъ святыня перевезена была въ Кіевъ. Здѣсь она хранилась при устроенной Владимиромъ Десятинной церкви, а послѣ разрушенія послѣдней татарами — при св. Софіи. Въ началѣ XV вѣка святыня перевезена была въ Люблинъ и сдѣлалась достояніемъ доминиканскаго костела св. Станислава. Объ обстоятельствахъ, сопутствовавшихъ появленію святыни въ Люблинѣ, существуетъ два сказанія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Первое сказаніе ведетъ свое начало отъ записи, сдѣланной въ 1432 г. въ принадлежавшей костелу св. Станислава пергаментной книгѣ хораловъ (in magno libro chorali ex pergameno manuscripto Anno Domini 1432), и впервые было издано въ Краковѣ въ 1537 г. въ книжкѣ: „Historia perbrevis quo pacto videlicet magna portio Crucis Christi in oppidum Lublin pervenit“, составленной доминиканцемъ Матвѣемъ Валеріаномъ (Mathaeus Valerianus). Въ 1618 г. изданіе Валеріана

[1]) См. статью ксендза Карла Денбинскаго: „Drzewo Krzyża Świętego, w kościele ś. Stanisława B. i M. w Lublinie“ въ журналѣ „Przegląd Katolicki za r. 1895“, №№ 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 38.

было повторено въ Краковѣ Ѳомою Ціанавеномъ изъ Аскула (Thomas Cianavenus de Asculo) подъ заглавіемъ: „Historia brevi descripta compendio de sacratissimoac salutifero Crucis Dominicae Ligno qualiter Hierosolymis Constantinopolim, inde vero Kijoviam, Kijovia Lublinum translatum Ordinisque Praedicatorum patribus miraculose est donatum". Въ этомъ же году появился въ печати и переводъ сказанія на польскій языкъ ксендза Гавріила Годзимирскаго.

По первому сказанію дѣло было такъ:

Главнымъ виновникомъ перенесенія святыни въ Люблинъ былъ Кіевскій бискупъ Андрей, принадлежавшій къ ордену доминиканцевъ [1]). Онъ получилъ Древо Господне въ даръ отъ мѣстнаго князя Ивони, или Ивана, и долгое время бережно хранилъ у себя святую драгоцѣнность. Когда татары въ 1416 г. разорили Кіевъ [2]) и бискупъ Андрей долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, то онъ захватилъ святыню съ собою и рѣшилъ спрятать ее въ Краковѣ, гдѣ она могла храниться въ полной безопасности. Чтобы дорогою никто не попытался отнять ее, бискупъ обернулъ ее въ шелковую матерію и спряталъ въ

---

[1]) У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы допускать возможность существованія въ Кіевѣ въ началѣ XV вѣка прочно установленной римско-католической іерархіи и постояннаго пребыванія въ немъ римско-католическаго епископа. Напротивъ, всѣ доводы складываются въ пользу того мнѣнія, что въ эту эпоху не было въ Кіевѣ ни костела, ни какихъ-либо римско-католическихъ учрежденій. Самая принадлежность бискупа Андрея къ ордену доминиканцевъ показываетъ, что это былъ, по всей вѣроятности, странствующій монахъ, носившій только титулярно званіе бискупа Кіевскаго. Въ томъ, что передъ 1416 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ и могъ быть близокъ къ одному изъ князей Гольшанскихъ (къ нимъ мы причисляемъ загадочнаго князя Ивоню-Григорія), нѣтъ ничего исторически недопустимаго.

[2]) Набѣгъ татаръ на Кіевъ въ этомъ году отмѣченъ и въ русскихъ лѣтописяхъ; напр. въ Никоновской лѣтописи: „Того же лѣта Татарове воеваша около Кіева и монастырь Печерскій пограбиша и пожгоша" (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 231); въ лѣтописи Авраамки: „Того лѣта Татарове воеваша около Кыева, и Печерьскый монастырь пожьгоша" (П. С. Р. Л., т. XVI, стр. 163).

деревянную подвѣшенную подъ каретой мазницу, которая не могла привлечь вниманія разбойниковъ. Путь изъ Кіева въ Краковъ лежалъ черезъ Люблинъ. По прибытіи сюда, бискупъ остановился на отдыхъ въ доминиканскомъ кляшторѣ и спряталъ Древо Господне въ костелѣ св. Станислава. Отдохнувши въ Люблинѣ, бискупъ Андрей опять уложилъ святыню по-прежнему и сѣлъ въ карету, чтобы ѣхать далѣе въ Краковъ. Впряженныя въ карету лошади, не смотря на всѣ усилія возницы, понукавшаго ихъ кнутомъ, не могли тронуться съ мѣста и такимъ образомъ бискупъ лишенъ былъ возможности продолжать путь. Когда бискупъ съ Древомъ Господнимъ выходилъ изъ кареты, лошади свободно ее двигали; какъ только онъ опять въ нее садился, лошади становились безсильными тронуть ее съ мѣста. Для всѣхъ стало ясно, что святыня не желаетъ покинуть костелъ св. Станислава. Такимъ образомъ, бискупу Андрею поневолѣ пришлось опять положить ее на сохраненіе въ тотъ же доминиканскій храмъ. Между тѣмъ къ бискупу нѣсколько разъ обращался съ просьбой настоятель каѳедральнаго костела св. Михаила въ Люблинѣ, чтобы бискупъ отдѣлилъ часть Древа Господня для этого костела. Тогда бискупъ Андрей рѣшилъ раздѣлить привезенную изъ Кіева частицу Креста Господня на три части: одну оставить въ костелѣ св. Станислава, другую отдать въ костелъ св. Михаила и третью увезти съ собою въ Краковъ. Когда бискупъ взялъ долото, чтобы расколоть имъ частицу Креста Господня, то вдругъ долото соскочило и глубоко вонзилось въ руку бискупа; Древо же Господне осталось ненарушеннымъ. Долота нельзя было вынуть изъ раны, пока бискупъ въ горячей молитвѣ предъ святыней не далъ обѣта, что онъ оставитъ святыню въ костелѣ св. Станислава; тогда долото свободно выпало изъ раны и послѣдняя сама собою зажила. Бискупъ Андрей остался навсегда въ Люблинѣ и скончался здѣсь ранѣе 1432 г., когда впервые записана была въ пергаментной книгѣ хораловъ исторія перенесенія въ Люблинъ частицы древа Креста Господня. Нѣсколько времени спустя, прибылъ въ Люблинъ и благо-

честивый князь Ивоня, или Иванъ, съ супругою своею Мариною и сыномъ Игнатіемъ. Онъ поселился въ королевскомъ замкѣ и послѣ смерти былъ похороненъ въ костелѣ св. Станислава рядомъ съ могилою бискупа Андрея.

Второе сказаніе принадлежитъ знаменитому Длугошу, долго жившему въ Люблинскомъ замкѣ въ 1474 г. вмѣстѣ со своими воспитанниками, сыновьями короля Казимира [1]). Оно находится въ сочиненіи Длугоша „Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis“ [2]). Вотъ дословный переводъ его съ латинскаго:

„Слѣдуетъ отмѣтить, что монастырь ордена проповѣдниковъ во имя св. Станислава въ Люблинѣ владѣетъ частицею Древа Господня, широкой и кругловатой формы, и при томъ столь объемистою, что ни Римъ, ни Іерусалимъ, ни Константинополь, ни Ахенъ, ни какой-либо другой городъ въ цѣломъ католическомъ мірѣ не владѣютъ, кажется, подобнымъ значительнымъ отломкомъ отъ массы древа Креста Господня. Частица эта хранится въ монастырѣ св. Станислава въ Люблинѣ и благоговѣйно почитается вѣрными христіанами; черезъ нее Божественное Милосердіе проявляетъ многія чудеса и знаменія при исцѣленіи недужныхъ. Случай же, какимъ столь знаменитая частица Древа Господня появилась въ монастырѣ св. Станислава, произошелъ, говорятъ, такъ: жилъ какой-то знатный князь Григорій, чтившій справедливость и прилежавшій истинѣ; ради своихъ прекрасныхъ добродѣтелей и ради характера кроткаго, благороднаго и возвышеннаго онъ сдѣлался ненавистнымъ, тяжкимъ и обременительнымъ для князей, намѣстниковъ и дворянъ. Онъ былъ изгнанъ изъ своего княжества и столицы своей вмѣстѣ съ супругой Мариной и сыномъ Игнатіемъ. Изгнанный, онъ нашелъ убѣжище вмѣстѣ съ супругой и родными у Казимира,

---

[1]) См. Zeissberg, Die Polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, Leipzig, 1873, S. 237.

[2]) См. изданіе Пржездзѣцкаго, т. III (1864), стр. 460—461.

который принялъ его благосклонно и почетно, далъ всѣмъ имъ приличное мѣсто для жительства въ городѣ и въ замкѣ Люблинскомъ, и до самой смерти содержалъ на своемъ великолѣпномъ и щедромъ иждивеніи самого князя, его супругу и сына Игнатія. Такимъ образомъ, пока еще упомянутый князь Григорій проживалъ въ своемъ княжествѣ, то онъ, вмѣстѣ съ супругой Мариной и сыномъ ихъ Игнатіемъ, а также съ соправителемъ своимъ по княжеству Кіевскому Ѳеодоромъ обдѣлывалъ и украшалъ Древо Господне серебромъ и золотомъ, а потомъ сіе драгоцѣннѣйшее сокровище увезъ съ собою въ королевство Польское. Умирая, онъ завѣщалъ его, какъ постоянный и великій даръ, монастырю св. Станислава. Когда наступила смерть, то онъ, вмѣстѣ съ супругой своей Мариной, былъ погребенъ подъ алтаремъ св. Креста, гдѣ и почиваетъ".

Соглашеніе извѣстій книги хораловъ и Длугоша является въ высшей степени затруднительнымъ. Такъ какъ Длугошъ не писалъ исторіи Люблинскаго доминиканскаго кляштора и хранившейся въ немъ святыни, то можно думать, что онъ не счелъ нужнымъ входить въ подробности и съ точностью излагать, какимъ образомъ частица Древа Господня сдѣлалась достояніемъ кляштора. Поэтому онъ пропустилъ весь эпизодъ участія въ этомъ дѣлѣ бискупа Андрея и, говоря, что князь Григорій завѣщалъ или отказалъ (dereliquit) Древо Господне кляштору св. Станислава, онъ хотѣлъ этимъ выразить только ту мысль, что князь Григорій, какъ собственникъ святыни, своимъ согласіемъ скрѣпилъ фактически уже осуществленное бискупомъ Андреемъ пожертвованіе ея упомянутому кляштору. Въ такомъ случаѣ переселеніе князя Григорія изъ Кіева въ Люблинъ можно объяснить именно благочестивымъ желаніемъ кончить дни близъ той святыни, которую онъ благоговѣйно чтилъ. Тогда не покажется страннымъ и болѣе чѣмъ тридцатилѣтній промежутокъ въ годахъ между пріѣздомъ въ Люблинъ бискупа Андрея, случившимся въ 1416 году, и переселеніемъ въ него князя Григорія, по-

слѣдовавшимъ уже въ королевствованіе Казимира, т. е. послѣ 1446 г.

Что касается личности князя Григорія, иначе Ивони, или Ивана, то она является какою-то легендарною, и трудно отождествить ее съ достовѣрно-извѣстными изъ исторіи лицами. Скорѣе всего можно думать, что подъ княземъ Григоріемъ или Ивонею слѣдуетъ разумѣть одного изъ князей Гольшанскихъ, считавшихся въ началѣ XV вѣка какъ бы прирожденными Кіевскими князьями. Князь Иванъ Ольгимонтовичъ былъ намѣстникомъ Кіевскимъ между 1396 и 1401 г., а сынъ его Михаилъ Ивановичъ между 1422 и 1433 г. Въ современныхъ имъ документахъ оба иногда именуются прямо „князьями Кіевскими“ [1]). Не былъ ли Ивоня-Григорій однимъ изъ сыновей Ивана Ольгимонтовича и не объясняется ли загадочное имя „Ивоня“ простымъ недоразумѣніемъ при передачѣ отчества князя Григорія „Ивановичъ“ латино-польскими хронистами, не привыкшими къ русскому обычаю величанія по отчеству? Можетъ быть, въ первоначальной записи книги хораловъ стояло: *Johannis* (подразумѣвалось *filius*) *Gregorius*, но Матвѣй Валеріанъ или еще кто либо изъ его предшественниковъ въ дѣлѣ составленія исторіи Люблинской частицы Древа Господня—приняли род. пад. *Johannis* за именительный вмѣсто *Johannes* и поняли текстъ такъ, что у князя было два имени *Johannes-Gregorius*, а потомъ при дальнѣйшихъ перепискахъ своей исторіи сочли излишнимъ приводить второе имя, первое же полонизировали въ „Ивоня“. Весьма вѣроятно также, что радушный пріемъ, оказанный,

---

[1]) См. Wolff-a Kniaziowie litewsko-ruscy,—Warsz. 1895, str. 95, 96, 161. Въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры послѣ записи: „Помяни, Господи, князей нашихъ великихъ“ на ряду съ Владимиромъ Святымъ, Ольгердомъ, великими князьями Московскими поминается: „князя Ольгимонта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Михаила, а въ иноцѣхъ Евѳимія, князя Ольгимонтовича Іоанна и сына его князя Андрея“. Чтен. въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. VI, 1892, прил., стр. 7. Князь Андрей – отецъ королевы Софьи Андреевны.

по сказанію Длугоша, князю Григорію и его семьѣ королемъ Казимиромъ, объясняется ихъ родственною связью, такъ какъ извѣстно, что матерью Казимира была Софія Андреевна, урожденная княжна Гольшанская [1]).

Частица Древа Господня, имѣвшая въ эпоху Длугоша видъ широкой, закругленной у краевъ дощечки, постепенно получила форму равноконечнаго креста, такъ какъ съ четырехъ угловъ ея разновременно откалывались крошечные кусочки для храмовъ и знатныхъ особъ. Съ 1794 г. святыня хранится за стекломъ въ серебряной вызолоченной оправѣ, имѣющей, согласно съ ея формой, видъ равноконечнаго креста, укрѣпленнаго на массивной ножкѣ и украшеннаго сіяніемъ и фигурками ангеловъ.

Въ томъ же бывшемъ доминиканскомъ костелѣ находятся двѣ картины, относящіяся къ возстанію Богдана Хмельницкаго. На одной изъ нихъ изображено отступленіе отъ Люблина козацкаго отряда, вѣроятно, въ пору осады Замостья, объясненное жителями заступничествомъ за нихъ Креста Господня. Другая картина изображаетъ сцену, когда Янъ-Казимиръ, выступая въ походъ противъ козаковъ къ Збаражу, въ послѣдній разъ молился вмѣстѣ съ посломъ Венеціанской республики Іоанномъ Контарини передъ святыней Древа Господня.

Если отъ костела св. Станислава по Архидіаконской улицѣ пройти къ Гродскимъ воротамъ и черезъ нихъ выйти изъ стараго города, то черезъ небольшой оврагъ, надъ которымъ опускался когда-то изъ воротъ подъемный мостъ, мы поднимаемся на взгорье, занятое бывшимъ королевскимъ

---

[1]) Въ помянникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря есть запись: „Родъ князя Григорія Гольшанскаго (см. Чтен. въ истор. обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. XVII, отд. 3, стр. 10). Изъ нея видно, что имя „Григорій“ было употребительно въ родѣ князей Гольшанскихъ, такъ какъ кромѣ князя Григорія, вписавшаго свой родъ на поминовеніе, въ ней поименованы еще три Григорія. Однимъ изъ нихъ могъ быть князь Григорій, дѣйствующій въ сказаніи Длугоша.

замкомъ, обращеннымъ нынѣ въ губернскую тюрьму. На дворѣ замка нашего вниманія заслуживаютъ два зданія, сохранившіяся изъ глубокой старины. Первое изъ нихъ—башня, построенная княземъ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ въ 1245 г., когда этотъ князь завоевалъ Люблинъ. Длугошъ, писавшій во второй половинѣ XV в. на основаніи памятниковъ болѣе раннихъ, такъ разсказываетъ о построеніи башни: „Даніилъ, князь Русскій и Кіевскій, узнавъ о пустынности и запустѣлости Люблинской земли, пришелъ съ войскомъ къ Люблину, взялъ замокъ и городъ, и присвоилъ и подчинилъ себѣ всю землю Люблинскую. Чтобы это завоеваніе оказалось болѣе прочнымъ для него и его потомковъ, онъ съ удивительною скоростью построилъ посреди замка круглую башню изъ обожженныхъ кирпичей, имѣющую на верхушкѣ балконъ и бойницы; замокъ и городъ онъ укрѣпилъ глубокими рвами и валами; онъ вынудилъ, чтобы всѣ воины Люблинской земли подчинились ему“ [1]). Нужно думать, что, по мысли самого Даніила, башня предназначалась служить тюрьмой; она имѣетъ глубокое подземелье и три помѣщенія для заключенныхъ въ верхнихъ этажахъ. Тюремное назначеніе остается за нею и въ настоящее время; и теперь въ ней помѣщаются камеры, куда распредѣляются найболѣе важные преступники Люблинской губерніи. Башня имѣетъ двѣ концентрическихъ стѣны совершенно круглыхъ, внушительной толщины. Внутри первой расположены камеры, а между внутренней и наружной стѣнами идетъ винтообразный подъемъ на крышу, съ которой открывается дивный видъ на Люблинъ и его окрестности. Окна для освѣщенія камеръ устроены въ промежуткахъ между оборотами лѣстничнаго винта и, благодаря своей почти саженной глубинѣ, едва пропускаютъ скудный свѣтъ. Башня, за исключеніемъ крыши, сохранилась въ неприкосновенности

---

[1]) См. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей, Спб. 1868, прилож. стр. 295—296. – Rocznik Świętokrzyski конца XIII в. относитъ построеніе башни къ 1244 г.: „Anno domini 1244 Rutheni per diversos insultus Lublin

съ 1245 г. и до сихъ поръ поражаетъ зрителя своею массивностью.

Невдалекѣ отъ башни расположенъ каменный костелъ св. Тройцы, выстроенный Ягелломъ между 1413 и 1415 г. на мѣстѣ ранѣе существовавшаго деревяннаго. Строеніе это, будучи строго готической архитектуры, имѣетъ еще ту особенность, свойственную преимущественно польскимъ костеламъ что всѣ отдѣльные своды его упираются въ одну массивную колонну, расположенную посреди храма. Также устроены своды и въ подвальномъ помѣщеніи костела, гдѣ раньше хоронили останки замковыхъ капелановъ, а теперь тюремная администрація устроила складъ картофеля для арестантовъ. Входъ въ костелъ открытъ теперь съ боку—изъ зданія, гдѣ помѣщается тюремная больница; первоначально же въ костелъ вела изъ королевскихъ покоевъ открытая галлерея и входная дверь была расположена въ передней стѣнѣ противъ алтаря. Нынѣ на мѣстѣ закрытой двери находится окно, хотя видны слѣды бывшаго порога, у котораго лежитъ обломокъ надгробія съ датой 1514 года.

Костелъ св. Тройцы имѣетъ фигуру чуть-чуть удлиненнаго четырехугольника съ круглымъ выступомъ для главнаго алтаря. Самъ Ягелло позаботился о томъ, чтобы костелъ былъ украшенъ стѣнною живописью. Какой-то художникъ Андрей, русской народности, расписалъ фресками всѣ стѣны какъ навы, такъ и алтарнаго полукружія. Впослѣдствіи, вѣроятно, въ XVIII вѣкѣ, фрески были покрыты штукатуркою и только въ 1899 г. художникомъ Смолинскимъ случайно были замѣчены слѣды ихъ. Теперь штукатурка мало по малу очищается подъ руководствомъ Краковскаго профессора Маріана Соколовскаго, и фрески выступаютъ на свѣтъ Божій. Когда мы осматривали костелъ св. Тройцы въ мартѣ 1905 г., то были уже очищены отъ штукатурки: башенка, заключаю-

---

et totum territorium devastant et succendunt, et castrum pro se edificare ceperunt, *turim muratam* fecerunt". Mon. Polon. hist., T. III, Lwów, 1878, p. 72

щая въ себѣ лѣстницу на хоры, и стѣны правой стороны костела, если стоять, обратившись лицомъ къ алтарю. Фрески передаютъ разные сюжеты ветхозавѣтной и евангельской исторіи. Особенное вниманіе наше обратили: сцена избіенія младенцевъ въ Виѳлеемѣ и какая-то картина съ неяснымъ намъ смысломъ въ алтарномъ полукружіи, изображающая городскую стѣну, у которой на лугу музыканты играютъ на лютняхъ, торбанахъ и трубахъ, а два плясуна выдѣлываютъ какія-то тѣлодвиженія, стоя на рукахъ головою внизъ и съ поднятыми въ воздухъ ногами.

На пилястрахъ, отдѣляющихъ алтарное полукружіе отъ боковыхъ стѣнъ, помѣщены: съ правой стороны надпись, свидѣтельствующая, кѣмъ и когда была исполнена расписка костела фресками; начало ея стерто, а конецъ гласитъ такъ: ..:. „господня почълъ лѣта ҂а҃ лѣт и д ста и лѣта є на ї҃ лѣто и сконьчал сіи костелъ мсца августа на память стго Лаврентия писано рукою Андрѣевою". День св. Лаврентія— 10-е августа.

На лѣвомъ пилястрѣ изображенъ гербъ Литвы, т. е. всадникъ на конѣ, но съ такою особенностью, что спускающійся съ неба ангелъ возлагаетъ на голову всадника корону. Ниже литовскаго герба изображенъ гербъ Срженя — съ какою цѣлью, объяснить трудно.

Оригинальная, совершенно круглая башенка, скрывающая въ себѣ ступени, ведущія на хоры, покрыта изображеніемъ Пресвятой Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ на тронѣ и съ стоящими по бокамъ св. Кирилломъ и св. Николаемъ. Передъ Богоматерью стоитъ на колѣняхъ, сложивъ руки на молитву, старикъ съ лысой головой, въ пурпурномъ, подбитомъ горностаями, плащѣ. Судя по этому признаку королевскаго достоинства и по возрасту колѣнопреклоненнаго, можно думать, что на фрескѣ изображенъ создатель храма— Ягелло, имѣвшій въ 1425 г. 67 лѣтъ[1]). За королемъ стоитъ

[1]) См. Iacob Caro, Geschichte Polens, III Th., Gotha 1869, S. 624.

его юный оруженосецъ, держа въ правой рукѣ королевскій мечъ, а далѣе еще какой-то молодой человѣкъ въ плащѣ. Позади всѣхъ изображенныхъ фигуръ виднѣется замокъ, сложенный изъ краснаго кирпича, съ бойницами и амбразурами. Подъ этими изображеніями нацарапаны на башенкѣ въ разныхъ мѣстахъ имена посѣщавшихъ костелъ лицъ и годы ихъ посѣщеній. Между прочимъ мы нашли годъ Люблинской Уніи, 1569-й, и неподалеку отъ него подпись „Eygierd"—имя какого-то участвовавшаго въ заключеніи Уніи литвина [1]).

Фрески костела св. Тройцы, когда всѣ онѣ будутъ очищены отъ штукатурки и сняты на фотографіи, должны сдѣлаться предметомъ подробнаго изученія для установленія преемственнаго развитія южнорусской живописи отъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора къ позднѣйшей иконописной школѣ Кіево-Печерской Лавры.

Спускаясь отъ замка въ сторону такъ называемаго Русскаго Предмѣстья, мы по Русской улицѣ приближаемся къ православной каменной церкви Преображенія Господня. Церковь эта начата постройкой въ 1607 г. на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной и освящена 5 марта 1635 г. Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою [2]). При этой церкви существовало Люблинское православное братство, учрежденное въ 1594 г. [3]). Въ 1638 г. церковь Спаса была отнята у православныхъ уніатами, но потомъ опять возвращена была православнымъ и оставалась въ ихъ рукахъ до 1690 г., когда вторично отнята была уніатами. Уніатской церковь оставалась до 1875 г. Живопись иконостаса, Византійскаго стиля, относится ко времени построенія храма; остальныя украшенія отражаютъ слѣды Уніи. Въ настоящее время церковь обновлена и носитъ очень опрят-

---

[1]) Ср. Извѣстія Импер. Археолог. Хоммиссіи, прибавл. къ вып. 9-му, Спб. 1904, стр. 2.—Kwartalnik historyczny, 1905, zesz. 1, str. 177—178.

[2]) См. Голубева, Кіевскій митрополитъ П. Могила и его сподвижники. Т. II, Кіевъ 1898, стр. 494 и прил., стр. 13—14.

[3]) См. тамъ-же, прил., стр. 11.

ный и изящный отпечатокъ благочестивой заботливости о ней. Главнѣйшей ея святыней является мѣстно чтимая чудотворная икона Люблинской Богоматери.

Если идти отъ Русской улицы вокругъ стараго города по такъ называемому Подвалью къ Краковскому предмѣстью, то на площади у Тринитарскихъ воротъ останавливаетъ на себѣ вниманіе путника величественный костелъ во имя двухъ Іоанновъ: св. Іоанна Крестителя и св. Іоанна Богослова, заложенный въ королевствованіе Стефана Баторія (въ 1582 г.) и принадлежавшій ранѣе оо. Іезуитамъ, а нынѣ переименованный въ каѳедральный. Въ этомъ костелѣ, въ боковой навѣ, въ капличѣ Пресвятой Богородицы вдѣлана въ стѣну надгробная плита темно-коричневаго мрамора, снятая съ могилы Севастіана-Фабіана Клёновица въ костелѣ св. Михаила въ то время, когда этотъ костелъ предназначенъ былъ къ сломкѣ. Плита эта была положена надъ прахомъ Клёновица, какъ видно изъ надписи, его родственникомъ, также Севастіаномъ Каекомъ, занимавшимъ должность нотаріуса въ Люблинѣ въ эпоху Клёновица. Достопримѣчательность каѳедральнаго костела составляетъ ризница или сакрыстія для облаченія канониковъ, сводъ которой устроенъ такимъ образомъ, что если стать въ одномъ углу сакрыстіи и заговорить шопотомъ, то въ противоположномъ углу отчетливо слышны слова говорящаго. Въ каѳедральномъ костелѣ хранятся теперь нѣкоторые предметы древней церковной утвари, перенесенные сюда изъ разобраннаго костела св. Михаила; въ томъ числѣ чаша для святой воды („крестильня“) нѣмецкой работы XIII вѣка съ выпуклыми изображеніями Пресвятой Богородицы и Іисуса Христа и съ двумя надписями: 1) по старо-нѣмецки: „Hilf God Maria berod“ = Подаждь, Боже и Марія, хлѣбъ; 2) по латыни: „Ave, Maria, gracia plena“=Радуйся, Марія многомилостивая.

Древнѣйшій видъ Люблина относится къ 1618 г. и былъ изданъ въ этомъ году въ Кельнѣ въ VI книгѣ сочиненія Георгія Брауна: „Civitates orbis terrarum“ или „Theatrum praecipuarum totius mundi urbium“. Въ 1901 г. его переиздалъ

со своими объясненіями, мѣстный Люблинскій ученый археологъ г Лопацинскій. При разсмотрѣніи этого вида можно убѣдиться, что важнѣйшіе памятники старины въ Люблинѣ мало измѣнились по внѣшности съ того времени, но за то до неузнаваемости измѣнилась окружающая природа: напр., изображенный на видѣ огромный глубокій прудъ, богатый различною рыбою, устроенный, очевидно, задержаніемъ водъ р. Быстрицы съ помощью плотинъ,—теперь безслѣдно высохъ и все дно его представляетъ въ настоящее время гладкое поле, занятое сѣнокосами и огородами [1]).

А. Стороженко.

Что касается части древа Животворящаго Креста Господня, хранящейся въ Люблинѣ, то здѣсь, намъ кажется, умѣстно будетъ вспомнить мнѣніе по этому поводу г. Гавріила Ласкина, высказанное имъ въ своемъ „Словарѣ древностей Константинополя“, печатавшемся въ предшествовавшихъ выпускахъ нашихъ „Чтеній“, въ приложеніяхъ; въ немъ подъ рубрикой „Страсти и орудія“ (стр. 184 и слѣд.), г. Ласкинъ, перечисляя всѣ хранящіяся частицы древа Креста Господня, упоминаетъ и о той, которая находилась прежде въ Кіевѣ; по его словамъ, эта частица перенесена въ мона-

---

[1]) Пособіями при изученіи Люблинскихъ древностей служили намъ слѣдующія изданія: 1) Władysław Zieliński: Opis Lublina: jako Przewodnik dla zwiedzających miasto i jego okolice, Lublin 1876; 2) Wład. Zieliński: Monografia Lublina, Lublin, 1878; 3) Alfred Pomian Kobierzycki: Monografia Lublina, Lublin 1901; 4) Ilustrowany Przewodnik po Lublinie, ułożony przez M. A. R. (графиней Роникеръ), Warszawa 1901, въ 2-хъ частяхъ; 5) Kościół i klasztor po-dominikański w Lublinie. Spisał i ułożył w r. 1901 S. O. (Станиславъ Остроленцкій), Warszawa 1902. Любезнымъ спутникомъ нашимъ во время прогулки по Люблину былъ преподаватель мѣстной гимназіи І. Л. Лопацинскій, которому приносимъ искреннюю благодарность за его поучительныя основанныя на глубокихъ познаніяхъ объясненія.

стырь св. Креста (Кѣлецкой губ.); относительно же частицы древа въ Люблинѣ г. Ласкинъ думаетъ, что эта послѣдняя перенесена сюда изъ Белза. Къ сожалѣнію, авторъ, „Словаря древностей Константинополя“ не указываетъ источника, изъ котораго онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія.

Примѣч. Ред.

Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“.

Эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.

Въ украинской исторіографіи XIX в. судьба „Исторіи Руссовъ“ представляетъ собою интересный эпизодъ, именно въ виду коренного измѣненія отношенія къ ней со стороны ученаго міра. Контрастъ очень рѣзкій: въ началѣ вѣка—это любимая книга, увлекательное чтеніе, по ней цѣлое поколѣніе составляетъ свои взгляды на былую исторію родины: страстный тонъ и горячій патріотизмъ невольно очаровываютъ читателя; но и за рамками читающей публики она не вызываетъ еще сомнѣній,—любители отечественной исторіи, знатоки былого еще не колеблются въ своемъ довѣріи: на ея авторитетѣ основываются изслѣдователи и съ полнымъ довѣріемъ цитируютъ ея извѣстія. Потомъ, съ расширеніемъ кругозора, съ расширеніемъ цикла источниковъ, отношеніе мѣняется: замѣчаются впервые неправильности и невѣрности; но обаяніе еще сильно и еще не колеблетъ авторитета ученаго іерарха; дальше—больше, ошибки оказываются уже и численными и грубыми, примирить съ ними авторство Конисскаго становится невозможно, и знаменитое сочиненіе

начинаетъ признаваться произведеніемъ неизвѣстнаго автора и то не вполнѣ удачнымъ. Такимъ образомъ перемѣна въ отношеніи къ „Исторіи Руссовъ“ является также и показателемъ развитія въ украинской исторіографіи критическаго чутья. Но помимо того, что явилось сомнѣніе относительно подбора матеріала и пользованія имъ, для исторической школы позднѣйшаго времени устарѣвшею и отжившею показалась самая рамка: міросозерцаніе автора, его историческая схема.

Основная точка зрѣнія автора—ясна уже изъ заглавія: „Исторія Руссовъ“; это—исторія народа, а не провинціи, это—признакъ этнографическій, а не географическій; содержаніе книги—судьбы коренного славянскаго населенія Малороссіи, издавна здѣсь поселившагося и непрерывно занимавшаго эту область, и авторъ—выдерживая эту точку зрѣнія—излагаетъ самостоятельную исторію украинскаго народа,этихъ „старшихъ братьевъ“ великорусскаго племени, измѣняя, такимъ образомъ, обычное представленіе: исторія Малороссіи—придатокъ исторіи Русскаго государства.

Горячо любя свою родину, авторъ „Исторіи Руссовъ“ не можетъ, конечно, примириться съ такимъ взглядомъ: уже въ предисловіи [1]) заявляетъ онъ, что разойдется съ воззрѣніями нѣкоторыхъ „историковъ польскихъ и литовскихъ“ на этотъ счетъ: авторъ упрекаетъ ихъ въ тенденціозности, въ намѣреніи представить „народъ сей“ близкимъ „къ рабскому состоянію и ничтожеству“, обвиняетъ въ неправильной обрисовкѣ казацкихъ движеній, какъ „бунтовъ и нестроеній“, поднятыхъ „непостояннымъ и бунтливымъ хлопствомъ“; человѣкъ безпристрастный неминуемо, по мнѣнію автора, долженъ признать въ дѣяніяхъ „Косинскаго, Наливайка, Остряницы и Хмельницкаго“ „подвиги благородные и справедливые“, и сомнѣніе о „воинскихъ дѣйствіяхъ“, „яко множественны суть“, падаетъ само собою.

Не справедливо и то часто встрѣчающееся воззрѣніе, будто „народъ русскій“ (украинскій) былъ въ зависимости и подчиненіи у поляковъ и литовцевъ; къ опроверженію его не

[1]) „Исторія Руссовъ“, предисловіе, сс. II-III.

разъ возвращается авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи: „народъ русскій“ вступалъ въ союзъ съ поляками и литовцами по добровольному согласію, а не въ силу завоеванія или подчиненія; и самый союзъ этотъ былъ заключенъ на полномъ равенствѣ: „добровольно соединился [1]) на одинакихъ и равныхъ съ ними (поляками и литовцами) правахъ и преимуществахъ“. Авторъ подчеркиваетъ, что такого же взгляда на взаимныя отношенія этихъ народовъ придерживались и сами правители былого времени, а равно эту же мысль вкладываетъ авторъ въ заявленія и протесты угнетеннаго уже населенія [2]).

Рядомъ съ указаніемъ на равенство въ союзѣ, подчеркиваетъ авторъ „Исторіи Руссовъ“ и важность, полезность этого союза, усваивая такимъ путемъ историческое значеніе своему родному народу въ былomъ. „Одна [3]) Польша все то доказываетъ. Она тогда только была могущественна и страшна, когда имѣла у себя войска Малороссійскія; а коль скоро ихъ лишилась, тотчасъ же упадать начала, а послѣдствія ея извѣстны“ [3]), и, вѣрный своему обычаю, авторъ вкладываетъ въ уста дѣятелей былого времени удивленіе и похвалы храбрости, мужеству и энергіи казаковъ.

Подвиги побѣдоноснаго казачества—славная страница родной исторіи, но, къ сожалѣнію, такихъ страницъ было немного: „сія [4]) страна, какъ бы созданная или осужденная для руинъ отъ частыхъ нашествій иноплеменниковъ, а еще частѣйшихъ набѣговъ и браней отъ народовъ сосѣднихъ и наконецъ отъ непрестанныхъ междоусобій и побоищъ, претерпѣла всѣхъ родовъ разоренія, губительства и всесожженія, и такъ сказать обагрена и напоена кровію человѣческою и покрыта пепломъ.“ Рядомъ съ эпохою мирнаго сожительства съ поляками, обрисованнаго, словно идиллія [5]), авторомъ „Ис-

[1]) И. Р., с. 36.

[2]) Напр. петиція Наливайка,—И. Р.,стр. 35—36.

[3]) И. Р., предисловіе, с. II.

[4]) И. Р., предисловіе, с. I.

[5]) И. Р., с. 28 (время короля Баторія).

торіи Руссовъ", начинается тяжелое время религіозной борьбы и казацкихъ движеній—„эпоха [1]) ужаса и губительства для обоихъ народовъ, Польскаго и Русскаго, эпоха, или умолченная по исторіямъ или легко въ нихъ описанная, но которая, потрясши Польшу до самого основанія и колебавши ее болѣе ста лѣтъ, низринула, наконецъ, въ бездну ничтожества, а народу Русскому давши испить самую горестную чашу, каковую и во дни Нерона и Калигулы не всѣ христіане вкушали, преобразила его въ иной видъ и состояніе"... Нужно прочесть описанія гоненій и казней, чтобы судить какъ о мастерствѣ письма, такъ и о настроеніи автора; эти страницы полны глубокой скорби, но только разъ далъ онъ свободу накопившемуся чувству: „ежели [2])—говоритъ онъ по поводу Лебединскихъ казней Мазепинцевъ—„всякая кровь, проливаемая на земли, взыщется отъ рода сего", то какое взысканіе предлежитъ за кровь народа Русскаго, пролитую отъ крове гетмана Наливайка до сего дня, и пролитую великими потоками за то единственно, что искалъ онъ свободы или лучшей жизни въ собственной землѣ своей и имѣлъ о томъ замыслы, всему человѣчеству свойственные"?....

Эта жалость къ угнетенному народу сквозитъ повсюду, гдѣ идетъ рѣчь о тяжелыхъ страницахъ былой исторіи; съ безправною угнетенною народною массою родитъ автора единство національное, единство вѣры и языка: самъ-то онъ настроенъ аристократически, какъ представитель высшаго сословія, но въ тѣ эпохи, когда интеллигенція цѣликомъ уходила въ чужую культуру, денаціонализовалась, а, наоборотъ, низшіе слои, простая масса [3]) оставалась преданной вѣрѣ и языку предковъ,—въ такія эпохи авторъ, по своему принципу народности, примыкаетъ къ низшимъ классамъ общества, и въ такихъ случаяхъ онъ не колеблется выступать съ упрекомъ [4]) по адресу „неустоявшихъ" собратій изъ своего же класса, укоряя за отступничество и измѣну родинѣ.

[1]) И. Р., с. 32.
[2]) И. Р., с. 213.
[3]) И. Р., с. 48.
[4]) И. Р., с. 41.

II.

Горячая любовь къ родинѣ и глубокій интересъ къ былымъ ея судьбамъ, искренняя гордость минувшею славою и жгучая скорбь о пережитыхъ страданіяхъ, наконецъ живое изложеніе и мастерство въ обрисовкѣ прошлаго—все это увлекало читателя. „Исторію Руссовъ“ читали и перечитывали, запоминая наизусть ея наиболѣе картинныя страницы; она ходила по рукамъ, ее переписывали и распространяли между знакомыми. О такой популярности „Исторіи Руссовъ“ сохранилось не мало сообщеній, и современныхъ и болѣе позднихъ—въ воспоминаніяхъ дѣтства или юности. Путешествовавшій по Малороссіи въ тридцатыхъ годахъ нѣмецъ Коль (Kohl) разсказываетъ [1]) въ своихъ запискахъ о распространенности и популярности сочиненія „Конисскаго“. Т. Г. Шевченко въ разсказѣ своемъ „Близнецы“ передаетъ [2]), какъ черту современнаго ему быта, популярность „Исторіи Руссовъ“: „лѣтопись же Конисскаго въ роскошномъ переплетѣ постоянно лежала на столѣ, и всегда заставалъ я ее раскрытою. Никифоръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ прочитывалъ ее, но до самого конца ни разу. Все, всѣ мерзости, всѣ безчеловѣчія польскія, шведскую войну, Бироновго брата, который у Стародубскихъ матерей отнималъ дѣтей грудныхъ и давалъ имъ щенятъ кормить грудью для своей псарни—и это прочитывалъ, но какъ дойдетъ до Голштинскаго полковника Крыжановскаго, плюнетъ, закроетъ книгу и еще разъ плюнетъ“..... Подобнымъ же образомъ на распространенность и симпатіи къ „Исторіи Руссовъ“ указываетъ и А. Я. Конисскій въ своихъ воспоминаніяхъ: переписанная еще отцомъ на синей бумагѣ рукопись эта считалась самою драгоцѣнною книгою [3]). Тѣ же самыя особенности міросозерцанія, придававшія такой интересъ „Исторіи Руссовъ“ въ глазахъ

[1]) Reisen im Inneren von Russland und Polen, II, 321.

[2]) „Близнецы“ (Кіевск. Старина 1886, X, 215).

[3]) „Молодий викъ Максима Одинця“ (Львовъ, 1902), с. 76; тамъ же о впечатлѣніяхъ при чтеніи „И. Р.“—с. 77.

украинской читающей публики, эти самыя особенности сообщали ей, такъ сказать, оттѣнокъ пикантности: казалось, что мѣстный патріотизмъ, такою явственною нитью идущій чрезъ всю книгу, противорѣчитъ оффиціальному взгляду на Малую Россію и отводимое ей мѣсто въ прошломъ и настоящемъ Государства Россійскаго. Разъ подмѣчено такое несходство, эта книга, еще не печатавшаяся и не подвергавшаяся цензурѣ, получила въ глазахъ самихъ читателей оттѣнокъ чего-то запретнаго; списки ея запрятываютъ въ шкафъ подальше, а, читая вслухъ въ тѣсномъ кругу, изъ осторожности запираютъ дверь. На этомъ же представленіи о запретности книги основывались, по всей вѣроятности, и тѣ страхи, какими пугали О. М. Бодянскаго, когда онъ началъ изданіе „Исторіи Руссовъ“: „съ каждою книжкою „Чтеній“ больше и больше стращали печатавшаго всякими страхами“, замѣчаетъ по этому поводу самъ Бодянскій. Даже и печатная „Исторія Руссовъ“ окружена была какою-то таинственностью: поговаривали, что она запрещена и изъята изъ продажи. „Знаетели, пишетъ какъ-то М. А. Максимовичъ[1]) О. М. Бодянскому, что въ Кіевѣ продается она, „Исторія Руссовъ“, по 10 и 12 р. сер., и по Малороссіи идетъ слухъ, якобы она есть книга запрещенная!“... Такимъ образомъ, разъ установившаяся репутація не сразу исчезла и съ изданіемъ сочиненія. Но если знакомство съ этою книгою объясняло читателю до извѣстной степени ея таинственность, то въ другихъ случаяхъ именно эта таинственность заохочивала, привлекала вниманіе публики.

Какъ бы то ни было, но распространеніе и популярность „Исторіи Руссовъ“ были очень велики. Міросозерцаніе ея отразилось на взглядахъ цѣлаго поколѣнія, и многіе изъ нея почерпали свои знанія о прошломъ. Пушкинъ[2]), познакомившись съ „Исторіей Руссовъ“, призналъ въ авторѣ ея „великого живописца“, отмѣтивши мимоходомъ, что онъ „не

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1887, I, 146.

[2]) Статья „О сочиненіяхъ Георгія Конискаго“ (1836).

чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія“ въ силу любви къ родинѣ. Гоголь въ письмѣ къ И. И. Срезневскому (1834), отзываясь рѣзко о „вялыхъ и короткихъ“ лѣтописяхъ, замѣчаетъ: „хорошо еще, если между ними попадались съ рѣзкою физіономіею, съ характеромъ, какъ, напримѣръ, Конисскій, который выхватилъ хоть горсть преданій и зналъ, о чемъ онъ пишетъ“. И это не только, такъ сказать, теоретическая похвала: „Исторія Руссовъ“ повліяла на Гоголя и общими своими взглядами на прошлыя судьбы Украины, взглядами, проникнутыми глубокою любовью къ родной землѣ, и дала писателю свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ событій и эпохъ [1]). Для примѣра близости отдѣльныхъ мѣстъ къ повѣствованію „Исторіи Руссовъ“ можно указать на градацію деталей въ разсказѣ пріѣхавшихъ въ Запорожье казаковъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Украину [2]) („Тарасъ Бульба“). Сильное же вліяніе оказала „Исторія Руссовъ“ на генезисъ представленій о былomъ у Т. Г. Шевченка, и въ историческихъ его стихотвореніяхъ первой поры, до перелома въ историческомъ міросозерцаніи, легко найти отголоски такого вліянія—въ представленіяхъ о времени до Б. Хмельницкаго. Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ слѣдовъ вліянія „Исторіи Руссовъ“, его можно подмѣтить и у меньшихъ поэтовъ того времени, напримѣръ, у Н. А. Маркевича [3]) и Е. П. Гребенки, [4]) а равно и у другихъ.

III.

Вліянію „Исторіи“ подпадали и люди, располагавшіе запасомъ матеріала для ея провѣрки, подпадали, конечно, временно, извѣриваясь постепенно—съ ростомъ критицизма и

[1]) Н. С. Тихонравовъ—въ примѣчаніяхъ къ Тарасу Бульбѣ (X изданія I томъ, с. с. 661—664). И. М. Каманинъ: Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи, с. 38, 45.

[2]) Тарасъ Бульба (X изданія, т. I., с. 279—280) и „Исторія Руссовъ“ с. с. 40 и 48.

[3]) Украинскія мелодіи.

[4]) Напр., „Богданъ Хмельницкій“,„ Нѣжинъ-озеро“...

съ расширеніемъ наличности источниковъ; такъ, напримѣръ, Костомаровъ въ своей второй диссертаціи: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (1843), вполнѣ довѣряя показаніямъ „Исторіи Руссовъ“, подчеркиваетъ [1]) тѣ случаи, когда думы разсказываютъ событія „согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“, а между тѣмъ эти самыя думы, являясь фальсификатомъ, основываются на данныхъ „Исторіи Руссовъ“; такое же довѣріе оказываетъ Костомаровъ этому источнику и въ историческихъ статьяхъ своихъ Харьковской поры, напр. въ ст. „Первыя войны малороссійскихъ казаковъ“. Впослѣдствіи, возвращаясь къ изученію намѣченныхъ темъ, Костомаровъ уже относится къ „Исторіи Руссовъ“ съ меньшимъ довѣріемъ, во-первыхъ, „по множеству ошибокъ и вымысловъ въ цѣлой „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго, во вторыхъ, потому, что въ самихъ описаніяхъ, относящихся къ исторіи Остранина, у Конисскаго есть несообразности“ [2]); позднѣе онъ указывалъ, какъ на основаніе для заподозрѣнія подлинности думы, на ея исключительную близость къ повѣствованію „Исторіи Руссовъ“, и совѣтовалъ Срезневскому опубликовать „таинственные источники“ „Запорожской старины“, „дабы оно (изданіе) не было похожимъ на „Исторію Руссовъ“ Конисскаго“ [3]).

Такую перемѣну испыталъ и И. И. Срезневскій. Честь перваго указанія на недостовѣрность этого сочиненія, „принадлежитъ проницательности И. И. Срезневскаго“, замѣчаетъ Костомаровъ. Подобнымъ же образомъ высказывается и Максимовичъ. Какъ великій художникъ онъ (Пушкинъ) оцѣнилъ „Исторію Руссовъ“ съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конисскаго „великимъ живописцемъ“. Въ томъ и было дѣло Пушкина; а въ мелочныя замѣтки объ ошибкахъ фактическихъ неумѣстно было и входить ему, хотя бы онъ и зналъ объ нихъ. Но онѣ и тогда были видны

[1]) „Объ Историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, с. 100.

[2]) „Борьба украинскихъ козаковъ“, с. 248.

[3]) Статья о „Запискахъ“ Кулиша въ Отечеств. Запискахъ 1857. VI, с. 42 и разборъ сборника Антоновича и Драгоманова, Вѣстникъ Европы, 1874, XII, стр. 624—627.

для спеціалистовъ. Вѣдь за два года еще передъ тѣмъ, въ „Запорожской старинѣ“, г. Срезневскій, выписывая разныя сомнительныя сказанія изъ „Исторіи Руссовъ“, называлъ ихъ—повѣстями Конисскаго!“ Вотъ кому первому—Срезневскому, принадлежитъ та честь, которую г. Кулишъ сугубо воздаетъ г. Соловьеву“ [1])... Что у Срезневскаго были сомнѣнія на счетъ „Исторіи Руссовъ“,—указанія имѣются, хотя бы отзывъ Гоголя въ его письмѣ къ Срезневскому (1834): „Конисскому я также, какъ и вы, во многомъ не вѣрю, но я говорилъ совсѣмъ не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ происшествія его со времени Петра записаны. Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнемъ архивѣ“ [2]). Однако, неизвѣстно, какъ далеко шелъ Срезневскій въ своемъ скептицизмѣ: онъ не далъ ему яснаго и полнаго выраженія, а въ историческихъ справкахъ „Запорожской Старины“ и историческихъ очеркахъ о прошломъ казачества, онъ все-таки прибѣгаетъ къ сообщеніямъ „Исторіи Руссовъ“.

Довѣрчивѣе другихъ оказался Н. А. Маркевичъ. Какъ въ „Украинскихъ мелодіяхъ“, въ поэтической обработкѣ историческихъ темъ, онъ придерживался близко показаній „Конисскаго“, такъ точно не измѣнилъ ему и въ качествѣ историка. Хотя въ двухъ послѣдовательныхъ изданіяхъ „Исторіи Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго нашлось бы не мало указаній, подрывающихъ значеніе „Конисскаго“, какъ источника, но Маркевичъ остался вѣренъ ему, какъ своему авторитету [3]): для него авторъ „Исторіи Руссовъ“ все еще—„правдивѣйшій изъ нашихъ историковъ, Георгій Конисскій“, „преданный родинѣ, правдивый Конисскій“, и „предполагая, что лѣтопись Конисскаго есть дѣйствительно лѣтопись гетманская, что такое показаніе преосвященнаго Георгія справедливо“, Маркевичъ всецѣло полагается на извѣстія „Исторіи Руссовъ“... Маркевичъ оказался стойче скептиковъ....

[1]) М. А. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, I, 523.

[2]) Русская Старина 1892. III. 759.

[3]) Исторія Малороссіи, I. 230. II 303. 385.

Такимъ образомъ, эти скептики не дали полнаго анализа лѣтописи. Внимательнымъ и строгимъ анализомъ извѣстій „Исторіи Руссовъ“ занялся С. М. Соловьевъ въ своей статьѣ „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“ [1]). Въ концѣ этой статьи, упоминая о выходѣ въ свѣтъ лѣтописи Самоила Величка, авторъ замѣчаетъ: „мы поставили цѣлію статей своихъ внести сколько-нибудь критическій взглядъ въ исторію Малороссіи, при чемъ первымъ дѣломъ было показать ложность извѣстій Конисскаго, такъ долго пользовавшагося незаслуженнымъ авторитетомъ“; „здѣсь (въ лѣтописи Самоила Величка) мы нашли подтвержденіе нашихъ выводовъ, имѣвшихъ цѣлію показать ложность извѣстій, находящихся въ „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго“... Соловьевъ не даетъ однако общей характеристики заподозрѣннаго имъ сочиненія, а излагая послѣдовательно ходъ событій, останавливается въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ изложенія на показаніяхъ „Исторіи Руссовъ“ и разбираетъ ихъ подлинность. Ставя вопросъ вообще о ненадежности историческихъ данныхъ по исторіи Малороссіи, Соловьевъ замѣчаетъ, напримѣръ, по поводу кн. Дм. Вишневецкаго: „Конискій преспокойно хоронитъ его въ 1514 году, а по другимъ извѣстіямъ самыя знаменитыя его дѣла относятся къ 1557 г.“; „этотъ привилей Баторіевъ мы читаемъ у Конискаго, но, приводя извѣстія изъ Конискаго, считаемъ обязанностью прибавлять осторожное *говорятъ*“, мимоходомъ оговаривается авторъ въ примѣчаніи. „По свидѣтельству Конискаго—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ—этотъ Вишневецкій дѣятельно помогъ Московскимъ войскамъ освободить Астрахань отъ огромной турецкой и татарской рати, но источники Московскіе и польскіе ничего не знаютъ объ этомъ дѣлѣ“... „Своевольные набѣги запорожцевъ, за которые другъ султана, Баторій, сильно на нихъ сердился и хотѣлъ истребить ихъ, у Конискаго яв-

[1]) Отечественныя записки 1848, XI, 1—34. XII. 147—166. 1847. II 215—270 (ссылки—с. с. 270. 161. 165. 164. 220. 221).

ляются государственнымъ дѣломъ, предпринятымъ всѣмъ малороссійскимъ войскомъ, подъ начальствомъ гетмана, съ соизволенія короля“... Но что же разсказываетъ Конискій! замѣчаетъ Соловьевъ при сопоставленіи данныхъ о гетманѣ Косинскомъ: „у него соборъ пригласилъ гетмана (?) на совѣтъ въ Брестъ; но когда онъ туда прибылъ, то немедленно былъ схваченъ и преданъ суду, обвиненъ, какъ отступникъ, осужденъ на смерть и уморенъ голодомъ въ каменномъ столпѣ какого то монастыря“... „Чтобъ показать читателямъ, какъ обыкновенно Конискій распоряжается событіями, приведу разсказъ о происшествіи ближайшемъ и всѣмъ извѣстномъ“—дѣлаетъ отступленіе С. М. Соловьевъ въ разсказѣ о Косинскомъ и приводитъ повѣствованіе Конисскаго объ измѣнѣ Мазепы. Въ концѣ статьи Соловьевъ напоминаетъ, какъ существенное, опроверженіе указаній Конисскаго о взятіи Кодака, о битвѣ подъ Каменцемъ и побѣдѣ надъ поляками при Жванцѣ и упоминаетъ о невѣроятномъ тонѣ переписки ц. Алексѣя Михайловича.

Около того же времени такъ же рѣзко выступилъ противъ „Исторіи Руссовъ“ и авторъ статей въ „Москвитянинѣ“—Клевановъ [1]). Первая изъ нихъ—„Объ „Исторіи Руссовъ“ Георгія Конисскаго“ всецѣло посвящена разбору этого сочиненія. Передавъ въ началѣ статьи разсказъ о происхожденіи заподозрѣннаго труда, авторъ замѣчаетъ: „начало Исторіи Руссовъ до разсказа о милостяхъ, оказанныхъ казакамъ королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ,—ниже всякой критики: это безпрерывная цѣпь басней и несправедливыхъ мнѣній; такъ, напр., можно ли безъ улыбки читать, что преподоб. Несторъ и продолжатели его лѣтописи „всѣ были академики или члены того главнаго училища, которое въ Славянахъ заведено было въ городѣ Кіевѣ Кирилломъ Философомъ Греческимъ скоро по введеніи туда религіи христіанской“. Извѣстія о баснословныхъ походахъ казаковъ на

[1]) Имя названо у Максимовича, С. С., I, 523. Статьи въ Москвитянинѣ 1849-50 и 1850—3. (ссылки с. с. 56, 57, 58, 59, 71-72, 65, 74, 43, 44).

Меченосцевъ и о ихъ битвахъ съ ними суть пустыя сказки; всего забавнѣе то, что разсказывается о нихъ съ такою подробностью, какъ бы авторъ былъ ихъ свидѣтелемъ". Повѣствованіе о времени до Хмельницкаго полно ошибокъ: Конискій приводитъ мѣста изъ большею частью подложныхъ грамотъ, „сообщаетъ намъ всѣ подробности о битвахъ,... ни на чемъ не основанныя"; весьма подробно разсказывается пораженіе турецко-татарскихъ войскъ княземъ Вишневецкимъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова правды; „разсказывать подобныя нелѣпости значитъ или самому быть черезчуръ легковѣрнымъ или во зло употреблять вниманіе читателя"—таковы рѣзкіе отзывы о повѣствованіи „Исторіи Руссовъ", и болѣе мягкимъ, на ряду съ ними, является замѣчаніе: „все, что говоритъ Конискій объ Уніи, основательно; но онъ, представивъ ее единственною причиною послѣдовавшихъ волненій казацкихъ, уклонился отъ истины... Описывая войны Косинскаго, Наливайки и другихъ съ поляками, Конискій вездѣ выставляетъ ихъ побѣдителями и жертвами коварства поляковъ; на дѣлѣ было не такъ: до возстанія Хмельницкаго поляки постоянно торжествовали подъ козаками, и не удивительно: то было самое цвѣтущее время Польши, когда язвы ея внутреннихъ неустройствъ еще не приняли опаснаго характера.... Удивительно, какъ далеко простеръ свой вымыселъ Конискій! Въ его разсказѣ не только нѣтъ ни одного слова правды, но онъ явно противорѣчитъ истинѣ—замѣчаетъ авторъ статьи объ эпизодѣ смутнаго времени—сраженіи подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Затѣмъ авторъ излагаетъ общій ходъ событій, начиная съ выступленія Хмельницкаго, останавливаясь попутно на ошибкахъ Конисскаго; упомянуты здѣсь и сочиненныя выписки изъ переписки Московскихъ агентовъ и ошибка въ описаніи смерти гетмана Многогрѣшнаго. Общій выводъ критика таковъ: „вообще „Исторія Руссовъ" никакъ не можетъ быть источникомъ для историка Малой Россіи; авторъ ея слишкомъ далъ ей характеръ полемическій и потомъ допустилъ въ нее много неосновательнаго"..... „Конецъ исторіи Конискаго анекдотическій; онъ собираетъ неважные анек-

доты“... Снова затронулъ критикъ эту тему въ статьѣ своей о лѣтописи С. Величка, гдѣ подчеркиваетъ обстоятельность и достовѣрность этой лѣтописи по сравненію съ т. н. Конисскимъ: „Подробности объ этихъ первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Хмельницкаго находимъ у Величка обстоятельно описанными, а не такъ какъ у Конисскаго, который вездѣ вымышляетъ, описываетъ, напр., взятіе Кодака съ величайшими подробностями, тогда какъ онъ послѣ Желтоводской битвы безъ боя сдался казакамъ“... Интересно сопоставленіе въ трехъ столбцахъ параллельныхъ мѣстъ изъ Конисскаго, Ригельмана и Величка съ цѣлью показать, какъ измѣнилъ т. н. Конисскій текстъ универсала въ видахъ введенія мнимаго сраженія подъ Каменцемъ.

Такъ постепенно росли сомнѣнія, но имяеще оставалось; это постепенное измѣненіе въ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ можно прослѣдить и на примѣрѣ М. А. Максимовича, отъ полнаго довѣрія къ этому сочиненію перешедшаго къ отрицанію авторства Георгія Конисскаго. Изслѣдователю, внимательно изучавшему родную старину, рано пришлось столкнуться съ ошибками и искаженіями въ повѣствованіи „Исторіи Руссовъ“. Сначала [1]) онъ относится къ нимъ терпимо; „указанныя мною погрѣшности не отнимаютъ однако всего достоинства у повѣствованія Конискаго о Сагайдачномъ: подобныя обмолвки попадаются и у другихъ достойныхъ писателей“, и при этомъ указывается неточность у м. Евгенія (1843). Такія частныя ошибки повѣствованія „Исторіи Руссовъ“ искупаются иными ея солидными достоинствами: „при всѣхъ своихъ частныхъ погрѣшностяхъ, она даетъ намъ общее понятіе о характерѣ Сагайдачнаго вѣрнѣе, чѣмъ новые розыскатели малороссійской исторіи..... Взамѣнъ недостатковъ своихъ, повѣствованіе Конисскаго о Сагайдачномъ представляетъ подробное и живое описаніе первыхъ его воинскихъ подвиговъ. Подобными описаніями изобилуетъ вообще „Исторія Руссовъ“, и это составляетъ одно изъ ея отличительныхъ достоинствъ. Конис-

[1]) Максимовичъ: С. С., I. 339. 340. 523. 220. 238.

скій понималъ, какова должна быть исторія воинственныхъ казаковъ, когда съ такою подробностію передавалъ ихъ битвы. Издатель „Запорожской Старины“ Срезневскій рѣшился называть эти сказанія повѣстями. Но эти повѣсти выдумалъ не Конисскій. Ихъ писали казаки на бранномъ полѣ оружіемъ и кровью и потомъ переписывали на бумагу и хранили для памяти потомковъ. Вотъ по какимъ лѣтописямъ писалъ свои повѣсти о казацкихъ подвигахъ преосвященный Конисскій, который самъ есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ лицъ нашей исторіи. Въ его твореніи часто встрѣчается неотчетность хронологическая и нѣкоторыя частныя событія представлены невѣрно, по недостатку вѣрныхъ и точныхъ о томъ извѣстій. Но вспомнимъ, когда писалъ Конисскій“.... полная неразработанность исторіи Малороссіи и малочисленность общедоступныхъ источниковъ объясняютъ и извиняютъ ошибки и невѣрности Конисскаго. Далѣе эти ошибки не подрываютъ довѣрія къ Конисскому—„какое же право мы имѣемъ не повѣрить сказанію Конисскаго, такого доблестнаго и заслуженнаго мужа, о свойствахъ и дѣйствіяхъ современнаго ему Теплова? Не знать ихъ не могъ Конисскій; и, конечно, было то дѣйствительно, если то написалъ онъ еще при жизни Разумовскаго и Теплова, и написалъ въ огласку, въ исторіи, переданной отъ него знатоку современныхъ дѣлъ, депутату Полетикѣ“. Такимъ образомъ, Конисскаго еще считаетъ Максимовичъ авторомъ „Исторіи Руссовъ“; ошибки не важны, такъ какъ здѣсь цѣнно художественное и идейное содержаніе. „Какъ великій художникъ онъ (Пушкинъ) оцѣнилъ „Исторію Руссовъ“ съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конисскаго „великимъ живописцемъ“... „Въ исторіи Конисскаго—замѣчаетъ Максимовичъ по другому поводу—видите уже художественное одушевленіе, которое давно прошедшую жизнь иногда ставитъ живьемъ передъ очами. Къ сожалѣнію, въ этой исторіи часто недостаетъ той вѣрности и точности факта, изъ-за которыхъ мы такъ бьемся теперь, домогаясь ихъ и доискиваясь въ современныхъ памятникахъ, матеріалахъ, запискахъ, актахъ.

Но изъ-за того, конечно, важнаго недостатка ея, нельзя же отрицать ея не менѣе важнаго достоинства, — нельзя отрицать уже потому, что тѣмъ же, можно сказать, поэтическимъ безпечьемъ и небрежьемъ о прозаической, мелочной точности факта болѣе или менѣе страждутъ всѣ писанія о Малороссіи... Мы уже видимъ въ ней (въ Исторіи Руссовъ) недостатокъ точности и вѣрности въ изображеніи очень многихъ подробностей, хотя—съ другой стороны—она также, какъ народная историческая дума, полна животворнаго художественнаго одушевленія и чуткаго вѣрнаго разумѣнія о сущности событій и значеніи лицъ, а во многихъ случаяхъ она остается и единственнымъ источникомъ свѣдѣнія историческаго“...

Конечно, отдѣльныя неясности и невѣрности еще можно было извинять, но когда такихъ ошибокъ оказалось достаточно, то это обстоятельство не могло не набросить тѣни [1]) и на самое авторство Конисскаго. „Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ Западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣтельствуютъ намъ его книга „Prawa i wolnosci“, изданная 1767 г. въ Варшавѣ, и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ „Чтеніяхъ“. Да и могъ ли Конисскій безъ историко-фактическаго запаса вступить на то поприще, на которомъ онъ подвизался съ такою славою! Его историческое познаніе неизбѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ „Исторіи Руссовъ“ совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто по-наслышкѣ и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Конисскаго, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депутату По-

[1]) Максимовичъ: С. С., 1. 305. Ar. II. 190; Ш. 741.

летикѣ на то важное дѣло, на которое она требовалась, и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица... Сомнительнымъ кажется мнѣ и то, чтобы Г. А. Полетика, человѣкъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями, въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть имъ неисправную со стороны фактической „Исторію Руссовъ“ и придерживаться ея въ своихъ дѣловыхъ справкахъ и писаніяхъ.... Надо бы дознаться объ извѣстности „Исторіи Руссовъ“ депутату Полетикѣ и его сношеніяхъ съ Конисскимъ...

„Мнѣ [1]) сдается, что „Исторія Руссовъ“ сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими именитостями, дабы сказать въ предисловіи, что прошедшая черезъ эти „отличные умы „Исторія“ кажется быть достовѣрною“..... Однако „даровитому историку, укрывшемуся подъ славнымъ именемъ Георгія Конисскаго“, приходится поставить въ вину некритичность его исторической схемы, и „въ этой знаменитой „Исторіи,“ весьма замѣчательной со стороны художественной, малороссійская казаччина XVI и XVII вв. представлена съ тою же поэтически своевольною перестройкою исторической дѣйствительности, съ какою и Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ“ и Шевченко въ своихъ „Гайдамакахъ“ изображали избранныя ими эпохи. О дознаніи и соблюденіи вѣрнаго историческаго *факта* у всѣхъ троихъ не было и заботы!...“ По поводу этихъ критическихъ замѣчаній Максимовичъ [2]) писалъ Бодянскому: „я полагаю, вы уже пожурили меня за „Исторію Руссовъ“ *не Конисскаго*. Желалъ я подвинуть почитателей ея на розыскъ первыхъ списковъ ея и отысканіе подлинника“. Однако, эти надежды не привели пока къ результату. „Нельзя ли, пишетъ онъ позднѣе тому же Бодянскому, дознаться, гдѣ тотъ экземпляръ „Исторіи Руссовъ“, который въ двадцатыхъ годахъ

---

[1]) Максимовичъ: С. С., 1. 306. III. 741. I. 301—302.

[2]) Письмо къ Бодянскому: Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1887, I, с. 170 (1865 г.) и с. 177 (1870).

полученъ былъ Бантышемъ отъ Степана Ширяя и съ котораго началась извѣстность въ книжномъ мірѣ этой замѣчательной „Исторіи“. Мои бесѣды съ Судіенкомъ и покушенія проникнуть въ переписку Лубенскаго депутата Полетики не послужили дѣлу и вопросу; а чрезвычайно мнѣ интересно было бы узнать имя многоталантливаго *анонима*, сложившаго эту фактически не вѣрную, но высокохудожественную подмалевку исторіи Малороссіи. А что она написана не Георгіемъ Конисскимъ, а другимъ лицомъ, чуть ли не въ первой четверти XIX в. еще живымъ,—о томъ я такъ убѣжденъ, что и противъ вашихъ возраженій готовъ выдержать диспутъ“...

Максимовичъ не возвращался болѣе къ этой темѣ, и дать болѣе полный исчерпывающій разборъ „Исторіи Руссовъ“ ему не пришлось, какъ не пришлось исполнить подобное намѣреніе и Костомарову [1]). Не восполнила такого пробѣла и рѣзкая критика Г. Карпова, хотя онъ и сосредоточивалъ свое вниманіе на выясненіи ошибокъ и промаховъ „Исторіи Руссовъ“ [2]). Такимъ образомъ, это сочиненіе и доселѣ ожидаетъ критическаго обзора, какой выяснилъ бы основныя черты міросозерцанія автора „Исторіи Руссовъ“ и указалъ бы, что̀ авторъ нашелъ уже сложившимся и готовымъ, и что̀ внесъ самъ изъ взглядовъ и тенденцій своего времени и своего круга [3])“.

IV.

Позднѣе критическая мысль по отношенію къ „Исторіи Руссовъ“ пошла инымъ путемъ: оставляя пока въ сто-

[1]) „Мы не станемъ приводить подробностей, передаваемыхъ Конисскимъ, надѣясь въ скоромъ времени представить доказательства, почему историческая критика не дозволяетъ пользоваться этимъ авторомъ“... (Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею, „Отечественныя записки“ 1856, IX, с. 211).

[2]) Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, с. с. 41—121.

[3]) Указаніе нѣкоторыхъ чертъ міросозерцанія автора „Исторіи Руссовъ“—см. въ статьѣ К. В. въ газетѣ „Порядокъ“ 1881, 128.

ронѣ изученіе самаго сочиненія въ связи съ эпохою, остановились надъ выясненіемъ личности неизвѣстнаго автора. Кто бъ онъ былъ? Уже Максимовичъ намѣчалъ путь къ такому разслѣдованію—изученіе переписки депутата Полетики; впослѣдствіи, кажется, онъ измѣнилъ свое мнѣніе и полагалъ, что эта „Исторія“ вышла изъ круговъ, близкихъ къ Н. Г. Репнину, военному губернатору Малороссіи [1]). Послѣ того Костомаровъ, отмѣчая [2]) черты аристократическаго міросозерцанія, „барскихъ замашекъ“ автора „Исторіи Руссовъ“, замѣтилъ: „Пушкинъ понялъ и справедливо угадалъ, что она (Исторія Руссовъ) написана дворяниномъ: дѣйствительно, эта исторія составлена какимъ-то изъ новоиспеченныхъ Екатериною II малороссійскихъ дворянъ, усвоившимъ себѣ великорусскіе барскіе взгляды и примѣнившимъ ихъ произвольно къ старинѣ своей родины“. Возражая на это, К. В. [3]) исправляетъ неточность Костомарова относительно барскихъ взглядовъ автора „Исторіи Руссовъ“, но дальше этого не идетъ. Изученіе фамильныхъ бумагъ намѣтило другой путь. Разбирая остатки Полетикинскаго семейнаго архива, А. М. Лазаревскій нашелъ въ одномъ письмѣ В. Г. Полетики къ гр. Н. П. Румянцеву намеки на занятія родною исторіею отца его, депутата, и его самого, „начертаніе которой (малороссійской исторіи) было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ“, пишетъ Полетика-сынъ въ этомъ письмѣ. Основываясь на этомъ указаніи, А. М. Лазаревскій пришелъ къ мысли, что отецъ началъ писать исторію Малороссіи, а сынъ продолжалъ начатую отцомъ работу, и этотъ трудъ именно и есть „Исторія Руссовъ“. Въ связи съ этимъ авторствомъ объясняется, быть можетъ, и „ошибка“, допущенная авторомъ „Исторіи Рус-

[1]) А. Н. Пыпинъ и В Д. Спасовичъ: Исторія славянскихъ литературъ, I, 366.

[2]) Ст. „Изъ поѣздки въ Батуринъ“, Порядокъ 1881, 97.

[3]) Ст. „Въ защиту неизвѣстнаго покойника - автора „Исторіи Руссовъ“, Порядокъ, 1881, 128.

совъ“ въ описаніи судьбы гетмана Многогрѣшнаго [1]). Это мнѣніе Лазаревскаго о происхожденіи автора „Исторіи Руссовъ“ изъ Полетикинской семьи видоизмѣнилъ нѣсколько В. П. Горленко [2]): оставаясь въ кругу семьи Полетикъ, онъ передвигаетъ центръ тяжести къ Полетикѣ-сыну, приписывая ему одному авторство. Доказательство—намеки въ перепискѣ Полетики-сына съ А. И. Чепой и сходство содержанія и мѣстами даже выраженій у „Исторіи Руссовъ“ съ запискою Полетики-сына о „началѣ, происхожденіи и достоинствѣ малороссійскаго дворянства“. Относительно времени составленія исторіи г. Горленко сдѣлалъ неясный намекъ, что „Исторія Руссовъ“, писанная при иномъ режимѣ, кончена, надо думать въ половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX в., когда появленіе ея, особенно послѣ 1825 года, было уже невозможно, и самое сочиненіе требовало авторской тайны“... „Нельзя допустить, замѣчаетъ г. Горленко о Полетикѣ сынѣ, чтобъ онъ скрылъ трудъ отца и воспользовался имъ для обработки“, и присоединяетъ къ этому характеристику облика В. Г. Полетики по сохранившемуся фамильному портрету.

Разбирая мнѣніе В. П. Горленка, Л. Майковъ [3]) не нашелъ возможнымъ всецѣло примкнуть къ нему: „по сущности своей, поправка г. Горленка не заключаетъ въ себѣ ничего особенно важнаго“; принимая слова письма выходитъ, что Полетика-отецъ началъ, а сынъ продолжаетъ отцовскую работу. „Можно даже сказать, что поправка г. Горленка какъ бы нарушаетъ то представленіе о единомысліи отца и сына, какое получается изъ писемъ послѣдняго; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что относительно національныхъ симпатій и сословныхъ преимуществъ чувства и мысли обоихъ

[1]) Кіевская Старина 1891. IV: „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“. Ср. у В. С. Иконникова: Опытъ р. истор., I., с. 1230.

[2]) „Изъ исторіи южнорусскаго общества начала XIX в.“: Кіевская Старина 1893. I; переиздано въ книгѣ: Южнорусскіе очерки и портреты“, Кіевъ 1898. стр. 17—74.

[3]) „Къ вопросу объ „Исторіи Руссовъ“, Журналъ Мин. Народн. Просв. 1893. V; переиздано въ книгѣ „Историко-литературные очерки“ (Спб. 1895), с. с. 273—291.

Полетикъ были одинаковы, и, слѣдовательно, В. Г. нетрудно было вести дѣло, начатое Г. А., въ одномъ съ нимъ духѣ"... В. Г. Полетикѣ принадлежитъ, главнымъ образомъ, литературная отдѣлка сочиненія"... Относительно времени распространенія „Исторіи Руссовъ" Л. Н. Майковъ замѣчаетъ: „если не сочинить, то пустить въ ходъ историко-политическій памфлетъ въ шляхетскомъ духѣ казалось полезнымъ именно въ то время, когда въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ разсматривался вопросъ объ утвержденіи малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ въ дворянствѣ"...

Въ иной связи мыслей подошелъ къ той же хронологической датѣ для „Исторіи Руссовъ" и М. П. Драгомановъ [1]). По его мнѣнію, „Исторія Руссовъ", первое въ XIX в. выраженіе автономическаго міросозерцанія и политическаго національнзма, написана въ семьѣ Полетикинской около 1810 года въ связи съ тогдашними конституціонными тенденціями. Такимъ образомъ Драгомановъ по-своему ставитъ вопросъ о руководящихъ тенденціяхъ автора „Исторіи Руссовъ", и дѣло остается до сихъ поръ не разрѣшеннымъ. Окончательно удастся выяснить этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, лишь при параллельномъ изученіи фамильныхъ бумагъ украинской интеллигенціи начала XIX в. и внимательномъ анализѣ самаго сочиненія съ точки зрѣнія основныхъ его взглядовъ на минувшія судьбы родины.

А. Грушевскій.

---

[1]) Чудацькі думки, с. 233. Листи .. с. 11.

Судьба грамоты кн. Романа Галицкаго.

Послѣ козацкихъ войнъ во 2-й половинѣ XVII в. и послѣ окончательнаго присоединенія Правобережной Малороссіи къ Польшѣ, имѣнія Кіево-Печерской лавры и Кіевской митрополіи, находившіяся на правомъ берегу Днѣпра, перешли во владѣніе уніатскихъ митрополитовъ; но документы на эти имѣнія въ большей части остались въ рукахъ Русскаго правительства и хранились въ архивѣ Кіев. губернскаго магистрата, и лишь въ меньшей остались въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ. Эти послѣдніе часто нуждались въ копіяхъ документовъ, хранившихся въ Кіевѣ, для доказательства своихъ правъ, и потому обращались къ мѣстнымъ властямъ съ просьбами о выдачахъ такихъ копій. Русское правительство, боясь какихъ-либо претензій со стороны поляковъ, издало секретное распоряженіе [1]) объ осмотрительной выдачѣ копій, а въ случаѣ опасеній рекомендовало совсѣмъ отказывать просителямъ подъ благовиднымъ предлогомъ. На этой почвѣ нерѣдко возникали кажущіяся

[1]) Именно, указъ Государств. Коллегіи Иностр. Дѣлъ, отъ 10 октября 1745 г.; рѣчь объ этомъ указѣ будетъ ниже.

теперь уже комичными недоразумѣнія; на этой же почвѣ создалась и судьба грамоты князя Романа Галицкаго.

Еще до выдачи копіи этой грамоты, въ мартѣ 1766 г. уніатскій митрополитъ Фелиціанъ Володковичъ обратился съ весьма любезнымъ письмомъ къ Кіевскому оберъ-коменданту генералъ-маіору Ельчанинову и просилъ въ немъ послѣдняго выдать копіи документовъ, подтверждающихъ права уніатскихъ митрополитовъ на имѣнія, принадлежащія Кіевскимъ митрополитамъ и находившіяся на правой сторонѣ Днѣпра, такъ какъ эти имѣнія назначены на содержаніе митрополитовъ. Подачу письма оберъ-коменданту и отысканіе документовъ въ актовыхъ книгахъ магистрата митрополитъ поручилъ Каневскому протопопу Ивану Визирскому. Ельчаниновъ отправилъ письмо Володковича въ Кіевскую губернскую канцелярію на разрѣшеніе и постановленіе; постановленіемъ отъ 20 марта 1766 г. канцелярія опредѣлила, что копіи документовъ могутъ быть выданы уніатскому митрополиту лишь въ томъ случаѣ, если упоминаемыя въ нихъ имѣнія находятся вдали отъ границы Россіи съ Польшей; въ противномъ случаѣ, копіи не могли быть выдаваемы въ виду существованія указа Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 10 октября 1745 г., которымъ предписывалось „по прошенію польскихъ шляхтичей изъ имѣющихся въ Кіевскомъ магистратѣ книгъ давать выписи только на отдаленныя ихъ отъ Ея Императорскаго Величества границъ маетности, а на ближнія и наипаче на смежныя съ Ея Императорскаго Величества землями отнюдь не давать для того, что у Ея Императорскаго Величества съ Полшею государственной границы еще не учинено, и въ дачѣ таковыхъ выписей поступать осмотрительно, а самихъ челобитчиковъ въ архивъ не пускать и выписей прежде Кіевской губернской канцеляріи разсмотрѣнія не показывать“. Поэтому канцелярія предписала документы митрополита Володковича въ архивѣ Кіевскаго магистрата пріискать, и если документы касаются земель, близкихъ къ границѣ, то, „пристойнымъ образомъ, оному присланному протопопу объявить, что на тѣ вотчины

никакихъ документовъ вовся не сыскано". Въ случаѣ же, если документы касаются отдаленныхъ имѣній, то выписи изготовить и прислать на разсмотрѣніе въ Кіевскую губернскую канцелярію за подписью членовъ магистрата.

Протопопъ Визирскій представилъ при письмѣ перечень необходимыхъ митрополиту документовъ; всѣхъ документовъ требовалось 27, и всѣ они касались имѣній, прилежащихъ къ Кіеву: Дымера, Козаровичъ, Бородянки, Загалецъ, Макарова, Ольшанки и многихъ другихъ. Въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній, были-ли эти документы выданы митрополиту Володковичу. Можно, однако, думать, что эти документы не выдавались Володкевичу и оберъ-комендантъ, „поступая осмотрительно", вѣроятно, въ виду близости къ границѣ тѣхъ имѣній, которыя упоминались въ документахъ, отвѣтилъ Визирскому „пристойнымъ образомъ", что требуемыхъ документовъ „вовся не сыскано". Отъ письма оберъ-коменданта сохранилась только черновка конверта: „Преосвященнѣйшему Фелиціану Володковичу, архіепископу митрополиту Владимірскому и Бржескому, моему сосѣдственному пріятелю". Кстати, не лишне будетъ замѣтить, что Кіевскій оберъ-комендантъ избѣгаетъ титуловать Володковича такъ, какъ тотъ самъ себя титуловалъ, т. е. митрополитомъ „всея Руссіи".

Мы остановились подробно на этой первой выдачѣ копій документовъ уніатскому митрополиту, чтобы понятнѣе и яснѣе были условія выдачи копій вообще правобережнымъ обывателямъ, польскимъ шляхтичамъ.

Черезъ годъ митрополитъ Володковичъ дѣлаетъ новую попытку полученія копіи еще одного документа, именно, грамоты князя Романа Галицкаго, данной имъ Кіево-Печерской лаврѣ на земли подъ Кіевомъ; съ этой цѣлью митрополитъ обращается уже не къ оберъ-коменданту, а прямо къ Кіевскому генералъ-губернатору генералъ-аншефу Ѳедору Матвѣевичу Воейкову съ письмомъ, отъ 15 сентября 1767 г., въ которомъ указываетъ, что грамота князя Романа Галицкаго хранится въ Кіево-Печерской лаврѣ, и проситъ, чтобы ему была выдана копія этой грамоты за печатью и подписями

членовъ Кіевскаго городового магистрата [1]). Далѣе, митрополитъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ (т. е. до 1767 г.) ему уже была лаврой выдана неоффиціальная копія грамоты кн. Романа и обѣщана выдача оффиціальной. Имѣя въ виду прежній отказъ, о которомъ мы говорили вначалѣ, митрополитъ Володковичъ напоминаетъ, что онъ, въ свою очередь, выдалъ нѣсколько документовъ Кіево-Печерской лаврѣ, напр., документы о границахъ мм. Обухова, Триполья, с. Безрадичъ и друг.; затѣмъ, митрополитъ, зная, вѣроятно, объ указѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 10 октября 1745 г., содержаніе котораго мы только что передали, убѣждаетъ генералъ-губернатора не препятствовать выдачѣ копіи грамоты, такъ какъ поводовъ къ спору объ имѣніяхъ быть не можетъ, потому что „трактатами все уже то успокоено"; наконецъ, митрополитъ объясняетъ и цѣль, для которой ему нужна грамота, именно: „своимъ противникамъ отпоръ дать", въ какой-то „будущей коммиссіи", и выражаетъ готовность эту оффиціальную копію грамоты „чрезъ короткое время возвратить", „подъ честнымъ паролемъ".

Исполняя просьбу митрополита Володковича, генералъ-губернаторъ Воейковъ потребовалъ письмомъ къ архимандриту лавры Зосимѣ (Валькевичу) выдачи копіи грамоты князя Романа Галицкаго. Архимандритъ выдалъ полную и точную копію грамоты, записанной въ книгѣ крѣпостныхъ актовъ лавры; эту грамоту мы и приводимъ здѣсь слово въ слово, такъ какъ она неизвѣстна была до сихъ поръ во всей своей полнотѣ:

---

[1]) Не понятно, почему митрополитъ Володковичъ настаиваетъ на томъ, чтобы копія грамоты была засвидѣтельствована непремѣнно магистратомъ, когда подлинникъ, копія котораго выдавалась, хранился въ лаврѣ и только лаврская администрація могла и должна была дать засвидѣтельствованіе. Генералъ-губернаторъ предписываетъ, однако, магистрату сдѣлать засвидѣтельствованіе грамоты, вѣроятно, изъ желанія удовлетворить просьбу митрополита.

„Се азъ, князь Романъ Галицкій, Кіевскій, Владимірскій, Луцкій и иныхъ земель русскихъ обладатель з женою моею княгинею Анастасіею надали есмо к Пресвятой Бдци монастырю Печерскому по своих душах и родителей наших землю Забудецкую с людми и с пошлинами, на [1]) древнихъ Рубѣжах четырех человѣковъ, на Митищах при Ирпени шести человѣка, за млинами на Беркове, при рѣчце Любце, два человѣка, а на Сирцу два млинки съ мелниками и со всѣми приходами, какъ впредь тимъ до тѣх земель прислушало; а тѣмъ людемъ знати архимандрита Печерскаго и по немъ будучихъ; а не надобе намъ, ни дѣтемъ нашимъ, в тое надан'е вступатца; а хто бы хотѣл тое наданье отъ церкви Божіей отдалити, таковій разсудится с нами пред милосерднимъ Богомъ, а Пречистая сама себя оборонитъ. А на то послухи: князь Ѳедоръ Ростовскій, да митрополитъ Галицкій Галактіонъ, да дяки наши Ванко и Гарасимъ; а на твердость того печать мою къ сему листу приложилемъ. Писася въ Галичю, в лѣто 6748-ое" [2]).

При этомъ изъ дѣла выясняется, что митрополитъ Володковичъ, прежде чѣмъ обратиться за копіей грамоты къ генералъ-губернатору, обращался къ архимандриту лавры, а этотъ послѣдній тогда же (это было 17 апрѣля 1767 г.) со-

---

[1]) Въ разрядку набраны слова, вычеркнутыя изъ копіи Кіевск. губерн. канцеляріей.

[2]) т. е. въ 1240 году.

общилъ о просьбѣ Володковича генералъ-губернатору, который, отвѣчая ему, архимандриту, 24-го апрѣля того же года, совѣтовалъ совсѣмъ отказать въ копіи уніатскому митрополиту, ссылаясь на то, что въ одинъ изъ бывшихъ въ Кіевѣ большихъ пожаровъ грамота кн. Романа Галицкаго сгорѣла, а въ гродскихъ и земскихъ книгахъ, хранящихся въ магистратѣ, она не найдена. Но исполнить этотъ совѣтъ для лавры было неудобно, такъ какъ она за нѣсколько лѣтъ до того выдала уже, какъ мы знаемъ, Володковичу неоффиціальную копію.

Тогда Кіевская губернская канцелярія, принимая во вниманіе указъ Государств. Коллегіи Иностран. Дѣлъ 10 октября 1745 г., наводитъ въ магистратѣ справки, далеко-ли отъ русской границы лежатъ земли, упоминаемыя въ княжеской грамотѣ. Магистратъ разыскалъ одного мѣстнаго старожила, который „скаскою показалъ“, что Забудецкая земля находилась на урочищѣ Забудечѣ по р. Тетереву; на этомъ урочищѣ впослѣдствіи возникло село Колѣнцы, существующее и до сихъ поръ въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Остальныя земли или находятся въ предѣлахъ русскихъ границъ, или же въ близкомъ отъ нихъ разстояніи, какъ, напр., Рубежи, Митища, Берковецъ, Сырецъ. Относительно „древнихъ Рубежей“ на оборотѣ одного листа есть такая неоффиціальная приписка: „На добрах Рубезах человек чотири; на тих Рубезах село Унинъ надъ рекою Тетеру сидит; рубез Унином зоветса“. Дававшимъ такія историко-географическія справки мѣстнымъ старожиломъ оказался „кіевскій житель Михаилъ Сазоновъ“.

Получивъ необходимыя свѣдѣнія, Кіевская губерн. канцелярія вычеркнула изъ грамоты кн. Романа всѣ названія мѣстностей, прилежащихъ къ Кіеву, оставивъ одно названіе Забудецкой земли, и въ такомъ сокращенномъ видѣ послала копію грамоты кн. Романа въ Кіевскій магистратъ съ ордеромъ засвидѣтельствовать грамоту въ такомъ видѣ и отправить ее митрополиту Володковичу. Магистратъ исполнилъ ордеръ канцеляріи. Митрополитъ прислалъ, однако, протестъ противъ выдачи ему неполной копіи и указалъ на несходство маги-

стратской копіи съ копіей, выданной ему раньше лаврой. Долго его протестъ оставался безъ отвѣта (по крайней мѣрѣ, въ сохранившемся дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ переписки), и только черезъ десять лѣтъ, 20 мая 1778 г., „управляющій пограничными дѣлами надворный совѣтникъ Иванъ Корбе" объяснилъ въ своемъ письмѣ митрополиту сокращеніе тѣмъ, что Рубежи и другія названія мѣстностей, упоминаемыхъ въ грамотѣ, по незнанію, гдѣ онн находятся, „почтены были, купно съ прочими въ помянутой крѣпости написанными, внутри россійскихъ границъ состоящими мѣстами". Вѣроятно, Кіевская губернская канцелярія согласилась потомъ признать Рубежи селомъ Унинымъ и потому поручила Корбе дать митрополиту отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, а равно приказала выдать изъ магистрата вторую копію, съ упоминаніемъ въ ней о древнихъ Рубежахъ, что и было опять сдѣлано магистратомъ въ 1778 году. Эта вторая копія, не сохранившаяся въ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ большія искаженія и нѣкоторыя подробности; такъ, напр., кн. Романъ названъ „удобнымъ", вм. „удѣльнымъ", а выраженіе: „древніе Рубежи", измѣнено въ „деревню Рубежи, нынѣ называемую село Инынъ"; конечно, это „Инынъ"—искаженіе названія села Унина. Выдача второй выписи отнесена одними издателями къ 7-му марта 1768 г., а другими къ 1778 г. Въ указанномъ обрѣзанномъ видѣ грамота кн. Романа хранилась въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, а оттуда поступила на храненіе въ Синодальный архивъ (въ Спб.).

Какъ выдающійся по своей древности документъ, грамота рано обратила на себя вниманіе историковъ и была напечатана четыре раза, хотя всѣми признавалась подложной:

1) Раньше другихъ она внесена А. Востоковымъ въ его извѣстное „Описаніе Рукописей Румянцевскаго Музеума" (стр. 114, № LXIX) по присланной въ Музей копіи съ датой 1778 г.

2) Д-мъ Антоніемъ Петрушевичемъ она напечатана затѣмъ во 2-мъ выпускѣ „Галицкаго Историческ. Сборника, изданнаго Обществомъ Галицко-Русской Матицы" въ 1854 г. во Львовѣ. Она заимствована о. Петрушевичемъ изъ Львовскаго греческаго каѳедральнаго митрополитанскаго архива, куда записана ла-

тинскими буквами въ 1807 г.; предварительно издатель сличилъ ее съ копіей, хранящейся въ Румянцев. Музеѣ, въ Москвѣ (см. Примѣч. 1-е въ „Гал. Истор. Сборн.“, стр. 94). Если судить по датѣ выдачи копіи, то это оказывается первой копіей грамоты кн. Романа, засвидѣтельствованной Кіевскимъ магистратомъ 7-го марта 1768 г.; между тѣмъ здѣсь упоминаются „четыре человѣка на древнихъ Рубежахъ“; это упоминаніе о древнихъ Рубежахъ, какъ мы знаемъ, въ 1768 году было вычеркнуто Кіевской губерн. канцеляріей и появляется только во второй копіи 1778 г. Вѣроятнѣе, что о. Антоніемъ Петрушевичемъ ошибочно поставленъ 1768 г. вмѣсто 1778 г.

3) Потомъ эта грамота была помѣщена г. К. Говорскимъ въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“, въ майской книжкѣ 1865 г.; здѣсь издатель помѣстилъ копію, посвидѣтельствованную магистратомъ въ 1778 году, и, наконецъ,

4) Эта грамота была приложена г. Н. Закревскимъ къ его „Описанію Кіева“ (см. Приложенія къ этому „Описанію“) въ такомъ же сокращенномъ видѣ и также въ копіи 1778 г.

Такова судьба грамоты предъ ея появленіемъ въ печати. Но какова была судьба грамоты при ея выдачѣ и дальнѣйшемъ существованіи—мы не имѣемъ данныхъ судить объ этомъ, хотя, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что судьба ея была печальна и перемѣнчива, и грамота подверглась большимъ искаженіямъ.

Фактъ выдачи кн. Романомъ Галицкимъ грамоты Кіево-Печерской лаврѣ, мы думаемъ, можетъ быть, допущенъ; но онъ долженъ былъ имѣть мѣсто не въ 1240 году, какъ датирована копія („в лѣто 6748-е“), потому что кн. Романъ Мстиславичъ былъ убитъ во время похода на Польшу въ 1205 г., а въ то время, когда Кіевъ былъ занятъ этимъ княземъ, т. е. въ 1202 году. Въ 1203 году грамота могла уже погибнуть во время тяжкаго разоренія Кіева кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ, соединившимся съ Ольговичами и всей Половецкой землей, хотя, конечно, она могла погибнуть и во время татарскаго нашествія на Кіевъ въ 1240 г. и въ слѣдовавшія

за этимъ нападенія. Но что грамота была дана, это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что Кіево-Печерская лавра всегда считала кн. Романа своимъ благодѣтелемъ и чтила его память: имя его мы находимъ въ древнѣйшемъ лаврскомъ помянникѣ, напечатанномъ проф. С. Т. Голубевымъ въ 6-й книгѣ „Чтеній“ Общества Нестора, а изображеніе кн. Романа находилось на стѣнахъ Великой церкви лавры, упоминаніе о чемъ занесено въ описаніе лаврской стѣнописи, описаніе, сдѣланное также въ очень отдаленное время (въ концѣ XV или началѣ XVI в.). Непонятными являются имена послуховъ: князя Ѳеодора Ростовскаго и Галицкаго митрополита Галактіона. Искаженіе это или выдумка—трудно рѣшить: Ростовскіе князья съ именемъ Ѳеодора встрѣчаются только съ половины XIV в. и въ началѣ XV-го, а Галицкихъ митрополитовъ въ XIII в. и вовсе не существовало.

Въ виду этого, мы думаемъ, что грамота, дѣйствительно данная лаврѣ кн. Романомъ Галицкимъ, но вскорѣ погибшая во время разореній монастыря или во время пожаровъ, впослѣдствіи когда-то и кѣмъ-то была возстановлена по памяти, какъ возстановленъ былъ по памяти древнѣйшій синодикъ Кіево-Печерской лавры, пострадавшій во время нашествія Менгли-Гирея въ 1480 году.

Подлогъ грамоты трудно допустить, потому что фальсификаторы, остерегаясь обличенія, воспользовались бы именемъ такого князя, пребываніе котораго въ Кіевѣ не возбуждало ничьихъ сомнѣній; при обнаруженномъ своемъ полномъ невѣжествѣ въ исторіи, они легко могли не знать, что кн. Романъ Галицкій хотя короткое время владѣлъ Кіевомъ, какъ не знали они времени его смерти и того важнаго событія, которое имѣло роковое значеніе для Кіева въ 1240 г.—нашествія Батыя и разоренія имъ города; можно поэтому думать, что упорное присвоеніе грамоты кн. Роману явилось слѣдствіемъ полной увѣренности, что грамота была дана имъ; затѣмъ, фальсификаторы выбрали бы въ послухи имена такихъ историческихъ дѣятелей, существованіе и титулы которыхъ были болѣе или менѣе общеизвѣстны. Удивительна

также дата 1240 года; стоило лишь фальсификатору навести справки о годѣ смерти кн. Романа, и подозрѣніе въ подлинности было бы устранено (а фальсификаторы въ этомъ отношеніи весьма осторожны); по вышеизложеному можно судить, что и возстановитель текста грамоты и его современники были не только весьма мало свѣдущи въ исторіи, но и слишкомъ довѣрчивы, если не обратили вниманія на всѣ эти несообразности, какъ не обратили на нихъ позже вниманія и Кіевскія власти 1768—78 гг. и Кіевское образованное духовенство; заинтересованныя въ грамотѣ лица заботились о томъ лишь, чтобы не сдѣлана была ошибка въ имени жертвователя да въ названіяхъ жертвуемыхъ земель, названіяхъ, большая часть которыхъ теперь уже забыта и исчезла, какъ, напр., Забудече, древніе Рубежи (если это не современная Рубежовка), Митища (если это не современныя Мостища) и р. Любка. Скорѣе всего, повторяемъ еще разъ, что приведенный нами выше текстъ грамоты есть искаженная невѣжественными возстановителями и переписчиками копія подлинника, не дошедшаго до насъ по вышеуказаннымъ причинамъ [1]).

И. Каманинъ.

---

[1]) Изложенныя здѣсь данныя заимствованы нами изъ дѣла, хранящагося въ Центральномъ Архивѣ при Университетѣ подъ заглавіемъ: „Письмо полского митрополита Володковича, которим просит о выдачѣ ему изъ Киевского магистрата с выписи копіи на данную от удѣлного князя Романа Галицкого,—1767 году“.

О путешествіи изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году Франа Гундулича.

Въ извѣстной книгѣ Аделунга: Kritisch—literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700 (t. II, p. 327) сообщалось, что Аллегретто де Аллегретти и Іоганнъ Теодоръ фонъ Лорбахъ [1]) въ качествѣ австрійскихъ пословъ императора Фердинанда III-го представили своему правительству три донесенія о своемъ пребываніи въ Россіи въ 1655—1657 годахъ. Первое изъ донесеній, отъ 15 ноября 1655 года, было на нѣмецкомъ языкѣ; второе, отъ 18-го января 1656 года,—на латинскомъ, а третье, отъ 28 февраля 1657 года,—на итальянскомъ. Эти донесенія изъ Москвы, по словамъ Аделунга, хранились въ императорско-королевскомъ Вѣнскомъ архивѣ, но напечатаны не были, какъ мнѣ извѣстно изъ дальнѣйшихъ историко-библіографическихъ указаній, по крайней мѣрѣ до 1889 года.

Изданіе упомянутыхъ донесеній было бы весьма важно для исправленія и объясненія историческихъ данныхъ о

[1]) Въ донесеніи на нѣмецкомъ языкѣ находимъ: Joh. Dietrich von Lorbach; въ „записи“ польскихъ пословъ 1656 г. читаемъ: Jan Theodor à Lorbach.

томъ времени и его дѣятеляхъ, которымъ посвященъ весь объемистый третій томъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ (1854 г.). Въ этомъ томѣ, въ зависимости, конечно, отъ оригинала, иноземные географическіе пункты и собственныя имена иностранцевъ всюду являются „не въ своемъ видѣ“. Одинъ и тотъ же дѣятель нерѣдко упоминается подъ *многоразличными* именами и можетъ смущать современнаго изслѣдователя русской исторіи половины XVII вѣка. Эти важные документы нуждаются въ комментированіи на каждой страницѣ. Правда, нельзя предполагать безукоризненно правильными наименованія мѣстъ и лицъ и въ иностранныхъ донесеніяхъ; но единственно сопоставленіе русскихъ и иностранныхъ дипломатическихъ документовъ можетъ вывести читателя на прямой путь. Переписчики подобныхъ документовъ, конечно, болѣе самихъ писавшихъ виновны въ подавляющемъ количествѣ ошибокъ и описокъ, какъ можетъ засвидѣтельствовать и предлагаемый здѣсь, неизвѣстный Аделунгу, разсказъ о поѣздкѣ въ Россію.

Въ Дубровницкомъ альманахѣ 1868 года, называющемся: Dubrovnik, Zabavnik narodne stionice Dubrovacke za godinu 1868, помѣщено (стр. 57—88) на хорватскомъ языкѣ „Putovanje iz Beča u Moskov godine 1655,“ т. е. Путешествіе изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году, сообщающее о томъ же, что, безъ сомнѣнія, предлагали и оффиціальныя донесенія Аллегретича и Лорбаха, но и матеріалъ и тонъ разсказа носитъ уже не столько оффиціальный, сколько литературный характеръ. Авторъ, участвовавшій въ посольствѣ, разсказываетъ о поѣздкѣ изъ Вѣны чрезъ Моравію, Чехію, нѣмецкія земли и Балтику до Ревеля и чрезъ Ямбургъ и Новгородъ въ Москву и упоминаетъ о многомъ, замѣченномъ имъ на пути; о лицахъ, съ которыми довелось ему видѣться, о городахъ, въ которыхъ приходилось сидѣть безъ толку, по

разнымъ обстоятельствамъ, и затѣмъ о ходѣ дипломатическихъ дѣлъ Руси. Благодаря тому, что это путешествіе дошло до насъ, по мнѣнію издателя, въ рукописи уже первой половины XVIII вѣка, оно полно описокъ и ошибокъ въ родѣ русскихъ дипломатическихъ документовъ XVII вѣка, но отличается своимъ связнымъ литературнымъ изложеніемъ, вводящимъ современнаго читателя въ эпоху быстраго роста политической системы русскаго государства, и даетъ краткія, но живыя замѣтки о личности „тишайшаго царя“ и его пособниковъ.

Разумѣется, прежде всего слѣдовало бы рѣшить вопросъ о самой личности автора „Путешествія“; но и этотъ вопросъ рѣшается предположительно. Издатель „Путешествія“ г. Петаръ Франасовичъ сообщаетъ (въ 1867 г.) слѣдующее: „нѣсколько времени тому назадъ г. Балдо Басельи Гоцце, дубровницкій дворянинъ, любезно вручилъ мнѣ нѣкоторыя рукописи своей библіотеки. Въ числѣ ихъ мнѣ попалась одна, показавшаяся довольно интересной и заслуживающей перевода на нашъ (т. е. хорватскій) языкъ, подъ названіемъ „Путешествіе госп. Гундулича (автора этого сочиненія) вмѣстѣ съ австрійскими уполномоченными—Алегретомъ Алегретичемъ и Теодоромъ фонъ (de) Леопахомъ, со свитою изъ 24 лицъ, изъ Вѣны въ Москву, въ 1655 году“. А подъ чертою издатель замѣчаетъ: „въ рукописи нѣтъ имени Гундулича, автора этого путешествія“. Но, по всѣмъ соображеніямъ, это былъ Франо, старшій сынъ далматскаго великаго поэта Ивана Гундулича, пѣвца „Османа“ [1])“. Извѣстно, что сынъ поэта, Франо, былъ въ числѣ Вѣнскихъ придворныхъ и затѣмъ въ австрійской военной службѣ, въ которой и дослужился до званія маршала [2]). „Слѣдуетъ прибавить—замѣ-

[1]) Въ семейномъ архивѣ Балда Гучетича (Bassegli-Gozze) было и нѣсколько писемъ Франа Джива Гундулича, о чемъ сообщаетъ д-ръ Воиновичъ въ Бѣлградскомъ журналѣ „Дело“, за іюнь 1895 г., стр. 404.

[2]) Appendini: Notizie istorico—critiche, t. II, p. 192.—Gliubich, въ Dizionario biografico, только повторяетъ слова Аппендини.

чаетъ г. Франасовичъ—что Иванъ Гундуличъ женился въ 1618 году. Если предположить что чрезъ годъ послѣ бракосочетанія у него родился сынъ Франо, то во время путешествія (въ 1655 г.) послѣднему было 36 лѣтъ".

Въ „Замѣткѣ" г. Л. Кукульицы, слѣдующей за текстомъ „Путешествія", сообщается мнѣніе, что копія статьи, по всѣмъ соображеніямъ, принадлежитъ половинѣ XVIII вѣка, что̀ явствуетъ изъ тѣхъ многихъ мѣстъ, въ которыхъ переписчикъ, не понимая оригинала, сдѣлалъ то здѣсь то тамъ пропуски, и эти мѣста г. Франасовичъ обозначалъ точками. Рукопись—на 18 листкахъ обычной величины и заключаетъ въ себѣ 36 страницъ... Языкъ итальянскій, но писатель порою вводитъ въ разговоръ и нѣсколько... хорватскихъ рѣченій, и, повидимому, съ намѣреніемъ скрыть нѣкоторыя щекотливыя (delikatne) обстоятельства; напр. въ сообщеніи о томъ, какъ опьянѣли послы на придворномъ обѣдѣ въ Москвѣ, въ передачѣ разговора съ царемъ (въ ориг. sa cesarom) и т. п.; но, впрочемъ, встрѣчаются и мѣста, гдѣ такихъ (щекотливыхъ) причинъ не было, написанныя все же по хорватски (dubrovacki).

Кромѣ этого, имѣются два листка (неполныя четыре страницы), кажется, болѣе стараго почерка, содержащіе разсказъ о началѣ путешествія, но заключающіе въ себѣ и отличія отъ другой рукописи въ словахъ и фразахъ. Поэтому—говоритъ Кукульица—возможно допустить, что и тотъ и другой текстъ представляютъ переводъ съ какого-то языка, можетъ быть, съ нѣмецкаго. Г. Франасовичъ хотя переводилъ и не слово въ слово, что̀, быть можетъ, было и невозможно, тѣмъ не менѣе точно держался оригинала. Иногда онъ пропускалъ слова, казавшіяся ему излишними, а изрѣдка пропускалъ и цѣлые періоды; напр., тамъ, гдѣ разсказывается, какъ пріятно было царю и его приближеннымъ, что Алегретичъ—„*slovinskog jezika*". При переводѣ

текста Франасовича, я привелъ въ сноскѣ эту цитату, прибавленную Кукульицей.

Покончивъ, на основаніи обнародованнаго матеріала, съ вопросомъ о текстѣ хорватскаго перевода, возвращаюсь къ личности Франа Гундулича, считающагося авторомъ „Путешествія".

Въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній" (т. III) читаемъ:

на стлб 443, о подаркахъ: 1) „большому (старшему) послу... 2) другому... 3) *Францыжку Гандолу*".

На стлб. 444: „Цесарскаго величества послы: большой посолъ Алигретъ де Алигретисъ; товарищъ его Еганъ фонъ Лорбахъ; *болшого посла племянникъ Франсиско Гондола*".

На стлбб. 442—443: „пожаловалъ Г. Ц. и В. Кн. Алексѣй Михаиловичъ... Цесаревыхъ дворянъ и посольскихъ людей велѣлъ имъ дати своего государева жалованья на отпускѣ... *Францыжку Гандолу* 2 сорока соболей, 1 въ 70 руб.; 2 въ 50 руб."

Имени Гундулича въ „Указателѣ" къ изданію не упоминается, но съ именемъ *Франца* четыре раза упоминается *Хондоръ* или *Холдоръ*, по моимъ соображеніямъ, вполнѣ напоминающій *Гондолу*, или *Гундулича*.

На стлб. 319 читаемъ: „идуть къ Г. Ц. и В. Кн. ...Цес. Римскаго послы донъ Аллегретъ де Аллигретесъ, да Яганъ Детерихъ фанъ-Лорбахъ, да *донъ Фрянцъ Холдоръ, кавалеръ* (послѣ 2 окт. 1656 г.).

На стлб. 370: „Декабря въ 15 день (1656 г.)... Алекѣй Михаиловичъ указалъ быти у себя, Государя, на дворѣ, на пріѣздѣ Фердинанда, Цес. Римского, посломъ: донъ Аллегрету Аллегретусу, да Ягану Детериху фонъ-Лорбаху, донъ *Францу Холдору кавалеру*"...

На стлбб. 372—373 сообщается, что кн. Д. С. Великому-Гагину поручено было говорить: „В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣй

Михаиловичъ... брата вашего Фердинандуса ...послы донъ Аллегретъ донъ Аллегретусъ, да Яганъ Детерихъ фонъ Лорубахъ, да *фонъ Францъ Холдоръ кавалеръ* и Цес. дворяне! вамъ Великому Государю челомъ ударили".

На стлб. 766: „Въ прошломъ, во 167, приходили... послѣ Алгаретъ де Аллегретусъ да Яганъ Дитрихъ фонъ Лорбахъ, *Францъ Хондоръ кавалеръ*, да цесаревыхъ дворянъ 3 человѣка, да переводчикъ, да лекарь, да коморниковъ 6 человѣкъ, да посольскихъ и дворянскихъ людей 16 человѣкъ".

Итакъ, какъ видится и изъ „Путешествія", здѣсь издаваемаго, Францискъ Гундуличъ былъ въ числѣ видныхъ представителей посольства; изъ русскихъ же „столбцовъ" явствуетъ, что *Холдоръ* или *Хондоръ* (=Гондола) былъ третьимъ лицомъ посольства и даже причислялся къ лику пословъ, хотя въ итальянско-хорватскомъ текстѣ и не называется посломъ. Въ числѣ подарковъ чинамъ посольства имя Гундулича тоже слѣдуетъ за Аллегретомъ и Лорбахомъ.

Вотъ все, что можно было удостовѣрить русскими оффиціальными документами. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ видно изъ „Путешествія", оцѣнилъ Гундулича и довѣрялъ ему то, что говорить другимъ считалъ безполезнымъ, довѣрилъ, вѣроятно, и по элегантности *кавалера*, и по его *внятной* для царя хорватской бесѣдѣ.

Остается замѣтить, что соображенія Франасовича о возрастѣ Гундулича ошибочны. Извѣстный славянскій ученый профессоръ К. Іиречекъ привелъ въ Beiträge zur ragusanischen Literaturgeschichte (Arch. f. Sl. Ph., t. XXI, p. 497) документальное доказательство, что Franciscus Joannis de Gondola am 28 Sept. 1650 in den grossen Rath aufgenommen", а извѣстно, что всѣ дворяне (plemići), достигшіе 18-тилѣтняго возраста, дѣлались членами этаго „великаго вѣча" (Maggior Consiglio). И хорватскій писатель Мирко Брейеръ въ журналѣ „Prosvjeta" имѣлъ полное право сообщить, что Франьо

Гундуличъ родился въ 1632 г. и, стало быть,—прибавлю съ своей стороны,—въ 1655 году онъ былъ еще весьма юнъ въ ряду посольскихъ чиновъ и не могъ быть *названъ* посломъ. Статья эта была перепечатана Брейеромъ въ книгѣ „Prilozi k starioj književnoj i kulturnoj povjesti hrvatskoj. Zagreb. 1904. Къ статьѣ приложенъ и портретъ Гундулича, заимствованный изъ книги: La sacra lega contro la potenza ottomana. in Napoli, 1692—1696.

М. П—ій.

Подбережная каменная стѣна въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ, сооруженная въ 1199—1200 г.г.[1]

Подъ 1199—1200 г.г. въ Ипатьевской лѣтописи находятся нарочитыя рѣчи о Выдубицкой обители, безъ сомнѣнія, имѣющія своимъ источникомъ запись, составленную въ обители самой.

Рѣчи эти касаются устроенія в. княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной подбережной стѣны для огражденія Выдубицкой церкви отъ разрушительнаго напора Днѣпровскихъ волнъ.

Извѣстно, что капризный Днѣпръ часто мѣнялъ и мѣняетъ свое русло. Въ настоящее время оно отстоитъ отъ Выдубицкой обители на довольно значительное разстояніе (около полуверсты). Безъ сомнѣнія, и когда основывалась Всеволодова церковь (заложена въ 1070, а освящена въ 1088 г.г.) воды рѣки текли въ томъ или въ другомъ безопасномъ для воздвигаемаго сооруженія разстояніи. Но спустя нѣкоторое время направленіе Днѣпра измѣнилось и, устремившись въ сторону обители, начало угрожать Всеволодовой церкви. Это сильно встревожило монастырскую братію и вызвало оживленные толки, послужившіе основа-

[1]) Отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія о *Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ*.

ніемъ для разнаго рода легендъ, къ которымъ такъ склонно было тогдашнее общество. Почитатели обители не допускали возможности разрушенія церкви. Одни изъ нихъ говорили, что церковь появилась въ обители благодаря небесной помощи, этою же помощію и будетъ сохранена: *„на золотомъ волосѣ церковь спущена съ небесъ, имъ же и будетъ поддержана"*; другіе утверждали, что отъ разрушительныхъ волнъ рѣки *церковь постепенно удаляется внутрь монастыря*. Были, говоритъ современникъ, многіе и другіе по этому поводу „помышленія суетьна и глаголы маловѣрніи".

Дѣйствительную и существенную помощь для устраненія надвигавшагося на Выдубицкую обитель бѣдствія оказалъ ей во время своего княженія въ Кіевѣ—какъ мы сказали—Рюрикъ Ростиславовичъ, праправнукъ основателя означенной церкви Всеволода.

Современникъ описываемаго событія, выдубицкій инокъ, отмѣтивъ время заложенія Рюрикомъ каменной подбережной стѣны подъ нашимъ монастыремъ (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже), говоритъ: „сто одинадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ боголюбивый князь Всеволодъ основалъ въ Выдубицкой обители церковь. Многіе его потомки въ теченіе этихъ лѣтъ занимали великокняжескій престолъ, но *„ни единъ возслѣдова любви"* сего князя къ Выдубицкой обители. У самого Рюрика, въ пятомъ поколѣніи происходившаго отъ Всеволода, были братья, какъ старѣйшіе, такъ и юнѣйшіе. Всѣ они были „добрые и боголюбивые", „но не благоволи Богъ о дѣлѣ стѣны тоя: *время бо требоваше слуги своего"*. Этимъ слугою, по милости Божіей, и явился „Христолюбецъ Рюрикъ" который, „приживъ чада по плоти", возъимѣлъ благое намѣреніе оставить по себѣ наслѣдіе и духовное.

Разумѣется, слова выдубицкаго инока нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что князья изъ рода Всеволода (Мономаховичи) совершенно не благотворили обители, а въ томъ, что благотворенія ихъ не выходили изъ ряда обычныхъ: не оставляли тѣхъ монументальныхъ слѣдовъ, какими ознаме-

новались отношенія къ обители ея ктитора Всеволода и, восхваляемаго инокомъ за построеніе стѣны, Рюрика.

Изъ словъ того же инока слѣдуетъ заключить, что угрожающее Выдубицкой обители бѣдствіе побуждало ее обращаться съ просьбою о помощи (береговомъ укрѣпленіи) и къ братьямъ Рюрика, но безуспѣшно („не благоволи Богъ"). Что же касается самого Рюрика, то участливое его отношеніе къ желанію и просьбамъ выдубицкихъ иноковъ объясняется въ упомянутой записи особенною любовію сего князя къ монастырямъ и церквамъ, выражавшеюся въ церковномъ строительствѣ: „хотѣніе (имѣлъ Рюрикъ),—читаемъ здѣсь,—к монастыремъ и ко всимъ церквамъ, *и любовь несытну о зданьихъ*". Эта характеристика оправдывается и фактами. Не задолго до описываемаго нами событія,—именно, въ 1197 году, Рюрикомъ построены были (окончены постройкою) двѣ каменныя церкви: одна—во имя св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ; другая—въ честь своего Ангела, *Васильевская*, въ Кіевѣ, на новомъ Дворѣ. О первой лѣтописецъ говоритъ, что она „высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемь" вызывала всеобщее удивленіе (была „всѣмъ вдивъ"). Но кромѣ этой, такъ сказать, общей причины, при выясненіи отношеній Рюрика къ патронируемой его прапрадѣдомъ Всеволодомъ Выдубицкой обители, можно указать на слѣдующее и, какъ полагаемъ, *главное*.

Въ лѣтописи подъ 1090-мъ годомъ читаемъ: „Того лѣта преставися епископъ Бѣлогородський Максимъ; *Рюрикъ же в него мѣсто постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила Андрѣяна Выдобычиского*".

Это лѣтописное сообщеніе имѣетъ для насъ важное значеніе: оно, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ о близкихъ отношеніяхъ Рюрика къ Выдубицкой обители вообще, а во-вторыхъ, объ *особенной* его близости къ игумену сей обители Адріану въ частности. Оказывается, что послѣдній былъ духовникомъ Рюрика, т. е. такимъ лицемъ, которое пользовалось исключительнымъ уваженіемъ со стороны князя, какъ своего духовнаго сына, и имѣло на него въ дѣлахъ,

касающихся религіозно-нравственныхъ сторонъ жизни, наибо́льшее вліяніе. Безъ сомнѣнія, этими близкими отношеніями къ Рюрику должно быть объясняемо возведеніе Адріана на Бѣлгородскую епископію, на что лѣтописецъ прямо и указываетъ (*„постави епископомъ отца своего духовнаго“*). Въ связи съ этими отношеніями должно быть разсматриваемо и сооруженіе Рюрикомъ упомянутой величественной церкви въ Бѣлгородѣ, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи Адріана (предназначенной быть каѳедральною церковью въ означенномъ городѣ).

Имѣя въ виду сказанное и выходя изъ того естественнаго предположенія, что чтимый Рюрикомъ епископъ Адріанъ, какъ бывшій игуменъ Выдубицкой обители, долженъ былъ чувствовать *тяготѣніе* къ сей обители и не прерывалъ съ ней связей (на что находится указаніе и въ лѣтописи: къ освященію упомянутой бѣлогородской каѳедральной церкви приглашенъ былъ *выдубицкій игуменъ Моисей*),—имѣя въ виду все это, необходимо думать, что сильнымъ ходатаемъ за означенную обитель предъ Рюрикомъ являлся именно Адріанъ, и едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ сооруженія каменной стѣны для предохраненія отъ разрушенія Всеволодовой церкви ему принадлежала видная, если не первенствующая, роль.

Строителемъ нашей стѣны былъ нѣкто „Милонѣгъ, Петръ же по крещенію“. Въ лѣтописи говорится, что Рюрикъ Ростиславичъ выбралъ его изъ числа „своихъ пріятелей“, и былъ онъ „мастеръ не простъ“, но „художникъ“.

Историографъ Карамзинъ предполагаетъ („думаетъ“), что этимъ строителемъ былъ тотъ самый Милонѣгъ, который „въ 1185 году построилъ Новгородскую церковь св. Вознесенія“ [1]). М. А. Максимовичъ и другіе, писавшіе о Выдубицкой обители, означенное предположеніе считаютъ уже фактомъ достовѣрнымъ [2]).

[1]) Исторія Государства Россійскаго, изданіе Эйнерлинга, 1842 г., т. III, *примѣч. 256* и 153

[2]) *М. А. Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1877 г., т. II. стр. 248. *Закревскій*, Описаніе Кіева. Москва, 1868 г., т. I, стр. 229.

Но мы въ этомъ сильно сомнѣваемся.

Дѣйствительно, въ Новгородской лѣтописи читаемъ подъ годами:

1085-мъ: „Въ то лѣто *Милонѣгъ заложи* церковь камяну святого Вознесенія, при архіепископѣ Илін, а князи Мьстислави Давидовнци“ [1])

и подъ 1091-мъ: „Томъ лѣтѣ святи церковь боголюбивыи архепископъ Гаврила святого Вознесенія, *създана Милонѣгомъ тысяцьскымъ*“ [2]).

Но выраженія: *заложи, созда* и тому подобныя (*сруби, совръши*) указываютъ не на лице *зодчаго* (архитектора), сооружавшаго церковь, т. е. составившаго планъ и руководившаго работами, а на лице, *давшее для постройки средства*,—что̀ можно видѣть изъ многочисленныхъ указаній тѣхъ же лѣтописей. Напримѣръ: „Въ лѣто 6627 *заложи* Кирьюкъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь камяну, монастырь святаго Георгія, Новѣгородѣ“ [3]). „Въ лѣто 6692 *заложи* архепископъ Илія, съ братомъ, цьрковь святого Іоана, камяну, на търговищи“ [4]). „Архіепископъ Нифонтъ.... святого Спаса церковь *създа* камяну Пльсковѣ, другую въ Ладозѣ святого Климента“ (подъ 1156 г.) [5]). „Въ лѣто 6661... *сруби* Аркадъ игуменъ церковь святыя Богородицы Успеніе“... [6]) и т. д.

Если всѣхъ указываемыхъ здѣсь лицъ мы не можемъ считать строителями церквей *въ прямомъ значеніи этого слова* уже по занимаемому ими общественному положенію, то это же самое должно сказать и о создателѣ новгородской церкви св. Вознесенія. Онъ называется—какъ мы видѣли—*тысяцкимъ*, а это—титулъ, указывающій на высокое обще-

---

[1]) Полное собраніе рус. лѣтописей. Спб. 1841 г., т. Ш, стр. 19. [2]) Ibid., стр. 20. [3]) Ibid., стр. 5. [4]) Ibid., стр. 18. [5]) Ibid., стр. 12. [6]) Ibid., стр. 11.

ственное положеніе означеннаго лица. Тысяцкій, по соображенію всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, былъ *воеводою* земскихъ и гражданскихъ полковъ (какъ онъ иногда и называется) и избирался вполнѣ самостоятельными князьями изъ числа ихъ заслуженныхъ дружинниковъ, а въ стремившемся къ „вольности" Новгородѣ самими гражданами изъ среды мѣстной знати. Въ Новгородѣ тысяцкій занималъ первое мѣсто послѣ посадника и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ, въ качествѣ представителя, во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ города. Естественно является вопросъ: совмѣстимо-ли съ такимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ тысяцкаго представленіе о немъ, какъ о „зодчемъ" (архитекторѣ), даже въ томъ случаѣ, если предположимъ, что въ разсматриваемое время означенную должность Милонѣгъ уже не занималъ (такъ какъ при партійной борьбѣ смѣны посадниковъ и тысяцкихъ въ Новгородѣ были явленіями нерѣдкими)?

Такимъ образомъ, для установленія связи между Милонѣгами—новгородскимъ тысяцкимъ, *давшимъ средства* для сооруженія въ своемъ городѣ церкви Св. Вознесенія, и строителемъ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ остается (даже не *однофамильность,* ибо Милонѣгъ—*имя,* а не фамилія) одна только *одноименность.* Но значеніе этой связи, при указанныхъ нами данныхъ, слишкомъ *паутинное*, чтобы о ней могли вестись серьезныя рѣчи.

Дошедшія до насъ крайне скудныя свѣдѣнія о строителѣ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ даютъ возможность сдѣлать только два вывода—одинъ характера *положительнаго,* другой—*весьма вѣроятнаго.*

Первый, положительный выводъ—тотъ, что означенный строитель былъ русскій, ибо имя *Милонѣгъ* есть имя *славянское.*

Извѣстно, что на первыхъ порахъ по крещеніи Руси Владиміромъ каменныя церкви (и другія каменныя зданія) сооружаемы были нарочито вызываемыми для этой цѣли греческими мастерами. Впослѣдствіи, преимущественно въ областяхъ сѣверныхъ, для такихъ построекъ приглашались

мастера и западные. Но необходимо думать, что подражать чужеземцамъ въ „искусствахъ“ строительномъ и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, начали и русскіе, и мало-по-малу въ нихъ совершенствовались, относительно чего имѣются и нѣкоторыя указанія. Такъ изъ Патерика Печерскаго узнаемъ, что преподобный Алипій „отданъ былъ родителями на обученіе къ греческимъ иконописцамъ, прибывшимъ для украшенія святой Печерской церкви“. Повидимому, занимался онъ и мозаикою. Что касается до искусства строительнаго, то, по сказанію лѣтописца, церковь св. Богородицы въ Суздалѣ, которая „опадала старостію и безнарядьемъ“ реставрировали *мастера русскіе* (церковь „покрыта была оловомъ отъ верху до комори и до притворовъ“). Въ лицѣ нашего Милонѣга мы видимъ уже „каменныхъ дѣлъ мастера“ въ точномъ значеніи этого слова.

Второй выводъ, имѣющій *высокую степень вѣроятности,* состоитъ въ томъ, что Милонѣгу можно приписывать сооруженіе и двухъ упомянутыхъ каменныхъ церквей (св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ и Васильевской въ Кіевѣ), воздвигнутыхъ на средства того же Рюрика Ростиславича.

Означенный князь, какъ мы видѣли, имѣлъ „любовь несытну о зданьихъ“. Усиленная его дѣятельность въ этомъ направленіи падаетъ на разсматриваемое нами время (конецъ XII столѣтія). Постройка каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ начата была почти непосредственно послѣ сооруженія упомянутыхъ двухъ церквей. Строители же (т. е. затрачивающіе на соруженія средства) даже въ настоящее время, при многочисленности архитекторовъ, обычно (безъ нужды) не мѣняютъ ихъ; тѣмъ труднѣе допустима такая мѣна ихъ въ разсматриваемое нами время при тогдашней скудости искусныхъ зодчихъ. Это соображеніе общаго характера, по отношенію къ затронутому нами вопросу, находитъ достаточное подтвержденіе въ извѣстномъ намъ указаніи современника, что Милонѣгъ принадлежалъ къ числу „пріятелей“ Рюрика Ростиславича („изобрѣте—в. князь—.... художника *и во своихъ си приятелехъ*“). Подчеркнутыя слова

показываютъ, что ко времени сооруженія каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ Милонѣгъ былъ уже давно знакомъ в. князю и успѣлъ снискать *особенное его къ себѣ благоволеніе*. Но чѣмъ *искусный зодчій* могъ снискать такое благоволеніе къ себѣ князя, имѣвшаго „любовь несытну“ къ строительству, какъ не тщательнымъ исполненіемъ поручаемыхъ ему работъ? И коль скоро мы знаемъ, что Рюрикъ Ростиславичъ строителемъ воздвигнутыхъ имъ церквей былъ доволенъ (мы говорили, что бѣлгородская церковь св. Апостоловъ „высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ“ была *„всѣмъ вдивъ“*), то является вопросъ: нужно-ли было князю для новыхъ каменныхъ сооруженій искать другихъ зодчихъ?—Отвѣтъ ясенъ.

Каменная стѣна заложена была въ Выдубицкомъ монастырѣ „въ лѣто 6707 (1199-е) мѣсяца іюля въ 10 день, на память святыхъ Мученикъ 40 и 5, иже в Никополи мученыхъ“, а окончена „въ лѣто 6708, мѣсяца сентября въ 24 день, на страсть святыя первомученицы Ѳеклы“.

Обычное мнѣніе по данному вопросу таково, что стѣна строилась *два съ половиною мѣсяца,* т. е. начата 10 іюля 1199 года, а окончена 24 сентября *того же года*. Но мнѣніе это, если оно основывается на счетѣ годовъ лѣтописной записи по счисленію сентябрьскому, не можетъ быть принято, такъ какъ въ данное время господствовало лѣтосчисленіе *мартовское,* и поэтому *24 сентября 6708* года падаетъ *не на 1199-й, а на 1200 годъ,* какъ это понимается и учеными издателями Ипатьевской лѣтописи. Означенное мнѣніе было бы справедливо, если бы отдано было предпочтеніе чтенію лѣтописи по позднѣйшимъ (половины и конца XVI стол.) спискамъ ея—Хлѣбниковскому и Погодинскому, гдѣ слова: „въ лѣто 6708“ замѣнены выраженіемъ: „того же лѣта“. Но для такого предпочтенія основаній не имѣется, ибо трудно предположить, чтобы монументальная постройка, требовавшая сложныхъ работъ, могла быть произведена въ очень короткій срокъ.

Наивѣроятнѣйше дѣло постройки каменной подбережной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

10 іюля 1199 года, т. е., *во время наибольшаго спада Днѣпровскихъ водъ,* стѣна была заложена и къ половинѣ осени сего года возведена до размѣровъ, *требуемыхъ характеромъ сей постройки.* Весною слѣдующаго года, послѣ половодья, должны были обнаружиться результаты работы (относительно построенныхъ частей стѣны), т. е. насколько сооруженіе соотвѣтствуетъ своему назначенію, и могли быть устранены обнаружившіеся при этомъ дефекты, а затѣмъ къ 24 сентября *1200 года* закончена была и вся постройка.

Постройка эта была выдающимся событіемъ не только для выдубицкой братіи, но и вообще для кіевлянъ, доселѣ незнакомыхъ съ подобными сооруженіями и потому смотрѣвшихъ на воздвигаемую стѣну („о ней же мнозѣ *недерзнуша помыслити* отъ древнихъ, али за дѣло ятися") съ любопытствомъ и удивленіемъ. Насколько великъ былъ интересъ кіевскаго общества къ новому сооруженію, можно видѣть изъ благодарственной рѣчи, произнесенной предъ Рюрикомъ Ростиславичемъ отъ имени выдубицкой братіи на торжествѣ по случаю окончанія стѣны. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что за послѣднее время посѣщенія пришлаго люда въ Выдубицкую обитель значительно увеличились: „*множество* вѣрныхъ Кыянъ и населницы ихъ" начинаютъ обнаруживать бо́льшее „потщаніе и любовь къ Архистратигу Господню" и не только (что было и прежде) „ради спасенія своего, *но и новаго ради чудеси,* иже во дни царства твоего (во время княженія въ Кіевѣ Рюрика) свершися" (т. е. по случаю сооруженія упомянутой, привлекавшей вниманіе кіевлянъ, стѣны).—Изъ этой же рѣчи можно заключать, что воздвигнутая стѣна была довольно широка и возвышалась надъ уровнемъ площади, занимаемой церковію и монастыремъ: любопытствующіе и любители сильныхъ ощущеній всходили на нее („утверждающе неподвижно нозѣ свои"), чтобы полюбоваться Днѣпромъ и открывавшеюся прекрасною картиною

Заднѣпровья („очима любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлащаше), причемъ чувствовали себя какъ бы висящими на воздухѣ („и мняться, яко аера достигше").

Окончаніе Выдубицкой стѣны отпраздновано было ея строителемъ-княземъ торжественно.

24 сентября 1900 года (день окончанія стѣны) Рюрикъ Ростиславичъ прибылъ въ обитель со своею женою, княгинею Анною, сыновьями Ростиславомъ и Владиміромъ, дочерью Предславою и снохою (женою сына Ростислава) Верхуславою. На торжество приглашено было и мѣстное почетное духовенство. Разумѣется, стеклось много народа—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—и любопытствующаго. „И постави—князь—кутью у святаго Михаила, и молитву принесе о приятьи труда потщания своего",—т. е. сначала отправлена была панихида по умершихъ родичахъ князя, а затѣмъ благодарственное молебствіе по случаю благополучнаго окончанія строительныхъ работъ. За симъ воспослѣдовало, обычное и въ то время при подобныхъ торжествахъ, пиршество: „и сотвори (князь),—читаемъ въ упомянутой записи выдубицкаго инока,—*пиръ не малъ и трапезу со приготовлениемъ;* и накорми *игумены* и со калугеры всими, и *всякаго чина церковьнаго,* и подари вся яже отъ первыхъ даже и до послѣднихъ, не токмо ту сущая, *но и прилучившаяся тогда*".

Во время торжества при здравицѣ можетъ быть, за князя-строителя, выдубицкій игуменъ Моисей, отъ лица всей братіи обратился къ нему съ благодарственною рѣчью. Въ этой рѣчи, *заранѣе написанной,* первѣе всего подчеркнуто было, какое важное значеніе для обители имѣетъ сооруженіе каменной стѣны, предохранявшей ея церковь отъ разрушенія; какъ давно братія желала видѣть такое сооруженіе и какъ доселѣ тщетны были ихъ ожиданія,—и только теперь, во время княженія въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича, это удивленія достойное („дивное") дѣло благополучно совершилось. Обращаясь затѣмъ къ князю-строителю, авторъ задается вопросомъ: чѣмъ они, смиренные иноки, могутъ возблагодарить его за благодѣянія, которыя онъ имъ ока-

зываетъ и оказалъ? Самъ князь ничего не требуетъ кромѣ молитвъ о своемъ здравіи и спасеніи. Безъ сомнѣнія, „Богъ милости“ воздастъ ему соотвѣтствующую трудамъ „мзду“ и архистратигъ Михаилъ, которому онъ „послужилъ нелестно“. Но братія надѣются, что милосердный ко всѣмъ князь, по своему благому обычаю, не откажется принять и отъ нихъ, грубыхъ иноковъ, слабое *писаніе,* „аки даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей“, повергаемый ихъ любовію и усердіемъ въ княжескую сокровищницу, по примѣру вдовицы, опустившей двѣ лепты.—Затѣмъ слѣдуетъ похвала князю. Приступая къ ней, ораторъ приводитъ выдержку изъ Меѳодія (Потарскаго), уподобляющаго въ „притчахъ“ душу человѣческую малому небу, ибо и та и другое „выну повѣдаютъ славу Божію“. Душа—правостью вѣры, словесами истинными и дѣлами добрыми; небо—свѣтлостію солнца, сіяніемъ луны, украшеніемъ звѣздъ. Люди, взирая на небесныя свѣтила, неизмѣнно хранящія, во исполненіе повелѣній Господнихъ, *уставы* временъ, славятъ Сотворшаго ихъ. Сказанное въ притчѣ еще болѣе приложимо къ князю, ибо „словеса его честна и дѣла боголюбна и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звѣздъ небесныхъ, не токмо и въ Рускыхъ концехъ вѣдома, но и сущимъ въ морѣ далече: во всю бо землю изъидоша, по Пророку, богомирная словеса“ его „и въ конецъ вселенныя христолюбивная дѣла“, которыми отъ всѣхъ славится Владыка, согласно Евангельскому изреченію: „видѣвше дѣла ваша добрая прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“. Ораторъ надѣется, что примѣръ князя-благотворителя послужитъ назиданіемъ и для другихъ, вслѣдствіе чего уподобляетъ его Моисею, какъ проводника, изводящаго новаго Израиля *„изъ работы немилосердія и отъ мрака скупости“,* и—подобно древней Маріамѣ,—но только ставши не на брегѣ, но на стѣнѣ, созданной княземъ,—воспѣваетъ ему побѣдную пѣснь.—Въ этой пѣснѣ выясняются послѣдствія отъ указаннаго благодѣянія князя (сооруженія стѣны). „Днесь,—говоритъ ораторъ,—поновляются острови“, т. е. души пра-

ведныхъ, видящія поновленіе честнаго храма Господня, огражденнаго отъ разрушенія, и освобождающіяся, подобно израильтянамъ при Зоровавелѣ. отъ Вавилонскаго отчаянія. Днесь множество кіевлянъ начинаютъ имѣть бо́льшее потщаніе и любовь къ Архистратигу Господню, стекаясь въ обитель не только ради своего спасенія, но и ради новаго чудеси, т. е. сооруженной стѣны, утверждая ноги на которой и созерцая открывающіяся красоты, они веселятся душею и исполненные любви не безъ труда отрываются отъ доставляемаго имъ наслажденія, а выходя изъ обители, похваляютъ „богомудрство“ князя. Восхваляютъ его и радуются даже невидѣвшіе сооруженія. Они веселятся, какъ говоритъ Соломонъ, „похваляему праведному“.—„Днесь отъяшася“ отъ многихъ сердецъ помышленія суетная и глаголы маловѣрніи. Указавъ на нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ, т. е. на создавшіяся по поводу размыва днѣпровскими волнами монастыря легенды (о которыхъ сказано выше), ораторъ подчеркиваетъ, что эти легенды не были истиннымъ утѣшеніемъ, а такое утѣшеніе доставлено обители только княземъ, благодаря его щедротамъ. Выдубицкіе иноки, постоянные должники и молитвенники за приснаго имъ Господина, надѣются, что онъ и впредь не будетъ оставлять ихъ своими милостями, которыхъ они жаждутъ подобно еленю, жаждущему источниковъ водныхъ. Рѣчь заканчивается молитвеннымъ благословеніемъ князя: „Богъ милости и щедротъ, любовь единороднаго его Сына и причастіе Св. Духа да будетъ съ царствомъ твоимъ и всѣми, тобою любимыми, и Архистратигъ Михаилъ да сохраняетъ тебя подъ кровомъ клиръ своихъ, нынѣ и присно въ будущіе вѣки!“

Эта панегирическая рѣчь выдубицкаго игумена Моисея обнаруживаетъ въ авторѣ не только человѣка грамотнаго (въ смыслѣ начитанности), но—безъ сомнѣнія—и вкусившаго отъ плода науки ораторской. При всей краткости означенной рѣчи въ ней видны *явственные слѣды школы,* притомъ школы, однородной съ тою, подъ вліяніемъ которой образовались ораторскіе пріемы его современника Кирилла Ту-

ровскаго [1]), представлявшаго собою, по означеннымъ пріемамъ, отнюдь не исключительное литературное явленіе разсматриваемаго времени, какъ утверждаетъ проф. Е. Е. Голубинскій.

Отъ „знаменитой" Выдубицкой стѣны, сооруженной княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, не осталось никакихъ слѣдовъ. „Вѣроятно,—говоритъ М. А. Максимовичъ,—она разрушена еще татарами, которые не жалѣли труда и рукъ, сокрушая и ниспровергая огромнѣйшія твердыни, безъ помощи огня и пороха" [2]). Но, разумѣется, приведенная тирада свидѣтельствуетъ только о томъ, что и очень почтенные ученые (каковымъ мы считаемъ Максимовича), допускаютъ иногда предположенія невѣроятнѣйшія (курьезныя) [3]). Какое

---

[1]) Для иллюстраціи указанной *однородности* нѣкоторыхъ ораторскихъ пріемовъ (картинности изображенія) приведемъ выдержки изъ рѣчи игумена Моисея и изъ Слова въ недѣлю Цвѣтоносную Кирилла епископа Туровскаго:

Изъ рѣчи игумена Моисея:
(Полное собраніе лѣтописей, т. II, изд. 1843 г., стр. 154)

„*Днесь*, по Исаіи, поновляются острови, а реку праведныхъ душа, видяще поновленіе честнаго храма Господня.... *Днесь* и множество вѣрныхъ Кыянъ и населници ихъ больше потщаніе и любовь ко Архистратигу Господню имѣти начинають.... *Днесь* отъяшася отъ многихъ сердець помышленія суѣтьна и глаголи маловѣрніи".... и т. д.

Изъ слова въ недѣлю Цвѣтоносную Кирилла епископа Туровскаго:
(Памятники Россійской Словесности XII вѣка. Москва, 1821 г., стр. 4—5).

„*Днесь* Христосъ отъ Виѳаніа входитъ.... *Днесь* народи противу Ісусу изыдоша, ваіа въ рукахъ дрьжаще.... *Днесь* народи постилаютъ Господеви по пути ризы своя".... и т. д.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 248.

[3]) Даже не столь, какъ Максимовичъ, осторожный въ выводахъ Закревскій (см. Описаніе Кіева, изд. 1868 г., т. I, 231) находитъ несостоятельнымъ означенное мнѣніе о разрушеніи Выдубицкой каменной стѣны *татарами*.

было дѣло татарамъ, безъ нужды не разрушавшимъ даже Кіевскихъ церквей, до Выдубицкой стѣны (до безцѣльной возни надъ ея разрушеніемъ)?—*Безъ сомнѣнія,* она, въ то или иное время, но во всякомъ случаѣ до половины XVII стол., разрушена была *напоромъ волнъ часто мѣнявшаго свое русло Днѣпра.*

С. Голубевъ.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшневскаго и его жены Маріи Казиміровны изъ Сибири[1]).

XI.

4 Февраля 1832.
Петровскій заводъ.

24 прошедшаго Генваря получили мы, любезный другъ Семенъ Петровичъ, письмо твое отъ 9 Ноября, но не отвѣчали тотчасъ въ ожиданіи посылки, которая вскорѣ послѣ того дошла до насъ, со всею сохранностію, по запискѣ тобою приложенной. Благодаримъ тебя отъ души за все, тобою присланное. Все очень хорошо сшито. Нѣсколько длиненъ лифъ сзади, но это моя вина: я снимала мѣрку не по сюртуку. Впрочемъ, платье брату твоему впору и мнѣ также. Очень меня одолжилъ присылкою ихъ. Табакъ также изрядный и пришелъ очень кстати, ибо у брата давно уже не было никакого. Онъ проситъ тебя, когда въ другой разъ, по обѣщанію твоему, будешь отправлять табакъ, чтобы ты положилъ въ мѣшокъ нѣсколько глиняныхъ турецкихъ трубокъ.—Письмо Рейхеля, въ которомъ увѣдомляетъ онъ, что Стояновскій не отдалъ ему денегъ, полученныхъ отъ посессора Тимашевки, привело насъ въ отчаяніе. Невозможно описать тебѣ подробно, въ какой находимся мы крайности и недостаткѣ. По письмамъ нашимъ къ тебѣ и къ Рейхелю ты можешь себѣ

[1]) Продолженіе; см. 3—4 вып. XVIII кн.

составить нѣкоторое о семъ понятіе. До сихъ поръ Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ, чтобы я говорила о семъ подробно въ моихъ письмахъ, но теперь, видя братское попеченіе, какое ты началъ принимать о нашихъ нуждахъ, онъ не можетъ скрыть отъ тебя, что съ тѣхъ поръ крайность наша день ото дня увеличивается. До сихъ поръ мы кое-какъ перебивались займомъ у нашихъ товарищей; но теперь и это пособіе прекратилось, ибо мы задолжали суммы, которыя, наконецъ, нужны самимъ тѣмъ, кто оказывалъ намъ такое пособіе, а ты понимаешь, что въ положеніи нашемъ мы не имѣемъ инаго средства помочь себѣ. Впрочемъ, все это нѣсколько разъ описала я въ письмѣ къ Рейхелю. Такъ какъ онъ увѣдомляетъ насъ, что, будучи долженъ Стояновскому, ты намѣренъ удержать у него неуплоченные имъ 1500 руб. за Тимашевку, что братъ твой проситъ тебя поспѣшить высылкою къ намъ этихъ денегъ, а чѣмъ мы будемъ существовать до полученія оныхъ, мы сами не понимаемъ; теперь-же нѣтъ у насъ ни копейки. Этою суммою хотя и не могли бы мы уплатить нашихъ долговъ, простирающихся за три тысячи, но по крайней мѣрѣ она обезпечила бы на нѣкоторое время текущіе наши расходы. Брату очень прискорбно, что я принуждена во всѣхъ моихъ письмахъ помѣщать описаніе бѣдственнаго нашего положенія. Онъ не допустилъ бы меня до этого, если бы вещественныя нужды человѣка могли быть удовлетворены однимъ терпѣніемъ и твердостью.—Въ разсужденіи счета о долгѣ Постниковой, который ты доставилъ, и въ которомъ Алексѣй Петровичъ не находитъ объясненія недоразумѣній, изъясненныхъ въ письмѣ моемъ отъ 2 Ноября 1830, онъ поручаетъ сказать тебѣ, что какъ прежде, такъ и теперь, онъ вѣритъ однимъ твоимъ словамъ и не имѣетъ надобности удостовѣряться какими-либо документами, полагаетъ, однакоже, что, при разсчетѣ твоемъ съ сенаторшею, ты упустилъ изъ виду доказательства, какія необходимы для поясненія самаго счета. Въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы для тебя такъ-же теменъ, какъ и для него. Такъ, напримѣръ, въ счетѣ нѣсколько статей на немаловажную сумму показаны просто: „поступило въ

уплату", безъ объясненія, кому и какъ. Впрочемъ, братъ замѣчаетъ это мимоходомъ, а считаетъ нужнымъ присовокупить для твоего соображенія, что изъ всей этой суммы самъ онъ не получалъ въ уплату ни копейки ни при жизни отца, ни послѣ его кончины. Что касается до продажи Тимашевки, то, конечно, ежели бы Рейхель желалъ заняться оною, выгоднѣе было бы не продавать, ибо, по свѣдѣнію, которое сообщила мнѣ одна изъ моихъ пріятельницъ, въ сосѣдствѣ тамъ живущая, самъ Стояновскій сказывалъ ей, что Тимашевку можно отдать въ посессію за такую цѣну, отъ которой, за уплатою банковаго долга, оставалось-бы намъ на прожитокъ ежегодно пять тысячъ рублей, именно, вполнѣ столько, сколько намъ необходимо здѣсь нужно на содержаніе. Если же она будетъ приносить доходъ, подобный нынѣшнему, то, очевидно, лучше продать и капиталъ положить въ банкъ, что приносить будетъ больше доходу безъ всякихъ хлопотъ. Впрочемъ, такъ какъ нельзя всего вмѣстить въ одномъ письмѣ, то объ этомъ я буду еще писать послѣ.—Братъ очень радуется, видя изъ твоего письма, что кругъ твоего знакомства распространяется. Ты знаешь пословицу: не купи двора, купи сосѣда. По наслышкѣ, мы знаемъ почтенное семейство Г. Хоментовскихъ. Кромѣ удовольствія пріятно проводить время, такой человѣкъ одними совѣтами и опытностью можетъ быть очень полезенъ по твоимъ дѣламъ. Мы любовались твоими успѣхами въ польскомъ языкѣ, хотя въ отрасли лингвистики онъ начинаетъ нынѣ занимать мѣсто на ряду съ еллинскимъ, еврейскимъ или, по крайней мѣрѣ, съ латинскимъ.—Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, обѣщаешь ты брату твоему прислать что-либо изъ платья теплаго на ватѣ, то братъ твой проситъ тебя, если ты будешь при деньгахъ, вели сшить ему шинель одну на ватѣ, теплую, а другую лѣтнюю: у него только и есть та шинель, которую я ему четыре года тому назадъ послала. Она уже износилась. Онъ на работу въ ней ходитъ всегда. Надо тебѣ признаться, что у него шубы совсѣмъ нѣту: онъ не привезъ съ собой той, которая у него была. И вообрази, въ 40 гра-

дусовъ мороза ѣхалъ онъ въ какомъ-то тулупчикѣ. Трудно, тебѣ описать, какъ разстроено его здоровье, и какъ онъ худъ; и теперь началъ жаловаться часто на нездоровье. Недавно очень, было, занемогъ отъ простуды; и сегодня испугалъ, было, меня, сказалъ, что чувствуетъ себя нехорошо; однакоже чувствуетъ себя опять лучше. Вчерась былъ день твоихъ имянинъ, и мы очень много говорили о тебѣ, вспоминали разныя вещи и твои фарсы, какъ ты за Бѣлявской со скрипкой бѣгалъ, когда ее возили по паркету, и балабанъ (?) за нею,— и разныя разности вспомнили..., и такъ намъ взгрустнулось, что мы, можетъ быть, вѣкъ тебя не увидимъ, и что можно навѣрное полагать, какъ человѣкъ себя не утѣшаетъ надеждой. Аврамовъ и Фердинандъ Богдановичъ очень тебѣ кланяются.—Прощай, другъ нашъ, любезный братъ нашъ! Люби насъ, какъ мы тебя любимъ. Сестра и другъ Марія Юшневская.

Сапоги брату пришли и теплую шапку съ козырькомъ и, пожалуйста, ему-же—платковъ цвѣтныхъ, шелковыхъ, шейныхъ.

XII.

19 Февраля 1832.
Петровскій заводъ.

Въ прошедшемъ моемъ письмѣ обѣщала я, любезный другъ Семенъ Петровичъ, писать тебѣ еще о Тимашевкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: по просьбѣ брата твоего, Василій Львовичъ Давыдовъ просилъ черезъ жену свою брата Александра Львовича, живущаго въ сосѣдствѣ Каменки, дабы онъ взялъ на себя трудъ пріискать покупщика для моего имѣнія и увѣдомить, по какой цѣнѣ можно будетъ получить за душу. Письмо о семъ отправлено за нѣсколько почтъ передъ симъ. Просьба же брата твоего къ тебѣ состоитъ въ томъ, чтобы ты потрудился или самъ съѣздить въ Тимашевку, а оттуда въ Каменку, или бы отправилъ туда тотчасъ по полученіи этого письма вѣрнаго человѣка, который бы могъ передать тебѣ подробно

все, что онъ по дѣлу сему узнаетъ.—Прежде всего надобно явиться или къ Людвику Михайловичу Добровольскому или къ Антону Михайловичу Бржозовскому. Первый изъ нихъ управляетъ Каменскимъ имѣніемъ, а послѣдній—пленипотентъ по дѣламъ Давыдовыхъ. Отъ нихъ сперва надобно узнать, взялся ли Александръ Львовичъ за то, о чемъ его просили, а потомъ уже съѣздить къ самому Александру Львовичу. Братъ проситъ тебя, чтобы ты исполнилъ его просьбу, не теряя времени, дабы мы успѣли заблаговременно на что либо рѣшиться. Не могу подробно описать тебѣ, почему въ семъ случаѣ необходимо нужно быть на мѣстѣ тебѣ самому или довѣренному отъ тебя: ты увидишь это изъ самаго дѣла, котораго невозможно здѣсь вкратцѣ описать. Такъ какъ ты надѣешься на вѣрность Прутковскаго, то можешь ему сдѣлать порученіе, давъ ему письмо на имя Бржозовскаго или Добровольскаго.—Братъ твой не очень здоровъ, не спитъ и ѣстъ такъ мало, что я удивляюсь, чѣмъ онъ живетъ, но не жалуется особенно ни на какую боль, а слабость такую чувствуетъ иногда, что нестерпимо ему. Фердинандъ Богдановичъ полагаетъ, что у него сильно ослабъ желудокъ отъ употребленія въ разное время пищи, къ которой онъ не привыкъ.—Я также не могу поправиться. Удивительно, какъ вдругъ я разстроилась здоровьемъ, но еще несравненно здоровѣе твоего брата. Трудно описать тебѣ мое безпокойствіе, видя мужа моего день ото дня слабѣе. Фердинандъ Богдановичъ все увѣряетъ, что онъ поправится, и мы начнемъ тѣмъ, что станемъ давать ему пищу самую легкую, какъ то: кашки, саго, кисель, что возможно будетъ достать. Къ счастію, родные все это присылаютъ сюды, то и намъ удѣлятъ, особливо, когда симъ средствомъ можно помочь брату твоему. Ты однакоже не безпокойся, потому что братъ твой можетъ совершенно выздоровѣть: Фердинандъ Богдановичъ увѣренъ въ этомъ.—Братъ твой цѣлуетъ тебя отъ души и проситъ, чтобы ты ему чаще сообщалъ все, что касается до тебя, и вообще, что можетъ еще интересовать его. Для насъ только и есть одна отрада— письма родныхъ. Особливо, письма

твои очень ему доставляютъ много отрады. Ты знаешь, сколько онъ любилъ тебя всегда. Говори ему о твоихъ занятіяхъ, о музыкѣ, въ которой ты, навѣрное, очень успѣлъ.—Прости, другъ любезный, желаю, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здравіи. Будь увѣренъ, что я никогда не перестану любить тебя всѣмъ сердцемъ и вѣчно сохраню къ тебѣ чувство лучшаго друга и привязанной сестры. Марія Юшневская.

XIII.

Любезный Семенъ Петровичъ! Давно поджидаемъ мы письма отъ тебя, но каждая почта обманетъ насъ. Благодаря Ем. Ив., я и братъ твой знаемъ, что ты здоровъ, что Владиміръ у тебя, и что вы весело проводили время въ Рашковѣ. Владиміру, я думаю, не часто случается танцовать въ Херсонской губерніи, и, вѣрно, неожиданно поплясали вы въ Рашковѣ. Никогда ты, любезный другъ Семенъ Петровичъ, не скажешь въ письмѣ твоемъ, бываешь-ли ты въ Каменкѣ. Братъ твой всякій разъ очень доволенъ, когда сообщатъ намъ что-нибудь о почтенныхъ нашихъ сосѣдяхъ. Алексѣй Петровичъ чувствуетъ себя лучше, но еще далекъ отъ того, чтобы назвать его совершенно здоровымъ. Братъ твой обнимаетъ тебя и поручаетъ мнѣ спросить у тебя, посылалъ-ли ты человѣка надежнаго въ Каменку Давыдова. Онъ съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать о семъ извѣщенія.—Ты самъ увидишь, какъ необходимо было, чтобы ты поспѣшилъ туда послать для дѣлъ нашихъ.—Съ сею почтою не пишу тебѣ много, потому что я устала, и потому что много писемъ надо было написать, а у меня грудь болитъ. Хочу только успокоить тебя, что брату твоему лучше. У насъ погода была чудесная нѣсколько дней, а теперь вѣтры ужасные и пасмурные дни. Въ такое время братъ твой обыкновенно бываетъ хуже, а я совсѣмъ разстроюсь, поминутно зябну, головною болью мучусь, и грудь болитъ несносно.—Счастье, что у насъ домикъ теплый, но все, кажется, продуваетъ сквозь стѣну. Я по утрамъ до обѣда

обыкновенно бываю всегда дома, потомъ иду въ казематъ, тамъ и ночую, а когда бываю я больною, что не въ состояніи ходить, то нѣсколько времени остаюсь дома, и мужу моему позволяютъ быть со мною. Но какъ только мнѣ лучше, опять отправляется въ казематъ. Я теряю пропасть времени въ переходахъ и не могу заняться работою серьезною, которая доставила-бы мнѣ удовольствіе. Если Владимиръ еще гоститъ у тебя, поклонись ему отъ меня. Онъ брату никогда не пишетъ, и право нельзя его похвалить за это. Каждый свои обязанности долженъ исполнять свято, не смотря ни на что, а онъ долженъ бы всегда показывать вниманіе старшему брату, котораго онъ, кажется, привыкъ уважать. Это-же не трудно и не стоитъ никакихъ пожертвованій—написать письмо. Этимъ, по крайней мѣрѣ, доказать можно, что вспомнитъ, что братъ его существуетъ. Я говорю сіе дружески, въ надеждѣ, что Владиміръ увидитъ, что я справедлива. Впрочемъ, уроковъ давать не берусь никому. Охотно сама принимаю добрыя наставленія, когда мнѣ ихъ даютъ.—Пожелаю тебѣ отъ души, любезный и милый Семенъ Петровичъ, лучшаго здоровья и душевнаго спокойствія, прошу тебя быть увѣреннымъ, что чувство дружбы и привязанности моей къ тебѣ никогда неперемѣнно. Пиши намъ чаще, другъ мой, и помни, что письма твои доставляютъ отраду брату твоему въ заточеніи. Вспомни, когда ты содержался въ крѣпости и получалъ мои письма, что каждое слово, сказанное въ немъ, дѣлало тебя болѣе, нежели довольнымъ, а братъ твой вѣчно разлученъ съ вами, и одинъ только твой почеркъ можетъ его утѣшить и доставить минуты пріятныя и радостныя. Прости, любезный, всей душею любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

25 Марта 1838.
Петровское.

XIV.

Nous avons eu le plaisir de recevoir ta lettre, datée du 8 Fevrier, mon bien cher frère Семенъ Петровичъ. C'est vraiment

avec des sentiments bien penibles que nous avons appris la mort de la bonne et respectable Анна Ивановна. Celui qui semblable à nous est livré aux epreuves continuelles du sort, sait plus qu'un autre apprécier la perte des objets cheris. Nous sommes nous mêmes dans la tombe qui infinimment plus terrible, parce que nous conservons conscience de notre existence et de nos sensations. Je me represente vivement le desespoir de Игнатій Онуфріевичъ après la perte de tout ce qu'il avait de plus cher au monde. Aussi ne pouvais je m'empecher de lui écrire par cette même poste, sans m'arreter à la consideration que ma lettre pourra renouveler ses douleurs que le temps a pu rendre plus supportables.—Nous sommes bien de voir par tes lettres que tes affaires continuent à être dérangées. Nous sommes de ton avis, mon cher frère, qu'à ton âge il est naturel de vouloir jouir de la vie et de vivre sans souci, et cependant tu trouveras bien peu d'hommes qui soient libres de n'exister que pour leurs propres plaisirs et qui ne soient obligés de sacrifier une partie quelconque de leur liberté au bien de leurs semblables. En attendant ils trouvent leur recompense dans le plaisir d'être utiles aux autres.—Quand tu seras à Каменка, je te prie de présenter nos respectueux hommages aux venerables M-r le Comte et M-me la Comtesse. Nous étions dèjà instruits dèpuis plus de deux mois du malheureux accident qui lui était arrivé ainsi que du retablissement de la jambe. Comment trouves-tu Стояновскій? Quant à nous nous sommes en admiration comme on en eprouve pour des scelerats accomplis. Figure—toi que lors de bon administration à Тимашевка, comme je viens de l'apprendre recement, il a fait transférer sur le territoir de M-er Обуховскій tous les paysans aises qui se trouvaient dans ma partie pour leur substituer des mendiants et des perclus.—Je te suis tres reconnaissante pour la bonne intelligence que tu conserves avec ma pauvre mère. Je benis le ciel de ce qu'elle se porte bien à son âge; j'aime à croire même que malgrè ses années elle est encore plus forte que moi.—Tu peux te figurer notre surprise à la nouvelle du mariage de M-me Бурцова, puisqu'avant de recevoir ta lettre nous avons parlé d'elle avec Фердинандъ Богдановичъ et nous étions déjà decidés d'écrire au gouvernement de Рязань

pour nous informer de ce qu'elle est devenue. Maintenant que nous en sommes instruits, il ne nous reste qu'à lui souhaiter du bonheur. Pour notre frère Woldemar nous sommes de ton avis que le plus indispensable pour ses interets serait de s'établir à Moscou, au lieu de perdre son temps sans utilité pour lui, ni pour le service, et ce qui plus est de ruiner sa fortune en faisant deux menages separés.—Tu a bien bon de t'occuper de mes commission en voulant m'envoyer des manches de rechange pour mon habit.—Павелъ Васильевичъ te fait bien de compliments; il attend avec impatience l'argent que tu as promis de lui envoyer, car il est vraiment necessiteux et manque du plus strict necessaire, n'ayant pas reçu un seul sou pendant plus d'un an. Quant à nos relations avec lui nous ne pouvons assez nous louer de son amitié la plus constante. Ton frère se porte passablement et t'embrasse tendrement. Pendant les moments libres des travaux il s'occupe de la lecture ou de la musique. Moi je suis occupée maintenant dans mon potager que je ne puis parvenir à ensemencer à cause des froids qui continuent et qui empechent la terre de dégéler à une profondeur necessaire.—J'ai peine à concevoir comment on a pu trouver de la ressemblance entre ton écriture et la mienne; tu te rappeles, je crois, que c'est avec celle de ton frère qu'on lui trouvait de la ressemblance. J'espère que tu as reçu toutes mes lettres, et que j'aurai bientôt des reponses.—Если письмо мое застанетъ тебя, любезный другъ, въ Хрустовой, поцѣлуй за меня и мужа моего ручку моей маменьки, обними также мою Сонюшку. Скажи ей, что съ будущею почтою буду ей писать.—Удивляюсь, что ни одинъ изъ моихъ братьевъ не напишетъ ко мнѣ. Я хотѣла писать въ Москву къ моимъ знакомымъ, прося ихъ, чтобы брата Андрея отыскали, но прочтя твое письмо, я не писала, потому что онъ не въ Москвѣ, а въ Московской губерніи. Гдѣ-же его отыскать, когда ты не сказалъ мѣста его пребыванія.—Что касается до брата, Ивана Казиміровича, тотъ никогда почти не писалъ и матушкѣ, а я и не ожидаю отъ него писемъ. Скажи, пожалуйста, не видаешьли ты Бѣлявскую, не вышла-ли она замужъ? Бѣдная старушка! Я воображаю, что она теперь скучаетъ въ Тульчинѣ. У насъ

слухъ пронесся, что Софья Станиславовна разсталась съ мужемъ. Очень быть можетъ: не умѣлъ онъ цѣнить эту женщину. Скажи, пожалуйста, справедливы-ли эти слухи? Также увѣдоми, не вышла-ли замужъ которая изъ Маньковскихъ? Меня интересуютъ эти дѣвочки, и если ты увидишь ихъ, поклонись имъ отъ меня.—Прощай, душа моя, любезный братъ, porte toi bien et sois persuadé de mon attachement. Ton amie Marie Juchniewsky.

13 Мая 1832.
Петровскій заводъ.

Пожалуйста, если мое письмо застанетъ Горленковыхъ въ Каменкѣ, очень очень поклонись имъ отъ меня и моего мужа. Я бы къ ней написала, но не знаю ея адреса, а названія ея деревни не помню.

XV.

20 Мая 1832.
Петровское.

15 числа сего Мая получили мы письмо твое отъ 11-го Марта, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Благодаримъ тебя за увѣдомленіе о твоихъ дѣлахъ. Душевно радуемся, что почтенный Игнатій Онуфріевичъ доставилъ тебѣ средство устроить ихъ. Не нахожу словъ, чтобы изъяснить тебѣ чувство нашей къ нему благодарности за дружбу, которую онъ столь неизмѣнно сохранилъ ко всему нашему семейству. Не смотря на малость дохода, какой за уплатою долговъ намѣренъ ты отдѣлять на свое содержаніе, по крайней мѣрѣ, ты, любезный другъ, въ продолженіи шести лѣтъ будешь, навѣрно, знать, чѣмъ располагать можешь, а по истеченіи оныхъ будешь уже имѣть состояніе, чистое отъ долговъ и принадлежащее одному тебѣ. Мы очень обрадовались, увидѣвъ, что вскорѣ и Павелъ Васильевичъ начнетъ получать уплату, ибо онъ уже давно не получаетъ ни копейки и безъ помощи товарищей лишенъ бы былъ дневнаго пропитанія, а мы знаемъ собственымъ опытомъ, сколь ужасно нуждаться въ чужомъ пособіи. Въ нашемъ только положеніи можно это представить себѣ во всей

силѣ. Василій Петровичъ увѣдомилъ уже его, что онъ писалъ къ тебѣ о высылкѣ сюда всей суммы, какую ты назначилъ теперь въ уплату. Что касается до уплаты остальной суммы, то я, помнится, уже писала тебѣ, чтобы оная выплачена была по частямъ.—Ты говорилъ въ письмѣ твоемъ: „простите, друзья мои, что говорю вамъ такъ подробно о дѣлахъ моихъ". Любезный другъ! мы очень благодарны тебѣ, что ты намъ пишешь обо всемъ, что до тебя касается. Кто-же, какъ не мы, раздѣлимъ съ тобою чувства? Когда ты съ друзьями твоими будешь говорить откровенно, то симъ доставишь отраду, а вмѣстѣ съ симъ докажешь, что ихъ любишь какъ любилъ прежде: Ты еще сказалъ въ письмѣ твоемъ: „écrivez moi plus souvent". Чтобы тебѣ доказать, какъ я рада исполнить твое желаніе, ты будешь каждыя двѣ недѣли имѣть отъ меня письма. Надѣюсь, что и ты, будучи теперь свободнѣе, чаще будешь писать намъ.—Всѣ благодарятъ тебя за поклонъ и кланяются тебѣ. Василій Петровичъ, ты знаешь уже, что онъ женатъ и съ тѣхъ поръ совсѣмъ другой человѣкъ сталъ: гораздо веселѣе, любезнѣе, точно переродился. Онъ очень пополнѣлъ, и если такъ будетъ полнѣть, какъ по сю пору, то выйдетъ другой Леопольдъ Четвертинскій. Басаргинъ совершенно здоровъ, но не полнѣетъ. Онъ не получаетъ писемъ отъ княгини Мещерской и очень огорчился, узнавъ, что она бѣдная въ такомъ положеніи живетъ въ С.-Петербургѣ. Напрасно оставила она Тульчинъ, хотя и въ Тульчинѣ было не очень хорошо жить, но она имѣла здѣсь людей, которые ее любили, знали ей цѣну и готовы были раздѣлять все. Вольфъ благодаритъ тебя за дружескія выраженія къ нему въ письмѣ нашемъ и проситъ сохранить къ нему чувство дружбы, какъ къ человѣку, который не переставалъ тебя любить, какъ родного. Онъ очень рѣдко получаетъ письма отъ сестеръ своихъ. Младшая сестра его, которая была вдовою, вышла замужъ уже два года назадъ. Какъ разстроилъ меня Игнатій въ бытность мою въ Москвѣ.—Александръ и Николай Крюковы здоровы, кланяются тебѣ. Я въ проѣздъ сюда познакомилась съ ихъ матушкой и пишу къ ней о дѣтяхъ. Препочтенная жен-

щина, и старикъ очень добрый. Вообрази ихъ положеніе: оба сына здѣсь, а младшій умеръ, и дочь ихъ овдовѣла, живетъ одна въ деревнѣ. Баратынскаго я не видала: онъ боленъ и не выходитъ никуда изъ своей комнаты. Поджіо живетъ въ одномъ отдѣленіи съ нами; кланяется тебѣ. Мы еще поджидаемъ одну даму сюда, M-me Якушкинъ: я думаю скоро выѣдетъ изъ Москвы. Я познакомилась съ ея маменькой, Надеждой Николаевной Шереметьевой. Какая милая, почтенная старушка. Въ бытность мою въ Москвѣ я ее часто видѣла и душевно ее уважаю. Ты, я думаю, знаешь, что я познакомилась также съ Гарисновыми. Ты съ ними тоже знакомъ. Вѣра Алексѣевна Муравьева, которая писывала ко мнѣ въ Тульчинъ, и ты былъ у нея однажды,—урожденная Гариснова. Она потеряла сына недавно, и другой у нея очень боленъ. Да утѣшитъ ее Богъ! Сколько эта женщина горести перенесла! Мужъ ея горюетъ очень.—Я думаю, надоѣла тебѣ, говоря о нашихъ страдальцахъ, но я говорю о нихъ какъ-бы о людяхъ, принадлежащихъ моему семейству. Вообрази, какъ они мнѣ близки: живемъ въ одной тюрьмѣ, терпимъ одинаковую участь и тѣшимъ другъ-друга воспоминаніями о милыхъ любезныхъ родныхъ нашихъ. Многіе получаютъ каждую почту подробныя описанія о домашнихъ и сообщаютъ другимъ, чтобы вмѣстѣ раздѣлять чувства, и признаюсь, что часто обрадуешься удовольствію другого, какъ-бы собственному, и такъ дѣлимъ все, что встрѣчается. Пишу тебѣ о семъ, чтобы ты сколько нибудь могъ представить себѣ жизнь нашу тюремную.—Не увидишь-ли ты старика Лев.(?)? Поклонись ему, пожалуйста, отъ насъ. Вспомни, любезный Семенъ Петровичъ, какъ ты на него разсердился однажды за салфетку. Мнѣ писали, что ему очень нравится Каролина. Никогда ты намъ не сказалъ, видишься-ли ты иногда съ Маньковскими. Уже самая младшая изъ нихъ большая невѣста.—Какъ утѣшилъ ты меня, сказавъ нѣсколько извѣстій о доброй Горленковой: я очень ее любила. Вспомни также мѣну мою съ нею, и съ какою добротою отдалъ-ты мнѣ свой любимый бужуарчикъ и такъ меня растрогалъ своей готовностію сдѣлать мнѣ угож-

деніе, что я расплакалась и послала Мещерскую назадъ отнять у Горленковой. Будь увѣренъ, другъ мой, что отъ души истину тебѣ говорю: никогда въ мысль мнѣ не придетъ вспомнить то, что случилось непріятнаго перенести отъ тебя, а всякую вещь, которая доказываетъ доброе сердце, дружбу твою, не разстаюсь съ сими воспоминаніями. Другъ мой, нѣсколько лѣтъ мы провели съ тобою вмѣстѣ, любя другъ-друга, стараясь доставлять взаимно все, что только могло сдѣлать удовольствіе и доказать родственную привязанность. Неужели два года неудовольствій между нами могутъ помрачить прежнее чувство? Нѣтъ, мой другъ, нельзя, чтобы всю жизнь нашу мы не огорчили другъ-друга никогда! Невозможно, чтобы не нашелся кто-либо, кому-бы не трудно было видѣть такое согласіе, какое между нами было. Быть можетъ, что и въ твоихъ чувствахъ со временемъ утвердится еще болѣе дружбы послѣ всѣхъ неудовольствій, какія мы взаимно перенести должны были.—Братъ твой цѣлуетъ тебя сердечно и радъ душевно, что, наконецъ, ты успокоился, и дѣла твои идутъ лучше. Сколько бы ты ни жилъ еще на свѣтѣ, никогда не наживешь друга, какого ты имѣешь въ почтенномъ твоемъ братѣ. Люби и уважай его, какъ прежде: увидишь, что для тебя самого чувство сіе будетъ отрадно. Прощай, любезный мой Семенъ! Сохрани тебя Богъ и пошли тебѣ душевное спокойствіе! Сестра и другъ Марія Юшневская.

Еминька ужасно дряхлъ, и глухъ, и капризный, но мы оба любимъ его очень.

Отъ насъ обоихъ поцѣлуй ручку моей матушкѣ. Благодарю тебя, что ты ей доставилъ шелкъ, а ей, что она вяжетъ ризо для дамъ нашихъ, и за бахрому для меня.

XVI.

Петровскій заводъ. 3 Іюня 1832.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Дала обѣщаніе писать къ тебѣ каждыя двѣ недѣли; замѣть, что буду очень аккуратной. Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ.

Онъ ожидаетъ твоего извѣщенія, гдѣ ты намѣренъ жить, отдавъ твою деревню въ посессію.—Послѣ твоего послѣдняго письма я не получила отъ Сонюшки писемъ и тоже не знаю, какъ они распорядились: остаются-ли по прежнему въ Хрустовой или переѣдутъ куда-либо въ другое мѣсто.—У насъ о сю пору все продолжались холода, но другой день погода теплая. Въ моемъ огородѣ чуть только начинаетъ выходить все посѣянное. У васъ-же теперь давно, кромѣ всякой зелени, и ягоды есть, pozumki, truskawki (poziomka, truskawka земляника, клубника), już i mayskie gruszeczkie, а у насъ за то цвѣтетъ бобыльникъ, и черемуха начинаетъ, сморчки-грибы есть, но удивительно не хороши: какой то совсѣмъ другой въ нихъ вкусъ, какъ въ нашихъ мѣстахъ.—Зимой одинъ мой знакомый прислалъ мнѣ лимонъ. Ты удивишься, когда скажу тебѣ, что я ему такъ обрадовалась, что чуть не заплакала. Въ минуту перенеслась я въ тѣ мѣста, гдѣ я была счастливѣйшей женщиной, въ кругу моего дорогого семейства. Столько пріятныхъ воспоминаній представилось въ моемъ воображеніи. Взволновалось сердце, и грусть нестерпимая овладѣла мною! Вспомни, другъ мой, съ какимъ живымъ чувствомъ принимала я всегда, когда встрѣчались мнѣ горькія минуты, такъ точно и радостныя. Вспомни, что когда я бывала огорчена, то почти всегда принимая участіе въ знакомыхъ или даже и не знавъ людей, собственное же огорченіе рѣдко я имѣла случай испытать. За то теперь нѣтъ отдыха, нѣтъ радостныхъ минутъ, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдки. Я только тогда и бываю спокойна и счастлива, кода получу отъ васъ пріятныя письма. Братъ твой, какъ ты его знаешь, кажется гораздо меня спокойнѣе и тихо, безъ ропота, повинуется судьбѣ. Никогда я еще не слышала, чтобы онъ желалъ спокойно проводить время гдѣ-либо въ деревнѣ съ вами, друзья мои. Я же поминутно говорю о томъ, что хотѣла бы умереть при васъ, хотѣла бы слышать васъ, видѣть и быть опять счастливѣйшею, какъ была! Братъ твой говоритъ: „мнѣ хорошо; ты со мной, и слава Богу; для Сони-же и брата я слишкомъ серьезный, и они бы скучали со мною“ Впрочемъ, душа моя,

что бы мы ни говорили другъ-другу и какъ бы ни старались себя утѣшить и успокоить, нельзя избѣгнуть, чтобы не быть въ безпрестанномъ волненіи. Наше положеніе слишкомъ нехорошо, и потому нельзя быть нисколько счастливѣе, какъ мы есть, развѣ можно будетъ привыкнуть болѣе современемъ къ своему положенію.—Сегодня, какъ ты самъ замѣтить можешь, мнѣ не должно-бы писать къ тебѣ, потому что я болѣе мрачна, какъ обыкновенно, но какъ надо еще недѣлю ожидать до почты, то и не хочу отлагать. Интереснѣе всего для тебя знать о братѣ твоемъ. Нѣсколько дней, какъ онъ опять чувствуетъ слабость, но все не столько, какъ зимою онъ былъ слабъ. Опять меньше сталъ кушать, но здоровъ, и цвѣтъ лица довольно хорошъ. Какъ онъ худъ, ты бы удивился, увидя, что можно такъ похудѣть. Братъ твой хранитъ сюртукъ, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Тульчина, и точно что теперь можетъ служить шинелью. Фердинандъ Богдановичъ увѣряетъ всегда, что худоба его ничего не значитъ, и что слабость, которую онъ чувствуетъ, находитъ онъ очень обыкновенною при перемѣнѣ климата, но что она не опасна и современемъ пройдетъ. Павелъ Васильевичъ очень тебѣ кланяется. Онъ ожидаетъ присылки денегъ съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что большую имѣетъ въ нихъ нужду.— Прошу тебя поцѣловать ручку моей матушки за насъ обоихъ; обними моихъ дѣтей, если письмо сіе застанетъ тебя съ ними. Когда будешь писать, скажи мнѣ подробно о моей внучкѣ: на кого она похожа, мила-ли она etc. etc... Поклонись отъ насъ также почтенному Игнатію Онуфріевичу. Если будешь въ Каменкѣ, засвидѣтельствуй наше душевное почтеніе, и если будешь въ Рашковѣ, скажи также Емилію Ивановичу, что братъ его здоровъ.—Прощай, другъ мой, любезный братъ! Да сохранитъ тебя Богъ! Братъ твой еще душевно тебя обнимаетъ и проситъ прислать ему курительнаго табаку: у него всего осталось трубокъ на десять, и не знаю, какъ будетъ. Онъ пробовалъ курить предурной, слабый, какой здѣсь достать можно у здѣшнихъ купцовъ, но никакъ не могъ, и я думаю, онъ совсѣмъ себѣ откажетъ въ этомъ удовольствіи,

покуда ты ему не пришлешь. Уже давно онъ, поберегая табакъ, куритъ только четыре трубки въ день. Adieu, mon bon ami. Je t'embrasse d'âme et du coeur et je t'aime autant. Marie Juchniewsky.

XVII.

17 Іюня 1832.
Петровскій заводъ.

Deux postes consecutives nous ont apporté de te nouvelles, mon bon ami, Семенъ Петровичъ! Par la première nous avons reçu ta lettre de 30 Mars, par la dernière celle du 7 Avril. Tu ne peux pas te figurer le plaisir que tu nous procures par tes lettres, d'autant plus qú'elles contiennent quelques détails satisfaisants sur l'arrangement des tes affaires. A la nouvelle que ta as affermé Хрустовая nous nous eûmes à faire des conjectures sur le lieu où tu crois t'établir toi même, mais le revenu modique que tu as assigné pour ton propre entretien nous fit d'abord presumer, que tu te proposes de rester dans ta campaqne. Aussi, mon bon ami, tu as parfaitement raison, car il vaut mieux s'imposer quelques privations et quelques ennuis passagers dans la vue de jouir ensuite de la totalité de te revenus que continuellement d'être embarrassé à se tirer des dettes. Nous sommes bien aises d'apprendre que tu as payé les 6000 roub. aux parents de Павелъ Васильевичъ. A présent il ne reste qu'à souhaiter que cette somme lui parvienne en entier, car il se trouve dépuis bien longtemps dans une penurie absolue. Il m'a chargé de te dire bien de choses, mais voici ses propres expressions: онъ душевно сожалѣетъ, что должна была вмѣшаться земская полиція между вами, но какъ сего исправить уже нельзя, то въ поправленіе сего онъ поручилъ на сей же почтѣ писать къ сестрицамъ его, прося ихъ, по желанію твоему, уплату капитала предоставить возможности собственныхъ твоихъ обстоятельствъ, и онъ надѣется, что сестры его не откажутъ, если ты будешь исправно платить проценты къ 5 Іюня каждаго года, и которые суть единственное средство къ содержанію Павла Васильевича. Онъ очень благодаритъ

тебя за память о немъ и проситъ, чтобы ты былъ увѣренъ, что чувство его къ тебѣ никогда не перемѣнится.—Puisque tu as fait connaissance de M-r Straçesko, je te prie de lui dire bien de choses de ma part ainsi qu'à sa femme; c'est une connaissance qui date je crois dépuis 22 ans. Je serais contente, qu'il remplisse ta commission par raport au tabac, car il y a bien longtemps que ton frère ne fume que du tabac ordinaire de la petite Russie sous une enveloppe de tabac turc. Tu dis, mon chère frère, que tu as vue à Кишиневъ quelques personnes de notre connaissance et qu'elles n'ont point repondu à ton attente; nous trouvons ceci tant simple. Tu les avais vues jadis telles qu'elles avaient eu soin de paraître; à présent elles t'ont fait voir ce qu'elles sont veritablement. Quant à M-r Судичь, je suis étonée que M-r Çarnomski, si je ne me trompe qui est un légiste consommé, ait recommandé un homme pour conduire ton procès, tandis qu'il n'est bon qu'à agir pour lui même.—De M-r Поповскій nous n'avons pas eu de lettres et nous presumons qu'il ne se propose pas nous écrire qu'aprés son établissement à Хрустовая. Je te remercie, mon bon ami, pour les novelles que tu me donnes de mes enfants. J'avais d'abord presumé que leur translocation sera indispensable, car Игнатій Онуфріевичъ a naturellement besoin de logement pour lui et pour les siens. Je suis bien aise d'apprendre que mes enfants vont demeurer à Рашковъ d'abord parce qu'elle jouira de la société de M-me Vegelin et ensuite qu'elle ne sera pas loin de toi, car j'aime toujours à croire, que ma fille n'est pas une étrangere pour toi. Je suis charmée de voir que mon ouvrage t'a plu. Sans partager ce que tu en dis, j'étais cependant sûre que tu apprecieras le plaisir que je trouvais moi même à m'en occuper en pensant toujours à toi.—Благодарю тебя, другъ мой, что ты назначилъ срокъ отправленія твоихъ писемъ къ намъ. Теперь мы будемъ ожидать терпѣливо. Но, по крайней мѣрѣ, мы увѣрены, что по истеченіи четырехъ недѣль мы непремѣнно получимъ извѣстіе о тебѣ, а можетъ быть, какъ ты и самъ обѣщаешь, чаще. Ничего ты мнѣ не сказалъ о матушкѣ моей. Пожалуйста, не забывай въ письмахъ твоихъ сказать мнѣ каждый разъ о ея

здоровьи. Теперь я не могу никакъ угадать, осталась-ли она въ Хрустовой или съ дѣтьми моими переѣдетъ въ Рашковъ. — Братъ твой совершенно здоровъ, но аппетитъ его не возвращается. Не считаю я болѣзнею, что онъ часами бываетъ слабъ, потому что и со мною то-же дѣлается. У насъ на солнцѣ 42½ градуса жара, между тѣмъ цѣлый мѣсяцъ Май топили въ печкахъ: такъ было холодно. И теперь ночи бываютъ очень холодныя. Множество больныхъ въ нашемъ заводѣ, особливо, дѣтей, и я пользую нѣкоторыхъ домашними средствами, которымъ я научилась при покойникѣ нашемъ батюшкѣ, какъ то: парное молоко со спиртомъ и пр...—Прилагаю при семъ письмо Владиміру, не зная, гдѣ онъ. Прошу тебя, мой другъ, отправить ему. Ты несправедливо сказалъ мнѣ, что я не говорю тебѣ ничего о знакомыхъ. Вѣрно, ты не получилъ письма, въ которомъ я сказала тебѣ обо всѣхъ, а теперь тебѣ повторяю, что они помнятъ тебя, любятъ и каждый разъ вспоминаютъ съ чувствомъ дружбы. Ивашева я рѣдко вижу; онъ такъ счастливъ, женившись, и радъ сидѣть подлѣ своей супруги. Басаргинъ—артельнымъ экономомъ на этотъ годъ, занятъ ужасно: я его тоже довольно рѣдко вижу. Фалембергъ—здоровъ, кланяется тебѣ. Онъ въ одномъ номерѣ съ Павломъ Васильевичемъ живетъ. Фердинандъ Богдановичъ очень часто раздѣляетъ нашу бесѣду о тебѣ. Онъ тебя обнимаетъ и благодаритъ, что ты его не забываешь.—Прощай, другъ мой! Братъ твой цѣлуетъ тебя. Пришли ему, пожалуйста, сапоги. Съ будущею почтою пришлю его мѣрку. Когда будешь въ Рашковѣ, обними моихъ за меня, а Графъ и Графиня, я знаю, что выѣхали за границу: M-me Vegueline мнѣ писала.—Душевно любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

XVIII.

Болѣзнь моя была причиной, что я пропустила одну почту. Извини, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Я дала уже обѣщаніе писать каждыя двѣ недѣли, и привыкши всегда

сдерживать данное слово, меня безпокоитъ, пока не извинюсь предъ тобою, хотя не моя вина, что я занемогла. Съ прошлою почтой я имѣла письма три постороннихъ написать и черезъ три дня въ силу ихъ окончила. У меня были судороги въ боку, а ты, видѣвъ меня однажды въ этой болѣзни, можешь себѣ легко представить мое страданіе. Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ. Мнѣ кажется, что у него и цвѣтъ въ лицѣ теперь лучше и здоровѣе, но онъ всегда худъ. Мнѣ его очень жаль теперь: онъ такой мерзкій табакъ куритъ, морщится а слабый самый хотя и можно здѣсь имѣть нѣсколько получше, но никакъ не можетъ курить. Еще черезъ недѣлю, по обѣщанію твоему писать каждый мѣсяцъ, мы должны получить письмо твое; хорошо было-бы, когда бы оно было съ приложеніемъ, т. е. съ деньгами: теперь онѣ у насъ очень нужны—дѣлать запасъ дровъ для зимы и пр.,— Рейхель мой писалъ ко мнѣ, что переѣзжаетъ въ Рашковъ. Когда будешь у нихъ, поцѣлуй ихъ за меня, да пожалуйста, не забывай въ письмахъ твоихъ говорить мнѣ о бѣдныхъ моихъ родныхъ. Понятія не имѣю, гдѣ теперь моя матушка: ни ты, любезный, не сказалъ мнѣ ни слова о ней въ послѣднихъ двухъ письмахъ, ни Сонюшка. Также и о Настасьѣ Александровнѣ ничего не знаю. Имѣя переписку съ нѣкоторыми моими знакомыми, живущими въ вашихъ мѣстахъ, до насъ доходятъ разныя извѣстія, между коими огорчило брата твоего то, что ты, имѣя способы выслать намъ деньги за Стояновскаго, которыя ты взялъ на себя, не поспѣшилъ успокоить нуждающагося твоего брата, а разослалъ деньги тѣмъ, которые имѣютъ тысячи способовъ помочь себѣ, живучи въ большомъ кругу знакомыхъ. Впрочемъ, покуда ты получишь письмо мое, навѣрно, мы давно получимъ деньги, но грустно, что когда болѣе всего имѣешь въ нихъ нужду, тогда ихъ нѣтъ, а когда время пройдетъ, что можно было сдѣлать какое либо заготовленіе, тогда ни достать нельзя ничего, и все втрое дороже надо платить. Съ нашими же способами это очень разорительно.—Поклонись отъ насъ, любезный другъ, доброму Игнатію Онуфріевичу. Мы отъ

него не имѣемъ писемъ, но вѣроятно, будетъ онъ писать, когда совсѣмъ поселится въ Хрустовой. Фердинандъ Богдановичъ кланяться тебѣ поручилъ. Вчерась мы съ нимъ толковали о тебѣ. Онъ тебя очень любитъ и всегда съ большимъ удовольствіемъ говоритъ о тебѣ съ нами. Павелъ Васильевичъ не имѣетъ денегъ о сю пору отъ родныхъ. Онъ старѣетъ и дѣлается день ото дня угрюмѣе. Всѣ другіе твои знакомые здоровы, всегда тебя помнятъ и любятъ. Прощай, другъ мой, буду тебѣ больше писать по полученіи твоего письма. Я еще очень нездорова и не могу долго писать. Желаю душевно, чтобы письмо мое застало тебя въ лучшемъ здоровьи и въ хорошемъ расположеніи, тогда ты на меня не будешь гнѣваться. Иначе письмо мое тебя разсердитъ несправедливо противъ меня. Во всякомъ слѣчаѣ, мой братъ любезный, я лучше желала-бы, чтобы ты имѣлъ причину обвинять меня, чѣмъ самого себя. Еще тебя душевно обнимаю за себя и брата твоего. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и лучшій другъ твой Марія Юшневская.

8 Іюля 1832.
Петровскій заводъ.

XIX.

„Любезный Семенъ Петровичъ! . . . . . .

. . . . . .

Теперь у насъ и передѣлки въ домѣ, и гроша денегъ нѣту. Все въ ожиданіи начали работу: иначе надо бы замерзнуть отъ холоду, не исправивъ печей и не сдѣлавъ другихъ необходимыхъ починокъ. Не дай Богъ, если ты мой другъ, замедлишь: въ большое затрудненіе насъ поставишь.—Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ. Завтра день моихъ имянинъ, и я съ твоимъ братомъ проведемъ день въ воспоминаніяхъ о васъ, хотя нѣтъ дня, въ который бы мы не говорили о тебѣ, или Сонѣ моей, но какъ-то всегда случается, что есть дни, въ которые мы еще больше бываемъ съ вами.—Мое здоровье тоже лучше нѣсколько, но не могу похвалиться, чтобы я была совершенно здорова. Каждый

день огорчаясь, нельзя быть иначе. Одни страданія доведутъ до такого изнеможенія хуже болѣзней всякихъ. Фердинандъ Богдановичъ тебѣ кланяется. Онъ здоровъ. Сегодня, будучи у насъ, просилъ меня сказать тебѣ, что онъ любитъ тебя всегда отъ всего сердца. Басаргинъ, кажется, началъ полнѣть, но такъ мало, что едва примѣтно. Ивашевъ скоро будетъ такъ полонъ, какъ Левен. (?). Вчерась онъ былъ тронутъ до слезъ, прощаясь съ однимъ товарищемъ и другомъ своимъ, который отправленъ на поселеніе, кончивъ назначенные годы въ работу. Съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и Розенъ. Жена его отправилась впередъ. У нея маленькій сынъ, и она тихо поѣдетъ до назначеннаго мѣста для поселенія ея мужа. Очень милая и добрая убыла у насъ дама. Всѣ отъ души радовались, что она, по крайней мѣрѣ, уѣхала въ лучшій климатъ жить, какъ было здѣсь, но не менѣе того грустно было разстаться съ столь милою особой.—У насъ опять сдѣлалось тепло, но какая польза, когда морозъ погубилъ у насъ многія растенія. Пропали мои труды. Огурцы, картофель, разные цвѣты,—все погибло, и я не навѣдываюсь даже въ огородъ: такъ огорчилась. Еще въ послѣдній разъ на будущій годъ попробую засѣять свой огородъ. Если такъ-же пропадетъ, то засажу одними кедрами это мѣсто, сдѣлаю клумбы для моего бѣднаго Еминьки, который очень старъ сдѣлался, уже почти не дышитъ, а хрипитъ, особливо, когда идетъ, но все очень интересенъ, и я люблю его, кажется, еще больше....

22 Іюля 1832.
Петровскій заводъ.

XX.

12 Августа 1832.
Петровскій заводъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ! . . . . . .

. . . . . .

Аврамовъ кланяется тебѣ, желаетъ благополучія и никогда не переставалъ любить тебя. Что касается до насъ, то мы

не можемъ довольно нахвалиться его дружбой. Фердинандъ Богдановичъ тоже душевно тебя обнимаетъ. Онъ здоровъ. И слава Богу нельзя пожаловаться, чтобы у насъ въ эту минуту были больные, хотя время очень холодное. Здѣшніе жители говорятъ, что 20 лѣтъ тому точно было такое лѣто. У насъ морозы начались въ іюлѣ мѣсяцѣ, и было три мороза, которые погубили всѣ наши огороды. Въ окружности Петровскаго обѣщаютъ неурожай. Цвѣтъ хлѣба позябъ, и слѣдовательно, осталась одна солома. Сѣна тоже нѣтъ: очень мало, и дурное. Дороговизна будетъ великая, а у насъ и безъ того нельзя похвалиться, чтобы дешевый хлѣбъ, за то говорятъ, что кедровыхъ орѣховъ очень много. Здѣсь мы, люди бѣдные, кому изъ Россіи не присылаютъ прованскаго масла, употребляемъ орѣховое, и съ салатомъ хорошо довольно, но я не могу ѣсть его: меня оно очень тошнитъ, а рыбу жарить въ этомъ маслѣ очень хорошо. Впрочемъ, здѣсь такъ называемый безмѣнъ, значитъ 2 съ половиною фунта, стоитъ 3 рубля сего масла,—тоже нельзя сказать, дешево: это полштофа выходитъ.—Вотъ тебѣ, душа моя, описала часть одну по хозяйству. Если тебя не интересуетъ, то извини, что отняла у тебя время, которое ты бы могъ лучше употребить. Холодъ лишилъ насъ даже удовольствія кушать здѣшнія ягоды. Земляники было очень мало; малины вовсе нѣтъ. Одни у насъ и есть здѣсь грибы, масленики и рыжики. И тѣхъ о сю пору еще не видать.—Представь себѣ, милый другъ, что я пишу и поминутно руки грѣю: перо не могу удержать,—такъ озябла. Я же сегодня дома. У насъ поправки въ домѣ, и нельзя печку затопить. Братъ твой бранитъ меня, зачѣмъ шубу не надѣну, а мнѣ совѣстно въ это время надѣть ее. Братъ твой, благодарю Бога, здоровъ. Онъ поправился въ лицѣ, но самъ онъ не полнѣетъ однакоже. Онъ теперь гораздо бодрѣе и въ лучшемъ расположеніи духа. Братъ твой цѣлуетъ тебя сердечно и желаетъ, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здоровьѣ и спокойнымъ отъ твоихъ хлопотливыхъ дѣлъ. Прости мой другъ! Прошу тебя

поцѣловать ручку у моей маменьки. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и другъ Марья Юшневская.

XXI.

. . . . . .

. . . . . , ...

Всѣ твои знакомые кланяются тебѣ. Какъ часто говорю я съ ними о тебѣ, и они, зная, что это любимый мой разговоръ, ничего не упускаютъ въ воспоминаніяхъ самыхъ пріятныхъ. Недавно говорили мы, какъ ударились о закладъ идти пѣшкомъ на .....[1]); ходили въ театръ съ тобой, Бѣлявская; Александръ Крюковъ про М-me Месъ вспомнилъ; какъ похоже рисовалъ ты Балабана, Вишневскаго, горячая нога, которою билъ онъ тактъ, давая тебѣ уроки; поѣздка наша въ Умань, обѣдъ въ Софіевкѣ,—все такъ живо представляется памяти моей, все это о сю пору столько дѣлаетъ меня счастливою. Помнишь, какъ ты выслалъ Владиміра ко мнѣ, когда была я въ С.-Петербургѣ. Неужели ты теперь настолько же добръ? Да, мой другъ, ты тотъ-же, и я тебя иначе не умѣю себѣ представить.—Вообрази себѣ, мой другъ, письмо сіе пишу я тебѣ въ тюрьмѣ; противъ меня сидитъ твой братъ, играетъ на фортепьянахъ Фрейшюца (а 4 mains, съ тобою, бывало, онъ игралъ); подлѣ него стоитъ Пестовъ, который слушаетъ твоего брата, а я пишу къ тебѣ, душевно утѣшаясь прошедшимъ: лишь тѣнь моя теперь здѣсь,—мое все помышленіе въ эту минуту при тебѣ.—Прощай, любезный братъ! Если тебя письмо сіе такъ потрясетъ, въ какомъ я волненіи пишу его, то ты меня бранить будешь, зачѣмъ я его написала.—Прощай! Я и братъ твой всѣмъ сердцемъ тебя обнимаемъ и желаемъ, чтобы письмо мое застало тебя здоровымъ и спокойнымъ душевно. Вручи письмо мое ма-

[1]) Слово не разобрано.

тушкѣ и поцѣлуй у нея ручку.—Лучшій твой другъ и сестра Марья Юшневская.

29 Іюля 1832.
Петровскій заводъ.

Пожалуйста, всѣ письма, которыя ты пишешь твоему брату, адресуй на мое имя.

XXII.

26 Августа 1832.
Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за присылку давно ожидаемыхъ полутора тысячъ рублей, которые, наконецъ, мы получили. Нельзя описать тебѣ, до какой крайности дошли мы, ожидая оныхъ. Душевно благодаримъ почтеннаго Игнатія Онуфріевича за то, что онъ доставилъ тебѣ возможность выслать эту сумму. Кромѣ дружбы, какую онъ тебѣ оказываетъ, мы увѣрены, что испытанное расположеніе его къ намъ не мало способствовало къ оказанію этого одолженія. Потрудись засвидѣтельствовать ему нашу благодарность и дружбу.— Съ большимъ участіемъ читали мы нѣкоторыя извѣстія о прежнихъ нашихъ знакомыхъ и въ особенности о почтенномъ Карлѣ Ѳеодоровичѣ. Жаль, что ты ничего не сказалъ о Софьѣ Карловнѣ, о которой очень желаемъ узнать, гдѣ и какъ она живетъ, и потому прошу тебя, мой другъ, узнать о ней и насъ увѣдомить. Съ чувствомъ душевной благодарности читалъ братъ, сколько ты хвалишься расположеніемъ, которое Карлъ Ѳеодоровичъ тебѣ оказываетъ. Засвидѣтельствуй ему нашъ поклонъ и увѣрь, что гдѣ-бы мы ни были, никогда не изгладится въ насъ память о неизмѣнномъ участіи и дружбѣ, которыя онъ во всѣхъ обстоятельствахъ, несмотря ни на какіе перевороты судьбы, постоянно намъ оказывалъ. Братъ очень желаетъ, чтобы ты постарался сохранить расположеніе этого добраго и почтеннаго человѣка. О графѣ я читала уже въ нѣмецкихъ

и французскихъ газетахъ въ одно время съ полученіемъ твоего письма отъ 10 Іюня, что онъ въ половинѣ того-же мѣсяца былъ уже въ Вюрцбургѣ.—Ton frère a été très sensible aux expressions d'amitié que tu lui adresse en particulier dans ta lettre. Il te prie d'être persuadé, qu'il n'a jamais cessé de t'aimer mutuellement en depit de ce qu'il m'avait chargé de te dire dans quelques une de mes lettres. Il est très content d'apprendre ce que tu dis au sujet de tes occupations. Il te conseille de ne point négliger la musique sans te decourager de ce que t'a dit Nowotny. Tu auras toujours assez de la force pour executer toute pièce de musique de la manière à en comprendre les idèes et même les beautés non pas pour se faire entendre, mais au moins pour te contenter toi même, et c'en est assez pour un amateur. Tu sais que c'était toujours l'occupation favorite de ton frère. Il sent cependant qu'ayant été privé pendant quelques années de piano il a beaucoup perdu de la force. Néanmoins il ne cesse point de consacrer à la musique toutes les heures qu'il peut derober à la lecture. Son piano est tellement delabré qu'il n'y a pas moyen de bien executer les difficultés. Si jamais nos affaires seront ameilliorées je ferai mon possible de lui procurer un autre instrument, surtout un royal pour pouvoir jouer avec accompagnement, car dans sa position la musique lui procure constamment des jouissances qu'aucune autre occupation ne saurait suppléer. En attendant il te prie, mon cher ami, de lui procurer par la première occasion deux de ses pièces favorites qui se trouvaint autrefois dans sa collection. Comme il ne peut pas en indiquer les numeros je t'en ecrirai le commencement. C'est une sonate de Pixis que tu connais tres bien, accompagnée de violon ou de violoncelle; il desire l'avoir avec les deux parties d'accompagnement. Ensuite des variations de Moscheles sur un air autrichien [1]), et enfin Variations par Herz sur la dernière valse de Weber op. 51,—c'est, je crois, la seule pièce de Herz qui merite d'être entendue et encore ce n'est que parceque le thème

[1]) Затѣмъ слѣдуютъ двѣ строки нотъ сонаты Пиксиса и Варіацій Мошелеса.

n'est pas de lui. Nous avons ici les catalogues de musique de Petersbourg et de Moscou, mais ce n'est le temps de panser à venir des notes. Si cependaut il t'arive d'entendre quelque chose de très beau et de nouveau soit avec soit sans accompagnement tu feras un grand plaisir à ton frère en le lui procurant quelque fois. Mais avant cela tache de lui envoyer du tabac, car il n'en a plus aucun et a cessé de fumer. Ton frére se porte bien. Il t'embrasse tendrement et il t'aime de tout son coeur.—Я хочу еще сказать тебѣ, мой другъ, Семенъ Петровичъ, что у насъ есть квартетъ, и братъ твой въ этомъ квартетѣ играетъ на альтѣ. У насъ музыканты, которые очень напоминаютъ Сабурова, Бѣлявскаго, Александра Потоцкаго etc..—Бѣдная Бѣлявская! Какъ-то она хозяйничаетъ въ своемъ виноградномъ саду. П. В., быть можетъ, изъ жалости къ ея сиротству, женился бы, если бы она была здѣсь. Когда ее увидишь, поклонись ей отъ меня. Вольфъ тебѣ кланяется, Басаргинъ, и, однимъ словомъ, всѣ знакомые. Какъ интересно было прочесть имъ всѣмъ про тульчинскихъ знакомымъ, и ты, милый мой, снабжай иногда извѣстіями о знакомыхъ.—Въ сію минуту, когда пишу къ тебѣ это письмо, другъ мой, сидитъ у меня Марфа Дмитріевна Ринке..... и поручаетъ поклониться отъ нея брату, Осипу Варѳоломеевичу. Она очень добрая и милая особа, говоритъ такъ плавно и хорошо, что пріятно ее слушать. Въ первые дни нашего знакомства она поплакала, вспоминая своего покойника, Варфоломея, а теперь говоритъ она спокойно. Дѣтей она не взяла съ собой, но въ другой пріѣздъ сюды она привезетъ. Говоритъ, что старшій, Александръ, очень похожъ на отца. Потомъ дочь Анна, и меньшій самый сынъ, Дмитрій, похожъ на дядю, Осипа. Человѣкъ, Емельянъ, который пріѣхалъ сюда съ братомъ Рин., просилъ меня очень поклониться отъ него Осипу Варфоломеевичу.—На сей разъ будетъ писать тебѣ, другъ мой: мнѣ еще очень много съ сею почтою надо писать, а у меня сидитъ гостья. Отъ Сонюшки моей два мѣсяца не имѣю я извѣстій. Съ прошлою почтою получила я отъ Вегелиной. Она мнѣ сказала, что мои дѣти—здоровы, а тебя прошу всякій разъ, когда ты

ихъ видишь, увѣдоми меня о нихъ.—Поцѣлуй ручку за меня у матушки моей. Скажи ей, что я и мужъ мой здоровы.—Я прозябла до костей: у насъ другой день снѣгъ идетъ. Голодъ ужасный: хлѣба не будетъ, и дороговизна неимовѣрная, навѣрное, будетъ.—Adieu, mon cher, mon bon ami! Je t'embrasse d'âme et du coeur et suis sincerement attachée, soeur et amie, Марья Юшневская.

XXIII.

Милый, любезный, другъ, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, не чувствуетъ слабости, которая его ужасно томила, и поправился немного въ лицѣ, но боль по утрамъ бываетъ у него, особенно, подъ грудью. Вольфъ говоритъ, что это нервическая боль. Она его мучаетъ днями и часто его безпокоитъ. Я почти всякій день имѣю такую-же боль. И нельзя не разстроить здоровья, перенеся столько душевныхъ потрясеній. Я съ твоимъ братомъ и теперь столько имѣемъ причинъ огорчаться. Не говоря, что довольно уже нашего положенія, погода у насъ несносная: вчерась цѣлый день шелъ дождь, и сегодня сырая и вѣтрянная погода. Все лѣто, какъ ты по письмамъ моимъ видѣлъ, было у насъ дурное. У насъ началъ хворать скотъ, и у меня бѣдной захворала корова. Жаль будетъ, когда пропадетъ. У насъ очень вздорожалъ хлѣбъ, и угрожаютъ, что недостатокъ будетъ въ хлѣбѣ: неурожай сей годъ. Послѣ полученія денегъ отъ тебя, мой другъ, мы половину употребили на уплату долговъ въ разныя руки, исправили нашъ домикъ къ зимѣ, заготовили дрова и заготовили сѣна. Но, можетъ, корова у насъ пропадетъ, тогда напрасно заботились. Какъ ни стараюсь я заводить по маленьку мое хозяйство, чтобы симъ и издержки укротить, но намъ ничто не удается, и способа нѣту достать порядочную бабу, которая-бы смотрѣла за домомъ, а что укажешь пальцемъ и еще къ тому настоишь, только то и сдѣлано. Несносно скучно съ здѣшнею услугою. Здѣсь бабы такъ

пьютъ, что у насъ рѣдко мужика найдешь, однимъ словомъ, какъ въ Хрустовой у тебя поваръ Гришка и Анисимъ портной. Ты посуди, что къ сему и на руки нечисты, по большей части. И такъ теперь представь себѣ, мой другъ, какъ должна я заботиться сама обо всемъ. Пожалѣй меня, а пособить моему горю, хоть бы ты и хотѣлъ, нельзя.—На дняхъ братъ твой игралъ въ квартетѣ на Альтѣ. Сколько разъ я вспоминала тебя и не могла удержаться отъ слезъ. Играли Фрейшюца и Русскую Пѣсню съ варіаціями. Я хочу тебѣ сознаться, что я огорчила немного первую скрипку. Когда начали приставать, зачѣмъ я расплакалась, я сказала, что такъ сильно сфальшивила скрипка и такъ запищала, что у меня сдѣлались спазмы. Разумѣется, мнѣ не повѣрили: одно самолюбіе не допустило бы повѣрить сему, а къ несчастью, у нашихъ музыкантовъ съ избыткомъ его..... Впрочемъ, віолончелистъ у насъ успѣваетъ болѣе другихъ. Братъ твой играетъ на Альтѣ и въ квартетахъ, надо ему отдать справедливость, читаетъ очень твердо свои ноты. Послѣ завтра хочетъ онъ поиграть на фортепьянахъ со скрипкою. Вадковскій очень хорошо и пріятно играетъ, и онъ—первая скрипка, а Николай Крюковъ—вторая,—можешь посему посудить, какой бѣдный музыкантъ [1]). И такъ, другъ мой, изъ письма сего ты видишь, что иногда мы очень горюемъ, а иногда разсѣиваемъ наше горе, хоть на нѣсколько часовъ. Отъ Сонюшки скоро три мѣсяца какъ не имѣю вовсе писемъ. Это меня ужасно огорчаетъ, но дѣлать нечего, какъ терпѣть. Всѣ твои знакомые очень, очень, тебѣ кланяются, всѣ тебя помнятъ и любятъ. Даже и тѣ, которые тебя не видѣли, охотно рады посвятить нѣсколько времени для бесѣды съ нами о тебѣ. Мой другъ, изъ моихъ писемъ ты видишь, что я постоянно люблю тебя, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ твоихъ привыкла раздѣлять чувства братней къ тебѣ привязанности. Мужъ мой вселилъ въ меня эти чувства: онъ любилъ всегда тебя со всею нѣж-

[1]) Квартетъ? Фраза непонятная.

ностью. Братъ твой и я душевно тебя обнимаемъ и любимъ тебя всѣмъ сердцемъ. Марія Юшневская.

3-го Сентября.
1832.
Петровскій заводъ.

XXIV.

13 Сентября. 1832.
Петровскій заводъ.

Вчерась зашелъ къ намъ ввечеру Одоевскій [1]), милый другъ мой, Семенъ Петровичъ, и сказалъ весьма огорчительную вещь: тетушка его, г-жа Ланская, пишетъ ему, что бѣдная графиня Стефани скончалась. Меня ужасно разстроило это извѣстіе. Еще ударъ доброй почтенной графини. Сильно поразитъ ее несчастіе сына ея Людвика. Увѣдомь меня, другъ мой, дѣти его съ нимъ-ли или будутъ жить у бабушки графини. Какъ намъ жаль графа Людвика. Трудно ему перенести такую потерю: онъ былъ счастливъ своею женою. Братъ твой здоровъ, благодарю Бога, душевно тебя обнимаетъ и проситъ тебя поклониться отъ него доброму Игнатію Онуфріевичу. Отъ Рейхеля уже скоро три мѣсяца, какъ не имѣемъ никакого извѣстія. Между тѣмъ получила я уже два письма отъ M-er Weguelin. Онъ пишетъ, что они всѣ здоровы. Не понимаю, почему они не пишутъ. Когда увидишься съ ними, попеняй имъ, пожалуйста. Братъ твой не куритъ вовсе теперь трубки: нѣтъ табаку, и я горюю, что сего удовольствія не могу ему доставить. Ожидаю, однако же, что вскорѣ ты ему пришлешь. Я много разъ, любезный другъ, просила тебя о семъ и теперь еще повторяю мою просьбу. Не ожидай очень хорошаго табаку, пришли, какой можно достать у.... [2]) въ Тульчинѣ. Лишь бы былъ крѣ-

[1]) Примѣчаніе въ подлинникѣ внизу страницы: „двоюродный братъ тому, съ которымъ ты учился въ пансіонѣ и также поэтъ“.

[2]) Имя продавца не разобрано.

покь: ты знаешь, что братъ твой слабаго не можетъ курить. Съ прошлою почтою я писала тебѣ, что у насъ, въ Петровскомъ, скотской падежъ, и что у меня корова захворала. Потужи со мной: она пропала, и ты мнѣ изъ Хустовой другой прислать не можешь. Удивительно, какъ пропадаетъ скотъ. Мнѣ вчерась сказали, что въ одномъ табунѣ, гдѣ было 470 штукъ, осталось только 32 [1]). Все у насъ дороже становится. Вообрази, что пудъ муки ржаной простой (потому что у насъ пеклеваной не бываетъ) по рублю пятьдесятъ коп., а сюда мы пріѣхали былъ пудъ по 70 куп. И въ соразмѣрности съ симъ все такъ вздорожало. П. В. кланяется тебѣ. Вольфъ, Басаргинъ и прочіе твои знакомые всѣ тебя обнимаютъ, всѣ здоровы, и всѣ тебя помнятъ. Сегодня вечеръ провели мы, вспоминая И. С. Гаргали и его семейство,—Лореръ ихъ знаетъ,—и семейство добрыхъ нашихъ сосѣдей. Пожалуйста, увѣдомь меня подробнѣе о нихъ. Скажи также, часто-ли ты видишь państwo Chomentowskich (господъ Хоментовскихъ): ты давно ничего о нихъ не говоришь... Послѣ завтра у меня двѣ имянинницы, дочь и внучка, и натурально, буду я въ ихъ въ кругу, хотя не проходитъ дня, чтобы въ мысли не быть съ вами. И кончится всегда, что сдѣлается еще грустнѣе, расплачусь, а пособить своему горю невозможно. Братъ твой читаетъ теперь Mémoires d'un Apothicaire. Онъ былъ въ плѣну во время войны французовъ съ испанцами. Я съ большимъ любопытствомъ слушала: такое сходство съ нашимъ положеніемъ. Прочти, если тебѣ попадется эта книга. Постарайся достать себѣ романъ въ двухъ частяхъ „Notre Dame de Paris“ par Victor Hugo. Ручаюсь тебѣ, что съ большимъ удовольствіемъ прочтешь его. Напиши брату, милый мой, что теперь тебя занимаетъ, какое чтеніе: ему пріятно знать все, что касается до тебя и твоихъ занятій. Прости, любезный другъ, братъ твой и я душевно тебя обнимаемъ и молимъ

[1]) Въ концѣ страницы письма правительственной цензурой сдѣлана приписка: „несправедливо“.

Бога, чтобы ты былъ здоровъ. Сестра и другъ твой Марія Юшневская.

Матушкѣ моей поцѣлуй ручку за меня и скажи, что я и мужъ мой здоровы.

XXV.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ! вчерась получили мы письмо твое, писанное въ Тульчинѣ, на дорогѣ твоей въ Каменецъ. Оно отъ 6-го Іюня, но послано, я полагаю, 13 числа. Ты пишешь, что Рейхель писалъ ко мнѣ. Мы не получили письма его. Быть можетъ, съ будущею почтою получу. Тебя же прошу, душа моя, во всякомъ твоемъ письмѣ увѣдомляй меня о нихъ. Въ прошломъ письмѣ я тебѣ сказала, что ужь три мѣсяца, какъ отъ нихъ не имѣю писемъ, а однажды я 7 мѣсяцевъ не получала. Скоро я совсѣмъ ослѣпну отъ слезъ: такъ меня мучаетъ ихъ молчаніе. Ты можешь представить себѣ легко, сколько я благодарна тебѣ, что чаще намъ теперь пишешь, и что въ письмахъ твоихъ говоришь о дѣтяхъ моихъ... Другъ мой, Семенъ Петровичъ! Срокъ мой писать тебѣ съ будущею почтою, потому что пишу я каждыя двѣ недѣли аккуратно, но, получа письмо твое, я не могу утерпѣть, мой любезный, чтобы не отвѣтить тебѣ тотчасъ; съ будущею почтою буду подробнѣе и отвѣчать на твое письмо, вмѣстѣ сообщу тебѣ все, что братъ твой мнѣ поручаетъ, но сегодня, пришедъ изъ каземата, вздумала я тебѣ написать коротенькое письмо, чтобы только сказать, что братъ твой здоровъ, ночи три не спалъ почти вовсе. Ты знаешь, что онъ иногда страдалъ безсонницей отъ геморроидальныхъ припадковъ. И теперь онъ очень иногда страдаетъ. Впрочемъ, онъ здоровъ теперь и немного поправился, но не мало не пополнѣлъ; только цвѣтъ лица сдѣлался здоровѣе и чище. Письма два писала я тебѣ и собиралась просить, чтобы ты выслалъ брату календарь на будущій годъ, но забывала. Сдѣлай дружбу, душа моя, пришли брату не-

премѣнно календарь тотчасъ по полученіи сего письма и, если нельзя достать Петербургскій, то хоть Бердичевскій. а то мученіе безъ него, и помни разъ на всегда, чтобы заранѣе высылать ему просимый календарь на будущій годъ: ты брата очень симъ одолжишь. Благодарю тебя, мой другъ, также за обѣщаніе исполнить мои коммиссіи. Я и не помню, любезный, какія тебѣ поручила, и пожалуйста, любезный другъ, если бы мнѣ и случилось когда о чемъ тебя попросить для себя, не обращай никакого вниманія и не исполняй моихъ просьбъ, когда я прошу тебя о чемъ-либо для себя, но если я прошу тебя о чемъ-нибудь для брата твоего, тогда, пожалуйста, высылай ему все, потому что я только прошу о томъ, въ чемъ онъ нуждается, и увѣрена, что ты очень бы огорчился, если-бы я лишила тебя удовольствія позаботиться о нуждахъ твоего брата. Что касается до меня, мнѣ ничего болѣе не надо, какъ только, чтобы брату твоему было хорошо, и еще было-бы мнѣ что нужно для работы: я не могу безъ занятія быть. Прости мой милый другъ, любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Да сохранитъ тебя Богъ въ добромъ здоровьи. Любящая тебя всѣмъ сердцемъ сестра и лучшій другъ твой на всегда, Марія Юшневская.

24 сентября 1832.
Петровскій заводъ.

Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни.

Лѣто 1904 г. посвящено было мною археологической экскурсіи по Ковельскому уѣзду Волынской губерніи, давшей не мало любопытнаго, хотя еще необработаннаго матеріала. Между прочимъ, не мало подобнаго матеріала найдено мною въ м. Ратно. Нѣкоторые изъ найденныхъ здѣсь документовъ, въ точной копіи приводимые ниже, послужили основаніемъ для настоящей замѣтки. Не представляя чего-либо оригинальнаго, они даютъ однако нелишнюю черту для характеристики митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго, для исторіи отношеній между православнымъ населеніемъ Волыни, его духовными руководителями-уніатами и католическимъ духовенствомъ.

„Въ Ратнѣ православная вѣра издревле процвѣтала. Жители его были весьма тверды въ вѣрѣ своихъ предковъ и энергично отстаивали ее, противясь насильственнному введенію у нихъ уніи“ [1]). Характеристика довольно распространенная не для одного Ратна. Изъ того, что Ратно значится въ спискѣ городовъ, въ которыхъ предоставлены были православнымъ извѣстныя права по статьямъ „объ успокоеніи

[1]) Н. И. Теодоровичъ: Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. т. V. Почаевъ, 1903 г., стр. 353.

религіи" 1632 г. и изъ отношеній Ратненскихъ мѣщанъ къ своему Пречистенскому священнику-уніату Михаилу Кульчицкому въ 1635 г., выводится, что только во второй четверти XVII в. появилась унія въ Ратнѣ и была встрѣчена населеніемъ весьма непріязненно. Акты, послужившіе матеріаломъ для настоящаго сообщенія, заставляютъ внести въ это положеніе значительную поправку.

Въ основѣ тенденціозныхъ сужденій, подобныхъ вышеприведенному, заключается смѣшеніе отношеній къ уніи народной массы и ея богословски-образованныхъ руководителей. Кромѣ того, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, даже въ руководящихъ слояхъ православной западно-русской интеллигенціи протестъ противъ уніи обусловливался не столько ея догматико-каноническою сущностью, сколько тою безцеремонностью, съ какою введена она была двумя епископами, при поддержкѣ превысившаго свои права въ этомъ отношеніи короля. Какъ относились къ вопросу объ уніи вообще въ концѣ XVI в. даже такіе руководители православной западно-русской интеллигенціи, какъ князь К. К. Острожскій, это вещь общеизвѣстная. A priori можно утверждать, что низшіе классы западно-русскаго населенія еще менѣе способны были въ латинствѣ видѣть иную, чуть не басурманскую, еретическую вѣру, еще менѣе способны были разсуждать о догматическихъ тонкостяхъ, въ родѣ Filioque, о каноническихъ правахъ Константинопольскаго патріарха или Римскаго папы и т. п. Унія въ той формѣ, какъ она вводима была на Руси, имѣла для большинства русскаго населенія другое значеніе: унія была посягательствомъ на его національную особность, на его вѣковыя традиціи. Для массы было дорого наслѣдіе предковъ въ его наиболѣе доступной, внѣшней формѣ: старый обрядъ, старый календарь, свои священники, свои храмы. И какъ латинство издавна въ глазахъ народа отожествилось съ полонизмомъ, католическая вѣра была вѣрою польскою, такъ и православіе стало національнымъ русскимъ лозунгомъ не во мгновеніе ока, а постепенно, въ силу нескрываемыхъ

польско-католическихъ тенденцій неумѣренныхъ ревнителей уніи. Эти послѣдніе, видя въ уніи лишь замаскированное латинство, первый рѣшительный шагъ къ ополяченію, всѣми силами старались довести націю до естественнаго и неизбѣжнаго конца. Отсюда и развивались народныя волненія, которымъ болѣе образованные православные богословы, лучше понимавшіе религіозную опасность уніи, могли только способствовать: но не они, а сами уніаты и католики вызывали эти волненія.

17 октября 1614 г. мѣщане Ратненскіе подали митрополиту Іосифу Вельямину-Рутскому жалобу на религіозныя притѣсненія имъ. Изъ акта не видно, чтобы мѣщане противились недавно провозглашенному религіозному соединенію и не признавали уніатской іерархіи. Ихъ желанія сводятся лишь къ тому, „абы мы.. мали заховане при всихъ стародавныхъ.. церемонияхъ и набоженствѣ звыкломъ.., абы календар стародавный.., а также порядкомъ своимъ свята припадаючые отпраздновалися..; абы свещенницы наши в костеле службы не отправовали..; абы в своихъ парафѣяновъ наши свещенницы охрещовали, а не ксондзъ.. и абы в своего ксондза римляне споведалисе, а нас до того абы не примушали". Вотъ и всѣ ихъ желанія. „А што ся ткнет секраментов костелных и церкви нашое (уніатской), признаваемо и вѣримо; также стороны братства намъ с католиками, давно ихъ маемо за братию, а не маемо, Боже уховай, за геретики". Ратненскіе мѣщане согласны даже и на то: „который бы то схотѣлъ, по доброй воли своей, утечисе до ксендза, жадаючи исповѣди, того волно приняти". Какъ видно, требованія Ратненскихъ мѣщанъ были весьма скромны, и письменное выраженіе ихъ въ жалобѣ митрополиту свидѣтельствуетъ, что даже эти скромныя желанія встрѣчали препятствіе со стороны Ратненскихъ ксендзовъ, можетъ быть, не безъ, содѣйствія въ томъ послѣднимъ со стороны свѣтскихъ властей.

Ходатайство Ратненскихъ мѣщанъ было одною изъ многочисленныхъ, вѣроятно, жалобъ подобнаго рода, заставившихъ митрополита Рутскаго, незадолго передъ тѣмъ въ 1613 г.

занявшаго митрополичью каѳедру, рѣшиться на попытку личнымъ посѣщеніемъ установить modus vivendi. Тѣмъ же 17 октября 1614 г. помѣчена грамота его Ратненскимъ мѣщанамъ, служащая отвѣтомъ имъ на вышеизложенную жалобу. Здѣсь Рутскій прежде всего указываетъ на цѣль своего архипастырскаго объѣзда „до епископій иншихъ.. еслибы в епископіяхъ ихъ нестроенне было, в кротости духа исправити, приехавшы". Въ Ратнѣ м. Рутскій имѣлъ совѣщаніе сначала со священниками, а потомъ и съ громадою городскою, и затѣмъ далъ мѣщанамъ вышеуказанную грамоту. Въ ней онъ исключительно почти настаиваетъ на необходимости признанія церковной уніи: „кто в таком соединеню не будет, тотъ спасен не будет". Далѣе митрополитъ обѣщаетъ, что „за тымъ соединенемъ жадная уйма церемоній нашихъ церковныхъ не будет", а именно: „в службе божой в хлѣбе кисломъ.. тежъ шафоване божих даров и всякое иное услуговане церковное ведлуг требников стародавных.., свята урочистые ведлуг календара старого.., ксенжа плебани в парафии свещенников нашихъ... втручатися нє мают, то ест в крещение, въ погребение и в венчание.., до споведи пред собою примушати не мают". Согласно заявленію мѣщанъ, митрополитъ допускаетъ однако исповѣдь православныхъ у католическаго ксендза, „если бы хто доброволне с потребы якое ксендзови споведатися хотел". Затѣмъ слѣдуетъ сравнительно обширное разсужденіе о достоинствѣ и превосходствѣ римской церкви и о значеніи уніи для спасенія души.

Такимъ образомъ, митрополитъ-уніатъ соглашается на всѣ требованія Ратненскихъ мѣщанъ и готовъ ихъ защищать всею своею „владзою, з моцы послушенства духовнаго", только бы поддержать и сохранить дорогую для него унію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ готовъ стать въ противорѣчіе съ высказанными положеніями, допуская, „втручатися в порафии" православныя ксендзамъ—противъ чего сейчасъ только горячо возражалъ—если того пожелаетъ уніатъ-прихожанинъ. Въ актѣ, содержаніе котораго мы сейчасъ изложили, вполнѣ подтверждается извѣстная доселѣ характеристика м. Іосифа

Вельямина-Рутскаго, этого fidei columnae Russiaeque Athanasii, умнаго и дальновиднаго ученика о.о. іезуитовъ, горячаго католика въ душѣ, но умѣвшаго подчинить свои католическія тенденціи требованіямъ политической осторожности.

Извѣстно, какую роль сыграли въ борьбѣ православныхъ съ уніатами западно-русскія православныя братства. Особенно на первыхъ порахъ уніи это было оружіе противника болѣе слабаго. Право патроната обезпечивало многія православныя общины Западной Руси болѣе могущественнымъ и дѣйствительнымъ покровительствомъ православныхъ магнатовъ. Подобнаго покровительства лишены были общины, подчиненныя во всѣхъ отношеніяхъ непосредственно правительству. Въ такомъ положеніи стояли старостинскіе города, и потому-то и возникли въ подобныхъ городахъ наиболѣе знаменитыя братства, которыхъ не видимъ въ то же время въ городахъ частно-владѣльческихъ. Мѣщане усердно поддерживали свои братства, обезпечивали ихъ матеріально, заботились о развитіи при нихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Было-ли въ началѣ XVII в. братство въ Ратнѣ, утверждать пока не берусь. Я склоненъ, однако, думать, что оно было, и можетъ быть, въ это именно время и организовалось. Косвенное подтвержденіе этого предположенія я нашелъ въ томъ же м. Ратнѣ, въ рукописномъ евангеліи Воскресенской церкви этого мѣстечка. Здѣсь въ концѣ книги находится запись (любопытная и со стороны языка), данная мѣщанами и жителями окрестныхъ селъ и деревень на разныя земельныя угодія Воскресенскому попу Даніилу Тиховичу (см. прилож. № 3-й). Къ сожалѣнію, въ записи нигдѣ не употребляется терминъ „братство“. Думаю однако, что терминъ этотъ надо читать между строкъ, судя по многочисленности упоминаемыхъ жертвователей и ихъ географическому распредѣленію. Запись также не датирована, но имя упоминаемаго здѣсь въ качествѣ свидѣтеля попа Пречистенскаго Ратненскаго Гриня Тиховича я нашелъ пять разъ въ той же актовой книгѣ 1608—1625 г.г. подъ 1608, 1610, 1611 и 1612 г.г. Другое рукописное евангеліе, находящееся нынѣ

въ Рождество-Богородичной церкви м. Ратна, писано въ 1610 году Воскресенскимъ священникомъ Ѳеодоромъ Григорьевичемъ Гриневичскимъ. Отсюда, если только въ Воскресенской церкви Ратна не было одновременно двухъ священниковъ, то вышеупомянутая запись Ратненскаго братства относится ко времени не позже 1609 г.

Враждебныя отношенія между Ратненскимъ уніатскимъ духовенствомъ и мѣщанами начались значительно раньше 1635 г., къ которому относитъ начало подобныхъ столкновеній Н. И. Теодоровичъ. Помѣщенный ниже документъ № IV показываетъ, что такія столкновенія имѣли мѣсто уже въ 1623 г. Весной этого года не мало Ратненскихъ мѣщанъ отправилось на „отпустъ“ (вѣроятно 9 мая, въ праздникъ св. Николая Чудотворца) въ сосѣдній Мѣлецкій монастырь, который тогда еще оставался „въ схизмѣ“. Въ наказаніе за это, Воскресенскій священникъ Григорій Гарашко не допустилъ ихъ къ цѣлованію св. Евангелія. Мѣщане взбудоражились, начали шумѣть въ церкви, бранить священника и, наконецъ, демонстративно вышли почти всѣ изъ церкви. Гарашко подалъ жалобу на зачинщиковъ „мятежа“ въ мѣстный магистратскій судъ, ссылаясь, между прочимъ, на то, что посѣщеніе схизматическаго монастыря воспрещено и мѣстною владѣлицею. Судъ приговорилъ обвиняемыхъ къ аресту въ городской тюрьмѣ и затѣмъ обязалъ просить прощенія у священника и у пани старостины.—Дальнѣйшія послѣ этого отношенія между Ратненскимъ пастыремъ и пасомыми врядъ-ли могли быть дружелюбными. Не послужило ли это обстоятельство причиною и того, что Ратно попало въ списокъ городовъ, въ которыхъ вскорѣ православные должны были получить нѣкоторыя права по статьямъ объ успокоеніи религіи 1632 г.?

Приведенные факты хотя имѣютъ частный характеръ, но весьма типичны и, полагаю, даютъ основаніе для болѣе широкаго обобщенія. Я думаю, что могу повторить положеніе, высказанное въ началѣ моей замѣтки: народная масса не видѣла существенной разницы между православіемъ и уніей, пока послѣдняя не касалась привычной обрядности; не суще-

ственная разница вѣроисповѣданій, а неумѣренная ревность нѣкоторыхъ руководителей дѣла уніи сдѣлала православіе національнымъ лозунгомъ. Къ счастью для православія, дипломатовъ, подобныхъ Рутскому, среди уніатскаго духовенства было мало, а гонителей въ родѣ Кунцевича или, по крайней мѣрѣ, въ родѣ Гарашка—несравненно больше. И если бы дѣло обстояло наоборотъ, несомнѣнно унія сдѣлала бы успѣхи болѣебыстрые и болѣе прочные.

Приложенія.

I.—Жалоба Ратненскихъ мѣщанъ митрополиту Іосифу Вельямину-Рутскому на причиненіе имъ религіозныхъ притѣсненій со стороны мѣстнаго католическаго духовенства,—17 октября 1614 г.

Актикованъе листу панов мещан Ратенскихъ до его мл. в Бозе достойно преосвещенного отца архиепископа всея Руси року 1614, мѣсяца октября 17 дня, в тот способъ, яко се верху написано:

„В Бозе достойно преосвещенный а нам милостивый пане и пастыру, отце архиепископе всего росийского языка! Мы, убогые мещанове, посполъ з свещениками а духовными нашими, покорне просимо милостивое ласки и благословенства в. м., нашого милостивого пана пастырского, за которымъ абы мы, убогие а грѣшные люде, могли заховане (мети) при всихъ стародавныхъ а от светыхъ богоносныхъ отцев преданныхъ и церемонияхъ и набоженстве звыклом светое восточное церкви, яко матки нашое, и абысмо никгды ненарушоне в ныхъ были и потомки наше, то ест, абы нам, мл. пане и пастыру, календар стародавный и при нимъ заховане были, также порядкомъ своимъ свята припадаючыи абы отпраздновалися; мы до того, мл. пане, (просимо), абы свещеници наше в костелѣ службы не отправовали, толко в своихъ церквахъ; также стороны крещения дитокъ, абы въ сво-

ихъ парафѣяновъ наше священици охрещовали, а не ксондзъ, кгдыжъ... того хотятъ пилне; стороны теж исповеди римлян, абы в своего ксендза споведалисе, а насъ до того абы не примушали, але абы мы пред своимъ духовнымъ исповедали(се) и дары божественныя приймовали; а который бы то схотелъ по доброй воли своеи утечисе до ксендза, жадаючи исповеди, того вилно приняти. А што се ткнетъ секраментов костелныхъ и церкви нашое,—признаваемо и вѣримо; также стороны братства намъ с католиками—давно мы ихъ маемо за братию, а не маемо, Боже уховай, ихъ за геретики. Прото просимо покорне милостивого благословенства в. м. нашего мл. пана и пастыра, абы есмо при тому всемъ, што есмо верху наменили, заховане были.

Смиренные сынове, духовенству и владзѣ в. м., нашому мл. пану, подлеглые мещанове з Ратна.

II.— Отвѣтная грамота митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго Ратненскимъ мѣщанамъ на вышеприведенную ихъ жалобу,—17 октября 1614 г.

Актикованъе конъдиций его м. я. о. метрополиты:

„Иосифъ, Божою милостию митрополит киевский и галицкий и всея Руси,—ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, иж будучи мы з волею божою от старшихъ нашыхъ везванымъ на престолъ архиепископии киевское, галицкое и всея Руси и на немъ порядне... зечавши, уразумелисмо, же то урадови належит о всихъ божихъ церквахъ закону греческого в тыхъ панствахъ, короне Полской и великомъ князъстве Літовскомъ, старане мѣти, якобы в сихъ сторонахъ хвала божая порадне отправовалася, не толко в пределе митрополичомъ, але по всихъ епископияхъ набоженства греческого; и для того, выславши выежджыхъ своихъ в предилъ митрополии, до иншихъ епископей рушилимося сами особою своею, жебы мо ся з епископами нашое митрополие, буд то обличне, буд тежъ през писанъе, знесли и о потребахъ, урядови епископскому нале-

жачихъ, в любви братерской намовляли; также тежъ, если бы в епископіяхъ ихъ нестроеные было, в кротости духа исправили. Приехавшы теды мы до места его кролевской милости Ратеньского, пытализмося свещеников первей, потомъ у грожанъ мѣста того, если бы им на чомъ духовномъ не сходило; и найшлисмо их затрюжоныхъ в сумненяхъ, а меновите въ томъ, жебы за единостю с церковю римскою не пришло до винищеня обрядковъ, которыхъ церковъ светая восточная во отправованю хвалы божей заховала. Мы теды, с повинности ураду нашого, ихъ словне успокоивши, и сие писание, на болшее утвержение ихъ и успокоеные на вси потомные часы, к ведомости и захованю теперешнимъ и напотомъ будучимъ, заставуемъ. Напервей, нехай кождому будетъ ведомо, же соединене церкви нашое закону греческого, светобливе учиненое, у хованю мает быти от кождого християнского человѣка закону нашого греческого; также, хто в такомъ соединеню не будет, тотъ спасен не будет,—моцно тому вѣруемо и нерушно держимъ мы, пастыри, томужъ вѣровати и тоежъ держати вси овцы словесные стада Христова должны сутъ, в чомъ людей простыхъ упевняючи, души ихъ на свою, которая намъ милшая естъ, нижъ скарбы всего свѣта, пред Богомъ беремо. Упевняемо всихъ, же затымъ соединенемъ жадная уйма церемоний нашихъ церковныхъ не будет, бо добре то вси отци наши, которие соединене чинили, варовали, а меновите: в службы Божой в хлѣбе кисломъ, ведлугъ обрядковъ церкви нашое восточное, священници наши службу божую отправовати мают; также тежъ шафоване божихъ даров и всякое иншое услуговане церковное ведлуг требников стародавныхъ церкви нашое свещеници справовати мают; свята урочистые ведлугъ календара старого вси люди закону нашого обходити мают, в чомъ если бы хто з духовныхъ албо свецкихъ набоженства римъского насилие якое чинити похотел, мы ся за тое брати и того не допущати обецуемъ; ксенжа плебани в парафии свещенников нашихъ, и взаемъ тежъ свещенници в парафии ихъ, втручатися не мают, то ест, в крещение, в погребение и

в венчание; ксенжа римъская людей набожэнства нашого греческого до споведи пред собою примушати не мают; ведже если бы хто доброволне, с потребы якое, ксендзови споведатися хотел, тое ему не будет заборунено; еднак же то варуемо, жебы кождый такий в своимъ набоженстве греческомъ зоставалъ, а до римского не приходилъ; свещенницы при литоргии светой епископа своего, если будет (во едности), во первыхъ поминати мают, а если бы епископъ во единости не былъ, то митрополита. И жебы сведалъ людъ посполитый закону нашего греческого, в чомъ соединение церкви нашое с церковию римскою залежитъ, такъ нехай вѣдают и тое держатъ, же люде набоженства римского сутъ правдивыми хрестиянами и в правдивой вѣри, и церковъ ихъ правдивая церковъ, такъ власне, як о сибѣ держимо, же мы правдивые хрестианы, жесмо в правдивои вѣри, же церковъ наша правдивая церковъ, и предся тое обое ест одно хрестиянство; вѣра такъ наша, як ихъ, ест одна вѣра, и церковъ ихъ и наша ест една церковъ, во единого Бога нашого, которого розные народы хвалятъ розными языками и рожнымъ отправованемъ набоженства (вѣруемо), але всихъ тыхъ сердце едино и душа едина. Такую церковъ Господь нашъ Исус Хс постановилъ, такая была за часов апостолъскихъ; тоежъ мает в мѣсти и в державахъ Ратенскихъ (быти). Которое писане нашое жебы от всихъ держано было, мѣти хочемо и з владзы пастеръства нашого росказуемо; а хтобы противко тому повстати хотил, духовный або свицкий, неблагословеню нашому, клятве духовной подвергати(ся) будет, а врадови свецкому замку тутешнего над кождымъ такимъ, не толко свецкимъ, але и духовным, моц зупелную даемо, што и братъ смирения нашого, епископъ Холмский и Белский, с повинности своее, постерегати мает, яко бы все тое тымъ способом, яко се писало ту, в мѣсти Ратенскомъ и по волностях до него прилеглых заховалосе, под неблагословенемъ нашимъ. Который то лист наш рукою нашою подписаный естъ и печатю духовною запечатованый.

Писан въ Ратне, лѣта от нароженя Сына Божого тисеча шестсотъ чотыренадцатого, мца октябра семнадцатого дня.

Іосиѳъ Архиепископъ, рукою власною. (Пецат.)

Оба акта заимствованы изъ книги Ратненскаго магистрата за 1608—1625 гг., принадлежащей къ моему собранію. Книга эта въ бумажномъ, оклеенномъ желтою кожею, переплетѣ, заключаетъ въ себѣ 436 нумерованныхъ съ обѣихъ сторонъ листовъ; акты всѣ почти на польскомъ языкѣ; нижній край книги у корешка обгрызенъ мышами; въ текстѣ есть также проточины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернила расплылись отъ подмочки и выцвѣли. Акты переданы здѣсь буквально, за исключеніемъ пунктуаціи и церковно-славянскихъ буквъ: ꙋ, ѧ и ꙗ, встрѣчающихся въ оригиналѣ; въ скобкахъ находятся буквы и слова, вставленныя по догадкѣ; точками отмѣчены испорченныя и потому не прочтенныя нами въ оригиналѣ мѣста.

III.—Дарственная запись на земельныя угодья причту Ратненской Воскресенской церкви отъ мѣщанъ г. Ратна и жителей окрестныхъ селъ, занесенная въ Евангеліе,— безъ даты, но, вѣроятно, около 1609 г.

Заставци оу ратнї. очичеве. дали ѡстровь доубища. ко ст҃омоу. тридневномоу воскресенїю. а при томь было. множество добры҃х людей ратнѧнь. и ветлѧнь. стороньнь҃х людеи. попь быль. пречискии. ратеньскии. быль гринь тиховичь. рѧц҃кии. потепеньчичь. ѡлезарь рѧ҃цкии. саневичь иванко. из ветель дичковичь ноуцко а бакоуновичь. из ветель. а оу голова҃х первыи на имѧ байко. из братьею даваль. а чю҃нскии даль нивоу, из синожатми нѣзъ. а можиковичь жюкь а санець даль. а вирьблевичь ѡлишко. из братьею дали. и тюхлевичи дали ко ст҃омоу вскресению. а ѧ єсми попь воскресенцьки тиховичь данїлии. ты҃х оусѣхь моужи. с пре҃ки. оуписаль. оу соубоут-

никь. за той ѡструвь за доубища. штоⷯ придали. коу церкви бо҃жи. саневичи из мерыслоувци. дали нивоу и щертеж҃. за глс҃нею. а петроувьци. за гатю дали. нивоу. и синожаⷮ древнею. а пигиль даль за ѡсовыми синожать. ко цр҃кви божюи и ѧ єсми єго оуписаль. и женоу єго. а ѡчковичь. ивань даль оу варищⷯо. лань. и синожатю по самыї глинокопы. по ѿци. и по матери. по соби и по жени. своеи. и ѧ за то иⷯ оуписаль оу соубоутниⷦ. а боѧринь мичинарь. нс тивономь. и з братьею. дали нивоу. за стороникомь. кⷪ цр҃кви бж҃ии. ст҃омоу воскресению вечисто. а шило стецко. из маркомь братоⷨ своиⷨ. дали чертеⷯ. межи возноувками ст҃омоу воскресению. байко даль с костюкомь в доубищоⷯ нивы синожатми. а при тоуⷨ наданьи быль тивоунь. корочоювскии. на имѧ. михалко. моужеи. г҃. тоурань. королювьскиⷯ. на имѧ зань калишь. пашко ѳилипь з заставѧ. то сѧ диѧло. оу коурѧна. оу домоу. а тои ѡстроувь. доубища баико с костюкоⷨ и зо вси ѡчичами призволившисѧ. дали ко церкви. божюи. вечисто и непороушно. пань тивоунь зароучивь поⷣ десетьми. копами. грошии. и поуⷣ колодою. медоу если бы байко с костюкомь на тое оустоупиль. на тое наданье. зо всими ѡчичами. своими. то маеть. оу вини зостати. на тое попь даль. вердаунокь широкиⷯ гроши тымь моужемь которыї были на тоумь. наданьи. за тымь нехаⷮ боудеть честь и хвала гоу богоу пречистоу богоматере и всиⷨ стыⷨ аминь. а хто бы мавь. оустатⷮ. на тое. росоудитсѧ прⷣе милостивьⷨ. бг҃омь. а то сѧ диѧло при держави пн҃а аньдриѧ тычиньскаго.

Евангеліе это, прежде находившееся въ Ратненской Воскресенской церкви, нынѣ принадлежитъ библіотекѣ Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища. Folio, въ досчатомъ переплетѣ, со слѣдами прежней оклейки краснымъ

холстомъ; сзади сохранились четыре мѣдныхъ выпукли и одна кожаная застежка. Водный знакъ—подкова съ крестомъ внутри на коронѣ съ крестами. Содержаніе обычное; особенностей языка не представляетъ. Запись сдѣлана полууставомъ въ концѣ книги, на послѣднемъ листѣ, тѣмъ же почеркомъ, какимъ писано и все Евангеліе. Ей предшествуетъ небольшая вкладная запись переписчика.

IV.—а, Жалоба въ Ратненскій магистратскій судъ Ратненскаго Воскресенскаго уніатскаго священника Григорія Гарашка (Гарашкевича) на своихъ прихожанъ, произведшихъ шумъ въ церкви, послѣ того какъ онъ, Гарашко, не допустилъ ихъ къ цѣлованію Св. Евангелія за посѣщеніе Мелецкаго православнаго монастыря; б, рѣшеніе суда по этой жалобѣ,—1623 г.

Feria tertia ante solenne Pentecosten a. 1623

Coram officio civili Ratnensi Luczka Secewicz, viceregente, coram Lawryno Bogdanowicz, Maximo Turmino, Fedoro Koszurka, consultoribus, Wasko Mokoszewicz, Meleszko Knyszewicz... venerabilis pater Hryhory Haraszko proposuit ex parata copia tenore tali:

„Łaskawy P. urzędzie mieyski Rateński! Żalu tak wielkiego y bolu serdecznego, a niemnieyszey zniewagi y krzywdy swoiey, nie tak (mówić musze) dalece moiey kapłańskiey, iako obrazy stworca P. y Zbawiciela swego, którą ia zdawna od nieobacznych y zabłądzonych (tak musze mowić) owieczek swych duchownych, mnie powierzonych y w moc duchowieństwa mego podanych, odnoszę y niewinnie cierpię; tego więcey y dłużey cierpić y na sobie ponosić dla gniewu y obrazy P. Boga wszechmogącego nie zdało(mi)się. Widząc ich zatwardziałość y niewpamiętanie się na sercech ich y myslach, choczay tak wiele razów, według powinności y zachowania mego kapłańskiego, iako duchowny, duchownie upominałem, iako przynależało czynić duchownemu, życząc im, iako prawdziwy pasterz, a nie iako naiemnik, naprzód błogosławieństwa od P. Boga y dusznego zbawienia, iakom

zdawna się zawziął czynić, czyniłem y teraz czynie, staraiąc się y pilno się do tego przyłożywszy, abym one owieczki swoie, w uniey S. będącę, przystoynie strzegł y pasł, aby żadna z nich pogorszenia zkąd inąd nie wziąwszy nie zginęła, ale abym przed sprawidliwym Sędzią w ostatni dzień włórego przyścia lego y przed strasznym trybunałem, z niemi na prawice Bożey stanąwszy, liczbę y szafunku swego, iako pasterz, s powierzonych owieczek sobię uczynił. Tego zdawna im życzyłem y teraz życzę, pilno strzegąc; które to owieczki moie duchowne na takie życzliwości y upominania częstę kapłańskię by namniey nic nie dbali, ale rozbuchawszysię a iadszy się pasze nie z rosy, która z wysokości niebieskiey pada, ale z soli, która z padołow y źródeł podziemnych pochodzi, a nie chcąc przyść do upamiętania się, maiąc serca y mysli swe zatwardziałe, których nie chcąc otworzyć y tego opuscić, co iest przeciwko P. Boga y zakonowi S. Co ia obaczywszy, że the owieczki moie duchowne ani P. Boga się boią, a ni też zakonu y upominania mego kapłańskiego słuchaiąc, a widząc ich uporczliwych, nic inszego czynić nie zdało mi się, tylko do w. mciow, iako urzędu świeckiego, przez the pisanie moie udać, oswiadczaiąc się wmciom samym, maiąc tak wielky żal, krzywdę, obełzenie y zniewage swoię, a co większe, że się tycze obrazy P. Boga wszechmogącego, przytym prosząc sw. sprawiedliwości, gdyż ich zakonem, iako duchowny, karać nie zmogę, bo bardzo są swowolni y uporczliwi, którzy smieli y ważyli się nie na mnie, duchownego pasterza swego, ale na samego Pana Boga słowami nieprzystoynemi torgnąc y hałas a okrzyk w cerkwi Bożey w dzień tak swięty niedzielny czyniąc, sedicie sieiąc, bunty stroiąc, a na niewinnego kapłana mnie sromocąc, łaiąc, pochwałky czyniąc, srodze fukali, a mianowicie parafianie moie z Nowego Miasta: pierwszy Jasko, syn Wasków, Choćków y sam Wasko Choćko y Lifon Buchemka. Na których też żałośliwą skargę swą, iakom wyżey pomienił, oswiadzaiąc się przed wmciami, przekładam o tho, iż dnia onegdayszego, w niedziele, w cerkwi, gdy się wieczernia odprawowała, tam byli ludzie ci, którzy chodzili do monasterza Mileckiego na odpust, którym zakazałem był, aby żaden tam nie

chodził dla tego, że tam schizma iest y nie są pod iednością swiętą z katolikami. A to czyniłem według roskazania ley Mci moiey M. P. y dobrodzieyky, także y lego Mci oyca władyky, P. y pasterza mego; których też ludzi, tak białych głow, iako y męszczyzn, nie puściłem do ewangeliey S., karząc ich zakonnie, że nad zakazanie moie kapłańskie uczynić ważylisię, co im zabroniono było. Co niektórzy bynamniey nie sprzeciwiałysię, ale Jas'ko, Was'ków syn, szedł sobie biespiecznie do ewangeliey, któremu zbroniłem, aby nie szedł, pod niebłagosłowięstwem, powiadaiąc mu o to, żeś, bracie miły, zgrzeszył, wystąpiłeś przeciwko zapowiedzi moiey duchowney, czyniąc mnie y P. Bogu Samemu oto na wzgardę. On zaraz z tego począł fukać w cerkwi, iakoby w korczmie na iakiego szubrawca, nie oglądaiąc się na pocciwość swoie, ani też co szanuiąc osobę moie kapłańską, y mówił tam, co sam chciał. A w tym ociec iego Wasko Choćko, za kryłosem stoiąc, głośno inszych podburzaiąc, na mie mówił tak, iż „batku, lepiey cerkiew iuz zamkni,—wyganiasz z cerkwi"; y mówił siła bardzo słów, fukaiąc, sromocąc y łaiąc mnie y dom Boży znieważaiąc, których słów nie mogłem dobrze zasłyszeć za wielkim krzykiem y hałasem w cerkwi, y bardzo straszny y wielky rozruch stał się w domu Bożym. A w tym Lifan Buchemka wielkiem głosem począł wołać na mnie, właśnie iako na iakiego złoczyńcę, y mówił tho, co się mu podobało; których słów iego także nie mogłem zasłyszeć dobrze, bo bardzo wielky hałas y okrzyk w cerkwi ci trzey z swemi pomocnikami y powinnemi uczynili, których oni lepiey wiedzą y znaią, że z nimi także bunty y sedicię czynią y robią. A co mówili y iakie tam słowa byli, sami przyznać muszą, ia w prawdzie wszystkiego mowienia y sromoty ich nie mogłem przed hałasem zasłyszeć, ale niech się sami osądzą, iesli tho dobrze czynili, że taky hałas y zgiełk w domu Bożym uczynili, czego nigdy chrześcianie nie czynią; i koniecznie obawialem się tego, żeby mi czego w cerkwi nie wyrządzili, słysząc ich tak straszny hałas y okrzyk, co od strachu ku sobie nie mogłem przyść, zląkszysię. Przeto, ia w tym do w. mciów, iako urzędu świeckiego y prawa, udaięsię z takiemi dolegliwościami swemi, obelżeniem y

zdawna się zawziął czynić, czyniłem y teraz czynie, staraiąc się y pilno się do tego przyłożywszy, abym one owieczki swoie, w uniey S. będącę, przystoynie strzegł y pasł, aby żadna z nich pogorszenia zkąd inąd nie wziąwszy nie zginęła, ale abym przed sprawidliwym Sędzią w ostatni dzień włórego przyścia lego y przed strasznym trybunałem, z niemi na prawice Bożey stanąwszy, liczbę y szafunku swego, iako pasterz, s powierzonych owieczek sobię uczynił. Tego zdawna im życzyłem y teraz życzę, pilno strzegąc; które to owieczki moie duchowne na takie życzliwości y upominania częstę kapłańskię by namniey nic nie dbali, ale rozbuchawszysię a iadszy się pasze nie z rosy, która z wysokości niebieskiey pada, ale z soli, która z padołow y źródeł podziemnych pochodzi, a nie chcąc przyść do upamiętania się, maiąc serca y mysli swe zatwardziałe, których nie chcąc otworzyć y tego opuscić, co iest przeciwko P. Boga y zakonowi S. Co ia obaczywszy, że the owieczki moie duchowne ani P. Boga się boią, a ni też zakonu y upominania mego kapłańskiego słuchaiąc, a widząc ich uporczliwych, nic inszego czynić nie zdało mi się, tylko do w. mciow, iako urzędu świeckiego, przez the pisanie moie udać, oswiadczaiąc się wmciom samym, maiąc tak wielky żal, krzywdę, obełzenie y zniewage swoię, a co większe, że się tycze obrazy P. Boga wszechmogącego, przytym prosząc sw. sprawiedliwości, gdyż ich zakonem, iako duchowny, karać nie zmogę, bo bardzo są swowolni y uporczliwi, którzy smieli y ważyli się nie na mnie, duchownego pasterza swego, ale na samego Pana Boga słowami nieprzystoynemi torgnąc y hałas a okrzyk w cerkwi Bożey w dzień tak swięty niedzielny czyniąc, sedicie sieiąc, bunty stroiąc, a na niewinnego kapłana mnie sromocąc, łaiąc, pochwałky czyniąc, srodze fukali, a mianowicie parafianie moie z Nowego Miasta: pierwszy Jasko, syn Wasków, Choćków y sam Wasko Choćko y Lifon Buchemka. Na których też żałośliwą skargę swą, iakom wyżey pomienił, oswiadzaiąc się przed wmciami, przekładam o tho, iż dnia onegdayszego, w niedziele, w cerkwi, gdy się wieczernia odprawowała, tam byli ludzie ci, którzy chodzili do monasterza Mileckiego na odpust, którym zakazałem był, aby żaden tam nie

chodził dla tego, że tam schizma iest y nie są pod iednością swiętą z katolikami. A to czyniłem według roskazania ley Mci moiey M. P. y dobrodzieyky, także y lego Mci oyca władyky, P. y pasterza mego; których też ludzi, tak białych głow, iako y męszczyzn, nie puściłem do ewangeliey S., karząc ich zakonnie, że nad zakazanie moie kapłańskie uczynić ważylisię, co im zabroniono było. Co niektórzy bynamniey nie sprzeciwiałysię, ale Jas'ko, Was'ków syn, szedł sobie biespiecznie do ewangeliey, któremu zbroniłem, aby nie szedł, pod niebłagosłowięstwem, powiadaiąc mu o to, żeś, bracie miły, zgrzeszył, wystąpiłeś przeciwko zapowiedzi moiey duchowney, czyniąc mnie y P. Bogu Samemu oto na wzgardę. On zaraz z tego począł fukać w cerkwi, iakoby w korczmie na iakiego szubrawca, nie oglądaiąc się na pocciwość swoie, ani też co szanuiąc osobę moie kapłańską, y mówił tam, co sam chciał. A w tym ociec iego Wasko Choćko, za kryłosem stoiąc, głośno inszych podburzaiąc, na mie mówił tak, iż „batku, lepiey cerkiew iuz zamkni,—wyganiasz z cerkwi"; y mówił siła bardzo słów, fukaiąc, sromocąc y łaiąc mnie y dom Boży znieważaiąc, których słów nie mogłem dobrze zasłyszeć za wielkim krzykiem y hałasem w cerkwi, y bardzo straszny y wielky rozruch stał się w domu Bożym. A w tym Lifan Buchemka wielkiem głosem począł wołać na mnie, właśnie iako na iakiego złoczyńcę, y mówił tho, co się mu podobało; których słów iego także nie mogłem zasłyszeć dobrze, bo bardzo wielky hałas y okrzyk w cerkwi ci trzey z swemi pomocnikami y powinnemi uczynili, których oni lepiey wiedzą y znaią, że z nimi także bunty y sedicię czynią y robią. A co mówili y iakie tam słowa byli, sami przyznać muszą, ia w prawdzie wszystkiego mowienia y sromoty ich nie mogłem przed hałasem zasłyszeć, ale niech się sami osądzą, iesli tho dobrze czynili, że taky hałas y zgiełk w domu Bożym uczynili, czego nigdy chrześcianie nie czynią; i koniecznie obawialem się tego, żeby mi czego w cerkwi nie wyrządzili, słysząc ich tak straszny hałas y okrzyk, co od strachu ku sobie nie mogłem przyść, zląkszysię. Przeto, ia w tym do w. mciów, iako urzędu świeckiego y prawa, udaięsię z takiemi dolegliwościami swemi, obelżeniem y

zniewagą domu Bożego, prosząc przez the pisanie moie sprawiedliwości swiętey, z tych osob pomienionych y ich pomocników y powinnich, których oni lepiey wiedzą y znaią sami, aby ci bytownici y swowolnici karanie słuszne za zniewagę domu Bożego a obrazę Bożą także y zełzywość y sromothę moie kaplańską odnieśli; ktorzy smieli y ważyli sie targnąc słowami nieprzystoynemi na osobę moią duchowną, nie uszanowawszy domu Bożego, sedicie y bunty robiąc, w którą też sprawę takową y niewinnosć a wielką zełżywosć moią kapłańską y obraze Bożą aby w. m., iako urząd, pilnie weyrzawszy a obawiaiąc się sądu, karania y gniewu Pańskiego, żeby Pan Bóg za ten exces ich był w gniewie swym ubłagany, a za ten występek y zniewagę domu Bożego słusznie takowych skarali, aby się więcey czynić tego napotym nie ważyli y żeby tez Pan Bóg nas wszystkich za tho iawnie y iaśnie nie karał, gdy by ci uszli karania. Co wszystko lepszemu rozsądkowi w. m. poleca[illegible]. Prosze dla P. Boga, iako kapłan y duchowny, aby ci nie uszli karania słusznego, bo trzeba się obawiac na się gniewu Pańskiego, ponieważ mnie, iako pasterza swego, nie chcą słuchać. Wiedząc o tym dobrze, iz oni, mieszkaiąc y będąc pod bokiem Jey mci, która zawsze zwykła tego przestrzegać, co by było z obrazą Bożą y przeciwnego uniey S., tego nigdy nie zwykła cierpieć, ich takowych występnych karać.—Hryhory Haraszkowicz, swieszczennik Woskresieński, protopopa y namiestnik...

A strona pozwana Wasko swym, iako y syna swego imieniem Jaśka, zastąpiwszy go w tey sprawie, także y Lifan Buchemka, odpowiedzieli, że żaden hałas y okrzyk w domu Bożym nie był, tylkoś my mówili: „dla czego dziatek naszych do ewangeliey nie chce puszczać, bo ieżeli tak powód czyni, niechay by lepiey, że y cerkiew sobie zamknął"; dla czego zaraz poszliśmy, powracaiąc z cerkwi. Urząd, tego widząc, ze strona pozwana przyznała się do tego, że mówili y gadali w Cerkwie, a mowiąc szli zaraz, dla których niemał wszysci poszli z cerkwie, nie wysłuchawsy nabożeństwa, czego nie mieli czynić, gdyż prawa duchowne y swieckie tego bronią, ile każą, aby wszystkie napominania, które się wsciągaią do dusznego zbawienia, ludzie od duchownego

swego łaskawie przyimowali, a nie mówili y hałasów żadnych y buntów nie stroili; przeto, przychilaiąc się do prawa swego, gdzie pisze się: abi iam adest rei confessio, non necessaria actoris probatio,—nakazał, aby pozwana strona byli incarcerowani, a wyszedszy de carcere... maią we czwartek blizko przyszły duchownego oyca Hryhorya w cerkwi przystoynie przeprosić y tam od niego pokuthę y karanie za to duchownę, iakie naznaczy, odnieść y przyiąć maią; do tego maią Jey Mci N. M. P. y dobrodzieyce przeprosić za tho, że się śmieli y ważyli taky hałas uczynić, będąc pod bokiem Jey Mci. Macą dekrethu swego wynayduie. Który od obudwa stron za prawo przyięty y do xięg dla pamięci iest zapisany.

Актъ представляетъ отдѣльный листъ бумаги, съ водянымъ знакомъ W на щитѣ подъ короной; листъ безъ пагинаціи, вырванный, вѣроятно, изъ актовой книги. Нижній правый уголъ листа оторванъ по сгибу; бумага подмочена и чернила сильно выцвѣли. Принадлежитъ къ моему личному собранію.

О. Фотинскій

Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшневскаго и его жены Маріи Казимировны изъ Сибири [1]).

XXVI

„Съ прошедшею почтою я увѣдомила уже тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, о полученіи письма твоего отъ 6-го іюля. Теперь, вмѣстѣ съ братомъ, благодаримъ тебя за исполненіе просьбы нашей отправленіемъ въ Тимашевку Прушковскаго. Въ томъ самомъ письмѣ, которымъ мы объ этомъ просили, извѣстила я вкратцѣ, въ чемъ состоитъ дѣло. Подробнѣйшее-же объясненіе онъ получилъ уже, вѣроятно, теперь отъ Г. Бржозовскаго, которому писано было по просьбѣ нашей отъ Александры Ивановны Давыдовой касательно совѣта и содѣйствія, которое отъ него зависѣть можетъ въ предполагаемой продажѣ Тимашевки. Полагаю, что поѣздка Прушковскаго удостовѣритъ, что мы не стали бы затруднять тебя при собственныхъ твоихъ хлопотахъ, еслибы не были убѣждены въ ея необходимости, развѣ-бы, чему примѣры очень рѣдки, письма, объ этомъ писанныя, какънибудь запоздали. Впрочемъ, подождемъ до возвращенія

[1]) Продолженіе; см. 1-й вып. XIX-ой кн.

Прушковскаго. Благодаримъ тебя за извѣщеніе объ Рейхелѣ и его семействѣ. Съ прошлою почтою получили мы отъ нихъ письмо. Послѣ возвращенія его изъ Бердичева онъ писалъ, и ты насъ предувѣдомилъ объ этомъ письмѣ. Вмѣстѣ съ письмомъ послалъ онъ и посылочку намъ, но мы ея еще не получили. Онъ посылаетъ ноты твоему брату, но не сказалъ въ письмѣ, какія... La saison commence à devenir froide dans ce pays et j'ai déjà endossé ma pelisse en passant chez moi de la casematte. Tu te rappeles, cher ami: que quelques jours plus tard encore et nommémant le 6 Octobre 1823, pendant la revue les dames s'y trouvaient en robes et sous leurs capotes... Mon mari t'embrasse avec toute la tendresse de ton meilleur ami. Il se porte assez bien. Quant à son passetemps c'est toujours la lecture et la musique. Je te prie de baiser de ma part la main à ma chère mère. Dis lui que je me porte bien et lui souhaite toutes les prosperités. Adieu, mon cher frère et mon bon ami. Je t'embrasse de tout mon coeur et suis pour la vie ta meilleure ami et soeur, Marie Juchnievsky".

Le 30 Septembre. 1832. Петровскій заводъ.

XXVII

„Другъ мой, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя. Дня три тому назадъ началъ онъ курить опять табакъ. Не повѣришь, какъ я обрадовалась, увидя у него опять трубку въ рукахъ.На дняхъ получилъ Василій Львовичъ Давыдовъ курительный табакъ и по добротѣ своей подѣлился, сколько могъ, съ братомъ твоимъ, который хотя и увѣрялъ, что не очень ему трудно отказать себѣ въ куреніи, но видно было, что говорилъ онъ не то, что думалъ. Братъ твой всегда твердитъ, что для него ничего не значитъ отказывать себѣ во всемъ. Такъ грустно, мой другъ, что лишенъ онъ почти всего, къ чему привыкъ. Всѣ дни послѣ отправленія къ тебѣ послѣдняго письма я очень нездорова: ни одного

дня не проходитъ, чтобы встала я безъ головной боли. У насъ до 15 градусовъ морозы, а въ мои лѣта и съ такимъ разстроеннымъ здоровьемъ очень трудно ходить; но дѣлать нечего, и покуда я жива, лучше хочу хворать, чѣмъ не ходить къ мужу моему въ казематъ: у насъ теперь только и отрады, чтобы видѣть другъ-друга...

Знакомые твои всѣ кланяются тебѣ, всѣ здоровы и всѣ тебя помнятъ. Ты знаешь, что Александра Петровича Борисова я не видала съ пріѣзда моего: онъ все боленъ и былъ въ такомъ положеніи нѣсколько разъ, что думали, онъ кончитъ свои страданія, но ему не только теперь лучше, а онъ даже поправился. Братъ твой его ходилъ навѣщать и сказалъ мнѣ, что Борисовъ очень груститъ, что не можетъ меня видѣть. Я бы сама навѣстила больного, но онъ такъ перемѣнился отъ болѣзни своей, что совѣстится показаться мнѣ. Бѣдный, не берегъ себя никогда... Цѣлую тебя за себя и брата твоего, который въ эту минуту, вѣроятно, разыгрываетъ въ своемъ номерѣ ноты, которыя прислалъ ему добрый Рейхель и очень его симъ одолжилъ, а я, какъ ты знаешь, каждое утро провожу дома у себя одна, чтобы позаботиться о моемъ хозяйствѣ. Adieu, mon cher, mon bon ami et frère cheri, je t'embrasse de tout mon coeur. Marie Juchniewsky.

7 Октября. 1832. Петровскій.

XXVIII.

Вчерась былъ у меня Павелъ Васильевичъ и поручилъ сказать тебѣ, другъ мой Семенъ Петровичъ, въ повтореніе того, о чемъ я давно уже писала тебѣ, то есть, чтобы ты спросилъ согласія сестрицъ его на высылку процентовъ въ іюнѣ каждаго года прямо къ нему. Онъ поручаетъ въ особенности сказать тебѣ, что исполненіемъ сего ты не оскорбишь его родныхъ, а ему сдѣлаешь большое добро. Съ чувствомъ уваженія и дружбы онъ душевно тебя обнимаетъ и проситъ иногда вспоминать его, присовокупляя, что мало уже

остается людей, которые его помнятъ. Не смотря на это, онъ не перестаетъ еще желать многимъ счастья. Передавъ тебѣ слова Павла Васильевича, считаю нужнымъ прибавить еще отъ себя, что вмѣсто ожиданныхъ имъ въ цѣлости 6000 р., которые уплатилъ ты его сестрамъ, онъ получилъ изъ нихъ только 300 р., по высылкѣ которыхъ четвертый мѣсяцъ онъ не получаетъ отъ нихъ писемъ. И такъ ты видишь, сколь необходимо, чтобы, не смотря ни на что, ты высылалъ деньги прямо къ нему и тѣмъ избавилъ бы его отъ крайней нужды, въ какой находится онъ во все время его здѣсь пребыванія... Братъ твой здоровъ. На дняхъ мы получили отъ Рейхеля посылку, съ которою между прочимъ прислалъ брату твоему шесть тетрадокъ нотъ. Въ числѣ ихъ замѣчательный концертъ Гуммеля, Op. 113, котораго мы еще не видали и въ каталогѣ, довольно труденъ и въ новѣйшемъ вкусѣ. Братъ твой былъ очень радъ играть что-нибудь новое, потому что въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ онъ переигрываетъ старую свою коллекцію, которая тебѣ извѣстна, къ которой прибавилось нѣсколько пьесъ Герца. Онъ, кажется, въ большой модѣ, не смотря на то, брату не очень нравится, ибо трудность пассажей не выкупается ни пріятностью, ни глубокомысліемъ. Ему нравятся только варіаціи Герца, о которыхъ я тебя уже просила, и которыя онъ особенно тебѣ рекомендуетъ. Ему случилось ихъ слышать у одного изъ нашихъ игрочковъ, но такъ какъ онъ любитъ разыгрывать цѣлый годъ одну и ту-же пьесу, то братъ твой посовѣстился ихъ просить поиграть. Надо тебѣ признаться, любезный другъ, что нечѣмъ было-бы наполнить въ этотъ разъ моего къ тебѣ письма, если бы Рейхель, какъ ты видишь, не доставилъ мнѣ къ тому матеріала. Не смотря на то, я пишу къ тебѣ, чтобы сдержать данное слово и увѣдомить тебя, что мы оба здоровы. Прости, любезный другъ, желаю, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здоровьѣ. Любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская."

14 Октября 1832. Петровскій заводъ.

Прошу тебя поцѣловать за меня ручку у моей матушки. Знакомые всѣ здоровы и кланяются тебѣ.

XXIX.

Le 23 du courant nous avons reçu ta lettre, mon cher ami, datée du 12 Août. Je ne sais si j'aurai le temps à cause des mes autres lettres de t'écrire autant que desirerais. Cependant je suis pressé de te remercier pour les effets que tu viens d'envoyer pour ton frère et qui nous sont parvenus presque en même temps, nommément: douze livres de tabac, un surtout ouaté, une paire de pantalon, un gilet, trois cravates de couleur, un calif et un cachet à tabac. Quoique les caisses qui contenaient ces effets se fussent brisées dans le trajet, il n' y a cependant de perdu que les deux cravates noires comme j'en suis instruite par un avis des autorités, ta note que tu as annexée à ta lettre ne s'y trouvant point. Ton frère est très satisfait de tout et te fait dire ses plus tendres remerciements pour tes soins. Il est surtout content d'avoir reçu du tabac, parceque, comme tu sauras par mes precedentes il n'en avait point du tout. Celui-ci est assez bon, quoiqu' il ne soit pas assez fort. Quant aux habits on croirait, que le tailleur avait pris la mesure en personne, tellement cela va juste...

Пожалуйста, любезный другъ Семенъ Петровичъ, поцѣлуй матушкѣ ручку за меня и скажи ей, что мы оба здоровы; мнѣ очень жаль, что ты столько хлопочешь о моихъ[1]); теперь уже есть здѣсь шелкъ: выписали наши дамы и выучились вязать сами. Я одна только умѣла, а теперь многіе уже знаютъ, но я всетаки душевно благодарна тебѣ, что ты не забылъ моей просьбы. Матушкѣ моей мильонъ разъ ручку цѣлую за то, что вяжетъ мнѣ сѣтку къ окнамъ. Еще въ прошломъ году начала я вязать бахрому и еще не кончила, за то точно шмуклеръ сдѣлалъ: такъ аккуратны кисточки, но какъ не могу собраться сдѣлать гардины къ окнамъ, то и не спѣшу окончить бахрому. Другъ мой, что ты намъ не

[1]) Слово не разобрано.

говоришь ничего объ Игнатіи Онуфріевичѣ? Поклонись ему отъ насъ, пожалуйста. Ты, милый братъ, навѣрное замѣтилъ перемѣну въ моемъ почеркѣ: сегодня въ первый разъ пишу я въ очкахъ,—при свѣчѣ никакъ безъ нихъ не могу. Они увеличиваютъ, и потому я такъ мелко пишу, а чрезъ очки кажется мнѣ, будто огромныя слова. Читать я могу теперь по вечерамъ и очень рада. Душевно благодарна доброй Софьѣ Григорьевнѣ Кругликовой, сестрицѣ нашей Александры Григорьевны Муравьевой, что прислала мнѣ такъ удачно по глазамъ очки. Днемъ я еще вышиваю безъ нихъ и вижу хорошо, но къ вечеру при нашихъ дурныхъ сальныхъ свѣчахъ способу нѣтъ видѣть.—Всѣ твои знакомые кланяются тебѣ. Мнѣ очень хотѣлось-бы писать Маньковскимъ и вложить въ твое письмо, но не успѣла. Въ будущемъ письмѣ попрошу тебя доставить имъ письмо мое. Братъ твой душевно тебя обнимаетъ. Онъ здоровъ, поэтому то играетъ, то читаетъ, отъ свободныхъ часовъ*) отъ работы, на которую аккуратно ходитъ какъ онъ такъ и его товарищи. Хотѣла-бы тебѣ еще писать, но голова вертится, и правду сказать, нечѣмъ наполнить страницы. Съ будущею почтою, быть можетъ, получимъ мы отъ тебя письмо, если Прушковскій воротился, и если найдешь намъ что-либо сообщить по дѣламъ нашимъ, тогда и я найду предметъ поговорить болѣе съ тобою. Теперь прощай. Желаю, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здоровьѣ. Цѣлую тебя сердечно и прошу тебя поцѣловать за меня дѣтей моихъ, когда ихъ увидишь, и внучку мою поласкай за меня. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

28 октября 1832. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, мнѣ хочется прислать тебѣ кисетъ моей работы, и хлопочу, чтобы узоръ выбрать получше. Ты прислалъ каливъ брату, а у него нѣту янтарика ни одного.

*) Очевидно: „въ свободные часы".

Здѣсь хотя бы и хотѣлъ купить—нѣту; но я не потому пишу, чтобы у тебя попросить.

XXX.

11-го ноября 1832. Петровскій заводъ.

Милый другъ, Семенъ Петровичъ! Письмо твое отъ 23 августа мы получили... Братъ твой здоровъ, цѣлуетъ тебя и удивился, что Каменецъ ты такъ часто посѣщаешь, а между тѣмъ говоришь, что въ немъ очень скучно. Ожидаемъ твоего письма, когда съ выборовъ воротишься: вѣрно, сообщишь намъ что-либо интересное. У насъ зима. Снѣгъ выпалъ глубокій. Вижу здѣшнихъ жителей, черезъ мое окно, катающихся въ саняхъ; между тѣмъ сегодня, когда я шла домой, было морозу 23 градуса, а были и въ 26. Но гдѣ бываютъ до 37, то еще у насъ довольно тепло. Я не могу привыкнуть о сю пору къ здѣшнему климату, да я думаю, что въ мои лѣта трудно и надѣяться. Надо страдать,—нечего дѣлать. Каждый почти день я нездорова, а бываю больною до того, что насилу на ногахъ.—Ты обѣщаешь въ письмѣ твоемъ писать къ княгинѣ Мещерской. Какъ-бы я обрадовалась, если-бы ты мнѣ прислалъ отвѣтъ ея на твое письмо. Не помню, писала-ли я тебѣ, что я знаю, что она овдовѣла. Бѣдная княгиня! Впрочемъ, мужъ ея какъ-бы не существовалъ для ея семейства. Теперь еще надежда на сына ея Александра: онъ хорошо учился и, какъ кажется, премилый молодой человѣкъ, и можетъ быть полезнымъ своему семейству. Фердинандъ Богдановичъ здоровъ, обнимаетъ тебя, и всѣ другіе твои знакомые кланяются. Павелъ Васильевичъ—нашъ почтенный другъ. Онъ получилъ письмо отъ своего брата Михаила Васильевича, что они полученные отъ тебя 6000 р. положили въ Заемный Банкъ, между тѣмъ братъ нуждается въ необходимомъ здѣсь... Павелъ Васильевичъ цѣлуетъ тебя съ чувствомъ дружбы. Какъ онъ старѣетъ! Лице у него какъ-то повисло, хотя онъ совсѣмъ не полонъ... Спасибо, что ты сказалъ мнѣ о дѣтяхъ моихъ. Я опять не имѣю 4 почты никакого извѣстія, но бывало, что я 7 мѣсяцевъ не получала

письма. И впредь, пожалуйста, другъ мой, сообщай мнѣ о нихъ, что будешь знать. Я очень буду тебѣ благодарна... Братъ твой покуриваетъ присланный тобою табакъ, благодаритъ тебя и по старому занимается всегда то чтеніемъ, то музыкой. Я читала въ газетахъ, что Madame de Bellevile-Oury, concertiste de piano-forte de Wienne давала въ Петербургѣ концертъ, въ которомъ между прочимъ играла концертъ Пиксиса и Grandes Variations Brillantes de Herz. Особенно любопытно бы имѣть первый, ибо мы не имѣемъ ни одного концерта Пиксиса. Въ каталогѣ Ленгольда показанъ одинъ Opus 100, но я думаю, что этотъ долженъ быть новѣе. Я и братъ твой цѣлуемъ тебя и желаемъ, чтобы ты былъ всегда здоровъ и веселъ. Поцѣлуй ручку отъ насъ матушкѣ и сообщи ей, что мы здоровы. Adieu, mon cher, mon bon ami. Écrivez nous le plus souvent possible. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

XXXI.

2 Декабря. 1832. Петровскій заводъ.

Одна и та-же почта доставила намъ письмо твое изъ Каменца отъ 22 и Флены Алексѣевны отъ 23 сентября, въ которыхъ узнали мы, любезный другъ Семенъ Петровичъ, объ избраніи тебя въ предводители дворянства Ольгопольскаго повѣта*). Поздравляемъ тебя отъ души и радуемся этому событію, потому что оно означаетъ и довѣріе начальства и расположеніе согражданъ твоей губерніи. Что касается до стѣсненія, какъ ты говоришь, твоей свободы отъ занятія сею должностью, то ты знаешь, что оно не можетъ сравниться съ тѣмъ, какое налагаетъ обыкновенная служба, въ которой чиновникъ обязанъ находиться постоянно при своемъ постѣ, между тѣмъ какъ ты большую часть времени можешь жить въ деревнѣ. Расходы твои неизбѣжно увеличатся, но и это можетъ быть

*) Уѣзда.

нѣсколько ограничено съ помощью нѣкотораго уклоненія отъ старыхъ обычаевъ, которые, полагаю, просвѣщеніе вѣка мало-по-малу изглаживаетъ. Въ самомъ же исполненіи твоей должности, братъ твой увѣренъ, что ты не встрѣтишь затрудненія, иначе къ чему бы послужило образованіе, которое стараемся мы пріобрѣтать, если бы мы не умѣли обращать его на службу общества, въ которомъ живемъ. Одно только чего, какъ ты знаешь, не пріобрѣтаютъ ни въ училищахъ, ни въ книгахъ, это—познаніе свѣта и людей. Теперь предстоитъ случай искуситься и въ этой новой наукѣ.—Я пропустила одну почту писать къ тебѣ, любезный другъ. Печальное происшествіе, поразившее всѣхъ насъ горестію и унынiемъ, было тому причиной. Мы лишились одной изъ подругъ нашего несчастія. Нѣсколько дней тому назадъ похоронили мы Александру Григорьевну Муравьеву, урожденную графиню Чернышеву, скончавшуюся послѣ двухмѣсячной болѣзни, начавшейся сперва нервической горячкой, въ самомъ началѣ коей она выкинула, а потомъ превратившейся во всеобщее разслабленіе и грудную водяную, которая въ короткое время прекратила ея страданія. Она оставила здѣсь безутѣшному мужу одну дочь по четвертому году и двѣ въ Москвѣ у Катерины Ѳеодоровны. Ежели кончина матери, добродѣтельной жены, имѣетъ жестокое вліяніе на судьбу семейства въ обыкновенномъ быту, то ты можешь представить себѣ, сколь оно должно быть жестоко въ положеніи нашемъ. Не говорю уже о собственной нашей горести. Память о добродѣтеляхъ покойной, о расположеніи и одолженіяхъ, которыя оказывала она мнѣ съ самаго моего пріѣзда сюда, останется неизгладимо въ сердцахъ нашихъ. Но нѣтъ между нами никого, кто не принималъ-бы искренняго участія въ этой потерѣ. Такъ суждено намъ здѣсь похоронить другъ-друга; одинакость ужаснаго положенія нашего угрожаетъ каждой изъ насъ тѣми-же послѣдствіями. Покойница простудилась, бывши у мужа своего на свиданіи въ казематѣ... И такъ, любезный другъ и милый братъ, благодаримъ тебя оба съ твоимъ братомъ за частыя твои письма: они одни только услаж-

дают насъ въ горькомъ нашемъ убѣжденіи, что намъ не суждено никогда увидѣть тебя. Братъ твой обнимаетъ тебя отъ всей души и желаетъ тебѣ счастія и успѣха на твоемъ поприщѣ. Онъ, благодаря Бога, здоровъ и душевно спокойнѣе, получая твои письма аккуратнѣе и чаще. Фердинандъ Богдановичъ обнимаетъ тебя и радуется, что ты, наконецъ, станешь хлопотать для другихъ. О сю пору онъ всегда только зналъ, что собственныя твои несносныя хлопоты и заботы мучили тебя и почти безъ пользы. Что касается до меня, я давно ожидала извѣстія, что тебя выберутъ. Во время моего отъѣзда отъ васъ, я надѣялась въ дорогѣ получить извѣстіе сему подобное: меня завѣряли въ этомъ нѣкоторые изъ сосѣдей нашихъ. Вспомни, душа моя, Внзерскаго и вспомни выраженіе: „будь ласковъ на народъ.“ Живъ-ли бѣдный Иванъ Осиповичъ, и Илья, братъ его, женатъ-ли? Сильвестръ вѣрно, давно монахомъ, а Семенъ Осиповичъ, надѣюсь, посѣдѣлъ и пересталъ, наконецъ, красить волосы. Поклонись ему отъ насъ при свиданіи. Прости, любезный другъ! Поцѣлуй ручки за меня матушкѣ и сообщи ей, что мы здоровы. Я отъ своей Сонюшки получила двѣ подушки, шитыя по канвѣ. Одну милому папенькѣ она послала. Сколько я плакала, получа оныя, и не утерплю, чтобы тебѣ не похвалиться вниманіемъ моей доброй Сонюшки. Увидясь съ нею, поцѣлуй ее за меня. Пожалуйста, любезный другъ, Василисѣ скажи отъ меня, что я ее душевно благодарю за то, что она часто обо мнѣ спрашиваетъ и о мужѣ моемъ. Игнатій Онуфріевичъ мнѣ пишетъ о семъ. Цѣлую сердечно добрую старушку. Я часто гляжу на портретъ ея: у меня есть въ альбомѣ. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя и душевно обнимая, навсегда лучшій твой другъ и сестра, Марія Юшневская.

XXXII.

16 декабря. 1832. Петровскъ.

Милый, любезнѣйшій другъ нашъ, Семенъ Петровичъ! Письмо твое отъ 12 октября принесло намъ большое утѣшеніе. Видно изъ него, что ты въ нѣсколько лучшемъ распо-

ложеніи духа. Дай Богъ тебѣ всѣ радости и благополучіе. Никто усерднѣе насъ не можетъ тебѣ сего пожелать. Съ сею почтою я не буду тебѣ много писать, да и не о чемъ говорить. Ты же самъ сказалъ, что ты у насъ въ долгу: сквитайся напередъ, меньше будетъ затруднительно тебѣ раздѣлаться съ нами. Спасибо тебѣ, душа моя, что ты теперь чаще доставляешь намъ минуты радостныя, получая письма твои. Братъ твой здоровъ, благодаря Бога. Нѣсколько дней онъ не спалъ: долженъ былъ грѣть разныя припарки и поить меня горячими разными питьями изъ травъ. Меня мучили сильныя спазмы. Вчерашнюю ночь и я, и онъ, хотя немного, но уснули. Боюсь, чтобы его не разстроила усталость. Молю Бога, чтобы я освободилась отъ моихъ страданій. Мнѣ тяжело видѣть моего добраго мужа, какъ онъ безпокоится моею болѣзнью. Сегодня цѣлый день я не чувствую спазмъ, съ утра сижу за письмами, и вотъ 8 часовъ вечера,—я не чувствую даже усталости... Вчерась былъ у меня Ивашевъ съ женой. Я ему показала твое письмо. Онъ очень тебя благодаритъ за дружеское твое о немъ воспоминаніе. Они оба кланяются тебѣ. Онъ восклицаетъ иногда: „ахъ, мой милый Семенушка!.“ Если-бы ты могъ видѣть, другъ мой, какъ я обрадуюсь каждый разъ, когда кто-либо вспоминаетъ тебя съ добротою. Нѣтъ, душа моя, любезный другъ мой, ты не въ состояніи вполнѣ представить себѣ чувствъ нашихъ къ тебѣ. Я и братъ твой любимъ тебя больше, чѣмъ ты въ состояніи видѣть нашу любовь. Когда будутъ у тебя жена и дѣти, тогда только познакомишься ты съ столь сильнымъ чувствомъ. Благодарю тебя за извѣщеніе меня о моей матушкѣ. Пусть Богъ подкрѣпитъ ея здоровье. Ты каждый разъ говоришь, что она пишетъ ко мнѣ, и всякій разъ скажешь, что она опоздала на почту. Собираешь ты, вѣрно, ея письма, а потомъ пришлешь мнѣ цѣлую тетрадку, чтобы наградить меня за долгое ожиданіе. Прошу тебя за насъ поцѣловать ей руку и сказать, что мы здоровы... Братъ твой цѣлуетъ тебя сердечно, благодаритъ тебя за обѣщаніе прислать ему еще табаку. И туда вложи ему трубокъ и, если есть у

тебя, хорошій черешневый чубукъ, а если будетъ опять случай въ Кишиневѣ, то выпиши мнѣ *тестамелю* *). Такъ называются у нихъ маленькіе цвѣтные шейные платочки; они очень теплые. Прощай, другъ мой. Марья Юшневская.

PS. Прежде отправленія къ тебѣ этого письма узнали мы, къ прискорбію нашему, что Александръ Львовичъ скончался, и потому братъ твой счелъ нужнымъ сообщить тебѣ это извѣстіе, дабы оно не остановило тебя въ исполненіи просьбы нашей. Василій Львовичъ, во всякомъ случаѣ, полагалъ, что если-бы братъ его взялъ на себя заняться пріисканіемъ покупщика для Тимашевки, то, вѣроятно, поручилъ-бы это подъ своимъ руководствомъ которому-либо изъ двоихъ, или Бржозовскому или Добровольскому. И такъ легко быть можетъ, что по порученію покойнаго они этимъ дѣломъ уже занимаются. А потому братъ твой проситъ тебя, не смотря на это извѣстіе, все-таки съѣздить туда или послать вмѣсто себя, кого разсудишь.—Я давно просила Рейхеля войти въ сношеніе съ Марьей Алексѣевной Пестовой, которая по дружбѣ своей также вызвалась найти покупщика. Прилагаемое отъ нея письмо прошу тебя отдать Рейхелю. Изъ него онъ увидитъ, что, не смотря на мою просьбу, она не получила отъ него никакого отзыва. Быть можетъ, онъ не знаетъ ея мѣстопребыванія? Живетъ она въ Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда, въ ея деревнѣ Панталіевкѣ. Письма ей всегда адресуютъ въ городъ Александрію. Она также въ сосѣдствѣ Тимашевки, и потому, если Рейхель вздумаетъ ѣхать самъ въ Тимашевку, не худо-бы, если-бы къ ней заѣхалъ.—Тебя удивитъ, любезный Семенъ Петровичъ, что я имѣю знакомыхъ такъ близкихъ, о которыхъ ты не знаешь. Въ бытность мою въ Москвѣ жила я съ Пестовой вмѣстѣ у Катерины Ѳеодоровны, и она полюбила меня, кажется, всѣмъ сердцемъ, и мы сблизились. Я ее не только люблю, но уважаю. Она женщина очень добрая. Катерина Ѳеодоровна мнѣ говорила, что кромѣ того, что имѣетъ доброе сердце, съ удиви-

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

тельною готовностью оказываетъ услуги, гдѣ онѣ могутъ только быть полезны. Прощай, любезный братъ! Поцѣлуй дѣтей моихъ за меня.

XXXIII.

30 декабря 1832 года. Петровское.

Милый другъ мой, Семенъ Петровичъ! съ сею почтою пишу тебѣ коротенькое письмо, только потому, чтобы быть аккуратною. Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ, а я очень нездорова. Дней пять тому назадъ велено мнѣ непремѣнно поставить пьявки, но я такъ ослабла отъ моихъ страданій, что испугалась, расплакалась, и принуждены были оставить до другого времени. Послѣ праздниковъ, быть можетъ, я буду болѣе въ силахъ. По сему ты легко можешь представить себѣ, какое раздраженіе во мнѣ и слабость нервовъ. Я не могу спать по ночамъ, и бѣдный твой братъ, ухаживая за своею больною, усталъ и ослабѣлъ немного. Праздники, какъ ты знаешь, не приносятъ намъ большого удовольствія, но сего года встрѣтили мы ихъ, по крайней мѣрѣ, съ перемѣною противу прежнихъ. Вѣроятно, прежде чѣмъ ты получилъ письмо сіе, ты уже будешь знать, что намъ, перваго и второго разряда государственнымъ преступникамъ, убавлено по 5 лѣтъ; третій же разрядъ идутъ всѣ на поселеніе. Фонъ-Визинъ и Нарышкинъ—изъ женатыхъ. Въ числѣ же прочихъ знакомыхъ тебѣ отправляется Аврамовъ, Фоленбергъ, меньшій Пушкинъ, братъ Емил. Ив. Вогелинъ, Лореръ, Одоевскій,—однимъ словомъ всѣхъ 18 человѣкъ. Ивашевъ и другіе второго разряда остаются здѣсь на три съ половиною года, а первому разряду восемь съ половиною еще остается, и если я буду еще жива съ твоимъ братомъ до того времени, то и мы оставимъ Петровскій заводъ. Но надежды мало, чтобы я до того дожила. Впрочемъ, во всемъ воля Бога.—Другъ мой, многіе просили меня изъ нашихъ знакомыхъ, чтобы ты изъ Кишинева выписалъ труту, и когда будешь посылать брату табакъ, то пришли и трутъ, а ес-

ли письмо мое застанетъ, что табакъ уже высланъ, то и одинъ трутъ вышли, только постарайся достать его поболѣе: у насъ нуждаются въ этомъ, и ты много одолжишь не только брата, но и другихъ. Пожалуйста, душа моя, постарайся исполнить просьбу мою, чтобы обѣщанія мои и твоего брата были исполнены. — Хотя письмо и придетъ гораздо позднѣе твоихъ имянинъ, но прими душевное наше поздравленіе. Братъ твой цѣлуетъ тебя и молитъ Бога о твоемъ счастіи и благополучіи. Я хотѣла послать тебѣ что-либо моей работы, но какъ ничего хорошаго не могу сдѣлать, не имѣя ни шелковъ, ни шерсти для вышиванія, то и придумала прислать тебѣ нѣчто, дѣлающее тебѣ гораздо болѣе удовольствія, только немного замедлю высылкою. Дай Богъ, чтобы только подарокъ мой сдѣлалъ тебѣ столько удовольствія, сколько усердно я о немъ хлопочу. Три уже недѣли, какъ мы не имѣемъ твоихъ писемъ, но я надѣюсь, что будущая почта меня обрадуетъ. Пожалуйста, любезный другъ, хотя ты и занятъ теперь, но не лишай насъ отрады получать извѣстія о тебѣ. Тѣмъ еще пріятнѣе для насъ будетъ, что ты, имѣя мало времени, будешь пріискивать его, чтобы намъ писать, меня-же совѣсть не упрекаетъ: я аккуратно даю тебѣ извѣстіе о твоемъ братѣ. Pardon, другъ мой, невольно упрекнула тебя.—Ты замѣтилъ, что я стараюсь разные подробности сообщать тебѣ о насъ, а потому, узнавъ, гдѣ твои знакомые будутъ поселены, я тебя увѣдомлю. Аврамовъ, какъ только пріѣдетъ, самъ напишетъ тебѣ, ибо, будучи на поселеніи, онъ можетъ собственноручно вести переписку. Со многими будетъ намъ грустно проститься, но изъ заточенія выѣдутъ они на свободу,—и это заставляетъ насъ радоваться разлукѣ съ ними. Прощай, милый мой братъ! Люби сестру, которой привязанность къ тебѣ не измѣнится до гроба. Марія Юшневская.—Матушкѣ моей ручку поцѣлуй за насъ и сообщи обо всемъ сказанномъ тебѣ.

XXXIV.

Милый другъ, Семенъ Петровичъ! Письмо твое изъ Чечельника, 3 ноября писанное, мы получили. Братъ твой и я

сильно огорчились, прочтя, что тебя опрокинули лошади съ коляскою. Слава Богу, что еще хуже послѣдствій не было. Надо, чтобы ты постарался завести экипажъ хорошій и лошадей, а главное, кучера надо пріискать. Если ты не оставилъ Григорія, который у насъ служилъ, то худо сдѣлалъ. Служа нѣсколько лѣтъ у брата твоего, мы никогда не имѣли случая пожаловаться на него, и кучеръ онъ очень хорошій, кромѣ того добрый и усердный малый. . . . . .

. . . . . .

Часа два тому назадъ братъ твой простился съ четырмя своими товарищами, которые уѣхали на поселеніе,—Фаленбергъ, Одоевскій, Игельстромъ и Мухановъ. Первый душевно тебя обнимаетъ и желаетъ тебѣ всевозможнаго счастія. Каждый разъ прощанія сіи бываютъ очень трогательными. Родные братья не могутъ разставаться съ бо́льшею нѣжностью, такъ несчастіе и одинакость положенія сближаетъ. Представь себѣ, что всѣ въ слезахъ и всѣ огорчены душевно. И мы тутъ-же плачемъ, какъ сестры, провожающія своихъ братьевъ. На дняхъ проводили Павла Васильевича и Павла́ Пушкина. Равно и съ другими грустно будетъ проститься.—Ты также проводилъ добраго и почтеннаго Карла Ѳеодоpорича. Увѣдомь, взялъ-ли онъ съ собой Амалію дочь.—Благодарю тебя, другъ мой, за увѣдомленіе меня о моей матушкѣ. Я получила позже твоего письма о ней извѣстіе. Благодарю Бога, что она здорова. Когда будешь въ Хрустовой, поцѣлуй ей ручку за меня и скажи, что мы оба здоровы.—На дняхъ получено у насъ извѣстіе объ Андреѣ Васильевичѣ Ентальцевѣ. Онъ здоровъ, живетъ въ Ялуторовскѣ Тобольской губерніи; жена его съ нимъ. Розенъ съ женою благополучно доѣхалъ до Кургана Тобольской-же губерніи: онъ тамъ поселенъ. Пишетъ, что все дешево и климатъ хорошъ. У насъ-же такая дороговизна, что способа нѣтъ докупиться ничего, особливо, кто весьма мало имѣетъ денежныхъ способовъ. Надѣюсь, другъ мой, что ты не можешь пожаловаться на краткость моихъ писемъ: всѣ подробности, какія только близки намъ съ твоимъ братомъ, я сообщаю

тебѣ, чтобы только видѣлъ ты, какъ пріятно мнѣ бесѣдовать съ тобою. О знакомыхъ и незнакомыхъ говорю тебѣ, стараясь, сколько могу, сдѣлать и для тебя интереснымъ мое письмо. Прости, любезный другъ. Пиши намъ чаще, мой другъ, и помни, что письма твои для насъ отрада и утѣшеніе. Не скупись посвящать минуты свободныя отъ твоихъ занятій доброму твоему брату и сестрѣ, которая любитъ тебя всѣмъ сердцемъ. Цѣлую тебя сердечно и на вѣкъ остаюсь лучшимъ твоимъ другомъ. Марія Юшневская.

XXXV.

20-го Января 1833 г. Петровское.

Милый другъ мой, Семенъ Петровичъ! Въ прошломъ письмѣ я тебѣ писала, что простились мы съ четырьмя нашими, отъѣхавшими на поселеніе. 17 числа сего мѣсяца проводили еще четырехъ: Рункевича, Мазгину, Иванова и еще молодого человѣка, Колесникова, который такъ плакалъ, прощаясь со всѣми, остающимися въ ткарьмѣ, что всѣхъ растрогалъ. Прощаясь съ нами, онъ рыдалъ на груди твоего брата, котораго онъ почиталъ и уважалъ. Бѣдный молодой человѣкъ твердилъ поминутно: теперь начнутся мои тяжкія страданія, когда буду я одинъ, въ кругу людей, не понимающихъ меня, безъ подпоры, безъ средствъ къ содержанію себя. Здѣсь раздѣляли со мной добрые товарищи все, а на поселеніи не услышитъ стона моего никто. Впрочемъ, онъ уже слишкомъ огорчался. Быть можетъ, поселять его съ кѣмъ либо другимъ, и на свободѣ онъ пріищетъ средство пріобрѣсть трудами рукъ своихъ пропитаніе и все нужное. Сначала, конечно, будетъ ему тяжело. Тѣ-же, которые имѣютъ способы жить безъ нужды на поселеніи, конечно, съ радостію покидаютъ насъ. Вотъ, мой милый братъ, стараясь сообщить тебѣ всѣ подробности встрѣчъ разныхъ, случающихся съ нами, чтобы ты невольно переносился къ намъ мысленно, а я буду воображать себя раздѣляющаго съ нами и слезы, и улыбки, которыя бываютъ при встрѣчѣ удовольствіи (?)

Изъ переписки Запорожья XVI в.

съ польскими вельможами.

I.

Сашко Хведоровичъ (Александръ Ѳедоровичъ)—одинъ изъ тѣхъ Запорожскихъ предводителей конца XVI в., называвшихся иногда гетманами, иногда полковниками, которые, начальствуя надъ небольшими козацкими отрядами, то грабили съ ними пограничныхъ со степями жителей, то производили набѣги на крымцевъ, на турокъ и молдаванъ, то нанимались на службу къ польскому правительству, если послѣднее нуждалось въ ихъ услугахъ. Раньше было извѣстно только одно письмо Сашка Хведоровича къ Яну Потоцкому изъ Пскова отъ 3 августа 1595 г.[1]), въ которомъ онъ оправдывался въ насиліяхъ и грабежахъ, учиненныхъ его козаками надъ крестьянами сс. Мизякова и Охматницы. Теперь мы издаемъ два письма: одно отъ Сашка Хведоровича къ Яну Орышовскому, другое отъ бискупа Іосифа Верещинскаго къ Сашку Хведоровичу. Въ первомъ письмѣ, относящемся, повидимому, къ 1595 г., Сашко Хведоровичъ извѣщаетъ Орышовскаго о вторженіи татаръ, проситъ его предупредить объ этомъ старосту Брацлавскаго и Винницкаго Юрія Струся и донести канцлеру и коронному гетману Яну Замойскому. Во второмъ

[1]) См. Listy Stanisława Żołkiewskiego. W Krak. 1868, str. 63—64.

письмѣ бискупъ Верещинскій старается отклонить Сашка отъ сообщества съ Наливайкомъ и совѣтуетъ ему снискать благоволеніе короля при содѣйствіи польнаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго. Сашко не послушался Верещинскаго, присталъ къ Наливайку и былъ убитъ въ сраженіи съ войсками Жолкѣвскаго у озера „Острый Камень“ близъ Бѣлой-Церкви черезъ 11 дней послѣ того, какъ Верещинскій предупреждалъ его,—въ среду 3-го апрѣля (нов. ст.) 1596 г. [1]). Вѣроятно, издаваемое письмо было найдено при убитомъ и отослано Жолкѣвскимъ Замойскому для свѣдѣнія, почему и сохранилось въ архивѣ гр. Замойскихъ.

Г, — Moy laskawy Panie Oriszowski! Skorom od wm. odjachał, przyszla nowijna niepocześna: czar Thatarskij jusz Bialoczerkiew mijna; woisko wielkie. Panie Boze, nie daj mi s pocziechą stąd odiscz. Pilnie prosze: rozmow wm. s panem starostą, aby szie mijal na pilnoij przestrodze, gdisz pewnij, a nieodmienny nieprziaciel cziągnie; poddanym niech kaze do Winiczy zbiegacz. Ja, da Pan Bog, rano do Pikowa poijde y do Pana Hetmana Coronne(go). abj wm. wjadomoscz dacz raczil. A zatim szie lascze wm. polieczam. We czwartek.

Sasko polkow. Ręką wlaszną.

Адресъ: J. W. Panu Janowij Oriszowskiemu, Polkow. wojska Zaporoskie(go).

Съ оригинала, писаннаго рукою Сашка, съ точнымъ сохраненіемъ правописанія и лишь съ введеніемъ современныхъ знаковъ препинанія.

2, — Moi laskawij panie Sasku!

Chęci mi zijcliwi do dobriji prziazni w. m. pilnie zaliecam etc. etc.

Jus widze, ze wam Naliwaiko tijm tu do was przybyciem wielie zlego nabawil, i kto piwa nawarzijl kwasnego i nader

[1]) См. тамъ-же, стр. 80.

gorskiego—sami go teraz pic musicie; przeto dla milosierdzia Bozego proszę: przestrzygaicie więciji lask J. K. M., anizeli iedniji osobij Naliwaikowiji, gdijs immi to przijpisuią, zebych sie miał wiązac do was z skodą Rzeci posp. J bijscie wij mmi sluchali, w ijnaksym by sobie pierzu bijli, a ci zli ludzie, ktorzy mie do nielask J. K. M. domieszczaią, na sobie tego doznaią. Liepiji bylo z iedną sie osobą zawodzic a swego dochodzic... [1]). Teraz po wlosciach sie wloczecy, J. K. M. obrazaiąc i liudzie do tego w domach slacheckich nieprzystoine gwaltij czijniąc. Jis macie, gdzie sie nieobaczijcie, gotową exequutią tuz przed sobą; przeto ubiegaicie laski J. K. M. przez J. M. pana Hetmana polnego [2]), abij niewchodzic w exequutią z wami, z wiernijmi slugami i podnoskami swijmi. Co iz bijscie liepsą sprawę mieli, posijlam wam i list od J. M. pana Hetmana do mnie napisanij, o ktorij prosze, abij mi bijl nazad przywroconij. Zaliecaiąc sie przytijm dobriji prziazni i zijcliwosci w. m. wszystkiego woiska. Data z Nowego Werescina, 22 marcij Roku Bozego 1596.

Czechowic, poddannij moi z Nowego Werescina [3]), dosta klace od kozaka pliesniwą, ktorą poznal kozak drugi, wmawiaiąc to, zebij iego wlasna byla; a ta klaca wijsla z rąk w. m., o ktorą teraz trudnosc ma. Prosze iako mego milego prziaciela, niechbij w tijm gwaltu mu widzial, dla czego do w. m. sie ucieka.

W. m. zijcliwij prziaciel
Jozef Werescinskij Kyiewskij ręką wlasną.

Адресъ: Laskawemu Panu przijiacielowi Chwiedorowiczowi Polkownikowi Woyska Zaporoskiego nalezij.

Съ оригинала, писаннаго, за исключеніемъ адреса, сплошь рукою Верещинскаго. Съ лѣвой стороны листа подъ подписью оттиснута печать, на которой изображенъ гербъ „Три зарубки", украшенный епископскою митрою и пастораломъ, а вокругъ идетъ надпись: Sigil. Jose. Verescin. episc. Kiiov.

---

[1]) Дыра въ рукописи.

[2]) Т. е. черезъ Станислава Жолкѣвскаго.

[3]) Изъ Фастова.

II.

Какъ извѣстно, 29 мая (8 іюня) 1596 г., у лѣваго берега р. Сулы, на урочищѣ Солоницѣ, близъ нынѣшнихъ Лубенъ, польское правительственное войско подъ начальствомъ Станислава Жолкѣвскаго разгромило и истребило мятежное козацкое скопище, собранное Наливайкомъ. Главные вожди мятежниковъ, и въ томъ числѣ важнѣйшій изъ нихъ—Наливайко, были захвачены живыми и впослѣдствіи казнены. Приставшіе къ Наливайку запорожцы, въ числѣ до полуторы тысячи человѣкъ, по какимъ-то соображеніямъ были прощены Жолкѣвскимъ и подъ предводительствомъ Кремпскаго прямо изъ-подъ Солоницы двинулись въ Запорожье. Туда же отплылъ изъ-подъ Черкасъ Каспаръ Подвысоцкій съ флотиліей чаекъ, перевозившею скопище Наливайка съ праваго берега р. Днѣпра на лѣвый у Кіева. Такимъ образомъ, разсѣянные запорожцы собрались мало-по-малу въ Сѣчь, и войско Запорожское вошло въ кругъ обычныхъ своихъ занятій; возобновилась и исконная борьба съ Крымскими татарами. Во главѣ войска сталъ гетманъ Игнатъ Василёвичъ (Игнатій Васильевичъ). Въ началѣ августа 1596 г., въ степяхъ за Днѣпромъ, среди татарскихъ кочевій, пойманъ былъ козаками татаринъ, такъ называемый „языкъ“, который сообщилъ, что царь Крымскій двигается съ войскомъ къ Таванскому перевозу черезъ р. Днѣпръ, намѣреваясь предпринять набѣгъ въ предѣлы Польскаго королевства. Гетманъ Игнатъ Василёвичъ немедленно отправилъ этого плѣнника, подъ присмотромъ двухъ „товарищей“, Каспара Подвысоцкаго, упомянутаго выше, и Гавріила Рожи, къ королю, дабы предупредить государя и его правительство о грозящей странѣ опасности. Онъ далъ Каспару Подвысоцкому и Гавріилу Рожѣ помѣщаемый ниже универсалъ, въ которомъ извѣщаетъ всѣхъ пограничныхъ владѣльцевъ о предстоящемъ набѣгѣ и проситъ ихъ безъ замедленія давать подводы подъ плѣнника и его провожатыхъ, чтобы они скорѣе могли предстать предъ королемъ, такъ какъ отъ этого зависитъ возможность борьбы

съ приближающимися татарами. Къ универсалу приложена оттиснутая на зеленомъ воскѣ печать, какую въ то время употребляло войско Запорожское. Кажется, это—старѣйшій оттискъ Запорожской печати, доселѣ извѣстный. На печати изображенъ Запорожскій козакъ съ саблей при боку и съ ружьемъ на плечѣ, а вокругъ выгравирована надпись: „Копиа воиска Запорозского". Слово „*копиа*" имѣетъ, вѣроятно, тотъ смыслъ, что изображенный на печати воинъ *точно* передаетъ дѣйствительный внѣшній видъ Запорожскаго козака. Другой, очень сходный по содержанію съ изслѣдуемымъ, универсалъ былъ высланъ Игнатомъ Василёвичемъ изъ Запорожья 15 іюня слѣдующаго 1597 г. Въ немъ также пограничныя власти предупреждались о грозящемъ татарскомъ набѣгѣ. Въ латинскомъ переводѣ онъ былъ приложенъ къ донесеніямъ въ Римъ папскаго нунція въ Прагѣ, попалъ въ библіотеку Боргезе, гдѣ и былъ найденъ проф. Н. Н. Любовичемъ, издавшимъ его въ „Кіевской Старинѣ" за 1893 г. (т. 43, стр. 157—158). Универсалъ печатается здѣсь съ оригинала, сохранившагося въ архивѣ гр. Замойскихъ:

Wielmoznijm ij zacznie urodzonijm Panom, wszistkim wobec, Przijacielskie nasze sluzbij lasce Wm. naszijch meiwijch Panow pilnie zalecamij.

Wszistkim wobecz wmciom oznaimuiem, ysz posilamij poslancow, thowarzijszow naszych, z wiezniem krymskim, kthoregosmij dostali na poliu krymskim, pod woiskiem tatarskim, kthore ciągnie do przewozu Dnieprowego Thawanij; ij then wiezien powiada, isz nigdzie indzie tholko w ziemie Je(go) k. m. Car ijch pewnie a pewnie idzie. A thak mij, czijniąc onę powinnosć naszę, danną przeciwko narodowi chrzescijanskiemu, abij bez wiesci then nieprzijaciel Car krijmski w ziemie Jego k. m. nie wthargnął, daiem wm. wszistkim wobec znać, abiscie Wm. bez wiesci nie pogineli ij w rece nieprzijacielskie nie popadli. Themu pisaniu naszemu ij poslancom ij wiezniowi wiary dodawaicie, a samij w ostroznosci pewnei byli, a thym thowarzijszom naszijm Kaspru Podwisockiemu, Hawriłu Rodze laske y milosć pokazowali ij podwod pod wieznia ij pod ych samijch nie bronili, aby co narychliei

onego wieznia, bez omieszkania, do maiestatu Je(go) k. m. odwiesli, gdysz na thijm wiezniu y wiesciach thych pospolithemu chrzescijiansthwu sila nalezij, co mij mądremu a mciwemu baczeniu Wm. naszych m. Panow poruczamij. Prosim, prosim za thymi, poslancamij, zebiscie ych Wm. zadnei godzinij nie mieszkaiąc, odprawowali. A za thym, samij siebie y sluzbij nasze mciwym laskam Wm. zalecamij. Dan za Porohamij, u przewozu Thawanij, 10 d. sierpnia Roku 1596.

Wm. wiernie ziczliwi przl. Jhnath Wasilowicz, Hethman ze wszistkim woiskiem Zaporoskim.

Сообщилъ *А. Стороженко.*

Новыя подробности къ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго.

Очеркъ жизни гетмана Яна Орышовскаго, напечатанный въ нашей книгѣ: „Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки“ на стр. 256—272, мы можемъ пополнить теперь нѣкоторыми новыми подробностями.

Во-первыхъ, изъ просмотра нѣсколькихъ документовъ въ архивѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ мы съ точностью опредѣлили, откуда родомъ былъ Янъ Орышовскій. Гнѣздомъ его семьи было селеніе Польскій (Ляцкій) Горишовъ, верстахъ въ 15 отъ Замостья по старому тракту изъ Замостья во Владиміръ-Волынскій. По прежнему административному дѣленію Рѣчи-Посполитой оно относилось къ Грабовецкому повѣту Бельзскаго воеводства, а по нынѣшнему русскому дѣленію оно входитъ въ составъ Замостьскаго уѣзда Люблинской губерніи. Янъ Орышовскій имѣлъ тамъ наслѣдственную земельную собственность. Одновременно съ Яномъ Орышовскимъ проживали въ Польскомъ Горишовѣ Петръ и Станиславъ Орышовскіе, повидимому, родные братья Яна. У Петра Орышовскаго было двѣ дочери: Софія, по мужу Хилыньская, и Елена, по мужу Зѣлинская Обѣ онѣ продали

свои наслѣдственныя доли въ Горишовскомъ имѣніи канцлеру Яну Замойскому, и эта часть Польскаго Горишова была включена въ 1589 г. въ предѣлы Замойской ординаціи. Зная, что у Яна Орышовскаго была собственность въ Польскомъ Горишовѣ, мы можемъ вполнѣ удовлетворительно объяснить, почему Валицкій, разговаривая съ Вакеромъ въ началѣ 1594 года на постояломъ дворѣ въ Замостьѣ (нашей книги стр. 263), сообщилъ ему, что онъ не можетъ видѣться сейчасъ съ Орышовскимъ, такъ какъ послѣдній за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ лежащія по сосѣдству съ Замостьемъ свои имѣнія (ad vicina quaedam rura sua). Орышовскій, очевидно, поѣхалъ въ Польскій Горишовъ, расположенный дѣйствительно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Замостьемъ.

Во-вторыхъ, мы имѣемъ возможность издать по подлиннику, сохранившемуся въ архивѣ гр. Замойскихъ, то донесеніе Яна Орышовскаго королю Стефану Баторію относительно поимки татарскихъ царевичей лѣтомъ 1581 года, о которомъ упоминаетъ въ своемъ Дневникѣ ксендзъ Янъ Піотровскій, говоря: „Bieg wypadków wypisuje Oryszowski Królowi, co porucznikiem Niżowców jest“.

Вотъ текстъ донесенія съ сохраненіемъ правописанія подлинника:

Адресъ: Sacre ac Serenissime Regi Polonie et invictissimo dn̄o dn̄o mihi clementissimo.

Донесеніе: M̄czwi naiasnieisi Krolu Panie panie mnie miloscziwi. Wassei krolewskiei m̄czi oznaimuię panu swemu m̄cziwemu wsitke sprawe ktora sie sam na nizu dzieie Prosto z wiosni przipadl mcziwi naiasnieisi Krolu na te ludzie s ktoremim w Cirkasiech. zimowal glod i niedostatek wijelki. musialem z nimi iscz na dniepr dla lacznieise⁰ poziwijenia riba ij zwierem. przestrzegaiacz tes te⁰ abij sie nicz niedzialo nad wola i roskazanie W. Krolewskiei Mczij. Jakos sie zadne zacepki i skodij do te⁰ czaszu niedziali Czaru Krimskiemu A zwlasca od tich ludzi ktorzi pod moim poruczenstwem bili o insich stroni nie mowię. Bendac z nimi na dnieprze przichodzila mij wiadomoscz

pewna kozde⁰ dnia. od wiezniow tich ktorzi do nas z hordij wichodzijli. Ze sie stalo zamiesanie w hordzije w Czara Krimskie⁰ Posilal braczia swa na kiezulbasij [1]) ktorzi go w tim nie chczieli sluchacz. Za nieposlusenstwo kazal iedne⁰ brata sinom swoim straczic A insij bracia ie⁰ rozbiegli się do Nahaiczow i do Pietihorczow. Czi zas dwai Aliphieri Galga a drugi brat ie⁰ mlodsij Sołomethieri. Z murzami ktorzi nie bijlij przichilni przestrzegli ich abi do Czara nie iezdzilij Bo im kazal do siebie prziiachacz gdi brata kazal straczic. na ten czas gdi szinami ie⁰ chodzil na moskwu i niemalo tatar z nimi przestawalo w tim sposobili sobie Bielogrodczow takze i insich Krimczow. Ktorzi za niemi mieli iscz. wziawsi ten umisl przedsie wibawic s Cirkas pana staroste Circas: [2]) za dniepr na moskwe. Jako przedtim z nimi zwikl chodzic zwlasca z bielogrodczami ku sluzbie W. K. mczi do ktore⁰ poslance swe posilali az do imienia ie⁰ cze⁰ przedtim nie czinijli. oczekiwaiacz go kilka niedziel. A tam gdi bi iuz wisedl mieli nad nim fortelu uzic i bitwę mu dacz a pogromiwsi⁰ mieli sie nazad wroczic i Cirkasi wziąc i s tą przislugą do Czara Turskie⁰ iachacz Bo tam maią brátá rodzone⁰ foritarzem. w sprawach onich Aslam soltana. powiadali i sami ijs im mial ziednac ludzi od Czara Turskie⁰ a s timi ludzmij mieli iscz na Czara Krimskiego brata swe⁰ i opanowac Czarstwo Krimskie Ja tedi maiacz o tim pewną wiadomoscz od pewnich wiezniow ktorzi ustawicznie z hordi wichodzą Czinilem takie pilne staranie z ludzmi timi ktorem okolo siebie mial iako: bi przescia mijec nie mogli na przewoziech zwiklich i tam gdziebi ijedno podobienstwo bilo ku przebicziu rzeki. wsędsi straza dobrze opatrzijl. Z ijednimim ludzmij zostal wissei progow a drugiem ludzie poslal nizei progow. w tim przisli na niezwikle miesce nizei progow na przewos przezwiscem nosakowski ostrow [3]) traffili na stras w malem podczie asam ludziem

---

[1]) Кизильбаши—старинное названіе Персіянъ; значитъ: красноголовые.

[2]) Т. е. князя Михаила Александровича Вишневецкаго.

[3]) Носаковская переправа противъ острова Носаковки и Каиръ-Космака, по словамъ г. Эварницкаго, мало удобная, потому что здѣсь Днѣпръ,

dali znacz, ktorich obskocziwsij poimali. Bo na wodzie im trudna bitwa [1]). Czo sie wsitko dzialo za laską mile⁰ Boga á za scesczieм W. K. mczi Bo kozdi takowi nieprzijacziel ktori chitrosczią chodzi z maiestatem. W. K. mczi. musi bicz pod nogami s przeirzenia Boze⁰ W. K. mczi me⁰ mcziwe⁰ pana. Tho tes W. K. mczi oznaimuię ze w niebitnosczi mei niemem zwierchu do tich ludzi przibijl dowiedziawsi się Czi kozaczi dali znac panu Staroscie Cirkaskiemu oznaimuiacz iż tich Czarowiczow poimali. nie wziawsi sprawi o nich dostatecznei. A pan Starosta W. K. mczi zarazem to odnijosl. nije czekaiacz ode mnie pewnei wiadomosci Thamze tes murzow dwu i kilka tatar pusczili na okup abi niedostatek i nagosc swa przikrijli. Takze tes i Czarowiczowie wielką im sumę pieniedzi za siebie postempowáli. Ja gdim w tim do nich przijachal tedim im tich saczunkow nie dopuscijl ze sie to musialo oprzec o maiestat W. K. mczi. Bo to nie nasa rzec takiemi sprawami saffowac W tim nam przislo pissanie W. K. mczi. abichmi sli ku sluzbie w. k. m. na moskwę. Zaraniem sie z nimi russil nieczekaiac te⁰ okupu. Bo i ten datek ktori maią z laski w. k. mczi do te⁰ czasu w Cirkasiech go niemas. Nijewiem gdzie⁰ pan Janczi [2]) na drodze zostawijl.

Czar tes Krimski przisilal Asana tlumaca tatarzina do nas obieczuiacz okup nie mali i do te⁰ okupiwsi ich tamze przed

---

раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ острововъ и заросъ высокими камышами. См. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб. 1898 г. Стр. 257.

[1]) Въ особомъ письмѣ къ королю Стефану, сохранившемся въ переводѣ съ татарскаго языка на польскій въ архивѣ гр. Замойскихъ, татарскіе царевичи жаловались, что козаки захватили ихъ обманомъ: пообѣщали переправить ихъ черезъ Днѣпръ, а когда они сѣли со всѣми своими вещами въ козацкій чёлнъ, то взяли ихъ въ плѣнъ и тотчасъ заковали въ ручные и ножные кандалы, требуя выкупа. Вѣроятно, такъ и было въ дѣйствительности. Оришовскій преувеличиваетъ доблесть козаковъ въ надеждѣ на полученіе награды отъ короля.

[2]) О Янчи Багерѣ см. нашу книгу: Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки, стр. 71 и 102.

nasimi oczima glowi im pozdijmowac Bo sije na nich barzo oglada zebi przes nich o gardlo i o stracenie ziemie nie przisedl. Jakos i listi do nich pisal trzi przes te⁰ tlumacza swe⁰ ktore W. K. mczi possilam s ktorich w. k. m. dostatecznie bendzie raczil zrozumiecz ich sprawe i z nich szamich. gdi z nami bendą przed maiestatem w. k. mczi. Bom i tich listow nieczital ij nie wiem czo w nich iest nie bilo komu czitac. Potim za sie przijachal do nas P. Starosta Cirkaski[1]) za porohi. ządaiącz nas o ti wieznie abi mogli iscz przes ie⁰ rencze do Maiestatu W. K. m. nase⁰ m. pana. Mi uwazaiacz zwierchnoscz w. k. mczi takze one⁰ ktoregos nam w. k. m. we wsitkiem sluchac kazac raczijl Podczilichmi ⁰ tim zechmi ich do rąk ie⁰ dali. maiacz z nim pospolu przi nich iachac do Maiestatu w. k. m. abi ich przi nas oddawal. i o nas daiąc taką sprawę ze te⁰ przestrzegami czo nam podczciwim riczerskiem ludziem przistoi.

Gdim przisedl s timi ludzmi do Cirkas Zastalem pana Cosa dworzanina W. K. mczi. ktori mi wolą i roskazanie w. k. mczi. oznaimijl Ja mcziwi naiasnieisi Krolu wsitke sprawe czo mi kolwiek do wiadomosci przichodzilo i czo się ijedno sam dzialo. dalem dostateczną sprawe panu Cosowi Abi to w. k. mczi odniosl. To czokolwiek iedno do wiadomosci w. k. m. piszę i odnoszę tedim te zrozumial wsitko s te⁰ murzi Surma te⁰ Czarowicza starsze⁰ takze i s tatar slug Czarowiczowich. Skoro sie dowiedzieli Czarowiczowie ze brat ich Czar Krimski wskazal do nas przes tlumaca swego. abichmi ich do rąk ie⁰ oddali tedi sami prosili iz wolemi ze nas oddaczie do Maiestatu ie⁰ K. mczi A nisli nas maczie dac w ręce brata nasse⁰.

Za tim unizone sluzbi me do Maiestatu w. k. mczi pilnie zalecam. Dan S cirkas dnia 3 Lipcza. Anno 1581.

W. k. mczi nanissi sluga i wierni poddani

Jan Orissowski Porucznik kozakow nizowich Zaporoskich.

---

[1]) Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій.—Въ письмѣ къ королю царевичи выражаютъ благодарность кн. Вишневецкому за ласковое съ ними обращеніе.

Все донесеніе и адресъ писаны рукою Орышовскаго; сбоку адреса канцелярскою рукою приписано: „Jako Czarowicowie Tatarscy wpadli w ręce kozakow nizowych Zaporoskich opisanie". Печатка на зеленомъ воскѣ, которою было припечатано донесеніе, отвалилась; остался только слѣдъ воска на бумагѣ [1]).

---

[1]) Переводъ донесенія: „Милостивый найяснѣйшій король, Государь мой милостивый! Доношу Вашей королевской милости, моему милостивому Государю, обо всѣхъ дѣлахъ, какія только здѣсь на Низу происходятъ. Начиная съ весны, милостивый найяснѣйшій король, тѣхъ людей, съ которыми я въ Черкасахъ зимовалъ, постигли голодъ и великій недостатокъ. Я долженъ былъ идти съ ними на Днѣпръ для болѣе удобнаго прокормленія насъ рыбой и звѣремъ. При этомъ я остерегался, чтобы ничто не дѣлалось вопреки волѣ и приказанію Вашей королевской милости. Поэтому до настоящаго времени не дѣлалось никакихъ придирокъ и убытковъ царю Крымскому, въ особенности со стороны тѣхъ людей, которые находились подъ моимъ начальствомъ. Объ иныхъ постороннихъ я здѣсь не говорю. Когда я былъ съ ними на Днѣпрѣ, доставлялись мнѣ ежедневно вѣрныя извѣстія отъ тѣхъ невольниковъ, которые прибѣгали къ намъ изъ Орды. Они говорили, что произошло замѣшательство въ Ордѣ у царя Крымскаго. Онъ посылалъ своихъ братьевъ противъ Кизильбашей, но они не хотѣли его въ этомъ послушать. За непослушаніе ихъ приказалъ онъ своимъ сыновьямъ одного изъ братьевъ казнить. А иные братья его разбѣжались къ Ногайцамъ и Пятигорцамъ. Двухъ же братьевъ, галгу Алипъ-Гирея и другого его младшаго брата Солометъ-Гирея, мурзы, которые не были вѣрны царю, предупредили, чтобы они не ѣздили къ царю, приказавшему имъ пріѣхать къ себѣ, когда онъ повелѣлъ казнить того брата, который ходилъ въ то время на Москву съ царскими сыновьями. Къ послѣднимъ пристало не мало Татаръ; кромѣ того они присоединили къ себѣ также Бѣлгородцевъ и иныхъ Крымцевъ. Всѣ должны были идти за ними. Было еще у нихъ намѣреніе выманить изъ Черкасъ за Днѣпръ противъ Москвы господина старосту Черкасскаго. Онъ обыкновенно ходилъ съ ними въ походы, въ особенности съ Бѣлгородцами, на службу Вашей королевской милости. Они отправили своихъ посланцовъ къ нему въ его имѣніе, чего передъ тѣмъ никогда не дѣлали. Ждали его нѣсколько недѣль. Если бы онъ вышелъ съ ними, то они должны были обмануть его, дать ему битву и, разгромивши его, возвратиться назадъ, взять Черкасы и съ этою добычею ѣхать къ царю Турецкому. Тамъ въ лицѣ родного брата Асламъ-Солтана они имѣли защитника въ подобныхъ дѣлахъ. Они сами разсказывали, что онъ долженъ де

подговорить людей царя Турецкаго и съ этими людьми они имѣли выступить противъ брата своего царя Крымскаго и завоевать царство Крымское. Тогда я, имѣя объ этомъ вѣрное свѣдѣніе отъ надежныхъ невольниковъ, которые постоянно выходятъ изъ Орды, прилагалъ все усердное стараніе вмѣстѣ съ людьми, бывшими около меня, дабы они не могли переправиться на обычныхъ перевозахъ; гдѣ только можно было предположить, что они переправятся черезъ рѣку, тамъ я вездѣ разставилъ надежную стражу. Съ одними людьми я остался выше пороговъ, а другихъ людей я послалъ ниже пороговъ. Между тѣмъ они пришли на необычное мѣсто ниже пороговъ, на перевозъ подъ названіемъ Носаковскій Островъ, и попали на малый отрядъ стражи; однако же дали знать другимъ людямъ и, окруживъ ихъ, поймали; на водѣ имъ трудно было биться. Все это случилось по милости милаго Бога и по счастью Вашей королевской милости. Каждый такой непріятель, который поступаетъ съ хитростью противъ величества Вашей королевской милости, долженъ быть, по соизволенію Божьему, подъ ногами Вашей королевской милости, моего милостиваго Государя.

Доношу также Вашей королевской милости, что въ мое отсутствіе, пока я по полученіи извѣстія не подоспѣлъ еще сверху къ тѣмъ людямъ, козаки дали знать господину старостѣ Черкасскому, донося, что они взяли въ плѣнъ царевичей, не наведя относительно нихъ достаточныхъ справокъ. А господинъ староста сейчасъ же донесъ объ этомъ Вашей королевской милости, не подождавши отъ меня вѣрнаго свѣдѣнія. Тамъ же на мѣстѣ они отпустили за выкупъ двухъ мурзъ и нѣсколькихъ татаръ, чтобы прикрыть свои недостатки и наготу. Царевичи также предлагали имъ за себя большую сумму денегъ. Когда я въ этотъ моментъ пріѣхалъ къ нимъ, то я не допустилъ этихъ переторжекъ, такъ какъ дѣло должно было опереться о величество Вашей королевской милости. Это не наше дѣло — распоряжаться въ такихъ обстоятельствахъ.

Въ это время дошло до насъ приказаніе Вашей королевской милости, чтобы мы шли на службу Вашей королевской милости противъ Москвы. Чуть свѣтъ я двинулся съ ними, не ожидая этого выкупа. То жалованье, которое они имѣютъ по ласкѣ Вашей королевской милости, до сего времени еще не прибыло въ Черкассы. Не знаю, гдѣ оставилъ его по дорогѣ господинъ Янчи. Царь Крымскій также присылалъ къ намъ толмача татарина Асана, обѣщая не малый выкупъ за царевичей, дабы, выкупивъ ихъ, тутъ же передъ нашими глазами поснимать съ нихъ головы. Ибо онъ очень на нихъ оглядывается, какъ бы черезъ нихъ не дойти до лишенія жизни и до утраты царства. Онъ писалъ къ намъ три письма черезъ того же толмача, которыя я посылаю Вашей королевской милости и изъ коихъ Ваша королевская милость достаточно уразумѣете, въ чемъ заключается ихъ дѣло, равно какъ и отъ нихъ самихъ, когда они вмѣстѣ съ нами появятся передъ величествомъ Вашей королевской милости. Я этихъ писемъ не читалъ и не

знаю, что въ нихъ заключается, ибо не было кому читать. Потомъ пріѣхалъ къ намъ за Пороги господинъ староста Черкасскій, требуя отъ насъ этихъ плѣнниковъ, чтобы они черезъ его руки могли дойти до величества Вашей королевской милости, нашего милостиваго Государя. Мы, признавая верховенство Вашей королевской милости, а также и того лица, котораго Ваша королевская милость приказали намъ во всемъ слушаться, почтили его тѣмъ, что отдали царевичей въ его руки. Въ то же время мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и при царевичахъ къ величеству Вашей королевской милости, чтобы онъ ихъ при насъ представлялъ и чтобы далъ о насъ такой отчетъ, что мы де желаемъ получить то, что слѣдуетъ намъ, почтеннымъ рыцарскимъ людямъ. Когда я пришелъ съ этими людьми въ Черкасы, то засталъ тамъ дворянина Вашей королевской милости господина Коса, который объявилъ мнѣ волю и приказаніе Вашей королевской милости. Я съ своей стороны, мой милостивый найяснѣйшій король, отдалъ достаточный отчетъ господину Косу обо всѣхъ дѣлахъ, какія только были мнѣ извѣстны и какія только въ дѣйствительности происходили, дабы онъ донесъ все это Вашей королевской милости. То, что я пишу и доношу для свѣдѣнія Вашей королевской милости,—все это я выспросилъ у мурзы Сурина, у старшаго царевича, а также у Татаръ, слугъ царевичей. Какъ только царевичи узнали, что ихъ братъ, царь Крымскій, обратился къ намъ черезъ толмача своего, дабы мы ихъ отдали въ его руки, тогда они сами просили насъ, говоря, что мы де лучше согласны, чтобы вы отдали насъ величеству его королевской милости, нежели, чтобы вы предали насъ въ руки брата нашего.

Затѣмъ усердно предоставляю мои нижайшія услуги величеству Вашей королевской милости.

Дано въ Черкасахъ дня 3 іюля 1581 года.

Вашей королевской милости найнижайшій слуга и вѣрный подданный Янъ Орышовскій, поручникъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ.

Сообщ. *А. Стороженко.*

близкихъ намъ людей. Могу сказать, мы хотя мало и рѣдко очень, но видимъ иногда и радости на лицахъ нашихъ товарищей, которые получаютъ попеченіемъ родныхъ всѣ извѣстія и подробности о семействахъ своихъ. Не далѣе какъ вчерась цѣлый день проплакала я, растрогавшись надъ однимъ почтеннымъ старикомъ, Штейнгелемъ, котораго дочь выходитъ замужъ за богатаго человѣка. Видя его счастіе и радость, невольно перенесешься въ его кожу и ощущаешь въ полнотѣ его чувства. Особливо мы любимъ и уважаемъ сего добраго и почтеннаго человѣка.... Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ и молитъ Бога о сохраненіи тебя. Онъ желаетъ тебѣ благополучія и счастія, говоритъ всегда, что „когда хорошо людямъ, которые близки моему сердцу, и которыхъ я люблю, то и мнѣ хорошо“.... Цѣлую тебя сердечно. Другъ и сестра Марья Юшневская.

XXXVI.

23 Января 1833. Петровское.

...24 числа простились мы еще съ четырьмя отъѣхавшими на поселеніе: Павелъ Пушкинъ, который тебѣ очень кланяется, два Бѣляевы и Лореръ. Аврамовъ еще съ нами. Послѣ завтра ѣдетъ и онъ. Павелъ Васильевичъ очень благодаритъ тебя за обѣщаніе быть аккуратнымъ въ высылкѣ ему денегъ . . . . . Какъ мнѣ жаль, любезный братъ, что я необстоятельно описала тебѣ нашъ квартетъ, но, желая поправить нашу ошибку, сызнова повторю тебѣ, что первая скрипка—Вадковскій, вторая—Николай Крюковъ, альта—твой братъ, а віолончелистъ—Свистуновъ. Но поздно я тебя знакомлю съ ними: нѣсколько мѣсяцевъ какъ квартеты не играются, и я думаю, что надо полагать ихъ разрушенными. Вадковскій не глядитъ на скрипку со дня потери двоюродной сестры своей, Александры Григорьевны Муравьевой, а Свистуновъ забросилъ віолончель: братъ его, узнавъ, что онъ желаетъ играть на фортепьянахъ, и привыкши предупре-

ждать все, что только можетъ сдѣлать ему удовольствіе, прислалъ ему фортепьяны, и теперь Петръ Николаевичъ Свистуновъ очень усердно занимается фортепьяномъ. Надѣется, что будетъ удивлять успѣхами, и я очень увѣрена въ этомъ, хотя онъ о сю пору никогда не занимался музыкой, но видно желаніе его, и способностей имѣетъ онъ много.... Скажу еще нѣсколько словъ о братѣ. Онъ здоровъ, благодарю Бога, и если бы не безпокоили его разныя наши домашнія и хозяйственныя дѣла, былъ-бы довольно веселъ. Но надо тебѣ правду сказать, что здѣсь такая дороговизна на все, что способа никакого нѣтъ, чтобы не задуматься. Особливо съ нами часто случается быть въ затрудненіи, будемъ-ли имѣть что либо завтра къ обѣду. Ты не безпокойся, любезный другъ. Третій годъ, что я здѣсь, мы не выходимъ изъ сихъ затрудненій, развѣ на короткое время получа деньги, то есть, пока не раздадимъ ихъ на уплату долговъ. Но мы умѣемъ покоряться судьбѣ, терпѣть и отказывать себѣ во всемъ. Братъ твой съ твердостію переноситъ все, и я, глядя на него, не теряюсь. Пишу тебѣ о семъ, мой другъ, потому, чтобъ успокоить тебя на счетъ брата твоего, а дѣла наши и нужды тебѣ не новость, слѣд., ты привыкъ знать о нашемъ положеніи. Будетъ возможность, они будутъ лучше, а нѣтъ, то никакія заботы и размышленія не выручатъ насъ, лишенныхъ всѣхъ способовъ трудами своими пріобрѣсть улучшеніе нашего положенія. Невольно сказала тебѣ огорчительныя вещи и еще тѣмъ болѣе огорчительныя для тебя, что ты не въ силахъ помочь намъ. Au revoir à demain.

24 Генв. . . . . .

Милый другъ, грустно проститься намъ съ добрымъ нашимъ другомъ. Мы плакали, грустили, и Аврамовъ, наконецъ, сказалъ: „не хочу я съ вами проститься: мы еще въ жизни увидимся“. Намъ жаль его душевно, жаль, какъ брата, но онъ ѣдетъ на свободу, слава Богу. Дай Богъ ему счастья! Павелъ Васильевичъ обнимаетъ тебя. Много разъ мы съ нимъ вспоминали о тебѣ. И такъ еще разъ до завтра.

25 Генваря.

Сегодня въ исходѣ девятомъ(аго?) проводили мы нашего добраго Аврамова, добраго Вегелина и Шимкова. Прощаніе трогательное, и братъ твой поплакалъ вмѣстѣ съ ними. Павелъ Васильевичъ—одинъ изъ тѣхъ, который зналъ насъ въ счастіи, раздѣлялъ съ нами заключеніе, слѣдовательно, видѣлъ насъ во всѣхъ положеніяхъ жизни, всегда любилъ и уважалъ твоего брата. Ты, мой другъ, понимаешь, какъ тяжело было намъ разстаться. Александръ Ивановичъ Вегелинъ, хотя меньше насъ знаетъ, ибо познакомился съ братомъ твоимъ въ заключеніи, но чаще всего бывалъ онъ у насъ, оказывалъ брату твоему привязанность и почтеніе. Пріятнѣе, говоритъ онъ, было мнѣ всего съ вами проводить время, и я разстаюсь съ вами, какъ съ родными. И въ правду, съ чувствомъ непритворнымъ, съ рыданіями, обнималъ онъ брата твоего, и мы простились, растроганные до глубины сердца. Добрый Шимковъ всегда снабжалъ насъ чернилами. Онъ дѣлалъ самъ. Но какъ я его очень мало знаю, то и не могу тебѣ ничего о немъ говорить.—Вотъ, мой другъ, письмо, которое тебя невольно перенесетъ къ намъ, и я увѣрена, что въ кругу нашемъ увидишь ты много чувствъ, много хорошаго, добраго, и, думая о насъ, сердце твое наполнится любовью къ намъ и уваженіемъ. Братъ твой здоровъ... Другъ и сестра Марья Юшневская.

Благодарю тебя, что ты началъ надписывать письма на мой адресъ. Такъ и продолжай писать.

XXXVII.

....Вчерась было твое рожденіе, добрый другъ мой, Семенъ Петровичъ! Завтра день твоихъ имянинъ. Прими душевное наше поздравленіе. Я и братъ твой обнимаемъ тебя и молимъ Бога о сохраненіи твоего здоровья.... Вчерась былъ у меня Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Онъ очень перемѣнился, бѣдный. Нѣсколько дней кашель его мучитъ, и все

жалуется на боль въ груди. Ты помнишь, что онъ бывало и въ Тульчинѣ часто жалуется болью въ груди. Онъ кланяется тебѣ, обнимаетъ тебя съ чуствомъ дружбы и проситъ, чтобы ты сохранилъ къ нему ту-же родственную любовь, къ которой онъ привыкъ, живши въ прежнемъ его отношеніи съ тобою. Вспомни, милый мой, *баядеръ* [1]), который былъ у него на шеѣ, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ гости въ Хрустовую. Какъ вы нападали на него, что въ Тулѣ большая мода этакъ одѣваться. И его *Голикъ* [2]) уродливый за нимъ вбѣгалъ въ комнату. Точно, что въ жизнь не увидишь этакой собаки. Бѣдная его мать, моя *Дельфина*, красавица была въ своемъ родѣ. Вспомни, что послѣ ея смерти, ѣдучи на гору мы съ тобою гулять, ее увидѣли. Какъ мнѣ грустно было по ней!... Видишь, мой другъ, какъ мы живемъ теперь одними воспоминаніями. Иногда я отъ души и посмѣюсь, иногда расплачусь еще того болѣе. Недавно братъ твой однимъ воспоминаніемъ разсмѣшилъ меня, вспомня Тимофея. Живъ-ли онъ и его старуха мать? Такихъ лѣтъ живетъ у насъ теперь солдатъ Артемій. Онъ бережетъ мой домъ и меня, когда бываю я по болѣзни дома. Добрый очень старина, но такой смѣшной *и веселый* [3]) всегда (помнишь мое выраженіе), что мы съ братомъ любимъ его очень. Любитъ онъ чай кирпичный и еще особенно съ солью и масломъ. Каковъ чай?! А здѣсь его всѣ такъ употребляютъ. Артемій выпиваетъ его за одинъ разъ полведра: иначе онъ голоденъ, кушаетъ съ такимъ-же аппетитомъ. Дай Богъ ему на здоровье! И такъ прошу тебя полюбить моего старика.... Другъ и сестра Марья Юшневская.

2 февраля 1833. Петровскъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

XXXVIII.

Милый другъ мой и любезный братъ, Семенъ Петровичъ!... Съ сею почтою мы не будемъ много бесѣдовать съ тобою: не могу писать, и письма твоего поджидаемъ.... Сестра Марья Юшневская.

16 февраля 1833. Петровскъ.

XXXIX.

Вслѣдъ за табакомъ получили мы и письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Павелъ Васильевичъ n'est plus avec nous, comme je t'ai déjà écrit. Il est colonisé à Читинскій острогъ, village, qui a été, comme tu sais, le lieu de notre reclusion avant notre établissement ici à Петровскій заводъ. Il n'y a qu'un mois qu'il est expedié et je me propose de lui écrire par cette même poste, ainsi que de lui communiquer ce que contient ta lettre à son égard. Avant son depart d'ici je t'ai déjà ecrit d'après son dezir en te priant d'adresser tes lettres ainsi que l'argent à lui directement, mais comme je crois n'avoir pas fait part du lieu de son séjour, que j'ignorais alors, je n'ai qu'ajouter ici son adresse qui est: Иркутской губерніи въ Читинскомъ острогѣ.—Фаленбергъ поселенъ Красноярской губерніи, въ Тассевской волости, 150 верстъ отъ Красноярска. Я ему писала уже отсель и, чтобы развлечь его въ уединеніи, извѣстила его о женитьбѣ Поповскаго... Братъ твой здоровъ. Я теперь сижу одна въ комнатѣ: братъ твой ушелъ на работу *на мельницу* [1]), поручилъ сказать тебѣ, что онъ отъ души тебя обнимаетъ....

2 марта 1833. Петровскій заводъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

XL.

16 марта 1833. Петровскій заводъ.

Любезнѣйшій братъ и милый другъ, Семенъ Петровичъ! По числу замѣтишь, что пишу наканунѣ имянинъ твоего брата. Поздравляю тебя съ дорогимъ имянинникомъ. Онъ здоровъ, обнимаетъ тебя со всею нѣжностью братской любви и съ чувствомъ лучшаго друга. Нѣтъ надобности увѣрять тебя, что завтрашній день мысленно проведемъ мы съ тобой, хотя никогда не проводимъ дня, чтобы не вспомнить тебя, другъ нашъ, но есть дни, въ которые еще болѣе думаешь о близкихъ сердцу. Я все—нездорова. Не покидаютъ меня мои припадки, но чувствую, что они теперь нѣсколько слабѣе бываютъ. Нашъ добрый Фердинандъ Богдановичъ съ такимъ усердіемъ старается помочь мнѣ, что развѣ была-бы неизлѣчима моя болѣзнь, чтобы не избавилъ онъ меня отъ страданій, которыя годъ уже меня не покидаютъ.... Съ сею почтою ничего особеннаго не имѣю сообщить тебѣ. У насъ говѣютъ теперь, молятся, сидятъ по своимъ номерамъ каждый, а кого братъ твой видѣлъ на дняхъ изъ твоихъ знакомыхъ, поручили тебѣ кланяться. Погода у насъ начинаетъ быть теплая, но ночи и утро—морозы до 24 градусовъ. Все дорого. Припасы день ото дня дороже, а когда дорога испортится, то и достать ничего нельзя будетъ. Бѣда тому, кто живетъ такъ, что завтрашній день не обезпеченъ.—Не стану тебѣ описывать нашего положенія. Было бы несправедливо огорчать тебя нашими жалобами, когда ты помочь не можешь... Не знаю, какъ будетъ жить Петръ Ивановичъ на поселеніи: онъ безъ всякаго пособія. Не знаешь ли ты, на какомъ основаніи домъ его остался въ Тульчинѣ? Хотьбы вырученныя за наемъ его деньги ему посылали, а еще продать бы его, болѣе бы было полезно....

XLI.

29 марта 1833. Петровскій заводъ.

Любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Уже болѣе мѣсяца, какъ мы не получаемъ твоихъ писемъ, и хотя недѣли двѣ тому назадъ мы и получили извѣстіе отъ моихъ Рейхелей, но видно они тебя давно не видали, то и не могли мнѣ ничего сказать о тебѣ...

Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя и поздравляетъ съ наступающими праздниками, которые начинаются черезъ три дня. Какъ-то мы ихъ проведемъ? Впрочемъ, у меня тогда только праздникъ, когда получаю письма твои и Сонины... Ты уже знаешь, что въ прошломъ году былъ здѣсь неурожай. Все такъ дорого, что въ силу можно имѣть хлѣбъ тому, кто малые способы имѣетъ къ содержанію себя. Бѣдная артель наша казематская въ прошломъ году съ сими же способами имѣла супъ и жаркое къ обѣду, или вообще два кушанья, и къ ужину одно, булки къ чаю. Теперь же живутъ однимъ дурнымъ супомъ. Говядина дурная, скотъ дорогъ, худъ очень, кормленыхъ трудно достать, потому что дорогъ хлѣбъ. Теперь мы по 4 руб. платимъ пудъ говядины, а въ ста верстахъ отъ насъ, говорятъ, уже по $4^1/_2$. Масла пудъ 20 р., муки ржаной пудъ до двухъ руб., пшеничной 2 р. 80 к. Молоко трудно достать, а вмѣсто сливокъ бутылка дурного молока 50 коп. Соразмѣрно сему все очень дорого. Ты удивишься, когда скажу тебѣ, что на дняхъ купила я пудъ картофелю по рублю пятьдесятъ коп. Луковица по копейкѣ. Извини меня, что утомляю тебя описаніемъ, столь подробнымъ, по хозяйству,—ты его не очень жаловалъ,—но быть можетъ, изъ любопытства прочтешь.—Третьяго дня прочла я романъ „Послѣдній Новикъ“ или „Завоеваніе Финляндіи“, Лажечникова. Изъ русскихъ романовъ, по моему мнѣнію, это изъ лучшихъ (историческій). Еще прочла я нѣчто о фортепьянѣ новаго изобрѣтенія: „Depuis longtemps les artistes et les amateurs de musique se plaignaient de l'impossibi-

lité de prolonger les tons du piano. M-r Petzold, l'un des meilleurs facteurs de pianos à Paris, vient, après bien des essais multipliés, d'y parvenir avec un rare bonheur. Un piano carré de son invention produit, sans tuyaux, les sons les plus graves de l'orgue; tels, qu'ils sortaient d'un tuyau de 16 pieds de longueur avec une purété étonnante. Dans les octaves du haut on entend des sons qui imitent le flageolet sans en avoir la dureté. Dans le medium cet instrument imite le basson, le hautbois et la clarinette, avec une qualité de sons admirable. Быть можетъ, ты не замѣтилъ въ московскихъ газетахъ, что знаменитая фортепьянистка M-me Belville—oury давала тамъ концертъ, въ которомъ играла концертъ Гумеля A-mol (который у насъ есть) и варіаціи Герца на одну тему изъ оперы Іосифъ, которыхъ мы не знаемъ, но полагаемъ, что должны быть хороши, если избраны такою знаменитою музыкантшею для концерта. Зная, что ты, любезный другъ, любишь музыку не меньше твоего брата, не боюсь наскучить тебѣ, говоря о ней часто въ моихъ письмахъ.... Отъ Павла Васильевича не получила еще письма, но къ нему писала и извѣстила его, что послала тебѣ его адресъ. Вѣроятно, ты получилъ отъ него извѣстіе и знаешь, что братья его мало о немъ заботятся, и надежда его на твою аккуратность въ высылкѣ ему процентовъ.—Прощай, мой милый другъ! На сей разъ мало говорю тебѣ о братѣ. Онъ въ казематѣ, а я одна дома: нездоровье мое причиной, что я не выхожу. Въ будущемъ письмѣ, если что либо особеннаго братъ твой препоручитъ, сообщу тебѣ. Пишу тебѣ письмо сіе вечеромъ, поутру увижусь съ твоимъ братомъ.... Марья Юшневская.

XLII.

14 апрѣля 1833. Петровское.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ. Онъ все по старому занимается то чтеніемъ, то своимъ фортепіаномъ. Расположеніе

духа всегда одинаково. Съ твердостью и не ропща ни на что, переноситъ все посланное намъ Провидѣніемъ. Часто говоритъ, что желательно бы, наконецъ, получить намъ письмо отъ брата Семена. Онъ всегда любитъ тебя со всею нѣжностью брата и друга.... Извѣсти насъ, любезный Семенъ Петровичъ, писалъ-ли къ Павлу Васильевичу и хлопочешь-ли ты о немъ. У насъ слухи носятся, что его изъ Читы перевели въ Акшинскъ, даже за Читу верстъ 200. Быть можетъ, ему тамъ лучше будетъ, ибо въ Читѣ бѣдность большая, и, говорятъ, хлѣба нѣтъ. Неурожай въ прошломъ году былъ, какъ ты уже знаешь изъ писемъ моихъ. Не знаю ничего о другихъ нашихъ поселенныхъ знакомыхъ, ибо не получила о сю пору отъ нихъ писемъ.—Всѣ знакомые твои кланяются тебѣ, въ особенности Вольфъ. Онъ здоровъ и проситъ сказать тебѣ, что любитъ тебя всегда одинаково. Недѣли двѣ тому назадъ получила я письмо отъ княгини Мещерской. Трудно выразить, какъ обрадовались всѣ ея знакомые, увидя ея руку и получа о ней извѣстіе. Она не забыла и Баратынскаго въ своемъ письмѣ, и онъ съ такою благодарностью прочелъ строки, ему адресованныя, разчувствовался ужасно. Вольфъ твердитъ, что письмо ея произвело на него такое чувство, что ему кажется, будто (кто-нибудь) изъ его близкихъ родныхъ пріѣхалъ навѣстить его. Вотъ какъ пріятно получить отъ старыхъ знакомыхъ извѣстіе! Она мнѣ была другомъ всегда, и легко можешь вообразить себѣ, какое вліяніе на меня имѣло письмо ея. Братъ твой тоже очень утѣшился. Жаль только, что ни мало не улучшилось ея состояніе, и она со всею откровенностью говоритъ мнѣ о семъ. Sophie премилое письмо тоже написала. И Басаргинъ получилъ отъ нихъ письмо; дня три провелъ въ слезахъ: тяжкая потеря Машиньки такъ живо ему представилась.... Марья Юшневская.

XLIII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Три мѣсяца какъ не получаемъ отъ тебя писемъ. И наконецъ очень грустно,

что ты не отзовешься. Увѣрена въ томъ, что занятія по твоей службѣ не могутъ быть такъ велики, чтобы не найти минуты извѣстить о себѣ брата.... Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя съ чувствомъ дружбы и братской любви. Онъ все по старому, всегда занятъ то чтеніемъ, то играетъ на фортепіанахъ, а вечеромъ въ сумеркахъ съ бильбоке въ рукахъ, и такъ каждый день одно и то-же. Смѣненіе только въ томъ, что идетъ на работу въ мельницу....—У насъ хотя ясные дни, но все еще холодно. Вчерась вздумала я отправиться въ огородъ, чтобы распорядиться къ посѣву, а меня снѣгъ согналъ, весь день шелъ и совсѣмъ покрылъ наши горы. Несносный климатъ и для меня очень тяжелъ.—Хозяйство мое плохо. Въ прошломъ году пропала у меня корова и теленокъ отъ болѣзни, которая существовала, а дней пять тому назадъ потерялась у меня лошадь, и нечѣмъ воды даже привести. Еше хуже то, что я не въ силахъ купить другую, если не отыщется моя. Вотъ какая здѣсь услуга! Невозможно найти порядочнаго человѣка. Часто случалось мнѣ слышать, что въ Сибири хорошо живутъ люди, и что здѣсь добрый народъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но что за Байкаломъ у насъ весьма нехорошо, несносно дурно; даже выразить невозможно, до какой степени тяжело жить и мучительно съ здѣшнимъ окружающимъ насъ народомъ. Быть можетъ, мнѣ такъ трудно привыкнуть....—Меня очень безпокоитъ Павелъ Васильевичъ. Богъ знаетъ, какъ онъ живетъ. Быть можетъ, родные все такъ-же мало занимаются его нуждами. Ради Бога, мой другъ, братъ твой и я просимъ тебя, не медли выслать ему процентныя деньги. Нельзя себѣ представить сего ужаснаго и бѣдственнаго положенія, въ какомъ находятся тѣ, которые не имѣютъ средства содержать себя и забыты родными.—Прощай, любезный мой Семенъ Петровичъ!... Душевно любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

28 апрѣля 1833. Петровскій заводъ.

XLIV.

2 іюня 1833. Петровскій заводъ.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ проходило, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, какъ мы съ братомъ твоимъ были въ недоумѣніи, чему приписать долговременное твое молчаніе. Къ общей радости нашей оно разрѣшилось письмомъ твоимъ отъ 12 марта. Въ объясненіи причинъ, для чего ты затруднялся открыться предъ нами въ твоихъ сердечныхъ дѣлахъ, ты и правъ и не правъ. Правъ потому, что братъ твой испыталъ на себѣ, сколь тяжело дѣлать подобныя открытія холодному уму. Но не правъ потому, что при одинокихъ ощущеніяхъ сердца, какія въ подобномъ положеніи испыталъ братъ твой. Ты находишься въ другихъ отношеніяхъ, ибо имѣешь друзей, которымъ неравнодушно все, что можетъ составить твое счастіе. Притомъ же ты въ такихъ уже лѣтахъ, когда, по выраженію *Чепурнова*[1]), человѣкъ составилъ уже себѣ тему жизни. Приближаясь къ половинѣ своего вѣка, человѣкъ или научился уже познавать истинную цѣну предметовъ, или уже никогда ея не познаетъ... . . . . .

. . . . . .

Вольфъ, Ивашевъ, Басаргинъ, однимъ словомъ всѣ твои знакомые, поздравляютъ тебя, желаютъ счастья и вмѣстѣ съ нами раздѣляютъ чувство удовольствія, зная тебя, наконецъ, счастливѣе. Я видѣла Баратынскаго. Онъ такъ перемѣнился, что одна тѣнь его осталась, и тѣнь даже не похожа на него, но вглядясь напоминаетъ его. Онъ тысячу привѣтствій поручилъ сказать тебѣ. Крюковы тоже. Въ заключеніе моего письма скажу тебѣ, что братъ твой дня три чувствовалъ себя такъ слабымъ, что въ силу могъ ходить. Сегодня ему лучше, и, пришедъ изъ каземата ко мнѣ, сказалъ, что ночь онъ спалъ. Сегодня у насъ утро прекрасное. Тихій, маленькій, дождь пошелъ, и это освѣжило немного воздухъ. Вчерась

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

трудно было дышать: l'air étoit tellement étouffant. Всѣ наши засѣвы въ огородахъ опять погибли: морозъ истребилъ. Кто еще имѣлъ сѣмена, посѣялъ вновь, а иные останутся опять безъ огородныхъ овощей. Говорятъ жители, что во многихъ мѣстахъ хлѣбъ поморозило. Трудно тебѣ описать нашу дороговизну. Теперь пудъ муки ржаной 2 рубля съ полтиною, и все вздорожало неимовѣрно. Пять рублей пудъ говядины, и еще будетъ дороже.—Прости, мой милый другъ! Пиши намъ чаще, и хотя твое сердце теперь наполнено любви къ твоей женѣ, постарайся, однакоже, оставить и для насъ уголокъ.—Je t'embrasse mon bien bon ani. Marie Juchniewsky.

XLV.

. . . . . .

. . . . . .

Изъ Петровскаго нашего не о чемъ тебя извѣстить. Развѣ сообщить тебѣ, что шестого іюня была у насъ сильная гроза, которая сбила крестъ у колокольни нашей церкви и зажгла шпиль, но тотчасъ народъ собрался и потушили пожаръ. Сего-же мѣсяца похоронили у насъ дочь Анненковой, которая родилась здѣсь и была уже по пятому году. 17-го же числа сего мѣсяца истребилъ у насъ морозъ все, что было посѣяно въ огородахъ. Морозы продолжались три ночи къ ряду и были до $3^1/_2$ градусовъ. Потомъ сдѣлались сильныя жары, которыя доходили до 43 градусовъ съ половиною. Воздухъ былъ такъ удушливъ, что невозможно было выдержать. Третьяго дня вдругъ собралась туча, пошелъ сильный дождь и градъ. Мнѣ не случалось никогда видѣть такого сильнаго дождя: ужасно лилъ. Многіе огороды, которые были засажены капустою, такъ смыло, что слѣда не осталось, гдѣ были гряды. Говорятъ, что сія туча прошла не далѣе, какъ за двадцать верстъ отсель и большихъ опустошеній на поляхъ не сдѣлала.—Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя, но говоритъ, что слабость чувствуетъ несносную. И всѣ наши господа жалуются на то же. Я на силу хожу: такъ ослабла.

На дняхъ начала брать холодныя ванны и, кажется, что чувствую себя немного лучше. Впрочемъ, не далѣе, какъ вчерась, я страдала моими припадками....—Сестра и другъ навсегда Марія Юшневская.

30 іюня 1833. Петровскій заводъ.

Съ прошлою почтою получила я письмо отъ Фаленберга. Онъ здоровъ, но скучаетъ на поселеніи.

XLVI.

14 іюля 1833. Петровскій заводъ.

Милый другъ, Семенъ Петровичъ! Такъ давно отъ тебя писемъ не имѣемъ, что и не знаю, наконецъ, о чемъ бы съ тобою говорить. У насъ часъ отъ часу скучнѣе и тяжелѣе жить.—Лѣто было чрезвычайно дурное. Въ іюнѣ были морозы до 4°, а въ семъ мѣсяцѣ морозы истребили всѣ огородныя растенія. Но это бы еще не столько огорчительно, а вотъ бѣда, что хлѣбъ на полѣ истребило. Кромѣ морозовъ, какая-то кобылка съѣла посѣвы. Угрожаетъ намъ великая дороговизна, и теперь неслыханно все дорого. Но вотъ, не дай Богъ неурожая, чтобы голодъ не былъ,—а очень угрожаетъ. Не думай, однакоже, любезный мой, что у насъ не было и жаровъ! Въ прошломъ мѣсяцѣ мы имѣли нѣсколько дней, въ которыхъ было на солнцѣ 49° теплоты, дышать трудно было. И послѣ такого жара опять морозы. Какого здоровья надо быть человѣку, чтобы вынести такое непостоянство здѣшняго климата. У насъ появилась повальная болѣзнь на птицъ, и въ моемъ крошечномъ хозяйствѣ почти все погибло, куры и цыплята. Какъ не хлопочу, не могу развестись ничѣмъ: что не пропадетъ, то украдутъ. И такъ дала себѣ слово не держать болѣе птицъ, тѣмъ болѣе, что теперь кормить не возможно: хлѣбъ дорогъ ужасно. Не буду сѣять въ огородѣ ничего, кромѣ луку, салата, шпината и рѣдиса. Три года какъ я здѣсь, и ни одинъ разъ не удалось

мнѣ выростить ничего, какъ я не хлопотала.... Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя. Онъ ушелъ въ казематъ, а я остаюсь дома. Мужъ мой приходитъ меня навѣщать и идетъ ночевать въ казематъ. Письмо сіе пишу тебѣ въ 12 часовъ ночи. У меня опять безсонница, и какъ не тяжело глазамъ моимъ писать при свѣчахъ, но дѣлать нечего. Читаю и пишу, иначе тревожатъ меня разныя мысли: не получая писемъ, я почти всегда въ страхѣ о моихъ дѣтяхъ. Игнатій Онуфріевичъ извѣщаетъ меня, чтобы я подумала объ устройствѣ моей матушки. Любезный другъ, я уже писала къ зятю, чтобы онъ придумалъ, какъ ее успокоить. Пожалуйста, ты не пеняй на меня, что я съ твоимъ братомъ не позаботились о семъ прежде. Но, прочитавъ письмо твое, въ которомъ ты говоришь, что „не разстанусь я съ Дарьей Ивановной и счастливъ, что у меня кто-нибудь остался изъ вашего семейства", я была совершенно спокойна о ней. Даже и теперь, признаюсь тебѣ, почти не вѣрится мнѣ, чтобы она могла быть забыта тобой. Къ чему бы ты утѣшалъ насъ фразами и симъ средствомъ обманывалъ дѣтей, которые обязаны печься о своей матери, когда она не имѣетъ другого средства къ жизни. Хотя и мы безъ помощи и безъ средствъ къ содержанію себя, но должны придумать пособить ей. Можетъ, просьбы наши будутъ услышаны, или зять нашъ позаботится о ней, жалѣя насъ, и я, во всякомъ случаѣ, рѣшилась сказать тебѣ, другъ мой, что у меня на сердцѣ. Если я не должна была говорить тебѣ сего, то прости дочери, которая всегда исполняла обязанности свои противу своей матери. Ты самъ нерѣдко отдавалъ мнѣ справедливость, что я была для моихъ родныхъ доброю и пеклась о нихъ со всею обязанностью доброй родной. — Прости, мой другъ! J'embrasse tendrement ma chère Idalie et je fais de voeux pour votre bonheur. Ecrivez nous souvent et n'oubliez jamais que la seule consolation pour nous sont vos lettres. Adieu. Votre bien sincère (?) et attachée soeur Marie Juchniewsky.

XLVII.

Мы все въ тщетномъ ожиданіи получить о тебѣ извѣстіе, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, и я, по обѣщанію, продолжаю извѣщать тебя о насъ, хотя не имѣю утѣшенія убѣдиться, доставляютъ-ли тебѣ хотя малѣйшее удовольствіе письма мои. Братъ твой перепугалъ, было, меня: такъ сильно разхворался, но брату твоему теперь не только лучше, но чувствуетъ себя почти здоровымъ. Уходя въ казематъ, онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ съ чувствомъ дружбы обнимаетъ тебя, особеннаго ничего не имѣетъ сообщить тебѣ и, надѣясь, что, наконецъ, молчаніе твое прекратится, онъ готовится бесѣдовать съ тобой, имѣя случай о чемъ поговорить. Мы всѣ живемъ по старому, плохо, скучно, бѣдно, и, не имѣя ничего въ виду, чтобы ожидать улучшенія нашего положенія, стараемся съ твердостью покориться участи нашей. У насъ все та же дороговизна, и не обѣщаютъ, чтобы хлѣбъ сдешевѣлъ. Говорятъ, что мѣстами поѣла какая-то кобылка, мѣстами морозъ истребилъ, а иное градомъ выбило. Но въ окружности есть деревни, въ которыхъ надѣются собрать хлѣбъ. Быть можетъ, далѣе отъ насъ и лучше все родилось, но мы не знаемъ сего, не имѣя никакихъ сношеній съ тѣми, которые бы могли сообщить намъ. Кромѣ нашей тюрьмы живемъ мы въ глуши.—Всѣ твои знакомые здоровы, кланяются тебѣ. Ивашевъ очень пополнѣлъ, счастливъ и счастливъ, какъ говоритъ онъ. Жена его предобрая и милая, и сынъ его прелестный ребенокъ. Я ихъ довольно часто вижу, и они мнѣ оказываютъ дружеское вниманіе всегда. Да и всѣмъ нашимъ дамамъ я благодарна: всѣ они меня навѣщаютъ и всѣ искренно во мнѣ принимаютъ участіе, равно и наши прежніе знакомые. Вольфъ тебѣ кланяется. Онъ здоровъ. На дняхъ получилъ извѣстіе, что у него матушка умерла, и это его сильно опечалило.... Марія Юшневская.

4 августа 1833. Петровскій заводъ.

XLVIII.

. . . . . .

. . . . . .

Что касается до положенія нашихъ дѣлъ, то оно постоянно худо и годъ отъ году становится хуже. Братъ твой говоритъ, что намъ должно желать, чтобы оно дошло до послѣдней крайности, дабы оставить ожидать одного только улучшенія. Не стану умножать твоего прискорбія описаніемъ, какъ мы здѣсь существуемъ. Скажу только, что отъ этой послѣдней крайности мы уже не далеко.—Я писала уже тебѣ, что Павелъ Васильевичъ изъ Читинскаго острога переведенъ въ другое мѣсто, Акшинскую крѣпость, такъ называемую, откуда, вѣроятно, онъ тебѣ писалъ. Но мы не получили отъ него еще письма со времени отбытія его отсюда, ибо письма его должны совершить теперь двойной путь, будучи отправляемы чрезъ Петербургъ. Такъ какъ посылки получаются здѣсь не въ одно время съ письмами, то соната Пиксиса еще до насъ не дошла. Но братъ благодаритъ тебя за присылку оной и проситъ тебя не хлопотать о высылкѣ варіацій. Онъ очень понимаетъ твои заботы и желалъ бы облегчить, а не усугублять ихъ, если бы это было въ его власти.—Братъ твой здоровъ теперь. Только у него сдѣлалась опухоль на обоихъ глазахъ верхней вѣки, и Фердинандъ Богдановичъ хочетъ дать ему пластырь носить нѣсколько времени, ибо уже недѣли три какъ эта опухоль не только не уменьшается, а, кажется, увеличивается. Къ счастью, глаза у него не болятъ, и опухоль не мѣшаетъ слишкомъ. Что́ касается до меня, здоровье мое совершенно разстроенно. Лѣто было и холодное, и дождливое, слѣдовательно, я всегда почти была больна. Теперь еще того болѣе припадки меня мучаютъ. Не далѣе, какъ вчерась вечеромъ, схватила меня судорога въ груди. Боль въ боку и судорожное дерганье продолжалось цѣлый вечеръ. Я брала ванну и всю ночь почти держала припарку. Сегодня мнѣ лучше, и я спѣшу писать мои письма,

чтобы успѣть написать нѣсколько. Нельзя отвѣчать, что я въ силахъ буду окончить свою почту. Если бы я была здоровѣе, то имѣла бы болѣе силы и твердости переносить свое положеніе, а теперь отъ моей слабости каждая вещь болѣе тревожитъ меня, чѣмъ должно, и я часто бываю недовольна сама собою.—Знакомые твои всѣ здоровы. Кланяются тебѣ и помнятъ тебя, Вольфъ въ особенности. Каждый разъ, когда мы получаемъ отъ тебя письма, онъ съ участіемъ проситъ дать ему прочесть и каждый разъ съ чувствомъ дружбы вспоминаетъ тебя.—Теперь онъ здѣсь одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, котораго мы часто видимъ, и который намъ близокъ... —Навсегда неизмѣнный другъ твой и сестра Марія Юшневская.

15 сентября 1833 года. Петровскій заводъ.

XLIX.

6 октября 1833. Петровскій заводъ.

Съ нѣкотораго времени и я становлюсь неисправна въ перепискѣ съ тобою, любезный Семенъ Петровичъ. Будучи занята необходимою перепиской съ родственниками нѣкоторыхъ товарищей мужа моего, иногда не успѣваю писать къ своимъ. Къ сему присовокупляются частыя мои болѣзни.... Тебѣ должно быть извѣстно, что съ Тимашевки получаемъ мы здѣсь 1500 рублей. При всѣхъ тяжкихъ ограниченіяхъ, при всѣхъ лишеніяхъ, какія мы на себя налагаемъ, нѣтъ никакой возможности не только сберегать что-либо на уплату долговъ, но безъ денежной ссуды нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ не было бы средствъ существовать до новой присылки годоваго дохода.... Братъ твой здоровъ. На глазахъ опухоль еще не прошла. Онъ носитъ пластырь на обѣихъ верхнихъ вѣкахъ, но не жалуется, чтобы это ему мѣшало. Кушаетъ всегда чрезвычайно мало, но теперь не жалуется на слабость, которою очень страдалъ, и цвѣтъ лица здоровѣе, но худъ всегда, ни мало не поправляется. Что касается до меня,

плохо очень мое здоровье.... Ваша всѣмъ сердцемъ сестра и другъ, Марія Юшневская.

L.

20 октября 1833. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Я не хочу тебя оставить безъ извѣстія о твоемъ братѣ. Онъ здоровъ довольно, хотя часто жалуется на боль подъ грудью и на сильную слабость, но говоритъ, что онъ эти припадки не считаетъ болѣзнью, и при нихъ называетъ себя совершенно здоровымъ. На глазахъ у него, на верхнихъ вѣкахъ, маленькіе наросты еще не сошли, но, кажется отъ пластыря, который носитъ, начали уменьшаться. У насъ зима началась настоящая; уже нѣсколько дней какъ хорошая санная дорога сдѣлалась, и сегодня идетъ снѣгъ большой. Хотя были у насъ морозы въ 22 градуса въ началѣ октября, но теперь дни не столько холодные. Послѣ снѣга надо ожидать большихъ морозовъ.—У меня домикъ, въ которомъ двѣ только комнаты и третья прихожая, очень маленькая, теплый и довольно выгоденъ, по миніатюрному моему хозяйству, и по скромной моей жизни, помѣщеніе сіе довольно достаточно. Я почти не выхожу изъ своей комнаты и, кажется, опять запрусь на всю зиму, ибо припадки мои усилились.—Братъ твой, по обыкновенію, занимается всегда постоянно чтеніемъ, часто играетъ на фортепьянахъ, ходитъ на работу. Слѣдовательно, видишь, что въ нашемъ быту нѣтъ никакой перемѣны. И интереснаго для тебя и новаго нѣтъ ничего.—Отъ семейства Мещерскихъ получила я письмо. Они всѣ, даже малыя дѣти изъ Лицея, писали мнѣ. Много интереснаго сообщили о знакомыхъ, и я съ братомъ твоимъ очень имъ благодарны. Сонюшка Мещерская прислала Алексѣю Петровичу вальсъ *par Rubu* (?) и переводъ *Милёра* (?). Обѣ эти маленькія штучки—хорошенькія, а милѣе всего ея вниманіе.... Марія Юшневская.

LI.

17 ноября 1833. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Конечно, если бы я говорила тебѣ не о братѣ твоемъ, тогда бы письма мои не имѣли-бы никакой цѣны въ глазахъ твоихъ, но какъ я пишу для того, чтобы извѣстить тебя о твоемъ братѣ, то и увѣрена, что ты весьма радъ, когда получишь письмо мое [1]). Алексѣй Петровичъ здоровъ, но не можетъ о сю пору избавиться (отъ) опухоли на глазахъ. Уже два раза припарку прикладывалъ къ вѣкамъ, но опухоль не только не проходитъ, но бываютъ дни, въ которые, кажется, увеличивается. На дняхъ говорилъ Вольфъ, что надо будетъ сдѣлать операцію, и я ужасно сего испугалась, однакоже, Фердинандъ Богдановичъ попробуетъ еще, не поможетъ-ли пластырь, который, хочетъ, чтобы братъ твой поносилъ нѣсколько времени.—Занятія твоего брата всегда одинаковы: читаетъ много и за фортепіаномъ часто просиживаетъ по 3 и 4 часа, а иногда толкуетъ со знакомыми нашими господами, которые насъ посѣщаютъ. Вчерась былъ у насъ Крюковъ, и о тебѣ вспоминали. Обыкновенно, первый вопросъ: „получили-ли вы письмо отъ Семена Петровича?“ И такъ начнемъ разныя воспоминанія. Иногда, переносясь въ твой кругъ, сдѣлается намъ грустно, тѣмъ болѣе, что понятія теперь не имѣемъ, какъ ты живешь.— Съ послѣднею почтою получила я письмо отъ Фаленберга и Вегелина. Первый весьма хвалитъ мѣстоположеніе деревни Шуши, въ которой онъ поселенъ. Она Минусинскаго округа, а Минусу называютъ Сибирской Италіей. Климатъ хорошъ; жители зажиточные; рыбный промыселъ можно имѣть, ибо Шуша имѣетъ двѣ рѣки: Енисей и Шушу. Пишетъ Петръ Ивановичъ, что много раз-

---

[1]) Къ этой части письма на полѣ сдѣлана приписка другой рукой, очевидно, губернатора: „письмо отъ супруги вашей отправлено“, т. е. письмо отъ Идаліи Юшневской къ Маріѣ Казиміровнѣ.

наго рода ягодъ было сего лѣта; хлѣбъ у нихъ дешевъ, и онъ весьма доволенъ своимъ положеніемъ, а Александръ Ивановичъ Вегелинъ пишетъ, что братъ его, Эмилій Ивановичъ, помогъ ему присылкою денегъ развести хозяйство, и что онъ займется непремѣнно хлѣбопашествомъ, и на первый случай засѣялъ двѣ десятины земли. На будущій годъ засѣетъ 12 десятинъ и не будетъ предпринимать другого средства для своего пропитанія. Впрочемъ, говоритъ онъ, что всѣ его родные наперерывъ предлагаютъ ему всѣ способы свои, чтобы дать ему средство жить спокойно, но онъ, зная, что бо́льшая часть изъ его родныхъ сами нуждаются, и потому желаетъ самъ хлопотать о пріисканіи способа для пропитанія себя. Вегелинъ, какъ видно изъ письма его, доволенъ также своимъ поселеніемъ, кромѣ только жалуется на скуку, и я убѣждена, что ему очень грустно быть совершенно одному. Здѣсь онъ былъ такъ сказать въ обществѣ, ибо изъ номера въ номеръ другъ къ другу ходятъ, кромѣ того и насъ часто видаютъ, то и не зналъ онъ здѣсь скуки; здѣсь-же и книгъ много, и, не выходя изъ своего номера, можно пріятно время провести. На поселеніи часто пройдетъ день, и ему слова не съ кѣмъ сказать, бесѣда же съ жителями деревни не очень занимательная.—Отъ Павла Васильевича не имѣю писемъ, но знаю, что и ему хорошо. И другіе пишутъ намъ изъ поселенія, то какъ ты ихъ не знаешь, то для тебя интереснаго ничего нѣтъ, хотя-бы и сообщила что-либо о нихъ. Скажу только, что иные молодые люди женились на поселеніи, разумѣется, на крестьянкахъ или на священническихъ дочеряхъ.... Марія Юшневская.

LII.

1 декабря 1833. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Не хочу оставить тебя безъ извѣстія о твоемъ братѣ и потому все еще продолжаю писать довольно аккуратно. Я разсчитывала, что

если-бы ты отвѣтилъ на письмо наше, въ которомъ поздравляли мы тебя съ женитьбою, то почти два мѣсяца тому назадъ должны бы получить письмо твое. Скажу тебѣ, наконецъ, откровенно, мой другъ, что я устала писать и пишу о сю пору только потому тебѣ, чтобы ты не могъ упрекнуть меня, что я какъ-бы мстила тебѣ за твое молчаніе....—Братъ твой все еще страждетъ глазами и нѣсколько дней опять жалуется на боль въ груди, не имѣетъ вовсе аппетита, и безсонница его продолжается. Опять онъ похудѣлъ и очень блѣденъ. Ты бы, встрѣтясь съ нимъ, никакъ-бы узнать его не могъ: такъ онъ перемѣнился и такъ худъ. За нѣсколько часовъ предсказываетъ погоду. Согласись, что должно быть весьма разстроенное здоровье, чтобы предсказывать погоду. Подкрѣпи его Богъ, добраго нашего друга! Я согласилась бы страдать какъ можно болѣе, только бы былъ онъ здоровъ. Часто взглянувъ на меня и Елиньку, который всегда подлѣ меня, говоритъ братъ твой со слезами на глазахъ: „вотъ все, что̀ у меня осталось“. Я увѣрена, что въ эту минуту думаетъ онъ о тебѣ...—Прощайте, будьте счастливы! Другъ вашъ и сестра Марія Юшневская.

LIII.

15 декабря 1833. Петровскій заводъ.

....Ты, мой другъ, тецерь въ такомъ упоеніи и счастіи, что не до насъ тебѣ, но когда ты болѣе будешь въ состояніи подумать о чемъ-либо, то я увѣрена, что первый братъ тебѣ на мысль придетъ. Онъ не можетъ избавиться (отъ) опухоли на глазахъ. Къ тому теперь у него сильный насморкъ, и вообще жалуется на разные недуги. Увидя его, ты ужаснулся-бы: такъ онъ худъ. Въ сію минуту, когда пишу тебѣ письмо сіе, онъ разыгрываетъ что-то на скрипкѣ. Фортепьянъ болѣе недѣли въ починкѣ: резонансъ лопнулъ, и еще есть другія трещины. Видно, что дерево было недовольно сухо. Наши же господа искусники взялись исправить

фортепьянъ. Струны сняты почти всѣ, и брату твоему будетъ потомъ работа навязывать ихъ. Я рада бы, чтобы скорѣе кончилась починка фортепьяна: мнѣ жаль видѣть, какъ брату твоему скучно безъ него. И точно, что онъ тогда только спокойнѣе, когда онъ играетъ. Онъ, кажется, еще болѣе прежняго любитъ музыку, и фортепьянъ это—страсть его. Вечера теперь проводимъ мы такимъ образомъ: я вышиваю по канвѣ, а братъ читаетъ мнѣ вслухъ. И ты удивишься, когда скажу тебѣ, что онъ читаетъ мнѣ, по большей части, романы....—Другъ и сестра твоя Марія Юшневская.

LIV.

Le 5 Janvier 1834. Петровскій заводъ.

Nous avons reçu votre lettre, ma bien chère soeur Idalie, mais nous ne savons pas de quelle date parceque vous avez oublié de la mettre.... Mon mari vous remercie pour toutes les expressions d'amitié que vous lui dites dans votre lettre et vous prie de croire qu'il ne saura jamais séparer dans son affection vous d'avec votre mari, et que toute sa tendresse et son attachement fraternels vous appartiennent également. Mon mari ne se sent pas bien depuis quelques mois et il parait qu'aucun de nous ne saura s'habituer au climat que nous habitons. Depuis notre séjour à Petrowsk nous ne fesons que souffrir.—La semaine passé nous avons assisté à un cinquième enterrement. Pestoff, l'un des compagnons de mon mari dans son voyage pour la Siberie, est mort à l'âge de 29 ans d'un mal qui ne paraissait pas dangereux au commencement d'autant plus qu'il est assez commun dans ce pays. C'était un obcès sur l'épine dorsale, mais qui devenue gangreneux emporta le malade dans deux jours. Liée d'amitié avec la mère de défunt je m'étais rendue auprès du malade pour recueillir ses dernières volontés. Loin de se douter de l'état dangereux où il se trouvait il souriait en me parlant. Vingt minutes après ma visite il n'etait plus. C'est ainsi que

nous avons commencé la fête de Noël. Vous ne sauriez vous figurer l'impression que cela a causé sur nous tous d'autant plus que c'est le premier cas mortel parmi les détenus à la casemate depuis leur séjour en Siberie . . . . . .

Vous faites très bien de vous distraire par la lecture et par la musique. Ce sont aussi les occupations exclusives de mon mari. Il est continuellement à lire ou à jouer, et il dit que la musique surtout lui procure des moments bien délicieux. Quant à moi, chère Idalie, je travaille plus que mes forces ne me le permettent et il m'arrive assez souvent de cuire à manger pour mon mari. L'entretien du ménage demande tous mes soins ou risque d'être volée par les gens. J'en ai deux de ce pays et autre qui ne savent rien faire; il faut prendre garde à eux, parceque le vol et l'ivrognerie sont à peine comptés pour des defauts parmi le gens de l'endroit où nous vivons. J'avais manqué une fois d'être depouillée d'une grande partie de mes linges pour m'être trop réposée sur la femme que j'avais à mon service. M'en étant aperçu quoique un peu tard j'ai pris mon partie: c'est de faire moi même la plupart des besognes dans le ménage. Ceci me laisse bien peu de moments pour mes recréations. Aussi je ne puis m'occuper de la lecture que le soir et c'est encore mon mari qui me la fait pendant que je suis à mon ouvrage. Tels sont en partie les details de notre existence ici. Neanmoins je fais mon possible pour être de bonne humeur afin de ne point aggraver par ma tristesse la position de mon mari. Votre devouée soeur et amie Marie Juchniewskij.

LV.

Милый другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Вспомнивъ, что ты написалъ къ намъ, какъ ни устала, но взялась за перо, чтобы ты не подумалъ, что я хочу сквитаться съ тобою.—Повѣрь, любезный братъ, что мнѣ всегда очень пріятно бесѣдовать съ тобою, но, право, бываютъ дни и ночи, лучше сказать, почты, что я не успѣваю всѣхъ писемъ окончить. Не собственная моя переписка такъ велика, но по порученію каждая изъ насъ пишетъ до нашихъ господъ казематскихъ. Я не могу очень

долго сидѣть за письмами: грудь очень разболится. Не смотря на то, я сегодня цѣлый день не выпускала пера изъ рукъ, а сіе письмо пишу уже при свѣчахъ.—Поздравляю тебя, милый мой, съ наступающимъ днемъ твоего рожденія, т. е., 1-го февраля, а 3-го день твоихъ имянинъ. Пошли тебѣ Богъ счастіе и спокойствіе душевное. Братъ твой, дружески тебя обнимая, поздравляетъ тоже. Онъ все страждетъ нервическими припадками, и такъ сильны бываютъ приступы, что жаль его видѣть. Глаза у него все еще опухли. У насъ нѣсколько дней постоянно морозы, до замерзанія ртути, даже и больше. На спиртовомъ термометрѣ 37 и 38°. Каковъ холодъ!? Не могу выйти на воздухъ: духъ захватываетъ. И многіе не могутъ изъ нашихъ выйти на воздухъ, не говоря уже о Басаргинѣ, который съ нѣкотораго времени сильно страждетъ болью въ груди. Вчерась былъ у меня Ивашевъ, который тебѣ очень кланяется. Онъ счастливъ и веселъ, попеченіемъ своихъ родныхъ не нуждается ни въ чемъ; жена у него премилая, сынъ хорошенькій. Паджіо съ нами обѣдалъ, и мы за столомъ много съ нимъ говорили о тебѣ. Онъ предобрый и очень насъ любитъ, отъ всего сердца интересуется всѣмъ, что̀ касается до насъ, и потому охотно говоритъ со мною о родныхъ и милыхъ нашему сердцу. Фердинандъ Богдановичъ похудѣлъ. Онъ, какъ докторъ, много хлопочетъ при больныхъ, а какъ человѣкъ, измучился, глядя на страданія другихъ. Вольфъ тебѣ тоже кланяется. Крюковы оба здоровы. Они не старѣютъ, особенно старшій, Александръ. Баратынскому лучше, но онъ теперь не выходитъ, и я его всю зиму не видала. Отъ Павла Васильевича нѣтъ писемъ, а Фаленбергъ пишетъ, что ему довольно хорошо. Вегелинъ не жалуется тоже. У насъ только хлѣба нѣтъ. Дорого ужасно все. Впрочемъ, изъ многихъ мѣстъ пишутъ о неурожаѣ, и изъ Россіи; и въ нашихъ мѣстахъ, т. е., въ Кіевской губерніи, плохо очень. Василій Львовичъ Давыдовъ получаетъ извѣстія дурныя изъ его Каменки....—Прощай, другъ мой! Сестра твоя и другъ Марія Юшневская.

5-го Генваря, 1834.

Опись лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 году.

Поводомъ для составленія настоящей описи [1]), дающей интересныя свѣдѣнія о распространенности лѣсовъ въ бывшемъ Черниговскомъ полку въ XVIII столѣтія, послужили слѣдующія обстоятельства. Какъ извѣстно, гетманская резиденція, послѣ измѣны Мазепы, находилась въ Глуховѣ, куда перенесена была изъ Батурина по указу Петра Великаго. Здѣсь же долженъ быть жить и послѣдній гетманъ Малороссіи Разумовскій, помѣщавшійся сперва въ министерскомъ домѣ, но затѣмъ начавшій строить себѣ дворецъ на Глуховскомъ предмѣстьѣ—Веричинѣ. Дворецъ этотъ былъ законченъ, по одному свидѣтельству, въ 1757 году; но еще гораздо раньше, почти одновременно съ полученіемъ гетманства, Разумовскій сталъ хлопотать о перенесеніи своей резиденціи въ Батуринъ. Къ этому его побуждало „гнусное (по своей сырости и болотистости) мѣсто Глуховское", хотя онъ на немъ „построился уже было, и не мало..."

Разрѣшеніе переселиться въ Батуринъ Разумовскій получилъ еще въ 1750 году, но не могъ имъ воспользоваться, такъ какъ городъ этотъ, послѣ разоренія его въ 1708 году

---

[1]) Рукопись ея находится въ числѣ бумагъ А. М. Лазаревскаго. „Чт. въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.", кн. XIX, в. 4, отд. III.

Меньшиковымъ, все еще представлялъ собою почти лишенный жилья пустырь... Поэтому, нужно было, прежде всего, приготовить постройки для жилья обывателей, а затѣмъ приступить и къ возведенію гетманскаго дворца. Постройкой послѣдняго, равно и другихъ „національныхъ зданій", завѣдывалъ извѣстный Тепловъ, у котораго впослѣдствіи была въ подчиненіи и вся „экспедиція о Батуринскомъ строеніи" [1]). Работы по заготовленію „разныхъ надобностей къ строенію г. Батурина" производились уже въ 1751 году, и такъ какъ постройки дѣлались деревянныя, то требовалось заготовить огромное количество лѣснаго матеріала, который предположено было достать въ предѣлахъ Черниговскаго полка. Для приведенія въ извѣстность количества и качества Черниговскихъ лѣсовъ, въ видахъ доставленія дерева въ Глуховъ и Батуринъ, и была произведена настоящая опись ихъ.

По имѣющимся у насъ архивнымъ даннымъ, непосредственнымъ распоряженіемъ по этому предмету было „предложеніе" (на основаніи ордера Разумовскаго) изъ „экспедиціи строенія Глуховскаго и Батуринскаго"—Черниговскому полковнику Божичу, съ старшиною, отъ 17-го сентября 1752 года. „Предложеніе" это подписано генеральнымъ есауломъ Петромъ Валькевичемъ и бунчуковымъ товарищемъ Иваномъ Пироцкимъ (состоявшими въ „экспедиціи") и имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„К полному достроенію дому глуховскаго его ясневельможности гетманскаго, в томъ числѣ церкви Божой пры томъже домѣ, и притомъ другіе нужніе постройки, еще требуетъся немалого числа разного дерева, а паче, по учениніи плана строенія города Батурина, на разніе тамошніе зданія приходитъ заготовливать разніе древяніе материяли. Что-же до сего прозводима была привозка в Глуховъ древянихъ материяловъ з полковъ лѣснихъ, то и в томъ была медленность и непоспѣшество, и неудоволствіе нѣкоторихъ владѣлцовъ за ихъ

[1]) А. Лазаревскій: Описаніе Старой Малороссіи, т. II, стр. 261, 432—433.

пущи, з нарѣканіемъ, что от полковихъ канцелярій в едни пущи рубать дерево излишніе были посилки, а другіе минованы, чинено онимъ безпорядочное опустошеніе и другіе обиды. Того ради, заблаговременно приводя все то к порядочному впредъ поступку и распоряженію, предлагается за пилно и нужно, дабы вы от полковой канцеляріи тотъ часъ послали съ нарочнимы ордери во всѣ сотнѣ к сотеннимъ старшинамъ, дабы оны, сотники з старшинами, всякъ въ своей сотнѣ, учинилы справки вѣрніе, какъ оны каждій о своей сотнѣ ізвѣстни: чіи у ныхъ в сотняхъ імѣются пущи владѣлцовъ, духовнихъ и мирскихъ, и ихъ самихъ, не миная нѣкого"... Интересуясь и условіями доставки лѣсныхъ матеріаловъ, „предложеніе" требовало, чтобы въ описи было указано: „чія пуща, при якихъ урочищахъ или рѣкахъ и болотахъ находится, и в коликомъ отъ полкового города разстояніи, и якъ велика, смякая по милямъ или по верстамъ в должину и ширину, хоча немѣрачи, но по усмотрѣнію разсуждаючи примѣрно"... Кромѣ того, составители описей должны были дать еще свѣдѣнія о качествѣ пущи: „боръ-ли и соснякъ, и ельникъ, илы и чорній, где есть, лѣсъ"... Описи должны были составляться, согласно съ этими требованіями, въ двухъ экземплярахъ и посылаться: одинъ экземпляръ, „для скорости", непосредственно въ „экспедицію", а другой—въ полковую канцелярію. Исполнить все это „экспедиція" требовала „самоправдиво, безъ утайки, опасаяся за неправду штрафа неопускного", и „въ самой скорости", къ чему должны были понуждать сотниковъ и старшину высланные въ каждую сотню отъ полковой канцеляріи особые нарочные съ инструкціей.

Получивъ эту бумагу, полковая канцелярія 19-го сентября разослала соотвѣтствующіе ордеры по сотнямъ и требовала, чтобы свѣдѣнія о пущахъ были „всеконечно" доставлены въ Черниговскую полковую канцелярію къ 25-му сентября, а 20-го сентября распорядилась о назначеніи нарочныхъ, причемъ они посылались отъ одной сотни въ другую, чѣмъ устранялась возможность давленія на нихъ

со стороны сотниковъ и сотенныхъ старшинъ. Такимъ образомъ, Ропсскій сотникъ долженъ былъ послать нарочнаго въ полковую и Бѣлоусскую сотни, Выбельскій—въ Седневскую и Городницкую, Менскій—въ Березинскую, Синявскую и Киселевскую, и т. д. Исполнивъ все это, полковая канцелярія рапортовала „съ покорностью“ о сдѣланныхъ ею распоряженіяхъ по „экспедиціи“, а затѣмъ стала ожидать рапортовъ и описей отъ сотниковъ. Рапорты о высылкѣ нарочныхъ стали поступать быстро (въ двадцатыхъ же числахъ сентября), а вслѣдъ за ними были приѣланы и самыя „описніе вѣдомости“ (въ сентябрѣ и октябрѣ).

Почти совсѣмъ не оказалось лѣсовъ, по вѣдомостямъ, въ сотняхъ: Столинской, Менской, Синявской и Березинской. *Столинскій* сотникъ Иванъ Бобиръ доносилъ полковой канцеляріи, что въ его сотнѣ „з владѣлцовъ и другого звания никакихъ пущъ, къ строснию угоднихъ, кромѣ того, что про домовие нужди, единого ради только отопления, нѣ в кого не имѣется“... Почти тоже самое говорилъ въ своемъ рапортѣ и сотникъ *Менскій* Григорій Кузмѣнскій; онъ писалъ, что „такова дерева, какъ в ордери полковой канцелярии показано, нигдѣ (кромѣ толко еднихъ рощей, которие толко на единие дрова и форостъ годятся) не сискалось“ въ Менской сотнѣ. Въ *Синявской* сотнѣ, по рапорту сотника Андрея Полянскаго, тоже не оказалось лѣсовъ: „въ сотнѣ Синявской“, доносилъ онъ, „сколко оная сотня свое положение имѣетъ“, и несмотря на „вѣрную и обстоятелную“ справку, „ничьихъ угоднихъ пущъ“ не оказалось... Не было строевого лѣса и въ *Березинской* сотнѣ, какъ о томъ доносилъ тамошній городовой атаманъ Иванъ Михно: „въ сотнѣ Березинской бору, сосняку и елнику, и чорного лѣса, къ строенію годячихся, не имѣется“...

Немного лѣса оказалось въ сотняхъ: Бѣлоусской, Слабинской, Сосницкой и Выбельской. *Бѣлоусскій* сотенний писарь Федоръ Пясецкій доносилъ слѣдующее: „Въ сотнѣ Бѣлоусской болие, кромѣ соснового хвойнику, в борахъ стоячого, въ урочищи подъ деревнею Садричами, близъ реки Бѣлоуса,

трохъ владѣній: Елецкого Чернѣговскаго монастыря, бунчукового товарища Константія Лизогуба, да удовствующей обозной полковой Чернѣговской Молявкиной в должину на полъверсти, а в ширину на версту; да в урочищи под деревнею Погорѣлками трохъ же владѣній: магистрата Чернѣговскаго, городничого полкового Чернѣговского Петра Григоровича, да удовствующей Ивановой Лопатиной в должину и ширину всего на полъ-версти,—другихъ пущъ и чернихъ лѣсовъ не имѣется. Оной-же Сядрицкой боръ растояніемъ от города Чернѣгова в тринадцятъ, а Погорѣлский у восимъ верстей состоитъ"...

Слабинскій сотенный хоружій Кузьма Евдаченко представилъ вѣдомость лѣсамъ, но оговорилъ, что эти лѣса только „на огородное жерде способны". Въ вѣдомости же его указаны слѣдующія лѣса: „1. В дачахъ Смолинскихъ да деревнѣ Гнилуши и села Максима, между грунтами казацкими и посполитого звания людми владѣлцовъ Домонтовичовъ, без всякой смѣжности, во обществѣ, хвойникъ з рощами, состоящий при столповомъ трактѣ от Чернѣгова до Кіева и при болотѣ, от Смолина до Гнилуши лежачого, должиною на полтори, а вширъ—на одну милю; растояниемъ от города Чернѣгова в 35 верстахъ. 2. Под селомъ Ладинкою лѣсъ, владѣемий обоего звания людми, казаками и посполитими, в лузѣ состоящий, врочищемъ на Зарѣчѣ, коего должина на полъ-версти, а шириною на версту без четверти; растояниемъ от города Чернѣгова в трохъ миляхъ"...

Сосницкій сотникъ Филимонъ Шафонскій представилъ полковой Черниговской канцеляріи подробную вѣдомость, по которой оказалось только три лѣса: „1. Монастира Николаевскаго Макошииского соснякъ, величиною дерева между малимъ будетъ какъ бы саженъ до шесть, в должину тотъ лѣсъ и ширину какъ бы на едну версту, растояніемъ от города Чернѣгова верстъ в восемдесятъ, в урочищи над рѣкою Убедю, прозиваемый Гутискій, от реки же Десни растояніемъ на три версты. 2. Удовствующей протопопиной Сосницкой Полторацкой лѣсъ черній дубовій, да помѣжъ

того лѣсъ значкового товарища Ивана Сербиновича; величиною дерево между малимы будетъ саженъ до семи, а в должину тотъ лѣсъ какъ бы на полъ-версты, да вширь на осмую часть версти, между которимъ осиковое дерево доброе и помежду тѣмъ большая часть осинового дерева; разстояніемъ от города Чернѣгова верстъ в восѣмъдесятъ, в урочищи в Острозѣ под кручею, от реки Десни в версту. 3. Удовствующой казачки сосницкой Настѣ Авраменковой чорній лѣсъ над рѣкою Десною, величиною дерево между малимъ будетъ саженъ до шести; в должину тотъ лѣсъ и ширину какъ бы на осмую часть версти, растояніемъ от города Чернѣгова в восѣмдесятъ шесть верстъ"...

Выбельскій сотникъ Андрей Тризна доносилъ, что „годнихъ на строеніе пущъ, владѣлческихъ и ничіихъ, в сотнѣ Вибельской нетъ; при селахъ же Орловцѣ и Грабовцѣ, разнихъ техъ селъ многихъ козаковъ (коихъ изобразить где за многомужествомъ и что по малому числу лѣсу имѣютъ—невозможно) имѣется чорний лѣсъ, яко-то: грабина, есенина, осика и протчое дерево, состоящий по смѣтѣ длиною на двѣ, а вширь на едну версту; разстояніемъ же от города Чернигова верстовъ в двадцать пять; точію и оний чорный лѣсъ на строеніе не угоденъ, кромѣ толко для еднихъ дровъ"...

Въ сотняхъ Седневской, Городницкой, Киселевской, Волынской и Понорницкой лѣсовъ, по вѣдомостямъ, оказалось порядочно, почему мы ихъ помѣщаемъ ниже, въ приложеніи.

Всѣ эти вѣдомости были представлены въ полковую канцелярію къ концу октября 1752 года; но въ „экспедиціи" еще долго не всѣ были получены, такъ что 16-го декабря этого года полковникъ Черниговскій Божичъ получилъ отъ генеральнаго есаула Валькевича понужденіе: „опись пущъ, где не ученено, учинить неотмѣнно", причемъ давалось и разъясненіе, чтобы „владѣлцамъ онихъ пущъ на потреби ихъ рубать дерева запрещенія не налагать, кромѣ дерева, годного на машти, и бортного"... Очевидно „экспедиція ба-

туринскаго и глуховскаго строенія" предвидѣла, что опись можетъ вселить безпокойство во владѣльцахъ пущъ и повлечь за собою желаніе скрыть свои лѣсныя богатства...

Ко времени полученія этого ордера, въ полковую канцелярію еще не были присланы вѣдомости изъ полковыхъ, Любецкой и Ропсской сотенъ, а сотники Столинскій, Менскій, Синявскій и Городницкій хотя и представили ихъ, но не упомянули объ отсылкѣ вторыхъ экземпляровъ въ „экспедицію". Поэтому, полковая канцелярія послала соотвѣтствующіе ордеры по перечисленнымъ сотнямъ, и въ февралѣ 1753 года получила опись пущамъ Любецкой сотни (помѣщена ниже). Вѣдомостей же по полковымъ и Ропсской сотнямъ, повидимому, представлено и вовсе не было, такъ какъ слѣдовъ ихъ въ имѣющемся у насъ дѣлѣ нѣтъ. Не было также, вѣроятно, представлено и дополнительной вѣдомости о пущѣ бунчуковыхъ товарищей Дунинъ-Борковскихъ въ Городницкой сотнѣ, такъ какъ владѣльцы несомнѣнно уклонялись отъ дачи показаній про свои лѣса. Городницкій городовой атаманъ Иванъ Ярошевичъ доносилъ, что когда посланные имъ козаки пріѣхали для описи пущи „бунчуковыхъ товарищей Василія и Якова Дуниновъ-Борковскихъ, то за отлучкою ихъ, господъ Борковскихъ, з домовъ, нѣхто тамо не могъ о той пущи обстоятелно вѣдать"... На эти упущенія „экспедиція", повидимому, не обратила вниманія, потому что достаточно лѣса можно было получить и на основаніи представленныхъ вѣдомостей. Нужно, впрочемъ, сказать, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, была-ли производима рубка дерева на надобности „глуховскаго и батуринскаго строеній" изъ пущъ, указанныхъ описями; это, впрочемъ, и не такъ важно; значеніе и интересъ вѣдомостей заключается въ томъ, что онѣ даютъ понятіе о распространенности лѣсовъ въ предѣлахъ бывшаго нѣкогда Черниговскаго полка. Къ даннымъ описей нужно, однако, относиться осторожно, такъ какъ они носятъ оффиціальный характеръ, и владѣльцы лѣсовъ, несмотря на угрозу „неопускныхъ штрафовъ" за ложныя показанія, должны были относиться

къ факту составленія описей непріязненно, видя за нимъ грядущую принудительную рубку ихъ лѣсныхъ угодій... Дунины-Борковскіе, какъ мы видѣли выше, предпочли вовсе уклониться отъ дачи свѣдѣній о своихъ лѣсахъ... Хотя лѣсъ требовался и на „національныя“ зданія, но все же это были зданія казенныя, чуждыя мелкимъ интересамъ скопидомства тогдашнихъ владѣльцевъ, состоявшихъ изъ полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, монастырей, богатыхъ козаковъ и зажиточныхъ мѣщанъ...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Вѣдомость сотнѣ Седневской,

коликое число імѣется в оной сотнѣ пущи разныхъ владелцовъ, и чія, при якихъ урочищахъ или рѣкахъ и болотахъ находится, і в коликомъ от полкового города Чернѣгова разстояніемъ числѣ верстъ в длину і в ширину, и якое дерево, боръ-ли, елникъ, іли черній,—о томъ явствуетъ ниже,

1752 году, сентября..... дня учиненная.

Владѣнія бунчукового товариша Иліи Лизогуба хвоевой пущи от футора его-жъ Рогозского, понад рѣкою Сновю, к Медвежому болоту; в длину верстъ 3 і в ширину верстъ 3; разстояніемъ отъ полкового города Чернѣгова верстъ 32.

Владѣнія Григорія, Иліи и Якова Лизогубовъ нераздѣлной фоевой же пущи от футора Гутища, за селомъ Новими Млинамы не в далекомъ разстояніи надуючогося, едучи шляхомъ до села Займища повз Сновъ рѣку до болота Бухина і рѣчки Щимля; в длину верстъ 4, а в ширину верстъ 3.

Да самого Якова Лизогуба чорной пущи, состоящой понад рѣчкою Щимлею от футора его-жъ Щимелского, в длину верстовъ на 2, а в ширину на 1 версту.

К той-же чорной пущи прилеглой до оной фоевой пущи его жъ Лизогуба до урочища болота Витинского, в длину на 1 версту, а в ширину на 1 версту.

От прописанныхъ пущъ черной і фоевой по исчисленію до полкового города Чернѣгова верстъ 45.

Владѣнія покойного Семена Полуботка, бунчукового товариша, между деревнями Старими Боровичами и Андрушами, чорной (лѣсъ), находячійся понад рѣчкою Сновю, а помѣрній до пущи Смяцкой, в длину верстъ на 6, а в ширину верстъ на 4. От вишьозначенного леса разстояніемъ до полкового города Чернѣгова верстовъ 45.

Владѣніе удовой Стефановой Леонтовичевой, хоружой полковой чернѣговской, в грунтахъ Смяцкихъ пуща черная, спорная з Иліею Лизогубомъ, по сей сторонѣ Снови, от острова Сулинского (?) по болото Пѣчицу, а з другой сторони по болото-жъ Гричинку, состоящая понад Сновю, в длину верстей на 2, а в ширину на 1 версту; разстояніемъ от полкового города Чернѣгова верстъ 45.

Болѣе же в сотнѣ Седневской, кромѣ вишписанной фоевой пущи і черного леса, не имѣется.

Сотникъ седневскій Іванъ Римша.—Писарь сотенній Павелъ Долбинскій.

2.

Вѣдомость сотнѣ Городницкой...

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 1 дня.

Владѣнія бунчукового товариша пана Андрея Стаховича, сотнѣ городницкой до села Ваганичъ подлежащій

лѣсъ чорній, прозиваемій Погорѣлій, в урочищи от деревнѣ Хоробричъ старинною бывшою дорогою до заграничного села Марковичъ, между деревнею Переписомъ и селомъ Ваганичами лежачою; с тоей дороги просто на логъ а от логу у болото Иржавецъ, от Иржавца у Городиское болото, оттоль повз лѣсъ Погорѣлій и поузъ урочище Корчъ у болото Маліе Жеремки, такожъ у болото у Великіе Жеремки, а з Жеремокъ болотомъ Карпиловкою поузъ лѣсъ Погорѣлій и по урочище Олесъ Великій, которій идетъ от Великого шляху старого Погорѣловского; от того Олсу у болото Шумковское, а тѣмъ болотомъ чрезъ урочище Островки до Пѣнчучки болота; должиною оной лѣсъ на 4, а шириною на 2 версти; разстояніемъ от Ваганичъ до города Чернѣгова 85 верстовъ.

Владѣнія оного-жъ бунчукового Андрея Стаховича и бунчукового-жъ товариша пана Якова Тарновского черній совокупній лѣсъ, прозиваемій Малча в урочищахъ таковыхъ: от Переписского рубежика в Чалое болото, оттоль в Уюлское (?) болото, а оттоль у Лемешовское болото по Поповъ мостъ, оттоль по Переписское поле; от того поля по стародавное Переписское мостище в Вербчу болото, а Вербчою по Перепискій рубежикъ; должиною оной лѣсъ на 6, а шириною на 3 версти; разстояніемъ до Чернѣгова состоитъ въ 83 верстахъ.

Владѣнія бунчукового товариша пана Костантія Лизогуба лѣсъ чорній въ урочищи от рѣчки Нетекучой поузъ болото Замглай до рѣчки Ловинѣ; довжиною оной лѣсъ верстовъ 5, а шириною на 1 версту.

У томъ-же урочищи владѣнія оного-жъ Костантія Лизогуба бору зеленого пущи от рѣчки Смячи до Замглая; удовжъ верстовъ на 6, а вширь на $1^1/_2$ версти.

Владѣнія господина полковника Полтавского Андрея Горленка лѣсъ чорній при селѣ Владимерцѣ в урочищахъ от Бобова болота до Моху; вдовжъ на $^1/_2$ версти, а вширь на $^1/_4$ версти.

Владѣнія сотника воронковского Николая Афендика лѣсъ чорній при селѣ Ілмовцѣ въ урочищѣ от Шилисова (?) болота по рѣчку Пинчучиху вдовжъ на версту, а вширь на 1/2 версти.

Владѣнія умершого бунчукового товариша Григорія Стаховича при селѣ Кусеяхъ лѣсъ чорній и смоловій в урочищи отъ Терухи рѣчки по рѣчечку Жерствень вдовжъ верстъ на 3, а вширь на 2 верстѣ.

Владѣнія стрелцовъ при деревнѣ Переписѣ пуща черная и смоловая в урочищахъ от Попового мосту до Чаплина вдовжъ верстовъ на 6, а вширь верстовъ на 3.

Владѣнія монастира Елецкого Чернѣговского при селѣ Лемешовцѣ лѣсъ чорній в урочищи от Кромиса (?) до Попового мосту вдовжъ на 3, а вширь на 1 верстовъ.

Владѣнія бунчуковаго товариша пана Якова Тарновского чорній лѣсъ в урочищахъ поузъ рѣчку болота Попового до Вертерухи поузъ Гоголюмъ (?), ис Терухи въ Елескарку (?) рѣчку, з Оласкорки въ Тетивское болото да в Уюлицкое болото, да в Кримское болото и в Опанасовъ островъ, в Поповъ хуторъ; должиною и шириною верстовъ на 10, а разстояніемъ оной лѣсъ от деревнѣ Деревинъ до Чернѣгова въ 80 верстовъ.

Владѣнія бунчукового товариша пана Демяна Бутовича при деревнѣ Смячи пуща смоловая в урочищи от Лубянки до Студенца рѣчки вдовжъ на версту, а вширь на 1/2 версти.

Владѣнія бунчукового товариша пана Симона Лизогуба пуща, а именно: островъ Сѣверскій, разстояніемъ от Чернѣгова миль за 7, купно з островомъ Кулченковимъ, кои острови боровіе и дерево бортное, а въ урочищахъ Замгалемъ болотомъ в переточокъ Синецъ, а оттоль на Осовій лѣсъ, а з лѣса на Личушинъ майданъ, а оттоль на Ловинъ рѣчку, а з Ловинѣ по шляхъ Дроздовицкій, а шляхомъ по Синчинъ ложокъ, а з ложка в Каменку переточокъ, а с Каменки в Людское, а оттоль в Замглай болото; кои острови должи-

ною на милю, а вширь на 3 версти; да в онихъ же островахъ по малой части и чорного лѣса имѣется.

Владѣнія оного жъ бунчукового Симона Лизогуба за селомъ Ловиню островъ Лопатнювскій и Копитковскій разстояніемъ от Чернѣгова миль за 9; а в томъ островѣ дерево боровое и бортное дѣланное и по малой части в томъ островѣ чорного лѣса, а в урочищахъ Замгалемъ болотомъ в Ловинъ рѣчку, а з Ловинѣ по Ягодное болото, а оттоль в Замгалое болото; а должиною оной островъ миль на 2, а вширь на милю.

Бывшій писаръ сотенній городъницкій Иванъ Алексѣевскій.

3.

Вѣдомость сотнѣ Киселювской....

(и т. д.; какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 3 дня [1]).

Монастира Андрониковского; при ономъ монастирѣ при рѣчки Бречѣ по рѣчку Воринку сосняку в должину верстъ 5, в ширину верстъ 3.

Чорного лесу над рѣкою Бречицею, вдолжину верстъ 4, в ширину верстъ 2; резстояніемъ отъ полкового города Чернѣгова миль 9.

Удовствующой Анастасіи Семеновой Полуботковой при деревняхъ Каруковки і Кабрелювки, в урочищахъ Хохлахъ і над рѣкою Бречу, чорного леса в должину верстъ 3, в ширину верстъ 3; от Чернѣгова миль 9.

Бунчукового товариша Івана Скоропадского при селѣ Наумовки, над рѣчкою Вюною и Турею, бору в долж в. 3 в ширину в. 3.

---

[1]) Принятыя сокращенія: „в долж.“—въ должину; „в шир.“—въ ширину; „в.“—верстъ,

Чорного лесу над рѣчкою Бречу и болотомъ Лисицею в должину в. 5, в шир. в. 4; отъ Чернѣгова миль 9.

Его, Скоропадского, при селѣ Тихоновичахъ, при болотѣ Старици и при урочищи Рудкови бору, в долж. в. 5, в шир. в. 2.

Чорнаго леса при рѣчки Турцѣ в долж. в. 3, в шир. в. 1; отъ Чернѣгова миль 11.

Подскарбія войскового енералного господина Скоропадского при селѣ Охромѣевичахъ, в урочищи на Високомъ Борку, над болотомъ Вюною, бору в долж. в. 3, в шир. в. 2.

Чорного леса над рѣчкою Турцемъ в долж. в. 2, в шир. в. 1; отъ Чернѣгова миль 12.

Троецкого Іліинского Чернѣговского монастира при селѣ Перелюбѣ и деревняхъ Прибинѣ и Елинѣ, в урочищахъ над речкою Сновю и над Ревною, над рѣчкою Влешнею, над рѣчкою Залѣсемъ, над рѣчкою Мялицею і над болотомъ Обитоки (?), бору в долж. в. 15, в шир. в. 8.

Чорного лесу над рѣчкою Влешнею і над рѣчкою Строменцемъ в долж. в. 6, в шир. в. 4; отъ Чернѣгова миль 11.

Сотникъ Киселювскій Василь Лисенко.

4.

Вѣдомость сотнѣ Волинской....

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 7-го дня.

При рѣтцѣ Хрибетной, на обѣ сторони оной рѣчки, пуща войта нѣжинского Петра Стеревича Тернавиота, а в оной дерево сосновое, вширь оная в 1 версту, а в должину 4 версти, до Чернигова—13 миль.

При оной рѣтцѣ Хрибетной, на обѣ сторони, пуща бунчукового товарища Матвѣя Лѣневича, в коей дерево сосно-

вое, в ширину 1 верста, а в должину 2 версти; до Чернигова—13 миль.

Повз оную-же Хрибетную рѣчку пуща сосновая і чорной лѣсъ бунчукового товариша Федора Савича, в ширину на 1½ версти, а в должину на 3 версти; до Чернигова—11½ миль.

При той-же рѣтцѣ Хребетной бунчукового товариша Матфея Лѣневича лѣсъ, прозиваемый Верховій, в ширину 1 верста і в должину 1-жъ верста; до Чернигова—11½ миль.

Там же лѣсъ чорній козака і жителя волинского Тимофѣя Гончаренка в ширину ¼ версти и в должину ¼-же версти; до Чернигова—11 миль.

Там-же козаковъ сотнѣ волинской; жителей чорнотицкихъ: Сави Маценка, Андрѣя Бури, Грицка Лисяного, в урочищи Немоцку лѣсъ чорной въ ширину 1 верста, а в должину 1 верста; до Чернигова—11 миль.

В том же урочищи войскового канцеляриста Михайла Павловского лѣсъ чорной в ширину 1 верста, а в должину 1-жъ верста; до Чернигова—11 миль.

В том же урочищи попа волинского Тимофѣя Богдановского лѣсъ черной в ширину ½ версти і в должину ½ версти; до Чернигова—11 миль.

При селѣ Жуклѣ полковника лубенского господина Апостола пуща боровая і сосновая, такожъ и лѣсъ чорной повз рѣчку Убедь да повз Рубѣжъ зовемій, в ширину верстовъ 8, в довжину верстей 16; до Чернигова—12 миль.

В селѣ Олшаномъ козаковъ сотнѣ волинской, жителей олшанскихъ: Романа Саливонова, Иліи Поплавского, Андрѣя Макухи, Гаврила Зуба, Ничипора Кротова, при урочищахъ Дѣдовскихъ лѣскахъ лѣсъ чорной в ширину ½ верста и в должину ½ версти-жъ; до Чернигова—9 миль.

Сотнѣ волинской и другихъ сотенъ околичныхъ козаковъ пуща свободная от села Волинки по рѣчку Стопинку (?), в ширину 3 милѣ, а в должину 5 миль; до Чернигова—10 миль; да при той же пущи імѣется чорной лѣсъ. О коей пущи нинѣ в судѣ полковомъ черниговскомъ і дѣло

производится за споръ в сотнѣ волинской жителствующихъ владѣлцовъ господина маіора Холодовского, да бунчуковихъ товаришей Василя Полуботка і Якова Марковича.

Сотникъ волинскій Романъ Журба.

5.

Вѣдомость сотнѣ Понорницкой....

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 19 дня.

При селѣ Радичевѣ владѣнія Киево-Печерской лавры боръ в должину верстъ 3, в ширину верстъ 2, при рекѣ Деснѣ; от Чернѣгова—15 миль.

При селѣ Вишенкахъ владѣния графовъ Владиславичовъ черній лѣсъ в долж. 1 в., в шир. 1 1/2 в., при яру Плоскомъ; отъ Чернѣгова—14 миль.

При селѣ Оболоннѣ владѣнія бунчукового товариша Василия Полуботка черній лѣсъ в долж. 1 в., в шир. 1/2 в., при рецѣ Десни в Зубейковщинѣ; отъ Чернѣгова—13 миль.

При монастирѣ Рихловскомъ владѣнія того же Рихловскаго монастира черній лѣсъ в долж. 1 в., в шир. 1 в., при яру околичномъ монастира; от Чернѣгова—13 миль.

При селѣ Покошичахъ владѣнія Спаского Новгородского монастира хвойнякъ в долж. 2 в., в шир. 1 в., на займахъ козачихъ; от Чернѣгова—17 миль.

При томъ же селѣ владѣнія бунчукового товариша Івана Долѣнского хвойнякъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., при рѣчки Лоски; от Чернѣгова—17 миль.

При томъ же селѣ владѣнія умершого бунчукового товариша Івана Тополяницкого жены его Татияни черній лѣсъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., при футорѣ Пототковскомъ (?); отъ Чернѣгова—18 миль.

При селѣ Шабалтасовки значкового товариша Ігната Шулжинского і швадра (sic!) его Сеефана Сербина черній лѣсъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., за Рудкою; от Чернѣгова—15 миль.

При томъ же селѣ оного жъ значкового Шулжинского да сотниченковъ Павла Тихоновича, Павла Григориева и Ониска Никифорова хвойнякъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., при урочищи Комшоровѣ (?); от Чернѣгова—15 миль.

При том же селѣ помянутих же сотниченковъ Тихоновича, Григориева і Никифорова черній лѣсъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., в окопѣ на Круковъ; от Чернѣгова—15 миль.

При том же селѣ тѣхъ-же сотниченковъ хвойнякъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/2 в., при урочищи Комозанщинѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ тѣхъ-же сотниченковъ хвойнякъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., при урочищи Живчиной дегтярнѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ тѣхъ-же сотниченковъ да значкового Шулжинского боръ в долж. 1/2 в., в шир. 1/2 в., к рички Лоски, в окопѣ близъ Сотницкого млинка; от Чернѣгова—17 миль.

При томъ же селѣ попа шаболтасовского Івана Арефова боръ в долж. 1/8 в., в шир. 1/16 в., при Чаловомъ (?) болотѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ козака шаболтасовского Демяна Писаренка хвойнякъ, в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., при Чаломъ болотѣ в окопѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При селѣ Хлопяникахъ и деревнѣ Лузикахъ владѣнія Аккилины Апостоловой боръ, хвойнякъ и черній лѣсъ в долж. 5 в., в шир. 4 в., при урочищи Калиновомъ кустѣ и около рѣки Убедѣ, от Козляницкихъ до Жовницкихъ грунтовъ притяглий; от Чернѣгова—14 миль.

При селѣ Савинкахъ і деревнѣ Тѣлной владѣнія бунчукового товариша Василія Полуботка и вдовой Анастасии Полуботковой роща разная в долж. 5 в., в шир. 4 в., от села Савинокъ к рѣчки Хрибетной, по за деревнею Тѣлною,

въ урочищахъ Бѣде и Калиновомъ кустѣ; от Чернѣгова—12 миль.

При селѣ Ховмахъ владѣнія бунчукового товариша Михайла Борковского боръ в долж. 2 в., в шир. 1 в., от села Холмовъ по рѣчку Стопилку, при болотѣ у Сивихъ лозъ; от Чернѣгова—14 миль.

При томъ же селѣ того жъ владѣнія черній лѣсъ в долж. 2 в., в шир. 1 в., по верхъ рѣчки Стопилки к деревнѣ Камци у Сивихъ лозъ; от Чернѣгова—14 миль.

При том же селѣ того жъ владѣнія черній лѣсъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/2 в., при урочищи Будищи над рѣчкою Мармишемъ; от Чернѣгова—15 миль.

При селѣ Казиловки владѣнія бунчукового товариша Василия Полуботка черній лѣсъ въ долж. 5 в., в шир. 1 в., при урочищу повзъ рѣку (?) Мармишу; от Чернѣгова—16 миль.

При селѣ Орловки того жъ владѣнія боръ, хвойнякъ и черній лѣсъ в долж. 5 в., в шир. 2 в., между Мармишемъ и Савою (?) лѣскомъ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ тогожъ владѣнія хвойнякъ в долж. 3 в., в шир. 1 в., при урочищи Кучугурахъ по Лоску к селу Авдѣевки; от Чернѣгова—15 миль.

При том же селѣ попа орловского Василия Талвинского черній лѣсъ з гаемъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., в окопѣ около болота в Займищи; от Чернѣгова—16 миль.

Писаръ сотенний понорницкій Григорій Петровский подписался.

6.

Вѣдомость сотнѣ Любецкой....

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1753 году, февраля 13 дня.

Владѣнія удовствующой госпожи Анастасіи Стефановни Полуботковой в волости Любецкой пущи разной в урочи-

щахъ по одну сторону мѣстечка Любеча, от деревнѣ Мисовъ под деревню Тулею, з разними сябрами, в должину верстъ 4, а в шприну 1 верста; разстояниемъ от полкового города Чернѣгова верстовъ въ 55.

По другу же сторону Любеча, повз рѣку Днѣпръ, около деревенъ Новоселокъ, Лопатнювъ и Сенюкувъ, з разними сябрами пущи чорной и смоловой от самого Любеча по урочище за Лопатнями Пѣвнимъ, долж. в. 20, шир. в. 7; от Чернѣгова—в. 80.

Владѣния Антониевского Любецкого монастира пущи разной з разними сябрами в урочищи от Любеча повз Мисовскую дорогу до деревнѣ Мисовъ, шир. в. 4, долж. в. 10, от Чернѣгова—в. 60, до реки Днѣпра—4 в.

Козаковъ сотнѣ Любецкой Никифора и Сави Брехуновъ пущи чорной, в разних урочищахъ, вдовжъ и вширь на $^1/_2$ версти; отъ Чернѣгова—в. 50.

Значкового полку чернѣговского товариша Михайла Зѣневича при деревнѣ Смолѣговцѣ, над рѣчкою Ворзною в двоихъ мѣстахъ пущи чорной, в долж. в. 3, в шир. $^1/_4$ в., а смоловой на $^1/_4$ в. вширь, от Чернѣгова—в. 50.

Владѣния монастира катедри Чернѣговской волости Вертецкой пущи разной з разними сябрами в урочищи Величковщинѣ в долж. в. 20, а в шир. в. 10.

В Клоновскомъ островѣ отрубной монастырской вширь и вдолжъ верстъ на $1^1/_2$ да в урочищи Калениковщинѣ отрубной-же вширь и вдолжъ в. на 4; от реки Днѣпра миль 3, а от Чернѣгова миль 4.

Владѣния монастиря Кіево-Печерской лаври, волости Покулской, соснового бору от урочища Нералви (?) за деревню Сивки, повз Днѣпръ реку, верстъ на 20, да от села Пакулѣ до реки Днѣпра врочищи Пустинки того жъ бору в шир. в. 10; от Чернѣгова—6 миль.

Владѣния бунчукового товариша Петра Лизогуба пущи разной, з разними сябрами, в урочищи Грабовомъ повз болото, прозиваемое Глинище, долж. и шир. на 10 верстъ; от Чернѣгова миль 3.

Владѣния бунчукового товариша Михайла Буркувского пущи разной з сябрами в урочищи Щодровѣ долж. в. 6., шир. 1/2 в., повз болото, прозиваемое Великое; от Чернѣгова верстъ 60.

Козаковъ сотнѣ Любецкой Ивана и Омеляна Манковъ разного лѣсу в разныхъ урочищахъ, з сябрами оной деревнѣ Манковъ, в долж. в. 2, в шир. в. 1; от Чернѣгова 6 миль, а от реки Днепра—в. 8.

Владѣния войскового канцеляриста Якима Ренчицкого разной пущи в разныхъ урочищахъ долж. в. 20, шир. в. 10; от Чернѣгова миль 6, а отъ реки Днепра в. 4.

Владѣния монастиря Троецкого Чернѣговского пущи разной в урочищахъ повз болото Кротинское, прозиваемое Кобилевъ, в долж. в. 3, в шир. в. 2, з сябрами; да отрубного монастирского соснового лесу в урочищи Новой Зимници в долж. 1 1/2 в., в шир. 1 в.; от Чернѣгова миль 6, а от Днепра в. 6.

Попа чернѣговского Андрея Сѣбирского чорного лесу в урочищи Плоскомъ в долж. 1 в., в шир. 1/2 в.; от Чернѣгова в. 40.

Бунчукового товариша Івана Миклашевского чорного лесу в долж. 1 в., в шир. 1/2 в., в урочищи Сѣножатяхъ; от Чернѣгова в. 35.

Владѣния удовствующой Анастасіи Полуботковой волостн Довжицкой пущи смоловой долж. и шир. на 30 в., в урочищи повз реку, прозиваемую Вертечу; а чорного лѣсу в разныхъ урочищахъ в долж. 2 в., в шир. 1/2 в.; от Чернѣгова миль 8.

Козака сотнѣ Любецкой Павла Тарасевича соснового лесу в долж. 3 в., в шир. 2 в., повз болото, прозиваемое Вертечъ; от Чернѣгова миль 5.

Жителей неданчицкихъ Стефана Дѣдовца, Ларка Купрѣенка и козака Карпа Набока пущи разной, з сябрами разними, в урочищи Даничевѣ, повз болото Рудное, в долж. 10 в., в шир. 4 в.; от Чернѣгова миль 8.

Владѣнія бунчукового товарища Іліи Ливогуба пущи разной, з сябрами, в долж. 30 в., в шир. 3 в., повз болото Зелѣзо в урочищи Величковщинѣ; от Чернѣгова миль 4.

Владѣния сотника полкового чернѣговского Федора Посудевского пущи разной в долж. 10 в., в шир. 3 в., повз болото Зелѣзо, в урочищи вишеписаномъ Величковщинѣ, разстояниемъ отъ города Чернѣгова миль в 4.

Писаръ сотнѣ Любецкой Корнѣй Лукяновскій. Любецкого правления канцеляристъ Стефанъ Зеленскій.

Сообщилъ *В. Модзалевскій.*

Отдѣлъ IV.

Библіографія.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

13.

А Крыловскаго. Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками). Кіевъ. 1904 г. стр. XXII + 314 + 230.

Книга г. Крыловскаго, содержащая въ себѣ исторію Львовскаго ставропигіальнаго братства, состоитъ изъ 2-хъ половинъ. Вторая, нѣсколько меньшая первой, половина книги занята приложеніями. Въ качествѣ такихъ приложеній здѣсь напечатано 89 документовъ, частію имѣющихъ отношеніе къ исторіи Львовскаго ставропигіальнаго братства, частію же не имѣющихъ таковаго отношенія къ исторіи Львовскаго братства (напр., №№ 2, 4, 8—10, 12, 21—22, 39—40, 50, 73—74 и 76—89), что сознаетъ и самъ авторъ (стр. 309 прим. 1). Замѣчательно, что авторъ въ своей книгѣ ни одного раза не ссылается на „приложенные“ документы, хотя и пользуется ими, цитируя ихъ однакоже по другимъ источникамъ (см. на стр. 100 прим. 1—ср. докум. № XXXV, стр. 76—79).

Первая половина книги содержитъ въ себѣ собственно „опытъ церковно-историческаго изслѣдованія“ о Львовскомъ

ставропигіальномъ братствѣ. Она состоитъ изъ введенія и шести главъ.

Во *введеніи* (стр. I—XXII) авторъ говоритъ о происхожденіи братствъ, старается разъяснить сущность ихъ, изображаетъ устройство и задачи братствъ въ первое время ихъ существованія. Здѣсь авторъ ведетъ рѣчь о причинахъ возникновенія западно русскихъ братствъ, ихъ особеннаго развитія въ концѣ XVI в. и о существенныхъ задачахъ ихъ дѣятельности въ это время, каковыми онъ признаетъ религіозно-просвѣтительную и національную. Разсужденіями о причинахъ упадка западно-русскихъ братствъ заканчивается введеніе.

Справедливость требуетъ сказать, что авторъ въ краткомъ введеніи къ своей книгѣ рѣшаетъ всѣ вышеозначенные важные, сложные и капитальные вопросы, касающіеся самаго существа братскаго института, слишкомъ поверхностно, бѣгло и какъ-то механически. Такъ, напр., характеристика дѣятельности южно русскихъ братствъ (стр. VII—XVIII) далеко не охватываетъ своего предмета во всемъ его объемѣ. Авторъ здѣсь почти совсѣмъ не касается уясненія главнаго стимула и нерва дѣятельности западно-русскихъ братствъ—ихъ значенія для культурно національнаго пробужденія южной и западной Руси. Отсюда и заключительныя слова авторской характеристики заслугъ братствъ, что послѣднія принимали участіе *въ развитіи и охраненіи началъ народной жизни*, являются совершенно немотивированными и неожиданными.

Рѣшеніе авторомъ вопроса о причинахъ и условіяхъ происхожденія западно-русскихъ братствъ (авторъ „присоединяется“, по его собственнымъ словамъ, къ тому мнѣнію, что институтъ братствъ развился, будто-бы, на основѣ права патронатства такъ наз. коллективнаго) возбуждаетъ противъ себя много серьезныхъ возраженій. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія возраженія, не упоминая даже и о томъ, что авторъ не использовалъ здѣсь надлежащимъ образомъ всей печатной (особенно новѣйшей) литературы по данному вопросу, мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчані

емъ. Свое „присоединеніе" къ мнѣнію о происхожденіи западно-русскихъ братствъ на почвѣ права патронатства т. н. коллективнаго авторъ мотивируетъ тѣмъ, что это мнѣніе, какъ онъ говоритъ, *наиболѣе оправдывается исторіею западно русскихъ братствъ, пережившихъ нѣсколько фазъ своего бытія* (стр. IV—V). А между тѣмъ авторъ ни здѣсь, ни позже и вообще нигдѣ въ своей книгѣ не приводитъ рѣшительно ни одного доказательства въ пользу этого мнѣнія изъ исторіи Львовскаго ставропигіальнаго братства, о которомъ онъ самъ говоритъ, что „оно было старѣйшимъ и первымъ между всѣми православными братствами, съ постановленіями котораго эти послѣднія должны были сообразоваться, при самомъ живомъ участіи котораго совершались важнѣйшія дѣянія въ западно-русской церкви и уставъ котораго служилъ образцомъ для другихъ братствъ" (стр. 308). Вмѣсто того онъ, къ удивленію внимательнаго читателя, „оправданія" своего мнѣнія ищетъ въ исторіи и порядкахъ, существовавшихъ на православномъ Востокѣ, въ единовѣрной Греціи и имѣвшихъ, какъ думаетъ авторъ, „вліяніе хотя бы то и незначительное" на устройство западно-русскихъ братствъ.

Установленіе кульминаціоннаго пункта исторической дѣятельности западно-русскихъ братствъ (30-е годы XVII в., см. стр. XVIII) страдаетъ неточностью и бездоказательностью. Послѣ 30 хъ годовъ XVII в. ни одно братство, прежде всего, не прекратило своего существованія на протяженіи весьма продолжительнаго періода времени. Дѣятельность братствъ съ этого времени, правда малоизвѣстная въ литературѣ, отличалась еще большею продуктивностію, чѣмъ прежде. Показателемъ этой дѣятельности служатъ особенно постановленія Новодворскаго собранія депутатовъ западно-русскихъ братствъ, обнаруживающія попытку организаціи объединенной, энергичной и широкой дѣятельности всѣхъ западно русскихъ братствъ,—попытку, рѣшительно не имѣющую прецедента во всей предыдущей дѣятельности западно-русскихъ братствъ. Съ этой точки зрѣнія слова автора объ ослабленіи единоду-

шія въ братствахъ послѣ Петра Могилы (стр. XXII) звучатъ злою ироніей надъ дѣйствительною исторіей. Постановленія сейма 1676 года, подтвержденныя на послѣдующихъ сеймахъ и направленныя противъ западно-русскихъ братствъ, краснорѣчивѣе всего говорятъ о томъ, какую великую силу представляли западно русскія братства въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность послѣ 30-хъ годовъ XVII в.

Въ *первой главѣ* своего изслѣдованія, которую авторъ называетъ вступительною (стр. 1—27), излагаются имъ общія историческія судьбы Галицкой, или Червонной, Руси, со времени ея появленія на исторической сценѣ въ видѣ опредѣленной величины и до конца XVI в., т. е. до времени происхожденія Львовскаго ставропигіальнаго братства. Здѣсь, въ частности, авторъ излагаетъ исторію Галиціи до подчиненія ея Польшѣ, говоритъ о начавшейся послѣ этого присоединенія борьбѣ въ ней между представителями православно русской и латино-польской культуры, о репрессивныхъ мѣрахъ польскихъ королей въ отношеніи къ православнымъ жителямъ Галиціи, о закрытіи королемъ Ягайломъ Галицкой православной епископіи, учрежденіи въ Галиціи римско-католической архіепископіи, подчиненіи православнаго намѣстника католическому архіепископу, о возникшей вслѣдствіе этого борьбѣ православныхъ галичанъ съ католиками, о возстановленіи въ Галиціи православной епископіи и услугахъ, оказанныхъ при этомъ православнымъ галичанамъ со стороны Кіевскихъ митрополитовъ. Глава заканчивается краткими замѣчаніями автора о положеніи православія въ Галиціи послѣ возстановленія здѣсь православной епископіи до конца XVI в.

Относительно первой главы изслѣдованія должно, прежде всего, замѣтить, что остается неясною основная идея ея, равно какъ непонятно и то, какое отношеніе имѣетъ эта вступительная глава къ послѣдующему изложенію исторіи Львовскаго братства. Благодаря отсутствію плана и общей предварительной схемы сочиненія въ начал[illegible]

книги, читатель самъ рѣшительно не можетъ отвѣтить на эти вопросы... Въ самомъ дѣлѣ, если только идея и цѣль этой главы заключается въ томъ, чтобы объяснить условія и обстоятельства *происхожденія* Львовскаго братства, то въ такомъ случаѣ глава эта совершенно излишня и ненужна, потому что, съ одной стороны, въ этой главѣ захватывается слишкомъ далекая перспектива, до конца XVI в., между тѣмъ какъ Львовское братство, съ другой стороны, впервые упоминается въ 1439 г., слѣдовательно, оно произошло гораздо раньше, такъ какъ, безъ сомнѣнія, должно было пройти довольно долгое время, прежде чѣмъ братство могло организоваться и сдѣлаться извѣстнымъ. Къ этому заключенію насъ приводитъ еще и то соображеніе, что братства въ Volumina legum упоминаются, какъ уже обычное явленіе, гораздо раньше, еще въ 1420 г. Слѣдовательно, опять-таки братства, fraternitates, для того, чтобы дождаться законодательной регламентаціи, должны были уже существовать въ теченіе давняго времени, а произойти еще раньше, въ то время, когда объ уніи въ собственномъ смыслѣ этого слова, о преслѣдованіи православія и даже о самой зависимости Галиціи отъ польскаго владычества не могло быть и рѣчи...

Если же идея и цѣль вступительной главы заключается въ томъ, чтобы показать историческія условія, вызвавшія и опредѣлившія такую, а не иную дѣятельность Львовскаго братства съ конца XVI в., то никакъ нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, чтобы необходимость борьбы за православіе была такимъ именно условіемъ. Вѣдь, еслибы было такъ на самомъ дѣлѣ, то, съ одной стороны, почему же Львовское братство, по сдѣланной раньше авторомъ характеристикѣ дѣятельности западно-русскихъ братствъ, съ 1632 года совершенно ослабѣло? А, съ другой стороны, почему Львовское братство, какъ показываетъ уже дѣйствительная его исторія, не только не прекратило совсѣмъ, но даже и не сократило своей дѣятельности на первыхъ порахъ послѣ 1708 г., когда оно само приняло унію, и даже съ конца XVIII в. и начала XIX в., когда о православіи и о

борьбѣ его съ уніей въ Галиціи не могло быть и рѣчи? Да и теперь Львовское братство живетъ, проявляетъ по временамъ энергичную дѣятельность, хотя борьбы православія съ уніей въ Галиціи нѣтъ. Слѣдовательно, борьба православія съ уніей была не единственнымъ и, быть можетъ, даже не главнымъ условіемъ возникновенія и исторической дѣятельности Львовскаго братства въ XVI и XVII в. в., какъ думаетъ авторъ?

Нѣкоторыя частныя положенія вступительной главы возбуждаютъ большія недоумѣнія. Для примѣра разсмотримъ утвержденіе автора, что при Казимірѣ Великомъ „была сдѣлана энергичная попытка къ подрыву православія и русской народности возобновленіемъ существовавшей прежде непродолжительное время Галицкой (подразумѣвай: православной) митрополіи"... (стр. 7). Во 1-хъ, это положеніе, прежде всего, само по себѣ непонятно. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно нельзя понять, какимъ образомъ возстановленіе въ Галиціи православной митрополіи, т. е. важнѣйшаго центра православно-русской культуры, *могло содѣйствовать подрыву православія здѣсь?* Во 2-хъ, это утвержденіе находится въ рѣшительномъ и безусловномъ противорѣчіи съ положеніями автора, высказываемыми въ другихъ мѣстахъ той же главы (см., напр., стр. 10—11, 14 и 27).

Наконецъ, въ 3-хъ, утверждать, что Казиміръ Великій „возвелъ прежнія мѣры къ совращенію православныхъ въ католицизмъ въ систему" (стр. 7), значитъ, по нашему мнѣнію, рѣшительно и безусловно противорѣчить дѣйствительнымъ и подлиннымъ историческимъ свидѣтельствамъ о политической дѣятельности Казиміра Великаго (см. у Бобжинскаго М.: Очеркъ исторіи Польши. Переводъ съ третьяго польскаго изданія подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева, Спб. 1891 г., т. 1, стр. 183 и 191).

Во второй главѣ (стр. 29—74) авторъ начинаетъ рѣчь собственно о Львовскомъ братствѣ. Разсказавъ весьма кратко объ обстоятельствахъ происхожденія Львовскаго братства, авторъ затѣмъ излагаетъ братскій уставъ, сравниваетъ уставъ

ставропигіальнаго Успенскаго братства съ уставомъ другихъ галицкихъ братствъ (Львовскаго Благовѣщенскаго и Вишенскаго Троицкаго), говоритъ о вліяніи Львовскаго ставропигіальнаго братства на другія западно-русскія церковныя братства, въ особенности на Виленское Св.-духовское. Покончивъ рѣчь съ исторіею происхожденія и окончательной организаціи Львовскаго ставропигіальнаго братства, авторъ затѣмъ описываетъ черты устройства Успенскаго братства во Львовѣ. Онъ говоритъ, въ частности, о составѣ братства, правилахъ при вступленіи въ члены братства, отступленіяхъ отъ этихъ правилъ, дѣлавшихся (отступленіяхъ) для лицъ иногородныхъ и занимавшихъ высокое общественное положеніе, о такъ наз. „вступныхъ", выборахъ старшихъ братчиковъ, времени выборовъ, распредѣленіи должностей, отчетахъ старшихъ братчиковъ и ихъ помощниковъ, о братскихъ собраніяхъ (сходкахъ), о братскомъ знамени (рисунокъ котораго напечатанъ здѣсь же), о порядкѣ и правилахъ, соблюдавшихся во время братскихъ собраній, о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на братскихъ собраніяхъ, о братскихъ постановленіяхъ, способахъ ихъ примѣненія къ дѣлу, о наказаніяхъ, употреблявшихся братствомъ, и, наконецъ, о матеріальныхъ средствахъ братства.

Вторая глава сочиненія можетъ быть, по справедливости, признана лучшею среди другихъ и весьма цѣнною. Она составлена почти исключительно на основаніи первоисточниковъ и потому изобилуетъ новизною фактовъ. Всѣ факты, сообщаемые въ ней, и всѣ основныя положенія ея авторъ обильно и умѣло иллюстрируетъ разсказами и примѣрами изъ жизни Львовскаго братства. Главный недостатокъ этой главы состоитъ въ томъ, что авторъ обращаетъ исключительное вниманіе на внѣшнюю сторону жизни и дѣятельности братства, игнорируя внутреннюю, идейную сторону, для изображенія которой онъ имѣлъ вполнѣ достаточно цѣннаго матеріала. Къ сожалѣнію, размѣръ критико библіографической замѣтки не позволяетъ намъ болѣе подробно сказать какъ

объ этомъ, такъ и о нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ недостаткахъ главы.

Третья (стр. 75—135) и *четвертая* (стр. 136—186) *главы* сочиненія неразрывно связаны между собою. Въ нихъ авторъ излагаетъ исторію борьбы, какую должно было вести Львовское братство, съ одной стороны, съ латино-уніатскою партіею и вообще съ внѣшними своими врагами и препятствіями (глава третья), а съ другой стороны, съ своими православными епископами (особенно Гедеономъ Балабаномъ, Іосифомъ Шумлянскимъ и отчасти м. Петромъ Могилою), о чемъ говорится въ четвертой главѣ. Та и другая главы одинаково заканчиваются рѣчью автора объ изнеможеніи Львовскаго братства въ борьбѣ съ своими противниками и препятствіями, внѣшними и внутренними, и о переходѣ его въ унію. Авторъ склоненъ, между прочимъ, признать главною и даже почти единственною причиною перехода Львовскаго братства въ унію оскудѣніе его матеріальныхъ средствъ, съ чѣмъ рѣшительно нельзя согласиться.

Въ *главѣ пятой* (стр. 187—227) авторъ сначала весьма подробно и обстоятельно излагаетъ исторію построенія Львовскимъ братствомъ Успенской каменной церкви, рисунокъ которой здѣсь-же напечатанъ, ея украшенія и освященія, а затѣмъ говоритъ о средствахъ религіозно-нравственнаго вліянія братствъ какъ на своихъ членовъ, такъ и на всѣхъ вообще православно-русскихъ жителей Галиціи и даже всей Западной Руси.

Въ *шестой главѣ* (стр. 228—307) авторъ съ такою же обстоятельностію и весьма подробно говоритъ о просвѣтительной дѣятельности Львовскаго братства и органахъ ея въ видѣ школы и типографіи.

Относительно пятой и шестой главъ монографіи должно замѣтить то же самое, что мы раньше говорили о второй главѣ. Пятая и шестая главы сочиненія составлены на основаніи первоисточниковъ, отличаются новизною свѣдѣній и даютъ полное и ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, какіе въ нихъ трактуются.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и въ этихъ главахъ есть ошибки и неточности. Не можемъ здѣсь умолчать особенно объ одной ошибкѣ на стр. 276, гдѣ авторъ рѣшительно безъ всякихъ основаній говоритъ о прекращеніи книгопечатанія въ Кіево Печерской типографіи во время казацкихъ войнъ. Перечень книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Львовскаго братства, требуетъ значительныхъ поправокъ и дополненій.

Вся книга заканчивается краткою общею характеристикою дѣятельности Львовскаго братства на пользу православія и русской народности (стр. 308—309).

Таковы содержаніе и характеръ разсмотрѣннаго нами сочиненія. Послѣднее составилось собственно изъ предисловій, напечатанныхъ авторомъ раньше въ X, XI и XII томахъ первой части Архива Юго-Западной Россіи. Акты этихъ томовъ, собранные и редактированные авторомъ, представляютъ весьма крупную научную цѣнность. Вообще трудъ г. Крыловскаго займетъ безъ сомнѣнія, видное мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ изученію столь виднаго въ исторіи западно-русской церкви института, какъ братства, а для ученыхъ, интересующихся исторіею собственно Львовскаго братства, онъ вмѣстѣ съ документами, изданными авторомъ, долженъ сдѣлаться даже настольною книгою.

14.

Отъ мрака къ свѣту, или папство и славянскій міръ. Части I и II. Стр. XII+XIV+336+460. К. О. Де-Скроховскаго (Непогрѣшимаго). СПБ. 1900 г.

Одно изъ существенныхъ различій между греко-восточною (православною) и западно-латинскою (римско-католическою) половинами христіанской церкви выражается въ отношеніи той и другой изъ нихъ къ идеѣ національности.

Восточная, или православная церковь не только не тормозитъ и не убиваетъ, но, наоборотъ, всячески содѣйствуетъ и покровительствуетъ своеобразному развитію каж-

дой націи, принимающей православіе. Были, правда, и извѣстны въ исторіи попытки греческой (Константинопольской) церкви подчинить національныя церкви своему вліянію, эллинизировать ихъ. Но, во 1-хъ эти попытки были плодомъ автократическихъ стремленій отдѣльныхъ личностей, или партій (напр. фанаріотская), но отнюдь не выраженіемъ или слѣдствіемъ самаго духа восточной церкви; а во 2-хъ, эти автократическія стремленія ограничивались почти исключительно желаніемъ удержать въ своихъ рукахъ высшее управленіе національными церквами, но никогда не простирались на всю сферу культурнаго развитія того или другаго народа, принимавшаго православіе, при посредствѣ греческой церкви.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ исторіи западно-латинской, или римско-католической церкви. Здѣсь весьма выразительно выступаютъ стремленія безграничной власти и господства романо-католической культуры надъ всѣми племенами и народами, въ различное время принимавшими римско-католическую вѣру. Съ наибольшею рельефностію эта особенность латинства выразилась въ идеѣ единоязычія и папской власти.

Давно уже, съ среднихъ вѣковъ пробудилось стремленіе различныхъ народовъ къ освобожденію изъ-подъ гнета латинскаго и папскаго всевластія. Съ особенною силою начало заявлять о себѣ это движеніе съ начала XIX вѣка, когда въ Запад. Европѣ вообще пробуждалось сильное національное стремленіе. Въ послѣдніе годы движеніе это не только не ослабѣло, но еще болѣе продолжаетъ прогрессировать. Выраженіе: *„прочь отъ Рима“* сдѣлалось для многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и даже цѣлыхъ политическихъ партій дивизомъ всей ихъ дѣятельности и стремленій. Съ особенною энергіею движеніе въ *сторону отъ Рима, папства и католичества* сказывается въ соединенной Габсбургской монархіи, въ составъ которой входятъ многія славянскія народности, принадлежащія къ римско-католической церкви. Собственнымъ опытомъ на самихъ себѣ по-

знавъ всю тяжесть системы папскаго всевластія, латинизаціи и культурнаго обезличенія народностей, видя въ католической религіи величайшій тормозъ для свободнаго развитія національнаго самосознанія и сознавая, что духовная зависимость отъ Рима служитъ основою для политической зависимости отъ австрійскаго католическо-нѣмецкаго правительства, эти народы, въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей и общественныхъ группъ, всѣми силами стремятся сбросить съ себя тяжелое иго католицизма.

Чешская нація, оказавшая въ послѣднее время поразительные успѣхи національнаго культурнаго развитія, является передовымъ бойцомъ въ этой замѣчательной борьбѣ славянскихъ католическихъ народовъ съ латинскимъ Римомъ.

К. О. Де-Скроховскій принадлежитъ къ кружку именно выдающихся, убѣжденныхъ и энергичныхъ представителей современнаго движенія, руководящагося девизомъ: *„прочь отъ Рима“* или: *„отъ мрака къ свѣту“*. Въ цѣломъ рядѣ своихъ научно-публицистическихъ трудовъ онъ стремится раскрыть глаза славянскимъ народамъ и показать историческія отношенія католическаго Рима и папства къ нимъ въ истинномъ, неподдѣльномъ видѣ.

Та же общая цѣль преслѣдуется имъ и въ разсматриваемомъ нами трудѣ его, особенно въ первыхъ 14 главахъ первой части книги.

Но съ этою общею задачею авторъ преслѣдуетъ въ разсматриваемомъ нами трудѣ его и спеціальную частную цѣль, а именно: пагубное вліяніе римско католической религіи на судьбы польскаго народа. А разъясненіемъ этого пагубнаго вліянія римско католичества на исторію и культуру польскаго народа авторъ желаетъ, въ частности, съ одной стороны, предостеречь русскихъ уніатовъ отъ упорства ихъ къ возсоединенію съ православно-русскою церковью, и, съ другой стороны, содѣйствовать возможному примиренію и сближенію русскаго и польскаго народовъ, родственныхъ по племенному происхожденію, но чуждыхъ по вѣрѣ.

„Прежде всего, я посвящаю свой трудъ",—говоритъ авторъ,—„тѣмъ изъ бывшихъ уніатовъ, которые, хотя и возвратились послѣ польскаго мятежа шестидесятыхъ годовъ въ лоно православной церкви, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ остаются податливымъ орудіемъ въ рукахъ неукротимыхъ насадителей римскаго фанатизма. На этихъ-то людей и обращено въ настоящее время вниманіе неукротимыхъ борцовъ воинствующаго Рима"... (Изъ предисловія къ польскому изданію книги). „Поработивъ въ X вѣкѣ польское славянское племя, оторвавъ его отъ православнаго славянства, лишивъ его, такимъ образомъ, драгоцѣннѣйшаго достоянія—національнаго самосознанія—папство сдѣлало изъ поляковъ послушныхъ, безотвѣтныхъ, раболѣпныхъ служителей гордыни престола св. Петра. Такимъ образомъ, поляки начали роковую для нихъ борьбу съ Россіей,—борьбу, окончившуюся паденіемъ Польши. Растлѣвающее вліяніе папства не сразу надломило могучій нѣкогда организмъ славянопольскаго племени, и долгое время оно успѣшно вело борьбу съ Россіею за папскіе интересы; полная неразборчивость въ средствахъ содѣйствовала успѣхамъ воинствующаго римско-польскаго католицизма. Одною изъ такихъ побѣдъ, одержанныхъ папой и поляками надъ славянствомъ и православіемъ, была унія; путемъ всевозможныхъ насилій, преслѣдованій, обмана, угрозъ, подкупа, поляки заставили беззащитное православное населеніе подпавшихъ подъ власть Польши русскихъ земель признать главенство римскаго первосвященника—сдѣлать важнѣйшій шагъ къ утратѣ своего народнаго самознанія, къ обезличенію ad majorem Romae gloriam"... (Изъ предисловія къ русскому изданію).

„Я старался",—говоритъ авторъ въ предисловіи къ польскому изданію своей книги,—„достигнуть цѣли своего труда путемъ подбора фактовъ, заимствованныхъ изъ исторіи римской церкви, папства и польскаго народа. Изображая въ дѣйствительныхъ краскахъ отношеніе Польши къ Риму и плоды, принесенные полякамъ этими отношеніями, сопоставляя съ этимъ изображеніемъ отношеніе Рима къ право-

славной церкви, я старался извлечь изъ этихъ историческихъ данныхъ практическіе выводы относительно того, *какимъ путемъ польскій народъ, принадлежащій къ славянскому племени, можетъ вступить въ дружескія, сердечныя отношенія съ русскимъ народомъ и правительствомъ*" (стр. IX—X).

XV—XXI главы первой части и вся вторая часть книги посвящены изображенію отношеній папства къ польскому народу, къ русскому населенію Польши, и отношеній между русскимъ и польскимъ народами.

Книга, какъ можно видѣть и изъ сказаннаго нами выше, имѣетъ полемическій характеръ. Трудъ автора изобилуетъ новыми фактами и еще болѣе новыми своеобразными воззрѣніями на извѣстные историческіе факты, которыми авторъ пользуется для освѣщенія и доказательства своихъ основныхъ положеній. Книга чрезвычайно интересна, какъ живой показатель современнаго отношенія извѣстныхъ круговъ западно-европейскаго общества къ русскому народу и къ русской православной церкви, а также и общаго религіозно-нравственнаго настроенія ихъ. Любопытна эта книга еще какъ противовѣсъ фанатически-полемическимъ польскимъ сочиненіямъ (въ родѣ трудовъ извѣстнаго прелата Ликовскаго по исторіи западно-русской уніи), касающимся исторіи русской церкви и, въ особенности, исторіи уніи въ Западной Россіи.

15.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждевеніе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества подъ редакціею П. А. Сырку. Т. 1 (годы 1841 - 1844), СПБ. 1894 г., стр. IV+748; т II (1844—1845 гг.), СПБ. 1895 г., стр. 548; т. III (1846—1850), СПБ. 1896 г., стр. 718; т. IV (1850—1853 гг.), СПБ. 1896 г., стр. 470; т. V (1853—1854 гг.), СПБ. 1899 г., стр. 536; т. VI (часть 1854 г.), СПБ. 1900 г., стр. 428; т. VII (1854—1861 гг.), СПБ. 1901 г., стр. 446, и т. VIII (1861—1885 г.), СПБ. 1902 г. стр. X+608.

Въ настоящее время уже изданъ восьмой и послѣдній томъ „Книги бытія моего", или дневниковъ и автобіографическихъ записокъ извѣстнаго нашего путешественника

на православный Востокъ, епископа Порфирія Успенскаго. Первые семь томовъ были изданы Академіею Наукъ на средства Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, а послѣдній — самою Академіею и на ея собственныя средства. Дневникъ и записки преосв. Порфирія Успенскаго даютъ богатый матеріалъ для знакомства съ православнымъ Востокомъ и съ исторіею нашихъ сношеній съ нимъ въ половинѣ XIX вѣка. Матеріалъ этотъ не вездѣ и не во всемъ имѣетъ одинаковую цѣнность и значеніе. Какъ и всякій вообще дневникъ, записки преосв. Порфирія Успенскаго носятъ субъективный характеръ. Относительно „Книги моего бытія“ должно даже замѣтить, что она имѣетъ чрезвычайно субъективный характеръ. Это безусловно необходимо имѣть въ виду при чтеніи „Книги моего бытія“.

Кромѣ того, авторъ „Книги бытія моего“ обладаетъ склонностію къ преувеличеніямъ. Увлекшись личными симпатіями или антипатіями, возникшими подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, или же, по крайней мѣрѣ, временнаго, случайнаго знакомства, онъ даетъ полный просторъ и свободу своему перу, которое создаетъ то слишкомъ хорошій, то чрезмѣрно дурной отзывъ объ извѣстномъ лицѣ, учрежденіи, обществѣ и т. п.

Впрочемъ, самая форма и способъ происхожденія „Книги моего бытія“ облегчаютъ положеніе читателя, желающаго освѣжиться отъ субъективизма писателя. Авторъ нерѣдко объ одномъ и томъ же отзывается совершенно различно, иногда даже рѣзко противоположно, въ различныхъ мѣстахъ своего дневника, писанныхъ въ разное время. Какъ на самый рельефный примѣръ такого субъективизма, можемъ указать на отзывъ преосв. Порфирія о греческой церкви и духовенствѣ: сначала слишкомъ порицательный, а потомъ хвалебный до того, что готовъ обвинить русскую церковь въ отступленіи отъ вселенской истины за то, что она не во всемъ согласна съ греческою церковью.

Въ дневникѣ Порфирія Успенскаго есть немало матеріала, имѣющаго прямое отношеніе и къ исторіи русской церкви.

Есть здѣсь и мѣста, посвященныя спеціально Кіеву, а именно: во-1-хъ) въ 4 й части „Книги моего бытія", гдѣ на стр. 227—260 описано пребываніе его въ Кіевѣ въ началѣ 1852 г., и во-2-хъ) большая часть 8-й книги, гдѣ описываются годы епископства его въ Кіевѣ 1865—1878 гг. Здѣсь любопытно и, разумѣется, субъективно охарактеризованы: духовенство, свѣтское общество, представители администраціи, академія и университетъ, равно какъ и многіе отдѣльные представители Кіевскаго общества...

16.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Томъ первый. Книга 1-я. Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность Хомякова. Книга 2-я Труды Хомякова въ области богословія. Проф. В. З. Завитневича. Кіевъ. 1902 г. стр. XVI+1422+VIII.

Настоящій богословско-церковно-историческій трудъ посвященъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ корифеевъ русскаго славянофильства. Славянофильство, представляющее важный и любопытный моментъ въ сложномъ историческомъ процессѣ развитія не только русскаго, но и общеевропейскаго самосознанія, доселѣ еще не уяснено и не оцѣнено надлежащимъ образомъ въ нашей богословской церковно-исторической литературѣ. Истинно научное сужденіе о славянофильствѣ, по убѣжденію автора разсматриваемаго сочиненія, станетъ возможнымъ только тогда, когда будетъ приведена въ извѣстность и отчетливо сознана вся сумма философскихъ, богословскихъ, историческихъ и соціальныхъ понятій, выдвинутыхъ корифеями славянофильства, и когда будетъ точно установлено, что въ ученіи славянофиловъ, какъ представителей извѣстнаго направленія жизни и мысли нашего общества, принадлежитъ цѣлой школѣ, и что порождено субъективизмомъ каждаго отдѣльнаго мыслителя—славянофила.

Самымъ выдающимся и замѣчательнымъ представителемъ нашего славянофильства былъ несомнѣнно *А. С. Хомяковъ*. Обладая глубокимъ умомъ и многостороннимъ развитіемъ, онъ, при своемъ живомъ характерѣ, отзывался, можно сказать, почти на всѣ области человѣческой жизни и знанія. Онъ былъ замѣчательно оригинальнымъ хозяиномъ, агрономомъ, техникомъ, историкомъ, философомъ, богословомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ оставилъ по себѣ цѣлое оригинальное, въ высшей степени своеобразное міровоззрѣніе.

Само собою разумѣется, что уясненіе духовной личности такого человѣка, съ одной стороны, должно содѣйствовать правильному пониманію всего славянофильскаго направленія, лучшимъ представителемъ котораго онъ служитъ, но, съ другой стороны, сопряжено съ большими трудностями.

Профессоръ Завитневичъ, самъ являющійся однимъ изъ историковъ съ философскимъ направленіемъ, въ послѣдніе годы сосредоточилъ свои занятія на славянофильствѣ и, въ частности, на замѣчательнѣйшемъ корифеѣ этого направленія—А. С. Хомяковѣ, результатами каковыхъ занятій своихъ онъ неоднократно дѣлился и съ членами нашего общества. Въ части задуманнаго имъ обширнаго труда, явившейся въ печати, Хомяковъ изображается пока только въ его жизни (біографическія свѣдѣнія, заимствуемыя главнымъ образомъ изъ сочиненій Хомякова, имѣющихъ значительный автобіографическій характеръ) и богословско-ученой дѣятельности; систематизація и критическая оцѣнка философско-богословскаго міровоззрѣнія Хомякова должны составить содержаніе втораго тома.

Въ двухъ вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ перваго тома наибольшее отношеніе къ русской исторіи вообще и, въ частности, къ русской церковной исторіи имѣютъ *въ первой книгѣ* 4 и 5 главы, гдѣ на основаніи сочиненій Хомякова и часто его собственными словами выясняются условія распространенія и степень и характеръ усвоенія христіанскихъ началъ культуры славянами вообще и, въ частности, русскимъ на-

родомъ; а *во второй* книгѣ—6-я глава, гдѣ производится авторомъ анализъ и оцѣнка историческаго міровоззрѣнія Хомякова, въ частности и по тому вопросу, который обсуждался въ 4 и 5 главахъ первой книги, и особенно глава 8-я, гдѣ анализируется переписка Хомякова съ Пальмеромъ, касающаяся любопытнаго вопроса о сношеніяхъ Англиканской церкви съ православнымъ Востокомъ при посредствѣ Россіи.

Къ сожалѣнію, въ краткомъ библіографическомъ отзывѣ мы не можемъ болѣе подробно изложить содержаніе труда проф. Завитневича, отсылая къ нему самихъ читателей.

17.

С. Г. Рункевича. Исторія русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода. Томъ первый. Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1725 г.). Спб. 1900 г Стр. 429 + II.

Авторъ настоящаго изслѣдованія извѣстенъ въ русской церковно-исторической наукѣ многими трудами, изъ коихъ виднѣйшіе и капитальнѣйшіе *(Исторія Минской архіепископіи, Спб. 1893 г., и Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ*, т. I (1470—1700 г.г.) посвящены исторіи западно-русской церкви.

Въ послѣднее время авторъ сосредоточился на изученіи исторіи русской церкви за время синодальнаго періода.

Разсматриваемая книга представляетъ первый изъ шести томовъ, въ которыхъ авторъ предполагаетъ дать исторію русской церкви за время отъ учрежденія св. синода до кончины Императора Петра I.

Книга состоитъ изъ 9 главъ, изъ коихъ въ 1-й изображаются преобразованія Петра I въ сферѣ государственной и состояніе церковной жизни въ Россіи наканунѣ учрежденія Св. Синода (стр. 1—21); во 2-й преобразованія Петра I въ строѣ церковной жизни за время до учрежденія Св. Синода (стр. 22—91); въ 3-й учрежденіе Св. Синода (стр. 91—163); въ 4-й составъ Св. Синода (стр. 164—230); въ 5-й исполнительные органы Св. Синода и оберъ-прокуроръ (стр. 231—

290); въ 6-й дѣла и власть Св. Синода (стр. 291—333); въ 7-й дѣлопроизводство Св. Синода (стр. 333—391); въ 8-й переѣзды Св. Синода въ Москву и Петербургское и Московское синодальныя правленія (стр. 391—407) и въ 9 й хозяйственная часть въ Св. Синодѣ.

Авторъ принадлежитъ къ числу историковъ, любящихъ твердо держаться строго фактической, документальной почвы въ своихъ изслѣдованіяхъ и неохотно сходящихъ съ этой надежной почвы для широкихъ обобщеній и выводовъ. Настоящее изслѣдованіе основано преимущественно на первоисточныхъ данныхъ, добытыхъ авторомъ въ Петербургскихъ архивахъ, особенно синодальномъ, государственномъ, Петербургской консисторіи, Александро невской лавры и др. Впрочемъ, авторъ знаетъ и умѣло пользуется и печатными матеріалами. Сочиненіе его, составленное на основаніи широкаго знакомства съ литературою предмета, даетъ много новаго для исторіи русской церкви. Можно пожалѣть, что оно не снабжено указателемъ, такъ какъ, при громадномъ множествѣ лицъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи, пользованіе имъ особенно для неспеціалистовъ будетъ затруднительно.

Ѳ. Титовъ.

„Черниговскій Историко-археологическій Отрывной Календарь на 1906 г.“.

Несомнѣнно, Черниговскій Календарь есть явленіе единичное какъ по количеству, такъ и по качеству собраннаго въ немъ историческаго матеріала. Само собой разумѣется, что произвести фактическую провѣрку всего введеннаго въ Календарь матеріала я не имѣю ни времени, ни достаточнаго досуга. Могу сказать только, что нѣкоторыя замѣченныя мною фактическія и хронологическія неточности и немногочисленны, и не имѣютъ особой важности.

Конечно, выполнить всю работу на основаніи первоисточниковъ для составителей не было возможности по обширности матеріала, да и являлось совершенно излишнимъ. Такой трудъ, какъ отрывочный Календарь, можетъ быть трудомъ компилятивнымъ: цѣль его дать публикѣ, въ возможной полнотѣ, всѣ относящіяся къ данной территоріи историческія свѣдѣнія, а не производить изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ. Поэтому, вполнѣ естественно, что при 34 (приблизительно) пособіяхъ, составители воспользовались только

17 первоисточниками. Но бываютъ случаи, когда при стремленіи къ большей полнотѣ свѣдѣній, приходится расширять кругъ пользованія первоисточниками. Составители Календаря не упустили изъ вида этого обстоятельства, но, къ сожалѣнію, и подборъ первоисточниковъ и пользованіе ими носятъ какой-то случайный характеръ.

Такъ, есть нѣсколько сообщеній изъ Воскресенской лѣтописи, свода, какъ извѣстно, позднѣйшаго, а между тѣмъ совсѣмъ нѣтъ извѣстій изъ самой важной для исторіи Черниговщины лѣтописи, Ипатьевской: составители Календаря совершенно ею не пользовались. Только во второй половинѣ Календаря встрѣчаются извлеченія и изъ лѣтописи Лаврентьевской. Сводъ Воскресенскій доминируетъ, а двѣ самыхъ древнихъ лѣтописи, Ипатьевская (совсѣмъ) и Лаврентьевская (почти), оставлены безъ вниманія.

Точно также странно отношеніе составителей Календаря и къ актовому матеріалу. Встрѣчаются извлеченія изъ Актовъ Историческихъ, Актовъ Ю. и З. Россіи, но совершенно игнорировано Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Я не говорю уже объ Archivum Sanguszków, гдѣ изданъ, какъ извѣстно, знаменитый актъ 1366 года.

Совершенно игнорированы матеріалы по исторіи Смутнаго времени, напр., дневники и записки современныхъ дѣятелей, изданные Императорской Археографической Коммиссіей частью отдѣльно, частью въ I томѣ Русской Исторической Библіотеки. Я не говорю, что для составителей Календаря было обязательно привлекать къ своей работѣ первоисточники, но разъ они уже вводятъ ихъ въ дѣло, то необходимо было использовать главнѣйшіе изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ это было, пожалуй, и необходимо.

При пользованіи пособіями слѣдовало, кажется мнѣ, пользоваться такими трудами, которые не утратили своего значенія и при современномъ положеніи науки. Эпоха Смутнаго времени представлена въ Календарѣ извѣстнымъ сочиненіемъ Костомарова; но, послѣ выхода въ свѣтъ этого, несомнѣнно, капитальнаго труда, разработка исторіи Смуты

подвинулась значительно впередъ. Необходимо было воспользоваться не только трудомъ Костомарова, но привлечь и матеріалы, изданные въ позднѣйшее время. Затѣмъ опять является вопросъ, почему составители Календаря не воспользовались трудами Костомарова по исторіи Малороссіи, а ссылаются иногда на давнія, устарѣвшія сочиненія, хотя среди ссылокъ встрѣчаются и труды новѣйшіе. Литовскій и даже татарскій періоды отсутствуютъ вполнѣ, а между тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія можно было получить въ лѣтописяхъ и въ изслѣдованіяхъ по исторіи Русско-Литовскаго государства.

Что касается названія Календаря „историко-археологическимъ", то оно кажется мнѣ и неточнымъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Чтобы быть археологическимъ, Календарь долженъ былъ-бы заключать гораздо болѣе археологическихъ данныхъ. Для этого пришлось-бы собрать огромный археологическій матеріалъ, разсыпанный въ изданіяхъ Археологическихъ Обществъ, въ Трудахъ Археологическихъ Съѣздовъ и спеціальныхъ работахъ по Археологіи. Въ большинствѣ случаевъ получились-бы свѣдѣнія: „такого-то года, мѣсяца и числа тамъ-то была произведена раскопка и найдено то-то", и такими замѣтками пришлось-бы занять въ Календарѣ массу мѣста. Съ нѣкоторой неточностью можно было-бы дать Календарю и названіе „археологическій", но въ такомъ случаѣ непремѣнно слѣдовало бы помѣстить въ немъ свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся археологическихъ открытіяхъ на территоріи Черниговской губерніи и притомъ сообщить о нихъ подробно. Къ сожалѣнію, мы не находимъ и этого въ Календарѣ. Даже объ археологи ческихъ открытіяхъ въ Черниговѣ упомянуто далеко не о всѣхъ, или упомянуто вскользь, а потому совершенно безъ всякой пользы, а между тѣмъ была полная возможность дать интересныя сообщенія хотя-бы о монументальныхъ памятникахъ Чернигова на основаніи работъ Павлинова и Лашкарева.

Несмотря на нѣкоторую случайность въ подборѣ источниковъ и пособій и какую-то (можетъ быть, кажущуюся)

неустойчивость метода веденія дѣла, нельзя не признать Черниговскій Историко Археологическій Календарь почтеннымъ трудомъ, весьма полезнымъ, которому слѣдуетъ пожелать дальнѣйшаго развитія.

П. Голубовскій.

А. Л. ПЕТРОВЪ: О подложности грамоты князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г. („Статьи по славяновѣдѣнію", изд. Императорской Академіи Наукъ).

Уже заглавіе статьи показываетъ, что авторъ считаетъ подложною грамоту Ѳеодора Коріатовича 1360 г., которою этотъ князь назначилъ основанному имъ близъ Мукачева, въ сѣверо-восточной Угріи, монастырю св. Николая нѣкоторые доходы. У автора на это два доказательства.

Первое — письмо. Грамота, какъ извѣстно, — на латинскомъ языкѣ. Письмо, по мнѣнію профессора И. И. Холодняка, приведенному цѣликомъ въ статьѣ А. Л. Петрова, не XIV вѣка, а XIII, т. е., болѣе архаическое, чѣмъ бы слѣдовало. И. И. Холоднякъ говоритъ: „писецъ копировалъ рукопись минускульнаго типа XIII вѣка"; „не имѣя подъ руками хорошихъ образцовъ письма надлежащей эпохи (т. е. XIV вѣка), писецъ взялъ scripturam antiquiorem ближайшей (эпохи), но до нѣкоторой степени невольно приблизилъ ее къ XIV-му вѣку"; „рука его, прибавляетъ И. И. Холоднякъ, неопытной въ ars scribendi названа быть не можетъ".

Дѣйствительно, приложенные къ статьѣ снимки показываютъ, что обычное письмо латинскихъ грамотъ XIV вѣка Польши и Трансильваніи по типу отличается отъ письма

грамоты Ѳеодора Коріатовича. Но ни И. И. Холоднякъ, ни А. Л. Петровъ не указываютъ въ письмѣ грамоты признаковъ подложности или чего-нибудь, свидѣтельствующаго о зломъ намѣреніи писца грамоты. Можно думать, что, живя въ такомъ медвѣжьемъ углу, какъ Мукачевъ, гдѣ старина сохраняется дольше, чѣмъ въ болѣе бойкихъ мѣстахъ по сосѣдству, и, можетъ быть, будучи старикомъ, писецъ конца вѣка или даже начала XV-го слѣдовалъ старымъ образцамъ.

Другое доказательство—дата: 1360 годъ; въ это время Ѳедора Коріатовича не могло быть въ Мукачевѣ; онъ могъ явиться владѣтелемъ этого замка только въ 90-хъ годахъ XIV вѣка. Но изъ этого слѣдуетъ вовсе не тотъ выводъ, что грамота подложна, а тотъ, что дата невѣрна.

Разсмотримъ текстъ грамоты повнимательнѣе.

Ея оригиналъ составленъ на русскомъ языкѣ; писецъ переписалъ плохой латинскій переводъ съ ошибками подъ вліяніемъ русскаго языка. А. Л. Петровъ отмѣчаетъ: monasterium—quem (*монастырь*—муж. р.); ad eundem (monasterium); claustro—*quem*; de monte, *que* vocatur (*гора*—женск. р.); quatuor vasa *vina* (русское окончаніе!). Очевидно, дата оригинала была—обычная, славянскими цифрами, можетъ быть, по счету отъ сотворенія міра; при переводѣ на латинскія цифры легко могла возникнуть ошибка.

Наши наблюденія надъ русскими рукописями-книгами показываютъ, что архаическіе почерки, не вполнѣ соотвѣтствующіе своему времени,—не очень большая рѣдкость. Извѣстная рукопись Паренесиса Ефрема Сирина Имп. Публичной Библіотеки—одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ. Ея дата—7000 годъ, т. е. 1492, а письмо таково, что не будь даты, мы бы отнесли рукопись къ началу XV вѣка (Срезневскій относилъ ее даже къ концу XIII в.). Условія жизни писцовъ и ихъ личные вкусы, несомнѣнно, имѣютъ свое значеніе.

Въ области датъ русскихъ книгъ и грамотъ можно указать значительныя ошибки. Славянскія цифры покрупнѣе, свыше 50, были и мало употребительны, и мало извѣстны.

Здѣсь именно и встрѣчаются ошибки. Чтобъ не ходить далеко, мы можемъ остановиться на грамотѣ Русскаго старосты (въ Галиціи) Оты пану Вятславу Дмитровскому, датированной „державою великого короля Краковьского Казимира“ и 1371 годомъ. Между тѣмъ Казиміръ умеръ въ 1370 году. Редакторы „Актовъ Западной Россіи“ (I, стр. 20) почему-то поставили дату 1351 годъ, а редакторы „Akta grodskie i ziemskie“ (VII, 13) исправили ее на 1370 годъ.

Погрѣшность даты находится, повидимому, въ цифрѣ десятковъ. Подлинникъ имѣетъ: „а писана грамота тысяча лѣтъ по Божьемъ рожествѣ Т лѣтъ *о* лѣтъ и одно лѣто“; здѣсь *о* едвали поставлено не вмѣсто ξ, такъ что вѣроятнѣйшая, по нашему мнѣнію, дата—1361 годъ.

Ошибка писца грамоты Ѳеодора Коріатовича не заключается ли въ постановкѣ L вмѣсто C?

А. Л. Петровъ упоминаетъ о другой грамотѣ того же Ѳедора Коріатовича, назначавшей тому же монастырю св. Николая однородные доходы, подтвержденной по-сербски „великимъ деспотомъ“, т. е. или Стефаномъ Лазаревичемъ или Юріемъ Бранковичемъ, которые владѣли послѣ Ѳедора одинъ за другимъ короткое время Мукачевскимъ замкомъ; эту грамоту, до насъ не дошедшую, призналъ подложною въ 1493 году Іоаннъ Корвинъ Гуньядъ. Для А. Л. Петрова эта грамота была дѣйствительно подложная. Но внимательное чтеніе ея показываетъ, что истинною причиною нападенія на нее Іоанна Корвина было назначеніе ею православному монастырю доходовъ съ католическаго населенія: indignum et ss. patrum sancitis contrarium foret, ut christiani (католики) suas decimas schismaticis (православнымъ) dare debeant“.

А. Соболевскій.

J. T. Lubomirski: Adam Kisiel, wojewoda Kijowski. Warszawa, 1905 r.

Подъ такимъ широкимъ заглавіемъ мы предполагали встрѣтить всеисчерпывающее изслѣдованіе объ Адамѣ Киселѣ, о которомъ до сихъ поръ имѣются лишь небольшіе работы; оказалось же, что и трудъ г. Любомірскаго также небольшая брошюра, имѣющая объемъ всего въ одинъ печатный листъ. Характеристика Киселя дана авторомъ общая, поверхностная, безъ всесторонняго изученія фактовъ жизни и дѣятельности Киселя. Повидимому, автору не знакомы, кромѣ трудовъ Кулиша и Костомарова, другія работы въ русской исторической литературѣ о Киселѣ; онъ не упоминаетъ, напр., ни о работѣ И. Новицкаго (Адамъ Кисель, воевода Кіевскій), ни о работѣ проф. С. Т. Голубева (Петръ Могила митрополитъ Кіевскій); по крайней мѣрѣ взгляды и факты, заключающіеся въ этихъ работахъ, не отразились на брошюрѣ г. Любомірскаго. Послѣдній ставитъ себѣ одну цѣль—показать, что Кисель былъ преданнымъ Польшѣ человѣкомъ; но ставить себѣ такую цѣль было совершенно безполезно, потому что преданность Киселя Польшѣ никто не заподазриваетъ въ настоящее время, не считая развѣ нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, видѣвшихъ въ немъ измѣнника. Брошюра г. Любомірскаго не имѣла бы никакой научной цѣнности сама по себѣ,если бы въ ней не заключались два очень важныхъ документа: „завѣщаніе Киселя отъ 11 іюня 1621 г., составленное имъ предъ отправленіемъ на войну съ турками подъ Хотинъ и записанное въ замковыхъ Владиміро-Волынскихъ актахъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, и 2, завѣщаніе Киселя, предсмертное, отъ 1-го мая

1653 года, записанное въ Брестъ-литовскихъ актовыхъ книгахъ; но это послѣднее завѣщаніе приводится не цѣликомъ, а только конечною своею частью, такъ какъ начальная часть была напечатана раньше г. Р. Оттманомъ въ его работѣ о Киселѣ. Едва-ли нужно говорить, какъ такое дробленіе при изданіи одного и того же акта неудобно. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ при этомъ номеровъ актовыхъ книгъ, не сообщаетъ нумераціи листовъ и актовъ въ этихъ книгахъ, опускаетъ начальныя и заключительныя слова самихъ актовъ, чѣмъ и затрудняетъ провѣрку завѣщаній; исправляемъ этотъ недостатокъ относительно завѣщанія 1621 г.: оно находится въ книгѣ № 985, л. 293, актъ 294. Есть извѣстіе, что и завѣщаніе 1653 г. также было записано въ замковыхъ Владимірскихъ книгахъ Центральнаго Архива въ Кіевѣ 24 іюля 1653 года, но подъ этой датой мы его тамъ не нашли. Приведенныя завѣщанія важны тѣмъ, что пополняютъ біографію Киселя новыми точными данными, которыми авторъ не съумѣлъ или не захотѣлъ воспользоваться.

Брошюра г. Любомірскаго заканчивается описаніемъ гербовъ и памятника Киселя, съ находящейся на немъ латинской надписью. Подробная надпись указываетъ точно годъ рожденія Киселя, до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ, говоря, что онъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду 3-го мая 1653 г. Къ брошюрѣ приложены снимки гробницы и памятника Киселя; снимки эти малы и неотчетливы. Но и они для русскаго читателя не новость [1]). Такимъ образомъ то, что въ брошюрѣ г. Любомірскаго самое важное, что составляетъ всю ея цѣну, исполнено ненаучно и не даетъ основанія быть увѣрену въ точности передачи подлинниковъ.

Не касаемся оцѣнки авторомъ другихъ современниковъ Киселя, сдѣланной имъ мимоходомъ, очевидно, безъ изученія матеріаловъ эпохи Киселя.

И. Каманинъ.

---

[1]) Въ „Кіев. Старинѣ“ за апрѣль 1886 г. (стр. 827) они подробно описаны г. Е. Д—мъ и приведены всѣ надписи на нихъ.

Замѣтки о новыхъ книгахъ.

I.

Казиміръ Пуласкій давно уже извѣстенъ въ польской исторической наукѣ, какъ авторъ, посвящающій свои труды преимущественно вопросамъ, связаннымъ съ исторіей Южной Руси. Еще съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы помнимъ его статьи о Кіевскихъ воеводахъ XV и XVI вв. и о князьяхъ Вишневецкихъ. Въ 1881 г. вышла его книга: Отношенія польско-литовскаго государства къ Менгли-Гераю, хану Перекопскихъ татаръ,—гдѣ изложеніе сопровождается обширнымъ собраніемъ оправдательныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ Литовской Метрики. Двадцать лѣтъ назадъ начали появляться сборники статей г. Пуласкаго, помѣщавшихся предварительно въ разныхъ историческихъ журналахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Историческіе очерки и изслѣдованія"; въ 1887 г. вышла въ Краковѣ первая серія, въ 1898 г. въ С.-Петербургѣ—вторая и, наконецъ, въ 1906 г. опять въ Краковѣ—третья.

Третій сборникъ распадается на двѣ части; въ первой помѣщены три статьи: 1) старыя поселенія Каменецкой земли и наслѣдственно-владѣвшіе ими роды подольской историче-

ской шляхты; 2) родъ подольскихъ Кирдеевъ; 3) дѣло объ уплатѣ задержаннаго жалованія наемнымъ ротамъ при Сигизмундѣ-Августѣ. Во второй части напечатанъ рядъ подлинныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Барской конфедераціи. Наиболѣе интереса для южно-русскаго историка можетъ представить первая статья сборника, излагающая по архивнымъ документамъ ходъ заселенія мѣстности, орошаемой рр. Збручемъ, Жванчикомъ и Смотричемъ. Ряды шляхетскихъ поколѣній проходятъ передъ нами, въ кропотливомъ изложеніи автора,—воинственныхъ, отважныхъ, грудью отстаивавшихъ противъ татаръ, молдаванъ и турокъ занятые ими тучные подольскіе черноземы. Особенно привлекла насъ исторія рода Свѣрчей или Свѣрчовскихъ, о которыхъ доселѣ не было собрано никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно къ этому роду принадлежалъ тотъ соратникъ Ивони, Янъ Свѣрчовскій, котораго плохо освѣдомленные историки, по недоразумѣнію, сдѣлали малороссійскимъ козацкимъ гетманомъ. Онъ былъ однимъ изъ совладѣльцевъ имѣнія „Свѣрчковцы“ на р. Жванчикѣ, но, по обычаю многихъ подольскихъ пановъ типа Бернарда Претвича, козаковалъ, т. е. собиралъ въ степяхъ шайки разноплеменнаго сброда и во главѣ ихъ чинилъ набѣги на татарскіе, турецкіе и молдавскіе предѣлы, дабы обогатиться военною добычею. Когда, послѣ катастрофы съ Ивонею, Янъ Свѣрчовскій съ товарищами попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, то они искренно и правдиво объяснили послѣднимъ мотивы своей дѣятельности: „Мы были на родинѣ очень бѣдны, и, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, мы принуждены были отправиться въ Молдавію для того, чтобы найти славную смерть или обогатиться добычею, которая обезпечила бы наше безбѣдное существованіе на родинѣ“. Изъ разсказа Горецкаго мы знаемъ, что Янъ Свѣрчовскій былъ выкупленъ родственниками изъ турецкаго плѣна. Въ 1581—1590 гг. онъ упоминается въ галицкихъ актахъ, какъ подстароста, а потомъ какъ войскій галицкій. Послѣ него осталась дочь Катерина.

Нѣкоторые историки какъ будто досадуютъ на Горецкаго, зачѣмъ онъ называетъ участниковъ предпріятія Ивони козаками, а Свѣрчовскаго—ихъ гетманомъ, между тѣмъ какъ они были не украинскими хлопами, а польскими шляхтичами. Довольно странное неудовольствіе. Въ эпоху Горецкаго козацкимъ промысломъ въ южно-русскихъ степяхъ занимались и шляхтичи, и хлопы, и мѣщане, и бояре, и даже пришельцы изъ краевъ Московскихъ, Сербскихъ и Венгерскихъ. Развѣ могъ Горецкій предвидѣть, что когда-то явится Богданъ Хмельницкій, что козачество сольется съ крестьянствомъ, подниметъ русское знамя и сдѣлается смертельнымъ врагомъ польскихъ и туземныхъ пановъ?

Любопытно, что въ числѣ соратниковъ Яна Свѣрчовскаго въ 1574 г. находился и вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ турецкую неволю тотъ самый Янчи Бегеръ, который 16 сентября 1578 г. былъ назначенъ писаремъ сформированнаго Стефаномъ Баторіемъ козацкаго полка (notarius Nizoviorum), а лѣтомъ 1583 года былъ однимъ изъ видныхъ предводителей въ козацкомъ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинь, за что и былъ казненъ, по требованію турецкаго чауша.

Главный запасъ фактовъ дали г. Пуласкому книги Кіевскаго Центральнаго Архива, на которыя онъ и дѣлаетъ неоднократныя ссылки.

II.

Молодой польскій историкъ Вацлавъ Собѣскій, редакторъ „Архива Яна Замойскаго“, умѣетъ очень удачно выбирать темы для своихъ ученыхъ изслѣдованій. Его двѣ книги: „Вѣроисповѣдная ненависть скопищъ черни въ правленіе Сигизмунда III“ (1902 г.) и „Трибунъ шляхетскаго народа“ (1905 г.)—чрезвычайно поучительны; онѣ могли бы предостерегать вдумчивыхъ читателей отъ опасностей какъ привлеченія черни къ разрѣшенію религіозныхъ и политическихъ распрей, такъ и всеобщаго голосованія, если бы теперь

продолжали смотрѣть на исторію, какъ на учительницу народовъ, а не превратили ея въ одно изъ орудій революціонной пропаганды. Способъ изложенія у г. Собѣскаго—строго научный, выработанный въ хорошей нѣмецкой школѣ. Сборникъ „Историческихъ очерковъ“ (Szkice historyczne. Warsz. 1904) обратилъ на себя особое наше вниманіе статьею: „Первый покровитель Самозванца“ (стр. 49—103), гдѣ на основаніи неизданныхъ архивныхъ матеріаловъ рисуются первые шаги Лжедмитрія осенью 1603 г. при Брагинскомъ дворѣ князя Адама Александровича Вишневецкаго. Чтобы придать болѣе полноты своей картинѣ, авторъ изображаетъ жизненную обстановку князя Адама, мастерски чертитъ его портретъ и объясняетъ причины, почему князь Адамъ, оставаясь православнымъ, враждебно относился къ единовѣрному Борису Годунову и его правительству. Оказывается, что при заключеніи въ 1601 г. мира между Польшею и Москвою граница обоихъ государствъ отъ Чернигова до Путивля не была точно обозначена. Князья Вишневецкіе основали на спорной территоріи два городка: Прилуку на р. Удаѣ и Снѣтинъ на р. Сулѣ. Когда Борисъ Годуновъ узналъ, что князь Адамъ Александровичъ пріютилъ у себя Лжедмитрія, то онъ приказалъ воеводамъ Черниговскому и Путивльскому въ наказаніе князю за покровительство царскому врагу разорить городки подъ предлогомъ, что они поселены на Московской землѣ. Лѣтомъ 1604 г. приказаніе Годунова было исполнено, Прилука и Снѣтинъ были сожжены, а жители ихъ были умерщвлены до послѣдняго человѣка. Тогда князь Адамъ Александровичъ принялъ уже горячее участіе въ дѣлѣ Самозванца, какъ лично обиженный Годуновымъ человѣкъ. Статья г. Собѣскаго очень помогаетъ выясненію причинъ первоначальнаго успѣха Лжедмитрія у князей Вишневецкихъ и среди Днѣпровскаго козачества, но безусловно опровергаетъ возможность подготовки этого человѣка въ Польшѣ, какъ орудія польской политики.

На стр. 52—53 г. Собѣскій допускаетъ ошибку въ генеалогіи князей Вишневецкихъ: онъ смѣшиваетъ дядю Алек-

сандра Александровича съ племянникомъ Александромъ Михайловичемъ. Преемникомъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго († 1584) на Черкасскомъ старостве былъ сынъ его Александръ Михайловичъ († 1593), а не братъ Александръ Александровичъ, умершій въ 1577 г. на тридцать пятомъ году жизни и не занимавшій никакого уряда. Послѣдній былъ женатъ на княжнѣ Капуста и оставилъ отъ нея единственнаго сына, упомянутаго выше князя Адама, „перваго покровителя Самозванца“, какъ называетъ его г. Собѣскій.

III.

Въ курсахъ и сочиненіяхъ по исторіи Днѣпровскаго козачества въ число первоисточниковъ этой исторіи включается обыкновенно „Польская Хроника Мартина Бѣльскаго“. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ чистымъ недоразумѣніемъ. По всей справедливости въ рядъ важныхъ источниковъ для исторіи козачества должна быть поставлена книга: „Descriptio veteris et novae Poloniae“, 1585, составленная Сарницкимъ по матеріаламъ, собраннымъ Сѣннинскимъ. Іоакимъ Бѣльскій, сынъ Мартина Бѣльскаго, перевелъ нѣкоторые отдѣлы этой книги съ латинскаго языка на польскій, сшилъ въ одно цѣлое и въ видѣ особой главы, слѣдующей за разсказомъ о походѣ Ивони съ Свѣрчовскимъ въ Молдавію, помѣстилъ въ изданіе „Польской Хроники“ 1597 г. Хроника эта вовсе не является трудомъ Мартина Бѣльскаго. Послѣдній, издавши въ 1564 г. въ третій разъ свою „Хронику Свѣта“, по старости лѣтъ, отказался отъ занятій исторіей и въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни († 18 декабря 1575 г.) посвящалъ перо только сатирамъ. Іоакимъ Бѣльскій, унаслѣдовавшій историографическіе вкусы отца, воспользовался восьмой книгой „Хроники Свѣта“, какъ канвой, и составилъ совершенно новое сочиненіе, но приписалъ его авторство отцу и выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Ioachima Bielskiego, syna iego, wydana“. Это было сдѣ-

лано не безъ цѣли, и смыслъ поступка Іоакима Бѣльскаго теперь выясненъ. Мартинъ Бѣльскій былъ реформаторъ, и въ его „Хронику Свѣта“ проникло много мыслей и выраженій вольнодумныхъ съ точки зрѣнія правовѣрнаго католика. Іоакимъ Бѣльскій былъ искреннимъ приверженцемъ католической церкви и ревниво охранялъ ея вѣроученіе. Ему, какъ почтительному сыну, было прискорбно, что его отецъ можетъ остаться въ памяти людей еретикомъ. И вотъ, чтобы очистить имя отца отъ возможнаго обвиненія въ ереси, онъ написалъ свою „Польскую Хронику“ въ строго-католическомъ духѣ, а отца выставилъ ея авторомъ, чтобы новыя поколѣнія читателей, незнакомыя уже съ „Хроникой Свѣта“ изданія 1564 г., по новой книгѣ могли представлять себѣ Мартина Бѣльскаго добрымъ католикомъ, а не вольнодумнымъ послѣдователемъ реформаціи. Такимъ образомъ, между сказаніемъ о козакахъ въ „Польской Хроникѣ“ и личностью Мартина Бѣльскаго нѣтъ рѣшительно никакой связи; однако же имя его, какъ мы указали выше, постоянно поминается въ числѣ авторовъ, писавшихъ яко-бы о Днѣпровскомъ козачествѣ. Такое недоразумѣніе оправдывалось отчасти слабымъ изученіемъ Мартина Бѣльскаго, какъ человѣка и писателя. Теперь оно не должно болѣе имѣть мѣста, послѣ того, какъ появилось изслѣдованіе г. Игнатія Хржановскаго: „Marcin Bielski. Studyum literackie. Warszawa 1906“, въ которомъ открылась намъ полная картина жизни и литературной дѣятельности Мартина Бѣльскаго, составленная на основаніи тщательно собранныхъ и критически провѣренныхъ данныхъ. Появленіемъ этой книги мы обязаны тому возбужденію среди польскихъ ученыхъ интереса къ литературѣ XVI вѣка, которое было вызвано празднованіемъ четырехсотлѣтняго юбилея со дня рожденія Николая Рея. Для исторіи Днѣпровскаго козачества важно было бы, если бы такія же превосходныя изслѣдованія посвящены были оцѣнкѣ „Лѣтописныхъ ступеней“ Коховскаго и „Исторіи козацко-польской войны“ Грондскаго.

IV.

Кстати о Грондскомъ. До сихъ поръ біографія этого автора была темна и загадочна. Теперь г. Антонію Прохаскѣ удалось извлечь изъ архивовъ нѣкоторыя точныя о немъ свѣдѣнія (Kwartalnik historyczny 1906, стр. 498—502). Они значительно измѣняютъ то представленіе о Грондскомъ, которое сложилось подъ вліяніемъ изслѣдованія о немъ издателя его „Исторіи“ (1789), Пештскаго профессора Коппи. Оказывается, что онъ родился около 1617 г., а умеръ послѣ 1672 г., въ которомъ писалъ еще послѣднія страницы „Исторіи“; что онъ былъ не зажиточнымъ, а бѣднымъ шляхтичемъ изъ Саноцкой земли, гдѣ отецъ его Войцѣхъ (Альбертъ) Грондскій держалъ аренды, а потомъ пріобрѣлъ собственность въ с. Фалѣевкѣ, верстахъ въ 7 отъ г. Санока; что наслѣдство, полученное имъ отъ отца, имѣвшаго и другихъ дѣтей, было совершенно ничтожно; что онъ былъ женатъ на Софіи Мостовской и исповѣдовалъ лютеранскую вѣру; что, задумавъ переселиться въ Семиградье, онъ продалъ свою долю въ с. Фалѣевкѣ нѣкоему Свейковскому. Эти данныя пригодятся будущему изслѣдователю Грондскаго.

А. С.

Къ вопросу о народности македонскихъ славянъ.

1. *Проф. Іованъ Цвиичъ*, Македонскіе Славяне. Этнографическія изслѣдованія Спб. 1906. Славянская библіотека доктора философіи Ст. Шайковича. Выпускъ первый. Петроградъ 1906. Переводъ съ сербскаго изданія: Проматранья о етнографии Македонских Словена. Београд 1906.

2. *А. Иширковъ*, Цвиичовитѣ възгледи върху етнографията на Македония. София. 1906 51. (Периодическо Списание на Българското книжовно дружтво, кн. LXVII).

Въ ряду спорныхъ, непорѣшенныхъ вопросовъ славянской этнографіи, весьма видное мѣсто занимаетъ вопросъ о народности македонскихъ славянъ. Обширная литература о Македоніи, особенно умножившаяся за послѣднія десять лѣтъ со времени обостренія политическаго македонскаго вопроса, къ сожалѣнію, представляетъ очень мало трудовъ, которыя способствовали бы разрѣшенію данной этнографической проблемы. Трудность самого выясненія вопроса во всемъ его объемѣ, во всѣхъ подробностяхъ, обусловливается главнѣйше двумя обстоятельствами: во-первыхъ, недоступностью многихъ частей Македоніи для систе-

матическаго ихъ изслѣдованія иностранными этнографами и филологами, вслѣдствіе общаго анархическаго состоянія области подъ турецкимъ управленіемъ; во-вторыхъ, вліяніемъ разнородной политической агитаціи на доброкачественность этнографическихъ данныхъ, попадающихъ въ труды мѣстныхъ и иностранныхъ ученыхъ. Отсутствіе государственнаго порядка и безопасности въ Македоніи, вслѣдствіе распущенности администраціи и хроническихъ народныхъ возстаній и организованныхъ нападеній и грабежей, дѣлаетъ невозможнымъ для ученыхъ путешествіе по странѣ для производства непосредственныхъ наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же ненормальное положеніе Македоніи въ составѣ Турецкой имперіи превращаетъ эту область, имѣющую очень пестрое населеніе, въ предметъ пламенныхъ политическихъ вожделѣній разныхъ народовъ Балканскаго полуострова, стремящихся къ усиленію своего политическаго значенія и могущества. Если болгаре не могутъ разстаться съ мыслью о присоединеніи этой области, согласно постановленію Санстефанскаго договора, къ своему новооснованному княжеству, то и греки, и сербы въ силу стараго историческаго права стали заявлять свои претензіи на обладаніе ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явились мѣстные патріоты, мечтающіе о возможности для Македоніи самостоятельнаго политическаго бытія, помимо присоединенія къ одному изъ существующихъ балканскихъ государствъ. Всѣ эти политическія тенденціи въ большей или меньшей степени отражаются и въ литературѣ, посвященной изученію Македоніи въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Въ ней оказываются ученые и quasi-ученые труды, которые не только не разъясняютъ сложный и мудреный македонскій вопросъ, но вносятъ еще большую путаницу въ этнографію Македоніи. Такъ, въ однихъ изъ нихъ доказывается, что Македонія населена преимущественно греческою народностью, что наглядно иллюстрируется этнографически картами, на которыхъ славянскія поселенія изображены лишь въ видѣ небольшихъ островковъ среди сплошной массы греческаго насе-

ленія (E. Stanford, 1877). Въ другихъ настойчиво проводится мысль, что въ Македоніи нѣтъ никакихъ болгаръ и что живущіе тамъ славяне по языку, быту, народнымъ обычаямъ и историческимъ традиціямъ—настоящіе сербы, при чемъ это утвержденіе также доказывается составленіемъ этнографическихъ картъ въ духѣ пансербизма (напр., карта Гопчевича, сербской великошкольской омладины, 1891, и др.). Въ третьихъ, Македонія изображается преимущественно или исключительно болгарской страной. Наконецъ, нѣкоторые этнографы видятъ въ македонскихъ славянахъ особую самостоятельную разновидность славянства, стоящую отдѣльно отъ сербовъ и болгаръ. Какъ же разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ, взаимно исключающихъ мнѣніяхъ и утвержденіяхъ? Очевидно, что правильное рѣшеніе спорнаго этнографическаго вопроса возможно только при условіи устраненія изъ него какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Какъ при опредѣленіи территоріи, занимаемой македонскими славянами, такъ и при выясненіи особенностей ихъ языка, какъ главнаго критерія для рѣшенія вопроса объ ихъ народности, необходимо пользоваться учеными изслѣдованіями, этнографическими матеріалами и существующими этнографическими картами съ большой осторожностью, послѣ тщательной критической ихъ провѣрки. Такой методъ и примѣненъ мною при составленіи приготовляемой нынѣ къ печати подробной этнографической карты Южнаго Славянства. Къ сожалѣнію, точныхъ, надежныхъ этнографическихъ данныхъ въ обширной литературѣ о Македоніи оказывается очень мало, и вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе принятой мной на себя задачи станетъ возможно только въ будущемъ. Пока же приходится довольствоваться приблизительно вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительнаго положенія дѣла. Всестороннее обстоятельное и объективное изученіе этнографіи Македоніи на мѣстѣ не только желательно, но и необходимо. Лучше всего оно могло бы быть осуществлено посредствомъ снаряженія

ученой экспедиціи изъ выдающихся славянскихъ филологовъ и этнографовъ въ эту, все еще столь загадочную для ученаго свѣта, страну.

Доказательствомъ необходимости именно такого способа, какъ наиболѣе надежнаго, для рѣшенія вопроса о народности македонскихъ славянъ служитъ появленіе въ концѣ прошлаго года двухъ полемическихъ сочиненій по этому вопросу, отмѣченныхъ въ заголовкѣ настоящей статьи.

Авторы ихъ—серьезные ученые люди, имѣющіе право на компетентность въ обсужденіи спорнаго этнографическаго вопроса. Д-ръ Іованъ Цвиичъ, профессоръ географіи въ Бѣлградскомъ университетѣ, извѣстный цѣлымъ рядомъ капитальныхъ трудовъ по геологіи и географіи Балканскаго полуострова, между прочимъ Старой Сербіи и Македоніи,—представляетъ собой крупное имя въ наукѣ. Г. А. Ширкову, оппоненту проф. Цвиича, также принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ критическихъ работъ по антропологіи, географіи и этнографіи балканскихъ земель, особенно Болгаріи. И между тѣмъ, оба этихъ ученыхъ держатся рѣзкоразличныхъ взглядовъ на предметъ. Мнѣнія проф. Цвиича встрѣтили самую рѣзкую критику со стороны г. А. Ширкова. Въ виду авторитетности спорящихъ ученыхъ и высокой важности вопроса въ его новѣйшемъ фазисѣ не лишне отмѣтить главные пункты этого разногласія и вытекающіе изъ него выводы.

Въ 1906 г. появилось въ Бѣлградѣ вторымъ изданіемъ изслѣдованіе проф. Цвиича „Проматрања о етнографији Македонских Словена“, напечатанное раньше въ журналѣ „Дело“ (год. X, кн. 38). Оно сразу обратило на себя вниманіе серьезностью тона и новизной взглядовъ автора и вскорѣ было переведено на французскій, англійскій и нѣмецкій языки. Въ томъ же 1906 г. оно было издано и по-русски г. Ив. Ст. Шайковичемъ съ разными дополненіями, между прочимъ, взятыми изъ другого сочиненія проф. Цвиича „Географски положај Македоније и Старе Србије“. Изу-

чивъ македонскій вопросъ не только по книгамъ и этнографическимъ картамъ, но и непосредственно на мѣстѣ во время своихъ путешествій по Македоніи, авторъ пришелъ къ слѣдующимъ любопытнымъ выводамъ:

1. Распространенное теперь представленіе о территоріи Македоніи не точно: Скопская и Тетовская области принадлежатъ Старой Сербіи.

2. Народная масса македонскихъ славянъ не имѣетъ опредѣленной національной окраски и чувства народнаго самосознанія ни сербскаго, ни болгарскаго, хотя и считаетъ себя близкой къ тому и другому народу.

3. Имя „болгаринъ“ (бугаринъ), которымъ македонскіе славяне почти всегда себя называютъ—не національное имя и этнически не обозначаетъ болгарина.

4. Иностранныя—нѣмецкія, французскія, англійскія и другія этнографическія карты Македоніи разцвѣчены не на основаніи этнографическихъ, діалектологическихъ и лингвистическихъ (Sprachkarte) данныхъ, а исключительно на основаніи ошибочно понятаго имени „болгаринъ“, которымъ такъ часто называютъ себя македонскіе славяне.

5. Всѣ извѣстныя статистическія таблицы, представляющія распредѣленіе живущихъ въ Македоніи народностей—или не точны, или же совершенно не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Разбирая эти положенія, которыя проф. Цвиичъ развиваетъ и обосновываетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ, не трудно замѣтить, что они направлены главнѣйше на разрушеніе нѣкоторыхъ распространенныхъ представленій объ этнографическихъ отношеніяхъ въ Македоніи, но отнюдь не даютъ сколько-нибудь яснаго рѣшенія спорной этнографической проблемы. Авторъ ограничивается утвержденіемъ, что македонскіе славяне сами по себѣ ни сербы, ни болгаре: они очень близки къ тѣмъ и другимъ, но не имѣютъ врожденнаго національнаго самосознанія и особаго народнаго имени. Отсюда можно было бы заключать, что

сербскій ученый считаетъ македонскихъ славянъ за особую самостоятельную разновидность славянства, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ (Драгановъ, Мисирковъ); но такой мысли въ своемъ сочиненіи онъ не развиваетъ и даже относится несочувственно къ попыткѣ обозначить на одной изъ картъ, изданныхъ С.-Петербургскимъ Славянскимъ Обществомъ, славянское населеніе Македоніи особой краской, не сербской и не болгарской; читателю предоставляется самому сдѣлать общій выводъ изъ всей аргументаціи проф. Цвиича. Повидимому, онъ таковъ: въ македонскихъ славянахъ нельзя видѣть исключительно разновидность болгарскаго народа; часть ихъ, обитающая въ Скопской и Тетовской областяхъ, можетъ быть правильнѣе причислена къ сербской народности.

А. Иширковъ съ неменьшей эрудиціей и острой критикой оспариваетъ всѣ эти положенія и выводы проф. Цвиича. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ основанія относить Скопскую и Тетовскую области къ Старой Сербіи, такъ какъ и раньше XIX в., вопреки мнѣнію Цвиича, эти земли входили въ объемъ географическаго термина Македоніи. Затѣмъ онъ стоитъ на томъ, что большей части македонскихъ славянъ ясно присуще болгарское народное сознаніе, и что употребляемое въ Македоніи имя „болгаринъ“ (бугаринъ) имѣетъ національное, этнографическое значеніе, усвоенное македонскими славянами съ эпохи царя Симеона. Наконецъ, онъ категорически заявляетъ, что въ македонскихъ славянахъ слѣдуетъ видѣть представителей только болгарской народности и толкуетъ изложенныя мнѣнія проф. Цвиича, какъ отраженіе распространеннаго въ новѣйшее время въ политическихъ кругахъ Сербіи и въ части сербской политической печати взгляда на необходимость соглашенія съ Болгаріей въ вопросѣ о раздѣлѣ политическаго вліянія въ Македоніи.

Спрашивается, гдѣ же болѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса: въ изслѣдованіи ли сербскаго профессора, или въ критической статьѣ его противника, болгар-

скаго ученаго. На это можно сказать, на мой взглядъ, одно: въ той и другой работѣ находятся болѣе или менѣе цѣнные факты, мысли и замѣчанія; но въ цѣломъ ни одна не даетъ отвѣта, на которомъ можно было бы успокоиться: въ каждой изъ нихъ въ извѣстной степени проглядываетъ та или иная политическая тенденція. Г. Ширковъ старается угадать и выяснить ее въ работѣ проф. Цвиича и въ то же время самъ обнаруживаетъ свои политическія симпатіи, набрасывающія нѣкоторую тѣнь на объективность его изложенія. Для существа дѣла, по-моему, не имѣетъ никакого значенія споръ о томъ, входили ли когда-нибудь и должны ли входить теперь Скопская и Тетовская области въ географическій терминъ Старой Сербіи, или же эти земли всегда составляли часть Македоніи, такъ какъ оба эти географическихъ названія въ разное время въ разныхъ источникахъ несомнѣнно имѣли различную растяжимость и во всякомъ случаѣ не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ этнографическому разграниченію славянскихъ народовъ. Мудрено, мнѣ кажется, говорить и о безспорно-болгарскомъ національномъ сознаніи у всей массы славянскаго населенія Македоніи. Но, съ другой стороны, едвали можно умалять значеніе факта широкаго распространенія въ Македоніи имени „болгаръ“ (бугаръ). Центръ тяжести, при рѣшеніи вопроса, все-таки заключается въ языкѣ македонскихъ славянъ, или точнѣе въ ихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ говорахъ. Но изслѣдованіе этой стороны дѣла далеко еще не точно и не закончено. Существующія данныя позволяютъ, повидимому, сдѣлать заключеніе, что славянскіе обитатели Скопской и Тетовской областей говорятъ языкомъ, болѣе близкимъ къ сербскому, хотя и представляющимъ не мало болгаризмовъ. Не слѣдуетъ ли ихъ отнести къ сербской народности? Славянское населеніе средней и южной Македоніи, на мой взглядъ, какъ и многихъ другихъ ученыхъ, можно относить только къ болгарской народности. Существованіе какой-то третьей народности, не сербской и не болгарской, представляется мнѣ невѣроятнымъ. Все это можетъ

окончательно выяснить и установить спеціальная ученая экспедиція, снаряженіе которой представляется дѣломъ неотложнымъ не только въ интересахъ науки, но и самихъ соперничающихъ между собой южно-славянскихъ народовъ.

Т. Флоринскій.

Отдѣлъ V.

СМѢСЬ.

Библіографическій вопросъ.

А. С. Крыловскій въ числѣ документовъ Львовскаго братства издалъ опись имущества Успенской церкви этого братства 1637 г. (*Архивъ Юго-Западной Россіи,* ч. I, т. X, № 76). Здѣсь, между книгами, значится двѣ такихъ, которыя пока неизвѣстны въ библіографіи. Это:

1) Учительное Евангеліе *Стрятинской печати* („Евангеліе Учительное. Евангеліе Учительное Крылоское. Евангеліе Учительное друку Стрятинскаго. Евангеліе учительное другое друкованое. Евангеліе Учительное Виленскаго друку. Евангеліе Учительное Кириловаго прекладаня"), стр. 159, и

2) Служебникъ *Стрятинской печати* въ 8⁰ („два служебники друку Стрятинскаго, in quarto, а другій in octavo"), стр. 161.

Стрятинская типографія Ѳедора Балабана начала дѣйствовать ок. 1604 г., когда вышелъ въ свѣтъ ея Служебникъ in 4⁰ (*Каратаевъ*, № 175). Ея дѣятельность закончилась около 1616 г., когда умеръ Балабанъ и типографскія принадлежности были куплены Кіево-Печерской Лаврой (*Голубевъ*, Петръ Могила, I, стр. 387). Библіографія знаетъ лишь двѣ книги несомнѣнно Стрятинской печати (*Каратаевъ*, № 175, Служебникъ 1604 г., № 182, Молитвенникъ въ 4⁰, 1606 г.).

Сопиковъ указываетъ на двѣ книги, напечатанныя въ *Могилевѣ*: 1) Учительное Евангеліе, 1619 г., въ листъ (*Кара-*

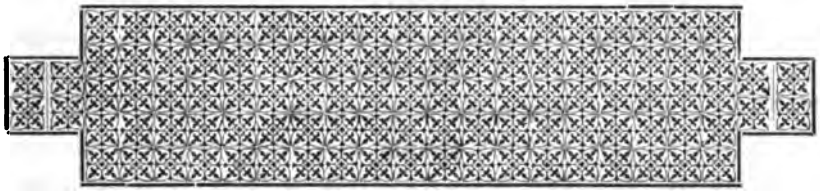
таевъ, № 250), и 2) Служебникъ, 1616 г., въ 4⁰ (*Каратаевъ*, № 227), до сихъ поръ въ подлинникахъ никѣмъ невидѣнныя [1]). Существованіе въ Могилевѣ въ началѣ XVII в. типографіи—фактъ болѣе чѣмъ подозрительный. Неточность показаній Сопикова хорошо извѣстна.

Не эти ли книги имѣются въ виду Львовской описью?

А. Соболевскій.

---

[1]) Хлудовскій каталогъ, № 63, имѣетъ „Служебникъ безъ выхода",— по *предположенію* А. Н. Попова, Могилевской печати.



Грамматика І. Ужевича.

Парижская Національная Библіотека между латинскими рукописями имѣетъ небольшую, въ 71 листъ, тетрадь (№ 7568 in 4 [1]), представляющую для насъ нѣкоторый интересъ [2]).

Это — грамматика юго-западно-русскаго литературнаго языка XVII вѣка, той смѣси бѣлорусскаго и польскаго языковъ, на которой писались въ XVI вѣкѣ въ литовско-русскомъ государствѣ документы, а въ XVII въ Южной Руси литературныя произведенія. Старая Москва знала этотъ языкъ подъ именемъ „бѣлорусскаго". Авторъ грамматики — *Іоаннъ Ужевичъ*, студентъ Парижской Сорбонны, родомъ, повидимому, изъ Галиціи.

Заглавіе ея таково:

Граматыка
Словенская
написáна

презъ Іоанна Ужевича словянина, славной Академіи Парискои в теологіи студента

---

[1]) Эта рукопись описана *Мартыновымъ* въ его „Les manuscrits slaves de la Bibliothèque imperiale de Paris (Paris, 1858), стр. 36—38. Здѣсь упомянуто, что Копитаръ и Добровскій знали эту грамматику; здѣсь же напечатана цѣликомъ и приводимая нами ниже латинская „эпиграмма" автора.

[2]) Извлеченіями изъ рукописи мы обязаны *А. Т. Малеину*.

в Парижу,
року отъ нарожéнія Сына Божого
АХМГ
Grammatica sclavonica
scripta
per Ioannem Usevtcium Sclavonum celeberrimae Academiae Parisiensis studiosum teologum
Parisiis
Anno a Navitate Filii Dei 1643.

Слѣдуетъ Alphabetum sclavonicum, сначала большія буквы, съ замѣчаніемъ: Talibus characteribus Sclavonum Typographi in imprimendis libris utuntur; alius est apud eos amanuensinm character, quo solent epistolas chirographos, privilegia aliaque complurima ex tempore manuscribere, quem characterem taliter infra expressum habes,—затѣмъ малыя буквы.

На листахъ 3—4 склады и образцы чтенія безъ титлъ и съ титлами, взятые изъ молитвъ и богослужебныхъ возгласовъ.

На листѣ 5 названія буквъ: азъ, буки и т. д.

На листахъ 5 об.—8 Commentarius litterarum, гдѣ авторъ останавливается на различіи *и* и *й* и на придыханіяхъ, если слово начинается гласною буквой. Буквы *ъ* и *ь* онъ считаетъ гласными звуками.

Далѣе начинается глава о согласныхъ, съ такимъ замѣчаніемъ: Plurimi grammaticorum longas solent de consonantibus (ut in unaquaque lingua pronunciationis varietas requirit) texere commentationes, dum hanc consonantem ore aperto, illa allisa palato lingua vel parum déductis dentibus proferendam docent; quod sane cum sit docentibus operosum, ego dispendium temporis et laboris in sclavonica literarnm pronunciatione plane frustranei *studiosis* nolens facessere, omnes consonantes et vocales ut in eorum charasteristica delineatione videre licet, partim denique gallicarum prolatione syllabarum, quantnm fieri potuit, expressi. Commodum tamen esset cum aliquo recte pronuntiationem sclavonicam callente huius rei gratia conversari.

Склоненія начинаются склоненіемъ прилагательныхъ именъ. Образцы *небесный* и *сладкій*. Указываются также *паньскій* dominicus, *пекелный* infernalis и др.

Изъ склоненій существительныхъ въ первомъ склоненіи склоняется *староста*, съ замѣчаніемъ объ род. мн. словъ на *нна, мка, тка, пха, ска, шка, рка*, (*влошка* itala, *панна* virgo) и объ дат. ед. словъ на *ка* (*звлока* procrastinatio).

Во второмъ склоненіи склоняются *панъ* и *боз'ство, хвописко* crassus vir и *кіиско* baculus magnus; множ. ч. *телячка*, съ замѣчаніями о формахъ словъ на *къ, хъ, жъ*, о вин. п. словъ, означающихъ неодушевленные предметы, о зват. словъ на *ецъ*, о множ. ч. словъ *охо* и *ухо*, о род. ед. словъ на *енъ ецъ, елъ, екъ, окъ*, пропускающихъ *е, о* (исключенія; *рокъ, смокъ, жадлокъ, чловѣкъ, мрокъ* и др.)

Въ третьемъ склоненіи имѣются въ виду слова на *ь* и *и* contractum муж. р. и на *е* и *я* средн. р.: *камень, густай, збавене, теля*. Между исключеніями приводится нѣсколько словъ, пропускающихъ *е*: *пень, день*. Рекомендуется замѣтить множ. ч. отъ словъ *теля* и т. п. Къ этому склоненію не принадлежатъ слова женск. р., какъ *кухня, стайня, воловня* и слова средняго рода на *ое: мостовое* telonium.

Къ четвертому склоненію существительныхъ отнесены слова женск. р. въ родѣ *пѣснь* и *лазня* и тѣ слова на *ъ*, которыя женск. р.: *моцъ, пѣчъ, тваръ* и др.

Слѣдуетъ глава de comparatione. Какъ примѣръ правильныхъ степеней сравненія приводится *зацный, зацнейшій, найзнацнейшій*. Въ tabula irregularis значатся: *добрый, лѣпший, наилѣпший; злый, горший, найгорший; великій, болшій, наиболший*.

Затѣмъ рѣчь идетъ de casibus nominum vagabundis. Sclavonica lingua, говоритъ авторъ, casus quosdam habet vagabundos, idest ad nullum ex 6 consuetis pertinentes, qui casus cum per se solitarie nunquam in oratione vim habeant (quia scilicet nec voce, nec significatione tenus perfecti essent), cum praepositionibus istis *при* penes, *на* supra, *в* in, positi plenam sortiuntur significationem. Porro recordandum vagabundos ha-

bere locum in substantivis nominibus tantum. Adjectiva illos non agnoscunt, verum cum praedictis praepositionibus ablativums ingularem et genitivum pluralem adhibent: *в зацнымъ* in honesto. Изъ этихъ словъ можно видѣть, что Ужевичъ не сумѣлъ справитьсѧ съ мѣстнымъ пад. и какъ филологъ оказался много ниже своего современника Мелетія Смотрицкаго.

Приведеннаго достаточно, кажется, для того, чтобы имѣть понятіе о трудѣ Ужевича. Можно добавить, что авторъ говоритъ о всѣхъ частяхъ рѣчи (между прочимъ объ ихъ синтаксическомъ употребленіи), часто имѣетъ въ виду тѣ слова юго-западно-русскаго литературнаго языка XVII в., которыя перешли въ него изъ польскаго, въ родѣ *ктоколвекъ, жаденъ* nullus, *пановати*.

Но едва ли лишнее привести нѣсколько мелкихъ подробностей, въ томъ или другомъ отношеніи интересныхъ.

Мѣстоимѣніе quid имѣетъ у автора двѣ формы: *що* и *што*. Существительный глаголъ sum звучитъ *естемъ*. Прошедшее время Poloni cum Ruthenis habent idem ut *писалемъ*: nonnuli tamen Rutheni parum variant, dum dicunt *писавъемъ*, *писавемъ*. Форма 3 л. ед. существительнаго глагола иногда является въ видѣ *ести*: Генрикъ четвертый *ести* кролемъ во Франціи, панъ *ести* въ соболяхъ (л. 60). Одинъ разъ авторъ указываетъ, какъ произносятъ Bohaemi et Moravi (л. 43 об.). Не разъ онъ отличаетъ собственно литературный языкъ отъ sacra lingua.

Въ заключеніе (л. 70) помѣщается

Epigramma ad librum.

Qui nnnquam patriis tali conspectus in oris
Ordine, clausisti sclavica verba, liber;
Lutetiae prodis calamo cum partus in auras,
Patroniqne sinum gratificantis adis.
Ubere quem Pallas sacro lactavit abunde
Pyeridumque chori censuit esse decus,
Non autore magis quam tu laetare patrono.
Fautor erat, speres hunc fore praesidium.

Ioannes Ugevicius Sclavonus, sacrae
theolo. studioso.

Рукопись оканчивается (л. 71) нѣсколькими славянскими церковными пѣснями въ обычномъ текстѣ.

А. Соболевскій.

Конецъ Кіевскихъ календарей.

Въ XV-мъ томѣ „Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода“, изложено содержаніе дѣла, рѣшеннаго 6 октября 1735 года (стр. 490); лицо, возбудившее его, не указано; но трудно сомнѣваться, что имъ былъ старшій членъ Синода Ѳеофанъ Прокоповичъ, не любившій и вообще духовенство, и въ особенности Кіевское.

Синодъ имѣлъ разсужденіе о календаряхъ, или мѣсяцесловахъ, каковые Кіево-Печерская обитель, переводя „съ польскихъ календаришковъ, издаетъ типомъ на россійскомъ діалектѣ съ прогностики или примѣчаніями о полезныхъ и неполезныхъ ко всякому начинанію и дѣланію дняхъ и о прочемъ чрезъ червленые и черные аспекты изображаемыми“. Онъ нашелъ, что отъ этой „непристойной публики“ (т. е. публикаціи, изданія) „конечное происходитъ нареканіе и безславіе“, и приказалъ въ календаряхъ „непристойныхъ весьма суетныхъ астрологическихъ примѣчаній, такоже безбожныхъ и богопротивныхъ прогностиковъ отнюдь не печатать“, подъ угрозой нещаднаго штрафованія.

Архимандритъ Кіево-Печерской обители Романъ оправдывался, во 1-хъ, обычаемъ: „издавна увелося въ обычай

печатать календари, переводя съ польскаго діалекта на русскій", и, во 2-хъ,—слабымъ распространеніемъ календарей: „они мало въ продажѣ, а больше въ гостинецъ расходятся"; почему бывшій архимандритъ даже хотѣлъ прекратить ихъ изданіе; „но губернаторы кіевскіе и гетманы таковыхъ переводныхъ календарей домогалися, чего ради печатаніе и не оставлялось".

Синодъ вытребовалъ изъ Кіева оригиналъ календаря на 1735 г.; имъ оказался польскій календарь Невескаго.

Такъ кончились Кіевскіе календари. Когда вышелъ первый изъ нихъ, мы не знаемъ. Едва-ли это было еще не въ XVII в. Первый извѣстный библіографамъ Кіевскій календарь—на 1714 г. (*Пекарскій*, № 232). Пекарскій говоритъ, что онъ—„сколокъ съ Московскихъ изданій подобнаго рода"; но скорѣе наоборотъ—Московскіе календари воспользовались какъ образцомъ своими Кіевскими собратьями. Далѣе указываются Кіевскіе календари на 1717, 1721, 1722, 1728, 1729, 1730, 1733, 1734 и 1735 г.г. Ясно, что Печерская лавра смотрѣла на изданіе календарей, какъ на доходную статью (о распространеніи Московскихъ календарей въ началѣ XVII в. см. *Пекарскаго*, II, стр. 648), и, повторяя лучшій польскій календарь, не вникала въ смыслъ и значеніе астрологическихъ предсказаній и т. п. завѣдомаго вздора.

А. Соболевскій.

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ КНИГА АЗОВСКАГО ПРЕДТЕЧЕВА МОНАСТЫРЯ, 1699—1701 ГГ.

(Къ характеристикѣ монастырскаго быта).

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся приходо-расходныя книги мужскаго Предтечева монастыря вь г. Азовѣ, за 1699—1701 гг. (*Разряднаго* приказа *Денежнаго* стола книга (вязка) 87, лл. 300—428). Сухія и скучныя на первый взглядъ цифровыя данныя этихъ книгъ, при нѣкоторомъ сопоставленіи и группировкѣ очень наглядно и фактически рисуютъ многія стороны тогдашняго и монастырскаго, и мірского быта. Главный предметъ этихъ документовъ—отчеты какъ о тѣхъ средствахъ къ жизни, какія добывалъ монастырь отъ своей церковной, хозяйственной и торговой дѣятельности, такъ и о расходованіи этихъ средствъ на разныя монастырскія потребы. Но, помимо этого предмета, книги даютъ свѣдѣнія о количествѣ и составѣ братіи, о положеніи монастырскихъ работныхъ людей, о монастырскихъ вотчинахъ, разныхъ оброчныхъ статьяхъ и проч. Важны указанія цѣнъ различныхъ предметовъ, стоимости нѣкоторыхъ работъ и т. п. Любопытны расходы на поѣздки

монастырскихъ властей въ Москву, въ Царицынъ за солью и др.

Всѣ эти свѣдѣнія, рисующія бытъ южно-русскаго монастыря и отчасти населенія въ эпоху Петра Великаго, тѣмъ цѣнны, что касаются небольшаго городка и незначительной окраинной обители, просуществовавшей недолго. Какъ извѣстно [1]), Азовскій Предтечевъ монастырь основанъ въ 1696 г., въ память найденнаго въ Азовѣ, при взятіи его русскими войсками въ томъ же году, образа Ивана Предтечи. Монастырь просуществовалъ до 1719 г., когда по Прутскому договору Азовъ возвращенъ туркамъ. Тогда монастырь переведенъ въ Донецкую станицу, въ упраздненную Пронинскую пустынь, и сталъ называться *Донецкимъ Предтечевскимъ* монастыремъ (въ 25 в. отъ г. Богучара, Воронежской губ.).

I.

Отношенія монастыря къ Разрядному приказу.—Кормленіе воеводъ.—„Книги приходныя“ и „книги расходныя“.—Казначеи.—Монастырская „казна“ и ревизіи ея.—Расходы на „письмо“.

Приходо-расходныя книги Азовскаго монастыря очутились въ архивѣ Разряднаго приказа, такъ какъ послѣдній, какъ извѣстно [2]), спеціально завѣдывалъ Азовомъ и другими новозавоеванными мѣстностями. Зависимость монастыря отъ Разряда подтверждается и нѣкоторыми данными разсматриваемыхъ книгъ, которыя обязательно представлялись казначеями въ приказную палату Азовскихъ воеводъ, какъ говоритъ заглавіе одной книги: „Тетрадь записная Предтечева монастыря приходу и расходу, учинена послѣ взятья прежнихъ приходныхъ и расходныхъ книгъ, что тѣ книги взяты въ приказную полату декабря въ 3-мъ числѣ нынѣшнего 1701 году“ (л. 422). О той же зависимости сви-

[1]) См. у *Амвросія:* „Ист. Росс. Іерархіи“, III, 71—73; IV, 52—55; у *Раушина:* „Полн. собр. ист. свѣд. о монаст. и церквахъ“, 90, 92

[2]) *П. И. Иванова:* „Опис. Госуд. Разр. Архива“, 11.

дѣтельствуютъ и такіе факты, какъ полученіе монастыремъ государева жалованья изъ той же воеводской приказной палаты; напр.: 7 октября 1699 г. принято „изъ приказныя палаты жалованныхъ денегъ на братью", на 208 годъ, 30 рублей (л. 331) и т. д., или выдача палатою денегъ на ремонтъ монастырскихъ зданій, напр.: получено изъ палаты 8 р. 10 алтынъ на покупку стеколъ, и „на обойку церковныхъ и трапезныхъ дверей и оконъ, на покупку полстей и волоковъ, и ремней, и гвоздей" (л. 339 обор.) и т. п.

О томъ же, наконецъ, говорятъ многочисленныя записи о расходахъ на „кормленіе" воеводъ и другихъ свѣтскихъ властей, ихъ прислуги и проч.; напр. съ сентября 1699 г. встрѣчаемъ слѣдующіе расходы по этому предмету: „дано боярскимъ поваромъ" 6 алтынъ 4 деньги (л. 344 об.); на 4 алтына куплено меду „про боярина" (л. 350); 1 рубль за 3 бѣлуги и 2 севрюги, купленныя для подносу новому воеводѣ съ товарищи" (л. 359); за 12 алт. 2 деньги „куплена бѣлуга въ подношеніе къ думному" (дворянину, воеводѣ), 3 декабря 1700 г. (л. 361), а 26 декабря „куплено въ подносъ думному" же 3 стерляди за 3 алтына (л. 362 об.). Въ январѣ 1701 г. на 8 денегъ куплено „про воеводъ яблокъ" (л. 397 об.). Въ февралѣ куплена за 1 р. кипарисная доска для иконы „въ подносъ думному дворянину и воеводѣ Стефану Богдановичу" (л. 401). Въ апрѣлѣ „рыбы куплено для готовленья про воеводу, *къ званію* (т. е. къ зову, приглашенію) покушать, на 40 алтынъ" (л. 406 об.) и т. д.

Всего за $2^1/_3$ года сохранилось 5 приходныхъ книгъ, 7 расходныхъ и 1 приходо-расходная. Первыя носятъ такія заглавія: „208 году, сентября съ 2 числа, книга приходная монастыря Іоанна Предтечи казначея..." (л. 330), „города Азова Предтечева монастыря казначея старца Герасима книга приходная" (л. 332) и т. д. (лл. 371 об., 375 и 383). Заглавія вторыхъ; „208 году, сентября съ 1-го числа, книги росходныя (л. 344) и т. д. (лл. 347, 360, 364, 368 об., 372 и 396). Приходо расходная книга называется—„Тетрадь приходу и росходу деньгамъ" (л. 421), 1701.

Въ концѣ каждой книги приводятся книги прихода или расхода, или того и другого вмѣстѣ, за извѣстный періодъ времени; напр. во 2-й приходной книгѣ находимъ итоги прихода и расхода, хотя записей послѣдняго и нѣтъ въ самой книгѣ, именно, съ 25 октября 1699 г. до 1 генваря 1701 г. было въ приходѣ 700 р. 25 алтынъ, да 19 золотыхъ, 25 ефимковъ. 1 талеръ. Въ расходѣ за то же время: 427 р. 13 алт., 2 золотыхъ, 10 ефимковъ (л. 343). Итогъ расхода взятъ изъ соотвѣтствующей расходной книги (л. 363 об.).

Монастырскою казною завѣдывалъ въ описываемое время казначей старецъ Герасимъ *Ясаковъ* (лл. 332, 396 и др.). Кромѣ того, нѣкоторыя книги (лл. 368 об., 371 об., 372) составлены чернымъ попомъ *Павломъ*, исполнявшимъ спеціальныя финансовыя порученія монастыря.

Въ началѣ приходной книги 1701 г. находимъ любопытный перечень наличной монастырской „казны", которую составляли не одни деньги (русскія и иностранныя), но и разныя цѣнныя вещи (лл. 383—384). Къ 1 генваря состояло въ казнѣ: остатокъ отъ 1700 г.—272 р., *„золоченыхъ копѣекъ"* на 3 алтына 4 деньги, 17 „червонныхъ золотыхъ", 15 ефимковъ, 10 талеровъ, 1 *„двугрошевикъ съ личиною"*, 1 чехъ, турецкихъ денегъ на 4 алт. 2 деньги. Вещи въ казнѣ: 9 крестовъ, кокошникъ и „ожерелейцо" жемчужные, серебряныя серьги „лапчатыя" съ жемчугомъ, серебряный разный ломъ, „ползерна жемчюжные большой руки", *„костикъ* шолковой съ золотомъ", 1 бобръ, „двои копканы", 2 пуда воска. Кромѣ того, на мѣстной иконѣ Ивана Предтечи 3 червонныхъ золотыхъ и 2 креста, а на другой иконѣ его же, въ трапезной, 1 крестъ и 15 алтынъ денегъ. Все это были вклады жертвователей. Въ монастырской же казнѣ хранились—„великого государя жалованная грамота, и всякія крѣпости, и письма" (л. 384 об.).

Ревизія монастырской казны производилась очень часто, вѣроятно архимандритомъ съ старшей братіей, и съ казначея взыскивались всѣ недочеты. Такъ, въ вышеупомянутой 2-й приходной книгѣ, въ итогахъ ея замѣчено: „и противъ

приходу въ расходѣ у него казначея не явилось денегъ по счоту налицо рубль 12 алтынъ, и тѣ начотные деньги велѣно у него вычесть изъ зажилого жалованья" (л. 343). Точно также происходила ревизія по финансовымъ операціямъ (покупка соли, товаровъ и проч.) чернаго попа Павла, напр.: „книги приходные и росходные, каковы подалъ черной попъ Павелъ, руки своей, къ счотному дѣлу, и противъ сихъ книгъ о всемъ учинена счотная выписка" (л. 368). За разными расходами у Павла оказался недочетъ въ 10 р. 13 алт., кои велѣно „доправить" на немъ (л. 377), а по другому недочету его—удержать въ казнѣ заслуженное его жалованье (л. 378 об.).

На веденіе казначейскихъ книгъ и вообще „на письмо", т. е. на монастырское дѣлопроизводство, покупалась бумага и велись другіе расходы. О покупкѣ бумаги чаще встрѣчаются такія неопредѣленныя записи: за бумагу дано 10 денегъ, куплено бумаги на 4 деньги и т. п. Но иногда опредѣляется и количество купленной бумаги, напр.: за десть дано 2 алтына (л. 349 об.) и т. д.

Были расходы и на гербовую бумагу: куплено „бумаги ербовой" на 6 ден. (л. 355), „бумаги за орломъ, на челобитныя и на выписки, что о жалованью денежномъ и хлѣбномъ, на 2 алтына" (л. 396 обор.) и т. п.

„Письмо" („писма") вели какъ братія (казначей Герасимъ, черной попъ Павелъ и др.) и монастырскіе „трудники" (см. II главу), такъ и вольнонаемныя лица, работавшія издѣльно, напр.: „дано отъ писма, что писалъ (кто именно—не сказано) списки, 4 деньги" (л. 348). Но болѣе важные монастырскіе акты составлялись подьячими Азовскаго воеводскаго управленія, за что имъ полагалась плата, напр.: „дано подьячему отъ дѣла 18 алт. 2 ден." (л. 351). По случаю покупки бумаги на какую-то „выпись" замѣчено, что прежняя бумага у подьячаго утерялась" (л. 361 об.).

II.

Братія: настоятель, уставщикъ, черные попы и дьяконы, старцы.—Пѣвчіе, дьячки, пономари.—Жалованье братіи.—Монастырскіе дѣловые и работные люди: „стряпчій", „слуги", повара, „трудники, работники и робята".— „Трудницы".—Жалованье и содержаніе рабочихъ.

По количеству братіи Азовскій Предтечевъ монастырь былъ очень незначителенъ: въ 1699—1701 гг. число ея не доходило и до 20 человѣкъ. За этотъ періодъ настоятелемъ его былъ архимандритъ *Іоасафъ*. Вторыми послѣ него лицами были—*уставщикъ* изъ черныхъ поповъ и казначей изъ старцовъ (рядовыхъ монаховъ). Объ уставщикѣ читаемъ въ одной записи расходной книги 1701 г.: 17 декабря „дано по приказу архимандрита Іоасафа *и по совѣту братіи* священноіеромонаху *Герману,* къ прежнему заслуженному жалованью къ 6 рублямъ еще въ прибавокъ рубль, для того что онъ нынѣ одинъ священникъ, да онъ же уставщикъ" (л. 426 об.). Другой іеромонахъ былъ отправленъ по дѣламъ въ Москву (л. 424).

Раньше, въ 1699 и 1700 гг., въ монастырѣ было по 3 черныхъ попа. Черныхъ дьяконовъ все время было по 2 человѣка. Всего больше было старцовъ, и число ихъ понемногу росло: въ 1699 г. 7, въ 1700 г. 8, въ 1701 г. 9 человѣкъ. Кромѣ казначея, изъ старцовъ было двое *крылошанъ:* одинъ завѣдывалъ часовнею въ Азовѣ, другой—часовнею въ Таганрогѣ, третій ходилъ тамъ по сбору денегъ, нѣкоторые вѣдали разныя отрасли монастырскаго хозяйства и исполняли разныя временныя послушанія.

Упоминаемые въ книгахъ церковнослужители—*пѣвчіе, дьячки* и *пономарь*—не принадлежали къ старцамъ, т. е. были не монахами, а по современной терминологіи „послушниками". Объ особыхъ пѣвчихъ довольно глухо говоритъ одна запись 1701 г.: въ апрѣлѣ, въ г. Черкасскомъ куплены „двое сапоги пѣвчимъ", за 22 алт. 4 ден., да имъ же 20 аршинъ 6 вершковъ „2 суконца тонинькихъ сѣрыхъ", за 27 алтынъ (л. 405 об.).

Дьякамъ же и пономарю выдавалось жалованье: въ августѣ 1701 г. выдано дьячку Никитѣ Иванову 25 алт. за 3 мѣсяца, а другому, принятому съ іюля, ничего не дано. Тогда же дано по 1 рублю 2 *„робятамъ“*—„за то что они трудятся въ церкви обще съ дьячками, да онижъ посылаются во всякіе посылки“ (л. 413). Въ декабрѣ выдано жалованья одному дьячку 1½ р., другому полтина, пономарю 1 р. (л. 425), о „робятахъ“ же не упоминается болѣе.

Жалованье получала и вся братія. Такъ, 22 октября 1699 г. выдано за этотъ годъ „государева жалованья“: архимандриту Іоасафу за годъ 6 р., черному попу за полгода 1½ р., казначею старцу Герасиму за годъ 3 р., другому черному попу за 5 мѣсяцевъ 40 алт. 10 денегъ, третьему за 4 мѣсяца 1 р., черному дьякону за полгода 1½ р., 2 старцамъ за годъ по 3 р., 2 старцамъ за полгода по 1½ р., одному старцу за полгода 1 р. и 2 старцамъ за годъ по 1½ р. (лл. 345 об.—346).

Позже жалованье было значительно увеличено: въ августѣ 1701 г. выдано архимандриту за 1-е полугодіе 6 р., іеромонаху 3 р., другому за 3 мѣсяца 1½ р., казначею за полгода 3½ р., одному старцу 3 р., 2 іеродіаконамъ по 2½ р., 3 старцамъ по 2 р. (л. 412).

Старцу Іоанну не было дачи, „для того что онъ удержалъ у себя сборныхъ часовенныхъ денегъ 17 алтынъ, а въ казну не отдалъ, и тѣ деньги ему зачтены въ то заслуженное жалованье“. Не было дачи и старцу Филарету, потому что онъ находился на сборѣ денегъ въ Таганрогѣ (ibid.). Въ декабрьской выдачѣ жалованья отмѣчено, что тому же старцу Іоанну жалованье не выдано, „а велѣно ему давать казенное платье, потому что онъ въ службу ни въ какую не годится“ (л. 425 об.).

Подобные случаи удержанія жалованья бывали нерѣдко; напр., въ генварѣ 1701 г. не дано жалованье іеродіакону Алексѣю, „для того что онъ во время посылки своей (въ монастырскія вотчины) исхарчилъ то свое заслуженное жалованье изъ вотчинныхъ денегъ“ (л. 397 об.). Въ 1700 г. изъ

заслуженнаго жалованья умершаго іеродіакона Іоны 1 р. выданъ въ уплату его долга кому-то, „полтина дана ему на Москвѣ, а рухледь его взята въ казну“ (л. 358), очевидно монастырскую.

Гораздо многочисленнѣе братіи былъ состáвъ монастырскихъ дѣловыхъ и работныхъ людей, доходившихъ до 50 человѣкъ, съ „бабами и робятами“ (также работавшими на монастырь) вмѣстѣ.

Во главѣ ихъ стоялъ „монастырской *стряпчій*“ Кононъ *Шустовъ,* который въ 1699 г. получалъ 1½ рубля годоваго жалованья (л. 346), а въ 1701 г. оно увеличено до 4 р. (л. 425). Кромѣ того, онъ получалъ особыя деньги въ разныхъ случаяхъ, напр.: однажды ему выдано 5 алтынъ на сапоги; „Кононовой женѣ дано 2 гривны на родины и на кстины“ (крестины) (л. 405); уплачена гривна за придѣлку сѣней „у куреня, что подлѣ Кононовой избы“ (л. 417 об.) и проч.

Замѣстителемъ и помощникомъ Конона былъ трудникъ Левонъ, о которомъ читаемъ въ одной записи 1701 г.: „Левону за труды его, что онъ *ходилъ за дѣломъ*, что взято съ калмыкъ за посѣченой лѣсъ, также и для всякихъ дѣлъ, (что) *вмѣсто стряпчего* Конона онъ ходилъ, и ему за тѣ его труды, и впредь чтобъ трудился неложно, даны ему кафтанъ и 2 рубли, а дано ему изъ тѣхъ же колмыцкихъ денегъ, которые онъ выходилъ“ (л. 401 об.). Около того же времени записана выдача Левону 4 алтынъ на починку 2 паръ его старыхъ сапоговъ (ibid.).

Еще обстоятельнѣе указаны обязанности Левона въ болѣе ранней записи, 1700 г.: „Лву за его работу, что онъ посылается вмѣсто Конона *для приказного дѣла* и монастырскихъ всякихъ нуждъ, и что онъ *записываетъ* расходъ, и иныя *писма пишетъ,* куплена ему подпояска, дано 18 алтынъ, да отъ дѣла 2 его ковтановъ (кафтановъ) 9 алтынъ“ (л. 362).

Въ записяхъ выдачи жалованья за 1701 г. стряпчему Конону Шустову онъ называется „слугою“ (лл. 413, 425). Но были и другіе монастырскіе „*слуги*“, точная профессія которыхъ не опредѣлена, но которые выдѣлены изъ общаго со-

става „трудниковъ“ монастыря. Эти слуги, вѣроятно, были прислужниками въ кельяхъ архимандрита и братіи, дворниками и т. п. Ихъ было 2—3 человѣка.

Отдѣльно отъ слугъ значатся 2 *повара*. Объ одномъ изъ нихъ встрѣчаемъ такую запись: „труднику Васькѣ повару дана въ зачотъ жалованья“ полтина, а жалованье онъ сталъ получать, „*по приговору* архимандрита Іоасафа *съ братьею*“, съ іюля 1701 г., а раньше ему давали одно „казенное платье“ (л. 414).

Остальная масса монастырскихъ рабочихъ носила такое названіе—„*трудники, работники* и *робята*“. Названіе послѣднихъ понятно: это были малолѣтніе рабочіе, въ родѣ тѣхъ вышеупомянутыхъ 2 „робятъ, кои „трудятся въ церкви“ и проч. (л. 413). Но какая разница была между „трудниками“ и „работниками“—это не ясно. А между тѣмъ, въ записяхъ книгъ тѣ и другіе несомнѣнно различаются; напр.: въ іюнѣ 1701 г., „трудникамъ“ и „работникамъ“, которые „изъ Черкасскаго пригнали дрова“, дано на мясо гривна и „на перевозъ“ 2 деньги (л. 409). Тѣ и другіе одинаково участвовали въ одной и той же работѣ,—въ чемъ же разница между ними? Можетъ быть, трудники были постоянными, годовыми рабочими, а работники временными, издѣльными.

Работа трудниковъ была разнообразная, благодаря довольно обширному монастырскому хозяйству, съ которымъ познакомимся ниже, при обозрѣніи разныхъ статей хозяйства.

Любопытны слѣд. записи, свидѣтельствующія, что трудники являлись кандидатами въ монашество: „дано труднику Семену *для постриженья* и покупки монашескаго платья“ 1 р,. въ зачетъ будущаго жалованья (л. 420); ему же дана „изъ казны мантія“, по оцѣнкѣ на 26 алт. 4 ден., тоже въ зачетъ жалованья (л. 420 об.).

Изъ нѣкоторыхъ записей видно, что на монастырской службѣ находились и женщины: „трудникамъ, и *бабамъ*, и робятомъ дано на баню по 2 деньги человѣку, всего дано имъ 7 алтынъ“ (л. 400 об.), „умерла *трудника* Ивана Бол-

дырева жена; на похороны дано 4 алтына, да на 4 деньги свѣчь" (л. 359 об.) и др.

Постоянное жалованье получали немногіе изъ рабочихъ, именно,—всѣ „слуги" и повара, и нѣкоторые, очевидно, старшіе изъ трудниковъ. Такъ, въ 1699 г. 2 слугъ получило за годъ по 1½ р., а поварамъ дано за годъ по 3 р., а третьему за 6 мѣсяцевъ 1 р. 8 а. 2 д. (л. 425). Въ 1700 г., полугодовое жалованье нѣкоторыхъ трудниковъ составляло 1 р. 16 а. 4 д. (л. 370), а въ 1701 г. одному труднику дано за полгода 1½ р. (л. 413), объ остальныхъ же замѣчено (въ другой выдачѣ): „а достальнымъ всѣмъ трудникамъ и робятамъ дается казенное платье" (л. 425).

Но вмѣсто жалованья нерѣдко практиковались единовременныя денежныя выдачи трудникамъ на разныя ихъ нужды, иногда опредѣленно не указанныя, напр.: слугѣ Афанасью дано 20 алтынъ; дано труднику 21 алт., пастуху 6 алт. и т. д. Другія же выдачи точно мотивируются, напр. на свадьбы: „работнику" дано „на свадьбу" 3 р. 1 а. 2 д.; другому дана „на свадьбу гривна" и пр. На похороны: дано 4 плотникамъ по 2 деньги человѣку, „что дѣлали *домовище* умершему Василью" (л. 357); другому труднику Василью выдано 10 денегъ „для поминовенія сына его"; столько же дано одному труднику для погребенія его дочери и проч.

Затѣмъ, все содержаніе трудниковъ лежало, конечно, на монастырѣ, и всѣ, приводимые въ слѣд. главахъ расходы его на пищу, платье и т. д., касались главнымъ образомъ именно трудниковъ съ братіей. Здѣсь же отмѣчаю только нѣкоторыя записи, гдѣ прямо указывается расходованіе денегъ на разныя нужды однихъ трудниковъ.

Расходы на пищу: 4 алтына „дано трудникомъ на заговѣйной" день (5 февраля); 4 алт. 2 деньги дано всѣмъ трудникамъ „на мяса, для дней заговѣнныхъ" (въ февралѣ); имъ же дано 3 алт. „къ заговѣйну, на мясо" (14 ноября) и т. д.

Расходы на платье, бѣлье и т. п.: труднику Алешкѣ дано 8 алт. на „рубашку и портки" и 5 алт. на шапку и кушакъ; за шитье шубы труднику дано 6 алтынъ безъ ко-

пѣйки; Мих. Афанасьеву даны 4 деньги на „новые анучи“ и т. д.

Расходы на обувь: „Мишкѣ на „лапти“ дано 6 денегъ; Михею на починку сапоговъ 2 алт. 2 деньги и пр.

Нерѣдки расходы на баню трудникамъ, такъ какъ монастырской бани для нихъ не было: „трудникамъ дано въ баню 2 алт.“, имъ же на баню 8 денегъ и т. д.

III.

Духовная жизнь монастыря. — Благотворительность. - Развлеченія братіи: „славленье“ братіи, праздничные пиры и проч.

Разсматриваемыя книги не даютъ въ сущности никакихъ фактовъ для обрисовки тѣхъ или другихъ сторонъ духовной жизни монастыря, если не считать многочисленныхъ указаній на расходы по отправленію богослуженія. Но послѣднее относится къ показной сторонѣ внутренней монастырской жизни и сущности ея не касается. Впрочемъ, два-три намека на проявленіе этой сущности можно найти въ книгахъ.

Едва-ли не самымъ крупнымъ фактомъ изъ этой области явленій слѣдуетъ признать очень слабые слѣды монастырской благотворительности. За два съ третью года Азовскій монастырь оказалъ благотворительную помощь всего двумъ лицамъ: „дано Юрію греку на дорогу 10 рублевъ“ (л. 342 об.), да какому-то „Ивану бѣдному“, очевидно, изъ мѣстныхъ жителей, посчастливилось обратить на свое бѣдственное положеніе вниманіе монастыря и нѣсколько разъ воспользоваться его поддержкою, правда, не особенно щедрою, именно: „Ивану бѣдному на перевозъ и на лечьбу лошади 10 денегъ“ (л. 355 об.), ему же дано на сапоги 15 алтынъ, на чулки 3 алт. 2 деньги и на шапку 9 алтынъ.

Вотъ и весь, очень маленькій активъ, какой можно вписать въ счетъ монастыря... Все остальное говоритъ единственно о личной внѣшней жизни монаховъ и о стремленіи монастыря удовлетворить ихъ житейскія потребности, ставящія ихъ рядомъ со всѣми „мірянами“.

Изъ области развлеченія братіи слѣдуетъ прежде всего указать на рождественскій обрядъ „*славленія*“, когда монастырь принималъ и расходовался какъ на своихъ, такъ и на городскихъ славельщиковъ. Такъ, 25 декабря 1699 г. дано за славленье 16 алтынъ протопопу Ѳеодору съ причтомъ (л. 349).

Въ декабрѣ же 1700 г. „въ разныхъ числахъ дано славельщикамъ“: черному попу Діонисію, дьяконамъ и дьячкамъ монастырскимъ 8 алт. 2 деньги, соборному протопопу Ѳедору съ причтомъ столько же, „*крестовому* отъ думнаго“ (т. е. попу крестовой церкви у воеводы) 1 гривна, „крестовому отъ стольника“ (т. е. изъ церкви воеводскаго товарища) столько же, черному попу Дорофѣю съ дьячкомъ 2 алтына (л. 362 об.). Тогда же „изъ разныхъ домовъ славельщикамъ, да изъ воеводскихъ домовъ слугамъ, и соборнымъ пономарямъ, и Варламу, всего тѣхъ розныхъ дачь 12 алт. 2 деньги“ (ib.); 28 декабря дано „славельщикамъ, которые славили въ кельѣ у казначея: попу Діонисью (вѣроятно, уставщику) съ товарищи гривна, да изъ разныхъ мѣстъ робятамъ гривна“ (л. 363).

Это было все же духовное развлеченіе, но гораздо чаще встрѣчаются записи о чисто мірскихъ развлеченіяхъ братіи, напр., о праздничныхъ пиршествахъ въ монастырѣ. Они происходили по разнымъ поводамъ: по случаю поминокъ какого-нибудь богатаго покойника, пріѣзда въ монастырь воеводъ и другихъ свѣтскихъ властей, престольныхъ праздниковъ монастыря и проч. О пирахъ, входившихъ въ „кормленіе“ воеводъ и др., упомянуто выше (см. I главу). Здѣсь же приведу другіе случаи монастырскихъ пировъ.

12 апрѣля 1699 г. „издержано на поминовеніе князя Василія (?): на рыбу (и) на калачи 17 алтынъ, *вина ведро, пива 6 ведръ* про братію“ (л. 352). Цѣна вина и пива здѣсь не указана, такъ какъ, очевидно, то и другое взято изъ монастырскихъ запасовъ, купленныхъ раньше и тогда отнесенныхъ въ расходныя книги.

Но въ сохранившихся книгахъ этихъ записей не встрѣчаемъ, кромѣ нижеприводимаго случая и слѣдующей покупки меда: за 5 ведеръ „переварнаго“ меда уплачено 1½ рубля безъ гривны. Рѣдкость подобныхъ записей указываетъ на то, что сдѣланные раньше запасы „виннаго зелья“ и т. п. „великаго утѣшенія братіи“ были очень значительны, такъ что и въ два года монастырь не успѣлъ ихъ израсходовать, не смотря на все усердіе братіи, и къ новымъ закупкамъ не прибѣгалъ, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Съ другой стороны, является вопросъ: не занимался-ли самъ монастырь домашнимъ винокуреніемъ и, потому, былъ избавленъ отъ частыхъ покупокъ вина и проч.?...

Но въ экстренныхъ случаяхъ своихъ запасовъ не хватало: такъ, въ іюнѣ 1701 г., „къ праздникамъ, къ Предтечеву дню и къ Петрову дню“, куплено 11 осмухъ „двойнаго вина“, за которое въ г. Черкасскомъ уплачено по 5 алт. 2 деньги за осмуху. Тамъ же куплено „простаго вина“ 16 осмухъ, по 3 алт. 2 ден. за осмуху, да 2 пуда меду за 1 р. 20 алт., осетровъ, севрюги, стерляди и „иной рыбы“ на 1 р. 30 алт., „всякихъ *закусокъ* и *ягодъ*, и пшена, и всякой мелочи, и *збитню*“ на 10 алтынъ. Кромѣ того, на рыбу и мясо для трудниковъ истрачено 10 алт. (л. 409); 2 алтына дано „поварамъ, которые трудились во время праздниковъ“ (л. 409 об.).

Къ этой же области насыщенія братіи относятся многочисленныя записи расходовъ (см. IX главу) на покупку различныхъ съѣстныхъ припасовъ.

IV.

Монастырскія „вотчины“: деревни Орловка и Титова. Оброки крестьянъ и проч.—Рязанскія „пустыя земли“.—Котюрминскій островъ.— Монастырскіе лѣса и сѣнокосы.

Молодой Азовскій монастырь былъ щедро надѣленъ землями. Главную его вотчину составляли двѣ деревни—

Орловка и *Титова*. Монастырскія книги точно не опредѣляютъ мѣстонахожденія этихъ деревень, но по нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ (лл. 364—365) можно предположить, что Орловка находилась въ Данковскомъ уѣздѣ, а Титова въ Зарайскомъ. Впрочемъ, по другимъ намекамъ возможно еще предположеніе, что обѣ деревни лежали въ Острогожскомъ у. (лл. 368 об.—371). Были ли это „вкладныя" деревни, или пожалованныя монастырю, или иначе имъ пріобрѣтенныя—изъ книгъ не видно.

Точно также въ книгахъ нѣтъ указанія ни на количество земли и крестьянъ въ обѣихъ деревняхъ, ни на монастырскія оброчныя статьи въ нихъ и проч. Но изъ записей о продажѣ собраннаго въ деревняхъ монастырскаго хлѣба можно получить приблизительное понятіе о количествѣ земель, принадлежавшихъ здѣсь монастырю, а изъ записей сбора оброковъ съ крестьянъ—такое же косвенное указаніе на количество крестьянъ.

Изъ этихъ же записей видно, что монастырь здѣсь велъ свое хозяйство—имѣлъ пашни и скотъ. „Посельскихъ старцовъ" онъ тамъ постоянно не держалъ, но осенью командировалъ туда для сборовъ кого-нибудь изъ монаховъ. Въ деревняхъ же завѣдывали хозяйствомъ старосты. Кромѣ того, въ Орловкѣ жилъ *„дѣловой человѣкъ"*, т. е. „человѣкъ, который за дѣлы ходитъ", монастырскій „стряпчій", отдѣльный отъ того, который жилъ въ Азовѣ. Въ Титовѣ, повидимому, была монастырская усадьба: одна запись говоритъ, что въ пріѣздъ архимандрита Іоасафа въ дер. Титову онъ далъ „дворовой жонкѣ" 3 алтына 2 деньги.

Въ 1699 г. монастырь посылалъ для сборовъ въ деревни чернаго попа Павла, который составилъ особый отчетъ о своей командировкѣ, подъ такимъ заголовкомъ: „1700 году, генваря въ 25 день, книга приходная города Азова Предтечева монастыря чернаго попа Павла, что велѣно мнѣ собрать, по благословенію о. архимандрита Іоасафа съ братіею, на крестьянахъ за хлѣбъ, и что съ нихъ взято, съ 2 деревень, и то писано будетъ въ сей книгѣ ниже сего" (л. 371 об.):

„Съ Титовой деревни взято денегъ: за 60 чети муки 36 к., за овесъ за 20 чети 5 к.“, за 3 чети гороха 1 р. 13 алт. 2 деньги, за 6 пудовъ мяса 1 р. 13 алт. 2 деньги.

Съ крестьянъ той же деревни собрано *оброку:* 30 аршинъ сукна, 58 аршинъ холста, 20 четей овса, 4 ч. гороху, 4 ч. гречневыхъ крупъ, 6 ч. овсяныхъ, 6 четей „битового (?) овса“ и 3 ч. толокна.

Кромѣ этого оброка, тѣ же крестьяне, очевидно, обрабатывали всѣ монастырскія пашни и вели все хозяйство, такъ какъ въ книгахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на нахожденіе въ деревняхъ какихъ-либо монастырскихъ работныхъ людей, кромѣ одного „дѣловаго человѣка“ и одной „дворовой жонки“.

Съ дер. Орловки собрано деньгами за проданный монастырскій хлѣбъ: за 60 четей муки 36 р., за 14 ч. ржи 6 р., за 30 ч. овса 6 р.

Съ Орловскихъ крестьянъ собранъ *оброкъ:* 10 пудовъ мяса, 60 аршинъ холста, 40 арш. сукна и 13 овчинъ.

Въ другой своей книгѣ (л. 375), представляющей отчетъ о разныхъ торговыхъ операціяхъ іеромонаха Павла, онъ снова повторяетъ тѣ же цифры дохода „за монастырской проданной хлѣбъ“ и сбора оброка съ крестьянъ Орловки и Титова (лл. 377 об.—378). Вышеупомянутый „битовой овесъ“ здѣсь названъ „битымъ овсомъ“.

Встрѣчается еще одна запись о монастырскомъ скотоводствѣ въ деревняхъ: посѣтившій ихъ, въ 1701 г., архимандритъ Іоасафъ получилъ „за проданные за 2 коровы дер. Орловки 2 р., да дер. Титовой за баранью тушу гривна“ (л. 423).

Кромѣ этихъ 2 деревень, монастырю принадлежали „*пустыя* земли“, т. е. не населенныя, въ *Рязанскомъ* уѣздѣ. Въ декабрѣ 1701 г. „отдалъ архимандритъ наемныхъ денегъ за земли пустые, что отдавалъ онъ, архимандритъ, тѣ земли въ прошломъ 1700 году: за *Паклинскую*, на *Ѳ. Ступинѣ* (вѣроятно—сосѣднемъ помѣщикѣ) рубль, да за *Ряховскую*, на р. Ступинѣ полтина“ (л. 422 об.).

Повидимому, о третьемъ участкѣ этихъ „пустыхъ земель“ говоритъ слѣд. запись: въ сентябрѣ 1701 г. „взято наемныхъ денегъ за Рязанскую землю дер. Панкиной и *Веселкиной* и *Моржовой*, за 3 года (т. е. съ 1 января 1702 г. на 3 года впередъ) 2 рубли, на Львѣ Ступинѣ“ (л. 391).

Остальныя монастырскія земли находились въ окрестностяхъ монастыря, вблизи Азова. Такъ, монастырю принадлежалъ если не весь *Котюрминскій островъ*, то часть его: за отдачу въ наемъ бакчи на этомъ островѣ полученъ 1 рубль (л. 423).

Затѣмъ, монастырь владѣлъ здѣсь лѣсами и лугами. Точное мѣстонахожденіе всѣхъ этихъ земельныхъ владѣній, размѣры ихъ, происхожденіе и проч.—ничего этого изъ книгъ не видно и приходится довольствоваться тутъ одними намеками.

О монастырскомъ лѣсѣ упоминалось выше (см. II главу) по поводу выдачи наградныхъ денегъ труднику Левону, товарищу монастырскаго стряпчаго, за его хожденіе по дѣлу о „посѣченномъ“ калмыками лѣсѣ. Къ этому же дѣлу относятся слѣд. записи: „дано калмыкамъ-толмачамъ“ за ихъ работу, и что они ѣздили осматривать лѣсу, и въ договорѣ чинили всякое споможеніе—рубль“ (л. 400 об.): „взято съ калмыкъ за посѣченой и потравленой лѣсъ, что они калмыки *тернь* и *халину* и иной лѣсъ потравили *велблюдами*—денегъ 83 рубли“ (л. 427 об.).

О принадлежности монастырю луговъ, очевидно въ томъ же сосѣднемъ лѣсу, говорятъ слѣд. записи: съ тѣхъ же калмыковъ, испортившихъ лѣсъ, взято 2 рубля за потравленное сѣно (л. 428); куплено 50 лаптей „на покосъ“, за 10 алтынъ 2 деньги; куплено на 8 денегъ калачей „къ косцамъ“ (л. 409 об.) и др. расходы на покосъ 1701 г. (л. 410); взято съ калмыковъ за потравленное сѣно 1 р. (л. 394 об.) и т. д.

V.

Монастырскія оброчныя статьи: сборы „наемныхъ денегъ“ съ избъ, лавокъ, „куреней“, „скамей“ и лодокъ.—Рыбныя ловли.—Рыболовныя снасти.

Сборъ „наемныхъ (арендныхъ) денегъ“ съ разныхъ оброчныхъ статей, принадлежавшихъ монастырю въ г. Азовѣ и окрестностяхъ, и полученныхъ имъ, главнымъ образомъ въ качествѣ „вкладовъ“, отъ разныхъ жертвователей „на поминъ души“, не приносилъ монастырю большихъ доходовъ, такъ какъ вклады были мелкіе.

Доходнѣе всего были *избы*, сдаваемыя въ наемъ. Одна изъ нихъ лежала „за Дономъ“ и всего чаще сдавалась. Въ мартѣ 1699 г. получено 43 алтына 2 деньги „найму на зиму“ (т. е. прошлую) съ этой избы. Въ іюнѣ взято „найму“ съ нея полтина, въ октябрѣ 1 р. 5 алт. Въ ноябрѣ сдана она на годъ, съ 1 числа, за 6 рублей, задатку взято 2½ р. Изъ этой записи видно, что эта изба получена монастыремъ „за долговыя деньги“ (л. 340). Въ августѣ 1701 г. получено наемныхъ денегъ съ избы, „что за Дономъ“, съ апрѣля по іюль включительно, 18 алт. 2 ден. (л. 390 об.). Въ октябрѣ взято 1½ р. за 3 мѣсяпа и осталось дополучить 1 р., но „наемшикъ Антошка калачникъ сказалъ, что онъ тотъ рубль отдалъ, а кому, о томъ вѣдаетъ казначей Герасимъ“ (л. 393).

Было еще нѣсколько избъ, сдававшихся монастыремъ: за одну получено 1½ р. (срокъ найма не указанъ), за другую взято задатка 16 алт. 4 ден., за третью съ „табачнаго головы“ Ивана Тимофѣева получено 16 алтынъ и т. д.

Нѣсколько избъ продано: получены „достальныя деньги“ 3 р. за проданную матросу избу, „что стоитъ на часовенномъ мѣстѣ“, за проданную избу въ *Козацкой* слободѣ, „съ сѣньми и съ городьбою“, взято 10 р. (л. 389 об.); столько же взято за избу съ сѣнями, „что во *Алексѣевскомъ*“ (л. 887 об.) и пр.

Затѣмъ, монастырю принадлежало нѣсколько лавокъ: съ одной получено 30 алт.; съ 2 лавокъ 9 алт., съ нихъ же

1 р., тоже 10 алт., и еще 10 алт. (въ разные сроки); съ одной взято „оброчныхъ лавочныхъ денегъ съ торговаго человѣка П. Данилова 10 алт.“; съ другой 1 р. 10 денегъ и т. д. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ записяхъ не указывается сроковъ аренды.

Было у монастыря еще нѣсколько *куреней* (особенности этихъ строеній изъ записей не ясны): за наемъ монастырскаго „куреня, что въ Козацкой“ (слободѣ), за 2 мѣсяца полученъ 1 р. (л. 387 об.); взяты „достальныя деньги“ 1 рубль съ калачника, за наемъ „куреня, что въ *Олексѣевскомъ*“ (л. 388).

Третій курень сдавался вмѣстѣ со *скамьей* (полокъ?) на базарѣ: 25 ноября взятъ задатокъ 1 р. съ „гулящаго человѣка“ за нанятый имъ курень (полученный монастыремъ какъ „вкладъ“ одного лица) съ чуланомъ и погребомъ, „да скамья, что на рынку въ Азовѣ“. За наемщикомъ осталось, до понедѣльника Ѳоминой недѣли, 2 рубля (л. 340). Одинъ курень былъ проданъ, задатку получено 3 рубля.

Монастырь владѣлъ значительной флотиліей и сдавалъ суда въ аренду рыбакамъ и др.: взято „найму съ лотки“ 10 алтынъ; „взято съ лотокъ“ 15 алт.; получено „наемныхъ денегъ“ за монастырскую „*будару*“ 26 алт. 4 деньги и т. д. Одну будару монастырь купилъ за 10 р. (л. 417), другую продалъ за 20 р. (л. 333).

Монастырю, наконецъ, принадлежали *рыбныя ловли* въ окрестностяхъ Азова, которыя онъ частію сдавалъ рыбакамъ, а частію самъ занимался какъ для полученія рыбы на монастырскій столъ, такъ и для продажи избытка ея.

О сборѣ „*рыбныхъ* денегъ“ съ рыбаковъ, пользовавшихся монастырскими водами, говорятъ слѣд. записи: „взято съ *котюрмы*, съ 3 лотокъ“, 6 алтынъ; „взято съ котюрмы 3 рубля, съ крючковъ“; принято „рыбныхъ денегъ“ 1 р.; „наймъ“ съ „рыбника“ за ловлю съ 10 мая по 1 октября 1½ рубля; въ маѣ получено „рыбныхъ денегъ съ рыбаковъ, которые ловили *вентарями* и *сѣтками*“, 26 алт. 4 деньги; тогда же „взято съ рыбаковъ, съ 3 *хаюховъ*“, 13 алтынъ;

„взято за рыбныя ловли съ одного *невода*, съ М. Есаулова, 20 алтынъ".

Записи о продажѣ рыбы, пойманной монастырскими снастями и трудниками: въ ноябрѣ 1699 г. продано рыбы на 10 алтынъ, въ апрѣлѣ слѣдующаго года на 4 р. 11 алт., въ маѣ на 16 алт. 4 деньги, въ іюнѣ взято задатку 1 р. за проданную рыбу и т. д. Ниже увидимъ, что, продавая свою рыбу, монастырь въ то же время и покупалъ ее.

Монастырь имѣлъ свои рыболовныя снасти, о чемъ говорятъ записи расходовъ на починку ихъ и на покупку для нихъ разныхъ припасовъ: за 3 фунта *„пряжи"* на починку неводовъ дано 4 алтына; за 2 *бечевы* (размѣръ не указанъ) дано 3 алтына, за 3 бечевы 2 алт., за 4 бечевы 2 гривны и проч.; за 7 *веревокъ* дано 15 алт.; куплено въ г. Черкасскомъ $1^1/_2$ пуда *нитей* за 20 алт.; за 2 пуда нитей на неводъ дано 2 р. 4 гривны и проч.

VI.

Скотный дворъ.—Покупка и продажа коней.—Расходы на сбрую.—Скотоводство.—Расходы на коновала.—Птичникъ.—Пчельникъ.—Продажа хлѣба, огородныхъ овощей и сѣмянъ, дровъ.—Ростовщичество.

О существованіи при монастырѣ особаго скотнаго двора говоритъ запись о покупкѣ за 2 алтына 2 „окончинъ" въ „большую избу на скоцкой дворъ" (л. 401 об.). Монастырь имѣлъ довольно значительное количество коней, рогатаго скота, свиней и проч. Любопытны цѣны того времени на скотъ.

Очень часто онъ покупалъ *коней:* за 5 мериновъ дано 30 р. 18 алт. 2 деньги, за 3 коней 10 р. 35 алт., за одну лошадь 5 р. и т. д.

Цѣны проданныхъ монастыремъ своихъ коней: за одного коня получено 5 р., за другого столько же, за третьяго $5^1/_2$ р. и т. п.

Многочисленны записи о покупкѣ верховой и ѣздовой *сбруи*: за 3 *сѣдла* дано 1 р. 19 алт.. *арканъ* 2 алт., 2 *узды*

2 алт. 4 деньги, 2 *плети* 2 алт. 4 ден.; за *стремена*, 4 пряжки, плеть и 3 ремня—7 алт. 4 ден.; за 2 *шлеи* 6 алт. 4 ден., арканъ и *чунбуры* 3 алт. 2 ден., сѣдло 10 алт. 8 ден., шлея ременная 6 алт., 2 *хомутины* 6 алт., за черную кожу „на сѣдельныя крышки" 26 алт. 4 ден.; за починку 3 хомутовъ и 2 сѣделъ 19 алтынъ и т. д.

Записи о покупкѣ скота: куплено 5 *коровъ* за 17 р. 21 алт., причемъ каждая въ отдѣльности стоила: 3 р. 30 алт., 2 р. 32 алт. 2 ден., 3 р. 7 алт. 4 ден., 4 р. 6 ден., и 3½ р. (л. 402). Въ другой разъ куплено также 5 коровъ, обошедшихся немного дороже—17 р. 31 алт. 4 деньги (л. 409).

Съ другой стороны, монастырь продавалъ свой скотъ, не брезгая даже продажей больного скота на мясо, которое покупали сосѣдніе калмыки, какъ говоритъ слѣд. запись: получено съ калмыковъ 13 алт. 2 деньги „за мяса, что *больна* была телица" (л. 336). Но продавался и живой скотъ: за бычка взяли 30 алт., за „боровка" полтину и проч.

Хотя у монастыря были свои земли около Азова, но, повидимому, выгона не было и приходилось платить за него, какъ говорятъ слѣд. записи: „за паству коровъ" дано 6 алт., „дано отъ травы найму" 5 алт., „отъ травы найму дано" 8 денегъ и проч. Эти записи относятся къ октябрю 1699 года (л. 344).

За чужой скотъ, ходившій въ монастырскомъ стадѣ, взималась особая плата: въ мартѣ получено 4 алтына „найма" съ чужой скотины, „что стояла на дворѣ".

Любопытны записи о ветеринарныхъ расходахъ, напр.: за леченіе лошадей уплочено *коновалу* 10 денегъ (л. 362), коновалу на леченіе коровъ дано 6 денегъ (л. 403), коновалу „что лечилъ лошадей 8 *копьекъ*" (л. 354 об.) и др. Сюда же относятся расходы на ковку лошадей: *кузнецу* дано 20 алт., ему же 3 алт. и т. д.

Былъ у монастыря и свой *птичникъ*: въ ноябрѣ продано 2 *гуся* за 6 алтынъ, тогда же за 6 гусей взято 20 алтынъ и пр.

О монастырскомъ *пчельникѣ* говорятъ двѣ записи 1701 года: въ маѣ куплѳнъ 31 *улей*, по 1 алтыну за улей (л. 407 об.); въ іюнѣ въ г. Черкасскомъ куплено 23 улья за 24 алтына 4 деньги (л. 408 об.). Одна запись говоритъ о выдѣлкѣ *воска:* „били воскъ, дано 4 алтына".

Затѣмъ монастырь имѣлъ немалые доходы отъ продажи разныхъ продуктовъ своего хозяйства, главнымъ образомъ хлѣба: продано 2 четверти *овса* на 30 алт. 10 ден., четверть *сухарей* на 20 алт., кулекъ *пшена* и кулекъ *овсяныхъ крупъ* на 23 алт. 2 ден., 2 четверика тѣхъ же крупъ на 2 р. 2 гривны, четверть ихъ же на $1^1/_2$ р., четверть овса на 13 алт. 2 деньги и т. д.

Нерѣдко продавались огородныя овощи и сѣмена; принято 2 р. „у монастырскаго трудника у Ивана, что продавалъ монастырскую *капусту*" (л. 330); продано капусты же на 40 алтынъ; продано „всякаго сѣмя" на 49 алт.; продано *огуречныхъ* сѣменъ на 6 денегъ съ гривной и „*росады*" на 6 алт. (л. 389) и проч. Но, какъ увидимъ ниже, огородина и покупалась монастыремъ.

Продавались *дрова* изъ монастырскаго лѣса: взято за дрова 1 р. 30 алт., въ другой разъ 20 алт. и пр. Въ тоже время монастырь и покупалъ дрова: дано за дрова 15 р., за пилку ихъ 20 алт. 4 деньги.

Были и другіе доходы, напр., оставшееся отъ умершихъ монаховъ имущество шло въ пользу монастыря: „взято на попѣ Діонисіѣ за кумачной зеленой кофтанъ умершаго старца Іоны рубль" (л. 386 об.) и др.

Не чуждался монастырь и *ростовщичества*, напр.: получена полтина „за *закладныя* серьги, что Ивана кузнеца" (л. 342 об.) и др.

VII.

Монастырскія торговыя операціи съ солью и другими товарами.—Торговая экспедиція чернаго попа Павла въ Царицынъ.

Любопытныя свѣдѣнія о торговлѣ монастыря *солью*, „*хрещомъ*" (матерія) и *сапогами*, и о поѣздкѣ въ 1700 году

іеромонаха *Павла* за солью въ Царицынъ сообщаютъ двѣ отдѣльныя книги, составленныя Павломъ—„книга расходная" (л.л. 372—374) и „книга приходная" (л.л. 375--377).

Первая носитъ такое заглавіе: 1700 г., августа въ 11 день, книга расходная г. Азова Предтечева монастыря черного попа Павла, которые деньги даны изъ казны изъ монастырской на покупку соли, и на работныхъ людей, и на всякой расходъ" (л. 372).

Маршрутъ Павла былъ такой: Маничи, Сергѣнево, Семикаракоры, Тролево, Коргалы, Курмояръ, Кобылино, Чиры и *Царицынъ*.

Съ нимъ было 2 монаха и 3 трудника, не считая временно нанятыхъ рабочихъ. Книга содержитъ записи всѣхъ расходовъ въ пути—покупка рыбы, мяса, молока и друг. съѣстныхъ припасовъ (въ одномъ пунктѣ была куплена „*ботвинія* на 4 деньги") и проч.

Въ Чирахъ нанято 6 подводъ „на Царицынъ и до Панщины, для *лубія* (т. е. лубяные короба подъ соль), дано подводѣ по 9 алтынъ по 2 деньги, и положено по 25 лубовъ на подводу".

Соли куплено 1536 пудовъ, на 39 р. 10 алт. Пошлины за соль уплачено 32 алт. 2 деньги. Соль уложена въ луба, подъ которые нанята 71 подвода (вышеупомянутыя 6 подводъ везли еще пустые короба) до р. Дона.

Въ Панщинѣ куплено рабочимъ 3 осмухи вина на 10 алт., „какъ *будару* крыли, и конопатили, и грузили" (л. 373).

На обратномъ пути маршрутъ Павла былъ такой: Григорьевской городокъ, Кремлянной городокъ, Роспопинъ, Усть-Копра, Вешенской городокъ, Рѣшетово, Мигулино, Донецкой городокъ (гдѣ „отъ печенія хлѣбовъ дано 6 денегъ"), Богучарской, Колитвянской юртъ, Мишенской и Битюцкой юрты, *Рыбной* городокъ.

Въ послѣднемъ „отъ 3 подводъ дано, отъ Рыбного до будары (съ солью) къ Карбузину затону, 40 алт.". Отъ Рыбнаго же до Сыроватого „нането 2 человѣка съ лодкой" за

5 алт. „Отъ Рыбного жъ для перегрузки съ будары нането до Лысой горы 3 человѣка“, по 4 алтына каждому.

21 ноября, когда продана часть соли, „нането къ ней на выгрузку 2 человѣка, дано имъ 10 денегъ“. Подъ остальную соль, на провозъ ея отъ Сыроватаго, нанято 19 подводъ за 40 алтынъ (5 декабря). Въ г. *Острогожскѣ* уплачено за эту соль пошлины 3 р.

7 декабря Павелъ выдалъ полугодовое жалованье себѣ и своимъ спутникамъ; кромѣ того, одному монаху и 3 трудникамъ дано „въ прибавку“ по рублю и меньше, согласно „приказу“ архимандрита съ братіей объ этой выдачѣ, „какъ будару выгонетъ на Рыбной“. На этихъ же сотрудниковъ Павла вышло дорожныхъ расходовъ 12 р.

„Книга приходная“ Павла (л. 375) говоритъ, что 25 ноября 1700 г. продано 1536 пудовъ соли, по 2 алт. 2 деньги за пудъ, всего на 105 р. Отъ покупателей получено деньгами 51 р., да товарами на 54 р., именно—„1000 (аршинъ) *хрещу*, да 190 *сапоговъ* всякихъ“. Тогда же продано „18 аршинъ хрещу“ на 9 алтынъ, да 6 (паръ) сапоговъ на 46 алтынъ.

Кромѣ того, Павелъ учинилъ монастырю прибыль, беря деньги за провозъ чужихъ товаровъ на монастырской бударѣ, именно: „взято изъ Черкасского до Панщины на сплавку съ товару 2 рубля; изъ Тройлова взято съ казака до Усть-Хопра 10 алтынъ“; отъ Острогожска взято за товаръ съ казака 16 алт. 4 деньги.

„Всего въ приходѣ 109 р. 15 алт., въ томъ числѣ наемныхъ, что товаръ посторонній положенъ былъ на монастырскую будару—2 р. 26 алт. 4 деньги“ (л. 375 об.).

На покупку соли Павелъ получилъ отъ монастыря 100 руб. и на „прибыльныя деньги“ отъ продажи соли велѣно ему купить „хрещу“ (л. 376). Повидимому, на покупку сапоговъ не было „приказа“ отъ архимандрита съ братіей, и Павелъ тутъ распорядился самостоятельно, и кажется въ убытокъ монастырю, который не особенно бойко торговалъ сапогами. Такъ, единственная запись о продажѣ значительной партіи „Острогожскихъ сапоговъ“ относится къ ноябрю

1701 г., т. е. ровно черезъ годъ послѣ покупки ихъ: продана 101 пара сапоговъ, по 6 алтынъ пара, всего на 18 р. 6 алт. (л. 394 об.). Другихъ подобныхъ записей нѣтъ и, вѣроятно, остальные сапоги разошлись для братіи и трудовиковъ, хотя, какъ увидимъ ниже, монастырь нерѣдко и покупалъ обувь.

VIII.

Церковные доходы монастыря: сборъ денегъ „вкладныхъ", „синодичныхъ", свѣчныхъ, молебенныхъ, часовенныхъ, „сборныхъ".

Перехожу къ доходамъ монастыря отъ его прямой спеціальности—отъ богослуженія и др. церковныхъ отправленій.

Главный доходъ здѣсь давали такъ называемые *„вклады"* деньгами и имуществомъ за погребеніе разныхъ лицъ на монастырскомъ кладбищѣ, за поминовеніе ихъ и проч. Многочисленны записи о сборѣ вкладныхъ денегъ, и напр.: „принято вкладныхъ денегъ у дворянина (имя не приведено) 1 р. 16 алтынъ 4 деньги"; вкладъ по стрѣльцѣ 1 р., по салдатѣ 1 р.; принято „съ Богородичнаго образа" 2 р. безъ полугривны; вкладъ подьячаго ефимокъ; вкладъ подполковника Корякина 10 р.; вкладъ по попѣ 10 р., по черномъ попѣ 8 р.; „по иноземцѣ" поручикѣ Дмитріѣ Шкодѣ 5 р., по прапорщикѣ 4 р.; „по купецкомъ человѣкѣ что онъ положенъ въ монастырѣ" 5 р.; вкладъ подьячаго за погребеніе 5 р.; за мѣста на кладбищѣ 10 р., 5 р. (всего чаще), 4 р. и проч.; вкладъ по торговомъ человѣкѣ „на свѣчи и на ладонъ" 1 р., взято по умершемъ „за свѣчи гривна, да за *конунъ* гривна" и т. д. Особый случай вклада: принято вкладныхъ, что *постриженъ* монахъ Іоаннъ, наличныхъ 4 р., да еще онъ же отдалъ *кабалу* въ 11 рублевъ" (л. 388).

Записи о пріемѣ вкладовъ разнымъ имуществомъ: вкладъ казачьяго пятидесятника 2 р., „да на торгу лавка"; продана „вкладная изба съ сѣньми" за 12 р.; принятъ вкладъ солдата—меринъ; вкладъ по полковничемъ сынѣ—*„камки алимонной* съ аршинъ" (л. 338 об.); „принесъ *изъ тюрмы* малолѣтной Иванъ Тихой по умершемъ денегъ турецкихъ 4 алт.

2 деньги, да лому серебра золотника съ три, да складни, не въ окладѣ учинены, за слюдою, въ ящику" (л. 339); „снято съ мѣстныхъ иконъ" 7 крестовъ, изъ нихъ 3 съ финифтью, *„золоченыхъ копѣекъ"* на 3 алт. 4 ден., ефимокъ, *„двугрошевикъ съ личиною,* да чехъ, да пол-зерна жемчужного большой руки" (л. 339 об.); вкладъ за мѣсто на кладбищѣ—3 р. и лошадь съ тѣлегою и хомутомъ; принято „вкладное платье" по А. Всеволожскомъ: заячья суконная шуба, зеленый холодный кафтанъ и др. платье, частью проданное и частью розданное монастырскимъ трудникамъ, а одну „шупку отдалъ архимандритъ, а кому, того не вѣдомо" (л. 392 об.) и т. д.

Иногда записи „вкладныхъ" денегъ соединяются съ *„синодичными"*, напр.: вкладъ по кузнецѣ, за вписаніе въ синодикъ и за поминовеніе въ великій постъ—„ожерелейцо" и „кокошникъ, низаные" (л. 337 об.); вкладъ 2 солдатъ за вписаніе въ синодикъ—лошадь, да „попу съ церковники для поминовенья рубль данъ" (л. 340 об.); вкладъ „за мѣсто" 5 р. и за синодикъ (запись одного лица) 1 р., за мѣсто 5 р. и за вписаніе въ синодикъ 2 лицъ 2 р.; за запись въ синодикъ „и за сорокоустъ, и за *говореніе псалтыри"* взята по солдатѣ кобыла съ тѣлегою, хомутомъ и уздою (л. 337).

Отдѣльныя записи синодичныхъ денегъ: съ 4 лицъ взято 4 р.; „принето синодичныхъ денегъ 30 алтынъ", 20 алтынъ и т. д.; за запись въ синодикъ родителей 2 р., „а что онъ же далъ на моленье и братіи на милостыню, и то особо, опричь вышеписанныхъ" (л. 340); съ 3 лицъ взято синодичныхъ 2 р. и т. п.

Записи *свѣчныхъ* денегъ: „принето восковыхъ свѣчныхъ денегъ 2 р.", въ другой разъ 11 р., затѣмъ—11 р. 1 алт. 2 деньги, 1 р., 15 алт., 1 р. и т. д. Особая запись: „принято у пономаря свѣчь разныхъ рукъ (т. е. сортовъ) по счету, цѣною на 6 рублевъ" (л. 338 об.).

Записи *„молебенныхъ* денегъ", собиравшихся въ кружку: въ сентябрѣ 1699 г. вынуто „изъ крушки молебенныхъ денегъ" 30 р., въ мартѣ 1700 г. 4 р. 16 алт. 4 ден., въ сентябрѣ 24 р. и т. д.

Доходы отъ монастырскихъ *часовень:* изъ Азовской часовни „Ивана Воинственника" 28 алт. 2 ден., 9 алт., огарочнаго воску на 16 алт. и т. д. Изъ той же часовни взято 7 алт. 2 ден., „да отъ *Спаса,* что у башни (образъ на одной изъ башень Азовской крѣпости ?), 4 деньги" (л. 440 об).

Доходы Таганрогской часовни: „съ Таганрогу прислалъ изъ часовни монахъ Антоній 8 рублевъ" (л. 393) и т. д.

Въ Таганрогъ же былъ посланъ отдѣльный сборщикъ „*сборныхъ* денегъ": получено отъ монаха Филарета „сборныхъ денегъ, что онъ сбиралъ въ *Троецкомъ* что на Таганрогу, во время приходу разныхъ людей"—60 алтынъ, „да снятожъ у него съ иконы Предтечевой 20 алт.", да у него же свѣчныхъ денегъ 20 алт., да „сборныхъ чеховъ" на 5 алт. (л. 389 об.). Въ другой разъ Филаретъ прислалъ оттуда же довольно крупную сумму сбора—25 р. (л. 390 об.).

IX.

Расходы на кормленіе братіи и трудниковъ: покупка рыбы, хлѣба, соли, огородины, пряностей и проч.—Расходы на платье, сапоги, лапти, чулки, онучи, шапки, голицы, вареги, посуду и разныя мелочи.—Перевозъ.—Расходы на ризницу.

Перехожу къ расходамъ монастыря на разныя нужды братіи и трудниковъ. Едва ли не самою крупною статьею расхода было кормленіе ихъ. Хотя монастырь велъ свое хозяйство и имѣлъ запасы хлѣба (глава IV), соли (гл. VII), рыбы (гл. V), огородины (гл. VI) и проч., однако всего этого не хватало для монастырскаго стола и приходилось еще дѣлать закупки по всѣмъ этимъ статьямъ.

Всего чаще встрѣчаются записи о покупкѣ *рыбы,* хотя у монастыря были свои рыбныя ловли: куплено рыбы на 10 денегъ, на 3 алтына, на 4 деньги и т. п.; или; куплено *щукъ* на 10 ден., „*осетръ* про братію" 10 алт., за 2 *севрюги* 6 алт. и т. д.; или: куплено рыбы „про братію" на 19 алт., на рыбу „къ празднику" (24 іюня) 2 р., къ Рождеству рыбы „про

братію" на 1 р., „для соленья провѣсной рыбы куплена *бѣлужка*" за 2 гривны и проч.

Любопытная запись о разведеніи рыбы въ монастырскомъ пруду: въ августѣ 1701 г. куплено *въ Частаровской прудъ* рыбы 4 осетра, да 3 севрюги, да 2 *сазана*", всего на 60 алт., 4 ден., „да въ той посилкѣ (за живою рыбою) издержано на харчь 2 алтына" (л. 407).

Записи о покупкѣ печенаго хлѣба (очень рѣдкія): за *калачи* дано 4 деньги, хлѣба куплено на 2 алт. 8 ден., калачей на 6 денегъ и т. п.

Покупка соли въ 1699 г.: за 15 пудовъ соли дано 35 алтынъ, за 4 пуда 9 алт. 2 деньги и т. д.

Записи о покупкѣ *огородины: луку* на 7 алт., *гороху* на 6 ден., луку на 10 ден. и пр. Особыя записи: за „3 кулька сѣмя" (какого-то огороднаго) дано 24 алт. (л. 347 об.); монаху Макарью выдано 2 алт. 2 деньги на соль для *соленья огурцовъ* (л. 411) и ему же отпущено 4 алт. 4 ден. на починку „*кадей* огуречныхъ" (л. 411 об.); дано 6 алт. работникамъ, „которые *капусту сѣкли*" и за „новыя *сѣчки*" уплочено 10 алт. 4 деньги (л. 416 об.).

Разные расходы на столъ: *сыру* куплено на 5 алт., *перцу* на 2 алт.; 15 апрѣля 1701 г. „куплено *сандалу*, яйца красить", на 1 алт. (л. 406); на 4 деньги куплено мыла „для мытья *скатертей*" (л. 397).

Второю статьею расходовъ была закупка платья, обуви, шапокъ и т. п. Записи о расходахъ на *платье* для монаховъ и рабочихъ: „дано Конону (Шустову, монастырскому стряпчему) на *кафтанъ* 1 р. 23 алт.; за „сѣрой кафтанъ" дано 10 алтынъ, за другой такой же 8 гривенъ; за починку *шубъ* 3 алт., въ другой разъ за починку одной шубы 6 денегъ; на покупку *епанчи* 26 алт. 4 ден.; за *бурку*, взятую „изъ ряду (торговыхъ рядовъ) въ Озовѣ", 13 алт. 2 ден.; за монашескую *мантію* 40 алтынъ и проч.

Расходы на обувь: а) на *сапоги:* за 6 паръ сапоговъ дано 2 р. 8 алт. 2 ден., за 3 пары „сапоговъ ветчаныхъ" 16 алт. 4 ден., за пару (новыхъ) 5 алт., за другую 7 алт., за 2

пары 15 алт. и т. д.; б) на *лапти:* куплено лаптей на 3 алт. 2 д., за десятокъ паръ лаптей дано 5 алт. 2 ден., за другой десятокъ 3 алтына и проч.

Разные расходы: а) за *чулки* дано 3 алт. 2 ден.; б) за 11 аршинъ сукна на *окучи* 10 алт.; в) за *шапку* 2 алт. 4 ден.. за 2 шапки 6 алт.; г) за „*голицы* съ *вареги*" 2 алт. 4 ден., „2 голицы съ вареги" 8 алт., за 4 вареги 8 алт., за 3 голицы 8 алт., за голицы 2 алт. и т. д.

Записи о покупкѣ посуды и проч.: куплено *горшковъ* на 4 алт.; за *рѣшето* и 2 „*ставьца*" 8 денегъ; за 15 *ложекъ* 10 ден., за 10 *ножей* 9 алт. 4 ден.; за 2 *ведра*, *ставецъ* и *коромысло* 3 алт. 4 ден.; за 4 ведра 5 алт. 2 ден.; горшокъ 3 алт.; *фонарь* 8 ден., 6 *замковъ* 12 алт., 300 „*скобъ* лотошныхъ" 8 алт.; куплено *пороху* на 10 ден.; *сальныхъ свѣчей* на 6 денегъ; за 2 рѣшета 6 ден. и пр.

Плата за *перевозъ* черезъ р. Донъ: „перевозу 4 деньги", „отъ перевозу дано 8 денегъ", „перевозчику" дано 6 денегъ и т. д.

Расходы на *ризницу* и проч.: за 30 аршинъ „*крашанины* на ризы" дано 30 алт.; „отъ дѣла (за работу) *камчатаго* стихаря 8 ден."; 1 гривна дана кузнецу, что „дѣлалъ къ ризницѣ петли"; „*золото* куплено, на золоченье Казанской Богородицы, 20 алтынъ" (л. 418). Вѣроятно, къ ризницѣ же относится покупка крашенины—одинъ разъ на 13 алтынъ, затѣмъ на 14 гривенъ и проч.

X.

Расходы на постройку и ремонтъ монастырскихъ зданій.—Разныя починки.—Печныя, стекольныя и др. работы.—Покупка матеріаловъ и инструментовъ.—Дѣловыя поѣздки.

О расходахъ по строенію и ремонту зданій говорятъ нѣкоторыя записи, напр.: дано рабочимъ, которые „переставливали *келью*", 1 р. 13 алт. 2 ден. (л. 344); дано 3 гривны плотникамъ, работавшимъ „архимандричьи *сѣни*, да дьяконамъ же сѣни, да подлѣ бакчи *баню*" (л. 399 об.); 3 плот-

никамъ, „которые совершали баню и сѣни", дано 5 алт. 2 ден. (л. 403 об.); плотникамъ, кои дѣлали „келью, что на скотскомъ (дворѣ), да за Дономъ въ большой избѣ дѣлали *опечикъ* и иные мелкіе дѣла, и надъ *погребомъ* перекрыли *кровлю*", за все дано 2 гривны (л. 404) и др.

Записи о разныхъ починкахъ: за починку *котла* дано 2 алт. 2 ден.; „дано отъ дѣла отъ 2 *пищалей* 5 алт." (л. 349), „дано отъ дѣла отъ пищалей 3 алт." (л. 350 об.).

Расходы на разныя подѣлки: а) за кладку *печей* дано 6 алт. 4 ден.; за кладку „*каѳлѣной* печи въ новыхъ кельяхъ, что живутъ діаконы", 1½ р.; за починку печи въ „хлѣбнѣ" 2 алт.; б) за вставку 6 „*слюденыхъ окончинъ*" 3 гривны, 3 окончинъ 4 алтына; в) „*свѣчнику* за работу" 10 алт., ему же 9 алтынъ.

Покупка разныхъ матеріаловъ: куплено *досокъ* на 3 р.; за 4 „*стекляныя* окончины" дано 4 алтына, за 2 „*пузырныя* окончины" 2 алтына и проч.

Покупка инструментовъ: за *топоръ* дано 2 алт.; за отдѣлку топора и *бурава* 3 алт.; купленъ топоръ за 3 алт.; за отдѣлку 3 топоровъ 6 алт.; за топоръ дано 2 алт. 2 ден. и т. д.

Расходы на разныя дѣловыя поѣздки, чаще всего въ ближайшій г. *Черкасской,* напр.: въ январѣ 1700 г. „въ той ѣздѣ (за разными покупками въ Черкасскомъ) издержано на всякой *харчь* 4 алтына" (л. 350); въ мартовской поѣздкѣ на харчи истрачено" столько же (л. 351); въ февралѣ 1701 г. казначей Герасимъ истратилъ на поѣздку туда, именно на харчи, 3 алтына (л. 400) и др.

Въ апрѣлѣ 1700 г. 3 трудника посланы въ *Бабій* городокъ за дровами, причемъ истратили на харчи 10 алтынъ (л. 352 об.).

О посылкѣ чернаго попа Павла (см. VII главу) въ *Острогожскъ*, въ декабрѣ 1700 г., сохранилась отдѣльная „книга расходная" (лл. 368 об.—371), имъ составленная. Сюда внесены всѣ дорожные расходы, напр.: куплено капусты на 6 денегъ, конопляного масла на 4 ден., рыбы на 10 ден. и

т. д., или огульныя записи: 24 декабря „поѣхали до деревни Орловки и до Титовой (монастырскія вотчины), издержано на харчь лошади и себѣ 20 алтынъ"; 23 генваря, „какъ поѣхалъ (Павелъ) съ Москвы до Острогожского, издержано" 10 алтынъ и т. д.

Въ Острогожскъ онъ былъ посланъ, повидимому, за покупкою хлѣба, о чемъ говорятъ многія записи о закупкѣ ржи, пшена, пшеничной и гречневой муки и проч. Тамъ же гдѣ-то рожь была смолота: 24 февраля, „какъ стали на мельницѣ молоть, куплено трудникамъ рыбы" на 3 алт. 2 деньги. 27 марта, „какъ *будару* грузили" купленною и смолотою мукою, на харчи издержано 5 алт.; 30 марта записано: „въ сей день бударa пошла" (л. 370 об.).

Въ Острогожскѣ зачѣмъ-то были сняты 2 лавки и дворъ: 31 марта „дано архимандриту *Дивногорскому* (т. е. Дивногорскаго монастыря) отъ найму лавки 30 алтынъ"; „дано отъ найму двора 2 гривны"; „отъ лавки найму (дано) Василію 14 гривенъ".

Особыя записи: „умре монахъ Анофрей" и на его погребеніе истрачено 20 алт.; 28 февраля, въ Острогожскѣ „издержано съ бурмистромъ, да съ головой, да съ ларечнымъ", т. е. съ таможенными и кабацкими властями, 2 гривны (л. 369 об.).

Тотъ же іеромонахъ Павелъ былъ командированъ въ *Москву*, въ декабрѣ 1701 г., повидимому для какихъ-то дѣловыхъ сношеній съ центральной администраціей, о чемъ говоритъ запись расхода на покупку *кипарисной доски*, длиною 3 аршина безъ четверти, за 10 алтынъ, для написанія на ней нѣсколькихъ образовъ, подносимыхъ Павломъ Московскимъ *подьячимъ*. Другая кипарисная доска, въ 2 аршина безъ четверти, но вѣроятно болѣе толстая и вообще высшаго достоинства, обошлась много дороже—въ 4 рубля. Еще было куплено, для поднесенія кому-то въ Москвѣ, 2 пуда „ягодъ" (винныхъ?) и изюма", за 2 р. Для поѣздки куплена *телѣга* за 4 алтына. Сопровождавшимъ Павла двумъ слугамъ куплены шубы, штаны и проч. (л. 426).

XI.

Поѣздки архимандрита Іоасафа въ Москву въ 1699-1700 и 1701 гг.—Путевая расходная книга 1700—1701 гг.—Вторая поѣздка 1700 г.

Любопытны въ бытовомъ отношеніи записи расходовъ архимандрита Іоасафа во время трехъ его поѣздокъ въ Москву по дѣламъ монастыря—въ 1699 и въ 1700—1701 гг. Особенно цѣнны данныя о третьей поѣздкѣ, содержащія довольно обстоятельный отчетъ о путевыхъ расходахъ до Москвы и обратно, въ Азовъ, а также записи Московскихъ расходовъ на разные „подносы“ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, на харчи, закупки и проч.

О первой же поѣздкѣ, 1699 г., свѣдѣнія очень кратки, именно: 25 октября выдано архимандриту Іоасафу изъ монастырской казны, на поѣздку въ Москву, на разныя покупки и на всякіе дорожные расходы—100 р., 10 ефимковъ, 2 золотыхъ (взяты „съ иконъ“ эти „прикладныя деньги“) и еще 12 р., да сопровождавшему его черному попу выдано 1 р. 16 алт. 4 деньги (л. 347). 28 октября за 10 алт. купленъ „осетръ архимандриту на дорогу“ (л. 347 об.). Самая поѣздка состоялась въ ноябрѣ, но свѣдѣній о ней нѣтъ, какъ и отчета архимандрита въ израсходованныхъ деньгахъ. Отсутствіе послѣдняго тѣмъ удивительнѣе, что отчетъ о расходахъ 3-й поѣздки сохранился, хотя на эту поѣздку была отнущена болѣе скромная сумма.

О приготовленіяхъ къ 3-й [1]) поѣздкѣ, 1700—1701 гг., говорятъ слѣдующія записи: 21 сентября выдано архимандриту на дорогу 30 р. (л. 355 об.); за *пищаль,* которую архимандритъ взялъ „съ собою къ Москвѣ“, уплочено кузнецу 20 алтынъ; ему же за оковку колесъ въ телѣгѣ и другія подѣлки дано 10 алтынъ 8 денегъ; сопровождавшему архимандрита труднику куплена шапка за 8 денегъ; куплена бурка за 10 алтынъ для *„казака* Ивана“, взятаго въ Москву.

[1]) О 2-й поѣздкѣ см. ниже.

О самой поѣздкѣ говоритъ „расходная книга“ (лл. 364—367), представляющая отчетъ архимандрита объ израсходованіи въ дорогѣ и Москвѣ 30 р., полученныхъ отъ монастыря.

Въ концѣ сентября о. Іосафъ „поѣхалъ къ Москвѣ для монастырского дѣла“. На первой остановкѣ въ городкѣ *Адарю*, за деготь уплочено 8 денегъ, на слѣдующемъ ночлегѣ данъ 1 алтынъ за харчь. Въ городѣ *Острогожскѣ* „куплено харчю“ на 3 алтына 2 деньги.

Въ *Воронежѣ*, „въ подносъ“ архіерею куплено яблокъ на 4 алтына, да для себя калачей на 3 алтына 2 деньги, да за „вощаныя и сальныя свѣчи“ дано 3 алтына 2 деньги.

На *Ржавцу* куплено вина 1/2 ведра за 10 алт. 2 деньги. Въ *Лебедяни* на харчь истрачено 8 денегъ. „Въ *Данковѣ* дано проводнику, что довелъ до вотчины (монастырской) до деревни *Орловки*, 2 алтына“. Въ городѣ *Михайловѣ* израсходовано 3 алтына 4 деньги на яблоки, квасъ, калачи и сѣно.

Въ дер. Орловкѣ куплено кулей на 6 алтынъ, старостѣ дано 10 алтынъ и „дѣловому человѣку“ 2 алтына.

„У Николы Зарайскаго“ (городъ *Зарайскъ*) заплачено за 1/2 ведра вина 10 алтынъ 10 денегъ, 1/2 пуда соли 3 алтына, калачи 10 денегъ, сальныя свѣчи 6 денегъ, яблоки 6 денегъ, ковка лошадей 6 денегъ.

Въ дер. *Титовой* (монастырская вотчина) пожаловано „дворовой жонкѣ“ 3 алтына 2 деньги, на харчь вышло 4 деньги, на сѣно 6 денегъ.

Расходы *въ Москвѣ:* а) „*подносы*“ разнымъ лицамъ: „*за писмо*“ 5 *иконъ*, подносимыхъ отъ монастыря духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, уплочено иконописцу 2 рубля 3 алтына 2 деньги; куплено „хлѣба въ подносъ“ (кому именно—не сказано) на 2 алтына 2 деньги; купленъ хлѣбъ „въ подносъ *Рязанскому* митрополиту“ въ 2 алтына; куплено 6 хлѣбовъ, каждый въ 2 алтына, „въ подносъ“ слѣдующимъ лицамъ: *Крутицкому* митрополиту, князю Гаврилѣ Ивановичу (?), „духовнику (царскому) Петру Васильевичу“, боярынѣ *Шеиной,*

боярынѣ *Протасьевой* и *Іерусалимскому* архимандриту; Никитѣ Моисеевичу *(Зотову)* поднесенъ хлѣбъ въ 8 денегъ.

б) Рождественскіе расходы на *славельщиковъ*: „да отъ славленья дано *государевымъ пѣвчимъ*“ 16 алтынъ 4 деньги, „*патріаршимъ* пѣвчимъ“ 2 деньги, „архіерейскимъ дьяконамъ“ 3 алтына 2 деньги.

в) Покупки для монастыря: „на *евангелія* дано 20 рублевъ да 6 золотыхъ“; за *икону* Тихвинской Богородицы 3 рубля 16 алтынъ 4 деньги, за икону св. Николая 3 рубля, за *книгу „Сборникъ“* 4 рубля (единственная покупка книги за $2^1/_8$ года).

г) Разныя закупки: за „голову *сахара*“ 16 алтынъ (л. 366 об.), гвоздика и корица 12 алтынъ, *хомутъ* 16 алтынъ 4 деньги, шафранъ 12 алтынъ, *дуга* и *оглобли* 5 алтынъ.

д) Расходы на харчи и проч.: сѣно на 2 алтына, сальныя свѣчи 6 денегъ, харчей на 2 алтына, да еще „на всякую харчь разошлось на Москвѣ 5 алтынъ“—такъ мало потому, очевидно, что архимандритъ останавливался въ какомъ нибудь монастырѣ, на даровыхъ хлѣбахъ.

По монастырскимъ дѣламъ архимандритъ вызвалъ въ Москву изъ Азова монастырскаго стряпчаго Конона Шустова, которому изъ монастырской казны дано *на дорогу двѣ гривны* (sic). По возвращеніи Шустову выдали еще 3 рубля, но они зачтены въ жалованье (л. 399).

На обратномъ пути, уже въ 1701 г., отъ Москвы до Острогожска (изъ той же „расходной книги“ архимандрита Іоасафа) израсходовано: въ *Тулѣ* куплена *винтовка* за *2* рубля и *„желѣзы“* (арестантскіе) за 6 алтынъ 4 деньги. Отъ Тулы до Острогожска истрачено на харчь 3 алтына 2 деньги.

Расходы въ Острогожскѣ: за 2 фунта свинцу и 2 фунта пороху дано 14 алтынъ, *„тяжи на коляску“* 8 денегъ, за ковку коней 10 алтынъ, дегтю на 4 алтына, харчи и другіе расходы 16 алтынъ 4 деньги.

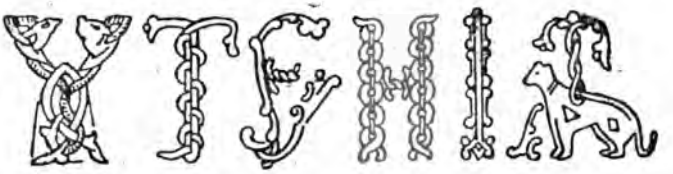
Кромѣ монастырскихъ 30 рублей, архимандритъ еще издержалъ „своихъ денегъ“ 13 рублей 9 алтынъ 2 деньги, да 6 „золотыхъ“ (л. 367).

Ранѣе этой третьей поѣздки 1700—1701 г., происходила въ началѣ 1700 г. вторая поѣзда архимандрита въ Москву, вѣроятно, въ январѣ или февралѣ, о чемъ говоритъ отдѣльный документъ: „1700 году, тетрать записная, что въ расходѣ денегъ монастырскихъ *отъ Москвы до Азова*... взялъ на тотъ расходъ архимандритъ Іоасафъ 30 рублей 10 алтынъ у монаха Петра на Москвѣ“ (л. 379).

Отнести этотъ документъ къ предыдущей поѣздкѣ нельзя, такъ какъ здѣсь совсѣмъ другой маршрутъ обратнаго пути архимандрита (именно: чрезъ Ефремовъ, Елецъ и Воронежъ, которыхъ нѣтъ въ „росходной книгѣ“ 1700—1701 гг., какъ въ „тетрати записной“ 1700 г. нѣтъ Острогожска), другіе расходы и разныя путевыя обстоятельства. Напр.: по „книгѣ расходной“ архимандритъ возвращался въ коляскѣ, а по „зап. тетради“—въ *саняхъ*, за кои уплочено, кажется въ Москвѣ, 13 алт. 2 деньги, или: по 1-й книгѣ въ Тулѣ куплена винтовка, а по 2-й—куплены тамъ 2 *бердыша* и 2 топора за 16 алт. 4 деньги, да *копье* за 10 денегъ и проч.

Записи „тетрати записной“ говорятъ, главнымъ образомъ, о расходахъ на путевыя харчи, о покупкѣ разныхъ хозяйственныхъ предметовъ и проч.

Н. Оглоблинъ.



ВЪСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга девятнадцатая.

Выпускъ I.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XIX, вып. 1-й

Отдѣлъ I.

стран.

Посвященіе настоящей книги и списокъ трудовъ проф. В. С. Иконникова, съ приложеніемъ его портрета и факсимиле 1

Отдѣлъ II.

Романтическій міръ Гоголя.—*Н. П. Дашкевича* 3

Отдѣлъ III.

Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшневскаго и его жены Маріи Казимировны изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 1

Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни.—Сообщилъ *О. А. Фотинскій* 33

Отдѣлъ IV.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.—*О. Ѳ. И. Титова* . 3

Отдѣлъ V.

Библіографическій вопросъ.—*А. И. Соболевскаго* . . . 1

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга девятнадцатая.

Выпускъ II.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XIX, вып. 2-й.

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Несторалѣтописца съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.

Сокращенное изложеніе сообщеній.

	стран.
Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія.—*А. С. Грушевскаго*	3
Изображеніе храма въ древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ.—*Г. Г. Павлуцкаго*	4
Придорожные кресты, иконы и статуи святыхъ въ селахъ Кіевскаго уѣзда.—*И. М. Каманина*	5
Дубровницкій Статутъ 1272 г.—*Т. Д. Флоринскаго*	7
Хиландарскій Синаксарь преп. Саввы Сербскаго.—*А. А. Дмитріевскаго*	10
Ученая дѣятельность А. Н. Пыпина.—*А. М. Лободы*	11
Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина.—*В. А. Чаговца*	—
Славяно-русскій Троянъ и императоръ Траянъ.—*Н. П. Дашкевича*	13
О существованіи въ Кіевѣ латинскихъ храмовъ.—*А. В. Стороженка*	16
Новооткрытый альбомъ видовъ и рисунковъ г. Кіева 1657 г.—*Н. И. Петрова*	19
О формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVI и XVII вв.—*О. И. Левицкаго*	22
О времени тысячелѣтія существованія г. Переяславля.—*П. В. Голубовскаго*	24

стран.

Олексій Поповичъ думы „про бурю на Чорному морі“.—*Н. П. Дашкевича* 28

Что представляли собой „село“ и „вервь“ Русской Правды?“—*М. Н. Ясинскаго* 31

Основныя положенія, выработанныя особой при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіей по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій.—*Ю. А. Кулаковскаго* 34

Старинныя деревянныя синагоги въ Юго-Западномъ краѣ“.—*Г. Г. Павлуцкаго* 39

Докладъ коммиссіи, избранной Обществомъ по вопросу объ охранѣ древнихъ памятниковъ и зданій . . 42

Отдѣлъ II.

Древности г. Люблина.—*А. В. Стороженка* 35

Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ (Эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.)—*А. С. Грушевскаго* . 51

Отдѣлъ III.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 51

Изъ переписки Запорожья XVI в. съ польскими вельможами.—Сообщилъ *А. В. Стороженко* 67

Отдѣлъ IV.

Черниговскій историко-археологическій отрывочный календарь на 1906 г.—*П. В. Голубовскаго* 21

А. Л. Петровъ: О подложности грамоты князя Ѳедора Коріатовича 1360 г. („Статьи по славяновѣдѣнію“, изд. Императ. Академіи Наукъ).—*А. Соболевскаго.* 25

J. T. Lubomirski: Adam Kisiel, wojewoda Kijowski. Warszawa. 1905 г.—*И. М. Каманина* 28

Отдѣлъ V.

Грамматика І. Ужевича (1643 г.).—*А. И. Соболевскаго.* 3

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й	книгъ по	2	р.	50	к.
„	VI-й	„ „	3	„	50	„
„	II, VII, IX, XIII	„ „	3	„		
„	VIII, X, XI	„ „	2	„		
„	XII	„ „	4	„		
„	XIV, вып. 1	„ „	1	„	25	„
„	— „ 2 и 3	„ „	1	„	40	„
„	XV, „ 1, 2, 3 и 4	„ „	1	„	50	„
„	XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)	4	„	50	„	
„	„ „ 4	„ „	1	„	50	„
„	XVII „ 1	„	1	„	50	„
„	„ „ 2, 3 и 4	„	1	„	25	„
„	XVIII „ 1 и 2	„	1	„	25	„
„	„ „ 3 и 4	„	2	„		
„	XIX „ 1	„	1	„	25	„

каждая — съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси". Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда", 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева" (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт." (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя", научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт." выходятъ томами въ 4 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга девятнадцатая.

Выпускъ III.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XIX, вып. 3-й.

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го ноября 1905 г. по 19-е марта 1906 г.

стран.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г., составленный *А. М. Лободою* 46

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Русскимъ.—*Н. П. Дашкевича* 56

Нѣсколько вводныхъ словъ о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ.—*Н. П. Дашкевича* 59

Достоевскій какъ человѣкъ и писатель—*И. А. Сикорскаго.* 63

Новая теорія о происхожденіи Руси.—*Ю. А. Кулаковскаго.* 68

Памяти историка Малороссіи Н. И. Костомарова.—*А. С. Грушевскаго* 70

„Горькая судьбина“ Писемскаго и ея литературный прототипъ.—*А. М. Лободы* 73

О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ.—*Г. М. Бараца* 74

Отдѣлъ II.

Судьба грамоты кн. Романа Галицкаго.—*И. М. Каманина* 71

стран.

Отдѣлъ III.

Новыя подробности къ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго.—Сообщилъ *А. В. Стороженко.* 73

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 81

Отдѣлъ IV.

Замѣтки о новыхъ книгахъ.—*А. В. Стороженка* 31

Отдѣлъ V.

Конецъ Кіевскихъ календарей.—*А. И. Соболевскаго* . . 9

Приходо-расходныя книги Азовскаго Предтечева монастыря, 1699—1701 г.г. (Къ характеристикѣ монастырскаго быта).—*Н. Н. Оглоблина* 11

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній“ по			2 р. 50 к	
„ VI-й	„	„	„ 3 „ 50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	„ 3 „	
„ VIII, X, XI	„	„	„ 2 „	
„ XII	„	„	„ 4 „	
„ XIV, вып. 1	„	„	„ 1 „ 25 „	каждая
„ — „ 2 и 3	„	„	„ 1 „ 40 „	съ пере-
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4	„	„	„ 4 „ 50 „	сылкой.
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)		„	„ 4 „ 50 „	
„ „ „ 4	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVII „ 1	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4	„	„	„ 1 „ 25 „	
„ XVIII „ 1 и 2	„	„	„ 1 „ 25 „	
„ „ „ 3 и 4	„	„	„ 2 „	
„ XIX „ 1 и 2	„	„	„ 1 „ 25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда“, 2 тома in 4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт.“ (Рѣчь и истор. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт.“ выходятъ томами въ 4 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга девятнадцатая.

Выпускъ IV.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера. Пушкинская, 20.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XIX-я, вып. IV-й.

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 16-го апрѣля по 9-е октября 1906 г.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

стр.

Неизданная служба въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки.—*А. А. Дмитріевскаго* . . 79
Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Ямпол. уѣз. Подол. губ.).—*И. М. Каманина* 80
Результаты работъ по подготовкѣ къ XIV-му Археологическому съѣзду въ г. Черниговѣ.—*граф. П. С. Уваровой* 82
О мнимомъ судѣ Божіемъ и о судѣ 12 мужей по Русской Правдѣ и по Закону Судному.—*Г. М. Бараца.* 84
Доля и Горе въ народной сказкѣ.—*А. И. Сонни* . . 88
Памятники каменной церковной архитектуры стиля „empire“ въ Полтавской губ.—*Г. Г. Павлуцкаго* . 94
„Три старца“ Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня.—*Ю. А. Яворскаго* . . . . . 97 и 99

Отдѣлъ II.

О путешествіи изъ Вѣны въ Москву въ 1655 г. Франа Гундулича.—*М. П. Петровскаго* 81
Подбережная каменная стѣна въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, сооруженная въ 1199—1200 г.г.—*С. Т. Голубева* 88

стр.

Отдѣлъ III.

Опись лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 году.—Сообщилъ *В. Л. Модзалевскій*. 105

Отдѣлъ IV.

Къ вопросу о народности Македонскихъ славянъ.—*Т. Д. Флоринскаго* 39

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній“ по			2 р.	50 к	
„ VI-й	„	„	3 „	50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	3 „		
„ VIII, X, XI	„	„	2 „		
„ XII	„	„	4 „		
„ XIV, вып. 1	„	„	1 „	25 „	каждая съ пересылкой.
„ — „ 2 и 3	„	„	1 „	40 „	
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4	„	„	1 „	50 „	
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)		„	4 „	50 „	
„ „ „ 4	„	„	1 „	50 „	
„ XVII „ 1		„	1 „	50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4	„	„	1 „	25 „	
„ XVIII „ 1 и 2	„	„	1 „	25 „	
„ „ „ 3 и 4	„	„	2 „		
„ XIX „ 1—3	„	„	1 „	25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда“, 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт.“ (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

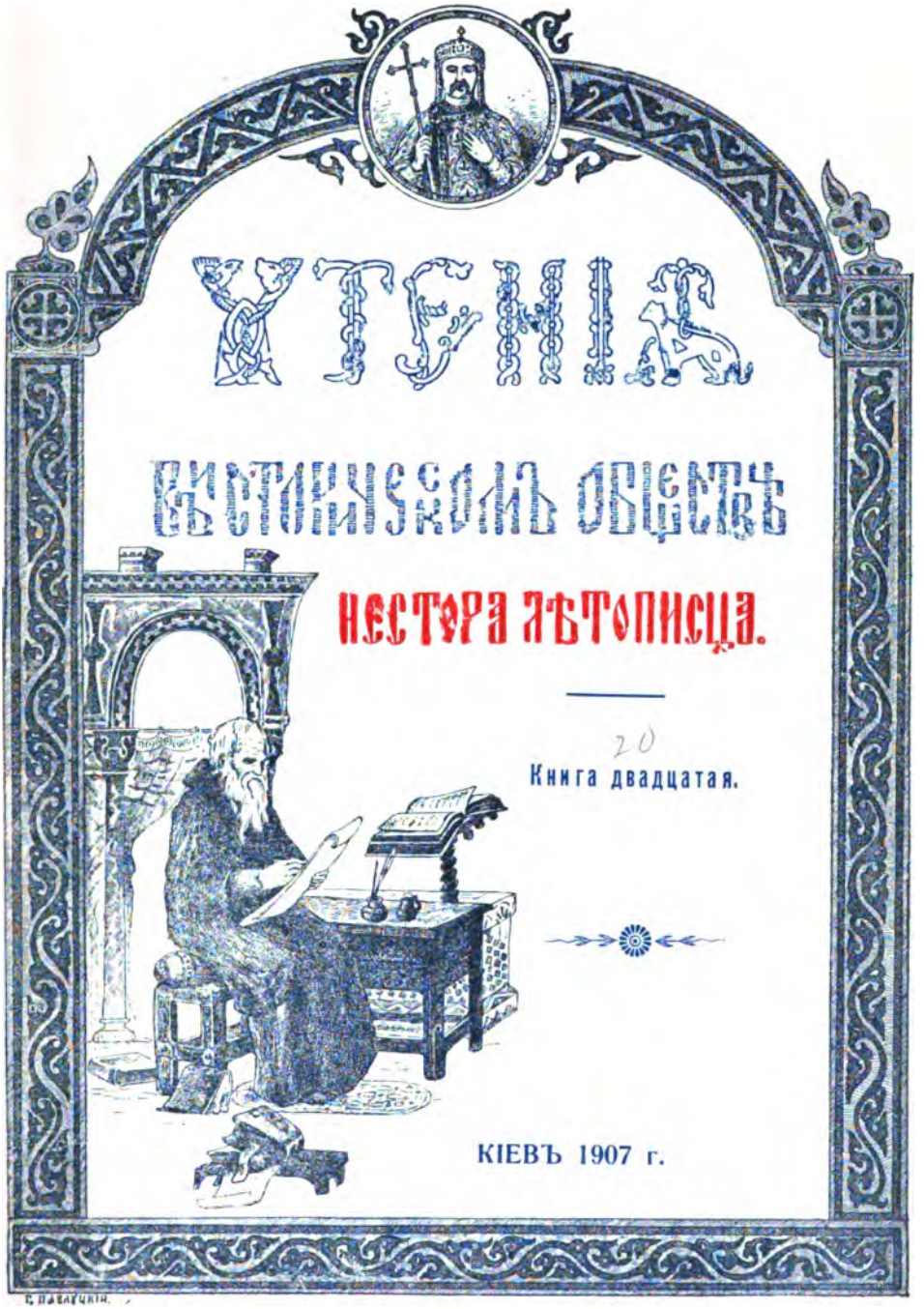
Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт.“ съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*



ЧТЕНІЯ

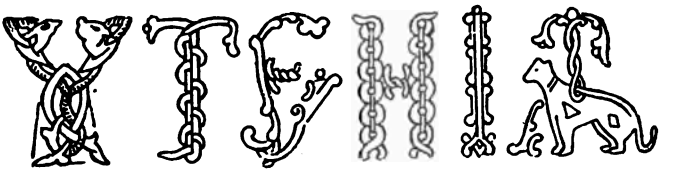
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

20

Книга двадцатая.

КІЕВЪ 1907 г.



ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская. 20.
1907.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XX-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й.

СТРАН.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 года по 27-е октября 1906 г., составленный Секретаремъ Общества *А. М. Лободою* 3

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи великой французской революціи.—*П. Н. Ардашева* 13

Вып. 2-й.

Значеніе А. Н. Веселовскаго въ разработкѣ исторіи русской литературы.—*А. М. Лободы* 19

А. Н. Веселовскій, какъ профессоръ и преподаватель.—*В. Н. Перетца* 27

стран.

О неизданномъ византійскомъ памятникѣ X в. по военнымъ древностямъ.—*Ю. А. Кулаковскаго* 30
Новые научные труды акад. Н. П. Кондакова по археологіи и исторіи искусства.—*В. Т. Георгіевскаго* . 33
Вопросъ о старостваxъ на 4-лѣтнемъ сеймѣ (1788—1792 гг.).—*В. И. Щербины* 36
О переселеніи полтавскихъ казаковъ на Черноморье и Тамань въ началѣ прошлаго столѣтія.—*И. Ф. Павловскаго* 37
Интересный юридическій обычай конца XI-го вѣка.—*П. В. Голубовскаго* 38
О происхожденіи острогожскаго полковника Саса.—*В. Е. Данилевича* 39
Археологическія изслѣдованія въ Курской губерніи.—*В. П. Каншина* 40
Внѣшняя исторія Магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Россіи съ половины XVII и до конца XVIII в.—*Д. И. Багалѣя* 47
Нѣсколько словъ въ память В. И. Модестова.—*Ю. А. Кулаковскаго* 49
Опытъ указанія параллелей къ „Плачу Ярославны".—*Н. П. Дашкевича* 50

Вып. 3 й.

Еврейскіе источники для лѣтописныхъ сказаній о св. Владимірѣ и Рогнѣдѣ.—*Г. М. Бараца* 53
Научная дѣятельность А. И. Булгакова.—*В. З. Завитневича* 56
Историческій матеріализмъ.—*П. Н. Ардашева* 58
Дума объ Иванѣ Коновченкѣ.—*Н. П. Дашкевича.* . . 64
Къ исторіи галицко-русскаго фольклора XVIII в.—*Ю. А. Яворскаго* 65
Договоръ рады Вел. Княжества Литовскаго.—*М. В. Довнаръ-Запольскаго* 66

СТРАН.

Е. Н. Дверницкій и А. А. Кочубинскій.—*А. А. Дмитріевскаго.* 69

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „изгой".—*А. І. Степовича* 70

О паломническихъ караванахъ въ Назаретъ на праздникъ Благовѣщенія.—*А. А. Дмитріевскаго* . . . 76

Объ одномъ изъ эпизодовъ Тидрекъ-саги.—*И. В. Шаровольскаго* 80

О значеніи великой Московской смуты въ исторіи до-Петровской Руси.—*В. З. Завитневича* 81

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й.

Плачъ Кіев. лавр. Іереміи XVIII-го в.—*И. М. Каманина.*

Вып. 2-й.

Былъ-ли московскій митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?—*П. П. Соколова* 23

Вып. 3-й.

Памяти почетнаго члена Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, заслуженнаго ординарнаго профессора и академика, Николая Павловича Дашкевича († 20 января 1908 г.): 39

1) Рѣчь *Ю. А. Кулаковскаго.* 42

2) „ *Т. Д. Флоринскаго* 45

3) „ *А. М. Лободы* 56

4) „ *И. В. Шаровольскаго* 60

5) „ *И. М. Каманина.* 77

„Полтава" Пушкина.—*Н. П. Дашкевича* 83

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й.

Путешествіе Франца Гундулича въ 1655—1656 гг.—Сообщилъ *М. П. Петровскій* 3

СТРАН.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 41

Вып. 2-й.

„Казанье Мелетія Смотрицкого на честный погребъ о. Леонтія Карповича".—Сообщилъ *С. И. Масловъ* . 101

Вып. 3-й.

Текстъ „Казанья Мелетія Смотрицкого на честный погребъ о. Леонтія Карповича".—Сообщилъ *С. И. Масловъ* 121

Отдѣлъ IV.

Вып. 2-й.

Новая гипотеза о происхожденіи такъ называемой Грюнвальдской пѣсни.—*Ю. А. Яворскаго* 3

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

О двухъ подложныхъ грамотахъ:—кн. Льва Галицкаго и гетмана Богдана Хмельницкаго.—*И. М. Каманина* 3

Вып. 2-й.

П. Ѳ. Кузьмищевъ—корреспондентъ В. И. Даля—*В. И. Саввы* 13

Вып. 3-й.

Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI-го вѣка—*Ю. А. Яворскаго* 52

Отдѣлъ I.

Лѣтопись дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 г. по 27-е октября 1906 г.

Составленъ секретаремъ Общества А. М. Лободой.

27-го сего октября закончился 34-ый годъ существованія и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, и въ настоящемъ засѣданіи Общество имѣетъ честь представить отчетъ за истекшій годъ.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27 октября 1905 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 158 членовъ: 25 поч., 127 дѣйств. и 6 чл.-корреспондентовъ.

Изъ нихъ Общество лишилось почетнаго члена академика Александра Николаевича Веселовскаго и дѣйствительныхъ членовъ И. В. Помяловскаго и Матвѣя Ивановича Соколова.

Въ лицѣ Александра Николаевича Веселовскаго наука потеряла одного изъ наиболѣе энергичныхъ и разносторонныхъ дѣятелей. Свои обширныя познанія въ области запад.-европ. литературы А. Н., по примѣру лучшихъ нашихъ изслѣдователей, примѣнялъ, главнымъ образомъ, для обогащенія и освѣщенія литературы русской. Такъ, изъ занятій А. Н. итальянской литературой родился классическій переводъ „Декамерона“ Боккачьо на русскій языкъ, гдѣ удивительно выдер-

жанъ духъ, характеръ подлинника и блещетъ мастерское умѣнье владѣть роднымъ словомъ. Широко же поставленное сравнительное изученіе литературъ иностранныхъ и русской привело къ созданію у насъ цѣлой школы т. н. „междуроднаго общенія", родоначальникомъ и вождемъ которой явился А. Н. Проливая истинный свѣтъ на многія черты и сюжеты русской литературы, которые раньше считались продуктомъ самобытнаго національнаго творчества, а въ дѣйствительности оказались только частными звеньями длинной международной цѣпи, сравнительно-историческія разысканія А. Н. разъяснили многое и въ самомъ процессѣ поэтическаго творчества; какъ создатель у насъ научной теоріи словесности, А. Н. раздѣляетъ эту славу только съ Потебней.

Высоко чтя эти заслуги А—а Н—а, Историч. Общество Нестора-лѣтописца намѣтило въ ближайшемъ будущемъ посвятить особое засѣданіе болѣе обстоятельной характеристикѣ его.

И. В. Помяловскій (1845—1906) по самымъ условіямъ своего воспитанія и семейной обстановки былъ какъ бы предназначенъ съ дѣтства къ ученому поприщу. Дѣйствительность оправдала это предназначеніе, и онъ стяжалъ себѣ крупное ученое имя въ рядахъ отечественныхъ классиковъ и византиновѣдовъ. Его отецъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ іереевъ С.-Петербургской епархіи, собралъ огромную библіотеку преимущественно въ области русской литературы. Страсть къ книгамъ была унаслѣдована И. В. отъ отца, и та библіотека, которую онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, является однимъ изъ самыхъ крупныхъ частныхъ книгохранилищъ въ Россіи. И. В. охотно дѣлился своими книжными сокровищами съ нуждавшимися въ его помощи, и къ нему часто шли за книгой, которой не было еще въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Не было такой новинки въ области классической филологіи или византиновѣдѣнія, которая бы немедленно не появлялась въ библіотскѣ И. В. Ученое поприще И. В. началось очень рано: черезъ два года по окончаніи университетскаго курса онъ былъ уже

магистромъ въ избранной имъ научной спеціальности и вступилъ въ ряды университетскихъ преподавателей. Свою ученую подготовку, пріобрѣтенную въ родномъ университетѣ, И. В. упрочилъ въ Германіи и Италіи, гдѣ онъ много поработалъ надъ непосредственнымъ изученіемъ памятниковъ Римской старины. Свои богатыя познанія онъ принесъ на службу родному университету, въ которомъ онъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ и признаніемъ. Духовная обстановка его дѣтства дѣлала ему особенно близкой область агіологіи, и, ревностно участвуя въ трудахъ Палестинскаго Общества, онъ издавалъ въ ученой обработкѣ древнѣйшія путешествія въ Палестину. Съ 1885 по 1900 г. имъ былъ изданъ полный переводъ Палестинскаго Патерика. Свои труды по агіологіи онъ продолжалъ въ изданіяхъ Спб. Университета и Общества Любителей Древней Письменности. Дѣятельно сотрудничалъ И. В. въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, Византійскомъ Временникѣ и другихъ изданіяхъ. Свои археологическіе интересы И. В. засвидѣтельствовалъ въ цѣломъ рядѣ работъ по римскимъ древностямъ, а вызванные къ жизни гр. Уваровымъ Археологическіе съѣзды послужили ему поводомъ искать темы для археологическихъ работъ и на родной почвѣ. Всю свою жизнь И. В. принималъ непосредственное участіе въ трудахъ Имп. Археологическаго Общества и помимо личнаго участія оказалъ ему большія услуги своимъ умѣніемъ привлекать и поддерживать молодыя ученыя силы. Добрый, привѣтливый и доброжелательный, снисходительный къ другимъ и строгій къ себѣ, И. В. остается въ памяти у всѣхъ его знавшихъ, какъ истинный представитель науки, вѣрно ей послужившій до конца своихъ дней.

Имя Матвѣя Ивановича Соколова мало извѣстно въ широкихъ кругахъ общества, но пользуется крупнымъ и вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ среди спеціалистовъ. Смѣнивъ Тихонравова въ Московскомъ университетѣ, онъ съ честью продолжалъ дѣло своего предшественника и даже расширилъ его въ сторону бо́льшаго привлеченія къ изу-

ченію русской литературы памятниковъ южно-славянскихъ; подобно же Тихонравову, онъ вскорѣ сталъ центромъ и вдохновителемъ цѣлаго кружка молодыхъ ученыхъ. Въ печати извѣстно не много трудовъ Матвѣя Ивановича, но, быть можетъ, именно потому только, что онъ такъ много вниманія обращалъ на тщательную обработку изслѣдуемаго матеріала; его работы не велики, но за то разработаны со всей тщательностью и красотой художественной миніатюры.

Затѣмъ, 6 членовъ Общества признаны Совѣтомъ, на основаніи § 18 Устава, сложившими съ себя званіе членовъ Общества.

Новыхъ членовъ избрано 3: проф. А. И. Покровскій, докторъ слав. филологіи Вѣнскаго университета Ю. А. Яворскій и профессорскій стипендіатъ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія А. М. Лукьяненко.

Д. членъ Ю. А. Кулаковскій, по случаю 30-лѣтія его дѣятельности, былъ возведенъ въ поч. члены Общества, какъ одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ его членовъ, несшій одно время также обязанности его предсѣдателя.

Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года Историч. Общество Нестора-лѣтописца насчитываетъ въ своемъ составѣ 152 члена: 25 почетныхъ, 121 дѣйствительнаго и 6 чл.-корресп. Изъ нихъ 83, а именно: 7 почетныхъ, 73 дѣйствительныхъ и 3 члена-корреспондента значатся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Въ октябрѣ 1905 г. истекъ срокъ полномочій членамъ *Бюро* Общества, и потому въ началѣ отчетнаго года произведены были новые выборы ихъ, давшіе слѣдующіе результаты: предсѣдателемъ былъ избранъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя—д. чл. А. А. Дмитріевскій, секретаремъ—д. чл. А. М. Лобода, казначеемъ—д. чл. Г. Г. Павлуцкій, библіотекаремъ и помощникомъ секретаря—д. чл. И. М. Каманинъ.

Изъ состава членовъ Совѣта, согласно § 24 Устава, выбыло 4 члена: Г. Е. Аѳанасьевъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ; вмѣсто нихъ общимъ собра-

ніемъ избраны: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, А. В. Стороженко, М. Н. Ясинскій, и такимъ образомъ въ настоящее время составъ Совѣта слѣдующій: 1) члены Совѣта по должности—предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ, товарищъ его А. А. Дмитріевскій, секретарь А. М. Лобода, казначей Г. Г. Павлуцкій; 2) члены-учредители: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Н. И. Петровъ; 3) 8 членовъ по избранію: М. Ф. Владимірскій-Будановъ, С. Т. Голубевъ, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, Ю. А. Кулаковскій, А. В. Стороженко, Т. Д. Флоринскій, М. Н. Ясинскій.

Изъ нихъ членами Редакціоннаго Комитета являются 4 члена Совѣта по должности и 3 по избранію: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 4; засѣданій Редакціоннаго Комитета—1.

Свѣдѣнія о состояніи Библіотеки и денежныхъ суммъ Общества.

I. Библіотека Общества.

Въ Библіотекѣ Общества Нестора-лѣтописца

1) въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ къ 27 октября 1905 года имѣлось 2776 названій въ 6217 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило 104 названія въ 193 томахъ и брошюрахъ, и такимъ образомъ къ 27 октября 1906 г. состоитъ на лицо 2880 названій въ 6410 томахъ и брошюрахъ.

Изъ числа поступившихъ книгъ заслуживаетъ вниманія книга, страницы которой, каждая въ отдѣльности, вырѣзывались на деревѣ; шрифтъ церковно-славянскій уставный, 1771 г. Содержаніе книги—описаніе Іерусалимскихъ храмовъ; къ описанію прилагается и изображеніе ихъ.

2) Въ отдѣлѣ рукописей къ 27 октября 1905 г. было:

а, древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 15

б, рукописныхъ книгъ XIX в. 7

в, фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

г, отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ до конца XVIII в.. . . . . 2 связки

и д, небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованная сестрой поэта, почет. членомъ нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года новыхъ поступленій не было, и на лицо состоитъ прежнее количество рукописей.

3) Небольшой музей Общества, до сихъ поръ не выходящій изъ зачаточнаго состоянія, новыхъ поступленій также не имѣлъ.

II. Суммы Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году находились въ слѣдующемъ движеніи.

ОСТАТОКЪ КЪ 27-МУ ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА:

1) Билетъ въ 1000 руб.	
2) Билетъ въ 1538 руб.	
3) Наличными (на текущемъ счету) . . .	384 р. 88 к.
Всего . . .	2922 р. 88 к.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОСТУПИЛО ВЪ ПРИХОДЪ:

1) Членскіе взносы (29)	145 р. — к.
2) Пособіе отъ казны	800 р. — к.
3) Единовременное пособіе отъ казны . .	500 р. — к.
4) Доходъ съ % бумагъ и % по текущему счету	135 р. 32 к.
	1580 р. 32 к.

Всего, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года,--**4503 р. 20 к.**

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ИЗРАСХОДОВАНО:

1) на изданіе 1 вып. XIX кн. „Чтеній“ . .	217 р. 52 к.
2) На устройство засѣданій	51 р. 90 к.
3) Прислугѣ	61 р. 50 к.
4) Канцелярскіе и мелочные расходы . .	53 р. 13 к.
Итого . .	**384 р. 5 к.**

Остатокъ къ 27-му октября 1906 года:

1) Билетъ въ 1000 руб.
2) Билетъ въ 2150 руб.
(Сумма этого билета образовалась изъ суммы прежняго билета въ 1538 руб. съ присоединеніемъ къ ней по постановленію Совѣта 10% взловаго дохода и 500 р. единовременнаго пособія).
3) Наличными деньгами . . . . . 969 р. 15 к.

Всего . . . **4119 р. 15 к.**

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историч. Общества Нестора-лѣтописца выражалась, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году всѣхъ засѣданій Общества было 13 (противъ 10 за прошлый годъ), при чемъ одно изъ нихъ было посвящено заключенію предыдущаго отчетнаго года, такъ какъ въ октябрѣ прошлаго 1905 г. обычное годичное собраніе не состоялось, по не зависящимъ отъ Общества обстоятельствамъ; изъ остальныхъ 1—административное, для выбора должностныхъ лицъ, 1 нынѣшнее годичное и 10 очередныхъ. Въ нихъ доложены были сообщенія слѣдующихъ 16 членовъ Общества (противъ 15 прошлаго года): А. С. Грушевскаго, Н. П. Дашкевича, А. И. Соболевскаго, А. В. Стороженка (по 2 сообщенія), П. Н. Ардашева, Г. М. Бараца, П. В. Голубовскаго, А. А. Дмитріевскаго, И. М. Каманина, Ю. А. Кулаковскаго, А. М. Лободы, Н. Н. Оглоблина, Г. Г. Павлуцкаго, И. А. Сикорскаго, А. И. Сонни, Ю. А. Яворскаго (по 1 сообщенію).

Всего сообщеній, такимъ образомъ, было сдѣлано 20 (какъ и за прошлый годъ).

Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній носили характеръ юбилейныхъ поминокъ; таковы: „Нѣсколько вводныхъ словъ

о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ" Н. П. Дашкевича; сообщеніе А. С. Грушевскаго, давшаго общую характеристику научной дѣятельности Н. И. Костомарова (къ 20-лѣтію со дня его смерти); сообщеніе И. А. Сикорскаго, обрисовавшаго „Душевныя черты Ѳ. М. Достоевскаго, какъ человѣка и писателя", и сообщеніе А. М. Лободы, указавшаго на связь „Горькой судьбины" Писемскаго съ „Ульяной" Крашевскаго.

Изъ остальныхъ докладовъ большинство приходится на долю южно-русской старины и народности.

Г. Г. Павлуцкій, продолжая свою серію разысканій въ области стараго зодчества на Украинѣ, охарактеризовалъ памятники каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полт. г.; И. М. Каманинъ отмѣтилъ крестъ въ с. Молчанахъ и, выясняя обстоятельства, при которыхъ онъ сооруженъ, вскрылъ одинъ изъ характерныхъ кровавыхъ эпизодовъ временъ уніи; А. В. Стороженко далъ общій критическій обзоръ памятниковъ древности въ г. Люблинѣ.

Юридическимъ древностямъ края были посвящены доклады Г. М. Бараца, пытавшагося установить наличность въ Русской Правдѣ древне-еврейскаго вліянія, и А. И. Соболевскаго, подвергшаго пересмотру доводы А. Л. Петрова относительно подложности грамоты кн. Ѳеодора Коріатовича 1360 г. и признавшаго ихъ мало обоснованными.

Любопытныя данныя для характеристики монастырской жизни XVII—XVIII вв. извлекъ Н. Н. Оглоблинъ изъ „Приходо-расходной книги Азовскаго Предтечева монастыря 1699—1701 гг.", а А. В. Стороженко познакомилъ Общество съ открытымъ имъ документомъ, вносящимъ новыя подробности въ біографію Запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго.

Южно-русской библіографіи касались доклады: А. С. Грушевскаго—о литературной судьбѣ „Исторіи Руссовъ" псевдо-Конисскаго, А. И. Соболевскаго—объ обстоятельствахъ, положившихъ конецъ старымъ Кіевскимъ календарямъ XVIII вѣка, и П. В. Голубовскаго—о Черниговскомъ историко-археологическомъ календарѣ на 1906 г.

Одного изъ загадочныхъ и понынѣ не разрѣшенныхъ вопросовъ начальной исторіи всей вообще Руси касался докладъ Ю. А. Кулаковскаго: „Новая теорія о происхожденіи имени Русь"; докладчикъ изложилъ взглядъ Марквардта и сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу его.

Въ области фольклора А. И. Сонни подвергъ критической провѣркѣ извѣстныя доселѣ объясненія нашихъ народно-поэтическихъ представленій о долѣ и горѣ и съ своей стороны обратилъ вниманіе на связь ихъ съ нѣкоторыми представленіями и вѣрованіями древне-римскими; Ю. А. Яворскій далъ обстоятельный сводъ народно-поэтическихъ источниковъ разсказа Л. Н. Толстого: „Три старца".

Византино-русской церковной исторіи касался докладъ А. А. Дмитріевскаго, познакомившаго общество съ новооткрытой имъ службой въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки.

„Смѣна вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Руси" была въ послѣдовательномъ своемъ развитіи обрисована Н. П. Дашкевичемъ.

Наконецъ, одному изъ крупнѣйшихъ событій міровой исторіи посвящается нынѣшняя годичная рѣчь П. Н. Ардашева.

Доклады, прочитанные въ засѣданіяхъ Общества, а равно и матеріалы, представляемые членами Общества, полностью или въ сокращеніи, печатаются въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", по 4 вып. ежегодно.

Въ отчетномъ году вышелъ 1-ый выпускъ XIX-ой книги и печатается 2 ой.

Сверхъ того, Общество принимаетъ участіе въ работахъ по подготовкѣ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, въ 1908 г., и одно изъ засѣданій Общества, въ присутствіи и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, было посвящено организаціи такихъ работъ въ районѣ дѣятельности Общества.

Наконецъ, Общество организовало въ 1905/6 отчетномъ году публичныя лекціи по исторіи и литературѣ, и запись

на нѣкоторые изъ объявленныхъ курсовъ далеко превысила норму, при которой было признано возможнымъ начать чтеніе лекцій. Къ сожалѣнію, организація послѣднихъ, по не зависѣвшимъ отъ Общества обстоятельствамъ, закончилась такъ поздно, что онѣ въ отчетномъ году не могли состояться.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

I. Засѣданіе 1-го ноября 1906 г.

а, Въ настоящемъ торжественномъ годичномъ засѣданіи г. секретарь Общества **А. М. Лобода** прочелъ составленный имъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1905 г. по 27-е октября 1906 г.“* (см. выше).

Опредѣлили: отчетъ утвердить.

б, Д. чл. **Н. П. Ардашевъ** произнесъ рѣчь на тему: *„Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи Великой Французской революціи“*.

Сущность рѣчи заключается въ слѣдующемъ.

Несмотря на количественное богатство исторической литературы, имѣющей своимъ предметомъ эпоху Великой Французской революціи, эпоха эта, въ дѣйствительности, представляетъ собою одинъ изъ наименѣе разработанныхъ въ научномъ смыслѣ періодовъ въ исторіи Франціи. Трудно указать въ исторіи Франціи другую эпоху, относительно которой существовало бы въ исторической литературѣ столько невыясненнаго, неразрѣшеннаго, спорнаго. Можно сказать, что, въ смыслѣ научно-исторической разработанности, эпоха

Великой Французской революціи значительно уступаетъ нѣкоторымъ изъ гораздо болѣе раннихъ періодовъ французской исторіи,—хотя бы, напримѣръ, какой-нибудь эпохѣ Меровинговъ. Недостаточная, съ научно-исторической точки зрѣнія, разработка революціонной эпохи обусловливается, главнымъ образомъ, именно близостью послѣдней къ нашему времени, которое связано съ ней множествомъ живыхъ, органическихъ нитей. Вѣдь всѣ главнѣйшія политическія и соціальныя проблемы, что волновали французское, да и все европейское общество въ XIX в. и продолжаютъ въ настоящее время волновать,—всѣ онѣ связаны болѣе или менѣе тѣсною историческою преемственностью съ эпохой Великой революціи. Отсюда—недостатокъ *исторической объективности*, т. е. безпристрастнаго отношенія къ изучаемымъ фактамъ и явленіямъ,—недостатокъ, которымъ страдаютъ почти всѣ „Исторіи французской революціи". Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно первыхъ историковъ революціи. Они ее не столько *изучали исторически,* изслѣдовали съ точки зрѣнія самодовлѣющей исторической истины,—сколько *трактовали публицистически,* разсматривая ее черезъ призму современной имъ политической дѣйствительности. И врядъ ли это простая случайность, что въ роли историковъ Великой революціи выступаютъ впервые не кабинетные ученые, а журналисты и общественные дѣятели; таковы—Тьеръ, Минье, Луи-Бланъ. При всей своей внушительности (соч. Тьера—10 томовъ, Луи-Блана—12 т.), связанныя съ этими именами объемистыя „Исторіи революціи" представляютъ собою не столько научно-историческія произведенія, сколько политическіе памфлеты—только въ исторической оболочкѣ. Первымъ историкомъ революціи изъ кабинетныхъ ученыхъ является Мишле. Но Мишле—это въ сущности поэтъ, ошибшійся своимъ призваніемъ и сдѣлавшійся по ошибкѣ кабинетнымъ ученымъ. Это—историкъ по недоразумѣнію. Но Мишле не только *поэтъ,* онъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще и *публицистъ,* который не прочь, подобно своимъ предшественникамъ и современникамъ, профессіональнымъ журнали-

стамъ, смотрѣть на историческое прошлое сквозь призму современной злобы дня. Впрочемъ, недостатокъ исторической объективности продолжаетъ оставаться и позднѣе—вплоть до нашихъ дней—наиболѣе слабымъ мѣстомъ французской исторіографіи революціонной эпохи. Исключенія не составляетъ и Тэнъ, хотя онъ ставитъ своею задачею „изучить происхожденіе современной Франціи съ такою же научной объективностью, съ какою натуралистъ изучаетъ метаморфозы какого-нибудь насѣкомаго". Не вполнѣ удается разрѣшить задачу исторической объективности и новѣйшему историку революціи—проф. Олару. Еще въ бо́льшей степени этимъ недостаткомъ страдаетъ новѣйшій трудъ по исторіи Великой революціи, принадлежащій перу извѣстнаго французскаго журналиста и политическаго дѣятеля Жореса. Впрочемъ, соціалистъ Жоресъ и самъ нисколько не претендуетъ на научную объективность своего сочиненія, которое онъ столько же смѣло, сколько и откровенно озаглавливаетъ „Histoire socialiste" („Соціалистская исторія"). Эпоха великой Французской революціи, долгое время остававшаяся исключительнымъ удѣломъ національной французской исторіографіи, въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ область международной, общеевропейской исторической литературы. Само собою понятно, что ученымъ, стоящимъ внѣ непосредственнаго соприкосновенія съ французскою политическою современностью, столькими живыми нитями связанною съ великой революціей, задача исторической объективности является гораздо менѣе трудно выполнимой, чѣмъ для историковъ-французовъ. Но не-французская (гл. обр. нѣмецкая и русская) исторіографія революціонной эпохи, если оставить въ сторонѣ не имѣющія научнаго значенія популярныя компиляціи, состоитъ почти исключительно изъ различныхъ, часто мелкихъ *монографій* болѣе или менѣе спеціальнаго характера, почему и остается по большей части совершенно неизвѣстною широкимъ кругамъ читающей публики. Впрочемъ, и въ самой Франціи историческая литература о революціонной эпохѣ все болѣе и болѣе принимаетъ *моно-*

графическій характеръ, раздѣляя въ этомъ отношеніи общую тенденцію новѣйшей исторіографіи во всѣхъ ея областяхъ. Исходною точкою прогрессивно растущей въ новѣйшее время монографической исторіографіи революціонной эпохи является сложившееся убѣжденіе частью въ несостоятельности, частью въ недостаточности всѣхъ до сихъ поръ имѣвшихъ мѣсто попытокъ историческаго возсозданія этой эпохи. Несостоятельность и недостаточность послѣднихъ обусловливается, независимо отъ отмѣченнаго уже недостатка исторической объективности, еще тремя обстоятельствами: 1) недостаточностью и неудовлетворительностью привлекавшихся до сихъ поръ къ этому историческому возсозданію источниковъ, 2) недостаточно внимательнымъ отношеніемъ историковъ къ требованіямъ научно-историческаго метода и 3) одностороннимъ интересомъ большинства историковъ революціи къ политической сторонѣ изучаемой эпохи, при чемъ другія стороны послѣдней—соціальная, экономическая, культурная—оставляются въ тѣни. Задачею новѣйшей монографической исторіографіи революціонной эпохи и является, вмѣстѣ съ пересмотромъ политической исторіи послѣдней, также реконструкція мало разработанныхъ сторонъ этой эпохи—соціальной, экономической, культурной. Работа, совершающаяся въ нѣдрахъ монографической литературы, имѣетъ въ общемъ подготовительный характеръ. Собирается историческій матеріалъ, разбирается, очищается отъ негодныхъ примѣсей (къ числу которыхъ относятся различныя, по большей части прочно засѣвшія въ популярныхъ „Исторіяхъ революціи“ *легенды,* однѣ *революціонныя*, другія *противореволюціонныя*), обрабатывается, подгоняется къ отдѣльнымъ частямъ будущаго научно-историческаго зданія. Помимо единичныхъ изслѣдователей, въ послѣднее время возникаютъ различныя организаціи для объединенія единичныхъ усилій въ совмѣстной работѣ изслѣдованія. Важнѣйшими изъ такихъ организацій являются: 1) возникшее около 20 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ ученое „Общество исторіи французской революціи“, издающее съ тѣхъ поръ ежемѣсячный научно-историческій

журналъ „La Révolution", спеціально посвященный исторической разработкѣ революціонной эпохи, и 2) учрежденная два года тому назадъ, по постановленію французской палаты депутатовъ, „Коммиссія для разысканія и опубликованія документовъ, относящихся къ экономической исторіи французской революціи". Коммиссія эта, въ составъ которой вошло много видныхъ ученыхъ, имѣетъ свои многочисленныя развѣтвленія въ формѣ „департаментскихъ комитетовъ". За непродолжительное свое существованіе „Коммиссія" уже опубликовала цѣлый рядъ важныхъ документовъ по исторіи революціонной эпохи. Все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ разработкѣ этой эпохи принимаютъ въ послѣднее время и различныя ученыя общества во Франціи, какъ столичныя, такъ и провинціальныя. Далѣе, въ послѣднее время и университеты французскіе начинаютъ проявлять все болѣе и болѣе интереса къ новѣйшей исторіи и, въ частности, къ исторіи революціонной эпохи. Въ программахъ университетскихъ лекцій все чаще и чаще встрѣчаются курсы, посвященные этой послѣдней, а въ Парижскомъ университетѣ существуетъ въ настоящее время даже особая каѳедра исторіи революціонной эпохи (основанная около 20 лѣтъ тому назадъ). Наконецъ, въ послѣдніе годы стали появляться—вещь недавно еще неслыханная!—докторскія диссертаціи, посвященныя разработкѣ различныхъ деталей революціонной эпохи, еще не такъ давно считавшейся какъ бы стоящею за предѣлами вѣдомства научной исторіи.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

II. Засѣданіе 12 ноября 1906 г.

1, Настоящее засѣданіе, посвященное памяти скончавшагося почетнаго члена Общества, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ *Александра Николаевича Веселовскаго* открылось рѣчью г. Предсѣдателя Общества **Н. П. Дашкевича,** въ которой онъ очертилъ дѣятельность А. Н. Веселовскаго, какъ ученаго, и пригласилъ собраніе почтить память почившаго вставаніемъ. Затѣмъ,

2, Д. чл. **Гр. Ф. Г. Де-ла-Бартъ** прочелъ сообщеніе: *„А. Н. Веселовскій и его общественное и научное значеніе“.*

3, Д. чл. **А. М. Лобода** отмѣтилъ *„Значеніе А. Н. Веселовскаго въ разработкѣ исторіи русской литературы“.*

Необычное впечатлѣніе производитъ значительная часть, если не большинство работъ А. Н. Веселовскаго; въ нихъ не рѣдкость встрѣтить чрезмѣрное преобладаніе сырого матеріала; иногда авторъ только ставитъ вопросъ, а въ другомъ случаѣ какъ-будто слишкомъ спѣшитъ съ обобщеніями своихъ частныхъ наблюденій; извѣстны случаи, когда авторъ самъ отказывался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и положеній, замѣняя ихъ новыми. Наконецъ, многія работы такъ

и не были доведены до конца, въ родѣ, напримѣръ, интересной и весьма цѣнной серіи этюдовъ о южно-русскихъ былинахъ.

И, однако, при всемъ томъ, работы Веселовскаго читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ и являются настольными книгами каждаго занимающагося вопросами, затронутыми въ нихъ. Съ именемъ Веселовскаго тѣсно связано цѣлое направленіе въ изученіи нашей народной словесности; онъ является главой и отчасти создателемъ цѣлой школы изслѣдователей.

Въ чемъ же секретъ этого значенія его, чѣмъ обусловлено такое вліяніе его научной дѣятельности?

Когда берешь въ руки сочиненія Веселовскаго, прежде всего поражаешься обширной эрудиціей автора: чувствуется, что предъ нами знатокъ своего дѣла, который основательно изучилъ все относящееся къ нему и свободно распоряжается матеріаломъ; нечего и говорить, что, за немногими исключеніями, онъ работаетъ по первоисточникамъ.

Въ настоящее время все чаще и чаще встрѣчается типъ ученаго—спеціалиста, который сосредоточиваетъ свое вниманіе надъ одной какой-нибудь отраслью данной науки и ею дѣйствительно успѣваетъ овладѣть въ совершенствѣ, но зато въ остальныхъ вопросахъ его свѣдѣнія довольно общи. Конечно, и въ безбрежномъ мірѣ международныхъ литературъ найдется не мало пространствъ, не запечатлѣнныхъ слѣдами ученой дѣятельности Веселовскаго; самъ изслѣдователь открыто сознавался въ этомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли можно назвать его узкимъ спеціалистомъ. Процессы народно-поэтическаго и вообще литературнаго творчества, обширный кругъ т. н. народной словесности и обряда, духовные стихи, апокрифы и легенды, старинные романы и повѣсти, западно-европейское средневѣковое возрожденіе и новая русская литература—это размахъ солидныхъ размѣровъ, достаточно свидѣтельствующій о широтѣ умственныхъ интересовъ изслѣдователя и о его научной подготовкѣ.

Среди работъ Веселовскаго есть такія, которыя главнымъ образомъ подводятъ только итоги сдѣланному ранѣе, суммируютъ добытое другими; но это преимущественно и почти исключительно наблюдается тогда, когда онъ имѣетъ цѣлью внести въ русскую науку результаты науки западной, такъ что для русскаго читателя и въ этомъ случаѣ его изслѣдованіе пріобрѣтаетъ интересъ новизны. Впрочемъ, даже здѣсь Веселовскій не ограничивается пассивной ролью передатчика чужихъ разысканій: онъ ихъ принимаетъ послѣ самостоятельной критической провѣрки и стремится дополнить, насколько можно, новыми данными и собственными новыми соображеніями.

Въ общемъ же онъ не любитъ заѣзженныхъ дорогъ и предпочитаетъ искать новыхъ путей, прокладывать новыя дороги.

Характерны въ этомъ отношеніи его т. н. рецензіи: это иногда цѣлыя изслѣдованія, которыя или продолжаютъ то, на чемъ остановилась рецензируемая книга, или освѣщаютъ параллельныя точки зрѣнія, не затронутыя въ этой книгѣ.

Для иллюстраціи я позволю себѣ нѣсколько остановиться надъ разысканіями Веселовскаго въ области русской народной словесности, преимущественно былинъ, которымъ одно время онъ удѣлялъ едва ли не главное вниманіе.

Когда обратился къ нимъ Веселовскій, у насъ господствовала еще миѳологическая теорія, освященная такими авторитетами, какъ Буслаевъ, Аѳанасьевъ, Котляревскій, О. Миллеръ. Попытка Л. Майкова обойтись при разборѣ былинъ безъ миѳологическихъ толкованій была встрѣчена, какъ своего рода научное недомысліе. Стасовъ чуть не былъ преданъ отлученію за гипотезу о восточномъ происхожденіи ихъ, хотя, впрочемъ, самые пріемы сличенія рус. былинъ съ восточными сказаніями у Стасова крайне грубы и могли подать поводъ къ рѣзкимъ нападкамъ. Въ числѣ нападавшихъ былъ и Веселовскій; но въ то же время онъ не удовлетворяется и господствующимъ теченіемъ. Онъ вноситъ рядъ существенныхъ поправокъ въ обычное тогда въ Россіи толкованіе миѳа и

его образованія. Отъ миѳологіи, какъ застывшей въ своихъ формахъ доисторической окаменѣлости, Веселовскій переходитъ, вмѣстѣ съ Потебней, къ живому миѳическому процессу, который не прекращается и послѣ появленія христіанства, но дѣйствуетъ даже на почвѣ послѣдняго.

Далѣе, Веселовскій говоритъ, что далеко еще не все, напоминающее древній миѳъ, непремѣнно ведетъ свое начало отъ него. Иногда здѣсь лишь простое совпаденіе. Въ самомъ дѣлѣ разъ, напримѣръ, грозовой миѳъ—это представленіе грозы въ видѣ битвы человѣкоподобныхъ существъ, то съ нимъ легко можетъ оказаться сходнымъ и такой разсказъ, гдѣ уже небесная битва и въ виду не имѣется, а рѣчь идетъ о самой земной схваткѣ.

„Я представляю себѣ, говоритъ г. Веселовскій, что какое-нибудь изъ тѣхъ несложныхъ житейскихъ событій, которыя такъ часто переносились въ миѳъ, въ сильной степени овладѣло вниманіемъ первобытнаго клана: сосѣднее ли племя сдѣлало набѣгъ, два витязя вступили въ единоборство, или совершилась кровавая драма въ семьѣ старшины, дѣвушка была увезена и кто-нибудь отправился добывать ее и т. п. Объ этомъ должны были разсказывать или пѣть, фактъ, самъ по себѣ обычный, запечатлѣвался въ памяти благодаря ассоціаціи съ историческими именами или обстоятельствами, имѣвшими мѣстный или племенной интересъ. Такимъ образомъ слагался эпическій разсказъ или пѣсня—зародышъ народнаго эпоса. Немудрено, что мы въ ней найдемъ общія темы съ тѣмъ или другимъ обычнымъ миѳомъ, въ которомъ, если не тотъ самый фактъ, то цѣлая категорія сходныхъ фактовъ нашли себѣ идеальное просвѣтленіе. Какъ видно, подобное сходство между мотивами облачнаго миѳа и эпической пѣсни могло состояться безъ всякой генетической связи между тѣми и другими“.

Поправки, на первый взглядъ, казалось бы, частныя и не особенно существенныя; но на самомъ дѣлѣ онѣ имѣютъ громадное значеніе. Ими подрывается въ корнѣ вѣра въ непосредственную генетическую связь нашего эпоса съ перво-

бытнымъ, отдаленнымъ миѳомъ, а слѣдовательно невозможнымъ оказывается и обычный пріемъ старыхъ миѳологовъ—болѣе или менѣе теоретическое возстановленіе этого миѳа и затѣмъ подведеніе подъ него всѣхъ произведеній нашей народной словесности: напримѣръ, изслѣдователь держится т. н. грозовой теоріи миѳа, т. е. того убѣжденія, что въ основѣ первобытнаго миѳа лежитъ представленіе грозовыхъ явленій природы; возстановивши общія очертанія этого миѳа, изслѣдователь затѣмъ отъ нихъ уже исходитъ при объясненіи различныхъ отдѣльныхъ сказаній.

Ту же методологическую ошибку, только на другой почвѣ, повторяли и первые историки. Исходя, напримѣръ, изъ убѣжденія, что въ основѣ древне-русской жизни лежитъ община, и считая былины отраженіемъ этой жизни, К. Аксаковъ не задумался все въ былинахъ объяснять отсюда и въ богатыряхъ видѣлъ представителей различныхъ элементовъ общинно-земской древней Руси. Такъ, въ концѣ концовъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ продолжателей Аксакова Илья Муромецъ обратился въ богатыря-крестьянина, Добрыня въ богатыря-боярина и т. д.; свободное обращеніе богатырей съ княземъ Владиміромъ оказалось отраженіемъ свободныхъ отношеній общинно-земскихъ и т. п. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, Ильѣ лишь позднѣе было приписано крестьянское происхожденіе, когда былины стали достояніемъ простого крестьянскаго люда; фамильярность богатырей также не изначальна и есть результатъ позднѣйшихъ историческихъ переживаній и особаго процесса въ развитіи эпической поэзіи вообще; аналогичныя явленія мы видимъ, напримѣръ, въ Карловингскомъ эпосѣ.

Подобнымъ же образомъ, найдя въ лѣтописяхъ что-нибудь напоминающее тотъ или иной былевой сюжетъ или хотя бы подробность, сейчасъ же сопоставляли ихъ, и въ былинѣ готовы были видѣть поэтическое воспроизведеніе того, что въ качествѣ историческаго факта занесено въ лѣтопись. „Конструировать эпосъ, замѣчаетъ по этому поводу Веселовскій, изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему изъ

частнаго, хотя бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется „пріемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ,—лишь обратный путь". Только исходя изъ самыхъ былинъ, постепенно отдѣляя различныя случайныя примѣси, послѣдовательныя наслоенія, мы можемъ возстановить первоначальную форму сказанія; иначе—несущественное легко принять за существенное, болѣе позднее за древнѣйшую черту.

Но вотъ заколебалось и самое ученіе о самобытности народныхъ основъ, обычаевъ и сказаній, которое давало возможность миѳологамъ возводить все къ древнему миѳу, а историкамъ прикрѣплять къ опредѣленнымъ историческимъ моментамъ и бытовымъ явленіямъ нашей жизни, не взирая на сходство прикрѣпляемаго и возводимаго съ обычаями и сказаніями другихъ народовъ: сходство это считалось естественнымъ результатомъ родства народовъ и единства ихъ творческаго духа.

Бенфей обращаетъ вниманіе людей науки на слѣды несомнѣннаго международнаго литературнаго общенія въ народно-поэтическомъ творчествѣ, и Веселовскій съ жаромъ неофита бросается въ эту таинственную, заманчивую область.

Съ удивительной настойчивостью, съ помощью громаднаго, разносторонняго подбора фактовъ, онъ разворачиваетъ предъ нами грандіозную картину такого постояннаго обмѣна мысли и слова, составляющаго душу и живой нервъ нашего литературнаго развитія. Онъ не ограничивается простымъ нанизываніемъ сходныхъ темъ и сюжетовъ, но стремится также возссздать ту среду, которая ихъ порождала и распространяла, точнѣе установить пути и способы перехода. На большой дорогѣ этого общенія, на грани двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, стоитъ Византія, этотъ загадочный сфинксъ, не вполнѣ разгаданный и по настоящее время. Веселовскій одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ значеніе этого фактора и сумѣлъ проникнуть въ тайны его: въ этомъ преимущество нашего изслѣдователя предъ западными его собратьями. Онъ также первый у насъ учелъ всю громадную важность христіанской легенды въ дѣлѣ распространенія

различныхъ сюжетовъ и сказаній, причемъ особенное вниманіе удѣлилъ, какъ и слѣдовало ожидать, легендѣ отреченной, т. н. апокрифической, раскрывая попутно ея своеобразный, крайне пестрый характеръ.

Передавались не только отдѣльные сюжеты, но цѣлые культы. Такъ, напримѣръ, въ нашихъ святочныхъ обрядахъ оказываются несомнѣнные слѣды римскихъ сатурналій и нѣкоторыхъ сродныхъ празднествъ; на весеннихъ и лѣтнихъ обрядахъ отразился культъ Адониса...

Относящіяся сюда данныя не всегда сообщались Веселовскимъ въ законченномъ видѣ; но надо было поскорѣе пустить въ обращеніе извѣстный матеріалъ, чтобы онъ, въ свою очередь, могъ привлечь новые матеріалы и лечь въ основаніе общихъ выводовъ. Самъ Веселовскій не разъ признавалъ свои работы въ этомъ направленіи подготовительными, и это вѣрно: онъ не столько строилъ, сколько собиралъ матеріалы и набрасывалъ планы для постройки, снося попутно то, что мѣшало послѣдней. Но кто бы ни воздвигалъ теперь ее, онъ не обойдется безъ плановъ и матеріаловъ Веселовскаго, и во многомъ повторитъ его, лишь въ болѣе цѣльномъ видѣ.

За Веселовскимъ потянулся длинный рядъ изслѣдователей, и, напримѣръ, не такъ давно въ одномъ изъ засѣданій нашего Общества мы могли познакомиться еще съ однимъ любопытнымъ образчикомъ того же древне-римскаго элемента въ нашей народной словесности, надъ которымъ впервые приподнялъ завѣсу Веселовскій [1]).

Но самъ онъ вдругъ словно охладѣлъ къ тому, что теперь стало общимъ мѣстомъ въ наукѣ; мало того, когда въ теченіи, созданномъ у насъ имъ же самимъ, стали замѣчаться крайности, преувеличенія, онъ одинъ изъ первыхъ почувствовалъ ихъ опасность и имѣлъ мужество даже открыто поступиться нѣкоторыми прежними собственными положеніями. Въ послѣдней серіи разысканій: „Сюжеты, какъ объектъ исторической поэтики; ихъ бытовыя основы и условія

[1]) А. И. Сонни—Горе и доля въ народной сказкѣ.

идеализаціи", Веселовскій уже опредѣленно начинаетъ ограничивать степень приложимости теоріи литературнаго заимствованія и пытливо устремляетъ взоръ въ новые процессы народно-поэтическаго творчества, которые остались въ тѣни при погонѣ за модной теоріей литературнаго общенія.

Намѣтивши достаточно литературную исторію произведеній народной словесности, показавши пріемы научной критики, при посредствѣ которыхъ мы можемъ добраться до ихъ ядра и сущности, онъ обращается теперь къ уясненію этихъ послѣднихъ. Сюжетъ, поэтическій образъ становится популяренъ, бродитъ по міру,—но каковы все-таки психологическія основанія его первоначальнаго появленія, что̀ придаетъ ему живой интересъ и устойчивость? Въ область этихъ вопросовъ зовутъ насъ послѣднія работы Веселовскаго, но, къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ намъ здѣсь расчистить путь такъ, какъ въ предыдущей серіи работъ.

Между тѣмъ, наступаетъ рядъ литературныхъ праздниковъ: столѣтняя годовщина Пушкина, 50-лѣтіе со дня смерти Жуковскаго. Волна, захватившая всю Россію, отразилась и на Веселовскомъ: въ результатѣ мы видимъ интересную статью о Пушкинѣ—какъ бы стройный конспектъ цѣлаго изслѣдованія, и недавно вышедшую книгу о Жуковскомъ.

Послѣдняя всецѣло обусловлена накопленіемъ новыхъ матеріаловъ для характеристики Жуковскаго, которые, однако, еще не были по настоящему использованы, и Веселовскій такимъ образомъ взялъ на себя задачу пополнить этотъ недочетъ въ русской наукѣ. Здѣсь, слѣдовательно, та же любовь къ новому, не использованному, которую мы видѣли и въ занятіяхъ его народной словесностью.

Оригинальна и обработка этого матеріала; въ русской наукѣ мало книгъ, которыя были бы такъ своеобразно задуманы и такъ мастерски выполнены: предъ нами не то біографія Жуковскаго, не то характеристика его поэзіи; правда жизни здѣсь постоянно переплетается съ поэзіей воображенія, что такъ гармонируетъ съ самымъ обликомъ Жуковскаго, для котораго „жизнь и поэзія были одно".

До Веселовскаго разсматривали произведенія Жуковскаго либо съ точки зрѣнія непосредственнаго отраженія въ нихъ только личной жизни поэта, либо, наоборотъ, съ точки зрѣнія связи ихъ съ тѣми или иными явленіями и образцами литературы западной. То и другое, взятое порознь, односторонне.

Веселовскій сумѣлъ дать ему синтезъ. Онъ показалъ намъ, какъ въ поэтикѣ Жуковскаго отражаются общіе пріемы извѣстнаго литературнаго теченія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ подъ ними бьется живая душа поэта, какъ они становятся выраженіями личной его жизни, не отдѣлимыми отъ послѣдней.

Жуковскій такимъ образомъ впервые предсталъ предъ нами, какъ цѣльный психологическій типъ писателя, а съ нимъ развернулась и яркая картина психологіи творчества вообще... Но ученый, введшій насъ въ тайники человѣческаго духа, онъ самъ теперь ждетъ посмертнаго суда надъ собой, и судъ—не въ осужденіе ему!

Народъ нашъ создалъ типъ вѣчнаго странника, томящагося тѣснотой да неправдой, ищущаго простора, новыхъ путей да новаго и новаго приложенія силѣ своей; мириться съ окружающей обстановкой потому только, что всѣ такъ живутъ, эти странники не могутъ и смѣло идутъ туда, гдѣ, имъ кажется, блеститъ призывной свѣтъ. Свѣтъ ихъ обманетъ, они ищутъ другого; ихъ не страшатъ лишенія, неудачи въ пути. Не мало ошибокъ допускали они въ поискахъ истины и рая земного, они увлекались миражемъ, неяснымъ намекомъ. Но они же открыли намъ цѣлыя области, широко раздвинули границы земли нашей... Они были нашими піонерами въ дикихъ степяхъ и лѣсахъ, и какъ только вкругъ нихъ развивалась кипучая жизнь, имъ снова становилось тѣсно, и они снова шли впередъ, на новыя исканія, на новые подвиги.

Такимъ искателемъ въ наукѣ былъ почившій.

4, Д. чл. **В. Н. Перетцъ** охарактеризовалъ *„А. Н. Веселовскаго, какъ профессора и преподавателя"*.

М. Г. Моя рѣчь—неизбѣжно представитъ лишь мелкія крупицы послѣ сказаннаго предшествовавшими ораторами.

Она неизбѣжно сводится къ тѣмъ личнымъ впечатлѣніямъ, какія я вынесъ при сношеніяхъ и встрѣчахъ съ А. Н. какъ во время студенчества, такъ и позже. Какъ профессоръ, А. Н. сразу вводилъ слушателей въ научную работу, не спускался до нихъ, какъ это бываетъ порою съ ищущими популярности преподавателями, а старался поднять слушателей до себя. Первою его задачей было создать учениковъ. Онъ понималъ, что ихъ искусственно—нельзя создать, ни купить, стипендіями и командировками. Величайшій изъ русскихъ ученыхъ филологовъ и единственный изъ историковъ всеобщей литературы по широтѣ познаній и силѣ научнаго творчества—А. Н. былъ врагомъ безплодныхъ теоретическихъ разговоровъ на темы объ—*измахъ*, не опирающихся на солидный фундаментъ точныхъ фактовъ и наблюденій. А. Н. не смущался тѣмъ, что въ университетѣ на созданномъ имъ германо-романскомъ отдѣленіи было немного слушателей; онъ не гнался за толпой, да и не могъ имѣть многочисленной аудиторіи—онъ достигъ лучшаго и болѣе важнаго: его идеи имѣютъ вѣрныхъ пропагандистовъ и продолжателей въ рядѣ учениковъ, изъ которыхъ назовемъ хотя бы Жданова (†), Батюшкова, Ланге (†), Брауна, Аничкова, гр. Де-Ла-Барта, Петрова, Тіандера, Гливенка, Шишмарева, Евлахова и другихъ, которые являются посредниками между нимъ и публикой.- Какъ человѣкъ, А. Н. отличался крайней простотой; нѣсколько трудно было его застать, но тотъ, кому удавалось похитить у покойнаго проф. нѣсколько времени для бесѣды, выносилъ изъ нея много новаго и интереснаго. А. Н. былъ совершенно чуждъ педантизма, который порою считается признакомъ истинной учености; онъ не раздѣлялъ предразсудка, согласно которому „профессоръ долженъ все знать“: порою, въ отвѣтъ на вопросъ, вопрошавшій получалъ: „я почемъ знаю, я не занимался этимъ“. Но тамъ, въ тѣхъ областяхъ, которыя его интересовали, А. Н. являлся неугомоннымъ разыскателемъ истины, строгимъ и придирчивымъ прежде всего къ самому себѣ. Болѣе всего ненавидѣлъ онъ догматизмъ и тупое отвараче-

ванье отъ смѣлой мысли, если она исходитъ не отъ „авторитета“. И его исканія, владѣвшія его душей, несмотря на ея „расторженность“,—воодушевляли и его слушателей и учениковъ, которыхъ онъ на своихъ лекціяхъ и на рефератахъ въ неофилологичсекомъ обществѣ держалъ au courant, и были путеводной звѣздой для ихъ собственныхъ юношескихъ работъ.

Вспоминая объ А. Н., я не могу миновать той особой черты его, которая меня лично въ юности поражала и смущала—юношеской подвижности его души и ума. Это былъ, по своему складу, какъ бы человѣкъ эпохи Возрожденія, сверкавшій какою-то ясной, вѣчной молодостью духа. Въ вѣчномъ кипѣніи онъ выпускалъ въ свѣтъ до самой смерти новыя работы, богатыя новыми идеями. Кто видѣлъ его пламенные черные глаза, его жгучій проницательный взоръ, оживленный и искрящійся изящнымъ умомъ—тотъ никогда не забудетъ этого, скажу, „Моцарта“ въ наукѣ, расточавшаго съ блескомъ свои идеи, и никогда зависть холодныхъ „Сальери“ не поколеблетъ великаго памятника, созданнаго покойнымъ ученымъ и нашимъ учителемъ.

Въ закрытой части засѣданія слушали:

1. Актъ Ревизіонной Коммиссіи о повѣркѣ ею кассы и библіотеки Общества, найденныхъ въ должномъ порядкѣ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

2. Сообщеніе Императ. Москов. Археологич. Общества о назначеніи въ память основателя и пожизненнаго предсѣдателя того Общества преміи по русскому церковному зодчеству.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

3. Сообщеніе г. Предсѣдателя о томъ, что имъ были принесены поздравленія отъ имени Общества почет. члену *М. Ф. Владимірскому-Буданову* по случаю 40-лѣтія, и д. чл. *А. В. Романовичу-Славатинскому* по случаю 50-лѣтія ихъ профессорской дѣятельности.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

III. Засѣданіе 26 ноября 1906 г.

а, Поч. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ докладъ *„О неизданномъ византійскомъ памятникѣ X в. по военнымъ древностямъ"*.

Въ Московской синодальной библіотекѣ, въ числѣ ея рукописныхъ сокровищъ, хранится одинъ кодексъ сборнаго содержанія, изъ котораго въ разное время были извлечены и опубликованы разными учеными цѣнные матеріалы. Академикъ Васильевскій въ сотрудничествѣ съ проф. Ернштедтомъ издалъ въ 1896 году весьма интересный памятникъ подъ заглавіемъ: „Cecaumeni Strategicon". Изслѣдованіе по поводу сообщеній этого памятника опубликовано было Васильевскимъ еще въ 1881 году подъ заглавіемъ: „Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка" (Жур. Мин. Просв.). Въ своемъ описаніи этой рукописи Васильевскій отмѣтилъ, что непосредственно предъ интересовавшимъ его текстомъ находится другой, озаглавленной „Стратегика императора Никифора". Заинтересовавшись этимъ сообщеніемъ, докладчикъ давно искалъ случая ознакомиться съ этимъ текстомъ, но это удалось ему только въ этомъ году, благодаря любезному вниманію бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода кн. Оболенскаго. Кодексъ синодальной библіотеки былъ присланъ въ Кіевскую университетскую библіотеку, и докладчикъ имѣлъ возможность списать здѣсь текстъ и приготовить его къ изданію.

Ознакомивъ сочленовъ съ внѣшнимъ видомъ текста, Ю. А. Кулаковскій остановился на вопросѣ о личности автора и полагалъ, что нѣтъ никакихъ основаній отнестись съ сомнѣніемъ къ свидѣтельству рукописи о принадлежности этого трактата императору Никифору Фокѣ, прославленному своими побѣдами надъ арабами на восточной границѣ Византійской имперіи въ половинѣ X вѣка. Отмѣтивъ затѣмъ отношеніе этого текста къ изданному въ 1828 году трактату: De velitatione bellica и ставшему недавно (1898) извѣстнымъ

трактату: De castrametatione, референтъ перешелъ къ изложенію содержанія „Стратегики Никифора", выясняя при этомъ, какія именно свѣдѣнія являются новыми и потому особенно цѣнными. Авторъ говоритъ о пѣхотѣ и конницѣ, пѣшемъ и конномъ строѣ, устройствѣ лагерныхъ стоянокъ, способахъ ловить лазутчиковъ въ лагерѣ и заканчиваетъ наставленіемъ объ организаціи религіозной жизни арміи. Такова послѣдовательность изложенія въ общемъ; но мысль автора постоянно сосредоточена на моментѣ столкновенія съ непріятелемъ. Этотъ непріятель—арабы. Свои замѣчанія о боѣ, разныхъ его моментахъ и о томъ, какъ должны вести себя отряды разнаго рода вооруженія, авторъ разсѣялъ на всемъ пространствѣ своего изложенія, часто при томъ повторялся и говорилъ объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ. Пѣхоту авторъ дѣлилъ на два разряда: тяжеловооруженные и стрѣлки; въ этомъ послѣднемъ разрядѣ различаются копейщики, собственно стрѣлки, пращники и монавлаты. Послѣдніе назывались такъ отъ имеии оружія „монавліонъ" или „монавлонъ"—толстая рогатина изъ крѣпкой породы дерева. Въ извѣстныхъ до сихъ поръ источникахъ у насъ не было свѣдѣній о существованіи особыхъ отрядовъ этого наименованія. Авторъ перечисляетъ оружіе всѣхъ разрядовъ пѣхотинцевъ, говоритъ объ ихъ одѣяніи и даетъ термины, которые извѣстны изъ другихъ источниковъ. Назначеніе пѣхоты, нормальная численность которой въ дѣйствующей арміи 16 тысячъ человѣкъ, служить прикрытіемъ кавалеріи. Какъ въ бою, такъ и въ лагерѣ и въ походѣ она строится четырехугольникомъ, съ интервалами между отдѣльными колоннами, численностью въ 700 человѣкъ каждая, по семи шеренгъ въ глубину.

Кавалерія, нормальная численность которой въ дѣйствующей арміи 8 тысячъ человѣкъ, дѣлится на тяжеловооруженную и легковооруженную. Первая называется „катафракты". Всѣ кавалеристы имѣютъ панцыри и шлемы. Эти послѣдніе закрываютъ у катафрактовъ лицо, такъ что остается только просвѣтъ для глазъ; у остальныхъ шлемы закрываютъ

голову сверху, а лицо остается открытымъ. Лошади катафрактовъ также покрыты броней. Вооруженіе кавалеріи составляютъ: пика, мечъ, сѣкира и желѣзная булава съ рѣзными углами на утолщеніи.

Кавалерія строится въ четыре линіи внутри четырехугольника пѣхоты. Каждая линія состоитъ изъ трехъ или четырехъ колоннъ по 500 человѣкъ каждая, по пяти шеренгъ въ глубину.

Катафракты составляютъ центръ первой линіи. Они имѣютъ свое особое построеніе, которое называется „трехугольнымъ", но представляетъ собою, собственно фигуру трапеціи. Всѣхъ шеренгъ 12, первая имѣетъ 20 человѣкъ, каждая слѣдующая вытягивается вправо и влѣво на два человѣка больше; такимъ образомъ въ послѣдней шеренгѣ всѣхъ всадниковъ 64 и общее число людей въ колоннѣ 504. Правое и лѣвое крыло, по 500 человѣкъ, держатъ равненіе на заднюю шеренгу катафрактовъ, колонна которыхъ выдвигается, такимъ образомъ, впередъ изъ боевой линіи. Сообщеніе о катафрактахъ и ихъ особомъ построеніи является совершенно новымъ свѣдѣніемъ, которое приноситъ намъ „Стратегика имп. Никифора". Искусство полководца состоитъ въ томъ, чтобы опрокинуть непріятеля и обратить его въ бѣгство, не доводя дѣло до генеральнаго сраженія. Въ преслѣдованіи принимаетъ участіе только легкая кавалерія; катафракты и пѣхота остаются на мѣстѣ или подвигаются шагомъ въ сторону, гдѣ происходитъ преслѣдованіе.

Общая численность дѣйствующей арміи 24 тысячи человѣкъ. Но, кромѣ строевыхъ, въ арміи есть значительное число нестроевыхъ, состоящихъ при обозѣ, а также прислуги, которую имѣли при себѣ строевые. Пѣхотинцы имѣли лошадей, которыми и пользовались во время похода; у кавалеристовъ были запасныя лошади. Для всего этого требовалось большое количество нестроевыхъ людей. Авторъ совѣтуетъ не увеличивать безъ нужды количество нестроевыхъ во избѣжаніе затрудненій въ походѣ и во время боя.

Что касается до лагерныхъ стоянокъ, то данныя „Стратегики“ совершенно однородны со свѣдѣніями, почерпаемыми въ гораздо большей подробности въ трактатѣ De castrametatione, съ которымъ докладчикъ въ свое время знакомилъ сочленовъ Общества.

Наставленіе автора относительно организаціи религіозной жизни арміи и его собственное искреннее и глубокое религіозное чувство съ опредѣленностью говоритъ намъ о настроеніи „Христолюбиваго воинства“ въ X столѣтіи въ вѣковой борьбѣ съ фанатизованнымъ восточнымъ врагомъ имперіи и по всему тому, что мы знаемъ объ имп. Никифорѣ, можетъ служить подтвержденіемъ признанія именно въ немъ автора „Стратегики“, какъ гласитъ заголовокъ этого текста въ рукописи.

Въ заключеніе г. докладчикомъ было сдѣлано нѣсколько разъясненій по запросамъ членовъ: В. З. Завитневича и Н. П. Дашкевича.

б, Д. чл. **В. Т. Георгіевскій** разсмотрѣлъ *„Новые научные труды акад. Н. П. Кондакова“ по археологіи и искусству*. Имя Кондакова пользуется давно широкой извѣстностью. Важнѣйшіе его труды: „Исторія византійскаго искусства“, „Византійскія эмали“, „Русскія древности“ и друг. давно переведены на нѣмецкій и французскій языки, а первый изъ нихъ вошелъ даже въ „Международную библіотеку искусствъ“, изд. Гашетта. Воспитанникъ Москов. у—та и ученикъ проф. К. К. Герца въ 1861—66 гг., направленіемъ своихъ работъ обязанъ акад. Ѳ. И. Буслаеву, въ сборникѣ котораго по исторіи русскаго искусства и были напечатаны первыя статьи Кондакова. Съ 1870 г. онъ занимаетъ каѳедру исторіи искусства въ Новороссійскомъ университетѣ и посвящаетъ себя изученію классическаго искусства; результатомъ этого изученія была его магистерская диссертація: „Памятники Гарпій“ и статья: „Греческія терракотовыя статуэтки въ отношеніи къ искусству, религіи и быту“; съ 1873 г. К—ъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ для изученія византійскаго искусства и его вѣтви—грузинской архитектуры. Въ

1875—76 гг. онъ изучалъ господство византійскаго искусства въ памятникахъ Россіи, славянскихъ земель, Италіи и проч. и издаетъ свой классическій трудъ: „Исторію византійскаго искусства по миніатюрамъ греческихъ рукописей"; русская и западно-европейская критика дала объ этой работѣ самые восторженные отзывы. Въ 1880 г. К—мъ издается мозаика мечети Кахріе Джамаси (прежде храмъ Μονή τῆς χώρας) и изучается древнѣйшая мозаика Преображенія въ абсидѣ церкви Синайскаго монастыря. Въ 1884 г., принимая дѣятельное участіе въ устройствѣ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, онъ выступаетъ на немъ съ обширнымъ изслѣдованіемъ о церквахъ и памятникахъ Константинополя, проводя ту мысль, что безъ изученія византійскаго искусства не можетъ быть понято русское, въ доказательство чего представилъ объясненіе фресокъ лѣстницы Кіево-Софійскаго Собора. Въ 1889 г. К—въ переходитъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ и становится хранителемъ Эрмитажа. Въ 1890 г. онъ описываетъ памятники Грузіи, Мингреліи и Имеретіи; въ это же время, вмѣстѣ съ гр. И. И. Толстымъ онъ приступаетъ къ изданію „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства", которыя тотчасъ же появляются на французскомъ языкѣ въ изданіи Рейнака; ихъ вышло шесть выпусковъ. Одновременно онъ приступаетъ къ изученію изданій византійскихъ эмалей, по предложенію извѣстнаго собирателя древностей А. В. Звенигородскаго, издержавшаго на ихъ пріобрѣтеніе около 200 т. руб. и неудовлетвореннаго программами западно-европейскихъ ученыхъ; съ этой цѣлью К—въ изучилъ всѣ, какія оказались ему доступными, частныя и общественныя собранія и, на основаніи всесторонняго изученія этой отрасли искусствъ, далъ исчерпывающее изслѣдованіе. Въ 1891 г. К—въ былъ командированъ въ Сирію и Палестину. Усиленные труды, трудности экскурсій и суровый климатъ нашего Сѣвера подорвали здоровье К—ва. Поселившись въ Ялтѣ, онъ продолжалъ неутомимо работать и въ 1896 г. напечаталъ изслѣдованіе о русскихъ кладахъ; въ слѣдующіе за тѣмъ годы онъ выпускалъ книжки „Русскихъ древностей"; въ

1902 г.—описаніе памятниковъ Азіи; въ 1904 г.—описаніе памятниковъ Палестины и Сиріи; въ то же время онъ становится во главѣ Высочайше учрежденнаго Комитета о русской иконописи и, вмѣстѣ съ гр. С. Д. Шереметевымъ, изучаетъ иконописныя школы Владимірской губ., которыя онъ находитъ вѣрными иконописному преданію и византійской основѣ, о чемъ и дѣлаетъ докладъ въ Обществѣ Любителей Древней Письменности, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ планъ поддержанія русской иконописи посредствомъ устройства художественныхъ учебныхъ заведеній, изданія иконописныхъ подлинниковъ и организаціи артелей живописцевъ, съ художественно образованными иконописцами во главѣ, чтобы эти артели могли не только копировать лучшіе образцы древней иконописи, но и перерабатывать византійскіе оригиналы; ставъ во главѣ Комитета, онъ и осуществляетъ свои предначертанія. При этомъ референтъ подробно разсмотрѣлъ содержаніе иконописнаго подлинника, редактированнаго К—вымъ, указавъ способы изданія и источники заимствованія матеріала издателемъ, давшимъ сжатый очеркъ иконографіи Христа; наконецъ, послѣднимъ трудомъ К—ва въ области искусства является его изслѣдованіе объ изображеніяхъ русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI в., въ которомъ онъ предлагаетъ цѣнную монографію о древне-русскихъ княжескихъ одеждахъ и головныхъ уборахъ, въ связи съ одеждами византійскихъ царей и придворныхъ; съ особенной обстоятельностью К—въ останавливается на вопросѣ о формѣ головныхъ украшеній русскихъ князей. Указывая вообще на богатство и глубину выводовъ въ трудахъ К—ва, референтъ заключилъ свою оцѣнку ихъ обрисовкой тѣхъ широкихъ результатовъ, какіе они даютъ для исторіи древне-русскаго искусства.

Д. чл. Г. Г. Павлуцкій, признавая важность научныхъ заслугъ Н. П. Кондакова, замѣтилъ, что стремленіе возродить древне-русское иконописное мастерство носитъ нѣсколько искусственный характеръ и едва ли можетъ имѣть будущность.

Докладчикъ оспаривалъ это замѣчаніе.

IV. Засѣданіе 10-го декабря 1906 г.

а, Д. чл. **В. И. Щербина** сдѣлалъ сообщеніе по *„Вопросу о старостваxъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ“*.

Въ эпоху преобразованій, начатыхъ въ Польшѣ патріотической партіей съ цѣлью поднятія могущества и благосостоянія своего отечества, былъ поднятъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ (1788—1792 гг.) и вопросъ о староствахъ (королевщинахъ); это были государственныя земли, отдававшіяся въ управленіе заслуженнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе, и доходы съ этихъ земель въ 4-й части шли на содержаніе войска; позже онѣ обратились въ феодальныя помѣстья. Всѣхъ староствъ въ Польшѣ было 671; въ нихъ жило 840,000 крестьянъ; доходъ (кварта) получался въ $2^1/_2$ милліона пол. злотыхъ. На сеймѣ 1775 г. король былъ лишенъ права распоряжаться староствами и въ замѣнъ ему отданы были въ полную собственность староства: Бѣлоцерковское, Богуславское, Каневское и Хмельницкое. Король уступилъ эти староства: Бѣлоцерковское — Ксаверію Браницкому, Богуславское и Каневское—Станиславу Понятовскому и Хмельницкое—Іосифу Понятовскому, съ обязательствомъ, платежа 30% съ дохода. Въ виду политическихъ затрудненій и необходимости увеличенія доходовъ казны, явилась мысль о продажѣ староствъ; въ засѣданіи сейма 29 октября 1791 г., кс. Оссовскій представилъ проектъ такой продажи, доказавъ цифрами большую отъ этого выгоду для казны. Большинство ораторовъ высказалось противъ продажи; защитниками проекта явились Гуго Колонтай, коронный канцлеръ, Протъ Потоцкій, кіевскій воевода, и друг. Колонтай въ пользу проекта произнесъ рѣчь, вышедшую въ свѣтъ въ отдѣльной брошюрѣ; краков. посолъ Ясинскій предлагалъ продажу послѣ смерти старостъ; волын. посолъ Свѣнтославскій рекомендовалъ долгосрочную аренду, при чемъ во всѣхъ этихъ проектахъ освобожденіе крестьянъ не имѣлось въ виду; 19 декабря 1791 г. проектъ продажи былъ принятъ на сеймѣ большинствомъ 105 голосовъ

противъ 93, а также были выработаны и условія продажи, утвержденныя сеймомъ 21 апрѣля 1792 г.; въ этихъ условіяхъ были приняты во вниманіе интересы шляхты, а интересы крестьянъ даже вовсе не затрагивались, что́ и могло послужить поводомъ къ слухамъ о готовящемся возстаніи крестьянъ.

б, Секретарь А. М. Лобода прочелъ докладъ иногороднаго д. чл. **И. Ф. Павловскаго:** *„О переселеніи полтавскихъ козаковъ на Черноморье и Тамань въ началѣ прошлаго столѣтія"*.

Черноморское казачье войско образовалось, какъ извѣстно, изъ Запорожскаго; въ 1792 г. ему были пожалованы земли отъ Азовскаго моря до границъ Кавказа и отъ Ейскаго укрѣпленія по Кубани до ея устья; онѣ занимали пространство въ 300 кв. верстъ; населенія же было всего 30000 (20,000 муж. и 10,000 жен.) душъ; на нихъ часто дѣлали набѣги кубанцы, и потому черноморцы организовали стражу въ 4500 чел.; такое положеніе черноморцевъ грозило имъ гибелью, требовалось увеличеніе числа переселенцевъ, о чемъ и просилъ министра кн. А. Б. Куракина Новорос. ген.-губер. Дюкъ-де-Ришелье; просьба его была удовлетворена, и въ 1807 г. были утверждены инструкціи, касавшіяся переселенія. Оно должно было быть добровольнымъ; предпочтеніе оказывалось тѣмъ семьямъ, гдѣ больше женщинъ (такъ какъ женщинъ въ Черноморьи было очень мало); семьи эти должны быть свободны отъ недоимокъ; переселенцы отправлялись партіями разновременно для удобствъ продовольствія и оказанія въ пути необходимой помощи. Въ то время въ Полтав. губ. козаковъ числилось 551708 душъ обоего пола. Изъ нихъ въ теченіе 1809 и 1810 гг. предполагалось переселить 25,000 душъ; въ дѣйствительности же переселено 22822 (12835 мущ. и 9987 жен.), составлявшія 1649 семей. Кромѣ Черноморья, предполагалось переселить 250 семей на Тамань; въ дѣйствительности же переселено 29 семействъ, состоявшихъ изъ 199 душъ (113 муж. и 86 жен.). Переселенія на Тамань относятся къ одному лишь 1810 году.

V. Засѣданіе 14-го января 1907 г.

а) Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ на обсужденіе Общества *„Интересный юридическій обычай конца XI-го вѣка"* (за болѣзнью автора рефератъ его былъ прочтенъ г. Предсѣдателемъ Н. П. Дашкевичемъ).

По мнѣнію референта, Русская Правда, представляя собой кодексъ обычнаго русско-славянскаго права, не вмѣстила его въ себѣ, да пожалуй и не могла вмѣстить, цѣликомъ; онъ различаетъ Русскую правду и списки ея, полные скомканности, пропусковъ и искаженій; есть основаніе думать, что существовали такіе оригиналы, въ которыхъ указанныхъ недостатковъ не было; въ дошедшихъ до насъ спискахъ несомнѣнно пропущено одно важное законоположеніе, бывшее древнимъ славянскимъ обычаемъ, на что̀ указываетъ нижеизложенный случай: Въ г. Дорогобужѣ, разсказываетъ Іаковъ Мнихъ, нѣкая женщина, будучи рабой, работала въ вежѣ, по приказанію своей госпожи, въ день св. Николая. И неожиданно явились предъ ней святые страстотерпцы (Борисъ и Глѣбъ) и сказали ей: „зачѣмъ ты дѣлаешъ такъ въ день св. Николая? Мы накажемъ тебя". И, сказавши это, разрушили ту постройку (храминуѳ), а женщину ту сдѣлали какъ бы мертвой; она лежала безъ движенія. И встала она больной и одна рука сдѣлалась у нея сухой. Она не могла работать и служить своей госпожѣ. Видя ее такой, госпожа прогнала ее отъ себя, а дѣтей ея, рожденныхъ въ свободѣ, поработила. „Соудящии же не послабиша томоу такомоу быти, нъ господѣ еѣ повелѣша лихомъ быти цѣны тоѣ, а онѣхъ свободѣ съподобиша, зане же по неволи дѣлавъши казнь пріяла есть". Принимая во вниманіе, что въ разсказѣ говорится о „цѣнѣ"—долгѣ и о дѣтяхъ, рожденныхъ женщиной свободной, женщина эта должна была быть „закупкой", отрабатывавшей свой долгъ; судьи признали также, что дѣти закуповъ, рожденные до совершенія долга, не отвѣчаютъ по обязательствамъ родителей; вмѣстѣ съ тѣмъ они прекратили наемное

обязательство женщины, такъ какъ увѣчье женщинѣ причинено было по винѣ госпожи, заставлявшей исполнять непозволительныя работы. Далѣе, референтъ задается вопросомъ, въ какомъ видѣ должна была бы явиться въ Русской Правдѣ статья, отвѣчающая указанному рѣшенію судей? Разсмотрѣвъ соотвѣтствующія статьи славянскихъ законодательныхъ памятниковъ и русскіе списки Правды, онъ излагаетъ ее въ такой формѣ: „оже господинъ пріобидитъ закупа а уведетъ ему вражду (членовредительство), то лихомъ быти ему цѣны его; а оже увериднть цѣну или копу, ли отарицю (вредъ матеріальный), то то ему все воротити, а за обиду платити ему“. . . . . Дорогобужскій фактъ Іаковъ Мнихъ помѣщаетъ сейчасъ послѣ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба (1072 г.); затѣмъ было еще нѣсколько подобныхъ случаевъ наказанія св. князьями страстотерпцами согрѣшавшихъ, что́ и побудило кн. Святослава соорудить въ Вышгородѣ каменный храмъ, который былъ оконченъ незадолго до его смерти, послѣдовавшей съ 1076 г. Между 1071 и 1076 гг. пострадавшая женщина и могла посѣтить Вышгородъ, а такъ какъ пострадавшая женщина до исцѣленія болѣла три года, слѣдовательно, Дорогобужскій случай имѣлъ мѣсто въ 1069 г.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, Г. М. Барацъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ и А. В. Стороженко.

б, Д. чл. **В. Е. Данилевичъ** представилъ докладъ: „*О происхожденіи острогожскаго полковника Саса*“ (за отсутствіемъ докладчика, прочтенъ А. В. Стороженкомъ).

Свѣдѣнія о слободскихъ черкасскихъ полковникахъ крайне скудны; между тѣмъ для изслѣдователя прошлыхъ судебъ Слободской Украины эти свѣдѣнія не всегда безразличны, такъ какъ въ связи съ ними можно объяснить многія явленія въ исторіи этого края; далеко не всѣ полковники избирались изъ слободской старшины; многіе назначались Московскимъ правительствомъ; къ числу такихъ принадлежалъ острогожскій полковникъ Иванъ Семеновичъ Сасъ, или Сасовъ. Въ 1660 г. онъ былъ подполковникомъ рейтарскаго

строя въ полку бѣлгородскаго воеводы кн. Г. Г. Ромодановскаго; въ 1668 г. командовалъ копейнымъ полкомъ; въ 1674 году, участвовалъ въ походѣ подъ Чигиринъ; въ 1676 году назначенъ воеводой въ Острогожскъ, а съ 1680 г. занимаетъ должность острогожскаго полковника, въ которой и умираетъ въ 1693 г. Въ документахъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ упоминается Иванъ Ивановичъ Сасъ; но разницу въ отчествахъ референтъ находитъ возможнымъ легко объяснить опиской, въ виду того, что всѣ факты, относящіеся къ Ивану Ивановичу, могутъ быть отнесены къ Ивану Семеновичу. Что касается до національности Саса, то референтъ, доказывая, что онъ не былъ ни молдаваниномъ, ни нѣмцемъ, ни шведомъ, считаетъ его, на основаніи сохранившихся подписей, англичаниномъ (Iones Sasones, ruku pryllosyl). Такимъ образомъ, судя по этой подписи настоящія имя и фамилія Саса были: Джонъ Сэсёнъ. Фамилія его племянника — Булартъ — также чисто англійская.

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе члены: А. В. Стороженко, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ и Н. П. Дашкевичъ, при чемъ было высказано предположеніе, что Сасъ—саксонецъ.

в) Д. чл. **И. М. Каманинъ** сдѣлалъ сообщеніе *„О судьбѣ грамоты кн. Романа Галицкаго“* (напечатано въ 4-мъ вып. XIX-й книги „Чтеній“).

VI. Засѣданіе 28-го января 1907 г.

а) Чл.-кор. **В. П. Каньшинъ** представилъ результаты своихъ *„Археологическихъ изслѣдованій въ Курской губерніи“*.

„Мои археологическія изслѣдованія, сказалъ онъ, производились въ сѣверо-западной части Курскаго уѣзда и обнимаютъ, главнымъ образомъ, область рѣки Большой Курицы съ ея притокомъ Малой Курицей и только отчасти захватываютъ и область рѣки Рагозны. Рѣки Б. Курица и Рагозна—правые притоки р. Сейма и впадаютъ въ него ниже Курска.

По областямъ этихъ двухъ рѣкъ я и свой докладъ раздѣляю на двѣ части. Въ 1-ой буду говорить о городищахъ и др. археологическихъ памятникахъ въ области р. Б. Курицы, а во 2-ой—о находкахъ костей мамонта и обнаруженіи слѣдовъ современнаго мамонту человѣка у р. Рагозны.

I.—*Гнѣздиловское и Липинское городища.*

Изъ археологическихъ памятниковъ въ области р. Большой Курицы слѣдуетъ отмѣтить два городища: при селѣ Гнѣздиловѣ и при д. Липино, по правой возвышенной сторонѣ рѣки (городище Липинцы лежитъ уже на р. Сеймѣ, недалеко отъ впаденія въ него Курицы); около обоихъ городищъ на западной ихъ сторонѣ находятся поля погребеній безъ курганныхъ насыпей; при обоихъ городищахъ, кромѣ того, разбросаны курганы, большинство которыхъ распаханы (при Гнѣздиловскомъ городищѣ распаханы 12 кургановъ и остался только одинъ нераспаханный по правой сторонѣ р. Малой Курицы); курганныя насыпи встрѣчаются и отдѣльно отъ городищъ у деревни Лукина (большой курганъ), на правомъ высокомъ берегу р. Б. Курицы, и у деревень Косинова, Полянской и Жеребцова, по лѣвой сторонѣ рѣки (всѣ распаханы, кромѣ кургана у Лукина). Къ историко-археологическимъ памятникамъ въ этой области можно отнести еще развалины монастыря въ дер. Липино (находки въ развалинахъ монастыря—монеты, крестики—относятся къ XVII и первой половинѣ XVIII в.) и деревянную церковь, построенную въ концѣ XVIII в. въ с. Гнѣздиловѣ. Оба городища Гнѣздиловское и Липинское, различаясь между собою своими размѣрами (Липинское городище больше: его размѣры д. = 40 с., ш. = 24 с., шир. вала 5 с., тогда какъ размѣры Гнѣздилов. городища д. = 27 с., ш. = 10 саж., ш. в. = 5 с.) и отчасти формою, очень походятъ другъ на друга по характеру культурныхъ остатковъ.

Разрывая культурные слои, мы встрѣчаемся одинаково въ обоихъ городищахъ съ двумя культурными напластова-

ніями. Липинское городище соотвѣтствуетъ городищамъ Дьякова типа. Здѣсь встрѣчаются характерные для городищъ этого типа слои золы и угля весьма значительной массивности, обожженныя кости, куски глины и слои колотаго камня, которыми укрѣпленъ обращенный къ рѣкѣ край городища. Валы угла городища, обращеннаго къ рѣкѣ, отдѣлены отъ городища рвомъ, и гребни ихъ не привышаютъ горизонта внутренней площадки городища. Нижнее древнѣйшее напластованіе городищъ характеризуется костяными орудіями и черепками разбитой, грубо выдѣланной посуды. Верхнее позднѣйшее напластованіе содержитъ въ себѣ желѣзныя орудія. Большое количество костей животныхъ (особенно много костей кабана въ Гнѣздиловскомъ городищѣ и костей лося и оленя въ Липинскомъ) указываетъ на то, что населеніе городищъ питалось главнымъ образомъ продуктами охоты и рыбной ловли. Найденные въ Гнѣздиловскомъ городищѣ ручные жернова говорятъ за то, что населеніе городища начинаетъ уже питаться и продуктами земледѣлія. Разводили также и домашнихъ животныхъ [1]).

Произведенныя мной раскопки не обнаружили пока землянокъ. Большое количество глиняной обмазки стѣнъ, часто обожженной случавшимися пожарами, указываетъ на то, что на городищѣ стояли деревянныя, сплетенныя изъ хвороста хижины, обмазанныя глиной.

Одеждой жителей городищъ служили, очевидно, звѣриныя шкуры и ткани, остатки которыхъ тамъ и найдены. Населеніе пользуется украшеніями изъ браслетъ, бусъ и т. п. [2]), отдѣлываетъ свою посуду орнаментами, лѣпитъ фигурки изъ глины, имѣетъ въ своемъ распоряженіи и музыкальные инструменты. Оружіе представляютъ лукъ, стрѣлы, топоры въ видѣ сѣкиръ и ножи.

---

[1]) См. Записки Русск. Отдѣл. Импер. Русск. Археол. Общ., т. V, в. I, стр. 111 – 142.

[2]) См. Инвентарь Гнѣздиловскаго городища.

Таковы бытовыя черты, о которыхъ говорятъ находки городищъ.

Расположенные около городищъ курганы и могильники, содержащіе въ себѣ тотъ же инвентарь, что и городища, говорятъ намъ о погребальныхъ обрядахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ населенія городищъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ погребеніямъ, попытаемся отвѣтить на вопросъ: когда и какимъ народомъ построены Гнѣздиловское и Липинское городища и долго ли они были обитаемы?

Весь инвентарь верхняго культурнаго слоя городищъ ясно указываетъ на то, что оба городища принадлежали славянамъ; присутствіе же въ нижнемъ культурномъ напластованіи городищъ костяныхъ орудій и грубо-выдѣланныхъ черепковъ, характеризуя болѣе раннюю эпоху, позволяетъ отнести постройку городищъ къ VI—VIII или IX вѣку.

Возможно, что городища построены и не славянами. Это замѣчаніе особенно касается Липинскаго городища въ виду большого его сходства по характеру съ городищами Дьякова типа.

Верхній культурный слой городищъ и сосѣднія съ городищами погребенія безъ кургановъ говорятъ объ обитаемости городищъ въ болѣе позднюю эпоху XI—XII и можетъ быть даже XIII—XV вѣковъ. При столь продолжительной обитаемости городищъ, естественно, измѣнялись и погребальные обряды.

Погребенія Сѣверянъ въ курганахъ (въ Черниговской и Курской губерніяхъ) обслѣдованы и описаны Д. Я. Самоквасовымъ [1]), который наблюдалъ 3 типа погребеній у Сѣверянъ-язычниковъ: 1) погребеніе съ сожженіемъ въ лодьѣ, 2) погребеніе сожженнаго праха въ погребальной урнѣ и 3) погребеніе безъ сожженія.

Я раскопалъ одинъ изъ распаханныхъ кургановъ около Гнѣздиловскаго городища (раскопка колодцемъ въ 8 арш. въ діаметрѣ). При раскопкѣ въ курганной насыпи найдены толь-

[1]) См. „Труды 3-го всероссійскаго археологич. съѣзда въ Кіевѣ".

ко уголь, птичья кость и зубъ животнаго. Надо думать, что погребеніе здѣсь было совершено съ сожженіемъ, въ погребальной урнѣ, которая разбилась и при распашкѣ уничтожена. При распахиваніи другого изъ Гнѣздиловскихъ кургановъ мною подобраны на мѣстѣ распашки черепки разбитаго горшка, соотвѣтствующіе, повидимому, черепкамъ нижняго культурнаго слоя городищъ, обломки обожженной глины, осколокъ кости и уголь. Повидимому и здѣсь было погребеніе въ урнѣ съ сожженіемъ.

Я уже говорилъ, что на западной сторонѣ Гнѣздиловскаго и Липинскаго городищъ находятся погребенія безъ кургановъ и безъ сожженія. Я думаю, что это погребенія позднѣйшей эпохи, соотвѣтствующія погребеніямъ болѣе верхней культурѣ городищъ. Сожженія уже нѣтъ, но есть намекъ на сожженіе, удерживается традиція: трупъ при погребеніи обсыпаютъ золой и углемъ, въ могилу бросаютъ зубы животныхъ, на могилѣ совершаютъ тризну, разбиваютъ горшки съ пищей, приносимой покойнику.

Я обслѣдовалъ нѣсколько такихъ погребеній при Гнѣздовскомъ городищѣ.

Это погребенія въ мелкихъ могилахъ, почти на поверхности земли. Костякъ лежитъ на спинѣ, головою на западъ, со сложенными на животѣ руками. Иногда при костякѣ взрослаго человѣка бываютъ дѣтскія погребенія. Костякъ обсыпанъ золою и углемъ, въ головѣ и ногахъ преимущественно разбитые черепки и кости животныхъ и птицъ. Сверху, повидимому, могила прикрывалась досками, которыя прибивались, вѣроятно, къ землѣ желѣзными гвоздями.

Можетъ быть, эти погребенія относятся уже ко временамъ христіанства. Такъ погребали христіанъ, сохранняя старыя языческія традиціи.

Этой эпохой заканчивается жизнь городищъ.

Подъ напоромъ набѣговъ Половцевъ или татарскихъ погромовъ населеніе этихъ городищъ покидаетъ свои насиженныя мѣста и увлекается, вѣроятно, колонизаціонной волной на сѣверъ, въ междурѣчье Оки и Волги. Надо замѣтить,

что народныя преданія связываютъ окрестную Гнѣздиловскому городищу мѣстность съ воспоминаніями о нашествіи Татаръ.

II.—*Мамонтъ и слѣды человѣка палеолитической эпохи у дер. Умрихина и села Старкова.*

Возвышенности, подымающіяся по обѣимъ сторонамъ долины р. Рагозны у дер. Умрихина и села Старкова (Курск. губ. и уѣзда, Старковской волости), прорѣзаны глубокими оврагами, расположенными перпендикулярно долинѣ рѣки и достигающими мѣстами глубины около 10 саженъ. Потоками дождевыхъ и весеннихъ водъ эти овраги постоянно размываются, и обрушившіеся слои глины и известняковъ на днѣ враговъ обнаруживаютъ кости мамонта.—Мѣстные крестьяне давно уже добываютъ изъ враговъ кости этого гигантскаго животнаго, разбивая ихъ иной разъ на мелкіе куски.

Въ прошломъ году одинъ изъ крестьянъ Даніилъ Умрихинъ обратилъ вниманіе учителя Старковской земской школы М. В. Пожидаева на находившіяся въ оврагахъ громадныя кости животнаго. Это были бивни мамонта, которые, по указанію М. В. Пожидаева, были выкопаны и перевезены въ Музей наглядныхъ пособій Курскаго губернскаго земства завѣдывающимъ Музеемъ, А. Я. Минаевымъ.

Узнавъ, по пріѣздѣ въ Курскъ, въ іюлѣ 1906 года, о найденныхъ костяхъ мамонта, я рѣшилъ поѣхать въ Умрихино, чтобы поискать слѣдовъ современнаго мамонту человѣка. Предпринятая мною (вмѣстѣ съ К. Н. Родіоновымъ) экскурсія дала слѣдующіе результаты.

Мною была произведена раскопка въ оврагѣ, находящемся ниже дер. Умрихина, по теченію р. Рагозны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдены были бивни мамонта. Среди раскопанныхъ костей мамонта мнѣ удалось обнаружить расколотую при помощи каменныхъ орудій мозговую кость мамонта. Кромѣ того, при раскопкѣ найденъ обломокъ кости съ ясными слѣдами обдѣлки и грубо изготовленный кусокъ камня, служившій, можетъ быть, орудіемъ палеолитической эпохи. Среди найденныхъ здѣсь же, въ оврагахъ, нѣсколькихъ череп-

ковъ разбитой посуды, одинъ отличается особенно грубой выдѣлкой и плохо обожженъ.

Все это заставляетъ предполагать, что одновременно съ мамонтомъ въ мѣстности нынѣшнихъ Умрихина и Старкова жилъ человѣкъ палеолитической эпохи, который здѣсь охотился на мамонта, питался его мясомъ, раскалывалъ его кости при помощи своихъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ орудій, чтобы извлечь изъ нихъ мозгъ, который служилъ для него лакомствомъ. И то обстоятельство, что въ оврагахъ Умрихина-Старкова находятся кости многихъ экземпляровъ мамонта, необходимо ведетъ къ заключенію, что здѣсь была стоянка человѣка, отъ рукъ котораго погибали эти гиганты.

Эта археологическая развѣдка выдвигаетъ вопросъ о подробномъ систематическомъ обслѣдованіи культурныхъ остатковъ жизни современнаго мамонту человѣка въ мѣстности нынѣшнихъ Умрихина-Старкова.

Курская ученая архивная коммиссія, по выслушаніи моего доклада о находкахъ въ оврагахъ Умрихина-Старкова, въ собраніи своемъ 4 августа 1906 года, постановила произвести лѣтомъ 1907 г. болѣе подробныя археологическія изслѣдованія въ этой мѣстности.

Курская архивная коммиссія, какъ мнѣ кажется, вправѣ ожидать въ своихъ изслѣдованіяхъ компетентной поддержки со стороны научныхъ силъ О-ва Нестора-лѣтописца и организующагося теперь XIV-го Всероссійскаго археологическаго съѣзда въ г. Черниговѣ.—Курская губернія очень мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. Ученая архивная коммиссія создалась тамъ недавно, и, естественно, она бѣдна еще и матеріальными и научными силами.

Въ интересахъ научнаго изслѣдованія русскимъ археологамъ слѣдуетъ, мнѣ кажется, удѣлить Курской губерніи больше вниманія, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось.

Чтеніе этого доклада демонстрировалось предметами, добытыми г. Каньшинымъ при раскопкахъ. Въ обсужденіи результатовъ участвовали Е. Н. Антоновичъ, Н. П. Дашкевичъ и В. Н. Перетцъ.

б, Г. секретарь А. М. Лобода прочелъ докладъ иногороднаго д. чл. **М. П. Петровскаго:** *„Путешествія Франа Гундулича изъ Вѣны въ Москву въ 1655 г.“* (напечатанъ въ 4-мъ вып. XIX-й и 1-мъ вып. XX-й книгъ „Чтеній“).

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого доклада сдѣлали Н. П. Дашкевичъ, В. Н. Перетцъ и А. І. Степовичъ.

Въ настоящемъ засѣданіи слушали письма съ выраженіемъ благодарности: 1) поч. чл. *В. Ѳ. Миллера*—за привѣтствіе его Обществомъ по случаю 25-лѣтія его предсѣдательства въ Этнографическомъ отдѣлѣ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ и 2) академика *Н. П. Кондакова*—за избраніе его въ почетные члены Общества Нестора-лѣтописца.

VII. Засѣданіе 11-го февраля 1907 г.

а) Д. чл. **Д. И. Багалѣй** представилъ рефератъ: *„Внѣшняя исторія Магдебургскаго права въ городахъ Лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Россіи (съ половины XVII и до конца XVIII вв.“)*, который, за отсутствіемъ референта, прочтенъ г. секретаремъ А. М. Лободой.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго произвело громадный соціальный переворотъ: правящимъ классомъ сталъ тотъ, положеніе котораго раньше было почти безправное (послѣ хлоповъ), т. е. казачество; его выборное начальство—гетманъ, старшина, полковники и друг.—получили гражданскую и военную власть; русское правительство вело переговоры только съ представителями козачества. Въ то же время, существовавшее въ городахъ до возстанія Магдебургское право оказало свое вліяніе и создало замкнутый классъ людей—мѣщанъ, дорожившихъ, ради промысловъ и торговли, спокойствіемъ и менѣе увлекавшихся возстаніемъ; такимъ образомъ, послѣ войны, населеніе распредѣлилось только въ два сословія: казачество и мѣщанство (не считая духо-

венства); казаковъ было исчислено 62949 чел. и мѣщанъ—62454 чел., а шляхты оказалось всего лишь 188 человѣкъ. Московское правительство не доискивалось до тонкостей сословнаго дѣленія; для него важны были лишь плательщики денежныхъ сборовъ и свободные отъ нихъ; сборы платили только мѣщане, пользуясь льготами въ торговлѣ и промышленности и имѣя самостоятельное управленіе; этими льготами они пользовались еще во время польскаго владычества и, съ присоединеніемъ къ Россіи, хлопочутъ о подтвержденіи своихъ старыхъ привилегій. Раньше другихъ отправляли свои посольства въ Москву съ просьбой о жалованныхъ грамотахъ Переяславъ и Кіевъ—въ 1654 г. Другіе города получили подтвержденіе своихъ грамотъ позже; такъ, Черниговъ получилъ грамоту 26 іюля 1655 г., Нѣжинъ—въ 1660 г., Стародубъ, Погаръ, Почепъ и Мглинъ—въ 1666 г., и только Полтава и Новгородъ-Сѣверскъ получили грамоты въ 1752 г.

Просьбу Новгородъ-Сѣверскихъ мѣщанъ поддержала „Розумиха", мать гетмана Разумовскаго, Наталія, обратившаяся по этому поводу съ письмомъ къ неизвѣстному какому-то Андрею Яковлевичу. Просьба мѣщанъ была удовлетворена.

Разсмотрѣвъ содержаніе грамотъ городамъ на права и вольности въ промышленности, торговлѣ, по цеховому устройству, суду и управленію, референтъ опредѣляетъ число всѣхъ привилегированныхъ городовъ въ 11, изъ коихъ 5 или 6 были полковыми, а остальные сотенными.

По поводу этого доклада д. чл. А. В. Строженко замѣтивъ, что „неизвѣстный" Андрей Яковлевичъ, къ которому обратилась граф. Наталія Разумовская, о дарованіи г. Новгородъ-Сѣверску Магдебургскаго права, былъ не кто иной, какъ Андрей Яковлевичъ Безбородко, отецъ канцлера, генеральный писарь, фактическій правитель дѣлъ Малороссіи при гетманѣ Разумовскомъ.

б) Д. чл. **Ю. А. Яворскій** сообщилъ *„Новую гипотезу о происхожденіи такъ называемой Грюнвальдской пѣсни"* (Сообщеніе напечатано въ настоящемъ выпускѣ, отд. IV).

Основная точка зрѣнія докладчика, что работа г. Щурата при всѣхъ своихъ недочетахъ, весьма важна въ смыслѣ указанія новыхъ факторовъ, съ которыми отнынѣ необходимо считаться при изученіи польской литературы, была поддержана и д. чл. В. Н. Перетцомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ дополнилъ докладъ г. Яворскаго изложеніемъ полемики между г.г. Брикнеромъ и Щуратомъ по поводу гипотезы этого послѣдняго.

VIII. Засѣданіе 25-го февраля 1907 г.

Открывая засѣданіе г. Предсѣдатель Н. П. Дашкевичъ сообщилъ о смерти д. чл. Общества *В. И. Модестова* и пригласилъ собраніе почтить память его вставаніемъ, что́ и было исполнено.

а) Поч. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сказалъ *„Нѣсколько словъ въ память В. И. Модестова"*.

В. И. Модестовъ, новгородецъ по происхожденію, кичившійся чистотою русской крови въ своихъ жилахъ, родился въ священнической семьѣ. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи поступилъ въ Педагогическій Институтъ, а по его закрытіи перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1860 году. Будучи назначенъ учителемъ латинскаго языка въ Олонецкую гимназію, В. И. черезъ годъ выдержалъ испытаніе на степень магистра римской словесности и былъ командированъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Защитивъ по возвращеніи изъ командировки диссертацію (К. Тацитъ и его сочиненія), В. И. занялъ каѳедру въ открывавшемся тогда Новороссійскомъ университетѣ, но уже черезъ два года покинулъ Одессу и перешелъ въ Казань. Послѣ защиты докторской диссертаціи (Письменность и періодъ царей) и пріобрѣтеніи званія ординарнаго профессора, В. И. занялъ въ 1869 году каѳедру римской словесности въ Кіевскомъ университетѣ, а вскорѣ и въ Кіевской Духовной Ака-

деміи. Дѣятельность В. И. въ Кіевѣ продолжалась до конца 77 года. Изъ Кіева В. И. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ проф. С.-Петербургской Духовной Академіи. Оставивъ профессуру въ началѣ 80-хъ годовъ, В. И. отдался публицистикѣ; но ученые интересы, которыхъ онъ никогда не оставлялъ, привели его опять въ Одессу, гдѣ онъ и закончилъ свою преподавательскую дѣятельность. Выйдя въ отставку послѣ истеченія 25-тилѣтняго срока, службы В. И. переѣхалъ въ Петербургъ, откуда сталъ совершать поѣздки въ Италію. Во время второго своего пребыванія въ Одессѣ В. И. увлекся изученіемъ римской археологіи и посвятилъ ей всѣ свои интересы и свой литературный талантъ. Поѣздки въ Италію не казались ему достаточными, и онъ переѣхалъ навсегда въ Римъ, гдѣ и скончался. Отмѣчая даты внѣшней біографіи почившаго, докладчикъ, на основаніи записокъ В. И., публикованныхъ въ журнальныхъ статьяхъ, и воспоминаній сослуживцевъ, характеризовалъ его, какъ человѣка большихъ дарованій, отличавшагося чрезвычайной впечатлительностью. Изъ трудовъ почившаго, кромѣ диссертацій, пользуется широкой извѣстностью его курсъ поисторіи римской литературы—единственное изданіе этого рода на русскомъ языкѣ и полный переводъ сочиненій Тацита, автора, къ которому онъ относился съ особенной любовью съ юныхъ лѣтъ. Послѣднія десять лѣтъ жизни В. И. были посвящены римской археологіи, и въ этой области покойному принадлежитъ широко задуманный трудъ „Введеніе въ римскую исторію". Авторъ успѣлъ издать два тома, изъ которыхъ первый появился также еще при его жизни во французскомъ переводѣ.

По поводу этого доклада, д. чл. Г. Е. Аѳанасьевъ сдѣлалъ дополненіе къ характеристикѣ дѣятельности В. И. Модестова въ Одессѣ.

б) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** представилъ *„Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ „Плачу Ярославны"*.

Однимъ изъ высоко-поэтическихъ литературныхъ памятниковъ древней Руси на первомъ мѣстѣ должно быть

поставлено „Слово о полку Игоревѣ". Художественныя достоинства этого произведенія не разъ вызывали вопросъ объ ихъ выработкѣ: были-ли онѣ результатомъ самостоятельнаго развитія древне-русскаго творчества или обязаны иноземному вліянію? По мнѣнію референта, послѣднее едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, но признаніе его ни мало не уменьшаетъ достоинствъ произведенія; во всякомъ случаѣ, можно установить параллели къ „Слову" и въ его цѣломъ, и въ его частностяхъ. Референтъ остановился на одномъ изъ поэтичнѣйшихъ эпизодовъ „Слова"—на „Плачѣ Ярославны". Его не разъ уже подвергали сопоставленію съ другими плачами; связь плача съ народной пѣсней не подлежитъ сомнѣнію; интересна и литературная форма этого произведенія. Въ „Плачѣ Ярославны" ясно выступаетъ дѣленіе на строфы, чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ „Слова"; въ „Плачѣ" четыре скорбныхъ воззванія; построеніе строфъ подобно тому, какое мы видимъ въ „Пѣснѣ о Роландѣ"; такъ что, въ „Плачѣ Ярославны" мы имѣемъ слѣды эпико-лирической искусственной поэзіи, культиваровавшейся особыми пѣвцами. Ближайшими западными параллелями къ „Плачу" являются у насъ, какъ и на Западѣ того времени, французскіе романсы, или Chansons d'histoire XII в., и итальянскія жалобныя пѣсни XIII в.; въ нѣмецкой поэзіи извѣстны позднѣйшія подобныя же пѣсни. Въ Chansons d'histoire изображаются королевы и знатныя дамы, тоскующія объ отсутствующемъ миломъ; стихъ пѣсенъ эпическій 10-тисложный, съ цезурой послѣ 6-го слога. Референтъ изложилъ затѣмъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, имѣющихъ, по мнѣнію изслѣдователей, историческую основу; несомнѣнно, что въ XII—XIII. вв. существовалъ особый видъ лирическаго сѣтованія женщины; онъ представляетъ собою параллель нашему „Плачу Ярославны". Если ставить „Плачъ Ярославны" въ связь съ западной лирикой рыцарскаго періода преждевременно, то вполнѣ умѣстно поднять вопросъ по поводу интереснаго совпаденія; въ „Плачѣ" и въ пѣсняхъ, женщины находятся въ разлукѣ съ мужьями; въ обоихъ одна и та-же эпико-лирическая форма; лишь въ содержаніи сѣтованій рус-

ской княгини и западныхъ grandes dames замѣчается различіе; вліяніе западныхъ пѣвцовъ на русскаго бояна было вполнѣ возможно, о томъ говоритъ само „Слово“: „ту нѣмци и венедици, ту греки и морава поють славу Святославлю, кають князя Игоря“. Вмѣстѣ съ этимъ референтъ привелъ и другія доказательства присутствія западныхъ пѣвцовъ на Руси, являвшихся сюда вслѣдствіе близкихъ сношеній русскихъ князей до-монгольскаго періода съ Западомъ.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца

IX. Засѣданіе 11-го марта 1907 г.

а) Д. чл. **В. Л. Модзалевскій** изложилъ содержаніе *„Описи лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 г."* (напечатано въ 1-мъ выпускѣ настоящей книги).

б) Чл.-кор. **Г. М. Барацъ** указалъ въ своемъ чтеніи на *„Еврейскіе источники для лѣтописныхъ сказаній о св. Владимірѣ и Рогнѣдѣ"*.

Сказаніе о Владимірѣ и Рогнѣдѣ распадается на три разсказа: 1, о сватовствѣ и женитьбѣ Владиміра на Рогнѣдѣ; 2, о неудавшемся покушеніи Рогнѣды-Гориславы на жизнь Владиміра и 3, объ отказѣ Рогнѣды отъ новаго брака съ бояриномъ и о принятіи ею монашества подъ именемъ Анастасіи.

Первый разсказъ помѣщенъ въ Лаврентьевской лѣтописи дважды: краткій подъ 980 г. и пространный подъ 1128 г., вмѣстѣ съ вторымъ разсказомъ; третій же разсказъ имѣется въ Тверской лѣтописи.

Предварительно референтъ исправляетъ текстъ перваго разсказа; мнѣніе, будто упоминаніе о приходѣ Рогволода изъ-за моря могло появиться въ началѣ XII в., въ разгаръ борьбы полоцкихъ князей съ кіевскими, онъ считаетъ шаткимъ, а замѣчаніе о Турѣ и туровцахъ, имѣвшее въ виду доказать будто-бы древнюю связь области Дреговичей съ областью Полоцкой, изъ коихъ первая была предметомъ спора между полоцкими и кіевскими князьями, въ сущности вставлено невпопадъ въ разсказъ о Рогволодѣ; мѣсто же ему въ разсказѣ о разселеніи славянскихъ племенъ; въ Архангелогородской и Софійской лѣтописяхъ разсказъ подвергся измѣненіямъ и переправкамъ съ цѣлью осмысленія его; далѣе, рѣчь Добрыни къ Владиміру и выраженія „и суть въ сапозѣхъ“, также какъ и глаголъ „розути“ (это не неопредѣленное наклоненіе, а причастіе страд. залога, множ. числа) относится къ извѣстію о войнѣ Игоря въ 945 г. съ древлянами. По исправленіи текста разсказа, референтъ, отыскивая его источникъ, находитъ таковой въ еврейской книгѣ „Сеферъга-яширъ“, а также въ книгѣ „Іосипона“ или „Іосифа—Горіанида“ (псевдо-Іосифъ“), въ разсказѣ о борьбѣ изъ-за Яніи царей Анніаса и Тургуса въ странѣ Китимъ въ г. Фуцимнѣ, гдѣ жилъ Уцу, отецъ Яніи; заимствованіе нашимъ лѣтописцемъ этого разсказа референтъ старается доказать не только общимъ сходствомъ въ содержаніи разсказовъ, но даже одинаковыми отдѣльными выраженіями и словами.

Во второмъ разсказѣ референтъ также находитъ необходимымъ сдѣлать исправленіе текста и перестановку словъ съ одного мѣста на другое; разсматривая содержаніе разсказа, онъ находитъ его заимствованнымъ изъ еврейскихъ сказаній, находящихся въ сборникѣ „Бетъ га-мидрашъ“ и въ упомянутой уже „Га-яширъ“, о царѣ Соломонѣ, доказывающемъ справедливость изреченія экклезіаста: „мужчину одного изъ тысячи я нашелъ, а женщины между всѣми

ими не нашелъ" (VII, 28), и объ отношеніяхъ патріарха Іосифа къ женѣ Потифара, царедворца Фараонова, Зелихѣ.

Въ третьемъ разсказѣ, въ свою очередь, референтъ дѣлаетъ поправки и перестановки выраженій: „дѣтьску сущу, еще и погану", „кормяще сына своего до возраста" и „постризеся въ мнишеской образъ, наречено бысть имя ей Анастасіа"; содержаніе разсказа онъ находитъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности и даже вымышленнымъ; но оно не придумано авторомъ собственнымъ умомъ, а вычитано изъ Талмуда, гдѣ повѣствуется о вдовѣ умершаго въ II-мъ в. по Р. Х. знаменитаго законоучителя Элазара, сына Симона бенъ Іохаса, которой его товарищъ предложилъ свою руку и сердце, но та отвергла предложеніе; рѣчь Ярослава, по мнѣнію референта сложилась подъ вліяніемъ рѣчи ребенка Потифара, а постриженіе въ монастырь Рогнѣды — подъ вліяніемъ разсказа 2-й книги Царствъ объ участи наложницъ Давида.

Въ обсужденіи этого чтенія принимали участіе члены А. А. Дмитріевскій, А. М. Лобода, Ю. А. Яворскій и А. В. Стороженко, и гость свящ. М. А. Стельмашенко, которые указали на произволъ, допущенный докладчикомъ при исправленіи текста лѣтописи, и на полную неубѣдительность приведенныхъ имъ параллелей къ лѣтописнымъ разсказамъ про Владиміра и Рогнѣду. Докладчикъ поддерживалъ настойчиво свои положенія и пріемы изслѣдованія.

X. Засѣданіе 25-го марта 1907 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ поч. чл. Ю. А. Кулаковскаго, вслѣдствіе болѣзни г. предсѣдателя Н. П. Дашкевича. Открывая засѣданіе Ю. А. Кулаковскій сообщилъ о тяжелой утратѣ, понесенной Обществомъ въ лицѣ недавно почившихъ членовъ *П. В. Голубовскаго* и

А. И. Булгакова и пригласилъ присутствующихъ почтить память ихъ вставаніемъ, что́ и было исполнено.

а, Д. чл. **Е. А. Кивлицкій** далъ общую *„Характеристику жизни и личности П. В. Голубовскаго"*.

б, Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** отмѣтилъ *„Значеніе научныхъ трудовъ П. В. Голубовскаго"*.

в, Д. чл. **В. З. Завитневичъ** охарактеризовалъ *„Научную дѣятельность А. И. Булгакова"* въ слѣдующихъ словахъ:

Аѳанасій Ивановичъ Булгаковъ, сынъ священника Орловской губерніи, род. 21 апрѣля 1859 г. По окончаніи Кіевской Дух. Академіи въ 1885 г., тогда же назначенъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ Новочеркасское Духовное училище, откуда въ 1887 году перешелъ въ Кіев. Дух. Академію, гдѣ сначала занималъ каѳедру общей древней гражданской исторіи, а съ 1889 г.—каѳедру исторіи и разбора западныхъ исповѣданій. Первымъ ученымъ трудомъ покойнаго была его магистерская диссертація: „Очерки исторіи методизма" (Кіевъ, 1887 г.). Трудъ этотъ появился въ двухъ выпускахъ, обнимающихъ два періода въ исторіи методизма. Періодъ первый: очерки исторіи методизма со времени его происхожденія (1729 г.) до смерти его основателя (1791 г.), и періодъ второй: съ года смерти его основателя до позднѣйшаго времени. Появившись въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка, какъ реакція противъ крайностей деизма, методизмъ, соприкоснувшись съ гернгутіанствомъ, развился въ самостоятельную религіозную секту на почвѣ англійской національности и получилъ значительное распространеніе въ Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Сѣверной Америкѣ и на островахъ Вестъ-Индіи. Слѣдя за исторіей методизма съ момента его возникновенія до нашихъ дней, авторъ особенно внимательно останавливается на условіяхъ его распространенія и борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, знакомитъ съ догматическими особенностями секты и ея богослуженіемъ,

даетъ характеристику дѣятельности ея важнѣйшихъ представителей въ періодъ ея существованія, рисуетъ картину внутренней борьбы и дробленія ея во второй періодъ, и затѣмъ отдѣльно останавливается на исторіи методизма англійскаго и американскаго. Послѣ появленія въ печати труда преосвящ. Іоанна: „Изъ исторіи религіозныхъ сектъ въ Америкѣ", въ которомъ видное мѣсто отведено методизму, трудъ покойнаго Аѳанасія Ивановича является у насъ первой серьезной монографіей въ данной области, довольно полно обнимающій изслѣдуемый предметъ. Работая надъ изученіемъ методизма, авторъ неизбѣжно долженъ былъ ознакомиться и съ господствующею въ Англіи церковью, въ нѣдрахъ которой появился методизмъ. Здѣсь, конечно, ближайшая причина того, почему въ дальнѣйшей своей ученой дѣятельности покойный особенно много вниманія удѣлялъ изученію англиканства. Сюда относятся слѣдующія его сочиненія: „Стремленія англиканъ къ возстановленію древне-вселенской церкви" (1894 г.), „Новыя религіозныя преобразованія въ Англіи" (1897 г.), „Къ вопросу объ англиканской іерархіи" (1898 г.), „О законности и дѣйствительности англиканской іерархіи". (Вып. I. 1906 г.). Читая названные труды Аѳ. Ив., нельзя не замѣтить, что англиканская церковь особенно привлекала вниманіе его своимъ стремленіемъ къ возсоединенію съ нашею Православною Церковью. По этой же, очевидно, причинѣ онъ отводилъ не мало вниманія и изученію старокатоличества. Результатомъ научныхъ трудовъ покойнаго въ этой области явилось его изслѣдованіе: „Старо-католическое и христіано-католическое богослуженіе и его отношеніе къ римско-католическому богослуженію и вѣроученію" (1901 г.). Но какъ профессоръ по каѳедрѣ исторіи западныхъ исповѣданій, покойный Аѳ. Ив. по необходимости долженъ былъ заняться изученіемъ и другихъ явленій религіозной жизни, о чемъ свидѣтельствуетъ

цѣлый рядъ его работъ, каковы: О молоканствѣ (1891 г.); О религіозномъ образованіи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (1900 г.); Современное франкмасонство (1903 г.); О принятіи еще одного новаго догмата въ римскомъ католицизмѣ (1903 г.) и др. Состоя членомъ Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго общества, покойный не разъ предлагалъ въ его собраніяхъ чтенія, изъ которыхъ многія были напечатаны и изданы отдѣльными брошюрами; таковы: Когда нужно креститься? (1893 г.), Значеніе церкви Христовой въ жизни человѣка (1899 г.), О просвѣщеніи народовъ (1904 г.), Церковь и ея отношеніе къ прогрессу (1903 г.) и др.

д, Д. чл. **П. Н. Ардашевъ** сдѣлалъ сообщеніе объ *„Историческомъ матеріализмѣ"*; сущность его сообщенія заключается въ слѣдующемъ:

1. Въ отличіе отъ экономическаго направленія въ исторіи, историческій матеріализмъ есть нѣкоторая историко-философская и соціологическая теорія, то-есть, такая теорія, которая берется объяснить, съ извѣстной точки зрѣнія: а) послѣдовательный ходъ человѣческой исторіи и б) сущность общественно-историческаго процесса.

2. Сущность этой теоріи заключается въ монистической концепціи исторіи съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства, какъ первоосновы всего историческаго процесса. Историческій матеріализмъ есть, по своему существу, экономическій монизмъ.

3. Въ отличіе отъ экономическаго направленія въ исторіи, возникшаго внутри исторической науки, на почвѣ чисто теоретическихъ научныхъ интересовъ,—теорія историческаго матеріализма внесена въ науку извнѣ, изъ области политики. Она, по выраженію одного изъ видныхъ представителей историч. матеріализма, „возникла на полѣ битвы" и явилась не въ результатѣ научныхъ, подсказанныхъ чисто теоретическимъ интересомъ, изслѣдованій, а въ результатѣ поисковъ

за „интеллектуальнымъ оружіемъ", которое Марксъ и его единомышленники считали нужнымъ дать въ руки революціонному пролетаріату, въ дополненіе къ оружію матеріальному. А такое происхожденіе теоріи историч. матеріализма исключало возможность той научной объективности, которая является однимъ изъ необходимыхъ предварительныхъ условій научности въ области исторіи.

4. Другой необходимой предпосылкой научности всякой теоріи, заявляющей, какъ теорія историч. матеріализма, притязаніе на универсальное истолкованіе всего содержанія исторіи, долженъ былъ быть высокій уровень научной разработки историческаго матеріала, на которомъ строится подобная теорія. А между тѣмъ это условіе какъ разъ отсутствовало въ пору возникновенія теоріи историч. матеріализма, въ виду крайне недостаточной и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи разработанности историческаго матеріала въ то время. Даже и въ настоящее время, не смотря на колоссальный шагъ впередъ, сдѣланный историч. наукой за протекшіе 50—60 лѣтъ, послѣдняя далеко не обладаетъ достаточными данными для сколько-нибудь удовлетворительнаго обоснованія теоріи, подобной историч. матеріализму; тѣмъ болѣе этотъ недостатокъ долженъ былъ сказаться 50—60 лѣтъ тому назадъ, когда вырабатывалась теорія историческаго матеріализма.

5. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, теорія историч. матеріализма, съ научной точки зрѣнія, носила съ самаго начала и до сихъ поръ продолжаетъ носить чисто апріорный и гипотетическій характеръ. Она апріорна, потому что представляетъ собою не выводъ изъ достаточнаго и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи фактическаго историческаго матеріала, а результатъ комбинаціи нѣкоторыхъ общихъ идей,—комбинаціи, къ которой впослѣдствіи стали подгонять фактическій матеріалъ. Она гипотетична, потому

что до сихъ поръ не успѣла обосновать себя настолько солидно, чтобы получить право гражданства въ наукѣ,—превратиться изъ гипотезы въ научную теорію. И шансовъ на такое превращеніе историч. матеріализмъ не имѣетъ, такъ какъ послѣдовательные успѣхи научной исторіи служатъ скорѣе къ опроверженію этой теоріи, чѣмъ къ ея подтвержденію.

6. Въ настоящее время историч. матеріализмъ является не только старою, но и вполнѣ устарѣлою теоріею. Историч. матеріализмъ имѣлъ смыслъ и значеніе, какъ реакція противъ историческаго идеализма, но послѣ того, какъ послѣдній сданъ въ архивъ, и теорія историч. матеріализма отжила свой вѣкъ. Она представляетъ собою въ настоящее время совершенный анахронизмъ въ научномъ смыслѣ.

7. Научная несостоятельность теоріи историч. матеріализма всего нагляднѣе обнаруживается какъ разъ въ томъ, что можно назвать ея идейнымъ центромъ тяжести; въ ея монистической тенденціи, говоря короче—въ ея монизмѣ, на которомъ особенно настаиваютъ наиболѣе горячіе приверженцы этой теоріи. До сихъ поръ былъ и продолжаетъ оставаться возможнымъ лишь монизмъ метафизическій, монизмъ же научный невозможенъ по той причинѣ, что при помощи научнаго знанія нельзя свести все многообразіе міровой ли жизни, вообще, или же исторической жизни человѣчества, въ частности, къ одной основѣ, къ одному началу.

8. Это апріорное заключеніе вполнѣ подтверждается и a posteriori, путемъ анализа отдѣльныхъ элементовъ историческаго процесса. Послѣдній создается изъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ, не сводимыхъ къ одной общей основѣ,—не сводимыхъ въ частности къ общественному хозяйству. Нельзя свести къ послѣднему природу, ни какъ внѣшнюю среду, ни какъ силу, дѣйствующую внутри человѣческаго организма; нельзя свести къ хозяйству духовную

культуру, такъ какъ нельзя къ нему свести человѣческую психику; въ частности, нельзя свести къ хозяйству—нравственность, религію, науку, государство, національность, семью, наконецъ, нельзя объяснить съ точки зрѣнія экономическаго монизма роль личнаго начала въ исторіи.

9. Невозможность (такого) сведенія всего многообразія элементовъ исторической жизни къ одному началу, хозяйству, вынуждены были признать косвеннымъ образомъ уже сами основатели теоріи, Марксъ и Энгельсъ, а также и ихъ ученики. Это косвенное признаніе выразилось въ тѣхъ позднѣйшихъ разъясненіяхъ и оговоркахъ, которыя нашли нужнымъ сдѣлать Марксъ и Энгельсъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, а равно и ихъ послѣдователи, для того, чтобы примирить теорію историч. матеріализма съ неукладывающеюся въ ея рамки историческою дѣйствительностью. Но эти оговорки идутъ въ разрѣзъ съ основной монистической идеей историч. матеріализма и въ сущности сводятъ послѣдній къ простому экономическому направленію. Но такъ какъ авторы оговорокъ продолжаютъ въ то же время настаивать на своей вѣрности основнымъ принципамъ своей теоріи, то результатомъ упомянутыхъ оговорокъ и разъясненій явилась лишь крайняя противорѣчивость, сбивчивость и путаница понятій, плодящая безконечныя недоразумѣнія и дѣлающая теорію историч. матеріализма крайне трудной какъ для пониманія, такъ и для критики. Путаница эта дошла до того, что, по словамъ одного изъ самихъ марксистовъ, въ „доктринѣ марксизма не остается почти ни одного положенія, которое бы оставалось внѣ критики и сомнѣній, какъ нѣтъ почти ниодной формулы, которая раздѣлялась бы всѣми учениками и послѣдователями“; въ себѣ самой доктрина заключаетъ наглядное свидѣтельство своей несостоятельности.

10. Очевидная непримиримость вышеупомянутыхъ разъясненій и оговорокъ съ основными идеями теоріи историч.

матеріализма, привела нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ защитниковъ ея къ попыткѣ примирить эту теорію съ историческою дѣйствительностью, безъ ущерба экономическому монизму, посредствомъ расширенія понятія производительныхъ силъ (природа, техника, математика, естественныя науки). Но вслѣдствіе такого расширенія производительныя силы сами утрачиваютъ необходимое съ точки зрѣнія монизма единство и превращаются въ сущности въ конгломератъ разнородныхъ, не сводимыхъ къ общей основѣ, факторовъ, а слѣдовательно и самый экономическій монизмъ сводится лишь къ „монизму“ термина, то-есть въ сущности къ чистой фикціи. Но такъ какъ авторы [1]) отмѣченныхъ попытокъ расширенія понятія „производительныхъ силъ“ не хотятъ признать своего разрыва съ этимъ монизмомъ, то въ результатѣ получается новый источникъ идейной путаницы и всевозможныхъ недоразумѣній.

11. Невозможность примирить теорію историч. матеріализма съ историческою дѣйствительностью безъ ущерба для той или другой, привела въ новѣйшее время многихъ писателей марксистовъ къ признанію несостоятельности этой теоріи, не смотря на тяготѣніе ихъ въ сторону этой теоріи по связи съ раздѣляемыми ими идеями марксизма въ другихъ областяхъ мысли. Этотъ фактъ служитъ наглядным опроверженіемъ двухъ ходячихъ тезисовъ марксистской литературы: 1) будто-бы отрицательное отношеніе къ себѣ теорія историч. матеріализма встрѣчаетъ исключительно лишь со стороны тѣхъ историковъ и вообще ученыхъ, которыхъ она называетъ „буржуазными“, 2) будто бы теорія историч. матеріализма составляетъ интегральную часть, которую будто

[1]) Бернштейнъ въ Германіи, Жоресъ во Франціи, Кроге въ Италіи и Баке въ Англіи. Цѣлый рядъ русскихъ эксъ-марксистовъ: Струве, Булгаковъ, Т.-Б.

бы нельзя отдѣлить, а необходимо либо принять вмѣстѣ съ остальными идеями марксизма, либо вмѣстѣ съ ними же отвергнуть.

12. Съ точки зрѣнія современнаго состоянія историч. науки, теорія историч. матеріализма, какъ отжившая, устарѣвшая, представляетъ интересъ лишь какъ одинъ изъ этаповъ въ исторіи развитія историософическихъ идей; съ точки же зрѣнія пониманія сущности историческаго движенія и историческаго процесса, она не только не имѣетъ никакого положительнаго научнаго значенія, но имѣетъ, наоборотъ, значеніе отрицательное, такъ какъ вноситъ новый элементъ путаницы и недоразумѣнія въ ту область, которая и безъ того представляетъ огромныя трудности для ея полнаго и всесторонняго научнаго освѣщенія.

Чтеніе этого доклада сопровождалось слѣдующимъ инцидентомъ:

Передъ докладомъ г. Предсѣдательствующему была передана изъ публики запиской просьба разрѣшить стороннимъ посѣтителямъ участіе въ преніяхъ по поводу доклада г. Ардашева. Г. Предсѣдательствующій, въ виду § 41 Устава Общества, не далъ такого разрѣшенія, и когда за тѣмъ было предоставлено слово докладчику г. Ардашеву, то изъ среды публики раздался протестъ противъ стѣсненія будто бы свободы обсужденія научныхъ вопросовъ. Г. Предсѣдательствующій прервалъ этотъ протестъ заявленіемъ, что слово въ собраніи настоящаго ученаго общества можетъ предоставлять только онъ, а посторонніе посѣтители не могутъ нарушать порядка засѣданія. Протестъ, однако, продолжался, обратившись въ большой безпорядочный шумъ, и часть публики демонстративно удалилась.

XI. Засѣданіе 9-го апрѣля 1907 г.

а) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** прочелъ сообщеніе: *„Къ предстоящему 25-лѣтнему юбилею Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества"*, изложивъ исторію возникновенія и дѣятельности этого Общества въ протекшіе 25 лѣтъ и указавъ на его значеніе для православныхъ, отправляющихся на поклоненіе Св. Мѣстамъ.

По поводу этого чтенія нѣсколько замѣчаній было высказано членами Д. В. Туткевичемъ, П. П. Соколовымъ и А. В. Стороженкомъ.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ докладъ на тему: *„Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи XVIII-го вѣка"* (напечатанъ въ 1-мъ выпускѣ настоящей книги).

Нѣсколько замѣчаній было сдѣлано д. чл. А. М. Лободой.

XII. Засѣданіе 6-го мая 1907 г.

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** подвергъ разсмотрѣнію *„Думу объ Иванѣ Коновченкѣ"*.

Прочитанный авторомъ варіантъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ замѣчателенъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, онъ наиболѣе отрѣшенъ отъ исторической окраски XVII в. и приближается къ эпосу болѣе древней формаціи. Эта историческая окраска XVII в. весьма неубѣдительна, и потому Костомаровъ относитъ думу не къ 1684 г., къ которому ее относили М. А. Максимовичъ и Ж. Паули, а пріурочиваетъ къ эпохѣ до Хмельницкаго, съ чѣмъ соглашается и М. П. Драгомановъ. По мнѣнію референта, упоминающееся въ нѣкоторыхъ варіантахъ имя корсун. полковника Хвилона (или Хвилоненка), упоминанія о походѣ подъ Тегинь и м. Крыловъ могли быть случайно сюда внесены. Лишь имя героя думы, Ивась, не измѣняется. Прозвище

же разно: Коновченко, Вдовиченко-Коновченко; Канивченко (отъ Канівець, по отцу); послѣднему варіанту прозвища надо отдать предпочтеніе, такъ какъ герой происходитъ изъ города близъ Черкассъ (Канева). Варіантъ референта какъ бы указываетъ на Подолію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы на архаичныя черты богатыря, связывающія эпосъ думъ съ богатырскими сказками и былинами (богатырская ходьба и сила); онъ напоминаетъ юныхъ героевъ киргизскихъ поэмъ, кельтскихъ сказокъ и русскаго былевого эпоса. Н. И. Костомаровъ находилъ сходство между Ивасемъ Коновченкомъ и Василіемъ Буслаевымъ. И. Н. Ждановъ относитъ думу о Коновченкѣ къ циклу пѣсенъ о погибшемъ удальцѣ. Коновченка можно сближать съ Михайликомъ, выступающимъ въ преданіи о разореніи Кіева татарами. Въ думѣ замѣчаются и моральныя наслоенія позднѣйшей среды. Согласно съ М. П. Драгомановымъ, есть основаніе считать думу „псальмой". Гибель Коновченка находится въ связи съ его неповиновеніемъ матери, съ пренебреженіемъ къ религіознымъ обычаямъ и съ его невоздержнымъ пьянствомъ и высокомѣріемъ, и этимъ дума сближаетъ Коновченка съ Алексѣемъ-поповичемъ. Въ виду всего изложеннаго, референтъ высказалъ догадку, что дума о Коновченкѣ возникла на основѣ богатырской эпохи и въ болѣе раннюю пору козачества, до XVII в., и подверглась измѣненіямъ въ деталяхъ у позднѣйшихъ хранителей думъ.

б) Д. чл. **Ю. А. Яворскій** сдѣлалъ сообщеніе: *„Къ исторіи галицко-русскаго фольклора XVIII-го вѣка"*.

Онъ представилъ подробныя свѣдѣнія о двухъ старыхъ записяхъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій, записяхъ, найденныхъ имъ во время поѣздки по Зап. Галичинѣ лѣтомъ прошлаго 1906 г. Первая запись—два судебныхъ дѣла, разбиравшихся въ волостномъ (зойтовскомъ) судѣ с. Вѣрхомли,

---

[1]) Думы эти напечатаны въ „Кіев. Стар." 1889 г. и 1903 г. №№ 2 и 9.

Новосандецкаго у., въ 1779 и 1781 гг.; въ дѣлахъ сохранились интересныя свѣдѣнія о колдовствѣ и его пріемахъ. Вторая запись—это сборничекъ народныхъ метеорологическихъ примѣтъ, на польскомъ языкѣ, помѣщенный на послѣднемъ (переплетномъ) листѣ метрической книги с. Перунки, Грибовскаго у., за 1778—1783 гг. Кромѣ общихъ свѣдѣній и замѣчаній объ этихъ старыхъ записяхъ, референтъ привелъ также полные тексты ихъ, причемъ указалъ для отдѣльныхъ повѣрій и примѣтъ рядъ важнѣйшихъ варіантовъ и параллелей въ русской и иноязычной этнографической литературѣ.

Замѣчанія по поводу этого сообщенія были сдѣланы членами В. А. Розовымъ, Т. Д. Флоринскимъ, В. З. Завитневичемъ и М. В. Довнаромъ-Запольскимъ.

в) Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** сказалъ нѣсколько словъ объ открытомъ имъ *„Договорѣ рады Вел. Княжества Литовскаго съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ"*.

Этотъ документъ извлеченъ референтомъ изъ архива кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ; онъ находится среди другихъ отдѣльныхъ актовъ, переплетенныхъ въ одну книгу (№ 2893). Документъ представляетъ собою черновикъ и не оконченъ. Впрочемъ, онъ обрывается словами: „И на то все есмо дали", показывающими, что недостаетъ только даты и подписей, чего въ черновикѣ и не должно быть.

Содержаніе документа—договоръ „преднѣйшей рады" съ вступающимъ на престолъ вел. кн. Сигизмундомъ-Августомъ. До сихъ поръ подобнаго рода договоровъ и грамотъ, выдаваемыхъ радой Вел. Кн. Литовскаго отъ имени государства, мы не знали, хотя, конечно, между вступающимъ на престолъ господаремъ и представителями знати естественно каждый разъ велись предварительные переговоры, результатомъ которыхъ являлось подтвержденіе вольностей и „сво-

бодъ" шляхетства. Теперь мы знаемъ, что такіе переговоры закрѣплялись и особыми актами.

Настоящая грамота рады даетъ рядъ весьма важныхъ историко-юридическихъ положеній, на нѣкоторыя изъ нихъ и указалъ референтъ.

Преемство престола въ Литовско-Русскомъ государствѣ рада признаетъ не наслѣдственнымъ: великій князь литовскій избирается „вольными голосами". Сигизмундъ-Августъ еще при жизни отца былъ признанъ его наслѣдникомъ „за вольнымъ обраньемъ"; потомство самого Сигизмунда-Августа можетъ быть избираемо на литовскій престолъ; но можетъ быть и не избираемо. Это есть важное указаніе, такъ какъ до послѣдняго времени въ литературѣ встрѣчаются утвержденія о наслѣдственности литовскаго престола въ династіи Ягеллоновъ: это было фактомъ только.

При вступленіи на престолъ, господарь подтверждаетъ „вольности" „присягою тѣлесною". Такую присягу приносилъ и Сигизмундъ I [1]), конечно—и его предшественники. Пока затруднительно лишь выяснить процессъ избранія и тѣ коллегіи, въ которыхъ великій князь былъ избираемъ и въ присутствіи которыхъ онъ приносилъ присягу. Несомнѣнно, однако, что высшая санкція находилась въ рукахъ сейма [2]).

Изъ области государственнаго права въ разбираемомъ документѣ есть еще одна важная черта: весь документъ представляетъ собою актъ „преднѣйшей таемной рады". Изслѣдователемъ сейма и рады В. Кн. Литовскаго, г. Любавскимъ, этотъ институтъ былъ не замѣченъ, на что референтомъ и было ему указано, а въ подтвержденіе самаго факта существованія „таемной рады" были приведены нѣкоторыя данныя [3]). Отвѣчая на критическую статью референта, г. Лю-

[1]) Działynski, Zbiór praw lit., 99.

[2]) Stryjkowski, Kronika, изд. 17 г., p.

[3]) Ж. М. Н. Пр, 1901 г., № 10.

бавскій заявляетъ, что въ вопросѣ о радѣ, и послѣ этой статьи онъ считаетъ себя стоявшимъ „на правильномъ пути“ [1]). Договоръ рады—еще одно документальное возраженіе г. Любавскому, освѣщающее очень важную сторону института рады.

Что касается послѣдняго пункта договора рады съ вел. княземъ, касающагося выдѣла имѣній его потомству, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ выдѣломъ государственной земли, но съ подтвержденіемъ за потомствомъ великаго князя литовскихъ имѣній, принадлежавшихъ его матери и женѣ его по частному праву и перешедшихъ къ Сигизмунду-Августу [2]).

Такъ какъ мы имѣемъ черновикъ, набросокъ документа, то послѣдній вопросъ могъ бы быть о томъ, былъ ли этотъ договоръ въ дѣйствительности изданъ? Въ виду того, что подобнаго рода актъ—пока единственный, въ данномъ случаѣ трудно высказать какое либо опредѣленное сужденіе. Но вполнѣ естественно предполагать, что подобнаго рода переговоры облекались въ форму актовъ, выдаваемыхъ взаимно обѣими сторонами. Таково, напримѣръ, обязательство Сигизмунда I. Извѣстно также, что Сигизмунъ-Августъ подтвердилъ всѣ права литовско-русскаго народа на первомъ сеймѣ, собранномъ имъ послѣ своего возвращенія изъ Короны. Вполнѣ потому вѣроятно, что и разбираемый документъ не проектъ акта, но черновой его набросокъ.

Въ обсужденіи этого реферата принимали участіе члены В. З. Завитневичъ, Г. М. Барацъ, В. А. Розовъ и Н. П. Дашкевичъ.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1901 г, и 2, отд. 2, стр. 382.

[2]) Довнаръ-Запольскій: Государственное хозяйство Вел. Кн. Литовскаго, стр. 150 и слѣд.—О завѣщаніи Сиг.-Авг. см. Pamiętnik Warszawski, XX, 1817, 71 и слѣд.

XIII. Засѣданіе 16-го сентября 1907 г.

Г. Товарищъ Предсѣдателя А. А. Дмитріевскій сообщилъ о кончинѣ лѣтомъ этого года дѣйств. членовъ Общества *Е. Н. Дверницкаго* и *А. А. Кочубинскаго*.

Емел. Ник. Дверницкій извѣстенъ какъ изслѣдователь древностей Волыни и, въ частности, г. Владиміро-Волынска и его окрестностей. О нихъ онъ напечаталъ свой трудъ отдѣльной книжкой, а небольшія замѣтки помѣщалъ въ журналѣ „Кіев. Старина". Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Владиміро-Волынскъ обязанъ покойному учрежденіемъ небольшого, но очень богатаго содержаніемъ музея владиміро-волынскихъ древностей при мѣстномъ православномъ братствѣ, которое процвѣтало благодаря трудамъ и заботамъ Е. Н. Дверницкаго, какъ его постояннаго предсѣдателя. При содѣйствіи братства и энергіи его предсѣдателя въ Владиміро-Волынскѣ былъ возстановленъ древній Мстиславовъ храмъ, лежавшій нѣсколько вѣковъ въ развалинахъ. Какъ членъ Общества Нестора-лѣтописца, покойный обогатилъ нашу бѣдную библіотеку пожертвованіемъ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій.

Заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета *Александръ Александровичъ Кочубинскій,* болѣе 35 лѣтъ съ честью занимавшій каѳедру славяновѣдѣнія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, представлялъ собой крупную ученую силу и оставилъ по себѣ почетное имя среди представителей славянской науки. Обширное и разностороннее знакомство со славянскимъ міромъ, основанное на глубокомъ изученіи разныхъ отдѣловъ науки о славянствѣ и на непосредственныхъ наблюденіяхъ и изысканіяхъ во время неоднократныхъ путешествій по славянскимъ землямъ, критическій умъ, стройность изслѣдованія и изложенія—вотъ основныя черты научнаго облика почившаго нашего сочлена,

ярко выступающія въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, меньшихъ работахъ, ученыхъ и популярныхъ статьяхъ. Проф. Кочубинскій съ одинаковой любовью занимался и наиболѣе трудными вопросами славянскаго языкознанія, и исторіей западнаго славянства, особенно чеховъ, и отношеніями славянскихъ народовъ къ Россіи, и вопросомъ современной жизни славянства, наконецъ, исторіей возникновенія и развитія самой науки—славистики. Въ лицѣ А. А. Кочубинскаго славянскій міръ и русская наука понесли большую потерю.

а) Д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сдѣлалъ докладъ о своемъ трудѣ: *„Къ вопросу о народности македонскихъ славянъ"* (напечатанъ въ 4-мъ вып. XIX-й книги „Чтеній").

Съ мнѣніемъ г. докладчика всецѣло согласился и А. І. Степовичъ. А. А. Дмитріевскій обратилъ вниманіе на необходимость считаться и съ греческимъ элементомъ, кромѣ болгарскаго и сербскаго, отмѣченныхъ Т. Д. Флоринскимъ. И. А. Сикорскій замѣтилъ, что надо также обращать вниманіе на антропологическій и психическій типъ, а не только на языкъ, и это, дѣйствительно, можетъ быть рѣшено лишь послѣ научной экспедиціи, предлагаемой авторомъ доклада.

б) Д. чл. **С. Т. Голубевъ** сообщилъ эпизодъ *„Изъ исторіи Кіево-Выдубицкаго монастыря"* (напечатанъ въ 4-мъ вып. XIX-ой книги „Чтеній").

Въ обсужденіи доклада приняли участіе члены В. З. Завитневичъ и П. П. Соколовъ.

XIV. Засѣданіе 1-го октября 1907 г.

а) Д. чл. **А. І. Степовичъ** предложилъ свое рѣшеніе на *„Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „изгой"* (за болѣзнью г. Степовича докладъ прочтенъ д. чл. В. И. Щербиной):

Въ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова (изд. 1861 г., Москва), на стр. 25—38, находится лю-

бопытная замѣтка подъ заглавіемъ: „Родовое или общественное явленіе было *изгой*“, напечатанная первоначально въ № 97 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1850 г. Замѣтка эта написана по поводу выхода въ свѣтъ „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ г. Калачова и высказаннаго тамъ мнѣнія о чисто-родовомъ значеніи слова „изгой“, тогда какъ самъ К. Аксаковъ былъ того убѣжденія, что „слово *изгой* имѣло значеніе общественное. Изгой не былъ явленіемъ родовымъ, но явленіемъ общественнымъ, гражданскимъ; это былъ человѣкъ, исключенный или самъ исключившій себя изъ общины или сословія“.

Насъ однако занимаетъ не эта сторона дѣла, а вопросъ о словопроизводствѣ и первоначальномъ значеніи слова „изгой“. Въ началѣ своей статьи г. Аксаковъ заявляетъ свое согласіе съ издателемъ вышеуказаннаго „Архива“, по мнѣнію котораго, слово „изгой“ значило: исключеніе, почему и естественна замѣна его иногда варіантомъ „изгонъ“. Такимъ образомъ слово „изгой“ приравнивается въ своемъ происхожденіи къ слову „изгонъ“ и приводится къ тому же звуковому корню, что и слова: изгонять, изгнанникъ и проч., т. е. къ корню: *гьн*. Такъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые другіе изслѣдователи, напр. г. Барацъ („Вѣстникъ права“ 1905 г., Ноябрь—Декабрь). Такъ ли это? Возможно ли такое словопроизводство по звуковымъ законамъ русскаго языка? Изъ корня *гьн* могло образоватьея слово: *изгонъ*, но никакъ не *изгой*, а между тѣмъ почти исключительно употребителенъ именно этотъ послѣдній обликъ: обликъ *изгонъ* (см. Татищ.-Погодин. списокъ Рус. Правды. Калачевъ: Предвар. юрид. свѣд. для объясн. Рус. Правды), кстати сказать, чисто случайный, долженъ считаться просто поправкою писца, плодомъ досужихъ его домысловъ; ему могла быть уже непонятна древняя форма, могла казаться странной или испорченной, и онъ исправилъ ее на болѣе понятную, почти созвучную, при-

томъ совершенно ясную по происхожденію и смыслу.... Поправку эту даже нельзя назвать особенно удачною, такъ какъ словомъ „изгонъ“ обозначалось въ древности отвлеченное понятіе: изгнаніе [1]).

По нашему мнѣнію, составъ слова „изгой“ таковъ: из (приставка) $+ \sqrt{\text{гой}}$; $\sqrt{\text{гой}} = \sqrt{\text{жи}}$, что̀ можно видѣть и изъ другихъ аналогичныхъ примѣровъ: пи-ти и пои-ти, по-кои-ти и по-чи-ти, за-гои-ти ся и за-жи-ти (= изцѣлиться, о ранахъ); срв. у чеховъ hojiti se = заживать, hojny = обильный; у сербовъ гоити = кормить; у поляковъ hojny = щедрый, плодоносный; въ былинахъ: „охъ, ты *гой* еси“—употребляется для вящшаго восхваленія и какъ бы пожеланія долгой жизни, какъ у сербовъ: *живіо*. Подобнаго же словопроизводства держится и Мрочекъ-Дроздовскій (Изслѣдов. о Рус. Правдѣ, прилож. ко 2 вып., стр. 75).

Такимъ образомъ слово: *изгой* могло, вѣроятно, означать первоначально понятіе, равное теперешнимъ: выжившій, неживущій, изжившій, затѣмъ уже: лишенный или лишившій себя прежнихъ правъ; выжившій (въ переносномъ значеніи); не пользующійся правами, присвоенными ему прежде; исключенный или исключившій себя изъ прежняго сословія, положенія и т. п. Теперь совершенно понятно и естественно приложеніе названія *изгой* въ древней Руси ко всякаго рода людямъ, по тѣмъ либо другимъ причинамъ *лишившимся* правъ своего рода или сословія, *переставшимъ* числиться въ прежнемъ своемъ состояніи: духовномъ („поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ“), купеческомъ („купецъ одолжаетъ“), холопскомъ („холопъ изъ холопства выкупится“), княжескомъ наконецъ (аще князь осиротѣетъ); *освобожденнымъ*

[1]) Ἐκδίωξις, expulsio, Словарь церковно-славянскаго языка А. А. Востокова.

отъ своихъ обязательствъ (= *пущеники, прощеники* въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ).

Примѣры эти взяты изъ Устава о церковныхъ судахъ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила См. хотя бы „Хрестоматію по исторіи русскаго права“ М В.-Буданова, вып. 1-й, См. также Уставн. грамоту смолен. князя Ростислава 1150 г. Такимъ образомъ, и со стороны семазіологической, принятое нами словопроизводство представляется, кажется, вполнѣ цѣлесообразнымъ и лишено какихъ-либо натяжекъ; со стороны звукословной оно также едва-ли можетъ вызвать возраженія и, во всякомъ случаѣ, правильнѣе и естественнѣе прежняго словопроизводства (отъ $\sqrt{\text{гън}}$). Оно согласно даже и съ тѣмъ новымъ смысломъ (лихва, ростъ, %), который придается слову „изгойство“ Востоковымъ въ его извѣстномъ „Словарѣ церковно-славянскаго языка“ (стр. 298). Въ Сборникѣ XVI в. „о покаяніи“ онъ нашелъ слѣдующее мѣсто: „О горе емлющимъ изгойства: аще ли кто ималь изгойство: ти хощеть избыти вѣчныя муки, то вратити тѣмже вспять, и не поидеши въ муку, но въ жизнь вѣчную со всѣми святыми [1]), т. е.: О горе берущимъ лихву: ежели кто бралъ

[1]) Окончаніе этого мѣста таково: Якоже аще кто продаетъ челядинь, да елико на немъ давши, толико же възя; аще лише, то обрѣтается яко наклады емля и прасоля живыми душами, съ ними же на судищи стати предъ Богомъ. Тако же иже аще выкупуется на свободу, толико же дасть на собѣ, елико дали на немъ, потом же буди свободень ти да будетъ и ти начнут изгойство имати на них, то обрѣщутся придающе кровь неповиньну.—т. е.: также точно и въ томъ случаѣ, ежели кто, продавая челядина, беретъ за него столько, сколько самъ далъ; ежели же онъ возьметъ лишнее, то это выходитъ такъ, какъ если бы онъ бралъ лихву и торговалъ живыми душами, съ коими ему придется еще стать на судищѣ предъ Богомъ. Такъ же точно и ежели кто выкупается на свободу, долженъ столько дать за себя, сколько дали за него, покупая; кто же беретъ лишнее при продажѣ или выкупѣ рабовъ, такъ какъ бы кровь неповинную продаетъ. Что слово

лихву и хочетъ избавиться отъ муки вѣчныя, тотъ долженъ возвратить назадъ перебранное имъ (излишекъ); тогда не пойдешь въ муку вѣчную, но въ жизнь вѣчную со всѣми святыми". Подобное же мѣсто изъ рукописи XV в., приводимое издателемъ „Архива истор. юрид. свѣдѣній" (стр. 63), понимается и имъ и Аксаковымъ иначе, такъ какъ оба они придаютъ слову: изгойство значеніе не лихвы, роста, процента, а пребыванія, существованія въ качествѣ изгоя. Вотъ это мѣсто: „Всего же есть горѣе изгойство взимати: иже взимающеи, тіи не отдадуть опять тѣмже". По переводу „Архива" это значитъ: нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ самовольно дѣлаться изгоемъ; кто беретъ на себя изгойство, тотъ не тѣмъ поплатится; по переводу Аксакова: кто беретъ на себя изгойство, тотъ уже назадъ отдать его не можетъ, не можетъ перестать быть изгоемъ.

Мнѣ кажется, что и въ этомъ второмъ мѣстѣ изъ рукописи XV в. слово *изгойство* правильнѣе понимать въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему Востоковъ, т. е. въ смыслѣ лихвы, роста; при такомъ пониманіи этого слова смыслъ всего мѣста получается болѣе ясный, простой и естественный: Всего же горше лихву взимать: когда кто взимаетъ и не возвращаетъ назадъ лишка, т. е. смыслъ тотъ же, что и

наклады тоже означаетъ: лихву, ростъ, процентъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, приведеннаго изъ Сборника XVI в. въ церковно-славянскомъ словарѣ Востокова: „отверзися кунь дзати въ лихву, рекше (т е.) въ наклады... Яко же аще кто продаетъ челядинь, да елико на немъ давши, толико же възя; аще лише, то обрѣтается яко наклады емля—т. е. удержись (остерегись?) давать куны (деньги) въ ростъ... Это все равно, какъ ежели кто, продавая челядина, беретъ за него столько, сколько самъ далъ; иначе поступивъ, т. е. взявши лишнее, онъ взялъ бы въ сущности ростъ. При сопоставленіи всѣхъ приведенныхъ примѣровъ становится окончательно ясно, что слова: лихва, изгойство, наклады—совершенно однозначащи.

въ примѣрѣ, приведенномъ въ церковно-славянскомъ словарѣ Востокова.

Переходъ въ словѣ изгойство отъ понятія *изжитости, изгубленности* къ понятію о взиманіи лихвы, роста, процента за данныя въ долгъ деньги, съ точки зрѣнія семазіологіи вообще вполнѣ возможенъ, такъ какъ съ понятіемъ о ростовщичествѣ легко связывается и понятіе о той крайности, „изжитости", лишеніи всякихъ средствъ и проч., которыя вынуждаютъ кого-либо обратиться къ услугамъ ростовщика. Наконецъ, приводимое въ выноскѣ мѣсто изъ сборника XVI вѣка, при сопоставленіи съ приведенными раньше примѣрами, прямо указываетъ на тождественность значенія словъ: лихва, изгойство, наклады: всѣ они означаютъ ростъ, процентъ.

Должно, однако, сознаться, что объясненіе значенія слова *изгойство* въ смыслѣ роста, процента неизбѣжно производитъ впечатлѣніе нѣкоторой натянутости, такъ какъ и самое происхожденіе этого значенія отъ $\sqrt{\text{гой}} = \sqrt{\text{жи}}$ нѣсколько неожиданно. Впрочемъ, повторяю, невозможнаго въ нашемъ объясненіи нѣтъ ничего, такъ какъ подобные и даже еще болѣе неожиданные, странные и, казалось бы, даже необъяснимые переходы значеній, семазіологическія, такъ сказать, эволюціи, не представляютъ собою въ исторіи языка ничего удивительнаго. Явленія эти прямо вызываются тѣмъ несоотвѣтствіемъ между количествомъ понятій и числомъ служащихъ для ихъ внѣшняго выраженія словъ, какое неизбѣжно наблюдается въ исторіи всякаго языка и является необходимымъ послѣдствіемъ того закона человѣческаго развитія, въ силу котораго развитіе мысли совершается обыкновенно быстрѣе, чѣмъ развитіе языка, и число словъ въ языкѣ всегда менѣе числа понятій, чѣмъ и объясняется, напримѣръ, появленіе такъ называемыхъ омонимовъ.

б) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** сдѣлалъ сообщеніе *„О паломническихъ караванахъ въ Назаретъ на праздникъ Благовѣщенія“*.

21 мая текущаго года праздновался юбилей Императорскаго Русскаго Палестинскаго Общества. Юбилей прошелъ блѣдно и незамѣтно, въ виду теперешняго увлеченія политикой, и по этой причинѣ на страницахъ газетъ ему мало было удѣлено мѣста; но прошелъ онъ въ высшей степени торжественно. 1-й день праздновался въ Петергофѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, а 2-й день прошелъ въ Петербургѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества В. К. Елисаветы Ѳеодоровны. На имя предсѣдателя былъ данъ Высочайшій рескриптъ; съ Востока была получена масса телеграммъ, отъ русскаго общества было принесено множество адресовъ; отъ разныхъ государственныхъ учрежденій Императорскимъ Русскимъ Палестинскимъ Обществомъ получены благодарности за благотворительность, оказываемую обществомъ, за литературные труды и за заслуги Общества въ области международной политики. Многіе не знаютъ, почему такъ отзывчиво было русское общество и какъ нужно благотворительное учрежденіе на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ массы русскихъ паломниковъ передвигаются по Святой Землѣ цѣлыми караванами. Многіе думаютъ, что тамъ вѣчно цвѣтутъ цвѣты, что тамъ благораствореніе воздуховъ, что въ Святой Землѣ постоянный рай. На самомъ дѣлѣ природа тамъ очень капризна. Сегодня, напр., тамъ стоитъ жгучій жаръ, свѣтитъ солнце, а на другой день начинается снѣжный буранъ, и проливной дождь образуетъ непроходимые потоки. При такихъ условіяхъ несчастій съ паломниками много. Истекшій годъ послѣ Пасхи тоже чуть было не ознаменовался громаднымъ несчастіемъ. Затѣмъ, проф. А. А. Дмитріевскій, какъ примѣръ, рисуетъ приключенія одного Благовѣщенскаго каравана, вышедшаго въ На-

заретъ 24 марта 1893 г.; въ караванѣ было 532 женщины и около 300 мущинъ; сопровождали караванъ фельдшеръ, священникъ, 2 проводника и 2 каваса, или жандарма, данные мѣстнымъ губернаторомъ. Караванъ выступилъ въ солнечный, веселый, весенній день съ разными предосторожностями. Со стороны общества были приняты такія предосторожности, какъ сопровожденіе каравана вьючными животными; обыкновенно полагается одинъ мулъ на 25 человѣкъ. Караванъ благополучно достигъ Назарета и рѣшилъ продолжать путь дальше. Погода стояла великолѣпная. Но какъ только караванъ выступилъ, погода начала рѣзко мѣняться: подулъ холодный вѣтеръ и пошелъ сильный дождь. Начальникъ каравана фельдшеръ Ивановъ совѣтовалъ подождать въ Назаретѣ; около 100 благоразумныхъ женщинъ остались въ Назаретѣ, а остальные рѣшили продолжать путь въ Тиверіаду. Подъ сильнымъ дождемъ караванъ достигъ вершины горы Ѳаворъ, гдѣ остановился въ греческомъ Преображенскомъ монастырѣ. Дождь не переставалъ лить и обратился въ градъ. Фельдшеръ Ивановъ совѣтовалъ возвратиться, но караванъ требовалъ продолжать путь до Тиверіады. Дороги сдѣлались непроходимы, но тѣмъ не менѣе караванъ съ большимъ трудомъ достигъ Тиверіады, гдѣ расположился въ русскомъ домѣ и греческомъ монастырѣ. Караванъ ни за что не хотѣлъ возвращаться въ Назаретъ и, несмотря на тяготы, достигъ Каны Галилейской. Тамъ въ греческомъ монастырѣ, по преданію, сохранились будто-бы два кувшина, въ которыхъ Іисусъ Христосъ претворилъ воду въ вино на брачномъ пиру. Мѣстные священники наливаютъ красное вино и поятъ русскихъ паломниковъ въ благословеніе отъ монастыря и пожинаютъ обильную жатву. Затѣмъ путь идетъ до Буркина и идетъ по долинѣ, покрытой роскошной растительностью; она особенно привлекательна для русскаго человѣка, привыкшаго къ степи. Но когда начинают-

ся дожди эта долина превращается въ море. До Буркина караванъ дошелъ благополучно; отсюда онъ выступилъ 17 числа; въ этотъ день въ Іерусалимѣ пронеслась снѣжная буря, покрывшая окрестности непроходимымъ снѣгомъ. Ивановъ напрасно требовалъ, чтобы караванъ не выступалъ. Но паломники не хотѣли и слушать; всѣ рвались въ Іерусалимъ. Нѣкоторые понемногу начали выступать, за ними потянулись остальные и караванъ растянулся на огромное пространство. Когда паломники отошли на нѣкоторое разстояніе, то полилъ сильный дождь съ градомъ величиной въ голубиное яйцо и лилъ въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Укрыться было негдѣ. Сильнѣйшіе бѣжали впередъ, слабѣйшіе падали; громадные дождевые потоки неслись неудержимо, смывая все на своемъ пути. Часть каравана свернула въ ближайшую турецкую деревню Любань; но турки враждебно встрѣтили русскихъ паломниковъ; только при видѣ ужаснаго состоянія богомольцевъ, сжалились надъ ними и оказали нѣкоторую помощь. Большую услугу оказалъ мѣстный греческій священникъ, давъ богомольцамъ маленькое помѣщеніе и сарай, въ который загонялся скотъ. Вскорѣ прибылъ фельдшеръ Ивановъ и началъ подавать помощь потерпѣвшимъ, причемъ изъ числа полузамерзшихъ больныхъ умерло 23 женщиины. Другая часть каравана попала въ другую деревню Санъ-Дисэкъ, гдѣ Ивановъ засталъ 44 человѣка въ очень тяжеломъ состояніи. Изъ Любани Ивановъ отправилъ вѣстового въ Іерусалимъ за помощью, а самъ осмотрѣлъ дорогу, по которой шли паломники, и нашелъ еще 3 трупа. Въ Іерусалимѣ въ этотъ день тоже была ужасная буря, и никто изъ арабовъ не хотѣлъ подавать помощь. Русскій консулъ послалъ кавасовъ, которые собрали достаточное число муловъ. До Рамаллы многимъ изъ паломниковъ было предложено ѣхать на мулахъ, но нѣкоторые отказывались, говоря, что грѣшно ѣздить по той землѣ, по

которой когда-то ходилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Рамалла—послѣдняя станція передъ Іерусалимомъ. На встрѣчу этому каравану выступилъ весь Іерусалимъ. Дѣйствительно, зрѣлище было ужасное; одинъ только имѣлъ на ногахъ разбитые опорки, остальные были босы. Между прочимъ, вышли встрѣчать караванъ и другіе русскіе паломники, пришедшіе сюда раньше; измученные странники при видѣ своихъ земляковъ лишались чувствъ, многіе-же падали на колѣни и благодарили Бога.

Референтъ представилъ и другую картину: мартъ мѣсяцъ дѣлаетъ Палестину красавицей. Богомольцы выступаютъ съ пѣснями въ тишинѣ и совершаютъ путь въ молитвѣ. Въ Назаретѣ паломники посѣщаютъ мѣстныя святыни. Жители Назарета обыкновенно готовятся къ встрѣчѣ паломниковъ, и во время пребыванія въ немъ паломниковъ Назаретъ превращается въ русскій городъ. Тамъ существуетъ нѣсколько русскихъ школъ со значительнымъ русскимъ персоналомъ. Это Императорское Русское Палестинское Общество съ цѣлью доставить удобство русскимъ паломникамъ, насаждаетъ русскій языкъ, а населеніе, съ цѣлью полученія для себя выгодъ, изучаетъ его. Школьники окружаютъ нашихъ богомолокъ, являются проводниками и пѣніемъ православныхъ молитвъ приводятъ въ умиленіе женщинъ; но чаще всего масса ихъ является назойливыми попрошайками. Празднества особеннаго ничего не представляютъ, время проходитъ въ молитвѣ.

По поводу этого доклада замѣчанія были сдѣланы д. чл. Г. Е. Аѳанасьевымъ.

Въ настоящемъ засѣданіи членами Ревизіонной Комиссіи для повѣрки кассы и библіотеки Общества избраны:

поч. чл. *Ю. А. Кулаковскій* и дѣйств. *А. В. Стороженко* и *Н. В. Стороженко.*

XV. Засѣданіе 14-го октября 1907 г.

а) Д. чл. **И. В. Шаровольскій** сообщилъ *„Объ одномъ изъ эпизодовъ Тидрекъ-саги"*.

Г. Стормъ усмотрѣлъ въ Тидрекъ-сагѣ отзвуки борьбы королей Оттона II и III и Генриха II со славянами. Пытаясь продолжить работу Сторма, авторъ доклада обращаетъ вниманіе на разсказъ скандинавскаго памятника объ увозѣ Эрки, дочери Озантрикса, маргрофомъ Рудольфомъ (ср. Тидрекъ-сага, изд. Ушера, стр. 48—56). Этотъ разсказъ совпадаетъ въ общемъ съ сообщеніемъ Видукинда о возстаніи Вихмана (ср. Monumenta Germaniae Historica, lib. III, 50, 51, 52). Сходство между историческимъ свидѣтельствомъ и сагой достаточно велико, такъ что признать его случайнымъ едва-ли возможно; къ тому же, различія находятъ вполнѣ удовлетворительныя объясненія.

Поэтому, есть основаніе предполагать, что устный разсказъ о Вихманѣ послужилъ однимъ ихъ источникомъ Тидрекъ-саги. Это положеніе подтверждается также отчасти и сходствомъ въ названіяхъ двухъ крѣпостей, изъ которыхъ одна—Snithleiscranne—встрѣчается у Видукинда, а другое—Marcstein—въ Тидрекъ сагѣ.

По поводу этого доклада нѣсколько замѣчаній было сдѣлано д. чл. А. М. Лободой.

б) Д. чл. **П. П. Соколовъ** разсмотрѣлъ вопросъ: *„Былъ-ли митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?"* (напечатано въ настоящемъ выпускѣ).

---

1) Въ настоящемъ засѣданіи избранъ въ дѣйствительные члены общества *Иванъ Павловичъ Козловскій,* а д. чл. *Т. Д.*

Флоринскій открытымъ голосованіемъ единогласно возведенъ въ почетные члены.

2) Слушали: предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 8 іюня 1907 г. за № 889, принять участіе въ составленіи свода малорусскихъ пѣсенъ и другихъ памятниковъ малорусской этнографіи.

Постановили: довести объ этомъ, посредствомъ повѣстокъ, до свѣдѣнія гг. членовъ Общества и членовъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ г. Черниговѣ XIV Археологическаго Съѣзда лѣтомъ 1908 г.

3) Слушали: заявленіе поч. чл. *Н. П. Дашкевича* о сложеніи имъ съ себя, по случаю тяжкой болѣзни, обязанностей предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца.

Постановили: по этому поводу выразить чрезъ особую депутацію Н. П. Дашкевичу глубокое сожалѣніе Общества и принесть горячую благодарность за понесенные имъ для Общества труды.

XVI. Засѣданіе 28-го октября 1907 г.

Въ настоящемъ торжественномъ годичномъ засѣданіи Общества г. Секретаремъ **А. М. Лободой** былъ представленъ *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ 35-мъ году его существованія, т. е. съ 27 октября 1906 г. по 27 октября 1907 года“* (будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ выпускѣ этой книги).

Затѣмъ, д. чл. **В. З. Завитневичемъ** была произнесена рѣчь: *„О значеніи великой Московской смуты въ исторіи до-Петровской Руси“*.

Прямой взглядъ науки на причины, вызвавшія и поддерживавшія смуту, въ позднѣйшее время значительно расширился и восполнился. Не отрицая значенія такихъ фактовъ, какъ прекращеніе династіи, стихійныя бѣдствія, интриги

иноземцевъ и проч., позднѣйшая историческая наука центръ тяжести при изученіи смуты переноситъ на вопросъ о политическомъ и соціально-экономическомъ положеніи общественныхъ классовъ, какъ оно сложилось въ Московскомъ государствѣ къ концу XVI-го вѣка. Постоянныя войны потребовали созданія сильнаго служилаго класса, а характеръ организаціи и матеріальнаго обезпеченія этого класса вызвалъ значительныя соціально-экономическія перемѣны, состоявшія, между прочимъ, въ разстройствѣ прежнихъ крестьянскихъ и посадскихъ міровъ, въ практическомъ закрѣпощеніи части крестьянства и въ значительномъ ухудшеніи экономическаго положенія всѣхъ вообще тяглыхъ классовъ. Къ концу XVI в. среди тяглыхъ людей немного было лицъ, которые довольны были бы своимъ состояніемъ. Тѣмъ не менѣе починъ къ выходу изъ такого тяжелаго положенія возникъ не среди тяглыхъ классовъ, а на самомъ верху общественнаго организма, въ средѣ боярской, у которой были свои особенно-острыя причины къ недовольству. Начало самовластія, которымъ стали проникаться московскіе государи подъ вліяніемъ татарщины и Византіи, во вторую половину царствованія Ивана Васильевича Грознаго проявилось въ чудовищныхъ формахъ азіатскаго деспотизма. Боярскій классъ, бывшій сознательнымъ выразителемъ исконныхъ, вѣками сложившихся воззрѣній русскаго народа на государственную власть, прежде всего и больше всего испыталъ на себѣ ужасы новаго порядка вещей. Подъ вліяніемъ возникшаго при такихъ условіяхъ недовольства, въ боярской средѣ зародилась мысль объ искорененіи „кровопійственнаго рода“ московскихъ Даниловичей, послѣднимъ представителемъ которыхъ былъ угличскій царевичъ Димитрій; а когда послѣдняго не стало, въ той же боярской средѣ возникла мысль добиться, при посредствѣ самозванца, ограниченія царской власти, мысль, нашедшая свое осуществленіе въ возведеніи на престолъ В. И.

Шуйскаго. Но узкій эгоизмъ боярскихъ стремленій и разнузданность разыгравшихся страстей втянули въ смуту и низшіе классы, имѣвшіе, какъ сказано было, свои причины къ недовольству своимъ положеніемъ. Усилившеюся смутой воспользовались сосѣднія государства; все это вмѣстѣ взятое привело Московское государство на край гибели. Но здоровые элементы народной жизни, проявившіеся въ горячемъ патріотизмѣ, подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго чувства, нашедшаго свое выраженіе въ разнаго рода „видѣніяхъ“ и „откровеніяхъ“, привели въ движеніе лучшія силы народа, которыя и спасли государство.

Существеннымъ результатомъ смуты было осужденіе *самовластія* и утвержденіе „самодержавія“, по идеѣ котораго царь долженъ былъ управлять государствомъ при помощи Боярской Думы и Земскаго Собора, недоразвившагося, впрочемъ, до строгоорганизованнаго, правильно и постоянно дѣйствующаго учрежденія.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Плачъ Кіевскаго лаврскаго Іереміи

конца XVIII вѣка.

Этотъ плачъ монаха Кіево-Печерской лавры конца XVIII вѣка Іереміи мало походитъ на извѣстный „Плачъ“ ветхозавѣтнаго пророка Іереміи. Ветхозавѣтный „Плачъ“—высоко-художественное поэтическое произведеніе; монашескій же плачъ XVIII в. этого качества, къ сожалѣнію, вовсе не имѣетъ. Между ними чисто внѣшнее сходство лишь въ планѣ изложенія, т. е. въ томъ, что какъ первый, такъ и второй, заключая въ себѣ описаніе въ началѣ бѣдственнаго положенія, первый—Израильскаго народа, а второй—монастырской братіи, заканчиваются оба обращеніемъ къ Богу съ мольбой объ избавленіи отъ этихъ бѣдствій. Лаврская администрація XVIII в. также рѣшительно не признавала произведенія своего монаха Іереміи поэтическимъ плачемъ, а именовала его въ оффиціальной перепискѣ „пасквильными стихами“ „слогу Іереміина“, служащими къ „ругательству и посмѣянію“ „въ немалую лаврѣ обиду“.

Эти стихи „слогу Іереміина“ послужили даже поводомъ къ оффиціальной перепискѣ между архимандритомъ лавры Зосимой [1]), Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ [2]) и Кіевской

[1]) Зосима Валькевичъ былъ архимандритомъ лавры въ 1762—1786 гг.

[2]) Ѳеодоръ Матвѣевичъ Воейковъ управлялъ Кіевской губерніей въ 1766—1776 гг.

губернской канцеляріей и едва-было не сдѣлались предметомъ судебнаго разбирательства. Вся цѣль этой переписки и сводилась именно къ тому, чтобы не допустить дѣла до разбора въ свѣтскомъ судѣ, а рѣшить его въ судѣ духовномъ, согласно съ Правилами св. отецъ, указами Св. Синода да Духовнымъ регламентомъ; если бы же этого не удалось достигнуть, то доказательно представить губернской канцеляріи вину Іереміи и просить о суровомъ его наказаніи.

Переписка эта сохранилась въ старыхъ дѣлахъ Центральнаго архива Университета св. Владиміра, откуда нами и заимствована; мы нашли это дѣло также и въ архивѣ лавры, гдѣ оно хранится подъ № 445.

Началась переписка по слѣдующему поводу, совершенно не имѣвшему никакого отношенія къ „пасквильнымъ стихамъ“: въ концѣ 1772 или въ началѣ 1773 г. на польской границѣ былъ задержанъ лаврскій монахъ Епифаній, провозившій тайно, помимо таможни, изъ Австріи пять „анталовъ“ Венгерскаго вина [1]). Задержанный монахъ былъ арестованъ и привлеченъ Кіевской губернской канцеляріей къ отвѣтственности [2]). При допросѣ монахъ Епифаній показалъ, между прочимъ, что онъ происходитъ „изъ раскола“ и, по поступленіи въ монастырь, былъ назначенъ смотрителемъ лаврскаго трактира въ г. Васильковѣ, тогда пограничномъ, гдѣ находился и „форпостъ“; въ его обязанности, какъ смотрителя, входила забота между прочимъ и о восполненіи расходуемыхъ въ трактирѣ водокъ, винъ, „чаевъ, кофіевъ“ и

---

[1]) Въ пострадавшемъ отъ гніенія дѣлѣ Центральнаго архива названіе мѣры вина нельзя разобрать; въ дѣлѣ же лавры, хорошо сохранившемся, читается ясно „анталовъ“. „Анталъ“—боченокъ въ $7^1/_2$ ведеръ; такимъ образомъ, Епифаній провозилъ $37^1/_2$ ведеръ вина, т. е. безъ малаго сорокаведерную бочку.

[2]) Въ архивѣ лавры дѣло Епифанія сшито недавно вмѣстѣ съ дѣломъ Іереміи; оно представляетъ собой огромный томъ въ 400 листовъ и заключаетъ въ себѣ много характерныхъ для своего времени чертъ бытовой жизни монашества; въ не продолжительномъ времени мы сообщимъ содержаніе этого интереснаго дѣла.

всякихъ съѣстныхъ припасовъ; за покупкой ихъ онъ часто отправлялся въ ближайшія мѣстности за границу; въ одну изъ такихъ поѣздокъ ему поручено было и пріобрѣтеніе для лаврской братіи Венгерскаго вина; порученіе ему было дано словесно, что и доставило возможность впослѣдствіи лаврской администраціи отговариваться невѣдѣніемъ. Спрошенъ былъ по этому поводу архимандритъ Зосима; но онъ отрицалъ всякое свое участіе въ порученіи и всю вину возлагалъ на самого Епифанія, который пріобрѣлъ будто-бы вино за границей для себя и для какихъ-то своихъ цѣлей. Однако, не можетъ не показаться страннымъ какъ самый отпускъ изъ лавры монаха въ далекую за-границу, такъ и пріобрѣтеніе имъ будто-бы для себя столь большого количества дорогого вина. Изъ лаврскаго дѣла о провозѣ корчемнаго вина Епифаніемъ оказывается, что послѣдній, дѣйствительно, письменнаго распоряженія собора лавры не имѣлъ, а исполнялъ лишь словесное порученіе старшей братіи, желавшей подешевле имѣть такое вино для себя. Этой ссылки Епифанія старшая братія, однако, на себя не приняла; виновнымъ являлся одинъ Епифаній; ему грозила серьезная и тяжелая отвѣтственность; облегчить эту отвѣтственность Епифанію и взялся одинъ изъ монашествующей братіи—Іеремія. Кто былъ этотъ Іеремія въ мірѣ, не видно изъ дѣла; только въ одной изъ челобитныхъ, не называя своей фамиліи, онъ говоритъ, что отецъ его служилъ сержантомъ гвардіи, что самъ онъ также находился въ военной службѣ, въ которой оставался до конца Прусской войны въ 1763 г., когда, получивъ оберъ-офицерскій чинъ, вышелъ въ отставку и поступилъ въ лавру на послушаніе. По истеченіи пяти лѣтъ, т. е. въ 1768 г., онъ принялъ постриженіе; вскорѣ его назначили коммиссаромъ по продовольствію переходившихъ черезъ Кіевъ войскъ; судя по почерку, какимъ написаны въ лаврскомъ дѣлѣ показанія Іереміи, онъ былъ по происхожденію малороссъ, получившій образованіе въ Кіевской академіи. Изъ сохранившейся переписки и изъ „пасквильныхъ стиховъ“ можно заключить, что Іеремія былъ человѣкомъ съ

сильнымъ характеромъ и аскетомъ, который искалъ въ монастырѣ уединенія отъ мірскихъ заботъ и спасенія души; между тѣмъ, по назначенію духовнаго собора лавры, ему пришлось заняться повѣркой выручки въ лаврскихъ шинкахъ и трактирахъ; этимъ назначеніемъ было грубо нарушено религіозное настроеніе Іереміи, хотя оно (т. е. назначеніе) и свидѣтельствовало о большомъ довѣріи къ Іереміи со стороны лаврской администраціи. До поры, до времени Іеремія терпѣливо несъ и это послушаніе. Дѣло собрата Епифанія переполнило чашу его терпѣнія, и онъ отъ своего имени и отъ имени монаха Епифанія подалъ въ Кіевскую губернскую канцелярію три „съ язвительными и поносительными словами челобитныя", въ которыхъ „разныя на оную лавру наносилъ клеветы", разъясняя слѣдователямъ неосновательность сообщеній архимандрита и указывая дѣйствительную причину покупки Венгерскаго вина Епифаніемъ, ставшимъ жертвой несчастливо сложившихся обстоятельствъ переѣзда его черезъ границу. Не довольствуясь этимъ, Іеремія написалъ „пасквильные стихи" и ихъ самъ и „чрезъ вспомогателей разсѣялъ по окрестностямъ въ немалую лаврѣ обиду", о чемъ архимандритъ Зосима сообщилъ генералъ-губернатору и губернской канцеляріи для характеристики дерзкаго обличителя. Можно думать, что генералъ-губернаторъ, принимая это сообщеніе, какъ жалобу на Іеремію, просилъ доставить ему эти, такъ глубоко огорчившіе лаврскую администрацію, стихи, для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности. Архимандритъ, исполняя эту просьбу и препровождая упомянутые стихи генералъ-губернатору при своемъ письмѣ къ нему, отъ 30-го апрѣля, поясняетъ, во 1-хъ, что стихи были написаны еще въ февралѣ мѣсяцѣ этого же (1778-го) года и „разсѣяны" между лаврской братіей, принадлежавшей, вѣроятно, подобно самому автору, къ лаврской оппозиціи и съ большимъ интересомъ читавшей и копировавшей преслѣдуемые начальствомъ стихи, экземпляры которыхъ были найдены даже въ келіяхъ соборнаго старца Рафаила и другихъ іеро-

монаховъ; во 2-хъ, что въ лаврѣ было произведено слѣдствіе какъ объ авторѣ стиховъ, такъ и о степени „разсѣянія“ ихъ среди братіи, и съ этой цѣлью были произведены, вѣроятно, обыски въ келіяхъ мало внушавшихъ къ себѣ довѣрія монаховъ. На слѣдствіи монахъ Іеремія призналъ себя авторомъ стиховъ, но не соглашался съ именованіемъ ихъ пасквильными, доказывая это тѣмъ, что стихи не были анонимны, не расклеивались имъ по улицамъ на заборахъ и никому не были подбрасываемы; напротивъ, онъ лично распространялъ ихъ между братіей и одинъ экземпляръ послалъ даже члену Кіевской губернской канцеляріи, „губернаторскому товарищу“ Флерову, который, съ своей стороны, также распространялъ стихи между монахами; далѣе, въ 3-хъ, архимандритъ жалуется генералъ-губернатору на губернскую канцелярію, которая приняла Іеремію, вслѣдствіе его заявленія о возможности со стороны лавры физическихъ насилій надъ его личностью, въ свое особое „защищеніе“, когда лаврская администрація, убѣдившись въ разныхъ „непорядочествахъ“ Іереміи, обязана была „Правилами святыхъ отецъ, Духовнымъ регламентомъ и синодальными указами“ такихъ монаховъ „къ дальнѣйшей развращенности“ не допускать, и что губернская канцелярія совершила такимъ образомъ „небывалое“ присвоеніе власти, „собственно лаврѣ принадлежащей надъ духовными людьми“; въ 4-хъ, архимандритъ жалуется, наконецъ, что Іеремія продолжаетъ оставаться въ „охраненіи“ канцеляріи, которая съ этой цѣлью „въ монашеское обитаніе“ ввела даже „въ военномъ виду“ (т. е. вооруженнаго) солдата, а между тѣмъ этотъ „охранительной“ солдатъ служитъ „вспомогателемъ“ Іереміи къ „разсѣянію“ его стиховъ „по окрестностямъ“; въ заключеніе архимандритъ проситъ, чтобы и „сочинитель“ „по правосудію законовъ“ былъ „подверженъ штрафу“ и находящійся при немъ „охранительной“ солдатъ не былъ оставленъ „безъ оштрафованія“, ибо этимъ произведено „болѣе затрудненій правительству“ и „причинено лаврѣ обиду“.

Но Іеремія не унимался и продолжалъ свое сочинительство, а „охранительной“ солдатъ помогалъ „разсѣянію“ его произведеній, которыя были уже теперь „двохъ сортовъ“, къ сожалѣнію не оказывающихся ни въ лаврскомъ дѣлѣ, ни въ дѣлѣ Центральнаго архива. Архимандритъ лавры, отъ 10-го мая, извѣщалъ генералъ-губернатора о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ дѣла и о мѣрахъ, принятыхъ духовнымъ соборомъ лавры по отношенію къ Іереміи; такъ, послѣдній былъ лишенъ должности коммиссара, которая передана іеродіакону Амфилохію, а іеромонаху Кириллу и послушнику „Василю“ Гергелю поручено потребовать отъ Іереміи сдачи находившейся у него „въ вѣдѣніи“ денежной суммы и провѣрить его бухгалтерію; между тѣмъ, вмѣсто дѣла, неугомонный монахъ Іеремія занималъ этихъ лицъ тѣмъ, что читалъ каждому „порознь“ „двохъ сортовъ такіе-же противъ лавры поносительные стихи“; въ тоже время онъ продолжаетъ сноситься съ губернской канцеляріей, въ которую отправилъ между прочимъ чрезъ солдата какую-то писанную бумагу; при выходѣ изъ монастыря, солдатъ былъ обысканъ, и у него „отобраты“ три „представленія“; подлинниковъ этихъ представленій въ дѣлахъ не оказывается и содержаніе ихъ не опредѣляется; только изъ дальнѣйшей переписки да показаній виновнаго въ лаврскомъ судѣ мы узнаемъ, что въ одномъ изъ этихъ представленій Іеремія проситъ канцелярію переслать въ Св. Синодъ его прошеніе о переводѣ изъ лавры въ одинъ изъ сѣверно-русскихъ „безмолвствующихъ“ монастырей. Поэтому, архимандритъ снова заявляетъ генералъ-губернатору, что если солдата „отъ сюду вскорѣ не будетъ взято, то и большія могутъ быть затрудненія, съ немалою лаврѣ противу законовъ обидою“.

Подробности объ обыскѣ солдата сообщаетъ прапорщикъ Шевыринъ, исправлявшій при губернской канцеляріи „экзекуторскую должность“. Онъ говоритъ въ своемъ „репортѣ“, что монахъ Іеремія поручилъ солдату передать въ губернскую канцелярію только одни „доношенія“ по своему дѣлу, что въ лаврѣ обращаются съ людьми весьма су-

рово, что монахи, „терзая ево, солдата“, вырвали у него бумаги и отнесли, куда—неизвѣстно, и что, наконецъ, этотъ солдатъ (Артемій Селинъ) больше недѣли „держанъ былъ отъ лаврскаго экономиста“ (эконома) подъ карауломъ.

Мѣстныя власти, видимо, долго стояли на сторонѣ автора „пасквильныхъ стиховъ“; но въ концѣ концовъ дѣло приняло все-таки благопріятный для лавры оборотъ: Епифаній признанъ виновнымъ въ провозѣ корчемнаго Венгерскаго вина лично для себя, безъ вѣдома лаврскаго начальства, а относительно Іереміи было найдено,что, онъ, дѣйствительно, долженъ подлежать духовному суду одной лавры. Но, вѣроятно, генералъ-губернаторъ выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе (къ сожалѣнію, письмо его объ этомъ къ архимандриту лавры не сохранилось) знать, чѣмъ и какъ будетъ рѣшено дѣло Іереміи, потому что архимандритъ Зосима сообщаетъ генералъ-губернатору, въ письмѣ отъ 15 мая, что дѣло Іереміи разобрано, наконецъ, духовнымъ судомъ лавры, который нашелъ, 1, что Іеремія, подавая въ губернскую канцелярію „съ язвительствами и клеветами доношенія“ и сочиняя „пасквильные стихи“, выступилъ „съ предѣловъ правилъ святыхъ отецъ“ и тѣмъ „сопротивляется своей командѣ“; 2, что онъ, зная о безпошлинномъ провозѣ Венгерскаго вина Епифаніемъ, никому о томъ не заявлялъ и потому „подлежателенъ къ отвѣту“; 3, что онъ не сдалъ отчетовъ по расходу лаврскихъ денегъ на содержаніе „переходящихъ командъ“, „отказываясь независимостью лаврѣ“, и потому послѣдняя обязана „произведеніемъ надъ нимъ щета такова, каковъ указный порядокъ требуетъ“; 4, что такъ какъ сочиненіе Іереміей стиховъ, „въ ругательство всего монашескаго чину, а паче лавры“, происходитъ отъ свободнаго держанія имъ въ келіи „бумагъ и чернилъ“, а по Духовному регламенту имѣть ихъ безъ вѣдома настоятеля не дозволяется, а равно не дозволяется писаніе по келіямъ „писемъ, какъ выписокъ съ книгъ, такъ и граматокъ совѣтныхъ“,—то постановлено: отобрать у Іереміи бумагу и чернильницу, а его самого, какъ не занимающаго коммиссарской должности, изъ от-

дѣльной келіи перевести въ такую, „гдѣ и протчая братія жительствуетъ“; 5, что такъ какъ Іеремія стремится къ уходу изъ лавры въ „безмолвствующіе“ монастыри, о чемъ подалъ и просьбу чрезъ губернскую канцелярію въ Святѣйшій Синодъ, и поэтому склоненъ къ побѣгу, то ему разрѣшается только свобода выхода въ церковь и въ трапезу, но строго воспрещается „за монастырь выхожденіе“.

На этомъ прерывается переписка по дѣлу Іереміи, вѣроятно потому, что этимъ дѣло и закончилось, дѣло, причинившее такъ много огорченій, обидъ, хлопотъ и безпокойства тогдашней лаврской администраціи.

Но что же это были за стихи, которые такъ жадно читались монашествующей братіей и имѣли большое „разсѣяніе по окрестностямъ?“

Приведемъ ихъ полностью, съ какой они сохранились и въ дѣлѣ Центральнаго и въ дѣлѣ Лаврскаго архива, удерживая правописаніе подлинника и внося въ него лишь современную пунктуацію для удобства читателя:

Явни инѣ здѣсь
монашескіи рѣчи:
Стремятся они на пристойность
горящей паче пѣчи;
Пѣчь огнепална дрова
въ пепелъ обращаетъ
И въ зимно паче время
чловком и скотом полезна бываетъ:
Нынѣшнихъ временъ
старейшины монаховъ
Не дали по себѣ протчимъ
полезныхъ дѣлъ знаковъ;
Нудятся себя показать
толко по слову,

Которое, не сущу дѣлу,
не имѣетъ ни мало честного слогу.
Гдѣ въ старейшинахъ
образы не благи,
Такъ можно-ль тамъ в меншихъ
надѣятся благочинной поваги?
Но какъ бы меншіе не грешны,
однако, пришли въ монастырь на покаянье;
Такъ не должно-ль имъ имѣть
своихъ старейшинъ въ примѣръ спасителна
благодѣянья?
Вить шинки-то и трактиры
и протчие мирския управленья,
Право, не делаютъ монахамъ спасенья,
развѣ развращеня;
А тѣ промыслы, сколко
их наружность ласкаютъ,
Столко паче самим делом
монашества лишаютъ.
Не сама-ли требуетъ пристойность
монаху быти уединенну,
Тѣлом кротку
и душею умиленну,
Наблюдать церковь
да келью
И к простому всегда
прилежать рукодѣлью,
Молится Бгу за цря и за вся,
яже суть во власти,
Да вси мирну поживутъ жизнь
безъ мятежной напасти?

О премилосердый Боже!
Призри на сей чинъ и даруй
ему время погоже,
Чтоб вышли из головы их
пѣния и лики,
Которые вовелись насилно
чрезъ шинки и трактиры съ превредной
музыки;
Они-то терзаютъ ихъ всегдашнею
межъ себя враждою.
Но Ты, Всеблагій Владыко,
благоволи симъ окончится
И устрой, по Твоей благости,
полезнѣйшему начатся!
О дивна вещь предъ целымъ свѣтомъ!
Что старейшины печерскии
спасаютъ монахов трактирнымъ завѣтомъ!
Сами же их для прибылей
вводятъ в пресуетные здоры,
Да сами же на послѣдокъ, барыши потерявши,
мучат ихъ души замысловатыми о томъ споры,
И, не возмогая в тѣхъ
притыканіях оправдатся,
Заставляютъ протчих на такой театръ
позорно удивлятся.
К таким за прибылями промыслам
путь у них монаху благословенъ и свободенъ,
А в церковъ возбраненъ, заключенъ
и вовся неволенъ.
О Всеблагій Правосуде!
суди и разсуди прю сию вредну

И даруй всѣмъ
кончину безбѣдну!
Сотвори, какъ угодно
Твоей святой волѣ,
Чтоб в такихъ непристойностях
не мучится отшельникамъ болѣ.

Въ концѣ стиховъ приписано: „Сии стихи слогу Іереміина списаны у Василия Ѳедоровскаго Николашею". „Февраля 26 дня (1773 г.)", что свидѣтельствуетъ объ ихъ копированіи и распространеніи.

Отсюда мы видимъ, что стихи „слогу Іереміина" не имѣютъ даже для своего времени, т. е. для XVIII в., никакихъ литературныхъ достоинствъ, не заключаютъ въ себѣ никакой „плѣнительной сладости". Поэтому, самъ собою возникаетъ вопросъ: чѣмъ же вызвали стихи интересъ къ себѣ у своихъ современниковъ какъ среди лаврской братіи, такъ и „по окрестностямъ", и даже среди высшихъ чиновниковъ Кіевской губернской канцеляріи (напомнимъ „губернаторскаго товарища" Флерова), оказавшихъ, какъ мы знаемъ, очень сильное „защищеніе" личности автора „въ военномъ виду" солдатомъ?—Несомнѣнно, что для воспріятія ихъ существовала подготовленная почва, что не только въ широкихъ кругахъ тогдашняго общества, но и среди монастырской братіи давно уже зародилось недовольство и протестъ, сначала глухой, а позже все болѣе громкій и горячій, противъ вотчинныхъ правъ монашества, отвлекавшихъ иноковъ отъ высокихъ идеаловъ и отъ даваемыхъ ими обѣтовъ при вступленіи въ монастырь: монастырское землевладѣніе, рабовладѣніе и пропинація представляли собой совершенную противоположность требованіямъ монастырскаго обѣта нестяжанія и отреченія отъ мірскихъ заботъ. Пользованіе вотчинными правами довело монашество до крайнихъ предѣловъ нравственнаго разложенія; монашесгво не только лаврское, Кіев-

ское, но вообще православное, въ этомъ случаѣ шло по тому же пути, по какому шло и католическое всего міра, подчиняясь неизмѣнному историческому закону развитія ни чѣмъ не сдерживаемой власти. Разложеніе вызывало реакцію въ лучшей части свѣтскаго общества и духовенства, такъ какъ несоотвѣтствіе широты монастырскихъ вотчинныхъ правъ высотѣ монастырскаго идеала приводило къ приниженію послѣдняго и проявлялось во многихъ печальныхъ явленіяхъ общественной жизни, и въ частности, монастырской. Мы не можемъ въ настоящей работѣ, имѣющей въ виду лишь разъясненіе происхожденія и значенія монастырской сатиры монаха Іереміи, ставить себѣ цѣлью изложеніе всего хода этой реакціи, но напомнимъ лишь наиболѣе важные ея моменты; изъ нихъ крупнѣйшимъ и раннимъ, когда реакція достигла впервые высокой степени напряженія, можно считать расколъ и дѣло патріарха Никона; позже выразилась она въ мѣропріятіяхъ Петра Великаго и его преемниковъ.

Съ одной стороны, Петръ В. осмѣивалъ бытъ монашества въ своихъ забавахъ, учреждая для шутокъ „всепьянѣйшую компанію“, съ „всешутѣйшимъ патріархомъ пресбургскимъ, кокуйскимъ и всеяузскимъ Іоанникитой“ во главѣ, и назначая въ это шутовское званіе Никиту Зотова, а себя въ діаконы; съ другой, онъ принималъ законодательныя мѣры противъ непорядковъ въ монастыряхъ путемъ опредѣленія правилъ монашескаго поведенія. Въ Духовномъ регламентѣ онъ, между прочимъ, старается установить въ монастырскомъ быту порядокъ, но постоянныя волненія монастырскихъ крестьянъ привели его къ мысли въ 1701 г.[1]) учредить Монастырскій

[1]) Въ указѣ объ этомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „а монахамъ вотчинами и никакими угодьями не владѣть не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общительно жили, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, а начальные монахи во

приказъ, въ которомъ было сосредоточено управленіе монастырскими имѣніями, а въ монастыряхъ введены штаты содержанія; остававшіеся же затѣмъ доходы шли на дѣла благотворительности и просвѣщенія; съ учрежденіемъ Св. Синода приказъ былъ упраздненъ, а его функціи перешли къ новому учрежденію; въ 1726 г. Екатериной I вызвана къ жизни Коллегія экономіи, и завѣдываніе всѣми свѣтскими дѣлами церкви было передано ей. Въ 1744 г., по ходатайству Синода, Коллегія была уничтожена подъ условіемъ расходованія доходовъ монастырскихъ на дѣла благотворенія и просвѣщенія, чтó однако фактически возстановило старый порядокъ въ монастыряхъ и привело опять къ большимъ неустройствамъ и непорядкамъ въ монастырской жизни; вслѣдствіе этого, въ 1757 г., императрица Елисавета, находя несвойственнымъ для монашества управленіе деревнями и крестьянами и „дабы монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій“, издала указъ о возстановленіи Коллегіи экономіи и введеніи новыхъ штатовъ содержанія монастырей; но мѣры эти не приводились въ исполненіе. Императоръ Петръ III настоялъ на исполненіи указа 1757 г., а императрица Екатерина II съ 1762 г. обратила на этотъ вопросъ самое серьезное вниманіе и, стремясь „обратить даръ Божій на богоугодныя дѣла“, закончила свои заботы объ этомъ полной секуляризаціей церковныхъ

многіе роскоши впали и подначальныхъ монаховъ въ скудную пищу ввели; кромѣ того, отъ вотчинъ ссоры, и убійства, и обиды многія“ (Соловьевъ, С. М., „Исторія Россіи“, т. XV-й, гл. 5-я).

Въ этомъ указѣ весьма важно указаніе на „начальныхъ“ и „подначальныхъ“ монаховъ, какъ существующія двѣ партіи въ монастыряхъ. Дѣло монаха Епифанія о провозѣ корчемнаго Венгерскаго вина свидѣтельствуетъ, что такія партіи существовали и въ лаврѣ; „подначальные“ монахи не только пользовались скудной пищей, но подвергались жестокимъ наказаніямъ за малѣйшую провинность; антагонизмъ между указанными партіями проявлялся при каждомъ удобномъ случаѣ и велъ къ обнаруженію грустныхъ фактовъ монастырской жизни; онъ же обусловливалъ собой и успѣхъ разсматриваемыхъ нами здѣсь сатиръ 1773 и 1786 гг.

имѣній въ 1786 г. Вышеупонянутыя мѣры правительства находили себѣ сочувствіе и поддержку не только въ свѣтскомъ обществѣ и бѣломъ духовенствѣ, но и среди монашества, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ появленіе сатиръ, написанныхъ самими же монахами, такъ и широкое распространеніе ихъ въ этой средѣ. Общее настроеніе мыслей и чувствъ было не въ пользу стараго строя монашества, чѣмъ и объясняется неудача протестовъ противъ секуляризаціи. Это настроеніе ярко вырисовывается и въ изложенномъ нами выше дѣлѣ Іереміи и въ исходѣ извѣстнаго дѣла митрополита Арсенія Мацѣевича.

Замѣтимъ ужь кстати, что, по поводу отобранія монастырскихъ имѣній въ казну въ 1786 г., также ходила по рукамъ сатира: „Плачъ лаврскихъ монаховъ", напечатанная лишь черезъ сто почти лѣтъ, именно, въ 1881 г. въ „Русской Старинѣ" (№ 10, стр. 435—444). Въ редакцію „Русской Старины" сатира была прислана 26 декабря 1879 года игуменомъ одного изъ монастырей Западной Россіи, но не въ оригиналѣ 1786 г.. а въ копіи 1792 г.; на первой страницѣ ея обозначено и имя автора: „сочиненіе дерзское перводіакона печерскаго Іоасафа Богова"; редакція при имени автора ставитъ вопросительный знакъ, выражая этимъ или сомнѣніе въ правильности чтенія имени автора или сомнѣніе въ дѣйствительности самого имени. Съ своей стороны, мы вполнѣ присоединяемся къ сомнѣнію редакціи и думаемъ, не является-ли авторомъ этой сатиры тотъ же Іеремія, которому принадлежитъ „Плачъ" 1773 г. Въ дѣлѣ за этотъ годъ Іеремія вездѣ именуется просто монахомъ; очень можетъ быть, что въ то время онъ не имѣлъ еще священно-служительскаго сана, а въ 1786 г. могъ быть уже протодіакономъ, загладивъ, конечно, свою прежнюю вину и получивъ отпущеніе грѣховъ. Слогъ „Плача" 1786 г. напоминаетъ нѣсколько слогъ „Плача" 1773 г., хотя въ первомъ, сравнительно съ послѣднимъ, стиль глаже и чище. Вѣроятно, Іеремія нерѣдко упражнялся въ писаніи виршей. Въ виду того, что сатира

1786 г. уже напечатана, а чтеніе ея въ подлинникѣ, за устарѣлостью слога, довольно таки утомительно, мы здѣсь ограничимся лишь пересказомъ ея содержанія какъ ради полноты изображенія лаврской жизни въ XVIII в., такъ и характеристики литературной обличительной дѣятельности монаха Іереміи.

Сатира начинается обращеніемъ автора къ читателю, „Милостивому Государю“; въ обращеніи разсказывается, что незадолго до 1 іюля 1786 г., когда состоялось, наконецъ, изданіе ожидавшагося со страхомъ указа объ отобраніи монастырскихъ имѣній, авторъ былъ „въ Печерскомъ“ и засталъ собраніе „чернцовъ“; ихъ было не 12, а 18; всѣ они уже знали о предстоящемъ отобраніи у нихъ имѣній и всѣ казались удрученными, сидѣли „въ печалномъ видѣ“, молча, „пока Зосима говорити началъ“,

„А по немъ и протчія рты отворили
И нижеписанное со слезами говорили“:

1, *Архимандритъ Зосима* объявляетъ собравшимся „отцамъ и братямъ“ объ „уставахъ новыхъ“, по коимъ всѣ „деревни не наши уже“, прибавляя, что и онъ самъ останется съ ними недолго и отъѣзжаетъ „въ отдаль“, намекая на близкую свою кончину, а потому поручаетъ себя ихъ молитвамъ, проситъ ему грѣхи его простить и Господа Бога о немъ молить.

2, *Орестъ, повѣренный.* Выражая недоумѣніе по поводу „уставовъ новыхъ“, Орестъ находитъ необходимымъ „быть у Петербурхѣ“, куда ему дорога хорошо знакома и гдѣ онъ „успѣвалъ въ дѣлахъ по-премногу“, но замѣчаетъ:

„Мы, даруя мощи, въ дѣлахъ успѣвали,
„Но подарки сіи златомъ подкрѣпляли,
„Безъ чего и теперь обойтитца не можно“.

Онъ совѣтуетъ и въ настоящемъ случаѣ, для предупрежденія отобранія монастырскихъ имѣній, въ виду того, что „мощи у насъ весма не дороги“, употребить это-же средство, обѣщая „потрудиться“ съ своей стороны.

3, *Епифаній, экономъ 1-й.* По его мнѣнію, совѣтъ о. Ореста запоздалъ; его надо оставить, а подумать, „не возможно-ль чего-нибудь еще пріобрѣсти“; такое пріобрѣтеніе возможно, если „продадимъ хотя одни кони“, „да роздадимъ и денежныя суммы“, т. е., въ сущности, предлагаетъ то же средство, что и о. Орестъ, повѣренный, т. е. подкупъ и задабриваніе вліятельныхъ лицъ.

4, *Варсонофій, экономъ 2-й.* Онъ предлагаетъ заготовлять буквицу, „бо не за что буде чаю куповати, а на сахаръ и вовся грошей не буде, да и меду-то нѣтъ, какъ не дадутъ люде“; по поводу слуховъ о неповиновеніи крестьянъ, онъ выражаетъ скорбь, что ни откуда не видно помощи; скорбь его усиливается при мысли, что нельзя будетъ носить „матерьяныхъ рясъ“, носить же „власяницы—грубо и обидно“.

5, *Мелхиседекъ, намѣстникъ.* Онъ болѣе всего огорченъ тѣмъ, что придется и „осетрину свѣжу позабути“, а довольствоваться одной таранью; при воспоминаніи о „лимонныхъ сокахъ“ у него текутъ „кровавыя изъ глазъ токи“; онъ предвидитъ, что надо будетъ привыкать къ церкви и къ псалтири, которая, за недосугомъ, была имъ совершенно забыта, и при всемъ томъ „не буде деревень, не буде скоту, надобно взятца за свою работу“; такія мрачныя мысли угнетаютъ его до того, что онъ „лутче почитаетъ во гробѣ лежати“.

6, *Модестъ, эклесіархъ.* Онъ выражаетъ готовность примириться со всякими лишеніями, даже остаться безъ пищи, но то бѣда, что не только вкусныхъ дорогихъ заграничныхъ винъ, но даже „ни водки, ни сивухи не будѣ“, безъ которой братія „увидитъ его скоро въ гробѣ“.

7, *Гервасій, ключарь.* Онъ повторяетъ одну общую скорбь о прошломъ и умалчиваетъ о своемъ личномъ пристрастіи къ чему-либо; совѣтуетъ же, чтобы отъ „господъ“ „имѣть милость вперіодъ“,—роздать имъ „конѣ и коляски“ и затѣмъ „отъ нихъ надѣяться ласки“,—т. е., въ свою очередь, рекомендуетъ подкупъ вліятельныхъ лицъ.

8, *Ферапонтъ, начальникъ ближнихъ пещеръ.* Онъ сомнѣвается въ полезности совѣта Гервасія; „паны добрыя людѣ“ были, когда видѣли богатство монаховъ, „а теперь нищихъ забудутъ ни за великій часъ“.

9, *Виссаріонъ, дальнихъ пещеръ начальникъ.* Онъ подозрѣваетъ у правительства тайный замыселъ обратить монаховъ въ солдаты: „не наберутъ-ли съ монаховъ какого-нибудь полку?“ Кажется ему, что „на то похоже“.

10, *Іоасафъ, казначей всѣхъ пещеръ.* Рѣчь его вначалѣ мало понятна въ наше время. Онъ приглашаетъ слушателей поговорить „о святыхъ печерскихъ“ и намекаетъ на что-то неудобное, именно, онъ говоритъ: „насъ бы вовся бѣдными не звали, когда бы при пещерахъ съ ружьями не стояли“. Дальше, подобно своимъ предшественникамъ, онъ выражаетъ сожалѣніе, что когда отберутъ „людей“ (крестьянъ), то некому будетъ подать ни воды, ни принести дровъ; некому будетъ имъ „натопить грубы и почистить каменныя трубы“; дрова надо будетъ „за гроши куповати“, а работы исполнять самимъ: „какъ не досадно, бывши господами, и здѣлатся наконецъ какъ суще рабами!“

11, *Варлаамъ, уставникъ праваго крилоса.* Онъ, вопреки предыдущимъ членамъ лаврскаго собора, является обличителемъ монашества. По его мнѣнію, слѣдовало-бы обратиться съ молитвой „къ Варварѣ великой“ о заступленіи; но великомученица отвергнетъ монашескія молитвы: „не могу, говоритъ, зрѣть на ваши дорогія шаты“, и совѣтуетъ ихъ „вовся оставляти“; если же она и молится за монаховъ, то только о томъ, чтобы они „деревень и стадъ вовся забывали“, чтобы они перемѣнили свои „горды нравы“, чтобы ихъ пути были „вездѣ правы“, чтобы „Бога всегда въ сердцахъ своихъ мѣли“ и чтобы души ихъ „всегда пламенемъ горѣли“, конечно, къ Богу. Варлаамъ указываетъ, такимъ образомъ, на тѣ высокія нравственныя качества, которыхъ недостаетъ его собратіямъ и противоположные пороки которымъ бичуетъ авторъ сатиры.

12, *Иннокентій, уставникъ лѣваго крилоса.* Онъ, скорбя о лишеніяхъ, которыя должны наступить для монашества съ 1-го іюля 1786 г., съ обнародованіемъ „новаго устава" монастырской жизни, замѣчаетъ, что этихъ лишеній не было бы, если-бы монастыри „судебныхъ дѣлъ поменьше имѣли" („упомянуто о семъ", говоритъ Иннокентій, „и въ новомъ уставѣ", но „не к полезѣ" монастырей, „ниже къ монастырской славѣ"); если бы монашеская твердая вѣра не была мертва безъ дѣлъ, если бы они побольше „апостольскихъ словъ держались и поменьше виномъ упивались".

Наконецъ, 13-й членъ собранія, „*соборный писарь* [1]) *Андрѣянъ*", откровенно сознается, что онъ бы „сей день согласился растритца", „толко бъ женитца", что „безженство можетъ ему наскучить", да и за что онъ „попуститъ страсти себя мучить?" „Прежде, говоритъ онъ, мы во всемъ „были бойки: имѣли каждый изъ насъ по двѣ портомойки— одну для субботы, другу для недѣли, и носили мы всегда рубашки бѣлы", а потому и въ женѣ нужды не имѣли, потому-то и жизнь ихъ была имъ пріятна. Онъ выражаетъ рѣшительное намѣреніе оставить монастырь и жениться, ибо „въ мірѣ болше найти спасенія чаетъ". „Засимъ, прибавляетъ Андрѣянъ, пора намъ въ кельи ступати и до перваго іюля судбы ожидати".

Въ заключеніе авторъ сатиры отъ себя дѣлаетъ „Прибавокъ къ плачу", въ которомъ, резюмируя сказанное выше, напоминаетъ, что скоро монахамъ нельзя будетъ „рабами повелѣвати", что нельзя будетъ носить „дорогихъ шатъ" и „матерьяныхъ рясъ", пить „дорогія напитки", употреблять „златые кубки"; скоро придется къ работѣ привыкать: носить для себя воду изъ криницъ, чтобы пить ее вмѣсто „аглицкаго пива и вина шемпанскаго", придется „кельи мести, дворы чистить и топить грубы", а также „по очереди чистить и трубы"; „видно, что и то время приходитъ, чтобы чернцамъ женится, бо уже невозможно будетъ имъ съ порто-

[1]) Т. е. правитель дѣлъ Духовнаго собора лавры.

мойками обходится". „Итакъ", наставительно заканчиваетъ свой „Прибавокъ" авторъ, „старайтесь теперь, честные отцы монахи, своими трудами наживать себѣ рубахи".

Изображенная въ сатирѣ характеристика лаврской жизни, намъ кажется, нисколько не преувеличена, скорѣе даже блѣдно обрисована; оффиціальные дѣла и документы XVIII в. представляютъ эту картину болѣе мрачной. Но если, что и оказалось преувеличеннымъ, то это—опасеніе за будущія лишенія и нищету монастырей и, въ частности, лавры. Конечно, монашествующей братіи, особенно старшей, кое отъ чего пришлось отказаться, но до лишеній было далеко, а тѣмъ болѣе до нищеты; самыя эти лишенія, если и были чувствительны, то лишь для современниковъ указа 1786 г.; слѣдующія же поколѣнія монаховъ, не знавшія былой роскоши и излишествъ, не могли чувствовать и лишеній; но даже и указанныя опасенія, страхъ передъ грядущей нищетой, представлены, мы думаемъ также, въ сатирѣ слабѣе, сравнительно съ тѣмъ, какъ они выразились въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича, послужившемъ темой нѣсколькихъ весьма серьезныхъ изслѣдованій (проф. В. С. Иконникова, И. Я. Морошкина и друг.); но сравненіе сатиръ и дѣла выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Сатира 1786 г., дошедшая до насъ въ копіи 1792 г., также, можно думать, получила широкое распространеніе, какъ и сатира 1773 г., о чемъ мы сказали выше; и та и другая читались и переписывались не только современниками, но и потомками ихъ, и потому должны были оказывать большее или меньшее вліяніе на поднятіе нравственнаго уровня монашества: „ridendo, castigant mores".

Изложивъ подробности происхожденія сатиръ 1773 и 1786 гг. и коснувшись отчасти судьбы ихъ автора, мы уклонились, однако, отъ характеристики всей его дѣятельности вообще, предоставляя этотъ трудъ будущему историку лавры, такъ какъ правильная оцѣнка этой дѣятельности возможна лишь на фонѣ общей жизни монашества того времени. Для

такой оцѣнки въ лаврскомъ архивѣ имѣется нѣсколько не разсмотрѣнныхъ нами вовсе дѣлъ, касающихся монаха Іереміи.

Въ настоящемъ случаѣ мы приподняли лишь небольшой край завѣсы прошлаго, скрывающей отъ нашихъ взоровъ судьбы этого славнаго въ исторіи древняго очага православія, просвѣщенія и силы, связующей отдѣльныя части Русскаго народа, силы, которая не теряетъ своего значенія и теперь, хотя утилизуется въ меньшей степени, сравнительно съ тѣмъ, какіе могла бы она дать результаты при болѣе старательной и широкой постановкѣ дѣла.

И. Каманинъ.

Былъ ли московскій митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?

Вопросъ о легатурѣ митр. Исидора представляетъ одну изъ деталей вопроса о Флорентинской уніи: деталь не большую, но далеко не неважную и заслуживающую большаго вниманія, чѣмъ то, какое ей удѣляется въ литературѣ. До сихъ поръ или ограничиваются простымъ упоминаніемъ о томъ, что Исидоръ прибылъ съ Флорентинскаго собора въ Москву въ качествѣ папскаго легата, или дополняютъ это указаніе свѣдѣніями, позаимствованными изъ русскихъ лѣтописей. Но русскія лѣтописи требуютъ въ этомъ случаѣ провѣрки, легатуры же по каноническому праву бываютъ различными съ точки зрѣнія предоставляемыхъ ими правъ. Признавъ м. Исидора папскимъ легатомъ, мы должны прежде всего рѣшить вопросъ, являлась ли такая легатура источниками его правъ на Кіевскую митрополію (а вмѣстѣ съ тѣмъ и на Московскую). Утвердительный отвѣтъ былъ бы затруднителенъ уже по чисто апріорнымъ соображеніямъ и не подтверждается документальными данными. Какимъ образомъ Римская курія, только что признавъ на Флорентинскомъ соборѣ неприкосновенность исконныхъ административныхъ правъ Константинопольскаго патріархата на востокѣ, могла допустить такое нарушеніе ихъ, какъ изъятіе изъ подъ его власти русскаго экзархата, являвшагося къ тому

„Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. XX, в. II, отд. II.

же главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ не только патріархіи, но и тощей казны византійскаго императора? Неужели это сдѣлала Римская курія, первое дипломатическое учрежденіе той эпохи, рискуя навѣрняка разрушить и безъ того непрочную унію съ востокомъ? Документальныя данныя рисуютъ дѣло совершенно инымъ.

Изъ настольной грамоты Пія II преемнику Исидора Григорію, 1458 г., мы узнаемъ, что оффиціальнымъ титуломъ м. Исидора въ это время былъ [1]) episcopus Sabiniensis et ex dispensatione apostolica archiepiscopus Ruthenensis, другими словами, м. Исидоръ былъ однимъ изъ шести старѣйшихъ кардиналовъ-епископовъ. Совершенно ясно изъ этого титула, что въ глазахъ Римской куріи права Исидора на Кіевскую (Русскую) митрополію не находились ни въ какой связи ни съ легатурой его, о которой совершенно не упоминается, ни съ его кардинальствомъ. Совершенно напротивъ: чтобы удержать ихъ для кардинала-епископа сабинскаго, потребовался особый папскій диспензъ. Послѣдующая судьба Кіевской митрополіи тоже доказываетъ самобытность митрополичьихъ правъ Исидора. Какъ извѣстно, послѣ отреченія Исидора, папа Пій II, въ 1458 году, назначилъ на Кіевскую митрополію Григорія, ученика и спутника бывшаго митрополита. Въ настольной грамотѣ ему особо подчеркивается, что онъ назначается архіепископомъ лишь для уніатовъ греческаго обряда (т. е. для бывшихъ православныхъ русскихъ) [2]) Григорій не былъ ни кардиналомъ, ни легатомъ; поэтому

---

[1]) Venerabili fratre nostro Isidoro, episcopo Sabiniensi et ex dispensatione apostolica archiepiscopo Ruthenensi, a sede sua Ruthenensi ejecto etc.

[2]) In parte inferiori Ruthenensi Kijoviensem ecclesiam cum Lithuaniae et totius Russiae inferioris partibus, sub obedientia archiepiscopi Ruthenensis illis duntaxat, in quibus secundum ritum Graecorum sub obedientia archiepiscopi Ruthenensis degentium vivitur, et qui sub dominio praefati regis Polouiae existant... Въ подчиненныя епископіи грамота отдаетъ Brestensem, Luceriensem, Vladimeriensem, Premysliensem, Chelmensem et Haliciensem.

слѣдуетъ предположить, что если сама легатура и давала митр. Исидору какія-нибудь особыя права юрисдикціи, то не надъ послѣдователями греческаго обряда, а надъ католиками, и такое предположеніе вполнѣ подтверждается другими данными и прежде всего—грамотами самого Исидора. Въ первой же своей, такъ сказать, программной грамотѣ, посланной имъ еще до возвращенія съ собора въ Россію изъ Будина 5 марта 1440 г. онъ титулуетъ себя „Милостіею Божіею Исидоръ, преосвященный архіепископъ Кіевскій и всея Русіи, легатосъ и (legatusque) отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятьскаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“ (Воскр., 6945; ПСЛ, VIII, 106), но при этомъ подчеркиваетъ зависимость православныхъ отъ Константинопольской церкви по прежнему, обращаясь къ нимъ со словами: „и ти вси иже подлежатъ святѣй соборнѣй церкви Константинопольстѣй, еже суть Русь, и Сербы и Влахи“, и тѣмъ самымъ относитъ свою легатуру лишь къ католикамъ „сѣдалища Лятьскаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“.

Въ такой постановкѣ легатура м. Исидора являлась въ полномъ смыслѣ слова образцовымъ дипломатическимъ ходомъ со стороны Римской куріи. Католическія провинціи, о которыхъ идетъ рѣчь, находились (хотя бы частями) на территоріи православной Русской митрополіи. Такое существованіе самостоятельныхъ католическихъ діэцезовъ на востокѣ, на территоріяхъ православныхъ епископій, вызывало со стороны Грековъ по адресу Латинянъ постоянные упреки въ нарушеніи элементарныхъ каноническихъ правилъ о недопустимости двухъ епископовъ на одной и той же территоріи. Подчиненіе въ той или иной формѣ католическихъ епископовъ Западной Россіи православному митрополиту и являлось отвѣтомъ на такія обвиненія, и въ тоже время указывало Константинопольской патріархіи тотъ путь, какимъ она, при желаніи съ ея стороны, могла бы достичь власти подъ католическими епископами Востока.

Но совершенно ясно въ тоже время, что Московская Русь, гдѣ не было ни католическихъ діэцезовъ, ни даже

католиковъ, находилась внѣ предѣловъ такой территоріальной легатуры м. Исидора. Тамъ онъ являлся лишь экзархомъ Константинопольскаго престола.

Правда, грамота папы Евгенія IV московскому князю Василію Васильевичу, „всея Руси великому царю", рекомендуетъ его вниманію „брата нашего Сидора, митрополита твоего всея Руси, *отъ апостольскаго престола посла*" (Соф., II, 4946; ПСЛ, VI, 160); но какъ изъ умолчанія о территоріальныхъ предѣлахъ такой легатуры, такъ и изъ самаго содержанія грамоты видно, что это была легатура совершенно иного рода. Она заключалась въ чисто дипломатическомъ порученіи передать Московскому государю посланіе папы и тѣмъ исчерпывалась [1]). Исидоръ въ данномъ случаѣ являлся такимъ же посломъ отъ папы, какимъ онъ одновременно былъ и отъ костантинопольскаго императора, тоже рекомендовавшаго Василію Васильевичу содѣйствовать проведенію уніи [2]). Въ Москвѣ отлично поняли это. Ставя принятіе м. Исидоромъ легатуры надъ католиками въ тяжкую вину ему, москвичи въ своихъ грамотахъ, какъ увидимъ, совершенно умачиваютъ о принятіи имъ посольства отъ папы къ Василію Васильевичу, очевидно, не усматривая въ этомъ никакого преступленія.

---

[1]) „Къ сему единачеству многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего Сидора, митрополита твоего всея Руси, отъ апостольскаго престола посла, иже за свое благое крѣпчайше потрудился о соединеніи; того ради потребно есть помогати ему комуждо во всѣхъ дѣлѣхъ, наипаче въ сихъ дѣлѣхъ, еже предстояніе имѣетъ къ достоинству и чину церковному, врученну ему".

[2]) См. у Длугоша, lib XII. Advenerat in illis diebus ex Italia ab Eugenio papa quarto Isidorus, natione Graecus, Archiepiscopus Kijoviensis, Cardinalis noviter creatus et legatus in Russiam missus,... ferens secum Apostolicas literas seu bullas eiusdem Eugenii sub plumbea et Constantinopolitani imperatoris sub aurea bullis munitus unionem Latinae et Occidentalis Ecclesiae cum Graeca et Orientali continentes, lingua quidem latina scriptas, sed Graeca Ruthenica subscriptas.

Мнѣніе о легатурѣ Исидора въ Москвѣ создалось главнымъ образомъ на основаніи Софійской II лѣтописи и отчасти на основаніи неясныхъ выраженій въ грамотахъ московскаго правительства по дѣлу м. Исидора.

О прибытіи Исидора въ Москву краткая редакція Софійской II лѣтописи подъ 6946 г. (ПСЛ, VI, 161) сообщаетъ слѣдующее: „По сихъ пріиде Сидоръ на Русскую землю въ градъ Москву, къ благовѣрному великому князю Василію Васильевичу; предъ собою веляше носити крыжъ латинскій, да *три* палицы сребрены, почесть Фряжскаго си права“ т. е., какъ предполагаютъ, съ помпою папскаго легата a latere.

Но такое сообщеніе не подтверждается современными лѣтописями Новгородскими и Псковскими и само представляетъ изъ себя лишь неудачное сокращеніе другого лѣтописнаго разсказа.

Новгородская I лѣтопись строго отмѣчаетъ различіе между поведеніемъ м. Исидора въ Западной Россіи и поведеніемъ его въ Москвѣ. Подъ 6949 годомъ она сообщаетъ:

„Той же зимы пріѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого собора *на Русь* изъ Рима и нача зватися легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римскія власти и *митрополитомъ Римскимъ* и нача поминати папу Римскаго въ службѣ и иныя новыя вещи, ихъже николи же слышахомъ отъ крещенія Русскія земли и повелѣ въ Лядскихъ божницахъ русскимъ попомъ свою службу служити, а въ русскихъ церквахъ капланомъ. Литва же и Русь за то не изымашася.“

Это сообщеніе въ первой части представляетъ изъ себя краткую передачу начала извѣстной уже намъ грамоты м. Исидора 5 марта 1440 года. Слова „нача зватися.... митрополитомъ „*Римскимъ*“, соотвѣтствующія выраженію „седалища Ляцкаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“ подлинной грамоты, доказываютъ, что лѣтописецъ правильно понималъ легатуру Исидора[1]) и

[1]) Едва ли поэтому можно согласиться съ издателемъ лѣтописи, предлагающимъ читать здѣсь: „митрополитомъ *Руским*ъ“, вмѣсто—„Римскимъ“.

вообще точно освѣдомленъ былъ о его дѣятельности въ Литвѣ. Псковская лѣтопись объ этомъ періодѣ дѣятельности Исидора хранитъ полное молчаніе [1]).

Но относительно дѣйствій Исидора въ Москвѣ обѣ лѣтописи согласны въ томъ, что единственнымъ проступкомъ его, повлекшимъ за собою арестъ и изгнаніе, было поминовеніе имени папы за богослуженіемъ [2]). О пользованіи легатскими инсигніями обѣ лѣтописи молчатъ и—совершенно основательно: весь разсказъ Соф. II представляетъ изъ себя, какъ мы уже замѣтили, лишь неудачное сокращеніе разсказа, помѣщеннаго въ Воскресенской лѣтописи подъ особымъ заглавіемъ: „О приходѣ Сидора митрополита на Русь“, и буквально воспроизводимаго въ нѣкоторыхъ спискахъ той же Соф. II. Приводимъ текстъ этого разсказа по Воскресенской лѣтописи. Слова, заимствованныя въ Софійскую II, отмѣчены разрядкой:

---

[1]) Новгородцы имѣли особыя основанія быть недовольными именно Исидоромъ. Онъ передъ отправленіемъ на соборъ отнялъ Псковъ отъ новгородскаго владыки, назначивъ туда собственнаго намѣстника. Псковичи же давно желали такого отдѣленія, чѣмъ можетъ быть и объясняется такое молчаніе Псковской лѣтописи о неподобныхъ дѣяніяхъ м. Исидора, исполнившаго ихъ давнее желаніе.

[2]) Новг. I. 6950: Пріѣха митрополитъ изъ Литвы на Москву и князь великій Василій Васильевичъ повелѣ ему служити и, слышавъ отъ него на службѣ, что поминаетъ папу Римскаго, а не патріарха Царяграда, и иныя вещи многія не по обычаю земля Рускыя и рече князь Василій: при нашей братіи, князѣхъ великихъ Рускія земли, сего не бывало, и азъ сего не хощу слышати—и повелѣ жити ему въ монастырѣ и приставомъ повелѣ стрещи его, онъ же избѣжа въ Тферь и оттоле въ Литву.—Пск. I. 6949: Тоя же весны митр. Исидоръ пріѣхалъ на Москву, на вербную, изъ Литвы и началъ поминати на молитвахъ Евгенія, папу Римскаго и князь великой Василей Васильевичъ такого не валюби зломыслія Сидорова и сведе его съ митрополіи и за пристава посади.

О приходѣ Сидора митрополита на Русь.

[По сихъ же] пріиде Сидоръ на Рускую землю, въ богоспасаемый градъ Москву къ благочестивому и благовѣрному великому князю Василію Васильевичю, скрывая прелесть Латынское въ себѣ ереси, еже изнесе на истинное православіе; и тако почесть свою Лятынскаго обычая бѣснованія гордости вскорѣ являетъ, имже хотя величатися еже странно и тоже есть отъ православныя вѣры еже не достоитъ творити вѣрнымъ [1]); прежде убо въ посланіи грамотъ своихъ звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятскаго же и Литовскаго и Нѣмецкаго, а предъ собою повелѣваше носити крыжъ Латынскій да три палицы сребрены про [по]честь Фряжскаго си права, егда же въ молитвенныхъ реченій[хъ] святыя службы и вмѣсто святыхъ патріархъ вселенскихъ поминаетъ въ первыхъ и блажитъ Еугенія папу Римскаго ему же бе на златѣ отдаде святую вѣру Греческаго православіа; по скончаніи же святыя службы повелѣваетъ Сидоръ, вшедъ на онбонъ, чести велегласно грамоту осмого суемысленнаго си събора отреченнаго [и еже подписаніе папино на соборѣ] въ ней же написано есть [слѣдуетъ содержаніе грамоты и посланіе Евгенія IV къ Василію Васильевичу].

Сіа же вся услышавъ великій князь [благовѣрный князь великій] и яко узрѣ бываемая грамота ихъ суемысленнаго собора укрѣпленіа и услышавъ по изреченіемъ словесъ его, въ

[1]) Эти слова: „и тако.... вѣрнымъ“, какъ нарушающія ходъ разсказа слѣдуетъ признать за позднѣйшую вставку.

перьвыхъ папино помяновеніе имени и познa Сидора влкохищную [волка-хищника] ересь, и тако не пріятъ благословеніа отъ руки его и Латынскимъ ереснымъ прелестникомъ нареченъ его [и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя влъкомъ назва его [1]) и скоро повелѣ съ митрополь-скаго [престола] съврещи его, яко безумна прелестника и отступника вѣры и повелѣваетъ пребыти ему въ монастыри донеле же [доколѣ] обыщетъ о немъ по божественнымъ священнымъ правиламъ святыхъ Апостолъ и богосоставныхъ седми съборовъ святыхъ отець [отъ правилъ истинно обыщетъ о немъ святыхъ Отець] [2]).

Полная несамостоятельность текста Соф. II совершенно ясна. Обратимся къ его источнику, т. е. разсказу „О приходѣ Сидора митрополита на Русь“. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ Воскресесенской лѣтописи, онъ не представляетъ уже первоначальнаго текста, а текстъ частію интерполированный риторическими украшеніями, не всегда умѣстными. Но и изъ дошедшаго до насъ текста совершенно ясно, что разсказъ о Московскихъ событіяхъ начинается со словъ: „Егда же и въ молитвенныхъ реченій“ и т. д.; ношеніе же крыжа и *трехъ* палицъ относится къ пребыванію Исидора на Руси (южной) и въ Литвѣ и стоитъ въ непосредственной связи съ легатурой надъ тремя католическими провинціями. И по Воскресенской лѣтописи вина Исидора въ Москвѣ заключалась только въ поминовеніи имени папы при богослуженіи и прочтеніи бумагъ о соединеніи церквей по его окончаніи.

Совершенно также представляется дѣло и въ Никоновской лѣтописи, гдѣ періоды дѣятельности Исидора раз-

[1]) Скобками [ ] выдѣлены слова, находящіяся только въ Соф. II.

[2]) Повидимому, позднѣйшая вставка.

личаются съ такою же точностію, какъ и въ лѣтописи Новгородской [1]).

Только благодаря неумѣлому сокращенію автора Соф. II получилось, что м. Исидоръ приказывалъ носить передъ собою крыжъ и три палицы *въ Москвѣ* и что онъ приказалъ прочитать папскую буллу *во время* литургіи, а не послѣ ея, великій же князь чуть ли не прервалъ богослуженіе.

Лѣтописному изложенію не противорѣчатъ и оффиціальные документы московскаго правительства по дѣлу Исидора. Въ посланіи къ императору Іоанну Палеологу Василій Васильевичъ отнюдь не обвиняетъ м. Исидора, будто бы онъ присваивалъ себѣ титулъ папскаго легата въ Москвѣ при *личномъ* свиданіи съ великимъ княземъ; онъ употреблялъ его лишь въ грамотахъ (присылавшихся изъ Западной Россіи) [2]); Василій Васильевичъ знаетъ и то, что легатура Исидора касалась лишь католиковъ Западной Россіи, и именно поэтому обвиняетъ Исидора въ духовномъ двоеженствѣ:

---

[1]) Никон., 6946; (ПСЛ, XII, 40): *Прежде убо въ посланіи* грамотъ своихъ звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища Лятцкаго же и Литовскаго и Нѣмецкаго; а предъ собою повелѣваше носити крыжъ Латинекій да три палицы сребряны про честь ѳряжскаго права; въ молитвахъ же и зъ службахъ божественныя литургіи вмѣсто святыхъ патріарховъ вселенскихъ поминаше въ первыхъ и величаше и блажаше Евгеніа папу Римскаго .... *И пріиде на Москву* въ недѣлю третью святаго великаго поста, и *того дня* молебная пѣлъ за великаго князя и за все православное христіанство и божественную литургію служилъ и въ первыхъ поминалъ Евгенія папу Римскаго. По скончаніи же божественныа службы повелѣ протодіакону своему въ стихарѣ съ уларемъ, вшедъ на амбонъ, чести велегласно грамоту осмого суемысленнаго сего собора отреченнаго и т. д.

[2]) Самъ убо Исидоръ въ своихъ ему когда грамотахъ, идѣже посылая, писаше, нарицая себя легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища Лятьскаго и Литовскаго и Нѣмецкаго, и запечатлѣяше писанія своя зелеными запечатлѣнми и предъ собою повелѣваше распятіе латынски изваяно носити... по всему латынскіе обычая воспрінмъ держаше.

онъ, будучи главою православной церкви, въ то же самое время принялъ отъ папы пастырство и надъ католиками [1]). Изъ легатскихъ отличій м. Исидора грамота знаетъ лишь крыжъ (отнюдь не палицы), но и о немъ не утверждаетъ прямо, что м. Исидоръ носилъ его въ Москвѣ. Изъ контекста же слѣдуетъ заключить, что въ Москвѣ м. Исидоръ ограничился лишь поминовеніемъ папы и прочтеніемъ буллы объ уніи [2]).

Правда, грамота упоминаетъ еще о какихъ-то винахъ Исидора, не перечисляя ихъ. „Не токмо же до сего сотвори, но и ина многая странна и чюжа отъ православныа христіанскіа вѣры внесе въ наше православіе, ихъ же и не писахомъ здѣ". Но такое заявленіе въ виду того, что въ числѣ винъ упомянуто даже о зеленомъ сургучѣ, которымъ Исидоръ печаталъ свои грамоты, слѣдуетъ признать просто за риторическій пріемъ. То же самое слѣдуетъ сказать и объ извѣстномъ мѣстѣ посланія къ проту и инокамъ аѳонскимъ: „Каковый змѣй приползе въ отечество наше, хотя излити ядъ на православіе наше, и съ коликою гордостію пріиде къ намъ; крестъ велеше носити предъ собою высоко водруженъ латынскимъ именованіемъ". Если бы такой крыжъ внесенъ былъ въ Успенскій соборъ или даже въ Москву, то Василій Васильевичъ указалъ бы на это прямо, а не ограничивался бы такими неопредѣленными намеками.

Если же вся вина м. Исидора въ Москвѣ заключалась лишь въ поминовеніи папскаго имени и прочтеніи папской буллы объ уніи, то и то и другое долженъ былъ бы сдѣлать

---

[1]) Еще же и въ двѣ церкви нашея убо православныя и латынскіа еже въ Лятьской земли и въ Литовской и въ Нѣмецкой отъ папы благословеніе пріять, рече, учителемъ и настоятелемъ себя называше, злочестивнѣ двоеженствуя.

[2]) Еще же и поминовеніе папина имене въ святѣй нашей соборнѣй и велицѣй церкви (т. е. Успенскомъ соборѣ) въ служеніи сотвори; къ сему же подда и поработи насъ подъ отлученную многихъ ради ересей... Римскую церковь и Римскаго папу и т. д.

не только всякій уніатскій епископъ, но и всякій уніатскій священникъ. Легатура Исидора во всякомъ случаѣ тутъ не при чемъ. Но тогда какъ же объяснить изумленіе москвичей передъ поступкомъ м. Исидора? Вѣдь они же несомнѣнно знали, что Исидоръ—уніатъ и изъ грамотъ его, и изъ его дѣйствій въ Западной Россіи въ теченіе цѣлаго года? Намъ кажется, что единственнымъ объясненіемъ не только этого факта, но и очень многаго другого, должно признать по преимуществу обрядовый характеръ московскаго православія той эпохи.

Для москвичей понятіе православія почти что отожествлялось съ понятіемъ старины [1]), т. е. прежде всего старинаго обряда или стариннаго чина.

Въ дѣлѣ Исидора главнымъ для нихъ представлялось не самое принятіе уніи, а вызванное имъ поминовеніе папскаго имени во время богослуженія, т. е. измѣненіе традиціоннаго текста служебника. Не только Новгородскія и Псковскія лѣтописи видятъ въ поминовеніи папскаго имени въ Успенскомъ соборѣ *единственную* вину Исидора (совершенно умалчивая о прочтеніи буллы объ уніи), но и посланіе Василія Васильевича къ императору Константину Палеологу именно эту вину, а не унію, выставляетъ на первый планъ среди нарушеній старины. Исидоръ „шедъ принесе къ намъ не такожъ якоже обѣщася намъ, но ина вся, нова и чюжа и непріятна Божьей церкви и нашему древнему благочестію и помяновеніе папы Римскаго имени въ молитвенныхъ съгласіяхъ въ церкви нашей сотвори"—вотъ на что жаловался князь Василій Васильевичъ (РИБ, VI, 581).

[1]) „И Богу вѣдомо" писалъ Василій Васильевичъ Іоанну Палеологу „аще не быхомъ того нашего изначальнаго православнаго христіанства соблюдали и страха Божія аще не быхомъ въ сердцѣ имѣли, то ни како же не хотѣхомъ его (Исидора) пріяти отинудь". Послѣ поставленія Іоны онъ выражается уже нѣсколько иначе „Старины изначальныя не хотя рушити, пріяхомъ его съ радостію". (Посланіе импер. Константину).

Унія сама по себѣ въ глазахъ москвичей не имѣла большого значенія. Воспрещая поминать папу и требуя поминовенія патріарха к-го Митрофана, они совершенно не обращали вниманія на то, что этотъ патріархъ самъ былъ уніатъ; такъ стояло въ служебникѣ, и это было главное. Обращеніе къ уніату-императору и уніату-патріарху съ просьбою низложить митр. Исидора за унію утрачиваетъ значительную долю своей странности, если мы формулируемъ вину Исидора, какъ отказъ служить по старымъ московскимъ книгамъ. Предлагая еп. Іону на мѣсто Исидора, москвичи поступали совершенно такъ же, какъ современные намъ единовѣрцы. Лѣтописецъ, правда, старается объяснить поведеніе москвичей тѣмъ, что они будто бы не знали о латинствѣ К-го правительства, но едвали его объясненіе можетъ быть признано удачнымъ [1]). Нѣтъ, они отлично знали, но готовы были игнорировать это, не желая старины *своея* нарушити, пока не дознались, что и въ старину на Руси по нуждѣ бывали случаи поставленія митрополитовъ безъ участія константинопольскаго патріарха [2]).

---

[1]) Соф., II, 6946 (ПСЛ, VI, 167): „Пріиде *вѣсть, яко царь отыде въ Римъ на царство* и ста въ Латынскую вѣру: иославъословъ (ѣхавшихъ съ просьбою о разрѣшеніи поставлять митрополита въ Россіи) възвратити вспять". Какъ же это Москвичи, не повѣрившіе латинству императора на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, повѣрили тому же на основаніи одного вздорнаго слуха? Самое поминовеніе патріарха-уніата москвичи потомъ прекратили подъ тѣмъ предлогомъ, что они не знаютъ его имени „Не вѣмы аще уже есть въ державахъ святого ти царства въ царствующемъ градѣ, святѣйшій патріархъ или нѣтъ, понеже не слышахомъ о немъ ни отъ кого же ни имени его не вѣмы" (Грамота имп. Константину).

[2]) Въ посланіи къ Іоанну Палеологу и патр. Митрофану кн. Василій Васильевичъ пишетъ: „Просимъ, послѣте къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Св. Духа и споспѣшествованіемъ Святого ти царства и благословеніемъ святѣйшаго патріарха и еже о немъ божественнаго и священнаго собора по святымъ правиламъ, собравше въ отечествіи нашемъ въ Рустѣй землѣ боголюбивые епископы отечьства нашего, по благодати Святаго Духа, из-

Дѣло м. Исидора застало Московское правительство, что называется, врасплохъ. Даже послѣ бѣгства Исидора въ Москвѣ не допускали еще мысли о возможности поставленія митрополита даже по нуждѣ безъ предварительнаго разрѣшенія императора и патріарха. Только въ 1446 г. Димитрій Шемяка предоставилъ московскому кандидату епископу рязанскому Іонѣ управленіе митрополіею [1]), и только въ концѣ 1448 г. Василій Васильевичъ пришелъ къ убѣжденію, что правила св. Отецъ не только не воспрещаютъ, но и повелѣваютъ поставить митрополита, въ случаѣ нужды, и безъ сношенія съ патріархомъ. Въ разсматриваемое нами время тотъ же Василій Васильевичъ еще не вполнѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія „исконнаго" православія. Вся переписка его по дѣлу Исидора проникнута, какъ руководящимъ мотивомъ, наивною жалобою на попраніе, не православія вообще, а именно нашего московскаго православія.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать и объясненія той редакціи, какая придана въ грамотахъ Василія Ва-

---

бравше кого человѣка добра, мужа духовна вѣрою православна, да поставитъ намъ митрополита на Русь; *понеже и преже сего за нужу поставленіе митрополита бывало*". Московское правительство все таки считало и для поставленія по нуждѣ участіе К—аго правительства необходимымъ. Въ грамотѣ того же Василія Васильевича къ Константину Палеологу о состоявшемся поставленіи Іоны безъ участія патріарха и императора говорится уже иначе: „Възрѣвше въ бежественная и священная правила св. Апостолъ и святыхъ богоносныхъ Отець, нужи ради обрѣтохомъ *не бранящихъ, но повелѣвающихъ* епископы поставити болшаго святителя митрополита".

[1]) Соф. II 6954. (ПСЛ. VI 175). Князь же Дмитрей умысливъ еще (на дѣтей вел. кн. Василія Васильевича) призва къ себѣ епископа Резанскаго Іону *на Москву* и, пришедшу ему, обѣща митрополію смутъ если онъ приведетъ въ Москву дѣтей вел. кн. Василія Васильевича. Іона послѣ того, какъ исполнилъ порученіе и отвезъ княжичей въ заточеніе въ Угличъ, „возвратися ко князю Димитрію; онъ же повелѣ ему ити къ Москвѣ и сѣсти на митропольемъ дворѣ" (послѣ 6 мая 1446 г.).

сильевича обвиненіямъ противъ м. Исидора. Тамъ, какъ мы видѣли, редакторъ, говоря о дѣйствіяхъ м. Исидора въ Западной Россіи, нигдѣ не упоминаетъ о послѣдней. москвичи, стоя на своей точкѣ зрѣнія, должны были опасаться отвѣта: „Это было не у васъ на Москвѣ, и потому васъ не касается".

Москвичи и сами полагали, что это ихъ непосредственно не касается, и были вполнѣ увѣрены, что м. Исидоръ не осмѣлится на это въ Москвѣ. Подобно современнымъ единовѣрцамъ, они требовали лишь, чтобы въ *ихъ* церквахъ Исидоръ служилъ по ихъ служебнику, предоставляя ему въ другихъ церквахъ служить, какъ ему угодно. Изумленіе москвичей передъ посягательствомъ его на текстъ даже московскаго служебника и нежеланіемъ исполнить ихъ, казалось бы, безусловно законное требованіе не дѣлать этого, достаточно объясняется указаннымъ выше отношеніемъ москвичей къ ихъ старинѣ. Этимъ, а не какой-нибудь внѣшней помпой легата были раздражены москвичи.

Можно сказать съ увѣренностію, что въ Москвѣ Исидоръ не носилъ даже кардинальскаго костюма. О немъ грамота Василія Васильевича не упоминаетъ, хотя несомнѣнно цвѣтъ его долженъ бы былъ броситься въ глаза людямъ, замѣтившимъ такой сравнительно пустякъ, какъ необычайный зеленый цвѣтъ митрополичей печати [1]).

Ничего не пишетъ Московское правительство и о серебряныхъ жезлахъ (палицахъ) Исидора, и потому можно быть увѣреннымъ, что онъ и ихъ на Москвѣ не носилъ. Объ употребленіи ихъ въ Западной Россіи мы имѣемъ прямое свидѣтельство Симеона Суздальскаго, говорящаго, что Исидоръ носилъ предъ собою „крыжи и палицу сребряну. Крыжъ нося въ креста мѣсто, являя латынскую вѣру, а палицу

[1]) Печать эта была на грамотахъ, присланныхъ въ Москву, и потому москвичи смотрѣли на нее то же, какъ на нарушеніе московской старины.

нося—гордость и буйство латынское. Аще кто не приклякнеть (станетъ на колѣни) ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнуть велитъ, якоже у папы тако творятъ". Симеонъ, конечно, ошибался приписывая драгоцѣннымъ жезламъ такое чисто полицейское назначеніе. Правильнѣе они понимаются въ статьѣ: „О приходѣ Сидора митрополита", гдѣ три палицы соотвѣтствуютъ тремъ подчиненнымъ м. Исидору-легату католическимъ провинціямъ и, слѣдовательно, признаются за символы легатской власти. Но въ такомъ случаѣ правъ Симеонъ Суздальскій, говоря не о трехъ, а объ одной палицѣ. М. Исидоръ, хотя и назначенный легатомъ для трехъ различныхъ провинцій, могъ, въ силу каноническаго права, пользоваться инсигніями легата лишь той провинціи, въ предѣлахъ которой онъ находился. Если три палицы не составляютъ плодъ домысла самого составителя сказанія „О прихожденіи" (три провинціи—три палицы), то мы затрудняемся опредѣлить, гдѣ и когда Исидоръ могъ воспользоваться ими одновременно. Въ качествѣ догадки можемъ высказать лишь такое предположеніе: единственное подходящее мѣсто для употребленія трехъ жезловъ сразу былъ бы Сандечъ, гдѣ Исидору, какъ легату, была устроена 25 марта 1440 г. первая торжественная встрѣча кардиналомъ Збигнѣвомъ Олеицкимъ, епископомъ краковскимъ. На границѣ одной изъ трехъ своихъ католическихъ провинцій, въ извѣстной степени объединенныхъ территоріей православной митрополіи, грекъ Исидоръ, можетъ быть, хотѣлъ подчеркнуть причину своего назначенія легатомъ именно для этихъ провинцій и тѣмъ придать своему титулу патріаршаго экзарха еще большій блескъ.

Остается лишь легатскій крестъ, о которомъ возможны еще нѣкоторыя сомнѣнія; но и о немъ приходится сказать почти то же самое, что о палицахъ. Легатъ можетъ употреблять его лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ, только въ предѣлахъ своей провинціи и только тогда, когда онъ выступаетъ въ качествѣ именно легата. Въ примѣненіи къ храмамъ подчиненныхъ Исидору мѣстностей это означало,

что онъ могъ употреблять легатскій предносный крестъ лишь при посѣщеніи католическихъ костеловъ, а отнюдь не православныхъ церквей. Въ Кіевскій Софійскій соборъ точно такъ же, какъ и въ Московскій Успенскій, Исидоръ выходилъ съ преднесеніемъ не крыжа, а греческаго экзаршаго креста. Предпочитать крыжъ для него не было основаній. Какъ убѣжденный гуманистъ, Исидоръ не могъ быть фанатикомъ католицизма; предметомъ его поклоненія была древняя эллинская культура, а не детали христіанской догматики. Онъ хлопоталъ объ уніи прежде всего какъ греческій патріотъ, видѣвшій въ ней единственное средство спасенія Византіи. Но, какъ патріоту-греку, роль патріаршаго экзарха должна была быть для Исидора болѣе пріятною, чѣмъ роль папскаго легата.

Пл. Соколовъ.

ПАМЯТИ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА

Историческаго Общества Нестора-лѣтописца

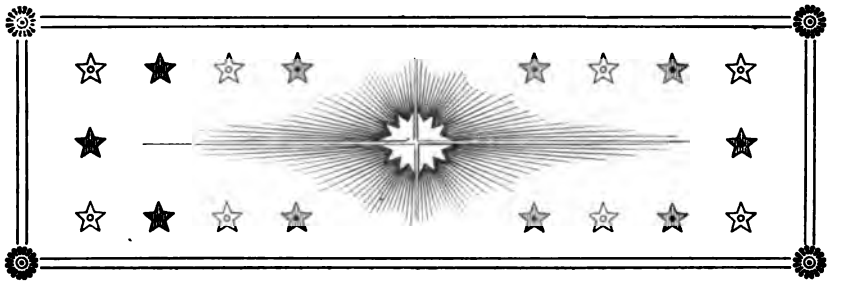
заслуженнаго ординарнаго профессора
и академика

Николая Павловича

Дашкевича.

(† 20 января 1908 г.).

H. Danckelmann



Въ воскресенье, 3 февраля 1908 г., въ V-й аудиторіи Университета св. Владиміра состоялось засѣданіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, посвященное памяти почетнаго члена Общества заслуженнаго ординарнаго профессора и академика Николая Павловича Дашкевича. Въ этомъ засѣданіи въ присутствіи многочисленной публики, учениковъ и почитателей покойнаго были произнесены рѣчи предсѣдателемъ Общества Ю. А. Кулаковскимъ и членами: Т. Д. Флоринскимъ, А. И. Лободой, П. В. Шаровольскимъ, М. В. Довнаръ-Запольскимъ и И. М. Каманинымъ. Память почившаго многозаслуженнаго сочлена была почтена вставаніемъ.

Рѣчь Ю. А. Кулаковскаго.

Мм. Гг.

Двѣ недѣли тому назадъ русская наука, Университетъ св. Владиміра и наше Общество Нестора-лѣтописца понесли тяжелую утрату въ лицѣ почившаго заслуженнаго профессора Н. П. Дашкевича. Злой недугъ, гнѣздившійся съ давнихъ поръ въ его организмѣ, постепенно подтачивалъ его силы и наконецъ свелъ его въ могилу въ полномъ разцвѣтѣ его умственной и духовной силы и мощи. Съ тяжкимъ чувствомъ глубокой скорби о невознаградимой утратѣ собрались мы сегодня, чтобы почтить память почившаго, сказать доброе слово о его многоцѣнныхъ трудахъ, вызвать предъ нашимъ умственнымъ взоромъ его нравственный обликъ и въ этомъ общеніи съ почившимъ принести ему даръ нашей признательности за его жизненный подвигъ, совершенный на нашихъ глазахъ, въ общеніи съ нами.

Богато одаренный отъ природы, съ дѣтскихъ лѣтъ отличавшійся удивительной любознательностью и способностью усвоенія, Н. П. былъ какъ бы предопредѣленъ самой судьбою къ тому поприщу, которое онъ достойно проходилъ на своемъ жизненномъ пути. Еще на студенческой скамьѣ стяжалъ онъ себѣ ученое имя, а собравшійся въ Кіевѣ въ годъ окончанія имъ университетскаго курса Третій Археологическій съѣздъ упрочилъ за нимъ широкую и заслуженную извѣстность въ средѣ ученыхъ всей Россіи. Будучи оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей литературы, Н. П. менѣе чѣмъ черезъ четыре года былъ уже магистромъ по предмету своей спеціальности и вступилъ въ число университетскихъ препо-

давателей, въ которомъ и остался до конца своихъ дней. На служеніе наукѣ и родному университету принесъ онъ всѣ свои богатые таланты, всѣ свои помыслы, всю свою энергію. Человѣкъ долга прежде всего, онъ съ неукоснительной вѣрностью стремился осуществить тотъ идеалъ профессора, который онъ носилъ въ своемъ сердцѣ: неустанно пополнялъ, углублялъ и усовершенствовалъ свое знаніе, чтобы передавать его другимъ въ живомъ процессѣ непосредственнаго общенія съ аудиторіей. Непритязательный, мягкій и деликатный въ отношеніи къ другимъ, необычайно строгій къ себѣ самому, проходилъ онъ свой жизненный путь въ неустанной напряженной ученой работѣ.

Оцѣнку ученыхъ трудовъ почившаго предложатъ Вашему вниманію мои товарищи; а я долженъ лишь отмѣтить заслуги его предъ нашимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца. Н. П. вступилъ въ него черезъ годъ послѣ его зарожденія, въ 1874 году, съ 1878 года сталъ его секретаремъ и несъ эти обязанности непрерывно въ теченіи 15 лѣтъ. Горячо сочувствуя цѣлямъ Общества и радѣя объ успѣхахъ его дѣятельности, онъ являлся, благодаря широтѣ своихъ ученыхъ интересовъ и своей богатой энергіи, однимъ изъ самыхъ живыхъ его членовъ и много содѣйствовалъ интенсивности ученой жизни Общества. Когда пошатнувшіяся его физическія силы потребовали нѣкотораго облегченія, онъ оставилъ секретарство, но не прекратилъ своего участія въ ученой жизни Общества, а черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ его предсѣдателемъ и съ малыми перерывами несъ эти обязанности до начала своей смертельной болѣзни. Болѣе 30 лѣтъ раздавалось въ засѣданіяхъ нашего Общества его краснорѣчивое слово въ ученыхъ сообщеніяхъ по исторіи литературы и отечественной исторіи, областяхъ знанія, въ которыхъ почившій былъ равно авторитетенъ. Онъ раскрывалъ здѣсь предъ нами свои огромныя познанія, свою бо-

гатую эрудицію, свой блестящій даръ комбинаціи. Ему предъ всѣми другими обязано наше Общество тѣмъ, что помимо историческаго, оно было также и историко-литературнымъ. Общество обязано почившему болѣе всѣхъ другихъ организаціей своей издательской дѣятельности. Покойный Н. П., съ самаго своего вступленія въ Общество, мечталъ о созданіи періодическаго органа. Недостатокъ матерьяльныхъ средствъ долго являлся здѣсь неодолимымъ препятствіемъ; но съ 1889 года удалось получить поддержку Министерства Народнаго Просвѣщенія; съ тѣхъ поръ „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца" стали выходить въ видѣ одного большого тома въ годъ, а съ 14-го, по его иниціативѣ, наши „Чтенія" получили видъ періодическаго изданія, выходящаго по 4 книжки въ годъ.

Много труда положилъ почившій на наше изданіе, много внесъ онъ туда своихъ ученыхъ работъ, много времени стоила ему редакторская часть и тяжелый трудъ корректуры, который онъ часто исполнялъ за другихъ.

При его непосредственномъ и ближайшемъ участіи выработанъ былъ нынѣ дѣйствующій уставъ нашего Общества.

Желая расширить общественное служеніе нашего Общества, а также и упрочить матерьяльныя его средства, Н. П. былъ иниціаторомъ публичныхъ курсовъ и лекцій, объявляемыхъ отъ имени Общества его членами. Начиная съ 1896 года, Общество ежегодно объявляло публичныя лекціи и цѣлые курсы по разнымъ предметамъ историческаго знанія, при непосредственномъ участіи своего предсѣдателя. Публичныя чтенія по исторіи западной литературы Н. П. привлекали въ его аудиторію огромную публику, которая умѣла цѣнить его одушевленное изящное слово, полное знанія, силы, огня и убѣжденія. Когда его физическія силы стали ему измѣнять, мы, ближайшіе его това-

рищи, удерживали его отъ участія въ публичныхъ лекціяхъ; но онъ самъ такъ любилъ живой процессъ передачи своихъ сокровищъ искавшимъ у него поученія, что не слушалъ нашихъ совѣтовъ и уступилъ не сразу.

Помяну и еще объ одномъ его дѣлѣ. Его иниціативѣ и его энергіи обязано наше Общество и тѣмъ, что пятидесятилѣтіе со дня смерти Гоголя было достойно отмѣчено въ Кіевѣ рядомъ публичныхъ лекцій по разнымъ сторонамъ творчества этого писателя, и такъ составился изданный Обществомъ „Гоголевскій Сборникъ".

Эта живая, энергичная и плодотворная дѣятельность прервана теперь на вѣки. Обозрѣвая ее однимъ общимъ взглядомъ, мы приносимъ почившему нашу признательность за его великій трудъ и сохранимъ на вѣки благодарную память о томъ сосудѣ мира драгоцѣннаго, какимъ былъ въ нашей средѣ нашъ почившій дорогой товарищъ...

Рѣчь Т. Д. Флоринскаго.

Мы собрались здѣсь почтить память скончавшагося 20 января крупнаго представителя науки, многимъ изъ насъ близкаго и дорогого человѣка, который болѣе 30 лѣтъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности Историческаго Общества препод. Нестора-лѣтописца и почти всю свою жизнь, съ юношескихъ лѣтъ, провелъ въ этихъ стѣнахъ дорогой almae matris за непрерывнымъ, почти ежедневнымъ, книжнымъ трудомъ, посвященнымъ дѣлу преподаванія, научнымъ разысканіямъ и ученому творчеству.

Въ лицѣ ушедшаго въ лучшій міръ нашего сочлена, профессора и академика Н. П. Дашкевича понесли тяже-

лую, трудно вознаградимую потерю русская наука, нашъ Университетъ, Академія Наукъ и наше Историческое Общество, всегда бывшее близкимъ сердцу покойнаго ученаго.

Потеря эта слишкомъ свѣжа, вызванная ею скорбь въ нашихъ сердцахъ еще не улеглась, и мы стоимъ съ горькимъ чувствомъ предъ недавно засыпанной могилой.

Вѣдь Николай Павловичъ скончался всего на 56 году жизни, т. е. еще далеко не въ преклонномъ возрастѣ. До послѣдней минуты онъ сохранялъ въ своемъ, измученномъ болѣзнью, тѣлѣ бодрый духъ и свѣтлый умъ. Еще въ послѣдніе дни жизни, уже предчувствуя неизбѣжность близкой кончины, онъ не переставалъ думать о наукѣ, скорбѣлъ о неоконченныхъ имъ научныхъ предпріятіяхъ, читалъ корректуры своихъ новѣйшихъ статей и набрасывалъ свою послѣднюю, какъ онъ самъ называлъ, „предсмертную“ работу о „Полтавѣ“ Пушкина, отправленную въ печать всего за нѣсколько дней предъ его кончиной.

И вотъ уже не стало этого „книголюбца“-труженика, нѣтъ нашего завсегдатая университетской лекторіи и библіотеки. Какъ то не вѣрится, что мы больше уже не увидимъ его въ нашей средѣ и что въ этихъ стѣнахъ не раздастся болѣе его авторитетное, живое и научное слово. Въ переживаемыя нами тяжелыя минуты сознанія громадности понесенной утраты, такъ естественно возстановить въ памяти свѣтлый образъ почившаго ученаго и профессора. Но какъ трудно это сдѣлать теперь. подъ гнетомъ тяжелаго чувства вѣчной разлуки, особенно тому, кто имѣлъ возможность близко наблюдать жизненный путь покойнаго, постоянно находился съ нимъ въ близкомъ духовномъ общеніи и часто шелъ рука объ руку съ нимъ въ служеніи однимъ общимъ идеаламъ. Я чувствую, что мое слово слишкомъ слабо и блѣдно охарактеризуетъ свѣтлую личность и трудовую жизнь почившаго почтеннаго дѣятеля науки. Но и въ такомъ случаѣ

пусть оно будетъ принято какъ искреннее, хотя и скромное и весьма неполное, выраженіе глубокаго моего уваженія къ дорогой памяти покойнаго товарища и друга.

Н. П. Дашкевичъ родился 4 августа 1852 г. въ семьѣ сельскаго священника, въ селѣ Бежевѣ, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи. Послѣ домашняго обученія онъ получилъ среднее образованіе въ Житомирской гимназіи, которую окончилъ съ золотою медалью въ 1868 г. Поступивъ въ томъ-же году въ Университетъ св. Владиміра на историко-филологическій факультетъ, онъ отдался съ особенной любовью изученію южно-русской исторіи и русской литературы. На студенческой скамьѣ онъ написалъ талантливое, увѣнчанное золотою медалью, изслѣдованіе о Даніилѣ Галицкомъ, которое до сихъ поръ остается одной изъ лучшихъ работъ по исторіи Галицкой Руси. Въ 1873 г. Н. П. былъ оставленъ при Университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи западноевропейскихъ литературъ, а въ апрѣлѣ 1877 г., послѣ защиты диссертаціи на тему: „Изъ исторіи средневѣковаго романтизма, Сказаніе о св. Гралѣ", удостоенъ степени магистра всеобщей литературы и выбранъ преподавателемъ на каѳедру этого предмета, которую и занималъ въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣдовательно неся званія доцента, экстра-ординарнаго и ординарнаго профессора. И по истеченіи тридцатилѣтняго срока, ознаменованнаго сердечнымъ чествованіемъ юбиляра 20 мая 1904 г., онъ продолжалъ читать лекціи по своему предмету въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго профессора, пока тяжелый недугъ—болѣзнь сердца— не лишилъ его возможности посѣщать дорогой ему Университетъ. Выдающіяся ученыя заслуги Николая Павловича, особенно выходъ въ свѣтъ его монументальнаго труда „Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни Запада" (Кіевъ, 1890 г.), побудили историко-филологическій

факультетъ и совѣтъ Университета поднести своему уважаемому сочлену дипломъ honoris causa на степень доктора исторіи западно-европейскихъ литературъ. Кромѣ Университета Н. П. преподавалъ свой обширный предметъ на высшихъ женскихъ курсахъ, старыхъ и новыхъ, и былъ главнымъ работникомъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, исполняя при этомъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность сперва секретаря, а потомъ предсѣдателя Общества. Сверхъ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ двухъ кіевскихъ археологическихъ съѣздахъ (1873 и 1899 гг.), а также въ завѣдываніи книжными сокровищами Университета въ качествѣ предсѣдателя библіотечной комиссіи. Для широкаго изученія своего предмета и съ цѣлью спеціальныхъ научныхъ разысканій Н. П. ѣздилъ три раза за границу, причемъ въ первый разъ провелъ въ заграничной командировкѣ около двухъ лѣтъ (съ 1878 по 1880 г.). Онъ работалъ въ университетахъ и библіотекахъ Германіи, Франціи, Англіи, Австріи и Италіи. Императорская Академія Наукъ давно считала его въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ, много разъ обращалась къ нему съ порученіями о разборѣ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе премій, а въ прошломъ году избрала его въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Давній хроническій недугъ, особенно обострившійся весною 1907 г., подточилъ силы Николая Павловича, и 20 января, послѣ полудня, свелъ его въ могилу. Согласно волѣ покойнаго его прахъ погребенъ въ родномъ селѣ Бежевѣ 23-го января.

Такова въ главныхъ чертахъ несложная, небогатая фактами, внѣшняя сторона біографіи Н. П. Дашкевича. Почившій нашъ товарищъ посвятилъ себя всецѣло наукѣ, всю свою жизнь онъ провелъ въ поискахъ за истиннымъ знаніемъ и въ распространеніи этого знанія среди молодежи,

въ дѣятельномъ и идеально-чистомъ служеніи родному Университету и высшимъ задачамъ просвѣщенія. Его ученая и преподавательская дѣятельность были въ полной и самой тѣсной гармоніи. Онъ держался убѣжденія, что для того, чтобы быть хорошимъ профессоромъ, надо высоко держать знамя ученаго, самостоятельно и дѣятельно изучать разные отдѣлы данной науки и внимательно слѣдить за всѣми успѣхами ея разработки. Но, съ другой стороны, онъ думалъ (вопреки довольно распространенному мнѣнію), что спеціальныя занятія профессора не должны его отвлекать отъ добросовѣстнаго исполненія лежащей на немъ ближайшей задачи—тщательной обработки университетскихъ курсовъ. Въ университетскомъ преподаваніи Н. П. видѣлъ свое призваніе, какъ профессора, съ большимъ стараніемъ отдѣлывалъ свои научныя и весьма содержательныя лекціи и своимъ живымъ словомъ умѣлъ не только поддерживать въ аудиторіи интересъ къ предмету чтенія, но и возбуждать у наиболѣе даровитыхъ слушателей любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ тѣми или другими историко-литературными вопросами. Его курсы, общіе и спеціальные, были весьма разнообразны, касаясь всѣхъ важнѣйшихъ отдѣловъ его безконечно-обширной спеціальности. Въ силу своей скромности и строгаго отношенія къ своимъ трудамъ, Н. П. не спѣшилъ съ печатаніемъ своихъ курсовъ; но многіе изъ нихъ, несомнѣнно, вполнѣ обработаны для печати и изданіе ихъ должно существенно обогатить нашу ученую литературу, столь бѣдную общими обзорами и спеціальными монографіями по исторіи западно-европейскикъ литературъ. Столь же разнообразны были научные вкусы и интересы Н. П. въ соотвѣтствіи съ сложностью его духовной организаціи и съ присущей ему страстною любовью къ труду и знанію. О всемъ этомъ разнообразіи можно будетъ составить отчетливо ясное и полное представленіе только тогда, когда станутъ

доступны ученому міру и широкой публикѣ, кромѣ уже напечатанныхъ его работъ, многочисленныя еще неизданныя его изслѣдованія и университетскіе курсы. Но и теперь, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, можно видѣть, что Н. П. представлялъ собой большой и свѣтлый умъ и обладалъ обширной эрудиціей. Какъ бы оправдывая въ своей дѣятельности и ученой производительности несомнѣнно-вѣрное положеніе о близкой связи между науками историческими и филологическими, онъ былъ въ равной степени историкомъ и филологомъ-словесникомъ. Отъ раннихъ своихъ занятій русской исторіей, живой интересъ къ которой онъ сохранялъ до послѣднихъ дней жизни, онъ перешелъ къ работамъ въ области главной и обширной своей спеціальности—словесности, примѣняя въ нихъ широко и съ полнымъ успѣхомъ историческій методъ, на ряду съ методомъ сравнительнымъ. При этомъ какой широкій научный кругозоръ, какое безконечное разнообразіе предметовъ и вопросовъ, привлекаемыхъ къ разсмотрѣнію и изученію! На ряду съ родной, близкой сердцу Русью, южной и сѣверной, онъ обращаетъ взоры и на другія вѣтви славянства, напримѣръ, поляковъ и южныхъ славянъ, и охватываетъ своимъ всеобъемлющимъ мышленіемъ весь западно-европейскій міръ, во всѣхъ его крупныхъ представителяхъ, во всѣ эпохи средневѣковья и новыхъ временъ, со всѣми его разнообразными умственными и литературными движеніями и теченіями. Онъ пишетъ замѣчательныя изслѣдованія о Галицкомъ княжествѣ, о Литовско-русскомъ государствѣ, о Волоховской землѣ и оставляетъ въ рукописи обширную работу по исторіи южной Руси. Онъ мастерски разъясняетъ основные, наиболѣе трудные вопросы въ области русскаго былевого эпоса и малорусскихъ думъ и глубоко входитъ въ изученіе западно-европейскаго средневѣковаго эпоса. Въ цѣломъ рядѣ работъ онъ тщательно анализируетъ средневѣковой романтизмъ въ раз-

нообразныхъ его проявленіяхъ и изслѣдуетъ съ неменьшею обстоятельностью новѣйшую романтику въ ея отраженіяхъ въ литературахъ разныхъ народовъ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма мѣтко онъ оцѣниваетъ значеніе провансальской поэзіи и опредѣляетъ генезисъ и дальнѣйшее развитіе поэзіи міровой скорби. Онъ пишетъ цѣнные мастерскіе этюды о корифеяхъ западно-европейскихъ литературъ, какъ-то: о Шекспирѣ, Мольерѣ, Байронѣ, Шиллерѣ, Гете и выступаетъ талантливымъ біографомъ и истолкователемъ поэзіи гигантовъ родной литературы: Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева. Большой знатокъ малорусской народной поэзіи, онъ глубже многихъ другихъ новѣйшихъ писателей зналъ малорусскую литературу и посвящаетъ выясненію ея исторіи цѣлую книгу, равной которой по достоинству нѣтъ въ ученой литературѣ по данному вопросу. Съ соблюденіемъ строгонаучныхъ критическихъ методовъ онъ изслѣдуетъ реальныя явленія литературъ и въ то же время подымается въ область болѣе отвлеченнаго философскаго мышленія, принимая на себя изученіе и разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ теоріи поэзіи и психологіи творчества. Въ своихъ многочисленныхъ работахъ Н. П. проявляетъ одинаковую любовь къ старинѣ и новизнѣ и умѣло устанавливаетъ связь между старымъ и новымъ. Его вниманіе привлекаютъ не только самые литературные факты, но и исторія ихъ изученія, исторія науки. Сюда, напримѣръ, относятся его мѣткія характеристики ученой и литературной дѣятельности профессоровъ нашего университета, знаменитаго слависта, учителя покойнаго, А. А. Котляревскаго и болѣе раннихъ дѣятелей Метлинскаго и Красова. Сюда-же слѣдуетъ отнести его многочисленныя критическія статьи и цѣлые обзоры научной литературы. Вообще критическій элементъ присутствуетъ въ большей части работъ Н. П—а. Задачи критики покойный ученый понималъ очень широко. Подвергая раз-

бору то или другое сочиненіе, онъ не ограничивается указаніемъ достоинствъ и недостатковъ его, а даетъ самостоятельныя изслѣдованія по вопросамъ, рѣшенія которыхъ въ данномъ трудѣ его совсѣмъ или отчасти не удовлетворяли. Такимъ образомъ, нѣкоторые его разборы превращались въ цѣлыя изслѣдованія. Напримѣръ, изъ его замѣтокъ о сочиненіи проф. В. Б. Антоновича по исторіи Литовско-русскаго государства образовалась цѣлая прекрасная монографія „Литовско-русское государство, условія его возникновенія и причины упадка". Такой-же характеръ самостоятельнаго глубокаго изслѣдованія предмета имѣетъ его обширный разборъ сочиненія Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія".

Всѣ работы Н. П. Дашкевича, большія и малыя, отличаются высокими достоинствами: онѣ носятъ на себѣ печать обширныхъ знаній, полной самостоятельности мышленія автора, свидѣтельствуютъ о глубинѣ и объективности изслѣдованія предмета и въ силу такихъ свойствъ надолго сохранятъ свою цѣну въ наукѣ. Въ 1906 году друзья и ученики Н. П—а, поднося ему сборникъ „Eranos", изданный въ его честь по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской дѣятельности, составили списокъ его ученыхъ трудовъ. Число ихъ тогда достигало 62 номеровъ. Въ теченіе 1907 года, не смотря на болѣзненное состояніе, онъ успѣлъ написать еще 7 работъ, которыя частью напечатаны, частью сданы въ печать. Эти работы слѣдующія: 1) Смѣна вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Русскимъ, 2) Славяно-русской Троянъ и римскій императоръ Траянъ; 3) Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ плачу Ярославны въ „Словѣ о Полку Игоревѣ"; 4) Нѣсколько словъ о Н. И. Костомаровѣ и Ѳ. М. Достоевскомъ; 5) Разборъ книги проф. Розанова „Яковъ Ленцъ" и два этюда для Сборника „Библіотека великихъ писателей": 6)

Слѣды увлеченія Байрономъ, разочарованія и сомнѣнія въ поэзіи Пушкина и 7) О „Полтавѣ“ Пушкина. Послѣдняя работа, какъ уже сказано, была написана не задолго до смерти. Но кромѣ напечатанныхъ трудовъ, отъ Н. П—а осталось не мало работъ въ рукописяхъ. Въ одной изъ предсмертныхъ своихъ бесѣдъ онъ сообщилъ мнѣ, что у него совсѣмъ обработаны для печати четыре работы: „Изслѣдованіе объ Артуровомъ эпосѣ“, монографія о Лермонтовѣ, біографія Красова и большой (въ 3-хъ томахъ) трудъ по исторіи Южной Руси. Къ этимъ работамъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ присоединить и многіе изъ его университетскихъ курсовъ. Приходится пожелать, чтобы всѣ эти изслѣдованія и курсы были изданы въ возможно скоромъ времени. Объ этомъ должны позаботиться въ равной степени нашъ Университетъ, Академія Наукъ и Общество Нестора-лѣтописца.

Такъ среди непрерывныхъ ежедневныхъ научныхъ занятій протекла вся трудовая жизнь Н. П—а. Будучи отъ природы и по характеру человѣкомъ малообщественнымъ, онъ никогда не искалъ ни широкихъ связей, ни большихъ знакомствъ, не любилъ общественныхъ собраній и развлеченій, довольствуясь общеніемъ съ небольшимъ кружкомъ близкихъ друзей и знакомыхъ. Онъ дорожилъ каждымъ часомъ, каждой минутой дня, которыя казались ему необходимыми для его научной работы и, являясь въ случаѣ крайней необходимости въ обществѣ, всегда спѣшилъ скорѣе вернуться въ свой кабинетъ, къ своимъ книгамъ. Пламенная любовь къ наукѣ развила въ немъ такую же большую, страстную любовь къ книгамъ. На скромныя профессорскія средства, нерѣдко отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ составилъ богатую библіотеку, въ которой особенно хорошо подобраны отдѣлы по исторіи западно-европейскихъ литературъ, народной поэзіи и южно-русской исторіи. Отдыхъ отъ своихъ трудовъ Н. П. находилъ въ своей семьѣ,

къ которой былъ искренно привязанъ, и въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ на принадлежащемъ ему небольшомъ клочкѣ земли въ родномъ селѣ Бежевѣ, куда онъ уѣзжалъ на каникулярное время и гдѣ его особенно радовалъ уходъ за разведенными его непосредственными трудами садикомъ и цвѣтникомъ. Здѣсь у себя на родинѣ нашъ ученый находилъ высшее наслажденіе въ созерцаніи природы, которая всегда влекла его къ себѣ. Чувство любви къ природѣ соединялось у него съ присущимъ ему возвышеннымъ поэтическимъ настроеніемъ. Усидчивыя книжныя занятія отнюдь не засушили Н. П—а. Онъ представлялъ собой поэтическую натуру. Внимательное изученіе поэтическаго творчества у разныхъ народовъ и во многихъ литературахъ не могло не вліять извѣстнымъ образомъ на складъ его міросозерцанія. Глубокій изслѣдователь романтики, онъ самъ былъ въ своей жизни и въ своихъ воззрѣніяхъ въ извѣстной степени романтикомъ. Любя все прекрасное и стремясь къ возвышенному, онъ былъ отзывчивъ на все чистое, честное, благородное. Всегда скромный и непритязательный въ жизни, онъ руководился и въ отношеніяхъ къ людямъ чувствами правдивости и доброжелательности. Онъ всегда былъ идеалистомъ. Его искренній и чистый идеализмъ находилъ свое высшее выраженіе въ сильномъ религіозномъ чувствѣ. Николай Павловичъ былъ глубоко вѣрующимъ и убѣжденнымъ христіаниномъ. Въ своей жизни онъ стремился слѣдовать великой евангельской заповѣди о любви къ Богу и ближнему и превыше всего ставилъ служеніе истинѣ и правдѣ.

Въ своихъ общихъ взглядахъ по различнымъ вопросамъ науки и жизни онъ не былъ одностороннимъ теоретикомъ, не принадлежалъ къ какому-либо направленію или опредѣленной политической партіи, а проявлялъ полную самостоятельность въ мысляхъ и сужденіяхъ, руководясь

исключительно велѣніями своего ума и сердца. Широкое образованіе и непосредственное знакомство съ проявленіями духовной жизни многихъ народовъ не позволили ему увлечься столь модными теперь космополитическими теоріями, но они же помѣшали ему сдѣлаться узкимъ націоналистомъ. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ пріобрѣтеніямъ общечеловѣческаго генія въ области мысли и искусства, онъ, однако, высоко ставилъ идею народности. На ряду съ великимъ чужимъ онъ несказанно любилъ и свое родное русское, какъ-то родную литературу, величайшихъ русскихъ поэтовъ, русскую народную поэзію. Малороссъ по происхожденію, уже съ дѣтства близко стоя къ народу, онъ былъ искренно привязанъ къ простому люду, внесъ цѣнные вклады въ изученіе малорусской исторіи, этнографіи и литературы; но онъ не раздѣлялъ тѣхъ новѣйшихъ узконаціоналистическихъ доктринъ, которыя стараются вырыть глубокую пропасть между двумя русскими народностями, и не сочувствовалъ стремленіямъ представителей этихъ доктринъ разрушить созданное вѣками единеніе великоруссовъ и малоруссовъ въ одномъ общемъ научномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на современное политическое положеніе, онъ не былъ сыномъ вѣка, умѣлъ стоять выше мелкихъ злобъ дня и ходячихъ легковѣсныхъ теорій.

Такимъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, выступаетъ передъ нами образъ почившаго нашего товарища. Какъ человѣкъ, профессоръ и ученый Н. П. въ теченіе трехъ десятилѣтій занималъ выдающееся мѣсто въ университетской семьѣ. Симпатичный обликъ этого удивительнаго человѣка долго будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его или слышавшихъ о немъ, а оставленное имъ богатое литературное наслѣдіе будетъ представлять не для одного поколѣнія обильный источникъ поученія.

„Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. XX, в. III, отд. 3.

Рѣчь А. М. Лободы.

Н. П. Дашкевичъ, какъ историкъ литературы русской и малорусской.

Съ ростомъ науки все рѣже и рѣже встрѣчаются ученые энциклопедисты, въ родѣ Ѳ. И. Буслаева, А. Н. Веселовскаго; Н. П. былъ однимъ изъ этихъ немногихъ избранныхъ, но и среди нихъ онъ выдѣлялся условіями своей научной дѣятельности: спеціализовавшись первоначально на русской исторіи и блестяще зарекомендовавъ себя здѣсь, онъ вдругъ быстро переходитъ на западно-европейскія литературы, въ короткое время выпускаетъ рядъ крупныхъ работъ по нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ свои прежнія разысканія въ области исторіи южной и западной Руси; наконецъ, обращается къ русской и украинской [1]) народной словесности и литературѣ, и послѣднія, видимо, все больше и больше начинаютъ привлекать его вниманіе; онѣ же создаютъ Н. П. наиболѣе широкую популярность, настолько, что его называютъ даже однимъ изъ наиболѣе желательныхъ преемниковъ по каѳедрѣ Буслаева въ Московскомъ университетѣ.

Это и понятно. Вѣдь литература—своего рода синтезъ жизни; въ ней найдетъ себѣ матеріалъ для работы лю-

---

[1]) Терминъ, которымъ Н. П., вслѣдъ за Буслаевымъ (ср. его ст.: „Объ эпическихъ выраженіяхъ Украинской поэзіи“), Н. И. Петровымъ и др., преимущественно пользовался сначала; еще въ 1893 г. онъ такъ озаглавилъ статью: „Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. К...аго „Москаль-чаривникъ“; но въ 1898 уже читаемъ: „Малорусская и другія бурлескныя Энеиды“..., и термины „малорусскій“, „южно-русскій“ вытѣсняютъ старый.

бой живой изслѣдователь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справится съ этимъ матеріаломъ только тотъ, кто имѣетъ незаурядную подготовку. Давно ужъ отжилъ взглядъ, по которому литературныя произведенія можно было изучать, какъ нѣчто обособленное, самодовлѣющее, и, напримѣръ, исторія русской литературы только тогда выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ, когда она опирается на русскую исторію, съ одной стороны, и международную литературную эволюцію, съ другой.

Вотъ почему та подготовка, съ которой Н. П. подошелъ къ родной ему литературѣ, оказалась какъ нельзя болѣе подходящей, и Н. П. умѣлъ ею пользоваться.

Вспомнимъ первый трудъ его въ области русской литературы, разборъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на Руси [1]). Мастерски разбираетъ онъ здѣсь лѣтописныя сказанія о названномъ богатырѣ и событіи, отдѣляетъ въ нихъ элементы историческіе и поэтическіе; сопоставляя ихъ съ позднѣйшими записями былинъ устанавливаетъ древнѣйшій видъ былевыхъ преданій объ Алешѣ Поповичѣ и затѣмъ намѣчаетъ послѣдующую эволюцію этихъ преданій подъ вліяніемъ мѣстныхъ переживаній русскаго эпоса и западно-европейскихъ воздѣйствій на него. Полнота историческаго знанія соединяется здѣсь съ обширной начитанностью въ былинной литературѣ и въ соотвѣтствующемъ матеріалѣ западномъ, умѣлый подборъ источниковъ—съ строгою критическою провѣркою ихъ, осторожность въ собственныхъ построеніяхъ—съ внимательнымъ учетомъ того, что сдѣлано другими, наконецъ, содержательность—съ сжатостью, такъ что небольшая по объему статья

---

[1]) Унив. Извѣстія 1883 г. №№ 3 и 5; Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца, III, и отд.

оказалась одной изъ наиболѣе замѣтныхъ работъ въ русской былевой литературѣ и сразу доставила Н. П. видное мѣсто среди спеціалистовъ. Съ такимъ же успѣхомъ продолжалась и его послѣдующая дѣятельность.

Историкъ по своей первоначальной подготовкѣ и симпатіямъ, которыя хранилъ всю жизнь, онъ, естественно, и въ литературныхъ работахъ чувствовалъ особое тяготѣніе къ исторической точкѣ зрѣнія, но при этомъ чуждъ былъ односторонности, исключительности. Такъ, основу и исходный пунктъ былевого эпоса Н. П. считалъ историческими, либо въ тѣсномъ смыслѣ отправленія первоначальныхъ пѣсенъ отъ того или иного историческаго лица и событія, либо въ широкомъ смыслѣ изображенія бытовой картины, имѣющей связь, хотя бы и отдаленную, съ жизнью той среды, въ которой слагается и развивается эпосъ. Но историческая или бытовая основа эпоса, продолжалъ онъ, облекается въ значительной степени въ формы шаблонныя, установившіяся отчасти на почвѣ миѳическихъ представленій и бытовыхъ переживаній (какъ о послѣднихъ говоритъ антропологическая школа), но еще болѣе—на почвѣ извѣстныхъ, въ значительной степени международныхъ традицій эпическаго творчества. Сверхъ того, въ средѣ, въ которой слагается и живетъ извѣстный эпосъ, обращаются, кромѣ историческихъ пѣсенъ, и другія сказанія въ пѣсенной, анекдотической и сказочной формѣ, заступающія мѣсто повѣствовательной литературы и представляющія то или иное соприкосновеніе съ сюжетами былевого эпоса; эти сказанія также легко могутъ проникать въ эпосъ... Наконецъ, могутъ проникать въ него и нѣкоторыя данныя изъ литературныхъ и вообще книжныхъ источниковъ, своихъ и чужихъ. Со всѣми этими условіями и составными элементами и долженъ считаться изслѣдователь былевого эпоса, обязанный вмѣстѣ съ тѣмъ принимать во вниманіе, кромѣ чисто народныхъ сказаній,

старинныя литературныя записи ихъ и отдѣльныхъ эпическихъ мотивовъ [1]).

Тѣ же особенности чувствуются и въ отношеніи Н. П. къ изящной литературѣ.

Подобно тому, какъ къ истолкованію былевого эпоса онъ подходилъ съ пріемами историка, пользующагося другими, чисто литературными методами только для того, чтобы отыскать историческую основу интересующаго его сказанія, такъ и въ изящной литературѣ подъ внѣшнимъ покровомъ тѣхъ или иныхъ литературныхъ формъ, изобразительныхъ средствъ и пріемовъ творчества искалъ онъ отраженія идейныхъ настроеній, слѣдовъ общественныхъ и историческихъ переживаній. Такъ, въ своемъ замѣчательномъ разборѣ очерковъ проф. Петрова по исторіи украинской литературы XIX в. Н. П. проводилъ тотъ взглядъ, что одной изъ важнѣйшихъ, основныхъ задачъ изученія исторіи этой литературы должно быть выясненіе національныхъ основъ и стремленій, въ кругу которыхъ она зародилась и которымъ наиболѣе обязана своимъ живымъ народнымъ содержаніемъ; литературныя произведенія о Екатеринѣ II Н. П. разсматривалъ какъ „историческіе документы суда надъ нею ея современниковъ“ [2]) въ рѣчи о Жуковскомъ намѣчалъ себѣ цѣлью поставить поэзію Жуковскаго „въ связь съ общеевропейскимъ *культурнымъ* движеніемъ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка“ (курсивъ нашъ) [3]); въ поэзіи Пушкина также особенно интересовало Н. П. именно ея идейное содержаніе, ея связь съ основными проблемами не только своего времени,

---

[1]) Цит. соч. и Разборъ сочиненія В. Ѳ. Миллера: Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса.

[2]) Литературныя изображенія императрицы Екатерины II и ея царствованія.

[3]) Кіевлянинъ, 1883 г. № 31.

но и позднѣйшаго; даже больше—„въ годы юности Пушкина", отмѣчаетъ, напримѣръ, Н. П.: „начали окончательно сказываться новыя идеи о народномъ благѣ и мечты о подведеніи нашего государства подъ тѣ западныя формы, образецъ которыхъ представляли Франція и Англія, и вообще уже тогда выникъ цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ, которые ставилъ постоянно и потомъ весь XIX вѣкъ до нашихъ дней включительно. Они предстаютъ намъ съ неотразимою настоятельностію и теперь, когда анархія идей опять охватила многіе умы и достигла чрезвычайной силы, и въ высшей степени интересно взглянуть, какъ отнесся къ нимъ умнѣйшій человѣкъ въ Россіи того времени, по мнѣнію имп. Николая I, человѣкъ, утрата котораго была незамѣнима, по выраженію Мицкевича" [1]).

Но и здѣсь онъ не упускалъ изъ виду, что „въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній должно различать *свое,* какъ индивидуальное и національное, и *чужое,* какъ инородное либо вообще международное.

Проблема сочетанія своего съ чужимъ возникла, вѣроятно, уже съ древнѣйшихъ временъ,... но никогда литературное взаимодѣйствіе не принимало такихъ размѣровъ, какъ въ новое время, преимущественно съ XVIII столѣтія и съ эпохи новой романтики.

Съ той поры принятіе и усвоеніе лучшихъ результатовъ умственной дѣятельности и литературныхъ направленій и формъ, выработанныхъ другими народами, стало постояннымъ и рѣзко замѣтнымъ фактомъ исторіи и неизбѣжнымъ условіемъ болѣе широкаго и многосторонняго народнаго развитія" [2]).

---

[1]) А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени, стр. 43 отд. оттиска.

[2]) Пушкинъ, стр. 2, 46.

Вслѣдствіе этого, изученіе литературы вообще возможно лишь при посредствѣ сравнительно-историческомъ, и въ частности исторія новой русской литературы мыслима и понятна только въ самой тѣсной органической связи съ литературами Запада.

Такъ именно и изучалъ ее Н. П., не увлекаясь простымъ нанизываніемъ параллелей, но стремясь къ своей конечной цѣли—разрѣшить „проблему сочетанія въ ней своего съ чужимъ", показать, какъ въ горнилѣ мірового обмѣна идей и формъ вырабатывались новые, оригинальные сплавы.

Въ поэзіи Жуковскаго онъ намѣчалъ точки соприкосновенія съ западно-европейскимъ романтизмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „интересный процессъ сліянія западной романтики съ основами русскаго консерватизма", настроеніе „святой Руси" нашихъ среднихъ вѣковъ подъ оболочкой позднѣйшей, чужеземной [1]).

Обращаясь къ Лермонтову, Н. П. доказывалъ „что разсмотрѣніе отношеній его поэзіи къ западно-европейскимъ литературамъ важно не менѣе выясненія національной и личной основы ея", и далъ исчерпывающій общій перечень тѣхъ писателей Запада, съ которыми несомнѣнно знакомство Лермонтова, а затѣмъ детально разобралъ „Демона" въ связи съ его предшественниками съ одной стороны и личными настроеніями поэта съ другой [2]).

Задача статьи о Пушкинѣ—установить „исходный пунктъ поэзіи его—литературныя и другія идеи Запада, выработанныя XVIII вѣкомъ и началомъ XIX-го", и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣнить также самобытность его, проявлявшуюся какъ въ самомъ

---

[1]) Романтика на западѣ и въ поэзіи Жуковскаго, Кіевлянинъ, 1883 г. №№ 31—32.

[2]) Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова, Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца, VI—VII.

присвоеніи чужого, такъ и въ постепенномъ, все большемъ и большемъ подчиненіи этого чужого родному. Шагъ за шагомъ сопоставляя Пушкина съ главнѣйшими „властителями думъ“ европейскаго общества конца XVIII в. и начала XIX в., Н. П. вскрываетъ предъ читателями, какъ нашъ поэтъ откликался на всѣ важнѣйшіе вопросы, волновавшіе его современниковъ, уже съ юности проникся почти всѣми интересами міровой поэзіи новаго времени и рано стремился стать на ея высотѣ, но не былъ ея рабомъ, а лишь свободнымъ испытателемъ тайнъ ея и конечное пристанище для задушевныхъ помысловъ и „трудовъ“ нашелъ въ родной землѣ—въ вѣрѣ въ духовность человѣка и въ высокій жребій того народа, изъ среды котораго вышелъ самъ [1]).

Въ частности, характеризуя затѣмъ „отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина“, Н. П. пришелъ къ заключенію, что „нашъ поэтъ, хотя и увлекался Байрономъ, не былъ, какъ мощный геній, прямымъ послѣдователемъ и подражателемъ британскаго поэта, а лишь сошелся съ послѣднимъ преимущественно въ видномъ и яркомъ выдѣленіи явленія, которое было обще русской жизни и поэзіи съ западноевропейской отчасти подъ вліяніемъ сходныхъ причинъ. Настроеніе „современнаго человѣка“ онъ передалъ въ цѣломъ рядѣ лирическихъ и эпическихъ произведеній, иногда напоминая Байрона, но всякій разъ оригинально и красиво, на свой ладъ“ [2]).

Не менѣе, по мысли Н. П., связанъ съ Западомъ и тотъ, кого до послѣдняго времени обыкновенно разсматривали лишь съ точки зрѣнія отраженія русской дѣйствительности,—Н. В. Гоголь. Не даромъ впервые со всею отчетливостью начала выяснять его значеніе критика иностранная,

---

[1]) Пушкинъ, 30, 173 и др.

[2]) Сочиненія Пушкина, изд. Брокгауза-Ефрона, т. II, 449.

обладавшая бо́льшимъ запасомъ данныхъ для сравненія и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ наша отечественная. Томимый „жаждой знать душу человѣка", почерпнуть въ такомъ познаніи опредѣленіе добра, котораго алкала его душа, и обрести смыслъ человѣческой жизни, Гоголь искалъ опоры въ романтизмѣ. Романтическое настроеніе, какъ еще болѣе романтическая поэтика, оставили замѣтный слѣдъ въ его произведеніяхъ, но не оторвали его отъ дѣйствительности, что нерѣдко бывало у другихъ романтиковъ, а только привели къ просвѣтленію и углубленію ея. Въ этомъ соединеніи высокаго идеализма съ психологизмомъ и натурализмомъ и заключается особенность Гоголя, сдѣлавшая его „однимъ изъ обновителей искусства въ XIX в., какъ въ XIV ст. таковыми были Боккачьо и Чоусеръ, а въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го Шекспиръ и Сервантесъ" [1]).

Подобнымъ же образомъ изучалъ Н. П. и малорусскую литературу [2]), вводя ее въ широкую рамку общеевропейскаго движенія,—непосредственно, какъ то мы видимъ въ разборѣ „Москаля-чаривника" или черезъ посредство литературъ польской и русской; указаніемъ этихъ историко-литературныхъ связей малорусской литературы дѣло изученія послѣдней было поставлено на строго научный путь и намѣчены были основные факторы исторіи ея. Но и здѣсь Н. П. не ограничивался подведеніемъ произведеній подъ тѣ или иные общеевропейскія теченія: такъ, напримѣръ, исторія сюжетовъ „Москаля-чаривника" и „Энеиды" Котляревскаго

[1]) Значеніе мысли и творчества Гоголя и Романтическій міръ Гоголя (Чтенія И. О. Н.-л. XVI и XIX, в. 1).

[2]) Отзывъ о сочиненіи Н. И. Петрова: „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст."; Вопросъ о литер. источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-чаривникъ"; Малорусскія и другія бурлескныя Энеиды.

сопровождается оттѣненіемъ и того новаго, что внесъ Котляревскій въ заимствованныя имъ схемы: здороваго, высокаго юмора, гуманности, народныхъ началъ и „просвѣщеннаго вниканія въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государства".

Къ сожалѣнію, не все въ этихъ разысканіяхъ успѣлъ Н. П. довести до конца, что объяснялось отчасти сложностью занятій его, отчасти характеромъ его работы и темпераментомъ.

При всей своей поразительной эрудиціи и начитанности, Н. П. отличался еще большей требовательностью и мнительностью, какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ. Научное изслѣдованіе, по мнѣнію его, прежде всего должно представлять своего рода провѣрку сдѣланнаго ранѣе, должно охватывать весь наличный матеріалъ, и не одна его работа откладывалась до поры-до времени, потому ли, что появилась новая книга, съ которой надо было еще посчитаться, или потому, что не всѣ еще собраны были необходимыя справки. Оригиналы Н. П. всегда бывали испещрены помарками, вставками, передѣлками; не разъ случалось, что вполнѣ законченная статья вдругъ перерабатывалась чуть не заново,—и при всемъ этомъ Н. П. рѣдко оставался доволенъ своими трудами, первый усматривалъ въ нихъ недочеты и съ болѣзненной мнительностью прислушивался къ замѣчаніямъ другихъ.

Съ другой стороны, это не былъ ученый, замыкавшійся въ тѣсную рамку нѣсколькихъ излюбленныхъ вопросовъ; онъ никогда не уклонялся отъ того, что считалъ своимъ долгомъ, и одной изъ главнѣйшихъ обязанностей профессора литературы считалъ откликаться на всѣ выдающіяся явленія нашей литературной жизни.

Столѣтняя годовщина дня рожденія Жуковскаго (1883 г.), смерть Тургенева (1883 г.), тысячелѣтіе славянскихъ перво-

учителей (1885 г.), пятидесятилѣтіе смерти Пушкина (1887 г.), затѣмъ Лермонтова (1891 г.), смерть Аполлона Майкова (1897 г.), столѣтіе „Энеиды“ Котляревскаго (1898 г.), столѣтіе дня смерти императрицы Екатерины II (1896 г.) и столѣтіе рожденія Пушкина (1899 г.), наконецъ, пятидесятилѣтія смерти Гоголя и Жуковскаго (1902 г.)—вотъ длинный перечень событій, на которыя Н. П. такъ или иначе откликнулся, рѣчами или цѣлыми изслѣдованіями. Особенно памятно его участіе въ чествованіи предпослѣднихъ двухъ юбилеевъ. Плодомъ перваго изъ нихъ была замѣчательная статья о Пушкинѣ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени, одна изъ лучшихъ въ богатой юбилейной Пушкинской литературѣ; при второмъ Н. П. являлся главнымъ организаторомъ и вдохновителемъ всѣхъ юбилейныхъ начинаній при Обществѣ Нестора-лѣтописца и Университетѣ; по мысли Н. П. предполагалось дать рядъ публичныхъ лекцій о Гоголѣ, въ день юбилея устроить торжественное засѣданіе съ выставкой, издать юбилейный сборникъ. Засѣданіе не было разрѣшено въ виду тревожнаго времени, но лекціи и сборникъ состоялись, и послѣдній также занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Гоголевской литературѣ; къ сожалѣнію, самъ редакторъ его не успѣлъ закончить своихъ этюдовъ о Гоголѣ и дать нѣчто цѣльное, въ родѣ статей о Пушкинѣ или Лермонтовѣ.

Памятуя такъ о корифеяхъ нашей литературы, Н. П., конечно, былъ совершенно чуждъ какого-бы то ни было „казеннаго“ отношенія къ нимъ; сознаніе важности событія—вотъ что прежде всего вдохновляло его. „Смыслъ юбилейныхъ воспоминаній въ томъ именно и состоитъ“, писалъ Н. П.: „что они содѣйствуютъ установленію болѣе или менѣе зрѣлыхъ сужденій, невозможныхъ въ большинствѣ случаевъ для современниковъ и вообще людей, близкихъ по времени къ тому или иному дѣятелю или явленію, и самымъ отдаленіемъ перспективы уясняютъ общее, вѣковое

значеніе поминаемыхъ личностей и событій, способствуютъ подведенію общихъ итоговъ и тѣмъ безконечно расширяютъ горизонты нашей мысли". Но кромѣ того и не меньше того, Н. П. руководила теплая любовь и признательность впечатлительнаго читателя къ источникамъ его высокаго наслажденія. Достаточно просмотрѣть литературныя цитаты его, чтобы убѣдиться, какъ читалъ онъ, съ какою любовью умѣлъ уловить каждый оттѣнокъ мысли писателя, его особенность, какъ хорошо и много помнилъ: наши писатели, видимо, были настольною книгою его.

Глубокая любовь къ русской литературѣ, гордость ею, какъ великимъ національнымъ достояніемъ, видны во всѣхъ работахъ Н. П.; но и къ литературѣ украинской не оставалось холоднымъ его сердце. Котляревскому онъ ставитъ въ заслугу, что тотъ въ пьесу „Москаль-чаривникъ" „ввелъ и такой вопросъ, серьезный и глубоко захватывавшій тогда и потомъ украинцевъ, мыслившихъ и дорожившихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ, составившихъ великое русское государство. Въ немногихъ сценахъ, въ которыхъ солдатъ-постоялецъ сталкивается со своими хозяевами—украинцами, проведена весьма отчетлива идея необходимости взаимнаго уваженія и равноправности, долженствующая устранить племенную рознь и высокомѣрное отношеніе къ „хохламъ" и устроить надлежащій modus vivendi" [1]). И позднѣе, въ 1898 году, Н. П. писалъ: „малорусская литература уже не бѣдна талантами въ Россіи и также въ Галичинѣ, имѣющей такого писателя, какъ Франко, и находится на пути къ выработкѣ изъ себя литературы, не только удовлетворяющей требованіямъ ограниченной среды и чисто народнаго

[1]) Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго „Москаль-чаривникъ", 1893 г. стр. 29 оттиска.

вкуса, но и достигающей высокаго эстетическаго и соціальнаго подъема и становящейся всенародною, что видимъ въ Галичинѣ и отчасти въ Буковинѣ“ [1]).

Темныхъ явленій въ литературѣ Н. П., конечно, не скрывалъ, но не любилъ распространяться о нихъ и къ т. н. „развѣнчиваніямъ“, „разоблаченіямъ“, основаннымъ на одностороннемъ подчеркиваніи какихъ-либо отдѣльныхъ чертъ, относился отрицательно; наоборотъ, свѣтлыя стороны онъ любилъ и умѣлъ представить особенно рельефно и даже эффектно. Такъ, напримѣръ, онъ разбиралъ „Энеиду“ Котляревскаго, оспаривая взглядъ на нее, какъ на повтореніе грубой пародіи Осипова, и выдвигая въ ней иные, болѣе высокіе элементы; „сатиризмъ Котляревскаго“, писалъ онъ: „исполненъ грандіозной мысли: онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ „Похвалы глупости“ Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и вообще къ концепціи великихъ сатириковъ“ [2]). Или, въ другомъ мѣстѣ, касаясь толковъ о „непостоянствѣ“ взглядовъ и убѣжденій Пушкина, Н. П. отмѣчаетъ, что и „суровый“ Данте „также въ молодости былъ не чуждъ недостойныхъ его увлеченій, не оставался до конца вѣренъ всѣмъ идеямъ своей юности, въ томъ числѣ и политическимъ, и отъ сомнѣній взошелъ къ ясной и глубокой вѣрѣ... И Шекспиръ былъ кипучъ и страстенъ въ годы молодости“, также пережилъ періодъ разлада съ жизнью, но „затѣмъ взошелъ къ такой ясности духа и къ такому примиренію съ дѣйствительностью, какія находимъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ и которыя сообщаютъ „Бурѣ“ прелесть роскошной вечерней зари послѣ чуднаго лѣтняго дня“. Такіе пере-

---

[1]) Малорусская и другія бурлескныя Энеиды, 1898 г., стр. 3 отд. оттиска.

[2]) Ibid., стр. 43.

ломы—обычное свойство великихъ мыслителей-поэтовъ, которыхъ нѣмцы называютъ führende Geister, путеводными умами, потому, что они не слагаются сразу, а вырабатываютъ постепенными усиліями своего духа мощное идейное содержаніе; относиться къ подобнымъ переломамъ „съ недовѣріемъ или пренебреженіемъ“ способны только „тѣ люди, которые желали бы отъ другихъ нравственной высоты сразу, либо тѣ, для которыхъ не представляютъ особаго интереса и цѣны послѣдовательныя стадіи развитія много вдумчивой личности и которые слагаютъ довольно скоро свое міросозерцаніе безъ мучительной борьбы, такъ какъ для нихъ все рѣшается модньмъ вѣяніемъ, увлекающимъ ихъ за собою въ года ихъ молодости“ [1]).

Такъ отъ исторіи и западно-европейскихъ литературъ переходилъ Н. П. къ роднымъ литературамъ, и работалъ онъ здѣсь „не за страхъ, а за совѣсть“, сдержанный въ наружномъ безстрастіи ученаго, но полный внутренняго огня. Онъ вѣрилъ, что жизнь немыслима внѣ національныхъ основъ, но зналъ также, что истинный національнизмъ не въ исключительности, а въ примиреніи „своего“ съ „чужимъ“. Съ трепетомъ сердца неизмѣнно искалъ онъ этого примиренія и, перефразировавъ слова Жуковскаго, могъ бы сказать: жизнь и наука—одно.

---

[1]) Пушкинъ, стр. 29

Рѣчь И. В. Шаровольскаго.

Н. П. Дашкевичъ, какъ ученый и преподаватель.

Встрѣчаются люди, которые какъ будто самой природой предназначены къ научной дѣятельности: сильная память, блестящій даръ комбинацій, тонкое критическое чутье, самоотверженная любовь къ наукѣ, необыкновенная усидчивость—таковы тѣ качества, которыми они отличаются и которыя даютъ имъ возможность быстро усвоить добытые научнымъ изслѣдованіемъ результаты, затѣмъ приступить къ самостоятельной продуктивной работѣ и занять выдающееся мѣсто въ научномъ мірѣ. Къ типу такихъ личностей принадлежалъ и незабвенный мой учитель, память котораго мы чествуемъ сегодня.

Достаточно взглянуть на списокъ трудовъ покойнаго Н. П., приложенный къ изданному въ память его тридцатилѣтняго юбилея сборнику Eranos (Кіевъ 1906), чтобы понять, сколь выдающагося ученаго мы потеряли въ его лицѣ. Шестьдесятъ слишкомъ нумеровъ этого списка посвящены изслѣдованію различныхъ областей историческаго вѣдѣнія: княженіе Даніила Галицкаго, сказаніе о св. Граалѣ, Литовско-русское государство, провансальское знатное общество и трубадурки, Пушкинъ, Гете, русскій былевой эпосъ и народныя сказанія о животныхъ и т. д., и т. д.—короче, онъ работалъ одновременно въ трехъ областяхъ—русской исторіи и западной и русской литературы. Замѣчу, что упомянутые шестьдесятъ нумеровъ не исчерпываютъ количества его работъ: отличаясь необыкновенной научной добросовѣстностью, Н. П. отлагалъ печатаніе цѣлаго ряда

готовыхъ трудовъ, считая ихъ все еще недостаточно обработанными. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что въ его литературномъ наслѣдіи найдется еще нѣсколько работъ, которыя займутъ мѣсто на ряду съ лучшими его изслѣдованіями. Но не только разносторонность и многочисленность трудовъ поражаютъ насъ при разсмотрѣніи научной дѣятельности Н. П., мы не менѣе удивляемся и ихъ достоинствамъ. Когда вы читаете его книгу, вамъ рѣзко бросается въ глаза существенная особенность, именно: обиліе фактовъ, привлекаемыхъ для выясненія того или иного положенія; оно ясно доказываетъ богатую память автора и его широкую эрудицію. Особенно отличался Н. П. огромными познаніями въ области библіографіи не только по своей спеціальности, но также исторіи русской и славянской литературъ. Кажется, ни одна новинка въ этой колоссальной области не оставалась для него неизвѣстной; онъ выработалъ особую систему собиранія библіографическаго матеріала, лучшія работы пріобрѣталъ и, благодаря всему этому, всегда стоялъ на уровнѣ современнаго научнаго знанія.

Но одной памяти мало для того, чтобы занять мѣсто въ числѣ выдающихся ученыхъ: эта способность нашего духа можетъ дать намъ лишь знаніе фактовъ, но обработка ихъ и сооруженіе научнаго зданія требуютъ еще творческаго дара и критическаго таланта. Оба эти качества были присущи Н. П. въ высокой степени и нашли свое отраженіе въ его трудахъ. Я не стану вдаваться въ разборъ этихъ послѣднихъ для подтвержденія высказанной сейчасъ мысли—это увлекло бы насъ слишкомъ далеко,—а сошлюсь на одинъ фактъ: лучшимъ доказательствомъ въ данномъ случаѣ служитъ то обстоятельство, что Императорская Академія Наукъ, высшее научное учрежденіе въ Россіи, издавна поручала Н. П. оцѣнку работъ, представленныхъ на соисканіе премій, затѣмъ избрала его своимъ членомъ-кор-

респондентомъ и, наконецъ, въ прошедшемъ году—ординарнымъ академикомъ.

Если Н. П. создалъ многочисленные труды въ разнообразныхъ областяхъ, если онъ занялъ выдающееся мѣсто въ ученомъ мірѣ, то этимъ онъ обязанъ не только прирожденнымъ качествамъ своего духа и своимъ богатымъ дарованіямъ, но также полной самоотверженія любви къ наукѣ и необыкновенной усидчивости, которую онъ выработалъ въ себѣ. Чуждаясь развлеченій и обычной житейской суеты, онъ находилъ въ научной работѣ высшую отраду и благороднѣйшую цѣль жизни; эта работа была ему необходима, какъ воздухъ. Мнѣ никогда не забыть тѣхъ дорогихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжкихъ минутъ, которыя приходилось переживать въ послѣдніе два мѣсяца при посѣщеніи Н. П. Уже смерть тогда осѣнила его своимъ крыломъ, онъ чувствовалъ ея приближеніе, неоднократно говорилъ о своемъ близкомъ концѣ; но и въ эти полные глубокаго трагизма моменты благородный энтузіазмъ къ наукѣ не покидалъ его; этотъ энтузіазмъ проявлялся не только въ мечтахъ о томъ, какъ онъ, если только Господу будетъ угодно продлить его дни, отпечатаетъ свои сочиненія, „наводнитъ своими трудами академическія изданія“, какъ любилъ онъ выражаться, но и непосредственно въ самой научной работѣ, поглощавшей послѣднія его силы: въ декабрѣ, за три недѣли до смерти, уже совершенно ослабѣвъ и едва имѣя возможность держать перо въ рукахъ, онъ продолжалъ еще писать свой послѣдній трудъ о „Полтавѣ“ Пушкина, въ которомъ помимо широкой эрудиціи нашелъ отраженіе полный оригинальности взглядъ на основную идею этого произведенія.

Безкорыстная любовь Н. П. къ наукѣ сказалась также и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ печаталъ свои труды, за немногими исключеніями, въ изданіяхъ, не платящихъ гонорара. Ясно, что исканіе истины само по себѣ являлось для

него высшей наградой. Поэтому Н. П. былъ ученымъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Научная дѣятельность покойнаго неразрывно связана съ педагогической. Приступая къ характеристикѣ Н. П., какъ преподавателя, нельзя пройти молчаніемъ одного чрезвычайно важнаго факта. Покойный не принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые думаютъ, что цѣль ихъ— исключительно чистая наука, и на этомъ основаніи считаютъ себя въ правѣ небрежно относиться къ преподаванію. Н. П. пропускалъ лекціи чрезвычайно рѣдко, когда болѣзнь или какія-либо исключительныя обстоятельства удерживали его дома. Столь строгое исполненіе обязанностей преподавателя вытекало у него не только изъ чувства долга, но и изъ любви къ дѣлу. Онъ любилъ русскую молодежь и въ просвѣщеніи ея видѣлъ высшую, благороднѣйшую цѣль жизни. Помнится мнѣ характерный въ этомъ отношеніи фактъ. Когда распространился въ университетѣ слухъ, что исполнилось 25 лѣтъ профессорской дѣятельности Н. П., многочисленная толпа студентовъ наполнила его аудиторію, ему былъ поднесенъ адресъ и сказано привѣтственное слово. Н. П. былъ чрезвычайно растроганъ не могъ сразу отвѣчать, но затѣмъ началъ. Его прекрасная рѣчь, произнесенная прерывающимся отъ волненія голосомъ, запала мнѣ въ душу. Прошло уже не мало лѣтъ съ тѣхъ поръ, но его слова и до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ; онъ говорилъ о томъ, что ему дорогъ привѣтъ студентовъ, что онъ посвятилъ свою жизнь служенію студенчеству, что онъ въ душѣ навсегда остался студентомъ, что исполненіе лучшихъ завѣтовъ студенчества всегда было для него идеаломъ.

Смотря высоко на дѣятельность преподавателя, Н. П. прилагалъ много труда къ обработкѣ своихъ лекцій, и не только въ началѣ своего педагогическаго поприща: еще въ прошломъ году онъ высказывался, что надъ лекціей про-

ежиналъ обыкновенно три-четыре часа и понятно почему; я уже говорилъ, что Н. П. чрезвычайно тщательно слѣдилъ за литературой своего предмета; поэтому курсъ, читанный имъ года два-три назадъ, казался ему устарѣлымъ: отдѣльныя подробности и цѣлыя главы перерабатывались или даже замѣнялись новыми. „Я никогда не повторяю однѣхъ и тѣхъ же лекцій", не рѣдко говорилъ онъ. Его лекціи стояли всегда на уровнѣ современнаго научнаго знанія; каждая новинка, появившаяся за нѣсколько мѣсяцевъ, порой даже недѣль, до его лекціи, уже имѣла вліяніе на ея обработку.

Н. П. читалъ обыкновенно два курса: общій обзоръ исторіи западно-европейскихъ литературъ и какой-нибудь отдѣльный вопросъ изъ той-же области, эстетики, сравнительной поэтики или психологіи творчества. Что касается перваго курса, то онъ охватывалъ западно-европейскія литературы отъ ихъ начала до первой четверти XIX вѣка включительно. Этотъ огромный матеріалъ Н. П. умѣлъ изложить въ теченіе четырехъ семестровъ, располагая всего четырьмя часами въ недѣлю. Планъ изложенія былъ таковъ. Исторію литературы среднихъ вѣковъ, когда еще не успѣли вполнѣ выразиться національныя черты отдѣльныхъ народовъ, онъ разсматривалъ по рубрикамъ: литература церкви, народная словесность и литература рыцарства и буржуазіи. Литература новаго времени была излагаема по теченіямъ: остановившись на томъ или иномъ явленіи (напр., ренессансѣ, романтизмѣ и т. п.), онъ выяснялъ, гдѣ и какъ оно зарождалось, какъ перешло отъ одного народа къ другому, какія принимало при этомъ формы, для того, чтобы перейти къ слѣдующему по времени явленію и поступить съ нимъ также.

Излагалъ Н. П. исторію литературы строго научно. Если принять во вниманіе, что онъ располагалъ чрезвычайно небольшимъ временемъ, то станетъ вполнѣ понятно, что при научности его курсъ отличался сжатостью. Вотъ

почему онъ былъ доступенъ не для всякаго: случайно забредшій въ его аудиторію слушатель чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ; но зато студенты, занимавшіеся подъ руководствомъ Н. П., получали ясное представленіе о современномъ состояніи науки.

Инымъ характеромъ отличались курсы по отдѣльнымъ вопросамъ. Они были разсчитаны на болѣе широкій кругъ слушателей. Ихъ темы, въ выборѣ которыхъ Н. П. былъ такой мастеръ, касались интереснѣйшихъ вопросовъ литературы, эстетики и пр. Излагались они ясно и общедоступно. Поэтому спеціальные курсы Н. П. пользовались широкой популярностью среди студентовъ.

Что касается внѣшней стороны лекцій, то онѣ не поражали внѣшнимъ блескомъ и эффектами декламаторскаго искусства: ихъ авторъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя приносятъ въ жертву красному словцу содержаніе, порой прикрывая имъ пустоту послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, лекціямъ Н. П. нельзя отказать въ изяществѣ: онѣ отличались законченностью и нерѣдко художественной обработкой; излагались онѣ оригинальнымъ стилемъ, отличавшимся своей сжатостью и силой.

Лекціями не ограничивалась педагогическая дѣятельность Н. П.: онъ руководилъ еще практическими занятіями. Какъ и теоретическіе курсы, они распадались на два вида: чтеніе памятниковъ западно-европейскихъ литературъ и разборъ студенческихъ рефератовъ. Занятія перваго рода ввелъ Н. П., исходя изъ совершенно справедливаго воззрѣнія, что чтеніе типичныхъ отрывковъ произведенія можетъ дать о немъ гораздо болѣе ясное представленіе, чѣмъ самыя яркія характеристики, и должно лечь въ основу изученія литературы. Поэтому, излагая теоретическій курсъ, Н. П. параллельно знакомилъ слушателей съ разсматриваемыми памятниками непосредственно, путемъ чтенія ихъ отрывковъ

въ оригиналѣ. Конечно, активное участіе въ такихъ занятіяхъ принимали немногочисленные слушатели, которые понимали ихъ значеніе и обладали знаніемъ западныхъ языковъ. Но зато широкую популярность снискали другого рода практическія занятія, которыя велись подъ руководствомъ Н. П., именно: разборъ студенческихъ рефератовъ. Н. П. выбиралъ для нихъ чрезвычайно интересныя темы, главнымъ образомъ изъ исторіи литературы и эстетики XIX вѣка, и, обладая огромными свѣдѣніями въ области любимыхъ дисциплинъ, умѣлъ указать пособія примѣнительно къ познаніямъ и вкусамъ каждаго. Благодаря этому, названныя занятія возбуждали всеобщій интересъ и въ числѣ лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, можно было видѣть представителей различныхъ спеціальностей: не только филологъ, но и математикъ, и медикъ, и юристъ несли къ Н. П. плоды своихъ работъ въ области исторіи литературы и эстетики, чтобы насладиться бесѣдой съ нимъ и услышать его авторитетное мнѣніе. По поводу прочитаннаго происходилъ обмѣнъ мнѣній, переходившій часто въ ожесточенный споръ. Порой Н. П. считалъ нужнымъ вмѣшаться, чтобы дать надлежащее направленіе бесѣдѣ, поддержать того или иного изъ спорившихъ, развить или опровергнуть какое-либо положеніе, и здѣсь-то со всей силой обнаруживались его огромныя познанія и необыкновенная начитанность въ разнообразныхъ областяхъ. Особенно это сказывалось, когда приходилось касаться широкаго вопроса, требовавшаго для своего рѣшенія привлеченія возможно бо́льшаго количества фактовъ; тогда всѣмъ становилось ясно, что Н. П. былъ знакомъ съ результатами научной работы не только въ историческихъ наукахъ, но также философскихъ и естественныхъ. Я думаю, что этой широтѣ своихъ познаній онъ и обязанъ тѣмъ обаяніемъ, которое влекло къ нему пытливыхъ, жаждущихъ истины молодыхъ людей

разнообразныхъ спеціальностей. По прекращеніи дебатовъ Н. П. имѣлъ обыкновеніе высказывать свое сужденіе о прочитанной работѣ, при чемъ приговоръ его отличался всегда чрезвычайной строгостью; это уязвляло самолюбіе нѣкоторыхъ изъ его референтовъ, и они удалялись обиженные. Н. П. зналъ это, но никогда не хотѣлъ поступиться своимъ методомъ: онъ говорилъ, что производить оцѣнку научной работы, руководясь идеальной нормой, потому что лишь такая норма приложима въ наукѣ. Тѣмъ выше стоялъ зато Н. П. въ глазахъ тѣхъ слушателей, которые его понимали.

Окидывая общимъ взоромъ дѣятельность Н. П., какъ ученаго и преподавателя, приходится сказать, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ высокихъ, благородныхъ личностей, которыя умѣютъ уберечь себя отъ матеріализма дѣйствительности и посвятить всю свою жизнь служенію одной великой идеѣ. Такой идеей для покойнаго Н. П. было неустанное безкорыстное исканіе истины; оно было для него путеводной звѣздой въ научной работѣ и въ педагогической дѣятельности.

Миръ праху твоему, благородный ученый и дорогой незабвенный наставникъ! Тебя уже нѣтъ среди насъ, но воспоминаніе о тебѣ будетъ всегда жить въ сердцахъ твоихъ друзей, учениковъ и читателей оставленныхъ тобою многочисленныхъ трудовъ!

Рѣчь И. М. Каманина.

Важнѣйшіе труды Н. П. Дашкевича по южно-русской исторіи.

Великій завѣтъ Гёте:

Образъ достойныхъ свято храни!

Такъ началъ Н. П. свой юбилейный трудъ, посвященный памяти Гоголя. Такъ начнемъ и мы свое сегодняшнее чтеніе, посвящая его памяти нашего „*достойнаго*“ Н. П. и обозрѣнію его историческихъ трудовъ.

Еще на студенческой скамьѣ, Н. П. проявилъ ту огромную даровитость, тѣ широкія знанія и ту настойчивость въ трудѣ, какими онъ отличался до послѣднихъ дней своей жизни. Товарищи тогда же отмѣтили его, какъ будущаго ученаго. Въ то время историко-филологическій факультетъ, бѣдный научными силами, лишь началъ пополняться; до того многія каѳедры оставались безъ профессоровъ. Въ годы же нашего студенчества вступилъ на каѳедру русской исторіи и В. В. Антоновичъ. Онъ сразу привлекъ къ себѣ симпатіи своихъ учениковъ, призвавъ ихъ къ научной самостоятельной работѣ. Часть студентовъ работала подъ его руководствомъ надъ лѣтописями, записками современниковъ и прочими памятниками древнѣйшаго періода русской исторіи; другая часть занялась разработкой южно-русской исторіи XVII—XVIII вв. по рукописнымъ матеріаламъ Центральнаго Архива. Н. П. принадлежалъ къ той части молодежи, которая предпочла древнѣйшій періодъ. Вскорѣ проф. Антоновичемъ была предло-

жена тема на медаль: „Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ источникамъ". Н. П. выбралъ эту тему для своей первой научной работы, которую и исполнилъ блестяще. Сочиненіе было удостоено золотой медали и напечатано въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ". Мы предполагали видѣть въ Н. П. будущаго историка.

Но широкій умственный кругозоръ не позволилъ ему ограничиться узкими предѣлами мѣстной исторіи. Пытливость влекла его въ безбрежное море общечеловѣческой жизни; онъ стремился познать идеалы человѣчества, насколько выразились они въ произведеніяхъ литературы. Онъ хотѣлъ видѣть въ своемъ живомъ представленіи „народы, вѣки и державы", и предметомъ своихъ новыхъ работъ избралъ исторію всеобщей литературы, въ области которой работалъ съ такимъ же выдающимся успѣхомъ, какъ и по южно-русской исторіи.

Занятіе Н. П. каѳедры исторіи литературы не ослабило его интереса и къ южно-русской исторіи, по которой онъ и выпустилъ рядъ цѣнныхъ трудовъ. Остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ. Первый: „Княженіе Даніила Галицкаго", мы уже назвали. Н. П. разсматриваетъ это княженіе съ его, такъ сказать, внутренней стороны, наблюдаетъ жизнь Галицко-Волынской земли, какъ общественнаго организма, и въ этой жизни опредѣляетъ роль князя Даніила, какъ главнаго дѣятеля государственнаго прогресса. Съ этой цѣлью Н. П. обрисовываетъ состояніе культуры Юго-Западной Руси, отмѣчаетъ реформы, совершенныя въ политическомъ строѣ кн. Даніиломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбу, которую тотъ выдержалъ за развитіе самостоятельности своего княжества. Личное отношеніе Н. П. къ своему герою точно опредѣлилось во взятомъ имъ эпиграфѣ изъ Ипатской лѣтописи: „Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый".

Вся работа Н. П. проникнута любовью къ предмету изслѣдованія, любовью, доходящею даже до увлеченія. Н. П. видитъ въ князѣ Даніилѣ самую замѣчательную русскую личность XIII в., затмѣвающую собою даже знаменитаго Александра Невскаго, и выдѣляетъ его вообще, какъ одного изъ самыхъ видныхъ русскихъ политическихъ дѣятелей, борцовъ за народъ и вождей его въ трудныя минуты. Изслѣдованіе Н. П. о Даніилѣ Галицкомъ, не смотря на протекшія 35 лѣтъ со времени выхода его въ свѣтъ, остается единственнымъ, если не считать общихъ историческихъ курсовъ, трактующихъ, между прочимъ, и о кн. Даніилѣ Галицкомъ.

Обстоятельное изученіе Н. П. источниковъ древней русской исторіи, и въ частности важнѣйшей въ жизни Юго-Западной Руси эпохи XIII в., имѣло слѣдствіемъ появленіе другихъ работъ, касающихся той же эпохи.

Излагая княженіе Даніила Галицкаго, Н. П. не могъ обойти вниманіемъ и его борьбы съ такъ называвшимися въ лѣтописи болоховскими князьями, о которыхъ встрѣчаются лишь отрывочныя и неопредѣленныя упоминанія; даже территорія ихъ не могла быть опредѣлена точно. Н. П. сразу чутьемъ угадалъ, что Болохово стояло во главѣ какого-то особаго общественнаго движенія, котораго не могъ преодолѣть Даніилъ Галицкій, и загадочность этого движенія побудила Н. П. заняться его изученіемъ.

Результатомъ этого новаго изслѣдованія явился его докладъ о Болоховской землѣ на III-мъ Археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1874 году. Изученіе Болоховской территоріи, ея князей, не принадлежавшихъ къ Рюриковичамъ и не выдѣлявшихся изъ массы населенія, враждебныя отношенія этихъ князей къ Галицкимъ и дружественныя къ Татарамъ,—все это дало основаніе Н. П. сдѣлать выводъ, что въ Болоховскомъ населеніи явно обнару-

живается стремленіе возстановить у себя старинный порядокъ, существовавшій у славянъ, дѣлившихся на общины, съ выборными князьями во главѣ, обнаруживается стремленіе къ общинной жизни и самоуправленію, которое такъ ярко проглядываетъ въ позднѣйшемъ козачествѣ. Выяснивъ мотивы этого стремленія, Н. П. даетъ, такимъ образомъ, простое и естественное объясненіе одному изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни южно-русскаго населенія — козачеству. Этотъ ходъ исторической жизни южно-русскаго населенія провидѣлъ еще В. Б. Антоновичъ и высказалъ свой взглядъ на него въ 1863 году въ изслѣдованіи о козачествѣ. Но тогда, выражаясь словами Даніила Заточника, „вси на нь кликнуша и уста ему заградиша"; особенно постарался въ этомъ отношеніи покойный М. А. Максимовичъ.—Открытіе, можно сказать, Н. П—мъ Болоховской земли измѣнило положеніе вопроса о происхожденіи козачества и подкрѣпило догадку В. Б. Антоновича. Въ этомъ мы видимъ великую заслугу Н. П. передъ наукой русской исторіи.

Однако, два раза выводы Н. П. о Болоховцахъ подвергались критикѣ; сначала въ 1884 году со стороны Н. В. Молчановскаго, а позже, въ 1898 году, со стороны проф. М. Любавскаго. Оба раза Н. П. блестяще доказалъ неосновательность мнѣній („домысловъ", какъ онъ ихъ опредѣлялъ) своихъ ученыхъ противниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ слѣдилъ за каждой мельчайшей подробностью, касающейся Болоховцевъ, и пополнялъ такимъ образомъ общую нарисованную имъ картину новыми характеристическими чертами.

Вторая группа работъ Н. П. относится къ Литвѣ и Сѣверо-Западной Руси. Эта группа работъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изслѣдованій, вызванныхъ появленіемъ въ свѣтъ извѣстной монографіи проф. В. Б. Антоновича: „Исторіи Литовскаго государства". Въ этой монографіи онъ затрогиваетъ вопросы, касающіеся Южной

Руси, напр. вопросъ о завоеваніи или подчиненіи Руси литовскими князьями. Какъ извѣстно, В. Б. Антоновичъ отрицаетъ завоеваніе Литвы въ 1320 г. Гедиминомъ и относитъ подчиненіе ея Ольгердомъ къ 1362 году. Н. П. подвергъ самому обстоятельному разбору этотъ спорный вопросъ и высказался за 1320 годъ, облегчивъ тѣмъ возможность молодымъ силамъ разобраться въ этомъ спорѣ и стать ближе къ истинѣ. Мы указываемъ на этотъ предметъ разногласій двухъ крупныхъ научныхъ силъ лишь для примѣра; такихъ спорныхъ вопросовъ было много. Поэтому, на эти критическія замѣтки можно смотрѣть и какъ на цѣльную до нѣкоторой степени исторію Литвы. Н. П. говоритъ объ этомъ своемъ трудѣ въ предисловіи: „мы имѣли въ виду прослѣдить въ связномъ общемъ очеркѣ процессъ возникновенія и развитія Литовско-русскаго государства съ древнѣйшихъ временъ до паденія его, процессъ, отличающійся замѣчательной послѣдовательностью и правильностью". „Сообразно съ этимъ", Н. П. въ своемъ очеркѣ „обратилъ вниманіе почти исключительно на два основныя теченія Западно-русской исторіи со времени татарскаго нашествія и сосредоточилъ изложеніе, во-1-хъ, на попыткахъ литовскихъ князей къ собиранію русскихъ земель,—попыткахъ, согласовавшихся съ стремленіями самаго Русскаго народа, и, во-2-хъ, на усиліяхъ Польши овладѣть южно-русскими землями и воспользоваться пріобрѣтеніями Литвы подъ видомъ уніи съ нею". Въ „Замѣткахъ по исторіи Литовско-русскаго государства", какъ въ „Княженіи Даніила Галицкаго" и „Болоховской землѣ", Н. П., въ свою очередь, разсматриваетъ культурныя условія жизни борющихся народностей и главнымъ образомъ этими условіями объясняетъ политическіе результаты борьбы.

Разсмотрѣнные нами важнѣйшіе труды Н. П. по Западно-русской исторіи— не единственные; они являются или

цикломъ отдѣльныхъ изслѣдованій, связанныхъ между собой единствомъ цѣли и общностью идеи, или центромъ, около котораго группируются меньшія работы. Всѣ они, выражаясь языкомъ художественныхъ критиковъ, отличаются тщательностью отдѣлки какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны стиля, и въ этомъ случаѣ могутъ быть поставлены въ образецъ. То и другое доведено Н. П. до высокой степени совершенства.

Въ ряду работъ Н. П. есть еще одинъ довольно значительный циклъ ихъ, стоящій на межѣ между исторіей и литературой; это—его извѣстное изслѣдованіе: „Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи", въ которомъ Н. П. собираетъ всѣ мельчайшіе слѣды проникновенія на Русь идей и идеаловъ рыцарства съ Запада Европы, проникновенія, имѣвшаго мѣсто въ два различные періода нашей исторіи: до-монгольскій и козацкій, и создавшаго у насъ на Руси борцовъ съ врагами русской вѣры и народности. Съ этимъ главнымъ изслѣдованіемъ связываются тѣсно работы Н. П. о богатырскомъ эпосѣ и о козацкихъ думахъ; но они уже входятъ въ область историко-литературныхъ монографій Н. П.

Воздавая должную дань почтенія глубоко-продуманнымъ и въ высокой степени старательно исполненнымъ научнымъ трудамъ Н. П., преклоняясь предъ достигнутыми имъ и прочно обоснованными результатами, закончимъ нашъ краткій обзоръ ихъ словами одной изъ любимыхъ имъ козацкихъ думъ:

„Слава твоя не вмре, не поляже!
„Буде слава твоя славна
. . . . . .
„Поміжь друзями,
. . . . . .
„Поміжь добрими молодцями,
(Твоими учениками, прибавимъ мы отъ себя)
„До конця віку!"

„Полтава“ Пушкина.[1]

Предпослѣдній періодъ дѣятельности Пушкина, начавшійся съ конца 1826 года, характеризуется значительной зрѣлостью его мысли. Эта зрѣлость сказалась въ его критическихъ сужденіяхъ и отношеніи къ авторитетамъ запада, и Пушкинъ въ большей степени, чѣмъ прежде, „пошелъ дорогою свободной“, куда влекли его и его собственный „свободный умъ“, и мысль, и чувство, и моральныя предрасположенія народности. Онъ оказался столь широкою натурою, что замѣчательно совмѣстилъ въ своей дѣятельности космополитизмъ-западничество съ народничествомъ. Національно-исключительныя тенденціи его творчества не подавили въ немъ мірового поэта, воплотившаго въ своихъ произведеніяхъ общечеловѣческіе идеалы. Проникновеніе въ духъ родного народа сказалось въ воззрѣніяхъ этическихъ, религіозныхъ и историческихъ, характеризующихъ послѣднее десятилѣтіе дѣятельности Пушкина, и такъ явилось между прочимъ „сочиненіе совсѣмъ оригинальное“, какъ выразился Пушкинъ о „Полтавѣ“ въ „Критическихъ замѣткахъ“, помѣщенныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича за 1830 г. „Полтава“ была издана отдѣльной книж-

[1]) Въ послѣдніе дни своей жизни Н. П. Дашкевичъ былъ занятъ составленіемъ этюда о „Полтавѣ“ Пушкина. Тяжкіе приступы болѣзни не позволили ему дать окончательную отдѣлку написанному имъ наброску и развить подробнымъ анализомъ мысли, занимавшія его творческое воображеніе. Считаемъ умѣстнымъ помѣстить здѣсь въ „Поминкахъ“ нашего покойнаго друга этотъ, хоть и не вполнѣ готовый къ печати, этюдъ. *Ю. К.*

кой въ 1829 году. По словамъ П. А. Ефремова, „вся она написана въ двѣ недѣли: первая пѣснь окончена 3-го, вторая 9-го и третья 16-го октября 1828 г., а посвященіе написано уже въ дер. Малинникахъ 27 октября [1]).

Вылившись весьма скоро на бумагѣ [2]), это произведеніе, тѣмъ не менѣе, явилось созданіемъ довольно продолжительнаго процесса мысли и творчества самого поэта совмѣстно съ патріотическими внушеніями его лучшихъ друзей. И странно читать замѣчаніе Анненкова, что „Полтава была написана, какъ противодѣйствіе розыскамъ тайной полиціи, или какъ благодарность государю за оказанное покровительство въ дѣлѣ Леопольдова“ [3]).

Въ маѣ 1825 г. Жуковскій писалъ Пушкину: „ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность—теперь ты получилъ только первенство по таланту“ [4]). Интересно далѣе сопоставленіе Пушкина съ Петромъ В. въ письмѣ Баратынскаго въ декабрѣ 1825 г.: „Возведи русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ В. возвелъ Россію между державами; соверши одинъ, что онъ совершилъ одинъ“ [5]).

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, изд. Суворина, 1905, стр. 415; приведенное ниже свидѣтельство самого Пушкина нисколько не противорѣчитъ этимъ даннымъ.

[2]) По словамъ Пушкина, онъ „Полтаву написалъ въ нѣсколько дней“. Взгляните на черновикъ описанія „Полтавскаго боя“, содержащій цѣлое море зачеркнутыхъ поправокъ, нагроможденныхъ одна на другую. Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться полнымъ текстомъ „Полтавы“, рукописный подлинникъ которой открытъ лишь недавно въ г. Тарусѣ и содержитъ много неизвѣстныхъ доселѣ стиховъ.

[3]) Соч. А. С Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, изд. А. С. Суворина, 1905, стр. 300.

[4]) Переписка I, 217.

[5]) Тамъ же, 309.

Такимъ образомъ, стихотвореніе А. Н. Майкова, сближающее Пушкина съ собирателями русской земли, не лишено глубокаго смысла. Дѣйствительно, какую ширь русской государственности охватилъ Пушкинъ въ своей поэзіи: онъ вдохновенно воспѣлъ не только непрерывное съ IX. в. достояніе русскаго народа—сѣверъ русской земли, но и Кавказъ, Малороссію, Поволжье. Онъ явился могучимъ связующимъ звеномъ духовнаго единенія русскаго народа „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“.

Языкъ, одно изъ самыхъ могучихъ орудій цивилизаціи, не есть единое связующее звено національностей. Наиболѣе морально объединяетъ людей сознаніе солидарности, которое развивается и поддерживается въ особенности литературою. Въ частности поэзія Пушкина въ силу глубокаго проникновенія поэта въ судьбы родного народа, явилась однимъ изъ такихъ могучихъ объединяющихъ и духовно связующихъ цивилизаціонныхъ звеньевъ.

Пушкинъ внимательно и долго изучалъ отечественную исторію въ оригинальнѣйшихъ проявленіяхъ ея особенностей и наиболѣе драматическіе моменты ея. Между прочимъ, особенный интересъ его привлекали издавна представители народной вольницы на Дону и нижней Волгѣ. Изъ программъ 1820—1821 гг. видно, что Пушкину уже тогда были извѣстны нѣкоторыя черты стариннаго разбойничьяго быта, съ которымъ онъ могъ ознакомиться „изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, слышанныхъ имъ въ казачьихъ станицахъ“ во время путешествія по югу Россіи. Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ считалъ Стеньку Разина „единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи“ [1]), а въ началѣ ноября заинтересовался и жизнью Емельки Пугачева.

---

[1]) Переписка, I, 141.

Малороссія, съ которой онъ ознакомился уже въ годы ранней молодости, благодаря ссылкѣ на югъ, должна была привлечь его вниманіе, между прочимъ, также со стороны своей народной жизни, казачествомъ, которое является оригинальнѣйшимъ и крупнѣйшимъ явленіемъ исторической жизни Малороссіи.

Уже въ годы пребыванія въ лицеѣ (въ 1814 году) Пушкинъ написалъ стихотвореніе „Козакъ", въ автографѣ котораго послѣ заглавія стоитъ надписаніе: „Подражаніе малороссійскому". И дѣйствительно, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ усматриваетъ въ этомъ стихотвореніи „вліяніе украинской народной словесности". [1]) Интересно оно, между прочимъ, потому что въ немъ уже намѣчена ситуація „удалого" козака, ѣдущаго ночью, хотя и съ другой цѣлью повторенная въ „Полтавѣ".

Непосредственно съ южно-русскими (Черноморскими) казаками Пушкинъ ознакомился на Кубани и изобразилъ ихъ въ „Черкесской пѣснѣ", „Кавказскомъ плѣнникѣ". Съ малороссами ему пришлось не разъ сталкиваться и жить: въ Екатеринославѣ, въ Кишиневѣ, въ Кіевской губерніи (въ особенности въ с. Каменкѣ Чигиринскаго уѣзда) и въ Кіевѣ. Здѣсь онъ могъ достаточно ознакомиться съ роскошной украинской природой, которая такъ ему нравилась, и съ народной поэзіей. Изученіе послѣдней было значительно обогащено изданіемъ въ 1827 году М. А. Максимовичемъ сборника „Малороссійскихъ пѣсенъ" [2]). На ряду съ при-

[1]) А. С. Пушкинъ. Харьковъ 1900, стр. 265 и слѣд. Здѣсь находимъ нѣсколько малороссійскихъ словъ. Съ своей стороны обращаемъ вниманіе читателя на малороссійскую форму слова *козакъ*.

[2]) Эти данныя сведены вскользь въ статьѣ Н. И. Петрова: „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи"—Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ, изд. Кіевскаго Педагогич. Общества по поводу столѣтняго юбилея. Кіевъ 1899, стр. 153 и слѣд.

родой и населеніемъ Малороссіи Пушкина не могла не заинтересовать малороссійская исторія. Во время своихъ странствованій по южно-русскимъ степямъ Пушкинъ, конечно, не разъ слышалъ преданія, въ то время еще очень живыя, о народныхъ движеніяхъ XVIII в., могъ наблюдать духъ удальства въ нравахъ степного населенія, видѣть типы, напоминавшіе былое...

Уже Незеленовъ замѣтилъ, что, быть можетъ, идея „Полтавы“ созрѣвала въ умѣ Пушкина во время поѣздки въ Бендеры [1]), при чемъ немалое вліяніе могъ оказать и Байронъ. По словамъ кн. Вяземскаго, относящимся, впрочемъ, къ 1828-му году [2]), Пушкину „всегда было досадно, что Байронъ взялся за Мазепу и не додѣлалъ“. Но рѣшительно направила Пушкина на мысль о созданіи „Полтавы“ поэма Рылѣева „Войнаровскій [3]), „о чемъ говоритъ самъ поэтъ въ „Замѣткахъ“ напечатанныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича 1830 года. Пушкинъ остался недоволенъ этимъ произведеніемъ и признавалъ непростительнымъ то, что Рылѣевъ въ описаніи Мазепы „пропустилъ безъ должнаго вниманія столь разительную черту про обиду Мазепы—

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

Но необходимо имѣть въ виду, что Рылѣева, автора поэмы о „Войнаровскомъ“, занимало по преимуществу стремленіе къ реформамъ посредствомъ пробужденія граждан-

---

[1]) *Незеленовъ*, Пушкинъ, 153.

[2]) Первоначально Пушкинъ думалъ назвать и свою поэму, какъ Байронъ: „Мазепа“. Остафьевскій Архивъ, III, 182.

[3]) „Жду съ нетерпѣньемъ Войнаровскаго“, писалъ онъ 24 марта 1824 г. (Переписка, I, 196).

ихъ доблестей. Онъ призывалъ къ самопросвѣщенію и къ общественному служенію.

Давно хотѣлъ открыться и важную повѣдать тайну,— говоритъ Мазепа Войнаровскому:

Но напередъ завѣрь меня,
Что ты, при случаѣ, себя
Не пожалѣешь за Украйну.
Готовъ всѣ жертвы я принять,
Воскликнулъ я, странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой,
Себѣ одну оставлю честь.

Малороссійскій патріотизмъ возводится здѣсь на высоту безъ отношенія къ общерусскому. Пушкинъ не могъ стать на такую точку зрѣнія, не говоря о недостаткахъ поэмы Рылѣева въ художественномъ отношеніи. На эти недостатки обратилъ вниманіе образованный пріятель Пушкина Н. Н. Раевскій [1]) въ письмѣ отъ 10 мая 1825 г.: „Войнаровскій— произведеніе мозаичное, составленное изъ отрывковъ Байрона и Пушкина, которые при томъ соединены не очень то обдуманно. Не требую отъ него соблюденія мѣстныхъ красокъ. Авторъ—умный малый, но не поэтъ“ [2]).

Пушкинъ сначала относился довольно снисходительно къ поэмѣ о „Войнаровскомъ“. Въ началѣ 1824 г. онъ писалъ: „Съ Рылѣевымъ мирюсь: Войнаровскій полонъ жизни“ [3]). „Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“,

[1]) См. о немъ въ статьѣ Л. Н. Майкова: „Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ“, помѣщенной первоначально въ „Р. Вѣстникѣ“.

[2]) Текстъ французскаго подлинника этихъ строкъ см. въ Перепискѣ, I, 213.

[3]) Переписка, I, 95.

слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ“ [1]). 25-го января 1825 г. онъ признавалъ, что эта поэма нужна была для нашей словесности [2]). Повидимому, этотъ сюжетъ очень занималъ его, потому что онъ писалъ въ февралѣ 1825 г. А. С. Пушкину: „Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ страшное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы“ [3]). Въ общемъ поэма Рылѣева до отзыва о ней Раевскаго нравилась Пушкину: „Войнаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“, писалъ Пушкинъ въ началѣ апрѣля 1824 г.[4]). Вообще нѣкоторыя картины поэмы Рылѣева останавливали на себѣ вниманіе Пушкина [5]) и отразились въ „Полтавѣ“ послѣдняго; но, конечно, она неизмѣримо выше поэмы Рылѣева. По своему идейному значенію „Полтава“ нѣсколько приближается къ „Борису Годунову“. Какъ въ лицѣ Пимена Пушкинъ попытался освѣтить положительные идеалы русской жизни, отыскивая ихъ осуществленіе въ прошломъ; такъ въ „Полтавѣ“ великій поэтъ затронулъ въ высокой степени важныя стороны русской исторической жизни, введя древнѣйшую и лучшую часть Малороссіи въ ея естественную и истинную рамку общерусскаго единенія и освѣщая идею русской государственности, безъ которой было немыслимо благосостояніе и развитіе русскаго народа въ прошломъ и еще въ большей степени въ будущемъ. Онъ выбралъ великій историческій моментъ,

---

[1]) Тамъ же, 96.

[2]) Тамъ же, 168.

[3]) Тамъ же,

[4]) Тамъ же, I, 202.

[5]) Сочиненія и письма А. С. Пушкина, изд. Морозова, VIII, 461—462.

когда какъ нельзя ярче выступили рядомъ автономныя стремленія Украины, главнымъ образомъ нѣкоторыхъ лицъ ея высшаго класса, и общерусскія. Поэтъ сосредоточилъ свое вниманіе на личности Мазепы, который явился какъ бы типическимъ выразителемъ стремленія къ „самостійности“ Украины въ памяти потомства и до послѣдняго времени былъ клейменъ, какъ таковой, въ церковномъ обрядѣ въ недѣлю православія.

Кругъ историческихъ источниковъ, которыми Пушкинъ располагалъ для изученія исторической основы трагической исторіи художественно переданной въ „Полтавѣ, былъ весьма ограниченъ вслѣдствіе скудости нашей тогдашней исторіографіи: кругъ малороссійскихъ источниковъ былъ тогда едва затронутъ. На первомъ мѣстѣ можно поставить „Журналъ или поденную записку блаженной памяти императора Петра В.“, собранный кн. М. М. Щербатовымъ (Москва 1770—1772), „Дѣянія Петра В.“ Голикова и данныя, вошедшія въ „Исторію Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго, незадолго до того вышедшую въ свѣтъ (документальныя приложенія къ ней явились въ печати лишь нескоро—нѣсколько десятилѣтій спустя). Пришлось обратиться также къ старымъ трудамъ столь любимаго Пушкинымъ Вольтера, именно, къ его „Исторіи Петра В.“ и къ „Исторіи Карла XII“; слѣды вліянія этихъ твореній также указаны въ „Полтавѣ“. Но, конечно, главнымъ свѣдущимъ лицомъ, отъ котораго Пушкинъ могъ почерпать данныя для малороссійской исторіи, былъ молодой тогда малорусскій ученый М. А. Максимовичъ, самъ едва начинавшій приступать къ занятіямъ малороссійской исторіей. На это обратилъ вниманіе покойный Л. Н. Майковъ въ статьѣ, о которой см. ниже. Максимовичъ отозвался на поэму Пушкина критикой.

Изъ художественной обработки нѣкоторыхъ частностей сюжета „Полтавы“ видно, что Пушкинъ, былъ знакомъ съ

поэмами Байрона и Рылѣева. Спрашивается, насколько нашъ поэтъ остался въ зависимости отъ перечисленныхъ источниковъ и авторовъ и что внесъ онъ своего?

Онъ, конечно, старался во всемъ существенномъ придерживаться строго историческихъ данныхъ. Уже послѣ написанія „Полтавы“ въ Замѣткахъ, напечатанныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича 1830 г., Пушкинъ писалъ: „Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и не мудрено, и не великодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною“. И сообразно съ этимъ мы не находимъ клеветы и въ „Полтавѣ“. Нѣкоторыя слабыя отступленія отъ вѣрности въ нѣкоторыхъ мелочахъ объясняются лишь стремленіемъ сохранить поэтическій колоритъ трагической исторіи, составившей основу этой поэмы. Пушкина, какъ художника, привлекла, по его собственнымъ словамъ, прежде всего художественная сторона этой исторіи: „Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня“.

Главный герой поэмы—Мазепа, именемъ котораго Пушкинъ, подобно Байрону, хотѣлъ назвать свою поэму. Мазепа рисовался Пушкину дѣятелемъ самаго невысокаго нравственнаго уровня, и такое убѣжденіе Пушкинъ вынесъ изъ изученія всей совокупности чертъ нравственнаго облика и дѣяній этого знаменитаго авантюриста.

„Какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость“... „Добрымъ я его не нахожу, особенно, въ минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной“, писалъ Пушкинъ въ „Критическихъ замѣткахъ“, помѣщенныхъ въ „Денницѣ“ Максимовича. „Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отмстить ему при слу-

чаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный“ [1]).—Словомъ, по идеѣ Пушкина, Мазепа—злодѣй.

Если мы вдумаемся въ это представленіе Пушкина о Мазепѣ, мы не сможемъ поставить его въ вину поэту. Вѣдь и въ оцѣнкѣ авторитетныхъ честныхъ историковъ, вышедшихъ изъ строгой школы исторической науки, не разнузданной новѣйшими посторонними умствованіями, тенденціозно искажающими исторію, Мазепа также является въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ, а не въ ореолѣ безкорыстнаго патріота высокаго моральнаго пошиба [2]).

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло съ Пушкинскимъ изображеніемъ ближайшаго сотрудника Мазепы, „свирѣпаго“ Орлика, какъ назвалъ его Пушкинъ. Но изображеніе Орлика звѣремъ—плодъ недоразумѣнія, въ которомъ опять-таки нашъ поэтъ неповиненъ.

Неутомимый и неугомонный съ 1699 г. сподвижникъ Мазепы въ заговорѣ послѣдняго, унаслѣдовавшій послѣ смерти стараго гетмана, вмѣстѣ съ его ослѣпленіемъ и фантазерствомъ, его гетманскій титулъ по избранію со стороны небольшой группы казаковъ-эмигрантовъ и пытавшійся много лѣтъ со всею присущею ему энергіею осуществить путемъ цѣлаго ряда интригъ при разныхъ дворахъ затѣю Мазепы, Орликъ былъ генеральнымъ писаремъ при Мазепѣ и бѣжалъ вмѣстѣ съ послѣднимъ за границу послѣ Полтавскаго раз-

[1]) Ср. еще свѣдѣніе, что „въ I-ой пѣснѣ передъ изображеніемъ Мазепы набросано вродѣ программы: „Портретъ Мазепы; его ненависть; его замыслы, его сношенія съ Петромъ и Карломъ; его характеръ. Соч. А. С. Пушкина, ред. И. А. Ефремова, т. VIII, изд. А. С. Суворина. 1905, стр. 416.

[2]) См. статью покойнаго А. М. Лазаревскаго въ „Кіевской Старинѣ“ 1898 г, и въ „Чтеніяхъ въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.“ (кн. XIII, отд. I, стр. 99)—рефератъ И. М. Каманина по поводу монографіи г. Уманца о Мазепѣ.

грома. Это былъ очень замѣчательный человѣкъ, игравшій весьма видную роль въ свое время; но исторія его похожденій до недавняго времени была весьма неясна и начала раскрываться лишь съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, со времени напечатанія А. С. Петрушевичемъ во Львовѣ одного весьма интереснаго документа объ Орликѣ. Въ Краковѣ затѣмъ былъ найденъ рукописный, къ сожалѣнію неполный, списокъ его дневника по 1733 г., содержаніе котораго передалъ польскій ученый г. Равичъ-Гавронскій въ „Studien i Szkice historyczne“. Lwow. 1900 [1]).

Благодаря новѣйшимъ архивнымъ разысканіямъ, выясняется, что Орликъ, какъ генеральный писарь, т. е. секретарь Мазепы по иностраннымъ дѣламъ, не могъ принимать участія въ слѣдствіи надъ Кочубеемъ, въ допросахъ и пыткахъ, которые были предоставлены Мазепою со свойственной ему хитростью русской власти и производились далеко за предѣлами Украины—въ Витебскѣ, какъ стоитъ это у Пушкина.

Указываютъ и рядъ другихъ неточностей въ „Полтавѣ“, не выдерживающихъ критики въ историческомъ отношеніи. Любовь Матрены,—такъ въ дѣйствительности называлась дочь Кочубея,—къ Мазепѣ сомнительна, да и врядъ ли возможна въ психологическомъ отношеніи. Въ домѣ Мазепы былъ начальникъ стражи, и къ нему могли относиться напечатанныя письма Матрены Кочубеевны [2]).

---

[1]) См. замѣтки В. П. Борисова въ „Новомъ Времени“, 1901, № 8941.—Вскорѣ имѣютъ выйти въ свѣтъ въ новомъ томѣ „Архива Юго-Западной Россіи“ между прочимъ матеріалы для біографіи Орлика, извлеченные въ рядѣ другихъ изъ шведскихъ архивовъ покойнымъ Н. В. Молчановскимъ.

[2]) Историческія неточности, нашедшія мѣсто въ „Полтавѣ“, были отмѣчены въ статьѣ *В. П. Горленка*. Объ авторѣ „Исторіи Руссовъ“, приписывавшейся Георгію Конисскому—см. книжку Горленка, Южно-

Но понижается ли всѣми этими искаженіями и вымыслами цѣнность „Полтавы", какъ памятника поэтическаго, какъ своего рода эпопеи новой Россіи, вступившей на новый путь съ эпохи Петра Великаго? Думаемъ, что нѣтъ.

Какъ авторъ *поэмы*, а не какъ ученый, Пушкинъ не былъ обязанъ пускаться въ туманныя разысканія касательно всѣхъ частностей событій и біографіи лицъ, о которыхъ повѣствовалъ, и былъ въ правѣ поэтически видоизмѣнять тѣ или иныя частности, тѣмъ болѣе что онъ не затѣвалъ эпопеи, отъ написанія которой его предостерегалъ А. А. Бестужевъ въ письмѣ отъ 9 марта 1825 г.: „Избави Боже отъ эпопеи. Это богатый памятникъ словесности—но надгробный. *Мы не Греки и не Римляне, и для насъ* другія сказки надобны" [1]).

Пушкинъ повидимому имѣлъ въ виду создать прежде всего романтическое произведеніе, художественный образъ такой интересной типичности авантюриста, какъ Мазепа, дополнивъ первоначальный замыселъ Байрона и сдѣлавъ въ полной обрисовкѣ характера Мазепы то, что было опущено Рылѣевымъ. Пушкина, какъ и Байрона, очень занялъ этотъ типичный образъ смутной казацкой эпохи, богатой движеніями жизни, но и неправдами, присущими шляхетско-козацкому и вмѣстѣ демагогическому строю, и Мазепа представленъ у Пушкина почти также романтично, какъ и у Байрона. Это не трагическій герой; нѣтъ ничего величаваго въ этомъ образѣ эгоиста; любовное приключеніе въ значительной степени наполняетъ и позднѣйшіе годы Мазепы, изображенные Пушкинымъ, какъ и годы молодости,

---

русскіе очерки и портреты. Разборъ этой статьи былъ помѣщенъ *Л. Н. Майковымъ* въ № 5 „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1893 г. См. еще замѣтку В. Б Антоновича въ „Кіевской Старинѣ", 1899, № 5.

[1]) Перепис., I, 187—188.

изображенные британскимъ поэтомъ. Нашъ поэтъ развилъ далѣе ту идею о характерѣ Мазепы, которая слышится у Байрона изъ устъ Мазепы въ его разсказѣ Карлу XII-му на ложѣ изъ опавшихъ листьевъ подъ старымъ вѣтвистымъ дубомъ въ лѣсу съ беззвѣзднымъ небомъ вмѣсто крова въ ночь послѣ бѣгства изъ-подъ Полтавы. И у Байрона Мазепа старикъ, пышущій всѣмъ пламенемъ страсти и въ то же время „спокойный и отважный: никто не тратилъ меньше словъ и не дѣлалъ больше дѣла“.

Преклонный возрастъ не лишилъ
Меня ни мужества, ни силъ.

Пушкинъ самъ указалъ отличіе своей поэмы отъ Байроновой въ изображеніи Мазепы, состоящее преимущественно въ большей историчности и обстоятельности обрисовки; у Байрона данъ „рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все“ [1]). У Пушкина, прибавимъ отъ себя, дана въ широкой исторической перспективѣ полная глубокаго смысла картина политической борьбы, въ которой страсти и притязанія честолюбія въ родѣ Мазепинскаго и Орликовскаго оказываются безсильными преградить путь неизбѣжному историческому процессу. Въ Полтавскомъ бою въ центрѣ Малороссіи надъ областнымъ малороссійскимъ патріотизмомъ, нашедшимъ такую крѣпкую опору въ честолюбивыхъ замыслахъ побѣдоноснаго шведскаго короля, торжествуетъ обще-русская идея, и народъ малорусскій, вопреки стараніямъ части своей интелегенціи, инстинктивно чуетъ высшую правду на сторонѣ той, которую поддерживаетъ не внѣшняя посторонняя сила, а вѣра въ правоту своего дѣла.

---

[1]) См. „Критическія замѣтки“, помѣщенныя въ „Денницѣ“ Максимовича 1830 г.

Это великое историческое чутье того непреложнаго историческаго закона, который движетъ народы въ ихъ стремленіи къ объединенію.

Наблюдатель хода событій XIX вѣка, замѣчая образованіе большихъ государствъ изъ объединенныхъ національностей, Фагэ пророчитъ въ будущемъ поглощеніе маленькихъ народовъ большими [2]).

Такимъ образомъ, историко-романтическая поэма въ „Полтавѣ“ Пушкина сливается съ эпопей въ новомъ духѣ, и, въ концѣ концовъ, все покрываетъ могучая личность Петра Великаго. Уцѣлѣло дѣло его одного, потому что согласовалось съ здоровымъ и истиннымъ теченіемъ народной исторіи [2]).

Вниманіе Пушкина на Петра В. обращалъ и А. А. Бестужевъ въ письмѣ отъ 9 марта 1829 г.: „что можетъ быть поэтичественнѣе Петра? кто написалъ его сносно?“ [3]).

И Петръ Великій явился у Пушкина въ образѣ гиганта, а самъ Пушкинъ сталъ какъ бы продолжателемъ того же вдохновенія, которое осѣняло нѣкогда чело пѣвца Петра Великаго и его „искры“ Елизаветы. Но неправы тѣ, кто находятъ, что у Пушкина „самый строй стиховъ, ладъ ихъ, духъ и

---

[1]) См. его Questions politiques.

[2]) См. Ждановъ, Пушкинъ о Петрѣ В.—Годичный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 фев. 1900 г. и Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 5 (апрѣль) 1900 г.

[3]) Переписка, I, 187.

Интересны стихи въ черновой рукописи:

Среди волненья и тревоги
Вожди, *спокойные какъ боги*,
Очами ясными глядять.

Соч. А. С. Пушкина, ред. Ефремова, т. VIII, изд. Суворина, 1905, стр. 416.

гармонія звучатъ порою по-Ломоносовски“ и „особенно интересно совпаденіе въ „Полтавѣ“ описанія Петра, явившагося на поле сраженія“ [1]).

Сколь ничтожными являются расчеты на личное счастье отдѣльныхъ честолюбцевъ, каковы Мазепа и Орликъ, да и лучшихъ людей, въ родѣ Кочубея! Потому-то въ „Полтавѣ“ говорится: „Что жизнь? Тяжелый сонъ“ [2])...

Н. Дашкевичъ.

---

[1]) *Чтецъ*, Пушкинъ и Ломоносовъ—Новое Время. 1901 г., № 8965.

[2]) Ср. Соч. Пушкина, Акад. изд., т. I. 221: „тяжелый жизни сонъ“, т. I, 201: „сладкій жизни сонъ“. Совпаденія нѣкоторыхъ стиховъ „Полтавы“ съ однимъ стихомъ въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ и съ нѣсколькими въ „Русланѣ и Людмилѣ“ см. Соч. и письма А. С. Пушкина, подъ ред. Морозова, т. III, стр. 644—645. Ср. еще „Цыгане“:

Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одинъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ...

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Путешествіе изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году Франа Гундулича.

Въ первый день изъ Вѣны отправились мы въ два часа пополудни и прибыли въ Штокрау, въ четырехъ миляхъ отъ Вѣны, въ замокъ князя Пугамъ: [1]) древнее зданіе, украшенное прекрасными картинами, а на ночлегъ прибыли въ Кутенштофъ, поселокъ, въ трехъ миляхъ отъ упомянутаго замка. На слѣдующее утро прибыли въ Моравію, и поспѣли на обѣдъ въ Знаимъ [2]), гдѣ и были у обѣдни въ іезуитской церкви. На ночлегъ поспѣли въ Будѣіовицы, гдѣ встрѣтились съ полковникомъ Валари. На слѣдующій день день прибыли въ Пирницъ [3]), имѣніе князей Колалто [4]), которые съ величайшею любезностью пригласили насъ на обѣдъ въ свой замокъ: ихъ двое братьевъ, истинные кавалеры. Предъ наступленіемъ ночи прибыли мы въ Иглаву, довольно большой, но весьма мало населенный городъ Чехіи [5]). На другой день прибыли мы въ обѣденное время въ Тайчъ-Протъ [6]), а на ночлегъ въ Янковъ [7]). Отъ Янкова повернули

[1]) Buchheim, Puchheim, Puchaim, наслѣдный, придворный (Truchsess) въ Вѣнѣ.

[2]) Znaim—Znojmo.

[3]) Pirnitz—Brtnice, въ Иглавскомъ округѣ.

[4]) Collalto, старинная итальянская фамилія, угасшая въ 1657 г.

[5]) Моравіи.

[6]) Deutsch-Brod—Nemecký Brod.

[7]) Jenikov-Golčuv.

мы къ Шаслѣ [1]), оставивъ влѣво Кутенбергъ [2]), гдѣ имѣются рудники, и къ обѣду прибыли въ Колинъ; тамъ мы пошли посмотрѣть Лабу [3]); потомъ къ ночи прибыли въ Чешскій Протъ [4]), городъ, сильно поврежденный въ прошлую войну со шведами, какъ и остальные почти всѣ города.

На слѣдующій день, въ субботу, въ полдень мы прибыли въ Златни-Прагу [5]) и помѣстились на Малой Странѣ [6]) у „Дикаго Человѣка". Тамъ, при посредствѣ господина Алегретича, я имѣлъ честь раскланяться съ великимъ бургграфомъ княземъ Мартиничемъ, который угостилъ насъ барскимъ обѣдомъ, а также я имѣлъ случай познакомиться съ младшимъ его братомъ княземъ Максимиліаномъ [7]). Также дважды обѣдали мы у кавалера Колореда, у котораго прекрасный дворецъ съ садомъ, заслуживающимъ величайшаго вниманія.

6 іюля мы оставили Прагу, къ ночи прибыли въ Белмаръ [8]), разрушенный городъ, лежащій въ трехъ миляхъ отъ Праги; въ полдень достигли города Ловершицъ [9]), и снова къ ночи прибыли въ Осѣкъ [10]), гдѣ мы помѣстились на суда и на веслахъ плыли по Молдавѣ [11]) и Лабѣ до Дрождянъ [12]), резиденціи саксонскаго герцога. На пути, по теченію этой

---

[1]) Czaslau—Časlav.

[2]) Kuttenberg,—Guttenberg—Kutná Hora.

[3]) Labe—Elbe.

[4]) Český Brod—Böhmisch Brod.

[5]) Въ текстѣ: U Zlatni Prag, у чеховъ—Zlatá Praha.

[6]) Часть Праги на лѣвомъ берегу Влтавы.

[7]) Бернардъ-Игнацъ и Максимиліанъ-Валентинъ графы з *Мартиницъ*.

[8]) Въ текстѣ—Belmar. Очевидно, чешскій городъ Velvary - Wellwaren.

[9]) Въ текстѣ Loversic. Очевидно, чешскій городокъ Lovosice,—Lobositz.

[10]) Ösiek, въ текстѣ. Вѣроятно, называемый нѣмцами Aussig, чешскій городокъ Ustí nad Labom.

[11]) Чешская Vltava.

[12]) Дрезденъ.

рѣки, взоръ услаждается всюду встрѣчающимися замками, городками, прелестными садами и богатыми поселками. Между прочимъ выдается крѣпость Кенигштейнъ, построенная на вершинѣ каменной скалистой горы. Въ ней всегда помѣщается гарнизонъ, въ триста человѣкъ; она занимаетъ такое пространство, что жители ея могутъ засѣять хлѣба на два года; тамъ есть источникъ (ручей) и паркъ. Тамъ герцогъ помѣщаетъ и свою сокровищницу; а солдаты, помѣщающіеся въ крѣпости, имѣютъ при себѣ женъ, дѣтей и имущество, такъ какъ каждый имѣетъ особое жилище, и изъ крѣпости выходить не могутъ. Драждяны весьма красивый и укрѣпленный городъ, чрезъ который протекаетъ Лаба, а чрезъ нее построенъ прекрасный каменный мостъ. Мы посѣтили герцога [1]); онъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ встрѣтилъ насъ съ величайшей любезностью и удержалъ насъ у себя на обѣдъ. Мы сидѣли за столомъ отъ 3 до 9 (часовъ), и было подано 60 различныхъ блюдъ. Герцогъ пробовалъ всѣ блюда и выпилъ девятнадцать тостовъ; три раза онъ засыпалъ за столомъ: удивительно и невѣроятно для старца за восемьдесятъ лѣтъ. Мнѣ сдѣлалось бы дурно, если бы я не пилъ воды; и всѣ гости, отъ опьяненія падавшіе со стульевъ, дивились тому, что я былъ трезвъ. При нашемъ выходѣ герцогъ предложилъ намъ свой шестиконный экипажъ, и мы весело добрались до дому. На другой день послѣ обѣда мы наняли одно суденышко, въ которомъ удобно размѣстились, и продолжали свой путь къ Гамбургу, плывя по теченію Лабы, но каждый вечеръ выходили на берегъ на ночлегъ. Первую ночь провели въ Мейссенѣ, городѣ извѣстномъ своей обширной церковью, построенной по внушенію супруги императора Оттона.

Три мили ниже на правомъ берегу находится Милбергъ [2]), городъ, не пострадавшій въ послѣднюю шведскую

---

[1]) Вильгельмъ изъ младшей Веймарской линіи. † 1662.

[2]) Mühlberg.

войну единственно потому, что въ немъ всѣ женщины, безъ исключеній, *ласковы*. Еще три мили ниже у самой рѣки, находится Торганъ [1]), главный городъ Мисніи, съ стариннымъ большимъ королевскимъ дворцомъ. А еще три мили ниже бросается въ глаза знаменитый Виттенбергъ, извѣстный столько же своимъ училищемъ, сколько гробницею Мартина Лютера, которую я видѣлъ въ большомъ храмѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ женщины очень красивы, мило одѣты, богато разряжены.

Потомъ я видѣлъ Окенъ [2]), Барби, Бернбургъ, Шимпакъ [3]) и Шалцъ, гдѣ добывается соль,—маленькіе и разрушенные города.

Послѣ того мы прибыли въ Дѣвинъ (Магдебургъ), одинъ изъ важнѣйшихъ королевскихъ городовъ, резиденція императора Оттона. Въ послѣднюю войну, когда его взялъ приступомъ генералъ Тилли, городъ весь былъ сожженъ, такъ что не могла-бы убѣжать изъ него мышь, а тѣмъ болѣе невозможно было спастись обывателямъ. Остался въ цѣлости только главный храмъ, весьма обширный, обладающій множествомъ знаменитыхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ находится престолъ великаго алтаря, весь изъ одной глыбы мрамора; длиною онъ въ 21, а шириною въ 10 моихъ пяденей. Тамъ видна и гробница императора Оттона, прелестнаго мрамора—золото, которымъ она была украшена, какъ и все церковное достояніе, было разграблено войскомъ. Въ этомъ храмѣ имѣется и еще нѣсколько гробницъ изъ литой бронзы, весьма искусно сооруженныхъ, съ надписями.

Предъ великимъ алтаремъ помѣщается большой круглый бѣлый, гладкій камень, на которомъ была отрублена голова епископа Удона [4]): и на немъ видны еще капли

---

[1]) Описка или опечатка вм. Torgau, въ округѣ Meissen.

[2]) Oker, Ocker.

[3]) Вѣроятно, Schönebeck.

[4]) Вѣроятно, Salzwedel.

[5]) Odo, или Udo, архіепископъ Магдебуржскій.

крови, которая не стиралась. Здѣсь намъ показали сгнившую уже деревянную лѣстницу, на которую будто-бы влѣзали жиды, чтобы прибить ко кресту нашего Спасителя, и которую привезъ императоръ Оттонъ, при возвращеніи изъ Іерусалима. Ей не придавали никакой цѣны, позволяя намъ отломить отъ лѣстницы, сколько намъ угодно; но этому нельзя и удивляться, такъ какъ они (германцы) индифферентны во всѣхъ предметахъ, касающихся церкви. Изъ Магдебурга мы продолжали свое путешествіе, и на ночлегъ добрались до какого-то поселка, а оттуда на другой день въ полдень достигли Лауденберга, откуда, странствуя всю ночь, на разсвѣтѣ прибыли въ Гамбургъ, сдѣлавъ отъ Драждянъ въ восемь дней, съ помощію Божіей, всегда благополучно, 72 (Итал. 288) мили.

Въ Гамбургѣ, чтобы запастись для себя и для сопровождающихъ насъ платьемъ, мы пробыли пять дней. Это вольный городъ, обширный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный и весьма многолюдный. Въ немъ купцовъ больше нежели во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, а поэтому онъ очень богатъ, а обыватели высокомѣрны, горды и дорого цѣнятъ свой товаръ. Благодаря большой торговлѣ, въ городъ забралось такое множество жидовъ изъ Португаліи, какого не замѣтно ни въ одномъ приморскомъ городѣ. Въ гостинницахъ чертовски обдираютъ, особенно — иностранцевъ. Городъ укрѣпленъ и обведенъ каналомъ; часто подвергается сильнымъ приливамъ, отъ которыхъ нерѣдко страдаютъ обыватели.

Зданія старинной архитектуры, всѣ въ стеклахъ, какъ старинныя церкви; а въ пріемныхъ комнатахъ (при самомъ входѣ), какъ лучшее украшеніе, видно множество мѣдной посуды и подсвѣчниковъ изъ латуни и олова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Венеціи, городомъ проведены трубы для воды, и дома подняты на деревянныя сваи и какъ бы висятъ на воздухѣ. Городъ находится въ 28 миляхъ отъ моря, съ которымъ его сближаетъ Эльба, способная тутъ поднимать корабли вмѣстимостью 1000 тоннъ. На пристани,

которая тянется до центра города, я видѣлъ до 150 такихъ кораблей, а меньшихъ было безъ счета. Эти корабли преимущественно приходятъ изъ Голландіи, Бельгіи, Португаліи, Даніи, Норвегіи, Швеціи и изъ всѣхъ приморскихъ городовъ и крѣпостей на Балтійскомъ морѣ. Окрестности города отличаются плодовитостью земли, прекрасно устроены и украшены красивыми садами.

Городской совѣтъ, при нашемъ отъѣздѣ, прислалъ намъ троихъ старшинъ и подарилъ одинъ боченокъ рейнскаго вина, одинъ боченокъ пива, одного осетра въ 80 литръ [1]), одного лосося [2]) въ 40 литръ, четырехъ барановъ и одну корову: и все это во имя своей преданности, приверженности и любви къ императору.

Отъ Гамбурга до Любека считается, по-суху, десять миль, которыя мы и проѣхали въ одинъ день. Здѣсь, съ двумя экипажами выѣхалъ на встрѣчу намъ императорскій посланникъ Фридрихъ Бремзенъ, человѣкъ вполнѣ благовоспитанный. Такъ какъ мы въ Любекѣ пробыли десять дней, то и имѣли возможность внимательно осмотрѣть его. Городъ прекрасно расположенъ, и по устройству, по качеству и привѣтливости горожанъ далеко превосходитъ Гамбургъ, но за то отстаетъ въ промышленности, количествѣ жителей и въ богатствѣ. Женщины въ обоихъ городахъ носятъ большія соломенныя шляпы на подобіе зонтиковъ, и поля шляпъ, опускаясь до плечъ, раскрываютъ ихъ лица, что весьма непріятно видѣть, но наряды ихъ приличны и красивы. Здѣсь не терпятъ жидовъ, какъ въ Гамбургѣ. Есть нѣсколько прекрасныхъ церквей и въ нихъ драгоцѣнныя картины. Въ главной церкви, въ одномъ придѣлѣ, по лѣвую руку, при проходѣ къ великому алтарю выдается, въ ряду остальныхъ изображеній, икона Іисуса Христа, распятаго на крестѣ; но неизвѣстно, чьей кисти это произведеніе.

---

[1]) Litra вѣситъ около 1 фунта (87 1/2 золотниковъ).

[2]) Въ текстѣ: jednog soma (salamuna).

Здѣсь церкви, хоть и въ лютеранскихъ рукахъ, чисто и въ порядкѣ содержатся, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ лютеранскіе молитвенные дома (грязные и запущенные) напоминаютъ вертепы разбойниковъ.

Устроивъ здѣсь свои дѣла, мы помѣстили на суденышко свой багажъ и свиту, и до Травемюнда отправились посуху, такъ какъ этотъ путь на три мили короче шестимильнаго водяного. Въ Травемюндѣ, въ ожиданіи благопріятнаго времени, мы пробыли шесть дней, и въ воскресенье, 1-го августа, при сильномъ западномъ вѣтрѣ, подняли паруса, направляясь къ Ревелю, куда мы доплыли въ шесть дней, продѣлавъ 250 миль, постоянно пользуясь, при помощи Божіей, хорошимъ попутнымъ вѣтромъ. На пути слѣва мы видѣли нѣсколько острововъ, шведскую землю и ея столичный городъ Штокгольмъ.

Зимой это море замерзаетъ, и тогда можно по немъ странствовать въ саняхъ. Двѣ ночи я не спалъ, дивясь необычайной краткости тамошнихъ лѣтнихъ ночей; и замѣтилъ, что отъ заката солнца до его восхода не больше четырехъ часовъ; и считая утренній разсвѣтъ и вечерній сумракъ, можно сказать, что тамъ лѣтомъ нѣтъ ночей; а зимой напротивъ столько дня, сколько лѣтомъ ночи. Слѣдуетъ замѣтить, что это море, къ востоку отъ Ревеля, не солоно: думаю, что это оттого происходитъ, что въ него впадаетъ большое число рѣкъ.

Добравшись до Ревельской пристани, для допущенія нашей высадки, мы отправили служителя [1]) съ путевыми шведскими документами къ начальнику города. Это былъ какой-то тиролецъ по имени *князь della Torre*; онъ отправилъ къ намъ своего секретаря и экипажъ; господинъ Алегрети поблагодарилъ его за это, а мы наняли экипажъ и отправились въ гостинницу. Здѣсь насъ встрѣтили нѣкоторые городскіе господа; но городской начальникъ не захо-

[1]) Въ текстѣ: domonavednika (maestro di casa, maggiordomo).

дилъ къ намъ до самаго нашего отъѣзда, ожидая, что мы сами ранѣе явимся къ нему съ привѣтствіемъ, чего мы не сдѣлали; и онъ вынужденъ былъ первый съ нами раскланяться, и явился въ военной формѣ въ сопровожденіи двадцати всадниковъ. Въ этотъ день, предъ отбытіемъ изъ города, мы завернули къ нему. Онъ торжественно встрѣтилъ насъ, въ обществѣ всѣхъ гражданъ, кавалеристовъ и пѣхотинцевъ, съ военными трубами, литаврами, распущенными знаменами и пушечной пальбой. На разстояніи мили отъ города насъ провожала вся кавалерія. Такъ мы въ семнадцати экипажахъ направились къ Нарвѣ, отстоящей отъ Ревеля въ тридцати миляхъ, по ровной хорошей дорогѣ, на протяженіи которой не было ни одного поворота въ сторону, и ничего не было на пути кромѣ изрѣдка встрѣчавшейся крестьянской хижины, которую горожане называютъ *kove*.

Языкъ этого народа не родственъ никакому иному языку, только кое въ чемъ, но и то отдаленно онъ отдаетъ нѣметчиной; большинство обывателей—идолопоклонники, считаютъ богами солнце, деревья и камни. Одѣяніе женщинъ необыкновеннаго покроя; оно напоминаетъ встрѣчающійся на картинахъ покрой платья индійскихъ женщинъ; дѣвушки носятъ волосы, какъ наши мальчики; на полосатомъ поясѣ, которымъ опоясываются, навѣшаны колечки и бубенчики изъ латуни, и звенятъ при ходьбѣ дѣвушекъ. На плечахъ (поверхъ рубашки), какъ плащъ, носятъ лоскутокъ бѣлаго холста до грудей; народъ этотъ чрезвычайно бѣденъ.

Въ воскресенье утромъ мы прибыли въ Нарву, откуда, пообѣдавши только, отправились далѣе и въ три часа ночи прибыли въ Яму [1]), гдѣ намъ пришлось остаться девять дней въ ожиданіи извѣщенія начальника Новгорода. Яма—городокъ изъ шестидесяти домовъ. Въ немъ сотня рейтаръ, которая зовется по имени живущаго тамъ полковника, у

[1]) Нынѣшній—Ямбургъ.

котораго въ собственной тамошней конюшнѣ до пятидесяти очень хорошихъ лошадей. Здѣсь ничего особеннаго нѣтъ, кромѣ того, что женщины дважды въ недѣлю ходятъ купаться голыя, въ чемъ мать родила; иныя изъ нихъ только зеленою листвою закрываютъ срамныя части.

Послѣ девятидневнаго ожиданія, мы на трехъ лодкахъ по Лугѣ добрались въ семь дней до Нѣшицы [1]), потому что рѣка была въ ту пору мелка. Эта рѣка обилуетъ всяческой хорошей рыбой. Здѣсь насъ впервые ожидали московскіе чиновники.

Одинъ царскій коммиссаръ явился навстрѣчу къ намъ съ пятьюдесятью рейтарами [2]), и, поздоровавшись съ нимъ, и выполнивъ предписанныя привѣтствія, мы направились далѣе къ Ново-Руской [3]), трое насъ въ экипажѣ, а всѣ остальные верхами. У Ново-Руской есть соленое озеро въ три мили въ окружности; горожане варятъ эту воду, изъ которой добываютъ весьма бѣлую соль. Въ субботу утромъ пересѣли мы на восемь лодокъ, оставили Ново-Руску и, благодаря попутному вѣтру, въ шесть часовъ по полудни доплыли до Новиграда (Новгородъ [4]); но въ этотъ вечеръ намъ не дозволили перебраться въ городъ. На слѣдующее утро, когда мы вышли на берегъ, къ намъ подошелъ намѣстникъ городского начальника и, послѣ привѣтствія, подарилъ намъ пять коней, на которыхъ мы добрались въ назначенный намъ для остановки домъ, въ сопровожденіи 2000-го войска.

---

[1]) Деревня—Онѣжинцы (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными;—съ Римской имперіей Т. III, 272 и др.).

[2]) Тамъ же находимъ: „Послали мы... дворянина Богдана Ододурова... да съ нимъ подъячего да стрѣлцовъ пятдесятъ человѣкъ". Коммиссаръ —приставъ.

[3]) Село Новгородской губ. Новая Руса при р. Полѣ, въ Старорусскомъ уѣздѣ.

[4]) Ibid. стр. 273: „Августа въ 23 день... онъ Б. Ододуровъ тѣхъ пословъ на рубежѣ въ той деревнѣ въ Онѣжицахъ принялъ и въ В. Новгородъ... пришелъ августа въ 27 день, водянымъ путемъ въ судѣхъ".

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ той поры, какъ мы прибыли въ Нѣмпицу, русское правительство на свой счетъ стало содержать насъ, снабжая ежедневно въ достаточномъ количествѣ мясомъ, птицами, виномъ, пивомъ, водкой и проч.

Этотъ русскій городъ называется Великій Новгородъ; въ этомъ обширномъ городѣ дома деревянные, кромѣ одной части, окруженной стѣной въ четыре итальянскихъ мили длиною; эту часть называютъ *каменъ-градъ* [1]), и чужеземцамъ входъ въ нее не дозволяется.

Въ немъ болѣе трехъ сотъ церквей и сто семьдесятъ монастырей мужескихъ и женскихъ. Городъ дѣлится на три части: на правой сторонѣ, на востокъ, мы жили; лѣвая, на западъ, дѣлится на двѣ части, т. е. на Каменъ-градъ и его отдѣленіе, составляющее третью часть. Между этими двумя частями города протекаетъ рѣка, весьма скрашивающая мѣстность, и особенно Каменъ-градъ, возвышающійся надъ другими частями. Съ запада показывается озеро, какъ море; вокругъ—равнина: мѣстоположеніе прекрасно. Въ городѣ такое множество лягушекъ, что нѣтъ ни одного крестьянскаго дома, въ которомъ ихъ не держали-бы по меньшей мѣрѣ двухъ сотенъ, считая дурнымъ предзнаменованіемъ убійство этого животнаго; а также множество большихъ пауковъ, которые считаются населеніемъ за чертей, и ихъ никто не рѣшится убивать или трогать. Кромѣ градоначальника и нѣсколькихъ правительственныхъ продавцевъ здѣсь нѣтъ выдающихся личностей. Мѣстность—безъ всякой промышленности; но производительна, обильна всяческимъ зерномъ, домашними и дикими животными, птицею и особенно—рыбою.

Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ—несносная жара; въ эти три мѣсяца созрѣваютъ всѣ имѣющіеся тамъ плоды, какъ у насъ,

---

[1]) Уже въ „Росписи... монастырей и храмовъ“ Новгородскихъ, составленной въ 1615 году, *Кремль* называется *Каменнымъ городомъ*. См. Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода 1808 г. стр. 84.

множество дынь, грушъ, яблокъ и вишенъ. Съ сентября до 15-го октября тихо, но по большей части дождливо, а отъ октября до мая—жестокій холодъ; льда и снѣга такъ много, что озера и рѣки замерзаютъ. Достопримѣчательно, что въ разстояніи на двѣ итальянскихъ мили отъ этого города не только вода зимой не замерзаетъ, но и бурлитъ и тогда бываетъ обильнѣйшій уловъ. Весной, когда снѣгъ и ледъ начинаютъ таять, вся земля покрывается водой, и можно бываетъ странствовать въ лодкахъ, какъ зимой на саняхъ.

Осужденныхъ на висѣлицу водятъ не связанными; но на пути дарятъ ихъ восковыми свѣчами, которыя носятся осужденными въ рукахъ до мѣста казни: тогда палачъ заматываетъ одинъ конецъ веревки вокругъ шеи осужденнаго, а другой перекидываетъ чрезъ верхнюю перекладину и, безъ помощи лѣстницы, руками поднимаетъ его. Здѣсь существуетъ обычай, который, въ образованомъ народѣ, далъ бы поводъ заключить о себѣ, что имѣетъ политическій характеръ, а именно: чуть не ежедневно, служилые люди вызываютъ и дерутся на кулачки съ горожанами: словно *Каштеланы и Николоты* въ Венеціи. Всѣ обыватели восточнаго обряда.

26-го сентября мы отправились изъ Новгорода, помѣстившись на шести лодкахъ [1]) . . . . . и 17-го октября прибыли въ Москву; но 14-го, въ четвертокъ, мы помѣщались въ домѣ одного боярина, князя Якова Циркоскаго [2]), гдѣ пробыли до воскресенья, когда и совершили свой торжественный въѣздъ въ городъ. За милю до въѣзда прибыли

---

[1]) Здѣсь въ рукописи нѣсколько перерывовъ.

[2]) Въ „Пам.“... стр. 315, „подхожей станъ боярина князя Якова Куденетовича Черкаского въ село Никольское“. У Котошихина (изд. 1884) читаемъ: „А какъ послы пріѣдутъ близко Москвы и дворянину велѣно бываетъ съ тѣми послами остановитися не доѣзжая Москвы за 20 верстъ, и о посолскомъ пріѣздѣ отписать; и по ево писму велѣть ему съ тѣми послами итти къ Москвѣ на подхожей станъ, верстъ за 7, и ожидати указу, какъ ему велятъ быть съ ними къ Москвѣ“ (стр. 67).

на встрѣчу намъ два царскихъ коммиссара со множествомъ народа и съ 2500 хорошо одѣтой конницы, преимущественно изъ придворнаго дворянства, при звукахъ трубъ и литавръ. Ранѣе коммиссаровъ къ намъ приступилъ главный царскій конюшій съ тридцатью лошадьми, изъ которыхъ три въ прекрасной сбруѣ были назначены для насъ троихъ: особенно отличалась сбруя на лошади, назначенной господину Алегретичу. Тогда приступили, въ весьма богатой одеждѣ, коммиссары на прекрасныхъ лошадяхъ и привѣтствовали насъ отъ царя, съ обычною у нихъ сердечностью. Тутъ между нами и ими произошелъ споръ—кто раньше долженъ слѣзть съ коней—и длился больше добрыхъ двухъ часовъ. Наконецъ, видя, что мы неподвижны, они сошли первыми.

Тогда коммиссары, по ихъ обычаю, прочитали намъ по книжкѣ царское привѣтствіе. Послѣ этого мы сѣли на коней и отправились въ городъ вмѣстѣ съ ними въ назначенный намъ для квартированія домъ, обливаемые жестокимъ дождемъ. Этотъ домъ со сводами, изъ опасенія пожара, находится въ *Китай-городѣ,* недалеко отъ царскаго двора, называемаго Кремени-градъ (Кремль?).

До перваго представленія нашего царю, мы жили какъ арестанты, не смѣя ни съ кѣмъ видѣться, ни съ кѣмъ бесѣдовать: и все потому, что царь не возвратился еще съ войны въ Москву. На третій день коммиссары были перемѣнены, а почему—причина этому была намъ не извѣстна. Первымъ изъ нихъ былъ бояринъ по имени Василій Шиновичъ [1]), пріятный и хорошій человѣкъ; другой—шведъ въ качествѣ толмача, человѣкъ лѣтъ тридцати, весьма вѣжливый и пріятный. Хоть мы и не нуждались въ толмачѣ, но онъ часто съ нами ходилъ и, благодаря этому, мы чрезъ него узнали многое объ этомъ городѣ и обо всемъ государствѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ намъ, что кто желаетъ

---

[1]) Въ „Пам." (280,333 и др.) находимъ: „Государь... велѣлъ столнику Василью Семеновичу Волынскому да дьяку Микитѣ Головнину быти въ приставѣхъ у Цес. пословъ".

отправиться туда, гдѣ ловятся соболи, черныя лисы и другія драгоцѣнныя животныя, тотъ долженъ употребить на это годъ, а москвичи говорили, что на это нужно шесть лѣтъ [1]). Этотъ край называется Сибирью, откуда торгующіе мѣхами обыкновенно возвращаются къ Рождеству. Также намъ сообщали, что руссы, за два года предъ тѣмъ, открыли въ Сибири довольно образованный народъ, живущій въ хорошихъ домахъ и одѣвающійся въ красиво скроенные наряды; но они не могли ни понять языка этого народа, ни узнать его религію. Въ Сибири еще обитаютъ Самоѣды, народъ подходящій къ звѣрямъ болѣе, нежели къ людямъ; этотъ народъ не знаетъ истиннаго Бога, и поклоняется деревьямъ, камнямъ и шкурѣ рогатого скота. Рыбу и мясо ѣдятъ сырьемъ и спятъ на снѣгу. Они считаются царскими подданными, и изъ нихъ нѣсколько человѣкъ постоянно живутъ въ Москвѣ.

19-го декабря царь прибылъ въ одинъ монастырь, находившійся въ трехъ миляхъ отъ Москвы [2]), въ которую на другой день торжественно возвратился. Завернулъ онъ въ монастырь, чтобы тамъ отпраздновать день св. Николая, котораго чествуютъ весьма благоговѣйно.

20-го, по особенной царской милости, и намъ дозволено было смотрѣть на его торжественный въѣздъ; и мы размѣстились на ружейный выстрѣлъ отъ этого зрѣлища.

Тутъ чуть не всѣ обыватели этого большого города расположились на полѣ. На подобающемъ мѣстѣ поставлено было пятьдесятъ пушекъ для привѣтствій. На полумилю отъ города вышли на поклонъ царю всѣ мѣстные и иноземные

---

[1]) Тамъ же, стр. 336, читаемъ: „(Донъ Алегретъ) спрашивалъ у меня... гдѣ у васъ соболи родятся? и я... сказалъ ему: въ Сибири. И онъ спросилъ, долголь де ѣхать отъ Москвы до Сибири? и я... сказалъ, что до первыхъ городовъ Сибирскихъ, до болшого города Тоболска отъ Москвы ѣхать три года, а вдаль туды за Тоболскъ гораздо далеко, мнѣ прото не мочно".

[2]) Можно думать, что это былъ Николо-Угрѣшскій монастырь.

купцы съ дарами. Неимущіе изъ горожанъ поднесли ему хлѣбъ и соль, имущіе привѣтствовали его серебряными блюдами, соболями, бархатомъ, сукномъ, дамасскимъ шелкомъ и т. д. на сумму не менѣе 50000 талеровъ; эти подарки проносятся предъ нимъ, чтобы всѣ видѣли. За это чествованіе онъ любезно всѣхъ благодаритъ, допускаетъ къ цѣлованію руки и назначаетъ имъ день, когда явиться къ нему на обѣдъ. И такъ всегда ожидаютъ царя, когда онъ возвращается съ войны.

Предъ вратами Каменъ-града, которыми входитъ царь, съ обѣихъ сторонъ, были поставлены большіе сосуды съ святой водой, чтобы окропить царя при входѣ, а вокругъ постилаются большіе зеленые суконные ковры. Патріархъ съ духовенствомъ ожидаетъ его въ процессіи, неся много иконъ Богородицы и св. Креста. Когда царь поравняется съ патріархомъ, патріархъ произноситъ по обряду молитву и на главу царя возлагаетъ корону. Послѣ этого онъ произноситъ нѣкоторыя благословенія и молитвы, и снимаетъ съ него корону. Тогда царь начинаетъ что-то шептать патріарху на ухо, и, какъ мнѣ говорили, это была исповѣдь. Послѣ этого подвигается процессія съ божественными пѣснопѣніями, а за нею идетъ пѣшкомъ царь съ непокрытой головой, а съ правой и лѣвой стороны идутъ съ нимъ по боярину, ведя его подъ руку. Мы дивимся смиренію и благочестію царя, при видѣ его съ непокрытой головой въ жесточайшую стужу. Когда онъ поравнялся съ мѣстомъ нашей остановки, громкимъ голосомъ, какъ бы затѣмъ, чтобы мы слышали, онъ велѣлъ спросить императорскихъ пословъ, всѣ ли они въ добромъ здоровьи? Это отличіе всѣми присутствовавшими было принято за великій и рѣдкій почетъ, такъ какъ этого прежде онъ не говорилъ никакимъ посланникамъ, и никогда не допускалъ смотрѣть на его въѣздъ въ городъ. По примѣру царя, и патріархъ благосклонно посмотрѣлъ на насъ и благословилъ. За царемъ вели породистаго коня, везшаго весьма красивыя сани, на которыхъ былъ разложенъ весьма богатый протканный

повсюду золотомъ чапракъ [1]); а предъ ними шло 3000 стрѣльцовъ и 500 рейтаръ вродѣ нашихъ *драгуновъ*. Да еще, кромѣ вышеупомянутыхъ подарковъ, вели предъ ними 50 видныхъ коней въ дивной сбруѣ, изъ которыхъ шесть было подарено герцогомъ Эленштейномъ, а шесть Датскимъ королемъ. Въ царской свитѣ было множество бояръ въ превосходномъ одѣяніи. А онъ былъ облеченъ въ бѣлую шелковую одежду, отороченную сибирскимъ лисьимъ мѣхомъ; князь [2]) красивого вида, лѣтъ 28-ми, изященъ и красивъ, роста немного выше средняго. Прежде входа въ крѣпость онъ остановился подъ однимъ крытымъ входомъ [3]), пока пѣли: *Тебе, Бога хвалимъ,* подъ звуки трубъ, барабановъ и проч.

При всей такой выдающейся торжественности насъ болѣе всего удивляло смиреніе и религіозность такого могучаго царя. Когда довершилось празднованіе, въ обществѣ нашихъ коммиссаровъ мы на санкахъ вернулись домой; хоть мы и довольны были случаемъ видѣть необычныя для насъ и прежде не видѣнныя событія и обычаи, но насъ мучила въ этотъ день чрезвычайно рѣзкая стужа.

21-го, въ день святого апостола Ѳомы, коммиссары впервые сѣли съ нами за столъ, да и то, думаю, не безъ дозволенія Его Величества. Когда мы нѣсколько согрѣлись, начали пить тосты за царя и императора и за ихъ династію, за патріарха, а также и за выдающихся особъ. Въ разговорѣ одинъ изъ коммиссаровъ разсказалъ намъ о томъ, какъ царь спрашивалъ о нашемъ здоровьѣ и, понявъ, что господинъ Алегретичъ *изъ славянскаго племени* [4]), очень обрадовался, и ему весьма пріятно было то, что онъ можетъ

---

[1]) Въ текстѣ: sakrafoc. М. б. санная полость?

[2]) Въ текстѣ knjaz, вмѣсто: car.

[3]) Въ текстѣ: pod jednim trijemom, что можетъ обозначать и паперть.

[4]) Въ текстѣ: *od slovinskoga jezika.* Aligretti происходилъ изъ Дубровницкой фамиліи (Radić), угасшей въ XVIII вѣкѣ.

говорить съ нимъ на своемъ языкѣ. При этомъ самъ коммиссаръ, человѣкъ разсудительный, прибавилъ, какъ умно поступили бы всѣ правительственные дворы, если бы имѣли предусмотрительность посылать къ различнымъ дворамъ, въ качествѣ своихъ посланниковъ, лицъ, знающихъ языкъ державъ, къ которымъ посылаются, чтобы въ важныхъ и щекотливыхъ вопросахъ не ввѣряться слѣпо переводчикамъ. И такъ какъ мы другъ друга хорошо понимали на своемъ языкѣ, то по-дружески пустились въ разговоры различнаго рода: и это обстоятельство, относительно нашего посольства, было весьма полезно какъ имъ, такъ и намъ [1]).

25-го декабря, въ день Рождества Христова, въ субботу, мы были у царя съ привѣтствіемъ, о чемъ насъ оповѣстили за два дня чрезъ одного боярина.

Между тѣмъ мы уговаривались о титулованіи царя, и, послѣ длиннаго спора, порѣшили, что будемъ звать его, какъ Императоръ написалъ въ грамотѣ, *Великимъ Герцогомъ* [2]). Потомъ были принесены подарки, посылаемые ему Императоромъ: два золотые бокала цѣною въ 1000 флориновъ [3]), три куска шелковой матеріи, часы съ зеркаломъ,

---

[1]) Послѣ этихъ словъ въ текстѣ г. Франасовича пропущено слѣдующее мѣсто (приведенное въ „замѣткѣ“ Кукульицы): „anzi con altri ministri che non possedevan la lingua, e che volevan servirsi di interprete si sono scusati dicendo: se sapeste *slovinski* trattaressimo con voi: ma giacchè non la sapete, habbiate pazienza sin che l'appenderete. E pur ben si dice: zaludu je aptjecat strana od svijeta a jezika ne poznat, najčiše onijem koji ni materinijem jezikom neumiju govorit, koji koliko veće žive i veće svijeta vidu, toliko su veće goveda i *bestie*, quali si può dir nati solamente per far lettame al mondo i da bi Bog dô da ih i mi takijeh nijesmo imali s nami i bivši naši nenaučeni pastit ovake *animale* ičinit ih orat silom, treba je bilo vele puta šilkat ih kô goveda; za koje šiljkanje prigali su se u svomu salu i imali *pazienzu* za nevolju“.

[2]) Въ текстѣ: imenom *Velikog Vojvode*. Въ „проѣзжей грамотѣ“ (Пам. стр 262) читаемъ: „пресвѣтлѣйшему В. Кн.“.

[3]) т. е. гульденовъ.

одно постельное одѣяло изъ бѣлаго шелка съ золотомъ [1])—все вмѣстѣ стоимостью въ 3000 флориновъ. Когда мы отправились къ царю, то намъ дозволили быть при сабляхъ только до входа во дворецъ, что мы сильно и тщетно оспаривали [2]). Онъ отправилъ за нами двое саней, крытыхъ атласомъ, однѣ для двоихъ посланниковъ, а другія для меня: остальнымъ нашимъ дали коней. Отъ дома нашего квартированія до царскаго дворца разставлены были по обѣимъ сторонамъ стрѣльцы, на разстояніи итальянской мили, съ знаменами и литаврами.

Прибывъ ко дворцу, мы и тутъ встрѣтили множество стрѣльцовъ, и до первой комнаты все было полно прекрасно одѣтымъ людомъ. Когда мы вступили въ первую комнату, къ намъ подошли два боярина съ привѣтствіемъ отъ царя. Эта комната была загромождена платьемъ, опушеннымъ дорогими сибирскими мѣхами. У дверей пріемнаго покоя, въ которомъ насъ ожидалъ царь, насъ приняли двое бояръ, которые и ввели насъ въ пріемную. Она была полна боярствомъ. Въ половинѣ пріемной насъ остановили у одной колонны, стоявшей на срединѣ комнаты, и съ этого мѣста мы поклонились царю, возсѣдавшему на престолѣ въ царской одеждѣ со скипетромъ [3]) въ рукѣ и съ короной на головѣ. Его одежда была вся усыпана жемчугомъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; тронъ—весь вызолоченъ, а подножіе и всѣ ступеньки украшены серебряными бляхами, а вся пріемная застлана драгоцѣнными персидскими

---

[1]) Въ Памятн. (стр. 374) читаемъ: „великіе послы челомъ бьютъ, въ 2 склянницахъ мyро Великаго Чудотворца Николы, 2 куфшинца золоты съ жемчюги, 2 объяра цвѣтные, по нихъ травы золоты, объярь серебряна, покровецъ шитъ шелкомъ цвѣтной, часы золочены, въ 2 коробкахъ аромать, въ 2 коробкахъ сахару составнаго".

[2]) У Котошихина читаемъ: „а какъ послы пріѣзжаютъ блиско царского двора слазятъ съ лошадей; и слѣзши съ лошадей послы и ихъ дворяне шпаги съ себя снимутъ и идутъ къ царю въ Верхъ безъ шпагъ. (Изд. 1884 г. стр. 68).

[3]) Текстъ: so zezlom u ruci.

коврами. Ниже трона стояли четверо, двое по одну сторону, и двое по другую, въ бѣлой одеждѣ, въ большихъ бѣлыхъ шапкахъ и съ золоченными бубнами (или литаврами) въ рукахъ [1]). Нѣсколько ближе къ трону стояли съ одной стороны царскій тесть [2]) съ державою въ рукѣ, съ другой—одинъ изъ выдающихся бояръ съ царскимъ посохомъ [3]).

Послѣ того, какъ мы поклонились, великій канцлеръ [4]) началъ говорить: „Императоръ римскій Фердинандъ III, твой дорогой и возлюбленный братъ, послалъ сихъ своихъ посланниковъ"... [5]) Сказавши это, нашъ первый посланникъ привѣтствовалъ царя, отъ имени Императора, на нѣмецкомъ языкѣ. Царь всталъ съ трона, поблагодарилъ за любовь Императора, и спросилъ насъ о здоровьѣ *своего дражайшаго и возлюбленнаго* брата Императора, а затѣмъ спросилъ и о нашемъ здоровьѣ. Послѣ этого мы всѣ поцѣловали его руку. Потомъ великій канцлеръ прочиталъ по грамотѣ о количествѣ и родѣ подносимыхъ царю подарковъ, которые царь и приказалъ показать ему. Наконецъ, спросилъ посланниковъ, не имѣютъ ли еще что-нибудь сказать? Они отвѣчали ему, что имѣютъ кое о чемъ тайно сообщить ему, и онъ замѣтилъ, что онъ удовлетворитъ ихъ. И такъ мы простились съ нимъ и возвратились домой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и являлись.

Черезъ насъ царь послалъ намъ изъ дворца обѣдъ съ одной тарелкой, одной вилкой и однимъ ножемъ для гос-

---

[1]) Да подлѣ Царя жъ, по обѣ стороны, стоятъ рынды, четыре человѣка, наряжены въ бѣлое платье камчатое на горностаяхъ, въ шапкахъ бѣлыхъ же высокихъ, и въ сапогахъ... (Кот. 68—69).

[2]) И. Д. Милославскій.

[3]) Въ текстѣ: sa žezlom.

[4]) Въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" (2-е изд., ч. 20, стр. 151) находимъ: „иностраные прежнихъ временъ писатели въ путешественныхъ своихъ описаніяхъ о Россіи, пишутъ о Дьякахъ съ столь великимъ почтеніемъ, что называютъ ихъ *Канцлерами*, слѣдуя въ томъ обычаямъ нѣкоторыхъ народовъ, называвшихъ тогда и у себя письмопроизводителей судебныхъ мѣстъ *канцлерами*".

[5]) И здѣсь въ рукописи перерывъ.

подина Алегретича.—Такъ какъ это былъ день ихъ поста [1]), намъ принесли отборной рыбы, приготовленной по ихнему вкусу; такъ закончился первый пріемъ.

На другой день ночью великій канцлеръ приходилъ, не знаю что, тайно переговорить съ посланниками, и такъ приходилъ много разъ. 27-го мы были вторично у царя (тутъ онъ ждалъ въ другой комнатѣ, которая была много меньше первой) и имѣли случай ближе наблюдать царя: лицо его было бѣло-румяное, волосы золотистые, носъ крючковатый, царь былъ живого и веселаго характера, исполненъ величія, однимъ словомъ, красивый человѣкъ. И тогда при немъ было достаточно бояръ. Исполнивъ обычныя церемоніи, наши изъявили ему благодарность за присланный обѣдъ. Затѣмъ чрезъ великаго канцлера онъ сообщилъ намъ, что избралъ четырехъ бояръ, которые въ обществѣ самого великаго канцлера будутъ вести дѣла съ нами; за это они поблагодарили его. Тогда насъ повели въ другую комнату, гдѣ мы и встрѣтили указанныхъ четверыхъ бояръ, и здѣсь съ великимъ канцлеромъ начали разсуждать о дѣлахъ, и эта бесѣда длилась три часа; потомъ отвели насъ домой; такъ закончилась вторая бесѣда; 29-го слѣдовала—третья, а 30-го—четвертая. 3-го января (1656) было пятое свиданіе, за которымъ слѣдовало еще нѣсколько: 8-го того-же мѣсяца опять свидѣлись; а такъ какъ кое-что было уже закончено, то обѣ стороны порѣшили послать Императору курьера съ извѣщеніемъ о томъ, что сдѣлано: наши выбрали прапорщика Николу Минчетича, угра [2]), а они одного дьяка, которые съ прислугою отправились въ Вѣну, 18-го числа.

[1]) Очевидно авторъ путешествія выставилъ дату своего лѣтосчисленія; по ней 25-е декабря соотвѣтствуетъ нашему 15 декабря. Въ январскомъ 1655 году $^{15}/_{25}$ декабря приходилось въ субботу.

[2]) Въ примѣчаніи къ тексту г. Кукульицы сказано, что Никола Минчетичъ (въ рукописи: Mincetti тоже происходилъ изъ Дубровницкой фамиліи Menzeno С. Х. Минчетичь. Авторъ называетъ его угромъ (Ungarezom) можетъ быть потому, что онъ былъ въ военной службѣ въ Угріи; такимъ образомъ, это важное посольство состояло преимущественно изъ дубровничанъ.

28 числа Шведскіе послы привѣтствовали царя, принеся ему подарки отъ имени своего короля (все серебряныя позолоченныя вещи, донесенныя шестьюдесятью человѣками) цѣною на 15000 флориновъ.

Еще 28-го прошлаго декабря я сталъ чувствовать себя нездоровымъ, но перемогался до 18 января, когда принужденъ былъ слечь въ постель. Только на десятый день могъ добиться врача, какого-то нѣмца Эрманна, почтеннаго и веселаго человѣка. Въ день нашего прославленнаго св. Власія я всталъ съ постели, а въ половинѣ марта совсѣмъ оправился.

9-го апрѣля было цвѣтное воскресенье, праздникъ, чествуемый руссами болѣе другихъ церковныхъ праздниковъ. Слѣдуетъ описать его.

Божественная служба начинается процессіей, на которой присутствуетъ царь съ своими придворными и патріархъ со всѣмъ духовенствомъ. Процессія отправляется въ церковь, называемую *Іерусалимомъ* [1]), оттуда сходятся подъ однимъ шатромъ, гдѣ патріархъ прежде всего читаетъ царю нѣкоторыя благословенія и потомъ совершаетъ предписанные церковные обряды, которые продолжаются добрыхъ два часа; за тѣмъ патріархъ одѣляетъ, начиная съ царя, и потомъ по очереди бояръ, сообразно съ ихъ значеніемъ, освященными пальмами [2]).

Послѣ этого патріархъ садится на осла [3]), а его свѣтлость царь идетъ пѣшкомъ предъ нимъ, ведя патріаршаго

---

[1]) Вербное Воскресеніе. Въ 1656 январскомъ году Пасха приходилась $^{6}/_{16}$ апрѣля; слѣдовательно Вербное Воскресеніе было $\frac{30\text{ марта}}{9\text{ апрѣля}}$.

[2]) Покровско-Троицкій соборъ (Василій Блаженный). Еще Снегирекъ (въ Памятникахъ Московской древности, стр. 342) замѣтилъ, что „иностранные писатели XVII столѣтія называли его *Іерусалимомъ*, вѣроятно по придѣлу Входа въ Іерусалимъ.

[3]) Дѣйствительно, финиковыя вѣтви и вербу.

[4]) Т. е. коня, въ бѣломъ суконномъ *каптурѣ* (родъ попоны, закрывавшей и голову лошади). Подробности см. въ книгѣ Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей“, Т. I.

осла за уздy; между тѣмъ предъ царемъ идетъ небольшая толпа солдатъ, бросая ему подъ ноги по куску въ два локтя цвѣтнаго сукна, а предъ толпою влекутъ колесницу, на которой утверждена древесная вѣтвь, украшенная яблоками и другими плодами [1]), а около нея идетъ кучка дѣтей въ бѣлой одеждѣ, съ пѣніемъ; такъ возвращаются въ царскій дворецъ. И при этой церемоніи мы имѣли разрѣшеніе смотрѣть это торжество, къ чему напрасно стремилось шведское посольство. Въ великую субботу сюда прибылъ посолъ польскаго короля, Петръ Раленскій, съ 30-ю особами. На четвертый день ему было дозволено привѣтствовать царя. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, только послѣ отпуска отъ царя, ему дозволено было насъ навѣстить. При отъѣздѣ онъ подалъ господину Алегретичу двѣ грамоты: одну отъ королей, а другую отъ великаго польскаго канцлера; послѣ этого онъ отправился на свою квартиру, отстоящую отъ нашей на добрую итальянскую милю.

1-го мая къ намъ явился великій канцлеръ и передалъ намъ отъ его свѣтлости, что такъ какъ еще не возвратился изъ Вѣны ни нашъ прапорщикъ, ни его курьеръ, а его свѣтлость долженъ отправиться въ Смоленскъ, то чтобы и мы готовились въ путь и возвратились къ императору, не имѣя здѣсь больше дѣла: но прежде чѣмъ будемъ разставаться, мы должны явиться къ нему на обѣдъ, а онъ насъ отпуститъ... На это господинъ Алегретичъ отвѣтилъ: „мы охотно разстались бы, но отсюда мы не смѣемъ двинуться, пока не вернутся люди, отправленные къ императору“. На этотъ отвѣтъ царь собралъ совѣтъ и на шестой день чрезъ великаго канцлера сообщилъ намъ, что слѣдуетъ уѣзжать, такъ какъ мы сдѣлали все, зачѣмъ были посланы; если же на пути получимъ какой-нибудь отвѣтъ отъ императора, то смѣло можемъ вернуться“. Тщетно мы сопротивлялись: нужно было отправляться. Также напрасно просили мы дозволенія ѣхать чрезъ Смоленскъ: мы должны были избрать опредѣленную для насъ дорогу чрезъ Новгородъ въ Ригу.

[1]) Въ текстѣ: i drugim spotnarijama.

14-го числа отправились мы на царскій обѣдъ, на который приглашены были всѣ бояре и его придворные. Прежде всего насъ ввели въ одинъ залъ, гдѣ мы застали царя на тронѣ. Послѣ того какъ мы произнесли ему привѣтствіе, насъ перевели въ другую комнату, гдѣ мы въ ожиданіи провели добрыхъ три часа. Наконецъ, насъ ввели въ ту комнату, въ которой мы въ первый разъ привѣтствовали царя, въ лучшую комнату во дворцѣ. Здѣсь мы застали царя на тронѣ; предъ нимъ накрытый столъ, за которымъ онъ возсѣдалъ, и который былъ четырьмя ступеньками выше остальныхъ накрытыхъ столовъ. По правую руку за однимъ столомъ отдѣльно сидѣли—сынъ короля . . . . .[1]) видный кавалеръ, лѣтъ пятнадцати и . . . . . Сибири . . . . . Татаріи, уродливые люди, которымъ не къ лицу бы быть слугами вышеупомянутому королевичу (sic)[2]). Съ лѣвой стороны былъ третій столъ, за который сѣли мы со своей свитой, коммиссары и нѣсколько бояръ; а около стояли остальные находившіеся бояре и придворные. Между всѣми отличался одинъ столъ, стоявшій прямо противъ царскаго, за которымъ сидѣло до пятидесяти нищихъ. Это насъ тронуло до глубины души, при видѣ такой благости и доброты: а еще далѣе и то, что онъ посылалъ имъ съ своего стола и ѣду и питье чрезъ посредство своихъ выдающихся бояръ; подвигъ, достойный величайшей похвалы.

У дверей на возвышенномъ мѣстѣ стояли суренщики, которые играли и пѣли по-своему[3]).

Посреди комнаты, около одной колонны, поддерживающей потолокъ, стояло четвероугольное хранилище сере-

---

[1]) Точки обозначаютъ въ рук. перерывъ.

[2]) Въ Памятн., стр. 235, читаемъ: „Да у государя жъ ѣли Грузинской, да Касимовской да Сибирскіе Царевичи“ (изъ потомковъ Кучума).

[3]) А будетъ трубниковъ и литаврщиковъ, и суренщиковъ въ царскомъ дому всѣхъ человѣкъ со 100. . . . . А прямыхъ истинныхъ добрыхъ трубачѣевъ выберется въ царскомъ дому человѣкъ до 6 или мало болши (Кот., стр. 100); у автора: kod vrata na uzdignutom mjestu stojachu sviraći, koji svirahu i pjevachu na jihovu.

бряныхъ сосудовъ, вызолоченое, цѣнимое въ сто тысячь флориновъ.

Усѣвшись, царь посылалъ намъ со своего стола хлѣбъ, питія и яства; и бояринъ, подававшій намъ, каждый разъ говорилъ: „*Царь и великій князь посылаетъ это вамъ*“, и всѣмъ это говорилъ, ходя вокругъ. Только трое, сидѣвшіе по правую руку отъ царя, если имъ что подавали, должны были по одиночкѣ подходить къ нему. Когда подносили имъ питіе, то оно дѣлилось такъ: молодому королевичу подавались три чаши, Сибиряку—двѣ, татарину—одна; этотъ же порядокъ наблюдался и въ кушаньѣ. Въ половинѣ обѣда царь подозвалъ къ себѣ всѣхъ посланниковъ, бояръ и царевича, и, вставши, съ открытой головой, съ большой хрустальной чашей въ рукѣ, выпилъ за здоровье императора, говоря: „Я пью за здоровье моего дражайшаго брата Фердинанда Третьяго, коему да подастъ Господь здравіе и долголѣтіе; да продолжается между нами, какъ и между нашими предками, братская любовь и дружба; да въ согласіи уничтожимъ враговъ святой каѳолической вѣры“. Сказавъ это, онъ выпилъ всю чашу. Послѣ этого тоста онъ велѣлъ откупорить двѣ объемистыя бутылки испанскаго вина и своею рукою налилъ двоимъ нашимъ посламъ по чашѣ, чтобы они выпили за здоровье своего императора. Когда до меня дошла очередь, и, по моей просьбѣ, мнѣ подали чашу воды, то царь съ удивленіемъ спросилъ меня, какъ могу я, безъ вреда, пить столько воды, я отвѣтилъ, что уже давно привыкъ къ этому. За нами по очереди пили всѣ другіе, начиная съ царевичей и бояръ. И, дѣйствительно, пріятно было видѣть, какъ гурьбами съ чашами въ рукахъ подходили къ царю общества отъ каждаго стола, отдѣльно одно отъ другого. Послѣдними были польскіе (перекрещенные) дворяне, которымъ царь сказалъ: пейте за здоровье императора, моего дражайшаго брата, и ударьте челомъ до земли. И они, выпивъ свои чаши, преклонили колѣни и ударили челомъ о полъ. Когда всѣ совершили тостъ, господинъ Алегретичъ выпилъ за царя, а по его примѣру и всѣ другъ

за другомъ. Такимъ образомъ при повтореніяхъ тостовъ всѣ сильно разогрѣлись и наши почти опились.

Господинъ Алегретичъ, такъ какъ былъ веселъ и пьянъ, рѣшился подойти къ самому царю и началъ съ нимъ говорить. Но такъ какъ языкъ у Алегретича путался, царь велѣлъ мнѣ подойти къ себѣ и, при моей помощи, сталъ съ нимъ разговаривать. И если царь желалъ кому-либо что сказать, приказывалъ мнѣ подходить къ нему и часто повторялъ мнѣ: помни хорошо, что я говорю, чтобы потомъ съумѣть передать Императору и его боярамъ при Императорскомъ дворѣ, да и твоимъ друзьямъ, когда отрезвятся, а теперь они на веселѣ и не знаютъ, что я говорю. На это я отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ и какъ приличествовало, и все на своемъ природномъ языкѣ, а царь на своемъ. И когда нашихъ пословъ отвели на свои мѣста, такъ какъ они не могли держаться на ногахъ, я одинъ остался бесѣдовать съ царемъ, и онъ, взявъ меня за руку, возобновилъ порученіе не забывать въ разсказѣ Императору, что я слышалъ и видѣлъ у царя. Онъ говорилъ мнѣ не мало и о другихъ вещахъ. И онъ собственноручно подарилъ мнѣ одну тарелку, и при мнѣ приказалъ своему великому канцлеру, чтобы это было прибавлено къ подарку, который для меня былъ записанъ [1]).

---

[1]) Въ „Замѣткѣ“, сопровождающей текстъ, г. Кукульица по рукописи прибавилъ варіантъ этихъ строкъ: „prvo sig. Aligretto, pristupiše polak samoga Cara, i uzô s njim govorit, i nemogući *esprimat* dobro riječi meni je činio Car uzit prida nj i govorio sve sa mnom što bi s njim govorio. Takogjen svegj *present*; govoreći mi svegj: Slušâ dobro što govorim, neka paka umjieš spovjgjet Cesaru i bojarom ćesarskijem u ćesarovu dvoru, i takogjev.... kad se raztriezne zašto su sad vesoli, ne znadu što im ja govorim; na koji vam ja odgovorio kako sam umio i kako se pristojalo i sve mojijem jezikom naravnijem, a Car svojijem. Budući odveli na svoje mjesto sjestit *ambasciature* ne mogući stat na nogam, ja sam *tuttavia* ostô govoreći s Carom, gdje me uhitio za ruku *replikavajući* mi da ne zabora vim spovigjet bojarim ćesarovijem sve što sam čuo i vidio od njega, govoreći mi vele druzijch riječi: i tu mi je darovô jedun *pjat*.... i prida

И когда я поцѣловалъ послѣ этого у него руку, сказалъ мнѣ: „ты добрый юнакъ и еще лучшимъ будешь воиномъ“ [1]). На это я учтивѣйшимъ образомъ поблагодарилъ его. Кромѣ этой бесѣды, онъ съ удовольствіемъ и не разъ говорилъ мнѣ, насколько онъ дружественъ къ Императору и за его любовь только воздержится окончательно побѣдить поляковъ и съ ними заключитъ перемиріе, да готовъ и миръ заключить, чего ни для кого другого не сдѣлалъ бы; и прибавилъ, какъ думаетъ свидѣться съ Императоромъ, чтобы подавить общаго врага нашей вѣры, да не радуется дьяволъ нашей бѣдѣ, но печалится при нашемъ благѣ. И хоть онъ не опредѣлилъ, кто этотъ общій врагъ, но очевидно было, что онъ подразумѣвалъ Шведа, какъ и подтвердили послѣдствія. Онъ прибавилъ еще, что весьма удивляется тому, что Императоръ дозволилъ своимъ подданнымъ вступать въ военную службу Швеціи, особымъ голосомъ упирая рѣчь противъ нѣкоего Валдемара. Я отвѣтилъ ему, что этому нечего удивляться, такъ какъ твое царское величество вѣдаетъ, что нѣмецкая земля велика, и въ ней много Императорскихъ враговъ и отступниковъ отъ правой вѣры, и что всѣ и малые и большіе, которые не согласились на обращеніе себя въ правую вѣру, были изгнаны: и такъ изъ этого слѣдовало, что они, не зная сами куда, ушли и уходятъ на службу къ врагамъ императора. Этими разсужденіями съ моей стороны царь остался вполнѣ доволенъ.

Такъ какъ уже смеркалось, а наши не въ состояніи были отправиться домой, то царь подарилъ намъ свою шестиконную карету, говоря мнѣ: „ни одному послу я прежде не давалъ, не сдѣлалъ и не оказалъ такой милости, какую те-

---

mnom naredio je Kancelijeru Velikomu da mi da veći *present* nego je bio *terminô* od prie dat mi.... Т. е. чтобы мнѣ былъ данъ подарокъ, болѣе дорогой, чѣмъ былъ прежде назначенъ. Вмѣсто tanjur (тарелка) вѣрнѣе было бы блюдо (pjat).

[1]) Эти слова, кажется, доказываютъ, что Гундуличъ былъ очень молодъ въ 1655 году.

перь окажу императорскимъ посламъ", и дѣйствительно, это отличіе всѣми было сочтено за большую и необыкновенную почесть; онъ желалъ, чтобы насъ конвоировали до кареты важнѣйшіе изъ его бояръ и даже его дядя [1]); а самъ онъ смотрѣлъ на насъ въ окно и привѣтствовалъ; о такъ какъ мнѣ одному предоставлено было исполнять обязанность этикета въ отношеніи ко всѣмъ, то царь весьма меня и полюбилъ. Такимъ образомъ мы вернулись домой, провожаемые съ фонарями, бубнами, придворными и другими торжественными отличіями, къ великому удивленію зрителей—туземцевъ и иностранцевъ: всѣ единогласно признавали, что въ жизнь свою не видали еще такой царской милости.

Вернувшись домой, всѣ полегли какъ мертвые, и полопались бы, если бы не облегчались чрезъ посредство глотки. Какъ только раскидались они по постелямъ, явился бояринъ съ новымъ питіемъ, но такъ какъ всѣ были скорѣе мертвые, чѣмъ живые, то онъ ушелъ.

На другой день дядя царя, Симеонъ Лукьяновичъ, веселый и вѣжливый человѣкъ, и великій канцлеръ послали спросить насъ, хорошо ли мы выспались и здоровы ли.

18-го насъ пригласили во дворецъ и дали намъ оправдательные документы. Когда мы вернулись домой, бояринъ Петръ Шереметовичъ [2]) доставилъ намъ отъ царя обѣдъ.

На другой день царь послалъ намъ въ даръ соболь-ихъ мѣховъ сообразно съ нашимъ положеніемъ, т. е. двоимъ посламъ 64 десятка, мнѣ—восемь десятковъ, осталь-

---

[1]) А какъ послы пошли изъ палаты вонъ, и по государеву указу провожалъ пословъ до кареты бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, а въ карету посадилъ пословъ столникъ и Московской ловчей Аѳонасей Ивановичъ Матюшкинъ; а карета была посламъ для того, что они были пьяны. И послѣ посолского отпуску посыланъ былъ къ нимъ потчивать съ питьемъ столникъ Петръ Шереметевъ; и пріѣхалъ назадъ со всѣмъ, не потчивавъ пословъ, для того что послы были пьяны". Памятн. стр. 438.

[2]) Стольникъ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ.

нымъ—по три и по два десятка. 21-го мая (въ воскресенье) послѣ обѣда мы оставили Москву, съ нашей колесницей, четырьмя экипажами и тридцатью конями. Къ ночи доѣхали до Никольскаго, гдѣ и ночевали.

На другой день на зарѣ явился къ намъ Василій Сейменовичъ [1]), бывшій у насъ коммисаромъ, съ царскимъ наказомъ, чтобы мы остановились и ждали пріѣзда сюда князя Георгія Ивановича [2]), царскаго постельничаго. Вскорѣ прибылъ и этотъ Ивановичъ, человѣкъ вѣжливый и знающій латинскій языкъ. Онъ намъ сказалъ, что царь черезъ два дня отправляется на войну и желаетъ чтобы мы видѣли его отбытіе. Возвратившись на нашу прежнюю квартиру, мы четыре дня ждали царскаго отъѣзда; за это время насъ угощали побарски по порученію царя. Въ четвертокъ въ Спасовъ день [3]) царь отправился. Предъ храмомъ пр. Троицы, называемымъ ими Іерусалимомъ [4]), для насъ устроено было возвышеніе, все покрытое персидскими коврами, чтобы оттуда намъ виденъ былъ проѣздъ его и его служителей. Предъ ними шло до 6000 тысячь стрѣльцовъ, позади бояре и прислуга, которая вела тридцать прекрасныхъ коней и три кареты, изъ коихъ одна была вся вызолочена съ кресломъ по срединѣ.

Подъ однимъ деревяннымъ навѣсомъ, нарочно для для того устроеннымъ, его ждали патріархи—Антіохійскій и Московскій, которые благословляли его. Послѣ этого всѣ, которые должны были остаться въ Москвѣ, сообразно съ своимъ достоинствомъ, подошли къ его рукѣ, кланяясь ему до земли; ранѣе всѣхъ это сдѣлалъ царевичъ. Когда эта церемонія кончилась, царь пѣшкомъ дошелъ до насъ, сѣлъ

---

[1]) Василій Семеновичъ Волынскій.

[2]) Не можетъ ли здѣсь подразумѣваться постельничій (1764 г.), стряпчій съ ключемъ, Григорій Ивановичъ Ртищевъ? У автора: Knez Gjorgje Ivanowić carev posteljnik.

[3]) Т. е. Вознесеніе, которое въ 1656 янв. году приходилось 16/26 мая.

[4]) Василія блаженнаго.

на стулъ, крытый кармазиннымъ сукномъ, и подозвалъ насъ къ себѣ, а мы поцѣловали его руку. Мнѣ онъ снова поручалъ не забывать о передачѣ Императору всего, что онъ мнѣ раньше говорилъ; и приказалъ великому канцлеру доставить намъ еще нѣсколько десятковъ соболей. Простившись такимъ образомъ и поцѣловавъ его руку, мы ушли на свое мѣсто; а онъ сѣлъ на коня и отправился, провожаемый своими боярами, при звукахъ трубъ и бубновъ; все это было очень красиво. Послѣднею шла его стража въ красивой одеждѣ; одна сотня отъ другой отличалась цвѣтомъ одежды. Патріархи стояли и благословляли, пока всѣ не прошли.

26 мая мы отправились изъ Москвы и прибыли вечеромъ, какъ и въ первый разъ въ Никольское; оттуда на другой день на разсвѣтѣ двинулись къ Новгороду. 8-го іюня были въ Бровницѣ [1]), 9-го въ полночь—въ монастырѣ св. Георгія [2]) у Новгорода, гдѣ отдыхали полтора дня; а 11-го съ попутнымъ вѣтромъ доѣхали до села Боръ [3]), гдѣ и ночевали. Оттуда, выспавшись въ селѣ Солца [4]), продолжали путь, въ праздникъ Тѣла Господня, 15-го прибыли въ Плесковъ [5]). Здѣсь насъ захватилъ одинъ курьеръ, посланный нашимъ прапорщикомъ, который, возвратясь изъ Вѣны, въ Смоленскѣ ожидалъ царя, и тотъ далъ ему проводника, чтобы довезти его къ намъ. Это насъ весьма обрадовало, особенно потому, что мы еще не вступили на шведскую границу. На другой день насъ настигъ нашъ прапорщикъ, и, увидѣвъ содержаніе доставленныхъ намъ черезъ него грамотъ, мы должны были возвратиться къ царю и ждать его въ Полескѣ (Порѣчскѣ?) [6]). Но такъ какъ господинъ Алегре-

[1]) Бронницы, село Новгородской губ.

[2]) Такъ называемый Юрьевскій монастырь въ трехъ верстахъ отъ Новгорода.

[3]) Борокъ.

[4]) Сольцы.

[5]) Псковъ.

[6]) Въ Полоцкѣ.

тичь нѣсколько занемогъ, то мы остались въ Плесковѣ восемь дней. 23-го мы двинулись въ путь, и 25-го добрались до Опучка [1]), укрѣпленнаго города. 26 го, выбравшись изъ Опучка, прибыли мы въ одно село недалеко отъ Полескаго [2]), гдѣ насъ заживо съѣли комары, не давая намъ покоя ни днемъ ни ночью; здѣсь мы оставались восемь дней. 8 іюля прибыли мы въ Полеско, гдѣ, по распоряженію царя, насъ торжественно встрѣтили. Полеско, литовскій городъ, до этой войны принадлежалъ Польшѣ. Дома въ немъ деревянные. Есть церковь и домъ іезуитовъ—церковь разрушена.

При польскомъ правительствѣ іезуиты владѣли здѣсь 8000 крестьянъ. 14-го чрезъ этотъ городъ къ Ливоніи прошло тридцатитысячное войско, снабженное боевыми запасами на полгода. На другой день прибылъ царь, котораго ожидали мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ. За день до царскаго прибытія въ Полеско, командующій войсками велѣлъ убрать одно распятіе, бывшее надъ городскими воротами, потому что оно было сдѣлано не по-русски: этотъ гнусный поступокъ я видѣлъ своими глазами: дѣло невыразимаго варварства.

Но вообще говорили, что это поруганіе было совершено безъ вѣдома царя, который, будучи человѣкомъ утонченнымъ и умѣреннымъ, не допустилъ бы такого беззаконія. Другое войско, подъ начальствомъ вождя князя Алексѣя Никитича Трубецкого, двигалось на Ингрію и Нарву; третье — въ Карелiи противъ Шведовъ, четвертое—на Польшу, пятое—на татаръ, шестое около Архангела [3]) наблюдало за англичанами, которыхъ подозрѣвали въ союзѣ съ Шведами: всего было до 350,000 солдатъ.

20 го числа въ четвертокъ, послѣ долгаго спора о титулованіи—такъ какъ бояре желали чтобы императоръ назвалъ Царя „Dux Smolicensis, Severiensis, Altae [4]) Russiae, et magni

[1]) Опочка, Псковской губ.

[2]) Полоцкъ въ текстѣ всюду: Polesko.

[3]) Архангельскъ.

[4]) Описка или опечатка вмѣсто Albae.

Ducatus Lituaniae", а Императоръ, дѣлаясь посредникомъ между Царемъ и Польшей, не соглашался на это—мы были приняты царемъ: и на этотъ разъ онъ хотѣлъ оставить насъ у себя на обѣдъ, но такъ какъ господинъ Алегретичъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, царь послалъ намъ обѣдъ на квартиру. Царь принялъ насъ въ домѣ іезуитовъ, гдѣ онъ помѣщался. Царь сидѣлъ на тронѣ, а съ нимъ были его тайные совѣтники.

Когда господинъ Алегретичъ вручилъ царю Императорскія грамоты, царь велѣлъ принять насъ въ другой комнатѣ, гдѣ мы стояли цѣлый часъ. Потомъ пришелъ царскій чиновникъ, Теодоръ Михайловичъ [1]), отличный кавалеръ, вѣжливый, какъ цивилизованнѣйшій итальянецъ, и ввелъ насъ къ царю, котораго мы нашли за накрытымъ столомъ. Онъ подозвалъ къ себѣ пословъ, меня и переводчика. Прежде всего онъ пожаловался господину Алегретичу на то, что Императоръ не желаетъ признать вполнѣ царскаго титулованія. Въ это самое время Илья Дасичеловичъ [2]) и Борисъ Ивановичъ [3]), первый—тесть, а второй—своякъ царя, задавали и мнѣ вопросъ по этому дѣлу; я отвѣтилъ имъ, какъ умѣлъ. Послѣ этого царь спросилъ: всегда ли будетъ ему другомъ императоръ? и правда ли, что Бранденбужецъ послалъ на помощь Шведу 8000-ное войско? и все время удивлялся, почему императоръ не отвѣчалъ ему на нѣкоторые вопросы, которые онъ предлагалъ черезъ курьера. Онъ сказалъ, что пошлетъ къ императору [4]) своихъ пословъ, но совѣтовалъ, прежде чѣмъ они отправятся, чтобы наши послали курьеровъ къ императору, сообщая съ извѣщеніемъ со стороны царя, что онъ ударитъ и на Шведовъ и на Поляковъ одновременно, что онъ отправитъ пословъ къ Дат-

---

[1]) Ѳедоръ Михаиловичъ Ртищевъ стольникъ.

[2]) Илья Даниловичъ Милославскій.

[3]) Борисъ Ивановичъ Морозовъ.

[4]) Въ текстѣ: к Сагu.—Я предполагаю: к Свеагu.

скому королю съ просьбою, чтобы и онъ ударилъ, а поэтому пусть и императоръ соблаговолитъ ударить на Шведовъ.

На всѣ эти пункты Алегретичъ отвѣчалъ ему, какъ слѣдовало. А мнѣ царь особенно рекомендовалъ, чтобы все это я точно перевелъ Леопаху [1]), который не понималъ нашей рѣчи, а толмачь, какой-то новокрещеный курляндецъ, не очень былъ свѣдущъ въ нашемъ языкѣ.

Послѣ этого царь приказалъ принести столько чашъ, сколько было тамъ насъ присутствовавшихъ, и, вставъ съ непокрытой головой, выпилъ тостъ за императора, *чтобы быть всегда друзьями, какъ были ихъ предки.* И каждому, по степени его положенія, наполнилъ чашу.

Послѣ тостовъ онъ назначилъ намъ новые подарки, рекомендовалъ своихъ пословъ, которые должны были прибыть въ Вильну для заключенія мира съ Поляками, и мы, поцѣловавъ его руку, отправились на квартиру съ своимъ коммиссаромъ.

22-го изъ Варшавы явился вѣстникъ отъ польскаго короля, который на другой день былъ у царя. Онъ сообщилъ намъ, что отъ своего короля имѣетъ грамоту господину Алегретичу, которую долженъ собственноручно передать, когда будетъ допущенъ.

23-го царь съ войскомъ пошелъ въ Динабургъ, а въ этотъ же день явился къ намъ на ужинъ польскій Чернинскій вѣстникъ, на слѣдующее утро отправившійся въ Вильну, куда и мы послѣдовали, въ сопровожденіи 10,000-ной пѣхоты и конницы.

8-го августа добрались мы до Вильны: до этой войны это былъ прекрасный городъ, съ весьма большимъ предмѣстьемъ, съ красивыми каменными домами; а теперь городъ и предмѣстье, да и церкви, и мертвыя кости въ могилахъ... все было пожжено и осквернено.

---

[1]) Въ текстѣ: da... istumaćim *Leopachu.* А между тѣмъ всюду въ документахъ, касающихся переговоровъ, онъ называется—съ нѣкоторыми искаженіями—*Лорбахъ* (см. Памятн. стр. 1204). Въ австрійскихъ документахъ находимъ ту же форму.

10-го этого мѣсяца явились польскіе уполномоченные:

Лица замѣстителей:

Императорскіе упономоченные:—Ill... mus D. Alligrettus de Alligretti, et Ioannes Teodoricus a Leopah.

Польскихъ уполномоченныхъ пятеро:—Ioannes Casimirus Krasienski [1]) Palatinus Plosceviensis, Christophorus Zaciska [2]) Maresciallus Magni D. L. (Ducis Livoniae), Ioannes Zaciska [3]) nominatus Episcopus Vilacensis, Cyprianus Paulus Brostovski [4]) Referendarius M. D. L. Stanislaus Serbojevski [5]) starosta Gabojenski.

Уполномоченныхъ русскихъ пятеро: Князь Николай Ивановичъ Дроевскій [6]), ближній бояринъ и намѣстникъ Астраханскій; князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, окольничій и намѣстникъ Резанскій; Василій Александровичъ Кавлаконъ [7]), окольничій и намѣстникъ Клажерскій; Дьякъ Герасимъ Сейменовичъ Дактуровъ [8]); Дьякъ Яфимъ Радивановичъ Дьюрдьевъ [9]).

Прелиминаріи.

1. Русскіе уполномоченные не допускали Поляковъ жить въ Вильнѣ. Поляки оспаривали это, но при нашемъ посредничествѣ согласились жить въ двухъ миляхъ отъ Вильны.

2. Споръ о присягѣ и титулованіи порѣшенъ: Польскому королю дать титулъ „Королевское Величество“, а Рус-

---

[1]) Jan Kazimierz na Krasnym Krasiński wojewoda Płocki, т. е. Плоцкій, а не Полоцкій, какъ замѣтилъ Соловьевъ, кн. II, стр. 1698.

[2]) Krzysztof Zawisza na Baksztach.

[3]) Jan Dowgiałło Zawisza, nominat Biskup Wileński.

[4]) Cypryjan Paweł Brzostowski.

[5]) Stanisław Sarbiewski, starosta Grabowiecki.

[6]) Никита Ивановичъ Одоевскій. У Соловьева (кн. II, стр. 1698, изд. Общ. Пользы) описка: (Иванъ Никитичъ Одоевскій).

[7]) Василій Александровичъ Чоглоковъ, нам. Алаторскій. Въ „Памятникахъ“ не упоминается.

[8]) Герасимъ Семеновичъ Дохтуровъ.

[9]) Еѳимъ Юрьевъ.

скому „Царское Величество“. А двое польскихъ и двое русскихъ уполномоченныхъ присягаютъ, что обѣ стороны не будутъ ни въ чемъ обижать другъ друга, пока существуютъ условія мира, будетъ ли онъ законченъ или не будетъ.

3. Гдѣ сходиться для договоровъ о мирѣ. Наконецъ, послѣ долгой проволочки порѣшили сходиться на полѣ—въ милѣ отъ города—на треугольникѣ, поставить одну палатку для насъ, одну для руссовъ, одну—для поляковъ; а среди нихъ одну палатку подъ именемъ *царской палатки* для собраній.

Первое собраніе произошло 22 августа, во вторникъ. Руссы прибыли съ 3000 легкой кавалеріи. двумя полками драгунъ и тремя полками пѣхоты, а польскіе уполномоченные съ нѣсколькими дворянами и служителями—всего до 300 лицъ. Прежде всего руссы начали бесѣду, силясь упорно доказать, что они правы, и что Богъ далъ имъ побѣду. Поляки стали умно отражать ихъ разсужденія, и возникшій споръ длился четыре часа. Но наши прервали ихъ споръ, доказывая, что безполезно останавливаться на вопросѣ, который не касается главнаго предмета. По окончаніи этого разногласія, руссы предъявили свои требованія: такъ какъ царь повсюду побѣдилъ поляковъ, то желаетъ, чтобы они уступили ему занятыя земли, т. е. воеводства: Смоленское, Северинское [1]), Положенское [2]) и Литовское, а къ этому, какъ военное вознагражденіе, пусть еще прибавятъ десять мильоновъ рублей. Если на это согласятся, Россія заключитъ съ Польшей вѣчный миръ и дружбу. Поляки потребовали, чтобы эти представленія были имъ переданы на письмѣ. Тутъ закончилось первое собраніе.

На второмъ собраніи 24 числа, поляки дали отвѣтъ на русскія представленія, говоря—пусть руссы возвратятъ всѣ края, несправедливо ими отнятые, да сверхъ того пусть прибавятъ десять мильоновъ рублей за ущербъ, причиненный этимъ краямъ войною. Руссы отвѣчали на это, что

[1]) Новгородъ-Сѣверское.

[2]) Полоцкое.

откажутся отъ требованія десяти мильоновъ рублей, если поляки уступятъ имъ все Литовское воеводство. Эти безстыдныя требованія со стороны руссовъ сдѣлали безплодными и слѣдующія засѣданія. На четвертомъ собраніи они требовали, чтобы за ними былъ оставленъ хоть оккупированный ими край Литовскаго воеводства, и просили, чтобы всѣ присутствующіе, кромѣ меня и польскихъ уполномоченныхъ, вышли на поле. Тогда заявили, какъ бы подъ величайшей тайной, что если желаютъ легко испросить у царя ихъ желаемый миръ, то пусть польскій народъ изберетъ его наслѣдственнымъ королемъ, еще при жизни Казимира; а пока этотъ послѣдній будетъ живъ, царь станетъ называться *протекторомъ Польши и Литвы,* съ обязательствомъ хранить во всей полнотѣ ихъ права и привилегіи, поддерживать и защищать ихъ вѣроисповѣданіе.

Въ разсужденіи объ этомъ вопросѣ безполезно прошли три слѣдующія засѣданія; и поляки постоянно говорили, что объ этомъ странномъ и неумѣстномъ вопросѣ они даже не имѣютъ полномочія уговариваться, а тѣмъ болѣе чѣмъ нибудь рѣшать. Между прочимъ подтверждали это слѣдующими доказательствами: 1. Они должны быть свободны въ избраніи своего короля. 2. При жизни существующаго короля они не могутъ избирать другого. 3. Польскій король долженъ быть католическаго исповѣданія. 4. Никогда за своимъ королемъ не признаютъ права наслѣдства.

На это руссы сказали, что оповѣстятъ объ этомъ царя, чтобы знать его мнѣніе. Такимъ образомъ на это время споръ этотъ былъ устраненъ.

4-го Сентября, въ понедѣльникъ, обсуждаются условія мира. Руссы представили въ качествѣ окончательныхъ условій: Польша уступаетъ русскому царю на вѣчныя времена воеводства: Смоленское, Северинское, Положенское съ верхней Русью [1]), Волынь, Подолію, и новой границей между

[1]) См. выше. Въ текстѣ: s gornjom Rusiom. Вмѣсто gornjom могло быть *crnom.*

двумя королевствами (sic!) дѣлается Двина, Днѣстръ и Бугъ. А въ качествѣ возмѣщенія военныхъ убытковъ въ размѣрѣ десяти мильоновъ рублей, на двадцать лѣтъ царь оставитъ за собой Литовское воеводство. Поляки требовали, чтобы руссы на бумагѣ изложили всѣ эти требованія, чтобы приготовить отвѣтъ для слѣдующаго засѣданія, упрекая безстыдство руссовъ въ требованіи уступить имъ и такіе края, какъ Волынь и Подолія, до которыхъ русскія войска и не доходили.

На слѣдующемъ засѣданіи 6 сентября, поляки отвѣтили, что они на безмѣрныя русскія требованія не могутъ дать никакого отвѣта. Но по просьбѣ нашихъ они согласились подчинить русскому царю Драгобушу (Дорогобушу), Бѣлу [1]), Сребишъ [2]) и еще четвертую крѣпость. Руссы осмѣяли это и, воспылавъ гнѣвомъ, сказали, что безполезно продолжать переговоры о мирѣ. Поляки отвѣтили: какъ вамъ угодно; желаете мира—вотъ вамъ миръ, а не желаете—мы станемъ биться. Руссы, еще болѣе, повидимому, разгорячившись, желали попугать поляковъ, велѣли разрушить палатки. На другой день, наканунѣ Рождества Богородицы, руссы опять возстановили палатки, и съ великой, неожиданной радостью мы увидѣли въ этой сходкѣ, что дѣло пойдетъ лучше, такъ какъ обѣ стороны оказывались умѣреннѣе. Поляки прежде всего обѣщали уступить Россіи Северинскій и Смоленскій края; относительно Украины и верхней Россіи [3]) и тѣ и другіе ожидали инструкцій своихъ дворовъ. Для этого нужно было перервать засѣданія на три недѣли. 28 числа пригласили насъ на засѣданіе. Но вмѣсто того, чтобы рѣшать остальные пункты мира, къ нашему великому удивленію, руссы опять повели рѣчь объ избраніи царя въ польскіе короли. Наши сильно протестовали противъ этого, говоря имъ, что они (Австрійцы) посланы не за тѣмъ, чтобы разсуждать объ

---

[1]) Biała.

[2]) Себежъ.

[3]) См. выше.

избраніи царя на польскій престолъ, но пришли въ качествѣ посредниковъ при заключеніи мира между Россіей и Польшей, и что никогда не будутъ присутствовать въ засѣданіяхъ, гдѣ будетъ подниматься этотъ вопросъ. Эта рѣчь сильно смутила руссовъ и нѣкоторыхъ поляковъ. И этотъ непріятный вопросъ снова былъ отложенъ до полученія инструкцій отъ правительства и польскаго короля. Между тѣмъ русскіе уполномоченные секретно приходили къ нашимъ, упрашивая ихъ, чтобы согласились съ ними, обѣщая имъ крупные подарки. Господинъ Алегретичь въ немногихъ словахъ высказалъ имъ свое мнѣніе, говоря, что не возьметъ цѣлый міръ за отступленіе отъ предписанныхъ ему наказовъ своего императора. Тѣмъ не менѣе на каждой сходкѣ руссы поднимали этотъ вопросъ, какъ самый существенный и какъ единственное условіе при заключеніи мира. И на засѣданіи 24 октября, по этому предмету руссы, на бумагѣ передали полякамъ слѣдующіе пункты:

1. Царь обѣщается охранять римско-католическую вѣру и сохранять въ неприкосновенности привилегіи дворянъ и всѣ ихъ права.

2. Его Выс(очество?) царь останется восточнаго вѣроисповѣданія и по сему ему будетъ невозбранно сооружать, гдѣ ему угодно, въ польскомъ королевствѣ церкви восточнаго обряда.

3. Уніатамъ дозволяется, если пожелаютъ, принять православіе.

4. Православные въ своихъ гражданскихъ и духовныхъ привилегіяхъ уравниваются съ католиками.

5. Царь, если будетъ коронованъ въ качествѣ польскаго короля, возвратитъ польской коронѣ только великое воеводство Литовское, и ничего больше.

6. О предложеніи коронованія самъ царь условится и опредѣлитъ способъ его съ польскими послами въ Москвѣ.

7. Царь никогда не уступитъ Польшѣ ни Украйну, ни Козачество, добровольно отдавшіяся Россіи.

8. Когда миръ будетъ заключенъ, имъ возвратятся плѣнные, пушки, церковные предметы и все, что сохранилось.

10 [1]). Когда царь будетъ коронованъ, какъ польскій король, то Швецію, Ливонію и Царьградъ, пункты, которые царь думаетъ присвоить, уступитъ коронѣ польской. Наконецъ, царь не обязуется всегда жить въ Польшѣ, но гдѣ ему будетъ угодно: то въ Польшѣ, то въ Россіи.

Поляки, соглашавшіеся въ принципѣ избирать царя въ польскіе короли, хотѣли, чтобы прежде рѣшенія этого вопроса, имъ были возвращены всѣ края, отнятые у нихъ руссами.

На это руссы ни подъ какимъ видомъ не склонялись. При упорствѣ съ обѣихъ сторонъ наши, видя, что миръ между ними быть заключенъ не можетъ, на засѣданіи 3-го ноября предложили обѣимъ сторонамъ перемиріе, пока не будетъ польскаго сейма, не опредѣляя времени, когда онъ соберется. Это предложеніе было единогласно принято. Главными пунктами перемирія были слѣдующіе:

1. Такъ какъ никоимъ образомъ нельзя было достигнуть заключенія мира, то посредничествомъ уполномоченныхъ Его Императорскаго Выс(очества?) заключалось перемиріе вполнѣ законнымъ образомъ, съ удовлетвореніемъ и согласіемъ обѣихъ сторонъ.

2. Обѣ стороны вмѣстѣ ударятъ на Шведа и Бранденбуржца (на Пруссію), если онъ не подчинится польской коронѣ, или соединится съ Шведомъ противъ Польши и Россіи.

3. Польское войско можетъ проходить по краямъ, занимаемымъ руссами.

4. Царь отправитъ своихъ уполномоченныхъ на польскій сеймъ, чтобы приняли на себя дѣло о мирѣ.

Два слѣдующіе дня мы провели во взаимныхъ посѣщеніяхъ и обѣдахъ, на которыхъ вмѣстѣ съ поляками рас-

---

[1]) Или описка или пропускъ въ текстѣ 9-го §.

прощались съ руссами. 6-го числа руссы возвратились къ своему царю, а мы въ обществѣ поляковъ рѣшили отправиться въ Варшаву, чтобы посѣтить и переговорить съ ихъ королемъ. 8-го ноября 1656 года съ Божіей помощью мы оставили Вильну.

Сообщилъ *М. Петровскій.*

LVI.

20-го Генваря, 1834. Петровскъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Что̀ касается до насъ, друзья мои, мы ужасно съ братомъ твоимъ хвораемъ. Бѣдный Алексѣй Петровичъ нѣсколько дней сряду сильно измученъ былъ нервическими припадками, и не успѣло отдать ему немного, я начала страдать болью въ боку и въ груди и вотъ двѣ ночи провела безъ сна, даже лежать не могла отъ боли, и мужъ мой, ухаживая за мною, тоже не могъ отдохнуть. Мы такъ оба перемѣнились, что ты бы, увидя насъ, едвали-бы узналъ, особливо, твоего брата. Онъ такъ слабъ, что бываютъ дни, въ которые онъ не только ничѣмъ не можетъ заняться, но говорить не можетъ.—Вообрази, какое у насъ электричество въ воздухѣ. К-ня Волконская пришла ко мнѣ на дняхъ. Я хотѣла помочь ей снять съ себя шубу и шляпку и лишь только дотронулась, такой сильный получила ударъ въ руку, что вскрикнула, а если я сдѣлаю нѣсколько шаговъ, идучи по хозяйству, то совершенно двигаться не могу: такъ стѣснитъ грудь.—Теперь у насъ нѣтъ такихъ сильныхъ морозовъ, слѣдовательно, и такой сильной сухости въ воздухѣ не будетъ. Можетъ, это дастъ намъ нѣсколько отдохнуть отъ разныхъ страданій.—Отъ Аврамова писемъ не имѣю. Не получаешь-ли ты, другъ мой, Семенъ Петровичъ? Извѣсти, что̀ знаешь о немъ! А если я получу о немъ извѣстіе, то сообщу тебѣ. Изъ письма, которое получитъ сестра Идалія, ты увидишь всѣ подробности о нашемъ бытьѣ. Теперь-же намъ ожидать еще худшаго: все дорожаетъ, жить очень трудно и помочь себѣ нѣтъ возможности, слѣдовательно, покоряться необходимости и терпѣть, пока силы еще позволяютъ.... М. Юшневская....

LVII.

2-го февраля, 1834. Петровскъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Я дала себѣ слово писать и каждыя двѣ недѣли аккуратно посылаю тебѣ извѣщеніе о твоемъ почтенномъ братѣ. Онъ очень нездоровъ всѣ эти дни, ни дня, ни ночи не имѣетъ отъ нервической боли, похудѣлъ еще болѣе прежняго и такъ слабъ, что насилу на ногахъ держится. Фердинандъ Богдановичъ увѣряетъ, что пока у насъ сильные морозы пройдутъ, то ему сдѣлается лучше. Я тоже страдаю болью въ боку и въ груди, но моя болѣзнь меня не безпокоитъ, а сильно тревожатъ меня страданія твоего брата.... Пришли, пожалуйста, брату на сей годъ календарь: кто ходитъ на работу, тому интересно искать въ календарѣ праздниковъ; а мнѣ необходимо еще имѣть календарь, чтобы исправно знать числа. Кто такъ часто пишетъ, какъ я, не должна бы чиселъ забывать, но память у меня стала предурная.—Прощай, другъ мой! Боданушка (?) [1]) сейчасъ пришелъ и мѣшаетъ мнѣ писать. Онъ велитъ тебѣ дружески отъ него поклониться. Какъ-бы ты расхохотался, увидя его, какъ онъ сталъ лысъ. И въ отчаяніи бѣдный, что полысѣлъ! Но не устарѣлъ очень и все такой-же, какъ былъ, чопорный.—Братъ твой его очень любитъ, и Боданушка къ намъ ни мало не перемѣнился, все столько-же, а можетъ, еще и больше теперь къ намъ привязанъ. Votre amie et soeur, Marie Juchniewsky.

LVIII.

Мой другъ, Семенъ Петровичъ! Я пропустила одну почту писать къ тебѣ. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина уѣхала на поселеніе. Мнѣ было грустно съ нею проститься, и кромѣ того я немного была озабочена окончаніемъ моей работы.... У насъ слухи носятся, что у васъ плохо на счетъ

[1]) М. б., Богданушка, т. е. Вольфъ, но почему сокращено изъ отчества?

хлѣба. Скажу тебѣ, мой другъ, что у насъ средствъ нѣтъ описать, такъ дурно. Теперь ржаная мука по 3 рубля пудъ; пшеничная по 4½ рубля пудъ. Что будетъ весною? У насъ же до сентября мѣсяца новаго хлѣба не будетъ. Въ августѣ только начинаютъ жатву. Пудъ простой грешневой крупы 5 рублей; говядина, мыло и проч. приступу нѣтъ.—Я просто не понимаю, какъ мы съ братомъ твоимъ существуемъ. Но Богъ милостивъ.—Всѣ твои знакомые здоровы, кланяются тебѣ, въ особенности, Вольфъ. Вчерась онъ былъ у меня и поручилъ сказать тебѣ, что дружбу къ тебѣ всегда сохранитъ неизмѣнно.—Ко мнѣ пришелъ гость, и я покидаю перо до будущей почты. Гость мой—Иванъ Семеновичъ Швейковскій, старикъ добрый, почтенный, и въ такихъ-же тяжкихъ обстоятельствахъ, какъ и я съ твоимъ братомъ. Мы и горюемъ вмѣстѣ.... Marie Juchniewsky.

Le 2 Mars, 1834. Петровскій заводъ.

LIX.

23-го Марта, 1834. Петровскій заводъ.

Наконецъ, получила я письмо, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, отъ Павла Васильевича. Онъ сообщаетъ намъ, что получилъ процентныя деньги за прошлый годъ и что дѣлаетъ тебѣ отсрочку на уплату суммы, должной ему.—Онъ доволенъ своимъ поселеніемъ. Родные часто о немъ пишутъ и заботятся о немъ. Онъ хочетъ заняться хлѣбопашествомъ и старается по немногу разводить свое хозяйство. Фаленбергъ часто ко мнѣ пишетъ. Онъ также доволенъ своимъ положеніемъ, и хотя живетъ въ недостаткѣ, но климатъ хорошій и все дешево. Братъ его и невѣстка пишутъ ему, и онъ, при ограниченныхъ своихъ желаніяхъ, довольно счастливъ.—У насъ ничто не измѣняется. Дорогъ хлѣбъ и еще того будетъ дороже къ веснѣ. Жители Петровскіе очень жалуются на недостатки, и видно, что нуждаются въ хлѣбѣ. По три рубля съ четвертью пудъ муки ржаной продается теперь, а

есть мѣста, гдѣ по шести рублей пудъ—и того дороже. Скотъ въ окружности Петровскаго по большей части кормятъ тальникомъ (по вашему, вербою). Много истребили скота, потому что кормить нечѣмъ. Плохо, весьма плохо, другъ мой Семенъ Петровичъ, а пособить нельзя! . . . . . .
. . . . . Marie Juchniewsky.

LX.

19-го Октября, 1834 года. Петровскій заводъ.

Наконецъ, 30-го прошедшаго Сентября получили мы письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Оно безъ числа, но по содержанію видимъ, что писано изъ Балты, когда ты находился тамъ для пріема рекрутъ изъ однодворцевъ . . .
. . . . . .

Что до насъ касается, то мы оба годъ отъ году болѣе привыкаемъ къ здѣшнему климату, и отъ того здоровье наше становится способнѣе къ перенесенію здѣшнихъ суровыхъ зимъ. За то вещественные наши недостатки возрастаютъ въ геометрической прогрессіи, и мы сами не понимаемъ, какъ мы существуемъ. Ты знаешь, что наша деревушка даетъ намъ въ годъ 1500, а въ текущемъ году еще меньше. Безъ пособія товарищей мы часто были-бы въ строгомъ смыслѣ безъ хлѣба. Но и объ этомъ довольно. Жалобы—признакъ малодушія, а насъ въ этомъ упрекнуть нельзя.... Вольфъ тебя дружески обнимаетъ. Онъ очень благодаритъ тебя, что ты его помнишь. Когда выйдетъ срокъ ему, и онъ уѣдетъ на поселеніе, то будетъ писать къ тебѣ: еще остается полтора года до срока. Павелъ Васильевичъ не пишетъ, забылъ насъ совсѣмъ, а къ тебѣ, вѣроятно, пишетъ, и ты болѣе о немъ знаешь, чѣмъ мы . . . . . .
. . . . . .
. . . . на всегда остаюсь лучшій твой другъ и сестра Марья Юшневская.

LXI.

. . . . . .

. . . . . .

Братъ твой здоровъ довольно, все по старому, всегда занятъ то чтеніемъ, то музыкою, всегда добръ, по возможности, довольно въ хорошемъ расположеніи духа, кротокъ, терпѣливъ къ своему положенію, всѣми любимъ и уважаемъ какъ всегда.... Сестра и другъ вашъ Марья Юшневская.

14-го Декабря, 1834 Петровскій заводъ.

LXII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Получили мы горестное извѣстіе о случившемся у тебя пожарѣ. Сколь ни прискорбно оно было для насъ, по участію, какое мы въ тебѣ принимаемъ, но мы, по крайней мѣрѣ, находимъ облегченіе въ прискорбіи нашемъ, видя, съ какою твердостью ты переносишь неблагопріятства судьбы. Мы знаемъ по собственному опыту, что съ этимъ качествомъ можно переносить невѣроятно многое....—Вольфъ душевно тебя обнимаетъ и благодаритъ за память. Забавны жалобы его родственниковъ на его молчаніе. Не говорю уже о томъ, что несправедливо обвинять въ этомъ человѣка, лишеннаго права писать, но они сами совершенно его забыли и никогда къ нему не пишутъ.—Онъ знаетъ Phisiologie de Richerand (?), но совѣтуетъ тебѣ лучше прочитать физіологію знаменитаго Маженди, которая позднѣе его и уже переведена на русскій. Братъ однажды началъ было ее читать, но нашелъ, что безъ анатомическихъ таблицъ или рисунковъ это чтеніе безполезно. Теперь вышелъ въ Парижѣ „Traité complet de l'Anatomie de l'homme“ par le docteur Baurgery avec les planches litographiées d'aprés nature par N. H. Jacob. По словамъ„ Journal de debats“, это лучшее произведеніе по сей части.... Я писала дѣтямъ, чтобы познакомились съ А. З. Муравьевыми (?). Они

стояли квартирами въ Балтѣ. Но прежде, чѣмъ письмо мое дойдетъ до Синюшки, ихъ уже не будетъ тамъ. Съ сею же почтою пишу я имъ въ Тверь по порученію ихъ брата, который находится здѣсь въ заточеніи, какъ и твой братъ. Жаль, если и тебѣ не случилось познакомиться съ сими добрыми людьми.... У Ивашевой родилась дочь, Машенька, 7-го Генваря. О сю пору здоровы и маменька и дочь. Ивашевъ тебя благодаритъ, что ты его вспомнилъ, дружески тебя обнимаетъ. Крюковъ очень былъ доволенъ, что ты его вспомнилъ, замѣтилъ, однако же, что это въ первый разъ, поручилъ сказать тебѣ отъ него дружеское привѣтствіе. Николая я рѣже видаю: онъ хлопочетъ ужасно надъ чтеніемъ и музыкою. Что за добрый человѣкъ. Всѣ прочіе твои знакомые тебѣ кланяются, даже и Поджіо.... Ты, вѣроятно, его помнишь. Мы здѣсь его очень часто видаемъ, и онъ снабжаетъ каждый разъ твоего брата табакомъ, какъ только получитъ. Но ему посылаютъ гораздо слабѣе того, какъ братъ твой привыкъ курить.... Другъ вашъ и сестра Марья Юшневская.

15-го Февраля, 1835 года. Петровское.

LXIII.

15-го Марта, 1835 года, Петровское.

Наконецъ, пришла твоя очередь, любезный другъ Семенъ Петровичъ, упрекать насъ въ молчаніи, Правда, что съ нѣкотораго времени я стала писать рѣже, сперва по той простой причинѣ, что число писемъ, которыя пишу къ родственникамъ нашихъ соузниковъ, значительно увеличилось, а на послѣдокъ и потому, что самъ ты писалъ необыкновенно рѣдко, въ чемъ можешь увѣриться, если подобно мнѣ ведешь счетъ отправляемымъ письмамъ . . . . . Благодаримъ обоихъ васъ, любезные друзья, за поздравленіе съ новымъ годомъ, а тебя, Семенъ Петровичъ, съ прошедшимъ днемъ твоего рожденія и имянинъ. Тебѣ пошелъ 35-й, а братъ 12-го текущаго мѣсяца вступилъ въ 50-й годъ.

Онъ такъ устарѣлъ (sic), что едва-ли узналъ-бы ты его, если бы встрѣтилъ нечаянно, а похудѣлъ до того, что Вольфъ считается противъ него толстякомъ . . . . . Я передала всѣ поклоны, содержащіеся въ твоемъ письмѣ. Всѣ благодарятъ тебя за память. Всѣ очень тебя помнятъ и желаютъ тебѣ всякаго добра. Сергѣй Григорьевичъ, Марья Николаевна и оба Ивашева, въ особенности, поручаютъ тебѣ кланяться. Вольфъ дружески тебя обнимаетъ. Онъ ужасно обрадовался, что ты снова началъ къ намъ писать, а посему Фердинандъ Богдановичъ знаетъ о твоемъ житьѣ бытьѣ. Онъ всегда и неизмѣнно желаетъ тебѣ счастія. Павелъ Васильевичъ очень хвалится твоею аккуратностью въ высылкѣ ему процентовъ. Онъ чрезвычайно скучаетъ въ своемъ поселеніи, хозяйства не заводитъ и потому не имѣетъ никакихъ занятій, которыя бы могли разсѣять его грусть. Недавно выслали ему отсюда книгъ: это его развлечетъ на нѣсколько времени. Петръ Ивановичъ выстроилъ мельницу, и ихъ три хозяева (sic), участвовавшихъ въ издержкахъ. Петръ Ивановичъ Фаленбергъ не можетъ получать пособія отъ своего брата, слѣдовательно, одно и единственное средство къ его пропитанію есть часть дохода съ мельницы, которая, впрочемъ, на его одну долю въ годъ даетъ ему дохода 500 рублей. Онъ насъ не забываетъ и подробно извѣщаетъ насъ о своемъ хозяйствѣ и своихъ занятіяхъ. Александръ Ивановичъ Вегелинъ также пишетъ къ намъ. Онъ засѣялъ десятинъ 15 разнаго хлѣба и завелъ немного рогатаго скота. Надѣется, что вскорѣ не будетъ имѣть надобности прибѣгать къ помощи и пособію родныхъ своихъ.... Votre soeur et amie, Marie Juschniewski.

LXIV.

29 Марта, 1835. Петровское.

Въ прошедшемъ моемъ письмѣ отъ 15 текущаго мѣсяца забыла я сказать тебѣ, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, о полученіи Бердичевскаго календаря и благодарить тебя за

его присылку. Десятый годъ, какъ братъ твой не видалъ его и ожидалъ найти въ немъ какія либо дополненія, измѣненія и улучшенія, подобныя тѣмъ, какія содержитъ календарь Россійскій, но, къ удивленію, нашелъ еще нѣкоторыя убавки противъ прежнихъ лѣтъ. Кто-то сказалъ о словарѣ Боаста (?), что когда-бы языкъ французскій совершенно истребился въ памяти народовъ, то одинъ этотъ словарь, если-бы онъ одинъ какъ-нибудь уцѣлѣлъ, передалъ-бы понятіе о языкѣ и о степени просвѣщенія того народа, который имъ говорилъ. Что же бы заключили о Бердичевскомъ календарѣ, если-бы какимъ-нибудь естественнымъ переворотомъ земного шара изгладились съ лица его всѣ памятники новѣйшихъ успѣховъ человѣческаго ума? Конечно, отнесли-бы насъ, по меньшей мѣрѣ, къ среднимъ вѣкамъ, къ эпохѣ астрологіи. Но довольно объ этомъ. Недавно попала брату книга: „Введеніе въ новую философію“, сочиненіе священника Сидонскаго, изданная въ 1833 году. Онъ искренно порадовался, что у насъ есть свой Cousin, а можетъ быть, еще и почище, потому что самородный и, кажется, независимый отъ своихъ предшественниковъ. Его нельзя отнести ни къ какой школѣ. это не эклектизмъ и не германская философія, это нѣчто свое, самобытное, очищенное отъ пустыхъ отвлеченностей и доступное всякому уму. Братъ совѣтуетъ тебѣ выписать эту книгу. Она въ одномъ, небольшомъ томѣ и, вѣроятно, находится во всѣхъ столичныхъ книжныхъ лавкахъ, а когда ты вдоволь начитаешься, онъ проситъ прислать ему.... Братъ обоихъ (васъ) обнимаетъ, равно какъ и своего милаго племянника. Съ началомъ весны мы оба поправляемся въ здоровьѣ. Желаемъ всѣмъ вамъ какъ наилучшаго (sic). Простите, друзья мои. Обнимаю всѣхъ васъ отъ искренняго сердца. Вашъ вѣрный другъ, М. Юшневская.

.... Другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Вольфъ тебя обнимаетъ, равно и Ивашевъ, Басаргинъ, Крюковы и Поджіо. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и Марья Николаевна кланяются тебѣ. Многіе даже незнакомые тебѣ поручаютъ поклониться отъ нихъ. Всѣ рады, что ты насъ опять вспомнилъ

и пишешь.—Продолжай, добрый братъ, утѣшать насъ извѣстіями о себѣ и твоихъ. Мы васъ всѣхъ отъ души любимъ. Je vous embrasse tendrement, ma chère soeur Idalie, ainsi que votre cher Lolo.

LXV.

19-е Апрѣля, 1835 года, Петровское.

... Братъ твой въ эту минуту въ казематѣ: навѣщаетъ больныхъ. Басаргинъ занемогъ и лежитъ: у него лихорадка, а кромѣ того припадки грудной боли. Швейковскій тоже боленъ. Бѣдный старикъ! У него тоже болѣзнь, отъ которой умеръ Сабанѣевъ. Прочіе наши жители каземата почти всѣ довольно здоровы, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ хорошей погоды, чтобы выйти на воздухъ и освѣжиться прогулкою на небольшомъ дворѣ нашего каземата.... Votre soeur et amie M. Juschniewski.

LXVI.

Узнавши изъ газетъ, что ты, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, спѣшу поздравить тебя отъ себя и отъ брата съ такою Монаршею милостію. Принимая сердечное участіе во всемъ, что̀ клонится къ твоему благу, мы искренно обрадованы были этимъ вниманіемъ къ твоей службѣ . . . . . Письма ваши доходятъ до насъ въ два мѣсяца и 8 дней. Предпослѣднее письмо моей Сонюшки получила я черезъ три мѣсяца и нѣсколько дней. Не понимаю, гдѣ оно такъ долго залежалось.—Пишите намъ чаще, друзья мои, Семенушка и Идалія! Помните, что единственная наша отрада, одно облегченіе нашей тяжелой участи, письма ваши. Не скупитесь утѣшать друзей вашихъ, въ заточеніи живущихъ. Вѣдь, и для васъ должно быть пріятно утѣшить насъ: вы—

люди добрые.... Отъ души любящая тебя, сестра и другъ, Марья Юшневская.

3-го Мая, 1835 года, Петровское.

LXVII.

12-го Іюля, 1835, Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 13-го Марта. Оно дошло сюда 23-го Іюня, т. е., съ лишкомъ мѣсяцемъ позже того, какъ обыкновенно получаемъ отъ васъ письма.... Подобно тебѣ и братъ также занимается чтеніемъ и музыкой. Все его время раздѣлено между этими двумя упражненіями. Благодаря просвѣщенному Правительству, мы читаемъ все, что доставляютъ родственники нашихъ соузниковъ. Такимъ образомъ, мы не лишены возможности слѣдовать за успѣхами наукъ, которыхъ бо́льшая часть имѣетъ между нами своихъ представителей. Чтеніе наше на многихъ языкахъ очень разнообразно, и насъ нелегко озадачить новостію въ области наукъ и словесности, а въ нынѣшнемъ вѣкѣ это не бездѣлица, ибо какъ сказалъ, помнится, Кондорсетъ (sic): „dans le siècle dernier il suffirait de quelques années d'étude pour savoir tout ce qu'Archimède et Hipparque ont pu connaître; aujourd'hui deux années de l'enseignement d'un professeur valent au délà de ce que savait Leibnitz ou Newton..." Что-жъ бы сказалъ онъ теперь, увидѣвъ числительную машину Бебежа, которая составляетъ астрономическія таблицы и дѣлаетъ выкладки высшей математики съ быстротой, за которою едва можетъ слѣдовать рука переписчика. Противъ этого усовершенствованіе Уцшнейдеромъ телескопа, сокращающаго для насъ ближайшее разстояніе луны въ 68 географическихъ миль, должно занять второстепенное мѣсто.—Говоря объ успѣхахъ просвѣщенія, братъ считаетъ полезнымъ упомянуть о новѣйшей методѣ обученія Жакото́, которая преимущественно принята въ Бельгіи. Подробнаго изложенія оной мы еще здѣсь не имѣемъ, а

есть только очень краткое, подъ заглавіемъ: „Метода всеобщаго обученія Жакото 1834“, и другое „Руководство къ умственнымъ упражненіямъ, изданное профессоромъ Гугелемъ“. Братъ очень совѣтуетъ тебѣ выписать эти двѣ книжечки. Прежде, нежели эту методу придетъ время приложить къ обученію твоего Алеши, надобно, чтобы ты самъ ею проникнулся, ея пользою, если только тебѣ прежде насъ не сдѣлалась извѣстна. Мѣсто не позволяетъ тебѣ дать понятіе объ этой методѣ.—Музыкою братъ также занимается, какъ и прежде, но его фортепьянъ отказывается служить, да и новыхъ нотъ нѣтъ, а ты знаешь, что онъ любитъ не затверживать, а читать музыкальныя сочиненія, какъ книги. Впрочемъ, иногда попадаются ему новѣйшія сочиненія, присылаемыя другимъ, а имена всѣхъ знаменитостей новѣйшей музыкальной литературы и ихъ произведенія извѣстны ему изъ каталоговъ, которые онъ перечитываетъ, какъ табачникъ нюхаетъ пустую табакерку, или, какъ поклонники Бахуса полощутъ бочки. Кстати о фортепіанѣ, братъ имѣетъ къ тебѣ просьбу, по порученію одного изъ своихъ сотоварищей. Удовлетворить ее можно, списавшись съ Шафнагелемъ, которому это ничего не будетъ стоить. Онъ, вѣроятно, выписываетъ многіе предметы изъ Парижа, а стало быть, можетъ узнать, чего будетъ стоить на мѣстѣ лучшій фортепьянъ знаменитыхъ тамошнихъ мастеровъ, Эрарда и Папа (Pierre Erard ainsi que M-r Pape, tous les deux premiers facteurs de pianos à Paris). Нужно знать, чего стоитъ особо Royal и особо un piano carré d'Erard; также особо Royal и особо un piano carré de M-r Pape. Послѣдній за усовершенствованіе этого инструмента получилъ орденъ почетнаго легіона. А мы все еще восхищаемся работою Тимнера и Гердау или работой Вѣнскихъ мастеровъ. Мѣсто не позволяетъ описать тебѣ всѣхъ усовершенствованій въ этомъ инструментѣ, за которыми братъ тщательно слѣдуетъ. Въ Journal des connaissances utiles сказано, что вообще механизмъ и продолженіе звука въ фортепьянахъ доведены до такого улучшенія, что фортепьяны, сдѣланные послѣ 1830 года, увозятъ уже въ

провинціи, ибо въ столицѣ нѣтъ имъ мѣста. Машелесъ послѣдній свой концертъ въ Лондонѣ не на Бродвудовомъ, а на Эрардовомъ флигелѣ. C'est tout dire. Пришлось бы написать цѣлую тетрадь, если бы передать тебѣ улучшенія или, лучше сказать, преобразованія этого инструмента. Такъ, напримѣръ, молотки у Рара падаютъ на струны сверху, а потому резонансъ весь сплошной безъ прорѣза для прохода молотковъ: это усиливаетъ продолженіе звука.—Затѣмъ, прости, любезный другъ.... Я не говорю тебѣ, любезный другъ, о нашемъ положеніи ничего. Оно такъ худо, и въ такой мы крайности находимся, что еслибы не наши добрые товарищи, то мы-бы въ строгомъ смыслѣ не имѣли хлѣба. Всѣ знакомые тебѣ кланяются, въ особенности Вольфъ. Когда это письмо дойдетъ до тебя, то останется Вольфу мѣсяцевъ восемь оставаться до срока его поселенія съ нами. Куда-то броситъ его судьба? Дай Богъ, чтобы ему было лучше, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ одно одиночество въ какой либо глуши достаточно сдѣлать человѣка совершенно несчастливымъ.—Прощай.

LXVIII.

Письмо твое отъ 17 іюня съ номеромъ 1-мъ дошло до насъ 25 августа, милый и любезный другъ нашъ, Семенъ Петровичъ.... Братъ твой очень одобряетъ намѣреніе твое продолжать службу. Человѣкъ образованный и благонамѣренный хоть имѣетъ множество иныхъ средствъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ, но служба представляетъ къ тому еще болѣе способовъ. Занимаемое тобою нынѣ мѣсто, конечно, служитъ лестнымъ доказательствомъ довѣренности обывателей, но въ настоящемъ положеніи собственныхъ твоихъ дѣлъ годъ отъ году болѣе разстраиваетъ тебя въ финансовомъ отношеніи и очень медленно подвигаетъ впередъ. И такъ отъ всей души желаемъ тебѣ успѣха въ новомъ твоемъ предпріятіи.... На попеченіи зятя наши

дѣла, отъ которыхъ зависитъ все наше пропитаніе. Кромѣ того, что въ продолженіе полутора года мы получили всего полторы тысячи рублей, изъ которыхъ должны были пропитать и одѣвать себя, деревушка наша должна ежегодно уплачивать болѣе трехъ тысячъ банковаго долга, а мы по сіе время не имѣемъ извѣстія отъ Рейхеля, какимъ образомъ обезпечена имъ уплата этого долга на текущій годъ. Знаемъ только изъ давняго его письма, что въ Кіевѣ на контрактахъ онъ не былъ, а годовой срокъ поселенія въ Мартѣ текущаго года кончился, между тѣмъ какъ ни къ продажѣ этого имѣнія, ни къ отдачѣ онаго въ новую поссессію не было сдѣлано никакого распоряженія. Я не хочу уже говорить о томъ, въ какое положеніе поставляетъ это насъ самихъ, такъ какъ тебѣ совершенно извѣстно, имѣемъли мы что-либо кромѣ скуднаго дохода съ Тимашевки. Я уже и то слишкомъ распространилась объ этомъ, но у голоднаго хлѣбъ на умѣ...—Сестра ваша Марья Юшневская.

30-го Августа, 1835 года, Петровское.

Отнынѣ не на имя Ивана Богдановича Цейдлера посылайте письма, а на имя Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, Семена Богдановича Броневскаго.

LXVIII.

16-го Августа, 1835 г., Петровское.

La poste passée (4 Août) nous a apporté ta lettre, notre cher et bon ami, Семенъ Петровичъ, datée du 24 Mai, conjointement avec les 12 livres de tabac.... Tu nous as beaucoup obligé en nous donnant de leurs nouvelles, car il y a plus de trois mois que nous n'avons point de leurs lettres, ce qui nous donnait des inquietudes sur leur compte, sans parler du denuement complet où nous sommes reduits, n'ayant pas reçu jusqu'à ce moment notre pauvre revenu de Тимашевка, qui nous parvenait

regulierement au mois d'Avril de chaque année. Il serait trop long et très triste de te parler de la position affreuse ou nous nous trouvons. Au surplus comme elle n'est que la suite necessaire des causes antecedentes, il faut s'y resigner sans plainte ni murmure. Qu'il te suffise de savoir que depuis bien longtemps nous ne subsistons que par les secours de nos coexilés.— Nous étions emus en lisant les détails que tu nous a donnés sur la fin du venerable Адамъ Адамовичъ. Voila un philosophe pratique. Sa vie a tousjours été d'accord avec les preceptes qu'il annonçait. S'il eut lu de l'instruction et moins d'apreté dans le caractère, ce serait un Franclin . . . . . .

. . . . . .

Toutes les connaissances d'ici te remercient pour ton souvenir et te font dire mille choses de leur part, particulierement Wolff. A propos de ce que tu dis de Richerand, il pourraiot te recommander plusieurs ouvrages en Phisiologie, mais comme à ton avois, qui est aussi le mien, l'étude même supperficielle de cette science exige plus de temps que n'en peut sacrifier celui qui ne s'en occupe pas exclusivement, il est plus profitable de suivre la première vocation et de cultiver les connaissances qui se rapportent plus directement à la carrière que l'on est appelé à parcourir.... Ne vous en prenez pas à nous, nos chers et bons amis, que mes lettres ne soient pas aussi volumineuses que les vôtres. D'abord notre existence monotone n'est marquée par aucun fait qui vaille d'être cité et tous nos jours se ressemblent au point qu'à peine, si nous pouvons distinguer les dates. En second lieu je suis chargée de la correspondance des plusieurs de nos camarades. En y ajoutant les soins que je dois donner au ménage, il me reste bien peu de loisir. Ceci a cependant son bon coté en ce qu'il me laisse peu de temps pour arrêter mes pensées sur ma propre position.... Меня просили, другъ мой, Семенъ Петровичъ, чтобы выписать сѣмена кукурузы. Пожалуйста, пришли мѣшечекъ хорошей, спѣлой, кукурузы: Трубецкой хочетъ попробовать и на теплой грядѣ вырастить. Ты можешь сѣмена эти доставить въ Москву. Владиміръ вручитъ оныя Катеринѣ Ѳеодоровнѣ Муравьевой, а она со

своею посылкою отправитъ сюда. Исполни сію мою просьбу непремѣнно....

LXX.

10-го Генваря, 1836. Петровскій заводъ.

22-го прошедшаго Декабря получили мы письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, отъ 25 Октября. Я замедлила отвѣчать тебѣ сперва отъ множества другихъ писемъ, которыя въ то время скопились, а потомъ отъ болѣзни, которая похожа была на горячку, и отъ которой до сихъ поръ не могу оправиться. Здѣсь такъ-же, какъ и у васъ, существовала какая-то повальная болѣзнь, которая болѣе или менѣе посѣтила почти всѣхъ. Братъ приписываетъ это вліянію Гилеевой кометы, которая хотя теперь очень отъ насъ удалена, но въ приближеніи своемъ къ намъ могла измѣнить свойство нашей атмосферы, а для такой букашки, какъ человѣкъ, достаточно нѣсколькихъ постороннихъ атомовъ, чтобы произвести разстройство въ цѣломъ его организмѣ. Едвали не тому-же вліянію приписать должно необыкновенно теплую зиму, какая у насъ продолжается. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей морозы здѣсь въ это время года бываютъ далѣе замерзанія ртути. Нынѣшнею-же зимою не только этого еще не было, но, напротивъ, была долговременная оттепель.—Мы радуемся, что ты, наконецъ, отдохнешь отъ хлопотливой твоей должности. Та-же, которой ты вновь ожидаешь, вѣроятно, будетъ несравненно легче....—Изложеніе методы Жакото и сочиненіе Гугеля о томъ-же предметѣ, о которомъ ты спрашиваешь, издано на русскомъ (языкѣ) именно подъ тѣми заглавіями, которыя означила я въ прежнемъ моемъ письмѣ, продается-же въ обѣихъ столицахъ....—

Письмо мое получишь ты вскорѣ послѣ твоего рожденія и имянинъ, съ которыми оба отъ души тебя поздравляемъ. Вслѣдъ затѣмъ и мужу моему исполнится 50 лѣтъ....—Всегда душевно любящая тебя сестра и другъ Марья Юшневская.

LXXI.

12-го Іюня, 1836. Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 24-го Марта. Я замедлила отвѣчать тебѣ оттого, что мы разставались съ нашими товарищами, которыхъ начали отправлять на поселеніе 7-го числа текущаго мѣсяца....—Желаемъ отъ всей души счастья новорожденной. Брату твоему пришли въ эту минуту на память стихи, которые, помнится, какой-то лордъ написалъ своему сыну:

„Quand vos yeux en naissant, s'ouvraient à la lumière,
Chacun vous souriait, mon fils, et vous pleuriez.
Vivez si bien, qu'un jour, à votre dernière heure,
Chacun verse des pleures, et qu'on vous voie sourire".

Тутъ, кажется, заключается все, о чемъ человѣкъ долженъ хлопотать.—Теперь нѣсколько словъ о нашихъ поселенцахъ. Тебѣ, конечно, любопытно знать о тѣхъ изъ отъѣзжающихъ, которые тебѣ знакомы: Ивашевъ, Вольфъ, Басаргинъ и оба Крюковы. Мѣста ихъ поселенія, вѣроятно будутъ современемъ извѣстны, теперь же они отправлены въ Иркутскъ, откуда послѣдуетъ уже окончательное ихъ водвореніе. Ты можешь себѣ представить, какъ грустно разставаться, можетъ быть, на вѣкъ съ давними пріятелями, съ которыми притомъ безъ малаго 11 лѣтъ раздѣляли одинъ жребій. Теперь остается насъ здѣсь менѣе 30. Что касается, собственно, до насъ, то при всей мрачности нашего здѣсь положенія, мы благословляемъ судьбу, что не наша еще очередь ѣхать на поселеніе: едва существуя на мѣстѣ и то пособіемъ добрыхъ товарищей, мы не имѣли-бы никакихъ средствъ тронуться отсюда. Три года остается еще намъ пробыть здѣсь. Одна надежда, что впродолженіе этого времени денежныя наши обстоятельства поправятся стараніемъ людей, которые взялись хлопотать о нашихъ дѣлахъ въ Кіевской губерніи. Но объ этомъ довольно....—Теперешнее

наше письмо кратко оттого, что отправленіе нашихъ товарищей еще продолжается, и я имѣю мало свободнаго времени. Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь имѣть возможность увѣдомить тебя о томъ, какъ и гдѣ будутъ поселены покидающіе насъ соузники. Всѣ знакомые тебѣ изъ нихъ очень тебѣ кланяются....—М. Юшневская.

Любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Я вскорѣ буду тебѣ писать: завтра ѣдутъ Ивашевы, и мы стараемся, сколь возможно, быть болѣе вмѣстѣ. Очень намъ грустно будетъ проститься съ ними; они намъ какъ родные.

LXXII.

19-го Іюня, 1836. Петровскій заводъ.

Мой другъ и братъ, Семенъ Петровичъ. Письмо къ тебѣ было написано съ прошлою почтою, но какъ наши господа уѣзжали на поселеніе, то я и не успѣла отправить его. Вчерась послѣдній изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ уѣхалъ, Фердинандъ Богдановичъ. Онъ поручилъ мнѣ отъ него тебѣ поклониться. Уѣхали наши Ивашевы! И доѣхавъ до первой деревни, она сильно было расхворалась головною болью, много еще плакала дорогой и всю ночь, бѣдная, пострадала. На другой день утромъ уѣхали они благополучно въ дальнѣйшій путь. Люди ея, которые проводили ихъ, сообщили мнѣ все это. Басаргинъ поѣхалъ съ ними и кажется, съ ними-же и поселенъ. Онъ тебѣ много кланяется, равно и нашъ добрый Василій Петровичъ. Машинька ихъ здорова и дорогой не скучаетъ. Дай Богъ имъ здоровье и счастье. Крюковы уѣхали. Тоже тебѣ кланяются. Грустно, мой другъ, было проститься съ ними. Не шутка быть знакомымъ 18 лѣтъ. Жили вмѣстѣ и въ счастіи, и въ несчастіи страдали вмѣстѣ. Братъ твой былъ очень растроганъ, прощаясь со всѣми, но съ Ивашевымъ онъ плакалъ, какъ ребенокъ.—Не стану говорить тебѣ о себѣ. Ты знаешь, что я была всегда плаксою, здѣсь-же и самые крѣпкіе люди не

устояли бы, видя насъ разстававшихся съ людьми, съ которыми страданія сблизили и сроднили насъ.—Марья Николаевна еще съ нами и, можетъ быть, уѣдетъ не ранѣе зимы. Потомъ останется насъ только три, и насъ уже не будетъ никто провожать, ибо мы послѣдніе уѣдемъ всѣ вмѣстѣ. Богъ знаетъ, доживемъ ли мы еще до нашего поселенія: три года осталось еще. Какъ бы то ни было, высидѣвъ 10 лѣтъ въ заточеніи, хотѣлось-бы подышать свѣжимъ воздухомъ, а высидѣвъ 13 лѣтъ, еще того нетерпѣливѣе будетъ ожидать свободы....—У насъ несносная погода. Такъ грязь не менѣе Тульчинской, что̀ здѣсь весьма рѣдко бываетъ. Всѣ наши 19 человѣкъ уѣхали въ дождь....—Сестра и другъ, Марья Юшневская.

LXXIII.

25-го Сентября, 1836. Петровскій заводъ.

... Повѣрь, что благодарность наша свыше всего, что могли-бы мы объяснить словами.—Письмо твое содержитъ извѣстіе о старыхъ нашихъ пріятеляхъ, въ томъ числѣ и о Вщерскихъ.... Жаль бѣднаго Дюплеси; съ такою страстью къ музыкѣ, какъ у твоего брата, онъ понимаетъ, чего бы стоило ему лишиться пальца. Одно только можно сказать въ утѣшеніе, что Г-ну Дюплеси также подъ 60,—возрастъ, въ которомъ и безъ того пальцы начинаютъ отказываться: хрящи твердѣютъ. Довольно, если ухо не измѣняетъ и не лишаетъ наслажденія слушать другихъ. Братъ хотя этого еще не чувствуетъ, однакоже жалѣетъ, что не успѣетъ наиграться на хорошемъ инструментѣ, пока и уши, и руки еще послушны. Тотъ, который у него, никуда уже не годится, да и новыхъ нотъ давно нѣтъ. Лишь только позволятъ обстоятельства, онъ намѣренъ выписать фортепьянъ Попа, если только ввозъ ихъ дозволенъ. Онъ не простираетъ уже дальше своихъ желаній, ибо флигель Эрарда стоитъ въ Парижѣ до 5 т. франковъ, а о Бродвудѣ нынѣ и слышать не хотятъ. Брату извѣстны изъ журналовъ всѣ знаменитые піанисты, въ томъ

числѣ и Тальбергъ, котораго называютъ фортепьяннымъ Паганини. Онъ имѣетъ совмѣстникомъ Листа (Liszt). Объ нихъ сказано, что нельзя отдать преимущества одному предъ другимъ; остается только наслаждать игрою обоихъ.

Правда, любезный другъ, что намъ весьма было грустно разставаться съ нашими добрыми знакомыми, столько лѣтъ товарищами, но что дѣлать! Мы рады, что они, наконецъ, изъ тюрьмы на чистый воздухъ отправились. Странно, что о сю пору мы не получили еще извѣстія отъ Вольфа. Ты знаешь наши съ нимъ отношенія: не долженъ-бы онъ насъ забыть. Впрочемъ, можетъ, еще мы и не могли получить отъ него письма. Онъ поселенъ недалеко отъ Иркутска съ вдовцемъ Муравьевымъ, т. е., съ сыномъ Катерины Ѳеодоровны Муравьевой.—Вѣроятно, Ивашевы только что добрались до мѣста ихъ поселенія. Они въ Туринскѣ Тобольской губерніи. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю получить отъ нихъ письмо. Они насъ не забудутъ, навѣрное, люди добрые, и онъ уважалъ брата твоего, какъ только можно любить и уважать отца роднаго. Жена его тоже очень добрая, и мы съ нею были дружны. Басаргинъ съ ними.—Отъ Софьи я на дняхъ получила письмо. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ собственноручныхъ писемъ отъ брата, Николая Васильевича. Я ему скоро отошлю подушку моей работы. Это будетъ крышка для подушки, на которой скончалась маменька..— Прощай, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Je vous embrasse d'âme et du coeur, ma bonne Idalie, ainsi que vos chers enfants. Que Dieu vous protège, mes bons amis. Adieu. Марія Юшневская.

LXXIV.

30-го Октября, 1836. Петровскій заводъ.

Любезный другъ мой, Семенъ Петровичъ, ты неожиданно получишь мое письмо и мою вмѣстѣ съ симъ просьбу—вручить моей матушкѣ 200 рублей, которые выцлетъ тебѣ Г-нъ Понятовскій. Съ сею же почтою пишу я и къ нему въ на-

деждѣ, что онъ отъ поссессора Тимашевки получитъ въ первыхъ числахъ февраля деньги. Я его прошу въ письмѣ моемъ, чтобы немедленно выслалъ оныя къ тебѣ. Ты, мой другъ, не гнѣвайся на меня, что я съ моей стороны хочу, сколько будетъ моей возможности, дѣлиться съ моею матушкой, не потому, чтобы я сомнѣвалась, что ты не хлопочешь о ней, но моя обязанность постараться, чтобы доставить ей всевозможныя выгоды, и чтобы она, сколь возможно была спокойнѣе. Правда, что сами терпимъ величайшій недостатокъ и живемъ въ долгу, но у насъ будетъ на сердцѣ гораздо лучше, когда мы будемъ спокойнѣе о нашей етарушкѣ, которая на старости лѣтъ живетъ разлучена со всѣми близкими ея сердцу. Это ужасно! И я благодарю Бога, что онъ даетъ ей силу переносить тяжкое ея положеніе и хранитъ ее въ добромъ здоровьѣ.—Письма у насъ еще не готовы, а уже подали свѣчи и надо письма отсылать. Между тѣмъ у насъ сидитъ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, и я съ нимъ толкую и тебѣ пишу. Не удивись, если найдешь письмо мое нескладнымъ. Сергѣй Григорьевичъ поручаетъ отъ него тебѣ поклониться.—Съ отъѣзда нашихъ господъ на поселеніе, у насъ неимовѣрно скучно: ни одного изъ нашихъ знакомыхъ не осталось, да и писемъ о сю пору не получили отъ нихъ. Я съ нетерпеніемъ ожидаю извѣстія отъ добрыхъ Ивашевыхъ, но, по нашему расчету, мы развѣ въ концѣ будущаго мѣсяца можемъ получить отъ нихъ письмо.—У насъ уже зима установилась, только еще мало снѣгу, и дороги нѣтъ. Отъ этого не привозятъ съѣстныхъ припасовъ, и мы о сю пору не запаслись хлѣбомъ. Въ этомъ году урожай былъ чудесный, но сказываютъ, что во многихъ мѣстахъ хлѣбъ сняли незрѣлый: осень была дождливая, и мѣшало это уборкѣ хлѣба. Какъ-то у васъ? Матушка Поджіо пишетъ, что у нихъ хорошій былъ урожай. Вѣроятно, и у васъ тоже.—Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя съ твоими малютками, которыхъ благословляетъ и молитъ Бога, чтобы они выросли благополучно для утѣшенія вашего. Обними и Идалію за брата твоего. Поклонись отъ него доброму Игнатію Онуфріевичу.—Что тебѣ

сказать о себѣ? Такъ сильно страдаю грудною болью, что съ великимъ трудомъ пишу. Фердинандъ Богдановичъ называлъ эту болѣзнь нервическою. Твой братъ тоже часто страдаетъ тѣмъ-же и бываетъ такъ слабъ, что не въ силахъ ходить. Сегодня онъ уснулъ, диктуя мнѣ письма, а вслухъ давно не можетъ читать, ибо такъ ослабнетъ, что я не понимаю, наконецъ, что онъ читаетъ: словъ не договариваетъ и въ полголоса читаетъ....—Другъ и сестра, Марія Юшневская..

LXXV.

Многіе-ли изъ насъ взросли, не претерпѣвъ болѣзней? Теперь въ этомъ отношеніи намъ будетъ еще хуже, ибо Фердинандъ Богдановичъ, хранитель общаго нашего здоровья, не разъ спасшій многихъ изъ насъ отъ смерти, отправится вскорѣ на поселеніе въ числѣ 18 изъ нашихъ товарищей, которые туда-же съ нимъ слѣдуютъ . . . . . .

3-го Апрѣля, 1836. Петровскій заводъ.

LXXVI.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, но очень худъ....—Я всегда тебѣ говорила, что моя къ тебѣ дружба безусловная. Доказательствомъ служитъ тебѣ, что никакія непріятности, случавшіяся между нами, и весьма тяжкія даже, не въ силахъ заставить меня потерять къ тебѣ чувство, которымъ сердце мое наполнено съ дѣтства твоего. Братъ твой любитъ тебя такъ и меня научилъ столько-же любить тебя.—Когда Владиміръ съ вами, поклонись ему отъ брата и отъ меня тоже. Изъ письма моего зятя я вижу, что у васъ гоститъ мой братъ Иванъ и Андрей. Удивляюсь, что они ко мнѣ ничего не пишутъ. Если онъ у тебя, любезный братъ, то обними ихъ отъ меня и мужа моего. Ожидаю, что они напишутъ ко мнѣ.—Поцѣлуй ручку за насъ обоихъ у матушки моей, скажи, что я и мужъ мой здоровы.

Благодарю тебя, что ты былъ крестнымъ отцемъ моей внучки. Какъ прабабушкѣ было пріятно быть крестною матерью своей правнучки. Съ сею почтою не имѣя тебѣ больше ничего сказать, какъ только увѣдомить о здоровьѣ твоего брата, кончу письмо мое. Что касается до моего здоровья, я всегда почти здорова. Прощай, любезный братъ, Семенъ Петровичъ. Желаю тебѣ всякаго благополучія и поздравляю тебя заранѣе съ днемъ твоего рожденія и днемъ твоихъ имянинъ. Огорчаюсь душевно, что не успѣла ничего сдѣлать тебѣ моей работы; у насъ теперь еще темнѣе въ нашемъ казематѣ: дверь затворяемъ, потому что изъ коридора холодъ несетъ,—то и невидно работать....—Марія Юшневская.

15-го Ноября, 1836 года, Петровскій заводъ.

. . . .

LXXVII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! . . . . . Братъ твой по старому живетъ: ни одна его привычка даже не измѣнилась. Въ эту минуту, когда я тебѣ пишу это письмо, онъ играетъ концертъ Машелеса и до сумерекъ просидитъ за фортепьяно, а потомъ возьмется за чтеніе и читаетъ, покуда не ляжетъ спать. У насъ чтенія столько, что не успѣешь всего прочесть, и теперь надо побольше почитать: на поселеніи не будемъ имѣть возможности читать, не имѣя способовъ выписывать себѣ книгъ.—Мои глаза рѣшительно отказываются: я не могу мелкаго ничего шить, читать также, а когда дня два почитаю въ очкахъ, такъ потомъ недѣлю голова кружится, и всѣ предметы рябѣютъ. Меня это очень огорчаетъ. У насъ зима чудесная; санная дорога, говорятъ, славная; дни бываютъ ясные и теплые, т. е., теплые—градусовъ 25 мороза и 20, но въ сравненіи, какъ въ другія зимы бывало, что нѣсколько дней сряду до замерзанія ртути морозъ. Впрочемъ, теперь самое холодное время настаетъ. Въ Крещеніе, вѣрно, такъ-же будетъ холодно, и ртуть замерзнетъ. У васъ не имѣютъ понятія о такихъ морозахъ, и слава Богу,

что вы ихъ не знаете....—У насъ есть нѣкто Николай Алексѣевичъ Пановъ, который тебя въ Москвѣ видывалъ, и однажды ты у него былъ: не помню, куда-то вы съ нимъ вмѣстѣ ѣздили. Онъ не большого роста, бѣлокурый. Можетъ, ты его вспомнишь. Ему только 36 лѣтъ теперь, а весь сѣдой. Такъ странно видѣть человѣка молодаго лицемъ, а голова, какъ у 75 лѣтняго старика. Впрочемъ, у насъ нѣтъ ни одного человѣка безъ сѣдыхъ волосъ.... Другъ вашъ, Марія Юшневская.

18-го Декабря, 1836. Петровскій заводъ.

LXXVIII.

29 Генваря, 1837. Петровскій заводъ.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ!... Братъ твой здоровъ. и я чувствую себя немного лучше. У насъ все еще очень холодно: морозы до замерзанія ртути. Въ будущемъ мѣсяцѣ, вѣрно, будетъ теплѣе, и пора-бы! мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ теплаго времени: съ Августа мѣсяца мы все мерзнемъ.—Мнѣ подарилъ одинъ изъ нашихъ соузниковъ, Вадковскій, мазурки Chopin, преоригинальныя, но такъ хороши, что я всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ ихъ слушаю, когда братъ твой играетъ. А когда я въ первый разъ ихъ слышала, расплакалась: такъ много чувства въ этой музыкѣ. Я очень хотѣла-бы, чтобы ты ихъ игралъ, и постараюсь тебѣ списать и прислать. . . . . Прощай, любезный другъ и братъ . . . . . Марія Юшневская.

LXXIX.

Мы получили письмо твое, любезный братъ Семенъ Петровичъ, отъ 12 Генваря. Намъ пріятно было найти въ немъ нѣкоторыя подробности о твоихъ дѣтяхъ. Будь увѣ-

ренъ, что близкое твоему сердцу и для насъ не чуждо. Говоря объ остротѣ твоего Лёлиньки, ты справедливо замѣчаешь, что не должно напрягать ни его памяти, ни вообще умственныхъ способностей прежде полнаго ихъ развитія. Исторія скороспѣлокъ представляетъ многіе примѣры, подобные приводимому тобою, но они были или недолговѣчны или, достигнувъ совершеннолѣтія, оставались въ ряду обыкновенныхъ дарованій, иногда-же отличались исключительно въ такихъ познаніяхъ, гдѣ болѣе участвуетъ память и воображеніе, нежели умъ. Къ числу первыхъ между прочими принадлежитъ знаменитое дитя *Гейнеке,* удивившее всю Европу вначалѣ XVIII столѣтія. Ежели ты вникнешь въ разсмотрѣніе методы Жакото, то увидишь, что польза ея состоитъ именно въ томъ, что въ ней всѣ умственныя способности воспитанника заняты въ равной степени, ибо кромѣ начальныхъ уроковъ, въ которыхъ исключительно требуется память, все остальное состоитъ въ соображеніи и разсужденіи, а мы, какъ все намъ показываетъ, живемъ въ вѣкъ положительный, и произведенія фантазіи занимаютъ мѣсто второстепенное.—Мы теперь рѣдко къ тебѣ пишемъ отъ того, что послѣ отъѣзда нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ, ко мнѣ перешла переписка многихъ изъ нашихъ соузниковъ. Къ тому же здоровье мое такъ плохо, что не проходитъ недѣли сряду, чтобы я чѣмъ нибудь не страдала, и самое зрѣніе очень ослабѣло.—Благодаримъ тебя за извѣстія о матушкѣ и Рейхеляхъ. Отъ послѣднихъ пятый мѣсяцъ, какъ мы не имѣемъ писемъ. Благодаримъ тебя: и объ Андреѣ ты намъ далъ подробности.... Каждую недѣлю у меня посвящено два дня для моей переписки, и тутъ не могу успѣть всѣмъ написать; четвергъ и пятницу я провожу цѣлые дни съ перомъ въ рукѣ.... Марья Николаевна уже уѣхала отъ насъ, и мнѣ очень грустно было разстаться съ нею. Жаль мнѣ и крестницу мою: она меня очень любила и превеселая дѣвочка была. Марья Николаевна и Сергѣй Григорьевичъ были растроганы, прощаясь съ нами, и все говорили, что желали-бы, чтобы и мы были съ ними. Но мое здоровье такъ разстроено, что

я желала-бы въ лучшій климатъ попасть, и желала-бы быть съ твоимъ братомъ поселена въ Тобольской губерніи, въ городѣ Тюмени, или, если-бы это было сбыточнымъ, въ городѣ Красноярскѣ, гдѣ можно имѣть пособіе медиковъ. Тамъ поселена добрая наша подруга, Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ, или бы въ Туринскъ уѣхала къ Ивашевымъ, которые мнѣ, какъ родные, и которые хвалятся, что живутъ спокойно. Только климатъ у нихъ не разнится съ нашимъ Петровскимъ, а это для моего разстроеннаго здоровья не годится. Въ городѣ-же Тюмени климатъ хорошъ, и для жизни дешевлѣ, и много было-бы для насъ выгоды, если-бы мы туда попали. Впрочемъ, велитъ-ли еще Богъ дожить намъ до нашего срока—срокъ намъ окончится въ 1839 году 10-го Іюля. А можетъ, Богъ насъ и ранѣе освободитъ! Да будетъ воля Всевышняго во всемъ!...—Никогда неизмѣнный другъ твой и сестра Марья Юшневская.

29-го Марта 1837 года. Петровскій заводъ.

Волконскіе поселены близъ Иркутска въ 22 верстахъ, въ селеніи Урики, съ Вольфомъ и Муравьевыми.

LXXX.

. . . . . .

Что касается до нашихъ собственныхъ дѣлъ, то они годъ отъ году становились хуже и, наконецъ, дошли кажется, до послѣдней крайности. Если бы не помогали товарищи, то давно-бы ѣсть было нечего, но теперь и это средство истощилось, ибо; наконецъ, долги наши стѣсняютъ ихъ самихъ, такъ какъ всякій дѣлился съ нами тѣмъ, что для самого было необходимо. . . . . .

Басаргинъ мнѣ недавно писалъ. Онъ тоже получаетъ часто письма отъ Sophie. Она ему прислала свой портретъ хорошей работы, и, сказываютъ, похожа. Онъ очень порадованъ этимъ подаркомъ. Николай Васильевичъ пишетъ къ намъ часто. Ивашевы тоже. Я весьма рада, что въ Туринскѣ жи-

вутъ они спокойно и хорошо. Одно только непріятно, что письма наши слишкомъ долго въ дорогѣ, такъ что послѣднее письмо ихъ я получила черезъ 5 мѣсяцевъ. Отъ Марьи Николаевны еще не получали. Они выѣхали отсель 17 Марта, пообѣдавъ у моего имянинника. Помнится, я тебѣ уже о семъ писала. Чѣмъ кто къ намъ сюда ближе, тѣмъ медленнѣе доходятъ до насъ письма. Это весьма непріятно. Но не должно роптать! Слава Богу, что мы можемъ утѣшать другъ друга своими письмами. Лучше получать поздно, чѣмъ вовсе не имѣть писемъ отъ тѣхъ, кого любишь.... Пановъ весьма былъ доволенъ твоимъ письмомъ. Онъ такъ живо перенесся мысленно въ давнія времена, когда вамъ такъ было весело обоимъ въ Москвѣ, и разсказалъ мнѣ исторію о M-lle Mellard. Николай Алексѣевичъ тебѣ кланяется и благодаритъ тебя за милыя строки, которыя ты написалъ, а еще того болѣе, что ты такъ хорошо вспомнилъ его. Въ одномъ ты ошибся: онъ не жилъ у Николы на Пескахъ, а у Ржевской Божіей Матери....—Прошу тебя, мой другъ Семенъ Петровичъ, когда ты будешь въ Каменкѣ, скажи почтеннымъ сосѣдямъ твоимъ, что я такъ душевно благодарна имъ за все и знаю, что и теперь добрая и почтенная княгиня не вспомнитъ меня иначе, какъ съ участіемъ. Ни я, ни мой мужъ, до гроба не перестанемъ быть имъ благодарными и не перестанемъ молить о ихъ счастіи и спокойствіи. . . . . .
Твой другъ и сестра М. Юшневская.

12-го Іюня, 1837 года, Петровскій заводъ.

LXXXI.

27-го Августа, 1837 года. Петровскій заводъ.

. . . . . .

Одно только то довольно вѣрно, если доживемъ, что 10-го Іюля 1839 (года) насъ отправятъ на поселеніе. Люди, не избалованные ни настоящимъ, ни даже прошедшимъ, не довѣряютъ и будущему, а въ нашихъ собственно обстоятель-

ствахъ тѣмъ менѣе можно радоваться приближенію этого срока, что мы не имѣемъ средствъ существовать здѣсь на мѣстѣ, а какъ свершится наше перемѣщеніе, мы безъ ужаса вообразить себѣ не можемъ. То, что ты пишешь о разстройствѣ твоихъ дѣлъ, попало на больное мѣсто. Но много надо бы было говорнть, чтобы описать тебѣ наше положеніе, между тѣмъ какъ ни тебѣ, ни намъ, не было бы отъ того легче. Скажу только, что оно съ каждымъ годомъ становилось хуже, наконецъ, нищета начинаетъ заглядывать въ глаза.—Читавши въ письмѣ твоемъ, что ты имѣлъ порученіе объѣхать уѣзды для приготовленія издѣлій къ выставкѣ, братъ рекомендуетъ тебѣ одно сочиненіе, которое перечитываетъ теперь во второй разъ. Оно стоитъ не болѣе 5 рублей. Это „Traité sur l'économie des machines," par Bobage, traduit par Biet. Сочинитель тотъ самый, который изобрѣлъ числительную машину, описанную въ концѣ этой-же книжки. Она же дѣлаетъ не ариѳметическія выкладки, какъ машина Паскаля, но вычисленія высшей математики съ быстротою, за которой едва могутъ слѣдовать писцы, записывающіе одни результаты ея вычисленій.—Съ отъѣздомъ въ прошломъ году бо́льшей части нашихъ книжниковъ, запасъ нашего чтенія значительно оскудѣлъ. На поселеніи-же ожидаетъ насъ и въ этомъ отношеніи совершенный недостатокъ. Здѣсь, благодаря товарищамъ едва достаетъ времени для прочтенія однихъ повременныхъ изданій, а тамъ едва ли будемъ въ состояніи изъ однихъ только журнальныхъ объявленій узнавать о произведеніяхъ литературы. Братъ же, какъ ты знаешь, ни во что ставитъ матеріальную жизнь, ежели нѣтъ пищи для ума и способовъ для музыкальныхъ упражненій. Фортепіанъ, который у него былъ, такъ испортился, что братъ долженъ бы былъ проститься съ этимъ удовольствіемъ, если бы Марья Николаевна въ замѣнъ не отдала ему своего, который очень плохъ, ибо прослужилъ уже 10 лѣтъ, но, по крайней мѣрѣ, клавіатура исправна, хотя такъ стучитъ, что въ скорой игрѣ слышенъ болѣе стукъ, нежели тонъ. Братъ просилъ тебя однажды узнать черезъ Шафнагеля о цѣнѣ

инструментовъ Эрарда и Папа и о возможности ихъ выписать. По описанію журналовъ, это должно быть чудо. . . . .

. . . . . .

Есть у меня шитый китайскій кисетикъ, который я тебѣ пришлю, и еще тебѣ пришлю нѣчто желѣзное, въ надеждѣ, что оно доставитъ тебѣ удовольствіе. Только это современемъ ты получишь, и будетъ для тебя сюрпризъ. Прощай, Семенъ Петровичъ!... Твоя другъ и сестра Марья Юшневская.

LXXXII.

15-го Ноября 1837 г. Петровскій заводъ.

Любезный другъ и братъ, Семенъ Петровичъ . . . . . .

. . . . . .

Тотъ, кто меня лѣчитъ, надѣется, что я хоть не скоро, но выздоровлю. Онъ кромѣ того, что искусный врачъ,—человѣкъ добрый. Твой братъ нерѣдко до слезъ былъ разстроенъ участіемъ этого уважительнаго человѣка. Самый близкій родной не могъ-бы болѣе ничего для насъ сдѣлать. Да наградитъ его Богъ за меня. Братъ твой здоровъ, хотя въ эти два мѣсяца очень измучился, ухаживая за больною, а еще впереди надо долго оберегать меня и ходить, какъ за дитятей. Г. Понятовскій пришлетъ тебѣ 200 р. Вручи ихъ моей матушкѣ. Прощай, мой другъ Семенъ Петровичъ! Обнимаю тебя съ моимъ мужемъ вмѣстѣ. Обнимаемъ все твое семейство. Дай вамъ Богъ всѣмъ счастье. Другъ и сестра М. Юшневская.

LXXXIII [1]).

Le 19 Mars 1838.

Le depart de la personne respectable dont vous aviez fait connaissance lors de sa nomination pour la Siberie m'engage à

[1]) Это письмо имѣетъ большой интересъ, потому что является первымъ, собственноручнымъ письмомъ Алексѣя Петровича и содержитъ интересные намеки и указанія.

vous tracer quelques lignes, mon cher frère Семенъ Петровичъ, sans tenir compte cette fois-ci du silence que vous gardez si longtemps, votre dernière lettre ayant été datée du 25 Mai 1837. J'éprouve un besoin irresistible de proferer quelques paroles du fond de mon tombeau, qui doit se refermer ensuite, pour épancher devant vous les sentiments d'estime et de reconnaissance que nous portons tous deux pour cet homme qui est la bonté même. C'est tout le but de ma lettre. Dans la personne de son venerable oncle nous avons perdu tout se qui pouvait adoucir notre position. Il nous restait encore ce digne successeur de ses vertus qui, après la mort du Général, avait occupé provisoirement sa place. Mais le sort en a disposé autrement. Dans notre détresse nous croyons trouver quelque consolation par l'espoir qu'il vous verra, que vous serez auprès de lui l'interprète de notre gratitude, vous qui, par votre experience, aviez appris à estimer les personnes qui savent respecter le malheur et qui, sans se guider des preventions, apprecient les hommes d'après ce qu'ils valent par eux mêmes et font leur possible pour concilier des fonctions aussi delicates avec les sentiments d'humanité.—Si vous tenez à savoir quelque chose sur notre compte vous l'apprendrez dans tous les détails de cet homme estimable qui est au fait de tout ce qui nous regarde et qui nous a toujours temoigné un interet special.—Il ne me reste donc que deux choses à ajouter: d'abord de vous expliquer la raison pour laquelle nous vous avions une fois engagé d'envoyer un exprès à Тимашевка ou à Каменка,—c'est que nous y avions adressé une lettre secrete pour vous concernant nos affaires; mais malheresment elle ne pourrait y parvenir par des raisons qu'il serait long de vous expliquer d'autant plus que, par le changement des circonstances, son contenu même avait perdu son importance. Plus tard nous vous avions expedié une seconde lettre secrete dans une enveloppe adressée à Reychel. Pour vous en signaler la reception, nous l'avions engagé de vous transmettre un de mes portraits qu'il possède. Cependant il ne nous en eu jamais fait mention, malgré que nous ayons de bonnes raisons d'être persuadés que nos lettres lui avaient

été transmises par la personne qui en fut chargé. Cette fois-ci nos affaires ayant pris une autre tournure, je crois superflu de vous repeter le contenu de ma lettre. La première ainsi que la seconde contenaient entr'autre le resumé de tout ce qui m'était arrivé dépuis ma condamnation et ma reclusions à la forteresse de Schlusserbourg,—reclusion la plus affreuse qui ait jamais existé. Cette fois-ci nous sommes pleinement persuadés que notre lettre vous parviendra, pourvu que le porteur obtienne la permission de se rendre dans votre voisinage. Toute fois pour plus de sureté, je vous prie, mon-cher ami, après que vous l'aurez reçu, de nous dire deux mots sur Викентій Ивановичъ Монтрезоръ.—Le porteur de la présente vous apprendra que ma femme avait fait une grave maladie qui follit mettre fin à son existence et c'etait au plus fort de ses souffrances qu'elle vous avait écrit la lettre du 15 Novembre. C'était Gastro-anterite ou l'inflamation de l'estomac. Grace à la proximité de Кяхта, un medecin était venu la sauver. Il s'appelle Иванъ Сергѣевичъ Персинъ. C'est encore la moindre de ses qualités que d'être habil medecin.—Je vous quitte, mon cher ami, parceque le porteur pourra vous satisfaire sur tout ce qui nous concerne. Je vous embrasse du fond de mon âme et vous engage d'en faire autant en mon nom à toute votre chère famille. Puisse le sort en vous rendant tous heureux nous dedommager de tout ce dont il nous a privé, et nous benirons encore sa justice.—Votre ami et frère А. Юшневскій.

Зрѣніе жены до того ослабло, особенно послѣ этой болѣзни, что она съ трудомъ пишетъ, работы-же всѣ принуждена на всегда покинуть.

Думаю, другъ мой Семенъ Петровичъ, что доставлю тебѣ маленькое удовольствіе припискою моею. Я еще придумала послать тебѣ желѣзный крестикъ, сдѣланный изъ выломаннаго кусочка желѣза у окошечной рѣшетки изъ того номера и того каземата, въ которомъ жилъ твой добрый братъ, и я съ нимъ.—О. А. вручитъ тебѣ его. Онъ сдѣланъ однимъ изъ нашихъ господъ въ казематѣ. Я еще тебѣ пришлю черезъ почту желѣзное кольцо, оправленное въ золото.

Оно будетъ сдѣлано изъ желѣзъ, которыя носили всѣ наши страдальцы. Все это можешь ты узнать отъ достойнаго подателя сего . . . . . .

. . . . . .

Ты можешь узнать подробно о нашей жизни и нашемъ здѣсь помѣщеніи, и даже о нашей услугѣ [1]). Я была сильно больна, пять мѣсяцевъ не выходила изъ опаснаго состоянія. Кажется, теперь я совсѣмъ поправилась, хотя каждая малѣйшая неосторожность заставляетъ меня страдать. Добрый нашъ, уважительный и достойный гость твой (въ эту минуту) столько оказывалъ намъ самаго родственнаго участія. Онъ не только огорчался моему опасному положенію, но когда я стала выздоравливать, онъ хлопоталъ даже о моей пищѣ, доставлялъ все, что только въ возможности было, даже старый рейнвейнъ, потому что докторомъ велѣно употреблять для подкрѣпленія моего желудка. Онъ увезъ мой портретъ; увезъ-бы и брата твоего, но нѣтъ теперь сдѣланнаго. Онъ хотѣлъ его показать вамъ, какъ я измѣнилась. Теперь я еще болѣе не похожа на себя: этотъ портретъ нарисованъ до моей болѣзни.—Другъ мой Семенъ Петровичъ! Будетъ все, что Богу угодно. Можетъ, я на поселеніи, если доживу, поправлюсь, а если Богъ велитъ, прощусь съ вами на всегда. Тогда старайся какъ можно чаще утѣшать брата твоего письмами, а наиболѣе доказывай ему дружескую и братскую твою любовь. Обязанность наша и потребность души каждому доброму человѣку быть полезнымъ ближнему. Твой-же братъ въ изгнаніи имѣетъ болѣе потребности въ утѣшеніи, когда и меня уже съ нимъ не будетъ.... Прощай, другъ мой Семенъ! Дай Богъ тебѣ все доброе! Сестра твоя и другъ М. Ю....

LXXXIV [2]).

Среди переѣзда и среди хлопотъ нашего перемѣщенія получили мы, любезный братъ Семенъ Петровичъ, два тво-

[1]) Чит.: „прислуга“.

[2]) Съ этого № начинается рядъ собственноручныхъ писемъ А. П. Юшневскаго: съ выходомъ на поселеніе онъ получилъ право самъ вести

ихъ письма, одно изъ Ольгополя отъ 21 Апрѣля, другое изъ Хрустовой отъ 28 Іюля. Недавно усѣлись мы на мѣстѣ, съ трудомъ пріискавши себѣ квартиру въ селеніи *Кудѣ* [1]) въ 21-й верстѣ отъ Иркутска. Безпокойство и недосуги, съ такимъ положеніемъ сопряженные, были причиною, что вся наша переписка терпѣла замедленіе.—Съ прискорбіемъ читали мы описаніе болѣзни, которую ты перенесъ; желаемъ, чтобы наше письмо застало тебя со всѣмъ твоимъ семействомъ здоровыми. Два года тому назадъ жену мою также посѣтила болѣзнь, которая свела-бы ее въ могилу безъ пособія искуснаго врача. Фердинандъ Богдановичъ былъ уже тогда на поселеніи. Впрочемъ, она, помнится, сама писала къ тебѣ во время самой ея болѣзни: это было воспаленіе желудка (gastro-anterite). Но, освободившись отъ этой опасной болѣзни, она почувствовала ревматическую боль, которая препятствовала ей владѣть рукою. Носила фонтанель; но не замѣтно ощутительнаго облегченія. При пользованіи всякаго недуга необходимо спокойствіе духа и покой тѣла; а она должна была перенести трудности пути, хотя недальняго, но тягостнаго по недостаткамъ и нуждѣ, въ какой мы постоянно находимся.—Домъ, который мы имѣли въ Петровскомъ заводѣ, продали за четверть цѣны, а домашнюю утварь просто бросили. Теперь все это надо заводить снова. Таково начало нашего новаго быта, о которомъ ты знать желаешь.—О разстройствѣ твоихъ собственныхъ дѣлъ мы знаемъ изъ писемъ нашихъ пріятелей и тѣмъ болѣе соболѣзнуемъ, что въ положеніи нашемъ не только пособія, но даже совѣта дать не можемъ. Не унывай, какъ мы не унываемъ. Елькинъ говаривалъ: „какъ пойдетъ дождь, такъ ужь и мочитъ“.—Однако, когда-же нибудь настанетъ ясная погода!—Прости, любезный другъ! Обнимаемъ тебя. Скажи отъ обоихъ насъ дружескій

свою корреспонденцію. Мы печатаемъ эти письма почти безъ всякихъ пропусковъ, такъ какъ они служатъ единственнымъ источникомъ обрисовки личности Алексѣя Петровича, къ тому же этихъ писемъ очень немного.

[1]) Курсивъ подлинника.

привѣтъ супругѣ твоей и разцѣлуй за насъ всѣхъ твоихъ дѣтей. Поздравляемъ васъ съ рожденіемъ Николиньки, о которомъ узнали изъ твоего лишь письма. Посылаемъ ему наше благословеніе. Твой другъ А. Юшневскій.

Сел. Кудà. 28 Октября 1839.

Адресъ къ намъ почти тотъ-же, то есть: Его Превосходительству Господину Иркутскому Гражданскому Губернатору Андрею Васильевичу Пятницкому, для доставленія намъ.

Когда ты получишь письмо это, любезный другъ Семенъ Петровичъ, вспомни, что будетъ ровно 14 лѣтъ, какъ ты не видѣлъ почерка твоего брата. Я воображаю, какое волненіе произведетъ въ тебѣ письмо наше. Братъ твой самъ много-бы желалъ сказать тебѣ, но не знаетъ на первый разъ, что̀ бы говорить. Измѣненіе чувствъ? Можно и писать хорошо и разсказывать чудесно, а въ сердцѣ мало ощущенія. Ты знаешь твоего брата; мы знаемъ, какъ онъ всегда любилъ тебя. Онъ никогда неизмѣненъ въ своихъ чувствахъ, но живучи 17 лѣтъ въ разлукѣ, твои отношенія къ нему могли измѣниться. Не пеняй, другъ Семенъ, если письмо твоего брата покажется не довольно удовлетворительно . . .

. . . . . .

Да благословитъ васъ Богъ! М. Юшневская.

LXXXV.

Я очень былъ растроганъ, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, письмомъ твоимъ отъ 5 Января. Изъявленіе твоихъ чувствъ ко мнѣ было для меня дороже того пріятнаго извѣстія, которое сообщилъ ты мнѣ о начетѣ [1]).

[1]) Начетъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ сдѣланъ на А. П. Юшневскаго по его дѣятельности какъ генералъ-интенданта южн. арміи и палъ всецѣло на Семена и Владиміра Петровичей, какъ получившихъ все имѣніе и капиталы. Братьямъ удалось доказать невѣрность самаго начета на ихъ брата.

Будь всегда увѣренъ, что сердце мое никогда не останется у тебя въ долгу.—Первое чувство, произведенное во мнѣ извѣстіемъ о разрѣшеніи отъ начета, было—удивленіе. Въ положеніи моемъ я считалъ это несбыточнымъ. Благоговѣю предъ правосудіемъ, оправдавшимъ беззащитнаго! Не замедли переслать изложеніе дѣла съ заключеніемъ Государственнаго Контроля и увѣдоми меня объ успѣхѣ распоряженій, какія будутъ его послѣдствіемъ. Радуюсь, что, наконецъ, устранены будутъ всѣ затрудненія, причинявшія тебѣ столько разстройства, и которымъ противъ воли моей я былъ причиной, но съ тѣмъ вмѣстѣ скорблю о издержкахъ, какихъ стоило пребываніе Владиміра въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что не имѣю средствъ принять ихъ на себя.—Наши дѣла таковы, что, если бы не пособіе добрыхъ моихъ товарищей, мы не могли бы существовать. По прибытіи ко мнѣ въ 1830 г. жены надобно было построить въ Петровскомъ домишко, завестись всѣмъ необходимымъ въ хозяйствѣ. Такъ какъ въ то-же время строились и прочіе женатые товарищи, то постройка обошлась намъ въ четверо противъ обыкновенныхъ цѣнъ, и мы безъ ихъ пособія не могли-бы ни начать, ни окончить. Въ прошломъ году, при отправленіи на поселеніе, принуждены были иное бросить, другое отдать за безцѣнокъ. Сюда пріѣхали мы почти безъ копѣйки, ибо всѣ деньги, какія тогда были, надобно было, предъ отъѣздомъ, уплатить продавцамъ, снабжавшимъ насъ первыми потребностями. Въ деревнѣ, назначенной для моего водворенія, нѣтъ никакого для насъ пріюта, а строиться не чѣмъ. Это побудило насъ испрашивать дозволенія жить въ самомъ Иркутскѣ, гдѣ можно найти удобное помѣщеніе для больной моей жены и при томъ имѣть за деньги все, чего не можемъ завести въ своемъ хозяйствѣ. Къ тому-же необходимо постоянное врачебное пособіе женѣ, которой здоровье такъ разстроено, что не проходитъ недѣли, чтобы она чѣмъ-нибудь не страдала. Ходатайство наше не имѣло еще желаемыхъ послѣдствій. Между тѣмъ, вмѣсто селенія Кузьмихи, въ которой нѣтъ помѣщенія, дозволено мнѣ жить до Сентября въ другой, въ

семи верстахъ отъ города.—Тутъ мы нанимаемъ крестьянскую избу за неимовѣрную цѣну—350 руб. въ годъ! Это составляетъ 6-ю часть всего, что мы получаемъ отъ Понятовскаго на содержаніе. За всѣми потребностями мы должны посылать въ городъ и, не имѣя лошади,—которой содержаніе стоило-бы здѣсь едва не столько-же, какъ квартира,—необходимо должны нанимать для каждой посылки и еще платить за поромъ. Словомъ, разореніе со всѣхъ сторонъ, а нужды между тѣмъ возрастаютъ въ одинаковой пропорціи съ уменьшеніемъ денежныхъ способовъ. Кромѣ пропитанія себя и людей, надобно одѣться. Въ теченіи 10 лѣтъ мы не возобновляли бѣлья. Бѣдная моя жена скрываетъ отъ меня, до какой степени она въ немъ нуждается, а пособить не чѣмъ. Будучи самъ отцомъ семейства, ты поймешь, что долженъ я чувствовать, смотря на все это. Но довольно—я уже слишкомъ заболтался. По крайней мѣрѣ, не могу сказать, чтобы кто изъ насъ обоихъ упалъ духомъ; а говорятъ, что Провидѣніе еще не покинуло, пока посылаетъ испытанія не выше нашихъ силъ. Сохранимъ наше упованіе на Него. Авось Его рукой все перемелется и будетъ лишь мукой!—Я теперь одинъ: жена уѣхала 16 числа пользоваться отъ ревматизма къ горячимъ сѣрнымъ водамъ по ту сторону Байкала въ 500 верст. отсюда. Благодаря добрымъ людямъ, эта поѣздка ничего не будетъ ей стоить. Осталось испытать это послѣднее средство. Фонтанель и всѣ пособія искусства истощены надъ нею безъ малѣйшаго успѣха.... Вѣрный другъ и твой братъ А. Юшневскій.

Адресуй по прежнему на имя Иркутскаго Гражданскаго Губернатора Его Превосходительства Андрея Васильевича Пятницкаго.

Селеніе Жилкино. 25 Марта 1840.

LXXXVI.

Жена доставила мнѣ письмо твое отъ 25 февраля, посланное изъ Хрустовой, любезный другъ Семенъ Петровичъ.

Помнится, я писалъ тебѣ, что она на водахъ.—Я поджидалъ обѣщанной выписки по дѣлу о начетѣ и вмѣсто того получилъ извѣстіе о затрудненіяхъ, происходящихъ отъ неразрѣшенной статьи по поставкѣ Свистунова. Никакая память не можетъ представить во всей подробности того, что происходило назадъ тому чуть не 20 лѣтъ. Въ послѣдней моей должности я находился слишкомъ 6 лѣтъ. Впродолженіи этого времени Свистунову дѣлаемы были почти безпрерывно порученія, и потому не могу угадать, къ которому изъ нихъ относится начетъ 29 тыс. Изложеніе дѣла припомнило-бы мнѣ обстоятельства, на которыя могъ-бы я указать въ оправданіе. Теперь-же въ успокоеніе тебя и самого себя могу только сослаться на чистоту моихъ дѣйствій и утѣшаться упованіемъ на то самое правосудіе, съ какимъ разсмотрѣны были прочія важнѣйшія мои распоряженія по этой части. Когда получишь это письмо, пройдетъ болѣе полугода послѣ сообщеннаго тобою извѣстія, и дѣло въ продолженіи этого времени могло измѣниться вслѣдствіе забранныхъ справокъ и поясненій. Если же не видишь скораго конца пребыванія брата въ Петербургѣ, то не разсудить-ли ходатайствовать о ускореніи рѣшенія. Ты видишь, что содержаніе тамъ Владиміра будетъ, наконецъ, равняться суммѣ самаго начета. Ты можешь быть увѣренъ, что это сокрушаетъ меня не менѣе тебя. Мое безсиліе подать тебѣ какую-либо помощь приводитъ меня въ унынie. Между тѣмъ я худо понимаю, или лучше, нисколько не понимаю, какими силлогизмами можно подвергнуть отвѣту, вамъ только двоимъ принадлежащее, по начету на меня, тѣмъ болѣе, что я осужденъ до раздѣла и, слѣдовательно, оставилъ свѣтъ „такъ голъ, какъ голъ родился“. Мнѣ кажется, что такая мѣра подлежитъ оспариванію. Въ объясненіи, которое подалъ ты въ Дворянскую Опеку 19 Октября 1828 г., показаны были неопровержимые доводы къ вашему огражденію.—О мѣстѣ постояннаго моего водворенія я нахожусь все еще въ неизвѣстности и живу тамъ-же, откуда получилъ ты послѣднее мое письмо. Такой образъ жизни довершаетъ наше разореніе. Живемъ

день до вечера, опасаясь даже заглядывать въ даль.—Никогда не приходитъ тебѣ въ мысль перенести насъ въ твое семейство, познакомить съ его бытомъ, съ препровожденіемъ времени Идаліи. Что дѣлаетъ мелкій народъ, каковы дарованія моихъ племянниковъ и проч.?—Что до меня касается, я веду жизнь самую уединенную, очень рѣдко кого-либо вижу, цѣлый день занимаюсь чтеніемъ, а вечеромъ музыкой. Предъ глазами моими большая рѣка и изрядная природа. Но ты знаешь, что я на нее любуюсь только изъ окна. Безъ крайней надобности я не выхожу даже на крыльцо.—Хотѣлъ было кончить, но пришла мысль сказать еще нѣсколько словъ о предметѣ твоего объясненія въ Дворянскую Опеку. Не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ, конечно, могу судить только по тѣмъ даннымъ, какія имѣю. И такъ, до наложенія запрещенія ничто, кажется, не лишало васъ права продать Хрустовую. Если это право было неоспоримо тогда, тогда я не постигаю, почему оно могло измѣниться въ послѣдствіи. Какъ прежде, такъ и теперь, имѣніе принадлежитъ одному тебѣ и не должно подлежать отвѣтственности за меня.... Твой другъ А. Юшневскій.

Деревня Жилкина. 22 Іюля 1840.

LXXXVII.

Деревня Малая Разводная. 13 Января 1841.

Здравствуй, любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Давно, очень давно, скоро пять мѣсяцевъ, какъ мы къ тебѣ не писали. Все это время протекло въ хлопотахъ и заботахъ о нашемъ перемѣщеніи, и не смотря на то, мы все еще безъ постояннаго пріюта. Будучи не въ состояніи гдѣ-либо строиться, мы только перемѣняемъ мѣсто и квартиры. Это довершаетъ наше разореніе и, что еще того хуже, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье моей жены, которое лишь только начинало поправляться послѣ водъ.—Въ эти 5 мѣсяцевъ мы получили отъ тебя 3 письма. 1-е отъ 30 Августа по возвра-

щеніи твоемъ изъ Кіева. Въ немъ ты увѣдомилъ объ уничтоженіи остального начета по поставкѣ Свистунова. Радуюсь, что, наконецъ, я пересталъ быть невольною причиною препятствій и разстройства, какія потерпѣли твои дѣла. Изъ другого твоего письма отъ 23 Сентября вижу, что уже рѣшился заложить Хрустовую. Очень понимаю, что одна только крайность заставила тебя рѣшиться открыть себѣ; такъ сказать, эту фонтанель, которая тѣмъ только лучше настоящей, что перевязывается не болѣе двухъ разъ въ годъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, ты ни въ чемъ уже не отстаешь отъ прямого русскаго дворянина, когда и твое имѣніе заложено. Незабудь, любезный другъ, увѣдомить насъ объ успѣхѣ твоихъ дѣйствій по этому премету. Въ 3-мъ письмѣ отъ 3 Ноября изъявляешь ты, мой другъ, желаніе имѣть мой портретъ. Разумѣется, что я тотчасъ исполнилъ-бы его, если бы это было въ моей волѣ. Въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ мы были всѣ вмѣстѣ, оно было очень легко; но послѣ разсѣянія нашего товарищъ, оказывавшій всѣмъ намъ эту услугу, остался на поселеніи по ту сторону Байкала въ г. Селенгинскѣ. Здѣсьже въ цѣломъ краѣ нѣтъ даже плохого маляра. Могу только дать тебѣ слово, что не упущу воспользоваться первою возможностью исполнить твое желаніе.... Кстати о лѣтахъ. Вотъ и тебѣ не во гнѣвъ, минетъ въ февралѣ 40 лѣтъ. Поздравляю тебя, любезный другъ. Желаю, чтобы Парки считали это число за меньшую половину твоего вѣка, и чтобы вторая искомая половина была благополучнѣе протекшей. Вскорѣ за тобой слѣдуютъ и мои 55 лѣтъ, т. е. считая съ 12 марта 1786 г. Число истинно счастливыхъ, никакимъ горемъ не помраченныхъ, дней было такъ невелико, что если принять къ зачету послѣднія 15 лѣтъ, то судьба останется у насъ въ долгу̀ неоплатномъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ мы съ женою лишимся способности пользоваться ея дарами.—Спасибо тебѣ, любезный братъ, что ты сообщилъ намъ нѣкоторыя подробности о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Хорошо, что музыку ты не совсѣмъ покидаешь. Кромѣ удовольствія собственнаго, она входитъ въ воспитаніе дѣтей. Le nouvelliste здѣсь получается,

но вообрази, какъ содержаніе отвѣчаетъ названію: въ одномъ номерѣ напечатанъ концертъ Фильда, и то одинъ изъ худшихъ, 4 й; признаюсь, кромѣ Листа, котораго я недостоинъ понимать, большая часть, каковы Тальбергъ и самый Дрейшокъ, какъ мнѣ кажется, только фигляры. Трудности у нихъ, конечно, доселѣ небывалыя, des tours de force, но пѣнія и чувства мало. При всемъ томъ новая школа называетъ старую—perruque. Посмотримъ, кто кого переживетъ!—Очень понимаю удовольствіе, какое доставляетъ тебѣ химія, потому что я самъ имѣлъ большую къ ней склонность. Книжныя пособія по этой части у насъ всѣ есть, но почти нѣтъ ничего необходимаго для опытовъ, а безъ нихъ почти то-же, что читать физіологію безъ анатомическихъ препаратовъ. Бо́льшую часть всего, что здѣсь имѣемъ по части Химіи, читалъ, но, безъ повѣрки опытомъ, ничего почти въ памяти не сохранилось.—Такъ какъ ты читаешь газеты и журналы, то, конечно, знаешь, что послѣ Тальбота усовершенствованъ во Франціи способъ приготовленія бумаги для фотогеническихъ изображеній и сохраненія ихъ, помнится, par M-r Verignon.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

LXXXVIII.

Малая Разводная. 31 Марта 1841.

...Въ замѣнъ извѣстія твоего о кончинѣ Э. Н. Вегелина сообщу тебѣ не менѣе прискорбное для всѣхъ насъ. Не помню, писали-ли мы къ тебѣ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1839 г. Ивашевъ лишился жены, которая оставила ему троихъ дѣтей, а въ прошломъ Декабрѣ, когда онъ дѣлалъ приготовленія къ годовщинѣ, сдѣлалось ему дурно. Позванный врачъ не

замедлилъ явиться, но кровь уже не пошла, и Ивашевъ испустилъ духъ отъ апоплексическаго удара на сорокъ четвертомъ, какъ помнится, или 45 году.—Разтолстѣвъ до чрезвычайности, онъ началъ терпѣть частые припадки полнокровія, а кровопусканія не любилъ. Впрочемъ, кончина легкая. Ему собственно этотъ опытъ окончательнаго поселенія не стоилъ столькихъ хлопотъ, съ какими сопряжено наше поселеніе. Сироты остались на попеченіи престарѣлой и немощной его тещи, пріѣхавшей за нѣсколько лѣтъ до этого окончить вѣкъ при своей дочери.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

PS. Письма адресуй по прежнему.

. . . . . .

LXXXIX.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ! Рѣдко случалось мнѣ быть такъ неисправнымъ въ перепискѣ, какъ въ нынѣшнемъ году. Причиною тому безпокойная жизнь, какую ведемъ со времени отъѣзда изъ Петровскаго Завода. Недостатокъ средствъ къ постройкѣ себѣ жилища въ деревушкѣ, которая назначена была для моего поселенія, побудилъ насъ испрашивать дозволенія жить въ г. Иркутскѣ, гдѣ могли-бы занять готовое помѣщеніе. Въ ожиданіи разрѣшенія, мы не могли нигдѣ постоянно водвориться. Наконецъ, въ просьбѣ нашей отказано и повелѣно поселить меня въ Малой Разводной, бѣдной деревушкѣ въ шести верстахъ отъ Иркутска, состоящей изъ 18 избъ. Безъ способовъ и безъ пріюта не знаю, что бы съ нами было, если-бы добрый товарищъ, водворенный здѣсь за годъ до насъ, не предложилъ намъ избы на своемъ дворѣ. Если бы помѣстить въ ней весь нашъ домашній скарбъ и хламъ, который, благодаря времени года, можетъ валяться гдѣ попало, то намъ съ женою не болѣе-бы осталось порожняго мѣста, какъ сколько займемъ мы въ землѣ. Четвертый мѣсяцъ находимся мы въ этомъ положеніи. Весь этотъ промежутокъ времени проведенъ, какъ

ты можешь себѣ представить, въ хлопотахъ и горькихъ заботахъ, которымъ не вижу конца.... Не вижу иного средства выйти изъ затруднительныхъ твоихъ обстоятельствъ, какъ или займомъ въ частныхъ рукахъ подъ залогъ имѣнія, или въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Относительно послѣдняго тебя затрудняетъ требуемая точность въ платежѣ. Но при частномъ займѣ существуютъ тѣ-же опасенія. Покойный Ал. Тим. Тутолминъ лишился бы имѣнія, которое было въ залогѣ у кн. Абимелика, если-бы покойный нашъ братъ не внесъ за него въ срокъ денегъ, которыя я самъ возилъ въ Гайсинъ. Заемъ былъ сдѣланъ, помнится, по 250 р. на душу, въ случаѣ-же неуплаты въ срокъ, кн. Абимеликъ имѣлъ право, доплативъ по 150 р. за душу, вступить во владѣніе имѣніемъ. Итакъ, частный заемъ тѣмъ только лучше, что условія займа добровольнѣе, за то проценты выше и срóкъ окончательной уплаты короче.... Хотѣлъ-бы сказать тебѣ, мой добрый другъ, что-нибудь о образѣ моихъ занятій. По званію поселенца я долженъ бы пуститься въ агрономію, но ты знаешь, имѣлъ-ли я къ ней когда-либо склонность. При томъ-же все мое время посвящено было службѣ. Послѣднія 16 лѣтъ еще менѣе могли развить во мнѣ эту склонность. Къ умственнымъ-же занятіямъ нужно спокойствіе духа, беззаботность, по крайней мѣрѣ, о завтрешнемъ днѣ, и потому я неспособенъ ничѣмъ прилежно заняться. Чтеніе не оставляетъ ничего въ головѣ; къ музыкѣ становлюсь равнодушенъ. Послѣднимъ я даже доволенъ: хорошо не имѣть жажды, когда ее утолить нечѣмъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная, 21-го Іюля 1841.

Братъ твой высказалъ тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, всѣ подробности нашей жизни. Грустно говорить объ этомъ. Лучше скажу тебѣ, что у насъ мѣстоположеніе чудесное. На берегу рѣки Ангары поставленъ домъ Артамона Захаровича Муравьева. У него-то во флигелѣ мы живемъ. Все, что̀ плыветъ за Байкалъ и оттуда,—мимо нашихъ оконъ. По другую сторону дома большая дорога видна. Пашни и

лѣсъ окружаютъ насъ. За рѣкой—горы, покрытыя кедрами, сосной и елками. На рѣкѣ—острова, покрытые деревьями, цвѣтами. Туда многіе ѣздятъ гулять. Народу всякаго плыветъ туда кучами, одни за рыбой, другіе собираютъ ягоды, иные косятъ, иные гулять цѣлыми семействами. Бываютъ дни, въ которые цѣлый день сижу на крылечкѣ и любуюсь на всѣхъ плывущихъ по быстрой нашей рѣкѣ. Еще одинъ мѣсяцъ, и надо будетъ запереться на всю зиму. Начнутся туманы, холодъ, сырость, и за удовольствіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ надо прожить 8 взаперти [1]). Какъ часто вспоминаемъ мы телескопъ, который остался у тебя. Когда поютъ на островахъ, гуляютъ, хотѣлось-бы на нихъ посмотрѣть, да не во что, только видишь вдали разныхъ цвѣтовъ платья, шляпки; тутъ же и мужички работаютъ, поютъ и на стружкѣ, самой маленькой лодкѣ, переплываютъ къ намъ или на другую сторону рѣки. Меня очень забавляетъ, что почти всегда бабы или дѣвицы однимъ весломъ управляютъ стружкомъ и пребыстро несутся по рѣкѣ.—Можетъ быть, когда-нибудь пришлю тебѣ рисунокъ нашего мѣстоположенія, только постараюсь и домикъ помѣстить, въ которомъ мы живемъ. Домикомъ его назвать нельзя, а клѣточка, съ крошечнымъ крылечкомъ... Ta soeur Marie Jouschniewsky.

XC.

Любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ! Обстоятельство, нетерпящее времени, побудило меня просить о доставленіи письма моего кратчайшимъ путемъ. Я не объяснялъ еще тебѣ, какимъ образомъ, находясь третій годъ на правѣ поселенца, я не имѣлъ ни постояннаго водворенія, ни пріюта. Причиною тому была невозможность найти какое-либо помѣщеніе въ деревнѣ, которая первоначально назначена была для моего поселенія. На постройку-же, какую бы

[1]) Изъ этихъ 4-хъ не насчитаешь одного истинно лѣтняго. (Примѣч. Алексѣя Петровича).

то ни было, мы не можемъ удѣлить ничего изъ получаемаго нами дохода отъ того, что содержаніе здѣсь стоитъ почти вдвое противъ Петровскаго завода, а денежные способы такъ мало увеличились, что при всѣхъ лишеніяхъ недостаточны на годовыя наши потребности. Это побудило насъ просить дозволенія жить въ самомъ Иркутскѣ, гдѣ можно нанимать готовую квартиру и, что̀ не менѣе важно, имѣть врачебное пособіе. Въ ожиданіи разрѣшенія проживали мы, благодаря дозволенію начальства, то по другимъ деревнямъ, гдѣ могли находить временное пристанище, то на предмѣстьѣ города. Такой образъ жизни, лишая насъ возможности чѣмъ-либо завестись, довершилъ наше разореніе. Не могу описывать подробно, какъ это происходило. Скажу только, что со времени поступленія моего на поселеніе, мы на шестой квартирѣ. Наконецъ, на многократныя просьбы моей жены послѣдовалъ положительный отказъ и предписано водворить меня въ Малой Разводной (деревушкѣ на правомъ берегу Ангары, въ шести верстахъ отъ Иркутска, состоящей изъ 17 хижинъ) съ отводомъ подъ постройку дома, пашню и сѣнокосъ 15 дес. земли.—Къ счастію, здѣсь водворенъ прежде насъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, мужъ Вѣры Алексѣевны, который успѣлъ здѣсь построиться. Какъ добрый товарищъ, онъ предложилъ намъ на время избу на своемъ дворѣ; въ самой-же деревушкѣ нѣтъ никакой квартиры. Тутъ, благодаря времени года, мы кое-какъ мѣстимся. Съ ужасомъ, однакожъ, помышлялъ я о приближеніи зимы и о необходимости теплаго пріюта для бѣдной моей жены, безпрестанно страждущей разными болѣзненными припадками. Среди безпомощности нашей нашелся человѣкъ, который, едва бывши знакомъ, принялъ въ насъ участіе. Не справляясь о нашемъ состояніи, онъ самъ вызвался уступить намъ за полцѣны купленный имъ въ Иркутскѣ домъ и, не получивъ еще отъ насъ ничего, заплатилъ за насъ подрядчику, который взялся перевезть его сюда и поставить. За все это мы остаемся ему должны три тысячи рублей.—Домъ безъ малаго въ семь саженей длиною, съ особою на дворѣ кух-

ней, поставленъ уже вчернѣ. Кромѣ внутренней отдѣлки, конечно, остается еще многое пристроить, но мы имѣемъ уже главное—собственный покойный пріютъ, гдѣ, вѣроятно, суждено намъ кончить свой вѣкъ. Теперь лежитъ на насъ священный долгъ—расплатиться съ добрымъ человѣкомъ, который изъ одного только удовольствія сдѣлать доброе дѣло одолжилъ насъ на всю жизнь. Надобно во всей подробности знать затрудненія, изъ какихъ онъ насъ выручилъ, чтобы представить себѣ и нашу благодарность и съ тѣмъ вмѣстѣ наше прискорбіе видѣть себя въ невозможности удѣлить изъ дохода нашего что-либо на уплату этого долга.-- Рѣшимость писать къ тебѣ объ этомъ, любезный другъ, стоила мнѣ долговременной борьбы съ тяжкой необходимостью. Если бы достаточно было одной увѣренности въ твоей дружбѣ и участіи, я не затруднился бы къ тебѣ прибѣгнуть, но зная стѣсненное положеніе твоихъ собственныхъ дѣлъ, объясняю только тебѣ мою крайность. Помоги, любезный другъ, если можешь, въ видѣ ссуды. Намъ нужно три тысячи на уплату означеннаго долга и двѣ тысячи на постройку необходимыхъ принадлежностей дома, котораго я не въ состояніи теперь даже обнести заборомъ. Съ нашей же стороны мы употребимъ всѣ усилія, чтобы мало по малу возвратить тебѣ эту сумму. Оказавъ намъ это пособіе, ты успокоишь насъ на весь остатокъ нашихъ дней. Не могу выразить, чего мнѣ стоило рѣшиться просить тебя объ этомъ, зная, что ты и самъ въ затрудненіи. Но ты знаешь, что кромѣ тебя у меня нѣтъ никого. Если же ни самъ ты, ни съ постороннимъ содѣйствіемъ, не можешь пособить намъ,—откажи безъ дальнихъ объясненій. А если можешь, то поспѣши выручить меня, и во всякомъ случаѣ не замедли отвѣтомъ на имя Его Превосходительства Андрея Васильевича Пятницкаго въ Иркутскѣ безъ означенія на конвертѣ передачи мнѣ. Подъ этимъ адресомъ дойдутъ ко мнѣ исправно и деньги, если ты найдешь возможность помочь намъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 7 Сентября 1841.

На оборотѣ письма слѣдующая собственноручная приписка Губернатора Пятницкаго: „Долгомъ поставляю удостовѣрить Милостиваго Государя Семена Петровича, что положеніе Алексѣя Петровича таково, что одно просимое имъ пособіе можетъ поправить его, и это то самое обязало меня отступить отъ принятаго порядка на щетъ (sic) отправленія сего письма. Имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугой Андрей Пятницкій".

XCI.

Малая Разводная. 3-го Ноября 1841.

Я замедлилъ отвѣтомъ, любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ, на письмо твое отъ 25-го Іюля, какъ по причинѣ строительныхъ хлопотъ и недосуговъ, такъ и потому, что желалъ писать тебѣ изъ своего уже дома, если можно назвать своею вещь, за которую не уплатилъ еще ни копѣйки. Какъ-бы то ни было, на дняхъ мы перешли въ домъ, не имѣющій не только никакихъ принадлежностей, но даже забора. Всѣмъ, чего къ дому недостаетъ, мы пользуемся у добраго нашего товарища, Г. Муравьева, котораго дворъ съ нашимъ смѣженъ. Средствъ не хватило, и мы должны были остановиться тамъ, гдѣ застало насъ ихъ истощеніе. Благодаря добрымъ людямъ, у насъ теперь помѣщеніе, какого при недостаткѣ нашемъ, мы имѣть не воображали. Когда будетъ возможность достроить недостающее, пришлю тебѣ чертежъ дома. До тѣхъ (поръ), конечно, принуждены будемъ терпѣть множество разорительныхъ неудобствъ. Вспомни, кѣмъ населенъ здѣшній край, и тогда представь себѣ, что значитъ жить среди улицы. Ты знаешь сестру; помнишь, какъ она боялась тѣни на стѣнѣ. Здѣсь-же есть причина бояться не призраковъ, а оборонительнаго оружія намъ имѣть не позволяется.—Благодарю тебя, мой другъ, за обѣщаніе исполнить все касательно снятія запрещенія съ 50 тыс. Получивши отъ тебя адресъ брата, я тотчасъ написалъ къ нему и

между прочимъ просилъ прислать мнѣ другой, не столь многосложный. Тутъ-же просилъ его и о запрещеніи. Съ безпокойствомъ буду ожидать отвѣта на письмо отъ 7 Сентября. Въ такомъ отдаленіи, не зная подробностей нашего быта, ты никакъ не можешь представить себѣ нашихъ нуждъ и нашихъ затрудненій. Такъ какъ до этой поры мы скитались по квартирамъ съ готовою мебелью, то теперь перешли въ пустой домъ, гдѣ, разумѣется, не на чемъ ни сѣсть, ни лечь: все должны заводить вновь.—Отъ нынѣ будемъ писать къ тебѣ чаще, а теперь передаю перо женѣ. Прошу тебя передать мой родственный привѣтъ сестрѣ Идаліи. Мы никогда не видимъ ни строчки ея руки. Мысленно обнимаю и благословляю моихъ племянниковъ. Прости, мой добрый другъ. Твой другъ А. Юшневскій.—

Я обѣщала писать тебѣ вскорѣ послѣ отправленія письма брата твоего, и не удалось мнѣ, добрый мой Семенъ Петровичъ. Хлопоты переборки въ домѣ для меня, старушки, утомительны были. Теперь мы въ собственномъ нашемъ уголкѣ. Дай Богъ пожить въ добромъ здоровьѣ, не для того (sic), чтобы хотѣлось жить, а изъ любопытства: не будетъ-ли намъ когда-нибудь лучше. Надо тебѣ чистосердечно сознаться, любезный братъ, что я никогда не бывала такъ чутка и внимательна къ каждому шороху, какой чудится моимъ ушамъ. Двора у насъ нѣтъ, а прохожихъ много. Можетъ, они и не думаютъ о насъ, а я о нихъ безпрестанно. Третьяго дня какой-то подошелъ къ дому; собаки бросились на него. У меня есть Молдованъ, дворникъ, въ услуженіи. Вышелъ ночью и присталъ къ любопытному посѣтителю, но онъ разсудилъ уйти отъ него. Оказалось, что посѣтитель желалъ только подѣлиться съ нами дровами. Это-бы еще не бѣда: охотно-бы я ему готова была удѣлить отъ доброй воли дровъ, только-бы не пугалъ меня. Ты знаешь мою храбрость. Пожалуйста, любезный братъ Семенъ, сдѣлай дружбу, собери на . . . . . [1]) три или четыре. Положи туды ко-

[1]) Слово не разобрано.

чень *папушои* [1]) и хоть на одну мамалыгуцу пришли моему молдовану; онъ такъ будетъ счастливъ. Я ему обѣщала все это отъ тебя выписать, и онъ до слезъ разнѣжился. Я ему на фортепьянахъ заиграла *жокъ молдованескъ* [2]). Онъ закричалъ, заплакалъ и не велѣлъ играть. Кричитъ: не хочу: мнѣ крѣпко жаль, *кныма доретыре* [3]). Бѣдный человѣкъ! Что-же чувствуютъ образованные люди?! Бѣдные-мы: какъ тяжело жить въ такомъ волненіи безпрерывномъ! Пожалуйста, мой другъ, найди случай передать твой ящичекъ въ Москву съ выше просимымъ для моего Степана. Оттуда безпрестанно родные съ обозомъ высылаютъ разныя вещи и провизію: передадутъ и твою посылку. Пусть только отдадутъ Муравьевой Катеринѣ Федоровнѣ или Александру Раевскому для передачи мнѣ.—Прощай, другъ мой Семенъ! Обними за меня Идалію и дѣтей. Дай Богъ вамъ всѣмъ счастье. Ваша М. Ю.

XCII.

Малая Разводная. 29 Декабря 1841.

Спѣшу отвѣчать, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, на два твои письма отъ 16 Октября и отъ 9 Ноября, которыя оба получилъ 20 текущаго мѣсяца. Я былъ тронутъ изъявленіемъ дѣятельной твоей заботливости о вспоможеніи намъ. Но къ чувству моей благодарности примѣшивается мысль, что въ то самое время, какъ ты хлопочешь объ улучшеніи твоихъ, являюсь я, чтобы усугубить твои затрудненія. Успокаиваю себя только надеждою на твою увѣренность въ томъ, что, безъ самой неумолимой крайности, я бы себѣ этого не позволилъ. Безъ малаго 12 лѣтъ терпѣли мы здѣсь съ женою жесточайшія лишенія и недостатокъ. Но все это, благодаря участію добрыхъ товарищей, могли мы кое-какъ пережить. Съ поступленіемъ на поселеніе оста-

[1]) Кукуруза.

[2]) Особенный, національный, молдованскій танецъ.

[3]) Какія то молдованскія слова.

лись мы при однихъ собственныхъ способахъ. Остальное извѣстно тебѣ изъ предыдущаго. Теперь мнѣ осталось только благодарить тебя, любезный другъ, за новый опытъ твоей дружбы и за ту искреннюю готовность, съ какою взялся ты пособить намъ. Съ терпѣніемъ буду ожидать послѣдствія твоихъ стараній.—Передавая перо женѣ, прошу тебя сказать мой родственный привѣтъ сестрѣ и обнять за меня моихъ племянниковъ. Прости! Твой другъ А. Юшневскій.

Прими и мою благодарность, любезный другъ Семенъ Петровичъ, за обѣщаніе выручить твоего брата изъ затрудненія. Безъ дому намъ невозможно было жить здѣсь, гдѣ нѣтъ даже лачужки порядочной. Теперь я еще болѣе спокойна, зная, что твой братъ не будетъ грустить и задумываться. Онъ даже похудѣлъ это время. Праздники мы встрѣтили вдвоемъ съ моимъ мужемъ, ни мало не скучая. Сосѣдъ нашъ, Артамонъ Захаровичъ, встрѣтитъ съ нами новый годъ. Также и два брата Борисовыхъ, которые въ нашей-же деревнѣ поселены. Не знаю, изъ чего ты, мой другъ, взялъ, что мы должны Артамону Захаровичу. Домъ купили мы въ городѣ и перенесли сюда. Хозяину надо было очистить мѣсто для постройки другого дома. Я воспользовалась предложеніемъ купить старый, и такимъ образомъ, устроили наше жилище и задолжали добрымъ людямъ. Странно видѣть домъ среди пустаго мѣста безъ ограды: субстанціи не было сдѣлать заборъ. Въ нашей сторонѣ это очень невыгодно: посѣщаютъ бѣглые, и самые жители дѣлятся съ нами дровами. Впрочемъ, здѣсь и запоры мало помогаютъ. Ты можешь себѣ представить, каково мнѣ трусихѣ жить здѣсь. До сихъ поръ Богъ миловалъ: не можемъ жаловаться, какъ другіе жалуются.... Другъ вашъ и сестра М. Юшневская.

XCIII.

Малая Разводная. 2 Марта 1842.

Больше мѣсяца, какъ я собираюсь писать тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, но какъ-то не удавалось, и

все оттого, что голова полна однѣхъ заботъ и тоща мыслями. Къ тому-же вокругъ насъ такое однообразніе, всѣ дни такъ ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого, что мы забыли-бы измѣреніе времени, если бы переписка не заставляла справляться съ календаремъ. Если вѣчность что-нибудь въ этомъ родѣ, то надобно быть существомъ безплотнымъ, чтобы не соскучиться. Прежде, когда мы были всѣ вмѣстѣ, было что почитать: книжный запасъ былъ общимъ достояніемъ, а теперь рѣдко что-либо попадается. Нѣтъ даже Библіотеки для Чтенія, ни Наблюдателя, а для меня, особенно въ нынѣшнемъ положеніи, жить значитъ читать,—лишь-бы только не произведенія фантазіи, а что-нибудь дѣльное. Однакожь въ послѣднее время, за неимѣніемъ инаго чтенія, я прочиталъ на немѣцкомъ нѣсколько романовъ Шпиндлера и Тромлица: оно годится, чтобы не забыть языка. Предъ выѣздомъ на поселеніе нужда заставила меня продать фортепіанъ; но одинъ изъ добрыхъ товарищей снабдилъ мень здѣсь своимъ. Только отъ неимѣнія-ли новыхъ нотъ, или отъ неспокойствія мыслей, или, наконецъ, отъ возраста, я сталъ какъ будто раснодушенъ къ музыкѣ, которая преждѣ составляла лучшее изъ моихъ наслажденій. Однакожъ, чтобы не выдти изъ удара, я играю однѣ гаммы и пальцеломные этюды, этюды Гензельта. Рѣдко заглядываю въ Баховы фуги, потому что, какъ курить простой, крѣпкій, табакъ, такъ ихъ играть можно только наединѣ. У жены дѣлается отъ нихъ спазматическая зѣвота.

.... Ничего нѣтъ скучнѣе нашей жизни. Жду лѣта съ нетерпѣніемъ: займусь огородомъ, а мужъ мой постройкой службъ, необходимыхъ при домѣ, была бы только малѣйшая возможность. Знаешь-ли, мой другъ, что и на меня напала охота играть на фортепьянахъ . . . . . .

. . . . . .

На дняхъ, можетъ быть, сдѣлаютъ портретъ твоего брата для тебя. Онъ устарѣлъ (sic) очень. Ты бы удивился, какъ его измѣнили эти 16 лѣтъ. О себѣ и говорить не хочу: совсѣмъ другое лицо сдѣлалось; даже выраженіе лица со-

всѣмъ измѣнилось, послѣ тяжкой болѣзни, которую перенесла я въ Петровскомъ заводѣ; не смотря на то, что этому пошелъ четвертый годъ, я не могу прійти въ себя. Да, пора собираться въ вѣчность! Только бѣда, что мой добрый мужъ очень меня жалѣетъ и боится меня потерять. Маленькіе мои недуги его крѣпко пугаютъ.... Прощай, мой другъ Семенъ. М. Юшневская.

XCIV.

Послѣ письма твоего, любезный братъ Семенъ Петровичъ, отъ 23 Января, полученнаго 8-го Марта, мы не имѣемъ твоихъ писемъ. Мы также давно къ тебѣ не писали въ ожиданіи отъ тебя извѣстія изъ Кіева. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Андрей Казиміровичъ писалъ намъ, что ты и уѣхалъ. Но изъ молчанія твоего заключаемъ, что дѣла твои пошли не такъ успѣшно, какъ предполагалъ, à moins que vous ne nous ayez déjà écrit et envoyé l'argent et qu'il ne nous soit pas encore parvenue. Между тѣмъ въ надеждѣ на обѣщанную тобой ссуду мы принялись достраивать домъ, но наконецъ, не имѣя никакого средства продолжать, принуждены будемъ остановиться и отказаться отъ условій съ рабочими заключенныхъ. Къ этому горю присоединилось другое, важнѣйшее—болѣзнь жены, которая, однакожъ, благодаря близости города и искусству достойнаго врача, прекращена въ короткое время, и она, спасенная отъ горячки, уже оправилась. Словомъ, когда прохожу въ мысляхъ всѣ проведенные здѣсь 15 лѣтъ, то не нахожу такого денька, который не былъ-бы омраченъ какимъ-нибудь горемъ или тяжкою заботой. Одно, что еще даетъ силы все переносить, это мое здоровье, которое рѣдко мнѣ измѣняетъ, за исключеніемъ припадковъ, которые проходятъ, такъ сказать, хотя и безъ врачебныхъ пособій. Таковы припадки гемороидальные и нервическіе, бывающіе чаще зимою. Послѣдніе приписываю климату, избытку электричества, котораго напряженность здѣсь чрезвычайна. Во время здѣшнихъ морозовъ, доходя-

щихъ до 38° Реомюра, при необыкновенной сухости воздуха, мы бываемъ изолированы. По крайней мѣрѣ, я такъ себѣ это объясняю. Земля, превращенная въ толстый слой непроницаемаго льда, перестаетъ быть проводникомъ. Когда мы еще были въ Петровскомъ заводѣ, случился вотъ какой опытъ: взявшись за кондукторъ машины и *не изолируясь* [1]), человѣкъ издавалъ искры и пальцами зажигалъ спиртъ. Случалось, что ртуть впродолженіи двухъ недѣль бывала въ ковкомъ состояніи. При всемъ томъ это еще чуть не Италія сравнительно съ другими мѣстами, лежащими болѣе къ сѣверу-востоку Сибири. Въ особенности здѣсь ощутительна независимость климата отъ широты мѣста. Мы находимся здѣсь тремя градусами южнѣе Москвы и съ небольшимъ только полуторомъ сѣвернѣе Кіева.—Но я долженъ обратиться къ главному предмету. И такъ скажи намъ, любезный другъ, на чемъ остановились твои дѣйствія касательно займа, и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнится-ли наше ожиданіе. О послѣднемъ мнѣ не легко тебя спрашивать, ибо знаю затруднительное положеніе собственныхъ твоихъ дѣлъ, но твоя дружба мнѣ это позволила, а крайность меня къ тому побуждаетъ. Я писалъ уже тебѣ, что пріобрѣтеніемъ жилища и всѣмъ, что по нынѣ въ немъ устроено, обязаны пособію добрыхъ людей.... Твой другъ А. Юшневскій.

Давно не писала я тебѣ, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ. . . . . .

. . . . . .

Поговори мнѣ, пожалуйста, о сосѣдяхъ Каменки [2]). Здоровы-ли старички? Съ какимъ чувствомъ мы ихъ вспоминаемъ! Не женился-ли князь Ал.? Гдѣ теперь младшіе, George и Nicalas? Никогда ихъ не забуду. Я ихъ всѣхъ любила искренно. Когда будешь въ Каменкѣ, напомни княгинѣ меня. Я увѣрена, что память ея обо мнѣ не совсѣмъ изгладилась....

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

[2]) Князь и княгиня Витгенштейнъ.

У насъ лѣто чудесное. Я съ 12 числа начну сѣно косить: у насъ есть 13 десятинъ покоса. Косарей наняла 8 человѣкъ; въ недѣлю каждому по 13 руб. ассигнаціями. Копенъ будетъ мѣрныхъ 80, надѣюсь. Сочти, какъ все здѣсь дорого. Есть у меня огородъ, въ которомъ *яблочекъ* [1]) будетъ достаточно. Такъ здѣсь называютъ картофель. Будетъ морковки и укропу довольно, а петрушка и проч. не удались. Немного цвѣтной капусты, а портулаку множество. Огурцовъ еще нѣтъ, и будетъ жаль, что достатки не позволяютъ сдѣлать хоть маленькій парничекъ. Лѣтомъ я только и дышу воздухомъ, хлопочу цѣлый день и за себя, и за другихъ. Наши сосѣди по хозяйственной части меня уполномочили, и я рада, что чѣмъ-нибудь могу быть имъ полезной. Съ одной стороны нашего дома живетъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, а съ другой стороны дома собираются строиться два брата Борисовы. Одинъ изъ нихъ больной человѣкъ, а другой тоже очень глухъ и слабъ здоровьемъ. Артамонъ Захаровичъ цѣлые три мѣсяца тоже лежалъ,—сломалъ лѣвую руку, потомъ ревматизмъ присоединился,—и очень страдалъ бѣдный. Я сама едва двигаюсь, но за больными ухаживаю. Жизнь моя очень дѣятельная, но какъ-то проку мало. Хлопоты не вознаграждаются. Но я благодарю Бога, что мое существованіе на что-нибудь еще годится. Добрый мой Алексѣй Петровичъ много трудится, и безъ его помощи было бы еще тяжелѣе наше положеніе.... Я, было, принялась за фортепьянъ. Играла многое. Бертини каприсы есть чудесные и по моимъ силамъ. Но только не хочется иногда цѣлый мѣсяцъ подступиться къ фортепьянамъ. У насъ есть небольшой, Талонова, московскаго мастера. Данъ онъ намъ однимъ товарищемъ мужа моего. Тонъ пріятный, но слабенькій инструментъ. . . . . Прощай, другъ мой Семенъ. Сестра твоя и другъ Марія Юшневская.

6-го Іюля 1842. Малая Разводная.

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ.

XCV.

Малая Разводная. 17 Августа 1842.

Двѣ недѣли тому назадъ, какъ я получилъ письмо твое отъ 21 Іюня, любезный другъ Семенъ Петровичъ. Изъ предыдущаго моего письма отъ 6 Іюля ты уже видѣлъ, какъ справедливы были мои догадки насчетъ неуспѣшности твоихъ дѣлъ. Пособить не чѣмъ, кромѣ терпѣнія. Не скрою, что это поставило насъ въ жестокое затрудненіе. Я такъ убѣжденъ въ искренности твоего желанія помочь намъ, что мнѣ совѣстно было читать твои извиненія и въ особенности подробный отчетъ въ употребленныхъ деньгахъ. Если-бы ты говорилъ мнѣ это лично, то я не позволилъ-бы себѣ слушать. Одно только, на что я имѣю право, это—принимать искреннее участіе въ твоихъ затрудненіяхъ и непріятностяхъ. И такъ, напрасно ты думаешь, что мое мнѣніе о г-нѣ Попов(скомъ) можетъ имѣть малѣйшее вліяніе на братскую дружбу и любовь. Старый юридическій афоризмъ гласитъ: „habeatur justus, donec probetur injustus“. Слѣдовательно, съ перемѣною свойствъ субъекта, позволительно перемѣнить и наше объ немъ заключеніе. Притомъ-же тебѣ извѣстно, что я не имѣю никакого понятія ни о существѣ дѣла, ни о томъ, что произошло между вами.—Что касается до трансфертной записки, то я не имѣю возможности воспользоваться этимъ способомъ, а долженъ ожидать успѣха собственныхъ твоихъ стараній. Не стану повторять тебѣ, какъ мнѣ больно усугублять твои затрудненія; не могу и выразить, какъ это меня мучитъ. Прости, мой добрый другъ!... Твой другъ А. Юшневскій.

Добрый мой другъ, Семенъ Петровичъ.... Наши желанія весьма умѣренны: самый неприхотливый кусокъ хлѣба, да независимый теплый свой уголокъ, маленькая прислуга,—и доживали бы мы свои дни спокойно. Главное, прежде всего—расплатиться съ тѣми, которые насъ одолжили. Здоровье наше порядочно. Не знаю, какъ проведу зиму, а теперь могу ходить много, довольно хорошо себя чувствую. Если поз-

волитъ Богъ прожить, провела бы лучше прошедшей. Хозяйство мое не увеличивается безъ средствъ. Сѣна накосили возовъ до 30, можетъ, больше. Тихоступъ нашъ, старичекъ, будетъ сытъ. Огородные овощи хоть и плохи, но есть всего по немногу. Не смотря на дождливое лѣто, ягодъ было мало; грибовъ совсѣмъ нѣтъ почти, но, сказываютъ, кедровыхъ орѣховъ бездна: масло будетъ дешево. Урожай чудесный на хлѣбъ. Если удастся снять хорошо, все будетъ дешевле. До сихъ поръ еще незамѣтно этого, но когда начнуть возить новый хлѣбъ, цѣны уменьшатся. Поговори намъ больше подробностей о твоемъ семействѣ.... Не забывай старушку, твою сестру и друга, Марью Юшневскую....

XCVI.

Малая Разводная. 19 Октября 1842.

....Это письмо, вѣроятно, застанетъ уже оконченными твои дѣйствія касательно займа. Съ тѣмъ вмѣстѣ и я ожидаю обѣщанной благостыни. Мы живемъ въ такой крайности, что не постигаю, какъ дальше существовать будемъ. Постройку необходимыхъ принадлежностей дома невозможно было остановить, надобно было кончить во что-бы то ни стало; а это надобно было дѣлать посредствомъ займа, то она стоитъ намъ необыкновенно дорого. За то теперь у насъ почти все есть необходимое для удобства жизни. Недостаетъ бездѣлицы—чѣмъ жить, и это безъ преувеличенія, а въ буквальномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, я пользуюсь постояннымъ здоровьемъ, которое даетъ силы противустоять всему; но жена рѣдко бываетъ свободна отъ какихъ-либо припадковъ, которые тѣмъ труднѣе переносить, что надобно отказывать себѣ нерѣдко въ самомъ необходимомъ. Вотъ она сама тебѣ напишетъ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Здравствуй, дорогой мой другъ, Семенъ Петровичъ.... Ты нынѣ, вѣрно, захлопотался дѣлами. Ахъ, любезный другъ, и наша жизнь проходитъ въ большихъ заботахъ, а помочь

невозможно себѣ, какъ-бы не старались. Стѣсненное положеніе мужа моего не допускаетъ трудами помогать себѣ, какъ бы хотѣлось. Братъ твой трудится, и еслибы не онъ помогалъ горю, плохо-бы было. . . . . .
У насъ начались уже холода, и я, бѣдная старушка, устраиваю себѣ уголокъ на всю зиму. Каково на семь мѣсяцевъ готовиться сидѣть! За то, если доживу до будущаго лѣта, опять молодцомъ буду на воздухѣ цѣлые четыре мѣсяца. Здоровье мое поправится. Я даже лѣтомъ моложе кажусь, веселѣе, хожу скоро и легко, съ удовольствіемъ даже хлопочу по моему маленькому хозяйству.... Сестра М. Юшневская.

XCVII.

Я замедлилъ благодарить тебя, любезный братъ и другъ Семенъ Петровичъ, за письмо твое отъ 5 Октября и за твою заботливость успокоить насъ. Причиною тому безпрестанная болѣзнь моей жены и неспокойствіе мыслей. . . . . .
Обѣщаніе твое отправить деньги въ концѣ Октября ободрило нѣсколько насъ среди нашего унынія, ибо должно признаться, что мы въ жестокомъ затрудненіи, и я не могу себѣ представить, что съ нами будетъ, если наше ожиданіе продолжится.—Благодарю тебя, мой добрый другъ, за все то, что ты сказалъ касательно брата, Андрея Казимировича. Зная, какъ я всѣхъ ихъ люблю, ты поймешь чувство моей благодарности. Всякій опытъ дружбы, который ты ему окажешь, будетъ утѣшать меня въ моей невозможности быть ему полезнымъ.—Съ душевнымъ прискорбіемъ узнали мы отъ тебя о новой потерѣ, постигшей почтенное семейство твоихъ сосѣдей [1]). Все, до нихъ касающееся, близко намъ, какъ-бы родное; чувства наши къ нимъ угаснутъ только съ нашею жизнью.—Я потѣснился, чтобы оставить больше мѣста для приписки жены, но не знаю, будетъ-ли она въ состояніи писать. Скоро три мѣсяца, какъ она безъ отдыха страдаетъ....

[1]) Витгенштейнъ.

Еслибы можно было дѣлиться здоровьемъ, то моего стало бы для обоихъ насъ, ибо оно никогда мнѣ не измѣняетъ, хотя скоро будетъ мнѣ 57, только такъ худъ, какимъ ты меня не видывалъ.... Вашъ другъ А. Юшневскій.

4 Января 1843.

Назадъ тому съ мѣсяцъ ртуть была замерзши. Теперь ожидаю того-же.

XCVIII.

На силу собрался я, любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, отправить къ тебѣ обѣщанный портретъ.... Всѣ дни наполнены тѣмъ-же однообразіемъ, горечью и заботами. Хорошо, однакожь, то, что здоровье жены съ нѣкотораго времени стало удовлетворительнѣе. О моемъ не говорю. Я кончилъ 57 лѣтъ, и еще ни одного дня не лежалъ больной, что даже не совсѣмъ прилично людямъ хорошаго тона. За то ужь, вѣрно, когда-нибудь слягу, чтобы больше не вставать.... Ты обѣщалъ показать опыты свѣтописи. Вѣроятно, ты прочиталъ уже гдѣ-нибудь извѣстія о новыхъ опытахъ надъ дѣйствіемъ свѣта профессора Мёзеръ, дѣланныхъ въ присутствіи Гумбольдта и Энке. Подлинно, дойдутъ скоро до того, что откроютъ средство удерживать изображеніе предмета, видимаго въ зеркалѣ.... Твой другъ А. Юшневскій.

Малая Разводная. 5 Апрѣля 1843.

Ты и не воображай себѣ, мой добрый другъ Семенъ Петровичъ, чтобы твой братъ могъ быть когда-нибудь похожъ на этотъ портретъ! Я бы была въ отчаяніи. Если ты хочешь, черты лица его, но выраженіе, о Господи! Неужели есть люди съ такимъ выраженіемъ лица?! Твой братъ сохранилъ свѣжесть лица, какую всегда имѣлъ; даже днями бываетъ красенъ, когда не по себѣ ему, или немного приливъ къ головѣ. Ты помнишь, лице его выражаетъ кротость, благородство души его. Сѣдины у него въ-половину нѣтъ,

сколько здѣсь нарисовано. Одна худоба твоего брата изображена. Впрочемъ, если случалось показать мнѣ этотъ портретъ кому-нибудь,—узнаютъ, что намѣреніе было изобразить Алексѣя Петровича. Кстати разскажу тебѣ, какъ у насъ, бывало, стража солдатъ узнаютъ сходство портретовъ. Однажды Бестужевъ нарисовалъ очень похожій портретъ m-me Фонвизинъ. Сторожъ увидѣлъ и закричалъ во все горло: „ахъ ты проказникъ, Николай Александровичъ, даже живаго ты Якушкина представилъ!“ Другой разъ портретъ Швейковскаго нашли похожимъ на m-me Давыдову. Не думай, чтобы это одни простые такъ различали. Однажды порядочный человѣкъ подошелъ, когда дѣлали портретъ, удивлялся сходству и указалъ пальцемъ на носъ, у него не дорисованный. (Носъ) остался на пальцѣ. Такъ живописецъ съ отчаянія мазнулъ кистью по всему лицу, и пропала вся работа.... Ваша сестра М. Юшневская.

XCIX.

Малая Разводная. 5 Іюля. 1843.

Любезный другъ и братъ Семенъ Петровичъ, письма твоего долго ожидали, и какое ты намъ далъ дурное извѣстіе о почтенномъ князѣ Витгенштейнѣ! Трудно ему поправиться послѣ такой тяжкой болѣзни: съ 25 Декабря ему пошелъ, помнится, 79-й годъ. Да укрѣпитъ его Богъ! Ты ничего мнѣ не сказалъ о добрѣйшей почтенной княгинѣ. У насъ слухи пронеслись, будто она потеряла зрѣніе, но какъ ты не писалъ мнѣ никогда объ этомъ, то я не вѣрю. Какъ то она теперь бѣдная поживаетъ? Съ Марта 12-го и ей пошелъ 64 годъ. Дай имъ, Господи, все доброе, чтобы не испытывали тяжелыхъ огорченій. Трудно ихъ переносить, какъ человѣкъ ни твердъ въ вѣрѣ и (какъ ни) готовъ повиноваться волѣ Господней! . . . . . .
Какъ бы то ни было, и что бы то не терпѣлось, а есть теперь свой уголокъ и даже лучшій, чѣмъ мы предполагали

съ мужемъ. Да укрѣпитъ Богъ здоровье моего Алексѣя Петровича! Все будетъ хорошо. Трудно старичкамъ много такъ трудиться, а что-же дѣлать! Нужда научитъ покоряться необходимости: славный учитель!... Сестра и другъ твой М. Юшневская.

Извѣстіе о добродѣтельномъ князѣ очень насъ опечалило, хотя въ его лѣта, при всей воздержной его жизни, должно ожидать чего-нибудь подобнаго. Сомнительно даже, чтобы онъ выдержалъ предпринятый путь. Память о немъ должна вѣчная сохраниться въ нашемъ семействѣ. Никто до самаго конца не оказалъ намъ столько искренняго дѣятельнаго участія, могу сказать, дружбы, какъ оба они. Не замедли, прошу тебя, увѣдомить насъ о дальнѣйшемъ его положеніи.—Портретъ мой, отправленный къ тебѣ 5-го Апрѣля, вѣроятно, ты уже получилъ, и потому въ скоромъ времени ожидаю твоего письма. При этомъ вспомнилъ я объ опискѣ Библіотеки для Чтенія въ описаніи хризолита, о которой ты....[1]).—Въ № 3 Отечественныхъ Записокъ за Мартъ текущаго года сказано, что бумага намачивается лимоннокислымъ аміакальнымъ желѣзомъ, а послѣ просушки смачивается въ растворѣ полуторной соли синеродистожелѣзистаго потассія. Изображеніе, напечатанное отрицательно на бумагѣ, будучи намочено первою изъ означенныхъ жидкостей, дѣлается тотчасъ изъ слабаго яснымъ, когда его обмоютъ нейтральнымъ растворомъ золота.... Твой другъ А. Юшневскій.

С.

26 Сентября 1843. Малая Разводная.

Добрый другъ и братъ Семенъ Петровичъ.... У насъ на дняхъ спустили пароходъ,—большое событіе въ нашей Сибири. До сихъ поръ по Байкалу плавали грязныя суда, большею частью, съ омулями (наши сибирскія сельди и глав-

[1]) Слово пропущено въ оригиналѣ.

ный рыбный промыселъ). Перевозятъ и чаи и разный товаръ на особыхъ судахъ, но все это очень некрасивыя, плоскодонныя суда, безъ всякихъ выгодъ для пассажировъ, такъ что многіе предпочитали большую лодку и скорѣе переплывали Байкалъ. Когда пріѣхала я къ твоему брату, 6 сутокъ качало меня на Байкалѣ. Другой разъ переѣхала счастливо, когда всѣ мы пріѣхали сюда на поселеніе. Въ третій разъ проѣхали по льду море [1]) въ концѣ Марта, ѣдучи на горячія воды. Въ Августѣ опять въ четвертый разъ переплыла море счастливо въ однѣ сутки. Невозможно довольно налюбоваться горами, окружающими Байкалъ. Прелестныя мѣста есть. Гольцы въ виду. Покрыты снѣгомъ верхи этихъ горъ. Чудесный видъ, особливо, когда солнцемъ освѣтитъ всю эту группу горъ. Иныя имѣютъ совершенную форму сахарной головы. Нѣсколько недѣль тому назадъ ѣздила я по хозяйственнымъ дѣламъ за 80 верстъ отъ насъ къ Байкалу по другую сторону—называемая кругоморская дорога. Ты себѣ не можешь вообразить узкой скалистой дороги, исковерканной рытвинами. Крутизны горъ, лѣсъ—тайга непроходимая, необыкновенной высоты сосны, кедри, темнота, чаща такая, что три шага сдѣлать нельзя. Все покрыто мохомъ, очень красивымъ. Какъ подушки мѣховыя лежатъ по лѣсу. И разный цвѣтъ на этихъ подушкахъ, большею частью, розовый, голубой и желтый. По дорогѣ малины множество, огромные кусты. Въ этомъ году все замерзло: не было ни ягодки. За то видѣла я первый разъ въ жизни, какъ растетъ морошка, и ягоды кушала свѣжія. Не нашла много вкуса въ ней. Черная смородина несравненно лучше. Но что за удовольствіе было для меня видѣть рыбаковъ, ловко разбрасывающихъ свои сѣти по морю, управленіе лодками съ такимъ искусствомъ. Прелесть, сколько рыбы въ одинъ разъ вытаскиваютъ. Какая вкусная рыба,—чудо что такое. Нельзя имѣть понятія, какое объяденіе жаренные свѣжіе омули.

[1]) Такъ сибиряки называютъ Байкалъ, иногда съ прибавкой эпитета „святое“. Ред.

Только могутъ наслаждаться этимъ удовольствіемъ тѣ, которые живутъ на этихъ берегахъ. Я смотрѣла нѣсколько часовъ, какъ при лунномъ свѣтѣ ловили рыбу. Трудно описать тебѣ, другой мой, какой это былъ видъ чудесный. Въ Культукѣ, гдѣ я была, узкое мѣсто моря; съ обѣихъ сторонъ горы покрыты лѣсомъ, и посрединѣ моря полоса свѣтлая отражалась отъ луны. Чудесный видъ. Тутъ я вспомнила Софіевку, и такъ сдѣлалось грустно, тяжело на сердцѣ, что я поскорѣй усѣлась въ тарандасъ (sic) и ночью же уѣхала оттуда. Хорошо, что успѣла купить себѣ соленой рыбы и все, что мнѣ было нужно.—У меня теперь садятъ кусты смородины, по скату горы къ рѣкѣ. Ты уже знаешь, что домъ нашъ стоитъ на высотѣ, на берегу Ангары. Ограда нашего дома внизу. Отъ рѣки мѣсто осталось для дороги. Посрединѣ ограды сдѣланы небольшія ворота и выходъ на Ангару. Жаль, что не умѣю снимать видовъ. Я бы тебѣ послала рисунокъ, и ты бы любовался мѣстоположеніемъ. У насъ и зимою, и лѣтомъ, народъ мимо самого дома проходитъ. Зимой по льду почтовая дорога, а лѣтомъ суда, лодки, поминутно плоты; теперь на корабляхъ цѣлыя скирды сѣна плывутъ. Право-же, это очень мило! А на рисункѣ каждая вещь лучше еще кажется. Все, что тебѣ сказала въ моемъ письмѣ, написано съ мыслію, чтобы ты видѣлъ, что и у насъ есть свои прелести Сибирскія, есть мѣста хорошія, даже нравятся самые дикія мѣста, которыхъ не найдешъ нигдѣ. Вообрази: когда я ѣхала въ Культукъ, нарочно замѣчала, не попадется ли птица какая-нибудь. Такая тишина, что ничего живого не найдешь, ни даже жучка, ни червячка, ну ничего—однимъ словомъ—кромѣ множества мошки и большихъ комаровъ. Никто, даже проѣзжающій, не попадался. Сказывали жители Культука, что медвѣдей много бываетъ и то далѣе въ лѣсахъ. Жаль, что не по силамъ было на Хамаръ-Дабанъ взобраться—можно только верхомъ и то очень страшно. Есть узенькая дорога, и та засыпана каменьями.

Много-бы тебѣ еще могла говорить о нашихъ горахъ и дикихъ мѣстахъ, да всего не перескажешь и надоѣсть можно.... Твой другъ М. Юшневская.

Казанье Мелетія Смотрицкаго на честный погребъ о. Леонтія Карповича.

I.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей церковно-общественной жизни Юго-Западной Руси въ первой половинѣ XVII ст. является, безъ сомнѣнія, Мелетій Смотрицкій (род. около 1578 г., † 1633 г.). Богато одаренный отъ природы, получивъ блестящее для своего времени образованіе, онъ принялъ самое живое участіе въ той борьбѣ, которая возгорѣлась послѣ Брестскаго собора на территоріи его родины между православіемъ, съ одной стороны, католицизмомъ и уніей, съ другой.

Какъ извѣстно, Смотрицкій началъ свою дѣятельность въ рядахъ православной партіи и здѣсь впервые обнаружилъ свой блестящій полемическій талантъ. Его Θρῆνος былъ съ восторгомъ принятъ единомышленниками: нѣкоторые сравнивали это сочиненіе съ твореніями Златоуста и заявляли, что готовы пролить за него свою кровь. Когда въ 1620 году іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ поставилъ для православной церкви въ Польшѣ и Литвѣ новыхъ епископовъ и митрополита на мѣсто прежнихъ, перешедшихъ въ унію,

Смотрицкій, только два года передъ тѣмъ принявшій монашество, былъ возведенъ по просьбѣ пановъ и другихъ обитателей Вильны въ санъ архіепископа полоцкаго, епископа витебскаго и мстиславскаго. Однако талантливый апологетъ православной церкви оказался не стойкимъ борцомъ за свои идеалы. Подъ конецъ жизни, въ 1627 году, онъ по мотивамъ, все еще недостаточно выясненнымъ, перешелъ въ лагерь противниковъ и сталъ защищать унію съ тою же страстностью, съ какой прежде отстаивалъ интересы православія [1]).

---

[1]) Личность Мелетія Смотрицкаго неоднократно привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Не останавливаясь на множествѣ мелкихъ замѣтокъ, назовемъ наиболѣе важныя статьи, посвященныя его жизни и дѣятельности. Въ 1666 году въ Римѣ вышла біографія Смотрицкаго, написанная еп. *Іаковомъ Сушею* п. з.: Saulus et Paulus ruthenae unionis, sanguine b. Iosaphat transformatus, sive Meletius Smotriscius, archiepiscopus Hieropolitanus etc. (Новое изданіе Мартынова, Брюссель, 1864). Въ концѣ XVIII и въ XIX ст. о Смотрицкомъ писали: *Ign. Stebelski,* Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim. 1781—1783. (Во второмъ изданіи, Lwów 1866—1867, см. т. I, стр. LXIV—LXV; т. II, стр. 123—125; т. III, стр. 137—138). — *J. Chr. von Engel,* Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken. „Fortsetzung der algemeinen Welthistorie". th. XLVIII, Halle, 1796, s. 121—125.—*Митроп. Евгеній*, Словарь Историческій. Спб. 1818, томъ II, стр. 409—418. (Въ изданіи 1827 г. статья подверглась значительнымъ измѣненіямъ. См. т. II, стр. 44—54).—*M. Wiszniewski,* Historya literatury polskiej, t. VIII, w Krakowie, 1851, str. 319—346.—*W. A. Maciejowski,* Piśmiennictwo polskie, t. III, Warszawa, 1852, str. 455—469.—*Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, 862—1720, стр. 180—183; см. „Ученыя записки второго отд. Имп. Академіи Наукъ", кн. III, 1856. (Въ третьемъ изданіи „Обзора", Спб. 1884, о М. Смотрицкомъ см. стр. 184—186).—*М. Кояловичъ*, Литовская церковная унія, т. II, Спб. 1861, стр. 139—164, 349—381.—*К. Еленевскій*, Мелетій Смотрицкій; см. „Православное Обозрѣніе", т. V (1861, №№ 6, 7, 8).—*П. Пекарскій*, Представители кіевской учености въ половинѣ XVII-го столѣтія; см. „Отечественныя Записки", т. CXL (1862, № 2), стр. 566—573.—*И. Мартыновъ* въ предисловіи къ переводу „Апологіи" Смотрицкаго; см. „Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ", вып. I, Leipzig-Paris, 1863, стр. XXII—XL.—*А. Демьяновичъ*, Іезуиты въ Западной Россіи (въ 1569—1772 годахъ); см „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія", ч. CLVIII (1871, № 12),

Литературная дѣятельность Смотрицкаго въ настоящее время не можетъ быть представлена въ полномъ объемѣ, такъ какъ нѣкоторыя, принадлежащія ему сочиненія своевременно не были напечатаны и исчезли, повидимому, безслѣдно. Изъ сохранившихся трудовъ его только немногіе носятъ подлинное имя автора, большинство же вышло въ свѣтъ подъ различными псевдонимами. Въ изданной за пять лѣтъ до смерти „Апологіи“ Смотрицкій, оглядываясь на пройденный ранѣе путь, перечисляетъ какъ оставшіяся не напечатанными, такъ и анонимныя свои произведенія. Такъ, указавъ на то, что унію онъ принялъ не сразу, а послѣ долгихъ изысканій и размышленій, Смотрицкій продолжаетъ: Świadomi są tego dobrze ci, ktorym wiadome były moie *lucubracie naprzeciw scriptu Unia otytułowanego, naprzeciw rozmowie Brześcianina z Bratczykiem, naprzeciw zmartwychwstałego Nalewayka, naprzeciw Politice, Ignorantiam y nabożeństwu nowo-Cerkwian Wileńskich* napisane y do publikowania przez druk iuż po wydaniu Lamentu pusczone bydź nagotowane; nie wspominam *Verificatiey, Obrony iey, Elenchu, Justificatiey* y

отд. II, стр. 206 — 214. — *Н. Скабалановичъ*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Спб. 1873, стр. 60—69 и слл.—*С. Голубевъ*, Памфлетъ на Мелетія Смотрицкаго; см. „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1875, № 17, отд. II, стр. 556—567.—*J. Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, B. II, Wien, 1880, s. 388—407.—*Митрополъ. Макарій*, Исторія русской церкви, т. X, Спб. 1881, стр. 404—409, 445—447; т. XI, Спб. 1882, стр. 251—255, 265—311, 328—337, 339—370.—*Н. Засадкевичъ*, Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ, Одесса, 1883.—*В. Завитневичъ*, Палинодія Захаріи Копыстенскаго. Варшава, 1883, гл. VII.—*С. Голубевъ*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I, К. 1883, стр. 93—203, 230—240.—*С. Голубевъ*, Исторія Кіевской Духовной Академіи, вып. I, К. 1886, стр. 217—218.—*А. Кирпичниковъ*, Мелетій Смотрицкій; см. „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. XIX, Спб. 1896, стр. 23—25.—*A. Brückner*, Spory o unię w dawnej literaturze; см. „Kwartalnik historyczny“, r. 1896, III, str. 603, 608—612, 615—626.—*К. Харламповичъ*, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898, стр. 390—397.

tym podobnych, w ktorych iedney po drukiey (sic!) im daley, tym rzadszy byłem w następowaniu na dogmata prawdziwe, szerszy w rzeczach potocznych, pod te czasy nagle przypadłych. Niemal y teraz nayduie się w Bibliotece Monastera Bractwa Cerkiewnego Wileńskiego *Traktat o pochodzeniu Ducha ś.* sposobem syllogismow, od Graekow Rzymianom y wzaiem Graekom od Rzymian zadawać się zwykłych, polskim ięzykiem napisany y przodkowi memu na mieyscu tym Archimandritowi do czytania podany; za ktorym na ten czas mieysce to tak się było poruszyło, że aż na większy zaszkodny gomon, niż na zbawienny pożytek zaniosłey się sprawie milczeniem złożyć musiałem[1]). Przyszło było czasu swego y do tego, żem był y *Palinodią na Lament* napisał, ktorą do rąk Kapitule Ostrozskiey w tym Monasteru, w ktorym teraz residuię y to piszę, podana odemnie bywszy, zaległa. Bog moy podobno za uczynioną iemu przez Lament wielką obrazę, w tym doświadczeniu dłużey mię mieć chcąc, przyść mi ni do owego, ni do tego publicatiey nie dopuścił. Po wszytkim tym, w roku 1621. Lamentowe błędy y haeresye porzucić usądziwszy, wziałem przed siebie nie bez woli Bożey, ktorego w pracy tey osobliwey łaski nad godność y gotowość moię doznawałem, poważny sposob dochodzenia tey prawdy, ktorą my w przodkach naszych z Cerkwie ś. Wschodniey przyięli, to iest sposobem dialogu *Kathechism wiary dogmat* pisać, Pana Boga mego na pomoc wziąwszy, począłem; ktory we wszytkich wiary dogmatach swoim methodem sporządzony za tegoż dobrotliwego Boga pomocą w roku 1623 skończyłem [2]).

---

[1]) На поляхъ: Swiadkami tego są wiele z Bractwa Wileńskiego duchowni y swietcy.

[2]) Apologia, Lwów, 1628, str. 105—106 (въ переводѣ И. Мартынова, Leipzig—Paris, 1863—стр. 122—123). Ср. въ Paraenesis'ѣ (Kraków, 1629, str. 22): „Y ieślibym tego przez chwałę Uniey szukał, abym się nieco w narodzie moim bydź okazał, czyniłbym to praepostere y nadaremnie; ponieważ dosyciem się iemu iuż był przez *Lament, Weryfikacyą, Obronę iey, Elench, Justyfikacyą* y insze prace moie znaczne bydź nieco okazał; y przyczyny tey sławą, łaską y miłością narodu mego aż pod niebo, iako mówią, wyno-

Принимая во вниманіе эти показанія, находящія подтвержденіе въ нѣкоторыхъ современныхъ документахъ [1]), наша наука приписываетъ Смотрицкому слѣдующія сочиненія (утраченныя отмѣчены звѣздочкой):

*1. Статья, направленная противъ брошюры п. з. „Унія", изданной въ Вильнѣ въ 1595 г.

*2. Статья, направленная противъ сочиненія „Розмова Берестянина зъ братчикомъ".

*3. Сочиненіе, написанное противъ „Воскресшаго Наливайка".

4. Αντιγραφή, albo odpowiedź na script uszczypliwy, przeciwko ludziom starożytney religiey Graeckiey od apostatow cerkwie Wschodniey wydany, ktoremu titul: „Heresiae, Ignoranciae y Politika popow y mieszczan bractwa Wileńskiego", tak też y na książkę rychło potym ku obiaśnieniu tegoż scriptu wydaną, nazwiskiem „Harmonią". Издана въ Вильнѣ въ 1608 году отъ имени iednego brata bractwa cerkiewnego Wileńskiego religiey starożytney Graeckiey [2]).

5. Θρῆνος, to iest Lament iedyney św. Powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z obiaśnieniem dogmat wiary. Изданъ въ Вильнѣ въ 1610 году отъ имени Theophila Orthologa [3]).

---

szony byłem". Указаніе на *Traktat o pochodzeniu Ducha ś.* см. также въ Exaethesis'ѣ, Lwów, 1629, к. 15.

[1]) Ср., напримѣръ, письмо Александра Заславскаго къ Мелетію Смотрицкому отъ 19 февраля 1627 года. *Еленевскій*, op. cit., „Правосл. Обозр." V, 277—278.

[2]) Перепечатана въ „Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси", кн. III („Русская Историческая Библіотека", т. XIX), Спб., 1903, стлб. 1149—1300. По мнѣнію *К. Студинскаго* всѣ эти сочиненія, „Унія", „Розмова Берестянина зъ братчикомъ", „Воскресшій Наливайко", „Heresiae..." и „Гармонія", принадлежатъ перу Ипатія Потѣя. Памятки полемічного письменства кінця XVI і поч. XVII в., т. I (Памятки укр.-руської мови і літератури, т. V), У Львові, стор. I.—LI.

[3]) Указанія нѣкоторыхъ библіографовъ на славяно-русское изданіе Θρῆνος'а, повидимому, слѣдуетъ считать ошибками. Ср. *С.*

*6. Палинодій на Плачъ.

*7. Traktat o pochodzeniu św. Ducha [1]).

8. Грамматіки Славенския правилное Сунтагма потщаніемъ многогрѣшнаго мніха Мелетія Смотриского. Эвю, 1619. (На второмъ загл. л. означенъ 1618 годъ) [2]).

9. Казанье на честный погребъ о. Леонтія Карповича презъ Мелетія Смотриского. Вильна, 1620.

10. Verificatia niewinności, изданная отъ имени иноковъ св. Духовскаго монастыря въ Вильнѣ около 5 апрѣля 1621 года. Второе изданіе (съ измѣненіями и дополненіями) вышло въ Вильнѣ же около 16 іюня 1621 года [3]).

11. Obrona Verificatiey. Wilno, 1621. Издана отъ имени св.—духовскихъ иноковъ, направлена противъ сочиненія Sowita Wina. W. 1621 [4]).

12. Elenchus pism uszczypliwych. При немъ—Appendix na Examen Obrony Verificatiey. Wilno, 1622.

13. Justificatia Niewinności, изданная отъ имени митр. Іова Борецкаго и всѣхъ русскихъ епископовъ около 6 декабря 1622 года [5]).

Голубевъ, Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ. К. 1876, стр. 3—9.

[1]) Въ сочиненіи Sowita Wina (Wilno, 1621, str. 70—71) говорится, что трактатъ этотъ былъ переданъ авторомъ въ распоряженіе уніатскаго духовенства и въ извлеченіяхъ вошелъ въ составъ изданной въ 1617 г. книги „Obrona iedności". Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, К. 1887, стр. 493. См. также Exaethesis, Lwów, 1629, к. 15.

[2]) Послѣдующія изданія: Вильна 1629 (?), М. 1648, М. 1721, Рымникъ (въ Валахіи) 1755. По свидѣтельству Суши (Saulus et Paulus, R. 1666, p. 18—19), кромѣ грамматики, Смотрицкій составилъ въ это же время и лексиконъ. *М. Кояловичъ*, op. cit., II, 353. Лексиконъ до нашего времени не дошелъ.

[3]) Текстъ перваго изданія перепечатанъ *С. Голубевымъ* въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VII, К. 1887, стр. 279—344.

[4]) Перепечатана *С. Голубевымъ* въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, I, VII, 345—442.

[5]) Перепечатана *С. Голубевымъ* въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, I, VII, 511—532.

*14. Катехизисъ (оконченъ въ 1623 году).

15. Apologia peregrinatiey do kraiów wschodnich, przez mię Meletiusza Smotrzyskiego, medycyny doktora, archiepiskopa połockiego... roku pańskiego 1623 y 24 obchodzoney, przez fałszywą Bracią słownie y na piśmie spotwarzoney, do przezacnego narodu Ruskiego oboiego stanu, duchownego y swieckiego, sporządzona y podana a. 1628 augusti die 25 w Monasterze Dermańskim. Lwów, 1628. Къ сочиненію приложены Consideratiae, abo uważania sześciu roznic miedzy cerkwią wschodnią y zachodnią strony wiary zaszłych [1]).

16. Protestatia przeciwo soborowi, w tym roku 1628. we dni augusta miesiąca w Kiiowie Monasteru Pieczerskim obchodzonemu, uczyniona przez ukrzywdzonego na nim Meletiusa Smotrziskiego.... do przezacnego narodu Ruskiego. Lwów, 1628 [2]).

17. Paraenesis, abo napomnienie od Meletiusza Smotrzyskiego... do przezacnego Bractwa Wileńskiego Cerkwie ś. Ducha, a w osobie iego do wszystkiego tey strony narodu Ruskiego uczynione. Kraków, 1629. Въ приложеніи (str. 63—96)—Kopia listu, pisanego do I. M. Oyca Cyrylla, patryarchy Konstantynopolskiego (z lacińskiego na ięzyk polski przełoż.) [3]).

18. Exaethesis abo Expostulatia, to iest rosprawa miedzy Apologią y Antidotem o ostanek błędow, haereziy y kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych,

---

[1]) Въ переводѣ на современный русскій языкъ Apologia издана *И. Мартыновымъ*. „Кирилло-Меѳод. Сборникъ", вып. I, Leipzig-Paris, 1863. „Consideratiae" помѣщены во II выпускѣ Сборника.

[2]) Перепечатана *С. Голубевымъ*, Петръ Могила, т. I, К. 1883, Приложенія, стр. 323—348. Переводъ на современный русскій языкъ помѣщенъ во II выпускѣ „Кирилло-Меѳодіевскаго Сборника".

[3]) Kopia listu do o. Cyrylla въ переводѣ на соврем. русскій яз. издана во II выпускѣ „Кирилло-Меѳод. Сборника".

uczyniona przez Meletiusza Smotrzyskiego.... do oboiey strony narodu Ruskiego. Lwów, 1629 [1]).

Приведенный списокъ различные изслѣдователи пополняютъ еще нѣсколькими сочиненіями. Такъ, еще въ 1843 г. В. Копитаръ находилъ возможнымъ отождествить писателя конца XVI в., скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Клирика Острожскаго, съ Мелетіемъ Смотрицкимъ. Въ послѣднее время на этомъ вопросѣ остановился К. Студинскій и, произведя рядъ стилистическихъ сопоставленій трудовъ Клирика съ подлинными сочиненіями Смотрицкаго, пришелъ къ выводу, что мысль Копитара вполнѣ правдоподобна и что, повидимому, Клирикъ Острожскій и Мелетій Смотрицкій одно и то-же лицо. Такимъ образомъ г. Студинскій находитъ возможнымъ включить въ списокъ сочиненій Смотрицкаго слѣдующіе труды Клирика Острожскаго:

1. Отписъ на листъ в Бозѣ велебного о. Ипатіа, володимерского і берестеиского епископа, до яснеосвецоного княжати Костентина Острозского, воеводы киевского..., изданный въ 1598 году, вѣроятно, въ Острогѣ.

2. Исторію о листрикійскомъ, т. е. о разбойническомъ, ферарскомъ або флоренском синодѣ..., изданную при вышеназванномъ Отписѣ.

3. Отвѣтъ „На другій листъ велебного о. Ипатіа“, писанный въ Острогѣ въ 1599 году и своевременно, повидимому, не напечатанный [2]).

---

[1]) Есть извѣстіе, что труды, направленные противъ православія, начиная съ Апологіи, Смотрицкій перевелъ на латинскій языкъ и переслалъ въ Римъ папѣ Урбану VIII, который помѣстилъ ихъ въ своей избранной апостолической библіотекѣ въ замкѣ св. Ангела. *Макарій*, Исторія русской церкви, т. XI, Спб. 1882, стр. 364.

[2]) *К. Студинскій*, op. cit., т. I, стр. XXIII—LII. „Отписъ“ 1598 г. и „Исторія о флоренском синодѣ“ перепечатаны въ Памятникахъ полемической литературы въ Западной Руси, кн. III (Русская Историческая Библіотека, т. XIX), Спб. 1903, столб. 377—476. Переводъ на современный русскій языкъ см. въ изданіи: „Апокрисисъ Христофора Филалета“ К. 1870 (также К. 1869),

Далѣе, о. Петрушевичъ и вслѣдъ за нимъ митроп. Макарій приписываютъ Смотрицкому брошюру п. з. Supplicatia do przeoswieconego i jaśnie wielmożnego senatu, изданную въ 1623 году отъ имени православнаго польско-литовскаго дворянства [1]). Наконецъ, по свидѣтельству Еленевскаго, основанному, вѣроятно, на показаніяхъ Суши, Смотрицкій занимался сличеніемъ славянскихъ и греческихъ текстовъ Псалтири и Новаго Завѣта и издалъ на славянскомъ языкѣ Типикъ съ послѣдованіемъ различныхъ службъ и Бревіарій [2]).

Оставляя въ сторонѣ сочиненія, до насъ не дошедшія и извѣстныя только по имени, а также тѣ, принадлежность которыхъ Смотрицкому еще не вполнѣ установлена, мы можемъ замѣтить, что литературнымъ языкомъ Смотрицкаго былъ по преимуществу языкъ польскій. Хотя Юго-Западная Русь того времени высоко цѣнила церковно-славянскій языкъ, считая его „плодоноснѣйшимъ отъ всѣхъ и Богу любимѣйшимъ", хотя, съ другой стороны, уже съ XVI в. здѣсь началъ формироваться и свой собственный литературный, т.

стр. 325—400. Отвѣтъ „на другій листъ о. Ипатія" изданъ г. Студинскимъ (op. cit. т. I, стр. 201—229) по рукописи библіотеки Оссолинскихъ съ разночтеніями по рукописи библіотеки Крехлвскаго монастыря.—Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится латино-польская рукопись (Разнояз. Q. I. 47), надписанная именемъ Мелетія Смотрицкаго и содержащая различныя доказательства того, что римскій папа является антихристомъ. Рукопись издана въ названномъ трудѣ Студинскаго (стр. 250—302). Составленіе ея издатель относитъ къ 1609 году (ib., стр. LV—LVI).

[1]) *А. Петрушевичъ,* Сводная галицко-русская лѣтопись. 1600-1700 гг. Львовъ, 1874, стр. 445 (со ссылкой на 22 стр. Paraenesis'a. *Макарій,* Исторія русской церкви, т. XI, Спб. 1882, стр. 297. Не имѣя въ настоящее время возможности произвести тщательную провѣрку авторскихъ правъ Смотрицкаго на это сочиненіе, замѣтимъ только, что въ указанномъ мѣстѣ Paraenesis'a Supplicatia вовсе не упоминается.—Подлинный текстъ памятника съ переводомъ на французскій языкъ перепечатанъ *М. Кояловичемъ* въ „Документахъ, объясняющихъ исторію Западно-русскаго края". Спб. 1865, стр. 230-311.

[2]) *Еленевскій,* op. cit. „Православное Обозрѣніе", V, 125.

наз. „простый русскій“ языкъ, тѣмъ не менѣе въ полемическихъ сочиненіяхъ XVI—XVII ст. польская рѣчь играетъ весьма видную роль. Это объясняется главнымъ, образомъ, тѣмъ, что полемическая литература предназначалась для широкаго распространенія среди польскаго и воспринявшаго польскую культуру русскаго дворянства и имѣла въ виду воздѣйствовать на такихъ читателей, которые, занимая важные уряды или принимая участіе въ дѣлахъ сейма, могли оказать существенную поддержку угнетенной православной церкви. И Смотрицкій, избравъ для своей полемической дѣятельности польскій языкъ, только слѣдовалъ традиціямъ своего времени. Такимъ образомъ, если языкъ считать главнымъ критеріемъ для отнесенія писателя къ той или другой литературѣ, то дѣятельность Смотрицкаго принадлежитъ почти исключительно литературѣ польской. Для историковъ русской письменности Смотрицкій интересенъ только какъ составитель Славянской Грамматики и какъ авторъ поученія надъ гробомъ Леонтія Карповича.

Грамматика Смотрицкаго, сыгравшая въ свое время громадную роль въ русской, болгарской и сербо-хорватской письменности, рано привлекла къ себѣ вниманіе ученыхъ и достаточно извѣстна въ наукѣ [1]). Казанье же, сохранившееся въ единственномъ экземплярѣ въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, было доступно для небольшого числа изслѣдователей и изучено сравнительно мало [2]).

---

[1]) Замѣтки о грамматикѣ Смотрицкаго и ея историческомъ значеніи начинаются съ первыхъ десятилѣтій XIX в. (*митр. Евгеній, Востоковъ, Шафарикъ, Копитаръ* и др.). Наиболѣе обстоятельно грамматика Смотрицкаго изслѣдована въ вышеназванномъ трудѣ *Н. Засадкевича*.

[2]) Первыя свѣдѣнія о Казаньи находимъ у *Сопикова* (Опытъ россійской библіографіи, ч. I, Спб. 1813, № 508), и у *митр. Евгенія* (Словарь историческій, Спб. 1818, т. II, стр. 411—412. Въ изданіи 1827 г. см. т. II, стр. 46). *И. Сахаровъ*, перепечатавъ въ „Обозрѣніи славяно-русской библіографіи“, т. I, кн. 2, Спб. 1849, № 185, свѣдѣнія названныхъ изслѣдователей, замѣтилъ: „изданія

II.

Сознавая важность Казанья для исторіи южно-русскаго проповѣдничества [1]), имѣя затѣмъ въ виду сдѣлать это произведеніе доступнымъ для широкаго круга ученыхъ,

---

сего, извѣстнаго только по указаніямъ Сопикова и митр. Евгенія, въ нашихъ библіотекахъ не видно". Въ концѣ 70 хъ и началѣ 80-хъ гг. снова возникъ интересъ къ названному сочиненію Смотрицкаго. Нѣсколько выдержекъ изъ него опубликовалъ *С. Голубевъ* въ замѣткѣ по поводу статьи архим. Леонида „Леонтій Карповичъ... и два его слова". („Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ", 1880, № 3, стр. 49—51) и въ монографіи „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила", т. I, К. 1883, стр. 106—107. Далѣе, *митроп. Макарій* въ „Исторіи русской церкви", т. XI, Спб. 1882, стр. 252-255, довольно подробно изложилъ его содержаніе (см. также т. X, стр. 432-433). Наконецъ, въ то же время явился детальный библіографическій очеркъ памятника въ извѣстномъ трудѣ *И. Каратаева,* Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I, Спб. 1883, № 262.

[1]) Кромѣ анонимныхъ поученій, входящихъ въ составъ нѣкоторыхъ сборниковъ, въ родѣ виленскаго Требника 1621 года (*Каратаевъ,* op. cit., I, № 268), Требника Петра Могилы 1646 года и т. п., къ первой половинѣ XVII ст. относятся слл. печатные памятники южно-русской проповѣднической литературы: 1) Два поученія *Леонтія Карповича,* на Преображеніе Господне и на Успеніе Богородицы, напечатанныя въ Эвю въ 1615 г. Переизданы архим. Леонидомъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, "1878. I, стр. 1-118. (27 января 1619 г. Карповичъ произносилъ на славяно-русскомъ языкѣ рѣчь при погребеніи кн. Голицына, которую вскорѣ затѣмъ напечаталъ въ польскомъ переводѣ п. з.: Kazanie na pogrzebie kniazia W. W. Galiczyna. Кромѣ того, въ рукописномъ сборникѣ Кіево-Софійскаго Собора № 357, лл. 101—108, помѣщено поученіе въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, приписанное Леонтію, архим. виленскому. См. Н. Петровъ, Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, вып. III, М. 1904, № 578). 2) Евангеліе Учительное *Кирилла Транквилліона,* напечатанное въ Рохмановѣ (Волынск. г.), въ 1619 г. 3) Примѣрныя панегирическія рѣчи *Кассіана Саковича,* присоединенныя къ „Вѣршамъ на погребъ Сагайдачного", К. 1622. Переизданы С. Голубевымъ въ „Исторіи Кіевской Духовной Академіи", вып. I, К. 1886, Приложенія, стр. 41—46. 4) Казанье *Павла Домживъ-Лютковича* „на чиненью памяти по А. Ѳ. Шептицком", 1622. 5) Два поученія *Захаріи Копыстенскаго* — „Казанье на честномъ погребѣ о.

стремясь, наконецъ, предохранить его отъ полной утраты въ случаѣ исчезновенія экземпляра изъ библіотеки Михайловскаго монастыря, мы рѣшаемся переиздать названный памятникъ, предпославъ тексту краткій обзоръ нѣкоторыхъ его особенностей.

Казанье свое Смотрицкій произнесъ 2 ноября 1620 года, въ Вильнѣ, въ качествѣ архіепископа полоцкаго и элекъ-архимандрита Виленскаго св.-Духовскаго монастыря, при отпѣваніи и погребеніи своего предшественника Леонтія Карповича, номината-епископа владимірскаго и брестскаго. Вскорѣ затѣмъ Казанье было напечатано въ типографіи св.-Духовскаго братства и издано въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной брошюры.

Внѣшнія особенности этой брошюры таковы: она содержитъ 28 ненумерованныхъ лл. въ 4-ку и состоитъ изъ 1+6 тетрадей (по 4 лл. въ каждой); сигнатура тетрадей дана только во второмъ счетѣ, внизу посерединѣ, и ведется при помощи буквъ А, Б, В....Е, съ которыми соединяются цифры для обозначенія второго и третьяго лл. тетради. Страницы обведены линейками, между которыми помѣщены: 1) названія частей брошюры: *Предмова* и *Казанье Погребное*, 2) цитаты изъ Библіи и отцовъ церкви; внизу страницъ находятся кустодіи (переносы). Въ печатаніи употреблено семь славянскихъ шрифтовъ (одно слово на л. 19 напечатано полатыни). Страницы имѣютъ по 24 строки, за исключеніемъ лл. 2—4, гдѣ при полномъ наборѣ число строкъ доходитъ до 27. Заглавіе брошюры окружено рамкой; въ медальонахъ ея помѣщены изображенія Іоанна Крестителя, пророка Иліи,

---

Еліссеа Плетенецкого“ и „Омиліа, албо казанье, на роковую память о. Еліссеа Плетенецкого“, изданныя въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ февралѣ и ноябрѣ 1625 г. 6) Поученіе *Петра Могилы* п. з. „Крестъ Христа Спасителя и кождого человѣка“, К. 1632. Обстоятельное изложеніе этого поученія — у С. Голубева, Петръ Могила, I, стр. 401—408. 7) Казанье *Игнатія Оксеновича-Старушича* надъ тѣломъ кн. Иліи Святополка-Четвертинскаго, К. 1641.

сошествія св. Духа на апостоловъ, успенія пр. Богородицы при изображеніяхъ—пояснительныя надписи. Въ брошюрѣ нѣсколько заставокъ незатѣйливаго рисунка; иниціалы только на лл. 2, 5 и 9; киновари нѣтъ вовсе.

Экземпляръ, принадлежащій Михайловскому монастырю, переплетенъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ St. Joseph. Bieżanow; skiego „Messis liliorum quinaria", 1688 и хранится въ библіотекѣ подъ значкомъ: *отд. II, гл. IX, № 2117—21* [1]). Въ Казаньи уцѣлѣли всѣ листы, но края ихъ весьма сильно обрѣзаны: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ножемъ переплетчика повреждена нумерація тетрадей и переносы, а на загл. л. испорчено изображеніе успенія Богородицы. Форматъ обрѣзанной книги—14,5 × 16,3 снт. [2])

По составу своему брошюра распадается на слл. части: на об. загл. л. приведены двѣ цитаты изъ Библіи, связанныя по смыслу съ основной темой казанья. На послѣдующихъ листахъ помѣщена предмова автора къ Іову Борецкому (съ датой 8 ноября 1620 г.), въ которой книга отдается *под оборону* митрополита, какъ *ока* и *головы* русской церкви. За предмовой слѣдуетъ текстъ поученія.

Послѣ краткаго предисловія, гдѣ авторъ между прочимъ отмѣчаетъ, что ему впервые приходится вступать на проповѣдническую каѳедру и вести бесѣду со слушателями [3]),

---

[1]) На внутренней сторонѣ переплета сохранился прежній значекъ: *2 И. 41. 129,* писанный въ 1809 году рукою еп. Иринея Фальковскаго.

[2]) Въ рукописномъ каталогѣ библіотеки Казанье отнесено въ отдѣлъ книгъ на иностранныхъ языкахъ и озаглавлено слѣдующимъ образомъ: *Kazania Polskia Мелитія Смотрицкаго, съ другими разными славяно-польскими сочиненіями, въ Вильнѣ 1620 г., въ 4-ю, въ корешкѣ.* Естественно, что по каталогу эту брошюру найти почти невозможно. Отыскивая ее, мы должны были обратиться къ шкафамъ и пересматривать книги непосредственно на полкахъ.

[3]) Если вѣрить Геласію Диплицу, Смотрицкій не пользовался популярностью, какъ проповѣдникъ. Такъ, возражая противъ заявленія Смотрицкаго, будто, находясь среди православ-

приводится цитата изъ книги Премудрости Соломона: *Праведникъ аще постигнетъ скончатися, в покой будетъ*, составляющая *фундаментъ* или тему казанья. Вся послѣдующая часть проповѣди сводится къ иллюстраціи этого положенія примѣнительно къ данному частному случаю, при чемъ разсужденія ведутся слѣдующимъ образомъ: Проповѣдникъ устанавливаетъ пять различныхъ видовъ жизни и смерти человѣка:

1) *Животъ прироженья* и *смерть прироженья*, т. е. жизнь естественная, состоящая во взаимодѣйствіи души и тѣла, и смерть естественная, представляющая отдѣленіе души отъ тѣла.

2) *Животъ ласки* и *смерть грѣха*, т. е. жизнь благодатная, соединеніе человѣка съ Богомъ, начинающееся въ таинствѣ крещенія, и смерть грѣховная—отпаденіе человѣка отъ Бога, происходящее черезъ грѣхъ.

3) *Животъ смысловъ* и *смерть цноты*—жизнь чувственная и смерть добродѣтельная, состоящая въ освобожденіи души отъ тѣлесныхъ страстей.

4) *Животъ житейскій* и *смерть изступленія*—жизнь мірская, представляющая „пожадливость очій и пыху свѣта

ныхъ, онъ „błędow y hereziy nauczał y one przepowiadał", Диплицъ пишетъ: „A żebym ieszcze o tey nauce y przepowiedzi autora Apologiey dostateczniey oznaymił, wiedzieć potrzeba, że gdy on na stan Episkopski y Archiepiskopski wywyższony był, nie więcey nad pięć kroć, iako mam wiadomość, lud w Cerkwi Wileńskiey nauczał; gdzie indziey zaś y tyle snać kazani nie miał. W Wilnie kazanie miał trzy razy z Kathedry, a dwa z Ambonu. Z Kathedry pierwsze kazanie miał nad ciałem ś. pamięci Oyca y przodka swego, podał ie y do druku, a, iakom słyszał, przepisawszy po niemałey części z lacińskiego, ktore wypuścił na swiat ieden z Oycow Dominikanow. Drugie gdy powiedał w Roku P. 1621. na święto, iako my ie zowiemy, Bohoiawlenia, mało było czego słuchać, bo na co się był nagotował, to mu z pamięci było snać wypadło, gdyż odstąpiwszy od przedsięwziętey materiey, do pobożności lud upominał y to tak, że się iawnie zdał słowa zbierać, iako ten, co się nie nagotował. Trzecie maiąc w tymże roku na święto, iako ie nazywać zwykłismy, Stretenia Pańskiego, poprawił się. Ale iednak we wszytkich tych

сего", и смерть самозабвенія, при которой праведники „з Богомъ ся найдуючи, самымъ собѣ не бываютъ притомными".

5) *Животъ славы* и *смерть геенны*, т. е. жизнь вѣчная и адскія мученія.

Выдѣливъ затѣмъ изъ этого перечня по три *хвалебныхъ* рода жизни и смерти, авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія каждаго изъ нихъ жизнь и смерть Леонтія Карповича и приходитъ къ заключенію, что положенная въ основу Казанья сентенція *без жаднои вонтпливости на немъ зъ ласки божеи иститься, выполняеться и опочиваетъ*.

Въ заключеніе проповѣдникъ проситъ Бога послать на свою жатву новаго дѣлателя, подобнаго усопшему, и возсылаетъ молитвы за возрожденную чрезъ возстановленіе іерархіи русскую церковь [1]).

Въ исторіи южно-русской проповѣди XVII ст. обыкновенно различаютъ два смѣнившихъ другъ друга періода: въ первый, относящійся къ начальнымъ десятилѣтіямъ вѣка, проповѣдь строилась просто, безъ какихъ-либо риторическихъ ухищреній и состояла преимущественно въ экзегезѣ какого-нибудь отрывка Евангелія или другого мѣста Библіи. Въ такомъ именно родѣ составлены проповѣди Транквилліона, вошедшія въ составъ его *Учительнаго Евангелія* (1619). Во второй періодъ, типичнымъ представителемъ котораго является Іоанникій Галятовскій, южно-русская проповѣдь при-

---

trzech kazaniach swoich o wiary dogmatach nie uczył, ktore teraz heretyckiemi być mieni.... O tym zaś, co z Ambonu po dwakroć powiedał Apologiuiący, niemasz czego y wspominać, bo chociaż tymi razy Unię ogolem ganił, tak iednak ganił, że dowodami słusznymi iey nie zbiiał, iako więc zwykło na te przypadać, ktorzy, na to się dobrze nie nagotowawszy, mowić co chcą przed wielą. „Ant apologia, 1632, str. 54—55. См. также Antidotum Андрея Мужиловскаго, 1628—1629.

[1]) Кромѣ Казанья Мелетія Смотрицкаго, памяти усопшаго архимандрита посвящено стихотвореніе „Ляментъ у свѣта убогихъ на жалосное преставленіе.... о. Леонтія Карповича", изданное въ типографіи св. Духовскаго братства въ томъ же 1620 году. См. *И. Каратаевъ*, op. cit, I, № 258.

обрѣтаетъ стройную, искусно выработанную форму: въ основу поученія въ это время полагается т. наз. *тема* и всѣ части поученія поставляются къ ней въ то или другое отношеніе. Кто хо́четъ Каза́нье оу҆чини́ти, пишетъ Галятовскій въ своемъ руоводкствѣ для проповѣдниковъ, — на́йперше ма́етъ положи́ти з̀ пи́сма ст҃гѡ Ѳе́мꙋ, котра́ѧ є҆́стъ фꙋндаме́нто҃ всегѡ̀ Каза́нѧ, бо ве́длꙋгъ ѳе́мы мꙋ́ситсѧ повѣда́ти все Каза́нье, в̀ кото́ромъ знайдꙋ́тсѧ три ча́сти — экзордіумъ, наррація и конклюзія. Ты́и всѣ̀ ча́сти, продолжаетъ Галятовскій, ма́ютсѧ згажа́ти з̀ Ѳе́мою, бо ꙗ҆́къ з малогѡ жро҃ла выхо́дитъ вели́каѧ рѣка̀, є҆дна́къ вода̀ в̀ Рѣцѣ̀ з̀гожа́етъсѧ з̀ тое́ю водо́ю, кото́раѧ є҆́стъ в̀ жро́длѣ, такъ з мало́и Ѳе́мы вели́кое похо́дитъ каза́нье, зачи́мъ ча́сти, котры́исѧ в̀ ка́заню знайдꙋ́ютъ, пови́ннысѧ з̀ Ѳе́мою з̀гажа́ти, жебы̀ щосѧ в̀ Ѳе́мѣ знäдꙋ́етъ, то́е в̀ Єѯо́рдїꙋмъ и҆ в̀ Нарра́цїи и҆ в̀ Конклю́зїисѧ знайдова́ло [1]).

Разсматривая поученіе Мелетія Смотрицкаго съ этой точки зрѣнія, не трудно замѣтить, что оно предваряетъ тотъ типъ проповѣди, представителемъ и теоретикомъ котораго былъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ части его подчинены лежащему въ основѣ библейскому изреченію, и казанье развивается съ внѣшней стороны правильно и стройно.

Какъ историческій документъ, поученіе Смотрицкаго важно, во-первыхъ, по собраннымъ въ немъ біографическимъ даннымъ о Леонтіи Карповичѣ. Изъ него мы узнаемъ, что Карповичъ былъ сынъ священника и происходилъ изъ шляхетской фамиліи Пинскаго повѣта, что онъ былъ постояннымъ *мешканцемъ* Вильны, что, не достигши 30-лѣтняго возраста, подвергся тюремному заключенію по проискамъ уніа-

[1]) Наꙋ́ка а҃лбо спосѡ҃ зложе҃нїѧ каза́нїѧ. Ключъ Разꙋмѣ́нїѧ. К., 1659, лл. 241—241 об.

товъ и провелъ въ тюрьмѣ цѣлыхъ два года, что, наконецъ, онъ умеръ въ серединѣ сентября 1620 г. [1]).

Кромѣ этихъ фактическихъ данныхъ, Казанье даетъ полную и детальную характеристику Карповича, какъ *любоподвижнаго* инока, какъ образцоваго іерея и архимандрита, память о которомъ будетъ жить до тѣхъ поръ, *поки солнце землю видѣти будетъ* [2]). Впрочемъ, пользоваться этой характеристикой историкъ долженъ съ большой осторожностью, такъ какъ вся рѣчь имѣетъ ясно выраженный панегирическій характеръ [3]).

---

[1]) Лл. 15 об.—18, 19 об. Повидимому, упоминая о тюремномъ заключеніи почившаго архимандрита, Смотрицкій имѣлъ въ виду событія 1610 года, когда по поводу выхода изъ виленской братской типографіи Θρῆνος'а король велѣлъ drukarzów y autorów tych pasquillussów y correctora ich Łotwina (Лонгина—мірское имя Леонтія) Karpowicza. zwłaszcza ieśli nie iest szlachcicem, na ratuszu albo w więzieniu iakem zatrzymać". Если, такимъ образомъ, въ 1610 году Карповичу было около 30 лѣтъ, время его рожденія должно быть отнесено приблизительно къ 1580 году. Акты, издаваемые Вил. Археогр. Коммиссіею, т. VIII, В. 1875, № 45. *Макарій*, Исторія русской церкви, т. X. стр. 409, 432—433.

[2]) Лл. 18 об.—22 об. Подобный же взглядъ на Леонтія Карповича см. въ „Палинодіи" Захаріи Копыстенскаго. 1622 (Пам. Полем. литер. I. 1878, стлб. 913), въ панегирикѣ Mnemozyne 1633 г., въ запискахъ Петра Могилы (Архивъ Юго Зап. Россіи, т. I, ч. VII, стр. 57—59). въ „Діаріушѣ" Аѳанасія Филипповича, 1646 (Пам. Полем. Лит. I, 88—89).

[3]) О жизни и дѣятельности Леонтія Карповича см. *Филаретъ*, Обзоръ русской духовной литературы, Спб. 1884, стр. 173—174.—*Архим. Леонидъ* въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Росс." 1878, I.—*Макарій*, Исторія русской церкви, т. X, Спб. 1881, стр. 432—445.—К. *Харламповичъ*, Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань, 1898, стр. 397—399 и др... По свидѣтельству Андрея Мужиловскаго (Antidotum, л. 6 об.), Карповичъ не довѣрялъ искренности православныхъ воззрѣній Смотрицкаго, отказывался отъ его постриженія и только вслѣдствіе просьбы нѣкоторыхъ лицъ нехотя принялъ его въ число иноковъ своего монастыря. См. *М. Коялович*ъ, Лит. церк. унія, т. II, Спб. 1861, стр. 145 и 352. Самъ Смотрицкій изображаетъ свои отношенія къ Карповичу совершенно въ иномъ свѣтѣ. A potym,—возражаетъ онъ Мужиловскому,—mieszkaiąc w Monasterzu tym (т. е Виленскомъ св. Ду-

Далѣе, въ Казаньи содержатся нѣкоторыя черты и для характеристики настроенія самого автора въ концѣ 1620 г. Въ немъ Смотрицкій выступаетъ страстнымъ ненавистникомъ уніи и горячимъ поборникомъ интересовъ православной церкви. Нѣкоторыя мѣста поученія дышатъ обычнымъ для полемическихъ трактатовъ Смотрицкаго пыломъ: онъ отмѣчаетъ ярость *нелитостивои, звѣрско* надъ православными *бестячеися* (бѣснующейся) *унітскои схісмы* и мечтаетъ о полномъ *попраніи и испразненіи* этой *богомерзкои, скотско юродѣвшеи* въ южно-русской церкви *апостасіи* [1]). Съ другой стороны, во всемъ поученіи чувствуется радостный, приподнятый тонъ по случаю только что происшедшаго, важнаго для православной церкви событія, выразившагося въ возстановленіи ея іерархіи, въ назначеніи для православныхъ новаго митрополита и новыхъ епископовъ.

Издавая разсмотрѣнное произведеніе Смотрицкаго, мы старались по возможности точно передать всѣ особенности оригинала: мы вездѣ сохраняли его орѳографію, различные строчные и надстрочные знаки, принятое въ немъ раздѣленіе словъ. Цитаты изъ Библіи и отцовъ церкви, помѣщенныя въ подлинникѣ на поляхъ, вынесены нами подъ строку. При этомъ мы не сочли себя въ правѣ исправлять встрѣчающіяся въ цитаціи ошибки [2]).

ховскомъ) dłużej niż rok po świetcku, byłem częstokroć sollicitowany y proszony tak od wszystkiego Bractwa, iak osobliwie od Nieboszczyka Przodka mego na tym Archimandrytstwie o przyięcie habitu Zakonnego; czego dobrze świadom Warlaam, bywszy Wasili, pop Bratski, y wiem że inaczey nie rzecze, za ktorego prośbą y perswazyą. iako na ten czas duchownika mego, obietnicę uczyniłem y dzień wstąpienia do Zakonu naznaczyłem. Exaethesis, Lwów 1629, л. 15—15 об.

[1]) Лл. 17 об., 4 и др.

[2]) Эти ошибки довольно многочисленны. Такъ, первыя двѣ цитаты на л. 8 не соотвѣтствуютъ тексту, къ которому отнесены; на л. 10 об., вмѣсто ссылки: *Ефес. гл. 4*, слѣдовало бы ожидать:

Для иллюстраціи шрифтовъ и орнамента къ изданію приложены снимки съ трехъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ книги.

Въ заключеніе предупреждаемъ читателей, что въ перечнѣ трудовъ Смотрицкаго только заглавія Θρῆνος'а, Казанья, Protestati'и, Paraenesis'а и Exaethesis'а взяты непосредственно изъ подлинниковъ; заглавія же остальныхъ сочиненій заимствованы у позднѣйшихъ издателей и изслѣдователей.

С. Масловъ.

Римл. гл. 5; между тѣмъ эта послѣдняя цитата помѣщена нѣсколько ниже и отнесена къ другому мѣсту проповѣди; на л. 6 об., вмѣсто 1-й главы Іова, ошибочно названа 14 глава; на л. 28, вмѣсто 4 й главы Евангелія отъ Луки, указана гл. 5, и т. д.

КАЗАНЬЕ:

На честный Погребъ пре
честного и превелебного Му
жа Гдна и Оца: Гдна Оца

ЛЕОНТІЯ КАРПО
ВИЧА, Номината Епкопа Воло
димерского и Берестейского: Ар
химандрита Виленского.

Презъ

МЕЛЕТІЯ СМО
ТРИСКОГО, Сми Архі
епкпа Полоцкого, Епкпа Витепско
го и Мстиславского: Єлекта
Архімандрита Виленского,
отправованое: в Вильни.

Року от Воплощенія Бга Слова ахк.
Ноемврія, в. дня.

ПРЕЧЕСТНѢЙШЕМУ, И ПРЕВЕЛЕБНѢЙШЕМУ ГДНУ И ѾЦУ:

ГДНУ ѾЦУ

ІОВУ БОРЕЦКОМУ,

Блгтію Бжїею, Пресвѧщенному Митрополиту Кіевскому и Галицкому и всеѧ Рѡссїи: Архїмандритови Ѡбители стогѡ Архїстратига Михаила Зл: в Кіевѣ Сослужителю и Брату о Хѣ Возлюбленному,

МЕЛЕТІЙ СМОТРИСКІЙ,

Блгтїю Бжїею, Смиренный Архїепкопъ Полоцкїй, Бпка Витепскїй и Мстиславскїй: Архїмандритъ Виленскїй.

Ласки, покой, здоровьѧ и вшелакихъ в добрахъ дшевныхъ и тѣлесныхъ помысльности ѿ Бга Ѿца, и ѿ Гда нашегѡ Іс Ха, и ѿ стогѡ и животворѧщегѡ Дха, на лѣта многїи молитъ, зычитъ, и вѣншуетъ.

Вчасне, здастъмисѧ, в овое зБжественымъ Аплом изыкшкъ, мнѣ (по всѣхъ нашихъ непомыслныйъ зласки Бжей вспракахъ дховныхъ, з Бга, и з Бгомъ спораженой причины зваенне вынклыйъ скутокъ,) Боскими недовѣдомыми суд-

бами

Казанѣе: На честны҃ Погребъ пречестногѡ и превелебно҃ Мꙋжа Гдна и Ѿца: Гдна Ѿца Леонтїа Карповича, Номїната Єпкопа Володимерскогѡ и Берестиискогѡ: Архимадрита Вилеескогѡ. Презъ Мелетїа Смотрискогѡ, См: Архїепкпа Полоцкогѡ, Влкꙋ Витепскогѡ и Мстиславскогѡ: Єлекта Архїмадрита Виленскогѡ, Ѿправованое: в Вини. Рокꙋ Ѿ Воплощенїѧ Бга Слова. ҂ахк. Ноемврїѧ, в. днѧ. ||

Ѱаломъ, рӏ҃. Загл. л. об.

Во памѧть вѣчнꙋю бꙋдетъ Праведникъ, Ѿ слꙋха зла неꙋбоитъсѧ. Готово срце єгѡ ꙋповати на Гда: ꙋтвердисѧ срце єго: неꙋбоитсѧ дондеже презритъ враги своѧ.

Премꙋдр: Соломо: г: д.

Неправеднїи ꙋзрѧ конецъ Премꙋдрагѡ, и неразꙋмѣютъ что восхотѣ ѡнѣ, и во что ꙋмали єго Гдь. Оузрѧтъ и ꙋничижатъ єго: имъже Гдь посмѣєтсѧ: и бꙋдꙋтъ по семъ во паденїе безчестно, и во срамотꙋ во мертвы вовѣки.||

Пречестнѣйшемꙋ, и превелебнѣйшемꙋ гдн‍ꙋ л. 2.
и Ѿцꙋ: гднꙋ Ѿцꙋ Їовꙋ Борецкомꙋ, Блгтїю Бжїею, Преѡсвѧщенномꙋ Митрополитꙋ Киевскомꙋ и Галицкомꙋ и всеѧ Рѡссїи: Архїмандритови Ѡбители стогѡ Архїстратига Михаила з: в Киевѣ Сослꙋжителю и Братꙋ о Хѣ Возлюбленномꙋ, Мелетїй Смотрискїй, Блгтїю Бжїею, Смиренный Архїепкопъ Полоцкїй, Влка Витепскїй и Мстиславскїй: Архїмандритъ Виленскїй. Ласки, покоѧ, здоровѧ и вшелѧкои в добрахъ дшевныхъ и тѣлесныхъ помыслности Ѿ Бга Ѿца, и Ѿ Гда нашегѡ Їс ха, и Ѿ стогѡ и животворѧщогѡ Дха, на лѣта многїи молитъ, зычитъ, и вѣншꙋетъ.

Вчасне, здаст҇мися, в҇ овое з҇ Бжественымъ Апл҃омъ ѩзыкѡвъ, мнѣ (по҃ сесъ нашъ ненепомыслный з҇ ласки Бжей всправахъ дꙋховныхъ, з҇ Бга, и з҇ Бгомъ споряженой причины збавенне выниклый скꙋтокъ,) Бозскими недовѣдомыми
л. 2 об. сꙋд||бами изст҇ꙋпленномꙋ задивенье пришедши, заволати, ѡ҃ глꙋбино богатства, и премꙋдрости, и разꙋма Бжїѧ. Ѩко неиспытани сꙋдове егѡ, и неизслѣдовани пꙋтїе егѡ. Ктобо разꙋмѣ оумъ Гдн҃ь; или кто совѣтникъ емꙋ бысть[1]; хто з҇ насъ, неркꙋчи дѣломъ албо радою, але мыслїю, такъ далекѡ, такъ глꙋбокѡ, такъ высокѡ, зайти, зейти, и взыйти моглъ: чогѡ Всесилный Гдь Бгъ непостигненою превѣчной воли своей радою, сꙋдомъ, и вырокомъ, на мысль нашꙋ, на промыслъ, и старане, речью самою, дѣломъ, и скꙋткомъ, намъ, и всемꙋ блгочестивомꙋ Народови нашемꙋ, стой, мовлю, Церкви нашей Рꙋской, скорѡ, лацнѡ, и стобливе, дойти, взяти, и ѡдержати, споряди́лъ, справилъ, и выконалъ.

Кто вобвѣститъ Авраамꙋ, ѩкѡ доит҇ ѡтроча Сарра; ѩкѡ породи Сна во старости своей;[2] Кто повсѣхъ Рꙋскихъ Крайнахъ, Повѣтахъ, и мѣстахъ, ѡзнаймитъ, ѡповѣст҇, и ѡголоситъ, же за выроднымъ ѡбюродѣнемъ, блговѣствованїемъ родити во мнѣ мѣвшихъ дрꙋгѡвъ Женихꙋвыхъ, нѣякѡ заматерѣлая церковъ Рꙋская ложесна зачатїя, и оутробꙋ рожения непраздꙋ ношꙋ.[3] Смѣхъ ми сотвори Гдь: хтоколвекъ авовѣмъ ѡтомъ послышитъ, кождый зомною вeсполъ радоватися з҇ тогѡ бꙋдетъ.

Зачатъ Єлїсаведъ и таяшеся мѣсяцей пять, глщи, ѩкѡ такѡ мнѣ сотвори Гдь водни, вняже призрѣ ѡѩти поношенїе мое в҇ члвцехъ.[4] зачати блгтїю Престогѡ и животворящогѡ Дха постꙋпивши, таиламъся: такъ вовѣмъ
л. 3. зомною оучинити зезволилъ Гдь Бгъ в҇ дни тыи. || в҇ который призрѣлъ, абы ѿнялъ оуругане мое межи люми.

[1] Рим. г. аі.—а. Кор. г. в.—Премꙋд. гла. д.—Іса гла. м. [2] Быт. г. ка. [3] Быт. гла. йі. [4] Лꙋк. г. а.

Але гды южъ выполниласѧ часъ порожєнѧ: гдымъ южъ благовѣствованїѧ, по Апл҃скомȣ голосȣ, Б҃жимъ породомъ плодовита зостала, славлюсѧ, хвалюсѧ, веселȣю и тѣшȣсѧ. Што оуслышавши сȣсѣдове и повиноватый мой, ижъ великое оучинилъ Г҃дь Б҃гъ милосердїе своє надомною, сполечнесѧ зо мною радȣютъ, веселȣютъ, и тѣшатъ.[1]

Той недовѣдомыхъ сȣдебъ Всесилный Спорѧдитель, который нѣкогѡ до рады своей невзываючи, нанебѣ и на земли чинитъ то, што хочетъ[2], тойжъ непонѧтой воли своей непостигненымъ совѣтомъ и сей нашей нинѣшней радости оучастникомъ некождого єдинакѡ, але ѡбого ближей, ѡбого ѡдалѣй мѣти зезволивши: ѡднымъ, мовлю, ближей себе бȣдȣчымъ, радостнѣйшими з тогѡ быти, дрȣгымъ ѡдалѣй негѡ бȣдȣчымъ, мнѣй радости той зажити постановивши: насъ на працы радости той зоставити, а Г҃на моегѡ и Ѡ҃ца, Велебности твоей дрȣга и брата, Г҃на Ѡ҃ца Леонтїѧ Карповича Архїмандрита Виленского на самȣю толкѡ радости той оутѣхȣ, подъ тотъ самый часъ, и себе и той радости ближей мѣти єго хотѧчи, з земли нанебо смерти переходомъ переставити рачилъ. Который чл҃вѣчїй мыслїй нашихъ, албо нѣчогѡ, албо малѡ што передъ собою видѧчимъ совѣтомъ, первый потомъ, в чо сѧ, благодатїю Х҃вою, Велебность Твоѧ найдȣетъ, єдиномыслными всѣхъ голосами найдоватисѧ, былъ рокованъ.

Тое єгѡ намъ ачколвекъ, ıакъ людемъ, смȣтное, але, ıакъ Благочестивымъ оутѣшное, преставленїе, (вели‖каѧ бо- 3 л. об.
вѣмъ єстъ оутѣха оутрапленымъ, дрȣга брата Ѡ҃ца передъ ѡбличемъ царскимъ завжды притомного в потребахъ причинцȣ мѣти) же и по мнѣ межи иншими ѡстатней пословги, ведлȣгъ звычаю хрїстїѧнскогѡ потребовало, з тымемъ себе до ней, з чимъ и повиненъ былемъ, и благодатїю Х҃а Б҃га

[1] а. Кор. гл. д. ..лȣ. г. ка. [2] Рн, г. аı.

моегѡ моглъ, ставилемъсѧ. А҆ же справедливый в̾ вѣчной памѧти, ведлꙋгъ бж҃ественогѡ Дв҃да, зоставати маетъ[1]: вовѣчный роды и҆ сегѡ̀ пречестногѡ и҆ праведногѡ Мꙋжа в̾ томъ памѧть, в̾ чомъ ѻ҆нъ вѣчнꙋ быти є҆̀ перє̑ Бг҃омъ, за всесилною є҆гѡ̀ помочью, зрѧдилъ, зоставати речъ быти ст҃облйвꙋю видѣвши, несмертелный Цноты є҆гѡ̀, словами в̾ непамѧть рихлѡ приходити звыклыми, вѣрне а҆ справедливе по̑ часъ честногѡ Погребꙋ є҆гѡ̀, прє̑ мене недостойного є҆гѡ̀ в̾ дꙋхꙋ Сн҃а, ѿголошеный, писмомъ выражены быти, и҆ Велебности Твоей, ꙗ҆къ вшелѧкихъ цнотъ Мꙋжꙋ, и҆ на сесъ часъ, бл҃годатїю прест҃огѡ и҆ животворѧщогѡ Дх҃а ѻ҆кꙋ, а҆же ꙗ҆снѣй рекꙋ, Головѣ (которой ѡ҆ чл҃онкахъ свои҆х, повиностти и҆ цнотъ Мꙋжахъ вѣдомост̾ належна,) Тѣла ст҃ой Цр҃кви нашей Рꙋской по̑ ѡ҆боронꙋ по̑дати сꙋдилемъ. А҆ при братерски҆х поволностехъ мои҆х, з̾ вѣчною преставленногѡ ѿ насъ ст҃огѡ Мꙋжа сегѡ̀ памѧтю, ѡ҆фѣрꙋю и҆ по̑даю. Велебность Твоѧ̀, за свою̀ до цнотъ приро̑нꙋю склонность, и҆ за цѣлꙋю до ѡ҆бохъ насъ ѿцевскꙋю любовъ, же лице є҆й веселое и҆ вдѧчное ѡ҆казати, и҆ по̑ ѡ҆боронꙋ свою̀ Пастырскꙋю принѧти бꙋдетъ рачила, Ѻ҆нъ, и҆ ꙗ҆ певни є҆стесмо. ||

4 л. Прочее: Бг҃а, ѿ негоже всѧко даѧнїе бл҃го, и҆ всѧкъ даръ совершенъ[2], молю̀ ѹ҆сердни, Церкви є҆гѡ̀ ст҃ой в̾ Рѡссийстей нашей землѝ ѡ҆брѣтающейсѧ, во всѧческое бг҃омерзкой, скотскѡ понинѣ в̾ ней юродѣвшей А҆постасiи попранїе и҆ и҆спразненїе, Велебность Твою̀ дароватисѧ во многаѧ лѣта в̾ мирѣ, цѣлꙋ, честнꙋ, здравїемъ долгоденствꙋющꙋ, и҆ правѡ правѧщꙋ слово хвы и҆стинны.

З Вл҃ни. Рокꙋ ѿ воплощенїѧ Бг҃а Слова, ахк҃. Мц҃а Ноемврїѧ, и҃: днѧ̀.

---

[1] Ψалѡ҃ рі҃і. [2] Іаковъ. г҃. а҃.

Помози ми Бж҃е Спс҃ителю мой, славы ради имене твоего Ст҃аго.

Z Ласки всєдаровителного, престого и животворящого Дх҃а, звыклым поважным и ст҃ым Црковным порядком на местце сее, и сему подобное кождое, з которого Еѵ҃лской науки проповедь вшелякым, а особливе Православным слухачом подавана бывати звыкла, вступовати: и з него в кождой душезбавенной вере и добрым обычаем належачой материи беседовати, зуполную владзу от Бг҃а, через Бгоподанную црковную зверхность ново одержавши, важилемъся тодня нинешнего, самою повинностю моею потягненый первый раз учинити, а з местца сего до Млти вашей, Блгочестивыи Хрїстїане, первую мою духовную беседу в коротце мети хотети. И хотяж в некоторых православия нашего местах, за обхоженем недавно

Помози́ми Бж҃е Сп҃си́телю мо́й, сла́вы ра́ди и҆́мене твое́гѡ Ст҃а́гѡ. л. 5.

Z Ла́ски вседарови́телногѡ, прест҃огѡ и҆ животворѧ́щогѡ Дх҃а, звы́клымъ пова́жнымъ и҆ ст҃ы́мъ Цр҃ко́вным порѧ́дкомъ на мѣ́ст҃це се́е, и҆ семꙋ̀ подо́бнее ко́ждое, з҆ кото́рогѡ є҆ѵ҃лскои̑ наꙋ́ки про́повѣдь вшелѧ́кымъ, а҆ ѻ҆собли́ве Правосла́внымъ слꙋ́хачѡмъ пода́вана быва́ти звы́кла, вступова́ти: и҆ з҆ не́гѡ в҆ ко́ждой дш҃езбаве́нной, вѣ́рѣ и҆ до́брымъ ѻ҆бычаѥ́мъ нале́жачой мате́рїи̑ бе́сѣдовати, зꙋпо́лнꙋю вла́дзꙋ ѿ Бг҃а, чере́зъ Бг҃опода́ннꙋю цр҃ко́внꙋю зве́рхность но́вѡ ѡ҆де́ржавши, ва́жилемъсѧ то днѧ̀ нн҃ѣшнегѡ, само́ю пови́нностю мое́ю потѧ́гненый пе́рвый ра́зъ ѹ҆чини́ти, а҆ з҆ мѣ́ст҃ца сегѡ̀ до Мл҃сти ва́шеи̑, бл҃гочести́выи Хрїстїа́не, пе́рвꙋю мою́ дꙋхо́внꙋю Бе́сѣдꙋ в҆ ко́рот҃це мѣ́ти хотѣ́ти. И҆ хотѧ́жъ в҆ нѣ́которыхъ правосла́вїѧ на́шегѡ мѣ́стахъ, за ѡ҆бхоже́немъ неда́внѡ ‖ пре́шлои̑, мнѣ̀ з҆ послꙋша́нїѧ в҆ ода́лный кра́й, ѿ л. 5 об.
Бл҃а: па́мѧти Гд҃на мое́гѡ и҆ Ѿца̀ в҆ спра́ва дх҃о́вны зле́ценои̑ доро́ги, ѹ҆чини́ти то ѹ҆жи́ванъ и҆ взы́ванъ бы́лемъ: А҆ле ѧ҆ мѣ́сто се́е, а҆ в҆не́мъ, се́е мѣ́ст҃це, за выне́слость и҆ ѡ҆каза́лость стате́чности є҆гѡ̀ в҆ благоче́стїи з҆ да́вна любꙋ́ючи, з҆ сегѡ̀ дꙋхо́внымъ мои̑ з҆ правосла́вными бе́сѣдамъ поча́токъ ѹ҆чини́ти пре̑сѧвзѧ́лемъ бы́лъ тогды̀, ґды́мъ на́то бл҃года́тїю, ꙗ҆́комъ ре́клъ, прест҃огѡ и҆ животворѧ́щого Дх҃а, ѿ Цр҃ко́вной зве́рхности і҆навґꙋро́ванъ бы́ти, ѹ҆достое́ны ста́лсѧ: ѡ҆бовѧ́занъ бы́вши ма́лѡ пере̑ ты́мъ за доброво̑нымъ мои́мъ зезволе́немъ, и҆ само́ю за́коне нало́женою на ме́не пови́нностю неи҆́начей ѹ҆чини́ти. Поча́токъ, мо́влю, дꙋхо́внымъ з҆ правосла́вными бе́сѣдамъ мои́мъ в҆ се́мъ мѣ́стѣ Ви́лни, и҆ з҆ сегѡ̀, в҆ цр҃кви се́й ст҃о́й на́то по̑несе́негѡ мѣ́ст҃ца ѹ҆чини́ти пре̑сѧвзѧ́лемъ бы́лъ. Не в҆ то́й є҆дна́къ мате́рїи̑, не в҆ то́й за́исте правосла́внїи̑ Хрїстїѧ́не, в҆ кото́рой тепе́ръ на̑ мы́сль, на̑ во́лю, и҆ на̑ ѡ҆чекива́не моѐ и҆ ва́ше з҆ слова́ми мои́ми найдова́тисѧ прихо́дит ми. Не в҆ мате́рїи̑ жа́лю и҆ пла́ча, а҆́ле в҆ мате́рїи̑ є҆ѵ҃лскои̑ ѹ҆тѣ́хи и҆ ра́дости. А҆чко́лвекъ и҆ є҆ѵ҃лскаѧ ѹ҆-

тѣ́ха и҆ ра́дость, неи҆́ншее што̀ сꙋ́тъ, то́кѡ жа́ль и҆ пла́чъ. При-
ближи́сѧ, мо́витъ бо́ж: І҆ѡа́нъ Предоте́ча, цр҃то нб҃ное[1]. ||
л. 6. Оу҆тѣ́ха то є҆́стъ и҆ ра́дость є҆ѵ҃лскаѧ, зближеноесѧ до на́съ
слы́шати и҆ мѣ́ти ца́рство нб҃ное. А҆́ле пе́рвей ре́клъ, Пока́й-
тесѧ, то є҆́стъ, жа́лꙋйте и҆ пла́чте за грѣхѝ свои̇: ꙗ҆́кобы
ре́клъ, оу҆тѣ́ха и҆ ра́дость цр҃тва нб҃ногѡ зближилысѧ до на́съ,
а҆́ле в҆ жа́лю сегосвѣ́тномъ и҆ в҆ пла́чꙋ. Длѧ̀ чо́гѡ и҆ са́мъ Зба-
ви́тель на́шъ І҆с҃ Хс҃: Бл҃же́ни, мо́витъ, пла́чющїи, ꙗ҆́ко тїѝ
оу҆тѣ́шатъсѧ[2], Пла́чъ доча́сный оу҆тѣ́хою называ́етъ вѣ́чною.
Ѿто́ль и҆ премꙋ́дрый Соломѡ́нъ, лѣ́пшꙋю ре́чъ бы́ти повѣ-
да́етъ приходи́ти до до́мꙋ пла́ча, нѣ́жли до до́мꙋ пи́рꙋ. И҆
в҆ о҆́вомъ, то є҆́стъ, въ домꙋ̀ пи́рꙋ, в҆ домꙋ̀ мо́влю оу҆́чтъ и҆ бан-
ке́тѡвъ, ср҃це безꙋ́мныхъ найдова́тисѧ повѣда́етъ: а҆ в҆ домꙋ̀
пла́ча, ср҃це розꙋ́мныхъ. И҆ншїй є҆дна́къ, Пр҃: Хр҃: тꙋ́тъ тепе́ръ
на́мъ є҆́стъ жа́ль и҆ пла́чъ, на̀ жа́ль и҆ пла́чъ є҆ѵ҃лскоѝ оу҆тѣ́хи
и҆ ра́дости: и҆́ншїй мо́влю, понева́жъ з҆ и҆́ншеѝ причи́ны вы́-
никлый найдꙋ́етъсѧ. Жа́лю и҆ пла́ча є҆ѵ҃лскоѝ оу҆тѣ́хи и҆ ра́до-
сти причи́на, грѣ́хъ: а҆ сегѡ̀ тепе́решнегѡ на́шегѡ жа́лю и҆
пла́ча причи́на и҆ мате́рїѧ, преставле́нїе ѿ на́съ пречє́стногѡ
Мꙋ́жа, оу҆чите́лѧ на́шегѡ, Гд҃на и҆ Ѿца̀. Пе́рвоѝ пре́тѡ сеѝ
дꙋхо́вноѝ бе́сѣды моеѝ мате́рїѧ є҆́стъ жа́лю и҆ пла́ча по́лнаѧ:
л. 6 об. зачи́мъ слꙋ́шне ре́клемъ, же хотѧ́жъ з҆ сегѡ̀ мѣ́стца, на || ко-
то́ромъсѧ тепе́ръ найдꙋ́ю, дꙋхо́внымъ мои́мъ з҆ правосла́вны-
ми Слꙋ́хачами бе́сѣдамъ поча́токъ оу҆чини́ти пре̑сѧвзѧ́лемъ бы́лъ,
не въ мате́рїѝ є҆дна́къ жа́лю и҆ пла́ча. А҆́ле понева́жъ совѣ́ты
Бж҃їѝ не ꙗ҆́къ совѣ́ты лю́дскїѝ:[3] понева́жъ, мо́влю, и҆́начей
ра́дитъ чл҃вкъ, а҆ и҆́начей ра́дитъ Бг҃ъ, става́етъсѧ ѿто́ль
посполи́те, же што чл҃вкъ доча́сною мы́сли своеѝ ра́дою собѣ̀
ѡ҆бецꙋ́етъ, то добротли́вый Гд҃ь Бг҃ъ превѣ́чною во́ли своеѝ
ра́дою ницꙋ́етъ: а҆ то што̀ є҆мꙋ̀ лю́бо, ра́дитъ, вырокꙋ́етъ,
справꙋ́етъ и҆ ко́нчитъ. Кото́рогѡ во́ли, ра́дамъ, сꙋ́дѡмъ и҆

---

[1] Мѳ҃д. г҃. г҃. [2] Мѳ҃д. г҃. є҃. [3] І҆са̀. м҃.

выро́кѡмъ в҆ про́тивъ и҆тѝ, нето́лкѡ ма́рногѡ є҆́стъ чл҃вка и҆ безрозꙋ́многѡ, а҆́ле и҆ превро́тногѡ и҆ незбо҃ногѡ. И҆ мнѣ̀ теды̀ во́ли, ра́дамъ, сꙋ́дѡмъ, и҆ выро́кѡмъ всеси́лногѡ Бг҃а вовсе́мъ ѡ҆хо́тне по҃лега́ючомꙋ, то̀ чини́ти в҆ то́мъ ра́зѣ прихо́дитъ, што́сѧ неѿмѣ́нномꙋ є҆гѡ̀ вы́рокови, и҆ превѣ́чной во́ли, ра́дѣ, и҆ сꙋ́дови подоба́ло: а҆бы́сѧ и҆ з҆ моеѝ ча́сти, за смꙋ́тною сею̀ о҆ка́зїею, пере҃ всѐ до́бре спорѧжа́ючи҃, и҆ все до́бре справꙋ́ючи҃ Гд҃емъ Бг҃омъ нѣвчо҃ незгрѣши́ло, нѣ в҆ ᲂу҆стна́хъ мои́хъ, и҆ жебы́мъ нѣчо́гѡ безꙋ́многѡ в҆ спра́вѣ се́й проти́въ Бг҃ꙋ мое́мꙋ невы́реклъ. Гд҃ь Бг҃ъ бы́лъ на́мъ да́лъ Оу҆чи́телѧ по ср҃цꙋ свое́мꙋ, Гд҃ь Бг҃ъ и҆ взѧ́лъ є҆го̀: та́късѧ ста́ло, ꙗ҆́късѧ Гд҃ꙋ || Бг҃ꙋ подоба́ло: неха́й бꙋ́детъ и҆мѧ̀ Гд҃не бл҃ве́но на вѣ́ки.[1] Та́къ теды̀ ю҆́жъ постано́вленꙋю слова́мъ мои́мъ, в҆ пе́рвой, ꙗ҆́комъ ре́клъ, з҆ правосла́вными Слꙋ́хачами з҆ мѣ́стца сегѡ̀ Бе́сѣдѣ мое́й дꙋхо́вной, мате́рїю ма́ючи, ᲂу҆ва́жити ми пи́лнѡ нале́житъ, з҆ки́мъ тꙋ́ю бе́сѣдꙋ на́первей ᲂу҆чини́ти ма́ю: з҆ ва́ми Пра҃: Хр҃: в҆ дш҃ѝ и҆ тѣ́лѣ на мѣ́стцꙋ се́мъ притомными слꙋ́хачами, лю́бъ з҆ о҆́вымъ пречéстнымъ Мꙋ́жемъ, въ д҃шѝ свое́й пере҃ маеста́томъ Бг҃а вседержи́телѧ, кото́ромꙋ ѿ живота̀ ма́тки свое́й вѣ́рне и҆ побо҃не слꙋжи́лъ, стоѧ́чимъ: а҆ в҆ тѣ́лѣ посре҃ домꙋ̀ сегѡ̀ бо́жогѡ, в҆ кото́ромъ повѣ́реное собѣ̀ ѿ прест҃огѡ и҆ животворѧ́щогѡ Дх҃а ᲂу҆слꙋгова́не чю́ле и҆ пова҃не ѡ҆бходи́лъ, ле́жачимъ. З ва́ми Пра҃: Хр҃тїѧ́не, є҆слѝ Гд҃ь Бг҃ъ захо́четъ и҆ жи́ви бꙋ́демо, є҆слѝ на́то добротли́вогѡ Бг҃а во́лѧ бꙋ́детъ, и҆́ншїй ча́съ до ро҃мо́вы з҆ мѣ́стца сего̀ здари́тисѧ мнѣ̀ мо́жетъ, а҆ з҆ о҆́вымъ в҆ тѣ́лѣ на́мъ прито́мнымъ, и҆ пе́рвая то моѧ̀ и҆ о҆ста́тнѧѧ з҆ мѣ́стца сего̀ розмо́ва. Ктомꙋ̀, вы̀ во҃люблéнный, дрꙋ́гове и҆ Бра́тїѧ моѝ є҆сте́, а҆ то Па́нъ мо́й и҆ о҆те́цъ: Вы̀ спо҃слꙋ́хаче моѝ и҆ спо҃ꙋ́чневе, а҆ то всѣ́хъ на́съ наста́вникъ и҆ ᲂу҆чи́тель. А҆́же и҆ бо҃ско́е и҆ лю́дское пра́во Ѿца̀ и҆ ᲂу҆чи́телѧ на́дъ бра́тїю и҆

л. 7.

[1] Іо҃. ді.

л. 7 об. дрꙋги чти́ти прика́зꙋетъ, нале́житъ, а҆бы́м ‖ ва́съ бра́тїю мою̀ и҆ дрꙋги ма́лѡ позанеха́вши, з҆ пречє́стнымъ мои́мъ Ѿце́мъ в҆ пере̑ нѣ́што розмо́вилъ.

Дивꙋ́ешъсѧ сна́ть Веле́бный, и҆ ю҆́ж нн҃ѣ Бл҃же́нный Гд҃не мо́й и҆ Ѿче, же ѧ҆ Сн҃ъ тво́й и҆ слꙋга̀ (кото́рый те́бе а҆́чъ на́томъ мѣ́стцꙋ, а҆́ле нета́късѧ въ тѣ́лѣ маю́чого вита́ти мѣ́лъ,) на̑ звы́чай розмо́вы мое́й, стобо́ю ѡ҆бходи́тисѧ звы́клон̀ вита́ти тебѐ, и҆ спра́вꙋ послꙋ́ги мое́й, на кото́рꙋюсь мѧ̀ бы́лъ вы́слалъ, Ѿправова́ти постꙋпи́лемъ; же з҆ сего̀ мнѣ̀ незвы́клогѡ, а҆ твое́гѡ вла́сногѡ мѣ́стца̀ о҆бо́е то́е о҆бойти̇̀ пре̑сѧвзѧ́лемъ; дивꙋ́ешъсѧ мо́влю. А҆́ле ю҆́жъ сѧ ты̀ нѣчо́мꙋ насе́мъ свѣ́тѣ дѣ́ючомꙋсѧ недивꙋ́ешъ, всеми́рный о҆́ный, лю́дскими о҆чи́ма нѣко́ли неви́дѣный ди́въ в҆ оу҆тѣ́шномъ подниве́ню ма́ючи. З сего̀ мѣ́стца ты̀ повѣ́реное тобѣ̀ Ѿ Бг҃а и҆ Ѿ Це́ркве посе́лство, Ѿче мо́й че́стный, до бл҃гочести́вогѡ сего̀ лю́дꙋ Ѿправыва́лъ: з҆ тогѡ́жъ и҆ ѧ҆ мнѣ̀ повѣ́реное, Ѿ тогѡ̑ Бг҃а и҆ Ѿ Дх҃омъ Бо́жимъ спорѧ́женой цр҃ко́вной зве́рхности посе́лство, до тогѡ̑ бл҃гочести́вогѡ лю́дꙋ Ѿправова́ти постꙋпи́лемъ. З сего̀ ты̀ мѣ́стца та́мъ, где́сѧ тепе́ръ вла́сце Бо́жой знайдꙋ́ешъ преста́вленъ бы́ти оу҆достое́нымъ ста́лъсѧ: тогѡ́жъ и҆ ѧ҆ в҆ Бг҃ꙋ мое́м пра́гнꙋчи, на мѣ́стце се́е встꙋпи́ти зезво́лилемъ. На се́мъ мѣ́стци, за оу҆молкне́ ‖ нѣ́мъ тебе́ чл҃вка, дш҃езбаве́нный медото́чны оу҆́стъ твои̑ слова̀ коне́ц взѧлы̀: натѡ̑же мнѣ̀, ве́длꙋгъ слѡ̑ Хр҃а Гд҃а, трꙋ́дномꙋ в҆ слова̀ Ка́меневи,[1] вола́нѧ поча́токъ оу҆чини́ти нале́жало: а҆бы̀ твои́хъ че́стныхъ оу҆́стъ в҆ слꙋ́жбѣ Бж҃ой затво́ръ, мои́м о҆каѧ́ннымъ в҆ тꙋю́жъ слꙋ́жбꙋ Бж҃ꙋю ста́лсѧ о҆тво́ръ. З сегѡ̀ ѧ҆ тебе́ Гд҃на мое́го и҆ Ѿца̀ в҆ дꙋ́хꙋ мое́мъ вита́ю: з҆ сегѡ̀ и҆ звы́клый мо́й сн҃овскїй покло́нъ тобѣ̀ чиню̀: з҆ сего̀ зайсте и҆ повѣ́реной мнѣ̀ послꙋ́ги спра́вꙋ до те́бе Ѿправова́лъ бы́мъ, бы́мъ небы́лъ той немы́лной оу҆́фности, же ты̀ все

л. 8.

[1] Лꙋк. г҃. д҃і.

тобѣ и намъ належачее, в Бгу, в которомъ южъ лицемъ к лицу живешъ, и рушаешся, и естесь, способомъ ему самому вѣдомымъ, и тобѣ внемъ ѡбявлены речивисте видишъ. Справ людскихъ прешлых и пришлыхъ вѣдомость Самъ ѡдинъ всевѣдаючій, и все прешлое и пришлое притомне оу себе маючій Гдь Бгъ собѣ зоставивши, же притомных нашихъ справъ и потребъ вѣдомости оучастникомъ и тебѣ сполечне з иншими стыми егѡ оугодниками оучинити рачилъ без жадной ѧ вонтпливости вѣрую, зачимъ и поступку злеценой мнѣ ѿ тебе, а мною справленой послуги прекладати перед тобою непоступую: але рачей, ведлугъ мѣлкогѡ розуму моегѡ, до цнѡтъ, вѣчных твоихъ ѡздѡбъ, пре кото||рый ты на семъ земномъ л. 8 об.
свѣтѣ поднеслымъ ѡказалымъ честнымъ и славнымъ, а на ономъ нбномъ, праведнымъ и стымъ, за ласкою добротливогѡ Бга зосталесь, ѡголошенѧ поступую. Держачи запевне по запертой твоей до мене любви, же то, вчомбысѧ ведлугъ годности высокихъ твоихъ цнѡтъ ѿ мене тобѣ недосить стало, нездолности моей, а не нехути причтено ѿ ней будетъ. Што гды чинити пресѧберу, Пречтой и преблгословенной прнѡ дѣвы Бцы, славной Влчци нашей, оуставѣчной ненасыченогѡ в любви ей срца твоегѡ оутѣхи, до Ха превѣчногѡ Бга ѡ причину прошу, абы он ѿ живучей в тобѣ ѡбфите престогѡ и животворѧщогѡ Дха ласки, ꙗкъ ѿ Мойсеова духа взѧвши,[1] на мнѣ црквн егѡ Стой послѣднемъ слузѣ положилъ. А взглѧдомъ далших владзою духовною наложеных на мене оуслуг црковныхъ реку дерзостнѣй, (дерзати абовѣмъ ѿ часу тогѡ въ Бгу моемъ, за всесилною егѡ помочю и нехотѧчому настоитъ ми:) ꙗкъ на Елисеѧ з милотію Илїиною,[2] такъ на мене недостойного з сими твоими при насъ зосталыми честными мощми, сугубого, который былъ в тобѣ духа, еслим не ѡжестилъ про-

[1] Чис. г. аі. [2] д. Цар. гла. в.

си́ти, вы́лѧти а҆бы̀ ра́чилъ. То́лкѡ за тою̀ ѻ҆ка́зїею, ми́мѡ
л. 9. ва́съ бра́тїю мою̀ и҆ дрꙋ́ги, до ‖ Гдⷭ҇на мое́гѡ и҆ Ѿца̀, кото́рого за любо́въ мою̀ є҆мꙋ̀ ви́ннꙋю, на́прⷪ҇ в҆ Контерфе́ктѣ живота̀ и҆ сме́рти посполи́томъ: пото́мъ в҆ вла́сномъ є҆гѡ̀ живои̑ дꙋши̑ ѻ҆́бразѣ: наконе́цъ в҆ живы́хъ ѿ животворѧ́щогѡ Дх҃а прибы́лыхъ є҆мꙋ̀ Цно́тахъ живꙋ́ю по́стать, за по́мочїю Хⷭ҇а Бг҃а мое́гѡ, перⷣ ва́ми поста́вити за́мыслъ взѧ́вши: Розꙋмѣ́ю, же ми́лость ва́ша за свою̀ до не́гѡ любо́въ, є҆щѐ живо́го ѻ҆глѧда́ти є҆го̀ пра́гнꙋчи, и҆ мнѣ̀ до приведе́нѧ в҆скꙋ́токъ дѣ́ла тогѡ̀ знамени́тогѡ ча́сꙋ на годи́нкꙋ любо́вне ѹ҆зы́чите, и҆ са́мисѧ до тогѡ̀, прⷣ та́къже коро́ткїй ча́съ, ѻ҆бо́ими ва́шими смы́слами приложи́ти ѻ҆хо́тне зезво́лите.

Пра́ведникъ а҆́ще пости́гнетъ сконча́тисѧ, в҆ поко́й бꙋ́детъ:
Справедли́вый чл҃вкъ, ґды̀ є҆мꙋ̀ прі́йдетъ ѹ҆мерети̑, в҆ ѿпочине́нїю бꙋ́детъ.
Премꙋ́дрый ре́клъ Соломѡ́нъ. [1]

Всѣ̀ свои̑ конце́пта, в҆ ре́чїй высо́кихъ ѹ҆важа́нїю, ѻ҆крꙋ́глѡ спорѧжа́ти звы́чай ма́ючїи̑ лю́де, ґды̀ межи̑ и҆́ншими и҆ то̀ ла́цнѡ ѻ҆ба́чити хотѧ́тъ, што́бы за коне́цъ бѣ́гꙋ в҆ сегѡ-
. 9 об. свѣ́тномъ ‖ животѣ̀ кото́рогѡ чл҃вка бы́лъ, в҆мѣ́стѡ ша́ль справедли́вои̑ розва́ги, живо́тъ лю́скїй ѹ҆важа́ти звы́кли пѧтера́кѡ. А҆же́бы ла́цнѣй то, чогѡ̀ шꙋка́ютъ, найти̑ могли̑: в҆то́мже живота̀ лю́скогѡ бѣ́гꙋ, пѧтера́когѡ ѹ҆важе́нѧ и҆ сме́рть найдꙋ́ютъ: ты́мъ порѧ́дкомъ, ꙋ҆важа́ютъ напрⷪ҇ живо́тъ и҆ сме́рть Прироже́нѧ: затымъ живо́тъ Ла́ски, а҆ сме́рть Грѣха̀: к҆ томꙋ̀ живо́тъ Смы́слѡвъ, а҆ сме́рть Цно́ты: потⷪ҇ живо́тъ Жите́йскїй, а҆ сме́рть И҆зстꙋпле́нїѧ: наконе́цъ живо́тъ Сла́вы, а҆ сме́рть Гее́нны. Прⷣ кото́рыи̑ живота̀ и҆ сме́рти ѹ҆важе́нѧ, ꙗ҆́къ по шнꙋрꙋ̀ нѣ́ѧкомъ до́йденъ бы́ти мо́жетъ ко́ждогѡ чл҃вка коне́цъ, на кото́рый по сконче́нїю замѣ́реногѡ собѣ̀ живота̀ прихо́дитъ: на до́брый, лю́бъ на злы́й: на живо́тъ, мо́влю, вѣ́чный, лю́бъ на сме́рть вѣ́чнꙋю.

[1] Премꙋ: Солом. г҃. д҃.

нѣкоторый авовѣмъ живота и смерти станы, єѵтъ доро-
гою до живота вѣчногѡ, а нѣкоторый до вѣчной смерти.

Штобы былъ животъ Прирожена, з ограничена смерти
Прирожена вѣдати дается. Єсли бовѣм смрть Прирожена
єстъ, дши ѿ тѣла розлучее: животъ Прирожена будетъ,
дши з тѣломъ зєдночене. Якъ бовѣм слонце даетъ свѣт-
лость дневи, такъ дша животъ даетъ тѣлу: и якъ за
застемъ || слонца ставаетса днеки ночъ, такъ за выстемъ л. 10.
дши ставаетса тѣлу смерть. Той то животъ в первомъ
члвцѣ блвачи Гдь Бгъ, мовитъ, Растѣтеса, и множитеса,
и наполняйте землю, и обладайте єю [1]. И тоюто смертю
томужъ первому члвкови тойже Гдь Бгъ грозачи мовитъ,
Вонже аще день снѣсте, ѿ ѿ (sic!) плода древа, єже вѣдѣти
добро и зло, смертїю оумрете [2]. Ѿтоль Бо: Апслъ Павелъ,
Ѡброци, мовитъ, грѣха, смерть [3]. Єст теды живо При-
рожела, посполитое всѣм людем в дши и тѣлѣ рожееса:
а смрть Прирожена, єст посполитое всѣм люде дши ѿ
тѣла ролучене.

Животъ Ласки, єстъ животъ поедна́наса члвка з Бгомъ,
черезъ тайну крщенїа починаючїйса и повстаючїй, о кото-
ромъ животѣ самъ Збавитель нашъ Іс хс, Аще, мовит,
кто неродитъса ѿ воды, неможетъ видѣти царствїа Бо-
жїа [4]. Ѡтомъже животѣ и Бо: Апслъ Павелъ, Єлици, мови,
во ха Іса крестихомса, во смрть єгѡ крестихомса: спогребохомса
оубо єму крщенїем во смрт: да якоже воста хс ѿ мертвы
славою Ѻчею, такѡ и мы в новости жизни ходимъ [5]. По
принятю крщенїа, новогѡ живота покождомъ члвку Гдь
Бгъ потребует: который новый животъ, животомъ Ласки
и єстъ и называетъса, єдиному коемуждо насъ дадеса
блгть, по мѣрѣ даровнїа хва: Бо: Апслъ Павелъ до єфе-
сеѡвъ мовитъ [6]. И инде тойже, Идеже || оумножиса грѣхъ, л. 10 об.

---

[1] Бы: г: ꙉ. [2] Таже г. в. [3] Ри: г: ѕ. [4] Іѡа: г: г.
[5] Рил: г: ѕ. [6] Єфе: г. д.

та́мѡ преизбыточествова̀ бл҃гть. Да̀ ꙗ҆́коже царствова̀ грѣхъ
во сме́рть, та́коже и҆ бл҃гть воцари́тсѧ пра́вдою в҆ жи́знь
вѣ́чнꙋю, І҆с҃ хр҃то́мъ Гд҃емъ на́шимъ[1]. Живо́тъ те́ды Ла́ски
то́й чл҃вкъ живе҃, кото́рый само́мꙋ Бг҃ꙋ и҆ живе́тъ и҆ оу҆мн-
ра́етъ, Никто́же ѿ на́съ себѣ̀ живе́тъ, мо́витъ Бо҃: А҆п҃лъ
Па́велъ, И҆ никто́же себѣ̀ оу҆мира́етъ а҆́ще оу҆бѡ живе́мъ, Гд҃еви
живе́мъ: а҆́ще оу҆мира́емъ, Гд҃ви оу҆мира́емъ: а҆́ще оу҆бѡ живе́мъ,
а҆́ще оу҆мира́емъ, Гд҃вы є҆смы[2]. Живе́тъ и҆ то́й Ла́ски живо́тъ,
хто̀ Бг҃ꙋ а҆ не собѣ̀ живе́тъ: ве́длꙋгъ ты́же бо҃: А҆п҃ломъ рече́-
ногѡ, Хс҃ за всѧ̀ оу҆мре́, да̀ живꙋ́щїи҆ не́ктомꙋ себѣ̀ живꙋ́тъ,
но̀ оу҆ме́ршемꙋ за ни́хъ и҆ воскре́сшемꙋ[3]. Сме́рть за́сь Грѣха̀,
є҆́стъ сме́рть розлꙋче́нѧсѧ чл҃вка ѿ Бг҃а, чере́зъ грѣхъ дѣючаѧсѧ
и҆ повстаю́чаѧ. Грѣхъ содѣѧ́нъ, мо́витъ бо҃: І҆а́ковъ А҆п҃лъ,
ража́етъ сме́рть[4]. Кото́рыи а҆бо́вѣмъ чл҃вкъ длѧ̀ грѣхѡ́въ
о҆пꙋ́щенымъ става́етъсѧ ѿ Бг҃а, ко́ждый тако́вый на̀ дш҃и
оу҆мира́етъ. Грѣсѝ ва́ши разлꙋча́ютъ ме́ждꙋ ва́ми и҆ Бг҃омъ:
зло́сти ва́ши роздѣли́лы межѝ ва́ми и҆ межѝ Бг҃омъ ва́шимъ,
Пр҃ркъ бж҃їй И҆са́їа до лю́дꙋ жидо́вскогѡ мо́витъ[5]. И҆ Бо҃:
А҆п҃лъ Па́велъ, А҆́ще, мо́витъ, по́плоти живете́, и҆́мате оу҆мрѣ́-
ти[6]. Бо ꙗ҆́къ тѣ́лꙋ живо́тъ дае́тъ дш҃а, та́къ дш҃и жи-
во́тъ да́етъ Бг҃ъ, кото́рымъ о҆на̀ живе́тъ ꙗ҆́къ тѣ́ло дш҃ею.
Ѿто́ль Бо҃: Григо́рїй двоеслов҃ъ, Ꙗ҆́къ сме́рть, мо́витъ, зе-
л. 11. внꙋ́трнаѧ ѿ дш҃и ‖ розлꙋча́етъ тѣ́ло, та́къ сме́рть внꙋ́трнаѧ
ѿ Бг҃а ѿлꙋча́етъ дш҃ꙋ[7]. Сме́рть сѧ́ѧ Грѣха̀, на҆ сме́рть
Прироже́нѧ та́къ є҆́стъ дале́кѡ го́ршею, ꙗ҆́къ дале́кѡ Бг҃ъ
лѣ́пшимъ є҆́стъ на́дъ дш҃ю: и҆ ꙗ҆́къ шкодли́вшее є҆́стъ ѿлꙋ-
че́нєсѧ Бо́жее ѿ дш҃и, на́дъ розлꙋче́нєсѧ дш҃и ѿ тѣ́ла. В
сме́рти а҆бо́вѣмъ Прироже́ной є҆́стъ нѣ́што добра̀, а҆ в҆ сме́рти
се́й Грѣха̀, ѿтиню҆ жа́дногѡ добра̀ нѣма́шъ. Прирожо́наѧ
сме́ртъ згꙋбле́ное добро́ приверта́етъ чл҃вкꙋ, а҆ Грѣха̀ см҃рть
все добро́ чл҃вчее вinѣ́вечъ о҆берта́етъ. Прироже́нѧ сме́рть

[1] Є҆фе҃: г҃: д҃. [2] Рил: г҃: є҃.—Та҃же г҃. дї. [3] в҃. Ко҃. г҃. є҃. [4] г҃. а҃.
[5] г҃. нд҃: [6] Ри҃: г҃: и҃. [7] в҆ Ки. д҃. Мора҃. на аї. гла́вꙋ І҆ѡва. г҃. мѕ҃.

всѣ́мъ бѣда́мъ, не́ндзамъ, кло́потωмъ, и҆всемꙋ̀ о҆вше́ки сегωсвѣ́тномꙋ доча́сномꙋ злꙋ̀ коне́цъ чи́нитъ, а҆ сме́рть Грѣха̀ всемꙋ̀ злꙋ̀: всѣ́мъ, мо́влю, вѣ́чнымъ мꙋ́камъ пеке́лнымъ чи́нитъ поча́токъ. Сме́рти Прирожо́ной бы́ти спорѧди́лъ Гдь Бг҃ъ, а҆ сме́рти Грѣха̀ дѣѧ́тисѧ гро́зитъ, и҆ по̑ сро́ґимъ гнѣ́вꙋ свое́гω кара́нѣмъ зака́зꙋетъ[1]. Прирожо́нꙋю ра́зъ то́лкω о҆бхо́димо, а҆ сме́рть грѣхо́внꙋю ба́рзω ча́стω: кото́рою оу҆ме́рши, и҆мѧ̀ то́лкω то́е, же́смо жи́вы, на собѣ̀ но́симо, а҆ самою̀ и҆сто́тою ме́ртвы є҆́стесмо. Ѿто́ль бо̑: А҆вгꙋсти́нъ, Мно̀гїи̇, мо́витъ, найдꙋ́ютсѧ, кото́рыи̇ в҆ живы́хъ тѣ́лахъ ме́ртвыи дш҃и но́сѧтъ[2]. ѿ ґды́бысѧ комꙋ̀ присмотрѣ́ти дало́ и҆ ви́дѣти Правосла́внїи̇ Хрїстїѧ́нє: || ꙗ҆́къ мно́гшихъ тꙋ́тъ л. 11 об.
всє́й на́шей внꙋ́трь до́мꙋ сегὼ бж҃огω найдꙋ́ючойсѧ грома́дце, сею̀ Грѣха̀ сме́ртю жи́вω по́мерлыхъ на́съ, ꙗ҆́къ о҆́нꙋю оу҆ Бо̑: А҆пл҃а Па́вла простра́ннω пита́ючꙋюсѧ, жи́вω оу҆ме́рлꙋю вдовꙋ̀[3], стоѧ́ти нашо̑бы, нѣ́жли внѣ̀ це́ркви на цминтарꙋ̀ з҆ сме́рти Прирожє́нѧ погре́бены̑ лежа́ти.

Живо́тъ Смы́слωвъ што́бы бы́лъ, Бо̑: А҆пл҃ъ Па́велъ вѣ́дати да́етъ, гдѐ мо́ви̑, Ꙗ҆вле́ннаже сꙋ́ть дѣ́ла пло́тскаѧ, ꙗ҆́же сꙋ́ть, прелюбодѣѧ́нїе, блꙋ́дъ, нечистота̀, стꙋдодѣѧ́нїе, і҆дωлослꙋже́нїе, чародѣѧ́нїе, вра́жды, рве́нїѧ, за́виды, ꙗ҆́рости, разжеже́нїѧ, ра́спрѧ, со́блазны, є҆́реси, за́висти, оу҆бі́йства, пїѧ́нства, бе̑чи́нни кли́чи, и҆ подо́бнаѧ си́мъ[4]. Є҆́стъ те́ды живо̑ Смы́слω̑, ґды̀ хто̀ оу҆ме́рши Бг҃ꙋ, ґды̀, мо́влю, хто̀ ѿстꙋпи́вши Бг҃а собѣ̀ живе̑ и҆ свѣ́тꙋ, во вшелѧ́ки̑ тѣ́ла и҆ свѣ́та намѣ́тностѧ̑ и҆ пожадли́востѧ̑. Живо́тъ се́й живꙋ́тъ сн҃о́ве непокори́выи̇, ꙗ҆́къ бо̑: мо́витъ А҆пл҃ъ, на кото́рыхъ трва́етъ гнѣ́въ бо́жїй: и҆ кото́рыи̇ ца́рства нб҃ногω ѡ҆дѣ́дичити немо́гꙋтъ[5]. А҆ сме́рть циѡ́ты є҆́стъ, ґды̀ хто̀ живе́тъ Бг҃ꙋ во вшелѧ́кой свѧтобли́вости и҆ справедли́вости и҆ пра́вдѣ, и҆ става́етсѧ же́ртвою дх҃о́вною блг҃опрїѧ́ною Бг҃ви: а҆ оу҆мира́етъ собѣ̀, то

[1] Бы҃: г҃: в҃. [2] в҃ Ко̑мен. на А҆пока̑ [3] а҃. Ти̑. г҃. є҃. [4] Га̑: г҃: є҃.
[5] Кола̑: г҃. г҃:—Га̑: г҃: є҃:

є҆́стъ, тѣ́лꙋ и҆ свѣ́тꙋ[1], ста́вшисѧ є҆мꙋ слѣпы́мъ, глꙋхи́мъ, нѣмы́мъ, хро́мымъ, и҆ про҃: оу҆ста̀ ма́ючимъ, а҆ не мо́вѧчимъ,
л. 12. о҆́чи ма́ючимъ, а҆ неви́дѧчимъ: оу҆ха ‖ ма́ючимъ, а҆ неслы́шачимъ, но́здри ма́ючимъ, а҆ неѡ҆бонѧ́ючимъ, рꙋ́ки ма́ючимъ, а҆ неѡ҆сѧ́жꙋчимъ, но́ги ма́ючимъ, а҆ нехо́дѧчимъ, а҆́ле оу҆ставѣ́чне дие́мъ и҆ но́чю до Гд҃а Бг҃а своє́гѡ вола́ючимъ, Ѿврати̑ о҆́чи мои̑ неви́дѣти сꙋеты̀: Положи̑ оу҆сто́мъ мои́мъ храни́ло: Ѡ҆гради̑ оу҆ха моѧ̀ те́рнїемъ: Напра́ви стопы́ моѧ̀ по словеси̑ твоє́мꙋ[2]; Ро́вне и҆ о҆ всѣ́хъ и҆́нꙋшихъ дш҃и и҆ тѣ́ла смы́слахъ. Ꙗ҆́къ теды̀ живото́мъ Смы́слѡвъ живе́тъ то́й, хто̀ грѣхо́ви живе́тъ, а҆ оу҆мира́етъ справедли́вости: та́къ сме́ртю Цно́ты оу҆мира́етъ то́й, хто грѣхо́ви оу҆мира́етъ, а҆ живе́тъ справедли́вости: ве́длꙋгъ рече́ногѡ, Помышлѧ́йте, ме́ртвы оу҆бѡ бы́ти себѐ грѣхꙋ̀, жи́выже Бв҃и ѡ҆ х҃ѣ І҆с҃ѣ Гд҃ѣ на́шемъ[3]. И҆ за́сь, До́лжни є҆смы непло́ти, є҆́же по пло́ти жи́ти, [но дꙋ́хꙋ:] а҆́ще бо попло́ти живете́, и҆́мате оу҆мрѣ́ти: а҆́щели дꙋ́хомъ дѣѧ́нїѧ пло́тскаѧ оу҆мерщвлѧ́ете, жи́ви бꙋ́дете[4]. Сме́рть Прироже́нѧ бы́ти ре́клемъ, дш҃и ѿ тѣ́ла розлꙋче́не: сме́рть за́сь Цно́ты, дш҃и ѿ теле́сныхъ а҆фе́ктѡвъ и҆ намѣ́тностїй ѿлꙋче́не бы́ти повѣда́ю: кото́рꙋю Цно́ты сме́рть, посполи́те пло́ти оу҆мерщвле́нїемъ называ́ти звы́клисмо, ве́длꙋгъ рече́ногѡ, Оу҆мертви́те оу҆́ды ва́ша, и҆́же на́земли, блꙋ́дъ, нечистотꙋ̀, стра́сть, по́хоть злꙋ́ю, и҆ лихоима́нїе, є҆́же є҆́стъ і҆дѡлослꙋже́нїе: и҆́хъ же ра́ди грѧде́тъ гнѣ́въ Бж҃їй на сн҃ы непо-
л. 12 об. кори́выѧ[5]. З сею̀ Цно́ты смр҃тю, смр҃тъ ‖ Грѣха̀ жа́дногѡ поровна́нѧ нема́етъ, ꙗ҆́къ з҃свѣ́тлостю те́мность.

Живо́тъ Жите́йскій, є҆́стъ чл҃вка печа́лми свѣ́та сегѡ̀ ѿ все́ль ѡ҆го́рненогѡ и҆ ѡ҆панова́ногѡ. Живо҃ се́й недале́кїй є҆́стъ ѿ живота̀ Смы́слѡвъ: ѡ҆ ѡ҆бо҃ а҆бо́вѣмъ си́хъ живота́хъ о҆́вое бо҃: А҆пл҃а І҆ѡа́нна речи́сѧ мо́же҃. Все є҆́же є҆́стъ в҃ ми́рѣ, по́хоть є҆́стъ пло́тскаѧ, по́хоть о҆че́съ, и҆ го́рдость жите́йскаѧ[6].

[1] а҃. Пе҃. г҃. в҃. [2] Ѱа҃: ли҃:—Ѱа҃: рм҃:—Сира҃: г҃ ки҃.—Ѱа́лом ри҃і. [3] Ри҃: г҃: ѕ҃: [4] Та́же г҃: и҃. [5] Кола҃. г҃. г҃. [6] а҃: І҆ѡа҃: г҃: в҃.

Живо́тъ а҆бо́вѣмъ Смы́слѡвъ є҆́стъ пожадли́вость теле́снаѧ: а҆ живо́тъ Жите́йскїй, пожадли́вость є҆́стъ о҆чі́й, и҆ пыха̀ свѣ́та сегѡ̀. То́й тако́вый живо́тъ приподо́банъ є҆́стъ ѿ Х҃а Гд҃а насѣ́нїю о҆́номꙋ межѝ те́рнїе оу҆па́ломꙋ[1]. Тако́гѡ а҆бо́вѣмъ живота̀ лю́де печа́лми, бога́тствы, и҆ ро́скошами живота̀ дочасногѡ задꙋ́шени бы́вши, о҆́воцꙋ вѣ́чногѡ живота̀ приноси́ти немо́гꙋтъ. А҆ ꙗ҆́къ живо́тъ Смы́слѡвъ живꙋ́тъ Сарданапа́леве и҆ Є҆пїкꙋ́рове, роспꙋ́стникове свѣ́та сегѡ̄, и҆ теле́сникове: Та́къ живо́тъ се́й Жите́йскїй живꙋ́тъ Делїка́тове и҆ Волюптꙋа́рїѝ, коха́нкове свѣ́та сегѡ̀, и҆ роско́шникове. Семꙋ̀ живото́ви в҆ про́тивъ стано́витъсѧ сме́рть И҆зстꙋпле́нїѧ, кото́раѧ роди́ти звы́кла Бг҃омы́слники, мꙋжѝ А҆гг҃лкогѡ живота̀, ѿ всѣ́хъ сегосвѣ́тныхъ печа́лїй ѿда́леный: кото́рый в҆ ко́ждой свое́й спра́вѣ себе́ Бг҃ꙋ, а҆ Бг҃а собѣ̀ притѡ́но||го л. 13.
бы́ти хотѧ́тъ. Ѿко́ль става́етсѧ и҆́мъ, же до Бг҃асѧ зближивши, самы́хъ се́бе частѡ́кроть ѿходи́ти мꙋ́сѧтъ: з҆ Бг҃омъсѧ найдꙋ́ючи, самы́мъ собѣ̀ небыва́ютъ притѡ́ными. Ѿто́ль ѡ҆собѣ̀ це́рковъ Хв҃а в҆ Пѣ́снехъ пѣ́снїй лю́бѡ спѣва́етъ, А҆́зъ сплю̀, и҆ срⷣце моѐ бди́тъ[2]. Сплю̀, мо́витъ, ѧ҆̀, а҆́ле срⷣце моѐ не спи́тъ, чю́етъ. Та́къ оу҆мира́ли Прⷪ҇ро́кове бж҃їѝ, ґды̀ в҆ ро́маи́тыѝ виде́нїѧ приходи́ли. Вто́й сме́рти бы́лъ Бо҃: І҆ѡа́нъ А҆пⷭ҇лъ, ґды̀ стра́шное о҆́ное в҆ Па́тмѣ о҆́стровѣ, ѿкрове́нїе ви́дѣлъ[3]. Тоѝ И҆зстꙋпле́нїѧ сме́рти знамени́те сподоби́лъсѧ и҆ Бо҃: А҆пⷭ҇лъ Па́велъ, ꙗ҆́къ са́мъ ѡ҆ собѣ̀ вѣ́дати то да́етъ, гдѐ мо́витъ, Вѣ́мъ чл҃вка ѡ҆ х҃ѣ пре́де лѣ́тъ четыⷬна́десѧти, а҆́ще в҆ тѣ́лѣ невѣ́мъ, а҆́ще кро́мѣ тѣ́ла, невѣ́мъ, Бг҃ъ вѣ́сть: восхище́на бы́вша сего́ да́же до тре́тїѧгѡ нб҃се[4]: и҆ да́лей: Гдѐ мо́вѧчи ѡ҆ собѣ̀ Бо҃: се́й А҆пⷭ҇лъ, є҆слѝ в҆ тѣ́лѣ, є҆слѝ кро́мъ тѣ́ла бы́лемъ по́рванъ и҆ натре́тее и҆бо зане́сенъ, невѣ́даю: о҆́вꙋю И҆зстꙋпле́нїѧ сме́рть выража́етъ. На кото́роѝ по́мень и҆ Бо҃: Лꙋка̀ в҆ дѣѧ́нїѧхъ А҆пⷭ҇лкихъ прише́дши, Воста́въ,

---

[1] Лꙋка̀ г҃: и҃. [2] г҃. є҃. [3] А҆пока̀: г҃. а҃. [4] в҃: Ко҃: г҃: ві҃.

мо́витъ, Са́велъ ѿ земля̀, ѿверстома ѻ҆чи́ма своима нιеди́-
нагѡ видя́ше: веду́ще же є҆го за рꙋ́кꙋ въ ведо́ша въ Дама́скъ,
и҆ бѣ̀ дни̑ три̑ не видя̀, ни ꙗ҆дѐ, ни пи̑[1]. Ѿко́ль ко̑лїꙋ́ютъ
нѣ́которыи̑ же пре̑ всѣ̀ тыи̑ дни̑, сѐй Изстꙋпле́нїѧ сме́рти
Бо̑: сѐй А҆по̑лъ бы́лъ заде́ржанъ. ||
л. 13 об. Живо́тъ на коне́цъ Сла́вы, а҆ сме́рть Гее́нны въ про́тивъ
собѣ̀ стоя́тъ. Живо́тъ Сла́вы, є҆́стъ живо́тъ вѣ́чный: ѡ҆
кото́ромъ Збави́тель на́шъ І҆с Хс, Сїя, мо́витъ, є҆́стъ во́ля
посла́вшагѡ мя Ѿца̀, да̀ вся́къ видя́и Сна, и҆ вѣ́рꙋяи во́нь,
и҆́мать живо́тъ вѣ́чный[2]. Тогѡ̀ то живота̀ вѣ́чногѡ ро́-
скоши Бо̑: А҆по̑лъ Па́велъ ѡ҆пи́сꙋючи, мо́витъ, О҆́ко невидѣ, и҆
ѹ҆́хо неслы́ша, и҆ на срдце чл҃вкꙋ не взыйдо́ша, ꙗ҆́же ѹ҆гото́ва
Бгъ любя́щым є҆го́[3]. Сме́рть за́сь Гее́нны, є҆́стъ мꙋ́ка вѣ́чная:
ѡ҆ кото́рой то́йже Збави́тель на́шъ І҆с Хс, И҆ и҆дꙋ́тъ, мо́витъ,
сїи̑, [то є҆́стъ грѣ́шници] въ мꙋ́кꙋ вѣ́чнꙋю[4]. Тꙋ́ю то сме́рть
Гее́нны Бо̑: І҆ѡа́нъ А҆по̑лъ взгля́домъ сме́рти Прироже́нѧ,
кото́рая є҆́стъ сме́ртю пе́рвою, въ Ѿкрове́нїи своемъ сме́ртю
называ́етъ вто́рою, гдѐ мо́витъ, Боязли́вымъ, и҆ невѣ́рнымъ,
и҆ скве́рнымъ, и҆ ѹ҆бі́йцамъ, и҆ блꙋдникѡмъ, и҆ чародѣ́ємъ,
и҆ і҆дѡложе́рцємъ, и҆ всѣ́мъ лжи́вымъ, ча́сть и҆́мъ во є҆зерѣ̀
горя́щемъ ѡ҆гне́мъ и҆ жю́пеломъ: є҆́же є҆́стъ сме́рть вто́рая[5].

А҆ то є҆́стъ пятера́кое живота̀ лю́дскогѡ и҆ сме́рти въ
ко́ротце пре́ло́женое ѹ҆важе́не. Ѿко́ль вѣ́домо на́мъ бы́ти
Пр: Хр: нале́житъ, же пререче́ныи̑ живота̀ и҆ сме́рти ро́з-
ницы проти́внымъ нѣ́якѡ спо́собомъ до се́бе ма́ючися,
пи́лнѡ ѡ҆сторо́жное на́ше на се́бе о҆́ко мѣ́ти на́съ хотя́тъ.
Живо́тъ а҆бо́вѣмъ Прироже́ня ро́дячомꙋся чл҃вкови ле́гокъ
л. 14. є҆́стъ, а҆ || сме́рть томꙋ́жъ ѹ҆мира́ючомꙋ тя́жка: Живо́тъ
Ла́ски є҆́стъ вдя́чный, сме́рть Грѣха̀ є҆́сть смꙋ́тна: Живо́тъ
Смы́слѡвъ и҆ живо́тъ Жите́йскїй нача́съ ѹ҆тѣша́ютъ, а҆ на
ча́съ смꙋ́тятъ, а҆ сме́рть Цно́ты и҆ Изстꙋпле́нїя, на ча́съ

[1] Д. а. [2] І҆ѡа: Д. ѕ. [3] а: Ко: Д: в. [4] Мат. Д. і. [5] Д. ка.

смꙋтѧтъ, а҆ на ча́съ оу҆тѣша́ютъ: Живо́тъ Сла́вы на́вѣки весели́тъ, а҆ сме́рть Гее́нны на́вѣки мꙋчитъ. Зачи́мъ з҆ тогѡ̀ тако́вогѡ прело́женогѡ животѡ́въ и҆ сме́ртїй проти́вногѡ до се́бе оу҆важе́нѧ, чл҃вкъ до ни́хъ мѣ́тисѧ ма́етъ, ꙗ҆́комъ ре́клъ, ѡ҆сторо́жне. Живо́тъ а҆бо́вѣмъ Прироже́нѧ бл҃года́рне прїйма́ти ма́емо, ꙗ҆́къ ѿ Бг҃а на́мъ да́ный: а҆ сме́рть Прироже́нѧ ла́годне зноси́ти. ꙗ҆́къ то што̀ на́съ минꙋ́ти немо́жетъ. Живота̀ Ла́ски пожада́ти ма́емо ꙗ҆́къ дш҃езбаве́нногѡ: а҆ сме́рти Грѣха̀ выстерега́тисѧ ꙗ҆́къ дш҃егꙋ́бной. Живо́тъ Смы́слѡвъ ѡ҆хи́лѧнъ и҆ ѿбѣ́ганъ на́ми бы́ти ма́етъ, ꙗ҆́къ Бг҃ꙋ бры́дкїй, и҆ дш҃а́мъ на́шимъ шкодли́вый: сме́рть Цно́ты ма́етъ бы́ти найдо́вана и҆ го́нена, ꙗ҆́къ Бг҃ꙋ лю́блѧ и҆ дш҃а́мъ на́шимъ заве́ннаѧ. Живото́мъ Житє́йскимъ бры́дитисѧ ма́емо, ꙗ҆́къ ве́лце шкодли́вымъ, и҆ до згꙋ́бы вѣ́чной ско́рѡ и҆ бѣ́днѡ прова́дѧчимъ: а҆ сме́рти И҆зстꙋпле́нїѧ ма́емо пожада́ти ꙗ҆́къ вдѧ́чне оу҆тѣ́шной, и҆ до доскона́лости живо́тъ лю́дскїй спѣ́шнѡ || и҆ ле́гкѡ прова́дѧчей. л. 14 об.
За живото́мъ Сла́вы всею̀ дш҃ею оу҆гонѧ́тисѧ ма́емо, и҆ догонѧ́ти, ꙗ҆́къ на́вѣки невымо́вне оу҆тѣша́ючогѡ: а҆ ѿ сме́рти Гее́нны всѣ́ми дш҃и си́лами оу҆тѣка́ти, и҆ оу҆бѣга́ти ꙗ҆́къ на́вѣки ѡ҆крꙋ́тне мꙋчачей.

То та́къ в҆ ко́ротце на кшта́лтъ Контерфе́ктꙋ живо́й ст҃о́гѡ сегѡ̀ Мꙋ́жа по́стати преложи́вши, бы́ в҆ само́мъ Мꙋ́жа сегѡ̀ ст҃о́гѡ животѣ̀ дово́лной до бе́сѣды з҆ ва́ми Пр: Хр҃: мате́рїй немѣ́лъ, не бе́зъ дш҃езбаве́нногѡ пожи́ткꙋ на прело́женыхъ живота̀ и҆ сме́рти оу҆важе́нѧхъ з҆ мл҃тю ва́шею забавитисѧ мо́глбымъ: ґды̀ бы́мъ ѡ҆бое́гѡ тогѡ̀, то є҆́ст, ко́ждогѡ живота̀ ѡ҆со́бнѡ, и҆ ко́ждой сме́рти нале́жный ѡ҆коли́чности оу҆ва́жити хотѣ́лъ. А҆́ле дово́лной, ꙗ҆́комъ ре́клъ, мате́рїй живота̀ Мꙋ́жа сегѡ̀ ст҃о́гѡ мѣ́стце даючи̑, то прело́женое бе̑ ѡ҆коли́чностїй, ꙗ҆́къ Контерфе́ктъ бе̑ фа́рбъ зоставꙋ́ю.

Живота̀ и҆ сме́рти пѧтера́кое оу҆важе́не, Пр: Хр҃: пре-

Йдꙋ до живота̀ Ла́ски: тогѡ̀ че́стный се́й Мꙋ́жъ на-
бы́лъ через́ъ та́йнꙋ Кр҃ще́нїѧ в̾ ст҃о́й собо́рной А҆п҃лской Ц҃ркви:
и҆ неѿмѣ́нне бе҃ жа́дногѡ подоѝзре́нѧ доховалъ е҆гѡ̀, Бг҃ꙋ
в̾ не́мъ живꙋчѝ, а҃жъ до престабле́нїѧ своегѡ з̾ земли̇̀ на́
н҃бо. ||

л. 16 об. Живо́тъ Сла́вы, ѡ҆ кото́ромъ на́мъ ре́чъ, а҆чко́лвекъ на
о҆́номъ а҆ нб҃ном свѣтѣ зꙋпо́лне и҆ доскона́ле позна́ванъ бы-
ва́етъ: вша́кже в̾ о҆со́бахъ вѣ́рне на него заслꙋгꙋ́ючихъ, колї
ӷо́ванъ быва́етъ зна́чне и҆ з̾ побо́жной сла́вы живота̀ свѣ́та
сегѡ̀ зе́многѡ. А҆́же живо́тъ Сла́вы свѣ́та сегѡ̀, че́стенъ
Мꙋ́жꙋ семꙋ̀, сла́венъ, и҆ ст҃ъ, са́мо достоенство е҆гѡ̀ Ї҆ере́йское,
и҆ преложе́нство А҆рхїмандрі́ское, кото́рыми ѿ Бг҃а е҆́стъ по-
чте́нъ, свѣ́дчатъ. В тыхъ достоѣ́ствахъ доча́сной сла́вы,
на вѣ́чнꙋю н҃бногѡ живота̀ сла́вꙋ працови́те заслꙋгꙋ́ючи,
ꙗ҆́къ живо́тъ ѡ҆бходи́лъ, ма́лѡ ни́жей Пр: Хр҃: в̾ сме́рти е҆гѡ̀
Цно́ты послы́шите.

Тро́ѧкїй те́ды се́й похва́лный живо́тъ пере҃ о҆чи́ма
всѣ́хъ на́съ, а҆ ѡ҆собли́ве пере҃ всеви́дѧчими о҆чи́ма Бж҃ними
насе́мъ свѣтѣ свѧтобли́ве прова́дивши Ст҃ый се́й Мꙋ́жъ,
бе҃ вонтпли́вости вы́рокъ о҆бый, Справедли́вый чл҃вкъ, ӷды̀
е҆мꙋ̀ прі́йдетъ оу҆мере́ти, в̾ ѿпочинне́ню бꙋ́детъ[1]: на о҆́номъ,
гдѐ тепе́ръ е҆́стъ, нб҃номъ свѣтѣ зи́щеный на собѣ, спо́л-
неный и҆ ѡ҆почи́лый мѣ́ти го́днымъсѧ ста́лъ. В животѣ
а҆бо́вѣмъ Прироже́нѧ, че́стенъ найдꙋ́етсѧ: в̾ животѣ Ла́ски,
непоро́ченъ: в̾ животѣ Сла́вы доча́сной, и҆́ле до помѣре́нѧ
л. 17. е҆ѝ з̾ сла́вою вѣ́чною, ст҃ъ. Што все || в̾не́мъ ꙗ҆снѣ́й и҆ ѡ҆ка-
за́лѣй ви́дѣти дае́тъ сме́ртъ Цно́ты: до кото́рой нѣ́мъ
е҆мꙋ̀ в̾ ни́жшихъ нѣжъ три́цати лѣ́тахъ пришло́, и҆ И҆спо-
вѣ́дничей и҆ Мꙋчени́ческой за́цности коро́ною бы́лъ вѣнча́нъ,
И҆сповѣ́дникъ само́ю и҆сто́тою, а҆ Мꙋ́ченикъ пройзволе́нїемъ
ста́вшисѧ: ӷды̀ е҆мꙋ̀ пре҃ цѣ́лый два̀ ро́ки сро́ӷимъ а҆ ѡ҆к-

[1] Пр: Сб҃: г҃. д҃.

рꙋтнымъ темничнымъ вязенемъ мордованомꙋ, на кождый день
для̀ вѣрской правды бѣдне оумирати приходило: Вѣдомъ вамъ
Пр: Хрⷭ҇: справы той постꙋпокъ, вѣдома причина: вѣдомъ
и скꙋтокъ. Якій на ѻнъ часъ дїаволскій покꙋсы стомꙋ семꙋ
Мꙋжꙋ зносити приходило: якій тамъ лꙋкавый Бѣсъ пред
свой інстрꙋмента перед нимъ фохи строниль, то в ѡбѣтни-
цахъ на сподѣванє рыхлѣйшогѡ з темницы вызволення,
з ѻвою кондіцїєю, єсли паши поклонишъся мнѣ: то в стра-
хахъ надъ ѡчекиванє ѡкрꙋтныхъ мꙋкъ и незвычайной смерти,
гдѣвы тогѡ̀ неоучинилъ. Але твердшїй нѣжъ Дїаментовый,
на Каменн вѣры моцнѡ оутверженый фїларъ сей, все тое
якъ двигꙋвный пекеногѡ моря навалности, мꙋченическою
дꙋшею непоколѣбимѡ зносячи, срⷣцемъ исповѣдничимъ стале
ѿражалъ. Воженъ былъ пред царѣ и велможи для правды
вселской, и вызналъ єй статечне: || Былъ насмѣваный для л. 17 об.
вѣры православной, лжей, бѣчещей, шарпаній, ѿ сꙋдꙋ до сꙋдꙋ,
з тꙋрмы до тꙋрмы, пред цѣлый два роки якъ злочинца
якій поволокъ, (чогѡся всегѡ всѣхъ васъ благочестивый Хрї-
стїане кровавыми на ѻнъ часъ лзами ѿтеклый ѻчи насмот-
рѣлы: Гдыся вамъ и веселый ваши стыхъ днїй оурочистости,
жолчемъ нелитостивой звѣрскѡ на вами пред Апостаты ве-
ствлчейся оунїатской Схїсмы, в смꙋтокъ и плачъ ѡборочалы,)
правды єднакъ вселской незапрѣлъся. Все тое ѡхотне ра-
достною дꙋшею зносилъ, выле толкѡ правда з єгѡ особы
на тотъ часъ в своей повинности была зостала: якѡ за ла-
скою добротливогѡ Бга зостала. Самъ ѻный немаль оуста-
вѣчный дворочногѡ вязеня єгѡ, подземный темничный
мрокъ, легкомꙋ в вѣрѣ, любъ вѣтромъ свѣта сегѡ надꙋ-
томꙋ срцꙋ досыть былъ назреченеся Православїя: чогѡ
самогѡ на ѻнъ часъ посемъ сталой вѣры млоденцꙋ потре-
бовано. По розныхъ ѻныхъ темницахъ, и тꙋрмахъ воженомꙋ,
што за вчасность мѣстца, повѣтря, товаристка; Самы
ѿ пꙋтъ и ланцꙋховъ натертый близны тѣла сегѡ честногѡ

Йдȣ до живота̀ Ла́ски: тогѡ̀ че́стный се́й Мȣжъ набы́лъ че́резъ та́йнȣ Кр҃ще́нїѧ в ст҃о́й собо́рной А҆п҃лской Ц҃ркви: и неѿмѣ́нне бе҆ жа́дногѡ подойзре́нїѧ дохова́лъ е҆гѡ̀, Бг҃ȣ в не́мъ живȣчѝ, а҆жъ до преставле́нїѧ своегѡ з земли̇ на́ н҃бо. ||

л. 16 об. Живо́тъ Сла́вы, ѡ҆ кото́ромъ на́мъ ре́чъ, а҆чко́лвекъ на ѻ҆номъ а҆ н҃бномъ свѣ́тѣ зȣпо́лне и доскона́ле позна́ванъ бывае́тъ: вша́кже в ѻ҆со́бахъ вѣ́рне на не́го заслȣгȣючихъ, коллї ʃо́ванъ быва́етъ зна́чне и з побо́жной сла́вы живота̀ свѣ́та сегѡ̀ зе́многѡ. А҆же живо́тъ Сла́вы свѣ́та сегѡ̀, че́стенъ Мȣжȣ семȣ, сла́венъ, и ст҃ъ, са́мо достое́нство е҆гѡ̀ Їере́йское, и преложе́нство А҆рхїмандрі́йское, кото́рыми ѿ Бг҃а е҆́стъ почте́нъ, свѣ́дчатъ. В тыхъ достоѣ́ствахъ доча́сной сла́вы, на вѣ́чнȣю н҃бногѡ живота̀ сла́вȣ праци́вите заслȣгȣючи, ꙗ҆къ живо́тъ ѡ҆бходи́лъ, ма́лѡ ни́жей Пр: Хр҃: в сме́рти е҆гѡ̀ Цно́ты послы́шите.

Тро́ѧкїй те́ды се́й похва́лный живо́тъ пере̑ ѻ҆чи́ма всѣ́хъ на́съ, а҆ ѡ҆собли́ве пере̑ всеви́дѧчими ѻ҆чи́ма Бж҃ими насе́мъ свѣ́тѣ свѧтобли́ве прова́дивши Ст҃ый се́й Мȣжъ, бе҆ вонтпли́вости вы́рокъ ѻ҆бый, Справедли́вый чл҃вкъ, ʃды̀ е҆мȣ пріи́детъ оумере́тѝ, в ѿпочине́нїю бȣ́детъ[1]: на ѻ҆номъ, гдѐ тепе́ръ е҆́стъ, н҃бномъ свѣ́тѣ зи́щеный на собѣ, спо́лненыи и ѡ҆почи́лый мѣ́ти го́днымъсѧ ста́лъ. В животѣ а҆бо́вѣм Прироже́нїѧ, че́стенъ найдȣетсѧ: в животѣ Ла́ски, непоро́ченъ: в животѣ Сла́вы доча́сной, и҆ле до помѣре́нїѧ е҆и з сла́вою вѣ́чною, ст҃ъ. Што все || в не́мъ ꙗ҆снѣ́й и ѡ҆ка-

л. 17. за́лѣй ви́дѣти дае́тъ сме́рть Цно́ты: до кото́рой нѣ́мъ е҆мȣ в ни́жшихъ нѣ́жъ три́цати лѣ́тахъ пришло́, и И҆сповѣ́дничей и Мȣченическої за́цности коро́ною бы́лъ вѣнча́нъ, И҆сповѣ́дникъ само́ю и҆сто́тою, а҆ Мȣченикъ произволе́нїемъ ста́вшисѧ: ʃды̀ е҆мȣ пре̑ цѣ́лый два̀ ро́ки сро́ʃимъ а҆ ѡ҆к-

[1] Пр: Сб҃: г҃. д҃.

рꙋтнымъ темни́чнымъ вѧзе́нѣмъ мордо́ваномꙋ, на ко́ждый де́нь длѧ̀ є҆ѵ҃ской пра́вды бѣ́дне оу҆мира́ти приходи́ло: Вѣ́домъ ва́мъ Пр: Хр҃: спра́вы тоѝ по́стꙋпокъ, вѣ́дома причи́на: вѣ́домъ и҆ скꙋ́токъ. Ꙗ҆кі́и на о҆́нъ ча́съ дїа́волскїи покꙋ́сы ст҃о́мꙋ семꙋ̀ Мꙋ́жꙋ зноси́ти приходи́ло: ꙗ҆кі́и та́мъ лꙋка́вый Бѣ́съ пре̑ свои̑ і҆нстрꙋме́нта пере̑ ни́мъ фо́хи стро́илъ, то в̑ ѡ҆бѣ́тницахъ на̑ сподѣва́не рыхлѣ́йшогѡ з̑ темни́цы вызволе́нѧ, з̑ о҆́вою кондіцїею, є҆сли̑ па̑ши покло́нишъсѧ мнѣ̑: то в̑ стра́хахъ на́дъ ѡчекива́не ѡ҆крꙋ́тныхъ мꙋ́къ и҆ незвыча́йнои̑ сме́рти, где́бы тогѡ̀ неоу҆чини́лъ. А҆́ле тве́рдшїй нѣ́жъ Дїаме́нтовый, на Ка́мени вѣ́ры мо́цнѡ оу҆тве́рженый фїла́ръ се́й, все то́е ꙗ҆́къ дш҃егꙋ́бныи̑ пеке̑ногѡ мо́рѧ нава́лности, мꙋ́ченическою дш҃ею непоколѣби́мѡ зно́сѧчи, ср҃цемъ и҆сповѣ́дничимъ ста́ле ѿража́лъ. Во́женъ бы́лъ пре̑ царѣ̑ и҆ велмо́жи длѧ̀ пра̑ды є҆ѵ҃лскои̑, и҆ вы́зналъ є҆и̑ стате́чне: || Бы́лъ насмѣ́ванъ длѧ̀ л. 17 об.
вѣ́ры правосла́вной, лжен̑, бе̑че́щен̑, ша́рпа̑, ѿ сꙋ́дꙋ до сꙋ́дꙋ, з̑ тꙋ́рмы̀ до тꙋ́рмы̀, пре̑ цѣ́лыи̑ два̀ ро́ки ꙗ҆́къ злочи́ница ꙗ҆кі́й поволо́ка̑, (чогѡ́сѧ всегѡ̀ всѣ́хъ ва́съ бл҃гочести́выи̑ Хрїстїа́не крва́выми на о҆́нъ ча́съ лза́ми ѡ҆те́клыи̑ о҆́чи насмотрѣ́лы: Ґды́сѧ ва́мъ и҆ весе́лыи̑ ва́ши ст҃ы́хъ днїй оу҆рочи́тости, жо́лчемъ нелитости́вои̑ звѣ́рскѡ на̑ ва́ми пре̑ А҆поста́ты бе́ствѧчеи̑сѧ оу҆ні́тскои̑ Схі́смы, в̑ смꙋ́токъ и҆ пла́чъ ѡ҆бороча́лы,) пра́вды є҆дна́къ є҆ѵ҃лскои̑ незапрѣ́лъсѧ. Все то́е ѡ҆хо́тне ра́достною дш҃е́ю зноси́лъ, бы́ле то́лкѡ пра́вда з̑ є҆гѡ̀ о҆со́бы на то́тъ ча́съ в̑ свое́й пова̑ности была̀ зоста́ла: ꙗ҆ко̑ за ла́скою добротли́вогѡ Бг҃а зоста́ла. Са́мъ о҆́ный нема́ль оу҆ставѣ́чный дворо́чногѡ вѧзе́нѧ є҆гѡ̀, по̑зе́мный темни́чный мро́къ, ле́гкомꙋ в̑ вѣ́рѣ, лю́бъ вѣ́тромъ свѣ́та сегѡ̀ надꙋ́томꙋ ср҃цꙋ до́сыть бы́лъ назрече́несѧ Правосла́вїѧ: чогѡ̀ само́гѡ на о҆́нъ ча́съ посе́мъ ста́лои̑ вѣ́ры млоде́нцꙋ потребова́но. По ро́зныхъ о҆́ныхъ темни́цахъ, и҆ тꙋрма̑ во́женомꙋ, што̀ за вча́сность мѣ́ст҃ца, повѣ́трѧ, това́риства; Са́мы ѿ пꙋ́тъ и҆ ланцꙋхо́въ нате́ртыи̑ бли́зны тѣ́ла сегѡ́ че́стногѡ

л. 19 об. до ст҃ои̑ є҆гѡ̀ дш҃и̑, ꙗ҆́кобы до ‖ ска́рбцꙋ нѣ́ꙗкогѡ всѣ̑ І҆ноческїи̑ цно́ты былы̀ стеклы̀: кото́рыи̑ в҆ не́мъ помѣсти́тисѧ немо́гши, всѣ́мъ прине́мъ и҆ ѻ҆́колѡ не́гѡ живꙋ́чымъ на живы́й при́кладъ го́йнесѧ вилива́лы. А҆ нето́лкѡ І҆нокѡмъ самы́мъ напри́кладъ, а҆́ле ко́ждомꙋ и҆ на́вышшогѡ и҆ на́нижшогѡ Ста́нꙋ бл҃гочести́вомꙋ Хр҃тїа́нинꙋ. Бо̀ хо́ть на за́кона І҆ноческогѡ посторо́гꙋ в҆не́мъ по́йзрѣлъ хто́, Пꙋстынножи́телемъ ро́внымъ бы́ти є҆го́ ѻ҆ба́чилъ: хо́ть посполи́тымъ свѣ́тскогѡ живота̀ цно́тамъ в҆не́мъ присмотрѣва́лъсѧ, про̑кꙋючимъ є҆го́ в҆ни́хъ пере̑ всѣ́ми и҆ напобожнѣ́йшими знайдова́лъ. И҆ а҆́чъ за́зростю (кото́раѧ на ко̑дꙋю ре́чъ пожите́чнꙋю слѣ́па) тлꙋ́мленъ бы́ти звы́клъ то́й, когѡ̀ жа́днаѧ сла́ва зла́ѧ недотыка́етъ, тꙋ́тъ є҆дна́къ и҆ та́ѧ мѣ́стца мѣ́ти немо́жетъ: Са́мъ всты́дъ свѣ́тскїй и҆ наневстыдли́вшемꙋ ѡ҆жꙋ́вци ᲂу҆ста̀ затамꙋ́етъ. Посре̑ бѣ́логѡ а҆бо́вѣмъ дня̀, ꙗ҆́къ мо́вѧтъ, Мꙋ́жъ се́й ве́съ бѣ́гъ живота̀ свое́гѡ прова́дилъ. Зна́ютъ все то́е в҆не́мъ Бра́тїѧ, кото́рыи̑ з҆ни́мъ жили̑, кото́рымъ ѻ҆́нъ бы́лъ Пре̑води́телемъ: зна́ете и҆ вы̀ Правосла́вныи, кото́рїистесѧ томꙋ̀ присмотрѣ́ли, кото́рымъ ѻ҆́нъ бы́лъ Ꙋчи́телемъ: зна́етъ на коне́цъ и҆ все Ви́лно, кото́рое цно́тъ є҆гѡ̀ ты́хъ по̑но: в҆ кото́ромъ ѻ҆́нъ бы̑ по всѣ̑ лѣ́та свои̑ ме́шканцемъ· ‖

л. 20. І҆ере́йства слꙋ́жбꙋ ꙗ҆́къ ѡ҆бходи́лъ, Бг҃ꙋ то само́имꙋ (sic!) на́лѣпшей вѣ́домо, а҆ле́сѧ и҆ томꙋ̀ на́ши ѻ҆́чи ба́рзѡ до́бре присмотрѣ́лы. Приближа́ющїисѧ І҆ере́е ко Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ, мо́витъ пи́смо ст҃о́е, да̀ ѡ҆ст҃ѧ́тъсѧ: да̀ некогда̀ ѿстꙋ́питъ ѿ ни́хъ Гд҃ь[1]: Росказа́нїе се́е Бж҃ее че́стномꙋ семꙋ̀ І҆ере́ови та́къ до́бре па́мѧтно было̀, же непе́рвей на достое́нства сегѡ̀ слꙋ́жбꙋ возва́ный Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ себе́ ѿда́ти зезво́лилъ, а҆́жъ бы ѿ свѣ́тскихъ себе́ заба́въ ѻ҆вше́ки бы́лъ ѿда́лилъ. Томꙋ̀ само́мꙋ, кото́рый є҆го́ на слꙋ́жбꙋ тꙋ́ю ст҃ꙋ́ю собѣ̑ ѻ҆бра́лъ, возва́лъ, и҆

[1] И҆схо̀: г҃: д҃і.

послáлъ, абыся подóбалъ: óвой Бж҃: Апл҃а Пáвла здорóвой рáдѣ дóсыть з себé оучинилъ, мóвячогѡ, Никтóже воинствуяй обовязуетъся кýплями житéйскими[1]. Повинность Учителскую якъ чюле, якъ дбáле оустне и Скрíптами ѡтправовáлъ, нетóлкѡ вáмъ Православнымъ наýки егѡ притóмнымъ Слухачѡмъ, але и самымъ іновѣрцемъ неестъ невѣдомо. Прилежáщіи добрѣ Презвíтери, мóвитъ тóйже Бж҃: Апл҃ъ Сугубыя чéсти дà сподобляются[2]: чюлъ и знáлъ себé быти, дóбрый сéй Учитель, настрáжи Бж҃ой поставленого[3]: крáсны мѣсти на горáхъ бл҃говѣствующогѡ и проповѣдующогѡ покóй. Поносилъ гóлосъ свóй якъ трубу[4]. Трезвился вовсéмъ, бодрствовáлъ, працовáлъ чи ‖ нилъ дѣло Еѵ҃глíсты, послугу свою выполнял: проповѣдáл слово, налегáлъ, бл҃говрéменне и безврéмене, строфовáлъ, громилъ, просилъ, во вшелякой терпливости и наýцѣ[5]. Назелéных травáхъ, и на буйных пáствах, вéдлугъ слѡвъ Пррка бжогѡ[6], дóбрый сéй пáстырь словéсный óвцы Хвы пáствѣ своéй повѣреный пасл, згромажáл роспорóшеный, звирал розбѣглый: выводилъ их з людѡв ѡтступных, з зéмль еретицких и халугъ Схизмáтицких, а в водилъ зáсь до влáсной им земли, до единой стой соборной и Аплкой Црк҃ви: зевнутр которой блукáючися, ѡт волкѡв и ѡт иных кровожадливыхъ бéстій пожéрты бывши, погинути мусѣлибы. Пáслъ ихъ по горáхъ и по здрóях пáжити вѡдъ животóчныхъ Еѵ҃лскихъ. Тогѡ, што былó загинуло, шукáлъ: што было закинено, находилъ: што было полáмано, ѡбвязовалъ: што былó ѡслáблено, оумоцнялъ: а што тлустое былó и мóцное, тогѡ стерéглъ: дшу свою на конéц дóбрый сéй пáстырь за óвцы Хвы положити зáвжды былъ готóвый[7], óвый Бж҃: Апл҃а Пáвла до пáстыревъ речéный слова на оуставѣчной пáмяти мáючи, Внимáйте себѣ, и всему стáду, внéмъже

[1] в. Тим. г. в. [2] а: Тим: г. е. [3] Авва. г: в. [4] Исаі: г. кв.
[5] в. Тим. г. д. [6] Ѱал: кв: [7] Іѡа. г. і:

л. 19 об. до ст҃ой ѐгѡ̀ дш҃ѝ, ꙗ҄кобы до ‖ скáрбцꙋ нѣ́якогѡ все̑ Ї҄но-
ческі́й цнóты былы̀ стеклы̀: котóрый в̾ нéмъ помѣстѝтися
немóгши, всѣ́м̾ принéмъ ѝ ѡ҄колѡ нéгѡ живꙋ́чымъ на жи-
вы́й прѝкладъ гóйнеся бил́ьвáлы. А҆ нетóлкѡ Ї҄нокѡмъ са-
мы́мъ напрѝкладъ, а҄ле кóждомꙋ ѝ нáвышшогѡ ѝ нáниж-
шогѡ Стáнꙋ бл҃гочестѝвомꙋ Хр҃тїáнинꙋ. Бо̀ хóть на зáкона
Ї҄ноческогѡ посторóгꙋ в̾нéмъ пóйзрѣлъ хтó, Пꙋстынножѝте-
лем̾ рóвнымъ вы́ти ѐгó ѡ҆вáчнлъ: хóть посполѝтымъ свѣт-
скогѡ живота̀ цнóтамъ в̾нéмъ присмотрѣвáлъся, прокꙋю-
чимъ ѐгó в̾нѝхъ пере̑ всѣ́ми ѝ наповожнѣ́йшими знайдо-
вáлъ. И҆ а҄чъ зáзростїю (котóрая на кꙋ́дꙋю рéчъ пожитéчнꙋю
слѣ́па) тлꙋмленъ вы́ти зы́клъ тóй, когѡ̀ жáдная слáва
злáя недотыкáетъ, тꙋ́тъ ѐднáкъ ѝ тáя мѣ́стца мѣ́ти
немóжетъ: Ѳáмъ всты́дъ свѣ́тскїй ѝ нанебестыдлѝвшемꙋ
ѡ҆жꙋ́вци оу҆ста̀ затамꙋ́етъ. Посре̑ бѣ́логѡ а҆бóвѣм̾ дна̀, ꙗ҄къ
мóвят̾, Мꙋ́жъ сéй вéсь вѣ́къ живота̀ своéгѡ провáдилъ.
Знáютъ все тóе в̾нéмъ Бра́тїя, котóрыи з̾нѝмъ жилѝ, ко-
тóрымъ ѡ҄нъ бы́лъ Пре̑водѝтелем̾: знáете ѝ вы̀ Правослáв-
ныи, котóрїистеся томꙋ̀ присмотрѣ́ли, котóры̑ ѡ҄нъ бы́лъ
Ꙋ҆чѝтелемъ: знáет̾ на конéцъ ѝ все Вѝлно, котóрое цнóтъ
ѐгѡ̀ ты́хъ пол҃но: в̾ котóром̾ ѡ҄нъ бы̑ по всѣ̑ лѣ́та свои̑
мéшкапцем̾· ‖
л. 20. Ї҆ерéйства слꙋ́жбꙋ ꙗ҄къ ѡ҆бходѝлъ, Бг҃ꙋ то самóимꙋ (sic!)
нáлѣпшей вѣ́домо, а҆лéся ѝ томꙋ̀ нáши ѡ҄чи бáрзѡ дóбре
присмотрѣ́лы. Приближáющїися Ї҆ерéе ко Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ, мóвитъ
пѝсмо ст҃óе, да̀ ѡ҆ст҃áтъся: да̀ некогда̀ ѿстꙋ́питъ ѿ нѝхъ
Гд҃ь [1]: Росказáн̾е сéе Бж҃ее чéстномꙋ семꙋ̀ Ї҆ерéовн тáкъ дóбре
пáмят̾но было̀, же непéрвей на достоéнства сегѡ̀ слꙋ́жбꙋ
возвáный Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ себé ѿдáти зезвóлилъ, а҄жъ бы ѿ свѣ́т-
скихъ себé забáвъ ѡ҆вшéки бы́лъ ѿдáлилъ. Томꙋ̀ самóмꙋ, ко-
тóрый ѐгó на слꙋ́жбꙋ тꙋ́ю ст҃ꙋ́ю собѣ̑ ѡ҆брáлъ, возвáлъ, ѝ

[1] И҆схо̀: к҃: д҃і.

послáлъ, áбысѧ подóбалъ: ѻ҆́вой Бо҃: А҆п҃ла Пáвла здорóвой рáдѣ дóсыть з҆ себé ѹ҆чинúлъ, мóвѧчогѡ, Никтóже воинствꙋѧ́й ѻ҆бовѧ́зꙋетъсѧ кꙋплѧми житéйскими[1]. Повúнность Ѹ҆чи́тельскꙋю ꙗ҆́къ чю́ле, ꙗ҆́къ дбáле ѹ҆́стне и҆ Скрíптами ѿправовáлъ, нетóлкѡ вáмъ Правослáвнымъ наꙋ́ки є҆гѡ̀ притóмнымъ Слꙋхачѡмъ, а҆́ле и҆ самы́мъ і҆новѣ́рцемъ неє҆́стъ невѣ́домо. Прилежáщїѝ дóбрѣ Презвíтери, мóвитъ тóйже Бо҃: А҆п҃лъ Сꙋгꙋбыѧ чéсти дà сподоблѧ́ютсѧ[2]: чю́лъ и҆ знáлъ себé бы́ти, дóбрый сéй Ѹ҆чи́тель, настрáжи Бж҃ой постáвленого[3]: крáсны мѣ́ти на горáхъ бл҃говѣствꙋ́ючогѡ и҆ проповѣдꙋ́ючогѡ покóй. По҃носи́лъ гóлосъ свóй ꙗ҆́къ трꙋбꙋ̀[4]. Трезви́лсѧ вовсéмъ, бодрствовáлъ, працовáлъ чи ‖ ни́лъ дѣ́ло є҆ѵ҃лíсты, послꙋгꙋ свою̀ выполнѧ́лъ: проповѣда҃ слóво, налегáлъ, бл҃говрéменне и҆ безвремѣ҃не, строфовáлъ, громи́лъ, проси҃, во вшелѧ́кой терпли́вости и҆ наꙋцѣ̀[5]. Назелéны҃ травáхъ, и҆ на бꙋйны҃ пáства҃, вéдлꙋгъ слѡ́въ Прр҃ка бж҃огѡ[6], дóбрый сéй пáстырь словéсныѝ ѻ҆́вцы Хвы҃ пáствѣ своéй повѣ́реныѝ пáсл҃, з҆громажáл роспорóшеныѝ, збира҃ розбѣ́глыѝ: выводи́лъ и҆́хъ з҆ лю́дѡ ѿстꙋпны҃, з҆ зéмль є҆рети́цки҃ и҆ халꙋгъ Схїсмáтицки҃, а҆ в҆ води́лъ зáсь до влáсной и҆м зе҃лѝ, до є҆ди́ной ст҃ой собóрной и҆ А҆п҃лкой Цр҃кви: зевнꙋтр҃ котóрой блꙋкáючисѧ, ѿ волкѡ́в и҆ ѿ и҆́нши҃ крвежадли́выхъ бéстїй пожéрты бы́вши, поги́нꙋти мꙋсѣ́лыбы. Пáслъ и҆́хъ по горáхъ и҆ по здрóѧх҃ пáжити вѡ́дъ животóчныхъ Є҆ѵ҃лскихъ. Тогѡ̀, што былó заги́нꙋло, шꙋкáлъ: што былò заки́нено, находи́лъ: што былò полáмано, ѡ҆бвѧ́зовалъ: што былó ѡ҆слáблено, ѹ҆моциѧ́лъ: а҆ што тлꙋстое былó и҆ мóцное, тогѡ̀ стерéглъ: дш҃ꙋ свою̀ на конéц҃ дóбры҃ сéй пáстырь за ѻ҆́вцы Хв҃ы положи́ти зáвжды бы́лъ готóвый[7], ѻ҆́выѝ Бо҃: А҆п҃ла Пáвла до пáстыревъ речéныѝ словà наѹ҆ставѣ́чной пáмѧти мáючи, Внимáйте себѣ̀, и҆ всемꙋ̀ стáдꙋ, в҆нéмъже

л. 20 об.

[1] в҃. Тѝ. г҃. в҃. [2] а҃: Тѝ: г҃. є҃. [3] А҆вва҃. г҃: в҃. [4] И҆саі: г҃. кв. [5] в҃. Тѝ. г҃. д҃ [6] Ѱа҃: кв: [7] І҆ѡа҃. г҃. і҃:

ва́са Дх҃ъ ст҃ый поста́ви Е҆п҃копы, па́сти цр҃ковъ Гд҃а и҆ Бг҃а,
ю҆̃же притѧжа̀ кро́вїю своє́ю[1]. Ѿ бжей є҆го̀ слꙋ́жбы та́къ
л. 21. в̾ безкро́вной С: ‖ о҆̂фѣ́ры штоде́нномъ приноша́нїю, ꙗ҆̃къ и҆
в̾ є҆ѵ҃лской збаве́нной наꙋ́ки ча́стомъ пропо́вѣда́нїю жа́дный
трꙋ́дности, нѣ̑ сла́бость здоро́вѧ, нѣ̑ повѣ́тра невча́сность,
нѣ̑ на́тѧжшее зи́мно, нѣ̑ наслютѣ́йшаѧ непого́да неѿстра́-
шилы: ю҆́вшемъ, в̾ ты́хъ Бж҃ихъ слꙋ́жбахъ и҆̃мъ собѣ̑ на-
тѧ́жей чини́лъ, ты́мъ ба́рзѣй з̾ того́сѧ тѣ̑шилъ.

А҆рхїмандри́тского достоє́нства слꙋ́жбꙋ, же побо́жне,
бг҃обо́йне, два́ле и҆ осторо́жне о҆̂бходи́лъ, зна́комъ сꙋ́ть о҆̃тъ
ты́й че́стный є҆гѡ̀ Бра́тїѧ, (з̾ межи̑ кото́рыхъ и҆ себѐ не-
вылꙋча́ю,) кото́рый на ѡ҆бвыча́євъ є҆гѡ̀ оу҆кла́дность, на по-
бж҃ности прикла́дность, на живота̀ цѣломꙋ́дрїє поглѧда́ючи,
до не́гѡсѧ ѿве́сель ꙗ҆̃къ до Ѿца̀ кꙋ́пили. Зна́комъ и҆ зало́-
женый, за ла́скою Бж҃ею, и҆ спора́женый ѿ не́гѡ по ро́з-
ныхъ мѣ́стахъ и҆ мѣ́стцахъ Монасты́ри, а҆ в̾ ба́рзѡ коро́т-
комъ живота̀ и҆ дозо́рꙋ є҆гѡ̀ ча́сѣ. Бы́лъ а҆во́вѣмъ ве́съ Мꙋ́жъ
дꙋхо́венъ, прикла́дный, оу҆чи́телный, цѣломꙋ́дрый, братолю-
би́вый, снисходи́телный: в̾ наꙋча́нїю бра́тїйростро́пный, в̾
строфова́нїю ба́чный, в̾ кара́нїю оу҆ва́жный, в̾ справле́нїю со́-
вѣстномъ разсꙋ́дный: го́дный за́исте мѣ́стца сегѡ̀ ст҃о́гѡ, и҆
мѣ́ста А҆рхїмандри́тъ.

л. 21 об. Стꙋплю̀ ю҆̃жъ до оу҆смотрева́нїѧ в̾не́мъ, оу҆ва́‖жёной
И҆зстꙋпле́нїѧ сме́рти: в̾ то́й ꙗ҆̃къ ча́стый з̾ ча́стогѡ ѡ҆̂ Бг҃ꙋ
розмышлѧ́нїѧ че́стны сє́й Мꙋ́жъ быва́лъ, свѣ́доми сꙋ́тъ тогѡ̀
в̾ дꙋ́хꙋ пра́вды ты́й, кото́рымисѧ бли́жшыми по̂ тако́вый
ра́зы прине́мъ бы́ти здара́ло. Шо́лъ до це́ркви, на мо-
ли́твѣ бы́лъ: пришо́лъ з̾ цр҃кви, на моли́твꙋ ста́нꙋлъ: є҆̃лъ
лю́бъ пи҆̑лъ, седѣ́лъ, ходи҆̑лъ, стоѧ́лъ, оу҆ставѣ́чнесѧ в̾ дш҃еполе́з-
ны бг҃омы́слности оу҆тѣ́ха найдова̑лъ[2]. Стѣ́ны ме́шканїѧ є҆гѡ
запы́таный призна́лыбы, же мі́нꙋты оу҆ тогѡ̀ ст҃о́гѡ Мꙋ́жа

[1] Дѣѧ҃: к҃: к҃.   [2] Лꙋ҃: к҃: н҃і.—а҃. Со҃: г҃: в҃.—Рим: г҃: а҃в: (sic!)—Е҆фе҃: г҃: ѕ҃.

не было́, в̾ которꙋю штобыко́лвек̾ чинѣ, абы̀ любъ Бг҃ъ з
ни́мъ, любъ о҃нъ з̾ Бг҃омъ нерозмовлялъ. Весъ свой часъ
а҃лбо начитаню тра́вилъ, гдѐ Бг҃ъ з̾ни́мъ розмовлялъ: а҃лбо
на моли́твѣ, гдѐ о҃нъ з̾ Бг҃омъ розмо́вꙋ мѣлъ: невыймꙋю
з̾ тогѡ̀ и҆ забавъ е҆гѡ̀ в̾ намо́вахъ спра́въ церко́вныхъ и҆
монастырскихъ: которыи̇ поневажъ, в̾ че́сть и҆ сла́вꙋ Бж҃ꙋю
с҃ты спорѧжены, и҆ в̾ тыхъсѧ о҃нъ з̾ Бг҃омъ найдова́лъ, а҆
Бг҃ъ з̾ ни́мъ. Часто́кроть вдя́чнаѧ томꙋ ст҃о́мꙋ Мꙋжꙋ ѡ҆
Бг҃ꙋ и҆ ѡ҆ е҆гѡ̀ добродѣйствахъ медїта́цїа, в̾ о҃бою Изстꙋпле́нїа
смертъ порыва́ючи е҆го́, ꙗковы ѡ҆то́шлымъ е҆го́ ѿсе́бе чинила.
Часто́кроть потре́ба было́ и҆ногды гꙋмне́на и҆ногды и҆мено-
ва́на, и҆ногды порꙋше́на, пре҃ штобы в̾ себе́ былъ прихо-
ди́лъ. Вѣдаютъ то тыи̇ ꙗкомъ ре́клъ, ‖ которымъ пꙋбличныи̇ л. 22.
и҆ прїва́тныи̇ моли́твы з̾ ни҃ о҆бходи́ти придава́лосѧ. Вѣдаю
ѿча́сти и҆ а҃ о҆каѧнный, а҆ з̾ погꙋже́немъ своегѡ до Бж҃еи̇
слꙋжбы лѣни́вства, побо҃нымъ ст҃о́гѡ сегѡ̀ Мꙋжа по҃бигѡм
дивꙋюсѧ. Вѣрꙋйте мнѣ Возлюбле́нныи̇, А҆гглскꙋю воистиннꙋ
нѣкакꙋю чл҃вкѡм странꙋю вдѧчность, в̾ лици̇ ст҃о́гѡ сегѡ̀
Мꙋжа частѡ́кроть видѣти было́, а҆ ѡ҆собливе по безкро́внои̇
С: о҆фѣры пре҃ не́гѡ принесе́ню, и҆ по е҆ѵ҃англ҃ской наꙋки про́по-
вѣди. Далъ вы то Гд҃ь Бг҃ъ, ѕдыбы таѧ вымо́вы моеи̇
мо́цъ в̾ коро́ткихъ сло́вахъ была̀, а҆былмъ не́ю Мꙋжа сегѡ̀
ст҃гѡ цнѡтъ дѣлность хо́ть малѡ сло́вы выразити, и҆ до
вѣдомости ва́мъ Православнымъ Хрїстїа́нѡмъ, и҆ всемꙋ
свѣтꙋ пода́ти былъ мо́глъ: которой нерꙋчѝ моегѡ мѣла-
когѡ до́втѣпꙋ косноꙋрѣчивый ꙗзы́к в̾ залеце́не довоаныхъ
ставитисѧ немо́жетъ, а҃ле и҆ напросто́ршїи̇ ꙗзы́ка ѡ҆боротъ,
и҆ сло́въ встрꙋтъ в̾ ро́зꙋмѣ глꙋбо́комъ набыстрѣйшїи̇ в̾
досконалой власности поста́вити е҆ѝ, в̾ мно́гомъ нездо́лаетъ:
небошестве́нна вобѣмъ и҆ ѿ лю́скогѡ змыслꙋ нѣкакѡ вы-
натна. Сей пречѐстий (sic!), Ꙋчи́тель це́рковъ на́шꙋ Виле́н-
скꙋю в̾ побо́жности о҃воцы поча́сти зазѧ́влꙋю, до звыкло́и̇
Бл҃очести́вымъ (о҃нои̇ ст҃ои̇ первосаже́нои̇ Це́ркви ст҃ыи̇ ѡ҆бы-

л. 22 об. чай внѣй ѿновивши,) пло‖довитости, частый Єѵскихъ водъ
дожчемъ єи розогрѣваючи, зрадила, блгтію Хвою, способину, и
выдалъ оурожайну и плодовиту: такъ в Єѵлской проповѣди лю-
бовномъ слуханю, такъ в штоденногѡ набоженства ѡхотномъ
оучащаню: в ꙗлмужны гойности церкви, шпиталемъ, ни-
щымъ, оубогымъ своимъ и ѿвцымъ бежадногѡ ѡсѡбъ
бракованя. В побожномъ Празникѡвъ оурочистыхъ Гдкихъ,
Пречтой и преблгословенной прнѡ Двы Бцы, и Апскихъ
ѡбходѣ: А ѡсобливе в частомъ пречистыхъ и животво-
рящихъ тѣла и крове Хвы таинъ, по достодолжномъ
пре постъ и Сповѣди споряженюся и приготованю, при-
чащанію.

Але день вы мя рихлѣй Православный Хрїстїане оушолъ,
нѣжлибы на матерїи побожныхъ стогѡ сегѡ Мужа зависъ,
приметѡвъ, ѡбычаевъ, поступкѡвъ, ивсегѡ живота єгѡ
зншло: єслибымъ всѣ внемъ найдуючїися побожности
цноты подробну вылѣчати мѣлъ.

До третей смерти, которая єсть Прироженя, з оусмо-
треванемъ моимъ поступую, накоторой и пресявзятой
Бесѣдѣ мойй конецъ оучиню. На смерть Прироженя че-
стный сей Мужъ ꙗкъ былъ готовымъ, межи иншими овый,
л. 23. почасъ смерти ‖ єгѡ, ѿ негѡ до ѡдногѡ з Свщенноінокѡвъ,
ѡ нефрасованюся з смерти нѣштось припоманулогѡ, ре-
ченый слова вѣдати даютъ: Штося, мовитъ, маю фра-
совати, з гостины до ѿчизны ѿходячи. ѡ вѣры Блгоче-
стивогѡ срца. Приходневе, мовитъ, єстесмо наземлй, а не
ѿчичи[1]. Мешкане наше Бо: Апслъ Павелъ, найбсехъ быти
повѣдаетъ, ѿколь и Збавителя чекаемо Гда Іс Ха[2]. Вѣ-
даемо абовѣмъ, же будетли земный тѣла нашегѡ домъ
зопсованъ, ижъ маемо будоване ѿ Бга домъ нерукотво-
ренный вѣчный на нбсехъ[3]. Якся зась натую Прироженя

[1] Ψл: ли: [2] фїли: г. г.   [3] в. Ко: г. є.

смéрть готовáлъ, ѻ҆́выи̑ дрꙋгі̑и̑ подъ тóтже смéрти є҆гѡ̀ чáсъ до всеи̑ ѻ҆́колѡ нéгѡ стóмчеи̑ дꙋхóвнои̑ Брáтїи̑ вы́реченыи̑ словà ѹ҆вѣ́домлѧ́ютъ, до котóрыхъ по напомнéнїю и҆ бл҃гословéнствѣ ѿцéвскомъ, ѻ҆́ни свои̑ на ѻ҆́бразъ Распѧ́тїѧ Хр҃а Бг҃а нáшегѡ, котóрый є҆мꙋ̀ бы́лъ ѹ҆ставѣ́чне притóмный, поднéсши рéклъ, Просѣ́те брáтїе Гд҃а Бг҃а, а҆бы̀ менé даровáлъ є҆щé Цéркви. ѿ гóлоса ст҃огѡ: ѿ гóлоса пáстырскогѡ: ѿ слóвъ вѣ́чнои̑ пáмѧти гóдныхъ. Нáштожъ а҆бы̀ тебé Гд҃ь Бг҃ъ даровáлъ Цéркви, Гд҃не мóй проси́ти кáжешъ; а҆зáжъ ти свѣ́тъ сéй ми́лъ; а҆зáжъ нб҃наѧ ѿчизна нелю́ба; Ꙋ҆чи́телеве тебé цр҃кóвнїи̑, Ст҃и́тели, Прáведници, || Преподóбници, л. 23 об.
И҆сповѣ́дници, Мч҃еникове, А҆пл҃ове, Прр҃ци, Патрїáрхове, Дв҃ствéнници: а҆ в̾ кóротце рéкши, всѣ̀ ты́и̑, котóрыхъ землѧ̀ неѹ҆таи́ла, а҆ле нб҃о и҆́хъ принѧлò: перѣ̀ котóрыми ѿвори́лысѧ нб҃ногѡ Рáѧ двéри, а҆ ѻ҆ни̑ вн҃ꙋтръ є҆гѡ̀ бꙋ́дꙋчи, Дрéва животà, котóрое є҆́стъ Гд҃ь нáшъ І҆с҃ Хс҃, насаждáютсѧ, нáнебѣ тебé рáдостиѡ чекáютъ: а҆ ты̀ на сéмъ мїзéрномъ свѣ́тѣ ѡ҆ дáлшїй собѣ̀ живóтъ Гд҃а Бг҃а проси́ти Брáтїи̑ своéй кáжешъ; Чекáютъ тебé тáмже нáнбѣ А҆́гг҃ли и҆ А҆́рхáгг҃ли, Херꙋви́ми и҆ Серафи́ми, и҆ всѣ̀ и҆́ншїи̑ нб҃ныхъ вóинствъ хóры. Што бóлшее: Чекáетъ и҆ ѻ҆́наѧ нáдъ Херꙋви́мѡвъ честнѣ́йшаѧ и҆ на̑ Серафи́мѡвъ славнѣ́йшаѧ, ср҃ца твоéгѡ несы́тнаѧ ѹ҆тѣ́ха, Прест҃áѧ и҆ преблг҃ословéннаѧ пр҃нѡ дв҃а Бц҃а. Наконéцъ и҆ є҆диноро̑ны̑ є҆и̑ Сн҃ъ, Гд҃ь твóй и҆ Бг҃ъ превѣ́чный тебé вѣ́рногѡ своéгѡ слꙋги̑ з̾ прижи́тыми ѿ тéбе талáнтами чекáетъ, а҆бы́ тѧ на̑ бóлшими дóбры свои́ми преложи́лъ, и҆ до вѣ́чнои̑ рáдости своéи̑ тебé в̾ провáдилъ:[1] а҆ ты̀ ѡ҆ мáрный дочáсный, и҆ тóй в̾ плóхомъ здорóвю твоéмъ земдлéный живóтъ проси́ти кáжешъ; Кажю̀, мóвитъ, и҆ прошꙋ̀ проси́ти: и҆ сáмъ, є҆сли̑ нá то вóлѧ Бг҃а моéгѡ є҆́стъ, прошꙋ̀: а҆ле не мнѣ̀ себé прошꙋ̀. Цéркви даро-

[1] Мѧд. г҃. кє.

л. 24. вати мене прошу, а не мнѣ. Мнѣ || абовѣм жити Хс, а
умерети зыскъ.[1] З божественнымъ Аплом Павломъ
мовлю, мовачимъ, Желаніе имамъ разрѣшитися и со Хомъ
быти, многw паче лучше: а еже пребывати во плоти,
нуждн҃ѣйше есть васъ ради.[2] Прагну а далекw барзѣй
розстатися з тѣломъ, а з Хомъ Бгомъ моимъ быти,
нѣжли тут на семъ марномъ свѣтѣ жити: але для васъ,
для повѣреной мнѣ в Церкви Хвой дшезбавенной Ѳулской
услуги, живот мой пожитечнѣйшій есть. Воля еднакъ в
томъ Бга моегw нехайся полнит, немоя. w Великогw
сегw Учителя побожности годныхъ слwвъ, Нереку а заисте,
Учителю и Wче мой честный, нереку абы ты умерлъ, и не-
дозрѣлой твоей смерти wплаковати небуду: живешъ або-
вѣмъ славою честногw живота, и живой твоей науки жи-
вешъ, и поки слнце землю видѣти будетъ, жити будешъ.
Чогw абовѣмъ тобѣ лѣта детинныи позайзрѣлы, албо
што недозрѣлая смерть учнала, тое ты все Іноческогw
живота цнотами наполнилъ: который в тобѣ не мы толкw,
которыисмо притомными ихъ назорцами были, и по силѣ
нашей наслѣдовцами быти усиловали, з подивенемъ вене-
руемо: але и всѣ которыхъ знаемость тебе заходила, Пра-
л. 24 об. вославныи, и Иновѣрцы, || Wщепенцы и Апостатове: который
накшталъ wбоестороннегw острогw меча дѣйствуючую твою,
срце и всѣ внутрности, ажъ до розѣленя (sic!) дши и дха,
и до составwвъ и мозгwвъ в костехъ проражаючую Ѳулской
правды науку,[3] небомъ и землею вѣхрячой своей Апостасіи
смерть быти и погребъ wміновати мусѣли, и мусятъ: на-
слѣдницы абовѣмъ, з ласки Бжей, незбывают синове. Чогw
кождый Православный цѣлымъ срцемъ пожадати, и горячw
прагнути маетъ. Неровнw абовѣмъ помыслнѣйшіи Церкви
Хвой Wбсель Сукцессы наступатъ, гды wбридлое тое и

[1] Філип: г. а. [2] Тамже. [3] Евр: д. д.

ненáвистное Ѿщепéнцѡвъ и Апостáтѡвъ имѧ̀ зне́и выстꙋ́питъ, и внепáмѧти загрéбеное счéзнетъ. Нáто сáмо всею̀ дш҃éю своéю з пожадáнемъ поглѧдáючи ст҃ый сéй Мꙋ́жъ, áвы̀ єго́ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ даровáлъ бы́лъ єщé Цéркви, прáгнꙋлъ. ѡ҆ здари́лъ бы̀ то бы́лъ добротли́вый Гдⷭ҇ь Бг҃ъ, Ѿче нáшъ чéстный, гды́ бы тѧ̀ бы́лъ Цéркви своéй ст҃óй єщé даровáлъ: лю́бый бы̀ нáмъ твóй живóтъ бы́лъ и в нáсѣдшихъ сѣди́нахъ, ꙗ҆́къ мнóгихъ цнóтъ стѧжáтелѧ, Дѣвствен҃ника, Исповѣ́дника, Мꙋ́ченика, дѣ́ломъ и слóвомъ Ꙋчи́телѧ, покаѧ́нїю и҆стинн҃омꙋ Вели́когѡ Проповѣ́дника.

А҆́ле поневáжъ сѣди́ны, мꙋ́дрость чл҃вкꙋ: а҆ вóзрастъ ‖ стáрости, жи́тїе непорóчное:[1] ю҆́жесь презъ тóе двóе крéсꙋ вѣ́кꙋ своéгѡ дошóлъ зꙋпóлне, и҆ сѣди́нъ мꙋ́дрости, и҆ стáрости живота̀ непокалѧ́ногѡ зꙋполне дошéдши: зáшто Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ дш҃а твоѧ̀ подобáласѧ: котóрый длѧ̀ тóгѡ и поспѣши́лъсѧ, áбы́тѧ вы́велъ з посрéдкꙋ непрáвости. А҆чкóлвекъ несправедли́вый незрозꙋмѣ́вши штóбы мы́слилъ ѡ҆ тобѣ̀ Бг҃ъ, же тѧ̀ скóрѡ ѿ нáсъ поволáлъ, мóгꙋтъ погорди́ти тобóю: а҆ле зни́ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ насмѣѧ́тисѧ ѡ҆бецꙋ́етсѧ, и на безéцный оу҆пáдокъ вы́дати и҆́хъ нáвѣки.[2] Чини́ло ст҃óго сегò Мꙋ́жа на смéрть Прирожéнѧ готóвымъ и штодéнное по̀ чáсъ здорóвѧ, а҆ чáстое в чáсъ хорóбы Прѣч҃тыхъ и животворѧ́щихъ тѣ́ла и крóве Хв҃ы тáинъ причащéнїе. Была̀ є҆мꙋ̀ в оу҆́фность готóвости, и є҆ди́на є҆гѡ̀ пéрваѧ по Бг҃ꙋ оу҆тѣ́шнаѧ оу҆тѣ́чка, Прѣч҃таѧ преблг҃ословéннаѧ прн҃ѡ Дв҃а Бц҃а: А҆ пéрвымъ и наособли́вшимъ спóсобомъ в досконáлои̇ є҆гѡ̀ готóвости оу҆́фность, на котóрой о҆́нъ всею̀ дш҃éю своéю полѣгáлъ, бы́лъ є҆мꙋ̀ непорóчный о҆́ный А҆́гнецъ бж҃їй, котóрый всѣ̀ всегѡ̀ свѣ́та грѣхи̇ зглáдилъ.[3] Тáкъ приготовáный на смéрть Прирожéнѧ сéй ст҃ый Мꙋ́жъ з земли̇ нáнб҃о, ѿ людíй до Бг҃а престáвленъ є҆́стъ: гдé ю҆́жъ неоу҆чи́телскꙋю ѡ҆ на̀

л. 25.

---

[1] Пр: Сб: г҃. д҃. [2] Пр: Сб: г҃. д҃.—Ѱа҃: в҃: [3] Іѡа҃. г҃: а҃.

л. 25 об. Возлюблéнный, слꙋж‖бꙋ ѿвхóдитъ, але ходотáйскꙋю: и́ле хо-
дотáемъ до сéбе, є҆ди́нъ ѻ҆́ный Бг҃ꙋ и҆ чл҃вкѡмъ Ходотáй,
чл҃вкъ І҆с҃ Хс҃,[1] вы́чти є҆мꙋ̀ собо́ѣми С҃ты́ми даровáлъ.

Ѿ то́мъ тáкъ побóжне пожи́ломъ, и҆ тáкъ ст҃облѝве
зéшломъ Мꙋ́жꙋ, напочáткꙋ Бесѣ́ды моéй везпéчне рéклемъ,
Справедли́вый чл҃вкъ, гды̀ є҆мꙋ̀ прийдетъ ѹ҆мерéти, в Ѿпо-
чинéню бꙋ́детъ:[2] бе́зпéчне зайсте и҆ в замкнéню є҆й мо́влю,
Справедли́вый Леóнтїе, гды̀ тобѣ̀ пришло́ ѹ҆мерéти, в Ѿпо-
чинéню зостáлесь. В Ѿпочинéню покóю Бг҃а твоéгѡ, в ко-
то́ромъ, же и҆ повто́ре то рекꙋ̀, живéшъ, рꙋ́шаешъся, и҆
є҆́стесь:[3] и҆ тѣ́шишъся в нéмъ, рáдꙋешъ, весели́шъ, роско-
шꙋ́ешъ, и҆ видѣ́нїемъ є҆гó то́лкѡся насычáешъ, кóлкѡ вмѣ-
сти́ти мóжешъ. Кóлкѡ тобѣ̀ Гд҇ь Бг҃ъ твóй зезволя́етъ, и҆
ты̀ понестѝ змогáешъ, то́лкѡ знача́ткѡвъ вѣ́чногѡ ѻ҆́ногѡ
блажéнства ю҆́жъ заживáешъ. В Ѿпочинéню нб҃ныхъ ѻ҆́ныхъ,
рáдости и҆ весéлїя по́лныхъ, свѣ́тлости притóмногѡ лица̀
Бж҃огѡ ѡ҆свѣ́ченыхъ Палáцѡвъ в кото́рыхъ ты̀ сполéчне зо
всѣ́ми С҃ты́ми Хоу̑ Бг҃ꙋ прест҃óячи,[4] и҆ за нáми в моли́-
твахъ своихъ С҃ты́хъ, кото́рымъся мы̀ вѣ́рне порꙋчáемо,
памятствꙋ́ючи, на Корóнꙋ справедли́вости любóвне чекáешъ.
л. 26. На ѻ҆́ногѡ цáр‖ства Корóнꙋ, кото́рогѡ до́бръ ѻ҆́ко невидѣ́ло,
и҆ ѹ҆́хо неслы́шало, и҆ на ср҃це чл҃вчее невзышлы̀: кото́рꙋю
Ѿдáти тобѣ̀ мáетъ Гд҇ь в ѻ҆́ный дéнь, в дéнь, мо́влю,
стрáшногѡ своéгѡ сꙋ́да, справедли́вый Сꙋдїя̀[5]: а҆ нето́лкѡ
тобѣ̀ ѡ҆́дномꙋ тогды̀, але́ тогды́жъ и҆ всѣ́мъ кото́рыи
ѹ҆люби́ли прихо́дъ є҆гѡ̀. Тогды̀, гды̀ вéдлꙋгъ ѡ҆бѣ́тницы
своéй[6] превѣ́чный Сн҃ъ Бж҃їй, Гд҇ь Бг҃ъ нáшъ І҆с҃ Хс҃, зго-
товáвши тобѣ̀, и҆ всѣ́мъ, з кото́рыми є҆́стесь, С҃ты́мъ
мѣ́стце, повто́ре прийдетъ, и҆ во́зметъ и҆хъ и҆ тебé до
сéбе, а҆бы̀ гдѐ ѻ҆́нъ є҆́стъ, и҆ ты̀ бы́лъ, и҆ всѣ̀ перéдъ тобóю
и҆ по тобѣ̀ вы́браный є҆гѡ̀. Тогды̀, гды́ся непоро́чный

---

[1] а҃: Ти҃: г҃. в҃. [2] Пр: Со҃: г҃. д҃. [3] Дѣя҃: г҃: зі҃. [4] Ѱáлом пг҃.
[5] а: Ко҃: г҃: в҃.—І҆ся҃: г҃: вд҃. [6] І҆ѡа҃. г҃: ді

ѻ҃ный превыше всѣхъ небесъ мешкаючій Агнецъ Бж҃ій з
выбраными поселитъ, радити ними поступитъ, и до жро-
делъ водъ живыхъ доведетъ ихъ[1]. Тогды, гды доскона-
лость приймовати будутъ и тыи, которыи свѣдоцтвомъ
вѣры досвѣдчени бывши, неприняли ѡбѣтницы[2], ижъ
Бгъ штось лѣпшогѡ и ѡ тобѣ прейзрѣлъ, абы ѻни безъ
тебе, а ты безъ нихъ и без по тобѣ будучихъ, доконалости
своеи невзялъ. Тогды, гды перед страшнымъ нелицемѣрногѡ
Судіи трібуналомъ, в души и тѣлѣ персоналне совершенъ
чл҃вкъ станешъ: гды кождому ведлугъ егѡ учинкѡвъ ||
будетъ ѿдавано[3]: гды речено будетъ, Прийдѣте блгосло- л. 26 об.
венїи Ѻц҃а моегѡ, наслѣдуйте уготованное вамъ царство
ѿсложенїа міру[4]. Внийдѣте вѣрнїи раби в радость Гд҃а
своегѡ[5]: Живѣте живот Блгословеный, животъ вѣчный[6].
А то естъ в живыхъ животворящогѡ Дх҃а цнотахъ, кото-
рыюмъ вамъ Православныи Хрїстїане предъложити ѡбецалъ,
Гд҃на нашегѡ и Ѻц҃а живая постать.

Такъ теды высокихъ и такъ ѡказалыхъ цнотъ Мужа,
мѣвши Настоятела и Ѻц҃а, Пастыра и Учителя, Бг҃а на-
шегѡ, который егѡ намъ былъ далъ, и который егѡ ѿ
насъ взялъ благодарячи,[7] радуймося Православныи Хрї-
стїане, и тѣшмо: Умершу абовѣмъ Праведнику, мовитъ
Премудрый, возвеселятся людїе. А жесмо далшеи з нами
живой притомности егѡ, для далшегѡ духовногѡ нашегѡ
пожитку, в которомъся ѻнъ з дару Дх҃а Ст҃огѡ ѡбфитый
знайдовалъ, годными нестали жалуймо и плачмо. А гд҃а
Бг҃а все единшодушнѡ, якъ Гд҃на жатвы, просѣмо, абы ѻнъ
на жатву свою подобного ему дѣлателя послати намъ ра-
чилъ.[8] Штожъ у Бг҃а невозможно;[9] Ачколвекъ и сей
пречестный и ст҃ый Ѻц҃ъ небезплоденъ жилъ, небезчаденъ
зишолъ: ѻтѡ егѡ честныи Сн҃ове || стоятъ ѻколѡ негѡ: л. 27.

---

[1] Апока: г: з. [2] Евр: г: аі. [3] в: Ко: г: е. [4] Мат. г. кв.
[5] Тамже [6] Тамже: [7] Іо: г: а. [8] Мат: г: д: [9] Тамже: г: ді.

здаритъ Всесилный Гдь Бгъ, здаритъ невонтпливе, же вмѣстѡ Ѿца бꙋдꙋтъ Сынове. Здаржe то добротливый Гди Бже нашъ длѧ чести и хвалы имени твоегѡ стогѡ, а длѧ дꙋховной оутѣхи тескливогѡ срца з смерти честногѡ и стогѡ сегѡ Мꙋжа засмꙋченыхъ Правовѣрныхъ людій сихъ: которыхъ очи до тебе Пана своегѡ, ꙗкъ очи слꙋжнїи до рꙋкъ Панѡвъ своихъ: ꙗкъ очи слꙋжебницъ до рꙋкъ Панїй свой, ажъ ихъ оущедришъ, ажъсѧ надъ ними змилꙋешъ,[1] а по срцꙋ твоемꙋ пошлешъ имъ Наставника Пастырѧ и Оучителѧ: который бы ихъ на дшезбавенныхъ твоихъ еѵлскихъ пажитехъ злакомъ тꙋчныхъ и нѣколи невѧнꙋчихъ травъ и цвѣтѡвъ, при вдѧчныхъ вѡды живой жродлахъ, ꙗкъ словесный твои овцы пасъ,[2] справедливостем твоим оучилъ ихъ, и на вшелѧкꙋю и правдꙋ наставлѧлъ чюле, дбале, и ѡстороже: по сесь звлаща часъ: Гдысь южъ ласкавый свой Ѿцевскимъ окомъ на оутрапленый Народъ нашъ вейзрѣти рачилъ: Гды за оустанемъ силъ нашихъ твоѧ нешдолѣемаѧ сила в немощи нашей выполнилась: Гдысь през проклѧтое Ѿстꙋпство оупалꙋю Црькви нашей Рꙋской Стынию щасливе поднести зезволилъ.
л. 27 об. Теперъ з нами зоставай, теперъсѧ || з нами найдꙋй, теперъ насъ неѿстꙋпꙋй. Теперъ насъ, и всю стꙋю нашꙋ Церковъ чюлыми, дбалыми, и добрыми Пастырѧми надари, ѡбварꙋй, и ѡсмотри.[3] Срожшимъ абовѣмъ теперъ ѡкрꙋтный дꙋшъ людскихъ Пожирца быти захочетъ: хитрѣйшымъ лꙋкавый Пекелникъ напротивъ намъ в тисѧчо прехирныхъ своихъ Мѵстерїахъ ставитисѧ замыслитъ. Лечъ где ты ѡдинъ Самъ з нами зоставати бꙋдешъ, чогѡ мы без жадной вонтпливости оуфне певни, хто напротивъ намъ зможетъ;[4] Ты нашъ Застꙋпникъ, и оутѣха: Ты нашъ Пнъ и Бгъ, на которомъ мы всею дшею нашею зꙋполне полегли. Ты насъ высвободилъ з таемной злохитрыхъ Ловецъ сѣти: и ѿ

---

[1] Ѱалом ркв: [2] Ѱалом кв: [3] Їерем: г: г: [4] Рим: и: и.

при́крыхъ а҆ тѧ́жкихъ слѡ́въ понꙋ́рыхъ Насмѣ́вцѡвъ ты́ на́съ ратова́лъ. Защича́же на҃ ѡ҆боро́нцо ишъ и҆ Па́не ра́менами свои́ми Всеси́лными, а҆ мы̀ по҃ кри́лами твои́ми бе҆пе́чне оу҆фа́ти бꙋ́демо.[1] Пра́вда твоѧ̀ ст҃а́ѧ та́рчею на́съ неха́й заклада́етъ, а҆ мы́сѧ но́чногѡ и҆ на́болшогѡ стра́ха боѧ́ти небꙋ́демо. Нѣ стрѣлы̀ лѣта́ючеи̇ в҆ де́нь, нѣ спра́вы хо́дѧчеи̇ в҆ те҃ности, нѣ наѣ́здꙋ чю́вствен҃ногѡ и҆ мы́слногѡ Бѣ́са полꙋ́дневогѡ. А҆ле за твое́ю на́съ ѡ҆боро́ною, паде́т҃ по бо́кꙋ на́ше҃ лѣ́вом҃ ти́сѧча, а҆ попра́во҃ тма̀: а҆ до на҃ жа́де҃сѧ незбли́жи҃[2]. ‖ Прето́, л. 28.
же́смо в҆ тобѣ̀ надѣ́ю мѣ́ли, вы́бавилесь на҃: же́смо зна́ли и҆мѧ̀ твоѐ, защити́лесь на́съ: же́смо вола́ли до те́бе, вы́слꙋхалесь на́съ: бы́лесь з҆ на́ми в҆ оу҆ти́скꙋ, а҆́лесь на́съ з҆не́гѡ вы́рва҃, и҆ оу҆ве́лбилесь на҃, ꙗ҆́кѧ ст҃о́й твое́й во́ли подоба́ло, знамени́те.[3] До́лгост҃ю те́ды дні́й на҃ наполнѧ́ючи, ѡ҆ка́зꙋй на́м҃ збаве́не твоѐ. По҃не́сенꙋю и҆ ѿно́вленꙋю, ла́скою твое́ю ст҃о́ю оу҆ти́сненои̇ Цр҃кви на́шеи̇ Рꙋ́скои̇ Ст҃ы́ню Ѿце́вскѡ пѣ́стꙋй, хова́й, ши́рь, и҆ мно́жъ. А҆́гглѡм҃ свои́мъ ст҃ы́мъ порꙋчи̇ є҆и̇, а҆бы̀ є҆и̇ стерегли̇ на всѣ́хъ доро́гахъ є҆и̇: на рꙋка́хъ свои́хъ а҆бы̀ є҆и̇ носи́ли, бы за́сь ѡ҆ то́йже, лю́бъ томꙋ̀ подо́бный ка́мень ноги̇ свое́и̇ неѡбрази́ла.[4] Да́й є҆й по ты́хъ вы́киненыхъ з҆ неи̇ Пада́лцахъ и҆ Базїлі́скахъ бе҆пе́чне ходи́ти, а҆ потопта́ти Лва̀ и҆ Смо́ка. Тобѣ̀ а҆бо́вѣмъ само́мꙋ ѡ҆ на́съ про́мыслъ, тобѣ̀ ѡ҆ дш҃а́хъ на́шихъ є҆ди́номꙋ печалова́не. А҆ мы̀ тебе́ Бг҃а на́шего, Бг҃а в҆ Трои́ци є҆ди́ного, Ѿца̀ и҆ Сн҃а и҆ ст҃о́го Дх҃а, за́ то и҆ за всѣ̀ и҆́ншыи̇ незлѣчо́ныи̇ добрѣ́йства твои̇ сла́вити и҆ хвали́ти бꙋ́демо нн҃ѣ, и҆ за́вжды и҆ на́вѣки вѣкѡ́мъ:

А҆ми́нь.

---

[1] Ѱа́лом҃ ла҃.—Ѱа҃ ч҃.—Ѱа́лом рк҃г.—Ѱа́лом и҃в. [2] Ѱа҃: ч҃. [3] Ѱа҃: л҃:—Іоуди (?): г҃: ѕ҃. [4] Лоу҃: г҃: є҃.—Ѱа҃: ч҃.

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВАЯ ГИПОТЕЗА

о происхожденіи т. наз. Грюнвальдской пѣсни.

Д-ръ В. Щуратъ: „*Грунвальдська пісня* (Bogurodzicza dziewicza). Памятка западно-руської літератури XIV в." Жолква, 1906. Стр. 52, 8⁰.
Его-же: „*Дві статї про Грунвальдську пісню.* Відповідь проф. Брікнерови". Жолква, 1906. Стр. 32, 8⁰.

Самой интересной и замѣчательной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самой загадочной страницей древне-польской письменности является несомнѣнно знаменитая духовная пѣсня „Bogurodzica", сдѣлавшаяся со временемъ, по непостижимому влеченію или капризу народной традиціи, народно-военнымъ гимномъ поляковъ, и названная даже, послѣ одержанной ими подъ ея звуки побѣды надъ нѣмцами подъ Грюнвальдомъ 1410 г., Грюнвальдской пѣсней.

Къ какому бы времени ни относить происхожденіе этой пѣсни,—къ X-му ли вѣку и творчеству св. Войтѣха, какъ это упорно утверждаетъ народно-историческое преданіе, начиная со „Статута" 1506 г. вплоть до научныхъ разысканій первой половины XIX в.; къ XIII-му ли вѣку и молитвеннымъ пѣніямъ св. Кинги въ старо-сандецкомъ монастырѣ Кларисокъ, какъ легкомысленно гадаетъ берлинскій профессоръ-фельетонистъ А. Брикнеръ, или же, наконецъ, къ по-

ловинѣ или даже концу XIV-го вѣка, на которомъ, въ силу наличныхъ научныхъ данныхъ, остановилось большинство современныхъ изслѣдователей,—все равно она является древнѣйшимъ памятникомъ польскаго языка, первымъ и знаменательнымъ откровеніемъ національной польской письменности, блеснувшимъ неожиданно и ярко во тьмѣ сплошной монастырской латинщины поздняго средневѣковья.

Но—habent sua fata libelli... Несмотря на крайне незначительный, даже миньятюрный свой объемъ,—такъ какъ первоначальный текстъ пѣсни состоитъ всего изъ двухъ строфъ, въ общемъ изъ 11 стиховъ,—она съ давнихъ поръ и донынѣ привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и неослабный интересъ, не только въ польской, но и въ обще-славянской наукѣ. Вопросу о происхожденіи пѣсни, о времени ея составленія и объ ея авторѣ, о характерѣ и языкѣ ея, наконецъ, посвящена обширная и разнообразная литература, начиная съ замѣчаній Ласкаго и Кохановскаго, до полемики гг. Брикнера и Щурата включительно,—и, тѣмъ не менѣе, она и до сихъ поръ, подобно таинственному свитку подъ семью печатями, остается неизмѣнно, во всѣхъ отношеніяхъ, трудной и жгучей загадкой, которой не успѣлъ разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительно минувшій вѣкъ и за рѣшеніе которой съ новымъ интересомъ и усердіемъ принялась современная славянская наука.

Древнѣйшіе списки пѣсни относятся къ началу XV в., но ни одинъ изъ нихъ не даетъ даже слабаго намека на время составленія и на автора ея. Только въ 1506 г. Янъ Ласкій, помѣщая пѣсню во главѣ „Статута“, замѣчаетъ, что она была составлена „рукою и вдохновеніемъ“ св. Войтѣха, чеха-миссіонера X вѣка, принесшаго Польшѣ свѣтъ Христовой вѣры и почитаемаго поэтому просвѣтителемъ и патрономъ польскаго народа. Это авторитетное сообщеніе „Статута“ было жадно воспринято народной традиціей, нуждав-

шейся только въ указаніи какого-либо громкаго имени, къ которому можно было-бы прикрѣпить излюбленную, но безыменную пѣсню. Затѣмъ оно уже упорно повторяется въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, хотя въ достовѣрности его сомнѣвался еще Кохановскій. Такъ приняли его на вѣру и ученые филологи и историки XIX-го в., не только польскіе, но также и чешскіе и нѣмецкіе, которые тѣмъ охотнѣе ухватились за него, что въ немъ они могли найти теперь удобное объясненіе многихъ загадочныхъ явленій языка и орѳографіи пѣсни, которыя, такимъ образомъ, были причислены къ разряду старочешскихъ остатковъ или воспоминаній, вполнѣ умѣстныхъ и естественныхъ въ польскомъ твореніи автора-чеха.

Эту удобную, хотя и весьма шаткую историко-филологическую легенду о составленіи пѣсни „Bogurodzica“ св. Войтѣхомъ разрушила и устранила окончательно болѣе трезвая и строгая критика новѣйшаго времени, разбросанные замѣчанія и выводы которой, наконецъ, умѣло собралъ и свелъ воедино, словно въ яркомъ фокусѣ, упомянутый выше профессоръ Брикнеръ *). Только эти статьи Брикнера, несмотря на свою фельетонную краткость и легковѣсность, въ критической своей части показали воочію, какъ собственно слаба и шатка была эта старинная историко-литературная легенда и какъ легко было опровергнуть и разрушить ее. Стоило только отрѣшиться отъ вѣкового, тяготѣвшаго въ продолженіе четырехъ столѣтій, гипноза народно-исторической традиціи, стоило только смѣло и умѣло тронуть его ножомъ трезвой научной критики, какъ отъ старой и, казалось, стройной и прочной аксіомы не осталось и слѣда.

*) См. „*Bogurodzica*. Rozwiązanie zagadki“, въ „Bibliotece Warszawskiej“, 1901, т. 244; „*Literatura religijna w Polsce średniowiecznej*“, 1902, I, 144—178; „*Dzieje literatury polskiej w zarysie*“, 1903, I, 10.

„Стоитъ только, говоритъ г. Брикнеръ, взглянуть на построеніе стиха, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ X вѣкѣ, не видавшемъ вообще въ цѣломъ католическомъ мірѣ никакой пѣсни на народномъ языкѣ, эта пѣсня возникнуть не могла. А ужъ св. Войтѣхъ менѣе всего могъ обладать условіями, необходимыми для выполненія подобной задачи. Представитель римской Церкви, не сдающійся ни на какіе компромиссы съ окружающимъ его міромъ, ревностный латинникъ, попадающій часто въ столкновенія съ народнымъ элементомъ, этотъ чехъ не могъ и думать о польской пѣснѣ, для которой тогда и время совсѣмъ еще не настало“ *)... Эти общія критическія соображенія вполнѣ подтверждаются также анализомъ языка памятника, который никакъ не дается втиснуть не только въ тѣсныя рамки X вѣка, но даже значительно болѣе поздняго времени.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ упорной легендой о происхожденіи „Bogurodzic“-ы отъ „боговдохновенной руки“ св. Войтѣха, г. Брикнеръ, однако, въ свою очередь, предложилъ не менѣе фантастическое объясненіе ея происхожденія, подмѣнивъ только старинную легенду—новой фантазіей собственнаго производства. Свое—sit venia verbo—„открытіе“, основанное, подобно старой легендѣ, не на прочныхъ данныхъ самого текста памятника, а на произвольныхъ соображеніяхъ и сомнительныхъ „фактахъ“ внѣ его, г. Брикнеръ, тѣмъ не менѣе, предлагаетъ не въ видѣ робкой, болѣе или менѣе остроумной и вѣроятной, но все-же подлежащей сомнѣнію и спору догадки или гипотезы, а навязываетъ его какъ категорическое и окончательное разрѣшеніе вопроса. Первое его сообщеніе по этому вопросу (въ „Bibliotece Warszawskiej“ 1901 г.) даже въ самомъ заглавіи своемъ не допускаетъ никакихъ колебаній и сомнѣній: „Во-

*) „*Literatura religijna*“, I, 156.

gurodzica—rozwiązanie zagadki"! Вѣковая загадка благополучно разгадана: „мы разрѣшили ее разъ на всегда"! побѣдоносно восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ смѣлый и стремительный авторъ*).

Къ сожалѣнію, однако, эта самоувѣренная категоричность заглавія и выводовъ не находитъ никакого оправданія въ фактическомъ изложеніи предлагаемаго польскимъ ученымъ разрѣшенія загадки. Какое же это разрѣшеніе? Проф. Брикнеръ основываетъ его, главнымъ образомъ, на внутреннемъ содержаніи и смыслѣ пѣсни, которую онъ почему-то считаетъ молитвеннымъ обращеніемъ не къ Богородицѣ, какъ это съ полной очевидностью явствуетъ изъ самого текста, а къ Іисусу Христу, рядомъ съ Которымъ упоминаются Богородица и Іоаннъ Креститель только въ роли посредниковъ и ходатаевъ передъ Нимъ. Почему авторъ предпочелъ такое произвольное аллегорическое толкованіе несомнѣнному текстуальному факту, это остается его секретомъ, но оно необходимо, какъ точка отправленія, для всей его дальнѣйшей хитроумной „разгадки". Именно, подчеркивая далѣе необычное въ латино-польской обрядности троичное сочетаніе именъ Богородицы и Іоанна Крестителя, какъ посредниковъ и ходатаевъ передъ І. Христомъ, онъ объясняетъ его въ связи съ нѣкоторыми эпизодами (тоже нѣсколько легендарнаго характера) изъ біографіи жены короля Болеслава, св. Кинги, въ которыхъ встрѣчается случайно такое-же троичное сочетаніе тѣхъ-же святыхъ именъ. По словамъ древняго біографа Кинги, она, послѣ вѣнчанія съ Болеславомъ, трижды, годъ за годомъ, упросила мужа—оставить ее въ дѣвствѣ: первый годъ во имя Іисуса Христа, второй—во имя Богородицы, третій—во имя св. Іоанна Крестителя, который и вообще чудеснымъ образомъ являлся ея

*) *„Literatura religijna"*, I, 168.

посредникомъ и защитникомъ передъ мужемъ. Проводя эту случайную аналогію троичности святыхъ именъ въ біографіи св. Кинги и въ пѣснѣ „Bogurodzica“, проф. Брикнеръ считаетъ ее „неопровержимымъ доказательствомъ“ внутренней, генетической зависимости самой пѣсни отъ этихъ интимныхъ обстоятельствъ жизни благочестивой королевы-монахини. Въ этомъ утверждаетъ его еще болѣе то обстоятельство, что св. Кинга, по словамъ того-же біографа, поступивъ по смерти мужа въ монастырь Кларисокъ въ Санчѣ и проживъ тамъ 18 лѣтъ, до самой смерти (1292 г.), отличалась особеннымъ культомъ Пресвятой Дѣвы, читала ежедневно псалмы въ неизвѣстномъ нынѣ польскомъ переводѣ *) и ввела въ монастырскій обиходъ ежедневное совмѣстное пѣніе какихъ-то, тоже неизвѣстныхъ нынѣ, польскихъ гимновъ въ честь Богородицы. Проф. Брикнеръ настойчиво увѣряетъ, что въ числѣ этихъ гимновъ была и „Bogurodzica“... **) Преподнося всѣ эти, можетъ быть, остроумныя, но совершенно бездоказательныя и голословныя сближенія и предположенія, г. Брикнеръ, ничтоже сумняшеся, заключаетъ самоувѣренно и побѣдоносно: „Для обѣихъ строфъ пѣсни „Bogurodzica“ даетъ только житіе Кинги природный, неизбѣжный, не натянутый нисколько, убѣдительный комментарій. Не найдемъ его нигдѣ болѣе; только здѣсь находится ключъ къ разрѣшенію этой загадки. Мы разрѣшили ее разъ на всегда!“ ***).

) Проф. Брикнеръ тутъ-же попутно рѣшаетъ съ плеча и этотъ вопросъ, именно, высказываетъ предположеніе, что остатки этой польской псалтыри, бывшей въ рукахъ св. Кинги, сохранились въ первой, древнѣйшей части извѣстной „Флоріанской псалтыри“,—мнѣніе столь же голословное и неосновательное, какъ и прочія подобныя потуги его буйной фантазіи. („Literatura relig.“*, I, 153).

**) *„Literatura religijna“*, I, 154.

***) *„Literat. relig.“*, I, 168.—Впрочемъ, въ самое послѣднее время, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ уничтожительной критики г. Щурата,

Точно такъ-же легкомысленно и голословно разрѣшаетъ г. Брикнеръ тутъ-же и трудный вопросъ объ авторѣ пѣсни, хотя дѣлаетъ это почему-то уже все-таки не столь рѣшительно и увѣренно. Выходя изъ вполнѣ основательнаго психологическаго предположенія, что о такой интимной тайнѣ личной жизни св. Кинги, какъ сохраненіе ею дѣвства въ теченіе трехъ лѣтъ супружеской жизни, не могъ знать, кромѣ развѣ исповѣдника ея, никто изъ посторонних людей, г. Брикнеръ строитъ на этомъ обстоятельствѣ новый затѣйливый этажъ своего воздушнаго замка, именно, предполагаетъ, что авторомъ пѣсни „Bogurodzica", являющейся молитвеннымъ отраженіемъ этой личной тайны св. Кинги, былъ ея исповѣдникъ, францисканецъ Богухвалъ, составившій пѣсню въ сандецкомъ монастырѣ около 1280 г.*). Въ подтвержденіе этого новаго предположенія г. Брикнеръ опять таки не даетъ ни малѣйшихъ фактическихъ данныхъ или хотя-бы только намековъ на таковыя, ограничиваясь по своему обыкновенію одними только голословными „психологическими" догадками и соображеніями.

Какъ-же, однако, примиряется со всѣми этими историко-психологическими хитросплетеніями фельетонной фантазіи польскаго ученаго самый текстъ пѣсни, ея своеобразный и загадочный языкъ,—этотъ, въ данномъ случаѣ, единствен-

---

проф. Брикнеръ уже нѣсколько сбавилъ съ этого рѣшительнаго и самоувѣреннаго тона: въ полученной нами уже во время печатанія настоящей замѣтки I-й книжкѣ Ягичева „Архива" за 1907 г. помѣщена его оправдательно-полемическая статейка, въ которой онъ уже со скромно опущенными глазами позволяетъ называть свое „открытіе" относительно связи „Bogurodzic"-ы съ дѣвственными молитвами св. Кинги—просто „романомъ" или „романтической примѣсью", на которой онъ уже и не настаиваетъ такъ стремительно и рѣзко. („*Archiv f. slav. Philologie*", XXIX, 1, 123, 128).

*) „*Literat. relig.*", I, 168—170.

ный прочный и устойчивый матеріалъ, на которомъ одномъ только можетъ основываться и дѣйствовать научная мысль? Какъ укладывается онъ, со всѣми своими загадочными особенностями и противорѣчіями, въ извѣстную намъ, болѣе или менѣе установленную уже (хотя-бы самымъ г. Брикнеромъ), сферу древне-польскаго языка вообще, а XIII-го вѣка въ особенности? Какъ справляется съ этимъ, казалось-бы, непреодолимымъ затрудненіемъ неустрашимый г. Брикнеръ? О, какіе пустяки! Всѣ эти скучныя филологическія недоумѣнія разрѣшаются имъ очень легко и просто. Стоитъ только, какъ въ извѣстномъ анекдотѣ, въ одномъ случаѣ натянуть, въ другомъ урѣзать, и отъ всѣхъ этихъ докучныхъ затрудненій и недоумѣній остается одно только веселое воспоминаніе. Въ самомъ дѣлѣ, г. Брикнеръ именно такъ и разрѣшаетъ всѣ эти филологическія недоумѣнія. То объясняетъ ихъ латинизмами своего автора-франциcканца, то выгораживаетъ ихъ разными возможными и даже невозможными аналогіями, какъ изъ древне-польскаго, такъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ, то, наконецъ, гдѣ не хватаетъ уже ни латинизмовъ, ни аналогій, преподноситъ замысловатую теорію „перелома“—своего рода чудесный эликсиръ противъ всякихъ филологическихъ затрудненій и загадокъ. По этой теоріи допускаются рядомъ, вопреки историческому развитію языка, болѣе старыя и новыя формы, чѣмъ и объясняются всѣ тѣ фонетическія и морфологическія загадки и противорѣчія въ текстѣ пѣсни, которыхъ авторъ иначе объяснить не умѣетъ или не хочетъ; очутясь же передъ необычнымъ, не-польскимъ лексикальнымъ явленіемъ, онъ уже, вмѣсто теоріи „перелома“, ловко подсовываетъ теорію утраты, въ силу которой вдругъ оказывается, что хотя данная форма въ древне-польскомъ языкѣ и неизвѣстна совершенно, но она несомнѣнно въ немъ существовала и только со временемъ, вѣроятно въ

„эпоху перелома", была имъ почему-то утрачена*). Вообще, всѣ эти филологическія „объясненія" г. Брикнера поражаютъ своею натянутостью и безцеремонностью. Они очевидно насильно подогнаны подъ его предвзятую историко-психологическую гипотезу о составленіи пѣсни для св. Кинги Богухваломъ, и поэтому должны во что бы то ни стало, посредствомъ всевозможныхъ уловокъ, натяжекъ и урѣзокъ, втиснуть ея строптивый текстъ въ тѣсныя рамки XIII вѣка **).

Подобное „разрѣшеніе загадки", шумно провозглашенное проф. Брикнеромъ, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено, какъ въ болѣе серьезной части польской науки, такъ и въ славянской вообще, болѣе или менѣе недовѣрчиво и отрицательно. Его настойчивыя и самоувѣренныя, хотя и голословныя увѣренія и гибкія предположенія никого не удовлетворили и не убѣдили. Но они, повидимому, явились побудительнымъ толчкомъ къ новому пересмотру вопроса, къ новымъ разысканіямъ и изученіямъ загадочнаго памятника. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ этихъ злополучныхъ „открытій" и окончательныхъ „рѣшеній" проф. Брикнера появилось нѣсколько новыхъ работъ, относящихся къ пѣснѣ „Bogurodzica" ***), которыя, рѣшительно опровергая въ томъ или другомъ отношеніи его фантастическія хитро-

*) „*Literat. relig.*", I, 160—167.

**) Проф. Брикнеръ, хотя нынѣ какъ-будто и отказывается уже отъ своего фантастическаго „романа" о св. Кингѣ и Богухвалѣ, тѣмъ не менѣе, не смотря на сокрушительную критику г. Щурата, не оставившую камня на камнѣ изъ его воздушнаго историко-филологическаго замка, все еще съ прежней самоувѣренностью настаиваетъ на этой именно, „основной" части своей работы: „я доказалъ,—все еще побѣдоносно бахвалится онъ,—что пѣсня подлинно-польская и происходитъ изъ XIII-го вѣка". („*Archiv f. slav. Ph.*", XXIX, 1, 123).

***) I. Фіялка, А. Полинскаго, А. Хмѣля, К. Гека, В. Брухнальскаго и др.

сплетенія, со своей стороны, однако, не представляютъ для центральнаго вопроса о происхожденіи и языкѣ пѣсни ничего существенно новаго и интереснаго. Такимъ образомъ, старая загадка, не смотря на всѣ эти попытки ея разрѣшенія, все еще оставалась совсѣмъ неразгаданной и темной.

Но оставалась она въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, послѣ покушенія г. Брикнера, не долго. На смѣну ему скоро явился новый блуждающій рыцарь, не менѣе его жадный шума и сенсаціи, не менѣе самоувѣренный и смѣлый. Только, повидимому, нѣсколько лучше вооруженный и, можетъ быть, болѣе счастливый. Мы имѣемъ въ виду статьи галицко-русскаго ученаго, д-ра *В. Г. Щурата*, заглавіе которыхъ приведено въ началѣ этой замѣтки. Г. Щуратъ не новичокъ въ этой области. Еще 10 лѣтъ назадъ, чуть-ли не со студенческой скамьи, онъ произвелъ довольно громкій, хотя и непродолжительный шумъ своимъ сенсаціоннымъ „открытіемъ“ византійскаго подлинника „Моленія“ Даніила Заточника. Это „открытіе“, однако, оказалось на повѣрку не только сильно преувеличеннымъ и раздутымъ, но также не совсѣмъ оригинальнымъ, послѣ чего сконфуженный авторъ какъ-будто почилъ на нѣкоторое время на своихъ смятыхъ лаврахъ. Но, повидимому, онъ все-таки не дремалъ нисколько, а, напротивъ, дѣятельно готовился къ новому, еще болѣе сенсаціонному „открытію“. Нынѣ онъ, наконецъ, выступилъ съ нимъ публично, во всеоружіи обширныхъ знаній и самоувѣреннаго задора, смѣло предлагая совершенно новое и, въ противоположность первому своему выступленію, даже слишкомъ ужъ оригинальное разрѣшеніе вѣковой славянской загадки о пѣснѣ „Bogurodzica“.

„Открытіе“ г. Щурата, какъ это явствуетъ уже изъ самого заглавія первой его статьи, заключается въ томъ, что онъ считаетъ пѣсню „Bogurodzica“—*русскимъ*, въ частности—*западно-русскимъ памятникомъ конца* XIV в., сохра-

нившимся только въ нѣсколькихъ польскихъ транскрипціяхъ XV и XVI вв. и оставшимся поэтому неузнаннымъ и непризнаннымъ донынѣ.

Хотя такая рѣшительная и самоувѣренная, даже въ заглавіи, постановка вопроса сильно напоминаетъ пресловутое „rozwiązanie zagadki“ г. Брикнера и сама по себѣ ужъ не внушаетъ довѣрія, но справедливость требуетъ признать, что въ общемъ работа г. Щурата, выдержанная въ болѣе спокойномъ и серьезномъ тонѣ, оперирующая, большей частью, фактическимъ и прочнымъ, хотя, къ сожалѣнію, и одностороннимъ, научнымъ матеріаломъ, производитъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе выгодное и серьезное впечатлѣніе, чѣмъ разсмотрѣнныя выше легкомысленныя построенія проф. Брикнера. Во всякомъ случаѣ, въ ней на всемъ протяженіи, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностей и конечнаго рѣзкаго вывода, осязается болѣе или менѣе твердая и устойчивая почва фактовъ и чувствуется значительная доля несомнѣнной правды...

Въ противоположность г. Брикнеру, который, выходя изъ предвзятаго историко-психологическаго предположенія, подгоняетъ къ нему per fas et nefas всѣ свои филологическія разысканія и заключенія,—г. Щуратъ производитъ свое изложеніе болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ индуктивнымъ способомъ: прежде всего онъ подвергаетъ тщательному критическому разбору прежнія попытки рѣшенія вопроса, въ особенности же послѣднюю изъ нихъ—проф. Брикнера, сужденія и мечтанія котораго онъ тутъ-же, дѣйствительно, разбиваетъ въ пухъ и прахъ; расчистивъ себѣ, такимъ образомъ, почву изслѣдованія, онъ производитъ затѣмъ самый внимательный и подробный филологическій анализъ самого текста пѣсни и, наконецъ, только на основаніи результатовъ послѣдняго, пытается поддержать и утвердить свои выводы нѣкоторыми другими, историче-

скими и историко-литературными соображеніями и данными.

Исходной точкой своего изслѣдованія г. Щуратъ беретъ древнѣйшій и лучшій кцинскій списокъ пѣсни, сохранившійся на внутренней сторонѣ переплета латинскихъ проповѣдей Матвѣя изъ Грохова, нач. XV-го в., въ рукописи Краковской Ягеллонской библіотеки № 1619. Къ работѣ приложенъ также, въ натуральную величину, хорошій фотографическій снимокъ этого списка.

Текстъ пѣсни разбираетъ г. Щуратъ весьма подробно и внимательно, строку за строкой, слово за словомъ, доказывая настойчиво и, болѣе или менѣе, убѣдительно западнорусскія черты и особенности каждой отдѣльной формы, приводя многочисленныя документальныя данныя и аналогіи, наконецъ, ловко опровергая и устраняя нѣкоторыя иныя, древне-польскія или чешскія, объясненія и сближенія, въ первой же мѣрѣ всѣ натянутыя сужденія и объясненія своего главнаго, хотя и не самаго сильнаго супостата, г. Брикнера. Не останавливаясь здѣсь подробно на этомъ, произведенномъ г. Щуратомъ болѣе или менѣе успѣшно, филологическомъ анализѣ текста пѣсни, ни на его настойчивыхъ, но не всегда столь же удачныхъ попыткахъ подробнаго возстановленія ея западно-русскаго характера,—такъ какъ для этого пришлось бы воспроизвести полностью 14 страницъ кропотливой работы г. Щурата (и заодно ужъ также 9 дополнительныхъ страницъ изъ второй, полемической его брошюры),—мы приведемъ только, какъ окончательный, бѣловой результатъ его труда, возстановленный имъ якобы западно-русскій текстъ пѣсни въ русской же ретранскрипціи съ польско-готическаго списка:

Кцинскій текстъ:	*Текстъ Щурата:*
1. Bogvrodzicza dzewicza	1. Богуродица девица
2. bogem slawena maria	2. блг҃лавена марїѧ
3. U twego syna gospodzina	3. У твего сына господина
4. matko swolena maria	4. матко сволена марїѧ
5. Siszczi nam spwczi nam kyrieleyson.	5. С'ищи намъ споусти намъ кирїелейсонъ
6. Twego dzela krzcziczela boszicze	6. Твего делѧ кр҃тїтелѧ божиче
7. Uslisz glosi naplen misli czlowecze	7. Оуслышь гл҃сы наплън' мысли чл҃вечье
8. Slisz modlitwф уфsz nosimi	8. Слышь мл҃твѫ ѭш' носимы
9. A dacz raczi gegosz prosimi	9. А дать рачи егош' просимы
10. a na swecze zbozni pobith	10. а на свете збозны' побытъкъ
11. po sziwocze raski przebith kyrieeleyson.	11. по животе ра'ски' пребытъкъ кирїеелейсонъ

„Только свойствами западно-русской рѣчи, говоритъ г. Щуратъ, и можно объяснить вполнѣ фонетическія и морфологическія явленія Грюнвальдской пѣсни, только западно-русскимъ элементомъ—ея лексику. И можно объяснить ихъ съ такой точностью, что древнѣйшій кцинскій текстъ пѣсни приходится считать транскрипціей, точнымъ спискомъ западно-русскаго оригинала—готическими буквами". („Грунв. п." стр. 23). „Только въ свѣтѣ такой русской ретранскрипціи, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, разъясняются всѣ загадки этого текста: такія лексикальныя загадки, какъ maria, matko, swolena, siszczi, dzela, boszicze, naplen, pobith, przebith; такія морфологическія загадки, какъ Bogvrodzicza,

dzewicza, maria; такія фонетическія загадки, какъ Bogvrodzicza, swolena, spwczi, zbozni, вмѣстѣ съ отсутствіемъ польскаго смягченія; такія синтаксическія загадки, какъ bogem slawena; такія орѳографическія загадки, какъ naplen, raski, pobith, przebith и т. д." (Тамъ-же, стр. 36).

Все это было-бы, пожалуй, весьма вразумительно и складно, если-бы авторъ, прежде чѣмъ возстановлять и доказывать такимъ категорическимъ образомъ западно-русскій характеръ пѣсни, хоть сколько-нибудь уяснилъ и разрѣшилъ прежде всего тотъ общій и принципіяльный вопросъ, который въ данномъ случаѣ долженъ-бы явиться первымъ и важнѣйшимъ критеріемъ: *возможно-ли вообще допустить существованіе подобнаго народно-областного текста въ древне-русской духовной письменности* XIV-го в.? возможно-ли хоть сколько-нибудь согласовать подобное своеобразное явленіе съ наличными историко-языковыми данными того времени? если же это только единичное и небывалое исключеніе, только случайный и прихотливый прорывъ народно-областной стихіи, только исключительное, минутное торжество живой народной рѣчи надъ сплошнымъ и твердымъ верхнимъ слоемъ книжной церковно-славянщины,—то какимъ образомъ и въ какихъ условіяхъ могло это произойти такъ рано и ярко? и почему оно, словно наперекоръ исторіи и логикѣ фактовъ, проявилось именно въ самой строгой и устойчивой, въ отношеніи внѣшней формы, области, въ церковной, да еще къ тому же гимнологической письменности?

Всѣ эти предварительные, принципіальные вопросы, въ данномъ случаѣ, существенно важны и неизбѣжны, такъ что напрашиваются, при вдумчивомъ отношеніи къ смѣлой гипотезѣ г. Щурата, сами собою. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, западно-русскій текстъ г. Щурата заключаетъ въ себѣ, въ объемѣ всего 11 маленькихъ строчекъ, столько якобы на-

родно-областныхъ, діалектическихъ формъ и звуковъ, что, будь все это вѣрно, нельзя было бы не признать въ немъ поразительно чистое и яркое отраженіе живой народно-областной, даже вульгарной рѣчи. Правда, всѣ эти, кажущіеся народно-областными явленіями, формы и звуки неоднократно повторяются также въ нѣкоторыхъ другихъ, даже болѣе раннихъ, древне-русскихъ памятникахъ, но въ нихъ они встрѣчаются только по-рознь и рѣдко, такъ что они тутъ-же растворяются и теряются незамѣтно въ общей массѣ книжнаго языка. Въ данномъ же текстѣ, гдѣ онн на такомъ маленькомъ протяженіи, словно въ яркомъ фокусѣ, собраны и подчеркнуты въ связной и цѣльной совокупности, они дѣйствительно какъ-будто являются осмысленнымъ и цѣльнымъ проявленіемъ живой западно-русской рѣчи. Такъ-ли это, однако, возможно-ли, мыслимо-ли это?

Г. Щуратъ молча обходитъ, даже не затрагивая ихъ вовсе, всѣ эти щекотливые, но существенные и неизбѣжные вопросы. Обходитъ ихъ, очевидно, потому, что, въ силу неотразимыхъ фактовъ, долженъ бы отвѣтить на нихъ вполнѣ отрицательно, отъ чего и вся его стройная гипотеза сразу-же лопнула бы сама собою. Эти коварные вопросы являются, въ данномъ случаѣ, тѣмъ роковымъ волоскомъ, который иногда,—по выраженію Достоевскаго,—падая на колесо машины, ломитъ всю ее въ дребезги...

Впрочемъ, и помимо того, не всѣ сужденія и доказательства г. Щурата достаточно вразумительны и убѣдительны. Иногда ему приходится прибѣгать даже къ такимъ-же самымъ непозволительнымъ пріемамъ, за какіе онъ только-что самъ жестоко, хотя и вполнѣ справедливо, издѣвался надъ г. Брикнеромъ: онъ неоднократно пытается устранить иное неодолимое затрудненіе посредствомъ очевидно нелѣпой „аналогіи“ или просто даже какой-нибудь развязной натяжки, а въ крайнемъ случаѣ привлекаетъ на

помощь даже злополучную „руку“ предполагаемаго русскаго писца или его польскаго переписчика и т. п.

Весьма недостаточно и, повидимому, нѣсколько случайно обставленъ въ работѣ г. Щурата также объемъ древнерусскаго сравнительно-языкового матеріала, привлеченнаго имъ для провѣрки и объясненія текста пѣсни. Онъ пользуется почти исключительно только нѣкоторыми отрывочными текстами, помѣщенными, въ крайне неудовлетворительномъ видѣ, въ галицко-русской средне-учебной „Христоматіи“ пок. Огоновскаго, затѣмъ довольно ограниченными матеріалами, собранными въ двухъ раннихъ работахъ проф. Е. Ѳ. Карскаго, и, наконецъ, весьма сомнительнымъ текстомъ „Повѣсти о трехъ короляхъ-волхвахъ“, изданнымъ проф. В. Н. Перетцомъ*). Что касается послѣдняго памятника, то было-бы безспорно гораздо лучше, если-бы г. Щуратъ даже вовсе не вовлекалъ его въ кругъ своей работы, такъ какъ это, во 1-хъ, памятникъ значительно болѣе поздняго времени (конца XV или даже нач. XVI вв.), посредствомъ котораго, слѣдовательно, никакъ нельзя провѣрять или даже возстановлять языкъ XIV-го вѣка, во 2-ыхъ же, потому, что онъ, по всей видимости, представляетъ только буквальный переводъ съ неизвѣстнаго польскаго текста, отъ котораго онъ всецѣло и рабски зависимъ, такъ что для исторіи древне-русскаго, хотя-бы и западно-русскаго языка онъ вообще можетъ имѣть только самое незначительное и отдаленное значеніе.

*) Только заднимъ числомъ, прижатый къ стѣнѣ рѣзкой отповѣдью проф. Брикнера, г. Щуратъ потрудился заглянуть еще въ „Матеріалы для словаря древ.-рус. языка“ Срезневскаго, изъ которыхъ онъ уже и извлекаетъ цѣлый рядъ новыхъ примѣровъ и параллелей въ своей второй брошюрѣ („Дві статї“, стр. 20—28).

Вѣское доказательство въ пользу русскаго характера пѣсни „Bogurodzica“ усматриваетъ г. Щуратъ, кромѣ данныхъ ея языка, также въ мелодіи кцинскаго текста. Мелодія пѣсни, представляющая, по изслѣдованіямъ А. Полинскаго *), григоріанскую секвенцію-прозу, т. е. состоящая изъ ряда музыкальныхъ фразъ, съ которыми точно совпадаютъ и всѣ логическія, текстуальныя фразы, даетъ г. Щурату возможность, путемъ сравненій и сближеній съ данными древнерусскаго стихосложенія, вывести заключеніе, что она, вполнѣ согласуясь съ основными правилами и пріемами послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ точно распредѣляетъ отдѣльные стихи пѣсни, сообразно ея музыкальнымъ и логическимъ фразамъ, и, наконецъ, искусно соединяетъ обѣ строфы ея въ одно связное и стройное цѣлое.

Въ отношеніи внутренняго содержанія и смысла своего, пѣсня „Bogurodzica“, въ интерпретаціи г. Щурата, тоже представляетъ будто-бы несомнѣнныя доказательства своего восточно-русскаго, а не польско-католическаго происхожденія. Считая ее, и вполнѣ основательно, молитвеннымъ обращеніемъ къ Богородицѣ, а не къ Іисусу Христу, какъ предполагаетъ проф. Брикнеръ, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво подчеркиваетъ ея народно-военный характеръ. „Bogurodzica“, безъ сомнѣнія, была военнымъ гимномъ, что̀ признаютъ согласно, какъ многія историческія свидѣтельства, начиная съ Грюнвальдской битвы, такъ и большинство изслѣдователей пѣсни. Но г. Щуратъ, на нашъ взглядъ, все-таки нѣсколько злоупотребляетъ этимъ обстоятельствомъ, стараясь во что бы то ни стало, хотя и весьма неудачно, использовать его тоже во вящшую пользу своей общей гипотезы. Приведя цѣлый рядъ разнообразныхъ свидѣтельствъ и данныхъ въ

*) „Pieśń Bogurodzica pod względem muzycznym“, Варшава, 1903.

подтвержденіе обстоятельства, что Пресвятая Дѣва и Іоаннъ Креститель считались, какъ въ греческой обрядности вообще, такъ и на Руси въ особенности, покровителями и помощниками воиновъ и брани, г. Щуратъ на этомъ основаніи строитъ крайне произвольное и шаткое предположеніе, что троичность святыхъ именъ—Богородицы, Іисуса Христа и Іоанна Крестителя—въ военной пѣснѣ, какою была „Bogurodzica", могла возникнуть только въ области греко-русской обрядности, только на Руси. „Изъ литературнаго преданія русской церкви, увѣренно говоритъ авторъ, произошла идея Грюнвальдской пѣсни. Въ ней Марія, Іоаннъ Креститель и Іисусъ Христосъ явились съ такими свойствами, какими надѣлила ихъ русская церковь, а вслѣдъ за нею и русскій народъ. Ихъ военный характеръ придалъ и цѣлой пѣснѣ военное значеніе". („Грунв. п." стр. 50).

Отъ этихъ смѣлыхъ церковно-военныхъ экскурсій автору остается сдѣлать уже только одинъ, послѣдній шагъ—въ родственную область военно-историческаго преданія. И онъ дѣлаетъ этотъ шагъ, по своему, легко и просто, разрѣшая, такимъ образомъ, сразу же нѣсколько трудныхъ и, казалось-бы, безъотвѣтныхъ вопросовъ. Основываясь на описаніи Грюнвальдскаго сраженія въ Хроникѣ Длугоша и, главнымъ образомъ, въ т. наз. Лѣтописи Быховца, г. Щуратъ полагаетъ, что тѣми полками, которые первые выступили съ польской стороны въ бой, поя, по словамъ Длугоша, „patrium carmen Bogurodzica", были именно литовско-русскіе полки вел. кн. Витовта. Слѣдовательно, „Bogurodzica" была ихъ родной, западно-русской военной пѣсней, которую они въ этомъ бою, въ чаду блестящей побѣды, и передали своимъ польскимъ союзникамъ. Признательный же польскій народъ воспринялъ ее столь благоговѣйно и любовно, что возвелъ ее даже до степени своего священнаго народно-военнаго гимна...

Всѣ эти церковно-военныя и военно-историческія соображенія и комбинаціи г. Щурата приходится, конечно, подобно „роману“ о св. Кингѣ и Богухвалѣ проф. Брикнера, отнести къ разряду произвольныхъ и праздныхъ мудрствованій или даже просто гаданій. Странно только, что г. Щуратъ все-таки замечтался до такой непозволительной степени, что, помимо всего прочаго, упустилъ изъ виду даже элементарные законы, если можно такъ выразиться, историко-литературной динамики. Вѣдь, если подобная стихійная національзація и популяризація чужого литературнаго явленія, въ силу какихъ-нибудь особыхъ, исключительныхъ условій, и возможна вообще, то этотъ сложный процессъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ происходить такъ быстро и стремительно, словно по щучьему велѣнію, какъ это пришлось-бы допустить въ настоящемъ случаѣ: вѣдь кцинскій списокъ пѣсни почти современный Грюнвальдской битвѣ...

Если, однако, весьма страннымъ и невѣроятнымъ является уже предположеніе о томъ, чтобы цѣлый, высококультурный народъ, вслѣдствіе одной побѣды, сразу же воспринялъ съ такимъ проникновеніемъ и почетомъ чужеязычную пѣсню, не пытаясь даже сколько-нибудь примѣнить и приспособить ее къ своему собственному языку и культурному обиходу,—то еще болѣе удивительнымъ и непостижимымъ приходится признать обстоятельство, что другой народъ, передавъ эту пѣсню сосѣду, почему-то самъ вдругъ совершенно оставилъ и утратилъ ее. Пришли русскіе полки, спѣли въ бою свой прадѣдовскій гимнъ, воодушевили имъ другой народъ,—и вдругъ этотъ завѣтный, священный гимнъ, осіянный новой побѣдой, совершенно и безслѣдно вывалился и исчезъ изъ памяти цѣлаго народа, словно его здѣсь никогда и не бывало. По крайней мѣрѣ, не было замѣчено здѣсь, послѣ рокового боя, ни малѣйшихъ, ни письменныхъ, ни устныхъ слѣдовъ или хотя-бы

воспоминаній о немъ. Какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, могло случиться?

Очень просто,—отвѣчаетъ, не смущаясь нимало, г. Щуратъ. Видите-ли, пѣсня была среди западно-русскаго народа такъ общеизвѣстна и популярна, что закрѣплять ее здѣсь въ письмѣ, на бумагѣ, не было никакой надобности и никому даже въ голову не приходило. А со временемъ она дѣйствительно, какъ-то исподволь и незамѣтно, была призабыта и, наконецъ, даже совершенно утеряна. Этимъ и объясняется вполнѣ, по мнѣнію г. Щурата, совершенное отсутствіе русскихъ списковъ пѣсни. Наоборотъ,—это его доказательство a contrario,—существованіе цѣлаго ряда польскихъ списковъ свидѣтельствуетъ какъ нельзя лучше о томъ, что пѣсня была въ Польшѣ чужой и экзотичной, вслѣдствіе чего и явилась потребность письменнаго усвоенія и закрѣпленія ея—для памяти... Что-же это, однако, въ самомъ дѣлѣ? Случайный и неосторожный lapsus linguae, или неумѣстная шутка? Или, чего добраго, г. Щуратъ до такой степени уже увлеченъ и обуянъ своей общей „идеей“, что даже не замѣчаетъ болѣе всей чудовищной нелѣпости подобнаго „научнаго“ абсурда? Во всякомъ случаѣ, дальше этого, даже въ слѣпомъ увлеченіи навязчивой идеей, кажется, идти некуда!

Въ общемъ, подведя итоги нашимъ замѣчаніямъ, нельзя сказать, чтобы доказательства въ пользу западно-русскаго происхожденія пѣсни „Bogurodzica“, какія усердно и подробно проводитъ въ своей работѣ г. Щуратъ, были въ настоящемъ ихъ видѣ удовлетворительны и пріемлемы, чтобы они хоть сколько-нибудь оправдывали подобную категорическую и увѣренную постановку вопроса.

Напротивъ, подобная гипотеза представляется уже сама по себѣ совершенно неудачной и безнадежной, такъ что въ наукѣ она, по всей вѣроятности, должна быть рѣшительно забракованной и отвергнутой.

Что же остается, послѣ этого, отъ работы г. Щурата? Остается все-таки очень много. Прежде всего существенно важенъ и полезенъ его дѣльный и ѣдкій критическій разборъ, или, лучше сказать, разгромъ фантастическаго „разрѣшенія загадки“ проф. Брикнера, послѣ котораго это пресловутое „разрѣшеніе“, кажется, упраздняется изъ серьезнаго научнаго круга зрѣнія совершенно и разъ навсегда. Правда, и самъ-то г. Щуратъ, въ свою очередь, разгадку разрѣшилъ въ конечномъ выводѣ весьма произвольно и неудачно,—но онъ все-таки, по крайней мѣрѣ, въ критико-филологической части своей работы, подошелъ и придвинулся къ настоящей, подлинной правдѣ гораздо существеннѣе и ближе, чѣмъ кто-нибудь другой до него. И въ этомъ его главная заслуга, хотя онъ тутъ-же самъ легкомысленно ослабилъ и подорвалъ ея значеніе. Почуявъ смутно несомнѣнную близость этой скрытой правды, онъ, въ чаду увлеченія, сразу-же потерялъ всякое чувство осмотрительности и мѣры и ринулся, очертя голову, за созданнымъ имъ тутъ-же соблазнительнымъ, но неуловимымъ призракомъ...

А эта правда, не столь ослѣпительно-яркая и соблазнительная, какъ увлекшій автора призракъ, болѣе ограниченная и скромная, осталась, такимъ образомъ, въ тѣни и въ обидномъ пренебреженіи.

Заключаясь въ произведенномъ г. Щуратомъ сравнительно-филологическомъ разборѣ языка пѣсни, она постепенно открывается намъ все яснѣе и ярче—въ видѣ *несомнѣнной и непосредственной связи этого языка съ языковымъ достояніемъ древне-русской письменности.* И если гипотезѣ г. Щурата о западно-русскомъ происхожденіи самой пѣсни и не суждено принять въ наукѣ сколько-нибудь положительную и заслуживающую вниманія форму, то, во всякомъ случаѣ, за нимъ останется уже та выдающаяся за-

слуга, что онъ, въ данномъ случаѣ, рѣшительно повернулъ вопросъ въ ту именно сторону, отъ которой до сихъ поръ пренебрежительно отворачивались польскіе изслѣдователи съ проф. Брикнеромъ во главѣ: *въ сторону славяно-русскихъ, въ частности—западно-русскихъ вліяній и заимствованій въ древне-польскомъ языкѣ и письменности.* И, хотя пѣсня „Bogurodzica“ и послѣ „открытій“ г. Щурата все-же нисколько не можетъ быть изъята изъ польской и причислена къ западно-русской письменности, тѣмъ не менѣе всѣмъ послѣдующимъ ея изслѣдователямъ и комментаторамъ прійдется уже непремѣнно серьезно считаться съ древне-русскими элементами и вліяніями, какъ въ ней самой, такъ и въ древне-польской письменности вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—чего, къ сожалѣнію, почему-то совершенно не замѣтилъ и не коснулся г. Щуратъ,—прійдется также обратить серьезное вниманіе, кромѣ языка, на такія-же, несомнѣнно русскія, культурныя отраженія и въ характерѣ и составѣ пѣсни, напр. на самое это понятіе Bogurodzica = Богородица=θεοτόκος, или на странное соотвѣтствіе ея необычной троичности святыхъ именъ—греко-русскому представленію „Деисуса“, которыя-то понятія и явленія совершенно чужды и немыслимы въ польско-латинской, но вполнѣ свойственны и обычны въ греко-русской догматикѣ и обрядности...

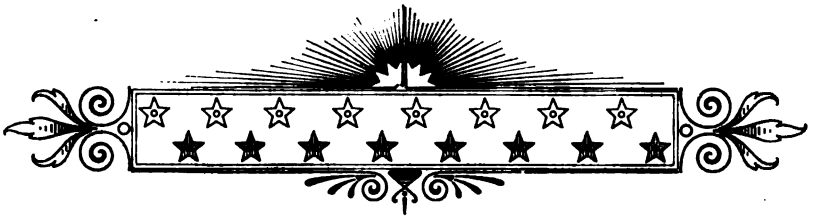
Такимъ образомъ, отъ подробнаго и внимательнаго обслѣдованія и установленія объема и устойчивости этихъ древне-русскихъ вліяній, можетъ быть, рядомъ съ подобными же вліяніями древне-чешскими, зависитъ, главнымъ образомъ, объясненіе или даже полное разрѣшеніе вѣковой загадки пѣсни „Bogurodzica“: раскрытіе и установленіе степени и характера ея прикосновенности или даже принадлежности къ польской, русской-ли, или, наконецъ, чешской письменности, или, по крайней мѣрѣ, преимущественной литературно-языковой сферѣ вліянія.

Пока-что, однако,—какъ бы рѣшительно и настойчиво ни преподносили свои „окончательныя“ разрѣшенія и разгадки самоувѣренные ученые въ родѣ гг. Брикнера и Щурата, какъ бы громко и зычно ни провозглашали они свое побѣдоносное „эурека!“,—намъ остается, въ концѣ концовъ, все-таки только грустное и безнадежное заключеніе, что вѣковой вопросъ о происхожденіи и характерѣ пѣсни „Bogurodzica“ по прежнему представляется все тѣмъ-же самымъ, нераскрытымъ и неразгаданнымъ, таинственнымъ и сложнымъ свиткомъ подъ семью печатями...

Ю. Яворскій.

Отдѣлъ V.

Замѣтки и извѣстія.



Изъ исторіи подложныхъ документовъ.

1) Грамота Галичскаго князя Льва.

Дошедшія до насъ грамоты съ именемъ этого князя признаются согласно почти всѣми историками подложными; мы не будемъ перечислять этихъ грамотъ и излагать литературу по вопросу объ ихъ подложности, такъ какъ это сдѣлано уже проф. И. А. Линниченкомъ въ своихъ работахъ [1]), но имѣемъ въ виду обратить вниманіе на его мнѣніе, что нѣкоторыя изъ грамотъ могутъ быть признаны подлинными и что основанія, по которымъ другія грамоты считаются подложными, слабы, недостаточно обоснованы, а иногда и мотивы подлоговъ совершенно гадательны; между тѣмъ многіе изслѣдователи спѣшатъ рѣшительно высказываться противъ ихъ подлинности. Разсматривая спорныя грамоты и задаваясь вопросомъ о степени ихъ достовѣрности, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ грамоты князя Льва, во 1-хъ, предъявляются несомнѣнно древними родами и учрежденіями и, во 2-хъ, что они представляются

[1]) Изъ такихъ работъ назовемъ: „Грамоты Галичскаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историчныхъ источниковъ". Спб. 1904 (оттискъ изъ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Император. Академіи Наукъ", 1904 г., т. IX, кн. I, стр. 80—102).

въ такую пору и при такихъ условіяхъ, когда эти роды, если бы они были даже и безправными владѣльцами, могли легко обойтись и безъ всякихъ грамотъ; поэтому, на основаніи существующихъ редакцій ихъ, нѣсколько преждевременно совершенно отрицать ихъ подлинность; если же принять во вниманіе, что до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи и развитіи частнаго землевладѣнія въ Галичской и Юго-западной Руси, вызвавшемъ появленіе на свѣтъ опорочиваемыхъ грамотъ, остается неизслѣдованнымъ должнымъ образомъ, не считая сочиненій, лишь отчасти затрогивающихъ этотъ вопросъ, то признаніе подложности грамотъ кн. Льва покажется еще болѣе спѣшнымъ; быть можетъ, со временемъ, во многихъ, если не во всѣхъ, случаяхъ, окажется, что въ основѣ лежитъ дѣйствительный фактъ выдачи грамоты, что, съ утратой подлинныхъ грамотъ, вслѣдствіе разнаго рода несчастныхъ обстоятельствъ (пожаровъ, татарскихъ разореній и проч.), владѣльцы ихъ прибѣгали къ возстановленію по памяти утраченнаго подлинника, что на этой почвѣ возстановленія и происходило искаженіе грамотъ, доходившее до введенія или уничтоженія въ нихъ такихъ частей, которыя въ то или другое время были излишни или недоставали (напр. грамота князя Романа Галичскаго Кіево-Печерской лаврѣ, князя Любарта Гедиминовича Луцкой епископской каѳедрѣ и друг.). Примѣромъ искаженія грамоты князя Льва, въ основѣ своей быть можетъ дѣйствительныхъ, служитъ, между прочими, грамота его старому дворянскому роду Кульчицкихъ, приведенная въ работахъ проф. Линниченка [1]) и Грушевскаго [2]). У послѣдняго она приводится не только въ своей основной первоначальной формѣ, но и съ позднѣйшими приращеніями, съ какими была внесена въ Перемышльскія актовыя книги конца XVII в. Проф. Грушевскій относитъ внесеніе грамоты въ Пере-

[1]) Черты изъ истор. сословій въ Юго-Запад. Руси, стр. 57.

[2]) „Чи маемо автентичні грамоты кн. Льва?“ въ Зап. Наук. Товар. імени Шевченка, т. XLV.

мышльскія книги къ 1696 г. на основаніи частной копіи, сдѣланной г. Т. Реваковичемъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, но самыми актовыми книгами г. Грушевскій не пользовался, по всей вѣроятности, не найдя въ нихъ грамоты подъ указаннымъ годомъ вслѣдствіе ошибочности даты ея въ копіи г. Реваковича. Случайно эту грамоту мы встрѣтили въ Кіевскихъ замковыхъ актовыхъ книгахъ 1790 года, куда была внесена выпись грамоты князя Льва изъ Перемышльскихъ актовыхъ книгъ, но не 1696 г., а 1660 г., и притомъ съ припиской 1366 г. о какой-то провѣркѣ грамоты королевскимъ судомъ, но о припискѣ этой проф. Грушевскій не упоминаетъ. Предполагая, что такая приписка въ болѣе исправномъ видѣ быть можетъ сохранилась въ Перемышльскихъ книгахъ 1660 года и что указываемая нами точность даты внесенія туда грамоты князя Льва даетъ возможность провѣрить приписку 1366 г., мы и приводимъ ниже запись грамоты въ Перемышльскія книги со всею точностью, съ какой она имѣется въ Кіевской замковой книгѣ 1790 г., хранящейся въ Центральномъ Архивѣ Университета св. Владиміра, приводимъ ее въ надеждѣ, что будущему изслѣдователю исторіи частнаго землевладѣнія и въ особенности грамотъ князя Льва эта приписка можетъ пригодиться и дать не лишенный значенія фактъ для рѣшительнаго признанія грамоты подлинной или подложной.

Roku tysiąc siedemset dziewięćdziesiątego, miesiąca nowembris dziewiętego dnia.

Na urzędzie grodz., w miescie J. K. M. Żyt., przede mną, Kaietanem Trzeciakem, regentem przysiąg. grod., genell. w-twa Kijow., y xięgami ninieyszemi grod. Kijow., osobiscie stawaiący ur. Jan Kulczycki te kopię z extraktu originalnego z upisaniem w nim przywileju od j. o. x. Leona, ziemi Ruskiey dziedzica, ur. Kulczyckim na dobra wies Kulczyc łaskawie danego, na papierze Jego Cezarskiey Mosci napisaną, z przyszytem arkuszem papieru srebrnogroszowego, polskiego, do akt grod. Kijow. w oblatą podał w ten sposob:

Kopia przywileju panow Kulczyckich z extractu originalnego.

Actum Praemisliense, in judicio terrestre Praemislien. et districtu Praemisliensi, vigore confederationis in conventu..... nensi palatinatus Russiae proximi expedite, ordinatio, feria quinta pridie festi Exaltationis sanctae Crucis, anno Domini millesimo sexcentesimo sexagasimo.

Ad judicium praesens castr. terrae Praemislien. actaque judicii ejusdem, veniens personaliter, nobilis Michal Kulczycki-Zankowicz obtulit eidem judicio et ad acticandum porrexit literas pergamineas, ruthaenico stillo scriptas vetustatis et sigillo appensas, seu donationem villa Kulczyce, per seraenissimo olim ducem Leonem benignite datas, servientes, cujus affectationi et juri communi Regni judicium praesens annuendo, h as literas a se offerenti suscepit et actis connotavit, ... quarum literarum rutenicarum tenoris talis:

Ja, u Boze, Lew, kniaz y pan Ruskoy zemli, dalem seło Kulczycy słuzi swoiemu Melentomu Turkiewiczowy w Samborskoy oblasty, iakosmy samy derzaly, z chłopami, sytnikamy y zo wsima pozytkami, polamy, sinozatiami, pastwiskamy. lisamy, dubrowamy, bortamy y sitiu (sic!) y z uroczyskamy, do Kulczyc nalezaczemy: Kobyla y Boleniz, horod, sad y rudel miezy mezamy ohraniczonymy Babinskoho, Komelskoho, Ozminskoho, Stupnickoho, Ubornickoho y Samborskoy; kto by naszy łysty mal zlamaty budu maty z nym sud pred Bohom; a na herb daju Sasa. Pysalosia w lito od Rozdestwa Chrystowa perszoy tysiaczy dwochsot osmdesiatoho czetwertoho.

Post cujus privilegii ruthenice ingrossationem, originale eidem offerenti per judicium praesens extraditum est.

U tey kopii privilegii z extractu originalnego korrecta, pieczęc y zaswiadczenie takowe: Correxi Nowosinski (L. S.).

Productum coram judicio sacrae magestatis circa visitationem laure(?) inter officiales communitatis Samboriensis et com-

munitatos inter villaram(que) eo nomine atque camerarium Kulczyce nec non alios incomparatis ne expressas.

Feria quarta, in crastino festi sanctae Agnetis virginis et martyris, anno Domini millesimo trecentesimo sexagesimo sexto. Adamus Brzezowski.

Ktora to kopia, slowo w slowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych grod. Kijow. iest zapîsana.

Книга Кіев. Централ. Архива № 122, л. 188 об., актъ 192-й.

2) Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Земскій подсудокъ Лубенскаго повѣта Ѳедоръ Булюбащъ 20 августа 1780 года подалъ въ Малороссійскую коллегію „доношеніе“ о томъ, что въ эту коллегію представленъ „Коммиссіей генеральной описи“, бывшей въ Лубенскомъ полку, одинъ подложный универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, вмѣстѣ съ другими документами и крѣпостными актами, которыми Кіевскій Пустынно-Никольскій монастырь доказывалъ въ упомянутой коммиссіи свои права на земли; въ этомъ универсалѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „трактуется о Чигринѣ“, приписано „Дуброва“. Чигринъ же и Чигринъ-Дуброва—двѣ различныя мѣстности; одинъ изъ нихъ лежитъ на правомъ, а другой—на лѣвомъ берегу Днѣпра; первый принадлежитъ Польшѣ, а второй—Россіи. Теперь же (въ 1780 г.), въ силу указа Правительствующаго Сената, Малороссійской коллегіей назначены особые „коммиссіонеры“ для передачи Пустынно-Никольскому монастырю всѣхъ земель, значащихся въ его документахъ и простирающихся на 70 верстъ въ длину; эти земли, извѣстныя подъ именемъ Климятицкихъ, заселены на всемъ указанномъ пространствѣ, и въ ихъ предѣлы входятъ также земли, принадлежавшія отцу „доносителя“ Демьяну Булюбашу, полковому Лубенскому судьѣ; „фалшивый“ универсалъ служитъ доказательствомъ незаконности владѣнія, „искательства“, монастыря, по мнѣнію „доносителя“, а по-

тому онъ проситъ коллегію выдать ему, конечно, для предъявленія иска къ монастырю, копію „фалшиваго“ универсала, съ означеніемъ всѣхъ поправокъ. Коллегія постановила выдать Ѳедору Булюбашу такую копію.

Приводимъ этотъ оспариваемый универсалъ, съ замѣчаніями коллегіи на поляхъ.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ, зъ войскомъ его кор. мл. Запорожскимъ.

Ознаймуемъ тымъ писаннемъ нашымъ кому ведаты надлежитъ, меновыте, сотникови и атаманови и всѣмъ обывателямъ *Чигринъ-Дубровскимъ* мѣста *Чигринъ-Дуброви* и селъ до него належачихъ: поневажъ маетности до монастыра с-того Николи-Пустиннаго Кіевского зъ давнихъ лѣтъ отъ побожныхъ ктиторовъ, пановъ и христіанъ благочестивыхъ наданые и мѣстцу с-тому оффѣрованые, а от королев ствержены привилѣями и потомъ черезъ пановъ отнятые и отъ мѣстца с-того отдаленые, о чемъ декреты судовые, въ книгахъ земскихъ и гродскихъ и трибуналскихъ переведеніе и до экзекуціи и интромѣсіи приведеные сведчатъ; для чого мѣстце святое през часъ немалый много шкодъ поносило; а теперь, видячи мы, же тые маетности, декретами присуженые, помененому монастыреви належатъ ведлугъ привилеовъ давныхъ; теды, яко иншои шляхты добра свое волно обыматы, такъ и монастыра вышей-речоного игуменъ и капѣтула отнятые и присуженые мѣстцу с-тому добра обымаютъ и свои урядники посилаютъ; протожъ росказуемъ, абы въ мѣсте *Чигринъ-Дуброви* и селахъ тамъ належачихъ вси тые, которые колвекъ въ реестръ войска Запорожского написаны послу-

Въ подленномъ увиверсалѣ дикціи: Чигриндубровскимъ и Чигринъ Дуброви— переправлены.

Такожъ дикція: Чигириндуброви въ подлѣномъ переправлена.

шенство звыклое отдавали и яко поданные повынности своеи досытъ чинили и ни в чемъ спречними и противными не были урядникамъ и старшимъ, отъ игумена и капитулы монастыра Никольского посланнымъ; а если бы якіе иншіе урядники хотѣли наеждчать до *Чигринъ-Дуброви* и до селъ, до него належачихъ, съ тѣми не задирать и ничего не починать безъ вѣдомости и позволеня игумена и капитулы монастырской, кгдыж кождый маетъ волное право въ судахъ ведлугъ правъ и привилеевъ распирается, въ чемъ всемъ козаки не маютъ быти перешкодою, а овшемъ радою и помочу, въ млины, аренды, шинки и въ иншие монастирские пожытки не втручаючися, бо предъ тымъ козаки моремъ и землею праци своеи шаблею пожиненье мѣли и церкви божіе надаряли; и повторе напоминаемъ, абысте иначей не чинили подъ караньемъ суровымъ. Въ Чигиринѣ, 1-го ноября 1651 года. Въ подлинномъ подписано тако: Богданъ Хмельницкій, рука власна. М. П.

Въ дикціи: до Чигринъ - Дуброви, лѣтери: чиги, написаны на подчисткѣ; ринъ—переправлены; дуброви—сверху приписано.

Сия копѣя списана съ подлѣннаго унѣверсала, въ Малороссійской коллегіи имѣющагося, и, по опредѣленію оной коллегіи, съ означеніемъ, какіе въ подлѣнномъ имѣются переправки, подчистки и приписки, подсудку земскому повѣта Лубенскаго Федору Булюбашу дана 1780 году августа...

Но это свидѣтельство Малороссійской коллегіи грѣшитъ недомолвкой. Она умышленно не говоритъ о томъ, что въ коммиссію Генеральной описи Малороссіи представлялись не подлинники крѣпостныхъ актовъ, а копіи, и при томъ копіи часто неисправныя, съ помарками; неудивительно, что въ дѣлахъ коллегіи и универсалъ Богдана Хмельницкаго

оказался съ помарками и приписками. Такія копіи можно тамъ наблюдать и теперь [1]).

Этотъ же самый универсалъ имѣется и въ книгѣ копій крѣпостныхъ актовъ Кіево-Пустыннаго Никольскаго монастыря на л. 87 об.[2]). Здѣсь универсалъ Хмельницкаго написанъ безъ всякихъ подчистокъ и поправокъ. Эта книга копій крѣпостныхъ актовъ монастыря была изготовлена въ царствованіе Елисаветы Петровны и представлена въ Сенатъ для сличенія съ подлинными актами и для засвидѣтельствованія ихъ взаимной вѣрности, во избѣжаніе всякихъ случайностей и подлоговъ, такъ какъ монастырь велъ тяжбы съ полковниками Лубенскимъ, Миргородскимъ и Прилуцкимъ, которые захватили монастырскіе земли и основали на нихъ многіе села и города. Сенатъ, свѣряя и скрѣпляя вѣрность копій, не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній о поправкахъ и припискахъ. Универсалъ Хмельницкаго не возбуждалъ тамъ ничьихъ сомнѣній. Наконецъ, трудно думать, чтобы гетманъ выдалъ универсалъ съ поправками и приписками, безъ оговорокъ; чтобы онъ не различавъ Чигирина отъ Чигринъ-Дубровы. Поэтому, на попытку Булюбаша объявить этотъ универсалъ подложнымъ и на именованіе коллегіей завѣдомой копіи подлинникомъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одно изъ средствъ борьбы частныхъ владѣльцевъ съ монастыремъ изъ-за богатыхъ и населенныхъ земель, средствъ, которыя давали возможность продолжить на нѣкоторое время судебную волокиту, если нельзя было совсѣмъ отнять эти земли.

Что касается до терминовъ: подложный, подлинный, то мы считаемъ не лишнимъ сказать по поводу ихъ нѣсколько словъ. Въ строго юридическомъ смыслѣ, всякій неподлинный документъ, выдаваемый за подлинный, есть

---

[1]) См. „Чтенія въ Историч. Общ. Нест.-лѣт.," кн. II, стр. 165, рефератъ И. В. Лучицкаго.

[2]) Книга Кіев. Центр. Архива № 5974.

уже безусловно подложный („фалшивый“); по большей части опредѣляемыя такими документами права одного лица служатъ въ ущербъ другому; конечно, какъ судебное доказательство въ тяжбѣ двухъ сторонъ, они не могутъ быть принимаемы за основаніе права ни одной, ни другой стороны и должны быть судомъ отринуты. Но въ прошлые вѣка, когда документы въ большемъ количествѣ гибли отъ разныхъ причинъ (войнъ, крестьянскихъ возстаній, татарскихъ разореній и т. п.), наиболѣе цѣнные изъ нихъ, и наиболѣе древніе особенно, владѣльцами ихъ возобновлялись, возстановлялись по памяти, съ цѣлью не столько укрѣпленія правъ, сколько ради приданія имъ важности ссылкой на глубокую древность, къ которой они относились и въ дѣйствительности. Такіе возстановленные по памяти, при томъ возстановленные болѣе или менѣе точно по имѣвшимся быть можетъ у владѣльцевъ частнымъ копіямъ ихъ, имѣютъ историческое значеніе и, если не противорѣчатъ юридическимъ условіямъ жизни того времени, къ которому бываютъ пріурочиваемы, то въ такомъ случаѣ они могутъ быть признаваемы за подлинные, какъ доказательство дѣйствительно совершившагося факта. Въ такомъ смыслѣ мы признаемъ подлинными, напр., и грамоты, о которыхъ недавно говорилось на страницахъ нашихъ „Чтеній“, грамоты кн. Любарта Гедиминовича, кн. Романа Галичскаго и друг.

И. Каманинъ.

П. Ѳ. Кузмищевъ—корреспондентъ В. И. Даля.

Краткія свѣдѣнія о контръ-адмиралѣ Павлѣ Ѳедоровичѣ Кузмищевѣ находятся въ „Справочномъ словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“ Геннади: Кузмищевъ родился въ 1798 г., окончилъ морской кадетскій корпусъ въ 1814 г., въ 1825 г. назначенъ былъ помощникомъ начальника Камчатки, въ 1837 г. опредѣленъ былъ капитаномъ надъ портомъ въ Астрахань, въ 1841 г. переведенъ на ту же должность въ Архангельскъ, гдѣ умеръ въ 1850 г. При этомъ замѣчено, что Кузмищевъ былъ образованъ, занимался естественными науками, печаталъ въ журналахъ, участвовалъ въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, и указаны изданія, гдѣ были напечатаны некрологи его [1]).

Издавая изъ черновыхъ писемъ Кузмищева къ разнымъ его корреспондентамъ семь писемъ къ В. И. Далю, я приведу наиболѣе характеризующее Кузмищева, извлеченное мною изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ, не повторяя сказаннаго о немъ въ некрологахъ, указанныхъ въ словарѣ Геннади. Мысли Кузмищева, высказанныя имъ въ письмахъ, заслужи-

[1]) Берлинъ, 1880 г., II, 196. „Москвитянинъ“ 1851 г., № 11, стр. 235. „Морской Сборникъ“ II (1850), стр. 458.

ваютъ вниманія, если имѣть въ виду время, когда онѣ высказывались.

Черновыя письма Кузмищева къ В. И. Далю, М. П. Погодину и нѣкоторымъ другимъ лицамъ за время 1840—49 гг. составляютъ переплетенный сборникъ, не имѣвшій пагинаціи, въ 393 листа большею частью in 4°. Всѣ письма писаны одною рукою на сѣрой бумагѣ, нѣкоторыя изъ писемъ подписаны: „Павелъ Ѳедоровичъ Кузмищевъ", подъ другими при подписи указанъ адресъ Кузмищева. Переплетены письма не въ хронологическомъ порядкѣ: въ началѣ—письма болѣе позднія по времени; начала и концы нѣкоторыхъ писемъ, писанныхъ на нѣсколькихъ листахъ, по винѣ, быть можетъ, переплетчика, вплетены въ разныхъ мѣстахъ, напр.: 332 л.—продолженіе письма къ В. И. Далю, начало же этого письма—лл. 51 и 52. Въ концѣ сборника нѣсколько тщательно переписанныхъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова, акростихи, нѣсколько разсужденій („о дружбѣ", „объ орудіяхъ чувствъ"), нѣсколько страницъ изъ „Морского сборника" (помѣчено мартомъ 1849 г.) съ перепечатаннымъ „Предисловіемъ къ собранію матеріаловъ для исторіи Архангельскаго порта", написаннымъ Кузмищевымъ, примѣчанія къ Думамъ Рылѣева и одно изъ стихотвореній его-же, въ то время запрещенное, написанное рукою Кузмищева, отдѣльный оттискъ статьи его: Epoques aux quelles la Dwina Septentrionale s'est couverte de glace à Arkhangelsk, изъ Bull. de la Soc. Impér. des. Natural. de Moscou (t. XV, 1842). Сборникъ черновыхъ писемъ П. Ѳ. Кузмищева принадлежитъ И. Н. Михайловскому въ г. Нѣжинѣ.

П. Ѳ. Кузмищевъ, посылавшій Далю собранныя имъ слова въ Камчаткѣ, Астрахани и Архангельскѣ, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину назвавшій Западъ „гнилымъ", но Петра В. „нашимъ Геркулесомъ", высказывалъ въ письмахъ къ Далю мысли о собираніи русскихъ на-

родныхъ сказокъ, пословицъ, загадокъ, скороговорокъ, писалъ о замѣнѣ иностранныхъ словъ, по возможности, словами русскими или взятыми изъ славянскихъ нарѣчій, выражалъ пожеланіе, чтобы изданы были словарь малорусскій съ грамматикою и словарь синонимовъ. Одному изъ своихъ друзей—М. Ф. Рейнике [1]) Кузмищевъ писалъ, что думаетъ объявить премію за составленіе малорусскаго словаря: „словари мои камчатскій, астраханскій и архангельскій думаю, переписавъ вмѣстѣ, представить Академіи на соисканіе Демидовской преміи; если бы за мои ничтожные труды назначили мнѣ что нибудь, то я бы подѣлился съ тѣмъ, кто дастъ намъ малорусскій словарь или, пожалуй, словарь синонимовъ. Подивись, что есть словари разныхъ славянскихъ нарѣчій, а малорусскаго нѣтъ. Хотя я не малоруссъ, но желалъ бы, чтобы Академія объявила задачу на малорусскій словарь и грамматику и назначила бы за нихъ награду". Во исполненіе такого намѣренія Кузмищевъ обратился въ Академію Наукъ, повидимому, въ 1848 г.; такъ можно думать, во 1-хъ, потому, что черновикъ этого обращенія находится на томъ же листѣ, на которомъ писано черновое письмо къ Погодину, помѣченное 1848 г.; въ 2-хъ, въ декабрѣ 1848 г. Кузмищевъ писалъ Далю, что послалъ въ Академію Наукъ собранныя имъ астраханскія слова (письмо къ Далю № 6). Въ своемъ обращеніи въ Академію Наукъ Кузмищевъ предлагалъ ей собраніе словъ, записанныхъ имъ въ Астраханской губерніи и напечатанныхъ въ Астраханскихъ Губ. Вѣд. за 1841 г., впослѣдствіи дополненное и исправленное; доводя до свѣдѣнія Академіи,

[1]) Рейнике, Михаилъ Францовичъ (1801—59 гг.), вице-адмиралъ, членъ Академіи Наукъ, замѣчательный гидрографъ. По его иниціативѣ въ Архангельскѣ были основаны шкиперскіе курсы; былъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета.

что предсѣдателю Отдѣленія рус. яз. и слов. онъ представилъ уже собраніе словъ, записанныхъ имъ въ Архангельской губ. и напечатанныхъ въ Архангельскихъ Губ. Вѣд. за 1847 г., Кузмищевъ выражалъ готовность прислать въ Академію слова, записанныя имъ въ Камчаткѣ и Сибири, напечатанныя въ „Москвитянинѣ“ за 1842 г.

Кромѣ писемъ къ Далю, среди черновиковъ Кузмищева обращаютъ на себя вниманіе письма его къ Погодину.

Писемъ къ Погодину восемь. Первое написано было въ 1842 г., послѣднее—въ 1849 г. Изъ содержанія перваго по времени письма видно, что Кузмищевъ былъ въ перепискѣ съ Погодинымъ до 1842 г. Онъ посылалъ Погодину списки съ найденныхъ имъ въ Архангельскѣ писемъ и указовъ Петра В., котораго называлъ „нашимъ истиннымъ, а не баснословнымъ Геркулесомъ“, письма генералъ-адмирала Ѳ. М. Апраксина, составленный имъ „образецъ стариннаго судопроизводства“, слышанный разсказъ о Ломоносовѣ; высказывалъ сожалѣніе, что „для показанія русскихъ замысловатости и игривости“ нѣтъ собранія народныхъ загадокъ и скороговорокъ, чѣмъ, по мнѣнію его, могли бы заняться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, замѣчалъ, что въ П. С. З. собраны не всѣ законы. Въ одномъ изъ писемъ онъ обращалъ вниманіе Погодина, что въ архивахъ городовъ и монастырей гибнутъ, благодаря невѣжеству, дѣла, и высказывалъ мысль о необходимости разработать архивы, пока еще не поздно, для чего „надобно бы не одну Археографическую Коммиссію“ [1]). Сообщая Погодину о намѣреніи издать отъ Архангельскаго губернскаго статистическаго Комитета „Справочный календарь для Архангельской губ.“, Кузмищевъ выражалъ пожеланіе, чтобы и въ другихъ гу-

[1]) Это письмо Кузмищева къ Погодину приведено Н. Барсуковымъ („Жизнь и труды М. П. Погодина“ X, 429).

берніяхъ издавались подобные календари, а также въ Москвѣ. Отправляя Погодину найденную имъ грамоту XVII в., данную Каргопольскому воеводѣ Андрею Ив. Салтыкову, и тетрадку съ историческими пѣснями, собранными учителемъ Борисовымъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Кузмищевъ предлагалъ Погодину или оставить грамоту и тетрадку у себя, или передать Московскому Обществу Ист. и Др. Р. [1]). Онъ высказывалъ Погодину желаніе, чтобы Археографическая Коммиссія и Моск. Об. Ист. и Др. Р. присылали безплатно свои изданія въ Архангельскую губернскую библіотеку, дабы любители отечественной исторіи и древностей поучались, какъ должно разрабатывать русскую исторію. Познакомившись съ стихотвореніями крестьянина Нечаева, Кузмищевъ послалъ ихъ Погодину съ просьбою напечатать въ „Москвитянинѣ“, поясняя, что поэтъ—крестьянинъ и не получилъ никакого образованія.

Кузмищевъ пытался завязать сношенія съ извѣстнымъ въ его время этнографомъ И. П. Сахаровымъ. Въ 1841 г. онъ писалъ своему знакомому въ Петербургѣ, чтобы тотъ, на досугѣ, передалъ Сахарову слова, записанныя имъ въ Астраханской губ., потому что Сахаровъ, какъ видно изъ книги его: „Сказанія рус. народа“ (ч. 2, стр. III, изд. 1837 г.), обѣщаетъ представить публикѣ обозрѣніе и словарь русскихъ областныхъ нарѣчій [2]). Онъ просилъ передать Сахарову, что

[1]) Въ описаніяхъ рукописей, принадлежащихъ Моск. Об. Ист. и Др. Р. Строева (М. 1845 г.) и Е. И. Соколова („Чтенія“ 1906 г. кн. 1) я не нашелъ грамоты Салтыкову и историч. пѣсенъ, собранныхъ Борисовымъ. Этотъ Борисовъ сталъ, по словамъ Н. Барсукова, дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина („Жизнь и труды М. П. Погодина“, VII, 227).

[2]) Сахаровъ писалъ: „исторія русской народной литературы будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій... Третіе отдѣленіе единственно посвящается на обозрѣніе русскихъ областныхъ нарѣчій. Этотъ предметъ, еще не начатый въ русской литературѣ, приводитъ въ изумленіе своимъ величіемъ“.

представилъ собранныя имъ въ Сибири слова Д. И. Языкову для Академіи Наукъ, но готовъ прислать ихъ Сахарову, „потому что Академія, конечно, не скоро сдѣлаетъ изъ нихъ к. н. употребленіе, а для г. Сахарова—готовый матеріалъ", что могъ бы переслать Сахарову тетрадку „съ врачебными средствами Якутовъ" и пѣсни, которыя пѣлись въ Архангельскѣ на вечеринкахъ и которыя начали выходить изъ употребленія, потому что „дѣвки, брося повязки и кофты и надѣвъ нѣмецкое платье, бросили и прежнія свои игры—онѣ замѣняются уже танцами: кадрилью и вальсомъ, цѣлью высокаго нашего образованія".

Желаніе быть полезнымъ изданію словаря рус. яз. не оставляло Кузмищева и впослѣдствіи. Онъ продолжалъ искать, кому бы пригодились собранныя имъ слова. Въ письмѣ къ В. П. Бурнашеву [1]) (черновикъ этого письма между письмами, написанными въ 1846 г.) Кузмищевъ писалъ: „около 2 лѣтъ назадъ я имѣлъ честь доставить вамъ собраніе особыхъ словъ, употребляемыхъ въ Астрахани, и указалъ на напечатанныя въ „Москвитянинѣ" 1842 г. слова Камчатскія и Сибирскія, мною собранныя. Теперь я занялся здѣсь собираніемъ словъ, употребляемыхъ въ Архангельской губ.; ихъ набралось здѣсь у меня болѣе 800; всѣ эти слова съ ихъ опредѣленіями, а также замѣтками о мѣстныхъ нарѣчіяхъ могутъ служить дополненіемъ къ вашему словарю при второмъ его изданіи, которое, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ. Но по сію пору, къ крайнему сожалѣнію, я не видалъ еще вашего словаря и не знаю, что въ него вошло, какъ

[1]) Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ—литераторъ, занимался агрономіей; писалъ въ „Сѣв. Пчелѣ", „Отечествен. Запискахъ" и др. изданіяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ 50-хъ годахъ онъ редактировалъ „Труды Имп. Вольнаго Эконом. Об." и первый пытался составить русскій словарь: „Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства" Спб. 1844).

опредѣлено и пояснено? Вы, конечно, не могли вездѣ быть и жить подолго для собранія провинціальныхъ словъ, не могли свѣрить, выспросить и переспросить о значеніи ихъ у разныхъ и многихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ, смѣю похвалиться, я счастливѣе васъ, потому что имѣю случаи, досугъ и возможность собрать слова на востокѣ, югѣ и, наконецъ, теперь на сѣверѣ Россіи. Но ко всему этому для соображеній мнѣ надобенъ и полезный вашъ словарь, а я его по сію пору еще не имѣю и не знаю, будетъ ли что изъ собраннаго мною для васъ новостью, и потому прошу одолжить меня высылкою вашего словаря и увѣдомить о цѣнѣ его для высылки денегъ". Въ этомъ же письмѣ Кузмищевъ спрашивалъ Бурнашева, можно ли послать „хозяйственныя статьи" для его „Эконома".

Въ томъ же 1846 г. Кузмищевъ писалъ Рейнике, что намѣренъ послать архангельскія слова, которыхъ набралось у него до тысячи, вмѣстѣ съ сибирскими и астраханскими словами, въ Академію Наукъ: „тамъ онѣ пригодятся для русскаго словаря, который давно уже обѣщанъ".

Проживая въ Архангельскѣ, Кузмищевъ склонялъ своихъ сослуживцевъ выписывать журналы и газеты. Въ одномъ изъ писемъ онъ упоминалъ, что въ складчину морскими и портовыми чиновниками выписывалось 14 журналовъ и газетъ. Выписывать приходилось въ складчину потому, что губернская библіотека въ Архангельскѣ, какъ объяснялъ Кузмищевъ Н. А. Полевому, была бѣдна, частныхъ же библіотекъ не было; вслѣдствіе этого Кузмищевъ просилъ издателя „Русскаго Вѣстника" высылать его сочиненія въ читальню архангельскихъ моряковъ.

Слѣдя по газетамъ за событіями 1848 г. на западѣ Европы, Кузмищевъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и знакомымъ высказывалъ свой взглядъ на происходившее въ Европѣ. Въ 1848 г. власти въ Европѣ, по представленію

его, „растлились"; онъ полагалъ, что отъ революціоннаго движенія во „взбудораженшейся Европѣ не будетъ добра никому: всѣ добрыя начинанія, развитіе и усовершенствованія въ наукахъ, художествахъ, земледѣліи остановятся и придутъ въ упадокъ, много прольется слезъ и крови, слѣдствія отзовутся, можетъ быть, и въ монастырскихъ кельяхъ; можно предсказать еще, что съ каждой почтой въ нынѣшнее лѣто (1848 г.) мы будемъ получать извѣстія горше и хуже. Да сохранитъ Господь нашу матушку Россію отъ всякихъ смутъ и отъ liberté, égalité и новаго fraternité!" Тогда же Кузмищевъ писалъ въ другомъ письмѣ: „смуты повсюду: отъ Мадрида до Берлина, отъ Ирландіи до Венгріи и Молдавіи и отъ Палермо до Стокгольма. И что еще будетъ? Чѣмъ все это окончится? И чего хотятъ сумасброды, изверги и злодѣи? Да сохранитъ Господь нашу матушку Россію отъ такой свободы, равенства и братства. Державы и государства рушатся и падаютъ на Западѣ. Вотъ оно милое просвѣщеніе и прогрессы! Замѣтьте, что нигдѣ, ни при какомъ начинаніи или успѣхѣ на Западѣ не упоминаютъ, и не слыхать, имени Божьяго. Пала и святая вѣра Христова. Безъ нея падетъ и унизится тамъ все: наука, искусства, ремесла, земледѣліе, торговля и благоденствіе и спокойствіе всѣхъ и каждаго. Вездѣ опасенія, страхи и застой. И мы здѣсь три года видѣли у себя болѣе 700 иностранныхъ кораблей, а нынѣ (въ 1848 г.) не обѣщаютъ и 150". Въ другомъ письмѣ Кузмищевъ писалъ въ томъ же 1848 г.: „мы здѣсь (въ Архангельскѣ) не рѣдко сравниваемъ и говоримъ, что теперь въ Россіи гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ, а въ Архангельскѣ лучше, чѣмъ въ Парижѣ. Будемъ довольны золотою умѣренностью и станемъ благодарить Бога за настоящее благо. *Всему время: когда плодъ созрѣетъ, тогда онъ самъ спадетъ съ дерева*". Событія 1848 г. на западѣ Европы, по наблюденію Кузмищева, „интере-

совали въ Архангельскѣ всѣхъ и каждаго... Хотя мы здѣсь вовсе не дипломаты и небольшіе политики, но съ грустнымъ и жалостнымъ вниманіемъ слѣдимъ за смутами Европы. Живущіе здѣсь консула получаютъ иностранныя вѣдомости, и потому до насъ доходитъ иной разъ то, чего нѣтъ въ русскихъ газетахъ. Никто въ настоящую пору не можетъ, кажется, ни предвидѣть, ни предсказать, чѣмъ, когда и какъ все это кончится. Можно скорѣе ожидать самыхъ горестныхъ событій, и особенно въ отношеніи наукъ, искусства, художествъ, торговли". Другому своему корреспонденту Кузмищевъ тоже писалъ: хоть французы (Ламартинъ въ Journal des débats) и сладко вѣщаютъ, но Богъ вѣсть, что будетъ на дѣлѣ". Въ другомъ письмѣ онъ выражалъ свое удовольствіе: „будучи ограждены попеченіемъ мудраго правительства, мы живемъ, слава Богу, преспокойно, какъ за китайской стѣной, и не знаемъ никакихъ вздоровъ и пустяковъ, какіе разсѣваются о насъ на западѣ Европы, да и писать не надо. Право, съ этой стороны мы очень довольны".

Однако Кузмищевъ далеко не всегда былъ доволенъ „настоящимъ благомъ".

Когда въ 1841 г. онъ проѣздомъ въ Архангельскѣ посѣтилъ Петербургъ, то побывалъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Впечатлѣнія свои отъ посѣщенія роднаго ему корпуса онъ повѣдалъ одному изъ своихъ друзей: „тамъ очень, очень много перемѣнъ и роскоши, а учебныхъ дней въ году, говорятъ, немного болѣе ста. Все время посвящено болѣе шагистикѣ". Чиновничій міръ въ Архангельскѣ, начиная съ начальствующихъ, не произвелъ на Кузмищева благопріятнаго впечатлѣнія: „наушничества и сплетенъ тамъ тьма тьмущая: такъ заведено для безпорядка; это не токмо допускается, но требуется. Даже судебныя слѣдствія начинаются—„по дошедшимъ слухамъ". Это—изъ рукъ вонъ и хуже безымен-

ныхъ доносовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, бываютъ писанные. Гражданскихъ чиновниковъ лишаютъ такъ—здорово живешь". Въ началѣ 1842 г. Кузмищевъ писалъ: „о новомъ тарифѣ видѣлъ и будемъ чувствовать. Къ этому имѣемъ честь поздравить съ налогомъ на соль по 6 коп. сер. (21 ас.) на пудъ. Вѣдь это сплошь на всѣ состоянія поровну! Еще маленькій наложецъ на подорожныя—по 30 коп. сер. за листъ, чего прежде не бывало, и все это почти въ одно время, вдругъ! *Да куда же дѣваются деньги и на что?*" Въ томъ же письмѣ: „Объ уменьшеніи расходовъ давно бы пора подумать. Хотя бы о той же Камчаткѣ. Я представлялъ въ 1834 г., что съ передачею Р. А. К° казна сохранила бы полъ милліона ежегодно, да меня, маленькаго человѣка, не послушали. И въ Астрахани тоже можно бы соединить морскія части вмѣстѣ. Я это доказалъ уже, управляя всѣмъ одинъ въ продолженіе года и 4 мѣсяцевъ. Выгоды тѣ, что съ сокращеніемъ переписки уменьшилось бы и чиновничество, а, слѣдовательно, будутъ остатки, которыми съ лихвою можно уравнять содержаніе конторскихъ съ канцелярскими, да и дѣло пошло бы проще и скорѣе. Но высказать это не смѣю—не примутъ, да еще засмѣются и назовутъ прожектеромъ. Предвидя это, молчишь, скрѣпя сердце. Указываю только на то, что знаю ближе, вѣрнѣе и лучше многихъ другихъ. Пусть бы и другіе сдѣлали то же". Начальство въ Архангельскѣ, казалось Кузмищеву, не стояло на должной высотѣ: „о начальствѣ относительно къ себѣ, писалъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ, грѣхъ еще сказать дурно, *но жалко и стыдно за правительство: неужели изъ 50 милліоновъ нельзя выбрать 50*"? Въ другомъ письмѣ Кузмищевъ называетъ иронически начальство, за отношенія къ нему, „справедливымъ".

Большое неудовольствіе въ Кузмищевѣ возбуждалъ порядокъ отправленія посылокъ изъ Архангельска. Онъ пи-

салъ: „здѣсь большія хлопоты съ посылками: надо подать на гербовой бумагѣ объявленіе въ таможню и представить посылаемыя вещи къ осмотру, а потомъ уже на почту. Мѣра со стороны правительства совершенно излишняя и обременительная. Какой же дуракъ захочетъ представить контрабанду для конфискаціи?“ Въ другомъ письмѣ онъ объясняетъ, что надо ходить дня 2—3, чтобы „выходить изъ таможни свидѣтельство; всякій же, желающій вывезти контрабанду, могъ нагрузить барку ею или снарядить обозъ, что не подвергалось таможенному осмотру. „Мы,—писалъ онъ,—посторонніе люди, представлять не можемъ, да насъ и не послушаютъ, а кому должно объ этомъ представить, напр. губернатору, почтъ-инспектору, таможнѣ—эти молчатъ и *не смѣютъ полезнымъ для всѣхъ и выгоднымъ для казны предложеніемъ утруждать и безпокоить высшее начальство*“ (подчеркнуто въ письмѣ).

Одному изъ своихъ корреспондентовъ Кузмищевъ писалъ: „у насъ награждаютъ за вѣрную и усердную службу отнятіемъ должнаго и лишеніемъ слѣдуемаго“. Недовольный необходимостью исписывать множество бумагъ по службѣ, онъ выражалъ свое негодованіе въ одномъ изъ писемъ: „здѣсь (въ Архангельскѣ по управленію портомъ) было бы ихъ (бумагъ) менѣе, если бы управленіе было потолковѣе. Самое лучшее рѣшать словесно, что можно. Это показываетъ доброе и умное управленіе, а у насъ такъ напротивъ—обо всемъ бумаги, и нерѣдко противорѣчащія одна другой и даже сами себѣ, а иногда и пополамъ съ безсмыслицей. Это отнимаетъ время и убиваетъ духъ усердія“. Въ другомъ письмѣ онъ жаловался на то-же: „а сколько у меня лишней, привязчивой и пустой переписки! Тамъ, гдѣ можно бы все рѣшить и узнать на словахъ, у насъ непремѣнно бумаги. Всѣ эти подъиски обременяютъ, отвлекаютъ отъ исполненія настоящаго дѣла и убиваютъ духъ“. Сооб-

щая знакомому объ одномъ тяжебномъ дѣлѣ, Кузмищевъ замѣтилъ: „знаемъ мы, какъ идутъ спорныя дѣла въ гражданскихъ судахъ".

Состояніе Архангельскаго порта представлялось Кузмищеву неудовлетворительнымъ. Онъ писалъ: „я думалъ, что забытѣе и заброшеннѣе Астраханскаго порта нѣтъ, а нахожу здѣсь гораздо хуже; много недобраго и своекорыстнаго вкралось и укоренилось издавна, а такія хроническія болѣзни не скоро вылечиваются, крутыя мѣры не годятся. Предвижу однако же, что похвалы и награды ни отъ кого не заслужу". О тѣхъ же неустройствахъ въ Архангельскомъ порту въ другомъ письмѣ онъ сообщалъ: „вижу, что мало одного года, чтобы устроить и привести все на ладъ. Въ адмиралтейскихъ командахъ много старыхъ вредныхъ привычекъ, а исправлять ихъ круто нельзя. И какъ послушаю, такъ здѣсь награждаютъ еще за такую службу и порядокъ! Впрочемъ, не диво, стоитъ только кланяться и просить, ползать и плакаться, да еще кричать и хвастать, а этого я не сумѣю". Службу въ порту онъ опредѣлилъ одному изъ своихъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „служба—и говорить нечего! Безтолочь и совершенное отсутствіе здравыхъ понятій. Довольно-ли?"

Кузмищевъ не упускалъ поздравлять своихъ знакомыхъ, когда тѣ получали ордена; но, получивъ орденъ св. Станислава 2 ст., писалъ въ одномъ письмѣ: „по извѣстіямъ, недавно полученнымъ, меня поздравляютъ съ пожалованіемъ Станислава 2 ст. Но можетъ ли это радовать, когда слѣдуетъ опять новый вычетъ, и будетъ только лишняя забота при одѣваніи?" Другому знакомому онъ сообщалъ по тому же поводу: „мнѣ гораздо лестнѣе, что Об. поощр. лѣсн. хоз. прислало мнѣ дипломъ на званіе своего корреспондента, а ордена составляютъ только лишнюю заботу при одѣваніи, лишній расходъ на ленты, да лишнюю подушку за гро-

бомъ—и все". Онъ былъ недоволенъ, что мѣста съ хорошимъ окладомъ давались русскимъ нѣмцамъ. „Русскихъ, вишь, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, не найдется на мѣста съ большимъ содержаніемъ и съ малымъ дѣломъ".

Кузмищевъ былъ ревнитель просвѣщенія. Распространеніе грамотности онъ называетъ въ письмѣ къ С. А. Маслову [1]) „святымъ дѣломъ" и разсказываетъ о школѣ, которая была заведена въ Архангельскѣ для дѣтей мастеровыхъ рабочихъ экипажей, главнымъ образомъ, какъ видно изъ разсказа его о началѣ школы, благодаря ему, хотя онъ себя не выставляетъ въ роли иниціатора или главнаго учредителя. Школа эта основана была въ 1846 г. Интересно, какъ возникла она, благодаря старанію кружка лицъ, и какъ велось въ ней обученіе. И надо было, писалъ Кузмищевъ С. А. Маслову, учить дѣтей мастеровыхъ не только ремесламъ, а и грамотѣ, но средствъ для того отъ казны не дано, хотя и спрашивали: что̀ надо для обученія? Надо, разумѣется, денегъ и способныхъ людей, и потому отвѣта никакого не послѣдовало. Жаль было оставить дѣтей безъ обученія, и мы изворотились своими средствами: отвели въ адмиралтействѣ двѣ комнаты для классовъ, надѣлали столовъ и скамей, купили на экипажныя экономическія суммы ланкастеровы таблицы и сотню катехизисовъ, назначили учителей изъ обучавшихся унтеръ-офицеровъ, пригласили священника—и дѣло пошло съ Божіею помощью. Для обученія письму беремъ бумагу отъ канцеляріи, а послѣ азбуки и складовъ учили читать, давая для того безгрѣшныя при-

[1]) Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ (1793—1879 г.г.), писатель и дѣятель по сельскому хозяйству, непремѣнный секретарь Имп. Моск. Общества сельскаго хозяйства, способствовавшій учрежденію при этомъ Обществѣ комитета по „распространенію всенародной грамотности на религіозно-нравственныхъ началахъ". Будучи ревнителемъ просвѣщенія, онъ способствовалъ также зарожденію ученыхъ обществъ.

бавленія къ Спб. и Моск. Вѣдомостямъ. Предметы ученія: грамота — читать гражд. и церковн., писать, катехизисъ, ариѳметика, выкладка на счетахъ, церковное пѣніе, а лѣтомъ---шагистика, т. е. строевое ученіе, игры, гимнастика. Въ награду прилежнымъ и успѣвшимъ даемъ катехизисъ, молитвословъ, чистую тетрадку, карандашъ и т. п. мелочь. Для солдатскаго сына и довольно". Въ томъ же письмѣ Кузмищевъ развивалъ мысли о профессіональномъ образованіи. „Для нихъ (русскихъ купцовъ), писалъ онъ, есть у насъ высшія учебныя заведенія—Академія и Коммерческое Училище, а нѣтъ училищъ для спеціальнаго образованія средняго и нижняго купеческаго сословія. А сколько настроено богадѣленъ и церквей купцами—не перечесть... Почему бы, спрошу я, не быть училищамъ для образованія приказчиковъ и домашнихъ купцовъ? Грѣха и лиха тутъ нѣтъ. Почему бы мѣщанскихъ дѣтей не учить ремесламъ, надобнымъ въ городахъ, каковы столяры, печники, маляры, стекольщики и проч. и проч.? И тутъ лиха нѣтъ. Не всѣмъ имъ быть торговцами. Ремесло за плечомъ не виснетъ, а даетъ хлѣбъ. Пусть воспитаніе, образованность, ученіе идетъ и развивается во всѣхъ классахъ, для каждаго по его назначенію, не болѣе, и вездѣ въ духѣ православія, народности, самодержавія (и трудолюбія, прибавлю я отъ себя къ словамъ Уварова), т. е., въ духѣ повиновенія властямъ духовнымъ, семейнымъ и гражданскимъ, поставленнымъ отъ Бога".

Присматриваясь къ русской торговлѣ въ Архангельскѣ, Кузмищевъ отсутствіемъ просвѣщенія среди русскаго купечества объяснялъ зависимость русской торговли отъ иностранцевъ: онъ полагалъ, что русскіе купцы должны торговать „за моремъ на своихъ корабляхъ." Его печалило, что русскій хлѣбъ вывозился изъ Архангельска „на чужихъ корабляхъ", онъ недоумѣвалъ, почему и преемникъ гр.

Канкрина не внималъ просьбѣ вологодскаго и великоустюжскаго купечества воспретить иностранцамъ черезъ своихъ агентовъ скупать хлѣбъ въ русскихъ губерніяхъ. Онъ проектировалъ, въ письмѣ къ С. А. Маслову, требовать отъ желающихъ записаться въ 1 гильдію университетскаго образованія, отъ записывающихся во 2 гильдію—гимназическаго и въ 3—свидѣтельства объ окончаніи уѣзднаго училища. Обращая вниманіе на то, что въ Россіи мало купеческихъ домовъ, просуществовавшихъ столѣтіе, Кузмищевъ писалъ: „происхожденіе многихъ, или хоть нѣкоторыхъ нашихъ купцовъ—вольноотпущенный лапотникъ, изъ мѣщанъ, изъ цѣловальниковъ. Всѣ помнятъ, какъ онъ былъ приказчикомъ или сидѣльцомъ у такого-то, и когда тотъ проторговался или ранѣе отошелъ отъ хозяина, самъ открылъ торговлю. Тоже въ свой чередъ случится и съ этимъ, вновь возникшимъ купцомъ, если не разворятъ его взрослыя дѣти, воспитанныя на шампанскомъ, а не на квасѣ“ [1]).

Полагая, что на русскихъ купцахъ „лежитъ еще довольно мрака“, Кузмищевъ не находилъ, чтобы русское дворянство отличалось культурностью: „мы, дворяне, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, обнѣмечились, но только по наружности; мы уже не носимъ волоса въ кружокъ, пестрой рубахи съ косымъ воротомъ и на выпускъ, давно уже на-

[1]) Кузмищевъ считалъ важнымъ дѣломъ заведеніе торговыхъ сношеній съ Японіей. Въ 1844 г. онъ писалъ Е. Л. Черныхъ (о немъ въ „Сборн. Имп. Руск. Ист Об. LXII, 422): „благодарю васъ за всѣ извѣщенія ваши и за рапортъ о бѣдствіи вашемъ въ морѣ... Послѣ я видѣлъ извлеченіе изъ вашего рапорта въ Сѣверной Пчелѣ... Видѣлъ также въ газетахъ объ отвозѣ отъ васъ японцевъ. Что это за храбрый народъ! Желательно бы знать, продолжатся ли эти попытки о заведеніи торговыхъ сношеній съ Японіей? Судя по тому, чего достигла Англія въ Китаѣ, можно ли не желать намъ подобнаго успѣха въ сосѣднемъ и пограничномъ государствѣ? Неужели ничего не предпримется болѣе?“

дѣли нѣмецкое платье и куримъ безъ зазрѣнія табачище, но въ этомъ ли образованіе?"

Интересна также попытка Кузмищева устроить въ Архангельскѣ школу еще въ 1842 г., вскорѣ послѣ переѣзда его изъ Астрахани, по слѣдующему поводу: пересматривая портовый архивъ, онъ нашелъ, что Петръ В. 30 іюля 1693 г. впервые прибылъ въ Архангельскъ и предложилъ отпраздновать этотъ день 30 іюля 1842 г. Предложеніе было принято, празднество было устроено. У Кузмищева была мысль воспользоваться этимъ празднествомъ, чтобы устроить школу: „мы хотѣли, писалъ онъ своему знакомому, склонить купцовъ къ подпискѣ на учрежденіе школы и надѣялись на успѣхъ, а намъ далась колонна—памятникъ Петру, какъ предлагалъ вице-губернаторъ въ своей *громкой* (подчеркнуто въ письмѣ) рѣчи. И вышло ничего—ни колонны, ни школы, ни денегъ. Досадно!"

Думая о распространеніи просвѣщенія, Кузмищевъ интересовался вопросомъ о лучшей постановкѣ обученія и воспитанія. Своей родственницѣ, извѣщавшей его объ успѣхахъ ея дѣтей, онъ писалъ: „радуюсь успѣхамъ въ ученіи вашихъ дѣтей, но—смѣю замѣтить—ученіе наизусть такой пьесы, какъ ода „Богъ", тяжело для дитяти, и едва ли оно понимаетъ въ ней хоть половину, и это если не отвращаетъ, то все таки не привязываетъ ребенка нисколько къ ученію. Придетъ время, онъ выучитъ ее и самъ, если только будетъ у него охота. Иные занимаютъ дѣтей изученіемъ басенъ, но и это для нихъ едва ли занимательно. Много говорятъ у насъ и по сію пору о воспитаніи и ученіи дѣтей, но все еще рѣшительнаго и вѣрнаго ничего не сказали. Мнѣ кажется, что скорѣе и съ большимъ удовольствіемъ дѣти затвердятъ народныя пословицы, сказки и даже пѣсни, если только нужно твердить имъ что-нибудь для изощренія ихъ памяти".

Скудость просвѣщенія въ Россіи сокрушала Кузмищева. Одному своему корреспонденту онъ писалъ: „гибельные примѣры и самая нужда не сильны еще, чтобы заставить учиться людей низшаго сословія общества. Я сказалъ низшаго, потому что средняго у насъ почти нѣтъ. Просвѣщеніе и образованность только въ высшемъ обществѣ, и то болѣе едва ли не наружныя. Масса народа все еще не просвѣщена. Много ли учатся въ нашихъ университетахъ, тогда какъ это ученіе доставляетъ еще многія преимущества по службѣ? Десятки почетныхъ гражданъ не составляютъ средняго сословія. Вообще между дворянствомъ и народомъ у насъ большая пустота. Молода еще ты, матушка Россія, молодешенька!“

Въ письмахъ съ 1845 г. Кузмищевъ извѣщалъ своихъ корреспондентовъ, что „сталъ рыться въ архивахъ губернскомъ и портовомъ“ и находитъ много интереснаго, только жалѣетъ, что нѣтъ у него „въ этомъ дѣлѣ охочаго товарища или сподручника“. Вскорѣ это занятіе—поиски въ архивахъ—стало для него „лучшимъ занятіемъ на досугѣ“. Онъ находилъ, что „архивы у насъ—богатые и непочатые еще рудники“. Результатомъ занятій его въ архангельскихъ архивахъ были „Матеріалы для исторіи Архангельскаго порта“ съ „Средисловіемъ“. Онъ высказывалъ своимъ корреспондентамъ надежду, что, быть можетъ, „Матеріалы“ съ „Средисловіемъ“ побудятъ другихъ къ разработкѣ портовыхъ архивовъ и сообщалъ, что собранные имъ матеріалы и напечатанные въ Арханг. Губ. Вѣд. предположено перепечатать въ „Морскомъ Сборникѣ“, если будетъ разрѣшено. „Средисловіе“ было перепечатано въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1849 г., мартъ) и въ извлеченіяхъ въ „Москвитянинѣ“ (1849 г., № 7, 99).

Въ „Средисловіи“ Кузмищевъ сообщаетъ, что выписывалъ изъ дѣлъ, имъ найденныхъ въ архивахъ, относив-

шееся къ исторіи Архангельскаго порта, судостроенія, морскаго управленія, флота, города Архангельска, губерніи и высказываетъ мысли, достойныя вниманія, если имѣть въ виду время, когда мысли эти высказывались, и лицо, которое высказывало ихъ. Кузмищевъ писалъ, что слѣдовало, чтобы „каждое присутственное мѣсто или особое управленіе въ губерніи, каждый городъ, посадъ, каждый монастырь выбрали изъ своихъ архивовъ все, относящееся до происшествій и быта прежнихъ временъ; тогда мы имѣли бы матеріалы для исторій своей губерніи, а онѣ, въ свой чередъ, дали бы матеріалы для новѣйшей исторіи Россіи". Онъ полагалъ, что „надо прежде имѣть частныя исторіи мѣстъ, лицъ и проч., и изъ нихъ уже составлять общую..., и потому, съ цѣлью имѣть исторію к.-л. управленія, города или губерніи, весьма желательно и непремѣнно надобно, чтобы были разобраны, прочтены и разработаны всѣ архивы въ губерніи, а сдѣланныя изъ нихъ извлеченія напечатаны. Потомъ, конечно, слѣдуетъ свести, разобрать, очистить критикою эти и другіе матеріалы и изъ нихъ уже строить зданіе исторіи. Это пока еще не наше дѣло, а будущаго историка. Наше дѣло подготовить ему матеріалы. Въ наше время мы встрѣчаемъ иногда въ печати исторію какого-нибудь русскаго города и, нерѣдко, не находимъ въ ней ничего новаго, или весьма мало, потому что она вся почти выбрана изъ другихъ печатныхъ книгъ, а чаще всего изъ „Исторіи государства Россійскаго" Карамзина. Пока онъ руководитъ насъ, мы идемъ смѣло, но сами не пускаемся вдаль. Говоря сравненіемъ, у насъ не источники, не ключи, не ручейки доставляютъ воду въ рѣчки и рѣки и, наконецъ, въ главную большую рѣку временъ, а обратно—зачерпываютъ изъ нея и даютъ намъ будто бы новую, отдѣльную исторійку... Съ такою работою, съ такими передѣлками мы не далеко уйдемъ впередъ на поприщѣ исторіи. Безъ

матеріаловъ не возможно построить зданіе, каковъ бы ни былъ строитель. Чтобы не подпасть нареканію и справедливымъ упрекамъ потомковъ, намъ предлежитъ теперь разбирать архивы и пытать безмолвныя, пыльныя кипы истлѣвающихъ бумагъ, пока еще уцѣлѣвшихъ. Еще два—три десятка лѣтъ, быть можетъ, и ихъ не будетъ отъ сырости ли, отъ огня ли, или отъ чего другого—все равно! Тогда останется одно позднее, горькое сожалѣніе пытливаго историка. А сколько, можетъ быть, уже погибло, исчезло въ разныхъ архивахъ самыхъ любопытныхъ актовъ! Поспѣшимъ же, поспѣшимъ спасти отъ забвенія, записать и передать тисненію, что можемъ, и что теперь зависитъ отъ насъ!"

Такъ думалъ Кузмищевъ и къ такой работѣ призывалъ изъ Архангѣльска въ 1848 г.

Думая объ изученіи прошлаго, Кузмищевъ не упускалъ изъ виду настоящаго: онъ составилъ планъ описанія губерній въ ихъ современномъ состояніи. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Архангельскъ онъ писалъ одному своему знакомому: „теперь я задумалъ составить программу губернскаго календаря... Дѣло въ томъ, что о. своей губерніи мы имѣли бы весьма много любопытныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній. Онѣ и для правительства были бы не лишнія. Я полагаю ввести въ планъ мѣсяцеслова, разумѣется съ сокращеніями, адресъ-календарь и почтовый дорожникъ—и все относительно только губ. города и ограничиваясь одною губерніею. Кромѣ святцевъ, таблицъ о солнцѣ, лунѣ, праздникахъ, о вскрытіи и покрытіи рѣкъ, метеорологическихъ извѣстій за минувшій годъ, можно помѣщать почтовыя свѣдѣнія, маршруты по губерніи, статистику, а для нея должно быть собрано довольно свѣдѣній, которыя остаются вовсе безъ употребленія. Надо также вмѣстить полицейскія, медицинскія, торговыя, промышленныя, учебныя и другія свѣдѣнія, а адресъ-календарь представитъ всѣхъ служа-

щихъ въ губерніи по разнымъ министерствамъ. Если есть губернскія вѣдомости, почему же не быть губернскимъ календарямъ? Я такъ думаю, но, можетъ быть, моя мысль не примется здѣсь, особенно же, если она созрѣла преждевременно и опережаетъ понятія общества". Въ началѣ 1842 г. Кузмищевъ выработалъ программу изданія губернскихъ календарей. Благодаря М. С. Рыбушкина [1]) за „Записки объ Астрахани", онъ сообщалъ ему „свою мысль, которая родилась здѣсь" (въ Архангельскѣ). „Вы увидите ее, писалъ онъ, изъ прилагаемой программы о губернскихъ календаряхъ; мнѣ кажется, это возможно, и также можетъ осуществиться и у васъ. Здѣсь принялъ ее безпрекословно гражданскій губернаторъ и, отправляясь недавно въ Петербургъ, обѣщалъ представить программу министру внутрен. дѣлъ. Не знаю, примется ли она тамъ. Когда вы изволите усмотрѣть, что изданіе губернскаго календаря возможно и у васъ (и почему бы не возможно?), то я готовъ сообщить вамъ болѣе пространный и подробный планъ, если прикажете, а на первый разъ для разсмотренія и обсужденія довольно, кажется, и этого. Для образца и соображенія у васъ есть календари академическіе. Если бы к.-н. статья показалась лишнею или весьма затруднительною для составленія, ее можно исключить... А сколько полныхъ и вѣрныхъ данныхъ представитъ вамъ статистика губерніи! Теперь всѣ эти свѣдѣнія пропадаютъ въ статистическомъ комитетѣ и, будучи никому не вѣдомы, остаются безполезными и для своей

[1]) Рыбушкинъ, Михаилъ Самсоновичъ (1792—1849), писатель, адъюнктъ россійской словесности Казанскаго университета, впослѣдствіи директоръ народныхъ училищъ въ Астраханской и Пензенской губерніяхъ. Напечаталъ нѣсколько стихотвореній и статей историческаго, географическаго и статистическаго характера о Казанской губерніи, „Исторію Казани", и „Записки объ Астрахани", издавалъ журналъ „Заволжскій Муравей".

страны и вообще для государства и для науки. Позвольте нѣсколько распространиться объ этой близкой до васъ статьѣ: о жителяхъ—число ихъ въ городахъ, селахъ и проч. по народамъ или племенамъ (тоже и по вѣроисповѣданіямъ), по состояніямъ, сколько родившихся и умершихъ, сочетавшихся бракомъ; число монастырей, церквей. Въ городахъ исчислите улицы, площади, рынки, магазины, питейные дома, дома каменные и деревянные, земли подъ виноградниками, садами, бахчами; укажите виды урожая, число скота: рогатаго, верблюдовъ, лошадей, овецъ и проч., промыслы рыбные. Возьмите нѣкоторыя, напр., полицейскія свѣдѣнія: пожары, утраты отъ нихъ, кражи, преступленія по родамъ, тюрьмы; пріѣхавшихъ, выѣхавшихъ, городскіе доходы, общественныя увеселенія, клубы, число ихъ членовъ; торговыя свѣдѣнія—число судовъ мореходныхъ, рѣчныхъ пароходовъ, привозъ и отвозъ товаровъ, ярмарки, фабрики и заводы, число на нихъ рабочихъ и оборотъ капиталовъ, шелководство, винодѣліе. О свѣдѣніяхъ учебныхъ—говорить предъ вами нечего. Врачебныя свѣдѣнія—число врачей, больницъ, число пользовавшихся, болѣзни скота, аптеки... Частныя описанія—или топографія и исторія городовъ и монастырей, древности. Можно еще прилагать виды или рисунки городовъ, одежды и нарядовъ разноплеменныхъ народовъ... Если только возможно и захотятъ напечатать губернскій календарь, то найдется, откуда позаимствовать на это сумму, хотя-бы, напр., изъ канцелярскихъ, а послѣ она уплатится. Деньги на изданіе навѣрно найдутся, стоитъ только захотѣть, а прежде всего, разумѣется, надо имѣть дозволеніе начальства... У насъ въ Россіи мое намѣреніе немножко ново, но въ чужихъ образованныхъ земляхъ едва ли не каждый порядочный городъ имѣетъ свой календарь, свою топографическую исторію, планъ, и первое знакомство пріѣзжаго съ новымъ мѣстомъ начинается печатными извѣстіями".

Найдя въ 1846 г. въ Архангельскѣ атласъ Россіи, напечатанный около половины XVIII в., Кузмищевъ писалъ Ф. П. Врангелю [1]), что отправилъ этотъ атласъ въ даръ Географическому Обществу, въ надеждѣ „со временемъ видѣть изданную Обществомъ добрую карту Россіи, а, можетъ быть, и полный географическій словарь Россіи...“ Въ этомъ же письмѣ онъ высказывалъ мысль, что губернскіе Статистическіе Комитеты много пособили бы Русскому Географическому Обществу: „мнѣ казалось бы, что Русское Географическое Общество, имѣющее тѣсную связь съ Статистическимъ Комитетомъ, учрежденнымъ при М. В. Д., могло бы черезъ него получить множество новыхъ свѣдѣній, когда бы губернскіе комитеты распространили свое назначеніе и, перемѣнивъ имя, назвались бы *Географическими и Статистическими* (подчеркнуто Кузмищевымъ). Но эта перемѣна зависитъ отъ высшей власти. А пока Комитеты будутъ носить имя Статистическихъ, до тѣхъ поръ, по даннымъ имъ формамъ, они будутъ собирать только числа да цифры, да и въ тѣхъ на половину будетъ вранья... Если бы въ Статистическіе Комитеты отъ Мин. В. Д. посланъ былъ рядъ географическихъ вопросовъ, то, смѣю васъ увѣрить, получилось бы множество новыхъ и чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣній о Россіи“. Въ другомъ письмѣ Кузмищевъ извѣщалъ, что „наконецъ удалось возбудить здѣсь (въ Архангельскѣ) Губ. Стат. Комитетъ, членомъ котораго я остаюсь съ 1842 г.; поговорю въ первомъ собраніи Комитета, что, по разумѣнію моему, надо намъ дѣлать и какъ; попробую сказать и объ изданіи губ. календаря; для всего надо средствъ и могу-

[1]) Врангель, Фердинандъ Петровичъ, адмиралъ, бывшій начальникомъ Колымской экспедиціи, съ 1836 г. по 1849 г.—директоръ департамента корабельныхъ лѣсовъ, впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ, почетный членъ Академіи Наукъ и членъ многихъ ученыхъ обществъ.

чій двигатель—деньги, а ихъ ни копѣйки; надо подвигнуть членовъ къ пожертвованію или къ складчинѣ. Не знаю, удастся ли; а на пикники, гулянья, юбилеи и т. п. затѣи у насъ есть и рубли" [1]).

Въ одномъ изъ писемъ своихъ, въ 1844 г., Кузмищевъ описывалъ жизнь въ Архангельскѣ, гдѣ онъ прожилъ съ 1841 г. до смерти своей: „въ однообразной нашей жизни не много развлеченій и разсѣяній; Архангельскъ скученъ, а климатъ суровъ. Дворянства здѣсь нѣтъ, за то нѣтъ роскоши и мотовства. Картежной игры тоже здѣсь нѣтъ. Если и случится видѣть въ самомъ большомъ собраніи 3 или 4 стола, то это единственно для препровожденія времени—по 5 коп. асс. въ бостонъ. Подивитесь: преферансъ здѣсь еще рѣдокъ и новъ! Общество хотя не отличается высшею образованностью, но все же не лишено ея. Нѣмецкій кругъ, состоящій болѣе изъ иностранныхъ консуловъ, купцовъ и служащихъ у нихъ въ конторахъ, также не лишенъ образованности и едва ли въ этомъ отношеніи не выше, чѣмъ въ другихъ губернскихъ городахъ Россіи наше дворянство. У нѣмцевъ свой клубъ, довольно порядочный; у русскихъ тоже свой, но плохъ, бѣденъ и жалокъ. Есть у насъ и театръ, но имъ также похвалиться нельзя, а все таки есть. Есть и губернская библіотека—о ней нельзя не жалѣть: она весьма бѣдна и дурно управляется. Если вамъ угодно, такъ у насъ, кромѣ Губернскихъ Вѣдомостей, есть и „Сборникъ" историческо-литературный... Новыми книгами, правду сказать, мы очень бѣдны, и немного найдется, что почитать. О выходящихъ вновь знаемъ только по журналамъ. Музыка у насъ хоть и не громка, но не совсѣмъ забыта. У нѣмцевъ

---

[1]) Статистическіе Комитеты стали учреждаться и въ губерніяхъ съ 1834 г. Описывать губерніи начали въ 1861 г. (Проф. В. С. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи", 1, 1, 275 и слѣд.

есть свое маленькое музыкальное общество. Чего же еще требовать отъ самаго сѣвернаго губернскаго города, стоящаго вдали отъ столицы и не на проѣздѣ, еще и не въ дворянской губерніи?... Вотъ вамъ краткій очеркъ Архангельска".

Въ „Москвитянинѣ" Кузмищевымъ напечатано было: „Собраніе особенныхъ, или имѣющихъ другое значеніе словъ и нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ въ Камчаткѣ" [1] (1842 г. III, 237 и XI, 246); „Анекдоты о Ломоносовѣ" (1845 г., I, 17); „Разысканія въ архивахъ для исторіи Архангельскаго порта" (1849 г. VII, 99) и „Поэтъ—самоучка" (1849 г. X, 29).

Мысль свою объ учрежденіи преміи за словарь малорусскаго языка съ грамматикою Кузмищевъ не осуществилъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, Н. И. Костомаровъ внесъ 4,000 р. въ Академію Наукъ для преміи за лучшій словарь съ малорусскаго на русскій языкъ [2]). Тогда только осуществилось одно изъ желаній Кузмищева, намъ извѣстное изъ писемъ его къ Далю и Рейнике. Премія имени М. И. Михельсона, объявленная Академіей Наукъ за сборникъ русскихъ синонимовъ, напоминаетъ другое желаніе Кузмищева, высказанное въ письмахъ его: „у насъ нѣтъ и словаря синонимовъ... И это стоило бы академической задачи и наградъ"; а существующія лишь съ недавняго времени Губернскія Архивныя Коммиссіи цѣлью своею имѣютъ то, о чемъ писалъ Кузмищевъ въ своемъ „Средисловіи".

В. Савва.

---

[1]) Это „Собраніе" Камчатскихъ словъ обратило на себя вниманіе А. Ѳ. Бычкова. Въ письмѣ къ Погодину онъ указалъ на значеніе „Собранія", заключающаго въ себѣ объясненіе многихъ словъ, находящихся въ Сибирскихъ актахъ, и отмѣтилъ двѣ ошибки Кузмищева въ объясненіи словъ („Жизнь и труды М. П. Погодина" Н. Варсукова, VI, 227).

[2]) „Литературное Наслѣдіе" (Спб. 1890), стр. 516, № 250.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма къ В. И. Далю.

№ 1. [1])

Ваше письмо отъ 28 окт. я имѣлъ честь получить и, удовлетворяя желанію вашему, отвѣчаю на предложенные вопросы. Собранныя мною въ Сибири слова я послалъ еще въ 1832 г. изъ Камчатки въ Москву Обществу Любителей Словесности при тамошнемъ университетѣ, желая, чтобы слова были напечатаны въ трудахъ Общества; но оно тогда прекратило уже изданіе своихъ записокъ, и слова остались у секретаря Имп. Общества Сел. Хоз. безъ всякаго употребленія. По возвращеніи въ Петербургъ я отдалъ одинъ экземпляръ П. И. Рикорду [2]), а другой—Ф. И. Рейфу. Онъ тогда напечаталъ уже 1-й томъ своего русско-франц. словаря и въ прибавленіи ко 2-му помѣстилъ весьма немного словъ, заимствованныхъ отъ меня. Рукопись мою онъ передалъ Н. И. Гречу [3]), а у него, конечно, она завалялась въ бумагахъ. Еще одинъ экземпляръ я предоставилъ въ тоже время президенту Р. А., А. С. Шишкову, но онъ также, кажется, оставилъ мою тетрадку безъ вниманія и, стало быть, слова нигдѣ вполнѣ не были напечатаны. Наконецъ послѣдній экземпляръ попалъ *въ добрыя руки*—къ вамъ. А вы можете, и я прошу васъ, дѣлать изъ словъ какое угодно употребленіе, только оставьте мое имя при моемъ трудѣ, каковъ онъ ни есть. Попытаюсь еще, если только доберусь нынѣшней зимой до Петербурга, отдать одинъ экземпляръ

[1]) На полѣ написано (тою же рукою): *Далю Вл. Ив.*

[2]) Рикордъ, Петръ Ивановичъ (1776—1855), адмиралъ, съ 1817 г. по 1822 г. управлялъ Камчаткою, гдѣ учредилъ больницы и школы.

[3]) Гречъ, Н. И., авторъ „Пространной русской грамматики“, „Практической рус. грамматики“, „Чтеній о рус. языкѣ“; можно думать, что ему было передано собраніе словъ Кузмищева.

секретарю Р. Ак. Можетъ быть, онъ найдетъ что-нибудь годнымъ для полнаго Русскаго словаря, который Академія должна же когда-нибудь издать и дополнить свой первый трудъ. Мнѣ кажется, что собраніе мѣстныхъ словъ, употребляемыхъ въ разныхъ странахъ Россіи, есть прямое и настоящее дѣло Рос. Академіи. Она обязана собирать ихъ, а мы, люди сторонніе, должны трудиться въ частности. Не лишнее, если бы Академія сказала русское спасибо за такіе не совсѣмъ маловажные для нея подарки. Могла бы даже дать и медаль для побужденія другихъ къ подобнымъ трудамъ. Я этого не ищу, а право, работа стоитъ полтинника или цѣлковаго съ изображеніемъ совы (вмѣсто орла). По губерніямъ могли бы заняться такимъ дѣломъ скорѣе всего учителя гимназій и школъ. Но мы всѣ дремлемъ и молчимъ: надо насъ растолкать, чтобы возбудить къ труду и на дѣло. Безъ всякаго сомнѣнія найдутся люди, которые подорожатъ похвалою или благодарностью Р. Академіи (а теперь, когда дорожитъ она своими медалями, такъ никто, кажется, ими не дорожитъ) [1]). Если Академія даетъ медали за крестьянскіе розсказни, такъ собраніе словъ также имѣетъ какую-нибудь цѣну. Вотъ мои мысли о *словарѣ русскихъ нарѣчій*. Помоги Богъ вамъ составить его! А я обѣщаю прислать еще собраніе Астраханскихъ словъ. Ихъ набралось довольно— болѣе 150. Думаю отдать ихъ напечатать въ здѣшнихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ въ будущемъ году для того, чтобы не переписывать много экземпляровъ, и чтобы всякой могъ судить, дополнять и поправлять невѣрности или ошибки. А можетъ быть, и въ другихъ губерніяхъ кто-нибудь вздумаетъ заняться тѣмъ же. Вѣдь Губернскія вѣдомости размѣниваются между всѣми, хотя далѣе присутственныхъ комнатъ Губернскихъ правленій, можетъ быть, и не идутъ.

[1]) Въ скобкахъ зачеркнутое.

При сей вѣрной оказіи позвольте еще сказать нѣсколько словъ о любимомъ нами предметѣ—русскомъ языкѣ. Въ устахъ русскаго народа (а не въ книгахъ) живутъ еще сказки и присказки, пословицы и поговорки, загадки и скороговорки. Сказки и пословицы есть печатныя, такъ же, какъ и пѣсни, но далеко, кажется, не полны. Вамъ, конечно, случалось слышать не одну народную сказку о попѣ да батракѣ, а напечатаны ли онѣ гдѣ-нибудь, я, право, не знаю. Загадокъ и скороговорокъ у насъ довольно изустныхъ, а печатныхъ очень мало, и тѣ новѣйшаго произведенія. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ слишкомъ неблагопристойны и почти ужъ и недвусмысленны. Онѣ гуляютъ на томъ полѣ, которое извѣстно у насъ подъ именемъ Барковщины. Но кромѣ ихъ есть очень порядочныя и не глупыя. Неужели же хоть для святочныхъ игръ онѣ не столько же пригодны, какъ синонимы и проч. въ этомъ родѣ, привезенное къ намъ на св. Русь вмѣстѣ съ модами. Въ послѣднее время Сахаровъ подарилъ насъ „Сказаніями Русск. народа“, но мнѣ кажется, его планъ слишкомъ обширенъ и не по силамъ одному человѣку. Сахаровъ теперь замолчалъ, но онъ также намѣревался, помнится, и обѣщалъ издать словарь русскихъ нарѣчій.

Можно найти довольно особенныхъ и *новыхъ* (для насъ) [1]) *словъ въ старинѣ*. Онѣ давнымъ давно вышли изъ употребленія, утрачены и забыты, но вы отыщите ихъ въ старинныхъ лѣтописяхъ, грамотахъ, актахъ. Роясь въ архивной пыли, Карамзинъ возвратилъ намъ нѣкоторыя давно потерянные слова и обороты, какъ напр.: взять на копье, на щитъ; громить и друг.,—теперь все не вспомню. Д. И. Языковъ съ большою охотою отыскивалъ и пояснялъ старинныя слова, принося ихъ въ казну Энц. лекси-

[1]) Въ скобкахъ зачеркнутое.

кона [1]); хотя, по правдѣ сказать, онъ тутъ не совсѣмъ у мѣста. Но спасибо и за то.

У меня есть еще одинъ источникъ, который съ удовольствіемъ вамъ открою. Это—наши русскія фамиліи или прозванія, происхожденіе или, вѣрнѣе, словопроизведеніе которыхъ мы не знаемъ. Не говорю о татарскихъ или обрубленныхъ, какъ напр.: Юсуповъ, Бахметевъ и проч., или (Ше)Реметевъ, (Тру)Бецкой, (Ре)Пнинъ и проч. Но спросите у кого угодно: отъ чего произведены чисто русскія фамиліи, напр.: Лутохинъ, Тебеньковъ, Стадольскій, Ослоповскій, Ломоносовъ, Вахтинъ, Шульгинъ, Чекмаревъ и множество другихъ? Не всякій, я увѣренъ, дастъ вамъ скорый отвѣтъ, что такое значитъ лутоха и проч. Но слова или корни непремѣнно есть или были въ языкѣ и что-нибудь да значили же. Не многое вы найдете и въ словаряхъ. Съ вашего позволенія поясню нѣкоторые, какъ сумѣю: *лутошникъ*—молодой липовый лѣсъ, растущій отъ корней срубленнаго дерева; *тебеньки*—какая то принадлежность къ конской верховой упряжи; *шамша*—который не чисто выговариваетъ, какъ беззубая старуха; *шульга*—шуйца, лѣвша; *чекмарь*—деревяная колотушка. Обратите, если угодно, вниманіе на корни, отъ которыхъ произведены многія наши русскія фамиліи, и вы непремѣнно откроете много новыхъ словъ. Я на этомъ поприщѣ не пускаюсь *въ даль,* а вы можете смѣло писать, потому что, . . . ну, потому что у меня языкъ не поворачивается сказать что-нибудь похвальное въ глаза, а просто, потому что вы сами—*Даль.*

Вотъ все, что откровенно и запросто могъ повѣдать вамъ, какъ любителю русскаго слова. Смѣло и не безъ гор-

---

[1]) Д. И. Языковъ—писатель и переводчикъ, съ 1802 г. служившій въ департаментѣ Мин. Н Пр., участвовалъ въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара.

дости мы съ вами можемъ сказать иному, что русскій—родной языкъ,

Что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.

Астрахань. 27 ноября 1840 г.

№ 2.

Милостивый Государь,

Владиміръ Ивановичъ! [1])

Передъ выѣздомъ изъ Астрахани въ концѣ января я отдалъ собранныя мною слова (около 200) напечатать въ Губ. Вѣдомостяхъ. Не простите ли вы мнѣ, что безъ вашего дозволенія я осмѣлился посвятить ихъ вамъ? Знаю, что никто лучше васъ не оцѣнитъ этого собранія. При мнѣ въ 3-хъ №№ набрано уже было до буквы И, а въ слѣдующемъ редакторъ хотѣлъ помѣстить половину К. По отпечатаніи всѣхъ словъ, я просилъ непремѣнно отправить къ вамъ одинъ или два экземпляра. Примите ихъ въ полное свое распоряженіе, и да будетъ это посвященіе знакомъ моего искренняго къ вамъ почтенія и уваженія, хотя мы и не знакомы лично. По любви къ родимому нашему языку мы, кажется, съ вами давно уже не чужіе. Остановясь здѣсь не надолго у родныхъ, на досугѣ пишу къ вамъ съ половины моего пути отъ Ю. на Сѣверъ. Въ Архангельскъ надѣюсь прибыть черезъ мѣсяцъ.

Тверь. 24 февр. 1841 г.

[1]) На полѣ написано (тою же рукою) *Далю*.

№ 3.

М. Г. Вл. Ив. [1])

Не поторопился и я отвѣчать на письмо ваше отъ 20 дек. прошлаго года. Теперь только имѣю случай послать съ сослуживцемъ моимъ Евграфомъ Ал. Бодиско печатную тетрадку Астраханскихъ словъ. Я счелъ за лучшее отправить ее съ сослуживцемъ. Не помню хорошенько, что именно прибавлено въ печатномъ противу письменнаго, посланнаго къ вамъ прежде, а помнится, что есть прибавленія, того ради и посылаю. По крайней мѣрѣ вы можете видѣть по ней младенчество и бѣдность одной изъ нашихъ губернскихъ типографій. Прибавляю еще листокъ изъ Астр. Губ. Вѣд., содержащій дополненіе къ собранію прежде напечатанныхъ словъ. Въ этомъ я уже не грѣшенъ прямо, а развѣ только соблазнилъ и подалъ примѣръ, и не отвѣчаю ни словомъ, ни дѣломъ, т. е., ни за слова, ни за опредѣленія ихъ.

Г. Сахарову я сообщилъ недавно Астрах. слова черезъ лейтен. Крашен. [2]) а Сибирскихъ еще не послалъ: надо переписать. Поступайте съ имѣющимися у васъ, какъ угодно. Прошлаго года, бывши въ Петерб., я отдалъ собраніе словъ Д. И. Яз., тогда еще секретарю Рос. Акад. Полагаю, что слова—хоть и не всѣ, а пригодятся таки для русскаго словаря, который собирались (и все-то еще собираются) издать вновь. Изъ послѣдней рѣчи г. министра о словарѣ—признаюсь въ своей простотѣ—я что-то не все понимаю: аль она не про насъ сказана? А теперь и самой 60 лѣтн. старушкѣ

---

[1]) На полѣ написано (тою-же рукою) *Далю*. Письмо это не датировано; оно вплетено между писемъ, датированныхъ 1842 и 1843 гг.

[2]) Крашенинниковъ, Серг. Петр. (1871—70), писатель, служившій въ ученомъ Комитетѣ Морск. Министерства. Съ Серг. Петр. Крашенинниковымъ Кузмищевъ былъ въ перепискѣ.

Р. Академіи царство небесное и вѣчная память. Съ перемѣной фамиліи—согрѣшишь—подумаешь, какъ будто ее замужъ выдали. Конечно, она не пропала, а живетъ послѣ преобразованія подъ именемъ Отдѣленія Рос. слов. [1]) Оно, коли хотите, и тоже, да не такъ. Неужто и тутъ... разсчеты?—Пожалуй, чего добраго!

Помня вашу статью, помѣщенную въ Акад. вѣдомостяхъ, о русск. языкѣ, я, кажется, понимаю дѣло нѣсколько яснѣе.—И въ самомъ дѣлѣ, все кончается только разглагольствованіями, а дѣлателей и примѣровъ мало. А какъ заговорятъ еще на нѣмецкій ладъ, такъ и Боже упаси! Нѣкоторые образчики народнаго и родимаго можно найти у фонъ-Визина (слово въ Духовъ день) [2]), да у гр. Ростопчина (патріотическія афиши, мысли въ слухъ и одна или двѣ коляды). Но онѣ и не вызвали и не возбудили, кажется, подражателей. Залихвацкіе, кажется, немного натянуты и въ подметки не годятся хотя бы къ Силѣ Андр. Богатыреву. Вельтманъ и покойный А. С. Шишковъ съ братіею смотрѣли въ другую сторону (и не безъ пользы), рылись глубоко... Сахаровъ и другіе—помоги имъ, Боже,—раскрываютъ русскій духъ. А новой языкъ въ разныхъ кругахъ общества подслушали Загоскинъ, Грибоѣдовъ, да панъ Грицько, хоть онъ и не ходитъ *Гоголемъ* (подчеркнуто Кузмищевымъ). Сказки разсказали по-русски Пушкинъ (то ужъ на все голова!), да Ершевъ. О казакѣ Луганскомъ не смѣю сказать, а то перескажете ему. О дѣдушкѣ Крыловѣ тоже молчу: это особь статья. Изъ прежнихъ поэтовъ—попадется кое-что у Державина, а коли поискать, такъ найдется и у кн. Ив.

---

[1]) Въ 1841 г. къ Академіи Наукъ присоединена Россійская Академія, учрежденная въ 1783 г.

[2]) Должно быть „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ въ селѣ П*** ". („Русскіе писатели XVIII и XIX ст.", изд. Глазунова, стр. 212 и 678. Спб. 1866 г.).

Долгорукаго. Онъ теперь забытъ, но отъ него пахнетъ Русью. Изъ пѣсенъ, если угодно, примите въ этотъ разрядъ: мнѣ..., а не Дельвиговы и не Кольцова. Новаго я мало знаю; читаю однакожь, что попадется. Слышу, иногда хлопочутъ на Маякѣ [1]), а не смогу никогда прочитать краткихъ критиковъ Отеч. Запис. съ претензіями на народность. Кто ихъ знаетъ, о чемъ они толкуютъ безъ толку. Сію Библіотеку для уч. собратьевъ ругаютъ, а сами ей подражаютъ. Стало, что она не дурна, худого не принимаютъ. И выходитъ, что у насъ „вездѣ ругаютъ, а всюду принимаютъ", а въ этомъ случаѣ—всѣ читаютъ.

Здѣсь вспало мнѣ на умъ другое дѣло и, кажется, не невозможное, именно—изданіе *Губернскаго календаря* (подчеркнуто Кузмищевымъ). О цѣли, пользѣ и проч. можете видѣть изъ прилагаемой программы. Оно хоть не совсѣмъ ново, не мое, и есть у другихъ, а все таки ново еще у насъ въ Россіи. Здѣшній губернаторъ, находящійся теперь у васъ въ Петер. въ отпуску, принялъ отъ меня программу Календаря и обѣщалъ представить ее Мин. Вн. Д. Сомнѣваюсь немножко, выполнитъ ли онъ обѣщаніе, а еще болѣе опасаюсь, чтобы не переиначилъ чего-нибудь по своему, что у насъ таки водится. Коли выдастъ за свое,—это еще не бѣда: были бы только польза и добро для Россіи и для православнаго народа, а отъ меня ли, отъ него ли—все равно. Предполагая нѣкоторыя, быть можетъ и ошибочныя, опасенія, я осмѣливаюсь (хотя оно и не по вашему Д-ту) безпокоить васъ и усерднѣйше прошу при удобномъ случаѣ довести до свѣдѣнія министра о преднамѣреваемыхъ

[1]) Повидимому, „Маякъ", издававшійся въ 1840—45 гг. С. Бурачкомъ и П. Корсаковымъ, ставившій своею цѣлью защиту русской народности отъ вловредныхъ вліяній западнаго просвѣщенія (А. Н. Пыпина „Ист. рус. этнографіи", т. I, гл. X).

Губ. Календаряхъ. Желательно, по крайней мѣрѣ, знать: примется ли, отвергнется ли это. Примутъ—ладно, и не примутъ—не бѣда. А хочется сдѣлать что-нибудь полезное и принести для матушки Россіи хоть послѣднюю лепту добра.

№ 4. [1])

Ѳ. И. К... сказывалъ мнѣ, что вы собираете и желаете имѣть русск. сказки. Очень жалѣю, что не могу служить вамъ на этотъ разъ. Обѣщали мнѣ доставить кое-какія сказки, но обѣщаніе это по сію пору неисполнено. Я имѣю одну сказку „о царѣ Аггѣе", которую давно отослалъ М. П. Погодину для Москвитянина, но она все еще не явилась въ журналѣ. Были у меня когда-то Камчат. сказки о тамошнемъ родоначальникѣ Кутхѣ, но я лишился ихъ въ пожарѣ. Это, однакожъ, не русскія сказки. А наши родныя, напр., объ Иванушкѣ-дуракѣ, о Жаръ-птицѣ не вездѣ разсказываются одинаково; оно и не можетъ быть иначе, когда переходитъ только изустно, а не письменно, и потому мнѣ кажется, что сказки объ одномъ и томъ же героѣ могутъ быть изданы съ варіантами. И то еще, надо сказать, что для собранія сказокъ лучше, кажется, разъѣзжать по деревнямъ, и разъѣзжать не торопясь, а не быть приковану, какъ мы бѣдные, на одномъ мѣстѣ, и потому скорѣе всего могутъ заняться собраніемъ сказокъ тѣ гражданскіе чиновники, которые по дѣламъ службы ѣздятъ или живутъ иногда по деревнямъ. Дѣло бы казалось очень простое, но не всякой за него возьмется: иной не сумѣетъ, другой не любитъ и не понимаетъ важности дѣла, а тому кажется и стыдно:

---

[1]) Письмо безъ хронологической даты. На полѣ написано тою же рукою *В. И. Далю*. Слѣдующее письмо, начало котораго находится на томъ же листѣ, датировано 1845 г.

какъ, дескать, заниматься чиновнику мужицкими сказками. А иногда и своя братья подсмѣются. Постараюсь и попытаюсь еще добыть, что могу, сказочнаго и тогда отправлю вамъ. А отъ васъ будемъ ждать изданія русскихъ сказокъ, собранныхъ на Руси. Да помогутъ вамъ въ этомъ всѣ русскіе могучіе богатыри!

Ахъ! Владим. Иван., много видишь на святой Руси, что надо бы сдѣлать и обработать для добра и пользы, да не все то сможется. А между тѣмъ старѣешся. Хоть бы сказать объ архивахъ. Навѣрное изъ каждаго—возьмите любой—можно извлечь прелюбопытныя извѣстія. Въ нихъ прошлая жизнь Россіи, ея городовъ и управленій. Археографическая Коммиссія—дай Богъ ей здоровья—представила намъ по милости правительства множество историческихъ актовъ, но это все слишкомъ давнее, а что было послѣ Петра, до того еще немногіе дотрагивались; все дожидаемся нѣмцевъ—Миллеровъ да Шлецеровъ, а безъ нихъ не осмѣливаемся приняться. Былъ, правда, у насъ покойный В. Н. Берхъ [1]), и есть теперь Висковатовъ [2])—люди, которые порылись въ архивахъ и знаютъ имъ цѣну. А кто, спрашиваю, разбиралъ у насъ архивы старыхъ городовъ и разныхъ правительственныхъ мѣстъ? Между тѣмъ бумаги тлѣютъ или растаскиваются (что грѣшить на мышей!) самими же сторожами и продаются связками въ лавочки, а тамъ идутъ на завертки или подъ пироги. Много ли мы знаемъ объ Екатерининскомъ времени? а вѣдь не прошло еще и полувѣка послѣ нея! Ужъ и Павлово царствованіе становится (пока не стало) темно и забыто... Всюду надо охочихъ и мало-мальски смышленныхъ людей, а коли и найдутся

[1]) Берхъ, Вас. Никол. (1781—1834), воспитанникъ Морского кадетскаго корпуса. извѣстный своими историко-географическими трудами.

[2]) Повидимому, Алекс. Вас. Висковатовъ (1804—1858), русскій военный историкъ.

такіе, такъ имъ ни поощренія, ни воли не даютъ, мало того, да еще смѣются надъ подобными охотами,

А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

№ 5.[1])

Простите, что запоздалъ отвѣчать на письмо ваше отъ 26 февр.; причина того моя болѣзнь.

Собранныя мною слова Камч. и Астрах. напечатаны были—первыя въ Москвитянинѣ 1842 г. № 3, а примѣчанія къ нимъ въ... 12 № того же года, Астраханскія же въ первыхъ №№ тамошнихъ Губернскихъ вѣдомостей 1841 г. Я бы послалъ вамъ и тѣ и другія слова, но печатныхъ экземпляровъ у меня нѣтъ, а велю переписать и буду имѣть честь доставить къ вамъ вмѣстѣ съ Архангельскими, когда кончится печатаніе ихъ въ здѣшнихъ Губ. вѣдомостяхъ, что я и безъ напоминанія вашего намѣренъ былъ непремѣнно сдѣлать. Изданіемъ словаря русскихъ нарѣчій вы обогатите лексикографію нашего родного языка и откроете намъ такое богатство, котораго мы у себя едва ли и подозрѣвали. Академія Наукъ давно обѣщаетъ издать словарь, но и по сію пору мы его не видимъ. У насъ недостаетъ еще *Малороссійскаго словаря* (подчеркнуто Кузмищевымъ), хотя являлись на этомъ нарѣчіи сочиненія Когляревскаго, Квитки и другихъ. Недостаетъ также словаря *Бѣлорусскаго нарѣчія*. Между тѣмъ какъ у другихъ славянскихъ племенъ есть уже словари[2]). Смѣю объявить свое мнѣніе, хоть и въ тихомолку, между нами, что это обязанность особаго отдѣленія Акад. Наукъ. Оно могло бы объявить на это задачу съ

[1]) На полѣ (тою же рукою) *Вл. Ив. Далю. 19 марта 1847 г.*

[2]) На полѣ тою же рукою: *Польскій Линде.*

обѣщаніемъ награды разныхъ степеней, т. е., за лучшій и полный Малор. словарь съ грамматикою—столько то, за другой—00, и даже за неполной—00. Тогда, вѣроятно, найдутся дѣлатели, и будутъ надѣяться, что труды и издержки ихъ вознаградятся и не пропадутъ задаромъ. Да неужели не найдется малороссійскихъ пановъ, которые пожелали бы видѣть свой родной словарь? Неужели нѣтъ уже нынѣ Румянцовыхъ, Безбородко и Демидовыхъ? О собраніи и изданіи словарей областныхъ нарѣчій помышлялъ и говорилъ за сто лѣтъ нашъ великій Ломоносовъ. Объ этомъ, помнится, я читалъ въ изданной Пассекомъ портфели Ломоносова.

У насъ нѣтъ и словаря синонимовъ. Опытъ Калайдовича, нѣсколько синонимовъ фонъ-Визина, Сахарова и друг., разбросанные въ журналахъ, только попытки. И это стоило бы академической задачи и наградъ. А безъ того ничего не будетъ. Развѣ не обязана Академія пояснить намъ, такъ сказать, взвѣсить каждое слово на аптекарскихъ вѣсахъ? Ея дѣло сказать, что значитъ и гдѣ должно употребить: бранить, ругать; воровать, красть; брать, взять; глядѣть, смотрѣть; печаль, горе, тоска, скука, унынie; горло, гортань, глотка... И никто еще не пояснилъ намъ этихъ *равносмысловъ*.

Техническія слова въ наукахъ и ремеслахъ не стараются замѣнить своими русскими, а если иногда и пытались, то несовсѣмъ удачно. Нельзя же сдѣлать все, и сдѣлать вдругъ. По военнымъ наукамъ начиналъ Тучковъ. Иностранныя слова, вошедшія въ русскій языкъ, собралъ и пояснилъ Яновскій [1]) въ своемъ Словотолкователѣ, и у

[1]) Яновскаго Н. М.: „Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащій разныя въ россійскомъ яз. встрѣчающіяся иностран. рѣченія и техническіе термины“ и т. д. 3 ч. Спб. 1803—4 гг.

него, однакожъ, цѣль хотя и близкая, но не та. По медицинѣ замѣняли Лепехинъ [1]), Загорскій [2]) и друг., а наши морскіе термины никто еще, кажется, и не начиналъ замѣнять русскими. Лѣтъ за 40 Росс. Академія въ собраніяхъ своихъ разсуждала иногда объ этомъ предметѣ, но что она сдѣлала—не извѣстно и пропало. Помню, объ этомъ что-то было въ Сѣв. Вѣстникѣ, изд. Ив. Мартыновымъ [3]). Хлопоталъ объ этомъ и Шишковъ [4]). А по сію пору все осталось по старому. Привычка—вторая натура, но привычка истребляется другою привычкою по волѣ человѣка, или по необходимости. Въ примѣръ новаго, не русскаго, хоть бы сказать о неоконченномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ; кто же изъ простонародья—попы, купцы и друг.—пойметъ, что это за книга и о чемъ? Неужели его нельзя было назвать *Словарь всеобщихъ свѣдѣній*, или какъ иначе, лишь бы по-русски; тогда бы поняли. Диво еще, что не назвали прямо съ нѣмецкаго Конверенціонъ-Лексиконъ. А все наши учителя и грамотеи, да журналисты, смотрящіе на Русь и на все въ ней въ западные очки. Ну, кто русскій, не привыкшій съ дѣтства, выговоритъ перпендикуляръ, параллелограмъ и т. п. Ни ухо ваше не дослышитъ, ни языкъ не поворотится, потому что такое дикое, можно сказать, сочетаніе словъ не въ духѣ нашего языка. Еще таки скажетъ иной пенпендикуляпъ, а уже параллелепипедъ и барыни наши—не всякая

---

[1]) Лепехинъ, И. И. (1740—1802 гг.), докторъ медицины, извѣстный путешественникъ и ботаникъ.

[2]) Повидимому, П. А. Загорскій (1764—1846 гг.), профессоръ Спб. медико-хирургической академіи, авторъ многихъ работъ по его спеціальности.

[3]) И. И. Мартыновъ (1771—1833 г.г.), издавалъ въ 1804—5 гг. „Сѣверный Вѣстникъ“.

[4]) А С. Шишковъ, авторъ знаменитаго „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ рос. яз.“.

выговоритъ, понятія же эти слова о самихъ себѣ не даютъ намъ никакого, потому что въ нихъ не то корня—ни листка нѣтъ русскаго. Почему бы въ школахъ не вводить по-маленьку, исподволь русскія слова на мѣсто чужихъ. Это дѣло Министерства Народн. Просв. Стоило бы предложить объ этомъ всѣмъ преподавателямъ наукъ; безъ всякаго сомнѣнія на этотъ призывъ откликнулись бы многіе. Чѣмъ же худы слова: поперечникъ=діаметръ, полуденникъ=меридіанъ, обзоръ=горизонтъ, тепломѣръ=термометръ, мачтабъ=мѣрило и т. п. Почему бы не назвать: дружка—параллельная (не равноотстоящая, какъ домогался Шишковъ; это слово длинно и тяжело; и вообще причастія, по моему, не хороши, хотя и введены иныя, напр. сѣкущая), прямикъ—перпендикуляръ (а не отвѣсъ, какъ предлагали) и множество, множество другихъ словъ. Сначала, конечно, покажется странно и не ловко, но дѣтямъ заучивать все равно—что то, что другое, а русское, гдѣ есть свой коренной смыслъ, еще и легче. Во время Петра I и умноженіе и дѣленіе называли мультипликація и дивизія, теперь это забыто. А новые *типы* и рамы (дагерротипъ, діорама, косморама)—къ чему они пестрятъ и искажаютъ нашъ мужественный, богатой языкъ? И неужели нельзя ихъ перевести по—русски? Пораздумайте и попытайтесь. Назвалъ же Бестужевъ видопись=ландшафтъ, развѣ это худо?—а не принялось. Помню, что начинали было и пароходъ называть стимботъ; но тутъ русское слово удержалось, а чужія пропали, хоть и пароходъ, по мнѣнію о. Герасима Павскаго, не вѣрно. Зачѣмъ у насъ госпиталь и лазаретъ, коли есть больницы (для бѣдныхъ) и лечебница (глазная). Да такъ сначала принято! Другого въ оправданіе сказать нечего. Еще таки туда-сюда въ физикѣ и химіи *роды* и *творы* (водородъ, теплотворъ и друг.). Не говорю о названіяхъ модныхъ матерій, вещей и подобныхъ вздорахъ—надъ этимъ не стоитъ ломать голову.

Панталоны, фракъ, жилетъ—всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ. Все это также скоро выйдетъ изъ языка, какъ и приходитъ въ Россію. Оно такъ и бывало. Но для чего наши барыни не хотятъ или не умѣютъ назвать по-русски: ожерелье, запястье, звонокъ и проч., а непремѣнно зовутъ: кольé, браслетъ, сонетка? Не понятно и жалко. Ни сатиры, ни комедіи насъ не исправили. Напрасно однакожъ желать— я и не хочу этого—замѣнить все чужое своимъ. Всего не возможно, и было бы безумно и смѣшно. Много освящено уже временемъ и давно обрусѣло, да и для выговора не трудно, напр.: кубъ, квадратъ, артиллерія, аптека, мастеръ, провизія и проч. и проч. употребительны и въ народѣ такъ же, какъ всѣ слова, относящіяся до церкви и ея принадлежностей, принятыя съ греческаго. И зачѣмъ намъ непремѣнно выдумывать все новое, я этого не говорю, иное можно заимствовать безъ стыда и безъ грѣха отъ соплеменныхъ народовъ, не все же брать отъ французовъ, аль отъ нѣмцевъ.

Хоть у китайцевъ бы нѣсколько занять! Почему бы ваши петербургскіе тротуары не назвать съ польскаго ходниками? Это слово означало бы самую вещь, и было бы ясно и понятно всѣмъ и каждому. Замѣтьте, однакоже, что ваши дворники называютъ ихъ не тротуарами, а панелями Многое зависитъ отъ начала и отъ журналистовъ отчасти въ наше время. Назовутъ сперва толково, дѣльно и умно— оно такъ и пойдетъ на вѣки. Напр., Петръ I бралъ все торопливо и ввелъ множество чужихъ словъ въ администрацію. Возьмите хоть одни горные чины: оберъ—бергъ—гауптманъ и др. Кто же нашъ братъ русскій выговоритъ ихъ сразу безъ ошибки? А вѣдь держатся болѣе вѣка! И развѣ нельзя было произвести и дать названіе горнымъ чинамъ и должностямъ отъ словъ: гора, руда, рыть, копать, плавить и т. п.? Петру обдумывать эти мелочи былъ недосугъ, а учителя были нѣмцы. Форшмейстера замѣнили же лѣсни-

чимъ—и весьма недавно. Придворные и другіе чины при Петрѣ же получили переименованіе на нѣм. ладъ. Екатерина II была гораздо осмотрительнѣе. При ней у насъ явилась Палата, Приказъ общественнаго призрѣнія, Управа благочинія, Верхняя и Нижняя расправы, Городничій, Приставъ, Намѣстникъ и др. И все прекрасно, вѣрно, все по-русски, всякой понималъ, въ чемъ дѣло!

Въ грамматикѣ и правописаніи у насъ что-то похожее на расколы. Знать, что безъ сенатскаго указа не обойдется.

Простите меня за длинноту моего письма. Не могу удержаться и быть молчаливымъ и краткимъ, когда дѣло дойдетъ до русскаго языка. Я, можетъ быть, покажусь вамъ похожимъ на великаго мужа русской грамматики Карамзина,—только пока еще никто не выстегнулъ мнѣ глазъ, потому что берегусь и не останавливаю встрѣчнаго и поперечнаго. Но, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Еще слово о пословицахъ. Киньте намъ, ради Христа, хоть кусочекъ ихъ. Отдайте частицу, покажите образчикъ въ к.-н. журналѣ, хоть въ Иллюстраціи [1]) и въ другихъ, болѣе расходящихся по Россіи, хоть въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Мы тогда будемъ имѣть лучшее понятіе о планѣ вашего собранія пословицъ. Ваше начало, съ легкой руки, можетъ быть, родитъ подражателей. Россія велика—

Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить.

Смѣкаю, что надъ пословицами вамъ много будетъ работы и раздумья, куда какую поставить въ свое мѣсто. Иную не приведется ли, какъ и алфавитныя, привести 2

[1]) „Иллюстрація“ – еженедѣльное изданіе, выходившее въ Спб. съ 1845 г. по 1848 г. включительно; главное вниманіе изданія было обращено на описаніе Россіи. Сотрудникомъ „Иллюстраціи“ былъ Даль.

раза или поставить въ 2 разряда? Возьму, въ примѣръ, хоть одну: „два брата на медвѣдя, а два свояка на кисель“ (напускаются, идутъ смѣло). Куда отнести ее: къ храбрости, къ дружбѣ, къ смѣлости, или къ самохвальству? кого выставить—братьевъ или сватовъ? Впрочемъ, не зная и не видя образчика, и судить нельзя. Не лишнее, мнѣ кажется, опредѣлить, что такое пословица, поговорка, присловье?

Жалѣю, что въ жизни своей я не записывалъ всѣхъ пословицъ, какія слыхалъ, понадѣясь, что уже есть, дескать, собранныя Княжевичемъ, Богдановичемъ (въ стихахъ) или въ письмовникахъ Курганова, а иныя и въ азбукахъ. (Есть у меня, правда, запрещенныя, да съ ними нельзя показаться въ люди) [1]).

А кто то подаритъ насъ добрымъ собраніемъ загадокъ и скороговорокъ? Нешто Сахаровъ? Ему бы кстати: это тоже „Сказанія русскаго народа“. Было нѣсколько загадокъ у Сахарова, да въ „Маякѣ“ 843 или 44 гг., и все тутъ, но ихъ довольно живетъ въ народѣ. А пѣсни-то, пѣсни! Сколько ихъ не записано и пропало! Между тѣмъ Вас. Логиновъ снабжалъ черезъ ходебщиковъ всю Россію пѣсенниками каждый годъ. А что толку? Посмотришь, посмотришь, да и бросишь, коли не плюнешь, какъ Гоголь: то водевильные куплетцы, то новые нѣжные романсы безъ смысла, а все не наше, ничего народнаго. Ни Богу свѣча, ни черту кочерга. А ну ихъ!

Еще разъ простите меня за длиноту письма ради родимаго русскаго языка, который мы любимъ равно.

Есть у меня, почтенный Вл. И., до васъ другое дѣло, касательно новаго нашего Географическаго Общества и губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ, но объ этомъ, если позволите, отложимъ лучше до другого письма.

---

[1]) Въ скобкахъ зачеркнутое.

Душевно желаю вамъ поболѣе досуга и здоровья. Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностью и всегдашнею готовностью исполнять, какъ сумѣю и смогу, всѣ добрыя желанія ваши,

Имѣю честь быть вашъ покорный слуга П. К.

№ 6. [1])

М. Г., Вл. Ив.! Очень радъ, что выполняю, наконецъ, давнишнее мое обѣщаніе, препровождая къ вамъ астраханскія слова. Противу прежнихъ, напечатанныхъ въ тамошнихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1841 г., есть нѣкоторыя дополненія и исправленія. Другой такой же экземпляръ послалъ я въ Акад. Наукъ по Отдѣленію Рос. языка и словесности. Пригодится, можетъ быть, тамъ при составленіи обѣщаннаго словаря провинціальныхъ нашихъ нарѣчій. Слова камчатскія и сибирскія, собранныя мною прежде, вамъ извѣстны. Онѣ были напечатаны въ Москвитянинѣ 842 г. Недавно видѣлъ въ Библіотекѣ для чтенія Словарь сибирскихъ словъ, приложенныхъ къ пѣснямъ. Но тутъ довольно общеизвѣстныхъ и, слѣдовательно, напрасно записанныхъ словъ.

Препровождаю вамъ еще черновую небольшую тетрадь архангельскихъ пѣсенъ. Новаго и дѣльнаго вы тутъ найдете, кажется, немного. Если же изберете изъ нихъ, которыя и прикажете списать для себя, тогда тетрадь прошу мнѣ возвратить. Были въ рукахъ еще сто пѣсенъ, собранныхъ учителемъ Борис. въ Шенк. уѣздѣ. Онѣ назначались, кажется, для Географич. Общества. Изъ нихъ я избралъ историческія, въ родѣ извѣстныхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ, и послалъ нынѣшнею осенью М. П. Погодину, а онъ передалъ ихъ Киреевскому. Когда-то онъ издастъ свое

[1]) На полѣ (тою же рукою) *Вл. Ив. Далю. 5 дек. 848 г.*

собраніе разнородныхъ русскихъ пѣсенъ? Показывали мнѣ здѣсь еще собраніе свадебныхъ пѣсенъ, собранныхъ учит. Жаровымъ, съ описаніемъ обрядовъ и съ *нотами плачей*. Описаніе обрядовъ немножко бы высоко и напыщенно: можно бы написать и попроще. Свадебныя пѣсни Жароваго назначались также для Географ. Общ.

Инспекторъ здѣшней гимназіи И. А. Никольскій сказывалъ мнѣ, что вы писали къ нему и просили о доставленіи пѣсенъ. Но онъ говоритъ, что у него таковыхъ не имѣется, а что было, то все исчезло въ прошлогоднемъ пожарѣ. Г. Никольскій смотритъ на дѣло съ экономической стороны и говоритъ, что всѣ эти собранія стоятъ не малыхъ трудовъ и нѣкоторыхъ издержекъ, и что издатели послѣ выдаютъ все это за свое и пользуются не токмо славою или извѣстностью, но и прибылью, а первоначальнымъ собирателямъ ничего не достается. Я, однакоже, старался убѣдить г. Никольскаго, что по любви къ своему родному русскому должно откинуть всякіе корыстные разсчеты, что никто ему не мѣшаетъ выдавать въ свѣтъ и печатать свое самому и проч. Онъ обѣщалъ при будущихъ своихъ поѣздкахъ по губерніи собирать пѣсни, повѣрья, пословицы и т. п. народныя преданія и особенности. Дай Богъ ему успѣха! По сношенію съ учителями во всѣхъ уѣздахъ губерніи, онъ имѣетъ болѣе возможности, чѣмъ кто другой, къ собранію всего народнаго [1]).

Жаль, что наши губ. Статистич. Комитеты дѣйствуютъ весьма слабо или даже и совсѣмъ не дѣйствуютъ. А они

---

[1]) Этотъ Никольскій послалъ М. П. Погодину „Описаніе свадебъ Архангельской губ.“, составленное чиновникомъ дирекціи училищъ Арханг. губ., для напечатанія въ „Москвитянинѣ“, и собранныя пѣсни въ Арханг. губ., вмѣстѣ съ словами и загадками, для передачи академику И. И. Давыдову (Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, VII, 227).

могли бы сдѣлать многое для познанія и изученія нашей матушки Россіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы намѣрены здѣсь, въ началѣ наступающаго года, издать „Справочную книжку“ на 849 г., въ родѣ Губернскаго календаря. Матеріалы или статьи уже готовы, но опять не знаемъ, будетъ ли такое губернское изданіе разрѣшено министромъ. Примѣровъ, однако же довольно: есть календари одесскій, кавказскій и др. Почему не быть архангельскому? Если изъ нашего мрачнаго и холоднаго сѣвера не можетъ исходить прочнаго и продолжительнаго свѣта, то можетъ быть хоть временное и непродолжительное сѣверное сіяніе.

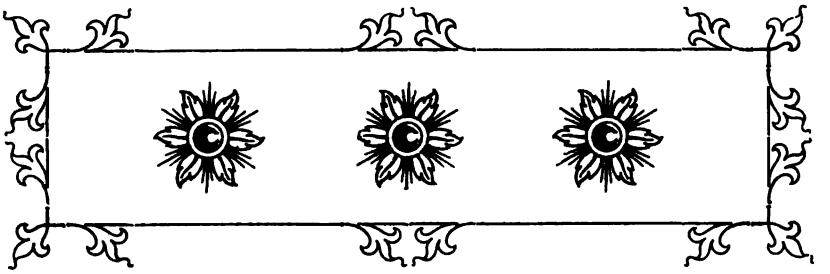
№ 7. [1])

Письмо ваше отъ 15 февраля и потомъ возвращенную тетрадь пѣсенъ получилъ исправно. Посылаю теперь, при случаѣ, тетрадь свадебныхъ пѣсенъ. Я получилъ вчера отъ директора здѣшней гимназіи г. Никольскаго. Тѣ же пѣсни поются и въ другихъ уѣздахъ Архангельской губ. Если надобно, то прикажите ихъ списать для себя и не замедлите возвратить, потому что я своевольно, безъ дозволенія г. Никольскаго, посылаю вамъ. Ко мнѣ можно возвратить ее по казенному, адресуя „Капитану надъ Арх. портомъ“. Съ величайшимъ любопытствомъ жду собранія вашихъ пословицъ и русскаго народнаго словаря. Это будетъ важнѣйшее пріобрѣтеніе нашей народной словесности. О народности было довольно толковано, а дѣла впередъ не подвинули. У меня набралось еще до полутораста здѣшнихъ словъ, которыхъ въ послѣднемъ словарѣ Академ. я не нахожу. По прежнему отпечатаю ихъ въ нашихъ Губ. Вѣдомостяхъ. Спасибо, наша домашняя цензура не слишкомъ то, кажется, придирчива,

[1]) На полѣ (тою же рукою): *Вл. И. Далю. 18 марта 1849 г.*

а что печатается у насъ, то немногіе въ Россіи читаютъ. По отпечатаніи непремѣнно представлю вамъ экземпляръ новонабранныхъ словъ.

Мы здѣсь, на далекомъ сѣверѣ, должны благодарить просвѣщенное вниманіе М. В. Дѣлъ. Онъ дозволилъ, наконецъ, издавать здѣсь „Справочную книжку Арх. губ.“, хотя не иначе, какъ черезъ общую цензуру и не безъ ограниченій. Не позволяется печатать того, что есть въ Академич. календарѣ, напр. святцовъ и т. п. Итакъ, у насъ будетъ свой Губернскій Календарь, но явится не ранѣе, какъ на будущій 850 г. Теперь издавать его на 849 г. уже не своевременно и поздно. Авось, глядя на насъ и на Воронцовскіе—одесскій и кавказскій календари, начнутъ издавать и въ другихъ губерніяхъ. Дивлюсь, почему древняя столица наша Москва, издавая свои Университет. Губернск. и Полиц. вѣдомости, не вздумаетъ по сію пору издавать свой особый календарь. Тутъ уже подлинно можно сказать—„Москва, вишь, виновата“. Да за что и для чего эта привиллегія, или календарная монополія, принадлежитъ одной только Академіи Наукъ? За что?



Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ,

публицистѣ XVI вѣка.

I.

Именемъ Ивана, Ивашки или Иванца Семенова сына Пересвѣтова надписано нѣсколько весьма интересныхъ и своеобразныхъ статей—замѣчательнѣйшихъ памятниковъ политической литературы Московской Руси половины XVI-го вѣка. Статьи эти не только всѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ общей своей идеей и окраской, но также въ отношеніи внѣшней формы и литературнаго состава часто взаимно сплетаются и сливаются съ собою, вслѣдствіе чего нѣкоторые изслѣдователи неоднократно даже смѣшивали и связывали ихъ другъ съ другомъ, усматривая въ нихъ только отдѣльныя части или различныя редакціи одного цѣльнаго сочиненія. Какъ бы то ни было, впрочемъ, въ виду этого замѣчательнаго внутренняго единства и несомнѣнной взаимной связи ихъ содержанія и изложенія, въ одномъ отношеніи тутъ, помимо настойчивыхъ авторскихъ скрѣпъ, никакого сомнѣнія быть не можетъ въ принадлежности ихъ всѣхъ одному и тому-же автору.

„Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.“, кн. XX, в. III, отд. V.

Замѣчательное и своеобразное, хотя и весьма незначительное по объему, литературное наслѣдіе Ивашки Пересвѣтова, равно какъ и его, обрисованная имъ самимъ, яркая и загадочная личность, и самое даже незаурядное и звучное имя его, привлекая къ себѣ съ давнихъ поръ любопытное вниманіе изслѣдователей русской исторической и литературной старины, вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно возбуждали въ наукѣ, въ томъ или другомъ отношеніи, многія и разнообразныя недоумѣнія и сомнѣнія.

Прежде всего, съ легкой руки стараго Карамзина, неоднократно возбуждался вопросъ о томъ, подлинны-ли эти сочиненія, дѣйствительно-ли они были написаны въ царствованіе Іоанна Грознаго, къ которому они относятся по своему содержанію,---или же это только тенденціозная позднѣйшая поддѣлка, имѣвшая цѣлью заднимъ числомъ объяснить и оправдать нѣкоторыя историческія явленія того времени? Въ связи съ этимъ, весьма сомнительными представлялись нѣкоторымъ изслѣдователямъ также тѣ немногія, но яркія автобіографическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о себѣ самъ Пересвѣтовъ, тѣмъ болѣе, что никакихъ другихъ свѣдѣній и данныхъ о немъ до самаго послѣдняго времени не имѣлось. Наконецъ, сильныя сомнѣнія вызывало даже самое имя Ивашки Пересвѣтова, которое, вслѣдствіе этого, и было признано псевдонимомъ неизвѣстнаго лица, или даже коллективнымъ псевдонимомъ нѣсколькихъ писателей.

Какъ это ни странно, однако, но вопросъ о Пересвѣтовѣ и его сочиненіяхъ почему-то не былъ подвергнутъ до сихъ поръ, на протяженіи почти ста лѣтъ своего научнаго интереса, хоть мало-мальски цѣльному, сколько-нибудь подробному и внимательному обслѣдованію и разсмотрѣнію. Все еще не только совершенно не разобраны и не разсмотрѣны самые тексты сочиненій Пересвѣтова и не выяснены ихъ взаимныя отношенія, ихъ логическая и текстуальная

связь и хронологическая послѣдовательность, но даже не обслѣдованъ и не разграниченъ еще ихъ внѣшній составъ, не опредѣлены ихъ редакціи и списки, не установлено даже ихъ общее число. Точно также ничего цѣльнаго и существеннаго не сдѣлано до сихъ поръ въ отношеніи выясненія, провѣрки и установленія данныхъ біографіи Пересвѣтова, а только болѣе или менѣе легкомысленно трепалось и разгадывалось его необычное имя. Все же, что было въ этомъ отношеніи сдѣлано, ограничивается изданіемъ, и то не всегда удовлетворительнымъ, нѣсколькихъ сырыхъ текстовъ и рядомъ случайныхъ и бѣглыхъ, болѣе или менѣе сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ, замѣчаній и предположеній, которыя въ своей совокупности только еще болѣе спутали и осложнили этотъ темный и сложный вопросъ*).

Не имѣя въ виду останавливаться здѣсь на самыхъ сочиненіяхъ Пересвѣтова, критическое разсмотрѣніе состава и

---

*) Впрочемъ, оговоримся, кое-что въ этомъ отношеніи, повидимому, было сдѣлано уже проф. С. Ѳ. Платоновымъ и пок. М. И. Соколовымъ съ одной стороны, и А. С. Николаевымъ, съ другой; но всѣ эти работы пока еще не опубликованы вовсе и извѣстны только по краткимъ схематическимъ отчетамъ, такъ что приходится считать ихъ все-таки какъ-бы не существующими въ дѣйствительности, болѣе или менѣе отвлеченными дезидератами, пользоваться которыми въ наукѣ пока-что совершенно невозможно. Въ послѣднюю же минуту, благодаря любезности проф. М. Н. Сперанскаго, получено нами извѣстіе, что Московскимъ О-вомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ издается нынѣ собраніе сочиненій Пересвѣтова подъ редакціей молодого ученаго В. Ѳ. Ржиги, который предпосылаетъ ему также, въ видѣ предисловія, обстоятельное изслѣдованіе о сочиненіяхъ и личности этого писателя. Привѣтствуя этотъ, давно уже необходимый и желанный трудъ, остается только пожелать, чтобы и прежніе, скрытые подъ спудомъ, труды упомянутыхъ выше ученыхъ появились по возможности скоро въ свѣтъ, чтобы, такимъ образомъ, былъ заполненъ этотъ чувствительный и обидный пробѣлъ въ нашей наукѣ.

взаимоотношеній которыхъ предполагаемъ представить вскорѣ въ другомъ мѣстѣ, мы попытаемся пока только, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ и соображеній, вновь разсмотрѣть и, по возможности, разъяснить и устранить отмѣченныя выше недоумѣнія и сомнѣнія, какъ относительно подлинности этихъ сочиненій и ихъ принадлежности къ половинѣ XVI-го вѣка, вообще, такъ и по отношенію къ біографіи и имени ихъ автора, въ особенности.

II.

Изъ сочиненій Ивашки Пересвѣтова приведены въ извѣстность и изданы доселѣ слѣдующія отдѣльныя статьи:

„Сказаніе о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія",—издано дважды: по рукописи нач. XVII в. Казанской Духовн. Акад. № 43—И. Добротворскимъ въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета", 1865, I, 21—27; и по Хронографу XVII в. Моск. Синодальной библ. № 135—А. Н. Поповымъ въ его „Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ Хронографы русской редакціи", Москва, 1869, стр. 165—167 *). Безъ имени Пересвѣтова и въ значительно измѣненномъ и

*) Списки этого сказанія очень часто встрѣчаются въ рукописяхъ, особенно въ Хронографахъ, XVII и XVIII вв. См. напр.: А. Х. Востоковъ, „Описаніе рус. и слов. рукоп. Румянцовскаго Музеума", Спб. 1842, стр. 766 и 786; П. М. Строевъ, „Библіотека О-ва Ист. и Древн. Росс.", Москва, 1845, стр. 104; его-же „Библіологическій Словарь", Спб. 1882, стр. 137; А. Ѳ. Бычковъ, „Описаніе слав. и рус. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ.", Спб. 1878, I, 174; его-же „Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева", Спб. 1897, стр. 228 и 323; Н. И. Петровъ, „Описаніе рукоп. Ц.-арх. Музея при Кіев. Дух. Акад.", Кіевъ, 1877, II, № 470 и 539; А. А. Титовъ, „Рукописи слав. и рус. принад. И. А. Вахрамѣеву", Москва, 1892, II, 215 и 310, и др.

распространенномъ видѣ вошло это сказаніе также въ составъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи, гдѣ оно непосредственно примыкаетъ къ сказанію о паденіи Цареграда подъ 1453 годомъ *).

Личная челобитная царю Іоанну Грозному, съ просьбой о воспомоществованіи и защитѣ отъ обидъ со стороны „великихъ людей",—издана С. А. Бѣлокуровымъ, по рукописи XVII в. Моск. О-ва Ист. и Древн. № 198, въ „Чтеніяхъ" того-же О-ва, 1902 г., кн. IV, отд. 2, стр. 13—14 **).

---

*) „Руская Лѣтопись по Никонову списку", Спб. 1789, ч. V, стр. 261—277; въ новомъ изданіи—„Полн. Собр. Рус. Лѣтописей", Спб. 1901, т. XII, стр. 100—108. На близкую связь „Сказанія" съ соотвѣтственной главой Никоновской лѣтописи указалъ уже А. Н. Поповъ въ своемъ „Обзорѣ Хронографовъ русской редакціи", Москва, 1869, II, 84—87. Проф. С. Ѳ. Платоновъ, въ свою очередь, усматриваетъ въ этой лѣтописной редакціи даже „первоначальный текстъ трактата", причемъ, однако, признаетъ его неисправнымъ и неполнымъ, представляющимъ только „вторую половину" цѣльнаго сочиненія, какимъ онъ считаетъ всѣ статьи Пересвѣтова въ совокупности. См. „Записки Имп. Рус. Археолог. О-ва", т. XII, новая серія: „Труды отд. слав. и рус. археологіи", кн. V, Спб. 1901, стр. 395—396 (Протоколы). Конечно, всѣ эти предположенія почтеннаго ученаго, сообщенныя только въ видѣ краткой протоколярной схемы, нуждаются въ подробномъ обоснованіи и провѣркѣ, и до тѣхъ поръ пріемлемы быть не могутъ.

**) Замѣтимъ кстати, что эта челобитная, составляющая, и по общему характеру, и по содержанію и изложенію своему, безъ сомнѣнія, совсѣмъ отдѣльное и самостоятельное сочиненіе, почему-то не признается таковымъ, но считается только другой редакціей, или даже просто другимъ, хотя и „весьма отличнымъ", спискомъ, второй, отмѣчаемой далѣе, общественно-политической челобитной. (Срвн. мнѣніе М. И. Соколова, въ „Очеркѣ 10-лѣтней научной дѣятельности Славянской Коммиссіи Имп. Моск. Археолог. О-ва", Москва, 1902, стр. 51, и С. А. Бѣлокурова, въ его предварительной замѣткѣ къ изданнымъ имъ текстамъ челобитныхъ). Между тѣмъ, эти двѣ челобитныя, не имѣющія другъ съ другомъ, кромѣ общности автора и его литератур-

„Сказаніе о Петрѣ волосскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи",—издано въ краткой редакціи, по рукописи XVII в. Соловецкой (нынѣ Казан. Дух. Акад.) библіотеки № 823, И. Добротворскимъ въ указанномъ выпускѣ „Ученыхъ Записокъ Каз. У-та", стр. 31—46.

Общественно-политическая челобитная царю Іоанну Грозному, заключающая въ себѣ также, въ значительно распространенной редакціи, предыдущее „Сказаніе",—издана С. А. Бѣлокуровымъ, по рукописи XVII в. собранія П. И. Щукина № 466, въ „Чтеніяхъ въ О-вѣ Ист. и Древн. Рос.", указ. книга, стр. 3—13 *).

Остается упомянуть еще объ *„Эпистолѣ"* къ царю Іоанну Грозному, сообщенной въ извлеченіяхъ Карамзинымъ въ 849-мъ примѣчаніи къ IX-му тому его „Исторіи Государства Россійскаго" **). Это, однако, не какая-нибудь особая статья или редакція, а просто только случайная и чисто внѣшняя спайка обѣихъ, отмѣченныхъ выше, челобитныхъ. Такъ какъ Карамзинъ, по своему обыкновенію, не даетъ

ныхъ пріемовъ, а также нѣкоторыхъ мелкихъ, вполнѣ естественныхъ въ данномъ случаѣ, автобіографическихъ повтореній, ничего общаго, представляютъ несомнѣнно двѣ совершенно отдѣльныя и различныя статьи, связываніе и смѣшеніе которыхъ ничѣмъ не объяснимо и не оправдано.

*) Совершенно непонятно, почему ни И. Добротворскій, ни С. А. Бѣлокуровъ, хотя оба они и обратили вниманіе на большую и существенную близость обоихъ послѣднихъ текстовъ, не рѣшились признать ихъ тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ представляютъ, т. е. двумя различными редакціями одного и того-же сочиненія?

**) Изданіе Бр. Слѣзниныхъ, Спб. 1821, стр. 286—289. Что касается самого названія статьи, то, принимая во вниманіе, что оно не повторяется болѣе въ другихъ спискахъ и является вообще въ данномъ случаѣ неподходящимъ, приходится полагать, что оно выдумано и поставлено здѣсь произвольно самимъ-же Карамзинымъ.

никакихъ указаній относительно происхожденія своего текста, то неизвѣстно, было-ли это механическое соединеніе двухъ различныхъ статей произведено уже въ самой рукописи, изъ которой извлечена „Эпистола", или же Карамзинъ почему-либо сбилъ ихъ такимъ образомъ воедино? Послѣднее предположеніе, въ виду совершеннаго отсутствія подобной спайки въ другихъ спискахъ, конечно, болѣе вѣроятно.

Отмѣтимъ, наконецъ, еще одинъ, судя по начальнымъ строкамъ, какой-то отличный и необычный списокъ *„Посланія къ царю Іоанну IV Васильевичу"*, который находится въ рукописи XVII в. Древлехранилища Погодина № 1568 *). Та-ли это сводная „литературная обработка всѣхъ частей трактата", о которой упоминаетъ С. Ѳ. Платоновъ **), или-же, можетъ быть, какая-нибудь новая, особая статья?

Такимъ образомъ, все, извѣстное нынѣ, литературное наслѣдіе Ивашки Пересвѣтова ограничивается отмѣченными выше нѣсколькими небольшими статьями. Не касаясь совершенно вопроса о томъ, представляютъ-ли они только составныя главы одного цѣльнаго, лишь впослѣдствіи разбитаго на отдѣльныя части и подвергшагося различнымъ передѣлкамъ историко-политическаго трактата или памфлета, или же вполнѣ отдѣльныя и самостоятельныя статьи, связанныя съ собою только общностью основной идеи и литературнаго почерка,—мы остановимся здѣсь вкратцѣ только на все еще спорномъ и недостаточно выясненномъ вопросѣ объ автентичности этихъ статей и о времени ихъ написанія.

Сомнѣнія въ ихъ автентичности и принадлежности къ половинѣ XVI-го вѣка, какъ уже упомянуто выше, возни-

*) А. Ѳ. Бычковъ, „Описаніе слав. и рус. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библ.", Спб. 1878, I, 71.

**) Указ. протоколы, стр. 395.

кали въ наукѣ неоднократно и не разрѣшены сколько-нибудь удовлетворительно и донынѣ, причемъ относятся они не къ одной какой-нибудь статьѣ въ частности, а ко всему тѣсно связанному и сплетенному между собою литературному наслѣдію Пересвѣтова, вмѣстѣ съ его личностью и именемъ.

Такъ первый, кто коснулся этого вопроса, Карамзинъ, смущенный, повидимому, необычной, нѣсколько экзотичной даже яркостью и мнимыми анахронизмами и противорѣчіями изданной имъ „Эпистолы", категорично объявилъ ее позднѣйшимъ „подлогомъ и вымысломъ", полнымъ „хронологическихъ несообразностей" и просто даже „небылицъ", „сочиненнымъ безъ сомнѣнія уже гораздо послѣ" царствованія Іоанна Грознаго *). Конечно, „вымысла" и даже „небылицъ" въ сочиненіяхъ Пересвѣтова много: вѣдь, напр., весь разсказъ о Магметѣ и всѣ „рѣчи" Петра воеводы составляютъ, конечно, сплошной литературный вымыселъ автора, пытавшагося въ такой иносказательной и иноземной формѣ выразить свои собственные, безразлично—оригинальные-ли или заимствованные, взгляды, сужденія и проекты въ области современной русской общественно-политической дѣйствительности. Но во всемъ прочемъ, въ его фактическихъ и автобіографическихъ сообщеніяхъ и данныхъ, никакихъ анахронизмовъ ни противорѣчій, повидимому, усмотрѣть невозможно. Напротивъ, при провѣркѣ всѣ они являются, въ рамкахъ даннаго времени и быта—половины XVI в., вполнѣ возможными и умѣстными, а нѣкоторыя изъ нихъ находятъ полное подтвержденіе также въ другихъ данныхъ. Такъ, напр., вопіющимъ анахронизмомъ показалось Карамзину сообщеніе автора объ его отношеніяхъ къ боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину, „а сей бояринъ

*) „Ист. Госуд. Росс.", IX, 286.

умеръ еще въ 1538 г." Почему, однако, Карамзинъ не нашелъ возможнымъ отодвинуть эти отношенія до 1538 г., остается совершенно непонятнымъ. Между тѣмъ, именно это указаніе Пересвѣтова, вполнѣ согласуясь съ другими хронологическими данными его, является вмѣстѣ съ тѣмъ исходной точкой для опредѣленія времени его пріѣзда въ Москву. Если онъ сейчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву былъ порученъ царемъ боярину М. Ю. Захарьину, который „вскоре после государева приказу представися", то, очевидно, пріѣхалъ онъ въ послѣднемъ году жизни этого боярина, т. е. въ 1537 или 1538 г. Эта дата вполнѣ подтверждается также другимъ указаніемъ автора, именно, что обѣ челобитныя были написаны и поданы имъ 11 лѣтъ спустя послѣ пріѣзда, такъ какъ время ихъ написанія опредѣляется также по другимъ даннымъ и соображеніямъ, какъ увидимъ далѣе, 1548 или 1549 гг. Въ чемъ же тутъ, такимъ образомъ, можетъ быть усмотрѣнъ какой-нибудь анахронизмъ?

Подобныя же „хронологическія несообразности" усмотрѣлъ Карамзинъ также въ сообщеніяхъ Пересвѣтова о его службѣ и похожденіяхъ въ „чужихъ королевствахъ": у королей польскаго, чешскаго и венгерскаго и у молдавскаго воеводы Петра. Можно допустить, конечно, что не все въ этихъ авантюрныхъ разсказахъ вѣрно, или даже, что всѣ они совершенно вымышлены, что авторъ, для красоты-ли слога, или съ какимъ-нибудь другимъ разсчетомъ, предвосхитилъ здѣсь до нѣкоторой степени роль Хлестакова, но изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы и сами сочиненія были неавтентичны и поддѣланы позже, такъ какъ всѣ эти сообщенія сами по себѣ вполнѣ правдоподобны и хронологически совершенно возможны. Какъ у венгерскаго короля „Вьянуша" „на Гусине", или, по чтенію Карамзина, „на Бузынѣ градѣ" (Будинѣ?), т. е. Іоанна (Януша) Запольскаго (1487—1540), такъ и у чешскаго короля „Ѳордынала",

т. е. Фердинанда I Габсбургскаго (1503—1564), такъ, наконецъ, и у воеводы молдавскаго Петра Стефановича (ум. 1541 г.), очень легко могъ очутиться на наемной воинской службѣ такой живой и предпріимчивый искатель приключеній, какимъ представляется въ своихъ челобитныхъ захудалый русскій дворянинъ Ивашка Пересвѣтовъ. По крайней мѣрѣ, всѣ эти указанія вполнѣ согласуются съ хронологическими и историческими условіями даннаго бурнаго періода, да и самыя эти похожденія нельзя считать какимъ-нибудь единичнымъ и исключительнымъ явленіемъ въ неустойчивой русской жизни того времени.

Послѣднее и самое существенное недоумѣніе Карамзина, которое и заставило его, главнымъ образомъ, признать сочиненія Пересвѣтова тенденціознымъ подлогомъ позднѣйшаго времени, заключается въ томъ, что „сей затѣйникъ совѣтуетъ царю сдѣлать все великое и хорошее, что было имъ уже сдѣлано: взять Казань, издать законы, всегда имѣть войско на границахъ и проч.“ *). Нѣкоторые послѣдующіе изслѣдователи тоже усматривали въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ достаточную причину для того, чтобы относиться къ сочиненіямъ Пересвѣтова съ недовѣріемъ и опаской. Такъ, напр., С. М. Соловьевъ полагалъ, что они были написаны заднимъ числомъ „въ оправданіе поступковъ Іоанновыхъ противъ бояръ“ **). Къ такому же взгляду склоняется также А. Н. Пыпинъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ въ этой поддѣлкѣ „южно-славянскіе, румынскіе или греческіе отголоски“ ***). Весьма неопредѣленно и спутано отношеніе къ этому вопросу издателя „Сказанія“

*) „Ист. Гос. Росс.“, IX, 286—287.

**) „Исторія Россіи“, изд. Т-ва „Обществ. Польза“, Спб. 1896, кн. II, стр. 168—169, примѣч. 2-ое.

***) „Исторія русской литературы“, Спб. 1902, II², 485—487.

Пересвѣтова, И. Добротворскаго. Признавая личность и имя автора, а также нѣкоторыя изъ его автобіографическихъ данныхъ, подлинными, невымышленными, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ также сомнѣнія Карамзина относительно характера и времени написанія самыхъ статей, хотя, находя ихъ уже въ рукописяхъ начала XVII в., и предполагаетъ, что они были написаны не „гораздо послѣ" царствованія Грознаго, а въ концѣ его или „нѣсколько послѣ", не только съ цѣлью „оправданія дѣйствій" этого царя, но также „съ желаніемъ новыхъ и новыхъ порядковъ", еще не введенныхъ имъ: уничтоженія воеводскаго кормленія, мѣстничества, рабства и проч. *).

Всѣ эти недоумѣнія и сомнѣнія, вызванныя нѣкоторыми совпаденіями между идеями и проектами Пересвѣтова и правительственными актами и мѣропріятіями царствованія Грознаго, въ сущности, не оправданы нисколько и основаны, повидимому, только на томъ одностороннемъ и превратномъ предубѣжденіи, что въ данномъ случаѣ, по отношенію къ этому царствованію, подобное постороннее вмѣшательство и частная иниціатива почему-то совершенно невозможны и недопустимы. Но стоитъ только допустить этотъ послѣдній случай, стоитъ только предположить, что поданныя царю челобитныя Пересвѣтова въ самомъ дѣлѣ были приняты имъ во вниманіе и въ извѣстной степени использованы и примѣнены въ дѣйствительности, что эти странныя совпаденія и аналогіи являются, такимъ образомъ, просто отраженіемъ дѣйствительныхъ соотношеній причины и слѣдствія, идеи и ея выполненія,—и всѣ эти недоумѣнія вполнѣ объясняются и разрѣшаются сами собою. Такъ это, повидимому, и было на самомъ дѣлѣ. Живыя и талантливыя „книжки" и „рѣчи государьские" Ивашки Пересвѣтова, облеченныя въ

*) „Уч. Зап. Каз. У-та", 1865, I, 28—31.

яркую и авторитетную параболическую форму, представленныя смѣло и настойчиво, очевидно, обратили на себя живое вниманіе грознаго царя и сильно запали въ его мятущуюся душу. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что нѣкоторые изъ его идей и проектовъ были имъ приняты и постепенно осуществлены на дѣлѣ, особенно тѣ, которые имѣли въ виду внѣшнее укрѣпленіе государственной силы и усиленіе царской самодержавной власти, какъ-то: завоеваніе Казани, установленіе значительныхъ „поляницъ украинныхъ", т. е. пограничныхъ гарнизоновъ и, наконецъ, учрежденіе опричины. „Самъ царь не могъ не сочувствовать направленію мыслей Пересвѣтова",—замѣчаетъ по этому поводу вполнѣ справедливо В. О. Ключевскій *).

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что далеко не всѣ проекты и пожеланія Пересвѣтова были приняты и осуществлены на дѣлѣ, въ чемъ, по вѣрному замѣчанію М. И. Соколова, заключается самое наглядное доказательство того, „что сочиненія Пересвѣтова не есть оправданіе дѣятельности Грознаго post factum" **).

Такимъ образомъ, подлинность сочиненій Пересвѣтова, которыя дѣйствительно являются тѣмъ, чѣмъ представляетъ ихъ самъ авторъ, т. е. всеподданнѣйшими, только облеченными въ оригинальную литературную форму, докладами и проектами вѣрнаго „государева холопа", не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что фактъ своевременной подачи ихъ царю нынѣ уже документально установленъ: именно, найдена современная опись царскаго архива, въ которой значится, между прочимъ, ящикъ подъ № 142 съ челобитными Ивашки Пересвѣтова, хотя самихъ ихъ въ этомъ подлинномъ видѣ до сихъ поръ найти не уда-

*) „Курсъ русской исторіи", М. 1906, II, 229.

**) „Очеркъ 10-лѣтней дѣят. Слав. Ком.", стр. 52.

лось *). Замѣтимъ, наконецъ, что автентичность сочиненій Пересвѣтова уже признается нынѣ, хотя только болѣе или менѣе вскользь и голословно, безъ указанія мотивовъ и основаній, почти всѣми новѣйшими изслѣдователями, которымъ такъ или иначе приходилось касаться этого вопроса **).

Что касается времени написанія сочиненій Пересвѣтова, то оно для нѣкоторыхъ статей можетъ быть установлено вполнѣ точно. Съ одной стороны, самъ авторъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія, говоря, что обѣ челобитныя были написаны и поданы имъ 11 лѣтъ спустя послѣ его пріѣзда въ Москву, слѣдовательно, въ 1548 или 1549 г. Что это хронологическое указаніе вполнѣ автентично и вѣрно, подтверждается, съ другой стороны, также самымъ содержаніемъ и общимъ характеромъ статей. Принимая во вниманіе многократныя и настойчивыя выступленія автора противъ „чародѣйствъ", „ворожбъ и кудесъ", которыми вельможи „зажигаютъ" и „привращаютъ" къ себѣ царское сердце, нельзя не признать срокомъ ante quem, раньше котораго не могли быть написаны эти статьи, время, когда уже съ достаточной опредѣленностью выяснился изувѣрскій характеръ вліянія на молодого царя со стороны попа Сильвестра, отправной точкой котораго слѣдуетъ считать пожаръ Москвы 12 апрѣля 1547 г. ***). Крайнимъ же срокомъ a quo ихъ на-

*) М. И. Соколовъ, въ „Очеркѣ 10-лѣтней дѣят. Слав. Ком.", стр. 52; С. А. Бѣлокуровъ, указ. изд., стр. 1—2.

**) См. М. И. Соколовъ, въ „Очеркѣ", стр. 51—52; П. Н. Милюковъ, „Очерки по ист. рус. культуры", III, 1, 60—69; С. А. Бѣлокуровъ, указ. м.; С. Ѳ. Платоновъ, указ. проток., стр. 395—396; В. О. Ключевскій, „Курсъ рус. исторіи", II, 228—229; А. С. Николаевъ, въ рефератѣ, прочитанномъ 9 февраля 1907 г. въ О-вѣ Любителей Древней Письменности, срвн. отчетъ въ „Новомъ Времени", № 11108 отъ 13 февр. 1907 г.

***) Ср. Милюковъ, „Очерки", III, 1, 69.

писанія слѣдуетъ, очевидно, признать начало военныхъ дѣйствій противъ Казани 1550 г., о которыхъ авторъ говоритъ еще только какъ о предстоящей, желанной задачѣ царствованія Грознаго. Такимъ образомъ, опредѣляются приблизительно тѣ-же самыя рамки времени написанія сочиненій Пересвѣтова, какія вычисляются по его собственнымъ указаніямъ: 1547—1550 гг.*). А такъ какъ всѣ они, и идейно, и внѣшнимъ образомъ, тѣсно вяжутся и сливаются между собою, то, очевидно, эту общую дату слѣдуетъ принять не только для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статей, но приблизительно для всего литературнаго наслѣдія Ивашки Пересвѣтова.

III.

Гораздо болѣе запутаннымъ и темнымъ представляется въ наукѣ другой существенный вопросъ—о личности и имени Ивашки Пересвѣтова. По слѣдамъ Карамзина, считавшаго и самыя сочиненія Пересвѣтова, а, тѣмъ болѣе, заключающіяся въ нихъ автобіографическія данныя, позднѣйшимъ подлогомъ, ловкой мистификаціей неизвѣстнаго „затѣйника", принято и до сихъ поръ, въ большей или меньшей степени, относиться къ послѣднимъ съ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ. Такъ, напр., И. Добротворскій **) считалъ эти „самые факты изъ жизни Пересвѣтова, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, вымышленными съ извѣстной цѣлью", хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ присущей ему непослѣдовательностью и двойственностью, признавалъ подлинность его имени и даже почему-то находилъ возможнымъ „положиться на извѣстіе, что пращуръ

*) Проф. Платоновъ полагаетъ почему-то, что они „не могутъ быть старше 1555 г." (указ. протоколы, стр. 393), но почему именно, неизвѣстно.

**) „Уч. Зап. Каз. У.", 1865, I, 29.

его Пересвѣтъ погибъ на донскомъ побоищѣ", между тѣмъ, какъ именно это послѣднее извѣстіе представляется наиболѣе сомнительнымъ и носитъ всѣ признаки простого генеалогическаго хвастовства. А. Н. Поповъ, считая почему-то сочиненія Пересвѣтова „сатирическими", усматривалъ въ его автобіографическихъ сообщеніяхъ сплошной литературный вымыселъ, а въ его имени только коллективный „псевдонимъ, которымъ прикрывались русскіе сатирики" и „вѣрные слуги, готовые пострадать за родину и царя", только „общее имя для подобныхъ анонимныхъ сочиненій" *). Вымышленными считаютъ эти сообщенія и самое имя Пересвѣтова также нѣкоторые новѣйшіе ученые, какъ, напр., А. Н. Пыпинъ **), П. Н. Милюковъ ***) и даже еще А. С. Николаевъ ****), хотя послѣднему ученому, читавшему свой рефератъ о Пересвѣтовѣ въ 1907 г., должно бы уже быть извѣстно такое документальное свидѣтельство въ пользу автентичности личности и имени этого писателя, какъ найденное и подчеркнутое еще въ 1902 г. М. И. Соколовымъ упоминаніе объ „ящикѣ № 142" въ описи царскаго архива.

Наличныя свѣдѣнія о личности и жизни Ивашки Пересвѣтова весьма скудны и отрывочны, а при томъ, такъ какъ они ограничиваются, главнымъ образомъ, только его собственными сообщеніями, не всегда вполнѣ достовѣрны и точны. Очень возможно, какъ уже замѣчено выше, что авторъ въ томъ или иномъ случаѣ, по какимъ-нибудь литературнымъ или личнымъ побужденіямъ и причинамъ,

*) „Обзоръ Хронографовъ", II, 85–87.—Мнѣніе А. Н. Попова повторяетъ вполнѣ Н. И. Петровъ въ „Описаніи рукоп. Ц.-арх. Музея при К. Дух. Ак.", II, 414.

**) „Ист. рус. лит.", II², 485.

***) „Очерки по ист. рус. культ.", III, 1, 60.

****) См. „Нов. Время" № 11108.

то немного прихвастнулъ, то кое-что выдумалъ или преувеличилъ, но провѣрить и отдѣлить истину отъ вымысла, нынѣ, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, весьма трудно. Принимая же во вниманіе, что, съ одной стороны, всѣ эти автобіографическія сообщенія, и сами по себѣ, и въ своей совокупности, вполнѣ возможны и вѣроятны, съ другой же, что нѣкоторыя изъ нихъ подтверждаются также другими, документальными данными, приходится пока, до обнаруженія какихъ-нибудь новыхъ, противорѣчивыхъ данныхъ, оказывать довѣріе toti pro parte и признавать достовѣрность всѣхъ этихъ сообщеній вообще.

Возстановимъ, такимъ образомъ, въ краткихъ чертахъ тѣ немногія біографическія данныя объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, какія могутъ быть извлечены изъ его сочиненій*).

Происхожденіе Пересвѣтова, помимо сомнительной и какъ-будто легендарной генеалогіи его отъ лѣтописнаго Пересвѣта, героя донского побоища, нѣсколько запутано и неясно. Не то онъ московско-русскій дворянинъ, предки котораго „служили вѣрно государемъ рускимъ великимъ княземъ", ушедшій въ юности на военный промыселъ въ чужіе края и возвратившійся затѣмъ снова на родину, не то уроженецъ Западной Руси—„выезжей изъ Литвы", русскій по національности, но „дворянинъ польского короля". Или, можетъ быть, это противорѣчіе объясняется такимъ образомъ, что уже его родители эмигрировали въ Литву?

Какъ бы то ни было, однако, онъ состоялъ въ началѣ на „дворянской службѣ" у польскаго короля (т. е. Сигизмунда I-го, 1507—1548), подъ начальствомъ гетмана Андрея Точильскаго (у Карамзина: Точинскаго), старосты бѣльскаго.

*) Слѣдующія далѣе цитаты приводимъ по текстамъ челобитныхъ, изданнымъ С. А. Бѣлокуровымъ.

Затѣмъ, „съ вѣдома“ и съ грамотами польскаго короля, вмѣстѣ съ другими „дворянами королевскими“, онъ поступилъ на такую-же „дворянскую службу“, „на 6 коней“, въ войско угорскаго короля Іоанна („Вьянуша“) Запольи, гдѣ оставался три года, получая „на всякіе конь“ по 7 золотыхъ на 12 недѣль. Оттуда онъ перешелъ на такую-же службу къ чешскому королю Фердинанду I Габсбургскому („Ѳордыналу“), у котораго прослужилъ тоже три года, получая такое-же вознагражденіе. Затѣмъ онъ, повидимому, снова очутился въ Венгріи, такъ какъ говоритъ дальше, что отправился „изъ Угоръ на Волоскую землю“. Тамъ онъ оставался пять мѣсяцевъ у воеводы Петра (Стефановича) въ Сочавѣ, который „уималъ“ его къ себѣ на службу, но онъ, „оставивъ службы богатые и безкручинные“, предпочелъ отправиться „на царево имя“ въ Москву *), къ царю Іоанну Васильевичу, о которомъ слышалъ восторженные отзывы и предсказанія отъ „многихъ мудрецовъ“ и „великихъ дохтуровъ і ѳилософовъ“. Можетъ быть, что тогда-же, по окольному пути въ Москву, онъ попалъ также въ Грецію, о пребываніи его въ которой свидѣтельствуетъ приводимая ниже запись 1753 г.

Въ Москву явился Пересвѣтовъ не съ пустыми руками. Съ одной стороны, онъ „вывезъ съ собою изъ королевъствъ“ нѣкоторый капиталъ—„собинку“, съ другой-же, привезъ царю

*) Проф. В. О. Ключевскій, хотя, повидимому, и признаетъ достовѣрность этихъ авантюрныхъ похожденій Пересвѣтова въ наемномъ польскомъ отрядѣ, думаетъ почему-то, что онъ прибылъ въ Москву прямо изъ Литвы („Курсъ рус. ист.“, II, 228). Между тѣмъ, для такого предположенія пришлось-бы, очевидно, всѣ эти похожденія, отдѣляющія выѣздъ Пересвѣтова изъ Литвы отъ его прибытія въ Москву почти на семь лѣтъ, признать сплошнымъ вымысломъ и совсѣмъ отвергнуть, для чего, однако, нѣтъ никакихъ основаній и чего, впрочемъ, проф. Ключевскій и не дѣлаетъ вовсе.

не только какія-то, списанныя имъ „изо многихъ королевствъ“ „книжки“, но также „образцы службы“ болѣе прикладного характера: „щиты гусарски, макидонскаго образца, съ клеемъ и съ кожею сырицею и съ красками и съ рожны желѣзными“, собственнаго производства. Представивъ царю эти „образцы“, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ царю свою службу по производству такихъ щитовъ, что въ началѣ, повидимому, было одобрено и принято царемъ. По крайней мѣрѣ, онъ сразу былъ награжденъ „царскимъ жалованьемъ — помѣстіемъ“ и „приказанъ“ попеченію боярина Михаила Юрьевича Захарьина. Но боярина этого „борзо въ животѣ не стало“, и положеніе Пересвѣтова рѣзко измѣнилось. Служба его „задлялась“ и даже совсѣмъ „замерла“, а „великіе люди“, которые „пріѣзжихъ людей не любятъ“, стали его всячески притѣснять и обижать, такъ что, наконецъ, помѣстье его „нарядили пусто“ и не давали ему въ немъ „пожити ни часу“. Привезенная „собинка“ въ этихъ „обидахъ і волокитахъ“ также „истерялась“ и „вся пропала“, вслѣдствіе чего онъ очутился, наконецъ, „нагъ и босъ и пѣшъ“. „Служилъ есми тремъ королямъ, жалуется Пересвѣтовъ, а такія обиды ни въ которомъ королевствѣ не видалъ“...

Доступиться къ царю, пожаловаться на „вельможъ“ и „насильныхъ людей“ и „побити челомъ о приказе“, не удавалось ему долгое время. Только 11 лѣтъ спустя, послѣ пріѣзда, удалось ему добиться доступа къ царю „у празника во церкви Рожества пресвятей Богородицы“, гдѣ и подалъ ему „двѣ книжки съ рѣчми царьскими“, яко-бы вывезенныя имъ „изъ Литвы“ и „изъ ыныхъ королевствъ“ *). Но такъ какъ

*) Замѣтимъ кстати, что уже само то обстоятельство, что онъ подалъ эти „книжки“ царю только 11 лѣтъ спустя послѣ пріѣзда, а не сдѣлалъ этого сейчасъ-же въ началѣ, когда это было-бы гораздо естественнѣе и умѣстнѣе, свидѣтельствуетъ достаточно ясно о томъ, что

„книжки“ эти, хотя они и „легли въ государеве казнѣ“, а авторъ былъ за нихъ „гораздо пожалованъ“, все-таки „и до сѣхъ мѣстъ передъ государемъ не бывали“,—то онъ, въ теченіе того-же года, обратился къ царю съ новой челобитной, причемъ предложилъ ему, въ случаѣ, если ему „не полюбилося службишко і рѣчи“ его, всѣ эти „книжки“, „почетчи“, возвратить ему назадъ...

Дальнѣйшая судьба и дѣятельность Пересвѣтова остается неизвѣстной. Можно только съ увѣренностью предположить, что „книжки“ его не были ему возвращены, напротивъ, что „службишко і рѣчи“ его сильно „полюбились“ царю и были даже въ значительной степени примѣнены и осуществлены имъ въ русской дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, однако, усматривать въ немъ, вслѣдствіе этого, какого-то „оффиціознаго памфлетиста“, какъ это дѣлаетъ г. Милюковъ*), или предполагать въ немъ даже „лицо, стоявшее въ центрѣ кружка, руководившаго молодымъ царемъ“, какъ думаетъ, въ свою очередь, г. Николаевъ**), никакъ невозможно, уже хотя-бы потому, что вся его литературная и политическая дѣятельность, поскольку она извѣстна нынѣ, происходила совсѣмъ внизу и проявлялась только въ видѣ единичной челобитной иниціативы и идеологіи частнаго лица. Точно также не имѣется никакихъ основаній и данныхъ для того, чтобы предполагать въ Пересвѣтовѣ, согласно догадкѣ М. И. Соколова***), царскаго

онъ написалъ ихъ, вопреки его настойчивымъ увѣреніямъ о „вывозѣ“ ихъ „изъ иныхъ королевствъ“, уже въ Россіи, а только заднимъ числомъ, въ видахъ усиленія ихъ литературно-параболическаго авторитета, придавалъ имъ этотъ иностранный характеръ. Впрочемъ, это разумѣется и по существу дѣла само собой.

*) „Очерки по ист. р. культ.“, III, 1, 66.

**) См. „Новое Время“ № 11108.

***) „Очеркъ 10-лѣтней дѣят. Слав. Ком.“, стр. 52.

опричника, хотя послѣднее предположеніе, конечно, только по отношенію къ періоду послѣ написанія его наличныхъ сочиненій, уже болѣе вѣроятно и возможно.

Такимъ образомъ, изъ изложенныхъ выше автобіографическихъ данныхъ Ивашки Пересвѣтова, какъ и изъ характера его сочиненій вообще, обрисовывается довольно яркій и сложный образъ его, какъ человѣка, политическаго дѣятеля и писателя. Живой и впечатлительный характеръ, быстрый и гибкій умъ, выдающійся и многогранный талантъ,—все это сложилось въ общемъ въ крупную и яркую, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мятущуюся и неустойчивую личность, которая, въ данныхъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, и металась, ища выхода и дѣла, во всѣ стороны, отъ международныхъ авантюръ наемнаго кондотьери—къ патріотическимъ радѣніямъ и реформамъ, отъ наживы—къ подвигу, отъ мастерской щитовъ—къ мудрымъ книгамъ и государственнымъ рѣчамъ... Во всякомъ случаѣ нельзя не признать въ ней крупнаго и яркаго культурно-историческаго явленія, оставившаго въ жизни и письменности Московской Руси XVI-го вѣка замѣчательные и своеобразные слѣды.

IV.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ біографіей и личностью Пересвѣтова, которыя въ общемъ, за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ данныхъ, приходится, въ такомъ именно видѣ принимать на вѣру,—намъ остается еще остановиться подробнѣе на вопросѣ о подлинности самаго имени автора, вызывавшемъ всегда наиболѣе сомнѣній и недоразумѣній, не разрѣшенныхъ вполнѣ и донынѣ.

Собственно нынѣ, когда стала извѣстна опись царскаго архива XVI в., содержащая упоминаніе о „ящикѣ

№ 142* съ челобитными Ивашки Пересвѣтова, всякія сомнѣнія въ подлинности этого имени, какъ уже замѣчено выше, являются анахронизмомъ. Это документальное свидѣтельство должно окончательно разсѣять въ этомъ отношеніи какія-бы то ни было недоумѣнія. Невозможно вѣдь предположить, чтобы авторъ челобитныхъ, даже въ такомъ прямомъ обращеніи къ царю, такъ упорно скрывалъ свое имя подъ псевдонимомъ. Если это и могло-бы еще быть допущено по отношенію къ смѣлымъ политическимъ сужденіямъ и проектамъ автора, съ которыми онъ, можетъ быть, и не рѣшался выступать передъ грознымъ царемъ открыто, то уже совершенно невѣроятнымъ и нелѣпымъ пришлось-бы считать предположеніе, чтобы онъ точно также скрывался подъ псевдонимомъ и въ своихъ частныхъ обращеніяхъ и просьбахъ, когда онъ, напр., напоминаетъ царю о своихъ встрѣчахъ съ нимъ, о своей службѣ ему, о жалованіи, полученномъ отъ него, когда онъ, наконецъ, прямо обращается къ нему съ горькими жалобами и просьбами о защитѣ и поддержкѣ. Псевдониму незачѣмъ было-бы такъ жаловаться и просить, для псевдонима все это не имѣло-бы ужъ совершенно ни смысла, ни цѣли...

Впрочемъ, и помимо этого свидѣтельства, подлинность имени Ивашки Пересвѣтова подтверждается также и другими историческими данными.

Конечно, вопросъ о производной зависимости его имени отъ лѣтописнаго Пересвѣта, какъ недостовѣрный и сомнительный, приходится совершенно оставить въ сторонѣ, хотя образованіе его, первоначально въ видѣ отчества только, отъ этого имени, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Само имя это, впрочемъ, довольно рѣдкое, встрѣчается, кромѣ Лѣтописи, напр., въ одномъ актѣ 1500 г.: Пересвѣтъ Матвѣевъ

сынъ Калитинъ *). Фамилія же Пересвѣтовъ встрѣчается въ документахъ и писцовыхъ книгахъ неоднократно, наприм.: Яковъ Микифоровъ сынъ Пересвѣтовъ, 1490 г.; Невзоръ Ѳедоровъ сынъ Пересвѣтовъ, дьякъ ростовскій, 1571 г.; Филипъ Пересвѣтовъ, воевода муром. у., 1680 г. **); Дмитрей Пересвѣтовъ, московскій барашъ, 1559 г. ***); Мельхиседекъ Пересвѣтовъ, запись котораго находится въ одномъ Хронографѣ XVII в. †); наконецъ, по указанію М. И. Соколова, родъ Пересвѣтовыхъ упоминается также въ синодикѣ Борисоглѣбскаго монастыря въ Ростовѣ XVI в. ††). Нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы внимательно порыться въ толстыхъ фоліантахъ писцовыхъ книгъ Московской Руси XVI—XVII вв., то этотъ списокъ могъ-бы быть значительно увеличеннымъ, но для нашей цѣли это излишне. Подлинность фамиліи Пересвѣтова вполнѣ устанавливается уже приведенными выше документальными примѣрами.

Однако, можетъ быть, нашъ авторъ только позаимствовалъ эту дѣйствительную, но все-таки незаурядную фамилію, или даже образовалъ свое имя самъ, въ подтвержденіе своей родовой связи съ лѣтописнымъ героемъ, совершенно самостоятельно и независимо отъ нея, такъ что оно все-таки, по отношенію къ нему, по крайней мѣрѣ, является псевдонимомъ? Но, въ такомъ случаѣ, не говоря уже о крайней натянутости подобнаго предположенія, слѣдуетъ замѣтить,

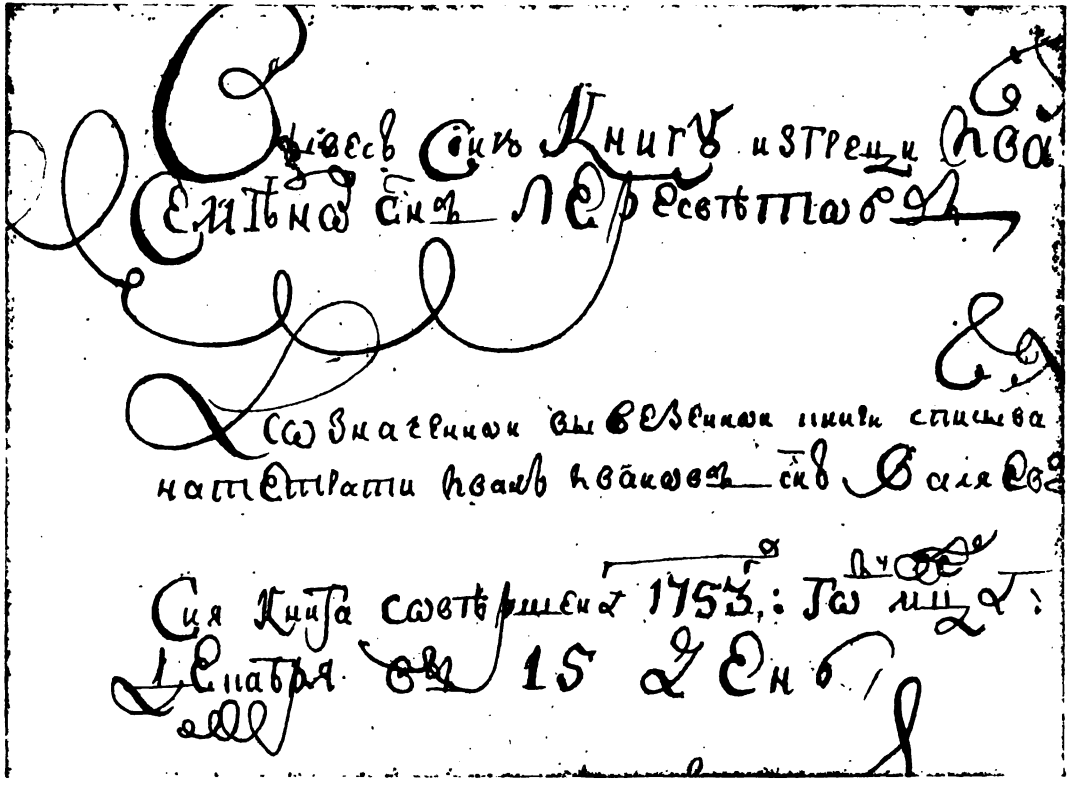
*) Н. М. Тупиковъ, „Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ“, Спб. 1903, стр. 301.

**) Всѣ три имени извлечены изъ „Словаря“ Тупикова, стр. 689.

***) П. Н. Милюковъ, „Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи“, стр. 212 („Чтенія въ М. О-вѣ Ист. и Древн. Росс.“, 1902, кн. I)

†) Рукоп. собранія Царскаго № 734. См. Добротворскій, „Уч. Зап. Каз. У.“, 1865, I, 29.

††) „Очеркъ 10-лѣт. дѣят. Слав. Ком.“, стр. 52.



Запись писца въ сборникѣ 1753 г., собранія Ю. А. Яворскаго, л. 50 об.

что тогда онъ несомнѣнно ограничился-бы только вымышленными именемъ и фамиліей, а не выдумывалъ-бы еще и отчество, которое въ псевдонимѣ, даже въ нынѣшнее время, совершенно неупотребительно и неумѣстно. А между тѣмъ онъ настойчиво называетъ себя такимъ именно полнымъ именемъ: Иванъ Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ.

Наконецъ, для устраненія всякихъ сомнѣній и недоумѣній, если таковыя, въ виду всего изложеннаго, еще вообще могутъ имѣть мѣсто, приведемъ еще одно новое и весьма вѣское документальное свидѣтельство въ пользу подлинности имени Ивашки Пересвѣтова, послѣ котораго этотъ вопросъ, кажется, можетъ уже считаться достаточно выясненнымъ и разрѣшеннымъ разъ на всегда.

Это—запись писца въ принадлежащемъ намъ рукописномъ сборникѣ 1753 г. *), находящаяся непосредственно послѣ текста сербской „Александріи“ (л. 50 об., см. снимокъ,) и гласящая такъ:

„Вывесъ сію книгу из Греци Ива^{к} *Семѣнѡ*^{в} *сн̃ъ Пересвѣтѡвъ.*

А с ѡзначеннѡи вывезеннѡи книги списыва^{л} на тетрати Иванъ Иванѡвъ сн̃ъ Валяевъ.

Сия книга сѡвѣршена 1753: ^{г}гѡ ^{ду}мц̃а: декабря въ 15 день“.

*) Рукопись эта, состоящая изъ 60 листовъ f°, пріобрѣтена нами въ Кіевѣ, въ 1905 г. Кромѣ „Александріи“ обычной сербской редакціи (л. 1—50), она содержитъ еще: Выписки изъ Гизелева „Синопсиса“ (л. 51—56); „Повѣсть ученого мниха, како по писанию куря обруша“ (л. 56 об.); „Слово отъ патерика скицкаго свѣдено съ притчею о составе человѣче“ (л. 57—об.); „О премудрыхъ дѣлѣхъ Лва цесаря премудраго“ (л. 57 об.—59 об.); и, наконецъ, глава изъ „Летописца греческаго“—„о Езекіи цесаре іюдине“ (л. 59 об.—60). Статья „о премудрыхъ дѣлѣхъ Льва Премудраго“ издается нами на другомъ мѣстѣ въ ст.: „Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ XVII—XVIII вв.“

Значеніе этой замѣчательной записи, заподозривать автентичность которой нѣтъ, конечно, ни малѣйшихъ основаній, совершенно ясно: писецъ имѣлъ передъ собою, очевидно, болѣе древнюю рукопись „Александріи“, съ находившейся въ ней, подчеркнутой нами, записью прежняго владѣльца, а можетъ быть, и списывателя ея, нашего Ивашки Пересвѣтова, которую онъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ повѣстью, и списалъ полностью и вѣрно въ своей „тетрати“, прибавивъ къ ней, естественнымъ образомъ, также свою собственную подпись и дату написанія. Другого объясненія этой сводной записи, конечно, быть не можетъ.

Что первая, подчеркнутая нами, часть данной записи принадлежитъ именно нашему писателю Пересвѣтову, а не является просто случайнымъ совпаденіемъ имени, это, и по существу, и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ ея, не подлежитъ сомнѣнію. Уже одно это слово „вывезъ“, столь необычное въ подобныхъ запискахъ вообще, но такъ часто повторяющееся въ челобитныхъ Пересвѣтова, является въ данномъ случаѣ наглядным связующимъ звеномъ между ними. Еще нагляднѣе доказываетъ это самая сущность записи. Что Пересвѣтовъ, во время своихъ похожденій въ „чужихъ королевствахъ“, могъ очутиться также, хотя-бы только проѣздомъ, и въ Греціи, это мы уже замѣтили выше. Изъ его-же собственныхъ признаній можно достаточно убѣдиться въ томъ, какъ живо онъ интересовался всякими „мудрыми книжками“, какъ высоко цѣнилъ и уважалъ ихъ. Не говоря уже о благоговѣйномъ отношеніи автора къ греческимъ книгамъ въ „Сказаніи о Магметѣ“, слѣдуетъ замѣтить, что онъ неоднократно и подробно говоритъ также о томъ, какъ усердно онъ самъ собиралъ и списывалъ „мудрыя“ книги, вездѣ, гдѣ это только было возможно, а затѣмъ бережно „вывезъ“ ихъ съ собою въ

Москву. „Годится, говоритъ онъ, таковыя рѣчи златомъ розсписати, и при собѣ на многие лѣта держати, и после себя оставити". Это былъ, повидимому, усердный и восторженный книжникъ, большой любитель и просвѣщенный знатокъ книгъ, который, такимъ образомъ, во время своихъ скитаній по „многимъ королевствамъ", надо думать, списалъ и собралъ ихъ значительное количество. Изъ состава этихъ книгъ намъ извѣстна нынѣ въ точности, благодаря записи переписчика 1758 г., одна только „Александрія", которую онъ, можетъ быть, самъ-же и списалъ съ какой-нибудь южнославянской рукописи. Относительно нѣкоторыхъ другихъ книгъ, несомнѣнно бывшихъ также въ рукахъ Пересвѣтова, можно извлечь кое-какіе слѣды и указанія изъ собственныхъ его сочиненій, въ которыхъ не только замѣчается недюжинная образованность и начитанность вообще, особенно въ области исторической литературы, но встрѣчаются иногда и прямыя литературныя отраженія и заимствованія.

Оставляя совершенно въ сторонѣ общія вліянія современной политической литературы, мы кстати отмѣтимъ здѣсь вскользь только нѣкоторыя изъ литературныхъ отраженій, частью оговоренныя тутъ-же самимъ авторомъ, частью-же обнаруживающіяся только при внимательномъ сравнительномъ обзорѣ. Такъ, напр., уже сама эта общая литературная идея—выраженія собственныхъ мнѣній и проектовъ въ видѣ иносказательнаго письма къ царю, въ исторической параболѣ о мудрыхъ и благочестивыхъ рѣчахъ и поступкахъ идеальнаго правителя, вѣроятно внушена автору какой-либо изъ „мудрыхъ книжекъ" того времени, можетъ быть, знаменитой и излюбленной средневѣковой утопіей о Іоаннѣ Пресвитерѣ, или же, a contrario, „Повѣстью о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ", въ противоположность которому и были представлены имъ свѣтлые образы воеводы Петра и отчасти султана Магмета. Въ несомнѣнной внутренней связи нахо-

дятся сочиненія Пересвѣтова также съ „Моленіемъ“ Даніила Заточника, въ которомъ встрѣчаются такія-же самыя сѣтованія и нареканія на „вельможъ“ и „думцевъ“ царскихъ, тѣ-же самые совѣты царю раздавать „злато и сребро“ бѣднымъ людямъ и воинамъ, которыми только и держится царское благополучіе и богатство, такія-же личныя жалобы на „нищету“ и „обиды“, наконецъ, даже подобныя-же ссылки на „многія книги“, изъ которыхъ авторъ собралъ „сладость словесную и разумъ“ *)... Встрѣчаются въ сочиненіяхъ Пересвѣтова также слѣды апокрифическихъ сказаній, напр., о „записи“, которую взялъ отъ Адама діяволъ и которую потомъ Христосъ „изодралъ“, или объ ангелахъ и небесныхъ силахъ, которые „на единъ часъ изъ рукъ своихъ пламеннаго оружія не выпущаютъ и стрегутъ рода человѣческаго отъ всякия пакости“. Наконецъ, находятся въ нихъ также прямыя ссылки на западныя сказанія о кесарѣ Августѣ и, что для насъ въ данномъ случаѣ особенно интересно, на повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ. Вліяніе послѣдней повѣсти отразилось въ сочиненіяхъ Пересвѣтова не только въ общей характеристикѣ царя-военачальника и его отношеній къ воинамъ, но также въ нѣкоторыхъ частныхъ литературныхъ оборотахъ и, можетъ быть, даже въ такихъ, казалось-бы, реальныхъ подробностяхъ, какъ названіе предложенныхъ царю щитовъ—„гусарскими“ и „макидонскаго образца“, согласно изображенію македонскихъ „гусаръ“ и ихъ щитовъ въ „Александріи“ **).

---

*) Цитаты изъ „Моленія“ приведены по сводному изданію В. Щурата „Слово Данила Заточника“, Львовъ, 1896. („Записки Наук. Т-ва им. Шевченка“, т. IX).

**) По крайней мѣрѣ, такія названія щитовъ въ древне-русскомъ обиходѣ совершенно неизвѣстны. „Различались щиты царегородскіе, кизылбашскіе, турскіе, бухарскіе и московскаго дѣла“, но „гусарскихъ“

Такимъ образомъ, если по отмѣченнымъ выше литературнымъ заимствованіямъ и вліяніямъ въ сочиненіяхъ Ивашки Пересвѣтова, можно съ увѣренностью установить фактъ нахожденія въ его рукахъ значительнаго собранія „мудрыхъ книжекъ" и даже въ извѣстной степени возстановить ихъ составъ вообще, то, въ частности, несомнѣнныя отраженія въ нихъ „Александріи" уже окончательно и наглядно провѣряютъ и подтверждаютъ полную достовѣрность и принадлежность именно этому писателю и самой записи 1753 г.

Замѣтимъ, наконецъ, во избѣжаніе послѣднихъ сомнѣній, что уже по характеру и значенію данной записи совершенно невозможно предположить, чтобы она представляла здѣсь опять таки только все тотъ-же самый злополучный псевдонимъ. Если-бы даже авторъ почему-либо и скрывался такъ упорно подъ псевдонимомъ, не только въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, но даже въ частныхъ и прямыхъ обращеніяхъ къ царю, то передъ самимъ собою, въ своей частной библіотекѣ, онъ ужъ совершенно не могъ бы имѣть для этого никакихъ причинъ и основаній. Подпись на книгѣ, какъ удостовѣреніе и обезпеченіе собственности, ставится во всякомъ случаѣ настоящая, не вымышленная, а тѣмъ болѣе въ XVI-мъ вѣкѣ, когда всякая книга представляла рѣдкую и крупную цѣнность.

Такимъ образомъ, въ итогѣ изложенныхъ въ этой замѣткѣ данныхъ и соображеній, можно, кажется, вывести ясное и прочное заключеніе, что подлинность личности и

и „македонскаго образца" не было вовсе. Срвн. П. Савваитовъ, „Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и прч.", Спб. 1896, стр. 180—181.

имени Ивана Семенова сына Пересвѣтова, а также автентичность его сочиненій, не должны подлежать болѣе никакому сомнѣнію. Это, безъ сомнѣнія, *настоящее имя дѣйствительно жившаго въ половинѣ XVI-го вѣка русскаго писателя-публициста*, оставившаго весьма яркое и своеобразное, хотя и незначительное по объему, литературное наслѣдіе, подробная провѣрка и оцѣнка котораго, въ отношеніи его состава, содержанія и характера, составляетъ неотложную задачу нашей науки.

Ю. Яворскій.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Выпускъ I.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1907.

PRINTED IN RUSSIA.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XX, вып. 1-й.

Отдѣлъ I.

СТРАН.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1905 года по 27-е октября 1906 г., составленный Секретаремъ Общества *А. М. Лободою* 3

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Научно-историческая разработка матеріаловъ по исторіи Великой французской революціи.—*П. Н. Ардашева.* 13

Отдѣлъ II.

Плачъ Кіев. лавр. Іереміи XVIII-го в.—*И. М. Каманина.* 3

Отдѣлъ III.

Путешествіе Франа Гундулича въ 1655—56 г.г.—Сообщилъ *М. П. Петровскій.* 3

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 41

Отдѣлъ V.

О двухъ подложныхъ грамотахъ:—кн. Льва Галицкаго и гетмана Богдана Хмельницкаго.—*И. М. Каманина.* 3

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній“ по			2 р. 50 к	
„ VI-й	„	„	„ 3 „ 50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	„ 3 „	
„ VIII, X, XI	„	„	„ 2 „	
„ XII	„	„	„ 4 „	
„ XIV, вып. 1	„	„	„ 1 „ 25 „	каждая съ пересылкой.
„ — „ 2 и 3	„	„	„ 1 „ 40 „	
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)		„	„ 4 „ 50 „	
„ „ „ 4	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVII „ 1	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4	„	„	„ 1 „ 25 „	
„ XVIII „ 1 и 2	„	„	„ 1 „ 25 „	
„ „ „ 3 и 4	„	„	„ 2 „	
„ XIX „ 1—3	„	„	„ 1 „ 25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда“, 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт.“ (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт.“ съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Выпускъ II.

Изданъ подъ редакціею
Ю. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера. Пушкинская 20.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XX, вып. 2-й.

Отдѣлъ I.

(стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 12-го ноября 1906 г. по 25 февраля 1907 г. 19

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Значеніе А. Н. Веселовскаго въ разработкѣ исторіи русской литературы.—*А. М. Лободы* 19

А. Н. Веселовскій, какъ профессоръ и преподаватель.—*В. Н. Перетца* 27

О неизданномъ византійскомъ памятникѣ X в. по военнымъ древностямъ.—*Ю. А. Кулаковскаго* 30

Новые научные труды акад. Н. П. Кондакова по археологіи и искусству.—*В. Т. Георгіевскаго.* 33

Вопросъ о старостахъ на 4-лѣтнемъ сеймѣ (1788—1792 гг.). *В. И. Щербины* 36

О переселеніи полтавскихъ козаковъ на Черноморье и Тамань въ началѣ прошлаго столѣтія.—*И. Ф. Павловскаго* 37

Интересный юридическій обычай конца XI-го вѣка.—*П. В. Голубовскаго* 38

О происхожденіи острогожскаго полковника Саса.—*В. Е. Данилевича* 39

стран.

Археологическія изслѣдованія въ Курской губерніи.—*В. П. Каньшина* 40

Внѣшняя исторія Магдебургскаго права въ городахъ лѣвобережной Малороссіи послѣ присоединенія ея къ Россіи въ половинѣ XVII в. до конца XVIII.—*Д. И. Багалѣя* 47

Нѣсколько словъ въ память В. И. Модестова.—*Ю. А. Кулаковскаго* 49

Опытъ указанія параллелей къ „Плачу Ярославны".—*Н. П. Дашкевича* 50

Отдѣлъ II.

Былъ-ли московскій митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?—*П. П. Соколова* 23

Отдѣлъ III.

Казанье Мелетія Смотрицкого на честный погребъ о. Леонтія Карповича.—Сообщилъ *С. И. Масловъ* . . . 101

Отдѣлъ IV.

Новая гипотеза о происхожденіи такъ называемой Грюнвальдской пѣсни.—*Ю. А. Яворскаго* 3

Отдѣлъ V.

П. Ѳ. Кузмищевъ—корреспондентъ В. И. Даля.—*В. И. Саввы*. 13

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній"			по 2 р. 50 к	
„ VI-й	„	„	„ 3 „ 50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	„ 3 „	
„ VIII, X, XI	„	„	„ 2 „	
„ XII	„	„	„ 4 „	
„ XIV, вып. 1	„	„	„ 1 „ 25 „	каждая
„ —	„ 2 и 3 „	„	„ 1 „ 40 „	
„ XV,	„ 1, 2, 3 и 4	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVI,	„ 1—3 (Гог. сб.)		„ 4 „ 50 „	
„ „	„ 4 „	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVII	„ 1	„	„ 1 „ 50 „	
„ „	„ 2, 3 и 4	„	„ 1 „ 25 „	
„ XVIII	„ 1 и 2	„	„ 1 „ 25 „	
„ „	„ 3 и 4	„	„ 2 „	
„ XIX	„ 1—4	„	„ 1 „ 25 „	
„ XX	„ 1	„	„ 1 „ 25 „	

съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси". Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда", 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева" (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт." (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя", научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт." съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Ю. Кулаковскій.*

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцатая.

Выпускъ III.

Изданъ подъ редакціею
Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская 20.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XX, вып. 3-й.

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Еврейскіе источники для лѣтописныхъ сказаній о св. Владимірѣ и Рогнѣдѣ.—*Г. М. Бараца* 53

Научная дѣятельность А. И. Булгакова.—*В. З. Завитневича* 56

Историческій матеріализмъ.—*П. Н. Ардашева* 58

Дума объ Иванѣ Коновченкѣ.—*Н. П. Дашкевича*. . . 64

Къ исторіи галицко-русскаго фольклора XVIII в.—*Ю. А. Яворскаго* 65

Договоръ рады Вел. Княжества Литовскаго.—*М. В. Довнара-Запольскаго* 66

Е. Н. Дверницкій и А. А. Кочубинскій.—*А. А. Дмитріевскаго.* 69

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слова „изгой".—*А. І. Степовича* 70

О паломническихъ караванахъ въ Назаретъ на праздникъ Благовѣщенія.—*А. А. Дмитріевскаго* 76

стран.

Объ одномъ изъ эпизодовъ Тидрекъ-саги.—*И. В. Шаровольскаго* 80

О значеніи великой Московской смуты въ исторіи до-Петровской Руси.—*В. З. Завитневича* 81

Отдѣлъ II.

Памяти почетнаго члена Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, заслуженнаго ординарнаго профессора и академика, Николая Павловича Дашкевича († 20 января 1908 г.): 39

1) Рѣчь *Ю. А. Кулаковскаго* 42

2) „ *Т. Д. Флоринскаго* 45

3) „ *А. М. Лободы* 56

4) „ *И. В. Шаровольскаго* 60

5) „ *И. М. Каманина* 77

„Полтава" Пушкина.—*Н. П. Дашкевича* 83

Отдѣлъ III.

Текстъ „Казанья Мелетія Смотрицкого на честный погребъ о. Леонтія Карповича".—Сообщилъ *С. И. Масловъ* 121

Отдѣлъ V.

Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI-го вѣка—*Ю. А. Яворскаго* 52

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній" по 2 р. 50 к				
„ VI-й	„	„	„ 3 „ 50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	„ 3 „	
„ VIII, X, XI	„	„	„ 2 „	
„ XII	„	„	„ 4 „	
„ XIV, вып. 1	„	„	„ 1 „ 25 „	
„ — „ 2 и 3	„	„	„ 1 „ 40 „	
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4		„	„ 1 „ 50 „	
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)			„ 4 „ 50 „	
„ „ „ 4	„	„	„ 1 „ 50 „	
„ XVII „ 1		„	„ 1 „ 50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4	„		„ 1 „ 25 „	
„ XVIII „ 1 и 2		„	„ 1 „ 25 „	
„ „ „ 3 и 4	„		„ 2 „	
„ XIX „ 1—4		„	„ 1 „ 25 „	
„ XX „ 1—3		„	„ 1 „ 25 „	

каждая

съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси". Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда", 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева" (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт." (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя", научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт." съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Ю. Кулаковскій.*

3 2044 014 17

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED

CANCELLED
MAR 7 1992
MAR 7 1992
BOOK DUE